

**УВАРОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ-VII**

- 2011 -

ГУК ВО «Муромский историко-художественный музей»

Уваровские чтения-VII

СЕМЬЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы всероссийской научной конференции
Муром, 29 апреля-1 мая 2008 г.

Муром
2011

УДК 314.6+39+94
ББК 63.3(0)+60.56+63.5+74.9
У18

Редактор: Ю. М. Смирнов

Печатается по решению Ученого совета
ГУК ВО «Муромский историко-художественный музей»

У18   **Уваровские чтения—VII:** семья в традиционной культуре и современном мире: материалы всероссийской научной конференции. Муром. 29 апреля-1 мая 2008 г. / Муром. Историко-худож. музей; научн. редактор Ю. М. Смирнов. — Владимир: Транзит ИКС, 2011. — 385 с.: 49 ил., 36 табл. — Библиогр.: 1117 назв.
ISBN 978-5-8311-0531-5

Сборник включает доклады и сообщения, сделанные на седьмых Уваровских чтениях. Проблематика сборника связана с рассмотрением широкого круга вопросов, связанных с изучением исторических форм семьи; семейного быта, уклада, традиций; семейных обрядов и праздников; отношений родства; воспитания детей; проблем семьи; жилища, одежды, питания; семейных реликвий; династий и родословий; взаимоотношений семьи и местного сообщества; роли семьи в создании культурного пространства социума; а также истории г. Мурома и Муромского края. Сборник рассчитан на специалистов разного профиля, краеведов, студентов гуманитарных вузов.

УДК 314.6+39+94
ББК 63.3(0)+60.56+63.5+74.9

ISBN 978-5-8311-0531-5

© ГУК ВО «Муромский историко-художественный музей», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Смирнов Ю. М. (Муром) От редактора. Семья: период полураспада?	9
Буровский А. М. (Санкт-Петербург) Матриархат: легенды и реальность	14
Ташлыкова Н. Ю. (Москва) Развитие фамилистической проблематики в античный период	20
Федюнев С. П. (Сыктывкар) Семейно-брачные отношения в представлении Тертуллиана	25
Морозов М. А. (Санкт-Петербург) Византийская средневековая семья: идеал и реалии	28
Омельянчук С. В. (Владимир) Семейные отношения в Киевской Руси в дохристианский период	33
Ляпин Д. А. (Елец) Русская семья в XVII века: обычаи и традиции	37
Васина Т. А. (Ижевск) Опыт изучения типологии удмуртской православной сельской семьи конца XVIII века (на основе анализа духовной росписи 1795 года)	42
Коробейников А. В. (Ижевск) Гетеризм и брак у удмуртов: проблематика и корпус источников	46
Вишнякова Д. В. (Сыктывкар) Брачное поведение коми крестьян в XIX-начале XX веков	49
Апанасенок А. В. (Курск) Семья и община в провинциальном старообрядческом социуме XIX-начала XX веков (на материалах Центрального Черноземья)	56
Тихонов А. К. (Владимир) Иудейская семья в Российской империи в XIX веке: к проблеме взаимоотношения с властями	61
Канева Л. Я. (Сыктывкар) Этнодемографические процессы у коми-ижемцев (XIX-начало XX веков)	62
Чернай И. Л. (Бронницы) Системы оберегов поволжских средневековых финнов и их окружения	66
Ивакин В. Г. (Киев) Христианские погребальные памятники древнерусского Киева	74

Пуцко В. Г. (Калуга) Иконы русских аристократических семей XV-XVI веков в Троице-Сергиевом монастыре	76
Бусева-Давыдова И. Л. (Москва) Семейные иконы в русской культуре	80
Сухова О. А. (Муром) «Святые семейства». Особенности почитания муромских чудотворцев	88
Краюшкина Т. В. (Владивосток) Связь мотивов брачных отношений и телесных состояний (на примере русских народных волшебных сказок Сибири и Дальнего Востока)	99
Бузин В. С. (Санкт-Петербург) Традиционная семейная обрядность русского населения Тамбовщины	105
Аргудяева Ю. В. (Владивосток) Семья и семейный быт дальневосточных казаков	111
Синицына Е. В., Шустрова И. Ю. (Ярославль) Инновации в быту крестьянской семьи пореформенной России (по материалам Ярославской губернии)	117
Нуждина А. А., Шустрова И. Ю. (Ярославль) Конфликты и споры в русской крестьянской семье пореформенной России (по материалам волостных судов Ярославской и Костромской губерний)	121
Киприянова Н. В. (Владимир) Купеческая семья г. Владимира и ее предметно-бытовое окружение (конец XVIII-середина XIX веков)	126
Лопырева Т. А. (Курск) Образ жизни и быт курского купечества	133
Лернер Л. А. (Курск) Семиотика купеческого костюма XIX столетия	134
Кострикина О. А. (Ярославль) Повседневный досуг провинциального горожанина в первой половине XIX века (на примере малых и средних городов Ярославской губернии)	138
Тараненко С. П. (Киев) Стеклянная тара как зеркало быта киевоподольского мещанина XVIII-начала XX веков	142
Глазунов С. Р. (Владимир) Социальная функция промышленного предпринимательства в отношении рабочих семей во Владимирской губернии в XIX-начале XX веков	150

Думенко О. Е. (Тверь) Функционирование капитала в семьях осиротевших граждан в последней четверти XVIII века: к вопросу об источниках изучения проблемы	156
Осипова О. С. (Москва) Вопросы семьи и воспитания в памятниках общественной мысли Древней Руси X-XIII веков	158
Барашев М. А. (Владимир) Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII-начала XIX веков	165
Артамонова Л. М. (Самара) Мероприятия властей по созданию сельских школ в царствование Николая I и в период руководства С. С. Уварова Министерством народного просвещения (на материалах юго-востока Европейской России)	169
Амбарцумян К. Р. (Ставрополь) Современная отечественная историография о положении женщины в городской семье	174
Меньковский В. И. (Минск) История советской семьи 1930-х годов в исследованиях Ш. Фицпатрик	176
Хмельницкий Д. С. (Берлин) Леонид Сабсович или Кто придумал «обобществление быта»	180
Салова Ю. Г. (Ярославль) Съезды и конференции по дошкольному воспитанию 1920-х годов о роли семьи и коллектива в становлении личности ребенка	190
Глуценко Л. И. (Муром) Развитие общественного дошкольного воспитания в микрорайоне Вербовский округа Муром	195
Вербицкая О. М. (Москва) Женщины и дети в сельских семьях России (1930-1950-е годы)	199
Петаченко Г. А. (Минск) Быт советского студенчества (1920-е-начало 30-х годов)	205
Араловец Н. А. (Москва) Трансформация семейных ценностей российского городского населения, XX веке	208
Чернышов С. В. (Брянск) Формирование семейных ценностей (по материалам полевых исследований на территории Калужской и Брянской области в 2003-2007 годах)	214

Сазонова Е. И. (Муром) «Канонические» сюжеты из жизни советских людей (по материалам фотоархивов жителей Мурома)	217
Фаузер В. В. (Сыктывкар) Брачное состояние как фактор оценки социально-экономических явлений общества	223
Чернышов С. В. (Брянск) Молодая семья как объект социальной работы: к постановке проблемы	231
Тришкин Б. В. (Брянск) Фактор семьи в формировании здоровья подрастающих поколений	237
Будюкин Д. А. (Липецк) Родовая сакральность как фактор конструирования аристократической идентичности	240
Аверьянов К. А. (Москва) Муромские князья XIV века	242
Шиман Н. Б. (Суздаль) Ярослав Всеволодович и его семья. Статистические показатели на материале летописных сводов	246
Алексеева М. В. (Санкт-Петербург) Виттельсбахи в раннее новое время: династическая практика и самосознание ...	251
Таскаев М. В. (Сыктывкар) Династия Таскаевых из коми села Ыб: с XVI до начала XXI веков	255
Гарина Р. Г. (Вязники) Представители вязниковских купеческих и мещанских семей в традиционной культуре и современном мире	261
Лебедева А. М. (Александров) Семейные отношения в роду Первушиных—Семеновых—Годовкиных (на основе изучения семейных писем конца XIX-начала XX веков)	264
Суслина О. Н. (Владимир) Купеческая семья Столетовых в дневниках детей Александра и Анны	269
Жеребцов И. Л. (Сыктывкар) Из истории рода Еловых	274
Жеребцов И. Л., Лейман И. И. (Сыктывкар) Происхождение сыктывкарского рода Жеребцовых	277

Насонова Н. В. (Москва) Купцы Гундобины из Мурома и их потомки.....	280
Керзум А. П. (Санкт-Петербург) Род предпринимателей Печаткиных и их потомков в историческом контексте: к проблеме муромских связей	284
Сорокоумова Е. А. (Москва) Семья князей Звенигородских	287
Подурец А. М. (Саров) История семьи Лобисов, помещиков Ардатовского уезда Нижегородской губернии	293
Киселев А. Г. (Нижний Новгород) О новых материалах к истории выксунских горнозаводских династий: Горностаевы	297
Рябова С. Н. (Петушки) Семья Архиповых и Норкинская школа грамоты (Покровский уезд Владимирской губернии)	298
Костоправов Р. О. (Владимир) К вопросу о роли политики киевского князя Владимира Святославича в развитии Муромской земли в конце X-первой четверти XI веков	302
Смирнов Ю. М. (Муром) Вероятность реконструкции и реконструкция вероятности (об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома)	308
Смирнов Ю. Н. (Самара) Беглые из Муромского и других уездов Владимирской земли и остальной России на начальном этапе комплектования Оренбургского казачьего войска в конце 1730-х годов	319
Ершов В. Е. (Муром) Структура и состояние поместных землевладений в Муромском уезде в первой трети XVII века	326
Смирнов Ю. М. (Муром) О выделке кож в Муроме	330
Васильченко Е. А. (Муром) Книги из библиотеки Муромского духовного училища в собрании Муромского музея	338

Зин Н. В. (Владимир)

Состояние приходов Владимирской епархии
к началу Великой Отечественной войны..... 342

Зворыкин В. К.

Ранние годы: 1889-1906

Публикация и примечания Е. А. Субботиной (Муром)..... 345

Смирнов М. Ю., Шур П. А. (Санкт-Петербург)

«Черное пятно» на голубом экране:

легенды и мифы отечественного телевидения

(Судьба изобретения В. К. Зворыкина в СССР)..... 352

Купряшина Т. Б. (Муром)

Муромский музей: проектирование на тему семьи 356

Мельник А. Г. (Ростов)

Иконостас Рождественской церкви ростовского Рождественского монастыря.... 360

Список сокращений.....365

Именной указатель.....366

От редактора

СЕМЬЯ: ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА?

Она выпила «Дюрсо», а я «Перцовую»
За советскую семью образцовую.

А. Галич

Еще несколько десятилетий назад демографы, в основном, западные, обратили внимание на то, что во второй половине XX века во многих регионах мира повысилась динамика изменения типов семьи. Наряду с традиционными, изученными и кодифицированными формами брака, стали появляться разнообразные девиантные варианты сожительства, недвусмысленно, а иногда и агрессивно заявляющие свои права на юридическое признание своего существования. В целом западное общество реагировало на это довольно спокойно, хотя, конечно, имели место и радикальные суждения. В некоторых случаях и государствах такие права были обретенны, например, гомосексуальными семьями.

Российское общество с подобной проблемой столкнулось — или, во всяком случае, обозначила ее — несколько позднее: в постперестроечный период. В это сложное для науки время серьезное изучение процесса было практически невозможно. Зато открылась широкая дорога политикам всех мастей, солидно называвших себя политологами и занимавшихся в основном черным пиаром. С их-то легкой руки и вспорхнул лозунг о кризисе семьи, с удовольствием подхваченный масс-медиа, поскольку был в равной степени приемлем для популистских прокламаций любых партий и течений.

Перспективы развития семьи пресса рисовала самые разнообразные. Например, на вопрос «Какие изменения претерпят в будущем отношения между мужчиной и женщиной», респонденты ответили так. Депутат Госдумы от ЛДПР А. Митрофанов считал, что «семья не сохранится в нынешнем виде. В большом городе трудно добиться устойчивой семьи. Будет многообразие форм семейных отношений. Появятся приходящие мужья, раз в неделю будут встречаться с женами — по пятницам. Все больше значения приобретет виртуальный секс». Экономист М. Делягин полагал обратное: «Семья упрочится. Культура семейной жизни (в том числе психологическая) сильно повысится. Брачные контракты распространения не получат (за исключением богатой части общества). При разводе родителей государство будет защищать интересы детей». Профессор А. Беляев прогнозировал, что в перспективе «отношения между мужчиной и женщиной перейдут в разряд менее доминирующих. Семья сохранится, но в различных формах, и уйдет еще дальше от патриархальных тенденций». Писатель М. Арбатова, известный деятель феминистического движения, предполагала, что «сексуальные отношения между полами мало поддаются переменам. Меняются только социальные роли. В этом смысле женщины станут составлять половину в эшелонах власти и прочих престижных сферах, а мужчины — половину домохозяинов и нянь. Семья сохранится, но ровно настолько, насколько она нужна именно паре, из которой она состоит. А желание государства или общества диктовать ей правильную модель уже не сможет быть услышано»¹. В этих разнообразных точках зрения есть нечто общее: ни один из респондентов не видит в будущем семьи стабильности формы, все говорят о назревших изменениях семейных отношений.

При том, что в современном мире выделяется сто шестнадцать типов семей, под перекрестный огонь отечественной прессы попали наиболее ярко проявившихся тринадцать типов. В первую очередь, конечно, обсуждались проблемы традиционной нуклеарной семьи — в том виде, в каком она дошла до наших дней — близкие и знакомые большинству читателей. Одна из проблем, порожденная, на взгляд большинства авторов, диспропорцией количественного соотношения мужчин и женщин, породила семьи, в которых один муж живет с несколькими женами. Однако обратная ситуация — одна жена и несколько мужей — объяснения не получила. Достаточно спокойно оцениваются так называемые «пробные браки» или «сожительство», незарегистрированный брак, в массовой культуре получивший почему-то название «гражданского». Характерно, что в таких парах термины «муж» и «жена» заменяются на «подругу» и «друга».

Увеличилось количество «неравных браков», в которых муж и жена имеют большую разницу в возрасте, причем в этом секторе заметно стремление к росту числа пар, в которых женщина намного старше мужчины. В обеспеченных слоях населения все больше распространяется брак по контракту, в котором можно выделить две тенденции: а) превентивную попытку избежать болезненного бракоразводного процесса в случае распада семьи и обеспечить экономическое благосостояние отторгнутой половины; б) создать представительскую форму брака, в которой каждая из сторон имеет заинтересованность в другой стороне и по соглашению обязана выполнять определенный набор правил по отношению друг к другу. К этому же типу примыкают семьи из менее обеспеченных слоев, в которых муж и жена живут на одной территории, но имеют отдельный бюджет

и каждый из них ведет отдельное хозяйство.

Все большее распространение получают так называемые «гостевые семьи». В них супруги живут на разных территориях, иногда даже в разных городах и странах, периодически навещая друг друга. Появились также семьи «child free», концептуально отрицающие необходимость иметь детей. «Принципиальное нежелание иметь детей, даже если возможность рожать есть, к нам пришло с Запада... Приверженцы чайлдфри не желают рожать, чтобы иметь больше свободного времени, не связывать себя финансовыми и иными обязательствами, не менять привычного образа жизни»².

Заявляют свои права на официальное признание гомосексуальные семьи и семьи трансвеститов. Особо следует обозначить позицию антисексуалов — лиц, отрицающих сексуальную жизнь вообще и, следовательно, необходимость существования семьи в частности. По формальным и фактическим признакам эту группу семей назвать нельзя, но, тем не менее, ее позицию по отношению к «основной ячейке общества» следует принимать во внимание. Строго говоря, к отдельному типу по этим таксономическим признакам нельзя отнести и социально неблагополучные семьи, однако они также порождают девиантные формы семейных институтов и оказывают разрушающее воздействие на институт семьи в целом. Своеобразные семейные институты выстраиваются в неполных и подростковых семьях.

Вот такую многокрасочную картину семейной жизни — и это без учета этнических и специфически местных особенностей — рисуют средства массовой информации в России. Однако практически всем этим «новым» картинкам можно найти параллели и прототипы и в истории России, и в истории других стран.

Сведения о девиантных семьях по нарастающей сообщались в различных изданиях, теле- и радиопрограммах, зачастую с их полярными оценками. Анализ ситуации, если предпринимался, то только с политических позиций. Наиболее удобно его было использовать против тех, кто стоял у истоков перестройки. Должен оговориться, что в данном случае я не даю никаких политических оценок. Кризис действительно имел и имеет место (один из показателей — резко увеличившееся количество беспризорных детей). Однако начался он задолго до перестройки. Перестройка лишь ускорила процесс его проявления, обострив те процессы, которые происходили в советской семье на протяжении XX века. В этом смысле показательна мысль, уже давно высказанная Л. Морганом: «Семья представляет собою активный элемент; она никогда не стоит на месте, а движется от низшей формы к высшей, по мере того, как общество развивается от низшей ступени к высшей»³. Весьма характерно, что апологет православного брака Т. Барсов в последней четверти XIX в. отстаивавший запреты на развод, также писал: «Из всех установлений человеческого общежития брак есть самое подвижное и разнообразное в том отношении, что оно никогда не поддается формальным предписаниям юридического закона, но всегда бывает разнообразнее и как бы прихотливее требований и разрешений последнего»⁴. Если принять эти постулаты за абсолют, то современный кризис — явление, свидетельствующее о переходе общества к новой ступени развития. Однако перестроечный хаос, в котором общество одновременно двигалось в разные стороны, буквально разорвал существовавшие представления о семье и семейных ценностях. Сопrotивляться ему, сохраняя при этом константные формы, семья не смогла, на что есть свои причины.

К перестройке советская семья, которую партия и правительство железной рукой пытались сделать образцовой, подошла, уже будучи изрядно изуродованной изнутри, хотя внешне благообразность еще как-то удавалось сохранять.

Для института российской семьи весь XX век стал временем тяжелых потрясений. Собственно, посягательства на патриархальный семейный уклад начались гораздо ранее. Первый мощный удар по «Домострою» принято связывать с преобразованиями Петра I, с его оценкой личности не по знатности рода, а по деловым качествам; новой системой образования и воспитания; ассамблеями, положившими конец затворничеству женщин; непризнанием патриархальных авторитетов и пр. И, хотя об этом в свое время писали много и с удовольствием, в памяти общества этот процесс сохранился как антология невероятного количества курьезов и анекдотов, а потому не оставил по себе ощущения кризиса. Однако изменения в семейном укладе начали происходить раньше. Даже официальное издание «Трехсотлетие дома Романовых» признавало: «Хотя детство Алексея Михайловича протекло обычным путем, на старинный московский лад, в теремах, под надзором нянек и мамок, но при обучении царевича уже *сказалось влияние духа времени* (курсив мой. — Ю. С.)»⁵.

Екатерина II в воспитании видела «корень всему добру и злу», придавая образованию воспитательное значение. «Способом воспитания» она намеревалась «произвести... так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей». Под руководством опытных воспитателей этим должны были заняться училища, в которых учащиеся полностью изолировались от семьи. Это и было осуществлено в Петербургском и Московском Воспитательных домах, в закрытых институтах для девиц дворян и горожан, в кадетских корпусах⁶. В высшие круги общества XVIII век привнес и модную новинку — адюльтер. В Западной Европе, не без влияния которой эта новинка появилась в России, «любовная связь становится в эту эпоху договором, не предполагающим постоянных обязательств: его можно разорвать в любой момент... Этот везде распространенный поверхностный взгляд на чувство

любви привел в своем развитии с логической неизбежностью к сознательному упразднению высшей логики любви — деторождения. Мужчина уже не хотел больше производить, женщина не хотела больше быть матерью, все хотели лишь наслаждаться. Дети — высшая санкция половой жизни — были провозглашены несчастием. Бездетность, еще в XVII в. считавшаяся карой небесной, теперь многими воспринималась, напротив, как милость свыше. Во всяком случае, многодетность казалась в XVIII в. позором. И эта мораль господствовала не только в верхах общества, а проникала в значительную часть среднего бюргерства, и притом во всех странах. Значительную роль здесь играл, впрочем, и другой фактор: содержать многих детей становилось в эту эпоху... для все большего числа семейств непосильной роскошью»⁷.

В России брак находился как бы под двойной юрисдикцией — церкви и государства. Вопросы заключения и расторжения (последнее разрешалось крайне редко) брака были в религиозном ведении; экономические и правовые аспекты курировало светское законодательство. XIX век с его развивающимися секулярными требованиями поставил вопрос и о разрешении разводов. «Слышатся не только жалобы, но и негодование на существующее запрещение как на неуместное стеснение естественных прав и нравственной свободы человека», — писал современник⁸. В Соединенных Штатах в это время происходило до миллиона разводов в год, а в двух с половиной миллионах случаев суд отклонял иск о разводе. Тогда это явление оценивали скорее как положительное, связывая его с явным ростом самостоятельности женщины⁹.

Проблема эмансипации женщины, — а эмансипация, как это ни парадоксально, возникла в западных монастырях и возникла гораздо раньше, чем о ней заговорило бюргерство¹⁰, — существовала и в России, и озабочены ей были не одни суфражистки. Вот как касается этого вопроса П. С. Уварова: «Муж высоко ценил роль жены и матери в доме и вообще роль женщины в обществе, и потому я не могла не воодушевиться его идеалами, и потому я предана всем интересам дворянства и земства больше и настойчивее, чем это обыкновенно встречается среди наших дам. Это мое увлечение делами общественными имело влияние и на всю семью»¹¹. Она же приводит иную точку зрения, высказанную Ю. Ф. Самариным в Московском губернском собрании: «Он принципиально восставал против желательности выдвинуть женщину на политическую деятельность; он пугал мыслью, что девушки, призванные в молодых годах на деятельность, отрывающую их от родной семьи, никогда не захотят и не смогут более быть хорошей супругой и матерью; свободомыслие же, которого женщина наберется вдали от семьи и домашней жизни, послужит опасной для нее заразой»¹².

Развитие капитализма в России нанесло мощный удар по патриархальной крестьянской семье. Значительный отток сельского мужского населения в города приводил к тому, что в городах многие мужчины заводили новые семьи, а старые или бросали, или жили на две семьи. Еще большим потрясением оказались перипетии Первой мировой войны: впервые, пожалуй, Россия испытала такие массовые миграции и впервые понесла такой значительный урон в населении, неизбежно повлиявшие на положение семьи. Первая мировая усилиями большевиков главно перетекла в революцию и затем в гражданскую войну. Раскол страны на два непримиримых лагеря с неизбежностью повлек за собой раскол многих семей, которые зачастую против своей воли оказались захваченными политической стихией. Но, несмотря на все потери лихолетья — физические и моральные — политика молодого советского государства нанесла семье несравнимо больший урон.

Волна вынужденной эмиграции прекратила многие семейные связи, поскольку государство создало такие условия, при которых даже переписка между родственниками, живущими по разные стороны границы, стала смертельно опасной для оставшихся в СССР. Отмена сословий, которая, казалось бы, должна была привести к демократизации общества, на деле создала новые социальные ограничения. Кому-то даже приходилось отказываться от фамильного имени. Из-за этих ограничений юноши из дворянских семей оказались в сложной брачной ситуации: выбирать невесту из своего круга они не могли, опасаясь репрессивных санкций власти, а брак с представительницами иных сословий не устраивал ни тех, ни других. Иное дело «благородные барышни» — спрос на них был велик. Их с удовольствием брали замуж новые чиновники и функционеры, которые, в основном, имели, по дореволюционной терминологии, «низкое» происхождение. На такие браки даже сложилась своеобразная советско-партийная мода.

Пресловутый «квартирный вопрос», не решенный до сих пор, также не способствовал созданию устойчивого института семьи. Попытка решить его за счет того слоя населения, который имел квартиры — выселяя и «уплотняя» — с одной стороны только привела к созданию уродливой формы коммунального быта. С другой — результаты обследования рабочих жилищ, проведенного в Москве в 1922 году, показали, что «богатые дома со вселенными в них мелкими жильцами» и типичные для них «большие и роскошные комнаты», заселенные по «коммунальному» типу, плохо приспособлены для проживания рабочих семей и в том числе детей¹³.

Что касается детей, то предполагалось вообще освободить от них семью, сделав их «собственностью государства». Все расходы по их содержанию и воспитанию государство должно было взять на себя. Те игры и игрушки, в которых советская педология усматривала подготовку к семейной жизни, были запрещены¹⁴. (Невольно вспоминается высказывание одного из известных педагогов, что семья прекратила свое существование, как только появился

первый детский сад). Не способствовала укреплению семьи и теория «обобщественного быта». В популярно-пропагандистской форме основы этой теории изложены в комментариях муромской газеты «Красный Луч» по поводу жалоб некоего «рабочего-ленинца» на свою семейную жизнь: «Живу я вот уже 3 года со своей женой, но... я не находил тех приятных дней, которые желал когда-то получить... Возьмем хотя бы наше семейное хозяйство, — скажешь ей, что шить или постирать надо, а она отвечает: — мне времени нет. Хошь сам шей или стирай, иль нанимай... Но все это мелочи, — есть причины крупнее и серьезнее. Я вступил в партию Р.К.П. — вот тут-то еще больше пошли раздоры, пошли попреки за партию. Пробовал я убеждать свою жену... но ничего не выходит, — выход один — за ним я и обращаюсь к „Красному Лучу“. Осветите мою жизнь, дайте мне свега — укажите мне выход, так как моя жизнь будет настоящей жизнью, когда я буду выход иметь. Но всего тяжелей мне — расстаться с партией, с ней я не могу расстаться».

«Брак, прежде всего, дело частное, — отвечает газета, — брак — это договор 2-х: и мужчины, и женщины, которые сходятся на началах любви, дружбы и добровольности для совместной жизни. Нарушается дружба, нарушается любовь — брак... исчезает... Достаточно одного заявления с подписями обеих сторон в загс, где зарегистрирован брак, и он будет расторгнут. Нет согласия с какой-либо стороны, но есть желание к разводу с другой — подается заявление в Нарсуд и последний безо всяких должен произвести расторжение брака. Никто не имеет права в С. С. С. Р. превращать брак в оковы рабства. Брак в С. С. С. Р. построен на основах добровольного сожительства... Какая же совместная жизнь мыслима, если люди не выносят друг друга, не могут ужиться друг с другом?... Такой жизни быть не должно, даже в том случае, если есть дети... Следовало бы остающегося ребенка (ребят) отбирать у разводящихся (здесь бы никто бы обижен не был) и помещать в детские дома, взимая на его (их) воспитание известные суммы и с отца, и с матери. Ребенок находился бы в самых надежных руках, руках государства, а родители, помогая его воспитывать, могли бы спокойно устроить свою личную жизнь, но для этого нужны детские дома, а их у нас очень мало. Надо усилить строительство детдомов, общественных столовых, прачешных, надо облегчить положение женщин, вырвав из ее рук ухват, горшки и корыто и дав ей лучшую долю — участия в общественной работе, потому что чаще всего все истории с разводами начинаются и построены именно на этом»¹⁵.

Такая политика по отношению к семье была продиктована не заботой об «основной ячейке общества», а стремлением высвободить как можно больше рабочих рук — в первую очередь, женских — для общественного производства. Однако, что греха таить, в реальности широко использовался и детский труд, особенно во время войны¹⁶. Для сравнения: «только после поражения под Сталинградом... 13 января 1943 года в Германии была объявлена так называемая тотальная мобилизация. Но заключалась она не в мобилизации как таковой, а в регистрации для работ военного назначения мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин в возрасте от 17 до 45 лет. Тем не менее, несмотря на серьезное положение на фронтах Германии, женский труд в германской промышленности до 1944 года практически не использовался, равно как и детский, так как считалось, что это разлагает семью и плохо сказывается на моральном состоянии мужчин, находившихся в армии (курсив мой. — Ю. С.). Женский и детский труд в Германии частично компенсировался трудом иностранных рабочих, которых к весне 1943 года в германской промышленности насчитывалось 6 259 900 человек. Таким образом, если советская промышленность с первого до последнего дня войны работала на износ и все здоровые мужчины были мобилизованы в армию, а нездоровые, подростки и старики — в ополчение, Германия только в 1943-1944 годах, под влиянием поражения под Сталинградом и бомбардировок союзниками германских городов, стала относиться к войне серьезно»¹⁷. В Советском Союзе нехватка рабочих рук уже до войны стала восполняться трудом заключенных, якобы «классовых врагов», которых в изобилии поставляли карающие органы пролетариата. Репрессии не только исключали из брачного процесса значительную часть населения репродуктивного возраста, наносили огромные невосполнимые людские потери, но разбивали и калечили семьи: родители публично отказывались от детей, а дети от родителей.

Освоение новых территорий, в частности, Дальнего Востока, внесло свою лепту в семейные институты, вызвав отток туда юношей и молодых мужчин. Поэтому был брошен клич: «Девушки — на Дальний Восток!» Формировались целые женские эшелоны. Очевидцы рассказывают, что на станции назначения девушек ждали толпы мужчин. Расхватывали всех подряд и растаскивали по баракам. На перроне возникали драки — кому-то не хватало женщин. Это, конечно, ни в какое сравнение не идет с суворовскими браками «по ранжиру». Однако постоянного населения на Дальнем Востоке так и не сложилось, там существует проточная миграция¹⁸.

Урон, который нанесла семье Великая Отечественная война, нашим обществом до сих пор не оценен в полной мере. И дело не только в людских потерях, утрате генофонда. К этому времени политика государства по отношению к семье изменилась: хотя общественное все еще превалировало над частным, но семья уже считалась «основной социальной ячейкой общества». На время войны действовала установка, которая описывается словами К. Симонова — «жди меня». В Красной Армии отпуска солдаты получали в лучшем случае лишь по ранению, тогда как в армии вермахта отпуска для фронтовиков сохранялись и тогда, когда советские войска стояли уже у стен

Берлина. Однако психологи отмечают резкое повышение сексуальных потребностей у воюющих мужчин. Поэтому возник институт временных браков, так называемых ППЖ — «полевых походных жен». Для удовлетворения сексуальных потребностей солдат были созданы специальные женские команды, скрытые под названием «банно-прачечные поезда». Для фронтовых офицеров была предпринята попытка создать специальный дом отдыха под Москвой, но это была капля в море. Просуществовал он несколько месяцев, т. к. отбывавшие после отдыха на фронт офицеры увозили с собой персонал как ППЖ.

С переходом границы Польши в армии резко увеличилось количество заболевших гонореей. По некоторым данным, временами чуть ли не три четверти личного состава были заражены ей, поскольку на своей территории сексуальная активность солдат сдерживалась, с переходом на чужую, несмотря на все запреты, произошло выплеск.

В советское время мощным механизмом сохранения семьи являлись партком и профсоюзы. Многие разводы были предотвращены именно этими организациями, т. к. развод и повторный брак рассматривались как изъяны в моральном облике строителя коммунизма. Развод зачастую стоил человеку продвижения по карьерной лестнице, лишения заграничных командировок и т. п. Повторные браки в эшелонах высшей власти старательно скрывались от народа (как, например, у Ю. В. Андропова). Зато широко обсуждаемые повторные браки наиболее видных инакомыслящих деятелей служили средством создания их отрицательных характеристик, «бездны морального падения» (А. Сахаров).

Еще одно потрясение семье нанесла сексуальная революция, которая в России произошла на четверть века позже, чем в странах Запада, — во второй половине восьмидесятых. Сексуальные потребности теперь могли быть реализованы вне семьи и с большим разнообразием, поскольку в моногамной семье значительно существуют ограничения на сексуальных партнеров. Относительно моногамии речь, прежде всего, идет о мужских интересах, поскольку сексуальные интересы женщин во многих культурах, считавших себя «высокими», ставились под сомнение (ср.: Рим; мусульманская традиция — обсуждение улемами вопроса о том, имеет ли женщина право на сексуальное удовлетворение, т. к. она существо без души; в России XIX в. женщинам из высшего общества считалось неприличным быть страстной и, тем более, достигать оргазма даже с мужем; отсюда — трагедии страстных адюльтеров, известные нам по художественной литературе, любовная горячка — обыкновенный застойный простатит).

Сексуальная жизнь и сексуальные потребности становятся самостоятельным предметом научного изучения. В обиходе появляются широко распространенные термины «сексуальные партнеры», «секс». Последний ментально подразделяется на «продажную любовь», секс с партнером для удовольствия, любовь, секс в браке. Распространение контрацептивов и повышение их качества приводит ко все более оценочному разделению акта сексуального удовлетворения и акта воспроизводства. Это и еще ряд причин ведет к тому, что роль семьи в удовлетворении сексуальных потребностей снижается («В СССР секса нет!»).

Таким образом, даже беглый экскурс в историю семьи показывает, что с некоторой условностью можно сказать: идеализация «традиционного брака» в обыденном общественном сознании — это придание преувеличенного значения (иногда абсолютизация) некоторым чертам форм брака предыдущих эпох.

Ю. М. Смирнов

¹ Двадцать лет спустя. Футуристический прогноз от известных персон // Труд-7. — № 242 (25170). — 28 декабря 2006 г. — 10 января 2007 г. — С. 2-3.

² Маринин А. Жертвы аборта. Что стоит за новомодным движением «борцов с детьми»? // Труд-7. — 2006. — 6 июля. — С. 12.

³ Цит. по: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1932. — С. 30.

⁴ Барсов Т. О последствиях расторжения брака в случае прелюбодеяния. — СПб., 1882. — С. 14.

⁵ Трехсотлетие Дома Романовых. 1613-1913: Репринтное воспроизведение юбилейного издания 1913 года. — М., 1991. — С. 25.

⁶ См.: там же. — С. 239.

⁷ Фукс Э. История нравов. — Смоленск, 2007. — С. 292-293.

⁸ Барсов Т. Указ. соч. — С. 1.

⁹ Фукс Э. Указ. соч. — С. 544.

¹⁰ Там же. — С. 123.

¹¹ «Не посрамлю имени чиста» / Публ. Н. Стрижовой // Мир женщины. — 1997. — № 11. — С. 32.

¹² Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. — М., 2005. — С. 98.

¹³ Покровская А. Домашняя жизнь московских детей // Вестник просвещения. — 1922. — № 1. — С. 14. Цит. по: Сальникова А. Безглазая кукла и папин револьвер: ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи // Теория моды. — 2006. — Вып. 8. — С. 127.

¹⁴ См., например: Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. «Игра в куклы»: этнография и идеология (на материалах Муромского района // Рождественский сборник. — Ковров, 2009. — Вып. XVI. — С. 124-133.

¹⁵ Красный Луч. — 1924. — № 158 (931). — С. 2

¹⁶ Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. Указ. соч.

¹⁷ Фильштинский Ю. Читая книги «Ледокол» и «День-М» Виктора Суворова // Правда Виктора Суворова. — М., 2006. — С. 150.

¹⁸ См., например: Пыкова А. А. Граница как условие идентификации: к проблеме социокультурной идентичности в маргинальном пространстве Дальнего Востока // Уваровские чтения-VI. — Муром, 2009. — С. 125.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ КАЗАКОВ

Казачьи землепроходцы появились в Приамурье в середине XVII в., создав здесь ряд острогов. Они, и пришедшие вслед за ними крестьяне, занимаясь хлебопашеством, уже в последней четверти XVII в. снабжали хлебом Забайкалье и частично Восточную Сибирь¹. Однако закрепление русского населения в этом регионе не устраивало претендовавший на пограничные с Маньчжурией земли Китай. Военные действия со стороны Маньчжурии привели к тому, что русские были вынуждены оставить приамурские земли.

Продвижение русских в бассейн р. Амура возобновилось в середине XIX в. К этому времени в дальневосточном регионе обострилась геополитическая и социально-экономическая обстановка. После завершения Крымской войны над Дальним Востоком нависла опасность англо-французской экспансии. Возникла объективная необходимость и возможность (в связи с открытиями Г. И. Невельского) воссоединить Приамурье с Россией. В этих целях в восточных пределах России формируется Забайкальское казачье войско, из которого формируется дальневосточное казачество — создаются Амурское (1858) и Уссурийское (1889) казачьи войска, занимавшие территорию по левобережью р. Амура, правобережью р. Усури, побережью оз. Ханка и далее на юг до границы с Кореей.

Основной состав дальневосточных казачьих войск второй половины XIX в. — забайкальские казаки. В конце XIX—начале XX вв. на Дальний Восток прибыли группы терских, оренбургских, кубанских, донских казаков. Переселенческая политика в отношении казаков, осуществлявшаяся планомерно-принудительными мерами, дала гетерогенный этносоциальный состав Амурского и Уссурийского казачества. Основу его составлял восточнославянский, преимущественно русско-украинский, состав, куда входили переселенцы из Забайкальского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Донского войск, сложных, в свою очередь, по этническому составу. Выходцы из Забайкалья принесли и бурятско-тунгусский компонент, поскольку забайкальские казаки — потомки русских казаков XVII в., бравших в жены бурятских и эвенкийских женщин. Разнородный социальный состав дальневосточного казачества сформировался в результате причисления к казачьему сословию крестьян и штрафованных солдат — выходцев из разных губерний России.

Выходцы из различных этнических и социальных слоев привнесли в культуру дальневосточных казаков свои хозяйственные традиции, обычаи, обряды, особенности семейно-бытового уклада. Процесс адаптации к новой среде жизнедеятельности, к иным природно-климатическим и социально-экономическим условиям отчасти ослабил определенные традиции, одновременно сохранив основу «материнской» культуры. И, хотя на-

личие больших массивов свободных земель, обилие таежных и речных угодий послужили естественной материальной основой для создания многоотраслевого хозяйства и специфического семейно-бытового уклада, большая удаленность от центра страны при отсутствии развитых коммуникаций создавала некоторую изолированность дальневосточного казачьего населения от европейской российской цивилизации. В то же время, формируясь в довольно короткие сроки, хозяйственно-бытовой уклад носил эклектический характер с сохранением общинного землевладения и землепользования, обязательности выполнения определенных повинностей, наличия сословных привилегий, определенную ориентацию на товарное производство.

Таким образом, в 60-90-х гг. XIX в. система жизнеобеспечения дальневосточного казачества представляла собой комплекс, сложившийся под влиянием определенных геополитических, природно-экологических, экономических, демографических факторов, ставших основными условиями для формирования хозяйственного и семейно-бытового потенциала этой части населения на востоке России.

Особенно сложной была ситуация у первых групп казаков-переселенцев, прибывших на Амур и Усури из Забайкалья. Казаки могли создавать свои поселения только в местах, обозначенных военным начальством, которое руководствовалось административной необходимостью устраивать казачьи поселки и станицы на расстоянии почтового перегона. Пригодность выбранного места для организации казачьего поселения (наличие вблизи строевого леса, лугов для пастбищ, свободных от кустарников земель, периодичность затопления этих мест во время частых наводнений, возможность транспортного сообщения и др.) не учитывалась. Запланированного на добровольной основе переселения забайкальских казаков не получилось, их пришлось назначать по жребию. Замена вытянувшего жребий другим казаком, который должен был быть непременно женатым и иметь крепкое здоровье, привела к тому, что в дальневосточный край пошли преимущественно бедные казаки, получившие определенную плату от зажиточного казака, не пожелавшего после жеребьевки идти «на Амур». И, хотя переселение осуществлялось на государственный счет (строительство транспортных средств — барж, плашкоутов, плотов; выдача пособия и провианта до первого сбора самостоятельно выращенного урожая — мяса, муки, крупы и др.; снабжение лошадьми и хозяйственными орудиями), было еще много личных и хозяйственных предметов, необходимых в повседневном быту (одежда, обувь, утварь, хозяйственный инвентарь и др.). Если последнее превышало размеры веса груза, разрешенного переправлять за счет казны, то эту часть хозяйственного скарба можно было

переправлять только на плавсредствах, построенных за свой счет. К тому же размеры и этой части имущества были ограничены, в результате чего хозяин-казак вынужден был значительную часть предметов хозяйствования и обихода оставить родственникам или обществу.

На первом этапе переселения забайкальских казаков и приписанных к ним штрафованных солдат на Амур и Уссури (1855-1862) туда прибыло 16,4 тыс. чел., основавших 96 станиц и поселков, в т. ч. 67 — на территории Амурской области и 29 — в Приморье². Из этой части населения сформировалось Амурское казачье войско. В 1879 г., когда возникла необходимость быстрее хозяйственного освоения малозаселенного Южного Приморья и обеспечения его пограничной охраной, был осуществлен второй этап переселения казаков. Примерно половина казаков (более двух с половиной тыс.), проживавших на Уссури, была переселена на русско-китайскую границу в Южно-Уссурийский край. Они образовали десять новых поселков, что позволило в 1889 г. сформировать из этого казачьего населения Уссурийское казачье войско. Третий этап казачьего переселения в восточные регионы страны начинается в 1895 г. и завершается в первые годы XX в. В этот период дальневосточное казачество лишь в незначительной степени пополнялось за счет забайкальцев. В основном это были казаки с Дона, Оренбуржья, Кубани, Урала, Терека.

Особенно сложной была адаптация первых переселенческих групп казаков. Те из них, кто был поселен в верховьях р. Амура, где природные условия были близки к экологии Забайкалья, и созданные казачьи поселки были расположены сравнительно недалеко от прежнего места жительства, сумели перевести основную часть своего имущества. Хуже складывалась жизнь у первопоселенцев на среднем Амуре и Уссури, где природно-климатические условия значительно отличались от «материнской» территории. Частые наводнения; обилие оводов, мошки и комаров, донимавших людей и домашний скот; ручная раскорчевка земли под пашни; плохое транспортное сообщение и снабжение необходимыми в хозяйстве товарами; отсутствие медицинского обслуживания и др. причины отрицательно повлияли на хозяйственно-бытовой и демографический потенциал.

Вот как обустраивались, к примеру, казаки-переселенцы на р. Уссури. Их переселение началось в 1858 г. по жеребьевке, т. е. в принудительном порядке. Это «поставило народ в великую печаль... но жеребка была; тяжело было следовать к месту жеребки... кто получил жребий на Уссуру были в безумии... и горе»³. По воспоминаниям очевидцев, ранней весной, сухопутьем, до места сбора для сплава, казаки шли пешком 180 верст, что значительно ослабило их силы. От Сре́тенска под командованием полковника Пузина все двинулись вниз по р. Шилке. Эшелон состоял из восьмисот семей (по другим данным — из пятисот собственно казачьих семей, остальные — приписанные в казаки

солдаты. — Ю. А.). Они были размещены на ста пароммах и баржах. Вышли, как только вскрылись реки ото льда, в апреле. Имущество принималось на паромы только по указанию начальства, т. е. не все. Это было полное разорение казачьими семьями⁴, тем более, что нередко баржи, груженные хлебом, тонули в Амуре, а из сплававшихся ста пятидесяти голов скота на Уссури прибыло только пять⁵.

Высадку людей для заселения производили на ранее назначенных пунктах. Последняя высадка людей на р. Амуре — станица Михайло-Семеновская⁶. Отсюда назначенные к заселению р. Уссури сорок казачьих семей поплыли по Амурской протоке и далее по р. Уссури, где для заселения были определены поселки Казакевичево, Корсаковский, Невельской. В день праздника Троицы 1858 г. прибыли в пункт номер два, названный в честь первого Приморского губернатора контр-адмирала Казакевича, где было оставлено двадцать казачьих семей. Остальные семьи расселились вверх по р. Уссури в поселках Корсаковский и Невельской.

В Казакевичево первоначально стали жить на самом берегу, т. к. не было нигде чистого места. Кругом стоял непроходимый лес, изобилующий мошкой и комарами. Вся хозяйственная работа первоначально велась артельно: мужчины производили расчистку мест для построек домов, строили жилища; женщины в это время косили сено. Днем работали, а ночью по очереди ходили обходом вокруг станицы — для защиты от тигров, которые, забираясь во дворы, таскали домашних животных даже днем.

К октябрю выстроили четырнадцать изб, в которых и зимовали по пяти семей в каждой. Продукты, выдаваемые правительством на паек, были некачественными, люди голодали. По воспоминаниям первых жителей, хлеб пекли в печах, вырытых в яру, из гнилой муки с червями⁷. В первую же зиму появилась цинга, переболело почти все население. Медицинская помощь практически отсутствовала.

С наступлением теплых дней болезни несколько отступили. Но и людям, и скоту тяжело было переносить лето из-за обилия мошки и комаров. От укусов этих насекомых у людей текла кровь, распухала и трескалась кожа, появлялся зуд во всем теле, дрожь, жар в голове⁸. Особенно страдали дети.

Несмотря на трудности, с приходом весны приступили к разработке земли под пашни. В первые годы для освобождения земли из-под леса, а также для уничтожения насекомых, командир дивизиона Марков приказывал жечь как можно больше тайги. Марков же сам наблюдал за раскорчевкой земли под посевы, обязывая каждого мужчину в год разработать одну четвертую десятины земли, а женщину — одну восьмую. Неисполнившего почему-либо урок наказывали. Вот тут и были слезы и кровь от телесных наказаний. Ситуация усугублялась и из-за постоянного недоедания. Один из старых казаков вспоминал, что они работали летний, жаркий длинный день на одном

жареном без соли карасе⁹. Другой казак добавил, что «лихолетье Маркова» продолжалось несколько лет. И лишь с приездом в 1869 г. полковника Глена положение изменилось в лучшую сторону¹⁰.

Раскорчеванную землю казаки распахивали обща, на казенных быках, засевая ярицей, ячменем, овсом. Но ежегодные усилия не оправдывали трудов: то вода зальет, то неурожай¹¹. Несмотря ни на что, с каждым годом жизнь заметно улучшалась. Освоились с местностью, начали ходить на охоту, бить соболей, которых продавали по 4 и 5 руб. за штуку. Помимо пушных животных, весной охотились на разную дичь (гуси, утки), а также на коз и лосей, зимой — на кабанов, кабаргу¹². Хорошим подспорьем было рыболовство. Рыбы было так много, что, например, у женщин она выхватывала белье и провизию во время полосканий в реке. В первое время, когда не было лодок, т. к. казаки не умели их делать, рыбу кололи баграми прямо возле берега. Жившие в окрестностях Казакевичева гольды (нанайцы) первоначально чуждались русских, но постепенно стали с ними знакомиться, научили их строить лодки, ловить крючками осетра, калугу и другую крупную рыбу¹³.

Станица Казакевичева, расположенная в сорока верстах от д. Хабаровки (в будущем — г. Хабаровск) стала как бы центром заселения казаками р. Уссури, откуда казачье население других станиц и поселков получало провизию, все необходимое.

В том же 1858 г. казаками-забайкальцами был основан в двадцати верстах от Хабаровки и поселок Корсаковский (впоследствии — станица). Часть забайкальцев пришли непосредственно из Забайкалья (с р. Ингоды и Шилки), часть из низовьев Амура, куда они прибыли еще во время первого сплава казаков в 1855 г., осуществленного генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым.

Старая казачка Попова, жившая с самого основания поселка, рассказывала в 1907 г., что на месте будущего поселка Корсаковского рос густой строевой лес, который сразу и шел в дело — на возведение жилищ. До постройки изб жили в землянках, построенных на высоком берегу реки, по несколько семей в одной землянке. Жили дружно. «Семь баб у одной печи, с мальми ребятами и без ссор, а ныне невестка со свекровью, не говоря, что две невестки, неделями не выживают», — вспоминала она. Она также отмечала, что «хорошее было начальство уже тем, что работать заставляло». И то, что переселенцы сравнительно быстро завели огороды и пашни и стали жить хорошо, она относилась не только к привычке забайкальцев хорошо трудиться, но и к тому факту, что в первые годы освоения уссурийских земель к труду принуждали, его поощряли, была жесткая дисциплина¹⁴.

В следующем, 1859 г., на р. Уссури казаки-забайкальцы основали станицу Козловскую и ряд поселков — Аргунский, Венюковский, Верхне-Никольский, Графский, Ильинский, Княжеский, Лончаковский.

Первыми жителями пос. Аргунского (первоначальное название Киселевский) были четыре семьи переселенцев-казаков. В последующие 1860-1862 гг. сюда прибыло четырнадцать-пятнадцать семей, и таким образом образовался поселок в двадцать дворов. По воспоминаниям первых поселенцев, они построили избы, разработали огороды и пашни. Все это с большими трудностями; приходилось не раз голодать, употреблять в пищу одну рыбу, а то и примешивать в кушанье травы. Рыбы было много, но ловили ее «первобытным способом», усовершенствованных рыболовных орудий не было, но даже если бы и были, сбывать рыбу было некуда. Пашни и огороды затопляло наводнением, поэтому они в 1869 г. переселились на р. Кню, но и там были постоянные наводнения, и они перебрались в Южно-Уссурийский край¹⁵.

Жители пос. Венюковского также сетовали на постоянные невзгоды в первые годы жизни на р. Уссури — жили в землянках, вырытых на берегу. Крутом была непроходимая тайга, не позволявшая разрабатывать землю и отпускать пастись скот, т. к. его буквально заедали тигры. И лишь спустя пять-шесть лет удалось понемногу разработать землю, посеять хлеб. При разработке пашни использовали традиционные методы — землю расчищали от деревьев, раскапывали кирками и копанем, распахивали сохой-рогалохой и сабаном. В этот период летом терпели сильный голод — приходилось питаться грибами, кореньями, травой, желудями. Зимой было легче, т. к. ловили соболей, хорьков, белку, коз. Их добывали традиционными способами: коз ловили при помощи пастей и ям, на пушных животных ставили ловушки (кулемки). Шкурки последних продавали в Казакевичеве, где и приобретали муку. До пос. Венюковского ее везли по льду Уссури на санках, по четыре-пять пудов. К лету хлеб заканчивался, а заработать было негде. К тому же казаки выполняли бесплатно возложенные на них повинности — возили почту и должностных лиц, на что уходило немало времени¹⁶.

Казаки пос. Верхне-Никольского почти все свое имущество оставили на родине, в Забайкалье. Очевидно, таким было распоряжение начальства. Как вспоминали первопоселенцы, за провиантом, не имея скота, ходили пешком, в ст. Козловскую. Обратный путь занимал много времени «и потому оставшиеся дома нередко умирали с голоду. Не сладко жилось им первые годы. Землю разрабатывали заступами. Строго следил за разработкой земли командир дивизиона Марков, определяя разработать в день на душу 1 сажень ширины и 40 длины земли. Обьезжая по полям, возил пучок розог, и если захватит севших отдыхать мужчину или женщину... сыпал 50 розог... Ближайшие соседи... были гольды, с которыми жили... мирно, работая у них день за горсть буды»¹⁷.

В пос. Ильинский забайкальцы приплыли на лодках в июле 1859 г. На пятнадцати лодках поместилось сорок семей. Начали строить балаганы; один балаган на три-четыре семьи. Затем стали рубить лес на избы; бревна таскали на себе — выстроили

шесть домов для сорока семей, так и прозимовали. Продуктов не хватало, стали работать у живших здесь китайцев за чумизу и рыбу — китайцы платили по чашке чумизы (1 фунт) в день и одну рыбку в день (при ловле рыбы). Осенью по льду ходили за продуктами с санками, в казачий пос. Винниково, в пути были четырнадцать-пятнадцать дней; один человек притаскивал один мешок муки не более четырех пудов... Потом появились лошади, стали разрабатывать пашню, но лошадей было мало, больше работали кольем и лопатами, но не было семян. Весной была цинга, несколько человек умерло. Сеять начали только в 1861 г., но урожай был плохой; корчевать было трудно — дожди, сырость, овод, комар, мошка, паузы (оводы). Зимой стали охотиться — добывали соболя, выдру, лисицу, хорька, а главное — мясо (изюбрь, кабан, козы); ловили много рыбы, но продавать было некуда... Тигры таскали в поселке собак и скотину; на тигров охотились артелью¹⁸.

Основатели пос. Княжеского на плотках шли до станицы Казакевичево, а вверх по Уссури поднимались на лодках. Однако завезти на лодках продукты было нельзя, поэтому скот и продукты были оставлены в ст. Казакевичево. Скот погнали сухопутным, лесом, по бездорожью и к месту из ста голов пришли только десять, остальные погибли. Терпели сильный голод до 1864 г., ели траву, лук, чеснок, лебеду, черемшу и пр.; не было соли; вместо чая заваривали ореховый лист и различные травы. От голода народ болел, опухал. С 1864 г. начали получать пайки по 100 фунтов муки на взрослую душу на один месяц. Землю разрабатывали вручную, лопатой¹⁹.

В следующем 1860 г. были образованы пос. Трехсвятителей (вначале был назван Гленовским) недалеко от ст. Казакевичево и на расстоянии более 450 верст — пос. Марковский. В 1860-х гг. в пос. Трехсвятителей числилось до пятидесяти дворов, но после сильного наводнения 1867 г. все жители переехали в Южно-Уссурийский край. По воспоминаниям казачки Князевой, они прибыли на Уссури из Забайкалья в 1859 г.; по Амуру и Уссури плыли паромом. Зимовали в Казакевичево, в апреле 1860 г. отправились в поселок на лесном берегу Уссури; прорубали тропки, чтобы носить воду из речки. Рубили лес и на этих местах строили избы. Лошади, взятые из Забайкалья, при переезде, при бескормице, почти все погибли... провиант доставляли из Казакевичева, было тяжело, выдавали немного: 1 пуд 38 фунтов муки и 2 фунта крупы казакам, и женщинам 39 фунтов муки и 1 фунт крупы. Ели траву лебеду, обсыпанную гречневой мякиной, пнилое дерево. Пашни первоначально обрабатывали лопатами и копачами²⁰.

Основателей пос. Марковского доставляли из Забайкалья на пароходах по Амуру и Уссури, а скот их провозили на пароме, но ввиду дальнего пути и отсутствия соответствующих условий почти вся скотина погибла. Первопоселенцы поселка также попали в непроходимую тайгу и, как другим забайкальцам, им пришлось испытать в первые годы жизни на Уссури

много горя и лишений. Провиант выдавали в Казакевичево, туда надо было идти пешком за 450 верст, и пока возвращались домой, съедали все полученные продукты. Провиант бесплатно отпускали лишь первые три года, а в последующий период за него пришлось платить. Все сельскохозяйственные орудия и сельскохозяйственные принадлежности вначале выдавались переселенцам также бесплатно²¹.

Как и первые переселенческие поселки, командир батальона подполковник Марков посещал и пос. Трехсвятителей, и Марковский (названный в честь него), обходил все дома, осматривал занятия жителей, объезжал и осматривал все полевые работы. Плохо было тому, кого он заставал дома не за раскорчевкой леса, доставалось и тем, кто по каким-либо обстоятельствам променяли быка (используемого при раскорчевке земли) на корову или неаккуратно обмолотил хлеб. Жителям поселков Марков приказал, чтобы у каждого на пашне стоял столбик с дощечкой, на которой он отмечал, кто сколько должен распахать. Горе было тому, у кого оказывалось распашки меньше указанного на дощечке... Все это он приписывал нежеланию работать. Марков во всех этих случаях прибегал к телесным наказаниям от пятидесяти до двухсот ударов розгами.

Но, несмотря на это и все старания казаков, всюду царил голь и беднота, хлеб родился очень плохо вследствие частых дождей и других неблагоприятных климатических условий. Сохранившаяся во время пути из Забайкалья скотина не выносила климата нового края, пастбищ практически не было, и у большинства она пала. Купить же новую было негде, да и не на что, так что во время пахоты многим приходилось работать вручную, копачем, а затем сохой. Семена хлеба выписывались для казаков из Забайкалья, но получали они их поздно, только к Петрову дню. Да и сеяли только для пробы — хлеб не родился. Заработка также не было нигде, так что и денег ни у кого не было, а если у кого и были, то на них купить было негде. Заработок марковцы иногда находили только у богатого китайца, жившего недалеко от поселка. Чтобы заработать у него чашку чумизы, приходилось работать целый день. В голодные дни отдавали за четырнадцать карасей аршин синего материала, привезенного на рубашки из Забайкалья, ловить же сами рыбу первоначально не умели, да и нечем было ловить. Постепенно жизнь налаживалась, стали охотиться, рыбачить, хлеба стали родить²².

Таким образом, первые переселенцы-казаки в процессе адаптации к новому для них краю встретились с невероятными трудностями, которые отрицательно сказались не только на хозяйственном укладе, но и на семейном быте. Скученность в первых жилищах, тяжелый труд, непривычные природно-климатические условия, обилие насекомых, постоянный голод, болезни значительно снизили в первые годы жизни в дальневосточном регионе демографический потенциал казаков.

Основной контингент переселявшихся забайкальских казаков представлял собой нуклеарные (малые)

семьи, состоявшие из родителей и детей. Это, в основном, были служилые казаки, в сравнительно молодом или среднем возрасте. При наличии в семье стариков-родителей, семейный коллектив возглавлял взрослый женатый сын. Отметим, что семьи со стариками-родителями или одним из них, а также семьи с младшими братьями или сестрами, составляли примерно треть переселяющегося контингента²³. Совсем немного было больших неразделенных — «отцовских» (родители с двумя и более женатыми сыновьями, младшими детьми и внуками) и «братских» (два женатых брата с детьми) — семей. Уровень детности был традиционным — у тридцатипяти-тридцатисемилетних супругов было по три-четыре ребенка, у сорока-сорокадвухлетних — шесть-восемь²⁴.

Образование казачьих семей в новом регионе первоначально сталкивалось с определенными трудностями. Для Дальнего Востока, как и для других осваиваемых районов, был характерен дефицит женщин. Не избежала этой ситуации и казачья среда. Это было связано с целым рядом причин и, прежде всего, с необходимостью осваивать неразработанные земли, что преимущественно выполнял мужской контингент. Поэтому в дальневосточный регион старались отправить семьи, где было более одного мужчины-работника. Преобладание мужчин в казачьей среде было отмечено даже спустя несколько десятилетий после водворения на Дальнем Востоке. Так, по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., женщины среди казаков Приморской области (уссурийские казаки) составляли 44,2 % (5200 чел. на 11 763 чел. казачьего сословия)²⁵.

Дефицит женщин оказывал негативное влияние на численный состав и структуру семей. Если назначенные на переселение казаки молодого и среднего возраста отправлялись на восток России с женами (это было неперемное условие переселения), то их отцы, находясь еще в репродуктивном возрасте, нередко были без жен и найти себе брачную пару им было проблематично. Сказывалась здесь и сословная корпоративность — казаки редко брали в жены крестьянок. Если не удавалось жениться на казачке, крестьянке предпочитали мещанку. Крестьянки также, в силу указанных причин, не желали выходить замуж за казаков. Да и у самих крестьян-дальневосточников продолжительное время был дефицит женщин, который царское правительство пыталось разрешить в 90-е годы XIX в. за счет бесплатной отправки в дальневосточный регион нескольких сотен лиц женского пола²⁶.

Постепенно ситуация менялась, дети подрастали, вступали в брачный возраст (девушки с шестнадцати лет, юноши — с восемнадцати), и браков становилось все больше. Правда, венчание браков регламентировалось Сводом законов Российской империи и церковью. Последняя не разрешала венчать браки в определенные дни календарного года, в т. ч. во время постов, субботы, накануне церковных праздников и в некоторые другие дни. Были и абсолютные запреты на вступление брак с лицами, состоявшими в четвертой-пятой степенях кров-

ного, а также в духовном родстве.

Были и свои особенности в брачном поведении казаков, связанные с их службой. Каждый казак по достижению восемнадцатилетнего возраста зачислялся в подготовительный разряд (на три года), по достижению двадцати одного года — в строевой разряд и поступал на действительную службу (на три с половиной года), в возрасте двадцати пяти лет казаки увольнялись на льготу, в тридцатитрехлетнем возрасте они зачислялись в запас, по достижению тридцати восьми лет увольнялись в отставку.

Из-за регламентации служебной деятельности молодые казаки оказывались в сложной ситуации. Если казак вступал в брак, находясь на действительной службе — он должен был получить разрешение у войскового атамана²⁷. Вступление в брак до прохождения действительной военной службы не приветствовалось. Казак должен был сразу оставить молодую жену в чужой для нее семье, которая использовала ее прежде всего как рабочую силу²⁸. В итоге нередко создавалась конфликтная ситуация. Ее итогом могло быть возвращение молодой замужней казачки в родительскую семью или уход на заработки. Правда, в дальневосточном регионе, при дефиците женщин и практическом отсутствии традиции зарабатывать на стороне, казачки на заработки не уходили. Это скорее было характерно для казаков европейской части России. И именно там был поднят вопрос о запрещении молодым казакам вступать в брак до окончания действительной службы²⁹. Однако на уровне войскового начальства Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск этот вопрос рассматривался, т. к. случаи ухода в родительскую семью молодых казачьих жен на Дальнем Востоке были. Это в итоге приводило к распаду семьи.

Особенности семейно-брачных отношений и семейного быта казаков-дальневосточников определялись, с одной стороны, реализацией традиционного демографического поведения, характерного для православного населения России, в том числе представителей разных сословий и традиций «материнской» территории, а с другой — сложностью адаптации к новым местам жизнедеятельности.

Менталитет дальневосточного казака в вопросах брака практически не отличался от менталитета русского сельского жителя. Он складывался долго и проявился на Дальнем Востоке вместе с другими традициями казачьей жизни, связанными с хозяйственно-бытовым укладом, материальной и духовной культурой. Традиционные взгляды сельского населения, в том числе казаков, на брак, семью, детей отражали не только этические нормы и нормы обычного права, но и ряд социально-экономических факторов, среди которых важнейшими были следующие: невозможность существования сельского хозяйства вне семьи; высокие рождаемость и детская смертность; необеспеченность общиной и государством старости родителей; религиозный характер повседневных норм поведения и др. В совокупности

эти взгляды образовали социально-психологическую модель демографического поведения казаков и крестьян, которое имело такие основные составляющие, как брак, рождаемость, вдовство, развод, повторный брак, и др.

Вместе с тем, характер установок на брак, семью, брачное и репродуктивное поведение тесно связан с социально-экономическими особенностями тех или иных регионов на определенном этапе их развития. В этом отношении семейный быт на первом этапе освоения казаками дальневосточных земель, связанный, как было уже сказано, с большими трудностями, характеризовался некоторыми современниками негативно. Так, известный путешественник Н. М. Пржевальский, посетивший уссурийских казаков в 60-е годы XIX в., считавший основной причиной «крайней деморализации» казачьего населения в этот период нищету, писал: «Мужья торгуют своими женами, матери — дочерьми и делают это, не задумываясь, часто публично, без всякого зазрения совести»³⁰. Сообщил он и о нелицеприятных сценах, которые имели место на зимних вечерах³¹. Но не только сложное материальное положение казаков обуславливало их девиантное положение. Большое значение имел их социальный и служебно-подчиненный статус. Командиры рядовых казаков нередко были холостыми или находились по службе определенное время далеко от своей семьи. Они вмешивались не только в хозяйственную деятельность основной массы подчиненных им казаков, но и в их семейный быт. Заводили себе любовниц из числа казачьих жен и дочерей или заставляли последних непременно посещать (не без далеко идущего умысла) различные увеселительные «вечера» и, в случае невыполнения такого указания отцами и мужьями казачек, наказывали каза-

ков³². В более поздние годы, когда жизнь казаков на Дальнем Востоке более-менее наладилась, такой особенности семейного быта среди дальневосточных казаков не наблюдалось.

Непременной составной частью казачьего быта были различные праздники в рамках народного календаря. Особенно веселыми были зимние праздники. В эти дни семейные пары непременно посещали друг друга. Помимо взаимных визитов, устраивали бега на лошадях; семейные казаки катали в санях на парах и тройках своих жен и родственниц. Для молодых казаков и девушек устраивали на скате речного берега нечто вроде горы, с которой казачки и скатывались на бычьих кожах к реке³³. Девушки на святки, под Рождество и Новый год гадали о своей будущей семейной жизни, используя разнообразные способы гадания. Молодые казаки в зимние праздники «маскировались (маскировалась. — Ю. А.), переодевались в другую одежду и ходили по домам»³⁴. На Пасху казаки соревновались на скачках, для мужчин и женщин устраивали качели, водили хороводы, играли в различные игры³⁵. Одним из любимых видов развлечений были вечерки. На них могла собираться только молодежь, откупив избу у какой-либо вдовы, но были вечерки, на которые приходили и семейные пары. Современник, описывая такие вечерки, отмечал их общую веселую настроенность, различные танцы («барыня», «молодчик», «закабан», «кадриль» и др.), совместное пение, прежде всего, так называемых «поцелуйных» песен, т. е. песен, заканчивавшихся поцелуями.

Таковы в самых общих чертах особенности семейного быта дальневосточных казаков в первый период их пребывания на восточных окраинах России.

¹ Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII-начале XX в. (1640-1917). — М., 1985. — С. 54.

² Там же. — С. 59.

³ РГВИА. — Ф. 1582. — Оп. 8. — Д. 25. — Л. 167.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — Л. 167об.

⁶ Там же. — Л. 17, 139.

⁷ Там же. — Л. 168.

⁸ Там же. — Л. 139об.

⁹ Там же. — Л. 168.

¹⁰ Там же. — Л. 167-168.

¹¹ Там же. — Л. 17, 139об., 140.

¹² Там же. — Л. 139об.

¹³ Там же. — Л. 139.

¹⁴ Там же. — Л. 124.

¹⁵ Там же. — Л. 172-173.

¹⁶ Там же. — Л. 161-162.

¹⁷ Там же. — Л. 130-131, 155.

¹⁸ Там же. — Л. 145.

¹⁹ Там же. — Л. 133.

²⁰ Там же. — Л. 206об.-209.

²¹ Там же. — Л. 135-137.

²² Там же. — Л. 135-137, 206, 206 об.-209.

²³ ГАЧО. — Ф. 30. — Оп. 2. — Д. 270. — 1-127 об.; Д. 333-а. — Л. 47-172; Оп. 3. — Д. 10. — Л. 55 об.-63об. и др.

²⁴ Там же.

²⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Приморская область. Тетрадь I. — СПб., 1899. — Т. 76. — С. 40-42.

²⁶ РГИА ДВ. — Ф. 702. — Оп. 5. — Д. 526. — Л. 134, 137, 139, 191, 194, 203, 233, 237, 249.

²⁷ Коваленко А. И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения. Дис... канд. истор. наук. Владивосток, 1995. — С. 53.

²⁸ Ермак Г. Г. Социально-демографический аспект семейно-брачных отношений казаков юга Дальнего Востока России (2-я половина XIX—начало XX в.) // Дальний Восток России: Исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). — Владивосток, 2001. — С. 345.

²⁹ Вестник казачьих войск. — 1901. — № 21. — С. 348.

³⁰ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийский край. 1867-1869 гг. — СПб., 1870. — С. 58.

³¹ Там же. — С. 59.

³² Муров Г. Т. По русскому Дальнему Востоку: Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. — М., 1909. — Т. 2. — С. 400.

³³ [Амурский хлебопашец] Жизнь в Амурской станице // Русский вестник, 1863. — Т. XLVIII, ноябрь. — С. 447-448.

³⁴ Дорохина А. Н. Албазинская станица (к 350-летию русского Албазина. Факты, события, воспоминания). — Благовещенск, 2000. — С. 153.

³⁵ Жизнь в Амурской станице... — С. 447.

ИННОВАЦИИ В БЫТУ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

Развитие отходничества в Ярославской губернии и связанное с ним усиление контактов с культурой города в пореформенный период способствовали распространению инноваций в быту деревни. Проникновение новых элементов культуры в традиционное общество осуществлялось через семью.

Влияние города на деревенские нравы и обычаи осуществлялось, главным образом, через молодых отходников. Именно они принесли в деревню понятие моды, противопоставляя его незыблемости традиционных ценностей. Это выразилось, в первую очередь, в том, что вместе с новыми вкусами «питерцы» везли из города презрительное отношение ко всему деревенскому как к олицетворению всего устаревшего и отсталого². Молодой человек, научившийся в городе развязному и бойкому обращению, одевающийся по городской моде, в глазах деревенской молодежи выглядел более привлекательно, чем сельские парни, и зачастую казался образцом для подражания. Как писал современник, такой питерский щеголь, перед которым «стусывались деревенские Ванюхи и Митюхи», с легкостью завоевывал сердца деревенских красавиц³. Парня, не участвовавшего в отходе, потенциальные невесты игнорировали потому, что «негде копеечку ему достать, нарядов послать не на что и самому так одеться невозможно, как щеголи-питеряки»⁴. Именно отходники чаще всего становились заводилами в сельских молодежных компаниях во время праздничных гуляний, а крестьянская молодежь, не желая отставать от «городских щеголей», олицетворявших в деревне все модное, отдавала предпочтение городским развлечениям.

На рубеже XIX–XX вв. внешнее подражание городским обычаям в деревенском быту приобрело заметные масштабы. Краевед И. А. Тихомиров, путешествуя по Ярославской губернии, отмечал, что заимствование городских обычаев носило стихийный характер внешнего подражания городу. Он охарактеризовал ярославского крестьянина, стремившегося к городской жизни, «человеком с большими претензиями и ничтожными возможностями их удовлетворить»⁵. Во время традиционных гуляний деревенской молодежи появляются городские танцы, иногда фривольные, по мнению представителей старшего поколения⁶. Исполнение песен на гуляньях оставалось типично деревенским, «с деревенским акцентом, выговором и приемами, визгливое и унисонное». Песенный репертуар чаще всего составляли городские романсы из привезенных в деревню песенников⁷. Следствием развития отхожих промыслов можно считать и пристрастие молодых крестьян к распеванию частушек и фабричных песен⁸.

Многообразие культурных последствий отход-

ничества в быту ярославской деревни ярче всего заметно в области материальной культуры. Наиболее наглядным примером могут служить инновации в одежде ярославских крестьян, касающиеся как в целом костюмного комплекса, так и аксессуаров. Влияние городской одежды на крестьянскую ощущается уже в XVIII в. в использовании новых видов тканей, модных отделок, обуви. Эти заимствования обогащали традиционный крестьянский костюм цветом, фактурой ткани, не нарушая его основы. В конце XIX в. влияние городской одежды становится столь значительным, что вносит изменения в традиционный комплекс крестьянского костюма⁹. В Ярославской губернии ношение народной одежды в среде отходников было редкостью уже в первой половине XIX в.¹⁰ Без сомнения, обычай одеваться в городской костюм принесли в деревню отходники. Они, по словам очевидцев, являлись не только инициаторами нововведений в этой области крестьянского быта, но и более взыскательно относились к своей внешности и одежде. Щегольство считалось едва ли не главной чертой ярославского отходника, ярко его характеризующей¹¹.

В некоторых случаях городскую обнову крестьянин получал от хозяина заведения, где работал (чаще всего в торговых лавках)¹². Однако обычно новой одеждой крестьянин обзаводился в городе самостоятельно, когда начинал получать жалование¹³. Современники видели в этой всеобщей увлеченности ярославской деревни следовать моде главную причину разорения местных крестьян¹⁴. Традиционно обязанность хорошо одевать взрослых детей лежала на всей семье. Различный уровень социально-экономического развития областей России отражался на количестве и качестве крестьянской молодежной одежды, но повсеместно семья обязана была изготовить или купить традиционные для данной местности или региона праздничные наряды¹⁵. Стремление соответствовать представлениям о модной манере одеваться нередко приводило к заметным затратам семьи на наряды молодежи¹⁶. Особенно трудно приходилось семьям, в которых были дочери «на выданье»: их надо было «прилично» одеть, иначе девушка могла лишиться шанса выйти замуж¹⁷.

В конце XIX в. домашнее изготовление одежды, свойственное традиционной деревне, полностью вытесняется приобретением готовой одежды. Это подтверждают многочисленные источники рассматриваемого периода¹⁸. Ценность приобретаемой в городе одежды и ее аксессуаров в глазах ярославского крестьянства была очень высока. Городской костюм рассматривался одновременно и как необходимость, и как предмет роскоши, поэтому к нему относились бережно. Так, например,

во время дождя и непогоды парни снимали «не только калоши, чтобы их не испачкать, но и сапоги», а зонтик прятали, чтобы его не замочило. С другой стороны, щегольская городская обновка воспринималась сельским жителем как признак благополучия ее владельца, поэтому крестьяне старались при всякой возможности продемонстрировать ее. Неудивительно, что некоторые «питерщики» красивой и модной одеждой зачастую «пускали пыль» в глаза деревенским родственникам¹⁹. В конце XIX-начале XX в. мода вносит в крестьянскую одежду новые формы, новый крой. В деревне находят признание юбки, кофты с басками, парочки, плетевые полупальто (саки) и жакеты; у мужчин — брюки, жилеты, фуражки. С изменением традиционного кроя, в сущности, происходит разрушение традиционного комплекса крестьянского костюма²⁰.

Крестьяне наравне с мещанским сословием во второй половине XIX в. становятся потребителями продуктов городского производства. Таким образом, в деревне происходит формирование так называемой «культуры приобретения», что считается одним из наиболее важных аспектов культурного влияния города в деревне²¹.

Питание отходников на промысле по составу продуктов не сильно отличалось от обычного рациона крестьянина, хотя отчасти зависело от условий, в которых ему приходилось жить. Так, например, в питерских трактирах, где работали многие ярославцы, «особой чистоты не было, но кормили сытно... Не доверяя чистоте посуды, посетители ополаскивали ее сами»²². Представители строительного промысла, жившие артелью, питались, как правило, в складчину. Одному артельщику поручали ведение расходов, приготовление запасов и хлопоты о столе и хозяйстве. Иногда этим занималась специально нанятая кухарка. Такой способ для города оказывался наиболее выгодным²³. «Одиночкам» приходилось перебиваться едой «в сухомытку», в лучшем случае удавалось пользоваться едой из трактиров и съестных лавок, доброкачественность продуктов в которых составляла желать лучшего. Жизнь в городе и особенности промысла способствовали появлению новых привычек и изменению восприятия еды, которая теперь могла рассматриваться не просто как средство утоления голода, но и как предмет роскоши. В силу ряда причин предпочтения отходников были на стороне покупных продуктов.

Некоторые привычки отходников получили в деревне широкое распространение. Речь идет о чаепитии. Очевидно, привычка к частым и обильным чаепитиям возникла в среде промысловых крестьян не только вследствие вкусовых особенностей самого напитка. Работа в лавке, трактире, мастерской не давала возможности на перерыв, достаточный по времени для полной трапезы. Чай и кофе позволяли человеку поддерживать силы в течение долгого рабочего дня, когда не было возможности питаться полноценно, и вскоре стали неотъемлемой частью быта отходников (главным образом, трактирщиков и торговцев). Кофе проникает в быт богатых крестьян некоторых губерний в конце XVIII в., а в середине XIX в. в народе его пили

с большим добавлением цикория. Например, по данным Л. В. Выскочкова, в сороковые годы в Петербургской губернии кофе и сахар становятся уже распространенными предметами деревенской торговли²⁴. Однако излюбленным напитком в ярославской деревне стал чай²⁵. В редком доме не было самовара для заваривания чая. Чай вошел в повседневное употребление. Чаепития устраивались один-три раза в день, а в семьях отходников чай пили и по три-четыре раза как зимой, так и летом²⁶. Оно стало частью традиционного гостевания, наиболее доступной формой межсемейного общения русских и сохранило отчасти свое значение до настоящего времени.

Развитие отхожих промыслов сыграло важную роль в формировании внешнего облика ярославской деревни. В первую очередь, это касается застройки деревни большими и представительными домами дачного типа, которые создавали лицо деревни. Сама возможность строительства солидных и просторных домов была связана с отходничеством местных жителей. Так, в источниках говорится о стремлении зажиточных отходников продемонстрировать свое богатство перед односельчанами. Дома являлись более убедительным и веским доказательством преуспевания крестьянина, чем одежда и пища. Поэтому едва отходнику удавалось скопить достаточный капитал, он строил себе в деревне дом «по возможности лучший в околотке»²⁷. При этом отходники, постоянно пребывая на промысле, сами редко жили в этих домах²⁸. Таким образом, можно согласиться с И. А. Тихомировым, что в большинстве случаев главным побуждением строить «тысячные» дома было «мелкое, суетное тщеславие, бахвальство, желание пустить пыль в глаза»²⁹.

В Ярославской губернии некоторые состоятельные крестьяне строили просторные дома из кирпича, хотя в регионе по-прежнему преобладало деревянное строительство. В помещичьих селах Ростовского уезда Поречье, Угодичах, Ворже, Сулости строились кирпичные крестьянские дома в два или даже три этажа³⁰. Зажиточные крестьяне стремились подчеркнуть свой достаток не только размерами дома, но и богатством декора его экстерьера. Количество и качество резных украшений на каждом отдельном доме зависело, прежде всего, от состоятельности хозяина³¹. Степень насыщенности украшениями построек в разных районах была различна и определялась их экономическим положением³².

Раскрашивание декоративных элементов фасада, по мнению Е. Э. Бломквист, являлось нововведением 1890 г. и применялось в основном промысловыми крестьянами, которые использовали «все доступные им приемы для украшения своего пятистенка». Красили деревянную резьбу чаще всего одноцветно, преимущественно в белый цвет, в чем чувствовалось стремление подражать монохромным каменным городским зданиям³³. Распространившиеся в 1870 г. выпиловочные архитектурные украшения, постепенно заменившие деревянную резьбу, исследователи того периода также критиковали, связывая их появление с влиянием вкусов отходников³⁴.

Постоянные контакты отходников с городом приводят к повышению требований ярославских крестьян к обустройству своего быта. Влияние городской моды было заметно, в первую очередь, во внутреннем убранстве дома. Появление новых видов мебели наблюдалось, прежде всего, в домах состоятельных крестьянских семей, один или несколько членов которых имели хороший заработок на стороне. Во-первых, в обиходе зажиточных крестьян стала появляться передвижная мебель: столы, стулья, кровати, шкафы, комоды, деревянные диваны и т. д. По мере проникновения в домашний быт крестьян элементов городской потребительской культуры становится популярным наличие в доме предметов «городской роскоши». Кроме стульев, диванов, шкафов, комодов, ставших «обязательными принадлежностями дома», сельские жилища в Ростовском уезде украшались часами, зеркалами, керосиновыми лампами, обилием икон, самоваром³⁵. В избе любимского крестьянина со средним достатком, например, можно было встретить и часы с будильником, и керосиновую лампу, и зеркало, и картины, и самовар «особой работы». Положительной чертой отходничества стала забота о чистоте крестьянских жилищ³⁶. Пол сеней устилали соломой, пол избы и лавки — холстом. В зажиточных крестьянских домах появились занавески на окнах и дверях, обои, коврики, скатерти на столах, комнатные цветы и прочая обстановка, распространенная в то время в среде городского мещанства³⁷.

В конце XIX-начале XX вв. в быту крестьян все больше появлялось городской утвари, особенно столовой посуды, купленной на месте промысла и высланной отходником домой. Традиционная деревянная и глиняная посуда стала все больше дополняться металлической, фаянсовой и стеклянной. В домах ярославских крестьян все чаще можно было увидеть на столе фаянсовые тарелки, расставленные по числу едоков. Считают, что обыкновение сервировать стол появилось, прежде всего, в тех семьях, члены которых уходили в города на временные отхожие промыслы³⁸. В интерьере жилищ крестьян Ярославской губернии картины и портреты (семейные, портрет государя в гравюре) встречались почти повсеместно³⁹.

В деревенском быту возникают новые представления о досуге и формах общения крестьян. Безусловно, сочетание традиций и инноваций наиболее ярко выразилось в городской праздничной культуре, развитие которой шло по сравнению с сельской более быстрыми темпами, что определялось сложным составом населения городов, занятий горожан, всей социальной структурой города. Внедрение инноваций в быт горожан сравнительно быстрыми темпами определялось самими городскими условиями, где существовали возможности для развития профессионального творчества, для заимствований из иноэтнических традиций. Несмотря на опережающее развитие городского быта, оно происходило, безусловно, в русле народных традиций, которые в совокупности сельских и городских элементов и создавали урбанизированные формы городской культуры, свойственные и городу, и деревне (с некоторым «опоздани-

ем» и меньшим размахом). К числу таких форм культуры XIX-начала XX в., принадлежат многокомпонентные народные гуляния, в оформлении которых значительную роль начинала играть коммерция.

В традиционной народной культуре отдых от физического труда, веселье никогда не понимались как безделье, как полностью свободное время. Этнографические материалы русской деревни конца XIX в. доказывают, что праздник и любая другая форма досуга имели важное общественное значение. Порожденные социальными потребностями, праздники выполняли важные общественные функции, среди которых не последнее место принадлежало коммуникативной и социальной функциям. Праздники служили важным средством социализации личности, приобщения индивида к коллективу и представляли собой повод к самоотжествлению личности с общественной группой. В пределах праздника осуществлялась социализация крестьянина, поскольку в организации досуга принимал участие весь коллектив. Сборища для проведения досуга, особенно воскресного и праздничного, формировались по возрастному принципу. Во время совместного проведения коллективного досуга вырабатывалось общественное мнение о политических, социальных и местных новостях, разговоры «о старине» включались в непрерывный процесс усвоения членами общины норм и ценностей, принятых в данном социуме⁴⁰.

В городе крестьянин предпочитал использовать свободное время исключительно для отдыха от работы. Земляки стремились держаться друг друга и вместе посещали общественные места и праздничные мероприятия в городе. Так, в Петербурге ярославские отходники порой устраивали «земляческие заседания» в квартирах и ресторанах⁴¹. Использование свободного и праздничного времени «для чтения и посещения знакомых» было относительно редко в среде ярославских отходников⁴². Посещению церкви в дни православных праздников отходники предпочитали отдых и «свободные развлечения». Наибольшей популярностью в выходные и праздничные дни у молодежи, составлявшей основную массу отходников, пользовались городские питейные и игорные заведения⁴³. Один из современников писал: «Ежедневно, когда закрываются Гостинодворские, Апраксинские и Мариинские торговые заведения, служащие которых почти сплошь уличане, все окрестные трактиры, рестораны, пивные кишмя кишат сбросившим с себя трудовую лямку людом»⁴⁴. Уместно вспомнить пословицу, приведенную в сборнике В. И. Даля: «Его потчевать в харчевне, поить в кабаке, а на дом не водить»⁴⁵.

Уровень социально-экономического развития общества, безусловно, определял функционирование традиций. Несмотря на сохранение института гостеприимства в русской деревне, развитие капиталистических отношений опосредствованно влияло и на этот обычай. По свидетельству современников, в шестидесятых годах XIX в. «патриархальное радушное гостеприимство» в Ярославской губернии «вследствие промыслового

направления, давно уже исчезло; гостеприимство же во время праздников и именин и в торжественных случаях, основанное единственно на том, чтобы высказать перед другими крестьянами богатство и роскошь... ничто иное, как пустое тщеславие, от которого нередко страдают целые семейства»⁴⁶.

Итак, на основании рассмотренных источников можно утверждать, что появление в деревне новых способов проведения свободного времени в значительной степени было связано с изменением отношения крестьян к самому понятию досуга. Досуг стал восприниматься как праздное время, которое можно было потратить на удовлетворение индивидуальных желаний и требований крестьянина, исходя из его материальных возможностей, а не на организованное общение всего коллектива. Поскольку образ жизни и основные чаяния местного крестьянина были связаны с городом, то закономерным является тот факт, что житель ярославской деревни отдавал предпочтение городским формам проведения досуга. Влияние города на деревенский быт проявилось, прежде всего, в ношении ярославским крестьянином мещанского костюма. В традиционном обществе одежда всегда имела важное социальное зна-

чение и определяла статус человека. По мере проникновения в быт крестьян новых элементов культуры города, люди с разным имущественным достатком стремились следовать унифицированной городской моде, и различия во внешнем облике богатых и бедных крестьян значительно сглаживаются. Инновации в пище крестьян Ярославской губернии были тесно связаны с распространением обычной чаепития. Из предметов роскоши некоторые продукты городского происхождения (кофе, чай, сахар) со временем становятся традиционными элементами крестьянского быта.

Появление в ярославской деревне новых типов жилищ было напрямую связано с отходничеством, поскольку основными заказчиками являлись именно успешные «промышленники». В быту крестьян со средним достатком влияние городских вкусов выразилось, главным образом, в приобретении передвижной мебели и городской утвари. Постоянные контакты деревни с городом, осуществляемые через отходников, приводили к проникновению в быт деревни элементов городской культуры. На основе заимствований в среде ярославского крестьянства формировались собственные традиции, трансляция которых осуществлялась через семью.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-01-00394а.

² Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (по данным о паспортах 1896-1902 гг.). — Ярославль, 1907. — С. 22; Парменов К. Моды в могольской деревне (по местным народным частушкам) // Голос. — 1912. — № 223. — С. 2; Шкаров П. Упадок трактирного промысла // ВЯЗ. — 1903. — № 19. — С. 90; См. также: Ф. С. Б. Влияние отхожих промыслов на экономическое благосостояние и внешний и внутренний быт крестьян // ЯГВ. — 1892. — № 24. — С. 3.

³ Парменов К. Указ. соч. — С. 2.

⁴ Отхожие промыслы крестьянского населения... — С. 22.

⁵ Тихомиров И. А. Пешком по Ярославской губернии // Прекрасное далеко. — М., 1914. — Кн. 5. — С. 36.

⁶ Соколов Д. Из Любимского уезда (Васильевская волость) // ВЯЗ. — 1903. — № 15. — С. 188; Ф. С. Б. Указ. соч. — С. 3.

⁷ Тихомиров И. А. Указ. соч. — С. 37; Ф. С. Б. Указ. соч. — С. 3.

⁸ См.: Минц С., Померанцева Э. В. Фольклор Ярославской области // Песни и сказки Ярославской области. — Ярославль, 1953. — С. 3-18; Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонейской, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. — Ярославль, 1913. — С. 9.

⁹ Ведерникова Н. М. Эстетика народной одежды в произведениях фольклора // Традиции народной одежды и искусство современного костюма. — М., 1983. — С. 144.

¹⁰ Аксаков И. С. Письма из Ярославской губернии // Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. — М., 1991. — С. 299.

¹¹ См.: Субботин А. П. Волга и волгари. — СПб., 1894. — Т. 1. — С. 66; Толбин В. Ярославцы // Русский очерк 40-50 гг. XIX века. — М., 1986. — С. 389; Кокорев И. Т. Ярославцы в Москве // Кокорев И. Т. Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX века. — М., 1959. — С. 31; Генкин Л. Б. Неземледельческий отход крестьян Ярославской и Костромской губерний в первой половине XIX века // Ученые записки ЯГПУ. История СССР. — Ярославль, 1947. — Вып. IX. — С. 30.

¹² См.: Отхожие промыслы крестьянского населения... — С. 9; Харчев В. М. Стертая с лица земли... (Воспоминания о довоенной

ярославской деревне) // Ярославская старина. — 1997. — Вып. 4. — С. 107.

¹³ Засосов Е. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991. — С. 105; Чайников И. Трактирщик (Из Оренбургских губернских ведомостей) // ЯГВ. — 1855. — № 5. — С. 35.

¹⁴ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849-1856 гг. — М., 1994. — С. 15.

¹⁵ См.: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начало XX веков. Половозрастной аспект традиционной культуры. — Л., 1988. — С. 76.

¹⁶ П. А. Р. Село Никольское-Паново, Давыдовской волости Пошехонского уезда // ВЯЗ. — 1903. — № 13-14. — С. 146.

¹⁷ Смирнов И. Деревня Чмучово, Спасская волость (Рыбинский уезд) // ВЯЗ. — 1904. — № 12. — С. 329; Парменов К. Указ. соч. — С. 3.

¹⁸ Князев А. Из Болобановской волости, Рыбинского уезда // ЯГВ. — 1890. — № 18. — С. 2; См.: Тихомиров И. А. Указ. соч. — С. 38; Парменов К. Указ. соч. — С. 3; Ф. С. Б. Указ. соч. — С. 3.

¹⁹ Субботин А. П. Указ. соч. — С. 67; Парменов К. Указ. соч. — С. 2. Шкаров П. Указ. соч. — С. 90. Смирнов И. Указ. соч. — С. 328-329. Салтыков-Щедрин М. Е. Заболотье // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1988. — Т. 10. — С. 145.

²⁰ Ведерникова Н. М. Указ. соч. — С. 145.

²¹ См.: Бердз Дж. Крестьянские мечты и рыночная политика: отходничество и русская деревня, 1861-1905 // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Серия 5: История. — 2000. — № 2. — С. 57.

²² Засосов Е. А., Пызин В. И. Указ. соч. — С. 104.

²³ См.: Лурье Л., Хитров А. Крестьянские земледельцы в российской столице: «ярославские питерщички» // Невский архив: ист.-краевед. сб. II. — М.-СПб., 1995. — С. 353; Выскочков Л. В. Отход в Петербург ярославских крестьян в первой половине XIX века // Верхнее Поволжье в период разложения феодализма. — Ярославль, 1978. — С. 10; Отхожие промыслы крестьянского населения... — С. 53; Князев А. Из Болобановской волости, Рыбинского уезда

²⁴ Выскочков Л. В. Влияние Петербурга на хозяйство и быт государственных крестьян Петербургской губернии в первой

половине XIX века // Старый Петербург. Историко-этнографическое исследование. — Л., 1982. — С. 129-146.

²⁵ Соколов П. Страсть к чаепитию (Из «Статистических сведений по селу Шульц Ростовского уезда 1867 г.») // Ростовский вестник. — 1995. — 20 января. — С. 5; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. — М., 1978. — С. 206;

Будина О. Р., Шмелева М. Н. Экспедиционные исследования в городах Центральной России // Полевые исследования Института этнографии. — 1982. — М., 1986. — С. 10.

²⁶ См.: Князев А. Указ. соч. — С. 2; Смирнов И. Указ. соч. — С. 329; Соколов П. Указ. соч. — С. 5.

²⁷ Цит. по: Лурье Л., Хитров А. Указ. соч. — С. 346.

²⁸ См.: Ф. С. Б. Указ. соч. — С. 2; Харчев В. М. Указ. соч. — С. 106.

²⁹ Тихомиров И. А. Указ. соч. — С. 37.

³⁰ См.: Чижикова Л. Н. Сельские жилища в XVIII — начале XX века // Русские. — М., 1999. — С. 284; См. также: Отхожие промыслы крестьянского населения... — С. 24.

³¹ См.: Чижикова Л. Н. Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей // СЭ. — 1953. — № 3. — С. 65.

³² Тихомиров И. А. Указ. соч. — С. 36-37.

³³ См.: Бломквист Е. Э. Постройки Мологского уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. — Л., 1926. — С. 104.

³⁴ Цит. по: Чижикова Л. Н. Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей... — С. 71-72.

³⁵ Цит. по: Лурье Л., Хитров А. Указ. соч. — С. 346.

³⁶ Ф. С. Б. Указ. соч. — С. 2.

³⁷ См.: Чижикова Л. Н. Сельские жилища... — С. 284.

³⁸ См.: Воронина Т. А. Утварь (XIX-XX века) // Русские. — М. 1999. — С. 397-415.

³⁹ Субботин А. П. Указ. соч. — С. 68.

⁴⁰ См.: Громько М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII-XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. — М., 1989. — С. 17-18.

⁴¹ Цит. по: Лурье Л., Хитров А. Указ. соч. — С. 320.

⁴² Отхожие промыслы крестьянского населения... — С. 54.

⁴³ Там же — С. 73, 75; В-ой Н. Отхожие промыслы крестьян Любимского уезда // ЯГВ. — 1891. — № 100. — С. 4.

⁴⁴ Цит. по: Лурье Л., Хитров А. Указ. соч. — С. 320.

⁴⁵ См.: Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1957. — С. 680.

⁴⁶ См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. — Ярославль, 1861. — С. 74.

А. А. Нуждина, И. Ю. Шустрова (Ярославль)

КОНФЛИКТЫ И СПОРЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)¹

Динамика развития крестьянской семьи в пореформенный период может быть прослежена при анализе документов, отложившихся в результате деятельности таких судебных органов, как волостные суды. Особенно интересны в данном случае факты, характеризующие повседневные и экстраординарные события на примере конкретных населенных пунктов. Именно они позволяют понять специфику процессов, проходивших на микроуровне.

Крестьянская семья в XIX в., которая была неотъемлемой частью и основой института общины, в традиционной форме представляла собой большую патриархальную семью. Обычно это было объединение под одним кровом женатых братьев под главенством «большака», которым становился самый старший член семейства — отец или старший брат. Авторитет старших, как и авторитет предшествующих поколений, имел огромное значение для существования крестьянской семьи как социальной и экономической организации. Именно таким образом обеспечивался порядок накопления и преемственности опыта и межпоколенной передачи его в хозяйстве². Функционирование семьи, порядок взаимодействия ее с общиной определялся во многом нормами обычного права. Известно, что изучение обычного права народов России началось в пореформенный период. Первым его этапом стала разработка программ для сбора материалов. Сотрудниками этнографического отдела Императорского общества любителей естество-

знания, антропологии и этнографии была составлена «Программа для собирания сведений об юридических обычаях», опубликованная в 1887 г.³ «Программа для собирания народных юридических обычаев» двумя годами позднее была издана в Санкт-Петербурге⁴.

Отечественные юристы сопоставляли основные положения функционировавших законов и норм обычного права⁵. Несколько позднее этнографы всесторонне проанализировали место обычая в регулировании взаимоотношений в крестьянской общине⁶. Историки, ориентированные на новые подходы к исследованиям, в последнее десятилетие отметили оправданность включения материалов судебных органов в поле зрения исторической антропологии⁷.

Несмотря на то, что народные юридические обычаи были предметом внимания исследователей на протяжении длительного времени, значительная часть материалов, отложившихся в фондах волостных судов архивов различных регионов России, в должном объеме не введена в научный оборот. Между тем, наблюдение Е. И. Якушкина о том, что приговоры волостных судов представляют «превосходный и богатый материал для изучения обычного права»⁸, сохраняет свое значение до настоящего времени. Названные источники дают возможность составить представление о событиях, происходивших в повседневной жизни конкретных поселений, проанализировать функционирование семьи в рамках сельского социума, т. е. обратиться «к малым

жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневности»⁹. Далеко не случайно в отечественной науке последних десятилетий обозначилось такое исследовательское направление, как юридическая антропология¹⁰.

В настоящем сообщении речь пойдет о возможности использования документов волостных судов как источника для исследования изменений, происходивших в русской крестьянской семье Верхнего Поволжья в пореформенный период. Предметом рассмотрения стали дела, отложившиеся в результате деятельности волостных судов Любимского, Пошехонского, Ростовского и Ярославского уездов Ярославской губернии в 1868 г. слушал словесную жалобу крестьянки деревни Палагина Маремьяны Антоновой, что ее муж Егор Филиппов и его родители «постоянно наносят за неизвестные причины побои и не дают хлеба на пропитание». В суде Егор Филиппов, Филипп Михеев и Анна Николаева в нанесении побоев не сознались, а показали, что хлебом Антонова «питается» вместе с ними. Муж, свекровь и свекор истицы были единодушны в том, что ссоры происходят исключительно от неповиновения и непослушания Маремьяны Антоновой. Вызванные в суд жители деревни Палагина заявили, что все семейство Филиппа Михеева «характера беспокойного» и постоянно «производят между собою в доме шум и ссоры», но «через что» у них таковые происходят, они не знают. Свидетели не смогли ответить на вопрос, наносят ли Антоновой побои, поскольку не присутствовали при случаях рукоприкладства.

Известно, что волостной суд — это выборный, низший сословный крестьянский суд в дореволюционной России, обособленный от системы общих судов. В его состав входили председатель и трое судей, которые рассматривали наиболее распространенные в жизни крестьян мелкие гражданские и уголовные дела. В 1889 г. были утверждены «Временные правила о волостном суде»¹². Учрежденные в 1861 г. волостные суды были упразднены в 1917 г. Значительная часть дел, рассматривавшихся волостными судами, касалась дел, связанных с повседневными заботами крестьянского сообщества. Это были претензии относительно неплатежей, самовольной порубки леса, увоза сена и других хозяйственных дел¹³. Часть документов содержит сведения о соседских взаимоотношениях, собственно о делах семейных.

В октябре 1862 г. крестьянином с. Ильинского Хмелевской волости Пошехонского уезда Григорием Макаровым была подана жалоба на сноху Марину Васильеву. Вина последней, по словам истца, состояла «в самовольном отходе от мужа своего и из дому по неизвестной причине». Сама Марина Васильева, проживавшая у своего дяди Василия Абрамова «без надлежащего позволения мужа», созналась, что «тихим образом из дома своего свекра и мужа выкрала четыре полотна и передала своим брату и сестре». Волостной суд приговорил ответицу к наказанию розгами. Она должна была возвратить полотна и вернуться к мужу. Вскоре Григорий Макаров обратился в суд вновь со словесной жалобой, поскольку пришедшая в дом сноха обрвала его. Новое рассмотрение дела показало, что сын и сноха разошлись «по добровольному согласию». Решение волостного суда наказать Марину Васильеву двадцатью ударами розог осталось в силе¹⁴.

18 мая 1863 г. рассматривалась жалоба Ивана Трифонова, крестьянина д. Корниговцево Хмелевской волости Пошехонского уезда, на жену Василису Яковлеву. По утверждению истца, с женой на протяжении семи лет они жили «в хорошем согласии», теперь же

«неизвестно по каким причинам» жена с ним жить не хочет. Несмотря на то, что Василиса Яковлева утверждала, будто муж ее бьет, волостной суд приговорил ее к наказанию двадцатью ударами розог «за неповиновение мужу», приказав, чтобы она «непрерывно шла в дом к своему мужу жить»¹⁵.

Несогласие между супругами, супружеская неверность, нежелание продолжать совместную жизнь — эти обстоятельства также становились предметом рассмотрения волостных судов. Кулижский волостной суд Любимского уезда Ярославской губернии в 1868 г. слушал словесную жалобу крестьянки деревни Палагина Маремьяны Антоновой, что ее муж Егор Филиппов и его родители «постоянно наносят за неизвестные причины побои и не дают хлеба на пропитание». В суде Егор Филиппов, Филипп Михеев и Анна Николаева в нанесении побоев не сознались, а показали, что хлебом Антонова «питается» вместе с ними. Муж, свекровь и свекор истицы были единодушны в том, что ссоры происходят исключительно от неповиновения и непослушания Маремьяны Антоновой. Вызванные в суд жители деревни Палагина заявили, что все семейство Филиппа Михеева «характера беспокойного» и постоянно «производят между собою в доме шум и ссоры», но «через что» у них таковые происходят, они не знают. Свидетели не смогли ответить на вопрос, наносят ли Антоновой побои, поскольку не присутствовали при случаях рукоприкладства.

В конце концов Маремьяна Антонова заявила, что она не желает жить в доме свекра и просит выдать ей годовой паспорт на отхожий промысел. Стремление покинуть дом мужа и его родителей «дабы чрез то прекратить ссоры» было благосклонно принято. Следовало решить вопрос о материальном обеспечении жены и снохи. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Маремьяна Антонова летом текущего года «жила в работницах и выжила 9 рублей». Эти деньги она отдала мужу на оброк, теперь же «до приискания должности» истица просила выдать ей указанную сумму на пропитание и возвратить ей всю «носимую одежду и белье». Волостной суд определил: «Так как крестьянка Маремьяна Антонова изъявила желание уйти на отходный промысел и оставляет приобретенный ею нынешним летом на ее часть хлеб в пользу свекра Филиппа Михеева и мужа ее Егора Филиппова, то из выжитых ею и отданных мужу 9 рублей, взыскать с него в пользу ее на прокормление 3 рубля»¹⁶.

Поводом для конфликтов имущественные претензии становились нередко. В пореформенный период в крестьянской семье региона нередко происходили общие, или полные, и частные разделы. Первые в крестьянской среде именовались собственно разделениями. Последние подразделялись на два вида, которые заметно отличались друг от друга. В том случае, если один-два женатых сына или холостые члены семьи начинали вести с частью общесемейного имущества самостоятельное хозяйство и жить отдельно, заручившись согласием главы семьи, раздел именовался «отделом» («выделом»).

«Отходом» («уходом») назывался выход женатых или холостых членов самовольно, без согласия главы семьи из ее состава. Общие разделы в крестьянских семействах проводились в основном после смерти его главы. Частные же происходили при жизни хозяина¹⁷. Доля общесемейного имущества в случае раздела или доля наследования в случае смерти «большака» определялись нормами обычного права. В качестве основных причин семейных разделов в ярославской деревне следует выделить стремление младших членов семьи свободно распоряжаться заработком; непокорность и непослушание старшим, основанные на упадке экономического авторитета тех в семье; и, наконец, внутренние семейные межличностные конфликты, которые зачастую становились поводом к разделам¹⁸.

Замечено, что во многих центральных губерниях стремление к разделам проявилось «в такой сильной степени, что искусственная административная преграда в виде закона 1886 г. о семейных разделах оказалась вовсе бессильной сдерживать натиск индивидуалистических стремлений в крестьянской семье»¹⁹. Сельский сход был уполномочен решать вопрос о разделе. Прежде всего, сход должен был убедиться, последовало ли на это согласие родителей или старшего члена семьи. Мнение последних не принималось в расчет «только вследствие обвинения... в расточительстве». В том случае, когда заявление было подано, сход должен был обсуждать следующие вопросы: 1) существует ли основательный повод к разделению семьи; 2) способно ли образующееся семейство к самостоятельному ведению хозяйства; 3) «достаточно ли принадлежащие им усадебные участки для устройства на них усадеб с соблюдением требований строительного устава, а в случае неимения таких участков - предоставляется ли возможным отвести их из мирской усадебной или полевой земли»; 4) «будет ли в случае допущения раздела обеспечено исправное поступление числящихся на семье недоимок и текущих окладов по податям, повинностям и другим казенным взысканиям». Итак, разделы происходили по решению схода лишь с согласия домохозяина «по уважительным причинам и при имущественной благонадежности разделяющихся семей»²⁰.

Разделы, как правило, происходили с составлением особой раздельной записи, в которой подробно излагались условия раздела, перечислялись предметы, которые переходили к каждому из новых глав семей и т. д. Имущество, оцененное по стоимости и разделенное на части, делящиеся получали путем жеребьевки. Безусловно, не все нажитое семьей можно было разделить на равные части. Так, избы и другие строения признавались имуществом нераздельным. В практике деления предусматривалась приплата в деньгах за меньшую долю имущества. Те члены семьи, которые получали избу, должны были выплачивать определенную сумму денег семьям, не получившим своей доли. В том случае, когда семья была небогатой, до постройки новой избы разделившимся семействам приходилось жить вместе, старая разгораживалась на две половины²¹.

В 1862 г. Борисоглебский волостной суд Ростовского уезда разбирал спор, возникший между крестьянкой Борисоглебской слободы Екатериной Яковлевой и ее вдовой снохой. Золовка утверждала, что ее сноха не имеет никаких прав на дом, в котором женщины проживали вместе. По утверждению истицы, дом и постройки выстроены еще при жизни матери, когда брат был неженат: «По сему видно, что Настасья Михайлова была приведена в полный дом и после никакого поправления не производила», поскольку жила с мужем в Санкт-Петербурге. Претензии истицы вполне понятны, если принять во внимание то обстоятельство, что в «переднем доме» постоянно проживали постояльцы. Волостной суд, принимавший решение по указанному спору, отметил, что истица имеет строптивый характер, а бездетная «сирота» Анастасия Михайлова, родители которой уже умерли, а брат «многосемьян», добра, распорядительна и не может жить нигде, кроме как в доме умершего мужа. Постановление суда едва ли удовлетворило истицу, поскольку ей для жительства был отведен передний дом, а снохе задний²².

Прошение крестьянской вдовы д. Чечиного Пошехонского уезда Ярославской губернии Екатерины Ивановой Лебедевой, проживавшей вместе с детьми в Санкт-Петербурге, было подано в Хмелевской волостной суд в 1883 г. После смерти мужа Арсения Лебедева, по свидетельству истицы, в д. Чечиного остался деревянный дом с овином и гумном, которые истица хотела продать «по вольной цене»²³. В волостной суд был подан встречный иск крестьянской вдовы д. Чечиного свекрови Екатерины Лебедевой Марины Тимофеевой. Марина Тимофеева свидетельствовала, что оставшегося двухлетним после смерти мужа пасынка Арсения Никифорова она воспитывала до двенадцати лет «в старом ветхом доме». Потом мальчика взяли в дворовые, затем он проживал в Санкт-Петербурге, где занимался «коммерческим оборотом». На протяжении тридцати лет пасынок не оказывал ей финансовой поддержки, дом, на который претендовала вдова пасынка, Марина Тимофеева выстроила «трусами своими». Поэтому участники сельского схода 1 сентября 1882 г. «единогласно приговорили» считать требования Екатерины Лебедевой необоснованными²⁴.

В случае, если семейство было зажиточным и имело какое-либо промышленное заведение, переходившее к одному из новых глав семей (например, к одному из братьев), последний в качестве компенсации должен был выплачивать остальным определенную сумму денег²⁵. Примерно те же правила соблюдались при разделе между вдовой с детьми и ее деверем, между братом и сестрой, проживавшими совместно. При общесемейном разделе, когда делилась семья, построенная по принципу прямого родства, отец брал к себе младшего сына и ему передавал свой дом и все свое имущество.

В 1886 г. волостным судом Хмелевской волости Пошехонского уезда рассматривался семейный конфликт, касавшийся имущественных прав. В суд поступила жалоба крестьян д. Гаврилково Кондратия

Потапова и его жены Елизаветы Семеновы. Обидчиком в данном случае выступал родной сын истцов, который «самовольно завладел имуществом: овином, амбаром и двадцатью яблонями и не допускает ни к чему». Родители свидетельствовали о том, что сын постоянно их «оскорбляет разными скверно матерными словами и угрожает действием». Выяснение обстоятельств дела позволило установить, что 27 июля текущего года сельский сход принял решение о добровольном разделе имущества в данной семье. Тимофей Кондратьев «вышепоказанное спорное имение» получил в соответствии с решением схода. Постановление суда гласило: «За бездоказательностью жалобы просителей оставить без последствий»²⁶.

Несмотря на, казалось бы, отработанный механизм раздела, существовали поводы для споров. В 1870 г. Зверинцевский суд Ростовского уезда рассматривал спор, возникший между сестрой и братом, крестьянами с. Дубника, после смерти отца. Суд «приговорил» к разделу имущества, поступавшего в распоряжение истцов, с подробным описанием домашнего скраба, одежды, чтобы впредь не возникало споров²⁷.

В 1882 г. предметом разбирательства Хмелевского волостного суда стало прошение крестьянки д. Хмелевое Анны Ивановой и ее детей Семена, Сидора, Авдотьи и Анисьи Дмитриевых. Муж Анны Ивановой Дмитрий Моисеев умер в июне 1882 г., «приказав имущество» сыну Никите. В духовном завещании не были упомянуты «хлеб и корм». Намолоченный хлеб Анна Иванова положила в амбар Никиты, а сено хранила «в особом сарае». Весь хлеб, стоимость которого составила, согласно прошению, 220 руб. 20 коп., Никита Дмитриев присвоил себе «и корм увез». Судебное разбирательство привело к тому, что данное дело закончилось «полобовным разделом»²⁸.

8 июля 1886 г. Хмелевской волостной суд рассматривал конфликт крестьянской вдовы Анны Ивановой, проживавшей в д. Музге, и ее сына Глеба Спиридонова. Вдова жаловалась, что ответчик «постоянно притесняет ее и оскорбляет... отобрал от нее корову и амбар, почему она и просит привлечь его к ответственности по закону». Рассмотрев обстоятельства дела, суд принял решение оставить без последствий жалобу просительницы относительно отобранного имущества. Это было вызвано тем, что раздел имущества был совершен по приговору сельского схода государственных крестьян Музгинского общества. Иное дело — неуважение к матери. За этот проступок Глеб Спиридонов был приговорен к аресту при волостном правлении сроком на один день²⁹. Желанного мира в семье после такого решения не наступило, поскольку Анна Иванова продолжала жаловаться на сына и в следующем 1887 году³⁰. Аналогичные иски, связанные с имущественными спорами, становились предметом разбирательства в волостном суде достаточно часто³¹.

Мирохановский волостной суд Чухломского уезда Костромской губернии разбирал жалобу крестьянки

Марьи Петровой Ивановой на свекра Ивана Кузьмина, который выптал ее из дома с двумя малолетними детьми «не давши хлеба», хотя она летом работала в отсутствие мужа в хозяйстве родителей. Свекор по болезни на заседании суда присутствовать не смог, а свекровь истицы Прасковья Иванова объяснила, что причиной изгнания было то, что муж истицы Андриан Иванов не выслал, согласно своему обещанию, родителям 60 рублей. Волостной суд определил: взыскать «на хлеб и харчи» 10 рублей, а в случае неплатежа продать из дому часть имущества мужа. Свекровь истицы заявила, что в случае проживания Марьи Петровой в семье родителей мужа «хорошего ничего кроме раздора не будет»³².

Приведенный пример обозначает проблему, реально существовавшую в губерниях с развитым отходом. Главными добытчиками в условиях отхода являлась молодежь, и ее роль в семье неизбежно должна была измениться. Нередко складывалась ситуация, когда «кормильцем», от которого зависело благополучие всей семьи, становился младший член крестьянской семьи, что нарушало традиционную систему производственных отношений. Выросшая экономическая самостоятельность детей приводила к подрыву хозяйственного, а затем и личного авторитета большака-отца³³. Молодой крестьянин-отходник в неразделенной семье часто оказывался в невыгодном для себя положении, когда он должен был отдавать самостоятельно заработанные деньги старшему в семье, не имевшему отношения к получению этой прибыли. Кроме того, по обычаю сын-отходник вынужден был подчиняться решению отца в реализации добытых средств. Старшие члены семьи, сознавая свою зависимость от приносимых со стороны заработков, со своей стороны пытались обезопасить свою власть, усиливая контроль за мигрантами: возвращали домой «по поводу плохого присыла денег»³⁴ тех, кого подозревали в утаивании денег от семьи. Естественно, такое подчиненное положение не устраивало сыновей, привыкших в городе к самостоятельной жизни без надзора со стороны семейного патриарха, и нередко являлось предпосылкой к дальнейшему выделению отходника из семьи.

По мнению И. Н. Милоголовой, женщины в отхожих семьях осознавали собственную значимость в хозяйстве и способны были оценить свой труд. В конце XIX в. крестьяне Ярославской губернии сообщали членам комиссии по преобразованию волостных судов, что «отходничество привело к падению авторитета мужа... встречается все больше жен, которых можно назвать „ровней“ своему мужу»³⁵. В ряде случаев независимость и предприимчивость жен отходников могли даже перерасти во власть и лидирующие позиции в семье. По сообщениям уездных корреспондентов земской печати, некоторые жены «мужей слабых держат в подчинении себе, на торг не пускают, деловые разговоры ведут сами и с торговцами и с сельскими властями, являясь на сходки вместо мужей, хотя бы муж и был дома»³⁶.

Причиной, задерживающей, по мнению современ-

ников, но не препятствующей выходу отходника из большой семьи была боязнь нужды на «одиначине»³⁷. Отсутствие поддержки отцовской семьи для малой семьи заключало в себе реальную угрозу ее разорения. Поэтому в решении младших членов семей отделиться большое значение имела собственность, накопленная ими («собина»³⁸). Эти средства, чаще всего угаенные от главы семьи, которому надо было отдавать весь заработок, служили основанием для выдела новой семьи из большой. Тем не менее, как свидетельствует А. А. Титов, «редко у кого» из отходников Ростовского уезда оставалось «хорошее состояние после дележа»³⁹. Корреспондент «Вестника Ярославского земства» С. А. Пчелин утверждал, что уход сыновей из отцовской семьи ведет исключительно к их обеднению⁴⁰.

Подобное утверждение может показаться довольно категоричным и даже предвзятым, но, если вспомнить о том, что самыми зажиточными в ярославской деревне рассматриваемого периода являлись неразделенные большие семьи, оно вполне обосновано. Тем не менее, мы видим, что даже при наличии факторов, тормозящих процесс распада большой крестьянской семьи, отходничество способствовало увеличению семейных разделов в Ярославской губернии.

26 ноября 1872 г. Зверинцевский волостной суд Ростовского уезда рассматривал прошение государственных крестьян д. Чурилово «девицы Матрены и брата ее мальчика Алексея Константинова». Просители, ссылаясь на то, что дом был выстроен покойной матерью «на свой и их капитал», жаловались на побои, наносимые им отцом. Константин Иванов был женат вторым браком и имел падчерицу. Решение волостного суда было следующим: «Дом предоставить во владение детям... навсегда»⁴¹. Отец с новой семьей должен был из дома «выгнать... беспрепятственно».

Дела, касавшиеся раздела имущества, занимали далеко не последнее место в деятельности волостных

судов вполне оправданно. По официальным данным, по Ярославской губернии с 1874 по 1883 годы было осуществлено 18 897 разделов, из них 12 244 у бывших помещичьих крестьян и 6653 у бывших государственных⁴². В конце 80-х годов XIX в. тенденция перехода к простой (нуклеарной) семье становится все более заметной во многих губерниях страны⁴³. Как правило, в результате раздела в деревенском сообществе возникала новая социальная и хозяйственная единица — малая семья, в состав которой входила одна супружеская пара и их подрастающие (но не взрослые) дети. Экономические основы деятельности такой семьи были качественно иными.

То обстоятельство, что иски, связанные с имущественными спорами, становились предметом разбирательства в волостном суде достаточно часто⁴⁴, отнюдь не случайно. Большая семья в Ярославской губернии к началу XX в. стала редкостью и часто воспринималась как пережиток старины. «Ныне не дивятся, что делятся, а дивятся, что вместе живут»⁴⁵, — так отзывались о разделах жители Ярославской губернии. Анализ документов волостных судов позволяет судить о том, что особое место среди прочих занимали дела, связанные с порядком наследования. Это свидетельствует об изменениях, которые касались взаимоотношений супругов, родителей и детей в крестьянской семье Верхневолжского региона в пореформенный период. Трансформация крестьянской семьи региона может быть прослежена при анализе прав и обязанностей представителей разных поколений. Изменения во внутреннем строе семьи проявлялись в постепенном ослаблении патриархальных порядков. Вынужденная самостоятельность женщины в рамках малой семьи в хозяйственных и общественных делах способствовала значительному повышению ее общественного положения и утверждению авторитета в семье. Все это в конечном счете означало постепенное вовлечение российской деревни в процесс модернизации.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-01-00394а

² См.: Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII-XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. — М., 1989. — С. 10-11.

³ См.: Харузин М. Н. Программа для собрания сведений об юридических обычаях // Программа для собрания этнографических сведений, составленная при этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — М., 1887.

⁴ См.: Программа для собрания народных юридических обычаев. — СПб., 1889; см. также: Дополнительная программа для собрания народных юридических обычаев. — Ярославль, 1900; Титов А. А. Юридические обычаи села Николо-Перевоз Сулостской волости Ростовского уезда. — Ярославль, 1888.

⁵ Якушкин Е. И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. — Ярославль, 1875. — Вып. 1; 1896. — Вып. 2.; Соловьев Е. Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. — Казань, 1888; Белогрид-Котляревский Л. С. Роль обычая в уголовном законодательстве. Актовая речь, читанная на торжественном собрании Демидовского юридического лицея 30 августа 1887 года. — Ярославль, 1888; Духовской М. В. Имущественные проступки по решениям волостных судов. —

М., 1891; Никонов С. П., Якушкин Е. И. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда. — Ярославль, 1902; Дружинин Н. П. Право и личность крестьянина. — Ярославль, 1912; Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. — 1896. — Вып. 3-4. — С. 457-476 и др.
⁶ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII-начало XIX вв. — М., 1984; Власова И. В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII-XIX века) // Русские: семейный и общественный быт. — М., 1991. — С. 24-44; Власть земли. Традиционная экономика крестьянства в XIX-начале XX века. — М., 2002; Никищенко А. А. Крестьянство в судебной системе российского государства // Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX-начале XX века. — М., 2003. — С. 37-68; Безгин В. Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX-начало XX вв.) — Тамбов, 2004; и др.

⁷ Аюпова Т. В. Менталитет русского крестьянства по материалам волостных судов (60-70-е годы XIX в.) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. — М., 1998. — С. 50-51; Добренький С. И. Материалы волостных судов как источник по изучению

проблемы «Человек и пространство в сельской местности пореформенной России (на примере Московской губернии)» // Там же. — С. 241-243; Вахромеева О. Б. Местные законы о положении женщин в Российской империи на рубеже XIX-XX веков // Университетский историк: Альманах. — СПб., 2007. — Вып. 4. — С. 100-107.

⁸ Якушкин Е. И. Волостные суды в Ярославской губернии. — М., 1872. — С. 5.

⁹ См.: Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996; Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. — М., 1997. — С. 291-302; Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. — СПб., 1997; Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1994. — Т. II. — Вып. 4. — С. 193-203; Горизонты локальной истории Восточной Европы. — Челябинск, 2003; Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. — М., 2005. — С. 93-112 и др.

¹⁰ См.: Обычное право и правовой плюрализм: Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму (август 1997 г., Москва). — М., 1999; <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=485>; <http://liga-ivanovo.narod.ru/fenomen.htm>; http://eu.spb.ru/ethno/courses/et_p12n.htm.

¹¹ Where the twain meet. Dutch and russian regional demographic development in a comparative perspective. 1800-1917. — Groningen, Wageningen, 1998; Where the twain meet again. New result of the Dutch Russian project on regional development 1780-1917. Groningen, Wageningen, 2004; Шустрова И. Ю. Интегральная история на локальном уровне: методика, источники, результаты // Горизонты локальной истории Восточной Европы. — Челябинск, 2003. — С. 34-47.

¹² О волостном суде. Временные правила о Волостном суде в местностях, в которых введено Положение о Земских Участковых начальниках // Крестьянское правосудие. Обычное право русского крестьянства в XIX-начале XX века. — М., 2003. — С. 247-254.

¹³ РФ ГАЯО. — Ф. 340. — Оп. 1. — Д. 39, 44, 76 и др.

¹⁴ РФ ГАЯО. — Ф. 393. — Оп. 2. — Д. 183. Б. п.

¹⁵ Там же. — Д. 192. — Л. 190.

¹⁶ ГАЯО. — Ф. 812. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 53-53об.

¹⁷ Титов А. А. Указ. соч. — 1888. — С. 62-65.

¹⁸ Титов А. А. Указ. соч. — С. 62; Исаев А. Значение семейных разделов крестьян. По личным наблюдениям. — Ярославль, б. г. — С. 337.

¹⁹ Милогорова И. Н. Семья и семейный быт русской пореформенной деревни. 1861-1900. — М., 1988. — С. 7.

²⁰ Хомяков М. М. О влиянии экономического фактора на крестьянскую семью (обычай примачества). — Казань, 1901. — С. 7.

²¹ РФ ГАЯО. — Ф. 340. — Оп. 1. — Д. 39, 44, 76 и др.

²² Там же. — Д. 18. Б. п.

²³ РФ ГАЯО. — Ф. 393. — Оп. 2. — Д. 192. — Л. 145.

²⁴ Там же. — Л. 182.

²⁵ Там же. — Д. 30. Б. п.

²⁶ Там же. — Д. 183. Б. п.

²⁷ РФ. — Ф. 340. — Оп. 1. — Д. 76. Б. п.

²⁸ РФ ГАЯО. — Ф. 393. — Оп. 2. — Д. 192. — Л. 50-55.

²⁹ Там же. — Д. 199. — Л. 38.

³⁰ Там же. — Л. 117об.-118.

³¹ Там же. — Д. 183. Б. п.

³² ГАКО. — Ф. 331. — Оп. 1. — Д. 1. 1883. Л. 69 об.-70.

³³ См.: Милогорова И. Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье (на материалах центральных губерний) // Советская этнография. — 1991. — № 2. — С. 97.

³⁴ ГАЯО. — Ф. 642. — Оп. 1. — Д. 23847. — Л. 3.

³⁵ См.: Милогорова И. Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. Серия 8: История. — 1998. — № 2. — С. 72-73.

³⁶ Цит. по: Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (по данным о паспортах 1896-1902 гг.). — Ярославль, 1907. — С. 59

³⁷ Титов А. А. Указ. соч. — С. 62.

³⁸ Цит. по: Шмелева М. Н. Русские // Материалы к серии «Народы и культуры»: историко-этнографический очерк народной культуры. — М., 1992. — Вып. 6. Кн. 2. — С. 152.

³⁹ Титов А. А. Указ. соч. — С. 62.

⁴⁰ Пчелин С. А. Отход на сторону в одиночку и семьей // ВЯЗ. — 1903. — № 19. — С. 91.

⁴¹ РФ ГАЯО. — Ф. 340. — Оп. 1. — Д. — 76. Б. п.

⁴² Колесников В. Последствия крестьянских семейных разделов. — Ярославль, 1889. — С. 1.

⁴³ См.: Шмелева М. Н. Указ. соч. — С. 151.

⁴⁴ РФ ГАЯО. — Ф. 393. — Оп. 2. — Д. 183. Б. п.

⁴⁵ Цит. по: Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (по данным о паспортах 1896-1902 гг.). — С. 27.

Н. В. Киприянова (Владимир)

КУПЕЧЕСКАЯ СЕМЬЯ г. ВЛАДИМИРА И ЕЕ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЕ ОКРУЖЕНИЕ (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX ВЕКОВ)

Изучение бытовой стороны жизни различных социальных групп стало устойчивой частью современной исторической отечественной науки. Быт определяется как совокупность обычаев и нравов, общий уклад жизни¹, частью которого является предметно-вещное окружение человека. Это повседневная обстановка, «малый жизненный мир»², в котором сохраняются и передаются по наследству семейные традиции и нормы поведения, это среда, в которой происходит первоначальная социализация личности. Именно совокупность вещей, постоянно окружающих человека, формирует

первоначальные представления об обществе и материальном благосостоянии, о достойном образе жизни.

Данная работа посвящена изучению отдельных аспектов купеческой семьи г. Владимира и окружающей ее предметно-бытовой среды. Под предметно-бытовой средой обычно подразумевают вещи, с которыми человеку приходится сталкиваться ежедневно: жилище, мебель, посуду и домашнюю утварь, одежду и украшения, книги, картины, иконы и т. п. Круг вещей и отношение к ним помогают понять психологию личности, выявить специфику мировосприятия,

некоторые этические нормы.

Дореволюционная историография неоднократно обращалась к теме городского быта. В этой связи в первую очередь необходимо назвать многотомный труд А. В. Терещенко, охватывающий период с древнейшей истории славян до начала XIX в.³ Значительная часть исследования посвящена материальной стороне быта — жилищу, одежде, домоводству. Показывая русский быт в процессе развития, автор подчеркивает его традиционность и неизменность⁴. Большая часть работ XIX в., в которых рассматривался быт купцов и мещан, принадлежит историкам-непрофессионалам. В этих сочинениях не содержится обобщений и анализа, но накоплен богатый фактический материал. Одно из первых исследований в этом ряду принадлежит Е. А. Авдеевой, купчихе по происхождению, и построено на основе личных воспоминаний⁵.

В советский период, начиная с 20-х годов, прежде всего изучался быт новых классов: рабочих советского города и крестьян советской деревни. В работах 50-80-х гг. советские историки включились и в изучение историко-демографических процессов⁶.

Значительный вклад в разработку проблемы внес М. Г. Рабинович. Им воссоздана реальная бытовая обстановка жизни городского населения с раннего средневековья и до середины XIX в.: хозяйственная деятельность горожан, их подсобные занятия, внутрисемейные отношения и т. д.⁷

Работы о бытовой культуре различных слоев населения стали появляться в связи с возросшим в последние десятилетия интересом к истории повседневности и социокультурному аспекту развития общества⁸. Отдельно изучались проблемы купеческой семьи, ее людности, структуры, материального положения⁹. Специальные исследования о предметном мире купеческой семьи единичны, что явно недостаточно для полноценного анализа и обобщающих выводов¹⁰.

При написании данной работы были использованы городские обывательские книги города Владимира за 1794, 1803, 1842 гг.¹¹, материалы делопроизводства владимирского магистрата¹² и сиротского суда, где особый интерес представляют описи купеческого имущества¹³. Были рассмотрены также книги объявления ка-

питалов, куда вносились данные о всех членах семьи купца¹⁴. Представленные документы позволяют установить состав купеческой семьи, размеры принадлежащей ей городской недвижимости, тип построек (дом и надворные строения), выявить предметы домашней обстановки и утвари.

Семья играла ведущую роль в повседневном быте купцов. В городской обывательской книге г. Владимира за 1794 г. зафиксировано 126 купеческих семей; из них шесть принадлежали ко второй гильдии и 120 — к третьей¹⁵. В 1803 г. количество семей уменьшилось до 78, в том числе 5 — остались во второй гильдии¹⁶. К 1842 г. в составе гильдейцев было 87 семей, причем, появились купцы первой гильдии (две семьи), вторая гильдия сменилась полностью, в третьей объявлено 82 капитала¹⁷.

Одной из важнейших характеристик купеческой семьи является ее людность (количественный состав). При этом имеет значение не только общее число членов данной семьи, но и их распределение по половозрастному принципу: мужчины, женщины, дети, внуки. Отечественные исследователи установили взаимосвязь количественного состава семейной ячейки с хозяйственной деятельностью семьи, ее социальным статусом, образом жизни, внутрисемейными отношениями и другими аспектами семейной жизни¹⁸.

Обобщив данные имеющихся в нашем распоряжении источников, можно проследить динамику численности купеческой семьи с 1794 по 1852 гг. Для наглядности представим полученную информацию в виде таблицы (Табл. 1).

Сразу можно отметить, что за полстолетия заметно сократилось количество семей, в составе которых было более 10 человек. Меньше стало семей и с людностью в 7-10 человек (с 46 % до 19,5 %).

Доля обеих этих групп составила в середине XIX в. менее 30 %. Наиболее устойчивой оказалась семья из 4-6 человек. Почти в два раза выросло количество малых семей (1-3 человека).

Таким образом, с конца XVIII в. происходит постепенное уменьшение общей людности купеческих семей г. Владимира. Сходные процессы наблюдались и в семьях рязанских купцов²⁰. При изучении внутрен-

Таблица 1

Людность купеческой семьи г. Владимира конца XVIII—середины XIX вв.¹⁹

Количество человек в семье	1794 год	1803 год	1842 год	1852 год
1–3 чел.	18 семей 14,3 %	5 семей 6,4 %	20 семей 22,4 %	37 семей 31,35 %
4–6 чел.	30 семей 23,8 %	21 семья 26,9 %	34 семьи 38,3 %	47 семей 39,85 %
7–10 чел.	58 семей 46 %	45 семей 57,7 %	22 семьи 24,8 %	23 семьи 19,49 %
Свыше 10 чел.	20 семей 15,9 %	7 семей 9 %	13 семей 14,5 %	11 семей 9,31 %
Итого	126 семей (100 %)	78 семей (100 %)	89 семей (100 %)	118 семей (100 %)

ней структуры купеческой семьи возникают значительные трудности, связанные с недостаточной теоретической разработанностью данной проблематики. В литературе существуют различные принципы классификации семьи. Этот вопрос разрабатывали Н. А. Миненко²¹, Э. Я. Бояршинова²², Е. Н. Бакланова²³, М. Г. Рабинович²⁴ и др. В данной работе использована классификация Н. А. Миненко. Она предлагает выделение шести типов семей:

- простые, т. е. состоящие из одной супружеской пары с неженатыми (незамужними) детьми или без детей;
- расширенные, т. е. образующиеся в случае женитьбы одного из представителей младшего поколения в простой семье, рождение детей в новой брачной паре;
- сложные отцовские, состоящие из пары супругов родителей и двух или более супружеских пар, основанных их детьми со своим потомством;
- сложные братские семьи-ячейки, состоящие из братьев и сестер с их семьями, живущими совместно без родителей;
- линейные семьи, включающие три и более брачные пары, связанные между собой прямой линией родства;
- одиночные — состоящие из одного человека.

Руководствуясь этой типологией, сведения о купеческой семье г. Владимира конца XVIII—середины XIX вв. по данным архивных источников можно представить в виде таблицы (Табл. 2).

Вместе с тем, состав и людность семьи во многом зависели от ее происхождения. Так, в 1816 г. экономический крестьянин Лука Никифоров сын Нечаев, объявляя капитал по третьей гильдии, перечислил состоящих с ним в одном капитале шестерых сыновей (Антон, Антип, Яков, Гаврила, Петр, Фадей) и двух внуков (Павел, Василий)²⁷. В 1842 г. по данным городской обывательской книги семья Нечаевых состояла из 36 человек (включая женщин). Капитал объявлял второй по старшинству сын Луки Нечаева — Антип Лукич (о старшем, Антоне, известий нет). Это была типичная братская семья, в которой состояли пять женатых братьев с детьми (3-5 человек), свои семьи имели и сыновья главы семьи — Павел Антипович и Антон Антипович²⁸.

В 1852 г. в возрасте 55 лет Антип Нечаев при объявлении капитала в составе семьи указал уже 53 человека. Из братьев в живых остались только Гаврила и Фадей, но вдовы умерших братьев вместе со своими детьми и внуками продолжали жить одной семьей²⁹.

Таким образом, большая семья у купцов — это производственная необходимость или традиция крестьянского прошлого. В целом же анализ распределения семей с различным типом внутренней структуры показывает тенденцию к упрощению семьи, распаду сложных семей.

Судя по данным источников, сложные крупные семьи, подобные семье Нечаевых, встречались довольно редко. Однако сложные отцовские и сложные брат-

Таблица 2²⁵

Типы купеческих семей в 1794-1852 гг.

Типы семей	Годы	1794,	1803,	1842,	1852,
		%	%	%	%
Простая (3-5 чел.)		23,5	18,5	35	56,6
Расширенная (6-8 чел.)		33,5	44,8	36,1	22,7
Сложная отцовская		23,3	20,7	16,9	7,4
Сложная братская		12,4	9,7	7	6,3
Линейная		4,5	2,5	2,4	0
Одиночки		2,8	3,8	2,6	7
Всего:		100%	100%	100%	100%

Наблюдается явная тенденция к увеличению количества простых семей за счет распада прежде всего отцовской семьи, т. е. дети стремятся отделиться от родителей. Меньше пострадала братская семья.

В отечественной литературе утвердилось мнение, что для XVIII, а тем более, для XIX вв., говорить о больших семьях в классическом виде не приходится. Можно выделить лишь семьи неразделенные или усложненные малые²⁶. Наличие больших семей в купеческой среде связано со стремлением избежать семейных разделов и жить в одном дворе, ведя общее хозяйство. Эта практика характерна в основном для зажиточных горожан и вызвана общей торговлей, промышленной и иной предпринимательской деятельностью, нежеланием дробить имущество.

ские семьи продолжали бытовать в купеческой среде как среди перешедших в купечество крестьян, так и среди потомственных купцов³⁰.

По мнению Ю. Гончарова, постепенное упрощение семейной ячейки было следствием специфики экономической функции семьи. В купеческой среде семья соответствовала одному самостоятельному «делу». При этом ресурсы физического труда семейной ячейки, исключительно важные для крестьянского домохозяйства, на возможности купеческой семьи почти не влияли. Вследствие этого процесс упрощения семьи под воздействием развития капитализма и городского образа жизни у купцов происходил гораздо быстрее, чем у крестьян, где необходимость постоянной мобилизации именно физических ресурсов играла значительную роль и сдержи-

вала разложение сложной патриархальной семьи³¹. Эта традиция, определенная инертность жизненного уклада, переносилась крестьянами в их новый социальный (купеческий) статус. Не случайно к середине XIX в. более 69 % сложных семей (братских и отцовских) г. Владимира были зафиксированы как «приписавшиеся» и только 31 % — «старожилые».

Важнейшим условием существования купечества являлась возможность накопления и функционирования капитала. В связи с этим исключительное значение в купеческой среде имели семейно-имущественные отношения. В соответствии с законодательством только «начальник капитала» именовался купцом. Все остальные члены семьи, состоящие с ним в одном капитале, назывались в соответствии со степенью родства «купеческая жена (вдова)», «купеческий сын», «купеческая дочь» и т. д.³²

Возраст купеческих сыновей и дочерей не имел значения — они могли иметь своих детей и даже внуков, но без самостоятельного объявления капитала имели статус ниже, чем глава семьи.

Заявляя капитал, «начальник» нес ответственность за выполнение «гильдейских обязанностей». В торгово-производственной деятельности члены семьи выступали не самостоятельно, а только как доверенные лица начальника капитала. Положение дочерей в купеческой семье в материальном плане в определенной степени было более выгодным, чем положение сыновей: выходя замуж, дочери получали в приданое свою долю имуществ, которым могли распоряжаться по собственному усмотрению, в то время как сыновья оставались в семейном капитале до тех пор, пока не будут отделены отцом. Правда, отец при жизни мог передать дело сыну вместе со званием начальника капитала и всеми вытекающими обязанностями. Известны случаи, когда глава семьи при наличии взрослых сыновей завещал имущество и управление делами жене³³. В обывательских книгах во Владимире зафиксировано в 1794 г. 10 вдов, возглавлявших семейное дело, в 1803 — 7, в 1842 — 10³⁴.

Особое место в жизни горожанина занимал дом. Именно наличие дома во многом определяло статус городского жителя. Дом являлся частью усадебного комплекса, который включал в себя дополнительно различные амбары, сарай, склады, погреб, хлев для содержания коров и другой живности и т. д. Даже в середине XIX в. в купеческом дворе помимо жилых построек могли располагаться, например, «два амбара, погреб с запасами, сарай, колодец, в коем вода для употребления не пригодна»³⁵. Нередко в доме для удобства размещали лавку, контору, склад товаров. Так, на первом этаже дома купца 3-й гильдии А. Коновалова находилась харчевня³⁶; братья Федор и Андрей Петровские, купцы 2-й гильдии, владели каждый по «половине каменного дома на крепостной земле и под оным лавки и подвалы».³⁷ У зажиточных купцов могло быть и по несколько домов. Например, четыре дома (три деревянных и один каменный) было у купца 3-й гильдии П. А. Галкина³⁸ (в семье, кроме жены, были еще три взрослых сына,

из них двое женатых). По данным обывательских книг, к середине XIX в. число купцов, владеющих несколькими домами, возрастает: если в 1794 г. 2-3 дома имели 19 % купеческих семей, то в 1842 — 23,6 %³⁹. «Рекордсменом» здесь можно считать купца 3-й гильдии Я. Обросимова: имея семью в 9 человек (жена, женатый сын с тремя детьми, неженатый сын и 2 дочери), Яков Кузьмич владел семью домами, из них только один достался по наследству, остальные — куплены у разных лиц⁴⁰.

Следует отметить, что в это время преобладают дома именно купленные или построенные владельцами, а не наследованные.

Наличие большого количества жилья, явно превышающее потребности семьи, свидетельствует о том, что жилые помещения использовались в коммерческих целях. Практика сдачи жилья внаем стала особенно расширяться к концу XVIII в., когда в результате реформ Екатерины II в городах появился большой отряд чиновников. Сдавали в аренду как дома целиком, так и отдельные помещения. Например, один из трех домов купца 2-й гильдии А. Алферова (семья — 4 человека) был отдан под «батальонный лазарет»⁴¹, крестьянину деревни Нежатиной П. Захарову сдавал дом целиком Я. Холщевников⁴², в доме купца Н. А. Коновалова снимал комнату коллежский регистратор Ф. Я. Ломоносов⁴³. С укоренением практики сдачи жилья внаем происходило увеличение количества комнат в домах. Имелись купеческие дома, насчитывавшие 17 комнат⁴⁴, а в доме купцов Лазаревых было 83 комнаты⁴⁵.

Плата за арендуемое жилье также была различна. За дом Я. Холщевникова в год вносили от 50 до 70 рублей (в ценах 1804-1806 гг.)⁴⁶, а комнаты в деревянном доме Жуковой приносили до 500 рублей в год (1839)⁴⁷.

В XVIII в. во Владимире, как и большинстве русских городов, преобладали деревянные здания. Каменные дома были исключительно престижны, но и стоимость их была высокой; деревянные дома считались более полезными для здоровья, но были менее долговечны и подвергались большей опасности во время пожаров. Исходя из этого, распространенным типом городского жилья стали дома смешанной конструкции: низ каменный, верх деревянный. Такой тип жилых построек был распространен во Владимире с конца XVIII в. В соответствии с городскими обывательскими книгами, доля деревянных купеческих домов за полстолетия уменьшилась с 70 % до 40 %, процент каменных домов возрос с 9,8 % до 30 %, дома смешанной конструкции составляли 20,2 % в 1794 г. и 30 % в середине XIX в.⁴⁸ Судя по возросшей доле смешанных и особенно кирпичных домов, можно предположить, что в целом зажиточность владимирских купцов возросла.

Стоимость домов колебалась в значительных пределах и зависела от размера, времени строительства и материала. Например, деревянный дом бургомистра

В. Лазарева был оценен в 373 рубля (1805)⁴⁹, каменный дом П. Галкина продан за 1750 рублей⁵⁰, а каменный дом братьев Петровских был оценен в 10 000 рублей⁵¹.

Интерьер купеческого жилища конца XVIII—XIX вв. представлял пеструю смесь традиционных, исконно русских, уходящих корнями в крестьянский быт предметов обстановки и некоторых переработанных и усвоенных западноевропейских образцов. Многочисленные сундуки, короба, лари, ящики, как и прежде, употреблялись для хранения всевозможного скарба⁵². Кроме этого, в описях купеческого имущества содержатся сведения о шкафах разной формы и размеров, комодах, лавках, кроватях, стульях. По-прежнему сохранялась встроенная мебель, размеры и форма которой подгонялись к месту, на котором должен был стоять предмет. Чаще всего упоминаются поставцы, шкафы, вделанные в стены, лавки-скамьи. Лавки продолжали служить спальными местами, т. к. кроватей в доме или вообще не было, или была одна, редко — две. Для многолюдных купеческих семей этого было явно недостаточно. Кровать как относительно редкий элемент обстановки являлась предметом определенной гордости. Так, в описи имущества купца В. Баженова упоминалась кровать «на железных винтах»⁵³. Набор постельных принадлежностей был многообразнее. В зажиточных домах спали на перинах, набитых пухом и перьями. Одеяла подбивались мехом (обычно заячьим или простой овчиной, встречались и беличьи). Для теплого времени служили одеяла «холодные ситцевые». В первой половине XIX в. в отношении постельного белья стало применяться понятие «гарнитур»: «гарнитурное одеяло шелковое, простыня гарнитурная шитая с золотой сеткой» (из описи имущества купца В. Смолина)⁵⁴.

Европейские новинки домашнего быта — картины, зеркала, часы — встречаются со второй половины XVIII в. и также являются предметом особой гордости. Эти вещи не имели прямого хозяйственного назначения, но повышали престиж владельца в глазах окружающих. Картин могло быть довольно много. В описях имущества упоминаются по 20-35 картин⁵⁵, как в рамах, так и просто «на холсте». Их развешивали в парадных комнатах (залах и гостиных). В простенках между окнами помещали зеркала. Обычно в доме находилось одно-два зеркала, но могло быть и четыре-пять, причем, больших размеров (длиной в аршин и аршин с четвертью)⁵⁶. Часы — как правило, железные в деревянном корпусе — были большой редкостью. Они имели не только функциональное значение, но и являлись элементом декора, а также свидетельствовали о богатстве владельца. Удовольствие это было дорогое. Часы в доме, например, купца Доронина были оценены в 127 руб.⁵⁷

Наиболее многочисленным предметом интерьера были стулья. Часто они обивались кожей и расставлялись вдоль стен. Стулья, как и картины, часы, были элементами «престижной» обстановки. К середине XIX в. у состоятельных купцов сформировался примерный набор парадной мебели: диван с преддиванным

столом и креслами, тумбы для ваз, бюстос и канделябров, ломберные столы, ковры на полу⁵⁸.

Обязательным элементом интерьера купеческого дома являлись иконы. Здесь не ставится вопрос о набожности и вере купечества. Следует лишь отметить, что количество икон могло доходить до десятка и более⁵⁹.

Иконы были не только предметами культа, но и являлись удобным вложением капитала. Неоднократно упоминаются иконы «в разных украшениях», «в серебряном окладе и с вкладным серебряным крестом»⁶⁰.

Доказательством того, что иконы имели не только духовное, но и вполне приземленное материальное значение, служит история с наследством купца Д. Иванисова: во время описи имущества один из возможных наследников дважды пытался скрыть от оценщиков «большой образ Спасителя с предстоящими ангелами в серебряном окладе» и другие «иконы в украшениях». В первый раз образ Спасителя совершенно непочтительно вместо «красного угла» поместили «наверх ретирального места, при восходе на парадное крыльцо дома», второй раз вместе с другими иконами просто припрятали у соседей⁶¹.

Описи не дают сведений о древности и художественных достоинствах икон. Скорее всего, большинство из них были так называемыми «расхожими», выполненными иконописцами в городских и монастырских мастерских на продажу⁶².

Набор посуды в купеческих домах примерно одинаков: тарелки, блюда, стаканы, бокалы, сковороды, кастрюли, кувшины, ковши, подносы, солонки, молочники и т. д. Обращает на себя внимание наличие кофейников, чайников, чайных и кофейных чашек. Эти предметы становятся необходимыми, т. к. чай и кофе превращаются не просто в часто употребляемые, но и престижные напитки. Исследователи неоднократно отмечали особую любовь купеческого сословия к чаепитию: «Удовольствие это было дорогим для того времени, и в чаепитии выражалось отличие купцов от простых граждан и крестьян»⁶³. Описывались случаи, когда выпивалось до сорока стаканов чая в день⁶⁴. Во время чаепития предлагались булки, пряники, варенье, молоко. Приглашение «испить чаю» было обязательным при приеме гостей. Судя по количеству чайных приборов, владимирские предприниматели чаем увлекались. В кухонной утвари купца Философова, помимо 18 серебряных столовых ложек, серебряных бокалов, молочников и подносов, упомянуто и 6 чайников (4 медных и 2 серебряных)⁶⁵.

Как и мебель, это была парадная посуда. Наряду с серебряными в описях встречаются и деревянные, и оловянные ложки; деревянные, оловянные и глиняные чашки; деревянные блюда и тарелки.

Важно отметить, что при описании купеческого имущества часто встречаются определения «ветхий», «ветхая», и относятся они к домашним вещам довольно зажиточных купцов. Старые, поломанные и битые вещи не выбрасывались, а оставались в хозяйстве, несмотря на их явную бесполезность. Так, битая и склеенная посуда упоминается среди имущества весьма состоя-

тельных купцов Д. Белоглазова и Петровского⁶⁶. Подобная бережливость на грани скопидомства, проявлявшаяся в сохранении всякого хлама и исключении лучших, качественных предметов из повседневного обихода, была характерна для психологии торговца. Исследователи объясняют эту черту неустойчивостью социального положения купца, возможностью в любой момент оказаться в более низкой социальной группе⁶⁷. Следует добавить, что за каждую чашку с отбитой ручкой или треснувший бокал когда-то были уплачены деньги, и просто выбросить их купцы не могли.

Одним из важнейших элементов быта является одежда, во многом определявшая внешний облик горожанина. Одежда указывала на национальную и сословную принадлежность человека, его имущественное положение. По мнению А. И. Куприянова, для власти одежда стала важным средством социальной идентификации подданных⁶⁸. Бесцеремонный нажим со стороны власти, стремившейся привить русскому человеку европейский облик, вызывал среди городского населения глухое сопротивление. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы инерция привычки была преодолена. Тем не менее, на протяжении всего XVIII и почти до конца XIX вв. купечество сохранило в своей одежде элементы традиционного русского костюма в сочетании с деталями, заимствованными с Запада. Наиболее характерной частью такого смешения «французского с нижегородским» стал жилет, надетый поверх традиционной длинной русской рубахи⁶⁹.

Нижняя одежда (рубаха у женщин, рубаха и порты у мужчин) не претерпела существенных изменений. Верхнюю мужскую одежду по материалам описей Владимирского сиротского суда составляли кафтаны, штаны, зипуны, армяки, шубы, тулупы. Наиболее распространенный комплект мужской одежды включал в себя кафтан и штаны. Довольно часто упоминается камзол⁷⁰. В целом мужская одежда не отличалась разнообразием. Детали женской одежды были гораздо многочисленнее. В описи имущества вдовы купца Ф. Петровского перечислено тридцать два элемента: сарафаны, юбки, платья, шали, чулки, перчатки и т. п.⁷¹ К своему приданому женщины относились очень бережно (как и вообще к вещам) и передавали его только детям: ни сестры, ни снохи и другие родственницы прав на приданое не имели. В случае, если кто-то из родственников (не детей) после смерти женщины решал воспользоваться ее оставшимся имуществом, дело могло дойти до драк и разбирательства в официальных инстанциях.

Так, в 1806 г. мещанка Ф. Ухмылкина обратилась одновременно и в городовой магистрат, и в городскую думу с жалобой на действия Филиппа и Прохора Белоглазовых. Дочь Ф. Ухмылкиной, Авдотья, была второй женой купца 3-й гильдии Дмитрия Белоглазова. После их смерти сиротский суд определил опекунами над малолетними детьми Авдотьи их старших сводных братьев, Прохора и Филиппа. Суть жалобы Ф. Ухмылкиной состояла в том, что сестра Прохора

продала «сарафан — кумашный» и цепочку серебряную «звенчагую» из приданого Авдотьи. Более того, жена Прохора посмела открыть сундук, «в котором имение ее (Ухмылкиной. — Н. К.) дочери хранилось», и надеть «платок саржевый» во время службы в Успенском соборе. По решению магистрата была вновь сделана опись приданого Авдотьи Белоглазовой (Ухмылкиной). При проверке были обнаружены: «ряски жемчужные», «серьги жемчужные», серьги «насыпные» серебряные с жемчужинами, пять перстней серебряных, цепочка серебряная с тремя крестами, три полшубка (один с «позументом», второй с «пуговицами серебряными», третий «китайчатый» с серебряными пуговицами, а также два шугая, сарафаны, платки, наволочки и т. д.⁷² Сама Ф. Ухмылкина на приданое своей дочери не претендовала, но наследовать должны были дети, а не снохи и свояченицы, принадлежавшие к другому роду. Принцип «родового имени» сохранял свое значение не только для земельных владений, но и для движимого имущества.

Наличие большого количества ювелирных украшений также было социальной маркировкой. Наряд, внешний вид купчих служили своеобразной витриной, демонстрировавшей богатство семьи⁷³. Не случайно одежду украшали жемчугом, золотыми и серебряными пуговицами, мехами. Стремление выставлять богатство напоказ было вызвано глубокими психологическими причинами. Это не просто демонстрация устойчивого материального положения, «успешности» в делах и, следовательно, доверие компаньонов и престиж в глазах окружающих. Это — своеобразная компенсация за недавний статус «мужика сорокоалтынного», за то подбострастие, с которым приходилось обращаться в различные административные структуры, за те унижения, которые приходилось терпеть от различных «команд» и «правительств». Следует помнить, что большинство из этих разряженных купчих, как и их мужья, были выходцами из «дворовых», «вольнотпущенных», «экономических» (часто — в первом, реже — в третьем поколении).

Исследование купеческой семьи г. Владимира конца XVIII—первой половины XIX вв. позволяет сделать ряд выводов.

Купеческие семьи, различные по составу и численности, за указанный период явно эволюционировали в сторону сокращения людности. Общая тенденция к упрощению семьи связана, прежде всего, с развитием городского образа жизни. Вместе с тем, семьи выходцев из крестьян традиционно сохраняли сложную структуру и многолюдность.

Специфику купеческого быта определяли, во-первых, активное государственное регулирование уклада жизни подданных, во-вторых, развивавшийся капитализм, приводящий к «коммерциализации» внутрисемейных отношений. В сфере быта престиж богатства был исключительно высок. С его помощью создавался определенный «имидж» удачливого, предприимчивого,

надежного предпринимателя, что было необходимо для развития деловых контактов.

Особенностью функционирования купеческой семьи являлось ее «промежуточное» положение между многовековыми традициями, часто имевшими корни в крестьянстве, и активно развивающимися новыми

социально-экономическими отношениями, ломавшими эти традиции. Уклониться от новых тенденций было невозможно, т. к. положение в обществе зависело от демонстрации богатства, «престижного» потребления, создававшего в глазах окружающих образ рачительного, надежного, трудолюбивого хозяина.

¹ Словарь русского языка. — М., 1981. — Т. I. — С. 130.

² Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. — М., 2008. — С. 17.

³ Терещенко А. Быт русского народа. — М., 1997. — Ч. 1.

⁴ Там же. — С. 1-2.

⁵ Авдеева Е. А. Записки о старом и новом русском быте. — СПб., 1842.

⁶ Рындинский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. — М., 1958; Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. — М., 1967; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий). — М., 1963 и др.

⁷ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. — М., 1978; он же: Очерки истории материальной культуры русского феодального города. — М., 1988.

⁸ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. — М., 1998; Овсянников Ю. М. Картины русского быта. — М., 2000; Куприянов А. И. Немецкая мода и идентичность в русском городе (конец XVIII-первая половина XIX века // Труды Института Российской истории. — М., 2004. — Вып. 4; Калининская Н. М. История костюма. — М., 1997; Барашев М. А. Быт и повседневная жизнь русского купечества (конец XVII-начало XX вв.) // История российского предпринимательства. — Владимир, 2001; Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X-начало XIX в.). — М., 1997; Судакова О. Н. Ценностный мир русского купечества Нового времени. — Улан-Уде, 2001; Тьдман Л. В. Изба, дом, дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840 годы. — М., 2000 и др.

⁹ Гончаров Ю. М. Купеческая семья в XIX-XX вв. — М., 1999; Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII—XIX веках. Из истории формирования сибирской буржуазии. — Томск, 1996; Миненко Н. А. Городская семья Западной Сибири в XVII-XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1984.

¹⁰ Брянецев М. В., Дубровский А. М. Предметный мир провинциального купечества XVIII века // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. — Брянск, 1992; Киприянова Н. В. Элементы быта горожанина в XVIII веке // Предприниматель и культура. Материалы III Всероссийской заочной научно-практической конференции. — Челябинск, 2005; Четырина Н. А. Сергиевский посад в конце XVIII-начале XIX вв. — М., 2006; Федорова Г. А. Традиционная одежда жителей Владимирской губернии. Свидетельства очевидцев из XVIII века // Материалы краеведческой конференции: Владимир, 14 мая, 1999 г. — Владимир, 2000. — С. 190-195; Сазонова Е. И. Материальная культура и быт русского провинциального города конца XVIII—начала XX вв. (на примере городов Владимирской и Ярославской губерний): Автореф. дис канд. ист. наук. — Ярославль, 2002.

¹¹ ГАВО. — Ф. 400. — Оп. 3. — Д. 2, 64; Оп. 1. — Д. 2.

¹² Там же. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 21, 268, 280, 575.

¹³ Там же. — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 35, 111, 122; Оп. 2. — Д. 31, 89, 240.

¹⁴ Там же. — Ф. 400. — Оп. 2. — Д. 48, 49.

¹⁵ Там же. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 73об.-127.

¹⁶ Там же. — Д. 64. — Л. 83об.-114.

¹⁷ Там же. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1об.-50.

¹⁸ Гончаров Ю. М. Указ. соч. — С. 123.

¹⁹ Таблица составлена на основе данных городских обывательских книг г. Владимира за 1794, 1803, 1842 гг. и книг объявлений капиталов за 1852 г. См.: ГАВО. — Ф. 400. — Оп. 1. — Д. 2; Д. 48; Д. 4; Оп. 3. — Д. 2; Д. 64.

²⁰ Кусова И. Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI—XX вв. — Рязань, 1996. — С. 76.

²¹ Миненко Н. А. Указ. соч. — С. 177-179.

²² Бояршинова З. Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. — Томск, 1967. — Вып. III. — С. 13-18.

²³ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. — М., 1976.

²⁴ Рабинович М. Г. Русская городская семья в начале XVIII в. // СЭ. — 1978. — № 5.

²⁵ См. примечание к Табл. 1.

²⁶ Власова И. В. Семья // Этнография восточных славян. — М., 1987. — С. 361-364.

²⁷ ГАВО. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 371. — Л. 26.

²⁸ Там же. — Ф. 400. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 28об.-29.

²⁹ Там же. — Оп. 2. — Д. 49. — Л. 22-3об.

³⁰ В 1852 г. семьи с младностью от 15 до 53 человек сохранили 11 купцов, в том числе Нечаевы — 53 человека, Литвиновы — 48 человек, Титовы — 26 человек, Воронины — 25 человек, Федоровские — 23 человека. См.: ГАВО. — Ф. 400. — Оп. 2. — Д. 48. — Л. 28-28об, 56, 58-58об.; Д. 49. — Л. 22-23.

³¹ Гончаров Ю. М. Указ. соч. — С. 130.

³² Законодательство Екатерины II. — М., 2001. — Т. 2. — С. 66-68.

³³ ГАВО. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 97. — Л. 16.

³⁴ В книге 1794 г.: Ананьина А. И., Богомолова А. А., Боченикова А. А., Воскресенская С. Г., Зубкова Н. Ф., Ильянова А. И., Козирова У. А., Онтропова М. С., Тозикова Н. Е., Юрьева Ю. Б.; в книге 1803 г.: Воскресенская С. Г., Зубкова Н. Ф., Лапотникова М. С., Онтропова М. С., Сомова А. И., Тозикова Н. Е., Хабарова А. А.; в книге 1842 г.: Белоглазова А. С., Белоглазова Н. А., Веселовская С. Е., Воронова А. Н., Галкина А. С., Денисова Е. Е., Калмыкова М. И., Листвинова Т. Д., Мартынова А. Б., Новикова А. Л.

³⁵ ГАВО. — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 3-4.

³⁶ Там же. — Оп. 2. — Д. 31.

³⁷ Там же. — Ф. 400. — Оп. 3. — Д. 64. — Л. 84-85.

³⁸ Там же. — Л. 92об.-93.

³⁹ Подсчеты выполнены по обывательским книгам 1794 и 1842 гг.

⁴⁰ ГАВО. — Ф. 400. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 30об.-31.

⁴¹ Там же. — Л. 73об.-74.

⁴² Там же. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 268. — Л. 584об.

⁴³ Там же. — Д. 280. — Л. 556, 580.

⁴⁴ Там же. — Ф. 665. — Оп. 2. — Д. 4. — Л. 3-9.

⁴⁵ Там же. — Оп. 1. — Д. 780-б. — Л. 1-2.

⁴⁶ Там же. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 268. — Л. 584об.

⁴⁷ Частное объявление // ВГВ. — 1839. — № 32. Часть официальная.

⁴⁸ Расчеты выполнены на основании обывательских книг 1794, 1803, 1842 гг.

⁴⁹ ГАВО. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 280. — Л. 335об.

⁵⁰ Там же. — Л. 183.

⁵¹ ГАВО. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 4392. — Л. 1-2, 7об.

⁵² Там же. — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 111. — Л. 12.

⁵³ Там же. — Д. 123. — Л. 9.

⁵⁴ Там же. — Д. 117. — Л. 18.

⁵⁵ Там же. — Д. 111. — Л. 13; Д. 123. — Л. 9.

⁵⁶ Там же. — Ф. 1136. — Оп. 2. — Д. 133. — Л. 48об.

⁵⁷ Там же. — Ф. 549. — Оп. 2. — Д. 240. — Л. 6.

⁵⁸ Лернер Л. А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии). Автореферат диссерт. кандид. историч. наук. — Курск, 2003. — С.15.

⁵⁹ ГАВО. — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 111. — Л. 12.

⁶⁰ ГАВО. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 575. — Л. 580об.

⁶¹ Там же. — Л. 580об.-581, 584-584об.

⁶² Тарасов О. Ю. «Расхожая» икона в русской художественной культуре XVIII-начала XIX вв. // Культура средних веков и нового времени. — М., 1987. — С. 80.

⁶³ Гончаров Ю. М. Указ. соч. — С. 215.

⁶⁴ Бойко В. П. О менталитете западносибирского купечества

в конце XVIII-XIX вв. // Историческая наука на рубеже веков. — Томск, 1999. — Т. 2. — С. 90.

⁶⁵ ГАВО. — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 122. — Л. 7-8.

⁶⁶ Там же. — Д. 111. — Л. 9; Д. 35. — Л. 12.

⁶⁷ Кусова И. Г. Указ. соч. — С. 90.

⁶⁸ Куприянов А. И. Указ. соч. — С. 78, 97.

⁶⁹ Мерцалова М. Н. От «Домостроя» до «Переписки мод» // Наше наследие. — 1989. — № 3. — С. 58.

⁷⁰ ГАВО. — Ф. 549 а. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 9-11.

⁷¹ Там же. — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 35. — Л. 14-16.

⁷² Там же. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 268. — Л. 280-281.

⁷³ Судакова О. Н. Указ. соч. — С. 108.

⁷⁴ ГАВО. — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 111. — Л. 15, 24-25.

Т. А. Лопырева (Курск)

ОБРАЗ ЖИЗНИ И БЫТ КУРСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Начало понятию «купеческое общество» дало «Городское положение» 1785 г., в котором наиболее ярко была показана такая сторона повседневного образа жизни купцов, как способ передвижения их по городу. Так, купцам первой гильдии разрешалось ездить в карете парюю. Купцам второй гильдии разрешалось то же самое, но лишь в коляске. Эти сословия освобождались от телесных наказаний. Купцам третьей гильдии запрещалось ездить по городу в карете и впрягать летом и зимой более одной лошади.

Согласно Торговому уставу 1857 г. «купечество 1-й гильдии вообще не почитается податным состоянием, но составляет особый класс почетных людей в государстве». Купец первой гильдии получил право приезжать к императорскому двору, носить шпагу, а «при русской одежде саблю». Это касалось лишь лица мужского пола и никак не распространялось на все купеческое семейство. Кроме того, купец первой гильдии мог носить и губернский мундир той губернии, где был записан. Мундир Курской губернии был из «гарнитура пунцового цвета с обшлагами и воротниками голубого цвета». За «особенно важные заслуги лица купеческого звания христианского вероисповедания» удостоивались по воле царя различных наград и чинов. Заслуги и награды давали право купцу получить не только личное или потомственное дворянство, а и потомственное почетное гражданство. Почетными гражданами могли стать и дети купцов, получив «без порядка» гражданский чин. К лицам купеческого звания полагалось обращение «Ваше степенство»¹.

И все же купечеству была свойственна патриархальность и семейственность. По данным на 1847 г. самым многочисленным в Курске было семейство купца Ф. П. Алтухова: три сына, пятнадцать внуков и внучек. Вот что о строгих и патриархальных порядках семьи купцов Антимоновых писали «Курские епархиальные ведомости»: «В конце XVIII-начале XIX веков во главе семейства стоял Василий Васильевич, который скончался в 20-е годы прошлого столетия в глубокой

старости и до конца дней своих оставался непререкаемым авторитетом для многочисленных домочадцев. От них Василий Васильевич требовал, прежде всего, беспрекословного исполнения тех обязанностей, которые на каждого христианина возлагает святая православная церковь. Долго помнили куряне, сколь отрадную картину являло благочестивое семейство Антимоновых, направляющееся в день праздника к храму: все шли чинно, друг за другом, соблюдая старшинство. И в храме вели себя примерно». Старший сын Иван Васильевич «требовал от детей беспрекословного повиновения, и они так почитали отца, что без разрешения не осмеливались садиться в его присутствии. В прочем, при всей своей строгости Иван Васильевич ни разу не поднял руку на кого-либо из своих детей, за что не только трепетно почитали, но и сердечно его любили»². И. В. Антимонов «унаследовал добродетели своего родителя, был человеком простым и глубоко смиренным, почему и после преставления Василия Васильевича репутация семейства оставалась безукоризненной. А уважали Антимоновых и за глубокое благочестие, и за безукоризненную честность в торгово-промышленных делах».

Купеческие дети очень скоро входили во взрослую жизнь, помогая родителям в торговле. Наглядно это можно видеть на примере жизни курского астронома-самоучки Федора Алексеевича Семенова. Когда юный Федор подрос, отец стал отправлять его (часто под присмотром приказчиков) по торговым делам своим: весною и летом за покупкою рыбы на Дон и Таганрог. Осенью же по приказанию отца он работал на бойне и продавал мясо в мясном ряду.

Одной из особенных черт купечества середины XIX в. был определенный консерватизм, пассивность в некоторых начинаниях. Вот как об этой черте, в частности, выразился председатель курского губернского статистического комитета князь Н. Н. Голицын при обсуждении вопроса о переводе Коренной ярмарки в Курск: «Одним из существенных препятствий к успешному его разрешению было желание иногороднего

купечества оставаться при прежних условиях ярмарочного быта, прежних обычаев и порядках — желание столь согласное с рутинными приемами нашего купечества, и с опасением его каждой реформы и нововведения»³. Подобная черта была свойственна купцам ввиду возможности любого неверного решения, от которого они могли потерять все состояние или скоро разориться.

Многие из курских купцов были людьми неграмотными и просили по тем или иным вопросам за себя расписаться постороннее лицо. Повседневная сторона жизни купечества была схожа с другими сословиями. Весело среди купеческого населения проходили различные празднества, выливавшиеся в массовые народные гуляния. Кроме традиционных праздников, отмечались дни бракосочетания царствующих особ и членов императорской фамилии. Например, в день бракосочетания будущего императора Александра II «от бедной хижинки простолодина до роскошных палат богача не было уголка, в котором бы, садясь за стол и выходя из-за стола, не пили за Государя Императора и Государыню Императрицу и за надежду России — Государя наследника». Редкий дом не украшался тогда «щегольским вензелем с надписью: „16 апреля 1841 года”». В Государственном архиве Курской области в фонде купца И. В. Гладкова⁴ хранятся поздравления, приглашения на обеды, бракосочетания, на отпевания своих родных и на их поминки.

Достоверно известно, что в Курске в те годы Гладковы — одна из самых больших и почетных купеческих династий, члены которой являлись еще и почетными гражданами города. Все они активно занимались благотворительной деятельностью, не жалея нажитого: на их средства строили больницы, попечительские заведения. Гладковы были прихожанами Воскресенско-Ильинского храма и немало средств жертвовали именно на его нужды⁵.

Сама Анна Федоровна Гладкова, проживавшая по центральной Московской (ныне Ленина) улице, как известно, имела в собственности целый ряд домов, в том числе под номерами 16 и 18. В период своей активной

купеческой деятельности она занималась торговлей пушниной. Свободные свои дома сдавала в аренду различным другим торговым фирмам-магазинам, в адресах которых так и значилось: «Дом Гладковой». Известно, что один из ее родственников (муж? дядя?) Николай Николаевич Гладков в начале XX в. преподавал в Марининской женской гимназии (ныне Курский государственный педагогический университет).

Род Гладковых тянется во глубину веков, и знаменитые выходы из него упоминаются в летописи Курского края еще периода Отечественной войны 1812 года.

Чудом сохранился текст письма М. И. Кутузова курскому городскому голове В. А. Гладкову, датированного 30 сентября 1812 г.

«Государь мой Василий Андреевич!

Похвальное усердие ваше, сопряженное с предосторожностью, при настоящих обстоятельствах необходимо, поставило меня в приятный долг изъявить вам мою признательность, с чем вместе я прошу вас успокоить жителей г. Курска и уверить, что состояние армии нашей как было, так и есть в благонадежном положении.

Силы наши сохранены, и надежда на верное поражение врага нашего нас не оставляла.

Граждане ваши гг. Сибилев и Дружинин были очевидными свидетелями невыгод неприятеля нашего, какое встречает он на каждом шагу. Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предостоят ему неизбежно.

А затем лета мои и любовь к Отечеству дают мне право требовать вашей доверенности, силою коей уверяю вас, что г. Курск есть и будет в совершенной безопасности. Теплые ваши молитвы ко Всевышнему и храбрость войска нашего будут следствием того удовольствия, какого я надеюсь и которое, к общему обрадованию, последует вслед за компаниею, в непродолжительном времени превратиться долженствующею.

Имею честь быть, государь мой, ваш усердный князь Михайла (Голенцев)-Кутузов»⁶.

Вот, оказывается, какими именитыми да интересными были наши земляки Гладковы.

¹ Захаров В. В. Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. — Курск. — 1996. — С. 17-18.

² Озеров Ю. Н. Курское купечество в середине XIX века. — Курск, 2002. — С. 132.

³ Озеров Ю. Н. Указ. соч. — С. 74.

⁴ ГАКО — Ф. 134. — Оп. 2. — Д. 4. — Л. 1-3.

⁵ Большая Курская энциклопедия. — Курск, 2004. — Т. 1. Кн. 1. — С. 176.

⁶ Ошеров А. И. Купцы Гладковы // Курская правда. — 2001. — 28 февраля.

Л. А. Лернер (Курск)

СЕМИОТИКА КУПЕЧЕСКОГО КОСТЮМА XIX СТОЛЕТИЯ

Одежда является важным элементом быта, она указывает на национальную и сословную принадлежность человека, его имущественное положение. Целью нашего исследования является характеристика одежды купечества XIX в. — периода начавшейся модернизации общества — на примере Курской губернии.

Информация об одежде купечества содержится

в различных источниках. Прежде всего, это фонды сиротских судов Государственного архива Курской области и Государственного архива Белгородской области. Особую ценность здесь представляют «Дела об оценке имущества» купцов, которые включают подробное описание движимой и недвижимой собственности, а также носильной одежды и драгоценностей гильдейцев. Спе-

цифическую группу источников составляют купеческие портреты и фотографии, сохранившиеся в фондах Курской картинной галереи им. А. А. Дейнеки и Курского государственного областного краеведческого музея, а также предметы быта, хранящиеся в фондах Белгородского краеведческого музея и экспонировавшиеся на выставке «Курск купеческий» в Курском государственном областном краеведческом музее. Их анализ позволяет полнее и детальнее представить специфику одежды и особенности внешнего облика провинциального купечества. Ценными источниками являются также местная периодическая печать и источники личного происхождения.

В литературе можно встретить указание на существование какой-то специфической купеческой одежды. Так, английский путешественник У. Маккензи отмечал, что «русский купец никогда не высказывал желание быть не тем, чем он есть. Он обыкновенно носит платье, указывающее на его социальное положение»². Однако в действительности предметы одежды купечества, особенно повседневной, были в основном те же, что у крестьян и мещан, только богаче и лучше по качеству и больше по количеству.

К сожалению, представление о «носиальной одежде» купечества, полученное нами из источников, далеко неполное, т. к. описи содержат в основном перечень уличной и верхней домашней одежды, не числятся головные уборы, нет описаний обуви. Картины позволяют дополнить семь купеческих портретов, хранящихся в фондах Курской картинной галереи им. А. А. Дейнеки и Курского областного краеведческого музея. Абсолютное большинство этих портретов анонимны. Исключение составляют портреты купцов Филиппова, автором которого является В. И. Шмидт, и Пусачева, автор — В. Ф. Щепетов. Все полотна датируются первой половиной XIX в.

После 1860-х гг. купеческий портрет практически исчезает. Облик пореформенного купца, как и представителей других сословий, фиксирует фотография. Наклеенные на картон, фотографии хорошо сохранились до наших дней. На их обороте — в красивом, вычурном оформлении фамилия фотографа, адрес мастерской и, как правило, текст «Негативы сохраняются». Некоторые купеческие фамилии имели целые семейные альбомы.

Анализ сохранившихся материалов показывает, что своеобразие купеческого костюма заключалось главным образом не в том, что купцы носили какие-то особые вещи, которых, кроме них, не носил никто, а в сочетании вещей. Некоторые из них были заимствованы у «господ», другие имели крестьянское происхождение, но, конечно, рознились от своих народных образцов качеством и дороговизной.

В начале XIX в. основная масса купечества одевалась в русское национальное платье. Иногда к нему, при сохранении традиционного покроя, добавлялись незначительные детали модного костюма. Среди основной массы купеческого населения одеваться по моде было не принято. «Мода у купеческого населения Замоскворечья, — по словам А. Н. Островского, —

постоянный, неистощимый предмет насмешек. Солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивали головою с улыбкою сожаления. Это значит человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде»³. Например, мода на женские «греческие» платья эпохи сентиментализма (из легкой воздушной материи, с открытыми руками, шей и грудью, подчеркивающее особенности фигуры), в купеческой среде отвергалась и сурово порицалась. Женщины здесь вели традиционно замкнутый образ жизни, ограничиваясь интересами семьи и домашним хозяйством, а модную одежду считали неприличной.

Мужской купеческий костюм в начале века сохранял покрой русского платья в сочетании с деталями модного дворянского костюма. Богатые носили платье крестьянского покроя, но сшитое из самых дорогих материалов. Из модного костюма в купеческий легко переходят детали, не нарушающие основных черт русской одежды, — ее степенности, долгополости, а также привычки застегиваться на левую сторону. По моде начинали шить воротники, отвороты, рукава, тогда, когда они уже прочно вошли в одежду солидных людей из дворян.

В качестве головного убора мужчины носили летом картузы, зимой — меховые шапки. Некоторые купцы, особенно старообрядцы, предпочитали высокие, дорогие бобровые шапки. У большинства купцов, изображенных на портретах, волосы острижены «в кружок» или «под скобку», присутствует борода. Характерно, что и на фотографиях начала XX в. у всех курских купцов есть борода, которая являлась, по словам одного из современников, «воспроизведением на человеке лика Христова».

Судя по сохранившимся портретам, с особой гордостью демонстрировали купцы свои награды — золотые медали с профилем императора, которые носились на шее на аннинской или владимирской лентах.

В середине XIX в. купечество начинает менять свой уклад жизни, приобретает новые, воспринятые от дворянства черты. Это хорошо прослеживается по костюму, он становится неоднородным. В частности, об эволюции костюма жителей г. Курска Е. Авдеева писала, что «прежде (т. е. в конце XVIII-начале XIX веков) во всех богатых домах носили дорогую русскую одежду. И теперь еще (т. е. в 30-е годы XIX века) большинство женщин в русском платье, но многие — и в немецком, т. е. носят на голове вместо кички платок»⁴. Во многих купеческих домах можно увидеть платья, шляпки, четчики. Но праздничный наряд все еще сарафан (штофный или парчовый называется «шубкой», суконный — «сукней»), подпоясанный персидским кушаком; тонкая кисейная рубашка с широкими, собранными на запястьях рукавами и высоким, застегнутым запонкой воротником, вышитый, низанный жемчугом кокошник. Верхняя уличная одежда — кафтан (по будням — из нанки или китайки, по праздникам — шелковый, большей частью малиновый штоф); дома «уже лет 20» как носят саян (но это «не сарафан, а просто юбка под самые плечи и держится на плечах лентами»), но на улице выйти без кафтана нельзя,

а поверх повойника повязывают платок. Наблюдательная бытописательница очень точно отметила постепенную смену женского костюма в крупном провинциальном городе. Мужчины ходили еще в русском платье, но прическа была уже в кружок, а не с выстриженным гуменцом. Нововведением были галстуки и подстригание бороды⁵.

Перечень одежды в описях имений начинается с перечисления шуб, которые являлись самой дорогой одеждой. Упоминаются шубы из меха лисы, горноста⁶, куницы⁷ и даже кенгуру⁸, покрытые сукном (реже нанкой, гарниуром).

Пальто купцы носили из черного или синего драпа или сукна, двубортные, с застежкой на пять-шесть пуговиц по борту и с отложным воротником, часто покрытым бархатом. Пальто были длинные, сзади имели разрез⁹.

Из верхней мужской одежды в описях чаще всего встречается сюртук, который в начале XIX в. заменил кафтан¹⁰. На портретах купцы в большинстве своем также изображены в черных сюртуках, застегнутых на все пуговицы. Гильдейцы шили серые, коричневые, черные сюртуки, т. к. синие и темно-зеленые были форменными для большего числа ведомств. Во второй половине XIX столетия сюртук стал выпесняться пиджаком, и как повседневную одежду в конце столетия его сохраняют только пожилые люди.

Излюбленной одеждой купцов был костюм с поддевкой — коротким кафтаном с застежкой на крючках, часто без рукавов, одевавшимся под верхнюю одежду. Поддевка имела небольшой стоячий воротник или прорезные карманы, застегивалась на левую сторону на крючки, сзади имела складки. При этих складках иногда делали разрез на спине. Шили поддевки из черного или синего сукна. Летом щеголи из молодых купцов носили также белые суконные поддевки.

Промежуточной формой между сюртуками и поддевкой — основными видами купеческого костюма — была так называемая сибирка. Сибирка спереди напоминала сюртук, но застегивалась наглухо, а воротник имела отложной; застегивалась она, как поддевка, на левую сторону на крючках. Пуговицы ее были нашиты, как на сюртуке, но играли лишь декоративную роль. Сзади сибирка имела сборки, как на поддевке. По своему назначению она была универсальной и выполняла роль летнего пальто и представительского костюма. Известный специалист по истории русского костюма Р. М. Кирсанова писала, что сибирки, вплоть до начала XX в., оставались «признаком мелкого, часто провинциального купечества, мецзан, лавочников, уличных торговцев» и, в то же время, «старинная сибирка или чуйка служили „миллионщикам“ средством эпатажа, нарочито выражающим стремление подчеркнуть свою сословную принадлежность»¹¹.

На фотографии «Курские купцы с подарками Николаю I»¹², трое из семи изображенных купцов одеты в сибирки, двое — в сюртуках. Фотография датирована 1902 г., следовательно, курские купцы выглядят для того

времени достаточно старомодно. На наш взгляд, подобная одежда, наряду с бородой, выступала не только знаком национальности, сословия, но и утверждала принципиальную традиционность купеческого быта, которая и составляла его своеобразие.

Для шитья одежды купечество употребляло в середине XIX в. более двадцати различных материй. Это драп, трек, креп, сукно, демикотон, кастор, шерсть, штоф и др. Любопытно, что даже выбор ткани для одежды демонстрирует некоторые особенности купеческого менталитета. Например, штоф — это очень плотный дорогой материал, который вначале использовался как мебельная или декоративная ткань для интерьера. Купечество первым применило эту плотную тяжелую ткань для шитья платья, шалей или «солидных» мужских жилетов.

Купечество среднего достатка, для которого долговечность ткани была самым главным свойством, нередко использовало для пошива одежды демикотон. Этот плотный ноский, крепкий материал применялся для шитья верхней одежды, теплых халатов, покрытия шуб.

Наглядной иллюстрацией сочетания и взаимовлияния двух (самобытно-традиционного и «модного», ориентированного на западноевропейский образец) направлений в одежде является портрет купца, нарисованный Е. Марковым. «У стола уже сидело за чаем 2 проезжих купчика. Один из них, по-видимому, старший и главный, сидел, отвалившись к стене, подбоченившись одной рукою, а на расставленных пальцах другой держа блюдо с жиденьким чаем, на которое он не переставал дуть. Чай, вероятно, подходил к концу, потому что оба купца были красны, как свекла, и покрыты от корны волос до конца подбородка мелкими каплями пота: первый даже расстегнул свою синюю сибирку, так что теперь была видна его суконная жилетка со стеклянными пуговицами, из-под которой торчала ситцевая рубашка, подвязанная под круглое брюшко... на простом мужицком пояске его висел скверный маленький гребешочек, между тем как на груди покоилась массивная золотая цепь, и из сального жилетного кармана выглядывал дорогой хронометр... сапоги были до колена, почти детярные, а потное лицо утиралось между тем довольно тонким фуляровым платком; словом, во всем была видна грубая смесь мужицких привычек и туго набитого кошелька. Говорил он скверным русским наречием тоном непоколебимого авторитета, важно, медленно, наставительно, чувствуя, что он тут знает больше всех и что карман его еще умнее, чем он сам. Оттого его тупая физиономия с серой бородой и выкаченными бесцветными глазами казалась еще тупей; товарищи его и все, кто был в комнате, слушали его, однако, с большим почтением, едва осмеливаясь возражать, так что его приговоры частенько кончали всякий разговор. Товарищ его был еще молодой, красивый купчик или меццанин, остриженный по-русски, с мягким, даже сладким выражением лица: он ежеминутно взмахивал головой, чтобы закинуть назад докучливые волосы и обнаруживать в своих речах большую любознательность, для удовлетворе-

ния которой постоянно обращался к синей сибирке»¹³.

Женская одежда в купеческой среде отличалась большим разнообразием. Самым распространенным женским костюмом купчих было платье с длинными рукавами из шерсти, шелка, кисеи, поверх которого надевалась короткая кофта без воротника, парчовая или шелковая. Широко распространенным украшением был жемчуг.

В середине века женщина превращается в рекламу успехов и положения мужа или отца, символ процветания его дела. Формы ее костюма были далеки от какой-либо практичности и целесообразности. Они характеризуются преувеличенной декоративностью, роскошные ткани с вычурными рисунками, нагромождение украшений и отделок широко распространено именно в этой среде. Все это было рассчитано на то, чтобы произвести эффект, поразить воображение окружающих богатством и роскошью туалетов. Многие купчихи в эти годы покупают платья в модных лавках, выписывают наряды даже из Парижа.

Любимой верхней одеждой купчихи были салопы. Они по покрою напоминали русские шубы — широкую распашную одежду на меху или стеганую на вате. Зимние салопы шились на меху. Уже в 1830 г. салопы начали выходить из моды, в журналах во второй половине XIX в. они не рекламировались и новых их фасонов не предлагалось, тем не менее, они сохранились в русском быту до конца XIX столетия. Форма салопа (верхняя очень просторная утепленная широкая одежда с широкими рукавами или без них, скреплявшаяся лентами или шнурами) требовала больших затрат ткани и меха — верх шили из бархата, шелка, дорогого сукна, подкладку делали из меха куницы и соболя. Тем не менее, его продолжали носить в той среде, где богатство материала ценилось выше других качеств. Тяжелые, монументальные формы салопа, диктующие степенную походку, подчеркивающую дородность и состоятельность, соответствующие давно сложившемуся эстетическому идеалу, представлению о красивой женщине, сохранявшемуся во всех тех слоях русского общества, которые не утратили связи с традиционной культурой, тяготение к величественным формам было подмечено в начале XIX в., когда в одном из журналов появилась следующая фраза: «Пускай тяжелую цветную одежду, кружева, блонды, петинет, розовые гирлянды, розовые и лиловые шелковые материи носят молодые купчихи, а богатые жемчужные убрусы, газет, штоф, тафту и платки — старые»¹⁴. В начале XX столетия название «салопа» употреблялось лишь в переносном смысле по отношению к бесформенной старомодной одежде¹⁵.

В перечнях женской одежды постоянно указываются традиционные русские телогреи, полутелогреи, полушубки, шугайки¹⁶. Это очень близкие типы одежды (женская короткая утепленная кофта), отличающиеся скорее названием, а не кроем или функциями в быту. Выбор ткани зависел от возраста и достатка хозяина. Название одного и того же предмета разными словами в зависимости от социальной принадлежности говоря-

щего — достаточно частое явление в языке. По-видимому, предпочтение слову шугайка (которое чаще всего встречается в перечнях) отдавали люди, оторвавшиеся от крестьянского быта, но сохранившие некоторые привычные и удобные в быту вещи.

В первой четверти XIX в. были модны платья из однотонных тканей с завышенной талией и пышными рукавами. На голове платок. Старинный сарафан и короткая плечевая одежда все же упоминаются в описях. Хотя традиционный сарафанный комплекс был для купечества нехарактерен.

Частым дополнением к костюму были шарфы различного размера, цвета, рисунка, материала, шали и палантины (т. е. меховая или отделанная мехом дамская накидка прямоугольной формы и различной длины). Много подобных аксессуаров, принадлежащих ранее купеческой семье Черкасовых, сохранилось в Белгородском краеведческом музее.

Непременным атрибутом купеческого наряда служили драгоценности. Например, среди украденных вещей обоянской купеческой невестки Ф. Ефимовой перечисляются «пара жемчужных серег, сразовые серьги белые, нитка крупного янтарю»¹⁷, а в описи имущества жены второй гильдии купеческого сына А. П. Немцева упоминаются следующие драгоценности: шесть ниток жемчуга, фермуар с бриллиантовым камнем, две пары серег с бриллиантами, три браслета жемчужных, серьги и броши, кольца золотые с бриллиантовыми камнями и др., всего на сумму 659 руб.¹⁸.

Таким образом, данный материал показывает, что манера одеваться в исследуемый период характеризует не только личный вкус и имущественное положение, но и, особенно у мужчин, принадлежность к тому или иному сословию. Курское купеческое общество выглядело довольно разнообразно. Носили и старую русскую одежду, и модные новинки. Особенностью всех семей являлось наличие довольно большого количества одежды. Исключения встречались редко. Одно из них — купеческий сын А. Астапов, все имущество которого заключалось в театральном платье¹⁹.

Костюм в исследуемый период становится также носителем социальной информации. Для семантического наполнения купеческого костюма как «русского» использовались традиционные символы православия (бороды у мужчин; волосы, убранные под платок, у женщин), народные (долгополость кафтанов или сюртуков, закрывающая фигуру полностью в женском костюме и др.) и социальные символы (репрезентация богатства, практичность). Новшества в костюме использовались в целях демонстрации материального положения и социального статуса.

Согласимся с О. Н. Судаковой, по мнению которой «купеческий костюм, его элементы, получившиеся семантический и аксиологический код, использовались русским купечеством для групповой самоидентификации и дистанцирования от других сословий и социальных групп»²⁰.

Реконструкция различных сторон частной жизни

купечества продемонстрировала сложносоставность культурного облика сословия. Устойчивыми чертами, проявившимися во всех сферах жизнедеятельности, выступали ориентация на народную культуру и присутствие дворянских идеалов. Подобные, во многом взаимоисключающие, тенденции приводили к тому, что в одно и то же время некоторые члены купеческих семей были неграмотными, а другие — имели высшее образование. Одни увлекались музыкой, совершали заграничные путешествия, читали периодику и новейшие произведения отечественных и зарубежных авторов, а у других круг интересов был ограничен собственным делом и посещением церкви.

В целом на протяжении XIX в. провинциальное купечество постепенно отходило от народных традиций и обычаев, вырабатывало свои ценностные ориентации, нормы поведения и образ жизни, что нашло отражение и в материальной культуре. Свообразие купеческого быта, который во многом сохранял черты патриархаль-

ности и консерватизма, подчеркивают добротные и основательные дома гильдейцев. Стремление внедрить в свой быт атрибуты, свойственные дворянскому образу жизни, приводили к тому, что состоятельные купцы строили или покупали большие дома современной планировки, значительная часть которых отводилась под жилые помещения. Многие из этих сооружений до сих пор являются архитектурными украшениями города.

Что касается внешнего вида, то в XIX столетии костюм провинциального купца демонстрировал его материальное положение и социальный статус. Именно поэтому представители купеческого сословия позволяли себе следовать моде, не расставаясь совсем со старым русским нарядом. Внешний вид женщины из купеческой среды являлся как бы рекламой положения ее мужа, отца, покровителя. Поэтому зачастую ее костюм был далек от практичности и отличался чрезмерной декоративностью в расчете на то, чтобы произвести максимальный эффект.

¹ Маккензи У. Россия. — СПб., 1880. — Т. 1. — С. 215.

² Островский А. Н. Полное собрание сочинений. — М., 1952. — Т. XIII. — С. 34.

³ Авдеева Е. А. Записки о старом и новом русском быте. — СПб., 1842. — С. 57-58.

⁴ Там же. — С. 57-59.

⁵ ГАКО. — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 34об.

⁶ Там же. — Д. 10. — Л. 6об.

⁷ ГАБО. — Ф. 108. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 6.

⁸ ГАКО. — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 6об.

⁹ ГАБО. — Ф. 108. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 6об.

¹⁰ Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18—первой половины 20 вв.: Опыт энциклопедии. — М., 1995. — С. 254.

¹¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи

(XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб., 1999. — Т. 1 — С. 120.

¹² Марков Е. Барчуки. Картины прошлого. — Б/м., б/г. — С. 325-326.

¹³ Цит. по: Верецагин В. А. Памяти прошлого. — СПб., 1914. — С. 149.

¹⁴ Кирсанова Р. М. Указ. соч. — С. 241.

¹⁵ Курские губернские ведомости. — 1846. — № 25. — С. 22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАКО. — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 6.

¹⁸ Курские губернские ведомости. — 1863. — № 5. — С. 22.

¹⁹ Судакова О. Н. Культура русского купечества (20-е гг. XVIII-начало 60-х гг. XIX вв.). Дис. канд. культур. наук. — СПб., 1998. — С. 139.

О. А. Кострикина (Ярославль)

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ДОСУГ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОЖАНИНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Важными элементами бытового уклада городской семьи являются способы проведения праздничного и будничного досуга. Исследование «обычной, будничной жизни» связано с рядом источниковедческих трудностей. В заметках местных любителей старины и материалах периодической печати сведения о проведении будничного досуга ограничены, как правило, субкультурой молодежи и элитарных групп.

Ценным источником для реконструкции повседневной жизни горожан являются судебные дела городских магистратов, связанные с расследованием причин пожаров в уездных городах (условно названная нами группа дел «О пожарах»). Кроме того, дела «О пожарах» интересны с точки зрения выявления

социальных связей горожан, как обычных, каждодневных, так и проявляемых в экстраординарных условиях. Поведение и реакция на пожар представителей различных групп — родственников, соседей, посторонних и др. — интересны как драматический казус. На особую ценность такого рода документов указывали исследователи, работающие в рамках казусного подхода, подчеркивая, что «необычные события весьма привлекательны тем, что они порождают вокруг себя взрыв человеческих эмоций, которые в других случаях редко находят отражение в источниках»¹.

Действующие лица описываемых событий — мещане и купцы, как правило, соседи — большинство из них жили или работали рядом с местом пожара.

Например, главными участниками романово-борисоглебского пожара 15 апреля 1848 г., уничтожившего около ста жилых домов, были горожане — мещане и купцы, проживающие или торгующие на Ярославской улице. В ходе проведения следствия дали показания несколько десятков человек, среди них — подозреваемый в поджоге мещанин Александр Фомкинский, первая пострадавшая мещанка Фюна Ласкина с семейством, работник Ласкиных Иван Привалов, торгующие в лавках мещанин Михаил Брылин и купец Петр Опахов. С точки зрения структурирования свободного времени типичной мещанской семьи интересны архивные материалы «Дела о поджоге бани романово-борисоглебского мещанина Пехтерева» 1850 г.²; чуть ниже на этих источниках мы воссоздадим картину обычного семейного вечера.

Повседневный досуг был более приватен, индивидуализирован; формы проведения свободного от работы времени во многом определялись принадлежностью к определенной социальной и половозрастной группе. Вот, например, каким было распределение занятий в мещанской семье Пехтеревых в один из октябрьских вечеров 1850 г. Глава семьи — Дмитрий Пехтерев — «находился на берегу Волги для работ»; его жена — Авдотья Александровна — была дома; старший сын — Николай — собирался идти на сговоры вместе со своим крестным Михаилом Щеголевым; младший сын — Егор — «был на улице с подобными ему товарищами для занятия по-ребячески игрою». Таким образом, в источнике представлены четыре половозрастные группы: женатые мужчины, замужние женщины, «парни» и дети. Традиционно считается, что семейные горожане свободного времени имели очень мало; мужчины были основными добытчиками средств существования семьи и досуг чаще всего проводили вне дома. Судя по просмотренным архивным делам, лавочки и другие частные заведения закрывались поздно, в 7 часов пополудни торговцы еще сидели в лавках, работала цирюльня. Среди мещан и третьегильдейских купцов уездных городов обычным делом было посещение питейных заведений.

Питейные заведения в рассматриваемый период разделялись на пять классов: гостиницы, рестораны, кофейные дома, трактиры, харчевни. Деятельность питейных заведений регулировалась «Положением о трактирных заведениях 1821 г.»³. Анализ объявлений городских дум о вызове желающих на содержание трактирных заведений показывает, что в большинстве уездных городов, за исключением Рыбинска и Углича, городские власти четко определяли число отдаваемых в содержание питейных заведений. Например, пошехонская дума сообщала об открытии одного герберга, четырех гостиниц, четырех харчевен, даниловская дума — двух гостиниц, одной ресторации и харчевни, ростовская — трех годовых трактиров и одного ярмарочного⁴. По-иному обстояло дело с организацией питейных заведений в Рыбинске и Угличе. В Рыбинске «полагается к открытию в 1832 г. гостиничных, ресторацион-

ных, трактирных и харчевенных заведений, а так же кофейных домов, столько, сколько может явиться желающих к снятию их в содержание»⁵. Подобная установка городских властей в отношении числа питейных заведений во многом объяснялась повышенным спросом на них в период навигации, когда Рыбинск принимал огромное количество приезжающих предпринимателей и рабочих.

Заход в питейный дом в среде мещан часто объяснялся трудным рабочим днем. Так, мещанин Барсенков зашел в верхнеборисоглебский питейный дом, по его словам, «для выпития перед ужином вина, так как они занимаются тяжелой работою»⁶. Среди посетителей питейных домов повышенным спросом пользовались настойка «Ерофеич» (горькая настойка на травах и пряностях) и пиво. В гостиничных заведениях популярным занятием была игра на бильярде⁷, причем «низшие слои» играли партию независимо от сословия и места проживания. Например, 24 октября 1849 г. в романово-борисоглебской гостинице «Берлин» в бильярд играли крестьянин Романово-Борисоглебского уезда Антон Николаев, работавший в городе, и городской мещанин Михаил Сушин⁸.

Посещение питейных заведений не обязательно предполагало распитие спиртных напитков. «Из пития ничего не пил, а курил из сидельской трубки табак, коего равно и трубки своей не имеет»⁹, — записано со слов мещанина Привалова о его нахождении в романово-борисоглебском кузнецком питейном доме. «Ушел... в гостиницу напиться чаю и покурить трубочку, через полчаса... пришел в эту гостиницу здешний мещанин Кузьма Матвеев Фоминский, коего... пригласил с собой выпить чай, продолжили за оным сидеть»¹⁰, — рассказывал мещанин К. Ласкин о своем времяпрепровождении. В питейных домах выпивку и закуску можно было получить под залог; несмотря на многочисленные запреты правительства, покончить с этой практикой было невозможно. Крылатое выражение «все до последних штанов пропьет» иллюстрирует следующая история 1842 г., сохранившаяся в документах Ярославской палаты уголовного суда: «Купецкий сын Савва Исаевский, находящийся в каземате 2-ой Борисоглебской части, высунулся в окошко и увидел мещанина Андрея Волкова. Исаевский отдал ему в окошко суконные панталоны, просил его, чтобы он заложил их в харчевне у Ивана Дмитриева Нужды и купил был полштофа вина и закуски»¹¹. Волков получил в харчевне двуривенный, купил полштофа вина, калач крупильчатой и два малосольных огурца (любопытно, что в Петербурге в середине XIX в. в трактире «Феникс» в Толмазовом переулке, по свидетельству современников, на целковый — один рубль — можно было втроем упиться до умопомрачения).

В Ростове в середине 1850-х гг. популярностью у приезжих на Ростовскую ярмарку пользовался трактир ярославского купца Киселева. «Возьмите, например, который-нибудь из столичных кофейных домов, куда собираются военные и гражданские чиновники и помещики, и который-нибудь из известных трактиров

на Нижегородской ярмарке, где посетители состоят из образованного, полубразованного и необразованного купечества, — писал корреспондент „Ярославских губернских ведомостей” И. Дружинин. — Эти-то два разнородных заведения и сливаются в один в трактире Н. Д. Киселева. Тут вы встретите, особенно в конце первой и начале второй недели, несколько офицеров, командированных для покупки лошадей, помещиков, а также в большом числе... трехразрядное купечество»¹².

Постепенно в городах складывается особая «карта» питейных заведений с весьма любопытными микротопонимами. В делах романово-борисоглебского горюднического правления нами обнаружен «Реестр питейным домам и штофным лавочкам» 1852 г.¹³ Каждый из пятнадцати трактиров имел свое название. Микротопонимы были связаны с местом расположения заведения в городе (Волжский, Сенной, Ямской), именем домовладельцев или откупщиков (Васильевская лавочка, Кузнецко-Борисоглебский), местом расположения в доме (Верхнекаменный, Нижнекаменный), атрибутом питейного заведения или местным преданием (Ведерный, Разуваевский, Безстыдный, Безшапочный, Зеленицкий).

В поволжских городах местом сбора мужчин был берег Волги. В Мологе во время ледохода на берегу приводились в порядок лавочки, и пожилые мужчины «выходили слушать, как матушка Волга — шумом шумит и строит ледяные горы»¹⁴. С началом тепла мужчины также выходили на берег «разговаривать о судопромышленности, о ценах на ржаную муку и прочих съестных предметов, так как... многие низовые суда уже приходят к Рыбинску»¹⁵.

В уездных городах с сильными купеческими традициями существовали своеобразные «элитарные» клубы. В Рыбинске с 1807 г. по воскресным дням устраивались собрания для благородного дворянства и купечества. Интересен факт совместного собрания дворян и купцов: представители других сословий в большинстве российских городов стали допускаться в эти клубы гораздо позднее, в конце XIX-начале XX вв. Собрание существовало на членские взносы: по 25 руб. с семейства в год; для собраний снималось помещение. Набор развлечений в клубе включал в себя танцы, карты, бильярд, чтение газет, «да есть тут и особый из немцев эконом, который имеет всегда в готовности для желающих стол, чай, кофе, конфеты, фрукты и виноградные вина»¹⁶. В Ростове в 1825 г. существовала «Биржа под открытым небом», т. е. определенная группа купцов, ежедневно с газетами в руках собиравшаяся для обсуждения экономических и политических вопросов¹⁷.

Женщины-горожанки среднего и пожилого возраста были загружены домашними работами (воспитание детей, ведение домохозяйства). Любопытный факт, касающийся образа жизни рыбинских женщин, приводит автор «Описания 1811 г.» г. Рыбинска: «Сколько женский пол в Рыбинске шеголеват, столько и празднотлюбив: в редком доме с мая по 15 ноября найдешь, чтобы не было наемной работницы, или, по крайней мере,

няньки за детьми; а у многих и во весь год, хотя б у других не так-то соответствовало тому и состояние мужей их»¹⁸. В теплое время года общение женщин происходило на открытом воздухе и напоминало деревенские «беседы», хотя сам термин для повседневного времяпрепровождения в источниках 1810-1820-х гг. уже не встречается. В Рыбинске «женщины и девицы среднего состояния по праздничным и воскресным дням летом, а иногда и зимой после обеда, нарядясь в лучшие свои платья, выходят на улицы сидеть по скамьям у ворот»¹⁹. Мологские жители выходили на гулянья с Петрова дня: «На улицах там и сям видны гуляющие женщины; они, собравшись у ворот чьего либо дома, сидят на лавочках, занимаясь обыкновенными бабьими разговорами»²⁰. «Это бабье гулянье в особенном роде, — пояснял современник, — где... беспрестанно продолжают разговоры, пересуды и суды. Этому суду подлежат все и каждый и дела земные»²¹.

Организация досуга несемейной молодежи определялась основными целями данной половозрастной группы — знакомству и выбору брачного партнера. Весенне-летнее общение молодежи, как правило, проходило в рамках праздничных гуляний. Угличский учитель Ф. Х. Киссель замечал, что в Угличе «гулянья продолжают с ранней весны и до глубокой осени, от праздника до праздника, в каждом приходе попеременно»²².

В городах с развитым отходничеством ярко выражена сезонность молодежных сборищ. «Мологские мещане, мужчины, по большей части живут на стороне, в Петербурге и частью в других городах у хозяев, в Мологу же приезжают через два и три года только побывать дома, а судопромышленники со своими лодками отлучаются из Мологи на одно лето. Поэтому в летнюю пору в городе остаются только постоянные торговцы, мастеровые, некоторые из чернорабочих, старики и молодцы, приехавшие из Питера побывать дома», — замечал местный любитель старины А. А. Фенютин²³. Поэтому летние гулянья отличались от весенних немногочисленностью, «будничностью» нарядов. Мологские девки гуляют в это время «по проулкам», «поют песни, качаясь на качелях, или играют огнем, парами, или столбиками», а после Ильина дня «гуляньев почти не бывает, потому что в это время девушки бывают заняты работою, из коих главная — сенокос»²⁴.

Для обозначения досуга в Ярославской губернии существовали специальные выражения — «гулять на гулянье» (Молога), «гулять на базаре»²⁵.

Проведение свободного времени семейным кругом в городах имело следующие особенности. Семьями, как правило, посещали родственников и знакомых в праздники. Визит отделившихся детей с семьями в дом к родителям («пить чай» — таким выражением чаще всего в источниках обозначались визиты) был домашним, камерным мероприятием, не требующим соблюдения условностей. Напротив, прием более широкого круга родственников и знакомых проводился с обязательным соблюдением обычая гостеприимства, одним из проявлений которого стал обычай старшин-

ства. На угощении «гости, помолившись Богу, садятся, — мужчины в переднем углу, наблюдая, чтобы младший по чему-либо, по летам, по капиталу, или по службе по городским выборам, не сел выше старшего, за чем, впрочем, наблюдает сам хозяин, усаживая каждого гостя. Тоже происходит и между женщинами; но там сметливая хозяйка давно уже знает, кого с кем посадить рядом»²⁶.

Семейные формы проведения досуга (праздничного и повседневного) были более характерны для состоятельных граждан, нежели для мещанства. Например, в Мологе купеческие дочери «в сопровождении молодой женщины... отправляются гулять на бульвар», дворянство и богатое купечество гуляет на бульваре со своими семействами. В Борисов день «начинают подходить к гулянью городские женщины с девицами, а в обход квартала по берегу, молодое могологское купечество с женами, сестрами и дочерьми», — записал современник²⁷. Купечество устраивало балы и танцы.

В Ростове были популярны семейные прогулки по озеру Неро в Порецкую реку. В прогулке обычно участвовали две-три семьи, пополудни нанимавшие в Борисоглебской пристани Ростова лодку. На зеленых приречных лугах «раскинувши палатку на берегу... напившись чаю и выкупавшись — некоторые из них отправляются в самое селение, другие охотники — засевши в кусты закидывают удочку». Одной из форм молодежных развлечений на этих прогулках были и подвижные игры, хотя, по сообщению автора рукописи «Сына купца», игра в горелки «прежде бывшая в большом употреблении, а в нынешнее время почти оставленные, редко возобновлялась между жителями Ростова»²⁸.

Отметим, что в «старых» городах современники отмечали сословный характер городских гуляний. Вот что записал Ф. Х. Киссель, наблюдая гулянья во время приходских праздников: «На гуляньях бывают только среднего и низшего состояния молодцы и девушки; богатые же купцы... не допускают своих детей»²⁹. В «новых» городах состав участников праздника был значительно демократичнее; более значимыми были различия жителей, проживавших в разных частях города. Так, в Мологе в 1830-х гг. жители делились на три части по месту их проживания: собственно «городские» (живущие в центре города, занимавшиеся торговлей),

«средские» и «зарудские» (обе группы занимались судопромышленностью). Современники отмечали различия в нравственности и домашнем быту этих групп. «Городские» отличались превосходством, так как занятия торговлей более, чем занятие судопромышленностью, «сближают человека с хорошим обществом»³⁰. Следствием разных занятий стала «кастовость» в повседневном общении. Ф. Х. Киссель подчеркивал «некую холодность одного звания к другому»: «Ни один из угличских купеческих домов всех трех гильдий не водит хлебосольства с дворянскими домами, или чиновниками; нет никаких дружественных отношений между ними, родства и браков между этими двумя классами не слышал и примера... по дружбе и душевной наклонности они никогда не посещают не только дворян и чиновников, но даже собственно в своем звании»³¹. В ростовских записках «Сын купца» читаем, что дом купцов Грешневых «был редко посещаем не только знакомыми, но даже и родственниками». Сохранились свидетельства современников в отношении рыбинцев: «Круг знакомства насчет обоюдных угощений идет всяк, кроме родства и свойства, между равными себе»³².

Повседневные бытовые практики у русских были тесно связаны с православной церковью; микроанализ дел «О пожарах» подтверждает, что исполнение религиозных обрядов считалось нормой. Так, часть опрошенных свидетелей романово-борисоглебского пожара 1848 г. 15 апреля (четверг пасхальной недели) отстояли вечерню; сиделец в лавке мещанки Ласкиной Иван Привалов после закрытия лавки «начал молиться»; во время пожара та же Ласкина «увидев огонь в доме хотела вытаскивать имущество, но успела взять при помощи ее... сына Кирика только иконы, которые спущены были на сторону в окно»³³.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. потребность жителей уездных городов в совместном проведении досуга была велика. В «купеческих» городах (Угличе, Ростове, Рыбинске) уже в начале рассматриваемого периода проявляется «сословность» праздничного и будничного общения горожан; постепенно во всех уездных городах формы проведения досуга становятся все более зависимыми от принадлежности к определенной социальной и половозрастной группе.

¹ Кошелева О. И. Побег Воина // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. — М., 1997. — С. 55.

² ГАЯО. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 6046.

³ Там же. — Ф. 73. — Оп. 2. — Д. 208. — Л. 4.

⁴ ЯГВ. — 1831. — № 33. — С. 910-911; № 35. — С. 991.

⁵ Там же. — 1831. — № 35. — С. 955.

⁶ ГАЯО. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 4256. — Л. 5об.

⁷ К началу XIX в. бильярд приобрел широкую известность в самых различных кругах русского общества, с этого времени бильярдная игра нашла своих почитателей в гостиницах, трактирах и прочих заведениях. Например, уже к 1840-м гг. в русской армии не было ни одного полка, в офицерском собрании которого не стоял бы бильярд.

⁸ ГАЯО. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 3556.

⁹ Там же. — Д. 5568. — Л. 20.

¹⁰ Там же. — Л. 26.

¹¹ Там же. — Оп. 2. — Д. 4255. — Л. 10.

¹² ЯГВ. — 1851. — № 16. — Ч. неофид. — С. 153-154.

¹³ ГАЯО. — Ф. 94. — Оп. 1. — Д. 260. — Л. 156-157.

¹⁴ Фенютин А. А. Увеселения города Мологи // Труды Ярославского губернского статистического комитета. — Ярославль, 1866. — Вып. 1. — С. 1.

¹⁵ Там же. — С. 45-46.

¹⁶ Описание города Рыбинска // История города в описаниях современников. — Рыбинск, 1993. — С. 27.

¹⁷ Крестьянинова Е. И. Ростовское купечество пушкинской поры // Ярославский край пушкинской поры. — Ярославль, 1999. — С. 5.

¹⁸ Описание города Рыбинска // История города в описаниях современников. — Рыбинск, 1993. — С. 32.

¹⁹ Там же. — С. 31.

²⁰ Фенютин А. А. Указ. соч. — С. 45-46.

²¹ Там же. — С. 7.

²² Киссель Ф. Х. История г. Углича. — Углич, 1994. — С. 13.

²³ Фенютин А. А. Указ. соч. — С. 46.

²⁴ Там же. — С. 46, 59.

²⁵ ГАЯО. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 5568. — Л. 6.

²⁶ Фенютин А. А. Указ. соч. — С. 4.

²⁷ Там же. — С. 10.

²⁸ Сын купца // РИАХМЗ. — Р.1116. — С. 16.

²⁹ Киссель Ф. Х. Указ. соч. — С. 13.

³⁰ Фенютин А. А. Указ. соч. — С. 57.

³¹ Киссель Ф. Х. Указ. соч. — С. 1.

³² Описание города Рыбинска. — С. 72.

³³ ГАЯО. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 5568. — Л. 12.

С. П. Тараненко (Киев)

СТЕКЛЯННАЯ ТАРА КАК ЗЕРКАЛО БЫТА КИЕВОПОДОЛЬСКОГО МЕЩАНИНА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Возраст отечественной бутылки в сравнении с античными стеклянными сосудами, известными на Ближнем Востоке уже в 3 тыс. до н. э., сравнительно невелик и насчитывает немногим более пятисот лет. В то время наиболее распространенной формой бутылки как в Украине, так и в Европе и на Ближнем Востоке была форма шара, несколько приплюснутого с полюсов. Нередко они имели слегка уплощенную форму и тонкое коническое или параллельное горлышко с довольно широко развернутым устьем. Уже в конце XVII в. неудобство транспортировки «луковичных» бутылок заставило стеклоделов несколько видоизменить их форму, сплюснув шар еще и с боков. Такие сосуды получили название баклаг, флаг, для устойчивости которых их основание при изготовлении нередко оплетали стеклянным жгутом — гладким или гофрированным, что образовывало своеобразный поддон¹. В середине XVI столетия в Германии появляются сосуды квадратного или прямоугольного сечения с коротким горлышком, впоследствии получивших в России название штофов,

а в Украине кварт. Само слово штоф — южно-германского происхождения и с конца XIII в. обозначало кубок из олова, серебра или дерева объемом примерно 800-850 мл. В Россию и Украину штофы проникли в первой половине XVII в. и вскоре стали популярной посудой, без которой не обходилось ни одно застолье.

Стеклянные бутылки как в Украине, так и в России в XV-XVIII вв., использовали не только для вин, наливок, настоек, ликеров, бальзамов, спирта, но и для различных масел, уксуса, лекарственных снадобий, солений, маринадов, в том числе и для анчоусов и даже для сыпучих веществ — табака, мака и т. п.² Украинские гугы изготавливали оконное стекло и даже хрусталь; но главным продуктом их была посуда: «питная», аптечная и вообще обиходная³. В России началом стеклоделательного производства может считаться 2 марта 1630 г. В тот день в Москву приехал шведский мастер Юлий Коейт, он вступил в переговоры с московским правительством об устройстве в России стеклянного завода на монопольном положении⁴. Коейту удалось создать

Рис. 1. Коллекция стеклянной тары

целый ряд заводов, которые изготавливали различную продукцию из стекла. Часть своих изделий они отправляли на рынок, а часть выполнялась по заказу Аптекарского приказа.

В нашей работе речь пойдет о коллекции бутылок, хранящейся в Центре археологии Киева. Как каждая из коллекций, она имеет свою историю. Центр археологии Киева возник на базе Подольской постояннодействующей археологической экспедиции, которая с 1984 г. проводит спасательные работы на территории древнейшего района Киева — Подола. Наверняка многим исследователям известна такая форма работы, возникшая на ниве строительного бума последних десятилетий, когда раскопки проводятся в основном на строительных площадках. Как правило, археологи присутствуют на подготовительном этапе строительства и имеют возможность наблюдать за сносом остатков

ных публикаций и, конечно, статей из интернета. Большую помощь в идентификации материала оказал известный коллекционер и исследователь из Харькова Владимир Коваль.

Хотелось бы подчеркнуть, что представленные материалы — отображение частной инициативы и не являются частью археологического материала, который фиксируется в комплексах на месте раскопок. Поэтому представленные сведения не отображают количественную картину стеклянной посуды на всем Подоле, как и отдельно взятой категории. Тем не менее, материал из коллекции представляется крайне любопытным и может быть подспорьем и археологам, и историкам, и этнографам. После идентификации каждого экземпляра, коллекция бутылок XVIII—начала XX вв. составляла 439 экземпляров, и все данные были внесены в таблицу (Табл. 1).

Таблица 1

Назначение	XVIII в.	Начало XIX в.	Середина XIX в.	Конец XIX в.	Начало XX в.	20-30 гг. XX в.
Вино	1	3	3	15	16	5
«Крепкие напитки»	2	-	-	12	9	4
Пиво	-	3	-	3	6	-
Минеральные воды, напитки	-	-	2	13	16	7
Для пищевых продуктов	-	-	-	3	12	8
Аптека	1	1	5	67	98	50
Парфюмерия	1	1	3	6	27	14
Технические жидкости	-	-	1	2	12	2
Чернильницы	-	-	1	1	12	4
Разное ⁵	7	4	1	7	2	1

домов, подвалов и верхнего слоя земли, состоящего из переложенных слоев и строительного мусора. В ходе таких наблюдений автор не раз обращал внимание на присутствующие в таких местах старинные стеклянные бутылки. С накоплением материала параллельно проходил и сбор информации о стеклянной таре позднего средневековья и нового времени. Коллекция пополнялась не только собственными силами. Помощь стала приходиться от коллег, знакомых и даже от строителей (по формуле «пустая за полную»). Таким образом, за последние шесть лет в коллекции накопилось более шестисот предметов (Рис. 1). В основном это тара, относящаяся к XVIII—первой четверти XX вв. Она представлена стеклянными бутылками и пузырьками различных форм, цветов, техники исполнения и различного предназначения. Трудности возникли с литературой, посвященной данной проблематике. Если исследованиям гутного стеклоделия посвящено несколько монографий, то по материалу последней четверти XIX — начала XX вв. информации крайне мало. Поэтому пришлось использовать данные газетных, журналь-

Впечатляет не только разнообразие форм бутылок и пузырьков, а и широкий спектр их предназначения. Именно это, на наш взгляд, может помочь отобразить различные стороны быта жителей одного из древнейших районов Киева — Подола. Рассмотрим подобно каждую из выделенных нами категорий.

Аптечная посуда. Наиболее многочисленная группа из данной коллекции. Самые ранние экземпляры датируются серединой XVIII в. И это кажется вполне естественным. В Украине производство аптечной тары известно с XVII в. Так, указом Алексея Михайловича под 1662 г. «велено Калуженину, посадскому человеку Ганке Луковнику в Черкасских городах купить скляницы, а те скляницы надобны в аптекарском указе»⁶. А немногим позже мы находим подробное описание в заказе Аптечного приказа в 1670 г. Юлию Койету на «аптекарский обиход аптекарских скляничных сосудов по росписи: колб самых больших широких не добре высоких — 13; ретепионтов самых больших — 18; рететоров самых больших — 30; рететоров — малых — 30; рететоров же самых малых — 30; 500 склянок

Рис. 2. Аптечная тара

по 12 золотников; 500 склянок по 6 золотников»⁷.

Первая аптека в Киеве открылась в 1730 г. именно на Подоле⁸. И уже в XVIII в. было получено предписание, в котором не только перечисляются возможные формы аптечной тары, но и их предназначение. «Вибір посуду для відпуску ліків з аптек має бути відповідним меті, а аптекар зобов'язаний при цьому уникати зайвої розкоші». Вместе с тем, для предотвращения использования роскоши приводился перечень рекомендуемой посуды и упаковки: стаканы рецептурные, стаканы с широким горлом для спринцевания, стаканы конической формы для сильнодействующих дезинфицирующих средств, стаканы с притертыми пробками, банки стеклянные широкогорлые с пробками и деревянными крышками для пилюль, порошков и мазей, стеклянные капельницы с притертыми пробками, банки фарфоровые рецептурные, банки глиняные, тубы оловянные для мазей, бумажные коробки разные⁹.

С середины XIX в. резко увеличивается коли-

чество аптек, и появляются частные аптеки. В Киеве известны целые династии аптекарей — семьи Бунге, Фрометти, Эйсман, Мардинчики. На рубеже XIX-XX вв. существовала сеть бесплатных аптек, больниц с бесплатной рецептурной выдачей лекарств (правда, имелись сложносоставные дорогостоящие препараты, за которые, пусть и со скидкой, но приходилось платить)¹⁰. Поэтому мы можем проследить и увеличение соответственно стеклянной тары. Появляются «фирменные» бутылки с надписями аптек: «ЮРОТАТ» (Южнорусское общество торговли аптечными товарами), «Аптека Инькова», «Аптека Э. Брезинского С. Петербург», а также с изображением герба Российской империи с надписью «Аптека pharmacie» (Рис. 2).

В целом такой количественный скачок можно объяснить многими факторами — и увеличением численности населения, и экономическим благосостоянием, и тем, что люди стали больше заботиться о себе и близких.

Вино. В XVI-XVII вв. виноградные вина

Рис. 3. Бутылки для Вина

в Киеве употреблялись лишь богатыми купцами, часто бывавшими за границей, да городской знатью («магистратской аристократией»). Простые горожане довольствовались водкой («хлебным вином») — напитком довольно грубым, не способствующим содержательной беседе в хорошей компании. Поэтому в тех мещанских

деть экземпляры как отечественного производства, так и импортного. Очень часто на винных бутылках ставилось клеймо в виде стеклянного медальона на плечевой части (Рис. 3). На нем, как правило, помещалась информация о названии фирмы либо инициалы владельца фабрики, объем, год выпуска.

Рис. 4. Пивная тара

домах, где собирались ради душевного общения и душевительных разговоров, на стол подавали не водку, а варенуху — легкий хмель с приятным вкусом, аналогичный некоторым теперешним винам. (В России подобный варенухе напиток назывался «изварцем», состоял из пива, водки, меда и пряностей).

Магистратские чиновники и знатные горожане, общаясь с иностранными офицерами, служившими в киевском гарнизоне, и бывая на ассамблеях в домах Патрика Гордона и Франка Лефорта, еще в XVII в. пристрастились к хорошим виноградным винам, и редко какой банкет в магистрате обходился без них.

Как писали организаторы Всероссийской промышленно-художественной выставки в Москве в 1882 г., отечественный потребитель XIX в. превозносил до небес иноземное виноделие и презрительно отворачивался от своего. «Большинство русских потребителей, — жаловались они, — даже предпочитают поддельные вина с этикетками „мадера“, „херес“, „бордо“, „медок“ и т. д. натуральным крымским винам... Интеллигентная публика вела себя иначе. Она не раболепствовала перед западными производителями и с удовольствием пила недорогие крымские и кавказские вина»¹¹.

«В 1913 году в Киевской губернии существовало ни много, ни мало, — 4 682 торговые точки по продаже крепких напитков и закусок, в том числе 344 трактирных и ресторанных заведения, 398 буфетов, 324 рейнских погреба, 63 погреба русских виноградных вин, 2464 пивных лавок и 30 „временных выставок для продажи питей и блюд“»¹².

Представленные в коллекции бутылки подтверждают вышеприведенные данные. Мы можем ви-

Пиво. Пиво в бутылки и штофы стали разливать при Екатерине II, которая была большой любительницей и знатоком этого древнего напитка, хотя первые попытки продавать пиво в бутылках по примеру англичан и голландцев были предприняты в последние годы правления Петра I¹³.

По данным однодневной переписи населения, проведенной 2 марта 1874 г. Юго-Западным отделением Императорского Российского товарищества, в Киеве было шесть пивоваренных заводов. Для отдельной продажи пива существовало 18 пивных погребов и магазинов. В 1890 г. в Киевской губернии насчитывалось более 30 пивоваренных заводов, которые изготавливали в год 836 тысяч ведер пива на сумму 729 тысяч рублей¹⁴. Пиво в специализированных пивных — с солеными сушками, баранками, таранью, креветками и раками — отпускалось по 5 копеек за кружку. Бутылку напитка высшего качества можно было купить за 12 копеек. Гурманы ценили немецкие сорта, перво-сортное пиво Товарищества Киевских пивоваренных заводов и «Варшавское» производства броварни Юнга¹⁵.

В нашей коллекции есть экземпляры бутылок как киевских пивоваренных заводов — «Товарищество Киевского пивоваренного завода № 1», «Завод Южно-Российского товарищества пивоваренных заводов № 2», завод К. Г. Шульца № 9, так и заводов Санкт-Петербурга — Калинин, Москвы — Трехгорка, Эстонии — «Ле Кок» (Рис. 4).

Исходя из количества заводов и разнообразия сортов, можно сделать вывод, что пиво было не просто популярным, но и доступным напитком, который могли позволить себе горожане всех социальных слоев.

ЗАВЕДЕНІЕ
Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ
ПРОВИЗОРА
Освальда Фридриховича
ГЕНЧКЕ.

Магазинъ на Крещатики. въ д. Биска, № 14.

Заводъ: Львовская, № 67. Телефонъ 1067.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВОДЫ:

сельтерскую, минн, содову, лимонадъ-газе, фруктовую
всевозможныя лечебныя, газированное молоко и на-
сыщенную кислородомъ воду „Oxug'en (oxygen)“

по цѣнамъ самымъ умереннымъ и съ доставкой
на домъ.

Рис. 5. Городское объявление

Минеральные воды. Представлены в коллекции бутылки, в которые разливались минеральные воды и безалкогольные напитки. Это, в первую очередь, бутылки с надписями: «Иск. Минер. Вода Э. Неметти Киевъ», «Завед. Искусств. Мин. Водъ. Гойер и Редлихъ въ Москвѣ», «Лимонад Добровольского» и еще несколько, где фигурирует название сельтерской воды. Название «сельтерская вода» произошло от источника Нидерзельтерс (Niederselters). Источник впервые упоминается в 1536 г. После аннексии Нассау Пруссией

В Киеве небывалой популярностью пользовалось лечение с помощью ваннх процедур и употребления минеральных вод¹⁶ (Рис. 5).

Таким образом, можно отметить, что горожане стали активно заботиться о своем здоровье, в частности, употреблять минеральные воды. Возрастающее количество бутылок минеральных вод, датируемых концом XIX в., совпадает со свидетельствами письменных источников того времени, говорящими о популярности их применения в Киеве.

Рис. 6. Парфюмерия

в 1866 г. он становится «королевским источником Зельтерс». Сельтерская вода отличается естественной газацией, основными компонентами являются гидрокарбонаты и хлорид натрия. Искусственно изготовленная сельтерская (зельтерская) вода в русском языке больше известна как содовая вода (специально подготовленная вода, газированная гашением соды соляной кислотой, от англ. soda water). В России в XIX - начале XX вв. сельтерской называли столовую минеральную воду или просто газированную воду.

Парфюмерия. Вся парфюмерная индустрия дореволюционной России была сосредоточена в руках десяти фабрикантов, безуспешно конкурировавших с западноевропейскими производителями аналогичной продукции. Их число на рынке превышало тридцать. По ассортименту парфюмерной продукции в начале XIX в. наши фабриканты превосходили даже именитых французов: в преискуранте известной парижской фирмы «Е. Пино» значится 80 наименований духов,

а десятью годами раньше товарищество «Ралле» выпустило более 160 наименований духов.

В парфюмерном производстве, как ни в каком другом, форма и содержание флакона органично дополняют друг друга. Флакон, как и сами духи, создается на долгие годы, может пережить и платье своей хозяйки и даже мебель, на которой он стоит. Флаконы для духов — это особая сфера высокого искусства, главная задача которого — перевести язык запахов в зрительный ряд, передать первое представление об идее неосяземого и «летучего» аромата в форме конкретных линий, объемов и цветов. Зрительный ряд сообщает запаху новые оттенки смысла, подчеркивает и выявляет его скрытые ассоциации, а иногда и добавляет что-то свое.

Тут следует различать два понятия — флакон «для духов» и «от духов». Флакон для духов — это обычно флаконы без марки, датируемые античным периодом или XIX веком, продаваемые без содержимого и способные хранить в себе различные ароматы. Флакон от духов, появившийся в конце XIX века, носит обычно имя парфюмера и содержит одну из его композиций.

К началу 1917 г. в России функционировало уже 234 завода по производству стекла, на пятнадцати из которых изготавливали парфюмерную посуду. Большинство заводов парфюмерного профиля располагалось в Москве и Московской губернии. Это обуславливалось несколькими причинами: имелись хорошие пути сообщения и обилие топлива. Сырья для изготовления парфюмерной посуды в России имелось в избытке, из-за границы ввозилось оборудование и станки для гравирования, шлифования и полирования стеклянных флаконов. Парфюмерные изделия отечественного массового производства стоили не дороже 4 рублей за бутылочку. Для сравнения — западноевропейские духи того же уровня поднимались в цене до 15 рублей. Конечно, это не касалось эксклюзивных вещей, изготавливавшихся малыми сериями, а то и просто в единственном экзем-

пляре по специальному заказу. К таким предметами относились флаконы из особо чистого хрустала с золотыми или серебряными пробками, украшенные драгоценными камнями, а также флаконы из чистого серебра и золота со сканью и эмальями.

Парфюмерные флаконы в дореволюционной России не изготавливались отдельно для каждой фирмы. Кроме того, несколько стекольных заводов могли выпускать флаконы одинакового дизайна. Парфюмерные фабриканты заказывали необходимые им флаконы по каталогам стекольных заводов. Хотя бывали исключения: некоторое количество парфюмерной посуды производилось по эскизам художников, работавших непосредственно на парфюмерных заводах. Так, на фабрике Брокера работали художники В. Росинский и А. Евсеев. Последний в 1925 г. сделал эскиз парфюмерной коробки для набора «Красная Москва».

В России начала XX в. процветала компания «Модерн», флаконы для которой заказывали исключительно в России. В это время господствовал стиль модерн. В конце XIX-начале XX вв. создавались высокохудожественные предметы парфюмерии, в их разработках участвовали ведущие ювелирные фирмы Карла Фаберже, Ореста Курлюкова, Якова Мишукова. Мастера Михаил Перхин и Генрих Вигстрем, работавшие на фирму Фаберже, известны как авторы великолепных флаконов для духов из золота и серебра, сейчас хранящихся в Эрмитаже¹⁷.

В нашей коллекции парфюмерные бутылочки занимают второе место по количеству. Среди них флаконы таких известных парфюмеров, как Брокер, Ролле, Ферейн и т. д. (Рис. 6). И можем отметить, что экземпляры, которые в XVIII-середине XIX вв. попадают крайне редко, увеличивают свое присутствие в конце XIX в., что, собственно, еще раз подтверждает тезис о том, что повышение благосостояния человека заставляет его больше обращать внимания на свой внешний вид,

Рис. 7. Крепкие напитки

Рис. 8. Ликер «Бенедиктин»

заботиться о собственной привлекательности.

Крепкие напитки. В коллекции представлены бутылки различных периодов — от штофов XVIII в. (Рис. 7) до водочных бутылок «монополек» начала XX в. — и различных наполнений — водка, коньяк, ликер и т. д. Среди них даже невооруженным взглядом выделяются оригинальные бутылки и фальшивки. Например, бутылки от французского травяного ликера «Бенедиктин» (Рис. 8). В 1863 г. продавец вина и спиртных напитков Александр Легран восстановил утраченный рецепт монахов. С этого времени ликер приобрел огромную популярность во всем мире. Как следствие этого появилась масса подделок напитка. На каждой настоящей бутылке стоит аббревиатура «D. O. M.» («Deo Optimo Maximo» — «Богу всевышнему»)¹⁸. Но в нашей коллекции нет ни одной такой.

Фальсификаций в производстве бутылочной тары (соответственно - в изготовлении напитков) было очень много. Эта проблема требует отдельного исследования.

Вот один из примеров — существующее мнение, что в бутылках с глубоко вдавленным доньшком содержались дорогие вина, но отнюдь не потому, что, как ошибочно считает ряд авторов, в глубоком доньшке лучше отстает осадок. С появлением в 1760-х гг. цилиндрических бутылок их хранение осуществлялось в лежачем положении. Ряд авторов полагает, что это были бутылки, предназначенные для борделей, где подвыпившему посетителю могли предложить бутылку дешевого вина, по размерам соответствующему одному литру, а фактически — за счет вдавленности нередко до половины корпуса вмещавшую не более 600-700 мм. Во Франции их называли «обманными», в Америке — «индейскими», в Германии — «мошенническими», в России и в Украине — «воровскими»¹⁹.

В Киеве производство водки арендовал магистрат и сурово отслеживал «своевольников», которые содержали собственные заведения. Киевские ремесленники получили право дважды в год и на праздники варить по четыре кадки меду и продавать его. Также

Рис. 9. Сосуд из-под средства для ухода за обувью

Рис. 10. Технические жидкости

киевская соборная капитула и Братский монастырь получили универсал Богдана Хмельницкого с позволением «сигить мед на праздники»²⁰.

На конец XIX в. в России появилось множество частных фирм по производству и продаже водки, одних винокурен было 5160²¹. Самыми известными из них были «Вдова М. А. Попова», «А. В. Долгов и К^о», продукция семьи Смирновых, «Товарищество Шустовъ в Москвъ». Конечно же, все передовые фирмы того времени были представлены в Киеве.

Технические жидкости. К этой группе мы можем отнести стеклянные изделия, которые использовались для хранения всевозможных химических констистенций. Например, жидкость для размягчения кожи (Рис. 9) хранилась в изящном пузырьке (сер. XIX), который не только функционален, но и соответствует эстетическим вкусам городского жителя середины XIX в. Некоторые пузырьки уже конца XIX-начала XX вв., имеют надписи фирм, которые их изготовили, либо для кого они изготавливались. Например, надпись на флаконе: «Зингер». Вероятнее всего, в нем

хранилось масло для швейных машинок либо другой продукции этой фирмы. Это не единственный пример. Солидная часть из количества тары этой категории принадлежит зарубежным маркам. Но есть пузырьки известных отечественных производителей, например, с надписью «Братья Мамонтовы», которые принадлежали фирме крупных московских промышленников братьев Мамонтовых (Рис. 10). Они в 1854 г. за Пресненской заставой Москвы основали лакокрасочный завод, выпускавший масляные и спиртовые лаки, эмали и олифы. По тем временам завод был достаточно хорошо оборудован, мастерами-технологами были приглашены иностранные специалисты, поэтому к 1913 г. завод стал одним из крупнейших лакокрасочных предприятий мира. В тот же год завод производил товарной продукции приблизительно 4250 т., в т. ч. краски, изоляционные и мебельные лаки, другую продукцию. За свою продукцию завод получил золотые медали на Лондонской всемирной выставке 1862 г., Парижской всемирной выставке 1867 г. и других. Это, безусловно, говорит о высокой покупа-

Рис. 11. Чернильница

тельной способности среднего киевлянина.

К группе бутылок с техническими жидкостями мы можем отнести и чернильницы. В нашей коллекции существуют экземпляры как гутного (Рис. 11), так и фабричного производства. Нельзя не заметить, что основная масса чернильниц появляется в начале XX в. Это может говорить об уровне грамотности населения. В Адресной книге Киева за 1890 г. можно обнаружить адреса одиннадцати «библиотек и кабинетов для чтения» и пятнадцати книжных магазинов²².

Если количество бутылок с алкоголем с XVIII до первой четверти XX вв. условно выросло пропорционально приросту населения, то аптечных пузырьков и парфюмерных флаконов выросло в десятки раз. Это может говорить не только о возросшей платежной способности всех слоев населения, но и о том, что люди начали заботиться о себе, о своем здоровье и здоровье близких. Конечно, сложно говорить о беге мещан с XVIII и до середины XIX вв. на примере одной только коллекции бутылок, но презентовать быт горожанина середины XIX—начала XX вв. она может вполне.

Так кто же мог себе позволить пользоваться

(приобретать) всем содержимым этих бутылок? Банкир, высокопоставленный чиновник, представители высшего общества или все-таки намного более широкий круг горожан? Квалифицированный специалист в начале XX в. зарабатывал от 60 до 150 рублей в месяц. Чаще всего на эти деньги он содержал всю семью, включая стариков, не работающую, как правило, жену и детей, оплачивал, если позволяли средства, работу прислуги²³. Таким образом, мы можем утверждать, что среднестатистический мещанин мог вполне позволить себе иметь все представленные выше экземпляры стеклянной тары с содержимым у себя дома.

Необходимо отметить, что одной из целей данной работы была попытка обратить внимание исследователей на то, что такая внешне непритязательная вещь, как бутылка или пузырек не такого далекого времени, оказывается, может быть не просто артефактом, но и ценным источником, который поведаст не только об эпохе, но и о ее духе. Будем надеяться, что в ближайшее время появятся работы, которые заполнят лагуну в проблематике изучения стеклodelия Российской империи XVIII—начала XX вв.

¹ Коваль В. Слово о бутылке // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — Киев, 2002. — Вип. 11. — С. 74.

² Там же. — С. 75.

³ Модзалевский В. Л. Украинское искусство. — Чернигов, 1917. — С. 56.

⁴ Бакланова Н. А. Стекланные заводы в Московском государстве XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. — М., 1928. — Вып. 4. — С. 121.

⁵ Бутылки, которые не поддались определению.

⁶ Рожанківський В. Ф. Українське художнє скло. — Киев, 1959. — С. 53.

⁷ Бакланова Н. А. Указ. соч. — С. 121.

⁸ Ковалінський В. В. Київські мініатюри. Книга шоста. — Киев, 2007. — С. 5.

⁹ Там же. — С. 60.

¹⁰ Анисимов А. Киев и киевляне. Книга первая. — Киев, 2002. — С. 326.

¹¹ Макаров А. Малая энциклопедия киевской старины. — Киев,

2002. — С. 76.

¹² Анисимов А. Указ. соч. — С. 193.

¹³ Коваль В. Указ. соч. — С. 76.

¹⁴ Ковалінський В. В. Указ. соч. — С. 14.

¹⁵ Анисимов А. Указ. соч. — С. 195.

¹⁶ Там же. — С. 338.

¹⁷ Скворцова А. Символика на русских парфюмерных флаконах // www.simvolika.org

¹⁸ Винничук Ю. Таємниці львівської горілки. — Львів, 2006. — С. 229.

¹⁹ Коваль В. О некоторых признаках, позволяющих атрибутировать с примерной датировкой стеклянную узкогорлую тару, лишенную клейм-медальонов, рельефных изображений и надписей // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — Киев, 2004. — Вип. 13. — С. 132.

²⁰ Винничук Ю. Указ. соч. — С. 51.

²¹ Там же. — С. 23.

²² Анисимов А. Указ. соч. — С. 185.

²³ Там же. — С. 207.

С. Р. Глазунов (Владимир)

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ РАБОЧИХ СЕМЕЙ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Владимирская губерния являлась одной из наиболее развитых промышленных областей России. В конце XIX столетия по объему выпускаемой продукции она занимала четвертое место. В 1896 г. здесь производилось товаров на сумму 178 млн. рублей. До 1917 г. рабочие вместе с семьями составляли одну пятую населения России. Это было 10 млн. дееспособных людей, которые являлись могучей созидательной силой, двигавшей прогресс страны.

Сюжеты, связанные с социальной функцией пред-

принимательства, привлекали историков фабричной инспекции и фабрично-заводского законодательства. Дореволюционные исследователи (они же фабричные инспектора) И. И. Янжул, П. А. Песков, В. П. Литвинов-Фалинский, А. А. Микулин, фабричный ревизор Е. М. Дементьев отмечали, опираясь на законодательство, что правительство ставило перед фабрикантами задачу социального обеспечения рабочих. В. П. Литвинов-Фалинский писал, что обеспечение врачебной помощью в дореволюционной России было законодательно воз-

ложено на предпринимателей в 1866 г.¹ По мнению И. И. Янжула основная мысль закона 1 июля 1882 г. заключалась в обязанности для промышленников предоставлять работавшим у них детям возможность получить начальное образование². А. А. Микулин указывал на влияние закона 3 июня 1886 г. на улучшение быта рабочих³.

В послереволюционный период рассматриваемая проблема затрагивалась советскими историками в русле изучения эволюции экономического положения рабочего класса, одного из направлений стратегической программы, созданной в 1920-х гг. А. М. Панкратовой⁴. К. А. Пажитнов, исследуя положение рабочего класса в России в 1861-1905 гг., писал, что достигнутые улучшения жилищной обстановки были недостаточны, чтобы обеспечить рабочих более или менее удовлетворительными в санитарном отношении условиями существования, закон же, обязывающий фабрикантов организовать врачебную помощь, существовал только на бумаге, а в действительной жизни применения не имел⁵. И. И. Шельмагин, рассматривая фабрично-трудовое законодательство в России второй половины XIX в. и указывая на бедственное положение пролетариата, считал, что закон 3 июня 1886 г. не внес никаких изменений в дело медицинской помощи рабочим⁶. Ю. И. Кирьянов, рассматривая важнейшие стороны материального положения рабочих капиталистической России, заключал, что ни правительство, ни предприниматели, ни местные власти оказались не в состоянии решить жилищный вопрос⁷.

Достаточно активно разрабатываемая в современной историографии предпринимательская благотворительность, направленная, в том числе, на создание школ и больниц для рабочих, рассматривается, прежде всего, как неотъемлемая часть предпринимательской этики⁸. В течение последнего десятилетия особое внимание исследователей привлекают архивные материалы, отражающие историю повседневности рабочих, содержащие в том числе данные об условиях жизни и труда рабочих конкретных предприятий⁹. Среди актуальных исследовательских проблем выделяется и проблема социальной деятельности местных предпринимателей в отношении семей рабочих¹⁰, которая требует дальнейшей разработки.

В статье рассматривается социальная деятельность предпринимателей по обеспечению рабочих семей медицинской помощью, жильем и организации начального образования. Изучение условий социально-культурной деятельности предпринимателей, основанное на совокупности официальных документов законодательного характера и делопроизводства института фабричной инспекции, позволяет глубже понять роль и место предпринимательского класса в России, шире взглянуть на проблему модернизации российского общества второй половины XIX — начала XX вв.

Уделение особого внимания социальной функции предпринимательства связано со стремлением раскрыть закономерности социально-экономического развития индустриальной России. Только крупные

промышленные фирмы имели достаточно средств для социальной помощи рабочим и могли плодотворно реализовать социальную функцию предпринимательства. Фабричный инспектор Владимирского округа П. А. Песков отмечал в своем отчете за 1885 г., что даже устройство и содержание на свой счет начальных школ многие фабриканты находили для себя обременительным, хотя и отнеслись к этой идее сочувственно¹¹.

Крупные фабриканты часто реализовывали свои социальные программы в виде благотворительности или патерналистского попечения над рабочими, но развитие наиболее важных сфер социальной поддержки рабочих — здравоохранения, начального образования и жилищно-бытовых условий — осуществлялось на государственном уровне.

По постановлению Комитета министров, утвержденному Высочайшим повелением от 26 августа 1866 г., каждое промышленное заведение, имеющее не менее 100 рабочих, обязано было содержать приемный покой из расчета одной кровати на сто человек. Закон обязывал фабрикантов предоставлять медицинскую помощь рабочим бесплатно¹². Закон 3 июня 1886 г. (ст. 17) подтвердил запрет взимания платы за лечение и (ст. 5 Правил о надзоре) возложил на губернские по фабричным делам присутствия обязанность издания постановлений о мерах, направленных на охрану жизни, здоровья и нравственности рабочих, а также в отношении медицинской помощи рабочим¹³. Взяв за основу обязательные санитарные постановления, утвержденные Владимирским земским собранием 9 июля 1892 г. и 24 февраля 1893 г., Владимирское губернское по фабричным делам присутствие в дополнение и развитие ст. 17 закона от 3 июня 1886 г. обязало всех фабрикантов «оказывать своим рабочим бесплатно как первоначальную, так и дальнейшую врачебную помощь»¹⁴. Владельцы фабрик с 50-ю и более рабочими, не имевшие своих больниц, должны были не реже одного раза в неделю приглашать врача для медицинского осмотра рабочих. На фабриках, где было занято более 100 рабочих, должны были быть построены больницы из расчета одной кровати на 100 человек. Больницы при фабриках, на которых работало более 1000 человек, обязаны были иметь штатного врача. Предприниматели, владевшие промышленными заведениями, с числом рабочих более 16-ти и менее 50-ти, должны были сообща содержать больницу со штатным фельдшером.

Таким образом, правительство и местные органы власти содействовали развитию социальной функции предпринимательства, направленной на организацию бесплатной медицины для фабричных рабочих.

Фабричный инспектор Владимирского округа П. А. Песков, по образованию врач, в своем отчете за 1882-1883 г. разделил все лечебные учреждения, находившиеся при фабриках и заводах, на три разряда: приемные покои из одной-двух комнат со шкафчиком для лекарств и фельдшером, оказывающем помощь амбулаторным больным; лечебницы с лекарствами и медицинскими инструментами, где в некоторых случаях могло

быть проведено стационарное лечение; и больницы, оборудованные всем необходимым для госпитализации и обеспеченные штатным врачебным персоналом¹⁵. В 1890-х гг. фабрично-заводская статистика учитывала, соответственно, амбулатории, приемные покои и собственно больницы¹⁶.

Е. М. Дементьев, доктор медицинских наук, участник санитарно-статистических обследований фабрик и заводов Московской губернии, с 1894 г. фабричный ревизор Министерства финансов, автор исследования «Врачебная помощь фабричным рабочим», отмечал такую тенденцию: чем крупнее фабрики, тем чаще и больше при них содержится благоустроенных больниц. В конце XIX в. в Европейской России из 194 самых крупных промышленных заведений с числом рабочих более 1000 чел. 185 имели больницы¹⁷.

Бесспорным лидером в деле реализации такой важной социальной функции предпринимательства во Владимирской губернии, как обеспечение рабочих бесплатной медицинской помощью, были фабриканты Морозовы. Первая деревянная больница, построенная в местечке Никольском в первой половине 1860-х гг., имела три отделения на 100 коек (мужское, женское и родильное), аптеку, одного врача, двух фельдшеров и 8 человек медицинской прислуги. В 1873 г. Никольская больница переехала в новое двухэтажное здание, а в 1906 г. было закончено строительство главного корпуса по проекту архитектора А. А. Галецкого. Число коек увеличилось до 300, имелось детское, два хирургических, два терапевтических отделения, рентгеновский, гидро- и электротерапевтические кабинеты, гинекологическое и родильное отделения, а также амбулатория и аптека. Больница была насыщена сложным инженерным оборудованием первоклассного европейского уровня¹⁸. Медицинский персонал в 1897 г. насчитывал 3-х врачей, 1-го провизора, 1-го помощника провизора, 10 фельдшеров, 2-х акушерок и 36 чел. медицинской прислуги. За год медики приняли 105 201 амбулаторного больного, выписав им 116 847 рецептов, было госпитализировано 2732 больных обоего пола, сделано 40 операций, выздоровело 2580 чел., умерло — 152. В 1895-1896 операционном году наследники Саввы Морозова отчислили на медицинское обслуживание рабочих 54 940 руб.¹⁹

Не хуже была организована врачебная помощь рабочим при Товариществе мануфактур Викула Морозова с сыном. В 1897 г. больница располагалась в семи деревянных и одном кирпичном здании с водяным отоплением, водопроводом, теплыми ватерклозетами и выгяжками. Аптека и амбулатория помещались отдельно. Медперсонал включал 3-х врачей, 11 фельдшеров, 3-х акушерок, 1-го провизора, 40 медсестер и 10 медбратьев. За год было принято 42 100 амбулаторных больных, выписано 44 917 рецептов, госпитализировано — 4345 чел., прооперировано — 208, выздоровело — 4209, умерло — 137. На общее содержание больницы в 1895-1896 операционном году товарищество потратило 56 826 руб.²⁰

Важное значение делу организации бесплатного медицинского обслуживания фабричного населения придавал Ю. С. Нечаев-Мальдов. В Гусе-Хрустальном, где располагались его бумагопрядильные фабрики, была построена больница с аптекой, а в 1852 г. было закончено строительство нового каменного двухэтажного здания больницы на 50 кроватей. В 1888 г. несколько больничных мест было отведено для лечения глазных болезней; их курировал В. В. Вадковский, к ноябрю 1890 г. уже проведший 110 операций по снятию катаракты²¹. В 1897 г. статистика врачебной помощи показала: в больнице было 66 стационарных лечебных мест, мужское, женское и родильное отделения, операционная, аптека и амбулатория; медицинский персонал состоял из 2-х врачей, 5-ти фельдшеров, 2-х акушерок, 1-го провизора и 16-ти человек медицинской прислуги; было принято 13 967 больных амбулаторно, 810 - госпитализировано, проведена 91 операция, выздоровело — 779 чел., умер — 31; общие расходы на содержание больницы составили 20 111 руб. в год²².

В с. Лежнево на средства Кокушкиных при фабрике была открыта больница, на оборудование и обстановку которой фабриканты потратили: на мебель — 1 367 700 руб., на инструменты — 893 024 руб., годовой расход в 1903-1904 гг. составил 316 018 руб.²³

Благоустроенные больницы на 50 и более мест имели Товарищество Соколовской мануфактуры Асафа Баранова, Товарищество Барановых и Товарищество мануфактур А. Каретниковой с сыновьями. Их больничные корпуса представляли собой комплексы амбулаторного, родильного, инфекционного и профилактического отделений, где проводилось оспопрививание, значительно сократившее детскую смертность.

Результатом развития одного из важнейших направлений социальной функции предпринимательства во Владимирской губернии стала организация бесплатного медицинского обслуживания фабричных рабочих на крупных промышленных предприятиях губернии. В среднем по Владимирской губернии 78,5 % рабочих пользовались услугами фабричной медицины, а в г. Иваново-Вознесенске — 96,7 %²⁴.

По данным отчета чинов фабричной инспекции Владимирской губернии за 1894-1897 гг. система обслуживания медицинской помощью, распространявшаяся на 135,5 тыс. рабочих 468 крупных промышленных предприятий губернии, включала: 24 больницы, рассчитанных на 923 кровати, 103 приемных покоя — на 433 кровати и 11 амбулаторий; 11 родильных отделений, 14 — инфекционных, 12 операционных, 10 прачечных, 8 бань, 21 аптеку; медицинский персонал, состоящий из 30 врачей, 60 фельдшеров, 22 акушерок, 5 провизоров, 2 помощников провизора, 3 аптекарских помощников, 146 медсестер и 70 медбратьев²⁵. В течение одного года бесплатной врачебной помощью воспользовалось 435 778 амбулаторных больных, 12 719 — госпитализированных, 544 человека было прооперировано. Стоимость больничной койки в среднем равнялась 293 руб., общие расходы фабрикантов по оказанию врачебной

помощи составили 269 410 руб.²⁶

Больницы играли весьма немаловажное значение в условиях фабричной жизни, и забота предпринимателей о здоровье своих рабочих, безусловно, была их заслугой. Однако устройство и содержание больниц вызывалось скорее известной необходимостью, обусловленной законом, чем сознанием действительной пользы медицинского обслуживания.

Другим важным проявлением социальной функции предпринимательства во Владимирской губернии стало предоставление бесплатного начального образования детям, живущим в рабочих поселках. По Положениям о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. и 25 марта 1874 г. государство предоставляло широкую инициативу общественным организациям и частным лицам в деле учреждения начальных школ под общим руководством Министерства народного просвещения. По примеру Англии, где фабричный закон имел непосредственное влияние на введение обязательного начального образования во всех крупных городах и способствовал всеобщей грамотности населения, российский закон 1 июня 1882 «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», обязывая фабрикантов предоставлять работающим у них детям возможность учиться в школе, ставил вопрос о содействии предпринимателей развитию системы всеобщего начального образования. К сожалению, правительство заняло недостаточно жесткую и до конца последовательную позицию по этому важному вопросу. Закон 12 июня 1884 года «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции», говорил лишь о предоставлении владельцам фабрик возможности открывать школы для обучения малолетних, а на фабричную инспекцию возложил обязанность по организации обучения и открытию таких школ, дав им право с такой инициативой обращаться к местным властям, общественным учреждениям и частным лицам²⁷. По мнению И. И. Янжула, законом 12 июня 1884 г. была «в значительной степени искажена основная мысль закона 1 июля 1882 г., т. е. обязательность для промышленников предоставлять возможность обучения и т. д.»²⁸. Теперь эти обязанности полностью возлагались на фабричных инспекторов.

По свидетельству П. А. Пескова в 1885 г. при фабриках и заводах Владимирской губернии было открыто 32 школы²⁹, «наиболее благоустроенная и богатая», по его словам, принадлежала Товариществу Никольской мануфактуры. Фабричная школа, впервые появившаяся в Никольском 7 мая 1864 г., поменяла два здания — в 1877 и 1890 гг., а в 1897 г. к ней был надстроен четвертый этаж: три верхних этажа занимали учебные классы, на первом размещались учебные мастерские³⁰. Школа принадлежала к разряду двухклассных народных училищ Министерства народного просвещения с четырехлетним курсом обучения, в которых применялась расширенная программа, включавшая, кроме общего курса, обучение рукоделию, рисованию и пе-

нию. Учащиеся распределялись по четырем отделениям: подготовительному, младшему, среднему и старшему. В ремесленных классах под руководством кандидата технических наук А. А. Назарова и преподавателя начертательной геометрии М. В. Боброва дети обучались черчению, рисованию и ремеслам: слесарному, токарному по металлу и дереву, кузнечному, столярному и ткацкому. Выполненные учениками экспонаты были отмечены на промышленной выставке в Москве денежной премией³¹. В 1897 г. в Никольском училище обучалось 527 мальчиков и 314 девочек, и на его содержание было затрачено 25 792 руб.³²

Общественная библиотека для рабочих, открытая в Никольском в 1873 г. с разрешения министра внутренних дел, в середине 1890-х гг. насчитывала свыше 1,6 тыс. томов, охватывавших широкий круг различных отраслей знаний; при этом выписывалось 10 ежемесячных журналов, 8 еженедельных и 4 ежедневных газеты³³.

Товарищество Никольской мануфактуры в 1872 г. открыло новую школу при Вауловской фабрике, в 1887 г. — при Городецкой, затраты на содержание которых в 1897 г. составили соответственно 2294 и 2494 руб.

В 1876 г. в том же Никольском начала действовать фабричная школа с уставом двухклассного народного училища Министерства народного просвещения, построенная на средства Товарищества мануфактур Викула Морозова с сыновьями. В 1897 г. расходы на обучение 285 мальчиков и 97 девушек и зарплату 9 учителям составили 16 714 руб. По воскресным дням с часу до трех по полудни в школе проводились занятия со взрослыми рабочими, которых в 1897 г. пришло 185 чел.³⁴

В своей социальной политике по отношению к фабрично-заводскому населению большое внимание развитию начального и среднетехнического образования уделяли фабриканты Мальцовы. В 1853 г. в с. Гусе для обучения детей мастеровых грамоте, чистописанию, Закону Божьему и счетоводству была открыта начальная школа³⁵, преобразованная в 1875 г. в двухклассное училище Министерства народного просвещения с параллельным отделением для девочек, которое в 1897 г. было реорганизовано в самостоятельное женское одноклассное училище Министерства народного просвещения. В 1897 г. Ю. С. Нечаев-Мальцов на содержание двух школ, где обучалось 339 мальчиков и 129 девочек, и учебный персонал, состоявший из 13 чел., израсходовал 6469 руб.³⁶ В смете расходов Гусевской конторы значились статьи «на улучшение библиотеки», «на покупку новых музыкальных инструментов» и др. Ю. С. Мальцовым выдавались денежные стипендии до 500 руб. для обучения детей рабочих и служащих в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга³⁷.

Благодаря пожертвованию И. С. Мальцова в 500 тыс. руб. и его племяннику Ю. С. Нечаеву-Мальцову, взявшему на себя издержки на покупку зем-

ли, строительство и оборудование в сумме свыше 420 тыс. руб., во Владимире появилось среднетехническое учебное заведение — Владимирское земское ремесленное училище. Избранный почетным попечителем, Ю. С. Нечаев-Мальцов и в последующее время делал училищу крупные пожертвования: 111 000 руб. на увеличение основного капитала училища, 15 000 руб. на расширение мастерских, 7000 руб. на приобретение нефтяного двигателя, динамо-машины, различного оборудования, книг и других учебных пособий. Большая часть ремонтных работ в училище производилась также за счет почетного попечителя³⁸.

В 1868 г. построили фабричную школу владельцы Товарищества мануфактур Барановых. В 1897 г. занятия посещало 227 мальчиков и 154 девочки, уроки проводило 10 учителей, на содержание школы было потрачено 7294 руб. В 1881 появилась фабричная школа у Товарищества Соколовской мануфактуры Асафа Баранова, в которой в 1897 г. учился 191 мальчик и 130 девочек, преподавало 11 учителей, и на содержание которой было потрачено 9 тыс. руб.³⁹

В двух школах, построенных в 1881 г. на средства Товарищества мануфактур А. Каретниковой, где в 1897 г. 10 педагогов обучали 407 мальчиков и 157 девочек, годовой расход на их содержание составил 5558 руб.⁴⁰

Всего в 1897-1898 учебном году во Владимирской губернии на содержание 42 фабричных школ с 6687 учениками и 187 учителями 40 крупных и средних промышленных предприятий потратили 120 025 руб.⁴¹

Фабричные школы выгодно отличались от других типов школ, существовавших во Владимирской губернии. Хотя численно они уступали, например, земским школам, но количество учеников и наполняемость классов там была значительно выше, и на их содержание тратилось в среднем почти в пять раз больше⁴². Фабричные школы, как правило, размещались в специально построенных для этого зданиях, были обеспечены разнообразными учебными пособиями, лучше технически оснащены, имели более богатый библиотечный фонд. Материальное благосостояние учителей также отличалось в лучшую сторону. При фабричных школах предприниматели организовывали для взрослых рабочих курсы, воскресные чтения, библиотеки.

Существующие при фабриках начальные школы только на одну восьмую выполняли свое прямое предназначение. В 1897-1898 учебном году в 42 школах обучалось 804 малолетних рабочих или 12 % от общего числа учащихся в них детей⁴³. Тем не менее, устройство и содержание фабричных школ, несомненно, имело важное значение, ввиду того, что давало возможность детям фабрично-заводских рабочих, остававшимся обычно без присмотра и наблюдения, получить начальное образование.

Другим важным направлением развития социальной функции предпринимательства было строительство жилья для рабочих. Мероприятия предпринимателей по обеспечению жильем своих рабочих, вызванные

жизненными обстоятельствами, в силу которых рабочие крупных фабрик, привлекавших тысячи сельских жителей из соседних уездов и губерний, нуждались в каждом-дневном месте отдыха и ночлега, с 80-х гг. XIX в. стали предметом внимания местных органов власти и самоуправления. Владимирское по фабричным делам присутствие и Владимирская губернская земская управа своими постановлениями требовали от предпринимателей обязательного соблюдения новых санитарно-гигиенических норм для жилых помещений, в которых размещались фабричные рабочие.

В соответствии с обязательными постановлениями от 24 февраля 1893 г. и 2 апреля 1894 г. все вновь устраиваемые жилые помещения для рабочих должны были быть светлыми, сухими, теплыми, вентилируемыми. Земляные полы и подвальные строения не допускались. Температура воздуха должна была превышать 14 градусов тепла, на каждую квадратную сажень площади пола — приходиться не менее одной половины квадратного аршина стеклянкой поверхности окна, на каждого человека — не менее одной кубической сажени объема воздуха. На реконструкцию старых зданий, где проживало не более 2000 человек, отводилось два года, на каждую 1000 человек свыше означенного числа давалось еще два года⁴⁴.

Условия проживания в рабочих казармах со временем улучшались. Новые здания казарм, как правило, каменные, имели внутреннюю подпольную вентиляцию, паровое отопление, нередко — газовое освещение и водопровод. В каждой комнате, при высоте потолков в 2,85 м и площади в 10,1-13,5 кв. м., было 2 кровати, стол, 5 табуреток, шкаф для посуды, вешалки для одежды, полочки для образов. Таковую комнату могла получить отдельная семья в 2-4 чел. В кухнях, разделенных просторными проходами и располагавшихся отдельно от комнат, были установлены печи, специальные лари для съестных припасов, столы и лавки. В казармах были оборудованы ваннные комнаты, теплые промывные ватерклозеты, подвальные этажи использовались под прачечные, а мансарды — для сушки белья. Наружные площадки и внутренние дворики мостились камнем, поблизости от жилища располагались хозяйственные постройки.

В начале 1870-х гг. в Никольском при фабриках Т. С. Морозова было 17 жилых зданий, в т. ч. 15 — для фабричных рабочих. С 1891 по 1896 г. на улучшение быта рабочих и служащих Товарищество потратило 1180 тыс. руб. Было построено две новых кирпичных казармы в три этажа⁴⁵. В 1897 г. в собственности (на балансе) товарищества было 31 жилое здание казарменного типа, где проживало 11 876 рабочих и членов их семей⁴⁶. К 1897 г. Товарищество мануфактур Викула Морозова с сыновьями построило 11 отдельных казарм для рабочих, в которых размещались 9075 чел. В Гусе-Хрустальном при фабриках и заводах Ю. С. Нечаева-Мальцова было 9 каменных и 11 деревянных рабочих казарм, заселенных семьями рабочих в количестве 3650 чел. Товарищество ману-

фактур Барановых имело в с. Карабанове 13 жилых корпусов для рабочих, в которых жило 6404 чел. Товарищество Соколовской мануфактуры А. И. Баранова содержало 9 казарм для 5156 своих рабочих, их жен и детей, Товарищество Собинской мануфактуры соответственно — 8 для 4631 чел.

По сведениям фабричных инспекторов, предприниматели Владимирской губернии к 1897 г. построили для своих рабочих и их семей 189 жилых домов казарменного типа, в которых проживало 57 552 чел. Во многих случаях проживание было бесплатным. Рабочие казармы по сравнению с простыми крестьянскими избами имели больше преимуществ и удобств и были приближены к более благоприятным городским условиям проживания.

В конце XIX — начале XX вв. появляется новый тип жилья для рабочих — небольшие одноэтажные дома на одну или несколько семей, построенные за счет владельцев промышленных предприятий. В некоторых случаях предусматривалась возможность последующего выкупа жилья в собственность. При каждом доме был разбит огород и сад. Подобную жилищную политику осуществляли Товарищество мануфактур А. Я. Балина в с. Юже Вязниковского уезда, Товарищество мануфактур Н. Дербенева сыновья в Камешкове, Ю. С. Нечаев-Мальцов в Гусе и др. В 1897 г. в Гусе-Хрустальном было 402 двух-, трех- и четырехквартирных дома, которыми владели

семейные рабочие, часто сдававшие «углы» холостым рабочим⁴⁷. Фабриканты Балины для своих рабочих и служащих в 1898-1899 гг. построили 15 двухэтажных деревянных домов, на восемь квартир каждый. Каждая квартира состояла из одной комнаты и кухни, отапливаемой русской печью. Позже были выстроены еще 14 домов, каждый на 1-3 семьи. Это были уже более комфортабельные жилища с паркетными полами, ванными, а некоторые — даже с дорогой мебелью, купленной за счет предприятия⁴⁸.

Крупные промышленники, на предприятиях которых трудились тысячи людей, в местах проживания своих рабочих формировали хозяйственно-культурную инфраструктуру: расширяли сеть местных грунтовых и железных дорог, строили школы, больницы, устраивали магазины, ясли, библиотеки и т. п. Дома, построенные предпринимателями в соответствии с обязательными санитарно-гигиеническими нормами, обеспечивали рабочим достаточно приличные для того времени условия для проживания.

Деятельность предпринимателей Владимирской губернии по созданию социально-культурных условий жизни для рабочих семей, являвшаяся частью объективного процесса трансформации российского общества, осуществлялась под влиянием политики правительства, направленной на создание правовых условий для развития крупной промышленности и ослабление негативных последствий индустриализации.

¹ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. — СПб., 1904. — С. 240.

² Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. — СПб., 1907. — С. 51.

³ Микулин А. А. Фабричная инспекция в России. 1882-1906. — Киев, 1906. — С. 89.

⁴ Панкратова А. М. Проблема изучения истории пролетариата // История пролетариата СССР. — 1930. — Сб. 1. — С. 9.

⁵ Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. — Л., 1924. — Т. II. — С. 123, 150.

⁶ Шельмагин И. И. Фабрично-трудоустройство законодательство в России (2 пол. XIX в.). — М., 1947. — С. 87, 101.

⁷ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.). — М., 1979. — С. 268.

⁸ Об историографии проблемы см.: Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи XIX-начала XX в. — М., 2005. — Гл. 2.

⁹ См., например: Валетов Т. Я. Медицинское обеспечение рабочих на крупной фабрике в конце XIX-начале XX в. (на примере товарищества мануфактур Н. Н. Коншина) // Индустриальное наследие: материалы Междунар. науч. конф. — Саранск, 2005. — С. 269-278; Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг. — М., 2005; Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797-1917. — М., 2004; Терентьев П. Н. Прохоровы: Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799-1915 гг. — М., 1996.

¹⁰ Таланова А. Ю. Фабричные поселки ЦПР: социальная деятельность фабричных предпринимателей в начале XX века // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора

Ю. И. Кирьянова. — Кострома, 2003. — Ч. 2. — С. 45-58.

¹¹ Песков П. А. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова. — СПб., 1886. — С. 55.

¹² Дементьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. — СПб., 1899. — С. 8-9.

¹³ ПСЗ III. — Т. 6. — № 3769.

¹⁴ Сборник положений, правил, разъяснений и постановлений о надзоре за заведениями фабричной промышленности, изданный Владимирским по фабричным делам присутствием. — Владимир, 1894. — С. 9.

¹⁵ Песков П. А. Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882-1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. — СПб., 1884. — С. 115.

¹⁶ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 362.

¹⁷ Дементьев Е. М. Указ. соч. — С. 82-83.

¹⁸ Поткина И. В. Социальная политика Морозовых: Никольская мануфактура (60-е гг. XIX-начала XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. — М., 2002. — С. 27-28.

¹⁹ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 368-369, 372-373.

²⁰ Там же.

²¹ Макушев А. А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII-начале XX века: индустриальное наследие. — Саранск, 2006. — С. 274, 275.

²² Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 368, 373.

²³ Таланова О. Ю. Фабрично-заводские поселки Владимирской губернии конца XIX-начала XX в. // Рождественский сборник. — Ковров, 1997. — Вып. IV. — С. 96; ГАИО. — Ф. 198. — Оп. 1. — Д. 209.

²⁴ Дементьев Е. М. Указ. соч. — С. 85.

²⁵ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 370-371.

- ²⁶ Там же. — С. 372-373.
- ²⁷ ПСЗ III. — Т. 4. — № 2316.
- ²⁸ Янжул И. И. Из воспоминаний. — С. 51.
- ²⁹ Песков П. А. Фабричный быт Владимирской губернии. — С. 49-50.
- ³⁰ Поткина И. В. Указ. соч. — С. 49; Аристов И. В. Никольское начальное училище при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о». — Орехово, 1906. — С. 64, 65, 67.
- ³¹ Поткина И. В. Указ. соч. — С. 50; Песков П. А. Указ. соч. — С. 34.
- ³² Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 396-397, 400-401.
- ³³ Поткина И. В. Указ. соч. — С. 54; Сведения о промышленных учреждениях Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова Сын и К^о» к Всероссийской выставке 1882 г. — М., 1882. — С. 31; Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова Сын и К^о» ко всемирной выставке в Чикаго 1893 года. — М., 1893. — С. 37.
- ³⁴ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 396-397, 400-401.
- ³⁵ Макушев А. А. Предпринимательская деятельность Малыдовых во второй половине XVIII-начале XX века: индустриальное наследие. — Саранск, 2006. — С. 279-280; О действиях губернских механиков // Журнал мануфактур и торговли. — 1852. — Ч. IV. — № 10-12. — С. 80; Очерк XXV-летнего развития мануфактурной промышленности Владимирской губернии // Журнал мануфактур и торговли. — 1856. — Ч. II. — № 4-6. — С. 76-77.
- ³⁶ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 396-397, 400-401.
- ³⁷ Макушев А. А. Указ. соч. — С. 280.
- ³⁸ Глазунов С. Р. Владимирское земство в 1866-1890 гг.: земство и власть. Дисс. канд. ист. наук. — Владимир, 1998. — С. 188.
- ³⁹ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 394-395, 400-401.
- ⁴⁰ Там же. — С. 398-401.
- ⁴¹ ГАВО. — Ф. 266. — Оп. 1. — Д. 776.
- ⁴² В 1890 г. во Владимирской губернии действовало 470 земских школ, на содержание которых местным земством было потрачено 276 090 рублей.
- ⁴³ ГАВО. — Ф. 266. — Оп. 1. — Д. 776.
- ⁴⁴ Сборник положений, правил, разъяснений и обязательных постановлений о надзоре за заведениями фабричной промышленности. — Владимир, 1894. — С. 9-14.
- ⁴⁵ Поткина И. В. Указ. соч. — С. 34-36.
- ⁴⁶ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. — С. 348-349.
- ⁴⁷ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. — Владимир, 1900. — Т. 3. — Вып. 3. — С. 46-47.
- ⁴⁸ Балдин К. Е. Предпринимательская деятельность фабрикантов Балиных (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Рождественский сборник. Выпуск XI. — Ковров, 2004. — С. 56; Пашков Я. М. Товарищество мануфактуры А. Я. Балина: Историко-статистический очерк. — М., 1911. — С. 58-59.

О. Е. Думенко (Тверь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАПИТАЛА В СЕМЬЯХ ОСИРОТЕВШИХ ГОРОЖАН В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ¹

В последние десятилетия в отечественной исторической науке произошла переориентация от социальной истории культуры к культурной истории социального или к культурной истории общества, предполагающей конструирование социального бытия посредством культурной практики, возможности которой, как правило, определяются и ограничиваются практикой повседневных отношений. С позиций социокультурного подхода историк должен, прежде всего, изучать, как люди прошлого выстраивали взаимоотношения друг с другом, и как это взаимодействие создавало социальные группы². В таком контексте особенно актуальным становится изучение семьи как важнейшего общественного института.

Современная историческая наука проявляет также большой интерес к проблеме развития российского предпринимательства. При этом наиболее интенсивно разрабатывается тематика предпринимательской деятельности в России второй половины XIX-начала XX вв. Становление российского предпринимательства, его ранние этапы зачастую остаются вне комплексного изучения³. Одной из важнейших особенностей развития российского предпринимательства в период до Великих реформ было то, что предприниматели различного масштаба были выходцами, как правило, из посадских людей⁴.

Главенствующее значение среди различных видов предпринимательской деятельности до конца XVIII в. принадлежало торговле⁵. Этим обуславливается необходимость изучения городского пространства при рассмотрении отдельных проблем истории предпринимательства в России.

В данной статье предлагается рассмотреть состояние предпринимательства в конце XVIII в. в среде осиротевших жителей г. Твери. Это позволит определить, существовал ли механизм преемственности предпринимательской деятельности в семьях, чье существование отягощено дополнительными обстоятельствами — потерей кормильца.

Последняя четверть XVIII в. была отмечена тем, что именно в это время начала складываться принципиально новая для российской действительности система социальной защиты. По «Учреждению о губерниях» 1775 г. в каждой губернии вводились Приказы общественного призрения, которые должны были заниматься организацией школ, богаделен, больниц, смиренных и работных домов⁶. Кроме того, в каждом городе при городом магистрате открывался сиротский суд, который должен был заниматься вопросами опеки осиротевших детей и их имущества⁷. При изучении

делопроизводства сиротского суда г. Твери становится ясно, что функции этого учреждения были достаточно разнообразны и не всегда соответствовали законодательным нормам. Однако вопросы опеки и попечения сирот, вдов и их имущества неоспоримо являлись компетенцией сиротских судов⁸.

Источниковую базу работы составляют делопроизводственные документы Тверского сиротского суда последней четверти XVIII в. В делопроизводстве сиротского суда можно выделить два уровня документов: общие и специальные⁹. К общим относятся журналы заседаний, докладные и настольные реестры, протоколы (если велись), книги записей поступивших указов, предложений и сообщений. Специальными являются дела об опеке.

В фонде сиротского суда сохранилось девять опекунских дел, которые были начаты в период с 1778 г. до конца XVIII в. Дело о взятии в опеку заводилось после смерти родителя и заканчивалось по совершеннолетию ребенка.

В целом стандартное дело о взятии в опеку можно разделить на две основные части: в первой подшиты документы о принятии в опеку сирот, вдов и их имущества, во второй — ежегодная отчетная документация опекунов о состоянии опекаемых и их имущества. Во второй части всех дел об опеке находятся ежегодные отчеты опекунов о состоянии опекаемых и их имущества в форме рапортов. За каждым опекунским рапортом следует выписка из журнала заседаний и черновик рапорта сиротского суда, отсылаемого в губернский магистрат, о получении опекунского отчета¹⁰. Вместе с рапортом в сиротский суд должны были ежегодно сдаваться приходно-расходные книги. Местоположение этих книг в делопроизводстве было различным. Часто книги за несколько лет подряд (или за все годы) подшивались в конце дела, при этом полный комплект приходно-расходных книг за весь период опекунства встречается не всегда¹¹. Это можно рассматривать как свидетельство недобросовестности с одной стороны — опекунов, с другой — членов сиротского суда, которые не требовали обязательного ведения и представления ежегодных приходно-расходных книг на рассмотрение сиротского суда.

Вне зависимости от полноты комплектации необходимых документов, дела об опеке содержат сведения об основных источниках доходов опекаемых. В шести семьях из девяти основным доходом семьи, потерявшей кормильца, обозначены проценты с денег, отдаваемых в долг¹². Дети купца Якова Капустина и мещанина Даниила Селезнева содержались на средства, получаемые от сдачи в наем лавки¹³. Осиротевшие дети купца Василия Ворошилова получали доход от содержания мельницы, т. е. производства и продажи муки¹⁴. После достижения опекаемым совершеннолетнего возраста, весь капитал передавался ему под расписку, как правило, для ведения торговли, т. е. продолжения той деятельности, которой когда-то занимался отец.

В фонде Тверского городского магистрата были

случайно обнаружены отпуски сводных ведомостей о состоянии опекаемых сирот за 1799 г., подшитые в одно дело¹⁵. Подобные ведомости должны были ежегодно составляться в сиротском суде для отправки во второй департамент губернского магистрата (после реформы Павла I — палаты гражданского суда и расправы). Нахождение этих делопроизводственных документов в фонде магистрата могло явиться как ошибкой фондирования, так и особенностью разграничения функций между городскими учреждениями в тот период времени. Ведомости за другие годы обнаружить пока не удалось.

Каждая ведомость оформлялась в виде таблицы из десяти граф. В первой записывались имена опекаемых и опекунов, а также год, в который была установлена опека. Во второй — пол и возраст опекаемых. В третьей зафиксировано движимое и недвижимое имущество, а также векселя, расписки, закладные, принятые опекунами по описи при вступлении их в должность. В четвертой-седьмой графах содержится информация о векселях, сроках платежей по ним, процентам. В следующей графе записаны годовые расходы на опекаемых. В девятой находятся сведения о движимом и недвижимом имуществе, а также векселях и наличных деньгах, имеющихся на конец отчетного года. В последней графе записана информация о месте проживания и занятиях опекаемых сирот. Завершающим элементом каждой ведомости являлись подписи членов сиротского суда — городского головы, старосты и хотя бы одного ратмана городского магистрата.

Всего в деле 1799 г. пошито четырнадцать ведомостей, отражающих сведения о семьях, в составе которых насчитывалось в общей сложности двадцать семь осиротевших детей.

Проследим, каков был основной источник доходов осиротевших детей жителей Твери. Анализ ведомостей показал, что наиболее распространенным источником доходов в этих семьях были проценты от вексельных сделок. Наряду с этим доходы получали от сдачи в наем лавок, амбаров, пристаней и даже жилого дома. Обязанностью опекунов было оформление сделки вместо недееспособных малолетних детей. В двух семьях основным источником дохода обозначен торг. В многодетной семье Дмитрия Вагина торговлей под присмотром опекунов занимался старший девятнадцатилетний сын Иван, младшие дети Дмитрия не привлекались к какой-либо деятельности. Осиротевшие дети купца Петра Вагина содержались на средства, получаемые от торговли, которую производила их мать Авдотья Трофимова. Важно отметить, что из двадцати семи сирот восемь в возрасте от одиннадцати до двадцати трех лет обучались «торговому промыслу».

Несколько семей, потерявших кормильца, содержались на средства, получаемые от производственной деятельности. Семья купца Василия Ворошилова получала прибыль от содержания водяной мельницы. Среди опекаемых сирот женского пола наиболее распространенным занятием было рукоделие — «вязание варежек

и чулок» и «портное мастерство», очевидно, для продажи. Основным занятием сына умершей посадской жены Афросиньи Кулаевой шестнадцатилетнего Ильи обозначено «обучение кузнечному ремеслу».

В семьях, потерявших кормильца, традиционно существовало несколько источников доходов. Только в двух случаях опекаемые сироты не имели капитала, единственным источником доходов в этих случаях была работа. Сын Ивана Новикова Петр семнадцати лет «обращался в услужении у разных людей», младший сын бывшего публичного нотариуса Диомида Карманова Петр девятнадцати лет работал «пищиком» в городском магистрате.

Таким образом, основная функция опекунов фактически состояла в сохранении и обеспечении функционирования капитала, в случае, если он был оставлен сиротам их родителями. Опекуны также обеспечивали обучение сирот «торговому промыслу», что способствовало транслированию традиционной для семьи деятельности через поколение. При передаче наследуемого капитала опекаемому по достижении им совершеннолетия, оговаривалось, что деньги отдаются ему для ведения торговли.

Опекунство было направлено на сохранение ка-

питала горожан, обеспечение его функционирования, передачу традиции в семьях, потерявших кормильца. В таком контексте деятельность опекунов можно рассматривать как один из механизмов, с помощью которых государство пыталось создать благоприятные условия для развития торговой, предпринимательской деятельности в городской среде. Государство предписывало сохранять имущество осиротевших горожан путем учреждения опеки и создания системы социального призрения в целом. Практика жизни приводила к тому, что обучение малолетних сирот торговле являлось традиционным для городской семьи.

Таким образом, категория специальных делопроизводственных документов фонда Тверского сиротского суда может давать некоторые представления о функционировании капитала в среде горожан, потерявших кормильца, развитии предпринимательства в городской среде. Следует отметить, что ведомости о состоянии опекаемых малолетних сирот, составляемые в сиротских судах, хорошо систематизированы и более удобны для извлечения информации по этой проблеме, чем опекунские дела. Однако для получения репрезентативных выводов требуется комплексное исследование этого вида делопроизводственных документов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Тверской области, проект № 08-01-57101 а/Ц.

² Репина Л. П. История исторического знания. — М., 2006. — С. 250–251.

³ История предпринимательства в России. От Средневековья до середины XIX в. — М., 2000. — Кн. 1. — С. 5

⁴ Там же. — С. 6; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. — М., 1995. — С. 16.

⁵ История предпринимательства в России. — С. 222.

⁶ Российское законодательство X–XX веков. — М., 1987. — Т. 5. — С. 264.

⁷ ПСЗ-1. — Т. XX. — № 14392. — С. 298–299.

⁸ См.: Думенко О. Е. Сиротский суд в г. Тверь в последней четверти XVIII — начале XIX в. // Социально-политические проблемы истории России. — Тверь, 2006.

⁹ Голиков А. Г., Крутлова Т. А. Источниковедение отечественной истории. — М., 2000. — С. 119.

¹⁰ ГАТО. — Ф. 679. — Оп. 1. — Д. 10, 11, 12, 13, 15.

¹¹ Там же. — Д. 3, 9.

¹² Там же. — Д. 1, 2, 3, 10, 12, 14.

¹³ Там же. — Д. 9, 15.

¹⁴ Там же. — Д. 11.

¹⁵ Там же. — Ф. 175. — Оп. 2. — Д. 1356.

О. С. Осипова (Москва)

ВОПРОСЫ СЕМЬИ И ВОСПИТАНИЯ В ПАМЯТНИКАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕЙ РУСИ X–XIII ВЕКОВ

Уникальный материал, характеризующий отношение к вопросам брака, семьи и воспитания в истории отечественной культуры представлен в древнерусских литературных памятниках X–XIII вв.

Общественная мысль в начальный период русской истории формировалась из устных традиций народа и утверждавшейся книжной культуры. Глубина и масштабность древнерусской письменности связана с приходом на Русь целостного блока переводной литературы и механизмов ее ретрансляции и развития. При этом в русском летописании проявились народные предания, легенды, песни, пословицы и поговорки, а также сюжеты и речевые формы, отражающие обращения к дружине,

вечевые диалоги, посольские реплики, законодательные высказывания и многое другое.

Литература XI — начала XIII вв. была единым целым, где произведения объединялись, соединялись между собой, продолжали друг друга и составлялись на основе переписки. Центральное место принадлежало летописям, но существовали и такие жанры, как жития и биографические тексты, семейные хроники и завещания, поучения и наставления детям.

Важное место занимала правовая общественная мысль. Свод законов первой половины XI в. представляла собой Краткая редакция Русской Правды. При составлении вошедшей в нее Правды Ярослава

или Древнейшей Правды (ст. 1-17) из уже существовавшей правовой системы были отобраны основные нормы об убийстве, увечьях, собственности и др. Следующим этапом стала Правда Ярославичей или Домениальный устав (ст. 19-41). Краткая редакция сохранилась в двух списках середины XV в. в составе Новгородской первой летописи младшего извода — академическом и археографическом¹. Пространная редакция Русской Правды была второй кодификацией писаного русского права, включавшей и Краткую; ее создание примерно от первой трети XII в. до начала XIII в. и до конца XV в.² Русская правда выступала источником светского права, в ней рассматривались правонарушения в связи с отношениями господства и подчинения, долга и наследования, а также положения судебно-следственной процедуры.

В обеих редакциях Русской правды в первой статье допускалась родственная месть при убийстве: «Если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата; если никто [из них] не будет за него мстить, то назначить 80 гривен за убитого, если он княжий муж или княжеский тиун; если он будет русин, или гридин, или купец, или боярский тиун, или мечник, или изгой... то назначить за него 40 гривен»³.

Исторически более развитая Пространная редакция Русской Правды впервые включила в себя значительный блок законов, регулирующий вопросы наследования и особо выделила в правовом поле женщин и детей. Разбираемые сложные ситуации показывают высокий уровень общественного развития, в том числе в брачно-семейной сфере — повторные браки, приемные родители, опекунов, права пожилых людей и другое⁴.

Русская Правда отражает свойственные времени гендерные нюансы и социальную структуру. В наказаниях за убийство постулировалось гендерное равенство: «Если кто убьет женщину, то судить, таким же судом, что и за убийство мужчины; если же [убитый] будет виноват, то платить полвиры 20 гривен» (ст. 88). В то же время законы о наследовании сильно дифференцированы по гендерному, социальному и экономическому основаниям: «Если смерд умрет, то наследство князю; если будут у него дома дочери, то выделить им часть [наследства]; если они будут замужем, то части им не давать... Если умрет боярин или дружинник, то наследство князю не отходит; а если не будет сыновей, то возьмут дочери» (ст. 90, 91). Особенно сильное гендерное неравенство в наследовании братьев и сестер: «Если в доме будет сестра, то ей [отцовского] наследства не брать, но братьям следует отдать ее замуж, как они смогут... А отчий двор без раздела всегда младшему сыну» (ст. 95, 100).

Проявляет Пространная редакция Русской правды заботу о детях-сиротах и назначении им опекунов: «Если будут в доме дети малые, и не смогут они сами о себе позаботиться, а мать их пойдет замуж, то тому, кто им будет близкий родственник, дать их на руки с приобретениями и с основным хозяйством, пока не смогут сами заботиться о себе; а товар передать перед людьми, а что

этим товаром он наживет передачей его под проценты или торговлей, то это ему [опекуну], а первоначальный товар воротить им [детям], а доход ему себе, поскольку кормил и заботился о них; если же будет от челяди приплод или от скота, то все это [детям] получить наличием; если что растрапит, то за все это тем детям заплатить; если же и отчим [при женитьбе] возьмет детей с наследством, то такое же условие... Если жена собралась остаться вдовой, но растрапит имущество и выйдет замуж, то она должна оплатить все [утраты] детям» (ст. 99, 101).

Особое внимание Русская правда уделяла защите прав матерей: «Если после смерти мужа жена останется вдовой, то детям на нее выделить часть, а что ей завещал муж, тому она госпожа, а наследство мужа ей не следует... Если дети не захотят ее проживания на дворе, а она поступит по своей воле и останется, то любым образом исполнить [ее] волю, а детям воли не давать; а что ей дал муж, с тем ей и остаться [на дворе невыделенно] или, взяв свою часть, остаться [на дворе выделение]... А на [выделенную] часть материнского имущества дети прав не имеют, но кому мать отдаст, тому взять; если отдаст всем, то пусть все разделят; если умрет без завещания, то у кого на дворе она находилась и кто ее кормил, то тому взять [ее имущество]» (ст. 93, 102, 103).

Пространная редакция Русской Правды регулировала и сложные отношения в повторных браках, регламентировала ответственность мачехи или отчима: «Если будут дети от первой жены, то дети возьмут наследство своей матери; если же муж завещал это второй жене, все равно они получают наследство своей матери... Если у одной матери будут дети от двух мужей, то одним идет наследство своего отца, а другим — своего... Если отчим растрапит что из имущества отца пасынков и умрет, то вернуть [утраченное] брату [сводному], на это и люди [свидетелями] станут, что отец его растрапил, будучи отчимом; а что касается [имущества] его отца, то пусть он им владеет» (ст. 94, 104, 105).

При завещании позволялось учитывать личные волеизъявления, симпатии и чувства: «Если кто, умирая, разделит хозяйство свое между детьми, то так тому и быть; если же умрет без завещания, то разделить на всех детей, а на самого [покойного] отдать часть на помин души... А мать пусть даст свое [имущество] тому сыну, который был [к ней] добр, от первого ли мужа или от второго; если же все сыновья будут к ней плохи, то она может отдать [имущество] дочери, которая ее кормит» (ст. 92, 106).

Исключались из системы наследования дети от несвободных: «Если были у человека дети от рабы, то наследства им не иметь, но предоставить свободу им с матерью» (ст. 98). Более того, брак с несвободной женщиной мог нести поражение в правах, поскольку «второй вид холопства: женитьба на рабе без договора, если с договором, то как договорились, так на том и стоять» (ст. 110).

Разрешение вопросов наследования требовало официальных процедур и оплаты: «Если братья будут судиться перед князем о наследстве, то детскому,

который идет их делить, взять гривну кун» (ст. 108). Постепенно законы усложнялись и прописывались более частные детали.

Особое место в ряду письменных источников брачно-семейного содержания занимает эксклюзивная группа берестяных грамот XI — рубежа XII—XIII вв. Берестяные грамоты — тип древнерусских письменных источников, когда на бересте буквы выдавливались писалом. Основное издание берестяных грамот — серия под общим названием «Новгородские грамоты на бересте»⁵.

Большинство берестяных грамот представляют собой частные письма по разным вопросам: семейным, бытовым, торговым, денежным, судебным и другим⁶. В контексте фамилистических исследований представляют интерес грамоты № 424; 644; 487; 421; 235; 731; 9; 531; 705⁷.

Детско-родительские взаимоотношения характеризуют грамоты № 424 и № 421. Первое письмо послано в Новгород из Смоленска. В нем сын, забываясь о родителях в голодные годы, зовет их к себе: «Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешев хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы». Во втором письме отец, забываясь о сыне, видимо совершившем нарушение, заплатил за него штраф и требует его возвращения: «От Братяты к Нежилу. Иди, сын, домой — ты свободен. Если же не пойдешь, я пошлю за тобой судебного исполнителя. Я заплатил 20 гривен, и ты свободен».

Особое место занимают брачно-семейные отношения и их социокультурные проявления — помолвки, супружество, разводы, повторные браки и т. п. Интересный материал к пониманию этого дают грамоты № 731, № 705, № 487 и № 9. В первой грамоте обсуждалась помолвка, видимо, это ответ родителей жениха на сделанное ему свахой предложение с обещанием вознаграждения: «Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего. К празднику ее хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие [на то, чтобы было], как ты сказала ему давеча: „Придешь — в тот же день сосватаю“... А где мне хлеб, там и тебе». Супружеские отношения могли складываться непросто, часто за это винули женщину, грамота № 487 представляет собой фрагмент такого увещания — «велел поступать, а ты действовала сверх своих возможностей. Если бы ты добром жила с братом... Поживи же с Гургием и с Лукой. А ведь я называл тебя сестрою, невесткою».

Сложные супружеские отношения могли приводить к конфликтам. В грамоте № 705 Домажир, беспокоясь о своей сестре, ее здоровье и супружестве, писал ее мужу Якову: «Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году наделил, а теперь я бы послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее „знатьбой“, пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю его обратно в город. Если же не исполнишь этого, то я тебя предам

святой Богородице, перед которой ты приносил клятву». Проблемы могли быть связаны и с разводами, и с повторными браками. Так, в грамоте № 9 разведенная женщина просит помощи у родственников, возможно, брата или дяди: «От Гостяты к Василю. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женись на новой жене, он мне не дает ничего. Ударив по рукам, он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость».

Непростыми были и взаимоотношения родственников — братьев, сестер, дядей и других. Об этом свидетельствуют грамоты № 531, № 235 и № 644. У родственников могли просить защиты в социальных, экономических и юридических конфликтах. В грамоте № 531 описана очень сложная ситуация, состоящая в том, что Коснягин доверил свои деньги Федору, зятю Анны, поручив давать их в долг, но заподозрил, что в отсутствие мужа дочь Анны распоряжается ими и, считая Анну поручителем за зятя, стал грозить штрафом ей и дочери, а Федор за это выпнул жену. Анна, отрицая факт поручительства и злоупотреблений со стороны дочери, обращается к своему брату Климяте с просьбой о помощи в судебном деле: «От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Коснягином в моем деле. Заяви ему теперь при свидетелях о его неправоте: „После того, как ты обвинил в поручительстве мою сестру и дочь ее, назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, теперь Федор, приехавши и услышав об этом обвинении, выпнул сестру мою и хотел убить“. А теперь, господин брат, посоветовавшись с Воиславом, скажи Коснягину: „Раз ты возвел это обвинение, так докажи“... Когда же ты, брат, проверишь, в каких словах и в каком поручительстве Коснягин меня обвинил, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, — я тебе не сестра, а мужу не жена! Ты же меня и убей, не глядя на Федора». Письмо очень эмоционально, чем подтверждает грамотность женщин, а не привлечение платных писцов.

Родственники строго следили за выполнением взаимных обязательств. В грамоте № 235 показано, что за братний долг могли конфисковать имущество: «От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручитель перед Жадком. Запрети же ему, пусть не посылает на меня стражу». Были между родственниками и ссоры, вплоть до разрыва отношений. В Грамоте № 644 представлен конфликт брата и сестры: «От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то посылай судебного исполнителя. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь, то извести меня. А тогда я вам не сестра, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего!»

Грамоты показывают как любовно-заботливое отношение родственников, так и напряженные конфликты. В них непосредственно видны все особенности повседневной жизни. В берестяных грамотах отразились не только реальные проявления законов Русской

Правды, но и высокая образованность и грамотность простого населения, в том числе женщин, а также своеобразный эпистолярный этикет и нормативы.

В XII в. в истории древнерусской общественной мысли патриархальные представления о государстве, власти и этике в известной форме «Поучений» сформулировал Владимир Мономах (1053-1125)⁸. «Поучение» Владимира Мономаха сохранилось только в Лаврентьевской летописи⁹. Это одно из выдающихся произведений древнерусской литературы, написанное, вероятнее всего, в 1117 г.

Владимир Всеволодович — талантливый и образованный внук византийского императора Константина Мономаха, был князем черниговским, переяславским, а с 1113 г. — киевским. Всю жизнь он провел в военных походах, но главным делом считал поддержание идеи единства Русской земли. Мономах подчеркивал многообразие сотворенного мира, неодинаковость людей и необходимость разных моральных требований, причем для князей более строгих. Мыслитель сохранял архаические понятия природы и человека в ней: все в мире «дал Бог на угоды людям, на веселье», не видел в мирских делах и плоти ничего греховного.

Владимир Мономах начал с этико-воспитательных рассуждений: «Ибо как Василий¹⁰ учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: „Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуместь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу вывесь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится».

В этике семейно-родственных и общественных взаимоотношений Мономах высоко ценил идеалы милосердия, прощения и смирения, которые видел в Боге: «Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею». Мыслитель подчеркивал основы поведения: «Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело... Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего».

Этическая линия была продолжена и в другом широко известном произведении «Письмо Мономаха

к Олегу Святославичу»¹¹. Обращение Владимира Мономаха к своему брату, причинившему смерть его родному сыну, делает абстрактные этические императивы князя реальными элементами непосредственной жизненной практики.

Мономах подчеркивал, что Бог желает братской любви, в ней и любовь к Богу: «Ибо кто молвит: „Бога люблю, а брата своего не люблю“, — ложь это. И еще: „Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный“... „Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе“». Важно, по мнению философа, что все они родственники — дети и братья друг другу: «Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: „Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим“. Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов».

Князь рассуждал о тленности богатств и предметов вражды, о вечности посмертного бытия, а, следовательно, никчемности дальнейших междоусобиц, поскольку с собой они могут унести только родство и любовь: «А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят. Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его... сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: „Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы“».

Предлагая примирение, Владимир Мономах, просит брата о воссоединении семьи: «Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым посланцем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя».

Мыслитель неоднократно подчеркивал, что междоусобицы издавна разделяли и наносили семье взаимный урон, но это не должно мешать соединению родных, поскольку погибшие — решение и выбор Бога: «Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя... Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подлучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть,

а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и власть получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель... не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной!» Каждый должен быть на своем родовом месте: «Если тебе хорошо, то... вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись... Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле... Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!»

«Поучение» Владимира Мономаха продолжает сохранять свою вневременную этико-педагогическую актуальность, поднимая темы семейно-родственных и детско-родительских отношений и выступая как духовное заветование детям в самом широком смысле слова, поскольку государство уподобляется большой семье, дому или вотчине, управляемой князем-домовладкой.

Теме братского единства, уважения старших младшими и ответственности и помощи старших братьев было посвящено и «Слово о князьях» — литературный памятник второй половины XII в. «Слово» приурочено ко дню церковной памяти князей Бориса и Глеба и представляет собою торжественную проповедь, где как образец заботливого старшего брата описывался Давид Святославич¹².

Этой теме посвящено и «Слово о полку Игореве», написанное в конце XII в. Поводом стал неудачный поход на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича в 1185 г. В «Слове» содержатся описания простых человеческих и семейно-родственных отношений. Так, вспоминая Всеволода, автор сожалел, что он «забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!»; супружеские отношения здесь соотносятся с чувствами и нежностью или в описаниях переживания тревоги и тоски о любимом в душевном порыве Ярославны, ее просьбы вернуть «моего ладу ко мне, чтобы не слава я спозаранку к нему слез на море»¹³.

Одни из наиболее важных памятников этого периода — «Слово» и «Моление» — принадлежат Даниилу Заточнику¹⁴. «Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю, Ярославу Володимировичю» могло быть посланием опального княжеского дружинника князю Ярославу Владимировичу, княжившему в Новгороде в 80-90-е гг. XII в. Возможно, Даниил Заточник — литературный образ, но, может быть, и историческая личность, а его произведение — реальное послание князю оказавшегося в изгнании и нищете человека. Поскольку тексты дошли в списках XVI-XVII вв., в них оказались добавлены цитаты, пословицы, притчи и другое¹⁵.

Глубоко трогают описания несчастного положе-

ния и личные просьбы Даниила Заточника: «Не смотри на внешность мою, Но взгляди в сущность мою. Ибо одеждой я оскудел, но разумом богат; Юный возраст у меня, но зрелый ум во мне». Очень ценным, но жестоким, мыслитель считал познание жизни: «Как олово гибнет, часто переглавляемое, Так и человек, претерпевающий много бед. Ведь никто не может ни солью питаться, ни в печали размышлять. Всякий человек найдя и мудр, когда судит о чужой беде, А к своей ума не приложит. Злато испытывается огнем, а человек бедами. Пшеница, долго мучимая, становится чистым хлебом, А человек, будучи в печали, обретает зрелый ум. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; У горящего человека сохнут кости. И если кто человека в печали призрит, То как студеной водой его в жаркий день напоит».

«Слово» содержит много этических наблюдений и размышлений: «Друзья же мои и близкие мои — и те отвергли меня, Ибо не предложил им трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мною в блюдо, А в несчастье ведут себя как враги, Помогая даже сбить меня с ног; Очами плачут со мной, а в душе смеются надо мною. Поэтому не верь другу и не надейся на брата... Ибо, господине, богатый муж везде известен, Он и на чужой стороне друзей имеет, А убогий и в своей презренным ходит. Богатый заговорит — все умолкнут И вознесут речь его до небес, А убогий заговорит — все на него крикнут. Чьи одежды светлы, тех и речь честна».

Произведение Даниила Заточника наполнено воспитательными поучениями и сентенциями: «Не лиши хлеба нищего мудреца. И не вознеси до небес богатого глупца. Ибо нищий мудрец — как злато в грязном сосуде, А богатый — разодетый, но глупый — Как шелковая наволочка, соломой набитая». Привлекают внимание рассуждения Даниила о мудрости и глупости: «Лучше слышать спор умных, чем наставление глупых. Наставь премудрого — станет еще мудрее. Не сей на бороздах жито, а мудрость — в сердце глупых... Как в дырявый сосуд лить, так и безумного учить... Мертвеца не рассмешить, а глупого не научить». Особо отмечал философ значение слуг и советников для князя: «Мудрого мужа посылая — мало ему объясняй, А неразумного посылая — и сам не ленись вслед идти. Ибо очи мудрых устремлены к благим делам, А очи неразумных — к дому пирующих... С мудрым советником совещаюсь, князь высокий престол займет, А с плохим советником совещаюсь — меньшего лишен будет». Даниил подчеркивал и важность самоучения: «Так и я, из многих книг выбирая сладость словесную и мудрость, Собрал их, как в сосуд воды морские».

Даниил Заточник взывал к родительским чувствам князя как святым и понятным в обществе XII в., где еще достаточно сильными были традиционные идеалы рода: «Но не зри на меня, господине, как волк на ягненка, А зри на меня, как мать на младенца... Птица ведь радуется весне, а младенец матери; Весна украшает цветами землю, А ты оживляешь всех людей

своей милостью, Сирот и вдовиц, вельможами обижаемых... Паволока красива, расшита множеством шелков, А князь честен и славен по всем странам множеством слуг... Ведь щедрый князь — отец всем слугам своим; Многие оставляют отца и мать и к нему приходят. Ибо кто доброму господину служит — дослужится до свободы, А кто злomu господину служит — дослужится до большей неволи».

Необычайно полны и глубоки рассуждения Даниила Заточника о женщинах и браке. Мыслитель подчеркивал значение хорошей доброй жены и несчастье со злой: «Добрая жена — украшение мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое, разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом мужа своего истощает. Лучше в углой ладье плавать, нежели злой жене тайну поведать: утлая ладья одежду намочит, а злая жена всю жизнь своего мужа погубит. Лучше камень долбить, чем злую жену учить. Железо переплавишь, а злой жены не научишь, ибо злая жена ни учения не слушает, ни священника не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает... В миру — мятеж, ослепление уму, источник всякой злобы; в церкви... греху — пособница, спасению — преграда».

Даниил отвергал браки ради богатства, поскольку жена может оказаться не добра: «Быть может, скажешь мне: „Женись на богатой ради чести великой; У богатого тестя в доме пей и ешь”. Но лучше мне бурого вола ввести в свой дом, чем злую жену взять. Вол ведь не говорит и зла не замышляет, А злая жена наказуема — бесится, а укрощаема — заносится; В богатстве тщеславной становится, а в бедности других осуждает».

Патриархальные идеалы, соответствующие времени, свойственны «Слову»: «Не муж среди мужей, над которым жена властвует, Не жена среди жен, которая от своего мужа блудит, Не работа среди работ — под началом женок повоз возить». В «Слове» есть пожелание женщинам: «Жены, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице; А чему хотите учиться — учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, по закону наставляйте жен своих, Ибо нелегко найти добрую жену». Обращаясь к мужчинам, Даниил добавлял, что не красота и лесть жены важна, а ее дела, иначе будут несчастья: «Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и лстивые слова, а дел ее не испытает, то дай Бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят».

Для понимания места брака и семьи в древнерусской культуре, важно и то, что, начиная с XI в. в житиях, ставших своеобразным жанром религиозной мысли, отчетливо прослеживается показательный взгляд на брачно-семейные отношения. Жизнеописания святых содержат принятые ключевые моменты — рождение от благочестивых родителей, с детства прилежание к церкви, избегание радостей и соблазнов мира, в монашестве образец аскета и подвижника. Религиозный выбор строится на противопоставлении семьи и церкви.

В 80-х гг. XI в. было написано «Житие Феодосия», инока, а затем игумена Киево-Печерского мо-

настыря¹⁶. Это произведение, практически первый текст житийной литературы на Руси, можно считать одним из лучших примеров святоотеческих представлений о личностном выборе и пути, о столкновении христианских устремлений и брачно-семейных отношений¹⁷.

В форме жития Феодосия был дан образец богоугодных детско-родительских отношений. Смирный отрок посвятил свою жизнь богу и помог прийти в монастырь своей матери. В тринадцать лет Феодосий остался без отца, но был любим матерью. Он не хотел играть с детьми, носил старую одежду и работал в поле со смердами. Этим он вызывал недовольство и наказания от матери. Мать, вопреки христианскому благочестию, противилась стремлению сына «датися» Богу, не давала ему уйти с паломниками. Феодосий носил вериги и прислуживал в церкви много лет, но «некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: „Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостойн”. Услышал это боговдохновенный Феодосий и воспластал рвением и любовью к Богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле Божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолвившись Богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил». Придя к монахам «Феодосий всей душой отдался Богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук». Мать смогла найти его и приехать к сыну, он не захотел принять ее, пока она не примет монашество. Долго сопротивлялась мать, но сказала Феодосию: «Чадо, исполно все, что ты мне велишь, и не вернись больше в город свой, а, как уж Бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир».

В житии содержится рассказ и об отцовской любви. Сын высокопоставленных родителей Варлаам отказался от боярства и богатства, и отец пришел увести его домой, но сын стал рвать и пачкать дорогую одежду, отвернулся от еды и жены: «Поистине исполненный любви к Богу Варлаам — увидев по дороге грязную рыпвину, прыгнул в нее, и с Божьей помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи». Отец запер его дома: «Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его... расхаживала перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же... в душе своей молился милосердному Богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня, не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь — так и сидел в одной рубашке». Религиозному контексту жития контрастирует искренность отцовской любви. Узнав «что уже четвертый день не принимает он пицци и одежду не хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он

не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, обლობызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слути и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил от них, и так с громкими стенаниями провожали его», а «воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети». Так символично описывается образцовая монашеская смерть для мира — смерть для матери и отца, для жены и домочадцев.

Лейтмотивом жития звучит напутствие Феодосия: «Молю же вас, братья, подвижемся постом и молитвой, и попечемся о спасении душ наших, и отступим от пороков наших и от путей неправедных, которые же суть: любодение, воровство и клеветы, пустословие, ссоры, пьянство, обжорство, братоненавидение. От всего этого, братья, отвратимся, всего того станем гнушаться, не оскверним этим души своей, но пойдем по пути Господню, ведущему нас в рай, и обратимся к Богу с рыданием и слезами, постом и бдением, и покорностью и послушанием, и тем обретем милость его. Еще же возненавидим мир этот, всегда помня Господа, о сем сказавшего: „Если кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и села ради меня и Евангелия, тот меня не достоин“, и еще: „Обретший жизнь свою — погубит душу, а потерявший жизнь меня ради — душу спасет“».

В XII в. рассуждения о браке и деторождении содержались также в «Послании Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием», где рассматривались библейские сюжеты и мораль¹⁸.

В первой трети XIII в. оригинальным русским патериком стал Киево-Печерский. Как сборник со своей структурой в виде ряда рассказов и особенностями патерик окончательно сложился к 60-м гг. XV в. и был очень популярен¹⁹. Произведение хорошо иллюстрирует быт и нравы того времени.

Киево-Печерский патерик отражает отношение к браку, семье и воспитанию в христианской интерпретации²⁰. В 9-м «Слове Нестора, инока монастыря Пе-

черского, о перенесении мощей святого преподобного отца нашего Феодосия Печерского» рассказывалось, что Феодосий заботился не только о монахах, но и о мирянах и как пример приводилась супружеская пара Яна и Марии, поскольку «оба они были благочестивы и, по заветам божественного Павла, жили целомудренно, сохраняя супружескую верность. Потому-то и любил их блаженный Феодосий, что жили они по заповедям Господним и в любви меж собой пребывали». Особенно интересен в патерике рассказ о женской страстной любви и ее монашеском порицании, обличении душевных страданий и опасности мужчинам в 30-м «Слове о преподобном Моисее Угрине». В патерике есть интересный материал и о детско-родительских отношениях с позиций христианской святости в 35-м «Слове о преподобном и многострадальном отце Пимене...», где описывалось, как Пимен, не ища излечения от болезни и вопреки желаниям любящих его богатых родителей, принял монашество и поучал: «Вот почему апостол говорит к страждущим телесными болезнями: „Если вы наказание терпите, то как с сынами поступает с вами Бог; если же остаетесь без наказания, то вы рабы, а не сыновья“». Этот отрывок показывает, что в христианстве родству семейному противопоставляется родство божье. В Киево-Печерском патерике отчетливо видно почитание монашества и скопчества как ангельских образов в отличие от мирян, преобладание их над родовыми ценностями, родительской и супружеской любовью как веление свыше.

Древнерусский период XI-XIII вв. стал временем появления первых самостоятельных и оригинальных произведений отечественных мыслителей, посвященных преимущественно религиозной, историософской и этической тематике. На обращении к проблемам семьи и воспитания сказались общефилософские тенденции и древнерусские социокультурные особенности. В соответствии с христианскими воззрениями авторами постулировались требования к брачно-семейным и детско-родительским отношениям, это отразилось в ряде таких историко-культурных памятников как Жития, Повести, Слова, Поучения, Послания и других.

¹ См.: Правда Русская. — М.-Л., 1940. — Т. I. — С. 32, 34-54.

² См.: Зимин А. А. Традиции Правды Русской в Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. — М., 1982.

³ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946>

⁴ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947>

⁵ Изданные тома серии «Новгородские грамоты на бересте»: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. НГБ (из раскопок 1951 г.). — М., 1953; Арциховский А. В. НГБ (из раскопок 1952 г.). — М., 1954; Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (из раскопок 1953-1954 гг.). — М., 1958; они же. НГБ (из раскопок 1955 г.). — М., 1958; они же. НГБ (из раскопок 1956-1957 гг.). — М., 1963; Арциховский А. В. НГБ (из раскопок 1958-1961 гг.). — М., 1963; Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (из раскопок 1962-1976 гг.). — М., 1978; Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ (из раскопок 1977-1983 гг.). — М., 1986.

⁶ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4948>

⁷ Грамоты XI-XII вв.: № 246-109 — XI и рубеж XI-XII вв.; № 605—№ 2 — первая половина XII в.; № 723—№ 10 —

вторая половина XII и рубеж XII-XIII вв.

⁸ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874>

⁹ Печатается по Лаврентьевской летописи (РНБ, Ф. п. № 2) с незначительными исправлениями описок. Подробный комментарий см.: Повесть временных лет. — М.-Л., 1950. — Ч. 2. — С. 425—457.

¹⁰ Василий Великий (Кесарийский, ок. 330-379). «Поучения» Василия Великого были известны на Руси в переводах.

¹¹ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874>

¹² <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4939>

¹³ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941>

¹⁴ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4942>

¹⁵ «Слово» напечатано по списку XVII в. Шифр рукописи: РНБ, собр. Кирило-Белозерского монастыря, № 43/1120. Перевод и комментарий Д. С. Лихачева, опубликованные в кн.: ПЛДР, 2, с. 388-399, 688-690.

¹⁶ «Житие Феодосия» по списку в составе Успенского сборника — рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 1063/4, изданному

в кн.: Успенский сборник XII-XIII вв. — М., 1971. Исправления и дополнения внесены по списку «Жития» в составе Киево-Печерского патерика, изданного в кн.: Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. — Киев, 1930.

¹⁷ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>

¹⁸ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4935>

¹⁹ Опубликован по списку конца XV-начала XVI вв. второй Кассиановской редакции (ркп. РГБ, собр. Румянцев, № 305). Утраченные части текста восстановлены по списку, близкому к первому по времени создания и одной с ним редакции (ркп. РГАДА, собр. Оболенского, № 69).

²⁰ <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945>

М. А. Барашев (Владимир)

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ

Под влиянием идей европейского Просвещения во второй половине XVIII в. в сознании русского дворянства прочно утвердилось нормативная модель социокультурного поведения человека благородного сословия. Именно эта модель и обусловила исключительное единство содержания воспитания и образования отечественного дворянства той эпохи. Оно носило нормативный характер и было направлено не столько на то, чтобы раскрыть индивидуальность ребенка, сколько на то, чтобы сформировать личность, точно соответствующую общепринятому в дворянских кругах образу «душевно и телесно здорового» человека благородного сословия.

Идеальный образ дворянина был ярко воплощен в философских сочинениях (А. Т. Болотов, Е. Р. Дашкова, И. И. Бецкой), а также в произведениях художественной литературы (А. М. Бакунин. Поэма «Осуга») и изобразительного искусства (Д. Г. Левицкий. Портрет П. А. Демидова). В идеале дворянин обязан был быть не только «человеком чести» — верным, храбрым, честным и щедрым, но и «образцовым хозяином», обладающим такими качествами, как трудолюбие, скромность, бережливость и умеренность. Он должен был иметь обостренное чувство собственного достоинства и уметь уважать не только людей, стоящих гораздо выше его по своему социальному положению, но и тех, кто стоял неизмеримо ниже. Наконец, дворянин должен был обладать обширными практическими знаниями, необходимыми ему как в светской жизни, так и в повседневном быте в сельской усадьбе и которые обеспечат «благополучие не в посторонних и наружных вещах, а во внутренности нашей души»¹. Подобные нравственные принципы, правила поведения и познания наук требовали длительного и тщательного воспитания и образования.

Рождение ребенка в, как правило, многодетных дворянских семьях было важным, но не исключительным событием. День и час его появления на свет по традиции записывали на полях Библии или в календаре. Например, дед М. А. Дмитриева отметил в «Христианском месяцеслове», что «1796 года мая в 23-й в пятницу, в таком-то часу пополудни невестка Марья Александровна родила сына Михаила, и имя дано того ж дня»². По распространенному в среде русских помещиков обычаю, в честь рождения ребенка в усадебном

парке высаживалось «священное дерево», которое затем обносило оградой, куда разрешалось заходить только избранным. Поэт А. И. Одоевский посвятил своему «священному дереву» в усадьбе Новониколаевской Владимирской губернии замечательные строки:

Я помню липу; не отдельно
Я с нею жил, и листьев шум
Мне веял песней колыбельной
Всею негой первых детских дум.

Для повседневного быта дворянства была характерна традиция раздельного проживания родителей и детей, причем, в архитектурно-строительных руководствах того времени специально указывалось, что следует отделять спальню и кабинет отца от «детской», «ибо за криком и шумом ничего делать не можно будет»³. Как правило, в домах состоятельных помещиков под детскую отводилась угловая комната, довольно большая и светлая, но отделенная от парадной части и жилых помещений других членов семьи, чтобы дети не надоедали шумом и не мешали занимать гостей. «Детская» — это особый мир, наполненный игрушками, детскими книжками, детской одеждой. Здесь ребенок нередко проводил самые счастливые дни своего детства. Родители, занятые усадебным хозяйством или светской жизнью, уделяли мало внимания воспитанию детей. И, хотя по отзывам современников в дворянских семьях родителей «боялись, любили и почитали», но во многих из них детям просто не хватало родительской ласки и проявлений нежной привязанности. С самого раннего детства ребенка отдавали на попечение крепостных нянек и дядек, которыми, впрочем, нередко руководила бабушка (в семье Л. Н. Энгельгардта) или реже мать (в семье А. М. Бакунина). Русская мемуаристика сохранила многочисленные свидетельства привязанности питомцев к своим наставникам. Их любовь заменяла детям родительскую ласку, как, например, у знаменитой пушкинской няни Арины Родионовны.

Пора беззаботного детства заканчивалась в дворянских семьях рано, в четыре-пять лет. Основой домашнего воспитания дворянства на этом этапе являлось формирование у ребенка религиозно-нравственных устоев. Его знакомили с системой христианско-этических норм и традиций, определяющих стиль поведения дворянина, которые входили в сознание детей при помощи

целого комплекса разных, внешне порой никак между собой не связанных, требований и педагогических приемов. М. А. Дмитриев вспоминал, как, затворивши двери в комнату, мать «молилась, читая по книжке утренние молитвы. Меня ставила она тоже молиться, возле себя. По большей части она молилась со слезами, и я, несмотря на то, что мне казалось довольно долго, не скучал этим, вникая в слова молитв, и с благоговением разделял с нею ее возношение души к Богу»⁴. Утренние и вечерние молитва в дворянских семьях была обязательным для детей началом и концом дня. По воскресеньям и праздникам они вместе с родителями посещали церковь.

Первыми домашними учителями дворянских детей были сельские священники и дьячки, а также грамотные крепостные: Ф. Ф. Вигеля и М. А. Дмитриева обучили грамоте их крепостные; соответственно, Александр Никитин и Сидор Иванович; Л. Н. Энгельгардта — дьячок униатской церкви; М. И. Глинку — священник Иоанн Стабровский. Они знакомили ребенка с системой христианско-нравственных норм, давали ему первые уроки общения с природой, учили началам счета и грамоты по Часослову и Псалтыри; причем, каждодневное учение начиналось и заканчивалось молитвой. По воспоминаниям С. В. Скалон «нас будили рано утром, а в зимнее время даже при свечах; дядька Петрушка с вечера готовил для нас длинный стол в столовой, положив каждому из нас на листе чистой бумаги книги, тетради, перья, карандаши и пр. После длинной молитвы, при которой все мы стояли рядом, один из нас читал ее громко, мы садились на свои места и спешили приготовить уроки к тому времени, когда мать наша проснется; тогда несли ей показывать, что сделали, и если она оставалась довольна нами, то, заставив одного из нас прочесть у себя одну главу из Евангелия или из священной истории, после чего отпускала нас гулять, а впоследствии старших братьев и на охоту, которую они очень любили»⁵. В некоторых семьях первым наставником детей становился один из родителей. «Мать моя учила писать и начала образовывать сердце мое, сколько словами, а вдвое примерами», — писала А. Е. Лабзина в своих мемуарах⁶. Учение давалось детям дворян поразному. Одни осваивали его довольно быстро: так, М. А. Дмитриев в четыре года уже хорошо читал, а в пять лет декламировал наизусть стихи перед гостями деда. Для других занятия счетом и грамотой приносили только мучения, тем более, что за лень сурово наказывали, в том числе и телесно.

В дворянских семьях второй половины XVIII-начала XIX вв. существовала развитая система наказаний за различные проступки, в том числе и за недостаточное усердие в учебе. Детей лишали сладкого или заставляли во время обеда стоять у стола, ставили на колени носом в угол на несколько часов, закрывали в темную комнату, били деревянными лопатками или линейками по рукам, секли розгами, плетью и даже хлыстом из «подошвенной» кожи. Нередко в комнате,

где проходили занятия, на стене висела плеть или в углу в ведре стояли розги как весомый аргумент в пользу прилежной учебы и поведения. Большого вреда для детской психики в таком отеческом наказании родители не видели. Наказания широко употреблялись не только родителями, но и домашними педагогами. Жестокость родителей и учителей часто навсегда отбивала любовь к тому или иному предмету, например, по свидетельству Л. Н. Энгельгардта его учитель немецкого языка иезуит Кадаврик, который «исправно всякую неделю наказывал меня дисциплиною, для чего я получил омерзение к немецкому языку, что никогда не мог порядочно знать по-немецки и разумею, что читаю»⁷. Иногда телесное наказание принимало характер глумления над ребенком. А. Т. Болотов вспоминал: «Немец мой сделался тогда сущим извергом: он не только меня иссек немилосерднейшим образом хвостинами по всему телу, без всякого разбору, но грыз меня почти зубами и терзал, как лютый зверь, без всякого человечества и милосердия... ни слезы, ни умаливания, ни целования рук и ног его, ни повторные клятвы не могли смягчить сего чудовища»⁸. Телесным наказаниям также подвергались и девочки. Другой широко распространенный прием заключался в том, что детей, нередко не щадя их самолюбия, стыдили в присутствии взрослых, а также старших и младших братьев или сестер. Страх и благочестие были неотъемлемыми элементами домашнего воспитания.

По мере взросления детей, с шести-семи лет, программа их образования существенно расширялась, и менялся круг наставников. Главную роль в воспитании теперь играли иностранные гувернеры и педагоги. Чаще всего это были французы и швейцарцы, реже — немцы и англичане. Нередко в доме богатого помещика служило сразу несколько гувернеров, причем, разных национальностей. По отзывам современников, большинство иностранцев «с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством»⁹. К подобному отношению их побуждали не только высокая культура и чувство достоинства, но и собственная выгода. Оплачивался труд гувернеров-иностранцев дорого. Например, при известном недостатке средств и своей скупости, С. Л. Пушкин платил гувернеру сто пятьдесят рублей в год с прибавлением по пуду сахара и пуду кофе, десяти фунтов чая, а, кроме того, еще представлял ему стол, квартиру, слугу и карету. За десять-двенадцать лет службы у состоятельного помещика педагог становился вполне обеспеченным человеком. Многие гувернеры, уезжая, получали пожизненную пенсию, или, оставшись в России, должности и чины. С. В. Скалон пишет в своих воспоминаниях, что «жил у нас до смерти один старичок-француз, m-г Asselin, которого отец мой очень любил, поместив в его в нашем бывшем детском домике. Много читал, занимался химией, особенно же архитектурой и постройкой храма на траве близ нашего дома»¹⁰. Среди иностранцев были замечательные педагоги, быв-

шие настоящими друзьями и подлинными руководителями своих питомцев, например, итальянский архитектор и аптекарь Петр Антонов (Пьетро Антонио?) Пучини, учивший рисованию детей знаменитой «Суворочки» (Н. А. Зубовой) во время ее пребывания во владимирской усадьбе «Фетинино». С чувством глубокого уважения вспоминали своих гувернеров писатели и мемуаристы Ф. Ф. Вигель и Е. А. Баратынский, М. А. Дмитриев и А. С. Пушкин, многие другие русские дворяне. Встречались среди них и люди, недостойные этого звания, чья безнравственность и невежество бросали тень на всех иностранцев и делали гувернеров всеобщим посмешищем. Замечательный образ подобного домашнего учителя — Вральмана — выведен в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

Структура образовательных курсов, как правило, зависела от благосостояния и культурного уровня родителей, а также от наличия для их чтения педагогов. В числе общеобразовательных предметов преподавались «древние и новые» языки: латынь, реже — греческий; французский — как язык дворянского сословия, а также, если была возможность, немецкий, английский и итальянский, всеобщая и русская история, география, физика, астрономия, арифметика и геометрия, русская словесность, рисование и музыка.

Значительно реже среди учебных дисциплин встречаются политэкономия, статистика, право (естественное, международное, публичное), логика, фортификация и артиллерия. Наряду с общеобразовательными предметами, во второй половине XVIII-начале XIX вв. обязательной частью домашнего воспитания стало основательное изучение архитектуры и искусства, поскольку «человеку светскому пристало иметь настоящее знание их и хороший вкус»¹¹. Особое внимание при этом отводилось архитектуре, т. е. «науке строиться», которое «вещь нужная для всех на свете; она почтенно и полезно всякого состояния особам». Изучение архитектуры имело ярко выраженный прикладной характер, поскольку помещикам, особенно провинциалам, приходилось постоянно заниматься строительными работами в усадьбе, нередко в отсутствие архитектора. Он должен был уметь начертить план и фасад постройки, составить смету и осуществлять контроль над строительными работами.

Основным методом преподавания был словесный. Учитель излагал материал по предмету, а дети его заучивали, как правило, механически. Часто уроки строились в виде беседы учителя и ученика, где от последнего требовали своих собственных суждений, умозаключений и доказательств. Широко были распространены и практические занятия, особенно при изучении иностранных языков и словесности. Ученики выполняли устные и письменные упражнения, читали и разбирали классические произведения, например, при изучении французского языка — «Сида» и «Андромаху» Ж. Расина, «Гартюфа» Ж. Мольера, «Генриаду» Ф. Вольтера;

английского — «Макбета» и «Гамлета» У. Шекспира; немецкого — произведения И. Гете и И. Шиллера. В круг учебного чтения также входили труды Плуларха, Тацита, Тита Ливия, Горация и других античных классиков. Широко использовались различные учебники — иностранные, переводные и отечественные. Среди них — французские грамматики М. Соколовского (1781) и П. Ресто (1739), «Лицей или Курс древней и новой литературы» Ж.-Ф. Лагарпа (1799-1805), «Древняя российская виблиофика» Н. И. Новикова (1773-1775), «Руководство к коммерческой науке» И. А. Гейма (1804), «Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству» М. Е. Головина (1789), «опыт городским и сельским строениям или Руководство, как расположить и строить всякого рода строения по неимению архитектора» И. Лева (1821), «Краткое руководство к военной архитектуре или фортификации» Г. И. Мягкова (1805), «Главное начертание теории изящного искусства» А. Г. Мейнерса (1803), «Начальные основания государственного хозяйства или науки о народном богатстве» Х. А. Шлецера, «Детское чтение для сердца и разума» (1785-1789). В начале XX в. учебники стали выпускать провинциальные типографии, например, «Домашнюю арифметику» А. Ливанского (Владимир, 1801). Читали дети и произведения художественной литературы развлекательного характера: «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Дон Кихота» М. Сервантеса, русскую поэзию — М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова. Использовался в домашнем обучении метод наглядности. Под руководством педагога дети изучали различные приборы и карты и совершали экскурсии на природу, наблюдали за растениями, которые сами сажали и растили. Все свое детство они находились под очарованием усадебного парка. В. Н. Головина вспоминала, что вокруг господского дома «рос громадный красивый лес, окаймлявший равнину и спускавшийся, постепенно редая, к слиянию Истры и Москвы. В месте слияния этих двух рек отражались золотые лучи заходящего солнца; вид был чудесный. Я усаживалась на ступеньки галереи и с восторгом любовалась этим прекрасным пейзажем. Вздохновенная, растроганная, я приходила в особое молитвенное настроение, убегала в нашу старинную готическую церковь»¹². У каждого ребенка в усадебном парке были свои излюбленные места игр и забав. Например, в усадьбе Орехово Владимирской губернии бугор земли у пруда был старинным местом ребячьих игр в войну, и в период Крымской войны получил название Малахов курган. О подобных развлечениях М. А. Дмитриев вспоминал: «Главная забава моя была играть в солдаты. Ко мне собирались дворовые мальчишки; я вооружал их деревянными ружьями и учил их экзерции, которой выучился у дяди Сергея Ивановича. У меня были и знамя, и барабан. Когда приезжали к нам дети Карамзины и Филосовы, они тот час просили меня собрать войско. Я собирал и предлагал им начальство; но всякому хотелось быть

барабанщиком. Еще я любил стрелять в цель из лука. Стрела у меня была настоящая. Но однажды я попал сзади в горничную, шедшую по двору; к счастью она была в шубе, и стрела не проникла далее. Однако у меня ее отняли и забросили на печку. Долго ходил я около нее, глядя на недостижимую высоту; но стрела так и пропала»¹³.

Огромное внимание при воспитании дворянина обращалось на физическую подготовку ребенка. Его обучали гимнастике, фехтованию, верховой езде, плаванию, танцам и охоте. Широко практиковались длительные прогулки на свежем воздухе и при любой погоде, а также подвижные игры, развивавшие у ребенка быстроту, ловкость, силу и выносливость. В своих мемуарах Ф. Ф. Вигель описывает, что отец князей Голицыных «заботился о физическом образовании детей: ему желалось их всех видеть молодцами... Молодые князья были искусны во всех гимнастических упражнениях: они шибко бегали, высоко лазили, славно катались на коньках, мастерски перепрыгивали через рвы; смотря по возрасту, у каждого из них были разных величин свайки, и они тешились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и летом каждое утро обливали их холодной водою»¹⁴. В свою очередь, А. Е. Лабзина вспоминала, что мать ее «держала на воздухе, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногах, кроме нитяных чулок и башмаков ничего не имела, в самые жестокие морозы посылывала гулять пешком, а тепло мое все было в байковом капоте... летом будили меня тогда, когда чуть начинает показываться солнце и водили купать на реку... мать давала нам довольно времени для игры летом и приучала нас к беганью»¹⁵.

Домашнее воспитание девочек вообще не много отличалось от воспитания мальчиков. Из рук няни они поступали под надзор иностранной гувернантки, которой также, как и гувернеру мальчиков, родители практически передавали «свои родительские обязанности и власть». А. П. Керн вспоминала, что ее гувернантка м-лле Бенуа «умела приохотить нас к учению разнообразием занятий, терпеливым и ясным без возвышения голоса толкованием, кротким и ровным обращением

и безукоризненной справедливостию, что мы не тяготились занятиями, продолжавшимися целый день, за исключением часов прогулок, часов завтрака, обеда, часа ужина. Воскресение было свободно, но других праздников не было. Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязания и шитья подле м-лле Бенуа, потому что любили, уважали ее и благоговели перед ее властью над нами, исключавшею всякую другую власть... Она заботилась о нашем туалете, отрастила нам локоны, сделала коричневые бархотки на головы»¹⁶. Чаще всего гувернантка была француженкой, реже — англичанкой. В целом образование девушек носило, как правило, более поверхностный характер, чем обучение юношей. Оно ограничивалось знанием одного-двух языков, обычно французского и немецкого; владение английским языком уже свидетельствовало о более высоком, чем средний, уровне образованности девушки. Кроме того, девочек также обучали общеобразовательным дисциплинам, танцам и игре на каком-либо музыкальном инструменте, пению и рисованию, а также различным рукоделиям. Также главное внимание в воспитании девочек, как впрочем и мальчиков, уделялось усвоению хороших манер и светского этикета.

Большое значение для воспитания детей в дворянских семьях имел сам стиль усадебной жизни, круг общения. В. Н. Головина вспоминала, как обожала она своего дядю И. И. Шувалова и любила слушать его рассказы о путешествиях по Европе. Дочь поэта В. В. Капниста, С. В. Скалон, с большой теплотой пишет, как отец «любил гулять в саду, водил нас по темным аллеям и собирал вместе с нами по дорожкам лежавших в зелени светлых червячков, которых, принеся домой, мы клали на террасу и на другой день тешились их светом»¹⁷.

Оценивая практику домашнего образования русского дворянства, можно сослаться на слова известного французского мемуариста Шарля Массона, прошедшего ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, который писал: «Законченное домашнее воспитание часто дает молодым людям более широкие и систематические познания, чем немецкие университеты своим питомцам; к тому же русские всегда умеют блеснуть своими познаниями»¹⁸.

¹ Болотов А. Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. — М., 1784. — С. 232.

² Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. — М., 1998. — С. 35.

³ Головин М. Е. Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству. — СПб., 1789. — Ч. II. — С. 53-54.

⁴ Дмитриев М. А. Указ. соч. — С. 38.

⁵ Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. — М., 1988. — С. 468.

⁶ История жизни благородной женщины. — М., 1996. — С. 16.

⁷ Энгельгардт Л. Н. Записки. — М., 1997. — С. 18.

⁸ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. — М., 1993. — Т. 1. — С. 54.

⁹ Массон Ш. Секретные записки о России. — М., 1996. — С. 147.

¹⁰ Русские мемуары... — С. 469.

¹¹ Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максими. Характеры. — М., 1978. — С. 112.

¹² История жизни благородной женщины... — С. 92.

¹³ Дмитриев М. А. Указ. соч. — С. 44.

¹⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. — М., 2000. — С. 40-41.

¹⁵ История жизни благородной женщины... — С. 17.

¹⁶ Керн А. П. Воспоминания. Дневник. Переписка. — М., 1989. — С. 121.

¹⁷ Русские мемуары. — С. 471.

¹⁸ Массон Ш. Указ. соч. — С. 148.

Л. М. Артамонова (Самара)

МЕРОПРИЯТИЯ ВЛАСТЕЙ ПО СОЗДАНИЮ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I И В ПЕРИОД РУКОВОДСТВА С. С. УВАРОВА МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)

Проблема перехода государства к политике создания массовой школы в русской провинции остается малоисследованной. Осветить «темные времена», в которые, по мнению провинциальных статистиков и краеведов прошлых столетий¹, разделяемому многими последующими исследователями, погружена ранняя история школьного образования в провинциальных городах и селах России, можно только на основании новых архивных документов. Их находки в госархиве Ульяновской области и Национальном архиве Республики Татарстан определили наше обращение преимущественно к материалам юго-восточных губерний Европейской России. Источниками по теме послужили также документы Российского государственного исторического архива и Научного архива Русского географического общества. Ценные сведения содержат различные официальные издания и периодическая печать, особенно Отчеты по Министерству народного просвещения и Журнал Министерства народного просвещения.

Данная статья посвящена первым шагам перехода к политике развития сельской школы в России. Они придутся на царствование Николая I, при котором наиболее видная и продолжительная роль в руководстве Министерством народного просвещения принадлежала Сергею Семеновичу Уварову, известному деятелю российского государства, науки и образованию, отцу А. С. Уварова. Здесь рассматривается деятельность в сфере массового начального обучения именно органов власти, инициативы же в школьном деле частных лиц, сословных корпораций, местного самоуправления и духовенства специально не затрагиваются, будучи темой отдельного исследования.

Формально возможность и даже желательность развития школьного образования на селе предусматривало еще законодательство Екатерины II. Первый в истории России Устав народных училищ 1786 г. разрешал создание школ первой ступени начального образования, названных «мальми народными училищами», не только в городах, но и в селах. Предварительные Правила народного просвещения 1803 г., закрепленные на следующий год в новом школьном уставе, переименовали низшее образовательное звено в «приходские училища». Однако никакой поддержки малым народным, а затем и приходским училищам государственная власть тогда не оказала. Материальное содержание этих школ возлагалось в крепостной деревне на помещиков, в казенных деревнях и в городах — на самих жителей

и местное самоуправление. При этом государственная власть не предпринимала мер понуждения землевладельцев, горожан, крестьян к заведению школ².

В таких условиях на создание приходских школ шли лишь общества сравнительно больших и зажиточных городов да некоторые просвещенные крупные помещики. Последние открывали частные вотчинные школы, практически неподведомственные Министерству народного просвещения. Отчетность о состоянии вотчинных школ при этом сводилась к простой подаче сведений даже не напрямую органам управления образованием, а через местных предводителей дворянства, отсутствовал организационный или методический контроль со стороны государственных структур и профессиональных учителей более высокой квалификации.

Еще более тяжелой была ситуация в казенной деревне. Небогатым общинам заведение школ казалось непосильным делом, польза от которого выглядела далеко не для всех крестьян очевидной.

В данной обстановке развитие школы, тем более сельской, в царствования Екатерины II, Павла I, Александра I выглядело не очень успешным. Хотя число народных училищ («главных» и «малых» вместе) с 1786 по 1800 г. возросло с 40 до 315, а учеников в них с 4398 до 19 915 чел., но это выглядело каплей в людском море России³.

Подавляющее большинство указанных школ находилось в городах, причем крупных. Известно, что к 1801 г. было открыто 161 малое народное училище, из которых 48 приходилось на Петербург, Москву, Петербургскую и Московскую губернии. Более половины уездов России к началу XIX в. не имело ни одной начальной школы даже в своих административных центрах. В трех обширных губерниях Среднего Поволжья и Заволжья (Симбирской, Саратовской и Оренбургской), в состав которых входил тогда и Самарский край, имелось всего-навсего 4 главных и 5 малых народных училищ с 671 учеником⁴.

К 1825 г. численность начальных школ России составила 1095, сосредоточенных по-прежнему почти только по городам. Однако и тогда не было школ в 131 из 533 уездных городов страны, в 81 из 102 заштатных городов, в 47 из 51 посада и местечка⁵. При подобной ситуации, сложившейся даже в городах, предписания Предварительных Правил 1803 г. об устройстве сельского училища на каждый или на два соседних прихода оставались только благими пожеланиями.

Заметим, что приходские школы, упомянутые выше, находились в ведении Министерства народного просвещения и не были церковными, а приход в их связи упоминается, прежде всего, как единица местного самоуправления. Духовенство создавало свои учебные заведения независимо от государственных органов. Однако подведомственные Синоду сельские начальные школы, которые тоже назывались приходскими, оказывались существующими только на бумаге. Так, в 1810 г. новгородская епархия заявила о наличии в своем ведении 110 таких училищ, но в ходе проверки ни одно из них не было найдено действующим⁶.

В подобном состоянии дело начального народного образования досталось в незавидное наследство императору Николаю I. Начало его царствования ознаменовалось принятием в 1828 г. нового Устава учебных заведений. Вслед за традицией, положенной еще либеральными историками второй половины XIX в. и усиленно культивируемой в советское время, в современной литературе можно по-прежнему встретить самые негативные оценки Устава 1828 г. и всей политики Николая I в области народного просвещения. Однако, признавая охранительно-крепостническую сторону законодательства и правительственных мероприятий того времени, вряд ли можно согласиться с оценкой Устава и политики в области просвещения в целом как «удара по народной школе»⁷. Во-первых, как показано выше, «громить» начальную школу, особенно на селе, не приходилось за отсутствием таковой в повседневности. Во-вторых, внимательное следование за реальными фактами, а не только за строкой закона, привело более объективных исследователей к выводу, что именно к 1830-40-х гг. следует отнести «факт появления организованной сельской школы» в России⁸.

Последний вывод вполне согласуется с полученными данными по Приволжью и Заволжью. С 1830 по 1849 гг. численность приходских училищ ведения Министерства народного просвещения на территории Казанского учебного округа, охватывавшего 9 губерний Поволжья и Урала, хотя и выросла с 39 до 123⁹, но оставалась явно недостаточной даже для городов данного региона, не говоря о селах.

С. С. Уваров, назначенный в 1832 г. помощником министра народного просвещения, а в 1833-1849 гг. стоявший во главе этого министерства, по поводу начальной школы и особенно ее низшего приходского звена считал, что его ведомство «не принимало на себя обязанности учреждать на свой счет учебные заведения для мецкан и поселян там, где в самих жителях еще не пробудилось стремление к образованию»¹⁰. Однако школьное дело не являлось монополией уваровского министерства, и оно с пониманием относилось к инициативе других ведомств, которые брали в свои руки развитие начального образовательного звена, если к тому не проявлялось стремление отдельных обществ и частных лиц.

После того, как в 1836 г. Синод издал указ о правилах обучения детей крестьян в церковных шко-

лах, стало увеличиваться число училищ ведомства православного исповедания. Если в 1836 г. таких школ приходского уровня было всего 183 по России, то к 1853 г. их считалось уже 4820. Правда, в литературе по истории народного образования эти «успехи» ставятся под сомнение¹¹.

По материалам, привлеченным для работы над данной статьей, также не удалось найти подтверждения развитию начальной церковной школы в крестьянских селениях юго-востока Европейской части России во второй четверти XIX в. Окончательное разрешение спорных моментов истории упомянутого типа школ остается за рамками нашего исследования. Однако со всей определенностью можно утверждать мнение о реальных успехах участия в школьном деле двух других государственных ведомств того времени, Министерства государственных имуществ и Министерства императорского двора.

В ведении Департамента уделов последнего из названных министерств находилось управление имениями императорской фамилии, которые именовались удельными. 29 октября 1832 г. последовало высочайшее повеление о заведении по одному училищу в каждом сельском приказе, являвшемся низшим звеном управления удельного ведомства и объединявшем несколько близлежащих селений. Главное начальство над училищами каждого удельного имения, состоявшего из нескольких приказов, принадлежало управляющему удельною конторою. Сам управляющий при обозрении имения должен был осматривать и училища, три раза в год подавать ведомости об их состоянии в Департамент уделов, а также докладывать о них в своем ежегодном отчете. Хотя считалось, что «надзору училищного начальства министерства народного просвещения училища Удельного ведомства вовсе не подлежат», однако управляющие обязаны были подавать в местные органы народного образования сведения о числе учащихся в своих школах. Программа обучения также должна была полностью соответствовать курсу приходского училища, подведомственного Министерству народного просвещения по уставу 1828 г.: закон Божий, чтение, письмо, арифметика. В 1845 г. к этому перечню было добавлено обучение церковному нотному пению¹².

Содержание школ было возложено «на общественный счет» жителей удельных имений и включало выплату жалованья учителю, предоставление помещения, бесплатное снабжение учащихся учебными пособиями. Учителями, как правило, назначались местные священники, за что им полагалось годовое жалованье в 145 руб. серебром. Если же учитель не имел священнического чина, то его жалованье составляло 85 руб., а занятия по закону Божьему вел приходской священник за 75 руб. в год¹³.

В селениях, где насчитывалось 800 и более душ мужского пола, мог быть введен в училище «высший класс» для изучения пространного катехизиса, священной истории и «для окончания арифметики». В этом случае учителю придавался помощник¹⁴. Например,

в начале 1840-х гг. в школе села Обшаровка помощниками учителя стали воспитанники специальных учебных заведений удельного ведомства. Павел Григорьев воспитывался в Красносельском главном сельском удельном училище, созданном Министерством императорского двора в 1828 г. для подготовки будущих учителей начальной школы, а Андрей Нестеров обучался в земледельческом удельном училище, открытом в 1832 г.¹⁵

Требование Департамента уделов о заведении школы в каждом сельском приказе выполнялось постепенно и не повсеместно. В Саратовском удельном имении, где насчитывалось девять сельских приказов и два отделения, в 1837 г. появилось сначала всего четыре школы, из них две были открыты в заволжских селениях этого имения, вошедших с 1851 г. в Самарскую губернию, а именно в селах Балакове и Каменке Николаевского уезда. В 1842 г. к указанным четырем добавилось еще три школы на правом берегу Волги. Из сельских приказов и отделений, где не было училищ, небольшое число крестьянских детей посылалось на учебу в имевшиеся школы своего или ближних приказов¹⁶.

В конце 1850-х гг. число училищ удельного имения в Николаевском уезде пополнили школы в селах Андросовке и Яблонном Гае. Еще больше было сделано для развития образования в селениях Самарского удельного имения, которое в Самарском и Ставропольском уездах имело школы в Томьлове, Екатериновке, Обшаровке, Черноречье, Алексеевске, Каменке, Елховке, Старой Кармале, Тенееве, Старой Бинарадке, Нижнем Санчелееве, Хрящевке, Новой Майне, Верхнем Якушкине, Бряндине, Большой Кандале, Крестовом Городище¹⁷.

Всего под управлением Самарской удельной конторы в 1841 г. было открыто 18 училищ, каждое на 30 мальчиков. Учитывая, что число школ в удельных селениях по всей России составило в 1853 г. 204, а количество их учеников — 7477 чел., нетрудно убедиться, что на Самарское удельное имение к концу царствования Николая I приходилось 9 % всех училищ Департамента уделов и 7 % учеников в них. В 1851 г. «из обучавшихся 540 детей окончили учение 97; некоторые из окончивших учение, смотря по способностям, поступили для научения канцелярскому порядку в Удельную контору и сельские приказы с целью подготовить хороших писарей для последних, а прочие распущены по домам для занятия крестьянскими работами»¹⁸.

Схожая картина наблюдалась и на других территориях. По данным соседнего Саратовского удельного имения, из всех окончивших школы за 1837-1859 гг. «служит уделу или готовится к службе» 6,07 %, «занимается крестьянскими промыслами» (хлебопашеством, садоводством, судоходством, торговлей) — 54,25 %, стали ремесленниками — 1,99 %, письмоводителями «у должностных или частных лиц» — 1,90 %, «поступили на военную службу» — 15,76 %, умерли — 8,76 %, остальные находились в бегах или были привлечены к ответственности за «дурное поведение» или «ничем

не занимались по разным причинам»¹⁹.

Как явствует из вышесказанного и других источников, в Самарском имении задача устройства училищ «в удельном управлении при каждом приказе» была решена. К 1854 г. число мальчиков, обучавшихся в школах, достигло 600 чел. «Кроме того, обучаются 6 мальчиков фельдшерскому искусству и 6 ветеринарному, а по 2 мальчика у архитектора и землемера», — сообщал современник²⁰.

В 1850 г. в Самарском удельном имении появились и школы для девочек. В них в 1851 г. обучалось 470 чел. или 44 % от всех 1066 учениц женских школ удельного ведомства России. Из-за большего прилежания к учебе и облегченной программы, сокращенной за счет чистописания и арифметики, девочки быстрее оканчивали курс обучения: «Понятливость и способность девочек далеко превосходят мальчиков; они в год и много в полтора оканчивают учение, тогда как мальчики учатся три и четыре года». В 1851 г. из учениц школ Самарского имения «третья часть с успехом окончили учение». В школах для девочек «обязанность учителей приняли на себя грамотные крестьянки, а изъяснение Закона Божьего и надзор за наставниками — местные священники без всякой платы». Учебные пособия для дочерей должны были приобретать сами родители, но это не уменьшало числа желавших «поместить свою дочь в школу». Дело «дошло до того, что, по тесноте помещения школ, начальство принуждено было отказывать» в приеме некоторым девочкам²¹.

На противоположном берегу Волги земли удельного ведомства находились в составе Сызранского удельного имения, включившего в 1845 г. купленные у богатейшей помещицы края графини А. А. Орловой-Чесменской многочисленные селения, крупнейшим из которых было село Новодевичье. Бывший двухэтажный дом графского управляющего был сразу же отдан под устройство в нем сельского приказа и училища²².

Школа в Новодевичьем открылась в 1847 г. Закону Божьему учил священник местной Богородской церкви, остальные уроки вел дьякон из того же храма²³.

Вскоре встал вопрос о предоставлении этому сельскому училищу отдельного здания. В 1849 г. была составлена смета на его возведение, а все расходы приняли на себя крестьяне Новодевичьего приказа. По их мирскому приговору было решено «собрать уравнительно по всему приказу с 4207 душ по 37 коп. с каждой, всего 1556 руб. 65 коп.». В феврале 1851 г. Департамент уделов утвердил смету и мирской приговор о сборе средств, который был закончен к декабрю²⁴.

Стены школы были возведены из кирпича, который был получен после разборки двухэтажного каменного строения, где когда-то помещалась графская вотчинная контора. Здание получило железную кровлю, окрашенную маслом. Внутри были устроены переборки, подшиты потолки, настланы полы. Помещения были оштукатурены и покрашены. Для их отопления сложили две печи, голландскую и русскую. Руко-

водил строительством отставной инженер-подпоручик А. В. Толстой, который и объявил о завершении строительства 16 сентября 1854 г.²⁵

В 1848 г. училище было открыто в другом селе, перешедшем от Орловой-Чесменской в то же удельное имение, в Переволоках. Учителем стал священник приходской Покровской церкви с жалованьем 142 руб. 85 коп. в год.²⁶

В 1837 г. было образовано Министерство государственных имуществ, возглавленное П. Д. Киселевым, и началась реформа управления казенными крестьянами, составной частью которой стала целенаправленная политика развития среди них начального образования. В утвержденном 30 апреля 1838 г. Николаем I законом «О управлении государственными имуществами» содержалось указание «о постепенном учреждении при каждом сельском обществе для крестьянских детей приходских училищ... с разрешения Министра государственных имуществ»²⁷.

К 1842 г. в государственной деревне России насчитывалось 770 школ, из которых подавляющее большинство (748) считались «временно-учебными заведениями» без окончательно определенного статуса. К тому же «для устройства приличных для помещения всех означенных заведений зданий возведено не было»²⁸.

Недостатки развития начального образования среди государственных крестьян привели к появлению проекта по его улучшению. Инициатором нововведений стал министр П. Д. Киселев. По его докладу 22 июня 1842 г. Николай I издал высочайшее повеление о переустройстве всех училищ для государственных крестьян на основе школьного устава 1828 г., т. е. по образцу учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения. 25 августа Совет Министерства государственных имуществ начал рассмотрение этого вопроса, в результате чего было разработано «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных

крестьян». Все учебные заведения, находившиеся в селах государственных крестьян, получали статус приходских училищ и переходили в ведение Министерства государственных имуществ. Это привело к некоторому сокращению начальных школ духовного ведомства и Министерства народного просвещения, что отмечалось в отчетах обер-прокурора Синода и министра С. С. Уварова²⁹.

Предполагалось также по мере изыскания средств открыть постепенно 2000 новых училищ в казенных селениях. Практическое выполнение этой задачи потребовало около десятилетия. В течение одного 1843 г. по России было создано свыше 1000 таких училищ, и численность школ ведения министерства государственных имуществ достигла 1884. К 1846 г. их число увеличилось до 2319, к 1851 г. — до 2642, а к 1853 году — до 2795³⁰.

На территории Самарского Заволжья государственные крестьяне проживали в основном на территории западных уездов Оренбургской губернии и левобережных уездов Саратовской. Всего же в этих уездах в 1846 г. насчитывалось такое число школ и учеников³¹ (Табл. 1).

Учащиеся из перечисленных уездов составляли в 1846 г. 3,4 % всех обучавшихся в начальных учебных заведениях Министерства государственных имуществ по России в целом (50 540 чел.), 42,05 % — по Саратовской губернии (2288 чел.), 42,15 % — по Оренбургской (1808 чел.)³².

Среди селений, где открылись к тому времени училища, были Пестравка, Ломовка, Константиновка, Б. Глушица, Подъем, Богдановка, Каменный Брод, Хворостянка, Новотулка Николаевского уезда, Кинель-Черкассы, Сергиевск, Савруха, Сосновка, Старые Сосны Бугурусланского уезда, Зуевка, Борское, Герасимовка Бузулукского уезда, Шентала Бугульминского уезда. В 1850-е гг. существовали также училища для государственных крестьян в Самарском и Ставропольском уездах, в том числе мужское в Красных Домах и женское в соседней Вязовке.

Таблица 1

Уезды и территории	Школ в 1-й половине 1846 г.	Учеников в 1-й половине 1846 г.	Школ во 2-й половине 1846 г.	Учеников во 2-й половине 1846 г.	В % к числу учеников в 1-м полугодии
Бугульминский	5	208	5	216	103,8 %
Бугурусланский	12	315	12	314	99,7 %
Бузулукский	10	231	10	232	100,4 %
Всего в западных уездах Оренбургской губернии	27	754	27	762	101,1 %
Николаевский	20	578	20	734	127,0 %
Новоузенский	7	173	8	228	131,8 %
Всего в заволжских уездах Саратовской губернии	27	751	28	962	128,1 %
Итого в Самарском Заволжье	54	1505	55	1724	114,6 %

По сравнению со школами духовного и удельного ведомства, министерство, возглавляемое С. С. Уваровым, уделяло училищам в государственной деревне более пристальное внимание, что еще раз подчеркивает односторонность негативного подхода к деятельности органов народного просвещения при Николае I. Упомянутое Наставление по управлению приходскими училищами было напечатано и принято к руководству только после того, как оно было одобрено в 1843 г. С. С. Уваровым. А еще за год до этого им было «предписано попечителям учебных округов о надзоре со стороны общего училищного начальства в мере, определенной Уставом учебных заведений, над приходскими училищами в казенных селениях... и оказании содействия к преуспеянию оных»³³.

По административно-хозяйственным вопросам эти училища находились под управлением Палат государственных имуществ и окружных начальников, которые заведовали казенными селениями в границах губерний и на местах. Однако Палаты обязаны были уведомлять губернские органы народного просвещения об открытии и закрытии приходских училищ, предоставлять ежегодные перечневые ведомости об училищах с указанием количества учителей и учеников. Директора и штатные смотрители училищ Министерства народного просвещения должны были осматривать школы в селениях государственных крестьян и сообщать о результатах проверки окружным начальникам и в сами Палаты.

На школы Министерства государственных имуществ оказывало влияние и духовное ведомство. Мест-

ное епархиальное начальство предлагало для этих школ учителей из лиц духовного звания: священников, диаконов, причетников и выпускников семинарий.

Опосредованно воздействовала на указанные школы и активность Департамента уделов в области образования. В разработке решений, принятых по школам Министерства государственных имуществ в 1842-1843 гг., учитывался опыт удельных училищ, о чем прямо говорилось в документах³⁴.

Таким образом, на примере реформы и развития учебных заведений для удельных и казенных крестьян отчетливо видно наличие у государственной власти в предреформенные десятилетия осознанного стремления к развитию начального образования в стране. Усилия отдельных высокопоставленных чиновников и различных ведомств по распространению церковных, удельных, казенных училищ не просто совпадали во времени. Они были звеньями одной политической линии, в осуществление которой было активно вовлечено Министерство народного просвещения, которым в 1733-1749 гг. руководил С. С. Уваров.

Конечно, в правление Николая I политика в области начального образования полностью осуществлялась в рамках сословного и крепостного строя. Однако именно тогда были достигнуты заметные реальные успехи в становлении сельской школы, не известные «просвещенному абсолютизму» Екатерины II и Александра I. Накапливались учительские кадры, организационно-педагогический опыт, внутренняя потребность общества в грамоте, без которых был бы невозможен качественно новый этап истории русской школы в пореформенное время.

¹ Алабин П. В. Самара: 1586-1886 годы. — Самара, 1992. — С. 59, 61

² Извлечение из отчета Министерства народного просвещения за 1831 год. — СПб., 1833. — С. 4; Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. — СПб., 1900. — С. 16, 20.

³ Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Указ. соч. — С. 18.

⁴ Очерки русской культуры XVIII века. — М., 1987. — Ч. 2. — С. 275-276.

⁵ Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Указ. соч. — С. 23.

⁶ Там же. — С. 21.

⁷ Яковкина Н. И. История русской культуры. Первая половина XIX века. — СПб., 1998. — С. 19.

⁸ Очерки русской культуры XIX века. — М., 1998. — Т. 1. Общественно-культурная среда. — С. 239.

⁹ Извлечение из отчета Министерства народного просвещения за 1831 год. — Таб. 1; ЖМНП. — 1850. — № 5. — Отд. I. — С. 75.

¹⁰ Цит. по: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. — СПб., 1902. — С. 282.

¹¹ ЖМНП. — 1838. — Ч. 17. — Отд. III. — С. 128; Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Указ. соч. — С. 30.

¹² Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1842 по 1853 год. — СПб., 1854. — С. 235-236.

¹³ ГАУО. — Ф. 322. — Оп. 1. — Д. 503. — Л. 74 об.-75; ЖМНП. — 1852. — Ч. 76. — № 10. — Отд. VII. — С. 30.

¹⁴ ЖМНП. — 1861. — Ч. 112. — № 11. — Отд. IV. — С. 52.

¹⁵ ГАУО. — Ф. 322. — Оп. 1. — Д. 179. — Л. 60б.

¹⁶ ЖМНП. — 1861. — Ч. 112. — № 11. — Отд. IV. — С. 53.

¹⁷ См.: Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1864. — Т. XXXVI. Самарская губерния.

¹⁸ ЖМНП. — 1852. — Ч. 76. — № 10. — Отд. VII. — С. 30.

¹⁹ ЖМНП. — 1861. — Ч. 112. — № 11. — Отд. IV. — С. 54.

²⁰ Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения // НА РГО. — Р. № 34. — Д. 22. — С. 12-13.

²¹ ЖМНП. — 1852. — Ч. 76. — № 10. — Отд. VII. — С. 30-31.

²² ГАУО. — Ф. 322. — Оп. 1. — Д. 287. — Л. 578об.-579.

²³ ГАУО. — Ф. 322. — Оп. 1. — Д. 503. — Л. 74об.-75.

²⁴ ГАУО. — Ф. 322. — Оп. 5. — Д. 78. — Л. 4, 16.

²⁵ ГАУО. — Ф. 322. — Оп. 5. — Д. 78. — Л. 153, 156.

²⁶ ГАУО. — Ф. 322. — Оп. 1. — Д. 503. — Л. 72об.-73.

²⁷ РГИА. — Ф. 381. — Оп. 1. — Ч. 2. — Д. 360. — Л. 10об.

²⁸ РГИА. — Ф. 381. — Оп. 1. — Ч. 2. — Д. 360. — Л. 14об.-15об.

²⁹ Общий отчет по Министерству народного просвещения за 1845 год. — СПб., 1846. — С. 102; Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Указ. соч. — С. 30.

³⁰ Воронов А. Указ. соч. — С. 231-234.

³¹ Подсчитано по: РГИА. — Ф. 383. — Оп. 9. — Д. 7752. — Л. 2об.-7, 12об.-20; Д. 7759. — Л. 2об.-6, 12об.-13, 29об.-33, 39об.-41.

³² Подсчитано по: РГИА. — Ф. 383. — Оп. 10. — Д. 8974. — Л. 2-2об.

³³ Общий отчет по Министерству народного просвещения за 1842 год. — СПб., 1843. — С. 5.

³⁴ РГИА. — Ф. 381. — Оп. 1. — Ч. 2. — Д. 360. — Л. 9, 16об.

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В ГОРОДСКОЙ СЕМЬЕ

Статус женщины в условиях городской семьи рассматривается в контексте различных отраслей российского исторического знания, но настоящий исследовательский интерес к данной проблеме проявляют история семьи, гендерная история, женская история. Научная актуальность женской проблематики связана не только с ростом женского движения, но и некоторыми научными новациями. Многие ученые стали делать акцент на изучении жизни простых людей, что способствовало становлению в 60-е гг. «новой социальной истории»¹. Кроме того, интерес к истории локальных сообществ способствовал возникновению внутри той же социальной истории новой отрасли исторической науки — истории семьи. Исследовательские практики современных историков России позволяют говорить если не о процветании, то об активном развитии социокультурного знания и в недрах отечественной историографии, хотя и с некоторым отличием от западной исторической науки. Так, например, история семьи (family history) практически не развита как отрасль социальной истории. «Женская история» тоже пока не стала самостоятельной, признанной сферой исторического знания. По мнению Н. Л. Пушкаревой, развитие «женской истории» пока идет экстенсивным путем — путем расширения проблематики; новые методы, которые широко применяются западной наукой («холистский» — интегрирующий достижения различных сфер научного знания), бихейвиористский, социально-психологический, казуальный, метод школы «Анналов», структуралистский и т. д.) используется лишь специалистами по всеобщей истории².

Одно из комплексных исследований по социальной истории дореволюционной России написал Б. Н. Миронов. Монография представляет собою работу в рамках национальной истории, которая касается практически всех аспектов социальной жизни страны в указанный период, в том числе и семьи³. Эту сферу исследователь рассматривает применительно к различным социальным стратам, отмечая присущую каждому сословию специфику. Относительно положения женщины в городской семье автор отмечает наличие патриархальности, как и в крестьянской семье. В этой связи Б. Н. Миронов пишет об отсутствии существенных отличий в положении горожанки из торгово-ремесленной семьи и статусом крестьянки. Серьезное влияние крестьянства тормозило гуманизацию отношений внутри городской семьи во второй половине XIX — начале XX вв.

Ю. М. Гончаров делает аналогичные выводы, опираясь на региональный сибирский материал⁴. На его взгляд, в торгово-ремесленных семьях интересы мужчин были выше женских. Как и предыдущий автор,

причиной тому он видит крестьянское влияние. Определенную роль сыграл и возрастной фактор — в купеческих, чиновничьих семьях мужа были значительно старше своих жен. Региональной особенностью, согласно исследовательской позиции Ю. М. Гончарова, стали ментальные установки сибирячек, которые в ситуации освоения региона характеризовались энергичностью, активностью, в том числе и экономической. Зачастую женщины занимались предпринимательством самостоятельно, наследовали и успешно продолжали дело мужа даже при наличии взрослых сыновей.

Российская историография располагает работами, написанными в русле биографических жизнеописаний, и, как правило, связаны они с судьбой женщин привилегированного сословия, в семьях которых гендерный порядок был несколько иным, чем в более низких социальных стратах. Среди героев таких исследований располагается состоявшаяся как личность, образованная, общественно-активная женщина Надежда Тимофеевна Кропоткина — внучатая племянница теоретика европейского и российского анархизма Михаила Александровича Бакунина. Тверской историк В. П. Суворов исследует ее жизненный путь и отмечает активную жизненную позицию, их партнерские отношения с мужем, с которым состояла в гражданском браке⁵. Другая тверская исследовательница, В. В. Гурьянова, дает описание жизни тверской помещицы Прасковьи Ильиничны Манзей⁶. Целью исследовательницы является выявление типичных и особенных черт провинциальной дворянки XVIII в., каковые и соединяла в себе фигура Манзей. С одной стороны эта героиня носительница традиционных качеств жены и матери, с другой — в ней чувствуются особенности женщины нового века: рациональность, предприимчивость, тяга к прогрессу.

Ряд работ по отечественной истории рассматривает вопросы, связанные с повседневностью горожан послеоктябрьской России. В контексте этих исследований многие историки затрагивают вопросы «женской проблематики». Историк И. В. Власова полагает, что авторитет женщины в семье рабочих конца XIX — начала XX вв. был невысоким, хотя ее статус выгодно отличался от положения крестьянки (например, не было браков по принуждению, молодая семья жила отдельно от родителей). Это обстоятельство обусловлено экономическими условиями жизни семьи, ведь женщина тоже была занята на производстве. Этот фактор приводил к отрыву матери от детей, что стало причиной сокращения ее участия в воспитательном процессе. Исследовательница отмечает, что внутрисемейные отношения рабочих обуславливались прочностью связей с деревней, в семьях потомственных рабочих, порвавших связи с крестья-

янтвом, отношения были либеральнее. Оказывали влияние и региональные особенности отдельных частей Российской империи⁷.

На материале Западной Сибири построила свое диссертационное исследование Т. В. Доронина — историк из Омска⁸. Так же, как и Ю. М. Гончаров, она говорит об особом положении горожанок Сибири в семье. Исследовательница отмечает нарушение патриархальной гендерной ассиметрии, вызванной уменьшением экономической зависимости женщины.

Опираясь на источники Верхневолжского района (Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области) М. В. Рослякова изучает повседневность семьи рабочих в первые два десятилетия советской власти (20-30-е гг.)⁹. Из рук Советов женщина получила новые возможности, которые облегчили ее положение в семье, способствовали реализации женщины как личности в общественной жизни. М. В. Рослякова полагает, что, с одной стороны, женщины не умели ориентироваться в новых условиях, и это было следствием их консервативного мышления, с другой — стремление женщин воспользоваться открывающимися возможностями не встречало понимания мужчин. Институт семьи не был готов к справедливому распределению обязанностей. По мнению исследовательницы, большим завоеванием оказалась публичность проблемы насилия в семье. Исследовательская работа М. В. Росляковой основана на широком спектре источников: документы КПСС, производственные материалы, статистика, периодическая печать, документы личного происхождения. Некоторые суждения по вопросам послереволюционной семьи и завоеваниям женщин имеются у Н. Л. Пушкаревой. Согласно исследовательской позиции историка, негативное влияние на статус женщины в семье оказало взаимодействие государственной политики и идеологии, в том числе и в семейной сфере, это породило недооценку значимости материнского и семейного воспитания, отношение к женщине, прежде всего, как к участнице производственного процесса¹⁰. Исследовательские построения Н. Л. Пушкаревой отличаются оригинальностью и новизной. В отличие от большинства историков, прямо или косвенно касающихся женской тематики в рамках национальной истории, она отмечает наличие принципа партнерства и взаимодополняемости в русской семейной традиции¹¹.

Безусловно результативной в изучении «женского вопроса» можно считать статью А. В. Бородиной и Д. Ю. Бородина «Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-30-х годах». Данный вопрос авторы поместили в контекст проблемы нового социально-исторического типа человека и на основе беллетристики попытались создать собирательный образ новой советской женщины, которая забыла любовь, семью, детей и с головой погрузилась в активную общественную деятельность¹².

На новый уровень гендерную историю, женскую историю, отчасти историю семьи, поднимает альманах гендерной истории «Адам и Ева». Исследовательская

деятельность, представленная на страницах этого издания, демонстрирует новейшие достижения отечественного социокультурного знания.

Т. Б. Котлова, опираясь на источники личного происхождения, документы духовных консисторий, ведавших вопросами семьи, отмечает появление новых элементов в мотивации женщин при заключении брака и разводе¹³. Исследовательница полагает, что приоритетной становится эмоциональная общность, чувство симпатии. «Образованные женщины из дворян, интеллигенции и купечества начали по-новому смотреть на место и роль женщины в семье». Обусловленность этой эволюции взглядов заключалась в становлении нового типа культуры, обусловленного индустриальным развитием страны. Препятствием для воплощения подобных воззрений в реальной жизни было преобладание церкви в делах брака и материальная зависимость женщины. Большим достижением данной исследовательской работы является попытка историко-психологического подхода. В данном случае читатель может видеть противоречия развития представлений женщины о личном счастье с реальным положением дел.

Большой интерес для историографов представляют работы О. Ю. Солодянкиной. Опираясь на дневники Веры Николаевны Харузиной, профессора этнографии, исследовательница демонстрирует особенности воспитания девочек в богатой купеческой семье в первой половине XIX в., и то, как воспитание Веры Николаевны отличалось от традиционного¹⁴. Определяющую роль сыграла, конечно, немецкая гувернантка, не навязывавшая девочке патриархальных устоев, в русле которых воспитывались другие дочери. Она сформировала мировоззрение, сориентировавшее В. Н. Харузину на профессиональный успех, научную карьеру, что было не типично для того времени. Вторая положительная особенность исследования — это метод исторической биографии, не жизнеописания, а именно биографии с историко-психологической проработкой, с указанием типичного и особенного в ментальных установках В. Н. Харузиной.

Статья другой исследовательницы — О. Д. Шемякиной — повествует, в отличие от предыдущей работы, о типичном женском восприятии супружества¹⁵. Историк анализирует дневники Марии Николаевны Шустовой, дочери разорившегося московского фабриканта. В данном случае оценка собственных качеств и качеств жениха в ситуации создания семьи происходила с позиции материального состояния обоих. Отсутствие приданного у Шустовой привело к снижению самооценки и осознанию невозможности реализации своих чувств. Такая рационализация семейной жизни, когда семья и производство практически не отделены в сознании, приводила к ограничению личного пространства женщины. В этой работе присутствует именно то, чего с точки зрения Н. Л. Пушкаревой не хватает отечественной «женской истории» (т. к. в исследованиях по всеобщей истории эта составляющая присутствует) — историко-психологическая рефлексия.

Таким образом, налицо рефлексия отечественного исторического знания о семье в историческом процессе. Однозначно, положительным моментом является изучение положения женщины в семье, которое отличалось в зависимости от ее социальной принадлежности, от исторического контекста, зачастую от региона. В этой связи особую ценность представляют собою исследования, написанные на региональном материале, который позволяет увидеть локальную специфику этого положения. Безусловно, значительная часть работ, написанных в последние два десятилетия, несмотря на высокий науч-

ный уровень и основательную источниковую базу, носит описательный характер. В последние годы наметилась положительная тенденция появления работ с глубоким анализом, с применением позитивного опыта западной науки. Данная группа исследований, как правило, основывается на междисциплинарном подходе, на стремлении показать отдельные аспекты социальной истории, в том числе и истории семьи, в свете сочетания общего и особенного в отдельном эпизоде. И один из ярчайших примеров этой эволюции — исследовательские работы историков, публикующихся в альманахе «Адам и Ева».

¹ Репина Л. П. От «истории женщин» к социокультурной истории: гендерные исследования и новая картина европейского прошлого (обзор) // <http://www.auditorium.ru/books/1117/chlr2gl1.pdf>

² Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000: Материалы к библиографии. — М., 2002. — С. 45.

³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX). — СПб., 2000.

⁴ Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX-начала XX. — Барнаул, 2002 // <http://new.hist.asu.ru/biblio/gon1/index.html>; Гончаров Ю. М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX-начала XX в. // http://www.zaimka.ru/08_2002/goncharov_siberians/

⁵ Суворов В. П. Надежда Тимофеевна Кропоткина // Женщины. История. Общество. — Тверь, 1999. — Вып. 1. // <http://www.tvergenderstudies.ru/cgi-bin/pagctrl.cgi/docs/bk02ar15.rtf>

⁶ Гурьянова В. В. Тверская помещица второй половины XVIII века Прасковья Ильинична Манзей // Женщины. История. Общество. — Тверь, 1999. — Вып. 1. // <http://www.tvergenderstudies.ru/cgi-bin/pagctrl.cgi/docs/bk01ar05.rtf>

⁷ Власова И. В. Семья и семейный быт // Русские. — М., 1997.

⁸ Доронина Т. В. Повседневность рабочего класса Западной

Сибири в конце XIX — начале XX. Дис. на соискание научной степени к-т ист. наук. — Омск, 2006. — 232 с.

⁹ Рослякова М. В. История семейно-брачных отношений рабочих Верхневолжского района. Дис. на соискание степени к-т ист. наук. — Иваново, 2006. — 210 с.

¹⁰ Пушкарева Н. Л. Женщина в русской семье (X-XX вв.) // Русские. — М., 1997.

¹¹ Бородина А. В. Женщина в русской семье X-начала XIX в.: динамика социокультурных изменений. Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. М., 1997.

¹² Бородина А. В., Бородин Д. Ю. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х-30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. — Тверь, 2000. — // <http://www.tvergenderstudies.ru/cgi-bin/pagctrl.cgi/docs/bk04ar07.rtf>

¹³ Котлова Т. Б. Замужество и развод в жизни горожанки на рубеже XIX-XX вв. (по материалам центральных губерний России) // Адам и Ева. — М., 2002. — Вып. 3.

¹⁴ Солодянкина О. Ю. Гендерные аспекты деятельности гувернантки или как из купеческой дочери получился профессор этнографии // Адам и Ева. — М., 2004. — Вып. 8.

¹⁵ Шемякина О. Д. Символы культуры и женское счастье: история любви московской обывательницы // Адам и Ева. — М., 2004. — Вып. 3.

В. И. Меньковский (Минск)

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ 1930-х ГОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Ш. ФИЦПАТРИК

Семью можно рассматривать как сферу частной жизни, отделенность которой от сферы общественной жизни представляет главную ценность в глазах ее членов. Возможен также взгляд на семью как на важнейший институт, который существующие власти должны всячески поддерживать. Многие граждане Советского Союза, по оценке Ш. Фицпатрик, придерживались именно такого взгляда¹.

Войдя в англо-американскую академическую среду в 1970-е годы, Шейла Фицпатрик сразу оказалась в центре внимания, поскольку ее работы о сталинизме открывали новые перспективы изучения этого феномена. На рубеже 1960—1970-х гг. западная советология претерпела серьезные внутренние изменения. Отвержение тоталитарной модели было стартовой точкой

для исторического ревизионизма, ставшего реакцией части молодых ученых США на доминирование исследователей старшего поколения, принадлежащих, с их точки зрения, к политизированной «научной школе холодной войны».

Американский историк А. Рабинович отмечал в интервью автору данной статьи, что ревизионистская теория была создана поколением, на которое влияли интерес к социальной истории, вьетнамская война, возможность работы в Советском Союзе. «Когда появились первые ревизионистские работы, нам стало ясно, что мы не знаем советской истории. История, написанная в Советском Союзе, и советская история, написанная во время „холодной войны“ в Соединенных Штатах — это извращение реальности»².

Ревизионистский подход предполагал использование методов и концепций, заимствованных из других дисциплин и был основан на методологии, признававшей наличие внутренних закономерностей развития советского общества. Ревизионистская историография не была монолитной, острые споры об уникальности советской системы, возможности ее сравнения с «обычными» западными политическими структурами шли в течение десятилетий и продолжают до сегодняшнего дня.

Особенно остро дискутировался вопрос о применении «нетоталитарных» моделей по отношению к сталинскому периоду советской истории. В 1970-е гг. многие молодые ученые, занявшиеся советскими проблемами, были или хотели быть социальными историками. Частично это отражало текущие тенденции исторической профессии в целом. Но это также подразумевало убеждение, что движущими силами советского исторического развития были не только политика и идеология, как утверждала тоталитарная школа. Ревизионисты хотели акцентировать внимание на социальных силах и процессах. Ш. Фицпатрик писала, что советология наполнилась более глубоким содержанием в 1970-е гг., когда новая когорта социальных историков бросила вызов гегемонии политологов, хотя и была готова все еще ставить «старые советологические вопросы о политической системе»³.

Отметим, что Ш. Фицпатрик с иронией относилась к вопросу о первенстве среди «ревизионистов». «Я немного знала об американской советологии до приезда в США в начале 1970-х гг.» (Ш. Фицпатрик родилась и получила образование в Австралии, а диссертацию готовила и защищала в Великобритании. Она получила В. А. в 1961 г. в университете Мельбурна, а Ph. D. в 1969 г. в Оксфордском университете). «Одним из первых американских советологов, с которыми я познакомилась, был С. Коэн. От него я и узнала о том, что среди советологов были ревизионисты и что я — одна из них»⁴.

В послевоенные годы круг используемых западной советологией источников был чрезвычайно ограничен. Кроме архива Троцкого и смоленского архива, это были опубликованные работы, в первую очередь выступления советских руководителей, резолюции и решения высших органов КПСС, нереалистичная официальная статистика, идеологизированные научные публикации, советские и эмигрантские мемуары и московская пресса. Подчеркнем, что даже официальная провинциальная пресса была практически недоступна на Западе. Н. Барон определял западную методологию работы с такими источниками как «идеографическую», т. е. основанную на догадках, предположениях, расшифровке символов⁵. А. Улам, указывал, что изучение сталинизма представляет сложность для исследователя, как в моральном, так и в техническом отношении. Он сравнивал работу ученых, стремящихся разгадать «интригующие исторические головоломки этого периода» с действиями Пуаро, героя детективных романов А. Кристи⁶.

Англо-американские исследователи должны были применять методы, которые принципиально отличались от используемых при изучении открытых западных политических систем. Подобная ситуация была характерна для советологии в течение длительного периода времени. Ш. Фицпатрик вспоминала историю, связанную с написанием статьи «Влияние террора на советскую элиту (на примере изучения московских и ленинградских телефонных справочников 1930-х гг.)». Первый вариант статьи, представленный в виде доклада Русскому исследовательскому центру Гарвардского университета в 1978 г., был встречен критически. Возможно, главным образом, по политическим причинам, поскольку Гарвард в то время был недружественен по отношению к советологам-ревизионистам. (С. Коткин называл Русский исследовательский центр Гарварда «академическим эпицентром „холодной войны“»⁷). Но частично неприятие было связано и с методологическими замечаниями, которые Ш. Фицпатрик восприняла серьезно и решила изменить некоторые аспекты исследования. В ходе нескольких визитов в Советский Союз она обращалась в московскую библиотеку им. В. И. Ленина с запросом выдать телефонные справочники Москвы и Ленинграда за 1937 и 1939 гг., которыми она пользовалась ранее. Ей было отказано. В течение нескольких лет она повторяла запросы, но до 1985 г. неизменно получала отказы⁸.

Ш. Фицпатрик не дискутировала специально с тоталитарной моделью, однако ее работы в значительной степени способствовали изменению направления «детоталитаризации» с послесталинского периода советской истории на время «сталинской революции»⁹. Она в первую очередь исследовала влияние сталинской политики на те группы советского общества, которые извлекали пользу из преобразований. В предисловии к сборнику «Культурная революция в России, 1928-1931» Ш. Фицпатрик писала, что авторы не стремятся в очередной раз рассматривать вопросы партийного вторжения в сферу культуры — традиционную тему предыдущих западных исследований. Их интересовали аспекты, связанные с выдвиганием рабочих, их вхождением в ряды интеллигенции, заинтересованностью в успешной реализации сталинских планов¹⁰. Таким образом, отвергалась одна из важнейших посылок тоталитарной концепции — полная пассивность общества.

Ш. Фицпатрик расширяла поле советологических исследований и заставляла отказываться от упрощенного понимания сталинизма. Во многих случаях сталинская политика приносила пользу отдельным социальным группам, сталинизм имел определенную социальную поддержку. Задача исследователей заключается именно в том, чтобы понять природу этой поддержки, так же, как и природу сопротивления сталинскому режиму.

А. Брумберг считал, что академическая советология в Соединенных Штатах началась после второй мировой войны с изучения советского общества.

На основании материалов Гарвардского проекта, интервью советских беженцев было подготовлено несколько исследований показывавших, как функционирует советская система, и какое влияние она оказывает на повседневную жизнь советских людей. Но по мере становления дисциплины фокус постепенно перемещался с социальных вопросов на политические. «Большой заслугой Ш. Фицпатрик являлось то, что ее работы вновь возвращали внимание исследователей к жизни советского общества»¹¹.

Наиболее пристальное внимание вызвали подходы Ш. Фицпатрик к таким принципиальным проблемам, как социальная стратификация советского общества 1930-х гг., последствия высокой социальной мобильности и соотношение инициативы «сверху» и «снизу». Она подчеркивала, что социальные историки не могут удовлетвориться взглядом на общество как на единое целое и тезисом о противостоянии единого общества единому государству.

Ш. Фицпатрик настаивала, что общество нельзя анализировать в статичных терминах. Феномен высокой социальной мобильности только частично объяснялся специфической политикой режима. В большей степени это был неизбежный результат быстрой индустриализации Советского Союза, создавшей новые рабочие места для «белых и синих воротничков». Определяющей тенденцией мобильности в сталинский период было движение «вверх», в отличие от движения «вниз» привилегированных классов после революции и драматичных эпизодов чистки элиты в 1930-е гг.¹² Именно тезис о первостепенной значимости массового движения вверх по сравнению с воздействием террора на общество являлся принципиально важным для «новой когорты» ревизионистов.

Тщательного рассмотрения заслуживало также положение низших слоев общества. Это направление изучения социальной иерархии ставило не менее сложные вопросы. Историки должны были искать ответы на вопросы о принципах стратификации, отношениях между различными слоями, способах улучшения советскими гражданами своего социального и материального положения и защиты от различных потрясений.

Обосновывая необходимость пересмотра многих сложившихся в западной советологии взглядов, Ш. Фицпатрик настаивала на перенесении внимания историков сталинизма «вниз», на изучение локальной истории. Социальные историки в целом склонны предпочитать взгляд «снизу» — изнутри общества или даже с позиций широких масс — правительственной или элитной точке зрения «сверху».

В 1990-е годы ситуация в сфере изучения советской истории значительно изменилась. Доступные стали архивы, было установлено сотрудничество западных ученых с исследователями из стран бывшего СССР, опубликовано значительное количество новаторских научных работ, среди которых необходимо отметить книги Ш. Фицпатрик «Повседневный сталинизм: обыч-

ная жизнь в экстремальное время. Советский Союз в 1930-е гг.», «Сталинизм. Новые направления», «Сталинское крестьянство: Сопротивление и спасение в русской деревне после коллективизации»¹³.

«Начало 1930-х гг. — время великих потрясений и сдвигов в советском обществе. Неудивительно поэтому, что семья тоже испытала потрясения, не меньшие, чем во время гражданской войны»¹⁴, — пишет Ш. Фицпатрик.

Анализируя положение крестьянской семьи 1930-х гг., автор отмечает падение нравов в деревне. Крестьянская община была уже не в состоянии применять суровые санкции за добрачные и внебрачные связи. Демографические и политические причины привели к оттоку из сельской местности молодежи, преимущественно мужчин. Согласно переписи 1937 г. количество женщин в колхозах почти в два раза превосходило количество мужчин (18 млн. женщин на 10 млн. мужчин)¹⁵. Многие женщины оказывались в неопределенном положении. Уход мужа в город (на стройку, промышленное предприятие) оставлял женщину в формально замужнем статусе. Муж мог вернуться в деревню, а мог и остаться в городе. Официально женщины в такой ситуации оставались незамужними, а фактически — не замужем. Само понятие было неопределенным. По переписи 1937 г. заявили, что в настоящий момент состоят в браке на полтора миллиона больше женщин, чем мужчин¹⁶.

Демографические изменения затронули и состав семей. Если в конце 1920-х гг. средняя крестьянская семья состояла из 5 человек, то в конце 1930-х гг. ее размеры колебались от 3,9 до 4,4 человек. Это означало, что нуклеарная семья заменила прежнюю большую семью. В 1940 г. уже не было существенной разницы между рождаемостью в деревне (32 новорожденных на 1000 человек) и в городе (31 новорожденный на 1000 человек)¹⁷.

Публикации последних лет могут служить ответом на многие вопросы истории советской повседневности. Изучение социальной истории сталинской России оказалось не просто возможным, но и необходимым. Сегодня ответ на этот вопрос представляется очевидным для большинства исследователей. Однако взгляды на социальную историю, понимание того, что она включает в себя, как соотносится с другими направлениями исторической науки, остаются предметом серьезного спора.

В конце XX в. широкое распространение в США получила «новая социальная история», сторонники которой настаивали на коренном изменении соотношения между социальной историей и историей интеллектуальной, ментальной. Они считали, что история общества и образующих его больших и малых групп не может изучаться в отрыве от истории систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов.

Новая работа Ш. Фицпатрик «Сорвать маски!»¹⁸, безусловно, займет свое достойное место в контексте дискуссий вокруг нового направления исто-

рических исследований. В историографической части «Введения» Ш. Фицпатрик подтверждает свою приверженность школе социальной истории, но объектом исследования называет культурную историю советского общества. Ее цель — показать собственное понимание социокультурных процессов сталинского периода, обратив основное внимание на идентификацию и самоидентификацию советского человека в «классовом обществе». Авторская идея базируется на признании чрезвычайной важности классовой стратификации для повседневной жизни советских людей. Она скептически относится к сталинской интерпретации марксистской теории классов, но серьезно — к «классовой классификации» граждан, проводимой государством. Если попытаться кратко выразить основную идею книги, то ее можно сформулировать следующим образом. Темой исследования является не вопрос о существовании или несуществовании классов в их советском понимании, а зависимость жизни человека от того, к какому классу (существующему или несуществующему) его приписало государство.

Ш. Фицпатрик предлагает читателю серию исторических очерков, написанных в 1990–2000-е гг., опубликованных в различных периодических научных изданиях, дополненных оригинальными введениями и заключением, и впервые структурированных как единое издание. В результате читатель получил качественный оригинальный продукт.

Раздел книги «Жизни» составили работы «Жизнь под огнем», «Два лица Анастасии», «История крестьянина, борющегося за справедливость», «Женские жизни». Все они объединяются одной темой — влиянием государственной политики на частную жизнь. В главе «Женские жизни», анализируя дневники и автобиогра-

фии советских женщин, Ш. Фицпатрик отмечает бинарную схему их построения — «старая жизнь» и «новая жизнь». Причем, рубежом старого и нового часто является время коллективизации. Отличительной особенностью автобиографий советских женщин 1930-х гг. стало то, как много внимания в них занимают общественные, а не частные сюжеты. Чаще всего женщины воспринимают себя как жертвы времени и обстоятельств, при этом оставаясь сильными личностями¹⁹.

Переход советского государства на официальную позицию защиты семьи и материнства, запрещение аборт, затруднение процедуры развода, установление льгот для многодетных матерей преследовали цель повышения рождаемости и увеличения численности населения.

При всех сложностях и трудностях повседневной жизни в советском обществе сохранилась устойчивость семьи. Люди продолжали вступать в брак. Цифра заключенных браков оставалась очень высокой: в 1937 г. 91 % всех мужчин в возрасте от 30 до 39 лет и 82 % женщин заявляли, что состоят в браке²⁰. Неустойчивые и опасные условия жизни в 1930-е гг. даже сделали семью крепче, т. к. ее члены чувствовали потребность сплотиться в целях самосохранения. Согласно опросу по Гарвардскому проекту²¹, большинство советских респондентов заявили, что семья стала крепче. Среди сельских жителей положительный ответ дали 45 %, среди городских — 58 %. «Мы могли говорить свободно только в семье. В трудные времена мы сблизились»²².

Исследования Шейлы Фицпатрик углубили наше понимание сталинизма и, вместе с тем, подтвердили, что поле деятельности исследователей остается огромным.

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2002. — С. 173–174.

² Рабинович А. Меня считали буржуазным фальсификатором // Беларускі гістарычны часопіс. — 1998. — № 4. — С. 29.

³ Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. — 1986. — Vol. 45. — P. 357–373.

⁴ Idem. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. — Ithaca, N.Y., 1992. — P. XII.

⁵ Baron N. History, Politics and Political Culture: Thoughts on the Role of Historiography in Contemporary Russia // Cromohs. — 2000. — № 5.

⁶ Ulam A. The State of Soviet Studies: Some Critical Reflections // Survey. — 1964. — № 50. — P. 53–61.

⁷ Kotkin S. Kremlinologist as Hero // New Republic Online // <http://www.thenewrepublic.com/110600/kotkin110600.html> (2000, 11 June).

⁸ Stalinist Terror: New Perspectives. — Cambridge; New York, 1993. — P. 248.

⁹ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. — Cambridge, Eng.; New York, 1979; Idem. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1937 // Slavic Review. — 1979. — Vol. 38. — P. 377–402; Idem. Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. — Bloomington, 1978.

¹⁰ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. — P. 4.

¹¹ Brumberg A. Review «Everyday Stalinism: Ordinary Life

in Extraordinary Times, Soviet Russia in the 1930s» by Sheila Fitzpatrick // The Nation. — 1999. — Vol. 269. — Is. 6. — P. 33.

¹² Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. — 1986. — Vol. 45. — P. 365.

¹³ Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. — New York, 1994; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. — New York, 1999; Fitzpatrick S. Stalinism: New Directions. — London and New York, 2000. Поскольку

в настоящее время часть работ уже издана на русском языке, мы будем приводить цитаты по русскоязычным изданиям: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — М., 2001; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2002.

¹⁴ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. — С. 169.

¹⁵ Цит. по: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. — С. 244.

¹⁶ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. — С. 173.

¹⁷ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. — С. 247–248.

¹⁸ Fitzpatrick S. Tear off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-century Russia. — Princeton University Press, 2005.

¹⁹ Ibid. — P. 151, 125.

²⁰ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. — С. 170.

²¹ См. подробнее: Кодин Е. В. «Гарвардский проект». — М., 2003.

²² Цит. по: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. — С. 170.

ЛЕОНИД САБСОВИЧ ИЛИ КТО ПРИДУМАЛ «ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ БЫТА»

Леонид Сабсович — таинственная фигура, о которой мало что известно. Разве только то, что он был сотрудником Генплана СССР¹. В истории советской архитектуры Сабсович известен как один из участников так называемой «дискуссии о расселении», проходившей в 1929-30 гг., как представитель «урбанистов» и оппонент «дезурбанистов», которых представляли М. Гинзбург и Михаил Охитович.

Дискуссия эта была прервана известным постановлением ЦК ВКП(б) «О Работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г., в котором было сказано: «ЦК отмечает, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные, полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей (Сабсович, отчасти Ларин и др.) „одним прыжком“ перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта».

После этого имя Сабсовича, издавшего в 1929-30 гг. множество книг и статей, исчезает из официальной советской историографии. Неизвестно даже, когда он умер и умер ли он своей смертью, что по условиям того времени представляется маловероятным.

Очень похоже, что значение Сабсовича далеко выходило за рамки архитектурной истории (в которой влияние Сабсовича тоже до сих пор недооценивалось).

7 ноября 1928 г. в «Торгово-промышленной газете» появилась статья Л. Сабсовича «Через 25-30 лет после Октября». Она была, по его же словам, «первым вариантом гипотезы генерального плана»².

Второй вариант этой гипотезы был издан в марте 1929 г. в виде книги под названием «Советский Союз через 15 лет». Книга вышла практически одновременно с состоявшимся 7-14 марта V съездом президиумов Госпланов, созданным для утверждения отправного варианта плана первой пятилетки. Сабсович участвовал в съезде от имени ВСНХ (как и В. Куйбышев). В своем выступлении он (как и Куйбышев) защищал оптимальный, т. е. сильно увеличенный, сталинский план «ускоренной» пятилетки. А 23-29 апреля 1929 г. состоялась XVI партконференция, которая утвердила оптимальный вариант под названием «Пятилетний народно-хозяйственный план на период 1928/29—1932/33 г.»³. В августе 1929 г. после доклада Куйбышева на Президиуме ВСНХ СССР, план был еще раз пересмотрен в сторону увеличения выпуска продукции⁴.

Деятельность Сабсовича была явно напрямую связана с борьбой И. Сталина за увеличение планов пятилетки.

За первым изданием книги (тираж автору неизвестен) в том же 1929 г. последовали еще два — соответственно тиражом 13 и 30 тыс. экземпляров. Такие тиражи в момент жесточайшего цензурного пресинга и тотальной нехватки бумаги означали, что у автора имелась могучая поддержка сверху⁵. В 1929 вышла книга Л. Сабсовича «Города будущего и организация социалистического быта»⁶. В 1930 г. появилась книга «Советский Союз через 10 лет». В том же году она вышла на французском языке в Париже. В 1930 г. вышла еще одна книга Сабсовича «Социалистические города».

***

Книга «Советский союз через 15 лет» представляла собой пропагандистское сопровождение сталинских планов ускоренной индустриализации. Книга вышла в разгар борьбы между сталинской группой в Политбюро и «правой оппозицией», т. е. группой Рыкова-Бухарина-Томского, безуспешно пытавшейся препятствовать принятию завышенных планов пятилетки. Она имеет подзаголовок: «Гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР».

Во введении Сабсович пишет: «Причины, заставляющие меня выступить с такого рода грубой, недостаточно разработанной и, несомненно, далеко несовершенной гипотезой, заключаются в моем глубочайшем убеждении в том, что мы действительно в кратчайший исторический период догоним и обгоним передовые капиталистические страны, что в период, примерно, 15 лет мы действительно сможем построить социализм в нашей стране и что, поэтому, генеральный план развития нашей страны мы должны составлять как план построения социализма».

Такого рода убеждение пока отнюдь не является широко распространенным. Если даже оставить в стороне такого рода представление о наших перспективах, как это высказал один из „заблудившихся“ товарищей, а именно: „Страна наша мужицкая, армия — мужицкая, на индустриализацию уйдут столетия“, то нужно все же признать, что очень мало кто конкретно ставит себе вопрос, что значит в кратчайший исторический период догнать и обогнать передовые капиталистические страны, как конкретно представить себе построение социализма в нашей стране»⁷. Цитата снабжена сноской: «Цитировано по докладу А. И. Рыкова на собрании актива Ленинградской парторганизации ЗО/Х1 1928 г.».

Если учесть, что Рыков был тогда (и до конца 1930 г.) председателем СНК СССР и членом По-

литбюро, можно себе представить, какой мощной политической поддержкой обладал в тот момент Сабсович. Причем, «заблудший товарищ» Рыков цитируется в книге не один раз.

Сабсович рисует фантастическую картину будущего процветания Советского Союза при условии принятия сталинских планов.

В главе «Эпоха великих работ и проблема создания нового человека» Сабсович пишет: «Каковы масштабы этих „великих работ“? Для того, чтобы более или менее конкретно представить себе это, достаточно сопоставить то, что мы имеем в настоящее время, с тем, что намечается по настоящей гипотезе генерального плана через 15 лет. За один 1942/43 год мы должны будем выполнить следующие работы.

В промышленности мы должны будем построить такое количество фабрик и заводов, которые по стоимости их в ценах 1927/28 г. (а, следовательно, и по физическому объему) будут превышать стоимость всех ныне существующих фабрик и заводов в 5-6 раз, а размер капитальных работ 1927/28 г. будет превышать в 33 раза. Другими словами, если капитальное строительство, крупной промышленности 1927/28 г. по своим размерам равнялось примерно 7,5 Магнитогорским заводам, то капитальное строительство одного 1942/43 г. будет равняться постройке примерно 240 Магнитогорских заводов.

В электростроительстве за один 1942/43 г. мы должны будем построить такое количество станций и сетей, которое по физическому объему будет превышать весь основной капитал электрификации 1927/28 г. в 11,5 раз. Если капитальные затраты электрификации в 1927/28 г. по их объему можно приравнять примерно 1,7 Днепростроям, то объем электростроительства за 1942/43 г. будет равняться примерно 48 Днепростроям.

В сельском хозяйстве, в котором капитальные работы в сумме около 1130 млн. руб. в 1927/28 г. в распыленном виде производятся во многих миллионах крестьянских дворов, в 1942/43 г. будут произведены работы в крупных хозяйствах по физическому объему примерно в 19 раз большие и равные, примерно, удвоенному основному капиталу сельского хозяйства в настоящее время (без скота и жилых построек в том и в другом году).

В железнодорожном транспорте капитальные работы будут увеличены через 15 лет по физическому объему примерно в 19 раз, причем новых железных дорог должно быть построено в 1942-43 г. около 60 тыс. километров, что равно примерно 40 Туркестано-Сибирским жел. дорогам, или постройке свыше 4-х сибирских магистралей за один год.

В местном транспорте капитальные работы по физическому объему в 1942/43 году превысят капитальные работы 1927/28 года более, чем в 150 раз.

Капитальные работы в коммунальном хозяйстве в одном 1942/43 г. превысят нынешнюю стоимость всего основного капитала комхозов в 3,5 раза.

Наконец, жилищное строительство, которое в 1927/28 г. по размерам оценивалось в ту же сумму, что и все промышленное строительство, увеличится через 15 лет больше, чем в 20 раз и по стоимости (в ценах 1927/28 г.) превысит всю нынешнюю стоимость жилищного фонда примерно в 1,5 раза.

Это колоссальное строительство, которое за следующее четвертое пятилетие возрастет по объему еще примерно в 3,5-4 раза и о размерах которого в настоящее время трудно составить себе конкретное представление, означает действительно невиданную в мире „эпоху великих работ“, которая начинается в зачатке уже в первом пятилетии, а полный расцвет получит, вероятно, уже за пределами генерального плана, в четвертом и в последующих пятилетиях»⁸.

В послесловии к третьему изданию Сабсович сетует на маловеров и рисует еще более радужную картину: «Изложенная в книге „СССР через 15 лет“ гипотеза генерального плана, как плана построения социализма, составлена была мною в ноябре 1928 г., еще до того времени, когда был закончен декабрьский вариант контрольных цифр пятилетки ВСНХ и за несколько месяцев до составления Госпланом СССР отправного и оптимального вариантов пятилетнего плана народного хозяйства.

Когда в день одиннадцатой годовщины Октябрьской революции в Торгово-Промышленной Газете был опубликован первый набросок моей гипотезы, значительно более умеренной сравнительно с гипотезой, изложенной в книге „СССР через 15 лет“ этот набросок намечал увеличение продукции промышленности всего в 16 раз за 15 лет), он был встречен громадным большинством, как утопический роман, как „сон в летнюю ночь“ — по выражению одного из моих товарищей по работе...

Еще более сдержанно была встречена гипотеза генерального плана, опубликованная в моей книге „СССР через 15 лет“, вышедшей в марте 1929 г. В этой гипотезе я позволил себе наметить несколько убаюкивающих темп роста промышленности — от 20 % ежегодного прироста продукции в начале пятнадцатилетнего периода, до 27,5 % к концу этого периода. Эта проекция давала увеличение промышленной продукции за 15 лет в 27,5 раз: при этом предположении мы через 15 лет должны были обогнать нынешний уровень развития САСШ, и могли создать все предпосылки для построения социализма в нашей стране. Эта перспектива за 15-летний период обогнать передовые капиталистические страны, уничтожить классовое строение нашего общества и построить в СССР социализм — представлялась громадному большинству совершенно невероятной, фантастической, неосуществимой. Только в Госплане СССР, в Комиссии Генерального плана моя гипотеза была принята в качестве рабочей „гипотезы масштабов продукции“, опубликована (первая половина) в журнале „Плановое Хозяйство“ и выпущена полностью отдельной книжкой под заглавием „СССР через 15 лет“ ...

Недавно я приступил к работе над пересмотром этой гипотезы. Но уже в настоящее время можно в грубых чертах определить, к каким общим выводам может привести этот пересмотр.

Если мы к концу первого пятилетия повысим ежегодный прирост продукции до 50 %, то для второго и третьего пятилетия можно принять удержание темпа на этом же уровне, как минимум.

Это дает увеличение продукции за второе пятилетие примерно в 7,5 раза; а за первые 10 лет — увеличение продукции в 39-40 раз. Это значит, что уже за 10 лет мы сможем развернуть производство значительно больше тех размеров, достижение которых я намечал к концу третьего пятилетия, что уже через 10 лет, при условии мирного развития страны, мы сможем значительно обогнать нынешний уровень развития промышленности САСШ (по объему производства), а по уровню техники сможем его значительно обогнать и идти в уровень с САСШ, если только не обгоним эту страну, т. к. за короткий период создадим совершенно новый основной капитал промышленности по последнему слову науки и техники.

В области поднятия производительности труда мы должны удержаться на уровне не менее 25 % в год, т. е. как минимум на том уровне, которого достигнем в последние годы текущего пятилетия. При этом условии мы за второе пятилетие будем иметь увеличение производительности труда втрое, а за первые 10 лет — увеличение в 8,5-9 раз, т. е. примерно тоже увеличение (даже несколько больше), которое я намечал в своей гипотезе в период 15 лет.

Число рабочих должно будет увеличиться за 10 лет примерно в 4,5 раза, т. е. дойдет примерно до 10 мил. человек в КРУПНОЙ промышленности. Реальная заработная плата сможет быть поднята минимум в 4 раза, а вероятнее всего — в 5-6 раз и реальный уровень жизни наших рабочих превысит нынешний реальный уровень жизни рабочих САСШ. Продолжительность рабочего дня мы сможем, вероятно, уменьшить к концу второго пятилетия примерно до 5 часов, установив наиболее приемлемую для жизни и работы трудящихся рабочую неделю (может быть — выдвигаемый в настоящее время проект трехдневной недели — 2 дня работать и третий — отдыхать) или значительно увеличив продолжительность ежегодного отпуска до нескольких месяцев в году при меньшем сокращении продолжительности рабочего дня сможет быть — только до 6 часов»⁹.

Развитие сельского хозяйства Сабсович тоже рассматривает с точки зрения сталинских планов скорейшей коллективизации и тезиса об «усилении классовой борьбы»: «Мою гипотезу генерального плана я составлял еще в то время, когда было только вынесено постановление об организации крупных государственных зерновых совхозов и когда вопрос о машинно-тракторных станциях не был еще поставлен так широко, как он ставится в настоящее время. С тех пор произошел резкий сдвиг в оценке возможностей социалистической

реконструкции сельского хозяйства. Прежде всего, мы нащупали правильный путь этой социалистической реконструкции. Далее, строительство наших крупных государственных совхозов пошло настолько быстро и дало такие блестящие результаты, которых не ожидали даже самые горячие сторонники и наибольшие оптимисты этого дела. Наконец, текущий 1928/29 г. дал нам такой громадный стихийный рост колхозного движения, которого никто не решался предсказать еще несколько месяцев тому назад. Эти обстоятельства и общий анализ условий дальнейшего развития сельского хозяйства дают основание значительно изменить оценку возможных перспектив социалистической реконструкции сельского хозяйства. В своей статье „Революция в сельском хозяйстве и задачи промышленности“ („Известия“ № 160 от 16 июля 1929 г.) я дал следующую оценку этого сдвига и вероятных перспектив ближайшего будущего:

„В сельском хозяйстве — отсталом, раздробленном на 27 миллионов мелких крестьянских дворов, „деградирующим“, по мнению правой оппозиции, — началась великая революция. Это нужно сказать прямо и твердо. Эта революция происходит как в крестьянском хозяйстве, так и в миллионах крестьянских голов, которые рабочий класс и возглавляющая его коммунистическая партия заставили крепко задуматься над путями дальнейшего развития сельского хозяйства, над вопросом — куда идти. Можно с уверенностью сказать, что нет ни одного крестьянина в деревне, голова которого не работала бы усиленно над вопросами о коллективизации сельского хозяйства, об артелях, „коммуниях“, об отношении советской власти к кулаку, о лучшей обработке земли, о повышении урожайности, о способах и путях улучшения своего положения и т. д. Пресловутый хозяйственный консерватизм крестьянства, питавшийся вековым рабством, получил громадную пробоину, подвергается коренной ломке“.

Кулацкая верхушка деревни, понимающая, что принятый и проводимый партией и советским государством твердый курс на коллективизацию крестьянского хозяйства угрожает ей неизбежной экономической гибелью, стала на путь резкого обострения классовой борьбы против диктатуры пролетариата, против советской власти и развивает бешеную агитацию, стремясь увлечь за собой среднее крестьянство. Хлебный саботаж и отдельные „диверсии“ против наиболее передовых крестьян (расправы, убийства) и против коллективных хозяйств (поджоги и пр.), это — только первый этап классовой борьбы...

Исход этого процесса может быть только один. В капиталистическом строе кулак хозяйственно является передовым элементом, он играет прогрессивную роль в отношении развития производительных сил. Поэтому он может идеологически вести за собой остальную массу середняцкого и бедняцкого крестьянства, которую он держит в экономической зависимости от себя. В наших условиях, в условиях образования крупного механизированного и химизированного госу-

дарственного и коллективного сельского хозяйства, кулак, как и американский фермер в настоящее время в САСШ играет экономически реакционную роль. Трактор и крупное научно организованное сельское хозяйство неизбежно будут бить и побьют кулака. И этот совершенно неизбежный исход экономической борьбы между кулаком и КРУПНЫМ сельским хозяйством также неизбежно и окончательно перетянет середняка на сторону КРУПНОГО хозяйства, увлечет его на путь коллективизации своего хозяйства. Весь вопрос заключается в том, как скоро это будет»¹⁰.

***

То, что прямой задачей книжки Сабсовича была поддержка сталинского курса, подтверждается предисловием к третьему изданию, написанному Н. Ковалевским, председателем Госплана СССР¹¹. Там говорится: «Еще первое издание этой книжки многими было встречено насмешливо и почти враждебно. Намеченные здесь темпы и масштабы казались этого рода читателям фантастичными, нереальными. Однако, не прошло еще и года со времени написания этой работы как жизнь показала их полную реальность и осуществимость. Первый год пятилетия (28/29 г.) прошел с темпами, превышающими принятые в публикуемой гипотезе т. Сабсовича по валовой продукции промышленности на 4 %, по капитальным вложениям в промышленности на 18 %. Принятый VI Съездом Советов Пятилетний план развития народного хозяйства СССР проектирует 279 % роста продукции планируемой промышленности за пятилетие 1928/29-1932/33 годов (в ценах 1926/27 г.). Гипотеза т. Сабсовича намечает на первое пятилетие (в те же сроки и в тех же единицах) 263 %. Тов. Сабсович проектировал вложений в госпромышленность 14,17 млрд. руб., а утвержденная Съездом Советов Пятилетка 18,63 млрд. руб. в неизменных ценах.

Но уже после утверждения Пятилетки Съездом Советов выдвинуты новые соображения, позволяющие повысить темпы роста валовой продукции промышленности при тех же вложениях с 279 % роста за пятилетие, более чем до 300. Соответственно и Контрольные Цифры на 1929/30 г. проектируются уже с ростом продукции промышленности не 21,5 %, а в 32,3 %; капитальные вложения в планируемую промышленность проектируются в сумме 3,99 млрд. руб. В 1928/29 г. они составляют 1,86 млрд. руб. По гипотезе же т. Сабсовича они намечались для 1928/29 г. в 1750 млн. руб., а для 1929/30 г. в 2190 млн. руб.

Жизнь так насыщенная содержанием в нашу революционную эпоху уже успела жестоко насмеяться, но не над „фантастикой“ тов. Сабсовича, а над скептиками и маловерами, не сумевшими и не умеющими до сих пор оценить творческой мощи стремительно идущего к социализму народного хозяйства СССР — великого детища великой пролетарской революции»¹².

Послесловие Сабсовича к третьему изданию заканчивается зловецким и оправдавшимся (в отноше-

нии «правой оппозиции») предупреждением: «Выдвинутые... в настоящей книжке задачи построения новых социалистических городов, организации социалистического быта и создания нового человека должны быть признаны задачами, к разрешению которых мы должны приступить немедленно и разрешить которые мы должны в кратчайший срок. Наследие старого еще цепко держит нас в своих руках, тянет нас назад, мешает нам стать на новый, правильный путь нашего развития. Этому старому, рутине, консерватизму, неверию должна быть объявлена беспощадная борьба. Новую жизнь может строить только тот, кто сбросил с себя эти путы старого, кто научился смотреть вперед и видеть, „осязать“ наше ближайшее будущее. Кто этого не сумеет сделать, кто не сумеет быстро переделать себя, не окажется способным идти в ногу с жизнью, в ногу с рабочим классом, тот будет выброшен в мусорную яму истории. В этот мусорный ящик история выбросила недавно троцкистскую оппозицию, как она в свое время выбросила в него меньшевиков и эсеров. В этом мусорном ящике рискуют оказаться скоро и все маловеры из правой оппозиции, которые, стремясь свернуть партию с пути быстрой индустриализации страны, пытаются остановить колесо истории, все убистряющимся темпом ведущее нас к развитию социализма в нашей стране»¹³.

***

Грандиозный экономический блеф Сабсовича, явно придуманный и раздутый по заказу сталинской группы, имеет несомненное отношение к утопической компании по массовому проектированию соцгородов с обобществленным бытом в 1929-30 гг.

Проблема «обобществления быта» прозвучала уже в предельно демагогическом выступлении Сабсовича 12 марта 1929 г. на V съезде президиумов Генпланов: «Возьмем новые заводы, которые мы строим, скажем, Магнитогорский, или Криворожский, или Днепропетровский комбинат. Мы строим их в малонаселенных местах, где надо создавать рабочие поселки почти на совершенно чистом месте. Мы создаем эти заводы на основе самой передовой техники и получаем иногда наиболее совершенный тип. Другими словами, в этих отдельных пунктах мы можем и должны уже в этом пятилетии догнать, а иногда, как будто и перегнать передовые капиталистические страны. И вот спрашивается, какую же производительность труда мы должны наметить хотя бы в том же Магнитогорском заводе? Если мы строим завод по последнему слову техники, то почему производительность труда на нем должна быть ниже, чем в передовых капиталистических странах? Наоборот, мы должны взять эту производительность труда, как м и н и м у м. Основной аргумент состоит в том, что мы не имеем такого рабочего, которого имеют передовые капиталистические страны — не только в смысле подготовки, но и в смысле условий его жизни. Но это значит только то, что мы должны создать такие условия жизни, чтобы получить такую же производительность. Если мы считаем, что социалистическая организация народного хозяйства имеет громадные преимуще-

щества перед капиталистической, что она производительнее, дешевле, экономнее и потому она неизбежно должна победить, — то мы должны сказать, что и социалистический быт тоже должен быть экономнее, дешевле, чем быт капиталистический, и поэтому он должен победить. Если мы при этих новых заводах будем строить поселки социалистического типа, по типу обобществленного быта, если мы освободим женщину-работницу от забот о домашнем очаге, от забот о воспитании детей, — то мы сможем поставить рабочего в несравненно лучшие условия, чем это намечено сейчас. Я проделал исчисления, хотя самые грубые; на каждого члена рабочей семьи может быть затрачено в социалистическом поселке в 2-3 раза больше, чем при других условиях, при той же общей сумме затрат на жилищное строительство. Кроме того, нужно принять во внимание, что все трудоспособные члены семьи рабочего также будут заняты на работе и будут иметь свой заработок. Эти исчисления показывают, что при социалистической организации поселка уровень жизни может быть повышен в 2-3 раза. И таким образом, к последнему слову техники на наших новых заводах будет присоединен рабочий европейского уровня»¹⁴.

«Обобществление быта» в этом контексте означало заведомый отказ от строительства квартирному жилью и замену его коммунальным, то есть общежитиями, где ведение домашнего хозяйства и традиционная семейная жизнь становились невозможными. Подавалось это как улучшение условий жизни рабочего по сравнению с уже запланированными, что отчасти не лишено логики. Рабочие в СССР в массе своей и так жили в коммунальных условиях (по семье на комнату, или в бараках-казармах), но каким бы то ни было общественным обслуживанием обеспечены не были.

В книге Сабсовича «СССР через 15 лет» «обобществлению быта» и перспективам жилищного строительства посвящена отдельная глава под названием «Культурная революция и обобществление быта». В ней автор напрямую связывает успехи индустриализации с тотальным изменением образа жизни человека и, в первую очередь, с упразднением семейного быта:

«Наличия материальных и социальных предпосылок в виде весьма высокого уровня развития производительных сил, уничтожения классов и обобществления всех орудий и средств производства еще недостаточно для построения социалистического общества. Нужна еще культурная революция, — нужно совершенно переделать человека, а для этого необходимо совершенно изменить бытовые условия и формы существования человечества. Условия быта должны быть изменены прежде всего в том направлении, что должно быть уничтожено индивидуальное домашнее хозяйство, тот „домашний очаг“, который всегда являлся и является источником рабства женщины. Произведенное выше исчисление того, какое количество трудящихся должно быть занято в различных отраслях общественного труда в 1942/43 г. приводит к выводу, что даже при весьма быстром поднятии производительности труда недоста-

ток в рабочих руках может быть преодолен через 15 лет только при том условии, если все трудоспособные в возрасте от 21 до 49 лет — и мужчины и женщины — будут заняты общественно-обязательным трудом. Следовательно, полное освобождение женщины от домашнего рабства и уничтожение индивидуального домашнего хозяйства является не только задачей, которую желательно осуществить к концу генерального плана, но задачей положительное разрешение которой является неизбежной необходимостью одной из важных предпосылок возможности осуществления других основных задач генерального плана и прежде всего запроецированного развития производительных сил всего народного хозяйства»¹⁵.

Будущее жилищное строительство Сабсович описывает таким же радужным и фантастическим образом, как и перспективы индустриализации в целом: «Стоимость, всего жилищного фонда в 1927/28 г. исчисляется Госпланом СССР в сумме около 24 млрд. руб., в том числе стоимость городского жилищного фонда исчисляется в сумме 13,3 млрд. руб. (включая промышленный жилищный фонд), а сельского — в 10,8 млрд. руб. По излагаемой гипотезе генерального плана стоимость жилищного фонда через 15 лет, т. е. в 1942/43 г., может быть доведена до 200 млрд. руб. (в тех же ценах 1927/28 г.), т. е. по физическому объему жилищный фонд может быть увеличен в 8,3 раза. В 1927/28 г. на душу населения приходилось 161 руб. всего жилфонда; в 1942/43 г. эта цифра увеличится до 1020 руб., т. е. примерно в 6,5 раз. Однако, нужно отметить, что в 1927/28 г. между жилищным фондом города и деревни существовал большой разрыв: в городе на 1 душу населения приходилось жилфонда на 437 руб., тогда как в деревне — всего 91 руб., т. е. почти в 5 раз меньше. Правда, в деревне постройки стоят и оцениваются дешевле, так что по физическому объему (или по площади пола) разрыв будет несколько меньше, но все же разрыв этот несомненно является чрезмерным. Если считать, что через 15 лет тип, качество и стоимость постройки жилищ в городе и в деревне примерно сравняются, то в среднем на душу населения придется жилфонда на 1020 руб., т. е. на 1 душу городского населения сумма жилфонда увеличится примерно в 2,5 раза, а на душу сельского населения примерно в 11 раз; при увеличении же стоимости жилфонда на 1 душу городского населения в 3 раза, увеличение на 1 душу сельского населения составит, примерно, 6,5 раз. И в том и в другом случае увеличение жилфонда на 1 душу населения является достаточно внушительным. Если же принять во внимание, что за один 1942/43 г. мы сможем вложить в жилфонд 35 млрд. руб. (по ценам 1927/28 г.), т. е. значительно больше, чем стоимость всего жилфонда в 1927/28 г., то станет ясно, что в последнем пятилетии генерального плана мы действительно сможем в значительной мере снести существующие города и деревни и строить вместо них поселения иного типа, приспособленного к обобществленному быту трудящихся.

К этому нужно прибавить, что и основные фонды коммунального хозяйства увеличатся с 2,5 млрд. руб. до 40 млрд. в 1942/43 г. по тем же ценам.

Таким образом, мы окажемся в состоянии более или менее удовлетворительно справиться с задачей радикально изменить жилищные условия трудящихся СССР, «снести с лица земли» все существующие города, села и деревни в их теперешнем виде и построить вместо них новые поселения — здоровые, культурные, приспособленные для осуществления обобществленного быта и этот быт создающие. Но в третьем пятилетии эта задача сможет быть разрешена лишь, так сказать, вчерне. Наибольшие работы и достижения в этом направлении могут иметь место, по-видимому, в четвертом пятилетии, к концу которого, по моим исчислениям, жилищный фонд может быть увеличен до 1600 млрд. руб. (в неизменных ценах 1927/28 г.), т. е. увеличится, примерно, в 25 раз по сравнению с 1927/28 г., а основные фонды коммунального хозяйства могут быть увеличены до 100 млрд. руб. (в той же оценке), т. е. могут быть за 20 лет увеличены в 40 раз. В четвертом пятилетии, которое я отношу уже к социалистическому периоду нашего существования, работы по радикальной перестройке всех жилищных условий существования человечества могут быть поставлены в исключительно грандиозных размерах и дадут такой эффект, который в настоящее время трудно даже приблизительно себе представить»¹⁶.

Обязательное условие этого процветания — обобществление быта и уничтожение семейной жизни в какой бы то ни было форме¹⁷.

***

11 июля 1929 г. Сабсович на заседании индустриально-технической и социально-культурной секции ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству) делает доклад «Проблема города». Доклад публикуется в журнале «Плановое хозяйство» (1929, № 7) и выходит отдельной брошюрой под названием «Город будущего и организация социалистического быта» в том же 1929 г.¹⁸

В докладе Сабсович излагает принципы нового коммунального быта и, как формулирует С. О. Хан-Магомедов, «намечает лишь самую общую программу замены существующей системы поселений с ее развитой иерархической структурой (от деревень до крупнейших городов) на некую усредненную по размерам систему, в которой размеры поселений привязаны к потребностям в рабочей силе крупных промышленных и сельскохозяйственных производств. Это усреднение поселений он видел на путях разукрупнения городов и укрупнения сел»¹⁹.

Такой подход полностью соответствовал задачам индустриализации, и представлял собой основной градостроительный принцип сталинской эпохи. Новые промышленные предприятия строились там, где это удобно с точки зрения обеспечения сырьем, а население подвозилось туда плановым образом и в строго необходимых

количествах. Городу как самостоятельному, свободно растущему поселению, с жителями, обладающими правом выбора места работы, места жительства и правом свободного передвижения по стране в такой системе места больше не оставалось.

***

В докладе Сабсович тоже очень откровенно обосновывает мотивы ликвидации семейного хозяйства: «Освобождая, благодаря полному обобществлению быта, женщину от необходимости заниматься домашней работой и уходом за детьми, мы освобождаем полного работника, который и может, и должен быть занят производительным трудом; ибо в социалистическом поселке всякая женщина в трудоспособном возрасте должна быть использована на производственной работе так, как и всякий трудоспособный мужчина. Значительная часть женщин-работниц может быть занята на производстве в заводе; остальная часть женщин может быть занята в учреждениях и предприятиях, обслуживающих бытовые нужды всех членов социалистического поселка (на фабрике-кухне, в общественных столовых, яслях, в общественном воспитании детей и пр.). Это еще больше уменьшит число лиц, которые должны быть устроены в социалистическом поселке при новом заводе и даст возможность еще больше увеличить затраты на строительство, падающие на 1 душу, считая и взрослых и детей»²⁰.

Традиционные для советской прессы и пропаганды тезисы о необходимости создания некоего нового, лучшего, чем раньше, человека, приобретают в контексте рассуждений экономиста Сабсовича вполне практический смысл. Выполнение экономических планов партии требует привлечения к обязательному труду всего населения без исключения, и всех женщин тоже. Этому препятствует традиционный семейный уклад, при котором женщина ведет хозяйство и воспитывает детей. Этот уклад необходимо разрушить. А работу по хозяйству («домашнее рабство») следует заменить «общественно-обязательным», т. е. принудительным трудом. Фактически — настоящим рабством.

Тезис о том, что принудительное использование женского труда улучшит условия жизни населения, проходящий красной нитью через книги и статьи Сабсовича, Милютина и других участников дискуссий о соцрасселении, явно выдуман не ими — это идеологически обработанная для открытого пользования партийная установка. Все ресурсы должны быть направлены в промышленное производство, а число неработающих членов общества и членов семьи снижено до предела; чем меньше иждивенцев в семье, тем меньше затраты на жизнеобеспечение одного работающего.

Через четыре дня после выступления Сабсовича с докладом на заседании ВАРНИТСО, 15 июня 1929 г. выходит Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок». Постановление требовало резкого «увеличения применения женского труда в тяжелой

промышленности, особенно в механических цехах и машиностроении»²¹.

О том, каким жестоким образом правительство использовало женский труд, можно судить по цитате из выступления представителя ВЦСПС на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) во время принятия этого постановления: «Вместе с тем, сейчас выдвигается ряд невыполнимых предложений. Таким невыполнимым в настоящее время предложением является вопрос о предоставлении женщинам-колхозницам отпусков в колхозах до и после родов. Его можно будет решить, когда колхозы экономически окрепнут и расширят свою хозяйственную базу. Несколько рановато этот вопрос выдвигается»²².

***

Города будущего должны строиться на основе обобществленного быта: «Основные черты обобществленного быта... могут быть в основном сведены к следующему: общественное обслуживание бытовых нужд трудящихся — общественное приготовление пищи (фабрики-кухни), общественное питание (столовые, целиком обслуживающие все питание населения на манер нынешних домов отдыха, пансионатов и проч.), общественные прачечные и бани, механизация и централизация уборки помещений и т. д.; общественное воспитание и обучение м о л о д о г о поколения, начиная с младенчества и до трудового возраста, на государственный счет; социальное обеспечение и обобществленное обслуживание всех бытовых нужд трудящихся, выходящих из возраста, подлежащего обязательной трудовой повинности; полное раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве и о воспитании детей и использование ее наравне с мужчиной в качестве полного работника в общественно-обязательном труде; широкое общественное обслуживание культурных потребностей, которые значительно поднимутся количественно и качественно и удовлетворению которых трудящиеся смогут уделять все больше времени по мере сокращения продолжительности рабочего дня, уделяемого общественно-обязательной работе»²³.

В этом отрывке ключевые слова: «обязательная трудовая повинность» и «общественно-обязательный труд». Принудительный труд всего советского населения был обязательным условием планов индустриализации, но термины эти открыто практически не употреблялись. Сабсович здесь проговаривается о том, что все новые социалистические города придумываются для подневольного населения и должны отражать специфику именно принудительного труда с чисто лагерным разделением функций обслуживания населения — одни работают, другие готовят пищу, третьи воспитывают детей: «Главное, что будет отличать поселения социалистического типа от современных городов и деревень, это то, что те многообразные различные функции обслуживания быта трудящихся, которые объединены в едином домашнем хозяйстве каждой семьи, будут разделены и будут обобществлены. Организация каждой из этих функций будет представлять самостоятельную отрасль,

самостоятельную задачу, которая будет выполняться специальной организацией»²⁴.

Жилищная проблема, согласно Сабсовичу, должна решаться строительством общежитий для взрослых, где каждый получает по комнате, предназначенной только для сна: «Собственно, жилые дома должны будут служить только для жилья, притом только для жилья взрослых, так как проблема жилья для детей должна быть разрешена особо, — в связи с вопросом об общественном воспитании детей... По-видимому, основным типом жилищ (исключения, конечно, всегда возможны) будут громадные дома, снабженные всеми удобствами, электрифицированные и теплофицированные за счет энергии и тепла, получаемых от ближайшего предприятия (электротеплоцентрали), оборудованные лифтами, приборами для механической уборки помещений (пылесосами и пр.), ваннами и душами, может быть, площадками для физкультурных упражнений перед сном и после сна и т. п. Несомненно, можно будет вполне обеспечить каждому взрослому трудящемуся не менее одной отдельной комнаты, соответственным образом мебелированной»²⁵.

Дома на одну семью исключаются: «Идея постройки изолированных маленьких домиков для отдельных семей, обладающая весьма привлекательными чертами для мелкобуржуазного, индивидуалистического быта, в поселениях социалистического типа не будет иметь под собой почвы, и, как правило, не, может быть применена. Таких отдельных домиков просто нечем будет заполнить, ибо с этими „домиками“ неизбежно ассоциируется отдельная кухня, отдельная столовая, отдельная комната для детей и т. д. Устройство таких изолированных домиков будет невыгодно, а жизнь в них будет неудобна, а поэтому и мало привлекательна»²⁶.

Домашнему воспитанию детей в этой системе места нет: «Воспитание детей с самого раннего возраста может быть рационально организовано только как общественное воспитание... В социалистических условиях, при обобществлении воспитания, дети уже не будут являться „собственностью“ родителей: они будут „собственностью“ государства, которое возьмет на себя все задачи и заботы о воспитании детей. Поэтому первым следствием обобществления воспитания, как это уже было указано выше, должно явиться то, что дети не будут жить вместе с родителями. С самого же рождения они должны быть помещены в специальные „дома ребенка“... Вопрос о кормлении матерью ребенка в первый год его жизни может быть разрешен без особых трудностей. Уже в настоящее время женщина-работница имеет установленный законом перерыв в работе для кормления ребенка грудью... Поскольку дети, начиная с раннего возраста, будут воспитываться государством вне всякого влияния семьи, вовсе не обязательно, чтобы эти „детские городки“ были организованы непосредственно при поселениях, в которых работают родители детей, и вовсе не обязательно, чтобы каждый такой городок обслуживал бы только одно социалистическое поселение»²⁷.

Владение личным имуществом, а, следовательно, и торговля в любой форме должны были быть сведены к минимуму. Этим соцгорода Сабсовича должны были особенно напоминать лагерную систему. Уничтожение семейной (и, в принципе, всех сфер частной) жизни де факто означало еще и уничтожение целых отраслей промышленности, обеспечивавших свободное индивидуальное существование человека. Как бы теряло смысл производство товаров для семьи и дома, производство продовольственных товаров, обеспечивавших и домашнюю кухню, и естественно существовавшую раньше сеть общественного питания — кафе, рестораны, трактиры: «В социалистических поселениях не только торговля, в нынешнем смысле этого слова, не будет иметь места, но весьма незначительную роль будет играть и распределение продуктов между индивидуальными потребителями. Выше уже было указано, что полное обобществление питания почти совершенно уничтожит индивидуальное распределение пищевых товаров, которые в нынешней торговле занимают весьма важное место. Обобществление жилищ изымет из индивидуального распределения почти все предметы, относящиеся к группе мебельных товаров. Весьма вероятно, что в эту группу попадет и постельное белье, которое как и мебель, будет являться принадлежностью комнат, предоставляемых трудящимся для жилья (как это делается в нынешних гостиницах или санаториях). Изъятия будут из индивидуального распределения и все посудные товары, которые будут являться принадлежностью общественных столовых. То же самое относится и к многочисленным предметам обихода, как-то: ведра, топоры, утюги, гвозди, лампы, дрова, керосин и т. п... Благодаря такому обобществлению быта, на долю индивидуального распределения останется сравнительно небольшое количество изделий промышленности, преимущественно готовая одежда, белье, обувь, мелкие предметы индивидуального обихода (галантерея и пр.), такие предметы, как фотографические аппараты, деликатессы и пр. Поэтому хозяйственный аппарат для индивидуального распределения продуктов производства, будет весьма не громоздок и будет занимать весьма небольшое место в социалистических поселениях. Государственный распределительный аппарат будет иметь своей целью обслуживание главным образом обобществленного удовлетворения потребностей населения социалистических поселений (снабжение всем необходимым жилых домов, фабрик-кухонь, столовых, библиотек и т. д.)»²⁸.

***

Одной из самых главных проблем сталинской индустриализации было обеспечение строек пятилеток рабочей силой. Желавших ехать из существующих городов с тяжелой, но устоявшейся жизнью, на стройки в гораздо более дикие условия не было.

Население гипотетических «соцгородов» исчислялось Госпланом, исходя из потребности предприятий в рабочей силе. Но заполнить рабочие поселки этой «силой» можно было только в принудительном порядке. Для этого изыскивались всевозможные методы.

Ликвидация НЭПа, частного предпринимательства и свободной торговли означали, помимо прочего, что все городское население оказывалось в зависимости от снабжения едой и продуктами первой необходимости на предприятиях. Прожить, не работая на казенной службе, становилось невозможным. Это сильно облегчало государству возможность манипулирования большими массами людей, выдавливания их туда, где не хватало рабочих рук.

Кроме того, основной целью коллективизации было выдавливание «избыточного» сельского населения на стройки.

В книге Сабсовича «СССР через 15 лет» в главе «Избыточное население и баланс труда» эти государственные установки поданы в слегка завуалированной форме: «Осуществление принципа „права на труд“ предполагает полное использование обществом труда всех трудоспособных лиц определенного возраста. Другими словами, осуществление этого принципа совершенно несовместимо с наличием безработицы или избыточного населения в какой бы то ни было форме»²⁹. Здесь же Сабсович рисует картину невероятного роста производительности труда в сельском хозяйстве в результате коллективизации и дает расчеты уменьшения вследствие этого численности рабочих в сельском хозяйстве: в 1927/28 г. «количество полных годовых рабочих в миллионах — 59,70», а «затрата труда в 1942/43 г. в млн. рабочих лет при сокращении рабочего дня вдвое — 26,72». Расчеты откровенно липовые, но, видимо, масштаб изъятия рабочих рук из деревни (25 млн.) — плановый. Во всяком случае, по официальным данным городское население СССР увеличилось за первую пятилетку на 13,9 млн. человек.

В середине ноября 1929 г. в журнале «Революция и культура» выходит статья А. Склонского «Социалистический город». В ней излагаются впечатления автора от доклада Л. Сабсовича в Московском отделении ВАРНИТСО. «В огромных масштабах строим мы жилища. Грандиозные корпуса, целые городки на десятки тысяч жителей сооружаются во всех углах Союза. Но корпуса эти и городки строятся и планируются часто так, словно назначаются они для наемников капитала, а не для хозяев единственного в истории человечества пролетарского государства. В корпусах этих и городках отдельные квартирники, с кухнями при каждой квартирке для населяющей это гнездо семьи, с расчетом ва то, что каждый стирает на себя, сам снабжает себя книгой и газетой, бегаёт с заборной книжкой в лавку, добывает билеты в театр, воспитывает детей своих в меру своего педагогического кустарничества, — словом, живет сам для себя и собственной о себе заботой. Переселяясь в эти новые дома, привозят с собой люди не только клопов в перинах и засаленные кухонные горшки, но и возможность невозбранно продолжать прежний бытовой распорядок. „Сам“ хлеб семье зарабатывает, хозяйка пищу готовит, белье стирает, детишек отваживает от себя подзатыльниками, чтоб не мешали работать, и ребята гоняют по двору, выдумывают игры в „спеку-

лянтку и милицию”, покуривают, матерятся, хулиганят. Ничего общего в этой растеряевщине с социализмом...

Основное, что должно быть осуществлено в городе будущего, — обобществление удовлетворения бытовых нужд населения. Это значит, что пищу должны готовить фабрики-кухни, а кормиться члены коммуны должны в столовых, в которых не только обедают, но и завтракают, и ужинают, словом, получают полный пансион, как теперь в домах отдыха. Белье стирает механизированная общественная прачечная. Моются люди в расположенных под рукой банях. Уборка жилищ механизирована и выполняется специальными работниками. Дети от рождения и до окончания учебы поручаются заботам и руководству врачей-педагогов. Взрослые люди, пережившие срок трудовой работы, переходят на полное социальное обеспечение. В результате женщина раскрепощается подлинно и полностью и становится действительно равноправным мужчине работником...

В городе будущего привычная нам квартира со всеми ее „удобствами” потеряет смысл. Человеку нужно будет только помещение для жилья в собственном смысле слова... Отпадает надобность во многих „собственных” предметах домашнего обихода. Не нужно будет даже мебель покупать, ибо комната в таком доме должна быть снабжена обстановкой. Каждый жилец, получив вместе с комнатой все в основном ему для жилья нужное, может пополнить этот инвентарь украшениями по своему вкусу. Так как питанием должны заниматься фабрики-кухни и общественные столовые, ликвидируется домашний „очаг”. Вместе с ним прекращается необходимость продажи и покупки съестных припасов...

Дети с родителями жить не должны. Человеческий организм, человеческая психика — очень сложный и тонкий аппарат. Наблюдение за ним, руководство им, формирование его требуют больших специальных знаний, тонких навыков. Родители далеко не все — врачи и педагоги. Естественно и закономерно поэтому, что младенец, — будущий член коллектива, — передается для обслуживания и воспитания этому самому коллективу. Мать будет приходить в „дом ребенка” кормить свое дитя, ее для этого и теперь отпускают с работы и в предприятия, и в учреждения...

Несомненно, не за горами время, когда наука разработает способ искусственного выкармливания детей, и мать-работница будет полностью избавлена от этой повинности.

Когда младенец начинает становиться маленьким человеком, в нем нужно развивать коллективистические навыки. Теперь ребята посещают детские сады и там получают пионерскую зарядку. Дома эта зарядка парализуется мещанскими разговорчиками родителей да близких. Ребенок раздваивается. Он не знает, чему верить, к чьим указам прислушиваться. Чтобы оградить детей от этой дергающей их бессмысленности, нужно поставить их целиком под руководство специалистов педагогов, под влияние коллектива однолеток, изъять из частного, „квартирного” быта»³⁰.

В статье Склонского «романтики социалистического будущего» еще меньше, чем в текстах самого Сабсовича, но очень явственно проступают стратегические государственные цели ломки семейного быта и превращения общества в подобие трудового лагеря с жесткой дисциплиной и без всяких гражданских прав для населения.

Население рассматривается как рабочая сила, на содержание которой следует тратить как можно меньше средств. Минимальное жилье, казенная типовая мебель, минимум бытового оборудования. Производство продуктов питания в расчете только на общие столовые. Опадает необходимость тратить ресурсы страны на производство разнообразных товаров народного потребления в расчете на свободную торговлю и выбор покупателя и в объеме, превышающем абсолютный необходимый минимум. Дети воспитываются в детских домах типовым образом. Так на них тратится меньше ресурсов, и они избавлены от сомнительного воспитательного воздействия родителей. В идеале советским людям не следовало тратить ни времени, ни средств на личную, индивидуальную жизнь и на воспитание детей.

***

Разработанная Сабсовичем картина счастливого принудительного труда и казарменного быта выглядит зверской, но стоит иметь в виду, что автором социальных реформ советского общества был не Сабсович. Он только интерпретировал и облагородил уже реализуемые на практике правительственные установки. Отказ от индивидуальных квартир в качестве массового жилья был давно решенным делом. Введение принудительного труда и насильственное перемещение трудоспособного населения по стране, туда, где оно было необходимо — тоже.

Все это уже происходило в действительности. Как раз в 1929 г. процесс уничтожения НЭПа — т. е. зон свободной экономики — в СССР подходил к завершению. Сталин брал все материальные и сырьевые ресурсы под свой полный контроль и концентрировал их только для решения стратегических экономических задач — построения тяжелой и военной промышленности.

Самым массовым типом жилья в новых «соцгородах» уже были бараки и землянки, в лучшем случае разделенные на комнаты для посемейного заселения, в худшем — с общими нарами. После ликвидации НЭПа и свободной торговли снабжение населения товарами массового потребления катастрофически уменьшилось и осуществлялось фактически только через распределители на предприятиях. Жизнь семьи из нескольких человек в одной комнате коммунальной квартиры или барака и без того мало напоминала традиционный семейный быт. В таких условиях идея перевода всех детей в детские дома казалась скорее благом, чем репрессией.

На этом фоне фантазии Сабсовича выглядели действительно мечтой о лучшей жизни, попыткой не ухудшить, а улучшить положение советских рабо-

чих. Планы Сабсовича далеко выходили за рамки возможного, а его интерпретация сталинских намерений оказалась фатально неверной, что сыграло роковую роль в его судьбе.

***

Тут стоит обратить внимание еще на одну деталь. В истории советской архитектуры бытует популярный миф о том, что советские архитекторы в конце 20-х годов были увлечены некими висящими в воздухе социальными утопиями о переустройстве быта, и продуктом их фантазий стали в 1929-30 г. проекты домов-

коммун и обобществленного жилья. В реальности установки эти исходили из недр партбюроаппарата, а основной автор концепции казарменных «соцгородов» Сабсович разработывал ее, судя по его собственным словам, по заказу ВСНХ³¹. В этих условиях на долю архитекторов выпала роль принудительных исполнителей партийно-правительственных установок.

Другое дело, что внутри гос- и партбюроаппарата в этот момент не существовало одной, утвержденной Политбюро линии, что привело к серии казусов, обогативших историю советской архитектуры.

¹ В 1924 г. Сабсович (видимо, этот) был начальником отдела черной металлургии ВСНХ: «Затем нас распределили по отделам ВСНХ. Меня направили в отдел черной металлургии Планово-экономического управления, начальником которого был Гинзбург. Отдел черной металлургии возглавлял Сабсович. См.: Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды. — М., 2004. — Т. 1. — С. 43; http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.xtмл?Key=22367&page=43.

² «Первый вариант гипотезы генерального плана был составлен мною еще в сентябре 1928 г. и был опубликован в день 11-й годовщины Октябрьской революции в „Торгово-промышленной газете“ под названием „Через 25-30 лет после Октября“. Второй вариант был мной составлен в конце 1928 г. и опубликован в книжке „СССР через 15 лет“ (в марте 1929 г. — в первом издании). Настоящий третий вариант составлен мною в сентябре — октябре 1929 г.». См.: Сабсович Л. «СССР через 10 лет». — М. 1930. — С. 5; Рогачевская Л. С. Как составлялся план первой пятилетки // Альманах «Восток». — 2005. — Март. — № 3 (27); http://www.situation.ru/app/j_art_692.htm.

³ Рогачевская Л. С. Указ. соч.

⁴ «В июле-августе 1929 г. ЦК партии принял ряд постановлений о форсировании развития многих отраслей тяжелой промышленности. 14 августа Куйбышев выступил с докладом на Президиуме ВСНХ СССР, предложив увеличить в 1929/30 г. выпуск продукции на 28 %, и ВСНХ приступил к дальнейшему пересмотру заданий пятилетки. Согласно уточненному варианту плана добыча нефти доводилась до 41,4 млн. т вместо 21,7 млн., каменного угля — до 120 млн. т вместо 75 млн., торфа — до 33 млн. т вместо 12,3 млн., выплавка чугуна — 16 млн. т вместо 10 млн., стали — до 19 млн. т вместо 10,4 млн., производство проката — до 16 млн. т вместо 8 млн., паровозов — до 1800 вместо 825, тракторов — до 201 тыс. вместо 55 тыс. и т. д. Сталину и готовившемуся занять место главы правительства В. М. Молотову этот вариант понравился, и было дано указание еще раз пересмотреть все задания, чтобы вновь увеличить показатели. Так появился вариант 1930 г.: добыча нефти должна была возрасти до 42 млн. т, каменного угля — до 140 млн. т, выплавка чугуна — до 17 млн. тонн». См.: Л. С. Рогачевская. Указ. соч.

⁵ Для сравнения: книга замнаркома просвещения РСФСР Николая Миллютина «Соцгород» вышла годом позже тиражом в 7 тыс. экземпляров.

⁶ Это издание отдельной брошюрой доклада Сабсовича 11 июля 1929 г. на заседании индустриально-технической и социально-культурной секции ВАРНИТСО (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству). Доклад был также опубликован в журнале «Плановое хозяйство», 1927, № 7 г.

⁷ Сабсович Л. СССР через 15 лет. — 1929. — 2-е изд. — С. 8.

⁸ Там же. — С. 155-157.

⁹ Сабсович Л. СССР через 15 лет. — 1929, 3-е изд. — С. 163-179.

¹⁰ Там же. — С. 181-182.

¹¹ «О Л. Сабсовиче и Председателе Госплана СССР Н. Ковалевском в феврале 1930 г. говорил Г. М. Кржижановский: „Нам прежде всего приходится выразить им благодарность за те рабочие гипотезы генплана, которые развиты ими каждым

по-своему. Эти смелые пионеры дали нам благодарнейший материал для дискуссии“. Однако тут же Г. М. Кржижановский указывал: „Работы их — весьма полезный почин, но и только. Вспомните книжку т. Сабсовича „СССР через 15 лет“. Читаешь эту книжку, и сердце радуется. Местами попадает в плен и расудок, а разум — нет“. (Из речи Г. Кржижановского на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР. // Плановое хозяйство. — 1930. — № 2. — С. 7-9, 17). По гипотезе Л. Сабсовича через 15 лет жилищный фонд СССР увеличится в 8 раз, через 20 лет, в 1947-1948 гг., — в 25 раз. Основные фонды коммунального хозяйства за то же время увеличиваются в 16 и 40 раз. Л. Сабсович предполагал за первую пятилетку вовлечь в „общественный сектор“ свыше 20 млн. душ крестьянского населения. (По переписи населения на 17 декабря 1926 г. в стране было 120 700 000 крестьян). На ошибочность некоторых выводов из статистических исследований Л. Сабсовича, содержавшихся в его статье „Необходим резкий поворот“ (За Индустриализацию. № 318, 24X11.1931 г.), указал С. Орджоникидзе на XVII конференции ЦК ВКП(б) в январе 1932 г. (XVII конференция ЦК ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1932, с. 15)». См.: Хазанова В. Советская архитектура первой пятилетки. — М., 1980. — С. 132-133.

¹² Сабсович Л. СССР через 15 лет. 3-е изд. — С. 6-7.

¹³ Там же. — С. 190.

¹⁴ Сабсович Л. V съезд президиумов Госпланов. — М., 1929. — С. 465.

¹⁵ Там же. — С. 126-127.

¹⁶ Там же. — С. 132-134.

¹⁷ «Уничтоженное индивидуальное домашнее хозяйство должно быть замещено общественным обслуживанием основных потребностей трудящихся. Громадные фабрики-кухни, — в количестве достаточном для обслуживания всего населения, — должны полностью заменить домашнее приготовление пищи: это в значительной степени улучшит питание населения и в громадной степени удешевит его. Не только для приготовления пищи, но и для наиболее удобного питания населения должен быть создан соответственный, достаточно сложный и механизированный аппарат: организация обширных общественных столовых в местах работы, в местах отдыха, в яслях, в учреждениях общественного воспитания и т. д., громадное расширение и усовершенствование консервной промышленности и т. д.; в целом ряде случаев окажется необходимой и наиболее целесообразной механическая доставка готовой пищи „на дом“ и т. д.

Общественные механические прачечные, оборудованные технически-совершенными машинами (такие прачечные уже имеются в настоящее время и в Америке и в некоторых странах Западной Европы), дезинфицирующие, стирающие, высушивающие и выглаживающие белье в срок в несколько десятков минут, должны совершенно упразднить домашнюю стирку белья. Общественные бани, общественные бассейны и души, устроенные в местах работы, отдыха, учения и т. п. и доступные для всех трудящихся в любое время, упразднят необходимость домашнего приготовления ванн и пр. Фабрики одежды и белья и механические починочные фабрики должны совершенно упразднить необходимость домашней пошивки и починки одежды и белья, отнимающей ныне так много времени и труда, главным

образом, у женщин. Наконец, механизация уборки и чистки жилых помещений также освободит, опять-таки главным образом женщин, — от необходимости тратить немало труда на индивидуальную уборку жилища. Таким образом, все то, что в настоящее время создает необходимость в существовании индивидуального домашнего хозяйства и привязывает к нему женщину, должно быть к концу генерального плана уничтожено. Но этого мало. Одной из причин, поддерживающих существующие формы быта, является индивидуальное воспитание маленьких детей отдельно в каждой семье. Это — зло как для детей, подвергающихся воспитательному воздействию родителей, далеко не умеющих воспитывать, так и для родителей, в особенности для матерей, принужденных отдавать этому делу очень много времени и сил и лишенных, вследствие этого, возможности заниматься трудом или общественной работой. С этим злом мы уже начали бороться организацией яслей, детских садов и площадок, увеличением количества школ и т. д. Но в настоящее время мы еще бедны и пока в этом направлении делаем первые шаги. Через 15 лет, если нам не удастся еще полностью обобществить воспитание, т. е. полностью воспитывать детей с самого раннего возраста в специальных государственных учреждениях и на государственные средства, то во всяком случае организация домов ребенка, яслей, детских садов и пр., а в значительной части также и полное обобществление воспитания, должны быть поставлены в таких широких размерах, чтобы на дневное время полностью освободить всех женщин от заботы о детях, а значительную, может быть, большую часть женщин и вообще совершенно освободить от непосредственных забот о своих детях, предоставив их физическое и умственное воспитание государству, которое сможет организовать это дело значительно более рационально и целесообразно как для самих детей, так и в интересах всего общества. Наконец, широкая организация общественных зданий для занятия в свободное от обязательного общественного труда время („дворцы науки“, библиотеки, читальные залы, отдельные кабинеты для занятий и т. д.) и для отдыха в свободное от труда и от занятий время (клубы, физкультурные залы и площадки, сады или специальные оборудованные террасы для отдыха на свежем воздухе и т. п.), — все это совершенно упразднит необходимость и какой бы то ни было смысл обособленной жизни отдельных семей в изолированных и специально оборудованных для „домашнего очага“ квартирах и домиках». См.: Сабсович Л. СССР через 15 лет. — 2-е изд. — С. 127-129.

¹⁸ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. — М., 2001. — Кн. 2. — С. 138.

¹⁹ Там же. — С. 138.

²⁰ Сабсович Л. М. Города будущего и организация

социалистического быта. — М. — С. 55.

²¹ Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 г. // КПСС в резолюциях. — М., 1983. — Т. 4. — С. 515.

«При проведении плана применения женской рабочей силы ЦК предлагает исходить из:

а) Увеличения применения женского труда в тяжелой индустрии, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т. д.).

б) Проведения твердой линии на запрещение подземного труда работниц при одновременном расширении применения женского труда на поверхностных работах.

в) Максимального заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности.

г) Максимального расширения применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, вожатые, шоферы и т. д.).

д) Расширения применения постоянного труда с.-х. работниц и батрачек в совхозах и плантациях». См.: Известия Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (б). — 1929. 13 июля. — № 19 (278). — С. 13.

²² Известия Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (б). — 1929. 13 июля. — № 19 (278). — С. 4.

²³ Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. — С.28-29.

²⁴ Там же. — С. 30-31.

²⁵ Там же. — С. 31-32.

²⁶ Там же. — С. 31.

²⁷ Там же. — С. 37-38.

²⁸ Там же. — С. 42-44.

²⁹ Сабсович Л. СССР через 15 лет. — 3-е изд. — С. 110.

³⁰ Склонский А. Социалистический город // Революция и культура. — 1929. — № 21. — С. 23-25.

³¹ «Печатаемая работа является лишь первой, предварительной работой, цель которой — привлечь к обсуждению поставленных в ней вопросов возможно более широкий круг рабочих и работников нашего народного хозяйства. По предложению Бюро Экономических Исследований ВСНХ СССР я продолжаю начатую работу в направлении более глубокой проработки затронутых в настоящей книжке вопросов организации социалистического быта с целью создания типового проекта поселения последовательно социалистического типа». См.: Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. — С. 10.

Ю. Г. Салова (Ярославль)

СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДОШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ 1920-х ГОДОВ О РОЛИ СЕМЬИ И КОЛЛЕКТИВА В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Одной из важнейших задач после революции 1917 г. стала задача воспитания «нового человека». В ее решении важную роль играли педагогические съезды и конференции, посвященные проблемам дошкольного воспитания. В феврале 1919 г. была созвана конференция заведующих дошкольными подотделами губернских отделов народного образования, которая обсудила вопрос о созыве первого Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию. На конференции отмечалось, что только коллективными усилиями работников

дошкольного воспитания, рабочих и общественных организаций можно будет заложить прочную основу дошкольной педагогики и наметить пути дальнейшего организационного строительства. Таким образом, на съезд возлагалась задача разработки кардинальных вопросов, связанных с основной политической линией в области дошкольного воспитания.

Съезд был созван 25 апреля и работал до 4 мая 1919 г. Основными задачами съезда стали: организация дошкольного дела в общегосударственном мас-

штабе, учет существующего положения на местах, выяснение общей идеологической установки и выбор пути, по которому должна строиться дальнейшая дошкольная работа.

С докладом о новых задачах дошкольного воспитания на съезде выступила заведующая дошкольным отделом Наркомпроса Д. А. Лазуркина, которая заявила, что для буржуазного общества проблема общественного воспитания являлась «в корне неразрешимой», а пролетариат, в свою очередь, отвергает мелкобуржуазные иллюзии о восстановлении старой семьи как хозяйственно-воспитательной ячейки, которая прививала детям индивидуализм. В социалистическом обществе краеугольным камнем всей культуры может быть не идеология буржуазного индивидуализма, а идеология коллективизма, что является условием общественного воспитания¹.

Вместе с тем она отмечала, что в конкретных исторических условиях Советской России семья еще пока сохраняется, поэтому в работе воспитателя следует сочетать общественное воспитание с семейным. Дошкольный детский возраст — область наименее разработанная, поэтому нуждается в творческой социалистической работе.

Этим докладом был очерчен круг тех подходов к младшим детям, которые остались актуальными на протяжении 1920-х гг. В них вносились лишь некоторые коррективы в зависимости от общеполитической ситуации в стране. Ключевым стал вопрос о воздействии самих детей на семью, что имело далеко идущие последствия и фактически закладывало основы противостояния детей и родителей, особенно если речь заходила об отношении к революционным преобразованиям общества.

В резолюции по докладу Д. А. Лазуркиной говорилось: «Дошкольное воспитание общественное, проникнутое духом коллективизма, вносящее в жизнь ребенка одухотворяющее начало общественного, творческого, свободного труда, должно явиться мощным фактором перевоспитания не только детей, но и среды, в которой живут дети. Ребенок принесет с собой из нашего детского сада в семью новую идеологию, новые навыки, новые праздники, песни, игры, он явится в семью как посланник того грядущего мира, строителем которого он будет. Детские руки, медленно, но верно будут разрушать старую мещанскую идеологию, старые предрассудки, старый уклад жизни. Приобщая родителей и вообще трудящиеся массы своего района к участию в своей работе, вовлекая их в сферу своих интересов, детский сад, а потом школа тем самым участвуют в переустройстве всей жизни семьи»².

В свете таких великих задач дошкольное воспитание становилось, по мысли его организаторов, двигателем социалистического переустройства общества. Детскими руками хотели сделать то, чего не удавалось добиться методами насильственного вмешательства или идеологического прессинга, именно поэтому скорейшая организация дошкольного воспитания становилась

неотложной задачей новой власти.

Для широкой организации дела требовалась помощь населения страны, поэтому важнейшей задачей стала пропаганда новых форм воспитания, а также подготовка квалифицированных педагогических кадров, которые смогли бы реализовать на практике такие грандиозные планы.

На съезде прозвучали доклады и не схожие с официальной точкой зрения на поднимаемые вопросы. Это, прежде всего, мнения людей, которые имели опыт работы в сфере дошкольного воспитания. Они настаивали на аполитичности воспитательного процесса и отстаивали мысль о том, что цель воспитания ребенка — это «естественное развитие», и главная роль в нем должна принадлежать семье. Но перевес был не на их стороне. Съезд принял резолюции, которые стали основой коренного пересмотра старых воспитательных концепций.

Период после первого съезда был характерен повсеместным ростом сети намеченных учреждений и проведения различных курсов, на которых в спешном порядке готовились воспитатели, причем, по рекомендации съезда они подбирались из рабоче-крестьянской среды³. Сеть детских учреждений, как правило, росла без учета реальных возможностей их функционирования. Говорить о какой-то нормальной педагогической работе в таких условиях не приходилось.

Никаких новых педагогических подходов в этот период на практике не применялось. Большинство воспитательниц руководствовались идеями «свободного воспитания» и применяли приемы Ф. Фребеля и М. Монтессори. Те, кто знаком был с практической работой С. Т. Шацкого, М. Х. Свентицкой, Е. И. Тихеевой, исходили из их опыта⁴.

Д. А. Лазуркина, выступая в печати, призывала критически относиться к существующим воспитательным системам. Практическая же работа шла в отрыве от научной. Вопрос об их увязке был выдвинут на конференции научных работников по дошкольному воспитанию 1920 г. Задачей этой конференции была разработка основных педагогических вопросов, требовавших быстрого разрешения и обоснования связи науки с практикой. Конференция выдвинула вопрос о созыве второго Всероссийского съезда. Работа по его подготовке носила уже плановый характер с приглашением большого числа представителей с мест.

Второй дошкольный съезд был созван в ноябре 1921 г. Участники съезда отметили, что НЭП совершенно не меняет идеологической основы дела дошкольного воспитания, а лишь меняет его организационные формы. Подводя итоги работы и намечая ближайшие задачи, съезд констатировал: «Считая дошкольное воспитание одним из главнейших этапов развития личности будущих строителей и борцов за осуществление коммунистического общества... съезд кладет в основу дошкольной работы создание формы воспитания, имеющей в своей основе обще марксистскую концепцию и соответствующей природе ребенка данной революционной эпохи»⁵.

На этом съезде со всей очевидностью обозначился классовый подход к детям, поскольку намечалось отдать предпочтение в обслуживании детскими садами «наиболее нуждающемуся населению», причем, в организационном плане более приемлемым считался детский дом, а в условиях отсутствия средств на их создание — длительный детский сад (очаг).

Принципы, на которых строились теперь детские дошкольные учреждения, также соответствовали задачам дня: труд и коллективизм, учет и изучение психофизических особенностей ребенка, изучение окружающей ребенка социальной среды. Преемственность между детским садом и школой, о которой много говорили после первого съезда, со всей очевидностью обозначилась на втором съезде, перейдя уже в плоскость научного изучения и теоретического обоснования не только со стороны школьной педагогики.

В качестве причин, тормозивших работу, съезд назвал неподготовленность и неорганизованность работников и недостаточную связь с наукой. Именно поэтому был выдвинут вопрос о «создании нового типа работника, понимающего задачи современного общества и могущего противопоставить свое влияние усиливавшейся мелкобуржуазной стихии». Для этого воспитатели должны были заниматься общественно-политической работой, изучать структуру современного общества и среды.

Новый период в развитии дошкольного воспитания определялся поисками форм и содержания работы. Серьезное внимание обращалось на гигиену, труд объявлялся главным принципом воспитания, но в детском саду он должен был организовываться как труд-игра. Кроме того, особое внимание обращалось на воспитательную роль искусства, особенно музыки, которая должна была вводиться в жизнь детей через народную песню. Через экскурсии и живые наблюдения над природой ребенок должен был приобщаться к исследованию окружающей среды.

Оценивая все эти решения съезда, можно с уверенностью сказать, что работа по распространению марксистских взглядов на воспитание и искоренение «чуждой пролетариату идеологии» принимала планомерный и последовательный характер. Тем более, что эти решения подкреплялись авторитетными суждениями партийных и государственных лидеров о воспитании.

Весной 1923 г. на съезде губернских отделов социального воспитания был выдвинут вопрос о пересмотре содержания работы с детьми младшего возраста. В одном из документов отмечалось, что «отрецившись от пережитков либерализма в воспитании и установив точно задачи воспитания, как задачи воспитания строителей новой жизни, в переходную эпоху, эпоху длительной революционной борьбы, — борцов за осуществление коммунизма, мы должны подойти к рассмотрению некоторых моментов жизни нашего дошкольного учреждения с точки зрения этих задач и выявить идеологическую сущность работы с детьми»⁶.

Подобные заявления преследовали очевидную цель — искоренить любыми способами влияние идей

«свободного воспитания» и во главу угла поставить коллективистские формы воспитания взамен индивидуальному подходу к ребенку, а взамен, как тогда выражались, «мистики» (иначе говоря — религии), характерной для семейного воспитания, дать реальный материал, т. е. материалистическое мировоззрение.

Несомненно, большое влияние на развитие идей дошкольного воспитания оказал XIII съезд РКП(б), который проходил в мае 1924 г. Одним из ключевых вопросов съезда был вопрос о работе в деревне. Призыв съезда «лицом к деревне» означал для дошкольного воспитания очень многое. Во-первых, в деревню теперь были направлены главные усилия в создании сети воспитательных детских учреждений, поскольку сельское население составляло большинство в стране. Именно сельские дети и должны были строить в деревне новую жизнь, новую культуру, новый быт. Во-вторых, принципиально важным для реформаторов воспитания казалось разрушение традиционной крестьянской семейной педагогики. Она оценивалась как тормоз социального прогресса. Общинные отношения в деревне стремительно разрушались, а семья во многом представляла общину в миниатюре. Как справедливо замечает Т. Ю. Красовицкая, «семья цепко держалась за традицию и строилась на традиции, что предполагало воспроизведение конкретного типа личности, и в определенной степени всего российского социума, что крестьянским было около 80 % населения»⁷. Вот эти отношения и нужно было реформировать, а сделать это можно было, в первую очередь, через общественное воспитание младших детей и через учебно-воспитательный процесс в общеобразовательной школе.

Все эти стремительно меняющиеся реалии и должен был учитывать очередной, третий по счету, съезд по дошкольному воспитанию. Перерыв между съездами был довольно длительным, и к моменту его открытия накопилось много нерешенных организационных и педагогических вопросов.

Третий съезд был созван в октябре 1924 г. Его работа проходила по трем основным направлениям: организационные вопросы дошкольного воспитания, работа в деревне и педологические вопросы. В приветственном слове Н. К. Крупская определила этот съезд как переломный, и главным в этом «переломе» должно было стать усиление общественного внимания к дошкольным учреждениям на фоне «широкой самостоятельности рабочего класса», который «стремится под руководством партии реорганизовать всю жизнь».

В новых условиях вставала задача изменения роли женщины в семье и обществе. Для того, чтобы создать благоприятные условия женщинам, занимавшимся учебой и общественной работой в вечернее время, было решено организовать вечерние и ночные группы в детских садах, а также открывать детские комнаты при рабочих клубах и кооперативных домах. В деревнях предлагалось открывать летние площадки и ясли-площадки, причем, закреплять их потом в постоянные дошкольные учреждения⁸.

На съезде был подтвержден пересмотр работы детских учреждений, заявленный вторым съездом губсоцвосов 1923 г. В дальнейшем деятельность всех учреждений должна была строиться, исходя из «задач воспитания, диктуемых классовыми интересами пролетариата, и из учения о ребенке как продукте социальной среды». Из этого вытекают задачи педагогов: «1) изучение современного ребенка путем учета непосредственного влияния на него среды, окружающей действительности и современности и 2) создание в детском учреждении среды определенной направленности в сторону осуществления намеченных задач воспитания и 3) быть самому связанным общественной жизнью и современностью»⁹.

Если первый съезд рекомендовал использование сказки в воспитательной работе, то уже на третьем съезде утверждалось, что она способствует развитию религиозных настроений и «является тормозом в развитии материалистического мировоззрения». Поэтому была поставлена задача создания новой детской книги, «отражающей реальный мир и современную действительность с ее преобладающими мотивами борьбы и труда»¹⁰. Этот тезис фактически послужил началом борьбы с дореволюционной детской книгой и, в частности, с книгами К. И. Чуковского и С. Я. Маршак¹¹.

На третьем съезде была подтверждена ориентация воспитательной работы на программы, разработанные ГУСом для общеобразовательной школы. Это означало, что ребенок с самого раннего возраста получал информацию о мире с тех позиций, которые были приемлемыми для государственной власти. Альтернативный вариант воспитания могла дать только семья, но ее функции все больше и больше забирали на себя государственные воспитательные учреждения в лице образовательных и досуговых центров: клубов, кино, театров, библиотек, лагерей, музеев и т. п.

Еще один немаловажный момент, зафиксированный третьим съездом, — это стремление подчинить воспитательным задачам новой власти детей самого раннего, так называемого преддошкольного возраста (т. е. до трех лет), которыми всегда занимались учреждения здравоохранения. Отмечалось, что «необходимо учитывая педагогические возможности преддошкольного возраста, выйти из узких рамок клиницизма». Таким образом, дети с момента рождения оказывались под пристальным вниманием официальных государственных структур.

Съезд считал необходимым подробно разработать для детей новые материалы для творчества, новую мебель, новые костюмы, новые игрушки. Была принята «Программа изучения ребенка или детского коллектива», которая носила ярко выраженный педологический характер. В ней отчетливо прослеживался социогенетический подход к детям, который рассматривался как «пассивный продукт социальной среды».

Итоги съезда говорят о том, что начинался принципиально новый этап дошкольной работы, характеризующийся расширением сети детских дошкольных учреждений, особым вниманием к деревенскому ребенку,

усилением внимания педологов к раннему детскому возрасту. Со всей очевидностью можно констатировать тот факт, что коллективистский и классовый подход к этому времени уже определяли все направления воспитательной деятельности, а материалистическое миропонимание стало определяющим в работе с детьми вне семьи. Принятые на съезде директивы без промедления стали претворяться в жизнь.

Для подведения итогов этой работы была созвана в апреле 1926 г. третья Всероссийская конференция по дошкольному воспитанию. С приветствием к конференции выступила Н. К. Крупская, наметив основные вопросы, требующие особого внимания: 1) выработать человека, максимально приспособленного к труду; 2) создать впечатления детства, которые в будущем формировали бы общественную точку зрения на события; 3) развивать инициативу рабочих по созданию детских садов¹².

От Коминтерна конференцию приветствовала Клара Цеткин. Она особо подчеркивала важность создания нового человека: «Вы работаете над тем, чтобы создать нового человека, не абстрактного, не такого, о котором пишется в романах, а нового советского человека, который всю свою жизнь до последней капли крови положит за строительство человека... вы его создаете в труднейших условиях. Мы должны создать такого человека, который изменит отношения между мужем и женой, между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, между людьми в производстве, в быту и во всем. Нового человека сейчас для новой прекрасной жизни вы творите... При этом в вашей работе вы работаете не только над ребенком, ваша работа несравненно шире. Работая с ребенком, вы воспитываете не только его с колыбели, вы воспитываете мать его, вы воспитываете его сестер и братьев, вы воспитываете всю окружающую обстановку»¹³.

Конференция отметила, что наряду с системой школ первой ступени дошкольное воспитание уже стало одним из основных видов социального воспитания. Из этого следовало, что главный вопрос конференции заключался в разработке методов работы детских дошкольных учреждений. Для этого рекомендовалось всю работу тщательно планировать, чтобы добиться «наиболее целесообразного поведения ребенка и детского коллектива, причем в равновесии между индивидуальными особенностями и окружающей средой».

В разработанных планах предписывалось уделить пристальное внимание вопросам охраны здоровья, и, что особенно важно, общественной работе дошкольных учреждений, которая «должна быть построена на тесной связи их с окружающей трудовой и общественно-политической жизнью», при этом совместная работа с организациями и семьей «не подлежит свободному выбору и желанию работников, являясь основой советской педагогики»¹⁴.

Решения конференции дали мощный толчок практическим работникам. Со всей отчетливостью проявилась сущность нового воспитания, она носила ярко

выраженный политический характер. Детские дошкольные учреждения становятся объектом пристального внимания педологов. Ребенок изучается всеми науками, объединенными в это научное направление. Подтверждением тому является первый педологический съезд. На нем А. Б. Залкинд отмечал, что подобная опытная работа «является оптимистической основой для серьезной перестройки возрастной методики педагогических воздействий — в духе советской педологической системы... заострение внимания на классовом детском материале»¹⁵.

Последним в ряду педагогических съездов стал четвертый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию, открывшийся 1 декабря 1928 г. В приветственном слове Н. К. Крупская подвела итоги развития сети дошкольных учреждений и отметила недостаточный размах этой работы. По ее мнению, в дальнейшем для достижения поставленных в этой области целей нужно действовать методом культпохода. Это означало, что дошкольное воспитание стало одним из «участков культурного строительства», направленного на создание нового человека.

Все больше и больше в сфере воспитания стали отражаться особенности экономического и политического состояния страны. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства стали стимулами для еще большего развития общественного воспитания, поскольку трехсменная работа на предприятиях в городе и вовлечение женщин в общественную и трудовую деятельность приводили к ослаблению роли семьи в процессе социализации детей. Четвертый съезд обратил особое внимание на эти моменты. Унификация воспитательного процесса, намечившаяся в предыдущие годы, была закреплена на съезде в виде резолюции по составлению программы для детского сада¹⁶.

Все это вытекало из тех задач, которые съезд сформулировал как формирование «основ человека». Они сводились к следующему: воспитывать «а) будущего борца за осуществление социализма, б) обладающего соответствующими коллективными, творческими и организаторскими навыками и в) материалистически объясняющего явления окружающей жизни»¹⁷.

Семья рассматривалась как элемент, препятство-

вавший новым воспитательным задачам, поскольку несли в себе элементы старого быта: религиозность, национализм. Такое влияние шло вразрез с целевыми установками детского сада как в области формирования идеологии подрастающего человека, так и в области его физического развития. Из этого съезда делал вывод о необходимости усиления педагогического влияния в направлении антирелигиозного и интернационального воспитания, а также проведение соответствующей пропаганды в семье и в общественной среде.

Съезд возлагал большие надежды на пионеров. Им определялась роль агитаторов и пропагандистов идей «правильного» воспитания дошкольников в семье, а также предписывалось привлекать население к деятельности дошкольных учреждений. Для налаживания такой работы бюро юных пионеров нужно было разработать методические рекомендации, которыми могли бы руководствоваться юные агитаторы.

Четвертый съезд обратил особое внимание на «вопросы живого слова и книжки», поднимавшиеся еще на третьем съезде. Было подчеркнуто, что содержание их должно отвечать общим целям коммунистического воспитания. Съезд подтвердил, «что антропоморфизм»¹⁸, фантастический материал (сказка) совершенно недоступны младшему дошкольнику и потому вредны; только отчасти могут быть использованы для старших школьников (6-7 лет)¹⁹.

Анализ материалов педагогических съездов, проходивших в двадцатые годы, позволяет сделать вывод о том, что воспитание «нового человека» на протяжении всего послереволюционного десятилетия все больше и больше принимало плановый характер и находилось под постоянным контролем партийных и государственных органов. В этом процессе семья мыслилась не помощником, а, скорее, препятствием. Специфика исторической ситуации также находила отражение в теоретических разработках педагогов и их практической деятельности. Каждый поворот в политике незамедлительно сказывался и на стратегии воспитания подрастающего поколения, что, безусловно, говорит о стремлении власти подготовить своих сторонников и возможных последователей и именно на них сделать ставку в недалеком будущем.

¹ ГАЯО. — Ф. 178. — Оп. 1. — Д. 248. — Л. 161.

² Там же.

³ В Ярославле, например, воспитательницы специально набирались на заводах и фабриках при содействии дирекции и профсоюзных организаций. См.: Салова Ю. Г. Из истории дошкольного воспитания в Ярославле. 1917-1927 // Ярославский архив. — М.-СПб., 1996. — С. 335.

⁴ Там же. — С. 328; Свентцкая Мария Христофоровна (1855-1932) руководила с 1910 г. детским садом в Москве; Тихеева Елизавета Ивановна (1866-1944) одна из создателей русской дошкольной педагогики, отличавшейся от системы Ф. Фребеля и М. Монтессори.

⁵ История советской дошкольной педагогики. Хрестоматия. — М., 1988. — С. 136.

⁶ Педагогическая энциклопедия. — М., 1928. — Т. 2. — Стб. 51.

⁷ Красовицкая Т. Ю. Модернизация России. Национально-культурная политика 20-х годов. — М., 1998. — С. 350.

⁸ История советской дошкольной педагогики. — С. 144-146.

⁹ Там же. — С. 147.

¹⁰ Там же. — С. 148.

¹¹ См., например: История дошкольной педагогики. — М., 1989. — С. 272.

¹² См. подробнее: Крупская Н. К. Дошкольное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта // Крупская Н. К. Педагогические сочинения. — М., 1959. — Т. 6. — С. 54-58.

¹³ История советской дошкольной педагогики. — С. 156.

¹⁴ Там же. — С. 162.

¹⁵ На путях к новой школе. — 1928. — № 1. — С. 16.

¹⁶ См.: История советской дошкольной педагогики. — С. 168-171.

¹⁷ Там же. — С. 168.

¹⁸ Антропоморфизм — наделение человеческими свойствами предметов неживой природы, животных, мифических существ.

¹⁹ История советской дошкольной педагогики. — С. 174.

Л. И. Глущенко (Муром)

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В МИКРОРАЙОНЕ ВЕРБОВСКИЙ ОКРУГА МУРОМ

В образовательной системе России первым звеном является система дошкольных учреждений. Представляя собой государственный или государственно-общественный институт, детский сад создается обществом для выполнения конкретных целей и поэтому выполняет его социальный заказ. Поскольку на различных этапах развития общество ставит перед собой разные цели, воспитание детей на каждом из этих этапов получает новое содержание.

Поселок Вербовский был присоединен к Мурому как микрорайон в постперестроечный период. До этого он существовал в качестве самостоятельной административной единицы; ее градообразующей основой был завод оборонного значения, строительство которого началось в 1938 г.¹ около деревни Подболотни. К этому времени в Подболотне уже существовала детская площадка.

Система дошкольного образования Советской России начала создаваться в конце двадцатых годов. Однако в Муроме уже в 1921 г. существовали ясли: городские, при Бумаго-Ткацкой мануфактуре, при Московско-Казанской железной дороге и в с. Карачарове; каждые на 30 человек². По документам 1923 г. значатся еще два детских сада — при Опытно-показательной школе и в Дмитриевской слободе, которые посещали в общей сложности 90 человек³. Население Мурома в это время составляло 17 054 человека⁴. На 1926-28 гг. в Муромском округе действовало 5 дошкольных учреждений (детсадов и т. н. «деточагов»), которые посещали 358 детей, при том, что в округе было 71 300 дошкольников. Через год число учреждений выросло на единицу, но и детей стало больше почти на две тысячи — 73 000 чел. Таким образом, охват дошкольными учреждениями по округу составлял лишь 0,5 %, т. е. из 1000 детей в детские сады могли попасть только 5. Большинство учреждений располагалось в городах округа; в самом Муроме — 2 детсада, в районе — 1⁵, (при том, что только в Муромском районе было 157 населенных пунктов и 92 445 жителей⁶; население самого Мурома к этому времени увеличилось на 25,8 % и составляло 21 449 человек)⁷. По сравнению с другими городами округа население Мурома прирастало более низкими темпами. Современники объясняли это спадом промышленности города в 1923-26 гг.⁸

В соответствии с решениями правительства от 14 января, 10 июня, 15 июля 1929 г. об образовании Нижегородского края в состав Муромского округа вошли полностью Выксунский уезд Нижегородской губернии и отдельными частями — Муромский уезд Владимирской губернии, Арзамасский и Павловский уезды Нижегородской губернии⁹.

Создание колхозов и индустриализация страны охватили и Муромский округ¹⁰. Если в 1926-27 гг. колхозное движение в округе было в стадии зарождения, и в пределах округа насчитывалось всего лишь около десятка колхозов, то за 1927-28 число колхозов увеличилось в три раза — на 1 мая 1928 г. их насчитывалось уже 30 (с числом работников 1000 человек, из которых 563 женщины), а через год их количество возросло почти в три раза¹¹. Местные аналитики того времени оптимистично отмечали: «Социалистический сектор в 1928 и 1929 году в сельском хозяйстве округа играл незначительную роль. Тем резче вырисовывается его значение теперь, когда округ переходит на районы сплошной коллективизации (Фоминский район — 75 проц., Ляховской — 65 проц. и Муромский — 35 проц. хозяйств района)... когда день за днем бурно развивается массовое колхозное движение, претворяя решение партии и правительства о ликвидации кулачества, как класса, в живую действительность»¹².

В то же время по сравнению с предыдущими годами в 1928 г., при относительной стабилизации брачности по округу в целом, наблюдается рост браков в городах, городских поселениях и сокращение их в сельской местности, однако растет и количество разводов, особенно в городах и городских поселениях. Одновременно с этим происходит и сокращение рождаемости; и здесь пальма первенства принадлежит городам, тогда как по сельским местностям наблюдается положительный естественный прирост населения¹³.

С одной стороны, развитие экономики требовало высвобождения рабочих рук и участия женщин в социалистическом строительстве. С другой — воспроизводство населения в условиях противостояния с буржуазными странами было для Советского государства стратегической задачей. Выходом из создавшегося положения стало издание закона от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, о помощи роженицам, расширении сетей родильных домов, яслей и т. п.». Вскоре городская газета писала: «Средне-месячная рождаемость в прошлом году (1936. — Л. Г.) по Мурому была 78 малышей, в этом же году рождаемость доходит до 150 человек. Только за 5 мес. в этом году в Муроме родилось 543 ребенка, а за этот же период в 1936 году родилось 372 человека. Растет рождаемость и по селу. Если в Подболотне с 1 января по 1 июня в 1936 году родилось 19 ребят, то за этот же период в 1937 году мы имеем 28 человек... 642 малыша находятся сейчас в детских яслях города, в то время как в прошлом году было лишь 225 человек. Правда, и этого слишком мало, потребность вдвое больше. В райздраве лежат сотни заявлений матерей, желающих поместить своих детей в детские ясли, но им

отказывают — помещений нет»¹⁴.

В 1936 г. в районе работало уже 99 яслей для 3900 малышей. На лето 1937 г. в колхозах района предполагалась работа 105 детских яслей на 4075 мест (ср.: в Муроме имелось 7 работавших круглый год яслей на 316 детей)¹⁵. Газета «Муромский рабочий» отмечала: «Ежегодно на период полевых работ в районе открываются колхозные детские ясли»¹⁶; «Чтобы колхозницы свободно работали на полях, в нашем колхозе организованы детская площадка и детясли»¹⁷. Интересно, что трудовые достижения напрямую связываются с освобождением женщин от домашних забот и воспитания детей ради участия в общественном хозяйстве: «Полным ходом идет сеноуборка... Успех этой работы решают люди. Особенно большая роль в полеводстве и на уборочных работах представлена женщинам. Но чтобы они могли максимально использовать рабочее время, надо обеспечить надлежащее наблюдение за их детьми. В 1940 г. намечено было открыть 110 колхозных детских яслей с обслуживанием 4550 детей... В некоторых сельскохозяйственных артелях, например, в Подболотне... открыли детские ясли без предварительной подготовки... И т. к. дело не вышло... без ведома райздрова, закрыли ясли. Неслучайно, здесь плохо обстоит дело с выполнением сельскохозяйственных работ»¹⁸. Или: «Колхозы нашего района... получили богатый урожай. Большую роль в этом сыграли детские дошкольные учреждения. Многие руководители колхозов по-деловому подошли к организации детских площадок. Этим самым они освободили много семейных матерей, дали возможность им принимать активное участие в сельскохозяйственных работах»¹⁹.

Первая детская площадка в д. Подболотне (вошедшей затем в состав Вербовского микрорайона), по воспоминаниям К. Т. Смирновой, была основана в 1937 г. в колхозной конторе. Рядом находились теплицы и парники. Для площадки отвели три комнаты: в одной дети играли и ели (питание за счет колхоза); во второй спали — там стояли металлические кровати с панцирными сетками; в третьей готовили пищу. Гуляли малыши около здания. Почти все игрушки были самодельными. Посещали площадку 15 детей. Заведующей была М. Н. Каменщикова, воспитателем — П. Ф. Потехина, помогала им няня. Площадка просуществовала до 1941 г., а затем помещение переделали под начальные классы, т. к. здание школы занял госпиталь.

Накануне Великой Отечественной войны вышло правительственное постановление о строительстве заводов оборонного значения, в т. ч. и около Мурома. В 1938 г. у Подболотни начал строиться военный завод. Сдача объекта намечалась к 1 июля 1940 г. Строительство шло тяжело, не хватало техники, многие работы выполнялись вручную, так что к началу войны завод не был построен. В 1941 г. в Муром эвакуировали завод «Краснознаменец» из Ленинграда. Прибыли специалисты, рабочие, их семьи. Жили они в шлакозасыпных бараках. В бараке было 22 комнаты, расположенные напротив друг друга. Ни водопровода,

ни канализации не было. Холодные деревянные туалеты находились на улице, воду носили из колонки.

Под первый детский сад, по воспоминаниям М. П. Поляковой и Р. Г. Мочаловой, в бараке № 6 выделили несколько комнат, которые немного перестроили. Видимо, это были детские ясли на 25 человек при заводе № 253 (впоследствии — завод № 17 — МПЗ). Предполагалось, что со второго квартала 1941 г. количество мест будет увеличено до пятидесяти, а с 1 июля — до ста²⁰. В подчинение горздрова они были переданы 1 мая 1941 г., причем, увеличения мест не произошло²¹. Расширение детского учреждения на 30 мест было запланировано на конец 1942 г.²²

Главным девизом были слова: «Все для фронта, все для победы!»! Старались и дошкольники, отправляя на фронт бойцам свои рисунки и письма. В заводской детсад пришло письмо из Ленинграда от отца одного из воспитанников — Алика Еремина: «Здравствуйте Валентина Осиповна! Очень благодарю вас за заботу и воспитание моего сына. Какая большая радость — получить картинку, нарисованную сыном. Давно я его не видел... Дорогие ребята! Ваши письма вместе со мной прочитали бойцы и командиры. Мы все очень довольны вами. Ваш наказ: „Беспощадно бить врага“ — клянемся выполнить полностью. Растите ребята бодрыми, крепкими, здоровыми. Лепите танки и самолеты, читайте книги о героях, учите и распевайте новые песни... За муки детей, за смерть родных и близких, за любимую родину мы жестоко мстим и будем мстить врагу!.. Желаю вам хорошо провести весну. С. Н. Еремин»²³.

По воспоминаниям О. А. Бочковой, ясли проработали до 1947 г., т. к. в этом году она с родителями переехала жить в комнату, ранее занимаемую яслями. Старожилы барака завидовали новоселам: по сравнению с барачными клетушками комната казалась парадным залом — была большая, обита фанерой и выкрашена голубой краской.

Заводская газета 5 августа 1943 г. пишет о проекте яслей на 120 мест, которые должны были построить в ближайшее время в административном поселке²⁴. Это было первое специализированное здание — двухэтажный деревянный дом, в котором размещалось четыре группы. В яслях, кроме групп, были спальни, столовая, изолятор, прачечная, где белье стирали руками в корытах. Не было горячей воды, ее кипятили в баках. Водопровода тоже не было, дети умывались под рукомойниками. На кухне стояли печи, которые топили дровами. Продукты хранили в погребе со льдом, который специально наращивали зимой. Возили продукты на лошади, которая жила в конюшне конного парка. Воспитатели с детьми ходили туда наблюдать за лошадами.

В 30-60-х гг. в яслях работали сестры-воспитатели, которые имели, прежде всего, медицинское образование (т. к. приходилось ухаживать за грудными детьми) и знание основ педагогики. Например, в 1936 г. работало 36 ясельных сестер, в середине 1937 — 100 с лишним, а к концу года предполагалось их коли-

чество довести до 200²⁵. Эту специальность получали, поступив на курсы ясельных сестер при райздраве (30-е гг.),²⁶ на курсах при МПУ (40-е гг.), позднее в Муромском медучилище, на курсах медсестер детских учреждений. В 1937 г. для подготовки воспитательниц в детские сады района открыло методический кабинет, который за лето подготовил 35 работников²⁷.

Ясли № 11 предназначались для детей с 2 месяцев до 3 лет и находились в ведомстве Муромского горздрава. Работать было тяжело: в группах насчитывалось по 40 и более детей; многие из них не умели ходить, а малышам требовался тщательный уход, оздоравливающие процедуры, полноценное обучение и воспитание. По методическим рекомендациям тех лет много внимания уделялось закаливанию, сну на свежем воздухе круглый год, зимой в спальнях мешках. Летом дети играли, ели и спали на открытых верандах. Серьезно педагоги относились к подготовке праздничных утренников, в первую очередь общественно-политических (1 Мая, 7 ноября, 22 апреля); продумывали программу, оформление групп, атрибуты. В 1963 г. появилась возможность открыть еще одну группу — круглосуточную, для детей с ослабленным здоровьем; тогда детей даже лечили в яслях. С января 1969 г. ясли перешли в ведомство МПЗ, а в 1971 здание признали ветхим и учреждение закрыли.

Завод работал напряженно, выпуская продукцию для фронта. Большое распространение получило принятие повышенных трудовых обязательств. Заводская газета 19 октября 1944 г. анализирует выполнение взятых заводчанами обязательств и особо отмечает, что «заканчивается отделка детского сада на 160 мест»²⁸. А. П. Мошкова вспоминает, что в 1944 г. в лесопарковой зоне построили еще один детский сад — № 17: двухэтажное деревянное здание на 160 мест. В нем было четыре группы. У каждой были свои раздевалки, игровые, спальни; музыкальный зал. Вокруг располагались прогулочные веранды. Заведующая Т. В. Холодова главную задачу сотрудников видела в том, чтобы создать домашнюю атмосферу, подарить внимание и заботу каждому ребенку, заменить ему на время самого дорогого человека — маму, т. к. работницы МПЗ большую часть суток проводили на работе. В 40-60 гг. с детьми занимались строго по программе, проводили различные занятия, праздничные утренники. Позже много внимания уделялось ознакомлению дошкольников с природой. Благодатная атмосфера сада создавала психоэмоциональный комфорт. Воспитатели гуляли с малышами в лесу, около пруда, проводили целевые экскурсии на близлежащие поля. В 1985 г. детский сад закрыли, т. к. здание обветшало.

В послевоенные годы интенсивное развитие завода и поселка, увеличение численности населения обусловили строительство новых дошкольных учреждений. В 1957 г. в лесопарковой зоне построили еще один детский сад — № 24; он был каменным, рассчитанным на 110 мест — 5 групп. Спален не было, дети спали на раскладушках. Педколлектив приложил много усилий для оборудования и оформления групповых

помещений. Рядом выстроили прогулочные веранды. На участках росло много зелени, цветов. Основным направлением работы было нравственное воспитание, большое внимание уделялось формированию трудовых навыков, подготовке к школе. Группы в детском саду всегда были переполнены. В 1994 г. сад был закрыт.

В 60-70-е гг. появляются одни ясли и четыре детских комбината.

В 1960 г. открылись ясли № 12: каменное здание на 120 человек, расположенное в лесном массиве. Здесь были стационарные группы и спальни, пищеблок, прачечная. Шесть групп принимали детей с 2-х месячного возраста, и работниц — их мам — отпускали с завода, чтобы покормить детей грудным молоком. Сестры-воспитатели следили за соблюдением режима, проводили занятия, уделяя особое внимание физическому развитию и закаливанию. Вся деятельность малышей летом переносилась на улицу: из учреждения выносили столы, стулья, раскладушки. Сотрудничали с родителями. Родительские собрания часто завершались концертами сотрудников яслей. С начала 80-х больше внимания стали уделять сенсорному воспитанию, развитию речи. Сложности оставались из-за перенаселенности групп. В 1986 г. появилась возможность сократить количество детей в группах и даже сделать музыкальный зал. В 1994 г. ясли были закрыты.

Ясли-сад № 36 «Белочка» (ДОУ № 54) заработал в 1963 г. Построенный в новой части поселка, рассчитанный на 135 детей, он имел 6 групп. 24 сотрудника обеспечивали уход за детьми. Особое внимание уделялось нравственному и идейно-политическому воспитанию. В конце 70-х переоборудовали группы — улучшилось эстетическое оформление. Внедрялись гимнастика на улице круглый год, обучение ходьбе на лыжах. Ясли-сад неоднократно занимал первые места в соцсоревновании. В середине 80-х к основному зданию сделали пристрой с теплым переходом, что позволило решить проблему безочередного устройства детей, т. к. число групп возросло до 10, появился спортзал и плавательный бассейн. Увеличился педагогический коллектив. В 1996 г. ясли-сад перешел под опеку Управления образования и получил номер 54.

В 1966 г. построен ясли-сад № 43 «Елочка»²⁹ на 12 групп. Он работал с 6.30 до 18.30; предусматривалось четырехразовое питание детей. Строился комбинат по типовому проекту, но имел недостаток — не было стационарных спален, поэтому после обеда убирали столы и ставили раскладушки. Главными задачами были укрепление здоровья, выполнение «Программы» и подготовка к школе. Много внимания уделялось проведению занятий, знакомству с биографией В. И. Ленина и его соратников, проведению утренников 7 ноября, 1 мая, 9 мая. С 90-х гг. ДОУ № 43 переходит на 10,5 часовое пребывание детей, сокращается количество групп. Однако идет активный поиск современных подходов к работе, внедряются новые формы — кружковая, студийная, способствующая дополнительному образованию детей. Начало этой работы пришлось на время

увеличения социальной напряженности, связанной с социально-экономическими преобразованиями в России и, как следствие, со снижением рождаемости. В микро-районе стало меньше дошкольников, и освободившиеся в я/с помещения были переоборудованы в кружки, студии. Так в 1993 г. появляются физкультурный зал, комната природы, изостудия, позже — комната психологической разгрузки, театральная гостиная, выставочный зал, библиотека, зал искусств. ДООУ начинает работать в режиме открытой системы.

К 1970 г. в пос. Вербовский работало 6 детских учреждений (760 мест), но очередь на получение путевок для оформления детей не уменьшалась, поэтому решили строить еще один детский комбинат.

Летом 1971 г. начал работать я/с № 47 «Василек», и до конца года были наполнены детьми все 12 групп. Учреждение построили по типовому проекту на 280 мест. В ясельных группах были стационарные спальни, в остальных дети спали на раскладушках. В 1972 г. были открыты логопедические группы. Главными направлениями в работе стало физическое и нравственное воспитание. Ясли-сад № 47 выделялся среди других интересным оформлением зон природы в группах. Дети регулярно ухаживали за растениями, рыбками, птицами и животными. Территория благоустраивалась сотрудниками и родителями. К 80-м годам сложилось ядро воспитателей, увлеченных дымковской игрушкой. Они «заразили» лепкой и детей, и сотрудников. В 80-90-х гг. главным направлением работы стало нравственно-эстетическое воспитание дошкольников. В 1994 г. дирекцией завода принято решение о закрытии яслей-сада № 47, детского сада № 24, яслей № 12.

В конце 1976 г. по новому проекту был построен еще один я/с № 25 «Тополек»³⁰, где в начале 1977 г. открыли 2 ясельные группы, а с 1 сентября работали все 12. Для каждой группы предусмотрены отдельные спальни. Много творчества коллектив вложил в оформление: каждую группу оформили по-особому. Большое внимание уделяли художественно-эстетическому развитию. В начале 1990-х гг., несмотря на сложности, коллектив нашел силы и средства для переоборудования помещений. Появились комната природы, изостудия, мастерская труда. В 1994 г. «Тополек» перешел под опеку Управления образования г. Муром и получил № 53. Во второй половине 90-х - начале 2000-х гг. оборудован физкультурно-оздоровительный комплекс, но не забыли и про художественно-эстетическое развитие детей: созданы комната сценического искусства, примерная; в групповых комнатах появились центры театрализации, музыки, литературы. Организованы кружки и студии. Сейчас коллектив работает по комплексной программе «Радуга» и использует парциальные программы. Его работа неоднократно отмечена грамотами и дипломами Управления образования.

В 1985 г. начал работу я/с № 17 «Ромашка» по проекту на 320 мест. В нем 14 групп, из них 4 ясельных, остальные дошкольные. В проект внесены изменения: подвальные помещения приспособили для

работы с детьми, а на крыше пищеблока возвели стены; там позже была создана комната природы. Впервые среди детских учреждений поселка и Муром появились «Комната сказок» со сценой и зрительным залом; спортивный комплекс с плавательным бассейном; «Кабинет художественного труда»; изостудия. На первом этаже располагался музыкальный зал с зеркальной стенкой, на втором — зимний сад с вольером для попугаев, аквариумами и террариумами. Дизайн помещений для каждой группы был осуществлен с учетом психоэмоциональных особенностей возраста детей. Были расписаны стены в лестничных переходах, вестибюли. Одной из главных задач была физкультурно-оздоровительная работа. В каждой группе был спортивный уголок с оборудованием. Дети старших групп зимой обучались ходьбе на лыжах. Проводились физкультурные праздники, походы в лес «В гости к Снегурочке», нетрадиционные физкультурные занятия, соревнования. С 4-х лет детей обучали плаванию. Работал физиокабинет, что позволяло подлечить малышей, и не случайно «Ромашка» часто побеждала в соцсоревнованиях детских учреждений поселка. Много внимания уделялось развитию художественно-творческих способностей: специальные занятия по рисованию, лепке, музыке; кружки для детей по интересам. Впервые в городе ввели гибкий режим. Работали 4 логопедических группы. В 1990 г. приобрели компьютерно-игровой комплекс с пакетом развивающих программ для дошкольников и внедрили подгрупповую форму проведения занятий с детьми. В начале 1996 г. ясли-сад закрыли.

Хронологическая последовательность строительства детских учреждений в поселке выглядит так: 1937 г. детская площадка; 1941 г. детсад в бараке № 6; 1943 г. ясли № 11 в административной части поселка; 1944 г. детский сад № 17; 1957 г. детский сад № 24; 1960 г. ясли № 12; 1963 г. ясли-сад № 36 (ДООУ № 54 «Белочка»); 1966 г. ясли-сад № 43 «Елочка»; 1970 г. ясли-сад № 47 «Василек»; 1976 г. ясли-сад № 25 (ДООУ № 53 «Тополек»); 1985 г. ясли-сад № 17 «Ромашка».

Перестройка вместо подъема экономики привела к ее резкому спаду, свертыванию производства, резкому сокращению финансирования социальной сферы, уменьшению числа рабочих, и, как следствие, сокращению рождаемости. Все это, в свою очередь, повлекло и уменьшение числа дошкольных учреждений. На сегодняшний день в поселке их осталось четыре — ДООУ № 43, 53, 54 и начальная школа — детский сад коррекционного вида.

Характерными особенностями работы детских учреждений в разные временные периоды можно считать:

1. В военные и послевоенные годы — а) создание условий для работы с детьми с 2-х месячного возраста и их физическое развитие и воспитание, закаливание; б) в дошкольных группах основным направлением работы было нравственное и идейно-политическое воспитание. Особое внимание уделялось проведению

детских утренников, посвященных общественно-политическим праздникам.

2. Для 60-70-х годов характерна учебно-дисциплинарная модель работы с детьми с основным упором на нравственное и идейно-политическое воспитание.

3. В 80-90-х годах продолжается работа по созданию условий для всестороннего развития детей, педагоги работают над внедрением гибкого режима, игровых и развлекательных приемов в обучении. В детских учреждениях начинают появляться комнаты сказок, художественные мастерские, зимние сады и т. д.

4. С 90-х гг. до настоящего времени идет активный поиск новых подходов в воспитательной и образовательной работе; создание, обогащение и обновление развивающей среды в группах. Работа

ДОУ строится на основе современных требований, Государственного стандарта. Каждое учреждение имеет свою специализацию.

В современных условиях развитие системы дошкольного образования в Российской Федерации направлено на гармоничное, адекватное возрастным особенностям развитие детей дошкольного возраста. Учреждения дошкольного образования призваны обеспечить для любого ребенка тот уровень развития, который позволил бы ему быть успешным при обучении в начальной школе и на последующих ступенях обучения. Система дошкольного образования должна быть достаточно гибкой, многомодельной, отвечающей социальным запросам родителей, принадлежащих к разным социальным группам и слоям населения³¹.

¹ Славный путь Муромского приборостроительного завода. 1941-2006. — Без выходных данных. — С. 14.

² Отчет Муромского Уездного Экономического Собрания на 1-е Октября 1921 года. — Муром, 1921. — С. 75.

³ Отчет XV уездному съезду Советов о работе Муромского Уисполкома и его отделов за 1922-23 операционный год. — Муром, 1923. — Таблица 10.

⁴ Муромский округ перед 5-леткой. — Муром, 1930. — С. 29.

⁵ Там же. — С. 165-166; Материалы к докладу Уездного исполнительного Комитета 19-му Муромскому Уездному Съезду Советов Рабочих, Крестьян. и Красноарм. Депутатов 15-18 марта 1929 года. — Муром, 1929. — С. 90.

⁶ Муромский округ перед 5-леткой. — С. 28.

⁷ Там же. — С. 29.

⁸ Там же.

⁹ Там же. — С. 1.

¹⁰ См.: Экономика Мурома и уезда в 1920-1930-е гг. // История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — Муром, 2001. — С. 317-328.

¹¹ Муромский округ перед 5-леткой. — С. 114-115.

¹² Там же. — С. 116.

¹³ Там же. — С. 35.

¹⁴ Сталинская забота о матери и ребенке // Муромский рабочий. — 1937. — 27 июня. — № 146.

¹⁵ 105 детских яслей // Муромский рабочий. — 1937. — 6 марта. № 54. — С. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Подготовлены детясли и детплощадка // Муромский рабочий. — 1940. — 20 апр. — № 91.

¹⁸ О детских яслях в колхозах // Муромский рабочий. — 1940.

— 20 июля. — № 166. — С. 2.

¹⁹ Дошкольные учреждения района // Муромский рабочий. — 1940. — 21 дек. — № 295. — С. 4.

²⁰ Отдел здравоохранения исполкома Советов депутатов трудящихся Муромского района. Материалы (справки, отчеты, сведения) и переписка о работе детских яслей и роддомов // Архивный отдел администрации округа Муром. — Л. 86.

²¹ Годовой отчет о работе горздраотдела за 1941 год // Архивный отдел администрации округа Муром. — С. 10.

²² Расширение детсада // Все для фронта. — 1942. — 17 дек. — № 12.

²³ Письмо с фронта // Все для фронта. — 1943. — 21 мая. — № 21 (34).

²⁴ Новые детские ясли // Все для фронта. — 1943. — 5 авг. — № 31 (44).

²⁵ Сталинская забота о матери и ребенке.

²⁶ Курсы ясельных сестер // Муромский рабочий. — 1937. — 6 марта. — № 54. — С. 4.

²⁷ Открыт методический кабинет // Муромский рабочий. — 1937. — 27 июня. — № 146. — С. 1.

²⁸ Выполним свои обязательства (с партийно-хозяйственного актива завода) // Все для фронта. — 1944. — 19 окт. — № 44 (105).

²⁹ Паспорт дошкольного учреждения ясли-сад № 43 «Елочка».

³⁰ Паспорт детского учреждения ясли-сад № 25 «Тополек».

³¹ Третьяк Н. Методические рекомендации по принятию мер по развитию дошкольного образования в 2007-2010 годах, обеспечению его доступности и повышению качества услуг образовательных учреждений, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования // Дошкольное воспитание. — 2007. — № 11. — С. 6.

О. М. Вербицкая (Москва)

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ В СЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ РОССИИ (1930-1950-е ГОДЫ)¹

Важнейшей функцией и предназначением семьи является рождение и воспитание детей. Реализация данной функции зависит от множества факторов, среди которых ведущая роль принадлежит общественно обусловленной потребности в детях и господствующему типу репродуктивного поведения. Число детей в семье — важная характеристика этапов ее жизненного цикла².

С начала 1930-х гг. в российской деревне общая ситуация изменилась коренным образом. Ценой огром-

ных жертв со стороны крестьянства советской власти все же удалось учредить колхозно-совхозный строй, перевести аграрную экономику на рельсы крупного общественного производства. Однако при этом выявилось полнейшее несоответствие поставленных целей перед колхозами и обеспеченностью их рабочей силой. Стало ясно, что без привлечения дополнительных ресурсов рабочей силы в общественное производство деревни обойтись невозможно.

Если учесть, что к этому времени сельскую местность покинуло огромное число дееспособного населения, переехавшего в город, то станет понятно, что таким резервом могли быть только женщины, которые раньше, согласно вековой традиции, работали исключительно в семейном хозяйстве. Поэтому уже с первых же лет существования колхозов женщин обязали работать в общественном производстве. Таким образом, проведенная коллективизация не только не освободила женщину от традиционных домашних обязанностей, но, наоборот, к уже имеющимся добавила новые.

Принятие в Советской России новых революционных законов о браке и семье и особенно легализация аборта положили начало существенным переменам в демографическом поведении населения. В таких условиях начавшееся еще в конце XIX в. постепенное снижение рождаемости проявилось с новой силой. Уже в 1920-е гг. в деревню проник аборт, к практике которого приобщились и крестьянки. Однако вплоть до середины 1930-х гг. его роль в ограничении рождаемости на фоне компенсаторного подъема еще не ощущалась.

В России еще в начале XX в. было немало многодетных семей, что диктовалось как экономической целесообразностью детей, так и зависимым положением женщины в семье. Однако за тридцать лет в сельской семье произошли огромные перемены. Прежде всего, благодаря коллективизации сельская семья лишилась своего индивидуального хозяйства, которое прежде требовало значительного числа рабочих рук. Принципы наделения приусадебной землей (теперь уже не просто крестьян, а работников колхозов и совхозов) не создавали дополнительных стимулов к многодетности. Совершенно иным стало и положение женщины — советская власть, заставив работать в колхозе, оторвала ее от семьи и домашнего хозяйства. Одним из последствий широкого вовлечения женщин в общественное производство уже к концу 1930-х гг. стало снижение рождаемости. Всего за четырнадцать лет (1925-1939) в сельском населении она понизилась с 47,6 до 38,6 рождений в расчете на каждую тысячу человек, в то время как в городском — почти не изменилась³. Данное снижение следует оценивать не только лишь как результат великих социальных потрясений и потерь деревни с конца 1920-х гг. Все большее значение приобретали и последствия «раскрепощения женщин», т. е. вовлечения их в сферу общественного производства.

В 1930-е гг. положение сельской женщины быстро менялось под влиянием ее производственной занятости. Соответственно у нее появились самостоятельные заработки в колхозно-совхозном производстве, что делало бывшую крестьянку более независимой от мужчины. Активный процесс эмансипации женщины-крестьянки, начавшийся уже в 1920-е гг., в последующее десятилетие увенчался тем, что женщины постепенно завоевывали руководящие должности в колхозном производстве (правда, не самого высшего, а среднего уровня). Уже в 1936 г. в колхозах среди членов

правлений было 18 % женщин, среди агрономов — 10 %, руководителей среднего звена (бригадиров, заведующих животноводческими фермами и т. п.) — от 16 до 22 %⁴. И все же огромное большинство колхозниц работало на должностях, связанных с неквалифицированным трудом. Они пахали в поле, убирали, выполняли всю работу, в том числе и издавна считавшуюся сугубо мужской, особенно когда в 1941 г. на войну ушли все дееспособные мужчины.

В 1930-е гг. на репродуктивную функцию сельской семьи большое влияние оказывали и психологические факторы. Постепенное осознание жестких реалий колхозной жизни и явно «второсортного» положения колхозников в советском обществе убеждало многих родителей, что жизнь их детей должна быть другой, и, желательно, не в деревне, а в городе. Поэтому во многих сельских семьях в корне менялось отношение родителей к воспитанию детей, повышалась ответственность за их будущую судьбу. Соответственно, на уровне семьи расширялся контроль над рождаемостью, и уже в 1930-е гг. среднее число детей стало заметно меньше, чем в недавнем прошлом. В 1938 г. оно сократилось до 4,4 вместо 5,36 (1926-1927), а к 1958-1959 гг. уменьшилось до уровня менее трех человек⁵.

Непосредственной причиной столь быстрого уменьшения среднего числа детей в семье следует считать распространявшуюся практику сознательного регулирования рождаемости. Вместе с тем аборты были строго запрещены еще в 1936 г. Но, как показало время, принятие Закона о запрете абортов не принесло ожидаемых результатов. После кратковременного увеличения общего числа рождений рождаемость продолжила снижение⁶.

Отношение к рождаемости у сельских жителей разных национальностей Российской Федерации, естественно, отличалось. Этнические особенности плодovitости, обусловленные обычаями и традициями, возникли очень давно и всегда оказывали большое влияние на репродуктивные установки, число и место детей в семье и ее величину⁷. Как показали материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. об уровне детности женщин различных национальностей РСФСР, минимальным он был у карел, украинцев, белорусов, русских, марийцев, мордвы и удмуртов. В то же время намного больше детей имели мусульманские народы (башкиры и особенно ингуши, чеченцы), а также народы буддистской традиции (буряты, якуты, калмыки и тувинцы)⁸.

В целом подобная дифференциация отражала разные стадии прохождения демографического перехода к малодетной семье. У славянских народов (русских, украинцев и белорусов) и у карел этот переход был завершен как в городе, так и сельской местности. В то же время татары, мордва, чуваша, удмурты, марийцы в городах в конце 1950-х гг. уже были близки к завершению перехода к малодетной семье, а в сельской местности — еще сохранялся традиционный тип репродуктивного поведения, хотя и со слабо выраженным ограничением рождаемости.

Существовавшие различия формировались одновременно с проникновением в деревню урбанизации, и это заметно меняло сельский образ жизни и ценностные ориентации. Нельзя не отметить и значимость своеобразных стереотипов, складывавшихся в разной этноконфессиональной среде. Известно, что многовековые запреты и традиционные установки в области семейно-брачных отношений имеются в любой религии, но их сила и действенность к концу 1950-х гг. значительно сильнее ощущалась у мусульманских и буддистских этносов, которые строго соблюдали многие религиозные запреты. У народов, ранее исповедовавших буддизм, на процессах рождаемости в это время вообще не прослеживалось примет сознательного регулирования. Данное обстоятельство даже при очень высокой детской смертности позволяло им иметь многодетные семьи.

Характерно, что у народов с традициями ранних браков и многодетности женщины рожают детей очень рано. К возрасту двадцать пять — двадцать девять лет у представительниц народов, не практиковавших внутрисемейного регулирования рождаемости, появлялись уже третьи, четвертые и даже последующие дети с более высокими порядковыми номерами. Наоборот, у народов с так называемым «европейским типом» брачного и репродуктивного поведения в этом возрасте большинство женщин только вступают в брак и рожают своих первенцев. Отсюда — общее совпадение на возрастной группе двадцать пять — двадцать девять лет высокого уровня рождаемости. Но уже к тридцати годам среди женщин разных национальностей закладываются основы более существенных отличий в репродуктивном поведении. Среди тех народов, которые к концу 1950-х гг. в основном уже завершили переход к малодетности, в этом возрасте, как правило, завершается процесс формирования и дальнейшего роста семей за счет последующих деторождений.

Специальное выборочное исследование ЦСУ СССР, проведенное в 1960 г., показало существенные отличия в возрастном составе матерей-рожениц, принадлежавших к разным социальным группам. Оказалось, что доля рожениц в возрасте максимальной репродукции (от двадцати пяти до тридцати четырех лет) среди колхозниц вообще была выше, чем среди работниц и женщин-служащих. Колхозницы рожали детей практически в любом возрасте — среди них доля матерей в крайних возрастных группах — как в самых молодых (от семнадцати до двадцати четырех), так и после сорока лет, была значительно выше, чем в прочих социальных группах населения России⁹.

У всех народов Российской Федерации среди рожденных детей преобладали «первенцы». Их доля на протяжении всего рассматриваемого периода была стабильно высокой, в то время как доля вторых, третьих и т. д. по порядку детей, рождавшихся у матерей, менялась. Постоянно увеличивался удельный вес семей с небольшим числом детей (от одного до трех). Согласно данным демографической статистики, в 1950 г. семей с одним-тремя детьми в российской деревне было боль-

шинство (72,8 %), а в 1960 г. — 80 %. Соответственно этому стремительно снижалась доля многодетных семей с четырьмя и более детьми¹⁰.

После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. об увеличении помощи беременным женщинам, одиноким и многодетным матерям стали выплачиваться пособия на детей многодетным и одиноким матерям. Указ предусматривал и другие меры стимулирования многодетности. Так, матерям (состоявшим в браке и овдовевшим), у которых уже было по двое детей, при рождении третьего устанавливалась единовременная выплата в 400 руб.; имевшим троих детей — при рождении четвертого назначалось единовременное пособие в 1300 руб. Сверх того, к этому полагалась еще и ежемесячная выплата в сумме 80 руб., а при рождении пятого ребенка — единовременно выдавалось по 1700 руб. и 120 руб. ежемесячно и т. д. В случае рождения десятого ребенка в семье сумма единовременного пособия достигала уже 5000 руб., а ежемесячного пособия — 300 руб.¹¹ Но ежемесячные пособия многодетным матерям выплачивались лишь со второго года жизни ребенка (очевидно, чтобы мать лучше заботилась о здоровье и сохранении жизни малыша), и всего в течение трех лет — до того, как ребенку исполнится пять лет. Все матери, имевшие к моменту опубликования Указа по семь и более детей, сохраняли за собой право на пособие по многодетности в порядке и размерах, установленных еще в 1936 г.¹²

Что касается размеров и условий выплаты семьям пособий по многодетности, то они были слишком малы, чтобы обеспечить детям сносный уровень жизни. И, тем не менее, даже в условиях еще не окончившейся войны правительство не просто продекларировало курс на подъем рождаемости и многодетности в стране, но и реально его профинансировало. Достаточно сказать, что уже в 1944 г. по СССР пособия на детей получило 309 тыс. многодетных матерей, а через десять лет — 3,2 млн. Всего же со времени принятия Указа 1944 г. по 1959 г. включительно пособия одиноким и многодетным матерям были выданы более чем на 25 млн. детей. В конце 1950-х гг. пособия от государства получало свыше 7 млн. многодетных и одиноких матерей¹³.

Наряду с изменениями и нововведениями, касавшихся всех граждан страны, для сельских женщин предусматривалось увеличение размеров единовременного пособия на новорожденного ребенка от 45 до 120 руб. из фондов касс взаимопомощи колхозов. Но на деле эти льготы доходили далеко не до всех колхозниц, прежде всего, по той причине, что оплату их декретного отпуска по беременности и родам государство переложило с себя на колхозные фонды, а они очень часто были пусты. Отпуск колхозниц, кроме того, был намного короче, чем у женщин-работниц и служащих госучреждений¹⁴.

По-настоящему многодетных семей в российской деревне в 1950-е гг. оставалось немного. Напри-

мер, семей, в которых родился пятый по счету ребенок, насчитывалось всего около 6 %, шестой - менее 4 %, седьмой — 2-3 %, а с более высокими порядковыми номерами — вообще было очень мало (в пределах 1 % семей). Но в сумме доля многодетных семей с четырьмя и более детьми была еще довольно значительной — 20-27 %. Примечательно, что год от года семей — с пятью и более детьми — постоянно становилось меньше, а доля семей с тремя и четырьмя детьми была примерно на одном уровне, испытывая незначительное колебание. Лишь до 1955 г. отмечался ежегодный прирост числа четвертых и пятых детей, т. е. родившихся у многодетных матерей, после чего наступил спад, в то время как процент семей с одним и двумя детьми стал быстро возрастать. Еще в 1956 г. их суммарный процент равнялся 58,3 %, а в 1960 г. — уже 65 % от общего числа родившихся детей¹⁵.

Однако суровая действительность сельской жизни, низкий уровень материального положения, необходимость профессиональной занятости матери вне дома и семьи ради дополнительного заработка в семье, существенно корректировали многодетность. Несмотря на оказываемую государством скромную помощь, многодетность все же обрекала семью на еще большую бедность.

Итак, тенденции к снижению рождаемости по сравнению с периодом второй половины 1930-х гг. — процесс объективный, во многом обусловленный вовлечением женщины в общественное производство. За это время произошло и своеобразное «снижение экономической ценности детей» — как помощников и кормильцев в старости¹⁶. К тому же повсеместно проявляющаяся ориентация сельской молодежи на отъезд из села лишала родителей подобных иллюзий окончательно. Репродуктивная функция сельской семьи в послевоенные годы базировалась не столько на традиционной для крестьянства, прежде всего, материальной основе, сколько на психо-эмоциональном стремлении к удовлетворению естественной родительской тяги к собственным детям, которым со временем можно передать собственный жизненный опыт и нажитое имущество.

Существует уже давно установленная обратная зависимость между показателями материальной обеспеченности семьи и числом детей в ней¹⁷. В частности, это убедительно подтверждается материалами бюджетного обследования колхозных семей, в котором участвовали и многодетные семьи. Как правило, показатели материальной обеспеченности семьи и каждого ее члена в денежном выражении оказывались тем выше, чем меньше в ней было детей. В 1960 г., например, в целом по группам колхозных семей с минимальным душевым доходом детей до двенадцати лет было ровно в пятнадцать раз больше, чем по группам семей с самым высоким уровнем доходов. Оказалось, что максимальные доходы имели семьи с малым (один-два) числом детей, и, тем более, - бездетные пары, где насчитывалось по два трудоспособных работника, а также одиночки¹⁸.

Время шло, дети вырастали, и многие из них уже

оказывали помощь родителям в решении материальных проблем семьи. Крестьянские дети обычно рано приобщались к труду, помогая родителям по дому и хозяйству. Но, начиная с 1930-х гг., со времени создания колхозов, подростки двенадцати-шестнадцати лет обязаны были также помогать колхозу в летний период, когда не было учебы. Дети помогали в полевых работах, зарабатывали свои трудовые, тем самым внося свой посильный вклад в семейный бюджет.

Помимо годовых отчетов колхозов, зафиксированных труд малолетних колхозников, об этом сохранились и другие свидетельства. Так, колхозник А. П. Крутов, 1922 г. рождения (дер. Никольщина Кичменгско-Городецкого района Вологодской области) вспоминал, как нелегко приходилось большинству сельских детей в это время: «Порой даже после школы они шли в колхоз на работу, зато знали цену хлебушку... Школьникам всегда находилась работа на сенокосе и на силосовании. Силос трамбовали дети да лошади, и силос всегда был хорошего качества... Председатели колхозов за этим строго следили и если какой-то ученик не выходил на работу, наказывали всю семью, снимая с нее до 5 трудовых»¹⁹.

Особую ценность труд подростков приобрел в годы Великой Отечественной войны, когда все дееспособные мужчины были на фронте. Они помогали своим матерям выполнять колхозные планы по хлебопоставкам, надоям молока и т. п. После войны еще несколько лет сохранялось обязательное требование труда подростков от двенадцати до шестнадцати лет. Например, в 1940 г. в колхозных работах по Российской Федерации было занято свыше 3650 тыс. подростков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, почти столько же — и в 1945 г. Использование труда подростков было вполне легальным, и сведения об этом направлялись в центральные правительственные органы. В частности, в сводные годовые отчеты колхозов по РСФСР попали даже данные, свидетельствующие о том, что велся строгий учет их труда, наравне со взрослыми. Сообщалось, например, что в 1945 г. 291 тыс. подростков не выработала ни единого трудового дня, а в 1950-1953 гг. — это число приближалось уже к 2 млн.²⁰ Но постепенно труд малолетних в колхозном производстве перестал быть обязательным, хотя еще в 1950 г. там работало почти 2,4 млн. подростков²¹.

В 1950-е гг. общее число подростков, принимавших участие в общественном хозяйстве колхозов, стало сокращаться, в основном по той причине, что их вообще в деревне оставалось немного — сами родители всячески стремились отправить подросших детей из села в город — на учебу. Нередко родители-колхозники отправляли своих детей к знакомым или родственникам просто для того, чтобы к моменту получения паспорта они числились горожанами²². Наличие паспорта в деревне вообще очень высоко ценилось. Этот документ рассматривался колхозниками, не имевшими его, как своеобразный пропуск в другую, более счастливую жизнь.

Со временем детей в колхозных семьях стано-

вилось меньше. Данные бюджетных обследований сельских семей показывают, что в 1940 г. в каждой крестьянской семье было по два и более ребенка в возрасте до шестнадцати лет, а в 1959 г. — только один (или, точнее, сто три ребенка в расчете на каждую сотню семей)²³. Особенно резко сократилось число подростков в колхозах за счет их обучения в ремесленных училищах и фабрично-заводских школах, расположенных, как правило, в городах и рабочих поселках. Получив в городе индустриальную специальность, сельские подростки и молодежь домой, в деревню, возвращались очень редко.

Вообще показатель детности является основным критерием успешности функционирования семьи, выполнения ею своего важнейшего предназначения по продолжению рода. Представление о числе детей в семье дополняет и коэффициент суммарной детности сельского населения, рассчитанного как отношение числа детей в возрасте до шестнадцати лет к общему числу женщин в детородном возрасте (от шестнадцати до сорока девяти лет). Это соотношение в РСФСР с 1951 по 1959 г. уменьшилось с 2,90 до 2,82, что также подтверждает снижение среднего числа детей в сельской семье. При установившемся после войны уровне детской смертности, простое воспроизводство населения могло осуществляться при условии, что каждые сто женщин рожают примерно двести двадцать детей²⁴. Поэтому, если принять во внимание данные о средней детности сельской семьи, учитывая, что дополнительно к этому у сельских женщин были еще и дети старше девяти лет, можно сделать важный вывод. Он состоит в том, что примерно до конца 1950-х гг. сельская семья со своей главной задачей по обеспечению простого, а в целом ряде районов РСФСР — и расширенного воспроизводства населения, довольно успешно справлялась. В эти годы среднее число детей в семьях обеспечивало относительно стабильную (хотя и с тенденцией к снижению), общую величину сельского населения. Оно позволяло восполнить потери в сельском населении от миграции в город.

Как видно из сохранившихся документов, многодетность в деревне имела свое социальное лицо. Ранее было показано, у каких национальностей РСФСР четче были выражены традиции многодетности. По своему социальному статусу большинство сельских многодетных матерей в общественном производстве не работали, числились домохозяйками. Как правило, многодетные матери являлись членами колхозов, но по понятным причинам постоянно работать там не могли, лишь периодически помогая в сезонных работах, когда особенно были нужны рабочие руки. Например, в 1951 г. среди сельских многодетных матерей РСФСР 37 % составляли колхозницы, 38,5 % — домашние хозяйки, 22,9% — работницы государственных предприятий деревни²⁵.

В 1952 г. социальный состав многодетных матерей в деревне оставался тем же: по-прежнему среди них больше всех было не работавших домохозяек. На их долю приходилась почти одна треть всех детей,

появившихся в многодетных семьях. Свыше 25 % детей родилось в многодетных семьях, где оба родителя работали в колхозе; всего 16 % — в семьях, где оба — отец и мать работали а совхозе или другом государственном предприятии. Остальные 27 % детей появились на свет в многодетных семьях прочих социальных групп села (кустарей-одиночек, крестьян-единоличников, временно проживавших, а также тех, кто не указал своего основного занятия)²⁶. Следовательно, наибольшей многодетностью в деревне отличались колхозные семьи, особенно те, где мать вообще не работала, а являлась домохозяйкой при муже и многочисленных детях.

Именно среди колхозниц было больше всего матерей-героинь, что, в сущности, не удивительно, поскольку доля колхозного крестьянства в российской деревне вплоть до второй половины 1950-х гг. была очень высока (от двух третей до половины и более в общей численности сельского населения). Еще в 1954 г. колхозники вместе с членами их семей насчитывали свыше 30,1 млн. человек, т. е. 58 % в составе жителей села²⁷. Но уже в 1958 г. на долю матерей-колхозниц и представительниц исчезавшего слоя единоличников и кустарей-одиночек (совместно) пришлось всего 46,8 % общего количества новорожденных детей по сельской местности Российской Федерации.

Таким образом, занятость женщин в сфере общественного труда послужила важнейшим фактором ограничения многодетности и рождаемости в целом. Убедительным подтверждением этому явился низкий процент женщин, работавших в государственном секторе деревни с нормированным рабочим днем, среди многодетных матерей-героинь. Больше всего детей с высокими порядковыми номерами рождения у матери было именно в семьях, где мать на производстве не работала, а занималась исключительно детьми и домашним хозяйством. Возможность частичной занятости в колхозе также способствовала сочетанию многодетности и временной работы. Что же касается тех сельских женщин, которые трудились в совхозных или других государственных аграрных предприятиях и учреждениях, то от большого числа детей в семье их в основном удерживали две причины — четкий почасовой график труда (т. е. трудности сочетания домашних дел с работой) и более высокие заработки по сравнению с колхозами.

Следует подчеркнуть, что переход от веками складывавшегося традиционного идеала многодетности к малодетной семье не мог развиваться быстро и безболезненно. Взгляды на роль и место женщины в семье и обществе менялись в разных семьях по-разному. Из-за расхождений между супругами и родственниками по этому вопросу в семьях было немало конфликтов, а различное видение мужем и женой перспектив семьи, ее размера и числа детей, нередко становилось причиной семейного разлада и даже разводов.

В послевоенные годы заметно возросли минимальные «вложения в человека» — причем, не только семьи, но и государства, в школьное образование детей, медицинское и другие виды обслуживания.

Еще в 1920-1930-е гг. подобные ресурсы семьи и общества были весьма ограниченными. Поэтому не удивительно, что именно после войны в Советском Союзе началось быстрое снижение детской смертности, что стало своеобразной отдачей повысившихся ассигнований и общий рост «стоимости» человека²⁸.

В сельской семье обозначившаяся тенденция к детоцентричности — «все детям» — получила свое дальнейшее развитие. Сами родители постоянно подчеркивали, что они готовы на все, только бы обеспечить детям лучшее будущее, не забывая о бытовавшем в патриархальных семьях совсем ином отношении к детям²⁹.

Действительно, в 1950-е гг. стало нормой, что подавляющее большинство сельских детей получало семилетнее образование, которое позволяло им получить неплохую специальность. В деревнях и райцентрах этого времени значительное распространение получили различные курсы и школы по подготовке механизаторов сельского хозяйства, способных справиться с любой, даже самой сложной новой техникой. Но верхом заботы о подростке сыне или дочке считалось отправить их на учебу в город. Там в ремесленных или фабрично-заводских училищах, относившихся к системе трудовых резервов, наряду с городскими подростками и молодежью они получали рабочие специальности, впоследствии становившиеся своеобразным пропуском для жизни в городе.

Справедливости ради следует заметить, что обучение в школах ремесленного или фабрично-заводского обучения для горожан считалось крайне непрестижным. По этой причине именно сельские юноши и девушки в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет составляли основу контингента учащихся системы трудовых резервов: в 1946-1950 гг. — их доля равнялась более трех четвертей, а в 1951-1958 гг. — около 60 %³⁰. Многие способные дети заканчивали и десять классов, и, если удавалось, поступали в институты и университеты, а родители из деревни оказывали им всемерную помощь. Однако выучившись в городе, дети крайне редко возвращались домой в деревню. В городе их ждала новая инпересная жизнь — те, кто заканчивал фабрично-

заводские училища и техникумы, шли работать на предприятия индустрии, а окончившие вузы — пополняли престижный слой городской интеллигенции. В то же время их состарившиеся родители одиноко доживали свой век в деревне, утешая себя тем, что сумели дать детям образование и помогли им устроиться в городе.

Тем не менее, детность сельских семей, как свидетельствуют статистические документы, в целом была заметно выше, чем городских. Например, по данным за 1954 г. видно, что в деревне доля многодетных (с четырьмя и более детьми) семей составляла 27 %, а в городе — почти вдвое меньше — 14 %. Высокий удельный вес многодетных семей в деревне и, соответственно, более высокий уровень детности средней сельской семьи по сравнению с городской специалистки склонны оценивать как свидетельство определенного отставания жителей села в прохождении стадии массового перехода к малодетной семье³¹.

И все же на очередном и довольно сложном этапе своей исторической эволюции (1929-1959) сельская семья еще достаточно успешно справлялась с решением главной задачи, возложенной на нее как на социальный институт — обеспечением устойчивого воспроизводства населения. Новые явления, обозначившиеся в функционировании сельской семьи, в том числе «снижение ценности детей» и их среднего числа, еще не стали опасными кризисными явлениями. Реальная средняя плодовитость сельских женщин в это время обеспечивала не только простое, но и по целому ряду российских регионов — расширенное воспроизводство населения. Сложившийся уровень рождаемости и средней детности сельской семьи в целом обеспечивал ей устойчивое возобновление поколений. Демографический потенциал сельских семей в рассматриваемые годы был вполне достаточен для того, чтобы сохранялась высокая общая численность населения российской деревни. Однако не прекращавшиеся миграционные процессы в город заметно истощали людские резервы и подрывали воспроизводственную способность сельских жителей, что весьма отчетливо проявилось уже в ближайшие годы — с начала 1960-х гг.

¹ Боярский А. Я., Шушерин П. П. Демографическая статистика. — М., 1951. — С. 276.

² Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. — М., 1928. — С. XXII; ГАРФ. — Ф. 8009. — Оп. 6. — Д. 503. — Л. 26-27.

³ Там же. — С. 93.

⁴ См.: Курман М. Динамика среднего числа детей в семье в СССР // Подрастающее поколение. Демографический аспект. — М., 1981. — С. 5.

⁵ ГАРФ. — Ф. 8009. — Оп. 6. — Д. 503. — Л. 26; РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 329. — Д. 399. — Л. 3; Д. 1009. — Л. 103.

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М., 1963. Распределение отдельных национальностей по возрасту произведено не по всей территории РСФСР, где проживает данная национальность, а лишь по территории ее преимущественного проживания; Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР. (Этнодемографический аспект). — М., 1977. — С. 56.

⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — Табл. 54—а.

⁸ Вострикова А. Некоторые данные о рождаемости в СССР // Вестник статистики. — 1962. — № 12. — С. 44—45.

⁹ Рассчитано по: ГАРФ. — Ф. А-374. — Оп. 30. — Д. 3360. — Л. 34, 34об.; Д. 9630. — Л. 9; РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 329. — Д. 1884. — Л. 6-6об.; Д. 4703. — Л. 111.

¹⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1944. — 16 июля.

¹¹ Там же.

¹² Женщина в СССР. Краткий статистический справочник. — М., 1960. — С. 22; ГАРФ. — Ф. А-374. — Оп. 11. — Д. 430. — Л. 1, 5, 10, 39.

¹³ См. об этом: ГАРФ. — Ф. А-374. — Оп. 11. — Д. 451. — Л. 46, 103; РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 33. — Д. 4529. — Л. 135, 136.

¹⁴ ГАРФ. — Ф. А-374. — Оп. 30. — Д. 3360. — Л. 34, 34 об.; РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 329. — Д. 1884. — Л. 6-6об.; Д. 4703. — Л. 111.

¹⁵ См. об этом: Антонов А. И. Социология рождаемости. — М., 1980; Семья и дети. — М., 1986; Борисов В. Н. Перспективы рождаемости. — М., 1976 и др.

- ¹⁶ См. об этом: Дзарасова И. А. Динамика уровня рождаемости и факторы, влияющие на него. Автореф. ... к. э. н. — М., 1972. — С. 18 и др.
- ¹⁷ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. — М., 1992. — С. 150.
- ¹⁸ Голоса крестьян: Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. — М., 1996. — С. 25, 26.
- ¹⁹ Там же. — С. 48.
- ²⁰ РГАЭ. — Ф. 7486. — Оп. 7. — Д. 1019 «в». — Л. 43.
- ²¹ Панкратова М. Сельские жители России: Судьбы и семьи в XX веке. — М., 1995. — С. 34.
- ²² Население России в XX веке. Исторические очерки. — М., 2001. — Т. 2. 1940-1959 гг. — С. 263.

- ²³ Вишневский А. Г. Демографические процессы в СССР // Вопросы философии. — 1973. — № 9. — С. 117.
- ²⁴ РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 33. — Д. 415. — Л. 215.
- ²⁵ Там же. — Д. 1055. — Л. 43.
- ²⁶ Подсчитано по: Вербицкая О. М. Российское крестьянство... — С. 90.
- ²⁷ Демографическая модернизация России, 1900—2000. — М., 2006. — С. 69.
- ²⁸ Там же. — С. 213.
- ²⁹ Народное хозяйство СССР в 1958 г.: Статистический ежегодник. — М., 1959. — С. 694.
- ³⁰ Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. — М., 1974. — С. 86.

Г. А. Петаченко (Минск)

БЫТ СОВЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (1920-е — НАЧАЛО 30-х ГОДОВ)

В 1920-е гг. XX в. закладывался фундамент построения нового советского общества, менялась жизнь всех слоев и всех возрастных групп населения страны, в том числе и одной из наиболее активных страт — студенческой молодежи. Несмотря на наличие значительного количества работ по истории советской высшей школы в 1920-е гг., имеется немного исследований, посвященных изучению повседневной жизни советского студенчества. Единственным комплексным исследованием на сегодняшний день являются работы А. Р. Маркова об эволюции социально-психологического облика петроградских студентов в период с 1914 по 1925 гг. Автор изучает особый студенческий язык, поведение, бытовые условия жизни петроградского студенчества, показывает всю сложность и многоаспектность проблемы¹. Следует также отметить и монографию А. Ю. Рожкова, в которой исследуется целый ряд проблем, относящихся к советскому студенчеству в 1920-е гг., среди них материальное обеспечение, бытовые условия, досуг и развлечения².

Количество студентов в 1920-е. — нач. 30-х гг. резко увеличилось по сравнению с последним довоенным годом в Российской империи. На территории РСФСР в 1914 г. в государственных и частных учебных заведениях обучалось около 90 тыс. студентов. После 1917 г. число студентов вузов начало расти. В 1918/19 уч. г. — 110 тыс., в 1919/20 уч. г. — 170, 1920 / 21 уч. г. — 200 тыс.³, к началу 1930-х гг. — 358 тыс. студентов⁴. Несмотря на то, что увеличение числа студентов проходило за счет увеличения числа вузов, все же вузы оказались перегруженными. Например, если во Втором Московском университете в 1914 г. числилось 2326 студентов, то к концу 1924 г. — 5070; в Ленинградском университете 1914 г. — 8000, в 1924 г. — 11 500; в Томском университете 1914 г. — 1510, в 1924 г. — 2134; в МВТУ 1914 г. — 2404, в 1924 г. — 3500; в Московском институте путей сообщения 1914 г. — 549, в 1924 г. — 1400⁵. Резкое увеличение количе-

ства студентов серьезно обострило жилищную проблему и вопросы материального обеспечения.

Большое количество командированных лиц из провинции и неспособность вузов Москвы и Петрограда принять всех желающих заставило ЦК РКП (б) запретить обкомам командировать в Москву на учебу партийцев. Командирование осуществлялось только с разрешения отдела Агитпропаганды ЦК РКП (б), причем ходатайство должно было быть подробно мотивировано⁶.

Даже к концу изучаемого периода жилищный вопрос оставался крайне сложным. Например, в 1929/30 гг. вузы Москвы приняли 6000 тыс. студентов, 75 % из которых нуждались в жилплощади. При этом вузы могли обеспечить только 2 тыс. студентов. В связи с этим Московский отдел народного образования (МОНО) решил принимать в московские техникумы граждан, проживающих в Москве и Московской области, а освободившиеся места в общежитиях передать студентам вузов. Кроме этого, уже с середины 1920-х гг. МОНО практиковал устройство общежитий для студентов на своих подмосковных дачах. Также для размещения студентов использовались подвалы, чердаки, пустые фабричные корпуса и т. д.⁷ Не лучше ситуация была и в провинции, например, в Саратовском университете на 670 принятых студентов, предоставлялось только 40 свободных мест в общежитии⁸.

Как мы видим, жилье студенту получить было крайне сложно, а что представляли собой жилищные условия «счастливчиков», описывает периодическая печать изучаемого периода. Например, в статье, посвященной изучению жилищных условий студентов Пермского землеустроительного техникума, отмечались крайне сложные условия проживания: «В тяжелых невозможных условиях живут землеустроители. Мы входим в их „катакомбы“ темный подвал под зданием техникума. Раньше здесь размещался какой-то склад. Пол цементный. Воздух могильный. Сырой. Затхлый. Холодно в подвальных коридорах. Еще холоднее

в каменных комнатах. Настроение учащихся подавленное». Такие условия проживания приводили к распространению различного рода болезней, приводивших к летальным исходам: «Из 5 умерших в этом году 4 студента жили в общежитии. Тот факт, что их смертность вызвана скверными антисанитарными условиями общежития, подтверждает зам. зав. техникумом»⁹.

По данным о жизни студентов в Самарском сельскохозяйственном институте 80 % студентов не имели отдельной комнаты, 82 % не имели никаких удобств (мебели, постели и т. д.), лишь 15 % были обеспечены одеждой и обувью, 50 % жили почти при отсутствии элементарных гигиенических условий¹⁰.

Жилищные условия студенчества Москвы и Ленинграда также были далеки от идеальных. Ряд интересных фактов приводится в статье о Ленинградском кораблестроительном институте. Этот институт был организован на базе кораблестроительного факультета ЛПИ и подлежал выселению с территории Политехнического института. В связи с этим Союзверфь пообещала предоставить своему втузу помещение для аудиторий и общежитие. Несколько раз администрация втуза находила необходимое помещение, но всякий раз чиновники этой организации отказывались выделять необходимые средства. Наконец, Союзверфь сообщила институту, что ему предоставляется 4-й этаж здания ФЗУ Балтзавода. Администрация втуза поехала принимать помещение, но оказалось, что здание имеет всего три этажа, а четвертый в скором времени будет надстраиваться¹¹.

В публикации, повествующей о только что построенном общежитии московского института им. К. Либкнехта, находим: «Штукатурка облупилась, в комнатах густой запах сырости, новые полы необходимо перестилать, из 48 комнат по заключению врача непригодными для жилья являются 28. Нет ни уборных, ни умывальников»¹².

В другой статье рассказывается о ситуации, которая сложилась в общежитии ВХУТЕИИ. В статье подчеркиваются сложные бытовые условия проживания: «В комнатах нас помещается человек по 15, хотя должно быть в два раза меньше. Первое время не хватало на всех коек и матрацев, спали на полу, простужались. Ночью жизнь в комнатах продолжают наши нелегальные жильцы — крысы. Пищат, лазают всюду, грызут, портят вещи, одним словом хозяйничают на все лады, как будто знают, что изживать их вовсе не собираются»¹³. К сожалению, таких примеров можно привести еще множество; безусловно, ситуацию необходимо было исправлять. С августа 1928 г. начали отпускатся средства на ремонт старых и строительство новых общежитий для студентов. Совнарком РСФСР выделил 443 тысячи на ремонт старых и 50 тысяч для обеспечения жильем студентов нового приема¹⁴, но, как видно, и этих средств, выделяемых из бюджета, было недостаточно.

Мерой, предпринимаемой правительством в вопросе улучшения бытовых условий студенчества, была

организация коммун. Однако и здесь возникли сложности, членские взносы и различные выплаты на начальном этапе не регулировались и взимались бесконтрольно, что приводило к отказу студентов их уплачивать: «У меня нет пальто, а они грабят, заем индустриализации выпускают и навязывают его всякому. Так заявил студент Томского рабфака Мейер»¹⁵, но эти случаи жестко пресекались. Эта «несознательность» приравнивалась к оппортунизму и антисоветской пропаганде. Для снижения социальной напряженности Центральное Бюро студенчества установило четкую шкалу взимания членских взносов, минимум 8-10 % от заработка студента и членов его семьи, которая рассчитывалась по прогрессивной шкале¹⁶, что также вызывало недовольство и сокращение доходов: «Зачем мне работать на других, ведь плата увеличится и мне ничего не останется»¹⁷.

Однако коммуна не решила проблемы студенческого быта. Вот лишь один из примеров: «Коммуна на проспекте Добролюбова не только антисанитарными условиями, но и отношением между коммунарами отчетливо воскрешает отвратительный мещанский быт дореволюционных „меблирашек“. Грязь повсюду на лестницах, в коридорах, в уборных, больше всего на кухне, где работа производится без спецодежды, где посуда вытирается грязными тряпками»¹⁸. Безусловно, были и иные примеры показательных образцовых коммун, где все было близко к идеалу, но истина всегда где-то посередине.

Рассмотрим еще один важный вопрос — материального положения студенчества. Основным источником дохода для студента являлась стипендия — выплата, которая должна была гарантировать студенту определенный материальный достаток. В первые годы советской власти в условиях острого финансового кризиса стипендии зачастую заменяли продпайком, но им обеспечивались далеко не все студенты имеющие «пролетарское» происхождение. В этой связи необходимо отметить, что «непролетарскому» студенчеству пайки и стипендии не полагались и, кроме того, они были вынуждены платить за обучение.

Ситуация начала меняться к середине 1920-х гг., когда уже около 75 % студентов по стране имели стипендии, но их размер был недостаточным для покрытия даже минимума расходов. Средняя стипендия студента равнялась 20 руб. для столиц и рабочих центров, и 15 руб. для провинции¹⁹. Согласно исследованию редакции журнала «Красное студенчество», студенту в Москве для самого скромного существования было необходимо около 40 рублей на 1925 г.²⁰ Из статистических опросов, проводимых среди студентов, выяснилось, что процент студентов, живущих только на стипендию, незначителен, большинство имеет дополнительные источники финансирования: помощь родственников, случайные заработки и т. д.²¹ Однако существовал и достаточно интересный способ получения дополнительного заработка. Студенты заключали письменные договора с «нэпманом», по условиям которого он ежемесячно выплачивал студенту до окончания вуза 25 руб. По окончании вуза студент

обязывался выплачивать всю сумму в двойном размере и плюс 8 % годовых²².

Кроме государственных стипендий, существовали и хозяйственные. Для того, чтобы получать такую стипендию от какого-либо хозоргана, необходимо было явиться к руководителям этого хозоргана, или, что практиковалось гораздо чаще, обратиться к ним через общих знакомых с просьбой предоставить стипендию, обещая после окончания вуза пойти туда работать. Размер стипендии устанавливался по соглашению сторон и подписывался соответствующий договор с указанием обязанностей сторон. Но на деле условия договора не выполнялись, предприятие могло лишиться студента стипендии, а студент, в свою очередь, мог заключить такой договор с другим предприятием, предлагавшим ему лучшие условия²³.

Материальное обеспечение студенчества в значительной степени влияло на повседневную практику (распорядок дня, отдых и развлечения, сексуальную жизнь, психологическое состояние). Согласно опросам и исследованиям, проводимым различными организациями, к середине 1920-х гг. бюджет времени выглядел следующим образом: на учебу студент тратил 45 %, на общественную работу — 5,5 %, на самообслуживание — 14 %, на сон, отдых и развлечения — 38 % своего времени²⁴.

Интерес вызывает процент времени, уделяемого на отдых и развлечения. Отсутствие времени, потраченного на дополнительный заработок, вероятнее всего, объясняется нежеланием студентов афишировать эту составляющую своей жизни. Где и как проводил свое свободное время студент? Театры, кино, концерты, выставки по статистике посещало около 18–20 % студентов²⁵. Цифра, конечно, невелика, но необходимо отметить, что посещение этих культурных заведений требовало определенной материальной обеспеченности, а лишних денег у студентов не было.

Досуг организовывали различными способами: устраивали вечера, организовывали кружки по интересам и т. д. Однако и здесь не все было так просто. Студенческие вечера иногда представляли собой причудливую смесь «пролетарской» и «буржуазной» культур. Так, например, описывается вечер в городе Туле. За несколько дней до мероприятия на улицах города появляются афиши: «Госдрамтеатр. 5-го января грандиозный вечер пролетарского студенчества. Концерт-бал. Танцы до утра». Публика спешила на этот вечер. «Первым номером был балет, голая женщина сделала несколько колен и скрылась, после этого появилась фигура, напоминающая бездарного клоуна, потом пели песни, потом балет... Вслед за этим начался американский аукцион, акционировалось шоколад, конфеты и коньяк. После этого начались танцы, делающие эскимосскую кровь цыганской»²⁶.

Другой пример, ветеринарный институт. Студенческий вечер. «Группа мещански настроенной молодежи „разлагается“. Танцующие с полубожаженными женщинами, пьянки, разврат. Студентке первого курса

Поповой, оснащенной как дикарка, браслетом, серьгами и брошкой. Студенты целуют ей ручки, ухаживают по всем правилам буржуазного этикета»²⁷.

Очень сложноразрешимой проблемой в студенческой жизни была проблема алкоголизма. Причин, вызывавших у студентов тягу к спиртному, можно назвать множество. Наиболее серьезными для большинства студентов, на наш взгляд, были материальная необеспеченность и ощущение безысходности. Примеров такого поведения можно привести множество. Студент Московского пединститута комсомолец Шумкин три месяца учебы систематически пьянствовал, студент Никифоров последовал его примеру и был подобран на улице милицией²⁸. Для исправления ситуации создавались суды общественности, и иногда это приводило к трагедии. Студент владимирского рабфака, не дождавшись общественного суда, повесился. Ужасает оценка трагедии в периодической печати: «Этот факт не так страшен. Безвольные люди не могут рассчитывать за собственные поступки. Сил не хватает. Но дело идет дальше»²⁹.

Что касается сексуальной жизни студентов, то и здесь есть ряд интересных фактов. Согласно данным анонимного анкетирования 126 студентов Самарского сельскохозяйственного института, воздерживаются от половых отношений 82 человека. Причины воздержания следующие: а) неимение объекта — 32 чел., б) неимение потребностей — 19 чел., в) боязнь заболевания — 12 чел., г) боязнь обязательств — 4 чел. и т. д. Большинство удовлетворяло свои сексуальные потребности женитьбой и замужеством, к услугам проституток прибегали 14 человек³⁰.

В этой связи обращает на себя внимание название статьи, которую прислал в редакцию журнала «Красное студенчество» студент одного из провинциальных сельскохозяйственных вузов: «Половой вопрос у студенчества в связи с переходом на новые методы преподавания в вузах». Статья была написана с пафосом и пропагандировала воздержание.

Мы не можем с полной уверенностью говорить о репрезентативности приводимых данных. Они могут быть предметом специального исследования. Выяснение психологического состояния студенчества в 1920-е — нач. 30-х гг. является сложной задачей, т. к. источниковая база по тому вопросу недостаточна. Согласно данным комиссии по изучению быта студенчества, можно определить господствующие настроение и характер поведения студентов. Настроение у большинства студентов являлось переменчивым — 45 %, ровным — 16 %, спокойным — 13 %, утнетенным — 10 %, пассивным — 7 %, переживающим подъем — 7 %³¹.

По характеру поведения распределение среди студентов следующее: веселое — 20 %, общительное — 42 %, молчаливое — 20 %, утроемое — 18 %. Интересно отметить, что 7 % студентов выразило свое недовольство условиями жизни, из них 20 % пытались покончить собой³². Что касается отношения к попыткам самоубийства, то в периодической печати можно встретить два

различных подхода. Первый (встречающийся достаточно редко) отражает стремление разобраться в обстоятельствах, приведших к попытке. Например: «Студент Павлов, мобилизован на ликвидацию прорыва. В коммуне остались больная жена и двое ребятшек. После отъезда Павлова, сначала один, затем другой заболели ребята. В комнате, нетопленной четыре дня, под плач больных детей мучилась в припадке аппендицита Павлова. Никто из соседок не пришел ей на помощь. Револьвер дал осечку. Самоубийство не удалось. Павлова осталась жива. И это в коммуне, где сорок квартир и где проживают сорок семейств»³³. Этот факт свидетельствует, что люди, проживающие в этой коммуне, были лишены даже простого человеческого сострадания. Автор статьи пытается донести до читателя всю сложность проблемы и не высказывает никаких обвинений в адрес человека, совершившего попытку

суицида, напротив, даже защищает его.

Второй подход поражает своей жестокостью. В целом оценка такова: «Когда суровая действительность нарушает мелкобуржуазную идиллию белоручек, они трусливо убегают с общего поля борьбы, прибегая к самоубийству... Хныкающие и пессимисты, — живые мертвецы, кандидаты в самоубийцы, — враги социализма»³⁴.

Изучение основных аспектов жизни студенческой молодежи показывает, что в период 1920-х — нач. 30-х гг. у подавляющей массы студенчества отсутствовали нормальные бытовые условия для жизни и учебы. Такое положение дел явилось причиной возникновения серьезных межличностных и внутриличностных конфликтов. Хотя студенчество стремилось улучшить свой быт (организацией коммун, коллективного отдыха и т. д.), эти попытки не всегда являлись удачными.

¹ Марков А. Р. Что значит быть студентом. Работы 1995-2002 г. — М., 2005.

² Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. — Краснодар, 2002.

³ Красная молодежь. — 1924. — № 1. — С. 113.

⁴ Красное студенчество. — 1928. — № 28. — С. 28.

⁵ Красная молодежь. — 1924. — № 1. — С. 113.

⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 60. — Л. 126.

⁷ Красное студенчество. — 1929. — № 1. — С. 20; Красная молодежь. — 1924. — № 1.

⁸ Красное студенчество. — 1928. — № 1. — С. 31.

⁹ Там же. — 1929. — № 1. — С. 22.

¹⁰ Там же. — 1925. — № 5. — С. 78.

¹¹ Там же. — 1931. — № 12. — С. 21.

¹² Там же. — 1928. — № 1. — С. 32.

¹³ Там же. — 1929. — № 25. — С. 28.

¹⁴ Там же. — 1928. — № 1. — С. 32.

¹⁵ Там же. — 1929. — № 8. — С. 21.

¹⁶ Там же. — 1930. — № 27. — С. 28.

¹⁷ Там же. — 1931. — № 19. — С. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Красное студенчество. — 1925. — № 6-7. — С. 38.

²⁰ Там же. — С. 39.

²¹ Красный студент. — 1925. — № 1. — С. 24.

²² Красное студенчество. — 1925. — № 5. — С. 79.

²³ Там же. — 1925. — № 6-7. — С. 40.

²⁴ Там же. — С. 44.

²⁵ Студент-пролетарий. — 1924. — № 6-7. — С. 69.

²⁶ Красное студенчество. — 1925. — № 5. — С. 60.

²⁷ Там же. — 1930. — № 27. — С. 29.

²⁸ Там же. — 1931. — № 16. — С. 28.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. — 1925. — № 5. — С. 79.

³¹ Студент-пролетарий. — 1924. — № 6-7. — С. 69.

³² Там же.

³³ Красное студенчество. — 1931. — № 19. — С. 23.

³⁴ Там же. — 1931. — № 6. — С. 25.

Н. А. Араловец (Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XX ВЕКЕ¹

Трансформация брачно-семейных отношений в России в XX в. определялась изменениями ценностей семьи, прежде всего, у населения наиболее крупных индустриальных и административных городских центров.

В конце XIX - начале XX вв. ценностные установки российского населения на брачно-семейные отношения, как правило, основывались на религиозных взглядах. Для России были характерны вероисповедания с разными семейными ценностями. Различный подход к ценностям семьи наиболее распространенных вероисповеданий в России — христианстве, исламе, иудаизме, — имел самое непосредственное влияние на формирование семьи, добрачного, брачного и внебрачного поведения населения, репродуктивные установки, внутрисемейные отношения и т. д.

Наличие разных вероисповеданий в России обусло-

вило вступление в брак в рамках одного вероисповедания, а также одной национальности. По российскому законодательству запрещались браки между христианами и нехристианами. Исключались браки между мусульманами и язычниками. Существовавшие запреты препятствовали распространению межнациональных браков. В этот период вступление в брак в России имело не только жесткие ограничения религиозного и национального, но также социального и сословного характера. Эти положения были закреплены в гражданском законодательстве Российской империи².

В религиозных семейных ценностных установках российского населения существовали также общие положения. Так, вступление в брак и создание семьи было обязательным долгом перед Богом и обществом. При этом желание и чувства лиц, вступающих в брак,

обычно во внимание не принимались. Российское население в условиях сложности разводов было ориентировано на продолжительность брака, стабильность семьи и высокую рождаемость. Внутрисемейные отношения основывались на зависимости жен от мужей, а детей от родителей. В семье существовало четкое возрастное-половое разделение. Религиозные семейные ценности способствовали сохранению в российском обществе раннего вступления в брак, всеобщности брачности и авторитарного характера внутрисемейных отношений.

Однако в начале XX в. религиозные ценности брака и семьи не могли полностью удовлетворить потребности населения. Происходил сложный поиск другой нравственной основы во взаимоотношениях между супругами, родителями и детьми. В этот период П. Сорокин поставил вопрос о кризисе семьи. Нравственные искания особенно ярко проявлялись среди наиболее просвещенной части христианского населения.

Философы Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Н. Ф. Федоров и др. резко критиковали презрение христианства к сексуальной жизни человека. Такие взгляды по существу затрагивали христианские принципы единобрачия и нерасторжимости брака³.

Представители наиболее радикально настроенной части российского общества считали, что брак должен основываться на любви, равенстве супругов, а не на расчете и меркантильных интересах, а также возможности расторжения брачного союза. Однако свободный и добровольный брачный выбор, по их мнению, мог осуществиться только при устранении в обществе частной собственности и неравноправия женщин⁴.

Новые идеи разрушали традиционные религиозно-этические нормы брака и семьи. Это явление проявилось, например, в принятии закона о раздельном проживании супругов.

Первая мировая и гражданская войны, революционные события, особенно Октябрьская революция 1917 г. с последовавшими радикальными изменениями политической системы российского общества и форм собственности, отделением церкви от государства и активной антирелигиозной пропагандой значительно повлияли на трансформацию традиционных норм брачно-семейных отношений. Важнейшую роль играло принятие в октябре 1918 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекунском праве РСФСР. Кодекс устранял все ранее существовавшие социальные и сословные, национальные и религиозные запреты при вступлении в брак. Юридическая сила признавалась только за гражданским браком, т. е. зарегистрированным в органах ЗАГС. Женщины были уравнены в правах с мужчинами. Значительно упрощался бракоразводный процесс⁵.

Взгляды городских жителей на брак и семью в 1920-е гг. отличались разнообразием. Наиболее ярко они были выражены в работах партийных и государственных деятелей. Широкое распространение, особенно среди молодежи, получили взгляды А. М. Коллонтай. Вместе с тем в эти годы в российском обществе доми-

нировала точка зрения о браке как союзе равноправных и свободных людей, независимом от социальной, религиозной и национальной принадлежности, расторгимом, не подлежащим социальному и государственному контролю. Она ярко проявилась в 1926 г. в ходе обсуждения проекта нового брачного законодательства⁶.

Новый Кодекс о браке, семье и опеке был утвержден в 1926 г. на заседании ВЦИК и введен в действие с 1 января 1927 г. Он сыграл немалую роль в разрушении традиционной семьи и способствовал формированию семьи, освобожденной от прежних ограничений, запретов и условностей, выработанных дореволюционным обществом. В Кодексе признавалась юридическая сила за незарегистрированными в органах ЗАГС, т. е. фактическими браками. Это означало, что лица, состоявшие в незарегистрированном браке, получали такие же права, как и в зарегистрированном брачном союзе: на имущество, получение содержания от супруга в случае нетрудоспособности по состоянию здоровья, безработицы, беременности и послеродового периода, а также выплаты алиментов на ребенка⁷.

В 1920-е гг. у городских жителей существовали разные формы брака: гражданский брак, оформленный в органах ЗАГСа, фактический брачный союз, неоформленный в органах ЗАГСа, и брак, освященный церковью, т. е. церковный брак. Однако гражданская форма заключения брака преобладала⁸.

Традиционным этическим нормам противопоставлялась новая пролетарская этика, в основе которой лежал коллективизм. В утрированной форме она была выражена А. Б. Залкиндом. Он, например, полагал, что в основе брачных отношений должны лежать общественные интересы⁹.

Взгляды о превалировании в жизни человека общественных интересов над личными были популярны у горожан. Коллективистские идеи имели позитивное значение. Однако их доминирование обостряло противоречия между семейными и общественными, семейными и внесемейными ценностями. Эти явления нередко приводили к распаду семей.

Юридическое признание прав женщин во всех сферах российского общества стало определяющим фактором в трансформации традиционных брачно-семейных ценностей. Однако фактического равноправия женщин в конце 1920-х гг. не произошло. Роль женщины в этот период, как свидетельствовали многочисленные источники, включая статистические, оставалась в большинстве случаев традиционной: послушная родителям дочь, жена и мать, хозяйка дома и воспитательница детей. Замужние женщины, имевшие детей, в большинстве случаев не были заняты в общественном производстве, а занимались домом. Из данных Всесоюзной переписи населения 1926 г., видно, что замужние женщины и с детьми, и без детей, в основном занимались домом. Активной производственной и общественной деятельностью занимались мужчины¹⁰.

Признание равноправия женщин в российском обществе стимулировало развитие действительного взаимо-

уважения мужа и жены в семье. Однако в 1920-е гг. возникали противоречия между юридическим и фактическим равенством мужчин и женщин в обществе и семье. Женщины освобождались от авторитарного гнета в семье, включались в производственную и общественную жизнь страны. Вместе с тем в эти годы возникла реальная опасность все возрастающих новых внесемейных и многочисленных традиционных семейных обязанностей женщин.

В конце 1920-х гг. у горожан существовали новые ценностные установки на брак и семью, особенно заметно проявлявшиеся в молодежной среде. При вступлении в брак преобладал свободный выбор будущего супруга или супруги. Брак в большинстве случаев основывался на взаимных чувствах, интересах и потребностях, а мотивы стяжательства, расчета и корыстного материального интереса значительно сократились. Религиозные запреты, традиции и обычаи прошлых десятилетий у городских жителей были значительно ограничены. Так, участилось вступление в брак во время постов, что категорически запрещалось церковью. Помесячная регистрация браков в ЗАГСх приобретала все более равномерный характер¹¹. Все это меняло характер брачно-семейных отношений и способствовало распространению преимущественно в городах социально-смешанных и межэтнических браков. Однако традиционные ценности брачно-семейных отношений у горожан сохранялись, несмотря на значительную их трансформацию.

В 1930-е, в отличие от 1920-х гг., в российском обществе наблюдалось нарастание консервативных тенденций в ценностных установках населения. Если в 1920-е гг. общественность широко обсуждала проблемы секса и любви, супружества и регулирования рождаемости, проводились разнообразные обследования, то в 1930-е гг. эти вопросы не только не обсуждались, но и профессионально не изучались. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами, супругами рассматривались только как нравственно-этические. Только вступление в брак и создание семьи общественным мнением оценивалось положительно и связывалось с нравственным поведением. Усилились осуждения добрачных сексуальных связей молодежи, внебрачных отношений и внебрачной рождаемости. Неуважительное и часто подозрительное отношение проявлялось к не состоявшим в браке мужчинам и особенно женщинам. Личная жизнь человека, семья считались второстепенными и даже ничтожными, пустяковыми по сравнению с масштабными проблемами индустриализации и коллективизации, образования и культуры. Подобные взгляды не только значительно усложняли брачно-семейные отношения, но и приводили к бесчисленным драмам¹².

В эти годы существенно повысился контроль над брачно-семейными отношениями горожан со стороны комсомольских, партийных и профсоюзных организаций. Общественные организации могли вмешиваться в сложнейшие проблемы брака, семьи, внебрачных отношений. Контроль осуществляли и коллеги по работе,

а также многочисленные соседи, особенно в условиях коммунального проживания большинства городских жителей. Он значительно усилился в результате проведения в РСФСР паспортизации и введения в 1932 г. в городах прописки. Кроме того, в 1936 г. были запрещены аборты. Усложнен развод. Эти явления особым образом отражались на формировании личности, взаимоотношениях мужчин и женщин, супругов, а также на брачно-семейных отношениях. Однако в эти годы фактические браки были сохранены¹³.

Важно также отметить, что в 1930-е гг. семейные ценности городского населения определялись дальнейшей трансформацией религиозного сознания. Неверующие горожане особенно активно способствовали изменениям традиционных устоев брачно-семейных отношений¹⁴.

Самым негативным образом отразился на семье голод 1932-1933 гг. Отрицательно сказывались массовые репрессии. Наблюдался рост числа неполных семей с женщинами во главе. Многие семьи перестали существовать: родители были арестованы, многие из них погибли, дети находились у родственников или передавались в детские дома. При этом детям, не знавшим своих фамилий в силу возраста, давали другие. Такие явления значительно усложняли возможность воссоединения освобожденных родителей или одного из них со своими детьми. Были известны случаи публичного отказа детей от репрессированных родителей, жен — от мужей или мужей от жен. Подобные случаи особенно отрицательно сказывались на семейных ценностях.

Огромные людские потери мужчин в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. обусловили численное увеличение не состоявших в браке женщин активных брачных и репродуктивных возрастов, неполных семей, вдов и разведенных женщин. Повысилось также число материнских семей, т. е. одиноких женщин с внебрачными детьми. Значительное влияние на их распространение оказал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. о ликвидации института фактического брака и усложнении процедуры развода. В годы войны заметно выросла численность сирот, в том числе в детских домах. В то же время многие семьи усыновляли детей. В условиях военного времени заметно повысилась самостоятельность женщин и детей. Демографические последствия Великой Отечественной войны оказали серьезное влияние на изменение традиционных семейных ценностей в послевоенный период, особенно в годы «хрущевской оттепели»¹⁵.

В семейных ценностях горожан в эти годы снижались консервативные установки. Показательно, что юноши и девушки в большинстве случаев считали основой прочного брачного союза взаимные чувства и общность взглядов, доверие и искренность отношений. Об этом свидетельствовал материал обследования, проведенного в 1962 г. в ленинградском Дворце бракосочетаний. В условиях либерализации половой морали в молодежной среде были популярны взгляды о воз-

возможности сексуальных отношений с любимым человеком до вступления в брак. Этому также способствовала легализация абортов в 1955 г.

В мотивации вступления в брак и создания семьи значительно выросли ценности самостоятельного брачного выбора юношей и девушек. Однако согласие родителей на брачный выбор детей традиционно сохранялось, но решающего значения не имело. Материальная зависимость от родителей не влияла на решение молодых о вступлении в брак¹⁶.

Религия и религиозные ценности, включая брачно-семейные, рассматривались в эти годы как пережитки, которые необходимо преодолевать в сознании людей. Неприятие в российском обществе религиозных ценностей брачно-семейных отношений ускоряло трансформацию традиционных нравственных устоев семьи.

Сокращались социальные и национальные мотивы брачного выбора. Популярными были взгляды о том, что для настоящей любви не имеет значение род занятий и место работы, образование и профессия, уровень заработной платы и жилищные условия любимого человека. Основной акцент делался на искренность, благородство и чистоту этого чувства, взаимность устремлений. Такие мотивы брачного выбора были характерны не только для молодежи, но и для людей средних и пожилых возрастов. Однако при вступлении в брак все же имело значение и образование, и профессия, и национальность, и круг знакомых, и положение родителей будущего супруга или супруги. Семейные конфликты часто возникали из-за низкой зарплаты, плохих жилищных условий, разного образовательного и профессионального уровня супругов¹⁷.

Дальнейшее развитие в эти годы получила точка зрения о примате общественных интересов над личными и семейными ценностными установками. Такие взгляды способствовали повышению и без того многочисленных нагрузок у работавших женщин. В официальных постулатах основной упор в супружеских отношениях делался на общности идейных взглядов и убеждений. В качестве будущей жены приветствовались общественно активные женщины, хорошие специалисты, уважаемые в коллективе. Однако в повседневной жизни члены семьи тяготели к психологической близости, вниманию, взаимопониманию, сердечности¹⁸.

Стремление женщин к активной профессиональной и общественной жизни за пределами семьи, полному равноправию в брачно-семейных отношениях, интимности в супружестве усиливали противоречия в браке и ускоряли развод. Нередко женщины были их инициаторами.

Изменение потребностей горожан в ценностях семьи и положения женщин в обществе и семье, а также доминирование в конце 1950-х гг. в городах простых и малодетных семей, соответствовало переходу от традиционных к современным семейным ценностям, от традиционной к современной семье, т. е. демографическому переходу.

Во второй половине XX в. у городских жителей

преобладали современные нормы брачно-семейных отношений. В городах снизился внешний контроль над жизнью семьи и, тем самым, усилилась автономность семьи в обществе. Этим явлениям соответствовало упрощение процедуры развода в 1965 г. и особенно в 1968 г. В Указе, принятом Президиумом Верховного Совета СССР 10 октября 1965 г., сокращалось судебное рассмотрение дел от двух инстанций до одной. Отменялось также положение Указа Президиума Верховного Совета СССР (8 июля 1944 г.) о публикации в газете объявления о расторжении брака. В Кодексе о браке и семье РСФСР, принятом в 1968 г., процедура развода была еще более упрощена. Так, супруги, не имевшие общих детей до восемнадцати лет, при обоюдном согласии имели право не обращаться в судебные инстанции, а разводиться в ЗАГСе.

Обследования, проведенные в 1960-1970-е гг. на крупных промышленных предприятиях РСФСР, показали значительное распространение взглядов на любовь как духовное чувство и высочайшую ценность в жизни человека. Большинство участников обследования отмечали, что именно любовь должна быть эмоциональной основой брака. Негативное отношение к любви в брачном выборе проявилось у меньшинства опрошенного населения. Однако понимание любви носило сугубо индивидуальный характер, что, несмотря на близкие ценностные установки супругов на брак и семью, нередко вызывало конфликтную ситуацию в брачно-семейных отношениях¹⁹.

В ценностных взглядах горожан на брак и семью в 1970-е гг. появились новые аспекты. Дальнейшее разъединение и автономизация брачного, сексуального и репродуктивного поведения населения заметно снижало традиционные запреты и ограничения в сексуальном поведении не только мужчин, но и женщин. Особенности воспитания юношей и девушек в 1960-е гг. удерживали многих из них от сексуальных добрачных контактов. Однако в последующие годы в условиях постепенной либерализации половой морали сексуальные добрачные контакты молодежи возрастали. Обследования, проведенные среди студентов в Ленинграде, показали, что в 1957 г. большинство опрошенных юношей вступало в первую сексуальную связь в 19-21 год, девушек — 22-24 года, в 1971 г. — соответственно 16-18 лет и 19-21 год. Аналогичные явления наблюдались и в других российских городах. Они фиксировались не только среди студентов, но и среди рабочих и служащих.

Многие юноши и девушки считали любовные отношения самоценными. Они могли привести к вступлению в брак и созданию семьи, а могли и не закончиться заключением брака. Эти ценностные установки молодежи в условиях низкого уровня сексуальной культуры в обществе способствовали росту внебрачных рождений у женщин до восемнадцати лет. Так, в Свердловске внебрачная рождаемость у молодых женщин в возрасте до восемнадцати лет составляла 0,7 %, а во второй половине 1970-х гг. — 1,3 %. Росло число добрачных

зачатий. Из данных социологов видно, что в Ленинградском дворце «Малютка» в 1963 г. из 287 супружеских пар 69 (24 %) зачали ребенка в среднем за три месяца до юридического оформления брака, а в декабре 1978 г. из 643 пар 243 (38 %). В отдельных случаях добрачные зачатия приводили к вынужденным бракам. Такие брачные союзы, по данным многочисленных исследований, не были продолжительными.

Однако даже в условиях либерализации сексуальной морали горожане часто отрицательно оценивали распространение сексуальных добрачных отношений среди молодежи. Такие оценки порождали в семье конфликтные ситуации между родителями и взрослыми детьми. Конфликты нередко вызывали дробление семей за счет отделения от родителей взрослых детей, особенно сыновей. Проведенные обследования также показали неподготовленность большинства юношей и девушек к вступлению в брак и созданию семьи. Они часто не имели реальных представлений о брачно-семейных отношениях, что в последствии сказывалось на стабильности брачного союза²⁰.

В супружестве повышались сексуальные ценности. Вступление в брак не всегда связывалось молодыми супругами с деторождением. Тем более, что решение о рождении ребенка супруги принимали, исходя из собственных желаний, без внешних вмешательств. Данные явления обусловили дальнейшие изменения репродуктивного поведения населения²¹. Однако в эти годы у городских жителей сохранялись и традиционные семейные ценности, и стереотипы брачного поведения.

Заметно повысились у горожан индивидуальная избирательность брачного выбора и морально-психологические требования к браку и семье в 1980-е гг. Об этом свидетельствовали данные опросов, проведенных в 1982 г. в крупных городах Урала. Их изучение показало, что у молодых супругов в иерархии жизненных ценностей ведущее место (80,0 % от числа опрошенных) занимали взаимопонимание и доверие. Ценности супружеской любви у супругов Златоуста составляли 44,4 %, а в Магнитогорске — 46,4 %. Повысились среди молодоженов ценности собственного здоровья. За них высказались 60,2 % опрошенных в Златоусте и 57,0 % в Магнитогорске. Важно отметить, что ценности материального благополучия, а у молодых специалистов — интересной и творческой работы, были выше ценности детей. Так, в иерархии жизненных ценностей у молодых супругов ценности материального благополучия составляли от 31,7 % до 45,0 %. В Златоусте и Магнитогорске на значимость первенца как основной жизненной ценности указало всего 2,2 %, в Свердловске — 5,0 %.

Среди наиболее важных условий счастливого брака 68,1 % опрошенных назвали взаимоуважение и согласие супругов; 66,1 % — взаимную любовь; 51,0 % — верность супругов друг другу; 31,0 % — материальное благополучие; 24,3 % — сексуальную гармонию в супружеских отношениях. Из данных проведенных опросов также видно, что в иерархии ценностей

счастливого брака понижалось значение детей: на ценность детей сослалось 15,2 % молодых супругов²².

Данные опросов, проведенных в 1988 г. среди рабочих и интеллигенции Москвы и Львова, свидетельствовали о повышении, особенно по сравнению с прошлыми годами, требовательности к брачному выбору и эмоциональному комфорту в браке, общности интересов супругов и удовлетворенности интимной жизнью. Эта требовательность сильнее проявлялась у женщин с высшим образованием и реже встречалась у мужчин рабочих профессий. В то же время потребность в традиционных семейных ценностях (муж обеспечивает семью материально, жена занимается домашним хозяйством и воспитанием детей) по-прежнему сохранялась у некоторой части городских жителей. Однако, особенно среди молодежи, проявлялась неудовлетворенность сохранением в обществе наиболее консервативных брачно-семейных ценностей.

Удовлетворенность браком и стабильность семьи во многом определялась возможностью самореализации и в семье, и за ее пределами. Отсутствие такой самореализации проявлялось и у мужчин, и у женщин в распространении внебрачных связей и разводах.

В эти годы у городского населения существовали альтернативные семейные стили. Наряду с семьями, основанными на юридически оформленном браке, были фактические семьи, не связанные с регистрацией брака; семьи, образовавшиеся в результате последовательного вступления в повторные браки, т. е. последовательной полигамии; семьи с неродными родителями. Исследователи отмечали также наличие семей с юридически оформленным браком, но раздельным проживанием супругов²³. Однако изменения ценностей брака и семьи, трансформация ранее выработанных в обществе норм и стандартов брачного поведения не убавили у горожан потребности в семейных ценностях.

Отношение населения к альтернативам брака и семьи стало лояльнее в 1990-е гг. Широкое распространение получили фактические брачные союзы как в России в целом, так и в городах. Об этом свидетельствовали данные Всероссийской переписи населения 2002 г. Заметно снизился двойной стандарт в оценках брачного поведения женщин. Тем более, что они часто были фактическими лидерами семьи. Еще более повысилось стремление мужчин и женщин к удовлетворенности браком. Однако реализовать ее в браке стало сложнее, особенно в условиях крайней социальной нестабильности российского общества. Своеобразие ситуации заключалось в том, что у большинства горожан потребность в морально-психологических семейных ценностях возрастала. Массовые опросы населения свидетельствовали о том, что семья сохраняла первое место в иерархии жизненных ценностей.

Распространялись и внесемейные ценности, особенно в условиях значительного повышения внесемейных нагрузок и обязанностей у большинства работающего населения страны. В 1990-е гг. у городских жителей распространялось сознательное одиночество. Неслучай-

но, что в данных социологических обследований, проведенных в эти годы, отмечался сознательный отказ горожан от вступления в брак и создания семьи из-за карьерных устремлений, сложной профессиональной деятельности, желания иметь спокойную и благополучную жизнь. В эти годы отказ от вступления в брак также мог определяться низким материальным уровнем большинства городского населения. Исследования, проведенные в Центральном округе Москвы в 1995 г. под руководством З. А. Янковой, выявили преобладание у опрошенных семейных ценностей и семейного образа жизни. Эти ценностные установки поддерживали 58 % опрошенных москвичей. За совмещение семейного и внесемейного образа жизни высказались 37 %. Отвергали семью, семейный образ жизни 5 % москвичей²⁴. В то же время у части городских жителей выросло стремление к традиционным ценностям семьи

Вступление в брак и создание семьи в 1990-е гг. было связано с регулированием прав собственности. В таких условиях заметно возросли ценности прагма-

тизма и рационализма, особенно у молодежи и, как следствие этого, значительно увеличилось браки по расчету и семьи с традиционными ценностями и традиционным стереотипам поведения²⁵.

Таким образом, в конце XX в. полного обновления семейных ценностей в России не произошло. В установках горожан на брак и семью обострились противоречия между современными и традиционными, семейными и внесемейными ценностями. В условиях значительного обострения в обществе социальных проблем, массового обнищания населения, возникшие противоречия нарастали и болезненно проявлялись в снижении уровня брачности и усилении нестабильности брачно-семейных отношений, повышении числа внебрачных рождений и материнских семей, сознательной бездетности и отказов от родившихся детей, понижении числа рождений и повышении смертей, в том числе от алкоголизма, наркомании и самоубийств, что свидетельствовало о демографическом кризисе в России.

¹ Грант РГНФ № 06-01-00452а

² Гражданское уложение. — СПб., 1902. — Кн. 1. — Ст. 1-8, 157-164.

³ Русский эрос или философия любви в России. — М., 1991. — С. 120-150.

⁴ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 49. — С. 51-52; Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. — М., 1918. — С. 36-47.

⁵ Советское узаконение (СУ). 1917. — Отд. 1. — Ст. 152, 160; 1918. — Ст. 818.

⁶ Брак и семья: Сб. документов и материалов. — М., 1926. — С. 91, 104, 134.

⁷ Собрание кодексов РСФСР. — М., 1927. — Ст. 3, 11, 15.

⁸ Ласс Д. И. Современное студенчество (быт, половая жизнь). — М., 1928. — С. 140.

⁹ Философия любви. — М., 1990. — Вып. 2. — С. 334.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. — М.-Л., 1931 — 1933. — Т. 56. — Вып. 1. — Табл. 8-9; Вып. 2. — Табл. 8-9.

¹¹ Паевский В. В. Вопросы демографической и медицинской статистики. — М., 1970. — С. 350-351.

¹² Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. — М., 1997. — С. 165.

¹³ Кодекс законов о браке, семье и опеке. — М., 1937. — С. 89; Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. — 1991. — № 11. — С. 104-105.

¹⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). — М., 2004. — Т. 7. — С. 62; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. — М., 1991. — С. 106-115; Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. — М., 1996. — С. 96-103; Крупянская В. Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917-1970). — М., 1974. — С. 150.

¹⁵ Законодательство о браке, семье и опеке. — М., 1947. — С. 51-52.

¹⁶ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. — М., 1964. — С. 178-180, 193; Он же. Емельянов К. Л. Брак: идеал и действительность // Социальные исследования. — М., 1970. — Вып. 4. — С. 62.

¹⁷ Нехорошков М. Ф. Семья и религия. — Йошкар-Ола, 1967. — С. 22-25; Человек, общество, религия. — М., 1968. — С. 167; Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. — М., 1996. — Вып. 4. — С. 58; Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского

десятилетия. — СПб., 2003. — С. 272-273; Большакова С. В., Иванова Л. М. Дома, в семье. — М., 1960. — С. 9, 22.

¹⁸ См.: Яхот И. Указ. соч. — С. 105-107; Большакова С. В., Иванова Л. М. Указ. соч. — С. 27; Бойко В. А. Человек — Краснодар, 1962. — С. 15.

¹⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1965. — № 49. — Ст. 725; 1968. — № 27. — Ст. 241; Файнбург Э. Влияние эмоциональных отношений в семье на ее стабилизацию // Социальные исследования. — М., 1972. — С. 4, 10; Кон С. И. Введение в сексологию. — М., 1988. — С. 173.

²⁰ Голод С. Социально-психологический эксперимент как метод социального исследования проблем брака и семьи // Проблемы быта, брака и семьи. — Вильнюс, 1970. — С. 39; он же. Семья и брак: Историко-социологический анализ. — СПб., 1998. — С. 66; Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. — М., 1988. — С. 148; Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. — М., 1990. — С. 52-54; Харчев А. Г., Голод С. И. Молодежь и брак // Человек и общество. — Л., 1969. — Вып. 6. — С. 125-142; Кон И. С. Введение в сексологию. — С. 171-172, 174; Голод С. И. Семья и брак. — С. 66.

²¹ Кон И. С. Сексуальная культура в России. — М.: ОГИ, 1997. — 464 с. С. 176-177; Голод С. И. Семья и брак. — С. 50-89; он же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. — СПб., 1996. — С. 65-71.

²² Зуськова О. Э. Становление семьи и развитие личности // Становление брачно-семейных отношений. — М., 1989. — С. 71; Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Указ. соч. — С. 73-74.

²³ Фотеева Е. В. Развод в представлениях рабочих и интеллигенции // Становление брачно-семейных отношений. — М., 1989. — С. 64; Чистякова Т. Ю. Жизненные ценности и планы незамужних женщин // Там же. — С. 28, 31, 33, 36; Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. — С. 94-95.

²⁴ Голод С. И., Клещин А. А. Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ: Эмпирическое обоснование. — СПб., 1994. — С. 20; Русские: (Этносоциологические очерки). — М., 1992. — С. 166-167; Кучмаев М. Г. Традиционное и инновативное в культуре семейных отношений. — М., 1999. — С. 18, 20.

²⁵ Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. — 1995. — № 10. — С. 96; Кон И. С. Сексуальность и культура. — СПб., 2004. — С. 43-47, 68-69.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ И БРЯНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 2003-2007 ГОДАХ)

Летом 2003 г. на территории Дятьковского района Брянской области и Жиздренского района Калужской области была проведена комплексная этнографическая экспедиция. Материал исследований был апробирован в ходе этнологических экспедиций на территории Брянского, Брасовского и Погарского районов Брянской области. В ходе экспедиции студенты Брянского государственного университета собирали материал по этнографии русского народа. Особое внимание уделялось нескольким темам (жилище, поселение, фольклор, обрядность и др.). Одной из тем было изучение современного состояния семьи и семейных обрядов на территории исследуемого района. Были опрошены жители населенных пунктов Любохны, Фокина, Слободища, Дятькова, Песочни, Людинова и др. (всего около ста населенных пунктов). Население моноэтнично и представлено русскими. Другие национальности составляют доли процента и особого влияния на формирование народной культуры не оказали. Выделяя особенности формирования традиционной культуры, следует уделить внимание факторам внешнего воздействия.

В настоящей работе при определении причин, оказавших влияние на формирование населения Брянской области, не привлекаются данные переписи населения 1989 г., т. к. эти данные отражают последствия изменений в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Юго-западные районы области попали в зону заражения радиацией. Многие населенные пункты прекратили свое существование, население переселено в северные и восточные районы области. В этой зоне произошли и потери людских ресурсов, и утрата культурного достояния.

Исходя из истории Брянщины и Калужской области, а также путей развития их населения, рассматривая местную материальную культуру, можно выделить влияние следующих факторов:

1. Этнический. Край находится на границе трех славянских народов, и его население всегда испытывало влияние народной украинской и белорусской культур. На протяжении веков проходили ассимиляционные процессы. Русское население ассимилировало группы украинцев и белорусов, а в древности в славянской массе растворились балтские и частично финноязычные племена. В результате этих процессов сложилась народная культура, включающая элементы не только русской, но и украинской, и белорусской. Возможно также и сохранение более древних культурных традиций, отразивших мировоззрение славянских племен, населявших край в далеком прошлом.

2. Конфессиональный. Основная религия

на территории края — православие. Особо выделяется вклад в формирование культуры края, сделанный старообрядцами, принадлежащими к одной из ветвей православной религии. Закрытость общин позволила сохранить особенности быта, характерные для XVII-XVIII вв. Среди жителей присутствуют и представители других конфессий: католики, протестанты, иудеи. Однако их численность очень незначительна. В религиозных представлениях любого народа сохраняются архаичные формы еще языческих верований.

3. Социальный. Территория края исторически складывалась сложными путями. Можно выделить три района, развитие которых заметно отличается друг от друга: юго-восточный — с XVII в. входил в состав Северной земли, находившейся на границе Русского государства, затем регион вошел в состав Комарицкой волости. Его территорию с XIX в. составляли преимущественно государственные и дворцовые земли. В северной части края можно отметить преобладание в XVIII-XIX вв. владельческих хозяйств. В западной части еще в XVI-XVII вв. — сочетание полковотенной системы административного управления с органами государственной власти — магистратов и ратуш. В крае существовала сложная сословная структура населения. Разнообразны были и типы сельских поселений: села, деревни, слободы, починки и др. На жизнь поселения оказывал влияние его социально-экономический статус. В более раннее время в XVII-XVIII вв. здесь были и дворцовые поселения (с XIX в. — удельные), церковные и монастырские (с XVIII в. — экономические), владельческие (помещичьи и с конца XVIII в. владения различных ведомств). Особую категорию в XVIII в. составляли земли, принадлежащие людям «по прибору», из которых был образован особый слой — однодворцы.

Исследование территории Калужской области объяснялось особенностями формирования административных границ в XX в. После Октябрьской революции границы губерний неоднократно перекраивались, сливаясь и распадаясь на новые образования. В ходе этих новообразований калужские населенные пункты на краткий срок вошли в состав образуемой Брянской губернии. Общность культурных процессов на исследуемой территории объяснялось вхождением данного района в состав Мальцовского промышленного округа.

Студенты применяли методы опроса, анкетирования, визуального наблюдения. Основным источником служила информация, получаемая в ходе беседы с местными жителями. За период практики собран значительный материал по традиционной культуре. На его основе

можно сделать определенные выводы.

Одним из важнейших институтов любого общества является семья. Ее развитие и функции неразрывно связаны с историей самого общества, ибо семья — это основа хозяйственной и производственной деятельности народа. Той или иной общественно-экономической формации всегда соответствовала определенная организация семьи. Все это нашло отражение в результатах обработки анкет и записей бесед с жителями.

Во второй половине XX в. в семейных отношениях наметились определенные перемены. Прежде всего, расширился круг брачных связей в деревне. У старшего поколения эти связи ограничивались деревнями своего и соседних сельских сельсоветов. Теперь же распространены браки между жителями соседних районов, даже областей. Все это легко объясняется улучшением работы транспорта, совершенствованием транспортной инфраструктуры. Во второй половине XX в. проложено несколько дополнительных дорог, соединяющих поселения. Большая часть из них асфальтирована. У населения появилась возможность для приобретения своего транспортного средства. Это уже не гужевой транспорт, а велосипеды, мотоциклы и автомашины. Среди надворных построек часто присутствует гараж. Были заметно смягчены нравы и обычаи при знакомстве. Процесс знакомства максимально упростился. Большое влияние в разрушении привычных стереотипов оказали средства массовой информации, насаждаемый стереотип отрицания старого, стирание всех условных границ. Эти последние изменения находят осуждение и порицание у старшего поколения. Отмечается порицание современной свободы и у молодежи. Но при этом молодые люди не желают возвращаться к старым ограничениям в семейной жизни.

Знакомство молодежи и добрачный досуг происходили на традиционных деревенских посиделках-досуках, на гуляньях в различные праздники, в гостях у родных и знакомых, на «глядках», — так называли такие смотрины старожилы. Современная молодежь, как и прежде, в основном знакомится по месту работы и проживанию, случаются знакомства в городах по месту учебы. Молодежь проводит досуг в сельских клубах и библиотеках, которые устраивают различные мероприятия. В последнее десятилетие XX в. наметился кризис культурной жизни на селе. Многие клубы были закрыты. Наблюдается отток молодежи в города. Остро стоит демографическая проблема.

Брачный возраст наступал примерно с двадцати лет. С изменением круга брачных связей и брачного возраста менялись и ценностные ориентации при вступлении в брак. Брачный выбор становился самостоятельным, без вмешательства старшего поколения. Браки оформляются в сельсоветах, но в самое последнее время наблюдается и возвращение к венчанию в церкви. Препятствием к восстановлению данного обряда в полной мере служит дальнейшее расстояние от ближайших храмов.

Мотивом при вступлении в брак до сих пор

остается некоторый расчет, хотя личные чувства, духовные и нравственные качества друг друга занимают заметное место у женихов и невест.

Старинные брачные запреты (очередность в браке для братьев и сестер, предпочтительное вступление в брак с людьми своей веры или этнической принадлежности, браки с родственниками в близкой степени родства) ушли в прошлое. О некогда существовавших запретах вспоминают только старожилы, приводя примеры своих родителей и родителей родителей.

Для последнего времени отмечается увеличение числа распадающихся браков. Из причин часто выделяется пьянство одного из супругов. Вообще тема пьянства на селе заслуживает отдельного внимания и принятия мер для ее смягчения или ликвидации. Разрушение ранее общепринятых моральных ценностей привело к массовому спаиванию села и, как следствие, к разрушению института семьи. В общественном мнении продолжает наблюдаться осуждение разводов. Часто к осуждению добавляется жалость и сострадание в отношении оставшихся детей и матерей-одиночек.

По своему составу семьи местного населения относятся к следующим типам:

- 1) супруги — дети;
- 2) один из супругов с детьми;
- 3) супруги без детей;
- 4) трехпоколенные семьи: супруги — дети — внуки;
- 5) очень редкие семьи одиноких сестер или братьев.

Преобладают семьи первого типа. Семьи второго типа — это семьи разведенных или вдовых людей. Супруги без детей — в основном пенсионеры, дети которых живут отдельно. Трехпоколенные семьи бывают разных видов: теца (свекровь) — дети — внуки, мать в такой семье не обязательно ее глава; мать — разведенная дочка с детьми; супруги — женатые дети — внуки.

Современные семьи небольшого размера: от двух до пяти человек. Мало в семьях детей — от одного до двух. Много в деревнях, особенно мелких, удаленных от центральных селений, одиноких людей. Среди них — пожилые, дети которых уехали из деревень. Многие одинокие — это бывшие молодые специалисты, приехавшие на работу по распределению.

В развитии внутрисемейных отношений произошли большие перемены. Понимание традиционного семейного главенства постепенно исчезает, оно теперь осуществляется или супругами совместно, или старшим в семье (свекровью, тещей). Семейный бюджет находится в основном в руках женщин, но в решении домашних дел принимается во внимание мнение всех членов семьи.

В семьях большое внимание уделяется воспитанию детей. Это не только трудовое, но и нравственное воспитание, нередко оно осуществляется одновременно при обучении детей труду и оказании помощи взрослым в семейных делах.

Для крестьянства семья всегда имела исключительно важное значение. От нее зависело его экономи-

ческое и духовно-культурное состояние. Достаточно вспомнить, что вплоть до революции земельные наделы распределялись по количеству едоков мужского пола. Если в семье несколько мальчиков, то семья могла рассчитывать на увеличенный надел. Поэтому создание семьи, вступление в брак было одним из наиболее важных событий в жизни. Оно же во многом определяло и отношение между молодежью. Тема брака постоянно присутствовала и проявлялась в жизни подрастающего поколения и особенно усиливалась по мере приближения к брачному возрасту. Еще при крещении ребенка крестьяне ответственно выбирали крестных, чтобы в дальнейшем не было трудностей при венчании, т. к. близкое духовное родство могло осложнить и даже расстроить будущий брак. Если в первые годы жизни воспитание девочек и мальчиков мало чем отличалось, то примерно в восемь-девять лет начиналась активная подготовка к их будущей роли в семейной жизни. Мальчики приобщались к мужским работам, девочки — к заботам будущей матери и хозяйки. По существу вся добрачная жизнь девушки была подготовкой к замужеству, а мальчика — к женитьбе.

Важное место в предбрачной жизни молодежи занимали девичьи гадания о замужестве, апогее которых приходился на святки. С заключением брака были связаны и дни святых, особо почитаемых девушками и женщинами как помощников в замужестве, родах и женских работах. Это были: Покров Пресвятой Богородицы, празднование Казанской иконы Божьей Матери, день мученицы Параскевы Пятницы, день Космы и Демьяна, Введение во храм Пресвятой Богородицы, дни великомучениц Екатерины, Варвары, а также Андрея Первозванного и др.

Интересно проследить, как изменялась свадебная традиция в районе на протяжении XX в. До революции свадьба являлась церковной формой регистрации семейных отношений. Новым рубежом в осуществлении свадебной обрядности стала революция. В результате коренных преобразований в стране резко изменились и культурные ориентиры, и ценности. Для поборников старого времени традиционная обрядность прочно ассоциировалась с церковью. Наличие близкого соседства действующего мужского монастыря только усиливала антирелигиозные настроения. Традиционная народная культура подвергалась нападкам, осмеянию и запретам. Вместо старых традиций уже с первых лет революции пытались создать новую обрядность, соответствующую государственной идеологии, но далекую от старой народной традиции.

Большую роль в разрушении традиционного крестьянского свадебного обряда сыграла и популярная в советском обществе идея о необходимости ликвидации различий между городом и деревней. Сельская молодежь нередко отказывалась справлять свадьбу по-старому, перенимать обычаи у старшего поколения, тем самым нарушая преемственность традиции.

В течение всего советского периода существовали как бы две основные формы свадебного обряда:

официальная и традиционная. В какие-то периоды эти формы разграничивались и существовали изолированно (20-30-е гг.), в другие — начинали взаимодействовать, дополняя друг друга (50-80-е гг.). К 70-80-м годам усилилась тенденция к проведению официальных, более торжественных свадеб. Их праздновали в домах культуры. Для них создавались специальные ритуалы. В 80-90-е годы была сделана попытка шире распространить и внедрить в жизнь «новый» обряд, сформировавшийся на основе сценариев и рекомендаций, составленных профессиональными работниками культуры. Частично эти сценарии повторяли гипертрофированные элементы традиционной обрядности с элементами массовой культуры, основанной на идеологических установках. Сейчас вызывает удивление воспоминание о так называемой «комсомольской» свадьбе. В условиях запрета на употребление в местах массового отдыха спиртных напитков, на столах присутствовали только чайные сервизы, водка разливалась из заварочного чайника, гости после каждого глотка «чая» усиленно заедали его бутербродами.

В конце 80-х — начале 90-х годов на всей территории Брянской и Калужской областей, как и в России, в целом отмечался интерес к национальным корням, народным праздникам и фольклору. Свадьбы по традиционным обрядам снова стали считаться более престижными. Однако большинство участников, даже при знании общей схемы действия и многих обрядовых элементов и фольклора, не могли вести себя, как положено, в той или иной ситуации. За долгие годы забвения и небрежного отношения к традиционной культуре была нарушена естественная передача народных знаний, исторических навыков, произошли необратимые изменения в общем культурном и духовном облике деревни.

В сельской местности до сих пор сильны не только связи семей с родственниками, но и внешние связи. Они сохраняются с дальними родичами, с соседями, друзьями, товарищами по работе. Прочными остаются связи родителей с детьми, живущими в пределах одного селения и далеко друг от друга. Осуществляется помощь родителей детям при их вступлении в брак как в материальной форме, так и в воспитании внуков, когда они появляются. Дети, живущие отдельно от родителей, приезжают к ним помочь в домашних делах (работы на огородах, ремонт построек, заготовка сена и др.). Постоянная взаимная денежная поддержка родителей и детей теперь редка. С детьми, живущими рядом, связи более тесные и разносторонние: это не только трудовая помощь, но и совместный досуг, проведение праздников, дней рождения, юбилеев и других семейных дат, это и постоянная помощь в присмотре за детьми.

Существуют и другие семейно-родственные связи. Прежде они были довольно широкими, включали в родственный круг и свойственников, и духовных родственников (крестных, крестников, духовных братьев и сестер, кум и кумовьев и т. д.). Между ними осуще-

ствлялась постоянная взаимопомощь во всех делах и семейных событиях. Некоторые виды таких связей сохраняются и сейчас, особенно помощь престарелым, если все живут близко друг от друга.

На селе очень сильны соседские связи. Они разнообразны: это и совместная работа на приусадебных участках, помощь в домашних делах и уходе за скотом в случаях болезней или отлучек, присмотр за детьми, совместные покупки и подвоз друг другу различных вещей, стройматериалов и т. п. Передким бывает и совместный досуг соседей, особенно пожилых и старых людей. Молодежь же чаще прибегает к помощи друзей, товарищей по учебе, работе.

Место религии в семье не во всех поселениях одинаково. В большинстве селений мужчины сдержанно относятся к вере. Напрямую заявили о религиозности и соблюдении обрядов лишь женщины среднего и старшего возраста. Молодежь воспринимает церковь как атрибут истории и культурной принадлежности данного региона.

Собранный полевой материал о семье и семейных отношениях свидетельствует о том, что местная сельская семья развивается в том же русле, что и русская семья других регионов. Изменения, происходившие в ней, были результатом общих преобразований в хозяйственной, социальной, культурной жизни села.

Е. И. Сазонова (Муром)

«КАНОНИЧЕСКИЕ» СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОТОАРХИВОВ ЖИТЕЛЕЙ МУРОМА)

С изобретением фотографии и кинематографа наступила эпоха невербальной истории. Теперь историю можно видеть и даже подолгу рассматривать. С развитием в конце девятнадцатого века фотографической техники и появлением фотоаппаратов у многих людей (не профессиональных фотографов), фотография быстро начала распространяться в повседневной жизни. Она настолько внедрилась в частную жизнь, что, пожалуй, нет такого человека, у которого не существовала бы его личная «фотоистория». Простой фотолюбитель начинает фиксировать окружающий его мир: портреты родственников, друзей, коллег по работе, семейные праздники, путешествия и т. д. Эти непарадные, без ретуши, приватные снимки, иногда не очень хорошего качества, разбросанные по семьям и людям, хранят ценнейшую визуальную историко-культурную информацию. Таким образом, фотография стала «оригинальным оперативным инструментом кодирования, хранения и переноса в пространстве и времени мироотношения человека»¹.

История фотографии, как и творчество отдельных выдающихся фотомастеров, хорошо известна. Фотохроника, рекламная, официальная, художественная фотография, т. е. та фотография, которая соответствует коллективному уровню сознания, изучена и представлена довольно широко, что нашло отражение как в монографиях, так и в отдельных исследованиях. На интимном уровне сознания фотография актуализируется в семейных, домашних фотоархивах, которые все еще остаются закрытыми для посторонних глаз и для исследователей. В них, как в зеркале, отразилась повседневная жизнь обычных людей, у которых возникает потребность фиксировать историю семейной жизни. Не случайно многие фотографии имеют точную дату, имена изображенных персонажей, название события. «Устные рассказы „по фотографиям“», — по наблюдению историка И. А. Разумовой, — неоднократно повторяются в домашней обстановке и обретают

устойчивые формы. Они составляют разновидность семейной фольклорной прозы»².

Семейный альбом — документ по истории семьи, один из символов фамильного единства и истории рода. Он стал настолько типичной принадлежностью домашнего быта, что «в истории семьи, не имеющей такого альбома, невольно видится нечто странное»³. При исследовании большого числа домашних фотоархивов (проанализировано около 6000 фотографий из семейных архивов жителей Мурома) обозначаются характерные сюжеты и события, которые были важны и значимы в жизни людей.

Выделяется восемь основных тем или сюжетов:

1. Портреты родственников, друзей, коллег по работе. Это любительские и студийные снимки (выполненные фотографами-ремесленниками): одиночные, парные и групповые.

2. Детские фотографии: младенцы, первые шаги, игры и игрушки, прогулки, утренники в детском саду.

3. Школьные годы: первое сентября, последний звонок, групповые портреты одноклассников (как любительские, так и профессиональные), школьные мероприятия и турпоходы.

4. Семейные праздники и события: свадьбы, дни рождения и юбилеи, встречи Нового года, похороны.

5. Участие в демонстрациях: 1 мая и 7 ноября.

6. Отдых и путешествия: отдых на юге, экскурсии по разным городам, турпоходы, пикники за городом или во дворе дома, прогулки, отдых на пляже, рыбалка.

7. Армейские фотографии: портреты сослуживцев, приезд родственников на присягу, солдатский быт.

8. Быт: домашние занятия в комнате, во дворе, в саду, в огороде.

«Портреты» и «детские фотографии» занимают более половины всех фотографий домашнего архива. Остановимся на них более подробно.

Портреты

Фотография началась с портрета. Портрет несет в себе наибольший интерес одной человеческой личности к другой. Первые фотографии, выполненные еще в технике дагерротипии, конкурировали с живописными портретами. Фотографическое изображение человека было включено в коммуникативный процесс в начале 1850-х годов, когда французский фотограф А. Диздери приклеил на кусочек картона свой фотоснимок и стал использовать его как визитную карточку. Появление небольших по размеру фотографий «визиток», которыми люди стали обмениваться друг с другом, способствовало появлению семейных фотоальбомов.

Рис. 1. Портрет семьи бухгалтера Г. И. Мочалова. Муром. 1924. Архив Егоровых-Мочаловых

Фотопортреты близких родственников, парные и индивидуальные, выступают в роли фамильных реликвий. Размещение портретов в городском и сельском доме справа от икон подчеркивает их культовое назначение. Обычно их размещали в рамке под стеклом. Таким образом, фотографии «образовывали особый вид текста — фотоиконостасный»⁴. Интересное наблюдение о фотопортретах сделал православный философ Павел Флоренский. В своей работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изоб-

Рис. 2. Портрет семьи Беккер. Муром. 1924. Собрание Муромского музея

разительных произведениях» он пишет: «Всякий фасовый портрет композиционно относится к разряду икон и, следовательно, в замысел художника должна входить идеализация изображаемого, возведение его к божественной норме, к Божьей мысли о нем»⁵.

Рис. 3. Портрет семьи Федяшевых с улицы Плеханова. 1964. Муром. Архив Глушковых

В отличие от группового снимка настенный парный портрет к середине двадцатого столетия ушел из обихода горожан, оставшись принадлежностью деревенского интерьера, где встречается до настоящего времени. В современных городских квартирах парный портрет иногда воспроизводится как стиль «ретро».

Все портреты, находящиеся в семейных архивах, можно разделить на две большие группы: студийные, выполненные чаще всего безымянными фотографами-ремесленниками, и любительские, сделанные в домашней обстановке.

Рис. 4. Иван и Лидия Парамоновы с дочкой Леной. 1955. Муром. Архив Парамоновых

Рассмотрим студийные фотопортреты. Поколение, жившее при советской власти, помнит, как ходили в фотоателье фотографироваться: наряжались в «выходные» платья, делали прически. Поход к фотографу был маленьким праздником. Фотограф долго устанавливал всю группу, заставлял наклонять и поворачивать головы и, наконец, замереть. Цель таких снимков была одна — сделать карточку «на память о нас всех». Эту, простую на первый взгляд, идею общего портрета объяснила мне моя мама, когда мы большой толпой родственников, еще до появления в нашей семье фотоаппарата (до 1963 г.), собрались в очередной раз в фотоателье. Таким образом, семейные фотопортреты яв-

ляются реликвиями, хранящими изображение рода и передающими информацию о единстве рода.

Несколько слов хочется сказать о художественных достоинствах студийных фотографий. Портреты 1920-1930-х годов сделаны еще в манере девятнадцатого столетия, когда фотография соперничала с живописью и заимствовала у нее художественные приемы.

Рис. 5. Портрет семьи Малкиных. 1957. Архив Петровых

Особенно это чувствуется в построении многофигурных композиций. Родственники располагались живописной группой, образовывали несколько центров, на переднем плане обычно устанавливали детей. Например, на портрете семьи бухгалтера Г. И. Мочалова

Рис. 6. Варвара Ивановна и Леонид Константинович с детьми. 1936. Архив Кротовых

мы видим три центра (Рис. 1). Центральная группа — мать семейства в черном платке, позади нее стоят две дочери. Слева — группа, состоящая из самого бухгалтера, его жены и троих детей. Справа группа из старушки, которую обнимает девочка-подросток, позади них — молодой человек. Несмотря на три центра, вся композиция воспринимается как единое целое благодаря двум девочкам, обнимающим женщин — они замыкают всю группу в единое целое. Вспомогательный портрет нам расскажет о многом. Здесь два мира: городской и деревенский. С одной стороны — бабушки в платках, повязанных на старообрядческий манер, под булавку; молодой человек в ситцевой рубашке навыпуск «под ремень» с крестьянской прической. С другой — жена бухгалтера, одетая по последней моде, с длинными бусами, и сам бухгалтер в белой рубашке, галстук и в очках; их дочери в коротких платьицах, сыночек в шортах.

Продуманная до мелочей композиция чувству-

ется в построении небольших групп из пяти-шести человек. Например, портрет семьи Беккер. Трое взрослых и двое детей. Благодаря тому, что все портретируемые касаются друг друга руками, вся группа вписывается в единый круг (Рис. 2). Отметим, что на большинстве групповых фотопортретов 1920-1940-х годов позирующие люди изображались в рост.

Рис. 7. Семья Гердык-Рыбаковых. Сын приехал на побывку. 1940. Муром. Собрание Муромского музея

К 1950-м годам групповой студийный портрет подвергается значительным изменениям. Композиции упрощаются. Изображения в полный рост встречаются все реже, заменяются изображениями погрудными. Людей незамысловато рассказывают в один, два или три ряда. Декоративные разрисованные фоны выпесняются одноцветной темной или светлой драпировкой или гладкой ширмой. Все портретируемые смотрят прямо в объектив (Рис. 3). Семейный портрет становится скучным, невыразительным. Можно выделить некоторые стереотипы изображения семьи: молодые родители с ребенком на коленях у матери, а самый распространенный трафарет — ребенок в центре, по бокам старшие⁶ (Рис. 4, 5).

Рис. 8. Фото В. Таланова. Бабушка с внуками. 1980. Муром. Архив Талановых

Если студийный портрет становился все более однообразным, то любительский портрет 1920—1980-х годов поражает вариантами постановочных композиций и характерами изображенных персонажей. Повседневная одежда, прически, окружающая обстановка, живые выражения лиц (отсутствуют как на салонных фото напряженные, «застылые» позы) — все эти детали передают атмосферу ушедшего в историю времени.

**Рис. 9. Семья Кукиных в саду.
Карачарово. 1955. Архив Субботиных**

Прекрасна своей непосредственностью семья Целебровских. Молодые родители держат на руках двух малышек. Видно, что они не позировали, дети вертятся: у одного мальчика слегка смазано лицо, а у другого сползла с плеча майка. Родители одеты просто, по домашнему; на заднем фоне прикрытая светлым покрывалом кровать. Портрет передает энергию и счастье этой молодой семьи.

Рис. 10. Празднование Дня Победы. Дмитриевская слобода. 9 мая 1954. Архив Сороковых

На портрете семьи из архива Кротовых (Рис. 6) мы видим, как дети-подростки нежно обнимают родителей. На портрете семьи Рыбаковых — любимый сын на побывке. Он сидит между отцом и матерью, держа их за руки (Рис. 7). Они сидят во дворе на лавочке, на припеке, с радостными лицами. Великолепно переда-

**Рис. 11. Семья Кротовых на крыльце своего дома.
1955. Муром. Архив Кротовых**

но счастье красивой бабушки, окруженной внуками на снимке фотографа-любителя Таланова (Рис. 8). Интересный снимок, изображающий семью Кукиных в саду (Рис. 9). Здесь мы видим два поколения: пожилое (дедушка и бабушка) и совсем молодое (внуки). Внуки как бы припали ко второму ряду, к надежной стене-защите.

Есть любительские портреты, сделанные на фоне занавески или одеяла. Самое распространенное изображение группового семейного фото — на крыльце родного дома, «родового гнезда» (Рис. 10, 11, 12).

**Рис. 12. Фото И. Н. Савина.
На крыльце родного дома по ул. Советской.
1936. Муром. Архив Т. В. Щегловой**

Детские фотографии

Большая часть фотографий семейного альбома посвящена детям. Как пишет французский историк Филипп Арьес, «каждая семья хочет обзавестись портретами своих чад, причем пока они еще дети. Это обычай зародился в XVII в. и никогда не прекращался — фотография в XIX в. приняла эстафету у живописи»⁷.

**Рис. 13. Фото В. Таланова. Счастливая мама.
1954. Муром. Архив Талановых**

В 1950-е годы детские фотографии начинают выделять в отдельные самостоятельные альбомы, чаще всего под названием «Наш ребенок». В нем прослеживается жизнь маленького человека, начиная с его рождения. На многих детских портретах с точностью до дня записывается возраст ребенка, например: «Оле один год, девять месяцев и три дня» (в отличие от живописных портретов средневековья, где возраст

**Рис. 14. С дочкой Светой.
1980. Муром. Архив Елистратовых**

указывался приблизительно). Фиксируются следующие моменты: малыш-голыш, малыш на руках у мамы, первые шаги, прогулки на детской площадке, в парке, на празднике в детском саду. Фотографии позволяют

**Рис. 15. Маленькая Юля у маминой груди.
1932. Муром. Архив Водопьяновых**

проследить меняющееся предметный мир ребенка: его одежду, игрушки, детские коляски, ванночки и пр. Таким образом, такого рода фотографии можно определить как визуальную энциклопедию по этнографии детства.

Рис. 16. Олешка. 1985. Муром. Архив Суховых

Ф. Арьес отмечает, что средневековое искусство до XII в. не касалось темы детства и не пыталось его изобразить. «Реального ребенка, как обнаженного путти, стали изображать на картинах в XVII в.»⁸. Он выделяет три детских типа в изображении ребенка:

**Рис. 17. Первые шаги Сережи Сухарева.
1961. Архив Ганиных**

первый — ангел-служка (отрок, подросток);
второй — младенец Иисус или Богоматерь с сыном, т. к. детство связано с тайной материнства и культом Девы Марии;
третий — обнаженный ребенок.

**Рис. 18. На прогулке с сыном Сережей.
1979. Муром. Архив Талановых**

Два последних типа прочно сохраняются в фотографии, особенно изображение голенького младенца. Тип младенец на руках у матери как символ материнской нежности и любви, широко распространенный в изобразительном искусстве, впервые появился в публичной фотографии благодаря снимку фотографа У. Даунса. Он запечатлел английскую принцессу с ребенком. Этот портрет разошелся в количестве 300 тысяч экземпляров⁹. В семейную фотографию сюжет

**Рис. 19. Ире купили велосипед.
1958. Муром. Архив Карповых**

Рис. 20. Игра на детской площадке.

Поселок Вербовский. 1963. Архив Семиковых

матери и дитя прочно вошел в конце XIX столетия. Но на этих фотографиях изображение женщины чаще всего напряженно-торжественное. В советское время изображение женщины-матери становится более раскрепощенным, домашним, уютным (Рис. 13, 14).

Рис. 21. Девочка на качелях.
1963. Муром. Архив Аксеновых

Часто можно видеть женщину, кормящую младенца грудью (Рис. 15).

Важно отметить, что интерес к ребенку особенно сильно проявляется в первый год его жизни. Многие снимки отражают такой важный момент, как первые шаги (Рис. 16, 17, 18). Самый насыщенный период

Рис. 22. Фото Б. Купряшина. Таня с куклой.
1958. Муром. Архив Купряшиных
детства — «возраст игрушек». Изображение играющих детей многочисленны и разнообразны: на качелях, на велосипедах, с машинками, мячами, куклами

и мишками (Рис. 19, 20, 21).

Изображение девочки с куклой аналогично образу матери и дитя. На многих фотографиях девочки держат в руках куклу заботливо, как настоящего ребенка (Рис. 22).

Рис. 23. Сережа с мишкой.
Муром. 1960. Архив Тагуновых

Следом за куклой одной из любимых игрушек был плюшевый медведь, популярность которого началась с 1902 г., когда американский предприниматель Морис Миштон впервые начал продавать плюшевых медведей в своей лавке. Первые мишки Тедди были с вращающимися лапами. Такого фасона мишек мы видим на фотографиях 1920-1940-х гг. (Рис. 23). В дальнейшем облик мишек меняется, но мода на фотографирование детей с плюшевыми любимцами держится очень долго (Рис. 24).

Рис. 24. Фото П. Сытника.
Оксана с любимым медведем.
1970. Муром. Архив П. Е. Сытника

В этом небольшом сообщении рассмотрены некоторые сюжеты любительской фотографии, отображающие жизнь советских людей. Понятно, что бытовую фотографию нельзя отнести к высокому виду искусства в общепринятом смысле. Она, скорее, является специфической визуальной формой документирования повседневности. Благодаря своей массовости такого рода фотографическое наследие содержит колоссальную историко-культурную информацию. И в этом аспекте любительская фотография пока еще остается не совсем востребованным и, как ни странно, открытым для исследователей источником.

МАТРИАРХАТ: ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Народные легенды

Древние греки верили, что где-то в необъятной Скифии живут амазонки. Женщины у них воюют, а мужчины пасут скот и ведут домашнее хозяйство. Рассказывали еще о нравах острова Лесбос, где в мифологической древности правила женщины. Они захватывали моряков с разбившихся у берегов острова кораблей и держали их, пока не рождались дети, а потом убивали. Новорожденных мальчиков они тоже убивали, и на острове процветала однополая любовь, откуда и слово «лесбиянка».

Заметим: ни один грек ни разу не видел ни одной амазонки. И никогда не был в племени, где правили женщины. Вроде, с амазонками дружил и воевал Геракл... В трех разных городах показывали могилу Геракла, и который из них интимно общался с амазонками, неведомо. Во времена, когда складывались легенды, на острове Лесбос ничего необычного опять же не происходило. Остров как остров, глухая оливково-виноградная «глубинка». Якобы, лесбиянки — все это в «древности» было. Легенды, легенды...

Научные легенды

Само слово «матриархат» ввел в науку швейцарский юрист Иоганн Якоб Бахофен (Базель, 1815-1887). Для этого он соединил латинский корень *mater* (родительный падеж — *matris*) и греческий *arche* (власть). Женонравие. В 1861 г. вышла книга Бахофена «Материнское право». В ней Иоганн Якоб утверждал, что у всех народов развитие семьи шло, проходя одни и те же стадии. От беспорядочных половых отношений, «гетеризма», к материнскому роду, а потом к отцовскому. Причину смены материнского рода отцовским Бахофен видел в развитии религиозных идей. Идею матриархата Бахофен взял из греческих мифов. Эта идея прекрасно вписывалась в идею эволюции человеческого общества.

У Льюиса Генри Моргана (1818-1881) мы уже находим готовую теорию развития семьи и общества в целом¹. Теория Моргана так очаровала классиков марксизма, что Ф. Энгельс почти полностью содрал ее, только по дороге упростил и добавил побольше про труд и про собственность².

Вначале было первобытное стадо, а в нем господствовали неупорядоченные половые отношения (Морган называл их не гетеризм, а промискуитет). Потом появляется материнская родовая община. Люди еще глупые, Моргана не читали, и не знают, что дети рождаются от мужчин. А матерей люди уже знают, и материнский род — объединение людей, которые считают себя потомками одной женщины или женского мифологического предка.

При материнской общине женщины доминируют в обществе. Господствует матрилинейность наследования имущества и положения в обществе. Брак матрилокальный, т. е. муж поселяется на территории общины жены и переходит в ее общину. Но у такого «перешедшего» мужа есть своя собственность, он может оставлять ее в наследство сыновьям... Так зарождается патрилокальный брак.

Потом материнский род сменяется отцовским, люди начинают считать себя потомками предка по мужской линии — реального или мифологического. Мужчины владеют собственностью и потому господствуют в обществе. А у некоторых народов на стадии разложения родового строя появляется этот самый матриархат.

Бахофен в своих изысканиях потревожил только древнегреческие мифы и легенды. Этнографы конца XIX века «нашли» «пережитки матриархата» в Тибете, у минанкабау на острове Суматра, у племен Микронезии, в Древнем Египте.

О матриархате писали очень уверенно, как о реальности. Выходили целые монографии, специально посвященные вопросу³. В популярной литературе о матриархате писали так: «В орде около ста человек, но преобладают женщины... Мужчин мало, они тщедушны, а женщины рослые и сильные». Эта выдуманная фантастом орда захватила современных исследователей и не отпускает, потому что они нравятся женщинам: ведь они «красивее и сильнее мужчин их племени»⁴. Женщины в этой орде «выше и значительно выше в плечах» мужчин, которые возле них «производят впечатление подростков»⁵. Живут групповым браком, но ребенок «имеет одну мать и несколько отцов»⁶. Видимо, все же многомужие?

В Историческом музее выставлены были картины, изображавшие могучих первобытных дам, с пафосом выступавших у костра. Где-то вдали от огня толклись чахоточного вида мужчины с убогим выражением на лицах. Ни одно племя из изученных этнографами никогда не было похоже на людей из этих описаний и с этих картин.

Раньше было, как у Обручева? Но у всех предков человека, неандертальцев, сапиенсов ранних, эректусов (питекантропов и синантропов) половой диморфизм был выражен даже сильнее, чем у современных людей. Ничего похожего на вдохновенные, но плохо нарисованные, а главное — неверные по смыслу картины.

Матриархальные обычаи? Ни у одного племени и никогда не был зафиксирован «матриархат», исключительно «пережитки». Счет родства по женской линии у некоторых африканских племен и в Полинезии, матри-

локальность брака «почему-то» совершенно не препятствует наследованию имущества мужчинами от мужчин (что и вызвало к жизни сложную схему Моргана). Многомужество и в Тибете, и во всех других регионах вызвано вообще не матриархатом, а сознательным желанием сократить число детей и наследников. При очевидной власти мужчин в семье и в обществе.

Дислокальность брака, когда каждый из супругов живет в своей общине, а дети остаются в общине матери, объясняется еще проще: так община сохраняет свое имущество. Причем, дислокальный брак помимо многих первобытных племен Африки, обеих Америк и Океании, зафиксирован в Японии (брак цумадои), у наиров в Индии, а до XIII в. — в Горной Шотландии. Иногда раздельное проживание супругов длится только часть года, что связано с отхожими промыслами или религиозными обычаями. Порой дислокальность брака вызывается просто разделением жилища на женскую и мужскую половину. Муж приходит на женскую половину, и при том у него остается еще мужская... Вероятно, культ рабочего кабинета у интеллигенции XIX в. — тоже проявление то ли матриархата, то ли его пережитков.

Матрилинейность наследования имущества или социального статуса обычно сочетается с патрилинейностью. Род присваивает себе право отправлять функции вождей и жрецов и готов допустить к хлебным местечкам не только сыновей, но и зятёв. Так было и в Древнем Египте, где потенциальных зятёв жреческие роды испытывали на интеллект и стойкость. Своего рода обеспечение притока свежей и при том качественной крови. Если даже женщина в Африке владеет имуществом, то пользуется им и умножает его всегда мужчина. Владение собственностью выступает как некие гарантии для дамы и, главным образом, ее детей.

Реальный «матриархат»

Пресловутые «пережитки» или элементы матриархата действительно известны у ряда племен. У всех этих племен есть одна общая черта: они обитают в комфортной природной обстановке и ведут хозяйство, не требующее затраты большого количества усилий. В таких условиях, во-первых, ослабевают требования к социальной иерархии — она становится не нужна. Во-вторых, общество не востребует от своих членов мужских качеств: не нужно ничего завоевывать, организовывать, не нужен тяжелый, на пределе возможностей, труд, участие в рискованных мероприятиях и так далее. У «матриархальных» племен не столько высок статус женщины, сколько очень низок статус мужчины.

Л. Шапошникова объясняет «матриархат» у племени тогда тем, что в горах Нилгири возник своего рода «пересменок»: матриархата уже нет, женщины не работают в основных сферах производства. Но мужчины за женщин «еще не принялись», и домашним хозяйством они не задавлены⁷. Но из описаний самой же Шапошниковой следует — труд отнимает у мужчин так мало времени, что им не сложно взять на себя многое

в домашнем хозяйстве. А проблемами улучшения, усовершенствования, развития тогда вовсе не озабочены.

Предки всех «матриархальных» племен явно вели совершенно иной образ жизни. Только усилия и тяжкий труд многих поколений создали эту комфортную среду, в которой мужчины могут занять периферийное положение в обществе. Сама же Шапошникова показывает, что предки тогда владели ремеслами, которые потом утратили, и много воевали. Для создания ситуации матриархата нужны немалые усилия мужчин.

У всех «матриархальных» обществ не востребованность мужчин и мужских качеств оборачивается исторической катастрофой. Вековое лежание кверху пузом под бананом в Западной Африке и идиллическая пастба буйволов в горах Южной Индии неизбежно ведет к отставанию, потере активности, организованности, неспособностью дать отпор врагу и выдержать технологическую перестройку. Матриархальные общества — это отстающие общества, обреченные потерять землю, которую предки завоевывали кровью и преобразовывали потом. А патриархальные победители пинками погонят их работать.

Причины создания легенд

Подведем краткий итог: не существует никаких серьезных причин говорить о «матриархате» как некоем этапе в истории развития семьи. Собственно говоря, и групповой брак, и пресловутый «промискуитет» — тоже не доказанные никем, умозрительные теории. В реальных стадах обезьян нет ничего даже отдаленно похожего на промискуитет: действует весьма разная, но всегда очень жесткая иерархия. Ничего похожего на промискуитет не было и нет ни в одном человеческом обществе, кроме разве что сообщества посетителей публичного дома. Теории групповухи... извините, группового брака и промискуитета, говоря откровенно, больше всего похожи на неприличные фантазии подростков, которых не очень умные родители вовремя не заняли чтением и лыжами.

Но — о «матриархате». Наверное, потомкам трудно будет восстановить сейчас еще хорошо понятную логику, согласно которой все женское и материнское считается «хуже» и примитивнее мужского и отцовского, а потому и кажется более древним.

Классики этнографии сочиняли матриархат по той же самой причине, по которой З. Фрейд приписывал женщинам очередной «комплекс»: по поводу отсутствия у них пениса⁸. Удивительно, но Фрейду и в голову не могло придти, что это мужчины могут комплексовать из-за отсутствия у них молочных желез или матки.

Теоретики составляли схему истории первобытного общества, упорядочивали имеющийся у них материал. Но упорядочивая и схематизируя, исходили из своих предрассудков. Как сказали бы американцы, — стереотипов. Ни одному из них не пришло в голову, например, что матриархальные и патриархальные общества могут сосуществовать в одну и ту же эпоху и неплохо дополнять друг друга. Парадоксально — но «матриар-

хат» своим рождением обязан просто патологическому неуважению к женщинам.

Принципиальная невозможность матриархата

У всех видов крупных сложных животных физиологическая норма — смертность 60-70 % новорожденных. Самка шимпанзе и слона рождает за свою жизнь десять-пятнадцать. Семь, десять или даже двенадцать из этих детенышей умрут до того, как станут взрослыми. Вырастут и сами дадут племя те самые два или три детеныша, которые необходимы для воспроизводства вида. Чтобы численность вида не сокращалась, человек должен родить такое же количество детенышей. Мозг человека так громаден, что ему необходима очень большая голова. За то, чтобы рожать умных детенышей с громадным мозгом, женщина расплачивается тремя особенностями.

Особенность первая: женщина с широким тазом менее подвижна, чем мужчина.

У предков человека еще полтора миллиона лет назад таз был узкий, наши предки бегали наравне — самцы и самки. А как только объем мозга увеличился — расширился и таз. Тут-то женщины и стали «слабым полом»: они не смогли ходить и особенно бегать наравне с мужчинами. Широкий таз и меньшая подвижность уже делают женщин более зависимыми от мужчин, чем самок большинства других животных того же размера.

Особенность вторая: тяжелые, драматические роды человека.

Даже недоразвитая голова с подвижными костями черепа у человека с трудом проходит сквозь родовые пути женщины. Самка шимпанзе рождает детеныша, голова которого легко проходит сквозь родовые пути, не делая ни одного поворота. При рождении ребенка человека его голова три раза поворачивается в родовых путях. Роды длятся долго, во время родов и сразу после родов женщина совершенно беспомощна. От 4 до 5 % женщин умирало родами — чаще всего первыми.

Особенность третья: долгое детство человека.

Чем сложнее организм, тем дольше предстоит ему расти. Олененок и лосенок сразу после рождения могут бежать за мамой — буквально через несколько часов. К тому времени, как у лосихи появится новый детеныш, первый будет уже почти взрослым. У волчицы и тигрицы рождаются несколько беспомощных слепых детенышей — но через год (волки) или через два (тигры) у самки рождаются новые детеныши, а эти будут уже самостоятельными.

Человек рождает совершенно беспомощного недоноска. Детеныши всех животных при опасности инстинктивно затаиваются, пытаются спрятаться. Младенец же пугается и дико орет — требует, чтобы ему помогли, защитили, убрали пугающий фактор.

Что стоит для женщины за формулой «родить десять-пятнадцать раз»? Это значит — рожать лет с пятнадцати-шестнадцати каждый год или через год.

Все эти пятнадцать лет постоянно один ребенок еще в животе, второй на руках у груди, третий уже ходит, но плохо. Эти детеныши еще очень долго будут оставаться беспомощными! Когда последний ребенок еще в утробе, старшие только начинают быть самостоятельными, и то не до конца. Самка тоже беспомощна — ведь она не может сама добывать пищу с таким выводком. Самка человека гораздо более зависима от самца, чем самка других животных. Как ухитрились теоретики «матриархата» просмотереть это? Наверное, очень хотелось.

Когда стал возможен матриархат?

В середине XIX в. в цивилизованных странах прошла Великая Гигиеническая революция. Сделалось нормой принимать ванну, мыть ноги, подмываться, чистить зубы. В прусской армии одно время новобранцу выдавали вместе с мундиром и шнурованными ботинками еще и две пары трусов, зубную щетку, кисет с табаком, и второй кисет — с зубным порошком. Европейцы привыкли носить нижнее белье и притом регулярно стирать его и менять. В домах появилась канализация, а в окнах — форточка. Стало нормой регулярно делать влажную уборку, проветривать, выметать мусор. Насекомые — все эти блохи, вши, тараканы, клопы — сделались признаком дурного воспитания и чем-то неприличным для сколько-нибудь культурного дома. Бедных паразитов начали изводить всеми мыслимыми способами, и даже мухи стали редкостью в Германии. Детей стали регулярно мыть, стирать им пеленки, проветривать их комнаты и не давали им грызть собачьи кости и лакать из кошачьего блюдца. В больницах стали применять методы антисептики, начали стерилизовать инструменты перед осмотром пациента, мыть с хлоркой посуду больного.

Еще в Версале XVIII в. платья придворных дам снабжались блохоловками, нечистоты накапливались в ночных горшках и выливались прямо в сад, нижнего белья не носили, а менять ночные рубашки чаще, чем раз в полгода, считалось совершенно не обязательным.

Великая Гигиеническая революция XIX в. совершенно изменила образ жизни людей. Ее самым важным последствием стало почти полное исчезновение детской смертности. Великая Гигиеническая революция сначала уменьшила, а потом фактически отменила детскую смертность. И смертность женщин при родах. В конце XIX века смерть рожениц в Германии упала с обычных 4 % до 0,3 %. Смертность детей с обычных 60-70 % до 7 %. Ко времени первой мировой войны детская смертность во всей Европе составила 4-5 % родившихся.

В России детская смертность у крестьян оставалась очень высокой до конца второй мировой войны, даже до начала 1950-х годов. Еще доживают свой век женщины, которые родили по десять и по двенадцать детей, а сохранили двух или трех. Но и в России к концу 1950-х Великая Гигиеническая революция

победила полностью и окончательно.

К середине XX века женщины реально, не на словах, получили равные с мужчинами возможности.

Востребованные женщины

Несколько поколений действовала инерция сознания: все же считалось, что для женщины главное — сфера отношений и семья. С 1970-х годов в мир пришли поколения, на которых инерция действовала меньше, и хотя бы часть женщин смогла реализовать равные возможности.

Труд перестал требовать большой физической силы. Более того — чем труд более престижен и лучше оплачивается, тем меньше для его выполнения нужны физическая сила и мужские качества характера. В огромных корпорациях, на не трудной физической работе, важны не умение рискнуть, отвага и умение много выдержать. Намного важнее как раз женские качества: умение общаться, интуитивность, умение увидеть проблему в целом. Усидчивость, старательность, умение вникнуть в детали. 60 % руководителей американских фирм полагают, что женщины — лучшие менеджеры, чем мужчины. Герой первого романа В. Суворова убеждается, что «хороший характер и общительность для карьеры куда важнее, чем талант и работоспособность»⁹.

Женщины «накапливаются» в квалифицированных и хорошо обеспеченных верхах общества. Как раз в низах, в мире неквалифицированного ручного труда, им меньше места. Морально женщинам в нашем мире тоже намного комфортнее: их качества больше востребованы.

Новые женщины

К середине XX в. женщины окончательно перестали быть зависимым полом. Женщины стали:

1. Иметь высокий уровень образования, вполне сравнимый с мужским.
2. Выполнять работу, сравнимую с мужской, и получать такую же... ну, почти такую же зарплату.
3. Планировать рождение детей.
4. Самим организовывать романы, не дожидаясь мужской инициативы.
5. Женщины стали легче оставаться одни — особенно в городах. Появились разводы по инициативе женщин.
6. В браке женщины стали равными — в том смысле, что стали требовать себе реального равенства прав и возможностей.

Такие «новые женщины» стали независимыми и экономически, и социально. Они самостоятельны: могут поступать в ВУЗы, менять место жительства. Они могут вообще не рожать детей, если не захотят. Они могут вырастить детей без помощи отца (отцов) этих детей.

Невостребованность мужчин

Мужчины нужны там, где нужен тяжелый труд, риск, умение действовать группой, поддерживая стабиль-

ность или изменяя мир в малом или в большом. Но современный мир не нуждается в мужских качествах, чтобы существовать. Он не стремится развиваться, изменяться и улучшаться. «Я уверен, что самое большое удовлетворение от жизни испытывают те люди, которые взяли за правило делать максимально возможное с тем, что они получают. Фактически, если мы делаем меньше того, на то мы способны, то это один из факторов, которые давят на нашу психику»¹⁰.

В прекрасном новом мире слишком многие мужчины делают меньше, чем они могут, и это давит на их психику. Слишком многие из нас просто не знают, на что себя потратить и на что использовать энергию. В странах, где влияние феминизма велико (в первую очередь США) сами по себе мужские качества кажутся чем-то подозрительным. Мужчины слишком шумные, слишком активные, от них плохо пахнет, и к тому же они агрессивны. «Идеологи феминизма... считают, что насилие какого бы то ни было вида и по какой-либо причине недопустимо. Им очень повезло, что предыдущие поколения не придерживались подобного образа мыслей»¹¹. В современных США Том Сойер и Гекльберри Финн считались бы опасными, повышено агрессивными подростками, которых надо «лечить» специальными препаратами или поместить в заведение для неблагополучных подростков с отклонениями в эмоциональном развитии. Много ли в таких заведениях девочек — пусть «угадает» читатель.

Зачем мужчины в хозяйстве?

Когда-то мы были необходимы женщинам, потому что без нас было не прожить в чисто физическом плане. Сегодня в слаборазвитых странах, в бесчисленных деревнях и маленьких городках Южной Азии, Латинской Америки и Африки все еще трудно прожить без мужчины: там в домашнем хозяйстве много грубой физической работы. Даже бабе из русской или украинской деревни: там и правда, ни хозяйства одной не поднять, и себя не защитить. Но скажите на милость, зачем мы горожанке, имеющей высшее образование? Да еще какое-никакое положение в своей профессии?

Экономически — ни зачем.

И социально мы ей тоже ни зачем.

Починить что-то в доме? Сделать «мужскую» работу? Всегда можно вызвать специалиста.

С мужчинами дамам лучше, — но вполне можно и без них.

К тому же женщины легче переносят сексуальное одиночество.

Ну, и скажите на милость, кто кому нужнее в таком случае?!

Последние сто лет естественно стали звучать вопросы: например, а почему женщины должны непременно готовить и подавать на стол пищу, пока мужчины сидят? Почему они должны стирать и гладить рубашки мужа, а тот не может постирать и погладить их кофты?

Еще сто лет назад они звучали вовсе не естественно, а просто дико. Примерно как вопрос: а почему ребенок рождается через родовые пути, а не через ухо? И почему ходить надо на ногах, а не на руках?

Механизм современного матриархата

Эти изменения создали общество, в котором матриархат стал хотя бы теоретически возможен. Тот самый случай, когда многовековой труд (в основном мужской) создал экономическую базу, при которой мужской труд и мужские качества «обесценились» (как в Западной Африке или у племени тогда). Женщины сделались привилегированным полом, и число их привилегий на данный момент возрастает.

Люди разного пола даже в законе — не равны. Женщины «равнее» мужчин.

Во всех странах западного мира с 1929 г. галантные законодатели дали женщинам всю полноту гражданских прав. Без оговорок. При этом они, конечно же, не возложили на женщин всей полноты гражданских обязанностей. Почти во всех странах дам освободили от военной службы. Во многих странах женщины имеют преимущества при наследовании имущества, у них ниже брачный и пенсионный возраст.

По законам большинства западных государств при разводе муж должен обеспечить бывшей жене привычный для нее образ жизни. Устного заявления женщины в суде достаточно, чтобы суд признал: она не может одновременно работать и заниматься детьми¹². В результате до 75 % доходов мужа может уходить на уплату алиментов — содержание бывшей жены до конца ее дней. На немецком радио ходит ядовитая передача: жена оставляет мужу запись на ролик: «Дорогой, я знаю, что отпуск ты проводишь с секретаршей на горном курорте в Альпах. У меня есть ваши снимки в городе, в бассейне, в гостинице, в ресторане, в сауне — а потому я хочу получить наш дом, мебель, детей, собаку, кошку, книги, твою коллекцию музыкальных дисков а также 75 % доходов, которые ты будешь получать до конца своей жизни».

Добиваться равенства в законе? Но очень многое в общественной жизни вообще не регулируется и не может регулироваться никакими законами. Поэтому мужчины проигрывают еще несколькими способами — уже независимо от законов, написанных людьми на бумаге.

Во все времена у женщин существовал ряд привилегий, и они находились под покровительством общества. Полнота гражданских прав у женщин есть, а привилегии пока остались при них.

Существует некое предубеждение против «мужчины вообще»; закон и общество в случае конфликта — на стороне женщины. При том, что по данным Национального центра исследований в области жестокого обращения с детьми США 59 % лиц, от действий которых произошла смерть детей — женщины. 50 % таких людей — матери этих детей. Только 23 % убийц детей — их отцы и 10 % — отчимы или сожители матерей.

Данные того же Национального центра: жены

признавались, что скорее они будут нападать на мужей, чем мужья на них. Американцы считают, что примерно в 10 % семей жены физически наказывают мужей, и в основном это верхи или средний класс. Семей, где мужчины наказывают жен, не более 1-2 %. И в основном — в низах общества. Так что и семейный агрессор сегодня — не обязательно мужчина. Да, он сильнее, и намного — но у него гораздо больше внутренних, чисто инстинктивных запретов и ограничений. Мы до сих пор исходим из того, что мы — сильные, мы должны быть защитниками женщин, и что далеко не все позволено.

А дамы все еще исходят из того, что они — угнетенный пол, и у них намного слабее инстинктивные программы, запрещающие причинять вред мужчине. Если муж избивает жену — ей сочувствуют, на мужчину негодуют. Но что, если жена избивает мужа? Тогда женщиной чуть ли не восхищаются: ну, бой-баба! А над мужчиной смеются — надо же, собственная жена побил! Есть серьезные причины полагать, что многие преступления сходят женщинам с рук именно потому, что сама полиция не считает их потенциальными преступниками. Полицейские рассказывали мне, что в их организации к женщинам намного более снисходительны: там тоже считают их в первую очередь жертвами.

Можно сколько угодно разглагольствовать о «равенстве», но фактически мужчины и женщины имеют РАЗНУЮ возможность осуществить свои «одинаковые» права. Например, свое право на создание семьи и обзаведение ребенком. В России в 1990 году средний возраст появления первого ребенка у женщин был двадцать два года. У мужчин — двадцать семь лет. Это при том, что мужчины в этом возрасте гиперсексуальны, а потребность в детях у людей совершенно одинаковая — независимо от пола¹³.

Формально — равенство. В жизни никакого равенства нет и в помине.

Применение законов предполагает некую традицию исполнения законов. А традиция обычно — в пользу женщины. В Соединенных Штатах суды отдают после развода супругов детей матерям в 90-95 % случаев (данные У. Фаррелла), в Чехии — в 90 % случаев (данные Радио «Прага»), в России — в 90 % случаев (данные кандидата психологических наук Б. Ю. Шапиро).

В общественной жизни применяется не общий для обоих полов, а двойной стандарт. В представлении общества мужчины «растут» медленнее, и в том же обществе они «еще маленькие», а их сверстницы «уже большие». Молодые женщины в восемнадцать-двадцать пять лет имеют пусть невысокую, но стабильную «стоимость». Мужчины в этом возрасте для общества ценности не представляют. Молодость в любом случае очень трудное время для мужчин, а в нашем обществе это еще и время унижений, — в том числе там, где люди ищут поддержки и помощи — в семье. Лучше и подробнее всего об этом писал А. П. Егидес¹⁴. Анатолий Петрович хорошо показывает, что в перспективе мужчины сводят счеты — но стало быть, есть что сводить?

В обществе сохраняется множество привилегий для женщин. Больших и маленьких. Равноправие или неравноправие, патриархат или матриархат, но до сих пор считается, что женщины должны находиться под нашим покровительством. До самого последнего времени мужчинам вменялось в обязанность уступать место в транспорте и вставать, когда дама входит в комнату. Мне до сих пор трудно сидеть, когда дама при мне стоит — разве что она встала, чтобы подать на стол. В странах Запада уже десятилетия полтора дамам могут не уступать места, и совершенно обычная сцена: дружески беседующие сидящий мужчина и стоящая дама. Но мы до сих пор полагаем, что женщины «имеют право» врать, по пять раз на дню говорить прямо противоположное, быть нелогичными, непоследовательными. А мужчинам по-прежнему нельзя.

Никакие юридические законы не могут отменить инстинктов человека и законов его брачного поведения. У человека все эти законы направлены на «защиту прав» самки. Никакое законодательство не в силах отменить стресс ухаживания. Никто не сможет никакими указами президента или правительства отменить поговорку «если сучка не захочет, кобель не вскочит».

При любом общественном и политическом строе дамы будут иметь большую власть — по крайней мере, в некоторые периоды знакомства пары. Их власть и влияние в семье несомненны и принимаются как факт. Раньше это компенсировалось влиянием мужчин в общественной жизни, патриархальными традициями, экономическими факторами. Был лом, но против него был и прием. А сейчас никакого приема нет в помине.

Замечу: патриархальность общества XIX века тоже определялась не только и не столько законами, сколько традициями их исполнения и обычаями. В законодательстве европейских стран не было статей, позволяющих избивать жен. Тем не менее в 1900 году мужья хотя бы иногда физически наказывали 62 % англичанок и до 40 % немок.

Политические черты матриархата

В данный момент матриархальность общества определяют не столько законы, сколько обычаи и традиции. Но уже сегодня женщины и в официальном законе «равнее» мужчин. Тенденция нарастает. Неко-

торые банки в России возглавляются женщинами и официально отдают предпочтения фирмам, в руководстве которых есть женщины. Но нет ни одного банка, который официально, в уставных документах, отдавал бы предпочтение мужчинам.

От рака простаты и рака молочной железы умирает одинаковое количество людей. Но на изучение и лечение рака простаты в США отпускается в пять раз меньше государственных средств: феминистские организации лоббируют выделения средств из бюджета. У мужчин такого лобби нет и не предвидится.

Мужское сопротивление дискриминации — это отдельные искорки. В США создана Национальная коалиция свободных мужчин. В Чехии с января 2007 г. — Первое национальное движение мужчин. Против феминизма — это как отдельные пехотинцы против конной лавы.

Единственно, чем «сопротивляются» мужчины — это отказом вступать в браки: в браках они чувствуют себя неравноправными. По данным Гамбургского института социальных исследований за последние три года число холостяков до сорока лет возросло с 34 до 43 % мужского населения ФРГ. В США таких чуть меньше — около 30 %. Но в США сказывается многочисленность латиноамериканцев, азиатов и недавних иммигрантов, еще не усвоивших западные стандарты жизни.

Вероятно, в ближайшее время можно ждать появления законов, официально дискриминирующих мужчин хотя бы в некоторых областях жизни.

Перспектива

Разработки теоретиков очень напоминают психологический закон «самосбывающегося прогноза»: люди получают ровно то, к чему готовятся и чего ожидают. Матриархата никогда не было, но сейчас он начал формироваться, причем, как явление, свойственное скорее образованным верхам, чем низшему классу цивилизованных стран и периферии цивилизации. Если матриархальная цивилизация сложится окончательно, ее судьба будет такой же, как судьба племени тогда или западноафриканского народа хауса: экономическая и социальная стагнация, замедление темпов развития, обеднение жизни в целом. Такая цивилизация не долго останется лидером мирового развития. Ее неизбежно сменит цивилизация с совершенно другой системой ценностей и гендерных отношений.

¹ Морган Г. Л. Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — М., 1934.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М. — 1978.

³ Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. — М.-Л., 1948.

⁴ Обручев В. А. Плутония. — М., 1956. — С. 258.

⁵ Там же. — С. 262.

⁶ Там же. — С. 275.

⁷ Шапошникова Л. В. Тайна племени голубых гор. — М., 1972. — С. 275.

⁸ Фрейд З. Я и Оно. — М., 1980.

⁹ Суворов В., Ратушинская И., Геращенко И., Буковский В.,

Ледин М. Золотой эшелон. — М., 2000.

¹⁰ Шлезингер Л. 10 дурацких ошибок, которые совершают женщины, чтобы испортить себе жизнь. — М., 2002. — С. 41.

¹¹ Там же. — С. 438.

¹² При этом по данным Министерства по делам семьи ФРГ дамы занимаются детьми в среднем 2 часа 18 минут в сутки — независимо от того, замужем они или нет, работают или не работают. Но какое отношение имеет этот негалантный и политически некорректный факт к судебной практике?

¹³ Считается, что мужчины хотят детей меньше и хотят их позже. Еще один предрассудок! Все данные науки говорят о том, что между людьми разного пола нет никакой разницы.

¹⁴ Егидес А. П. Лабиринты общения. — М., 2003.

РАЗВИТИЕ ФАМИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Античный мир выводит существование семьи на уровень, связанный с размежеванием частной и публичной жизни, с углублением индивидуально-личностных интимных аспектов семейных отношений. Античная семья в социальном плане еще ориентирована на традиционный родовой быт, на древние патриархальные образцы жизни, но, с другой стороны, она образует уже отдельный от родовых, общественных, государственных структур частный мир человека. То есть в обществе было институционально закреплено право человека на личную жизнь, право на сохранение в тайне некоторых сторон своей жизни, право на некое место, где человек находился бы в своем собственном микросоциуме. Античная мысль дала новый толчок исследованиям социальной сферы. Такие работы Платона, как «Государство» или «Законы», а также «Политика» Аристотеля положили начало изучению отдельных общественных институтов, в частности, государства, семьи, права.

К определению природы и сущности семьи мыслители прошлого подходили по-разному.

Вопрос о том, следует или не следует жениться, долгое время оставался одним из предметов дискуссий и рассуждений о правильном образе жизни. Преимущества и недостатки брака: выгоды, проистекающие от наличия законной супруги, благодаря чему появляется возможность обзавестись достойным потомством, и, в то же время, заботы и хлопоты, связанные с необходимостью содержать жену, воспитывать детей, удовлетворять их потребности — эти темы всегда были источником споров.

В античности страсть любви сакрализовывалась. За ней виделись действия божественных желаний и сил — Афродиты и Эроса. Такая любовь-страсть не укладывалась в обычную ролевою структуру отношений в семье и браке, она разрушала брак. Поэтому в Греции и Риме процветали адюльтер, институт гетер, проституция.

Платон, живший в 427-347 гг. до н. э., перенес рассуждение о любви с мифологического на философский уровень. Любовь — всеобщий принцип, проявляющийся в стремлении к благу и счастью. Платон создал учение об иерархии видов любви. На низшей ступени — получение физического удовольствия, затем любовь к конкретным образцам физической красоты, любовь к красоте в целом и, наконец, агатэ, а также любовь к мудрости, которая, как и религиозные переживания, позволяет познать абсолютную истину. В диалоге «Пир», оценивая семью как «благо», Платон называл ее андрогинном, в котором собирались в единое целое две разобращенные ранее части — мужская и женская, и только в этом случае они могли обрести прежнюю силу, ибо «каждый из нас, — по Платону — это лишь половина

человека, рассеченного на две части», и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину, «одержимый стремлением слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо»¹.

Обычную любовь между мужчиной и женщиной философ ограничивает деторождением; это оказалось весьма ценным для христианской церкви в следующей культуре — средневековой.

Платон предлагал уничтожение частной собственности, общность жен и детей, государственную регулируемость браков, общественное воспитание детей, которые не должны знать своих родителей. Важным для Платона был вопрос об исследовании индивидуальных склонностей и способностей детей, особенно с точки зрения их будущего социального статуса. Требования к профессиональной идентификации, так же как и к формированию мышления и регуляции поведения, лежали в основе теории коллективного воспитания Платона, изложенной в диалоге «Государство».

Платон, решая вопрос о том, какие именно браки для государства наиболее целесообразны и полезны, берет за образец заботливого хозяина псарни, стремящегося максимально улучшить потомство своих собак. «Из того, что мы сказали, вытекает, — утверждает Платон, — что лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и лучших женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, раз наше стадо должно быть самым отборным»².

Благородное происхождение, по Платону, важно, поскольку добродетели научить сложно. Об этом он спорит с Сократом: «Если только существует это единое и если это не плотничье, не кузнечное и не гончарное ремесло, но справедливость, рассудительность и благочестие — одним словом, то, что я называю человеческой добродетелью, и если это есть то, чему все должны быть причастны, и всякий человек, что бы он ни желал изучить или сделать, должен все делать лишь в соответствии с этим единым, а не вопреки ему, и того, кто к нему непричастен, надо учить и наказывать — будь то ребенок, мужчина или женщина, — пока тот, кого наказывают, не исправится, и если, наконец, он, несмотря на наказания и поучения, не слушается и его надо как неизлечимого изгонять из городов или убивать, — если так обстоит дело по самой природе, а между тем хорошие люди учат своих сыновей всему, только не этому, суди сам, как чудно все получается у хороших людей!.. Пока родители живы, они с малолетства учат и вразумляют своих детей и делают это до самой своей смерти. Чуть только ребенок начинает понимать слова, и кормилица, и мать,

и наставник, и отец бьются над тем, чтобы он стал как можно лучше, уча его и показывая ему при всяком деле и слове, что справедливо, а что несправедливо, что прекрасно, а что гадко, что благочестиво, а что нечестиво, что можно делать, а чего нельзя. И хорошо, если ребенок добровольно слушается; если же нет, то его, словно кривое, согнувшееся деревцо, выпрямляют угрозами и побоями. А потом, когда посылают детей к учителям, велят учителю гораздо больше заботиться о благонаравии детей, чем о грамоте в игре на кифаре. Учителя об этом и заботятся; когда дети усвоили буквы и могут понимать написанное, как до той поры понимали с голоса, они ставят перед ними творения хороших поэтов, чтобы те их читали, и заставляют детей заучивать их — а там много наставлений и поучительных рассказов, содержащих похвалы и прославления древних доблестных мужей, — и ребенок, соревнуясь, подражает этим мужам и стремится на них походить. Так поступают особенно те, у кого больше возможностей, а больше возможностей у тех, кто богаче. Их сыновья, начав ходить к учителям с самого раннего возраста, позже всех перестают учиться. После того, как они перестают ходить к учителям, государство в свою очередь заставляет их изучать законы и жить сообразно с предписаниями этих законов, чтобы не действовать произвольно и наудачу. Подобно тому, как учителя грамоты сперва намечают грифелем буквы и лишь тогда дают писчую дощечку детям, еще не искусным в письме, заставляя их обводить эти буквы, точно так же и государство, начертав законы — изобретение славных древних законодателей, — сообразно им заставляет и повелевать, и повиноваться. А преступающего законы государство наказывает, и название этому наказанию и у вас, и во многих других местах — исправление, потому что возмездие исправляет. И при таком-то и частном, и общественном попечении о добродетели ты все же удивляешься, Сократ, и недоумеваешь, можно ли ей обучить! Не этому надо удивляться, а скорее уж тому, если бы оказалось, что ей нельзя обучить. Ты избалован, Сократ, потому что здесь все учат добродетели кто во что горазд, и ты никем не доволен»³.

Заботу о воспитании детей должно взять на себя государство, а не отдельная семья. По этому вопросу он пишет: «Все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц, все равно мужчин или женщин или и тех и других, — ведь занятие должностей одинаково и для женщин, и для мужчин. Взяв младенцев, родившихся от хороших родителей, эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. А младенцев, родившихся от худших родителей или от родителей, обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено, в недоступном, тайном месте. Они позаботятся и о питании младенцев: матерей, чьи груди набухли молоком, они приведут в ясли, но всеми способами постараются сделать так, чтобы ни одна из них не могла опознать своего ребенка. Если материнского молока не хватит, они привлекут других женщин, у кого есть молоко, и позаботятся, чтобы те кормили грудью

положенное время, а ночные бдения и прочие тягостные обязанности будут делом кормилиц и нянек»⁴.

Семейные отношения, по мнению Платона, более совершенны для воспитания, чем общественные, и их можно утвердить в обществе: «Но всякий будет называть своими сыновьями и дочерьми мальчиков и девочек, родившихся на десятый или седьмой месяц от дня его вступления в брак, а те будут называть его своим отцом; их потомство он будет называть детьми своих детей, а они соответственно будут называть стариков дедами и бабками, а всех родившихся за то время, когда их матери и отцы производили потомство, они будут называть своими сестрами и братьями, и потому, как мы только что и говорили, им не дозволено касаться друг друга. Из числа же братьев и сестер закон разрешит сожительствовать тем, кому это выпадет при жеребьевке и будет дополнительно утверждено Пифией»⁵.

Патриархальную семью Платон считал неизменной, исходной общественной ячейкой: государства возникают в результате объединения семей. Однако Платон не был последователен во взглядах на семью. В проектах «Идеального государства» в целях достижения сплоченности общества он предлагал введение общности жен, детей и имущества. Эта идея была не нова. Древнегреческий историк Геродот в своей знаменитой «Истории» отмечает, что общность женщин была отличительной чертой у ряда племен. Такие сведения встречаются на протяжении всей античной эпохи. С точки зрения Платона воин, не имеющий собственности и семьи, с большей готовностью отдаст жизнь за отечество, чем воин, обремененный земными заботами и вынужденный думать о судьбе своих детей и жены после собственной смерти. Что же касается брачных связей, то в этом сословии все, даже самые возвышенные, отношения людей подчинены бездушной, лишенной каких-либо человеческих чувств рациональной целесообразности.

Однако в античности были мыслители, несогласные с Платоном. В диалоге «Об Эротe» Плутарх (ок. 45 - ок. 127) явно полемизирует с «Пиром» Платона. Плутарх формулирует новый идеал платонической супружеской любви. В некотором роде такой идеал был античным вариантом романтической супружеской любви.

Демокрит, живший в 460-370 гг. до н. э., считал, что все зло и несчастья происходят с человеком из-за отсутствия необходимого знания. Отсюда он делал вывод, что устранение проблем лежит в приобретении знаний. Оптимистическая философия Демокрита не допускала абсолютности зла, выводя мудрость средством достижения счастья, он признавал способности от природы, считал музыку и гимнастику средствами воспитания добродетели. Текстов самого Демокрита не сохранилось. Стобей записал следующие высказывания Демокрита: «Иногда молодым присущ разум, а старцам — безрассудство, ибо разуму учит не время, а надлежащее воспитание и природа; обучение вырабатывает доброе ценой трудов, а постыдное пожинается без трудов произвольно; больше людей становятся хорошими благодаря упражнению,

чем от природы; многие, которых не учили разуму, живут разумно, а прекрасное узнают и стремятся к нему только люди, созданные для него; без привычки к труду дети не обучатся ни письму, ни музыке, ни гимнастике, ни, наконец, тому, что в наибольшей степени составляет добродетель — способности стыдиться: ибо в этих занятиях обычно к человеку приходит стыдливость, постоянное общение с дурными увеличивает склонность к пороку»⁶.

Демокрит также касался потребности людей иметь потомство: «Кажется, что иметь детей — одна из естественных потребностей человека, как по природе, так и в силу некоего древнего установления. Это же можно наблюдать и у животных. В самом деле, все животные производят потомство в соответствии с природой, а не ради какой-либо выгоды. Каждое животное, как только у него рождаются детеныши, хлопочет и кормит их, не жалея сил. Пока они малы, родители очень беспокоятся о них и страдают, если с ними случится какое-нибудь несчастье. Такова природа всех одушевленных существ; но у человека издавна установился еще и обычай, чтобы и дети доставляли родителям что-либо хорошее»⁷.

К вопросам семьи и брака Демокрит подходит критически: «Не следует, по-моему, растить детей. Ибо я вижу, что с этим сопряжены многие и большие опасности и огорчения, благ же — мало, да и те слабы и незначительны. Воспитание детей — ненадежное дело: ибо удача достигается ценой борьбы и забот, в случае же неудачи страдание ни с чем не сравнимо. Если у человека есть желание иметь ребенка, то, по-моему, лучше всего взять его у кого-либо из своих друзей. Поскольку он сможет выбрать по своему желанию, ребенок будет таким, какого он хочет. Тот, кто покажется подходящим, подойдет всего лучше и по природным качествам. Усыновление ребенка имеет то преимущество, что при этом можно выбрать себе по сердцу из многих такого, какой нужен. Если же родить своего ребенка, то это связано с большими опасностями. Ведь в этом случае придется довольствоваться таким, какой родится»⁸.

Аристотель, критикуя проекты «идеального государства», развивает идею Платона о патриархальной семье как исходной и основной ячейке общества: каждое государство слагается из отдельных семей, всякая семья составляет часть государства, семья есть «первичное общение». При этом семьи образуют селения, а соединение селений — государство.

Аристотель подчеркивал роль семьи в государстве, роль отца и матери в рождении и воспитании будущих граждан, обосновывал главенствующую роль отца в семье. В «Политике» он пишет: «Итак, из указанных двух форм общения получается первый вид общения — семья. Так как всякая семья составляет часть государства, а все указанные выше люди являются частями семьи и так как добродетели отдельных частей должны соответствовать добродетелям целого, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устройению, то надо иметь также достой-

ных детей и достойных женщин. И с этим необходимо считаться, потому что женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни. Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми — с властью царя. Ведь мужчина по своей природе, исключая лишь те или иные ненормальные отклонения, более призван к руководству, чем женщина, а человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой и незрелый»⁹.

В другой своей работе «Никомахова этика» Аристотель касается взаимоотношений между родственниками, сравнивает родственные отношения с дружественными и половой любовью: «Что касается дружбы родственников, то и она, по-видимому, имеет много разновидностей, но любая обусловлена отеческой, ибо, с одной стороны, родители любят детей как часть самих себя, а, с другой — дети любят родителей, будучи частью от них. Знание родителей, что дети от них, глубже, чем знание рожденных, что они от родителей, и „тот от кого“ сильнее привязан к своему порождению, чем рожденный к своему создателю... Итак, если родители к детям питают дружбу как к самим себе (ведь отделенные от них их порождения — это как бы другие они сами), то дети питают дружбу к родителям как их естественные порождения, а братья любят друг друга оттого, что они по природе от одних и тех же родителей, так как одинаковость с точки зрения [происхождения] создает одинаковость в их отношении друг с другом; отсюда и выражения: „одна кровь“ и „[один] корень“ и тому подобные. Братья, таким образом, представляют собою одно, даже будучи раздельными [существами]. Для их дружбы также много значит совместное воспитание и близость по возрасту, ибо „сверстник к сверстнику“ и при близком знакомстве бывают товарищами, именно поэтому дружба братьев подобна дружбе товарищей.

Дружественность детей к родителям и людей к богам существует как дружественность к благу и превосходству. В самом деле, родителям дети обязаны величайшими благодеяниями, так как в родителях причина самого их существования и воспитания, а затем и образования. Такая дружба включает в себе настолько больше и удовольствия, и пользы, нежели дружба с чужими, насколько в жизни родных больше общего. В братской дружбе присутствует именно то, что в товарищеской, причем между добрыми братьями и вообще в дружбе похожих этого больше в той мере, в какой [братья] ближе [товарищей] и возможность любить друг друга имеют с рождения, и в той мере, в какой более схожи нравами происходящие от одних родителей и получившие одинаковое воспитание и образование; да и проверка временем у них самая длительная и самая надежная. У остальных родственников проявления дружбы также соответствуют [степени родства].

Мужу и жене дружба, по-видимому, дана от природы, ибо от природы человек склонен образовывать, скорее, пары, а не государства — настолько же, насколько семья первичнее и необходимее государства, а рож-

дение детей — более общее [назначение] живых существ [в сравнении с назначением человека]. Но если у других [животных] взаимоотношения [и сообщество] существуют лишь постольку, поскольку [они вместе рожают детей], то люди живут вместе не только ради рождения детей, но и ради других [надобностей] жизни... Этим объясняется, видимо, то, что в данной дружбе присутствует как польза, так и удовольствие. Она будет и [дружбой] по добродетели, если и муж, и жена — добрые люди, ведь тогда у каждого из них [своя] добродетель и оба будут такому радоваться. А дети, как считается, тесно связывают [супругов], потому-то бездетные скорее разводятся: дети — это общее обоим благо, а общее [благо] объединяет»¹⁰.

Обращения к теме семьи и воспитания продолжались и в период эллинизма. Эпикурейцы и киники были принципиальными противниками брака. Стоики же, похоже, напротив, сразу стали его приверженцами. Во всяком случае, тезис о том, что жениться следует, получил в стоицизме самое широкое распространение и вошел в число характерных признаков его индивидуальной и социальной морали. Долженствование брака для стоиков — это прямое следствие принципа, согласно которому к женитьбе человека принуждает импульс, естественный, разумный и единый для всех. Но брак также входит в качестве составного элемента в совокупность задач и обязательств, от исполнения которых человек не вправе уклоняться с того момента, как признает себя членом общества и частью рода людского. Супружеский долг — одна из тех обязанностей, благодаря которым частное существование приобретает всеобщее значение.

Лудий Анней Сенека, живший в I в. н. э., в работе «О благодеяниях» много пишет о взаимоотношениях отцов и детей: «Может ли быть что-нибудь больше того, что родители доставляют детям? Однако и их дары оказываются бесполезными, если ограничиваются только детством, если не будут поддерживаться долговременной заботливостью родителей. Этим же условием связаны и остальные благодеяния: если не будешь прилагать к ним ухода, то потеряешь их. Недостаточно оказать их, надо за ними ухаживать»¹¹.

Сенека обосновывает ведущую роль отца в формировании добродетелей детей: «Что может быть прекраснее юноши, который имеет возможность сказать себе (ибо нельзя этого говорить другому): „Я превзошел отца своего в благодеяниях“? Что может быть счастливее того старца, который всем и всюду станет хвалиться, что он побежден своим сыном в благодеяниях? Ибо, что может быть приятнее, как уступать самому себе?»¹².

Философ Эпиктет в своем труде «В чем наше благо» делает очень ценные замечания по поводу того, что нужно не просто учить детей что-то делать, но и знать, когда и где это нужно делать.

Философ Марк Аврелий в 70-е гг. н. э. в своих «Размышлениях» благодарит богов и своих предков за то, что он счастлив и имеет прекрасную семью: «Деду Веру я обязан сердечностью и незлобивостью. Славе родителя и оставленной им по себе памяти — скромно-

стью и мужественностью. Матери — благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества. Прадеду — тем, что не посещал публичных школ, пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует тратить средств. Богам — тем, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой характер, при котором я при случае и мог сделать что-нибудь подобное; но по милости богов не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить. Им же я обязан и тем, что недолго воспитывался у наложницы деда и что сохранил в чистоте свою юность, не возмужал раньше времени, а даже запоздал в этом отношении. Богов я должен благодарить и за то, что моим руководителем был государь и отец, который хотел искоренить во мне всякое тщеславие и внедрить мысль, что и живя при дворе можно обходиться без телохранителей, без пышных одежд, без факелов, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь весьма близкую к жизни частного человека, не относясь поэтому уже с пренебрежением и легкомыслием к обязанностям правителя, касающимся общественных дел. Их же я должен благодарить, далее, за то, что у меня был брат, который своим характером мог подвигнуть меня на заботу о самом себе и который в то же время доставлял мне радость своим уважением и любовью ко мне; за то, что мои дети не были обижены ни в умственном, ни в физическом отношении, и за то, что я не сделал больших успехов ни в риторике, ни в поэзии, ни в других занятиях, которым, быть может, я бы посвятил себя, если бы знал за собой большую успешность»¹³.

В концепции стоиков не было мыслей о пассивности, беспомощности людей, она была преисполнена веры в человека, в могущество его разума. Сенека писал о том, что деятельный человек не станет отчаиваться, если у него что-либо не получается. С ранних лет детям внушали, что они могут абсолютно все понять и преодолеть. Марк Аврелий в своем наставлении юношам писал, что каждый ребенок должен был понять, что, несмотря на внешние ограничения (бедность, болезнь, рабство и т. п.), в нравственном и интеллектуальном плане он ничем не отличается от более удачливых сверстников и потому законы и требования одинаковы.

В работах мыслителей античного периода впервые были сформулированы многие проблемы семьи и воспитания детей, прежде всего вопросы, связанные с развитием интеллекта, творческой деятельности, а также с изучением роли индивидуальных качеств и способностей в становлении поведения, формировании активной социально адаптированной личности ребенка.

Заслуга античности и в том, что именно в этот период появились первые классификации любви. Различали четыре вида любви: эрос, филиа, агапэ, сторгэ. Эрос — это восторженная влюбленность, телесная

и духовная страсть, бурная тяга к обладанию любимым человеком. *Филиа* — любовь-дружба — более духовное и более спокойное чувство. *Агапэ* — альтруистическая, духовная любовь. Она полна жертвенности и самоотречения, построена на снисхождении и прощении. Это любовь не ради себя, как эрос, а ради другого. *Сторгэ* — любовь-нежность, семейная любовь, полная мягкого внимания к любимому.

В античной традиции брак и любовь противопоставляются уже в греческой мифологии. Брачные отношения являются здесь производными. Они появляются по мере эволюции космоса из Хаоса, в то время как Эрос был богом непроемчивым. Любовь — природная данность, брак — социальный институт. Античных философов мало интересовал вопрос, что такое любовь. В любви не видели тайны, она просто есть, как космос, боги, люди, растения, животные и многое другое, что существует в этом мире. Свои представления о любви философы античности обычно выражали при помощи мифологических образов. Можно сказать, что античный эрос не был связан со сферой семьи. Возможность семейного союза, основанного на любви, лишь косвенно допускается в эпоху поздней античности.

Реальные традиции в брачной сфере, описанные Гомером, с очевидностью подтверждают, что любовь между супругами не рассматривается им как нечто важное для создания семьи. Решение о выдаче замуж и женитьбе принималось отцом. Оно обычно согласовывалось с желанием дочери или сына, но могло происходить и без него. Очень часто Гомер сообщает о том, что невеста становилась даром лучшему из женихов за победу в состязаниях. Именно доблесть является общественно значимым условием вступления в брак.

В основе супружеских отношений лежит не любовь, а добродетель. Любовь находится вне сферы гражданского общества и вне семьи. Добродетель — категория общественная, т. к. знать, что есть зло и что добро, можно только соотносясь с традицией. Знать ее и следовать ей могут только взрослые и разумные члены общества. Например, Одиссей и Пенелопа имеют поэтому эпитет разумный(ая). Недаром Аристотель рассматривал семью как основу всего полисного строя, который, в его представлении, основывался на добродетели, справедливости и законе. Разумные муж и жена должны поступать так, чтобы и сохранять свое имущество возможно в лучшем состоянии. Именно хозяй-

ство и дети — цель семьи, ее благоденствие. Поэтому и супруг, и супруга, каждый со своей стороны, должны заботиться о процветании дома и воспитании детей. Сфера деятельности каждого из них строго разграничена, с одной стороны, в силу божественного предначертания, с другой, — в силу обычая. Бог назначил мужчине труды вне дома, а женщине домашние заботы и, согласно обычаю, женщине приличнее сидеть дома, а мужчине заботиться о внешних делах. Все, что делает жена дома, лишь часть общего порядка, часть забот об общем хозяйстве, ведь хозяйство мужа и жены общее, и они должны быть товарищами в его реализации. Только экономическая самостоятельность и наследники делают семью полноценным элементом гражданского устройства полиса. И эта сфера полностью регулируется обычаем, т. е. общественной добродетелью.

Античность демонстрирует нам и подъемы, и спады семейной жизни. Римская культура в свой ранний период показывает достаточно строгий образец патриархальной моногамной семьи, достаточно высокое положение женщины в семье, нерасторжимость брака за исключением чрезвычайных случаев. Уже в древнейшие времена семья была в Риме прочной и сплоченной ячейкой общества, в которой нераздельно властвовал отец семейства. Понятие семьи было иным, она включала в себя не отца, мать, незамужних дочерей, но и замужних, не переданных формально под власть мужа, наконец, сыновей, их жен и детей. Мать семейства ведала всем домашним хозяйством и занималась воспитанием детей. Но, начиная со II в. до н. э., можно говорить едва ли не о полном распаде римской семьи как таковой.

Ни в Греции, ни в Риме женщина не имела гражданских прав и была отстранена от участия в государственных делах. Однако спартанские женщины считались достаточно независимыми. Если афинянки выходили замуж с четырнадцати лет и жили при муже как безгласные затворницы, то спартанки выходили замуж в восемнадцать-двадцать пять лет, без стеснения могли вступить в разговор с мужчинами и перечить мужьям. Власть женщины-матери над своими уже взрослыми детьми в Спарте была столь же непререкаемой, как и власть государства.

Античность делает семью основой формируемой в это время области частного бытия, имеющей акцент на имущественной, хозяйственной, юридической обособленности индивида от сферы публичной жизни.

¹ Платон. Пир // Платон. Собр. соч. в 4-х т. — М., 1993. — Т. 2. — С. 100.

² Платон. Государство // Платон. — Собр. соч. в 4-х т. — М., 1994. — Т. 3. — С. 235.

³ Платон. Протагор // Платон. — Собр. соч. в 4-х т. — М., 1990. — Т. 1. — С. 434-435.

⁴ Платон. Государство. — С. 236.

⁵ Там же. — С. 237.

⁶ Лурье С. Я. Демокрит. — Л., 1970. — Фрагмент 698.

⁷ Там же. — Фрагмент 721, 722.

⁸ Там же. — Фрагмент 724.

⁹ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х т. — М., 1984. — Т. 4. — С. 401-402.

¹⁰ Аристотель. Никомахова этика // Там же. — С. 237-239.

¹¹ Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Аврелий. — М., 1995. — С. 34.

¹² Там же. — С. 75.

¹³ Там же. — С. 272, 275, 276.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТЕРТУЛЛИАНА

Христианство в I–III вв. оказало значительное влияние на формирование нормативов института брака, трансформацию представлений об идеальных взаимоотношениях супругов. Квинт Септимий Тертуллиан (150/160–222), выдающийся христианский просветитель, автор многих сочинений как апологетического, так и моралистического и догматического характера, имевший особое мнение о семейных отношениях, привнес новое в понимание брака.

Процесс эволюции христианства и увеличения численности верующих привел к необходимости уделять особое внимание проблеме браков с язычниками. Тертуллиан негативно относился к представителям «*castra diaboli*», с которыми «христиане не должны идти ни на какие компромиссы в области идеологии и нравственности»¹. По его мнению, даже «храм Божий... оскверняется присутствием в нем язычника, а тело Христово прикосновением к телу блудницы»². Христианский просветитель считал брак с язычниками проявлением разврата, поэтому христиане, заключающие подобные союзы, «повинны в блуде»³.

Тертуллиан осуждает сознательное вступление в брак христианки с язычником, «ведь такой брак Бог запрещает»⁴. Обращаясь к опыту «смешанных» семей, он говорит о тяжелом положении и незавидной участи обращенной жены, ведь ей придется не только идолопоклонничать, «живя с чужими Ларами, справляя языческие праздники и дни рождения царей»⁵, но и прелюбодействовать, живя в «притоне разврата»⁶. Как она сможет молиться и преклоняться Господу, слыша и даже участвуя в пении «театральных, трактирных, кабацких напевов, в которых все — чужое, враждебное, негодное, увядящее от пути спасения»⁷? Описывая жизнь христианки в таком браке, Тертуллиан подозревает, что она будет находиться в постоянном страхе, а ее муж будет «жаловаться на подобные тайны и даже подозревать... в попытке его отравить»⁸. При этом, несмотря на то, что подобный брак является смертным грехом и несет множество проблем и страданий для христианки, он может, по мнению Тертуллиана, оказаться и полезным для христианской общины. Не исключено, что замужняя христианка внушит мужу-язычнику столько уважения к себе, что сможет «сделать его новообращенным»⁹.

Идеальной формой семейного союза Тертуллиан считает тот, в котором оба супруга являются христианами, т. к. в нем не существует препятствий в служении Господу, в исполнении ежедневных обязанностей, «нет нужды тайком креститься и шепотом произносить молитвы, они вместе поют псалмы и гимны, стараясь друг друга превзойти в восхвалениях Бога»¹⁰, они «вместе молятся, вместе преклоняют колена, вместе постыгаются, взаимно одобряют и поддерживают друг друга»¹¹. Супруги

равны в своей вере, ничего друг от друга не скрывают, не тягостятся друг другом, могут разделить гонения и отдых. Каждого из них в болезни можно свободно посещать, а в нужде поддерживать деньгами, им нет стеснения «творить милостыню, нет опасности присутствовать при совершении Святых Тайн»¹².

Тертуллиан стремится задать гендерные модели поведения для жены-христианки, полагая, что лучшим для нее будет супружество с человеком без состояния, «который может обогатить ее своей бедностью, ведь Царство Божье не принадлежит богатым»¹³. При вступлении в такой союз христианам необходимо, выполнив ряд условий, подготовить себя к обручению: «И возрастом — зрелостью, и плотью — годами, и духом — знанием, и стыдливостью опытом поцелуя, и надежду — ожиданием, и ум — волею»¹⁴.

Тертуллиан — сторонник абсолютной моногамии, ибо «христиане далеки от того, чтобы осуждать союз мужа и жены, союз, благословенный господом, необходимый для сохранения расселения по миру рода человеческого, лишь союз был один, ведь Адам был единственным мужем, а Ева единственной женой»¹⁵. Являясь противником повторного брака, христианский просветитель считает его грехом, ведь вторичное вступление в брак — «против воли Божьей»¹⁶.

Альтернативой традиционного семейного союза в представлении просветителя является «духовный союз» (*virgins subintroductae*), когда во время супружества муж и жена очищают себя добровольной разлукой, «сохраняя целомудрие, прибывая постоянно как бы в безбрачном состоянии»¹⁷. По мнению А. С. Волочкова, «подобные союзы были широко распространены в III в. среди христиан, особенно популярны они были в последующее время среди еретиков»¹⁸.

Несмотря на то, что для Тертуллиана брак — несомненное благо, для него, на наш взгляд, предпочтительнее безбрачие, ибо «апостол предпочитает браку воздержание, он позволяет брак по причине ухищрений искусителя, но предпочитает воздержание в виду скорого конца света»¹⁹. Безбрачное состояние способствует направлению всех помыслов христиан к небесному, а не мирскому. Однако, при всем равнодушии к земным делам, большая часть христиан все же предпочитала жизнь в браке. Безбрачное же состояние язычников, как основывающееся на одном своеволии и распутстве, было во всеобщем презрении, а отцы церкви с уважением смотрели на семью как на «союз, имеющий целью произведение разумных тварей, назначенных для бессмертия. Только они не хотели, чтобы люди искали одного удовольствия в сем священнейшем деле, но чтобы оно было управляемо благоразумием и стыдливостью при постоянном памятовании о Том, Который

проникает в сокровеннейшие тайны, и при строгом блюденнии тела, которое есть храм Его»²⁰.

Опираясь на риторический вопрос Тертуллиана «разве все мы не священники?»²¹, П. Ф. Преображенский и Р. Ю. Виппер утверждают, что Тертуллиан, идеализируя безбрачие, изображает союз супругов-христиан как взаимоотношения двух святых²². По мнению И. Мейендорфа, в раннехристианском сознании «существовала единая этика как для духовенства, так и для мирян, и христианство приписывало браку божественное происхождение, усматривая в нем образ вечного союза между Христом и Его Церковью, а каждый отдельный брак имел вечное измерение, соотносящее его с божественным архетипом, и поэтому его уникальный мистический смысл неповторим»²³. При этом представления о семейных узах, основанных на безбрачии и аскетизме, не являются особенностью мировоззрения только Тертуллиана. Так, А. С. Волочков резонно отмечает, что «отношение христианства к браку было изначально антиномичным, само учение Христа изначально содержало в себе такие элементы, которые рано или поздно могли разрешиться проповедью аскетизма, воздержанием и отказом от семейной практики, но этот путь выбрали только единицы»²⁴.

Неоднозначное восприятие Тертуллианом необходимости семейных уз мы связываем, прежде всего, с теми изменениями в его мировоззрении, которые в итоге привели его к отходу от христианской ортодоксии к так называемой секте Монтана²⁵. В сочинениях, написанных в период ортодоксального вероисповедания, например «К жене», Тертуллиан наделяет семейный союз особыми священными свойствами. В тех же сочинениях, которые были написаны им уже после ухода к монтанистам («О поощрении целомудрия»), христианский просветитель занимает более радикальные позиции по отношению к браку, утверждая, что «брак — это ни что иное, как вид разврата»²⁶, а к супружеским узам, как и к прелюбодеянию, «мужчину и женщину толкает плотское вожделение»²⁷, являющееся грехом. Подобные высказывания объясняются тем, что члены секты Монтана «вели строгий аскетический образ жизни, стремились к возвращению к суровому евангельски простому христианству»²⁸.

Судя по всему, выработывая идеальную модель семейного союза, Тертуллиан опирался на нравственные и моральные ценностные ориентиры, сложившиеся в римском обществе доимперского периода, где, по его словам, «господствовало счастье браков, которое зависело, конечно, от добрых нравов и благодаря чему почти в течение 600 лет от основания Рима ни один брак не был расторгнут»²⁹. Стремление Тертуллиана экстраполировать древнеримские нормы брака на новые аскетические ценности христианства, создало условия для специфического восприятия союза мужчины и женщины, в котором, по его мнению, с одной стороны достаточно архаизма, а с другой — достаточно аскетизма и христианской воздержанности.

Практически все свои сочинения, касающиеся брачных взаимоотношений, Тертуллиан обращает к сво-

ей супруге, и потому они носят явно выраженный дидактический характер. А. С. Волочков объясняет это тем, что «первичное обращение в христианство среди женщин случилось чаще, чем у мужчин»³⁰.

Мыслители всех эпох пытались выявить отличия женского начала от мужского и навязать женщинам такую модель поведения, которая жестко ограничит свободу их самовыражения³¹. В контингенте верующих женщины составляли большинство, поэтому совершенно понятно то внимание, которое Тертуллиан в своих сочинениях уделяет их поведению. В его представлении жена в христианской семье должна занимать второстепенное по сравнению с мужем положение. Это обстоятельство следует объяснять особым отношением христианского просветителя к женщине, которая, по его мнению, изначально грешна, ибо Ева распространила первородный грех на всех, и поэтому «самое лучшее для человека это совершенно избегать женского пола»³². В семейно-брачных отношениях женщины должны полностью подчиняться мужчинам, «склонять головы перед ними, что и будет лучшим украшением для женщин»³³. Жены обязаны «занимать руки свои прядением и ноги свои удерживать дома: от этого они делаются более красивыми. Женщины должны облачить себя шелком честности, целомудрия, пурпуром стыдливости, т. е. нарядом, за который бог полюбит их»³⁴.

Замужней женщине придется забыть об украшениях и косметике, «ведь ни одна жена мужу не кажется безобразной, она достаточно нравилась, когда он выбирал ее за добрый нрав или прекрасную внешность, любой муж требует от своей жены прежде всего целомудрия, ведь христиан красоты не требует, ибо ценное язычниками не может дорого цениться нами (христианами. — С. Ф.)»³⁵. Тертуллиан порицает общее падение нравов времен Империи и вольность римских (языческих) женщин, «которые чего только себе не позволяют: они осмеливаются учить, вступать в прения, заклинать, обещать исцеление, а может и крестить»³⁶. Подобные мысли жена-христианка должна непременно отбросить и «поступать сообразно учению своего супруга»³⁷.

Но и мужьям-христианам Тертуллиан предписывает, подобно женам, вести себя непорочно, «ведь христианину не достаточно быть целомудренным, надо ему таким и казаться». Истинный христианин не должен изменять своей супруге, «ведь он рождается мужчиною только для одной своей жены, и здоровыми глазами не видит в женщинах женщин: его душа слепа для страсти»³⁸.

Много внимания христианский писатель уделяет девственницам и вдовам, т. к. именно они, на его взгляд, являются идеальными христианками, которые выбрали службу Богу. Девственницы были обязаны хранить целомудрие и служить примером для остальных христиан, именно поэтому Тертуллиан явно выделяет их среди общей массы верующих. По его мысли, христиане должны брать за образец их воздержание, «ибо наши сестры (девственницы), отвергли брак и предпочли святость: они Божьи невесты, с Ним они живут, беседуют, с Ним проводят дни и ночи, они избрали благую

участь, и отказавшись от замужества на земле, уже причислены к сонму ангелов, так пусть пример их укрепит в тебе воздержание»³⁹.

Вдовы занимались миссионерством, ходили по домам и несли слово Божье. Они, в представлении христианского просветителя, имеют более высокий статус, чем девственницы, т. к. в воздержании вдовы больше заслуги, потому что она знает, чего лишается. При этом, напоминает Тертуллиан, «уже одним словом, реченным через пророка, Господь нам показывает, сколь почетно вдовство: Вдову и сироту не обижайте, иначе предстанете перед моим судом» (Ис. 1:17). Вдовство, по мнению христианского апологета, почетно и является даже второй попыткой сохранить христианскую невинность, «ведь нужно насладиться воздержанием при первой возможности, чтобы чистоту, которой мы не смогли достичь в супружестве, мы могли соблюсти в вдовстве»⁴⁰.

В своих сочинениях Тертуллиан практически не затрагивает положения детей в христианской семье и проблему их взаимоотношений с родителями. Возможно, это связано с его отношением к детям, «которые в судный день будут обузой, в котором повинен брак»⁴¹. Христиане, которые, считает Тертуллиан, «не должны бы думать о завтрашнем дне, хотят иметь потомство», но, зачем, спрашивает он, «желать детей, когда имея их мы желаем им скорее покинуть наш злосчастный век и быть принятыми у Господа, как того хотел апостол?»⁴² Это обстоятельство исследователи склонны объяснять тем, что «каждая христианская семья представляла собой церковь, где воспитание и положение детей осуществлялось в рамках новозаветной традиции»⁴³, поэтому

не было необходимости регламентации их поведения и воспитания. Однако Тертуллиан отмечает особое отношение своих одноверцев к детям, указывая, что деньги, собранные в общинной казне тратятся «не на пиры, не на попойки и не на неблагодарные харчевни, но на питание и погребение бедных, на мальчиков и девочек, лишившихся имущества и родителей, и на стариков уже домашних»⁴⁴.

Что же касается отношений взрослых детей к родителям, то здесь Тертуллиан придерживается более радикальных взглядов, прямо указывая, что «всякое почитание предков — идолопоклонство»⁴⁵. Мученики же должны полностью отрешиться от своих родителей, ибо, пишет он, «заботы, как родители ваши, тревожат вас (мучеников) только до темничных дверей, в темнице же вы разлучились с миром и не жалеете того, что распрощались с ним»⁴⁶.

Таким образом, представления о семейно-брачных отношениях Тертуллиана со временем претерпели известную эволюцию и поэтому их нельзя оценивать однозначно. Семейные узы для него — священный союз, где муж и жена уподобляются святым, однако сам он более склоняется к безбрачию и аскетизму. При этом некоторые из его взглядов, такие, как моногамия, подчиненное положение женщины в семье, представления о ее изначальной греховности, остаются неизменными. Созданная им идеальная модель семейно-брачных отношений оказалась, в силу своей радикальности, неприемлемой для основной массы христиан. Не найдя себе достаточного количества сторонников, она ушла в небытие вместе со своим «неистовым» творцом.

¹ Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. — М., 1979. — С. 125.

² Тертуллиан. К жене // Тертуллиан. Избранные сочинения. — М., 1994. — II, 3.

³ Там же.

⁴ Там же. — II, 2.

⁵ Там же. — II, 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. — II, 5.

⁹ Там же. — II, 7.

¹⁰ Там же. — II, 9.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же — II, 8.

¹⁴ Тертуллиан. О молитве // Тертуллиан. Избранные сочинения. — 22.

¹⁵ Тертуллиан. К жене. — I, 2.

¹⁶ Там же. — I, 1.

¹⁷ Тертуллиан. О поощрении целомудрия // Тертуллиан. Избранные сочинения. — 1.

¹⁸ Волочков А. С. Пророчица, девственница, блудница... Женщина и женское в раннем христианстве // Адам и Ева. — 2007. — № 14. — С. 139.

¹⁹ Тертуллиан. О поощрении целомудрия. — I, 3.

²⁰ Подробнее см.: Нравы первых христиан / Подг. к публ. Д. Колесниченко // Православная жизнь — 2000. — № 5-7 // <http://pravoslavie.domainbg.com/rus/03/nravyph.htm>

²¹ Тертуллиан. О поощрении целомудрия. — 7.

²² См.: Преображенский П. Ф. В мире античных идей и образов. — М., 1965. — С. 220; Вишпер Р. Ю. Рим и раннее христианство // Избранные сочинения. — Ростов-на-Дону, 1995. — Т. 2. — С. 391.

²³ Мейендорф И. Богословское учение Тертуллиана // <http://www.krotov.org/history/01/kem/114.html>

²⁴ Волочков А. С. Указ. соч. — С. 136.

²⁵ Макарец Ю. М. Быт и повседневная жизнь первых христиан в языческом окружении // <http://www.historichka.spbu.ru/works/hisiane-bit>

²⁶ Тертуллиан. О поощрении целомудрия. — 9.

²⁷ Там же.

²⁸ Столяров А. А. Тертуллиан. Эпоха. Жизнь. Учение // Тертуллиан. Избранные сочинения. — С. 373.

²⁹ Тертуллиан. Апологетик // Тертуллиан. Избранные сочинения. — VI.

³⁰ Волочков А. С. Указ. соч. — С. 125.

³¹ Подробнее см.: Репина Л. П. История Западной Европы: гендерный аспект. — Воронеж, 2001. — С. 12.

³² Тертуллиан. О поощрении целомудрия. — 9.

³³ Тертуллиан. О женском убранстве // Тертуллиан. Избранные сочинения. — II, 4.

³⁴ Там же — II, 13.

³⁵ Там же. — II, 4.

³⁶ Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. — М., 1990. — С. 228.

³⁷ Тертуллиан. О молитве. — 22.

³⁸ Тертуллиан. Апологетик. — XLVI.

³⁹ Тертуллиан. К жене. — I, 4.

⁴⁰ Там же. — I, 7.

⁴¹ Там же. — I, 5.

⁴² Там же.

⁴³ Мейендорф И. Указ. соч. // <http://www.krotov.org/history/01/kem/114.html>

⁴⁴ Тертуллиан. Апологетик. — XXXIX.

⁴⁵ Тертуллиан. О зрелищах // Тертуллиан. Избранные сочинения. — 12.

⁴⁶ Тертуллиан. К мученикам // Тертуллиан. Избранные сочинения. — 1.

ВИЗАНТИЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ СЕМЬЯ: ИДЕАЛ И РЕАЛИИ

В социальной истории нет более значимой и всепроникающей структуры, нежели семья. Это та общая среда, в которой человек учится ходить, есть, говорить, обретает навыки поведения, осознает свою идентичность. Любая известная нам культура прошлого и настоящего, в том числе и византийская, включала институт семьи, необходимый для выживания человека и влияющий на развитие общества.

Все вышесказанное в полной мере относится к византийской семье. Аморфность корпоративной структуры, неустойчивость социальных связей в византийском обществе определили особую значимость родственных отношений в семье ромея. Семья образовывала домохозяйство — простейший экономический и социальный коллектив. Однако византийская семья, как она сложилась в эпоху классической Византии, со своими правовыми установлениями и обычаями, с институтом брака, является продуктом длительного исторического развития и взаимодействия двух форм: римской и христианской семьи. Остановимся на этих формах.

Как и древние греки, римляне видели не малую нуклеарную, а большую, патриархальную семью, группу людей, составляющую домохозяйство (*familia*). Кроме ближайших родственников в нее входили родственники второй и третьей степени, а в знатных семьях также зависимая клиентела и рабы. Римская фамилия была основой экономической, социальной, правовой и религиозной жизни. В хозяйственном плане роль семьи была первична. Семейное имущество являлось совместным имуществом всех членов фамилии. Ярким выражением римской семьи являлась дисциплинарная власть над ее членами со стороны отца семейства.

Другой составляющей являлось христианское представление о семье и браке. В своем понимании различия в людях полов, и собственно понимании семьи и брака, христианская традиция, которая была принята в качестве нормативной в византийском обществе, отмечена внутренними противоречиями. С одной стороны, она являлась наследницей традиции Ветхого Завета, который видит продолжение жизни человека в его потомстве. Так, предки Христа упомянуты в генеалогических экскурсах апостолов Матфея и Луки, а некоторые знаменитые иудейские патриархи были введены в молитвы византийской службы чина «венчания».

С другой стороны, в Новом Завете продолжение рода само по себе перестало быть целью, как это было в иудейской религии. Бездетная женщина больше не проклинаясь, а иудейский закон левирата, который требовал, чтобы человек женился на бездетной вдове покойного брата, «чтобы восстановить его семья», стал бессмысленным. В беседе с саддукеями о Воскресении, Иисус утверждает, что в небесной жизни «не будут

ни жениться, ни замуж выходить» (Мк. 12:18-27; Лк. 20:27-40). Это приводит апостол Павел, чтобы отговорить своих сторонников от вступления в брак и заведения семьи: «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1 Кор. 7:29).

Не принимая во внимание этой эсхатологической стороны христианства, невозможно понять канонического законодательства и литургической традиции, которая была принята Византийской православной церковью. Всем христианам византийской церкви предлагался выбор между аскетизмом безбрачия и семейной жизнью, но в любом случае им предлагалось всей своей жизнью ожидать торжества Царства Божьего. По крайней мере, именно так церковь понимала тот идеал, который призывала искать каждого христианина.

Аскетический идеал безбрачия был принят большинством христианских святых, которые предлагались светскому обществу как образ совершенства и как значительный контраст той половой слабости, которая доминировала в языческом обществе поздней античности. Как говорил Питер Браун, «идеал девственности, которой осуществлялся на практике равным образом мужчинами и женщинами, пользовался нравственным и культурным превосходством в христианской церкви»¹. Тенденция к аскетизму, которая существовала в христианстве со времен Нового Завета, усиливалась учением «энкратитов» или «мессалиан», которые активно впитывали традиции манихейства и особенно сильно распространились в Сирии. Двое крупных сирийских церковных писателей IV в., авва Афраат и св. Ефрем, считали половое воздержание нормой после принятия крещения даже для женатых супругов². Манихейские идеи присутствовали и на Западе, где Августин рассматривал половой инстинкт (*concupiscentia*) как последствие первородного греха, представляя безбрачие намного более желательным статусом, нежели брак.

Для нас является важным, что церковь в Византии определенно отклонила эти крайние аскетические тенденции. Гангрский Собор (340) проклинает «всякого, кто порицает брак» (канон 1), любого «девственника, воздерживающегося от брака, потому что он или она гнушается им, а не ради красоты и святости девственности» (канон 9), любого, «кто, имея девственность, высокомерно возносится над брачными» (канон 10), «всякую жену, которая оставляет своего мужа... гнушаясь браком» (канон 14), и, наконец, «всякого, кто смущается причаститься Святых Даров, освященных женатым священником»³. Подтвержденные позже Трулльским Собором (692)⁴, четыре этих правила оставались нормативными актами для византийцев, особенно в отношении женатого духовенства. Однако верно и то, что многочисленные агиографические тексты продол-

жали прославлять по крайней мере некоторых лиц, которые, казалось, поддавались под анафему Гангских канонов, когда оставляли своих супругов ради аскетической жизни⁵.

Но эсхатологический настрой христианской веры не выражался только в аскетическом идеале. В ней существовало также другое видение эсхатологии: образ грядущего Царства Божьего как брачного пира (Мф. 22:2-12, 25:10; Лк. 12:36), радостное согласие Бога с его созданием. Песня любви, известная как Песнь Песней, которая является частью канона Ветхого Завета, интерпретировалась и раввинской традицией, и христианскими толкователями как притча о Любви Господа к его народу. Это видение вновь ясно появляется в Послании к Ефессянам, где оно применимо к христианскому браку: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же спаситель тела. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его... Тайна сия велика, я говорю по отношению к Христу и к Церкви» (Еф. 5:22-33).

Это воззрение евангелиста на брак было тем принципом, который определил весь подход церкви в Византии к проблеме брака. Был один Господь и один Израиль, один Христос и одна Церковь. Следовательно, абсолютное единобрачие было нормой и разумным основанием христианского брака. По Иоанну Златоусту, взаимная любовь и верность мужа и жены являлись истинной ценностью, которая не могла быть стерта даже первородным грехом и остается в падшем мире как остаток изначального существования в раю первой пары⁶. Нравственная ценность высокого индивидуализма вместе с семейной ответственностью возведена Климентом Александрийским⁷. Еще более значимо, что тот же самый Златоуст преднамеренно выступает против акцентирования Ветхим Заветом рождения ребенка как главного оправдания брака: «Есть две причины, — пишет он, — почему утверждён брак: чтобы сделать нас целомудренными и дать нам детей. Из этих двух причин, первая имеет приоритет... особенно теперь, когда род человеческий заполнил всю землю. Прежде деторождение было желанным, так как каждый человек мог иметь память и продолжение своей собственной жизни. Еще не было никакой надежды на воскресение, а скорее властвовала смерть, и те, кто умирал, полагали, что они окончательно уйдут в небытие после этой жизни. Поэтому Господь дал им утешение в детях... Но теперь, когда воскресение близко, и мы не говорим о смерти, а скорее двигаемся к другой жизни, лучшей, чем нынешняя, мечта о потомстве является тщетной»⁸.

В той традиции, которую представляет Златоуст, только один единственный брак может быть «непорочным», потому что он рассматривается как уникальное отношение между двумя людьми, напоминающее союз между Христом и Церковью. Для апологета II в. Афинагора, «тот, кто разлучает себя со своей первой женой, даже если она уже мертва, является скрытым прелюбодеем. Он сопротивляется воле Господа,

поскольку в начале Бог создал одного мужчину и одну женщину»⁹. Идея, что сама смерть не расторгает брак — который является вечным обязательством любви продолжающейся после воскресения — является тем воззрением, которое объясняет, что повторный брак после смерти одного из супругов или развода только допускается, но никогда не поощряется. Св. Григорий Назианзин, известный как утонченный интеллектуал, говорит: «Если бы существовало два Христа, то было бы два мужа, или две жены; но так как Христос один — одна голова Церкви — то также будет одна плоть; второй брак должен быть отторгнут. И если ты не позволяешь второй брак, то неужели позволил бы третий? Первый является законным, со вторым мы миримся, третий является незаконным, и тот, который совершает противное, подобен животному»¹⁰.

Данный взгляд на существо брака, который представляет полное согласие с византийской христианской традицией, полностью отличен от представления, которое преобладало в христианском мире западного средневековья. На латинском Западе доминирующее место занимала старая римская идея, согласно которой брак — это добровольный контракт между двумя партнерами. Христианство сохранило саму идею контракта, но добавило к ней два момента: то, что этот контракт нельзя разорвать, за исключением смерти одного из партнеров, и что половое общение (само по себе последствие первородного греха), приемлемо в браке только с целью воспроизведения потомства. Следовательно, основное усилие церкви на Западе было связано с сохранением нерасторжимости брака при попустительстве любого числа вторых браков после вдовства. На Востоке развод в некоторых случаях даже требовался (например, в случаях прелюбодейства), но повторный брак никогда не поощрялся.

Христианский апологет II в. Афинагор, уже упомянутый выше, в своем «Прошении», адресованном императору Марку Аврелию, пишет так: «Каждый из нас [Христиан] думает о своей жене, на которой он женился по законам, которые у нас имеются»¹¹. Ни прежде, ни после того, как христианство стало государственной религией, христиане не бросали вызов существующим юридическим нормам, установленным согласно римскому закону относительно заключения обязательства брака. Римское право рассматривало брак как контракт между двумя свободными, заключенный на равных основаниях перед свидетелями. Следовательно, рабы, у которых не было возможности дать «свободное согласие», не могли по закону заключить брак. Этот юридический акцент на согласие выражен в часто повторяемом юридическом принципе, что «*nuptias, non concubitus, sed consensus facit*» («брак является не в сожительстве, а в согласии»), который затем был принят в стандартном византийском Номоканоне в XIV титулах и в Славянской Кормчей¹². По крайней мере, до конца IX в. византийцы в целом заключали брак, рассматривая его в качестве гражданского контракта без какого-либо участия церкви в его узаконивании.

Это, конечно, не означает, что церковь была

безразлична к поведению ее членов в вопросе брака и половых отношений, но к проблемам брака и взаимоотношения между полами церковная власть подходила с точки зрения пасторской, священной и покаянной дисциплины, а не гражданского права. Церковь надеялась, что христианин ведет себя в соответствии со своим крещением, которое позволило ему участвовать в священном, евхаристическом общении. Если он или она отступили от христианских норм, это отступление могло повлечь за собой духовные санкции, включая временное или постоянное отлучение, даже в том случае, если не было нарушено гражданское законодательство. Таким образом, и развод до X в. являлся просто гражданской процедурой, тогда как повторный брак влек за собой покаянную дисциплину.

Как упоминалось ранее, центральный, основной стандарт отношения церкви к браку в течение первого тысячелетия христианства — это идея, что мистический союз Бога и Израиля, Христа и Церкви, отражается только в браке, который является моногамным. Эта идея уже прослеживается у апостола Павла: вдовам разрешается вступить в повторный брак, но не поощряется это делать (1 Кор. 7:39-40). Раннехристианские авторы демонстрируют замечательное согласие в поддержке данного взгляда: единодушие в данном вопросе выражают Тертуллиан, Афинагор, Пастырь Ермы, Климент и Ориген. В IV в. св. Иоанн Златоуст составил трактат, адресованный *Молодой Вдове*, поощряя ее остаться во вдовстве, а не уступать человеческой слабости и вступать в повторный брак.

Старший современник Златоуста, св. Василий Кесарийский, автор многочисленных писем, некоторые из которых были приняты в Византийской церкви как нормативные канонические тексты и санкционированы Трульским Собором (692), пишет: «Правило устанавливает один год отлучения для тех, кто женится во второй раз. Другие авторитеты даже требуют двух лет. Кто вступает в брак в третий раз, часто подвергаются отлучению в течение трех или четырех лет. И такой союз называют не браком, но многобрачием, или вернее заслуживающим наказания прелюбодением»¹³. Это отрицательное отношение ко второму или третьему браку прослеживается в IX в. у св. Феодора Студита. Признавая, что гражданское право санкционировало такие союзы, он запрещает их благословение в церкви¹⁴. Каноны, приписываемые патриарху Никифору (806-815), также запрещают «венчать» любой брак, кроме первого¹⁵. Этот принцип, который запретил духовное благословение в случаях второго и третьего брака, должно быть, бросал вызов прежде всего императорам. Некоторые факты данного и более позднего времени ясно иллюстрируют принцип, лежащий в основе отношения церкви: цель состояла в том, чтобы сохранить в качестве нормы один единственный христианский брак. Однако этот принцип применялся без всякого компромисса только по отношению к духовенству: рукоположение в диаконы и священники строго применялось только или к холостякам, или к мужчинам, женатым однажды на жен-

щине, которая не была ранее замужем. Повторный брак овдовевших священников исключался, что подтверждалось канонами Трульского собора¹⁶.

Смягчение требования относительно светских лиц предполагало наличие двух или, в конечном счете, трех последовательных браков, с абсолютным исключением четвертого. Примечательно, что последующие браки ограничивались в случаях и вдовства, и развода. Кратко отметим эти ограничения по порядку.

Церковная и политическая смута была связана с четвертым браком императора Льва VI в 906 г. Император после смерти своей третьей супруги заставил одного пресвитера, вопреки мнению патриарха Николая Мистика, повенчать его с возлюбленной Зоей Карвонопсиной. Не останавливаясь на перипетиях этого события, укажем на итоговый документ, который положил конец спору, известный как «Том Единения» 920 г. Этот документ представляет собой наиболее целостный набор правил, принятых и церковью, и империей относительно условий заключения следующих браков. Полностью запрещая четвертый брак, «Том Единения» также определяет строгие ограничения в отношении третьего: человек, в возрасте сорок лет или более, может заключить третий союз, понеся церковное наказание в течение пяти лет, но только если он или она не имеют детей от предыдущего брака. Человеку в возрасте сорока лет, имеющему детей, запрещается жениться в третий раз. Человек в возрасте тридцати лет может жениться в третий раз, даже если он или она имеют детей от предыдущих браков, но на них должно наложить четырехлетнюю епитимию¹⁷.

Являясь препятствием для вдового, повторный брак считался еще менее допустимым после развода. В качестве примера можно указать на другой, более ранний скандал, связанный с императором: развод Константина VI с его женой Марией Пафлагонской и второй брак с Феодотой (795), который имел следствием «монашескую» полемику. Несмотря на попустительство со стороны патриарха в свете политики «экономии», второму браку возражал Феодор Студит и создавал в церкви раскол. Это был характерный конфликт, который не так сильно касался принципа *экономии*, т. к. обе стороны его признавали, но зато касался его смысла и последствия. Для политически мыслящих патриархов принцип экономии становился формой практического приспособления к власти имущим. Для монахов он являлся выражением божественного милосердия для кающегося грешника: согласно Феодору Студиту, Константин VI не мог ожидать попустительства, пока он продолжал жить во внебрачной связи с Феодотой, но его можно было простить, если этот союз будет расстроен. В данном случае показательным, как на основе многих других исторических примеров, что не так сильно составил проблему сам развод, сколько повторный брак, хотя развод, конечно, делал повторный брак даже более недопустимым¹⁸.

Византийская церковь, в отличие от светского права, при оглашении и защите принципа нерасторжимости

брака, что утверждалось Иисусом согласно Евангелию (Мф. 5:31-32, 19:3-12, Мк. 10:2-12; Лк. 16:18), никогда не соглашалась с разводом как юридическим фактом. Но она, ссылаясь на известное исключение апостола (Мф. 19:9), признавала прелюбодеяние как законную причину для развода, охватывая и другие ситуации, где мистический союз мужа и жены в действительности прекращал свое существование, т. е. ситуации, эквивалентные фактической смерти одного из партнеров (исчезновение одного из супругов, умопомешательство, насилие)¹⁹. Однако, даже в тех случаях, когда развод допускался, повторный брак, был, в принципе, только допустим и подвержен епитимии, упомянутой ранее.

Были, конечно, также ограничения в отношении первого брака, которые разъяснялись или императорским законодательством, или каноническим правом, или обоими вместе. Так, старый римский принцип, который требовал свободного согласия обеих сторон, подтверждался каноническими текстами, которые аннулируют брак в случаях похищения девушки²⁰. Минимальный возраст для брака был установлен еще Кодексом Юстиниана: четырнадцать лет для юношей и двенадцать для девушек, но требования дипломатии иногда делали это правило довольно гибким. Можно указать на известный пример из поздней Византии: сербский король Милутин женился на Симониде, дочери императора Андроника II, когда ей было только пять лет (1299)²¹. Можно предположить, что другие правила — как, например, запрещавшее браки между близкими родственниками до седьмой степени родства²² — иногда также нарушались. Однако запрещение, установленное Трулльским Собором в отношении брака двух братьев с двумя сестрами²³, кажется, применялось строго, т. к. неприменение данного правила в западном христианском мире часто упоминается византийскими полемистами как одна из «латинских ересей». Также важно было то, что Кодекс Юстиниана²⁴, а за ним и Трулльский Собор²⁵, узаконили связь между кровными и «духовными» отношениями, созданными при крещении. Таким образом, крестным родителям и их духовным детям строго запрещалось вступать в брак не только с человеком, являвшимся восприимчиком при крещении, но также и с его или ее родственниками. Это правило стало показательным известным — и, конечно, легендарным эпизодом, о котором сообщает Повесть Временных Лет, — о княгине Ольге, отклонившей брачное предложение византийского императора, потому что он был ее крестным отцом (957). Император тогда продемонстрировал чувство разочарования, поражаясь ее знанию канонического права.

Последней важнейшей дисциплинарной ситуацией, утвержденной с первых столетий христианства, является требование единства веры между супругами. Собор в Халкедоне (451) запретил православному жениться на нехристе или еретике, если последний не обратился к православной вере²⁶. Трулльский Собор постановляет, чтобы такие браки рассматривались как ничтожные; однако, следуя апостолу Павлу, он разрешил такие «смешанные» браки, если они были заключены

прежде, чем один из партнеров примет православие, потому что тогда «верный» партнер способствует обращению «неверного»²⁷. Данная проблема, при строгом применении канонов, требовала определения, кто являлся «еретиком». В первом тысячелетии существования христианства, т. к. церковь не была непосредственно вовлечена в процесс заключения брачных договоров, вопрос решался на индивидуальном уровне. Было, конечно, много разных суждений относительно того, кто был «еретиком» в период длительных христологических споров в V, VI, и VII вв. Никаких выводов все же не было сделано в отношении дисциплины брака. Поскольку отчуждение между Востоком и Западом было также длительным и постепенным процессом, никакого единого и строгого отношения по вопросу о «смешанном» браке с латинянами фактически не существовало вплоть до падения Константинополя. К X в. относится известное утверждение Константина Багрянородного, который говорил, что «франки» не являются ни «неверующими», ни «некрещеными», и что императорам нужно позволить заключать с ними браки²⁸. В XII в. четыре императора из династии Комнинов были женаты на латинских женах. Можно, однако, предположить, что все они после свадьбы присоединились к православной церкви, к которой принадлежали их мужья-императоры. То же самое можно, вероятно, сказать о других многочисленных случаях, когда латинские жены вступали в семейство византийского императора или византийской знати в XII, XIII и XIV вв., а греческая супруга присоединялась к церкви своего латинского мужа. Мы знаем только об одном случае сознательного сопротивления этому: родившись в латинской церкви, Маргарита Венгерская стала православной, когда она вышла замуж за императора Исаака II Ангела. В 1204 г. она вступила во второй брак с Бонифацием Монферратским, однако в течение нескольких лет отказывалась воссоединиться с латинской церковью. Иннокентий III смог, наконец, поздравить ее, когда она это сделала в 1208 г.²⁹ В большинстве же случаев византийские императоры и знать считали своих дочерей более востребованными, чем их сыновья³⁰, и были готовы по дипломатическим обстоятельствам отдавать их в жены не только латинским князьям, но и монгольским ханам и турецким султанам. Очевидно, в этих случаях не было никакого церковного благословения. Канонисты строго запрещали православным священникам «венчать» такой брак³¹.

Как мы упоминали ранее, христианская церковь первоначально не вводила никакого специального нового способа по заключению брачного контракта, который оставался чисто римским гражданским контрактом. Однако церковь была очень обеспокоена тем способом, которым фактически жили христианские пары как бы супруги. Об этом свидетельствуют обширные канонические сборники, на которые мы обращали внимание выше. Действительно, христианский брак рассматривался как «таинство» (Еф. 5:32), непосредственно был связан с евхаристией, центральным таинством христианской веры, превращавший человеческое тело в «храм

Святого Духа» (1 Кор. 6:19). В древнем христианском толковании свадьба в Кане, которую посетил Иисус (Ин. 2:1-11), единодушно понималась как символ евхаристии, являющейся собственно предвкушением Царства Божьего. Подлинно христианский брак — это, таким образом, «евхаристическое» событие, тогда как браки, отступающие от христианской нормы (вторые браки, смешанные браки и т. д.), требуют епитимии, т. е. временного или постоянного воздержания от участия в таинстве евхаристии. Поэтому впоследствии отцы церкви и византийские канонисты отстаивали святость брака.

В то же время продолжали существовать обычаи вступления в брак, унаследованные от античности, особенно традиция предбрачного дара, преподносившегося женихом невесте, использование венцов при заключении брака. Самая частая форма символизации помолвки заключалась в обмене кольцами, в то время как сам брак включал венчание брачующейся пары. Ранние христианские проповедники выступали против языческих обычаев, используемых в брачной церемонии, а также против длинных празднеств, которые сопровождали их. Однако уже в IV в. св. Григорий Назианзин сообщает, что некоторые христианские семьи просили «венчать» их христианских священников, хотя сам Григорий полагает, чтобы это лучше сделал отец жениха³². Св. Иоанн Златоуст делает следующий шаг в деле постепенной христианизации «венчания», давая ему символическое значение: своими коронами христианская пара демонстрирует победу над чувственным удовольствием³³. В VI в. обычно сам патриарх выполнял чин венчания при императорском бракосочетании. Первый известный случай — бракосочетание императора Маврикия

в 594 г., о котором говорит хронист Феофан³⁴.

Все еще необязательное и, вероятно, ограниченное высокими ступенями общественной иерархии, привлечение духовенства к помолвкам и свадьбам стало реальностью в более поздний период. В конечном счете, церковное «благословение» было санкционировано Эклогой Льва Исавра (741) как дополнительная форма законности брака³⁵. Неким правовым и социальным водоразделом стало издание императором Львом VI (886-912) 89 новеллы: «Мы приказываем, — писал император, — чтобы брачное сожитие было санкционировано свидетельством священнического благословения»³⁶. Этот текст впервые дает церкви исключительную привилегию легализовать браки, давая право церковному суду наблюдать за всеми проблемами законности брака, включая развод и его последствия. Мало того, что церковное «благословение» становится обязательным, но и духовное каноническое полномочие церкви очень существенно расширяется в отношении жизни общества в целом. Однако новелла Льва все же остается в пределах древнего римского законодательства, ограничивающего право на законный брак почетными гражданами, которые могут дать согласие на союз, и таким образом исключает рабов. Только два столетия спустя император Алексей Комнин в 1095 г., мотивируя свое решение ссылкой на «одного Бога, одну веру, одно крещение», распространил и на рабов право законного брака, заключающегося внутри церкви, а обряд обручения приравнял к браку³⁷. Действительно, начиная с X в. формальная церковная церемония стала абсолютным требованием для существования законного брака. Таким образом, законный брак стал неотделим от литургической практики.

¹ Brown P. *The Body and Society*. — New York, 1988; *Christian Spirituality: Origins to the Twelfth Century*. — New York, 1985. — P. 427.

² Murray R. *Symbols of church and Kingdom: A study of Early Syrian Tradition*. — Cambridge, 1975. — P. 17-18.

³ Rhallis G. A. and Potlis M. *Syntagma ton theion kai hieron kanonon*. — Athens, 1852-55. (далее — RPS). — Т. III. — P. 96-121. Русский пер.: Книга Правил Св. Апостолов, Св. Соборов Вселенских и Поместных и Св. Отцев. — Сергиев Посад, 1992. — С. 148-150.

⁴ RPS. — Т. II. — P. 309.

⁵ Stebbins C. E. *Les origines de la legende de saint Alexis // RBPH*. — 1973. — Т. 51. — P. 497-507.

⁶ Проповедь против разводов. — Or. 4. — PG. Т. 51. — Col. 221.

⁷ *Stromateis* — Т. VII. 12. 70 / ed O. Stählin. — GCS. 1909. — Т. 17. — P. 51

⁸ Проповедь в защиту брака. — Or. 3. — PG Т. 51. — Col. 213.

⁹ *Legatio pro Christianis*. 33 // *Die atteste Apologeten*. — Göttingen, 1914. — P. 354.

¹⁰ Or. 37. 8. — PG. Т. 36. — Col. 292B

¹¹ *Legatio*. 33. *ibid.* P. 354.

¹² Zhisman J. *Das Eherecht der orientalischen Kirche*. — Vienna, 1864; Павлов А. П. 50-я Глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. — М., 1887; Ritzer K. *Le mariage dans les eglises chretiennes du 1-er au Xle siecle*. — Paris, 1970.; Dauvillier J., Clercq C. de. *Le mariage dans le droit canonique oriental*. — Paris, 1936.

¹³ Canon 4 // RPS. Т. IV. — P. 102.

¹⁴ Ep. I. 50. PG. 99. Col. 1093C.

¹⁵ Canon 2 // RPS. Т. IV. — P. 427.

¹⁶ Canon 6 // RPS. Т. II. — P. 318.

¹⁷ Nicholas I. *Patriarch of Constantinople: Miscellaneous Writings*. — Washington, 1981. — P. 59-71.

¹⁸ *Letters* I. 51. 52. — PG. Т. 99. — Cols. 1084-96; Erickson J. H. *Oikonomia in Byzantine Canon Law // Law, Church and Society: Essays in Honor of Stephan Kuttner*. — Philadelphia, 1977. — P. 225-36.

¹⁹ Hunger H. *Christliches und Nichtchristliches im byzantinischen Eherecht // Österreichische Archiv für Kirchenrecht*. — Bd 18. 1967. — S. 305 — 325.

²⁰ *Canons* 22, 30. RPS. Т. IV. — P. 150-151; 169.

²¹ Lascaris M. *Vizantiske princeze u srednjevekovoj Srbiji. Prilog istoriji vizantisko-srpskikh odnoia od kraja XII do sredino XV veka*. — Beograd, 1926. — С. 58.

²² Синодальный декрет патриарха Алексея Студита (1025 — 1042) // Grumel V. *Regestes des actes du patriarchal byzantin, I, Actes des patriarches*. — Paris, 1932. — P. 844.

²³ Canon 54 // RPS. Т. II. — P. 432. См.: Лебедев А. П. *История разделения церквей в IX, X и XI вв.* — СПб., 1999.

²⁴ *Codex Justinianus*. — V. 4. P. — 195.

²⁵ Canon 53 // RPS. — Т. II. — P. 428-429.

²⁶ Canon 14 // RPS. — Т. II. — P. 251.

²⁷ Canon 72 // *Ibid.* — P. 471.

²⁸ Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. — М., 1991. — С. 187.

²⁹ Ep. XI. 152. PL. — Т. 205. — Col. 1467.

³⁰ Nicol D. M. *Byzantium: Its Ecclesiastical History and Relations with the Western World*. — London, 1972. — P. 168.

³¹ См. каноническое решение архиепископа Димитрия Коматира в XIII в. Pitra J. B. *Analecta sacra spicilegio solesmensi parata*. — Rome, 1891. — P. 713.

³² Ep. 231. PG. — Т. 37. — Col. 374.

³³ Hom. 9. PG. — Т. 62. — Col. 546.

³⁴ Theophanae Chronographia. — Bonnae, 1834. — P. 283.

³⁵ Ecloga. I. 8. Jus graeco-romanum. — Т. II. — P. 23.

³⁶ Nov. 35 // Noailles P. and Dain A. *Les Noveltes de Leon VI le Sage*. — Paris, 1944. — P. 297. P. 297.

³⁷ Nov. 35 et 35B. Jus. — Т. I. — P. 341-46.

С. В. Омелянчук (Владимир)

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

В дохристианский период в древнерусском обществе одновременно существовало две формы брака: моногамная и полигамная. При этом последняя сохранялась у древних славян вплоть до конца X в. В отрывке о нравах славянских племен, содержащемся в «Повести временных лет» говорится, что «радимичи, и вятичи, и северь... имяху же по две и по три жены»¹. Так, у князя Игоря, помимо часто упоминаемой в источниках Ольги, были и другие жены². Его внук князь Ярополк, несмотря на то, что уже имел «жену грекиню», привезенную его отцом Святославом из Болгарии, сватался к полодской княжне Рогнеде³. Другой внук князя Игоря, Владимир Святославич, до принятия им христианства и женитбы на византийской царевне Анне имел пять «водимых» по языческому обряду жен⁴.

Помимо многоженства среди древнерусской знати процветало и многожительство. Наиболее показателен пример князя Владимира Святославича: «Наложницъ бе у него 300 Вышегороде, а 300 Белгороде, а 200 Берестове в сельце, еже зовут ныне Берестовое»⁵. По мнению А. В. Карташева, под наложницами здесь подразумевались пленницы, служившие одновременно и развлечением для князя и его дружины, и предметом торговли⁶. Наложницами, а не женами, по мнению М. Ковалевского и В. Макушева, были и те двадцать-сорок жен одного из русских князей, о которых сообщали арабские путешественники Ибн-Фадлан и Казвини⁷.

Полигамия не была явлением исключительно восточнославянским, она была известна у западных, южных славян, и у всех их соседей. Так, например, у польского короля Мешко до принятия им христианства было семь жен, у поморского князя имелось несколько жен и двадцать четыре наложницы, не был однолюбом и чешский князь Славник⁸.

Рядовые члены славянской общины, по всей видимости, вели более упорядоченный образ жизни, что подтверждают свидетельства таких арабских, византийских и западноевропейских авторов, как Аль-Масуди, Маврикий Стратег и немецкий архиепископ Бонифаций⁹. Но это, скорее всего, объяснялось отнюдь не стремлением соблюдать какие-либо строгие морально-этические нормы, а всего лишь незавидным экономическим положением обычных общинников, не позволявшим им содержать нескольких жен, а, тем более, наложниц¹⁰.

Помимо полигамии в древнерусском обществе,

по мнению С. Бахрушина, существовали и признаки левирата, т. е. обычая брать в жены вдову умершего брата¹¹. Так, князь Владимир Святославич после убийства своего брата Ярополка в 986 г. женился на его вдове: «Володимиръ же залеже жену братню грекиню»¹².

Жена в языческой семье находилась в подчиненном положении по отношению к мужу. Это было связано с тем, что высшую ступень общественной иерархии занимали мужчины-воины, которые могли накормить и защитить своих соплеменников и родственников. Несмотря на то, что многие славянки вели мужской образ жизни — охотились, воевали и т. п. — в большинстве случаев они все же уступали мужчинам в физической силе. Поэтому женщины сначала зависели от отца, а потом попадали под власть мужа¹³. Но, как считал А. Савельев, они подчинялись мужчине не как бесправные существа, лишённые какой-либо самостоятельности, а только как более слабые члены общества сильным¹⁴.

Сама идея превосходства мужчины над женщиной, по мнению В. О. Шульгина, отражена в космогонии славян. Женщина-вода олицетворяла пассивное начало мироздания, а мужчина-свет — активное творческое. Без света (мужчины) вода (женщина) — представлялась в виде льда, снега, смерти. И только под воздействием света женское начало получало жизнь и движение¹⁵. Символическим проявлением отношения к женщине как к прислуге был обряд разувания женой мужа во время брачной церемонии.

Правовое положение жены в древнерусской семье зависело от формы заключения брака и социального положения женщины. В случае похищения невесты, даже с ее согласия, она становилась собственностью мужа, вещью, которой он мог распоряжаться по своему усмотрению¹⁶. В такой же ситуации оказывались и девушки, вступившие в брак путем купли их у родителей. Очень часто они становились даже не женами, а рабынями-наложницами¹⁷. В лучшем положении находились девушки, вышедшие замуж в результате заключения договора между их родителями и женихом, т. е. в этом случае любящие родители выговаривали достойные условия жизни для своей дочери в семье мужа¹⁸.

Женщины, принадлежавшие к высшим слоям древнерусского общества, имели гораздо более высокий статус в семье. Они не только были хозяйками в собственном доме, но и принимали участие

в общественно-политической жизни Киевской Руси. Об этом свидетельствует наличие среди послов на переговорах князя Игоря с Византией в 945 г. лиц, представлявших интересы знатных славянских женщин: «Искусевн Ольги княгини... Каницарь Предьславин; Шихъберн Сфанъдръ, жены Улеба...»¹⁹ После убийства древлянами князя Игоря его жена княгиня Ольга «съ сыном своимъ Святославомъ собра вои много и храбры», победила мятежников и «възложиша на ня дань тяжьку»²⁰. В дальнейшем она княжила самостоятельно вплоть до совершеннолетия своего сына Святослава, демонстрируя способности выдающегося государственного деятеля.

Независимо от формы заключения брака и места, занимаемого женщиной в общественной иерархии, полностью властным главой семьи все-таки оставался муж. Он судил свою жену, мог подвергать ее телесным наказаниям²¹. Не подлежит сомнению тот факт, что в языческий период муж имел право распоряжаться даже жизнью своей жены. Безнаказанность данного преступления, по мнению К. А. Неволлина, связана с тем, что в древние времена безопасность и жизнь людей обеспечивались угрозой мести со стороны их родственников. Женщина же, вступая в брак, переходила под власть и защиту мужа, и никто из родных уже не имел права мстить супругу-убийце. Кроме того, гибель жены могла произойти в результате «справедливого» и «заслуженного» наказания²².

О существовании на Руси права мужа распоряжаться жизнью жены свидетельствует сообщение В. Н. Татищева о князе Владимире Святославиче, намеревавшемся собственноручно расправиться со своей супругой Рогнедой, совершившей попытку покушения на его жизнь. «Владимир так сим оскорбился, что хотел ее тут зарезать. Но, желая более ей прискорбности учинить велел ей немедленно одеться в платье лучшее и убор царский, как на брак приготовиться, и потом велел ей сесть на постель что она смело учинила. Владимир взял меч голый в руку и пошел к ней, желая ее убить наедине...»²³ Только появление их малолетнего сына Изяслава спасло княгиню от неминуемой расправы.

О невысоком личном статусе женщины в древнерусской семье в дохристианский период свидетельствует и языческий обряд захоронения жены вместе с погибшим мужем. Известия об этой славянской традиции в разных вариантах и с разными объяснениями можно найти в многочисленных арабских, византийских и западноевропейских источниках того времени. По сведениям арабского историка и путешественника X в. Аль-Масуди, женщин живьем сжигали вместе с усопшим мужем. В случае, если мужчина умирал холостым, его женили уже после смерти²⁴. Его современник Ибн-Фадлан сообщал, что женщин сначала убивали, а потом уже сжигали²⁵. По мнению же Ибн-Русты, жену не сжигали, а вешали, и не сразу, а только через год после смерти супруга²⁶. По свидетельству же византийца Маврикия Стратега, женщины сами себя душили²⁷.

Учитывая большое количество известий, сооб-

щающих о существовании этого обряда, факт захоронения женщин в месте с мужчинами можно считать бесспорным. Но вызывает сомнение, что речь шла только о законных женах умершего мужчины, а не его рабынях-наложницах. Например, выше упомянутый Ибн-Фадлан писал, что когда «умирает у них глава, то семья его говорит девушкам и мальчикам: кто из вас умрет с ним? И кто-нибудь из них говорит: Я! Когда он так сказал, то это уже обязательно для него, ему никак не позволительно обратиться вспять, и если б он даже желал, это не допускается; большей частью делают это девушки»²⁸. Ибн-Фадлан оставил наиболее детальное описание похоронного обряда древних славян. При этом он не настаивал, что жертвой должна быть именно жена и даже вообще особа женского пола. Возможно из-за того, что чаще всего на подобный шаг соглашались девушки, и сложился стереотип, что именно женщина должна была стать жертвой. Доказательством того, что умершего не всегда сопровождала именно свободная жена, может быть приблизительно одинаковое количество мужских и женских захоронений в отдельных могилах. По мнению В. Мавродина, это свидетельствует о том, что свободную женщину чаще всего хоронили отдельно с соблюдением всех обрядов²⁹. Нельзя, конечно, отрицать и того, что свободные жены также могли сопровождать своих мужей в потусторонний мир.

Можно выделить несколько факторов, обуславливавших существование подобного ритуала. Во-первых, славяне переносили в загробный мир систему отношений, существовавшую в их обществе. Поэтому вместе с умершим погребали все, что могло понадобиться ему после смерти: еду, одежду, коня, девушку, а может и юношу, чтобы прислуживали своему господину и развлекали его. Во-вторых, пренебрежительное отношение к женщине у восточных славян привело к появлению веры в то, что она может войти в рай только в сопровождении мужа. Из-за этого многие женщины сами стремились быть похороненными вместе со своим супругом в надежде на лучшую жизнь в загробном мире. В-третьих, женщина после замужества попадала в чужую семью, иногда далеко от родственников, поэтому единственным ее защитником и покровителем был муж. После его смерти она теряла защиту от притеснений и оскорблений со стороны чужих людей и потому предпочитала лучше умереть, чем вести тягостную жизнь в одиночестве³⁰.

Подобный шаг со стороны женщины мог быть и проявлением любви к умершему мужу. Хотя в высших слоях древнеславянского общества практиковалось многоженство и наложничество, супружеская жизнь, особенно рядовых членов общины, как уже сообщалось, отличалась упорядоченностью, а их жены целомудренностью и верностью, о чем неоднократно писали даже относящиеся с предубеждением к славянам византийские и западноевропейские авторы. Маврикий в своем «Стратегиконе» пишет, что «скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считает смерть своего мужа своей смертью и добровольно душают себя, не считая пребывание

во вдовстве за жизнь»³¹. Архиепископ Бонифаций, укоряя английского короля Этельреда в ведении распутной жизни, приводит ему в пример семейную жизнь славян: «Народ мерзкий и самый дурной, соблюдают однако же с такой верностью в супружеском союзе взаимную любовь, что жена по смерти мужа сама отрекается от жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьет себя, чтобы сгореть с мужем на одном костре»³². И даже если у умершего было несколько жен, первоочередное право быть похороненной с ним, как сообщает Ибн-Руста, получала утверждавшая, что особенно сильно любила мужа³³.

Имущество жены, как и ее личность, находились во власти мужа. Даже приданое, которое давалось невесте родителями, не могло смягчить ее зависимость в семье и дать право на равенство в семейных делах³⁴.

В Киевской Руси юридически отношения между родителями и детьми устанавливались с момента рождения ребенка или путем усыновления. Уже в языческие времена существовала разница между «водимыми» (законными) женами и наложницами. Имелось различие, хотя и не принципиальное, и в положении детей, рожденных ими. Например, Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, на предложение выйти замуж за Владимира, рожденного от рабыни-ключницы княгини Ольги Малуши, ответила: «Не хочу розуги робобича...»³⁵. В то же время происхождение от Малуши, которая не могла быть «водимой» женой, не мешало ее сыну считаться законным сыном князя Святослава и занять сначала новгородский, а потом и киевский престол³⁶. Таким образом, в дохристианский период, несмотря на определенную разницу в отношении к детям, рожденным в браке и вне него, все они считались законными.

Об усыновлении как способе установления родственных отношений в Киевской Руси источники сообщают очень мало. Так, Нестор сообщает о передаче князем Рюриком своего княжества и малолетнего сына в руки родственника Олега: «Оумре Рюрик и предасть власть Олгоу и сына своего Игоря дать емоу въ роуде; бе бо детескъ»³⁷. В древности принятие на руки чужого ребенка означало согласие вырастить и воспитать его как собственного сына³⁸. По свидетельству автора «Повести временных лет», Игорь действительно находился в сыновнем положении по отношению к Олегу: «Игореви възрастьшо и хождаше по Ользе и всю волю его творя»³⁹. Еще одним примером совершения акта усыновления можно считать женитьбу князя Владимира Святославича на беременной вдове убитого им брата Ярополка: «Володимиръ же залеже жену братню грекиню, и бе непраздна, от нея же родился Святополкъ»⁴⁰.

Тезис о существовании института усыновления в дохристианской Руси имеет как своих сторонников (И. Эверс, Н. М. Карамзин⁴¹), так и противников (К. А. Неволин, А. Попов, В. И. Сергеевич⁴²). Спорность этого вопроса связана с тем, что принятие князем Олегом на руки малолетнего Игоря могло означать как усыновление, так и обычную опеку. Также нельзя с уверенностью утверждать, кто был биологическим

отцом Святополка — Ярополк или Владимир, т. к., по словам летописца, «бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера»⁴³. Тем не менее, большинство исследователей, учитывая, что такой институт был очень распространен у европейских народов, полагают, что существовал он и у восточных славян еще до принятия христианства⁴⁴.

В дохристианский период вся полнота власти над детьми принадлежала отцу семейства. Лица, находившиеся в его зависимости, назывались «чадь». Это понятие объединяло детей, рабов, родственников, прислугу. Позднее, с отделением отдельных институтов — холопского, семейного, личного найма, — подчиненными по семейному праву остались только дети⁴⁵. Зависимое положение ребенка в семье подтверждается и терминами, которыми обозначались как неполноправные слои населения, так и младшие члены семьи. Например, слово «отрок» использовалось как в отношении детей, подростков, младших дружинников, так и в отношении слуг, работников, рабов. Буквально оно означало «тот, кто не разговаривает», т. е. не имеет права голоса при решении важнейших вопросов рода и племени⁴⁶.

Объем власти родителей был настолько значительным, что в языческие времена они имели право распоряжаться жизнью ребенка. Источники не содержат прямых доказательств того, что родители убивали своих детей при рождении. Только в одном трактате — «Слове Григория Богослова» — упоминается об убийствах младенцев, практиковавшихся в Тавриде (древнее название Крыма) — «таверьская деторезанья», которые русский переводчик приписывает славянам⁴⁷. Подобный обычай существовал у соседей восточных славян — чехов и прибалтийских славян. Там родители могли убить младенца, особенно дочь, если ее существование было в тягость для семьи⁴⁸. Поэтому, по мнению В. И. Сергеевича, молчание наших источников не может служить убедительным доказательством отсутствия подобного обычая у восточных славян⁴⁹.

В течение длительного времени в Киевской Руси родители распоряжались свободой своих детей. Так, в Новгороде, даже после принятия христианства, в голодные годы родители продавали своих детей: в летописи упоминаются случаи, когда «отець и мати чадо свое въсажаше в лодью даромь гостымъ»⁵⁰ или когда «даяху свои дети отецъ и мати дерень гостимъ изъ хлеба»⁵¹. Практически единолично родители принимали решения о вступлении своих детей в брак. Как сообщает «Повесть временных лет», князь Олег без каких-либо предварительных разговоров с Игорем «приведоша ему жену от Пьскова, именовъ Олгу», а Святослав Владимирович привез из Болгарии в жены своему старшему сыну Ярополку понравившуюся ему монахиню («привель ю отецъ его Святославъ и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ее»)⁵². Исключением можно было бы считать сватовство князя Владимира к полоцкой княжне Рогнеде, когда князь Рогволод позволил своей дочери самой выбирать, за кого она хочет пойти замуж. Рогнеда, высокомерно отказав Владимиру, предпочла его брата Ярополка⁵³. Однако, как вполне резонно заметил

О. М. Рапов, вряд ли это было ее собственное решение. Должно быть, полоцкий князь считал, что в предстоящей борьбе за власть у Ярополка больше шансов на успех⁵⁴.

Кроме широких прав в отношении детей, родители имели и обязанности перед ними. Отец должен был в случае убийства сына исполнить обычай кровной мести: «Убьеть мужь мужа, то мстить... отцю сын»⁵⁵. Так, воевода киевского князя Ярополка Святославича Свенельд постоянно подговаривал своего патрона пойти войной против брата Олега Святославича из-за желания отомстить за убийство своего сына Люта, охотившегося во владениях князя Олега Святославича: «„Поиди на братъ свойъ и поими волость его“, хотя отмстити сыну своему»⁵⁶. Также отец брал на себя обязательство заботиться о своих детях, пока они не станут взрослыми и не смогут обеспечивать себя сами. Как сообщает Казвини, «если у тамошнего жителя рождался сын, то отец заботился о нем до тех пор, пока он достигнет юношеского возраста. Тогда отец дает ему лук и стрелы, говоря: „ступай, промышлай сам о себе“»⁵⁷.

Обязательства, налагаемые древнерусским обществом на детей по отношению к родителям, были большими, чем их права. Еще в дохристианские времена дети были обязаны окружать родителей заботой, защищать их и содержать в старости⁵⁸. С укором обращается посол от киевлян к князю Святославу, который, находясь в Болгарии, не смог обеспечить безопасность матери и детей от нападения печенегов: «Ты князе, чужея земли ищещи и блудещи, а своя ея охавивъ, малы бо насъ не взяша печенези, и матеръ твою и дети твоя. Аще не поидаша, не обраниши насъ, да паки ны возмутъ. Аще ти не жалъ очины своя, ни матерее стары суща, и детей своих». Услышав об опасности, угрожавшей его родным, Святослав сразу вернулся в Киев «целова матеръ свою и дети своя, и съжалися о бывшемъ от печенегъ. И собра вои, и погна печенегу в поле, и бысть миръ»⁵⁹.

На детей распространялась и обязанность кровной мести за убийство родителей⁶⁰. И. Эверс даже убийство сыновей Владимира Святославича Святополком Окаянным объясняет стремлением последнего отомстить за убийство своего отца Ярополка князем Владимиром⁶¹.

Власть отца и матери над детьми прекращалась полностью только со смертью обоих родителей, т. к. уход из жизни одного из них лишь переносил всю полноту власти на другого⁶². Власть родителей над дочерьми прекращалась с момента выдачи их замуж, поскольку как последние переходили под власть мужа, исключавшую власть отца и матери. Иногда полное прекращение родительской власти происходило в результате самовольного выхода сыновей из семьи. Обязательным следствием такого поступка являлась потеря прав на родительское наследство⁶³.

Таким образом, в языческий период на Руси среди знати господствовали многоженство и наложничество. В то же время в семьях простых общинников, которые вели гораздо более упорядоченный образ жизни, укрепилась моногамия. В условиях господства в обществе физической силы, зависимыми членами семьи стали жены и дети.

Правовое положение жен в древнерусских семьях в дохристианский период зависело от формы заключения брака и ее добрачного социального статуса. Похищенные, купленные или плененные жены были полностью бесправными, а иногда становились даже не женами, а рабынями-наложницами. Более широкими правами обладала женщина, вступившая в брак на основе договора между ее родителями и женихом, что обуславливалось, с одной стороны, существованием брачного соглашения, имеющего юридическую силу, с другой - наличием приданого, обеспечивающего женщине определенную имущественную самостоятельность в новой семье. Впрочем, в любом случае главой семьи оставался муж, который оставлял за собой право судить, наказывать и даже убивать свою жену. Зависимое положение женщины в языческий период характеризует существовавшая у славян традиция хоронить мужчину вместе с женой, которую перед этим убивали.

Родительская власть над детьми была неограничена и прекращалась только с их смертью. Однако помимо широких прав в отношении своих чад (распоряжаться их жизнью, свободой, браком), на родителей налагались и значительные обязанности (обеспечивать, заботиться, мстить). Аналогичные обязательства распространялись и на взрослых детей в отношении их родителей.

¹ Повесть временных лет. По Лаврентьевскому списку. — М.-Л., 1950. — Ч. 1. — С. 15.

² Татищев В. История Российская. — М., 2003. — Т. 1. — С. 56.

³ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 53, 54.

⁴ Там же. — С. 56; Татищев В. Указ. соч. — Т. 1. — С. 60.

⁵ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 56.

⁶ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. — М., 1991. — Т. 1. — С. 246.

⁷ Ковалевский М. Первобытное право. — М., 1886. — Вып. 2. — С. 50; Макушев В. Сказание иностранцев о быте и нравах славян. — СПб., 1861. — С. 139-140.

⁸ Нидерле Л. Славянские древности. — М., 2000. — С. 207; Черниловский Э. М. Русская Правда в свете других славянских судебников // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. — М., 1984. — С. 21.

⁹ Нидерле Л. Указ. соч. — С. 207-208.

¹⁰ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб., 1894. — С. 274; Черниловский Э. М.

Указ. соч. — С. 21.

¹¹ Бахрушин С. К вопросу о крещении Киевской Руси // Религия и церковь в истории России. — М., 1975. — С. 20.

¹² Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 55-56.

¹³ Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. — 1879. — № 4. — С. 286.

¹⁴ Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. — Н. Новгород, 1881. — С. 25.

¹⁵ Шульгин В. О. О состоянии женщины в России до Петра Великого. — Киев, 1850. — С. 38-39.

¹⁶ Нижник Н. С. Регулирование брачно-семейных отношений на Руси в условиях язычества // История государства и права. — 2003. — № 2. — С. 32.

¹⁷ Хлебников Н. Общество и государство в до-монгольский период русской истории. — СПб., 1872. — С. 155-156.

¹⁸ Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. Лекции 1902-1903 академического года. — М., 1903. — С. 172.

¹⁹ Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского

- права. — Киев, 1908. — Вып. 1. — С. 8-9.
- ²⁰ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 42-43.
- ²¹ Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. — 1883. — № 6. — С. 381.
- ²² Неволин К. А. Полное собрание сочинений. — СПб., 1857. — Т. 3. — С. 79.
- ²³ Татищев В. История Российская. — М., 2003. — Т. 2. — С. 164-165.
- ²⁴ Гаркави А. Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца века по Р. Х.). — СПб., 1870. — С. 129.
- ²⁵ Там же. — С. 99-100.
- ²⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. — С. 388.
- ²⁷ Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // Вестник древней истории. — 1941. — № 1. — С. 253.
- ²⁸ Гаркави А. Я. Указ. соч. — С. 97.
- ²⁹ Мавродин В. Древняя Русь (происхождение русского народа и образование Киевского государства). — М., 1946. — С. 129.
- ³⁰ См.: Гаркави А. Я. Указ. соч. — С. 97, 129; Макушев В. Указ. соч. — С. 142.
- ³¹ Мишулин А. В. Указ. соч. — С. 253.
- ³² Макушев В. Указ. соч. — С. 141.
- ³³ Новосельцев А. П. Указ. соч. — С. 388.
- ³⁴ Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». — СПб., 1880. — С. 86; Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. — М., 2003. — С. 183; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М., 1949. — С. 119-120.
- ³⁵ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 54.
- ³⁶ Юшков С. В. Указ. соч. — С. 450.
- ³⁷ Летописец Переяславля-Суздальского. Составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 годов). — М., 1851. — С. 6.
- ³⁸ Неволин К. А. Полное собрание сочинений. — Т. 3. — С. 377.
- ³⁹ Летописец Переяславля-Суздальского. — С. 8.
- ⁴⁰ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 55-56.
- ⁴¹ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. — СПб., 1835. — С. 130-131; Карамзин Н. М. История государства российского. — М., 1989. — Т. 1 — С. 99.
- ⁴² Неволин К. А. Полное собрание сочинений. — Т. 3. — С. 377; Попов А. Об опеке и наследстве, во времена Русской Правды // Сборник исторических и статистических сведений о России народах ей единоверных и единоплеменных. — М., 1845. — Т. 1. — С. 98; Сергеевич В. Указ. соч. — С. 307.
- ⁴³ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 55-56.
- ⁴⁴ См., напр.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1915. — С. 461; Неволин К. А. Указ. соч. — С. 378; Юшков С. В. Указ. соч. — С. 451; Момотов В. В. Указ. соч. — С. 190.
- ⁴⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. — С. 461.
- ⁴⁶ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). Курс лекций. — М., 2001. — С. 266.
- ⁴⁷ Нидерле Л. Указ. соч. — С. 210.
- ⁴⁸ Черниловский Э. М. Указ. соч. — С. 24.
- ⁴⁹ Сергеевич В. Указ. соч. — С. 297.
- ⁵⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М., 1950. — С. 22.
- ⁵¹ Там же. — С. 280.
- ⁵² Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 23, 53.
- ⁵³ Там же. — С. 54.
- ⁵⁴ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — п. XIII в. — М., 1977. — С. 33.
- ⁵⁵ Правда Русская. — М.-Л., 1947. — Т. 2. — С. 15.
- ⁵⁶ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 53.
- ⁵⁷ Макушев В. Указ. соч. — С. 144.
- ⁵⁸ Там же. — С. 143.
- ⁵⁹ Повесть временных лет. — Ч. 1. — С. 48.
- ⁶⁰ Правда Русская. — Т. 2. — С. 5.
- ⁶¹ Эверс И. Ф. Г. Указ. соч. — С. 130-131.
- ⁶² Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. — С. 467, 468.
- ⁶³ Сергеевич В. Указ. соч. — С. 303, 304.

Д. А. Ляпин (Елец)

РУССКАЯ СЕМЬЯ В XVII ВЕКА: ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ

Семнадцатый век занимает особенное место в русской истории. Это последнее столетие патриархального русского государства, пропитанное духом старины и традиций. Конечно, уже после Смутного времени начинается процесс движения страны к абсолютизму, появляется много новшеств почти во всех сферах жизни общества и государства, за которыми уже виднелась фигура грозного преобразователя — Петра.

В чем была главная особенность политического устройства Московского государства? Был ли это восточный деспотизм, или Россия была ближе к европейским монархиям? Видимо, ни того, ни другого не было в России. Здесь существовал иной принцип взаимоотношений власти и общества. По старой традиции Российское государство понималось как единое целое, объединенное морально-политическим фактором. В основе таких отношений лежит патернализм, ярко проявившийся уже в XV в. Московское государство очень напоминало собой традиционную русскую патриархальную

семью. Такой опытный исследователь средневековой России, как Ю. Г. Алексеев, очень верно обозначил традицию взаимоотношений власти и общества той поры: «В России не было и не могло быть договорных отношений между государем и его подданными, как не может быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье»¹. Государь воспринимался населением как отец, он не был деспотом, и его власть ограничивалась моральными принципами.

Отсюда изучение семьи имеет важность, выходящую далеко за пределы бытовой сферы. Это, прежде всего, изучение самого общества, его основ и особенностей.

Документов, в которых косвенно отразилась русская патриархальная семья в XVII в., довольно много. Большой пласт архивных источников, который касается царской семьи, сохранился в РГАДА. Однако большей частью эти документы известны исследователям, поскольку их часто используют в исторических работах. В данной статье нам бы хотелось подойти к выбранной

теме с иной стороны, а именно: заглянуть в провинцию. Что представляла собой русская семья в провинции? На это вопрос мы бы и хотели ответить. Для этого считаем возможным использовать богатый архивный материал по отдельно взятому уезду. Поскольку автору пришлось посвятить свою научную деятельность изучению Елецкого уезда больше, чем изучению других регионов, то остановимся на нем.

Древний Елец был уничтожен татарами в 1414 г. Город был построен заново в 1593 г. Елецкий уезд занял обширное пространство Верхнего Дона, расположившись между Воронежским и Тульским регионами. Елецкий уезд был крупнейшим по численности населения и территории на Верхнем Дону в первой половине XVII в. Только в Ельце, Курске и Воронеже существовали крупные посады и торгово-ремесленное население. Елец также был важнейшим оборонительным пунктом на юге России в XVI-XVII вв. Наконец, богатый архивный материал по Елецкому уезду позволил нам создать четкое, целостное представление о русской патриархальной семье того времени.

Семья для человека старой Руси — это основа всей его жизни, фундамент и опора собственного существования. Тут скорее уместно употребить термин «клан» или «род». Именно кланы были основой жизни торговых людей, дворян, высшей придворной знати. Чем сложнее и опаснее было положение человека, тем более он зависел от своей семьи, своего клана. Но и с другой стороны видим схожую ситуацию: разве мог крестьянин или помещик-однодворец выжить без семьи, справиться с распаханной землей, заботой об урожае и различными промыслами — основой жизни. Кто присмотрит за землей и крестьянами помещика, который отправился в поход на государеву службу на несколько месяцев, а то и на год, как не члены его семьи.

Человек без семьи в XVII в. был почти невозможен. В то время человек, живущий без нормальной семьи, выглядел в глазах современников так же необычно и сочувственно, как если б он не имел рук или ног.

Семейную иерархию можно восстановить по документам. Материалы расспросов («сказок») показывают нам, что ельчане, описывая свою семью, начинали всегда с мужчины, видимо, он и был главой. Затем шли его родители, после родители жены, затем братья, следом братья жены, сама жена, сыновья, племянники, невестка, дочь и внуки.

Ребенка как члена общества считали не вполне полноценным. Дети получали имена при крещении и прозвища в первые годы жизни. Иногда прозвище так приживалось, что оставалось на всю жизнь, полностью вытеснив имя. Например, человек, который был зачат в пост, получал обидное прозвище — «постник». В случае, если в семье дети получали одинаковые имена, их, по обычаю, звали «большой», «средний», «младший». Но большинство прозвищ давалось уже во взрослой жизни.

До пятнадцати лет на мальчика смотрели как на работника, если его отец — крестьянин, мелкий служилый или посадский человек. Если мальчик родился

в семье помещика, то он претендовал и на участок земли. В материалах смотра дворян 1622 г. за мальчиками-сиротами, потерявшими родителей в Смуту, записывались даже целые поместья и крестьяне, хотя некоторым из них не было и года от роду³. Кстати, о сиротах. Чем были живы эти сироты? За некоторыми, видимо, присматривали местные крестьяне. Но были дети помещиков, которые, по указанию писца, «бродят меж дворами». За ними значились земельные участки, но зачем они детям от одного до десяти лет? Скорее всего, эти дети жили подаванием и заботой соседей. Государство, во всяком случае, не списывало их со счетов. За ними числились поместья. Государство рассуждало примерно так: пока побродят по дворам соседей, а там, гляди, выживут и пойдут в службу, смогут сами обрабатывать свои земли. Ну, а если не выживут? Такого вопроса чиновники не ставили, и, в большинстве случаев, такие дети выживали. В этом случае «бродить меж дворами» может пониматься как жить чужой милостью, надеждой на добрых людей. И добрые люди находились. Общее число дворянских сирот на 1622 г. в Елецком уезде составляло 130 человек.

Многим мальчикам с раннего возраста приходилось вступать во взрослую жизнь. К пятнадцати-шестнадцати годам сын служилого человека должен был уметь убить неприятеля на военной службе, поскольку этот возраст считался служилым. С двенадцати-тринадцати лет грамотные мальчики могли служить уже в мелких чиновниках. Главное — умение считать. Так, в Ельце в 1615 г. служил кабацким целовальником Ермол Стерлигов, которому не было и пятнадцати. Кстати, на него свалили убытки кабака и расхищение кабацкой казны за тот год. Когда воевода Полев допрашивал Ермола, то его показания только путали следствие: «Вспрашиваем... крал ли ты Ермочка... государеву казну и он говорит, что крал, а начнем спрашивать, что крал ли или чего не крал и он говорит, что не крал». Сам воевода объяснял поведение Стерлигова на допросе: «Тот малый мал, не смыслит»⁴.

На девочку в семье смотрели как на какуто-никакую, но все же работницу, и надеялись скорей выдать замуж. Это «скорей» часто наступало с тринадцати-четырнадцати лет, но, в среднем, девочка жила в семье до шестнадцати-семнадцати. До этого возраста девочка работала по дому. Как и взрослым представительницам женского пола, девочке надлежало заботиться, прежде всего, о скотине. Из документов видно, что скотину, пасущуюся за городом, при нападении крымских татар всегда спешили загонять именно женщины. Часто девочки в таких случаях попадали в полон. В 1658 г. татары увели «девицу» Акулину Пряникову, которая пыталась спасти овец (почти все десять овец она спасла, татары вместе с ней увели только трех)⁵.

Поскольку семья в жизни человека играла огромную роль, то брак — одно из центральных событий его жизни. Людей неженатых почти не было. Вот что говорит статистика. В 1659 г. из 2210 упоминаемых жителей Ельца только один был не женат⁶. Свадьба —

это целый сложный обряд. Об этом свидетельствуют и кабацкие книги. Кабацкое дело, торговля спиртными напитками были монополией государства. В кабаке продавали хлебное вино (наподобие водки), пиво, мед. Делать алкогольные напитки можно было только с разрешения государства, указав как причину какое-либо важное событие. Из кабацких книг видно, что в январе начиналась пора свадеб. Например, двадцать одна свадьба состоялась в Ельце и уезде в январе 1616 г. В конце января свадьбы в Ельце прекращались. Последним за разрешением «курить вина к свадьбе» обратился 29 января «старчик» Введенской церкви Василий Васильев⁷. Варили к свадьбе вино и пиво. Количество спиртного для свадьбы было небольшим. Первый обратившийся в январе казак Севостьян Лисицын 3 числа просил изготовить всего осьмину, стрелец Арист Ястребов рассчитывал сварить четверть пива⁸. Вина больше осьмины на свадьбу ельчане не варили. Да и осьмину сварили двое. Свадьба — событие большого значения, но главное для человека XVII столетия взять в дом женщину — работника, поэтому на свадьбу смотрели скорее как на необходимый обряд и старались особо не тратиться. Большое обрядовое значение свадьба имела для женщины, нежели для мужчины. Эта она навсегда покидала родительский дом и приобретала новый социальный статус.

Иногда женщина в семье, если судить по имеющимся документам, вообще представляла собой нечто вроде «вещи», не имеющей никакого права голоса и собственного мнения. Так, конечно, было не везде, но есть факты, которые говорят сами за себя. В ноябре 1593 г. сотник елецких стрельцов Осип Каверин был вызван в Москву. Пока он отсутствовал, стрелец А. Казлитин украл у него «жонку с добром». Казлитин с чужой женой бежал на свою родину, в город Ливны. Вернувшийся сотник подал на стрельца жалобу. Сыск по этому делу в начале декабря проводили ливенские власти под руководством воеводы. Стрелец Казлитин был обнаружен у своего брата Михаила местным священником. Арестовать Казлитина и его товарищей приехал лично О. Каверин. Он вместе с местным священником ночью ворвался во двор Михаила Казлитина. Узнав, что пришли «по него», А. Казлитин с товарищами сбежал, но был пойман и избит О. Кавериним. По ходу дела Казлитин сообщал, что неоднократно подвергался избиениям со стороны начальника, потому и решил бежать⁹. Ограбить сотника и украсть его жену было решено в качестве компенсации за моральный ущерб.

Отношения между мужчиной и женщиной в семье строились в большинстве случаев в пользу мужчины. Но были случаи, когда женщина могла играть в семье большую роль, что можно объяснить особенностями характеров супругов.

Мужчины обычно женились на равных по социальному статусу. Помещик имел отсюда прямую выгоду: получить в приданое часть земель отца невесты. Более того, ловкий помещик мог претендовать на земли тестя. Например, так вышло в случае с браком помещи-

ка Ивана Бехтеева с дочерью Герасима Шабунина¹⁰. Бехтеев унаследовал часть поместья своего тестя в д. Оксизово в 75 четвертей. Г. Шабунин тогда был богатым помещиком. На его земле по данным на 1622 г. работали трое крестьян и два бобья¹¹. Предприимчивый Бехтеев получил лучшую часть поместья тестя после его смерти. Другую часть получил сын Шабунина Иван. На нем род Шабуниных обеднел и «захудал»¹². Иван Бехтеев, напротив, стал основателем выдающегося рода дворян Бехтеевых¹³.

В 1617 г. от елецкого помещика Дениса Сухитина бежали две крестьянские семьи к соседнему помещику Семену Маняхину. Началась тяжба, по итогам которой в 1621 г. всех крестьян Маняхин вернул. Но почему-то он не отдал молодую крестьянку Анну. Этого сразу не обнаружил Сухитин. Только в 1623 г. он начал добиваться возвращения крестьянки. В челобитной в Москву по этому делу он обращал внимание на то, что Анна замужем за крестьянином соседнего села, и что у нее есть семилетняя дочь, которая живет с отцом. Однако Маняхин крестьянку отдавать не желал. Интересно, что семья Анны — муж, отец и мать — вообще не требовали возвращения ее от помещика. Во всяком случае, документов, подтверждающих это, нет, о них ни слова не говорит и Сухитин в своей челобитной¹⁴. Сведений о том, чтобы сама Анна пыталась вернуться обратно, тоже не имеется.

Было бы ошибкой недооценивать роль женщины в патриархальной семье. В силу физического превосходства мужчина имел больше власти, но роль женщины не уменьшалась в этих случаях, а скорее становилась не столь заметной. Рассмотрим случаи, где женщина проявляла большое мужество и жизненную стойкость.

Весной 1628 г. атаман разбойников Демьян Разоритель бежал из елецкой тюрьмы. Елецкие воеводы сообщили в Москву об этом происшествии и 10 июня получили наказ провести следствие по этому делу. Были арестованы служащие тюрьмы, сторожа и родственники Демьяна Разорителя. Арестантов посадили в тюрьму и допрашивали в порядке следствия.

Первым и единственным родственником оказалась жена Демьяна, имя которой ни разу не было названо в документах. Тесть скончался накануне, после драки в своей деревне. Жена была также арестована и посажена в тюрьму. На допросе жена ничего не рассказывала, хоть ее и подвергали пыткам. Однако работники тюрьмы в ходе допросов сообщили, что за плату сторож отпустил Демьяна Разорителя на ночь к жене. За регулярные прогулки к жене атаман платил сторожу по 2 алтына¹⁵.

Другой пример — помещица Анна Хрущева. После смерти мужа, стольника и дворянина Ивана Лукича Хрущева, все его владения отошли вдове Анне¹⁶. Это было необычно потому, что ей должен был отойти лишь небольшой участок в «прожиток». Тем более, что у Хрущевых осталось пятеро детей мужского пола (трое уже взрослых). Но никто из них не получил отдельного поместья, и все жили с матерью. Только старший сын Денис служил в Москве при дворе,

а позже его примеру последовали и остальные сыновья. Вероятно, это указывает на то, что Анна обладала огромным авторитетом у детей и соседей. Никто не посмел оспорить ее права на поместье мужа.

В поместье у Анны Хрущевой проживали десять крестьян и четверо бобылей в своих дворах. Размер ее земель — 255 четвертей земли и сенокос 200 копен. Анна обладала большими хозяйственными способностями. Она значительно увеличила свои владения за счет расширения села Борисоглебского, которое полностью принадлежало ей. В 1646 г. Анна Хрущева — одна из крупнейших землевладелиц Елецкого уезда¹⁷. На ее земле проживали сто шестнадцать крестьян и бобыль, притом, что 60 % местных помещиков вообще не имели крестьян¹⁸.

У женщин имелся и свой праздник: «бабьи каши». Его отмечали 26 декабря. Этот праздник ныне почти забыт населением, и помнят о нем разве что этнографы. Между тем, в декабре 1615 г. пятнадцать женщин просили разрешения в кабаке «сварить вина» к этому празднику. «Бабьи каши» как праздник связан с рождением детей. Прежде всего, это праздник молодых девушек и повивальных бабок, а также рожениц. Женщины ходили в этот день к роженицам и повивальным бабкам с угощением и выпивкой. Совершался специальный обряд, связанный опять же с употреблением алкоголя. Женщины, имеющие детей, ходили к повивальным бабкам, приносили вина, пирогов, блинов и всякой пищи. Подобное посещение и еда с повивальными бабками проходили с вечера до утра. Конечно, это было не просто застолье. Совершался специальный обряд, ритуал, связанный с рождением детей.

В своем быту простонародная жизнь почти не отличалась от царской, только внешне была беднее. Яркий тому пример — празднование «бабьих каш» при царском дворе. «Когда у царицы — пишет И. Е. Забелин, — бывали родинный или крестинный столы, то с ним, между прочим, подавалась и каша, вероятно, символическая, а к ней прилагалась пара соболей в 5 рублей... которую царица всегда жаловала приемной бабке»¹⁹.

Обряд «бабьи каши», безусловно, имеет древние языческие корни. Население, которое проживало на территории Восточной Европы еще в начале I тысячелетия до н. э., использовало горшки с кашей в магических ритуалах, посвященных божествам плодородия. Приготовление и поедание каши имело ритуальный характер. В горшках для каши погребали также прах умерших²⁰. Вероятно, этот обряд, посвященный плодородию и роженицам, дошел и до XVII в. Как видно из документов, в основном обращались за разрешением изготовить вина или пива к «бабьим кашам» женщины старшего поколения²¹.

Итак, семья в целом, и женщины, и мужчины в этой семье, все представляли собой одну сплоченную группу. Свое место занимали в этой группе и старики. Правда, по нашим подсчетам, в середине XVII в. только около 50 % семей Ельца имели в своем составе стариков. Причем, тут наблюдается явное преобладание

женщин над мужчинами. Старики упоминаются в документах редко. В дворянской среде старики уходили со службы часто по причине ранений и увечий. Обязанность содержания стариков лежала на их детях. Указание на это мы встречаем в Соборном Уложении 1648/49 гг. как обычную норму права²². Дети обязывались кормить отца и снабжать всем необходимым. Но одна из статей Уложения показывает, что так было не всегда. В Москву иногда поступали жалобы от отцов, старых служилых людей, на своих детей и внуков, которые официально обязывались их содержать. Соборное Уложение по этому поводу пишет: «Они их не кормят и ис поместья выбивают, и крестьяном слушати их не велят...»²³ Но на практике такие случаи были редки.

Поскольку состарившийся дворянин переставал служить, а старый крестьянин — работать, государство ими больше не интересовалось. Потому в документах упоминания о них редки. Однако в 1658 г., во время нападения на Елец, престарелый отец казака Меркула Живалева, Мирон выехал в вооружении на коне за пределы крепости с неясной целью. Мирон был взят в полон крымскими татарами вместе с лошадью. Никто не пытался остановить его. Сын Мирона после этого события особенно переживал о коне с уздечкой и «всею ратною сбруей»²⁴.

Большую роль в семье играли отношения между братьями. Сам термин «братия» означал тесные, дружеские связи, принадлежность к чему-либо единому, спланивающему и объединяющему. В документах мы хорошо видим, как помогали братья друг другу, способствовали карьере и ведению хозяйственной деятельности.

Так, в 1625 г. дворянин, стрелецкий сотник Филипп Иванович Тюнин, пользуясь своим авторитетом и имущественным положением, решает выкупить из турецкого плена своего брата Богдана. С этой целью он явился в Москву в 1624 г., где ему выдали пленного татарина из тюрьмы. Филипп Иванович взял пленника под расписку, «что б ему того татарина не истерять». Весной 1625 г. он получил разрешение на обмен пленными. 4 апреля 1625 г. воронежские воеводы И. Вольнский и С. Урусов получили грамоту, в которой предписывалось встретить Филиппа Тюнина с татаринцом для обмена на его брата Богдана. В Воронеже татарин был посажен в тюрьму. В это же время Богдан был привезен в Азов, о чем сообщили в Воронеж. После этого татарин «с порукой» был выпущен из тюрьмы. Одновременно отпустили и Богдана из Азова²⁵. Зачем это нужно было Филиппу Тюнину? Тут не просто братская любовь. Выходцы из турецкого плена, как правило, очень ценились, они получали хорошие места в уездах на важные должности. Поэтому, выкупив брата, Филипп Тюнин заручился поддержкой своего родственника, которому, кстати, дали пост елецкого осадного головы.

В местнических спорах и даже в земельных делах учитывался авторитет клана, семьи, рода. Первое место тут играли мужчины: деды, отцы, дядья, братья. Ярким примером этого являются дворянские роды, сумевшие войти в местную элиту и пробиться на службу в Москву. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно

посмотреть на судьбу елецких дворян Бехтеевых, Хрущевых и Лазаревых. Только благодаря тому, что все они на протяжении двух-трех поколений дружно рвались к власти и увеличивали свои земельные богатства, их представители попали в окружение царя Алексея Михайловича, царевны Софьи и Петра I²⁶.

Семейная сплоченность имела не только практические цели. Для уважаемого человека семья — часть его жизни, предмет гордости и заботы. Яркий пример этому — посадский человек Прокофий Федорович Орлянкин. Прокофий начал карьеру примерно в 1618 г., тогда ему было лет пятнадцать-шестнадцать. Он служил целовальником при елецкой таможене. Его задачей было аккуратно вести таможенные книги. Скоро он скопил денег и завел в Ельце торговую лавку. Примерно тогда он и обзавелся семьей. В 1626 г. Орлянкин продал лавку и занялся более крупной торговлей.

К 1660 г. он был одним из самых богатых жителей Ельца, занимался хлебной торговлей. Прокофий Федорович выстроил мельницу в уезде и молот муку. Он покупал пленных иноземцев (литовцев, турок, поляков), всего у него было тринадцать человек для работ на мельнице и по дому. Отношение его к родственникам было самое душевное, если мы прочтем «сказку», записанную с его слов. Всех членов своей семьи он называет ласково: «Матушка моя Анна, женушка моя Ефимица, да три сынка...» Даже купленных пленных работников он зовет с отчеством и в уменьшительном виде: Ивашка Степанов сын, Пашка Андреев сын. Всем пленным работникам он дал русские имена и отчества. Очень показательны, что у самого богатого жителя Ельца Прокофия Федоровича Орлянкина одна из самых больших семей в городе. В его хоромах жили: мать, брат, жена, трое сыновей десяти-семнадцати лет, жена брата, сын брата и еще какой-то «худой человек» Гриша Бубков тридцати пяти лет с женою и двумя детьми. Итого, восемь членов семьи. Интересно, что у тридцатипятилетнего Гриши Бубкова дочерям было девятнадцать и двадцать лет. Значит, отцом он стал в пятнадцать лет, притом, что жена наверняка младше его по возрасту. А вот Прокофий Федорович не спешил обзавестись детьми. Первый сын у него родился ближе к сорока годам. Но можно допустить и то, что Орлянкин потерял своих первых сыновей в раннем возрасте. С другой стороны, в 1660 г. нет упоминаний о дочерях Орлянкина,

которые уже могли быть к тому времени замужем²⁷.

Разводы были редкостью и в простонародной среде почти не встречались. Развод воспринимался населением крайне негативно, особенно родственниками и соседями. Это связано, прежде всего, с понятием личного «жребия», т. е. судьбы, данной человеку Богом. Отсюда и семейная жизнь, какой бы нележкой она ни была, воспринималась как жребий. В такой ситуации правильный стереотип поведения человека — «жить в правду». После одного из очередных татарских набегов на Елец ельчане давали показания о потерях семьи в воеводской избе. Показания записывались. Многие традиционно объясняли набег татар на Елец божьим наказанием за грехи. Одним из первых показания давал стрелец Федор Астапов. В его сказке присутствует некоторая эмоциональность, навеянная, вероятно, рассуждениями о набеге, как каре Божьей: «А жил де я в правду... и в прошлом в 1658 году как приходили воинские лихие люди... и в то время семья моя от воинских людей вся села»²⁸.

Мы привели достаточно фактов из жизни людей XVII в., чтобы понять, что представляла собой семья в то время. Прежде всего, бросается в глаза семейная сплоченность. Тут за традицией скрывается практический интерес: семья, род, клан помогали выстоять в сложное и нестабильное время, каким и было по преимуществу наше прошлое. В те годы почти не было проявлений индивидуальности, личности, поскольку сама жизнь не позволяла таким явлениям распространяться. Особенности исторического развития, традиции православия, климатические условия — все это способствовало развитию прочных семейных отношений. В результате даже сознание средневекового человека было семейным, родовым. Это психологическая особенность осталась и в дальнейшем. Для русской девушки XVIII-XIX вв. главное событие в жизни — брак. Большая часть богатого народного фольклора так или иначе связана с браком. Песни, гадания, поверья в народной женской среде всегда имеют целью удачный брак. Девушка, не вышедшая замуж в нужное время, могла стать изгоем и в XIX в. Об этом ярко свидетельствует этнография. Можно указать на богатый этнографический материал, который хранится в Государственном архиве Орловской области. 90 % этого материала середины XIX в. так или иначе связано с темой брака и семьи²⁹.

¹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. — СПб., 2005. — С. 432.

² Нехватко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. — М., 2001; РГАДА. — Ф. 142. — Оп. 1.

³ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 4. — Д. 87. — Л. 290 — 292об.

⁴ Там же. — Белгородский стол. стлб. 2. — Л. 41 — 43.

⁵ Там же. — 1659. Белгородский стол. — Ст. 433. — Л. 77.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — Разрядные везки. — Д. 2. — Ч. 2. — № 2. — Л. 36об.

⁸ Там же. — Л. 25, 25об.

⁹ Там же. — Ф. 141. — Д. 1. — Л. 159.

¹⁰ Там же. — Ф. 1209. — Д. 136. — Л. 357.

¹¹ Там же. — Ф. 210. — Оп. 4. — Д. 87. — Л. 48.

¹² Там же. — Д. 88. — Л. 97.

¹³ Ляпин Д. А. Генеалогия дворян Бехтеевых по документам XVII в. // Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы XIX научной конференции РГГУ. — М., 2007. — С. 201-204.

¹⁴ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 19. — Д. 9. — Ч. 1. — Л. 287-288.

¹⁵ Там же. — Ст. Приказного стола. — Д. 31. — Л. 462-472.

¹⁶ Там же. — Ф. 1209. — Д. 132. 1628/30. — Л. 887.

¹⁷ Там же. — Д. 135. — Л. 177-177об.

¹⁸ Ляпин Д. А. Социальная дифференциация детей боярских Юга России в XVII в. // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. — Воронеж, 2006. — Вып. 2 (Часть 2). — С. 273-284.

¹⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI-XVII вв.

— М., 2005. — С. 546.

²⁰ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1987. — С. 77.

²¹ РГАДА. — Ф. 210. — Разрядные вязки. — Д. 2. — Ч. 2. — № 2. — Л. 20-22.

²² Соборное Уложение Алексея Михайловича 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. — М., 1985. — Т. 3. — С. 168.

²³ Там же. — С. 165.

²⁴ РГАДА. — Ф. 210. 1659. — Белгородский стол. — Ст. 433. — Л. 19.

²⁵ Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII в.

— Воронеж, 2001. — С. 190.

²⁶ См.: Ляпин Д. А. Генеалогия дворянских родов Елецкого уезда по документам XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII научной конференции РГГУ. — М., 2006. — С. 273-276.

²⁷ РГАДА. — Ф. 210. 1659. — Белгородский стол. — Ст. 433. — Л. 126.

²⁸ Там же. — Л. 1.

²⁹ ГАОО. — Ф. 7. — Д. 19.

Т. А. Васина (Ижевск)

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТИПОЛОГИИ УДМУРТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ КОНЦА XVIII в. (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДУХОВНОЙ РОСПИСИ 1795 г.)

Духовные росписи, или исповедные ведомости, были введены в России указом Петра I от 17 февраля 1718 г. с целью выявления раскольников для их последующего налогообложения. Росписи представляли собой именные списки православных прихожан и членов их семей, как бывших на исповеди, так и «уклонившихся» от нее, а также раскольников¹. В качестве исторического источника для изучения типологии семьи духовные росписи представляют большой интерес, поскольку содержат сведения о числе дворов в приходе, количестве людей (мужского и женского пола), включают фамилии и имена главы семьи и ее членов, указывают степень родства и возраст жителей по каждому селению церковного округа. В то же время следует помнить, что в духовные росписи вносились имена детей лишь с шестимесячного возраста, т. е. в действительности людность и структура семей могли быть несколько больше и сложнее указанных.

Анализируемая здесь духовная роспись 1795 г. представляет собой посемейный список прихожан православной Дмитриевской церкви, первой деревянной церкви Камско-Воткинского завода. Данный архивный источник содержит сведения о семейной структуре духовенства, чиновников горного ведомства, приказно-служителей, рядовых солдат, дворовых людей, мастеровых и приписных крестьян, проживавших как в поселке Камско-Воткинского завода, так и в сельских населенных пунктах заводской округи. Объектом настоящего исследования послужили указанные в духовной росписи 1795 г. новокрещенные удмурты², являвшиеся коренными

жителями этого региона и принадлежавшие к крестьянскому сословию. Изучение типологии семьи этой этнической категории населения представляет большой интерес.

В ходе работы над архивным документом были проанализированы 242 семьи новокрещенных удмуртов, проживавших в 162 дворах (и еще 32 двора не были рассмотрены вследствие недостачи листов в деле). Это жители ряда населенных пунктов Сарапульского округа Вятского наместничества (ныне Воткинского и Шарканского районов Удмуртской республики): д. Быгов (Быги), поч. Билиб, поч. Евсин (Евсино), д. Едырон, поч. Лялышур, д. Пашурская (Пашур), д. Сторовай, д. Чужегово, д. Шетьян, д. Поля. Всего было учтено 1022 человека мужского и 1081 — женского пола.

Основными критериями определения форм семейной организации выбраны поколенный и родственный состав, число супружеских пар и людность семьи.

Исследование духовной росписи показало, что в конце XVIII в. по числу поколений у православных прихожан-удмуртов Дмитриевской церкви Камско-Воткинского завода наблюдалось четыре типа семей: одно-, двух-, трех- и четырехпоколенные (Табл. 1). К первой категории относились одинокие (холостые жильцы, вдовы), бездетные супружеские пары и супружеские пары, с которыми проживали младшие братья мужа. Двухпоколенные семьи включали супружеские пары с детьми и другими родственниками (братом или сестрой, снохой, племянниками), в их число также входили братские семьи (женатые братья с детьми). К трехпоколенным принадлежали домохозяйства

Таблица 1

Типы семей новокрещенных удмуртов-прихожан Дмитриевской церкви Камско-Воткинского завода в 1795 г. (указано количество домохозяйств)³

По числу поколений	Одно-поколенные	Двух-поколенные	Трех-поколенные	Четырех-поколенные
По характеру родства				
Одинокие	3	-	-	-
Малье	4	53	-	-
Расширенные	-	27	-	-
Сложные	-	47	103	5

с родителями, детьми и внуками, а также женатыми племянниками с детьми и братские семьи (женатые братья с детьми и внуками), к четырехпоколенным — соответственно домохозяйства с родителями, детьми, внуками и правнуками.

В среде крестьян из числа новокрещенных удмуртов, согласно духовной росписи 1795 г., преобладали двухпоколенные семьи: они насчитывали 127 домохозяйств или 52,48 % общего числа семейств. На втором месте по численности стояли трехпоколенные семьи, которые охватывали 103 домохозяйства (42,56 %). Однопоколенных семей было выявлено 7 (2,89 %), а четырехпоколенных — 5 (2,07 %).

По характеру родства у новокрещенных удмуртов-прихожан Димитриевской церкви в 1795 г. также было выявлено несколько форм семейной организации: одинокие, малые, расширенные и сложные семьи (Табл. 1). К первой категории принадлежали главным образом не имевшие родственников вдовы и холостые мужчины, преимущественно жильцы. В конце XVIII в. данный тип семьи не был широко распространен: он охватывал всего трех человек, что составляло 1,24 % общего числа семей.

Малые (нуклеарные) семьи удмуртов включали супружеские пары (2 домохозяйства, или 0,83 %) и супружеские пары с детьми (51 домохозяйство, или 21,07 %), полные и неполные. Кроме того, были выявлены и другие, небольшие по численности и несложные по структуре виды домохозяйств, представлявшие собой различные этапы так называемого «жизненного цикла» семьи: это супружеская пара, с которой совместно проживали несовершеннолетние брат и сестры мужа; супружеская пара, с которой проживала сноха (вдова брата мужа); дед, воспитывающий внуков; вдовец, проживающий со своей снохой — вдовой сына. В целом некрупные семьи охватывали 57 домохозяйств или 23,55 % общего их числа.

Расширенные двухпоколенные семьи представляли собой переходную форму от малой семьи к сложной и включали домохозяйства с родителями, детьми и другими родственниками: снохой — 15 семейств, братом или сестрой родителей — 8, племянниками — 3 и братом и племянником — 1 семья. Следовательно, всего расширенные семьи охватывали 27 домохозяйств

или 11,16 % их общего количества.

Наибольшей численностью и вариативностью в 1795 г. характеризовались сложные трех- и четырехпоколенные семьи удмуртов. Так, братские двухпоколенные семьи охватывали 47 домохозяйств, братские трехпоколенные — 18. При этом данные виды семей имели значительное число вариаций: зафиксировано совместное проживание двух, трех и четырех женатых братьев как с несовершеннолетними, так и женатыми детьми (и внуками). В некоторых случаях в этих семьях выявлено проживание младших братьев и сестер, еще не создавших собственной семьи (либо вдовцов, утративших семью), а также снох — вдовы одного из братьев с детьми (иногда внуками), племянников-сирот (в том числе женатых, с детьми). Кроме того, отмечены семьи, сформированные как вдовами двух братьев (с детьми и внуками), так и женатым братом и замужней сестрой (с детьми и внуками). Сложные семьи, включающие родителей, детей и внуков, насчитывали 76 домохозяйств; родителей, детей, внуков и племянников (в том числе женатых, с детьми) — 9; родителей, детей, внуков и правнуков — 5, итого сложные семьи охватывали 155 домохозяйств или 64,05 %.

Следует отметить, что в конце XVIII в. удмурты-прихожане православной Димитриевской церкви Камско-Воткинского завода отличались значительной долей неполных семей (в которых отсутствовал один из родителей в первом или втором поколении, чаще всего по причинам смерти или несения военной службы). Неполные семьи насчитывали более трети домохозяйств — 38,84 %. В большей степени данная цифра касалась женщин, оставшихся без мужей. Всего в 242 семьях было выявлено 55 вдов и 25 солдаток против 31 вдовца, т. е. доля одиноких женщин в два с половиной раза превосходила численность одиноких мужчин (разумеется, условно одиноких, т. к. они проживали в большом кругу семьи, имели детей и других родственников). Средний возраст вдовцов и вдов составлял соответственно 59,6 и 53,9 лет, солдаток — 33,4 года.

По количеству супружеских пар семьи удмуртов были относительно небольшими: доминировали домохозяйства с одной супружеской парой, которые охватывали 90 семейств или 37,19 %. Второе по распространенности место занимали семьи с двумя супружескими

Таблица 2

Возраст мужа и жены в супружеских парах новокрещенных удмуртов (1795 г.)⁴

Разница в возрасте	Кол-во пар	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет	6 лет	7 лет	8 лет	9 лет	10 лет	11-18 лет	20-25 лет	30-36 лет	41 год
Одногодки	79	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Муж старше жены	228	24	37	20	10	69	3	7	4	2	22	16	10	3	1
Жена старше мужа	137	28	38	23	10	32	1	1	3	-	1	-	-	-	-

Размеры семей удмуртов-прихожан Димитриевской церкви
Камско-Воткинского завода в 1795 г.⁵

Число человек в семье	Кол-во семей	Число человек в семье	Кол-во семей
1	3 (1,24 %)	13	5 (2,07 %)
2	6 (2,48 %)	14	8 (3,31 %)
3	13 (5,37 %)	15	6 (2,48 %)
4	22 (9,09 %)	16	7 (2,89 %)
5	19 (7,85 %)	17	3 (1,24 %)
6	29 (11,98 %)	18	2 (0,83 %)
7	20 (8,26 %)	19	3 (1,24 %)
8	26 (10,74 %)	20	3 (1,24 %)
9	24 (9,92 %)	21	3 (1,24 %)
10	15 (6,20 %)	23	2 (0,83 %)
11	15 (6,20 %)	37	1 (0,41 %)
12	7 (2,89 %)	Итого	242 семьи, 2103 чел.

парами — 78 домохозяйств (32,23 %), еще в 20 домохозяйствах (8,26 %) супружеские пары отсутствовали. Тем не менее, в 27 семьях (11,16 %) отмечено проживание трех супружеских пар, в 20 (8,26 %) — четырех, в пяти (2,07 %) — проживали пять супружеских пар, еще в двух случаях отмечено совместное проживание шести и восьми супружеских пар.

В большинстве семей (228, или 51,35 %) муж был старше жены (разница в возрасте составляла от 1 до 41 года), в 137 парах (30,86 %) жена была старше мужа (на 1-10 лет) и в 79 случаях (17,79 %) супруги были одного возраста (Табл. 2).

Преобладали семьи людностью 6-9 человек: они насчитывали 40,90 % общего числа домохозяйств (Табл. 3). Значительное место (29,35 %) занимали семьи из 10-19 родственников. В 3,72 % домохозяйств совместно проживали от 20 и более человек.

Средний размер удмуртской семьи составлял 8,7 человек. При этом самыми крупными не всегда являлись четырехпоколенные семьи, чаще всего — братские и сложные трехпоколенные, где с родителями жили несколько женатых сыновей. Например, семья Тихона Степанова из д. Попья охватывала 18 человек: кроме главы семьи, его жены, детей и снохи домохозяйство включало еще двух женатых братьев с малолетними детьми и двух несовершеннолетних братьев и сестру. Братская трехпоколенная семья Якова Титова из д. Быгов насчитывала 23 родственника: четырех женатых братьев с детьми, старший из которых — глава домохозяйства — имел внуков. Но наиболее крупной была семья Филимона Васильева из д. Пашурской, которая включала 37 человек (двух женатых братьев, каждый из которых имел несколько взрослых сыновей и внуков).

В большинстве случаев (61,11 %) двор принадлежал одной семье, в 48 дворах (29,63 %) было зафиксировано по две семьи, в 13 (8,03 %) — по три, и в двух дворах (1,23 %) проживали по четыре семьи (включая жильцов, семейных и одиноких). Средний

размер двора составлял 13 человек.

Наконец, проведенный по материалам духовной росписи 1795 г. анализ общей демографической ситуации характеризует удмуртскую православную сельскую семью в качестве ячейки воспроизводства населения. Был исследован половозрастной состав домохозяйств с выделением пятилетних градаций возрастных категорий (Табл. 4).

Как видно из табл. 4, общая демографическая ситуация в приходе Камско-Воткинской Димитриевской церкви отличалась преобладанием лиц молодого возраста: дети и подростки до 14 лет составляли в домохозяйствах удмуртов 42,31 % жителей обоего пола, молодые от 15 до 24 лет — 18,66 %, люди зрелого возраста (25-59 лет) — 34,41 %, пожилые (60-74 года) — только 3,19 %, лица старческого возраста (свыше 75 лет) — 1,29 % и долгожители (более 90 лет) — всего 0,14 % коренного населения церковного округа. Наибольший процент среди прихожан мужского пола составляли 10-14-летние дети, женского пола — девочки 5-9 лет. Возрастная категория до одного года охватывала небольшую группу детей, поскольку, как было отмечено выше, в духовную роспись 1795 г. были включены младенцы от шести месяцев. При этом в малолетнем возрасте наблюдался небольшой перевес детей мужского пола. Причиной тому было преобладание числа родившихся мальчиков над количеством родившихся девочек. Согласно метрической книге, в 1795 г. в удмуртских семьях родилось 40 детей — 22 мальчика и 18 девочек⁷ (в пересчете на 100 родившихся мальчиков приходилось 81,8 родившихся девочек). Следовательно, воспроизводство населения мужского пола опережало воспроизводство населения женского пола. Тем не менее, приведенные в табл. 4 данные свидетельствуют, что в зрелом возрасте (особенно в 15-39 лет) доля населения женского пола несколько превысила долю мужского (вероятно, вследствие высокого уровня смертности трудоспособных мужчин). С другой стороны, среди долгожителей жен-

Половозрастная структура семей новокрещенных удмуртов в 1795 г.

Возрастные категории	Население мужского пола	Население женского пола
До 1 года	19 (1,86 %)	16 (1,48 %)
1-4	148 (14,51 %)	147 (13,60 %)
5-9	119 (11,67 %)	165 (15,26 %)
10-14	158 (15,49 %)	117 (10,82 %)
15-19	96 (9,41 %)	102 (9,44 %)
20-24	90 (8,82 %)	104 (9,62 %)
25-29	74 (7,25 %)	97 (8,97 %)
30-34	74 (7,25 %)	91 (8,42 %)
35-39	63 (6,18 %)	80 (7,40 %)
40-44	57 (5,59 %)	56 (5,18 %)
45-49	28 (2,75 %)	29 (2,68 %)
50-54	32 (3,14 %)	23 (2,13 %)
55-59	10 (0,98 %)	9 (0,83 %)
60-64	14 (1,37 %)	20 (1,85 %)
65-69	8 (0,78 %)	8 (0,74 %)
70-74	9 (0,88 %)	8 (0,74 %)
75-79	7 (0,69 %)	5 (0,46 %)
80-84	7 (0,69 %)	3 (0,28 %)
85-89	4 (0,39 %)	1 (0,10 %)
90-94	2 (0,20 %)	-
95-99	-	-
100-104	1 (0,10 %)	-
Итого	1020 чел. (100 %) ⁶	1081 чел. (100 %)

щины не были выявлены. В целом возрастные показатели мужской и женской части удмуртского населения были достаточно схожими.

Еще одной особенностью удмуртской семьи как ячейки воспроизводства населения можно назвать низкий коэффициент брачности. Так, в 1795 г., согласно метрической книге, новокрещеными удмуртами-прихожанами Дмитриевской церкви было заключено 19 браков⁸ (почти четвертая часть или 24,4 % от общего числа венчаний по приходу). С учетом численности удмуртского населения в церковном округе (по духовной росписи — 2103 человека обоего пола) коэффициент брачности равнялся всего 9 венчаниям на 1000 прихожан-удмуртов, т. е. один брак на 111 жителей. Браки были виро-локальными (жена проживала в семье мужа) и гомогамными⁹ (внутри своей этнической группы). Соответственно в конце XVIII в. невысоким был и коэффициент рождаемости: 19 детей на 1000 человек (или одно рождение на 53 жителя). Т. к. смертность новокрещенных удмуртов в 1795 г. не выявлена

(в метрической книге в числе умерших отмечены лишь заводские служители, крестьяне, солдаты и духовенство)¹⁰, можно говорить о наличии положительного демографического баланса.

Таким образом, анализ духовной росписи 1795 г. показал преобладание в среде новокрещенных удмуртов-прихожан православной Дмитриевской церкви Камско-Воткинского завода сложных семей — неразделенных отцовских и братских. Данные виды семейной организации отличались наибольшей вариативностью структуры. В то же время при наличии существенной доли трехпоколенных семейств доминировали двухпоколенные. Средний размер семьи соответствовал людности крестьянского домохозяйства России, но встречались и особо крупные семьи. В целом результаты проведенного исследования совпадают с выводами М. В. Гришкиной о возрастании со второй половины XVIII в. удельного веса условленных вариантов удмуртской семьи, имеющих трехпоколенную структуру и многолюдный состав.

¹ Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель. — Ижевск, 2000. — С. 29.

² ЦГА УР. — Ф. 409. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 253-278об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Возраст двух мужчин не выявлен вследствие недостатка листов в деле. См.: там же.

⁷ Там же. — Л. 291-307об.

⁸ Там же. — Л. 308-311об.

⁹ Мотревич В. П. Историческая демография России. — Екатеринбург, 2000. — С. 34.

¹⁰ ЦГА УР. — Ф. 409. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 312-315.

¹¹ Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII — первой половине XIX вв. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XX вв. — Устинов, 1985. — С. 15.

ГЕТЕРИЗМ И БРАК У УДМУРТОВ: ПРОБЛЕМАТИКА И КОРПУС ИСТОЧНИКОВ

Общепризнано, что брак является в равной степени имущественным, духовным и плотским союзом. Однако вплоть до новейшего времени и «полевые» этнографы, и «кабинетные» историки концентрировали свое внимание преимущественно на внешних проявлениях брачных отношений. Достаточно вспомнить, что основатель российской этнологии Н. Н. Миклуха (фон Маклай), прожив годы среди папуасов, был свидетелем и участником отношений полов, но ему не удалось детально осветить ни ментальной составляющей таких отношений, ни их экономической подоплеку¹. Разумеется, для решения таких задач требуется свободное владение языком изучаемого этноса. Но не только это. Все знают, что работы этнографов прошлого пестрят указаниями на то, что виденные ими обряды слишком «неприличны» для описания, слышанные ими песни «нескромны» и т. п. Так уж получилось, что для русскоязычной этнографической (и общедоступной) литературы в силу цензурных соображений определенные сюжеты оказались под запретом, став темой для работ А. Н. Афанасьева, а в национальной литературе образовали специальный остроумный, но зачастую скандальный жанр «барковианы».

Несмотря на то, что современные ученые, проживающие в национальных субъектах федерации, как правило не касаются темы внебрачного полового общения, мы не можем пройти мимо нее.

Сказанное определяет состав корпуса источников для исследования заявленной проблематики: наиболее продуктивной нам представляется работа в первую очередь с архивными и статистическими данными, которые в эпоху своего появления не предназначались для печати, а также обращение к малоизвестным свидетельствам иностранных авторов, которые не предназначались для публикации в России. Ведь иностранный автор, видевший то или иное явление, не задумывался над тем, как он «протащит» потом описание этого явления через российскую цензуру: он просто фиксировал увиденное, и поэтому свидетельство нарративного источника, если не вполне объективно, то, по меньшей мере, беспристрастно.

Итак, уже на основании первых переписей населения в нашем регионе исследователи указывали, что «удмуртские девушки-невесты, как правило, были старше своих женихов: этот обычай существует в таком расчете, что если молодуха старше молодого, то, значит, надежная хозяйка, во всех отношениях развитая и способная к супружеской жизни. С другой стороны, сноха старше сына предпочитается еще и потому, что матери ко времени женитьбы своих сыновей приходят в дряхлое состояние, почему и оказываются малоспособными к управлению хозяйством, и все бремя управ-

ления по части женской стирки падает на сноху. В первые времена просвещения вотяков христианскою верою женили сыновей от 8 до 12 лет на двадцатилетних девушках, что видно из указа Вятской духовной консистории от 22 февраля 1757 г. за № 178. Указом этим воспрещались такие обычаи в предотвращение кровосмешения свекров со своими снохами»².

Анализ данных переписных книг конца XVII в. позволил П. Н. Луппову сделать вывод о том, что в местах проживания северных удмуртов 46 % лиц мужского пола в возрасте от двенадцати до семнадцати лет были женаты; были зарегистрированы случаи брака восьмилетних мальчиков, а более половины мужской части населения составляли дети до одиннадцати лет³. Разумеется, браки с неполовозрелыми женихами, создаваемые по описанной модели, являли собой исключительно имущественно-производственные союзы.

Уже первое научное сообщение Д. Г. Мессершмидта о северных удмуртах, относящаяся к началу 1726 г., которая была опубликована лишь в наши дни, имеет указание на существование у этого народа полигамии: «Мужчины... склонны к полигамии если они считают себя способными прокормить двух, трех и более баб. Бедняк же удовлетворяет себя в одиночку... Муж и жена, господин, слуга, девушка, сын и дочь спят все вместе в одной избе и кладут головы один другому, так сказать, на лоно»⁴. Автор описывает добрачное половое общение финских народов в нейтральных тонах: «Девки сидели среди парней с задранными до подбородков рубашками... а при пробуждении давали любезно (курсив наш. — А. К.) себя покрыть»⁵.

В 1816 г. по землям северных удмуртов проехал И. Ф. Эрдман. В путевых записках, которые опубликованы на русском языке лишь частично, он утверждает, что у удмуртов «допускается многоженство»⁶. Переводчик и публикатор записок Эрдмана в 1892 г., С. К. Кузнецов, дает свое примечание о том, что «хотя и не часто, многоженство это можно наблюдать у вотяков до сих пор. Мне лично известны некоторые примеры многоженства вотяков в Малмыжском и Казанском уездах (т. е. у южных удмуртов. — А. К.)»⁷. И. Ф. Эрдман пишет об удмуртах: «Целомудрие у них не есть добродетель, и родители охотно уступают своих дочерей для плотского удовольствия посторонним мужчинам, так как беременная легче находит себе мужа: она уже может считаться плодотворною»⁸. Возможно, свидетельство об «уступке дочерей посторонним мужчинам» послужило основанием для того, что в словарной статье «Вотяки» для энциклопедии Брокгауза и Ефрона, вышедшей в конце XIX в., П. А. Матвеев указывает, что «у вотяков до сих пор сохранились остатки коммунальных браков: определение родства по женской линии, раз-

личные виды гетеризма и полная свобода половых отношений для девушки до брака. Девушка, имевшая до брака несколько детей, считается особенно завидной невестой и пользуется почетом за свою способность к деторождению⁹. Многие исследователи быта вотяков свидетельствуют об обычае у них гостеприимного гетеризма¹⁰.

Однако сведения о гостеприимном гетеризме довольно неясны, и его объективные проявления не описаны, по крайней мере, в литературе, находящейся в постоянном обороте. Идеологию этого явления характеризует Б. Гаврилов: «При умении обходиться с вотяками скрытость и скупость их пропадает и они готовы пожертвовать для приятного им человека всем, что имеют сами»¹¹. С другой стороны, при затрудненности (вследствие бездорожья, расстояний) межродовых контактов любые локальные сообщества испытывают потребность в обновлении генетического материала.

Посмотрим, какое влияние оказали соответствующие экономические мотивы на брачное поведение удмуртов. Так, Б. Гаврилов в конце XIX в. применительно к южным удмуртам отмечает, что «вотяки при женитбе за девушку не замеченную в *разврате* (курсив наш - А. К.) дают калыма до 75 рублей серебром, а за девушку беременную, если найдутся женихи, дают никак не более 3 рублей. При мне бывало несколько случаев женитбы на беременной девушке, причем один жених заплатил калыма 15 копеек, а другой 9 копеек... Нередко случается, что муж подобной женщины, видя порок своей жены, начинает и сам развратничать, и если нет, т. е. если он чересчур смиренного характера, то (хотя и редко), но бывают случаи, что таковой брак разрывается через самоубийство мужа»¹². Описывая объективную сторону свадебного обряда, тот же автор сообщает, что новобрачную, отъезжающую в дом мужа, ее родственники одаривают деньгами¹³. Если учесть, что перед этим они получили определенную сумму от отца жениха в виде *калыма*, величина которого зависела от добрачного поведения невесты, то объективно эти деньги от родственников есть лишь подарок новобрачного своей жене, и величина этого подарка напрямую связана с моральной оценкой ее добрачной жизни. А «некоторые бедные вотяки ищут невесту беременную, чтобы не платить, или заплатить меньше *калыма*»¹⁴.

Образцы устного творчества удмуртов также содержат отражение мотива подарка целомудренной (?) невесте: «На подоконник положил я серебряную монету (деньги?). Не для матери, а для дочери»¹⁵.

Непредвзятое отношение к свидетельствам современников показывает, что половое поведение, как правило, определяется нормами морали, которые жестко детерминированы условиями существования (а зачастую и выживания) социума. Так, И. Б. Мюллер, проживавший среди хантов в начале XVIII в., приводит сведения, которые способны шокировать носителей современных понятий о нравственности, но, тем не менее, содержат правдоподобные объяснения мотивов субъектов гендерных отношений: «Любовь... у них в обыкновении, и они даже столь сильно обуреваемы этой стра-

стью, что они не могут представить себе, что довольно для мужчины и одной женщины. Поэтому у них обычно две жены: одна пожилая для того, чтобы заботиться о домашнем хозяйстве, другая молодая для их наслаждения и прислуживания им в обществе... Не в обычае хранить целомудрие их дочерей до достижения ими брачного возраста. Они его лишаются в возрасте от 7 до 8 лет с тем, чтобы оставить себе достаточно времени для любви и чтобы они могли лучше приноровиться к прихотям их мужей»¹⁶.

Поэтому инпересное направление может открыться при сравнительном изучении брачного поведения удмуртов в связи со способами и уровнем военной мобилизации этого народа в прошлом: известно, что с начала XVIII в., после проведения подушной переписи, удмурты несли воинскую повинность, рекруты из их среды направлялись на службу в т. н. Остзейские полки, дислоцированные в Прибалтике. Считается, что мало кто из мобилизованных возвращался к родному очагу, а негативное отношение к солдатчине, которая воспринималась и самим рекрутом, и его родителями почти как смерть, общеизвестно и имеет яркое отражение в фольклоре¹⁷. В этнографической литературе прошлого можно встретить глухие намеки на то, что семья имела мотив сдать в рекруты не родного ребенка, а того, который появился до брака, и отец которого не известен. Таким образом, родной сын оставался в семье и становился наследником домохозяина. Если данное указание верно, то оно порождает гипотезу о том, что привлекательной невестой была не просто женщина с ребенком, а именно женщина с «готовым» сыном, ценность которого увеличивалась в условиях общеизвестного обстоятельства массовой младенческой смертности¹⁸.

Однако к двадцатым годам прошлого века, вероятно, вследствие убыли мужского населения в результате войн и общего снижения уровня жизни, гендерные отношения по типу обмена подарками, видимо, уходят в прошлое. К. Герд, изучавший северных удмуртов, приводит случаи, когда женатый мужчина «покупал» себе на время женщину за предоставление ей пищи и крова. Автор называет это явление «своеобразной деревенской проституцией»¹⁹. В то же время всеобщая воинская обязанность ликвидировала потребность в инородных мальчиках для сдачи их в рекруты.

Отдельный корпус источников может образовывать лексический состав языка. Так, касаясь темы иноэтнического влияния, необходимо отметить, что слово *калым*²⁰ и удмуртское слово для обозначения подарка *салам*²¹ заимствованы из татарского языка. Кроме того, терминология моральных категорий удмуртов, наряду с исконными (прапермскими?) терминами *возьыт* — стыд и *керпотынны*, *кепыраны* — стесняться, и в части словообразования несет отпечаток тюркского влияния (например, *возьытлык* — совесть) и включает множество тюркских (татарских) лексических заимствований, некоторые из которых приводим ниже:

алама — плохой, скверный, дурной²²;

азгин — порочность²³;

бузэк — порочный, развратный²⁴;
келши — приличие, скромность²⁵;
курла — осуждать, порицать²⁶.

Современный лексический состав языка отражает наличие в понятийном аппарате определенных моральных установок. Хотя, разумеется, одного этого замечания не достаточно для того, чтобы понять, какое содержание вкладывалось носителями языка в понятие *скромность* или *порок*.

В любом случае, в удмуртском языке, кажется, нет терминов для обозначения полигамии, промискуитета и гетеризма. Разумеется, нет их и в русском языке (по крайней мере, в современном, ибо *многоженство* — это полная калька). Видимо, если явление в культуре есть, а оригинального термина для него нет, это может свидетельствовать либо о том, что такое явление изначально рассматривалось обществом как типичное и нормальное, либо ушло из бытия так давно, что и термин забылся. Тем не менее, логичным представляется заключение о том, что общественные институты удмуртов нового времени (по крайней мере, южных) и языковые формы сформировались под тюрко-татарским влиянием.

Затронутые выше темы имеют прямой выход в реалии наших дней, и современные литературные произведения сложно рассматривать в качестве источника по рассматриваемой проблематике. Так, например, в национальном литературоведении принято считать, что мир чувств и частная жизнь удмуртки отражены в «эротической» лирике Серафимы Пушиной-Благининой, которая, по мнению исследователей ее творчества, «демонстрирует в своих стихах женскую сущность, заявляет о праве женщины на счастье и даже на грех, если он **продиктован самой жизнью**. Как известно всему миру, в бывшем Советском Союзе, а у нас, в Удмуртии, тем более, секса вообще не было»²⁷. По нашему мнению и сами «эротические» произведения, и их оценка, приведенная выше, могли быть актуальны для середины девяностых годов. Поэтому их следует считать, скорее, эксцессами свободы творчества, которые появились в обстановке одномоментного разрушения системы идеологического контроля²⁸. Надо признать, что собственно литературная критика произведений удмуртской лирики нам недоступна по причине слабого знания этого языка, и такая критика не входила в наши цели. Однако читатель, даже владея этим языком на минимальном уровне, отметит мастерские ассонансы «эротического» текста С. Пушиной-Благининой. Они вызывают ассоциации с неточными рифмами. (Мы имеем здесь в виду удмуртский термин *уй* — ночь. Тот, кто владеет русским языком, без труда подбирает точную рифму).

В последние годы в издательстве «Удмуртия» опубликованы на удмуртском языке лирические произведения Аллы Кузнецовой²⁹ и Лидии Нянкиной, которые приобрели большую популярность. Например, стихотворение последней «*Бен, мон гетера — туж иудо адями! Инбам-будуаре мынам...*»³⁰. (Дословно: «Да, я гетера — очень счастливый человек! Небо — мой будуар...» — А. К.) положено на музыку. Песня без преувеличения является шлягером, который можно услышать на многих массовых мероприятиях с участием национальных артистов. На взгляд автора этих строк, исполнителям данного хита сюжет близок и знаком, ибо эта песня исполняется и принимается с большим эмоциональным подъемом³¹. Однако, наверное, большинство наших современников безо всякого смущения признаются в том, что им трудно, не имея под руками словаря иностранных слов, дать исчерпывающе верную дефиницию понятий гетера (гетеризм) и будуар. Поэтому читатель и слушатель воспринимают скорее семантическую окраску этих терминов в понятном ему (ей) контексте «свободной любви», и эта песня (наряду с ее аналогами) неизменно находит радушный прием. Безусловно, вследствие рекламы потребительства и гедонизма на всех уровнях, добрачное (и внебрачное) половое общение стали реалиями общественного постсоветского бытия вне зависимости от национальной принадлежности субъектов. Но, возможно, по-русски с эстрады декларативный гетеризм звучал бы несколько в духе эпатажа. (Вспомним: «А я проститутка, я фея из бара, я черная моль, я летучая мышь...») Однако в национальной среде, имеющей свежие традиции и память об исторических реалиях, свидетельства которых мы привели выше, эта обнаженная лирика, видимо, падает на почву, подготовленную генетической памятью и не вызывает отторжения³².

Таким образом, логичным становится вывод о том, что формирование модели брачных (и внебрачных) отношений произошло у удмуртов в условиях инокультурной интерференции, а сама модель претерпела динамические изменения, которые нашли свое отражение в объемном корпусе исторических источников. Кроме того, как мы показали, несмотря на отсутствие национальной терминологии, мотивы свободного общения полов находят широкое отражение и в общественном сознании наших земляков. Поэтому предлагаемая тема представляется актуальной для современного культурного строительства в Удмуртии, а прояснение механизмов формирования общественного идеала может сыграть важную роль в деле формирования межнациональной толерантности.

¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений. — М., 1990. — Т. 1.

² Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений. — Ижевск, 1996. — Т. 2. — С. 13-122.

³ Луппов П. Н. Северные удмурты в конце XVII века (Опыт изучения переписной книги 1678 г.). — Вятка, 1934. — С. 8-10.

⁴ Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. — Ижевск, 2001. — С. 79.

⁵ Там же.

⁶ Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 года. Перевод с немецкого С. К. Кузнецова // Памятники Отечества. — 1995. — № 1-2. — С. 17.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Матвеев П. А. Вотяки // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь // CD ROM. — М., 2003.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гаврилов Б. Поверья, обряды и обычаи вотьяков Мамадышского уезда Урьясь-Учинского прихода // Труды IV археологического съезда в России. — Казань, 1891. — С. 81.

¹² Там же. — С. 107.

¹³ Там же. — С. 128.

¹⁴ Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотьяков Казанской и Вятской губернии. — Казань, 1880. — С. 172.

¹⁵ Там же. — С. 9, 79.

¹⁶ Muller I. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken, eines Volcks, dab bis unter dem Polo Arctico wohnt, wie selbiges aus dem Heydenthum in diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, mit etlichen curieusen Anmerckungen von Konigreich Siberien und seinem Freto Nassovio oder Weigats, in der Gefangenschafft daselbst beschrieben und anjebo mit einer Vorrede versehen. Berlin, 1720. (XI), 75 S.; то же. Berlin, 1726. (XI), 75 S.; Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков (Электронный ресурс). Ханты-Мансийск, 2003. Немец И. Б. Мюллер, состоявший на шведской службе, был пленен в 1709 г., несколько лет проживал в Тобольске и участвовал в поездках христианских миссионеров в области проживания хантов. Установлено, что он в значительной степени использовал в своей книге материалы миссионера Г. И. Новицкого, которые увидели свет в форме книги лишь в конце XIX в.

¹⁷ Достаточно вспомнить, что рекрутов иногда вели к месту службы в окопах, как каторжников.

¹⁸ К сожалению, проверить данную гипотезу пока не представ-

ляется возможным: этнографы прошлого не зафиксировали пол ребенка, мать которого является наиболее привлекательной для женихов; данные о количестве демобилизованных из остзейских полков, вернувшихся домой, также не были пока нами обнаружены в литературе.

¹⁹ Герд К. Человек и его рождение у восточных финнов // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. — Helsinki, 1993. — Vol. 217. — P. 17.

²⁰ Csucs S. Die Tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. — Budapest, 1990. — С. 201.

²¹ Там же. — С. 256.

²² Там же. — С. 100.

²³ Там же. — С. 115.

²⁴ Там же. — С. 137.

²⁵ Там же. — С. 212.

²⁶ Там же. — С. 231.

²⁷ Владыкин В. Е. Семикрылая Серафима-грешница // Удмуртская правда. — 1996. — 17 мая.

²⁸ Справедливости ради напомним, что участница той давней телепередачи, ведомой В. Познером, заявила, что «секса у нас нет на телевидении».

²⁹ Кузнецова А. А. Лушкем яратон (Ингим). — Ижевск, 1995.

³⁰ Нянькина Л. С. Синучкон (Зеркальце). — Ижевск, 2004. — С. 75.

³¹ Восторженные отзывы можно видеть и на интернет-форумах. Режим доступа: <http://vkontakte.ru/profile.php?id=8182290>

³² Понятно, что следует различать гетеризм как стиль поведения и проституцию как средство заработка.

Д. В. Вишнякова (Сыктывкар)

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОМИ КРЕСТЬЯН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Брачное поведение людей — это поведение в связи с заключением и прекращением браков. Его важнейшие характеристики: возраст вступления в первый брак, частота повторных браков, степень безбрачия. Все они определяются, главным образом, культурными и социальными нормами. На основании имеющихся метрических книг по Коми краю XIX — начала XX вв., а также документов Центрального и Губернских статистических комитетов, нами были рассмотрены следующие аспекты брачного поведения коми крестьян в указанный период: возраст вступления в первый брак, уровень брачности, доля повторных браков. Надо отметить, что Коми край — это условное название территории с коми населением в изучаемый период, т. к. единого административно-территориального образования она не представляла. Основная территория Коми края входила в состав восточной части Мезенского уезда, а с 1891 г. — Печорского уезда Архангельской губернии, а также Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии¹.

Данные метрических книг позволяют выделить младший, средний и старший брачный возрасты вступления в первый брак. Младший брачный возраст — до 20 лет, средний — от 20 до 26, старший — от 26 до 31 года. Для проведения необходимых расчетов по распределению брачующихся по возрастам, нами было взято за 100 % общее число девушек, вступивших

в первый брак в определенном уезде в том или ином году, и рассчитана доля вступивших в брак в определенной возрастной группе. По материалам метрик первой половины изучаемого периода распределение по возрасту вступающих в первый брак выглядело следующим образом. В Мезенском уезде (рассмотрены только те приходы, которые в дальнейшем были отнесены к Печорскому уезду) в 1831 г. девушки, вступившие в первый брак до 20 лет, составили 70 % от всех вступивших в первый брак девушек в этом году². В 1853 г. девушки, вступившие в первый брак в возрасте до 20 лет, составили 60 %, от 20 до 26 лет — 35 %, от 26 до 31 года — 5 %³. По Усть-Сысольскому уезду в 1840 г. первые браки, в которые вступили девушки до 20 лет, составили 43 %, от 20 до 26 лет — 50,4 %, от 26 до 31 года — 4,2 %, после 31 года — 2,6 %⁴. По Яренскому уезду в 1810 г. девушки, вступившие в первый брак в возрасте до 20 лет, составили 51 %, от 20 до 26 лет — 37,9 %, от 26 до 31 года — 6,8 %. В 1857 г. в брак в возрасте до 20 лет вступило 34 % от общего среднего брачного возраста. В старшем брачном возрасте браки у девушек резко сокращались. Следует также отметить значительную территориальную дифференциацию брачного возраста. Наибольшая доля браков в младшем возрасте у девушек фиксировалась в Мезенском уезде, доля браков в среднем возрасте в том же уезде была меньше

почти в два раза. В Усть-Сысольском уезде младший брачный возраст у девушек представлялся несколько менее активным по сравнению со средним возрастом. В Яренском уезде браки у девушек преобладали в среднем возрасте, а брачная норма была более продолжительной в сравнении с другими уездами края.

Аналогично распределению по возрасту вступивших в первый брак девушек было подсчитано распределение среди юношей. Распределение по брачным возрастам среди юношей, сочетавшихся первым браком, в первой половине XIX в. происходило неравномерно. В 1831 г. на возраст моложе 20 лет пришлось до 30 % браков от всех, заключенных холостыми юношами в этом году по волостям Печорского края. В 1853 г. первые браки, заключенные парнями в возрасте до 20 лет, составили 20,6 %, от 20 до 26 лет — 57,3 %, от 26 до 31 года — 14,5 %, после 31 года — 7,6 %. По Усть-Сысольскому уезду в 1840 г. первые браки юношей в период до 20 лет составили 17,2 %, от 20 до 26 лет — 57,7 %, от 26 до 31 года — 17,2 %, после 31 года — 7,9 %. В Яренском уезде в 1810 г. доля браков среди парней моложе 20 лет составила 24,8 %, от 20 до 26 лет — 42,7 %, от 26 до 31 года — 21,2 %, после 31 года — 11,3 %. В 1857 г. в возрасте моложе 20 лет в первый брак вступило 9,6 % юношей, в возрастной период от 20 до 26 лет — 60 %, от 26 до 31 года — 21,5 %, старше 31 года — 8,9 %. Таким образом, для парней наиболее активным брачным возрастом был период от 20 до 26 лет. Во всех уездах Коми края доля вступивших в брак в этом брачном возрасте была примерно одинаковой. Доля браков в младшем возрасте у юношей была больше по Мезенскому уезду. Распределение браков в старшем брачном возрасте по всем уездам было неравномерным, но при этом доля лиц, вступивших в первый брак после

31 года, была приблизительно схожа. По данным метрических книг второй половины XIX в. для каждого уезда были составлены таблицы, показывающие распределение брачующихся по возрасту (прочерк в графе таблицы означает, что регистраций не было).

Число браков в младшем возрасте у женщин по-прежнему составляло в Печорском крае значительную долю. Однако, если в предшествующий период доля браков у девушек в среднем брачном возрасте была почти вдвое меньше, то к концу XIX в. это соотношение изменилось, доля первых браков у девушек 20-25 лет заметно увеличилась. Обращает на себя внимание факт отсутствия первых браков среди девушек старше 31 года, что, возможно, было связано как с отсутствием незамужних девиц данного возраста, так и с меньшей протяженностью брачной нормы, и, соответственно, переходом девушек в категорию «старых дев». Возраст вступления в первый брак повысился у юношей, увеличилась доля заключаемых браков в среднем и, особенно, в старшем брачном возрасте.

Схожие тенденции в показателях брачного возраста у мужчин наблюдались и в Усть-Сысольском уезде — к концу XIX в. сократилась доля юношей, вступающих в первый брак в младшем брачном возрасте и значительно увеличилась доля первых браков, заключаемых юношами в старшем брачном возрасте. У женщин резких колебаний в изменении брачного возраста не происходило, хотя на несколько процентов увеличилась доля браков в среднем брачном возрасте за счет сокращения числа браков в старшем возрасте.

Наименьшей долей первых браков в нижних брачных границах как среди девушек, так и среди юношей, характеризовался Яренский уезд. Для юношей к концу XIX в. наиболее активными становятся средний и старший брачный возрасты, при этом браки

Таблица 1

Распределение сочетавшихся первым браком по возрастам по Мезенскому и Печорскому уездам во второй половине XIX в.⁶

Годы \ Возраст, пол	Моложе 20 лет		20-25		26-31		Старше 31	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1863	20,4	55,8	66,0	30,8	6,8	13,4	6,8	-
1873	31,5	61,8	57,3	26,5	7,9	8,8	3,3	-
1880	17,0	63,4	57,6	33,3	16,9	3,2	8,6	-
1900	17,8	55,0	61,0	39,7	18,9	5,3	2,3	-

Таблица 2

Распределение сочетавшихся первым браком по возрастам по Усть-Сысольскому уезду во второй половине XIX в.⁷

Годы \ Возраст, пол	Моложе 20 лет		20-25		26-31		Старше 31	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1863	17,7	37,0	52,3	50,0	16,2	8,3	13,9	4,7
1871	15,0	38,6	53,3	50,0	18,9	7,6	12,8	3,8
1884	17,4	43,2	58,8	49,3	18,4	5,2	5,4	2,3
1900	11,0	40,0	57,8	53,6	29,6	5,6	1,6	0,8

Распределение сочатавшихся первым браком по возрастам по Яренскому уезду во второй половине XIX в.⁸

Годы \ Возраст, пол	Моложе 20 лет		20-25		26-31		Старше 31	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1861	12,2	34,5	53,0	47,0	22,1	8,8	12,7	9,7
1871	4,5	28,0	59,6	63,4	25,8	5,4	10,1	3,2
1884	9,6	42,7	55,5	45,7	25,8	8,2	9,1	3,4
1900	9,5	28,2	48,0	65,3	41,5	5,6	1,0	0,9

распространяются практически поровну в обоих возрастах. В общем для всего Коми края была характерна общероссийская тенденция сокращения доли ранних браков среди мужчин.

По материалам метрических книг за 1910 г. в начале XX в. распределение числа сочатавшихся первым браком по возрастам выглядело следующим образом⁹. В 1910 г. по Печорскому уезду на долю девушек моложе 20 лет пришлось 56,8 % от числа всех вступивших в первый брак девушек, на возраст от 20 до 26 лет — 33 %, на возраст от 26 до 31 года — 9,5 %, после 31 года — 0,7 %. По Усть-Сысольскому уезду в 1910 г. первые браки, в которые вступили девушки до 20 лет, составили 46,5 %, от 20 до 26 лет — 46,5 %, от 26 до 31 года — 5,8 %, после 31 года — 1,2 %. В Яренском уезде доля девушек, вступивших в первый брак в возрасте до 20 лет, составила 39,3 %, от 20 до 26 лет — 53,2 %, от 26 до 31 года — 6 %, старше 31 года — 1,5 %. По всем уездам Коми края по отношению к 1900 г. произошло некоторое повышение доли браков, заключаемых в раннем брачном возрасте. Наибольший процент первых браков в возрасте до 20 лет был зарегистрирован в Печорском уезде, а наименьший — в Яренском. В Усть-Сысольском уезде первые браки девушек составили равные доли в раннем и среднем возрастах. Наибольшая доля браков в среднем возрасте пришлось на Яренский уезд. Значительно меньше процент браков в том же возрасте был по Печорскому уезду. Распределение браков в старшем брачном возрасте по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам происходило примерно так же, что и в 1900 г. По Печорскому уезду доля браков в данной возрастной группе повысилась за счет понижения доли браков в среднем возрасте.

По Печорскому уезду в 1910 г. доля юношей, женившихся до 20 лет, составила 19,8 %, от 20 до 26 лет — 58,2 %, от 26 по 31 год — 19,4 %, старше 31 года — 2,6 %. По Усть-Сысольскому уезду на возраст до 20 лет пришлось 18,8 % от первых браков среди юношей, на период от 20 до 26 лет — 56,3 %, от 26 по 31 год — 22,4 %, старше 31 года — 2,5 %. По Яренскому уезду первые браки юношей в возрасте до 20 лет составили 7,5 %, в возрасте от 20 до 26 лет — 54,3 %, с 26 по 31 год — 34,3 %, старше 31 года — 3,9 %. Анализ брачных регистраций 1910 г. свидетельствует о том, что доля браков у юношей в раннем возрасте, так же, как и доля браков у девушек, повысилась, за исключением

браков по Яренскому уезду. Здесь наблюдалось дальнейшее снижение доли юношей, вступивших в первый брак до 20 лет. Процент юношей, заключивших брак в среднем брачном возрасте, был примерно одинаков по всему Коми краю, однако наибольшую долю он составлял в Печорском уезде. В старшем брачном возрасте самая большая доля первых браков пришлось на Яренский уезд, а наименьшая — на Печорский.

За исследуемый период произошли весомые перемены в показателях брачного возраста. Сократилась протяженность брачной нормы, уменьшилась доля ранних браков у мужчин. Тем не менее, в среднем по Коми краю количество ранних браков у обоих полов на протяжении изучаемого времени было достаточно большим, и, если по Яренскому уезду доля ранних юношеских браков сократилась за столетний период с 1810 по 1910 г. с 24,8 % до 7,5 %, а девичьих — с 51 % до 39,3 %, то в других уездах данная тенденция была выражена слабее.

В целом Коми край характеризовался сравнительно более поздней брачностью по сравнению с данными по губерниям Европейской России. В период с 1875 до 1890 гг. в среднем по 50 губерниям 84-86 % невест приходилось на возрастные группы до 25 лет, из них в возрасте до 20 лет оказались 57-59 %. Женщины в соответствующих возрастных категориях составляли 67-69 % и 37-38 %. В последующий период 1890-1910 гг. преобладающая масса невест 85-86 % также находилась в возрасте до 25 лет. В 1890 и в 1910 гг. невесты младшего брачного возраста составляли 55-54,5 % соответственно. На долю женихов моложе 20 лет за те же годы приходилось 31-30,8 %, на женихов в среднем брачном возрасте — 33-36 %¹⁰.

Вследствие естественного прироста населения увеличивалось общее число ежегодно заключаемых браков. В 1810 г. по Яренскому уезду браком сочеталось 226 пар, в 1823 г. — 221 пара. В 1834 г. по Усть-Сысольскому уезду было заключено 372 брака. Наиболее полная информация о количестве браков по всем уездам Коми края относится ко второй половине изучаемого периода. В 1857 г. по Мезенскому уезду было зарегистрировано 247 браков¹¹, по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам в 1859 г. — 650 и 295 браков соответственно¹². В 1864 г. в Мезенском уезде браков было 458¹³. В 1869 г. по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам — 604 и 364 браков¹⁴. В 1873 г. по Мезенскому уезду было заключено 356 браков, по Усть-Сысольскому — 695, по Яренскому — 316¹⁵. В 1882 г.

по Мезенскому уезду браков было 391, по Усть-Сысольскому — 754, по Яренскому — 336¹⁶. В 1884 г. было зарегистрировано 396, 651 и 362 брака соответственно¹⁷. В 1886 г. по Мезенскому уезду было 408 браков, по Усть-Сысольскому — 625, по Яренскому — 352. В 1889 г. 455 браков по Мезенскому уезду, 724 — по Усть-Сысольскому и 380 — по Яренскому. В 1894 г. Печорскому уезду было заключено 236 браков, по Усть-Сысольскому — 872, по Яренскому — 383. В 1897 г. по Печорскому уезду было 263 брака, по Усть-Сысольскому — 833, по Яренскому — 376. В 1899 г. по Печорскому уезду было заключено 303 брака, по Усть-Сысольскому — 798, по Яренскому — 447. В 1902 по Печорскому уезду количество браков достигло 369, по Усть-Сысольскому уезду — 838, по Яренскому — 426. В 1905 г. по Печорскому уезду было заключено 237 браков, по Усть-Сысольскому — 703, по Яренскому — 301. В 1907 г. по Печорскому уезду было 452 брака, по Усть-Сысольскому — 1229, по Яренскому — 510. В 1910 г. — 411, 1218, 545 браков соответственно¹⁸.

Данные о количестве населения по волостям приводят к выводу, что увеличение или уменьшение числа браков в том или ином районе находилось в определенной зависимости от динамики народонаселения. Следует предположить, что сокращение общего числа брачных регистраций в конце XIX в. в Вымском районе, на Нижней Вычегде было связано с оттоком населения. В то же время можно отметить, что наиболее значительный прирост браков был на Средней и Верхней Вычегде и немного меньше в Прилузье и на Сыsole. По сравнению с центральными и южными районами Коми края, в волостях Печорского уезда отход крестьян был менее распространен. По Усть-Сысольскому и Яренскому уездам отход крестьян имел гораздо большие масштабы. Исследователями было установлено, что в начале XX в. степень развития «отхода» по отношению к взрослому населению составляла в Яренском уезде 20,3 %, в Усть-Сысольском — 14,9 %¹⁹. Безусловно, снижение частоты брачных регистраций в определенных районах было вызвано отсутствием значительной части мужского населения. Так, например, из Визингской, Воронцовской, Вотчинской волостей Усть-Сысольского уезда практически все мужское население уходило на заработки. Таким образом, колебания в численности заключаемых ежегодно браков в некоторых районах были связаны с убылью населения, его оттоком и миграциями.

Несмотря на общий рост числа заключаемых браков, уровень брачности населения постепенно уменьшался. В 1864 г. общий коэффициент брачности равнялся 10,9 бракам на тысячу человек населения по Мезенскому уезду. В 1869 г. по тому же уезду уровень брачности составил 10,6 ‰, в 1883 г. — 8,3 ‰. В 1894 г. по Печорскому уезду общий коэффициент брачности составил 8 ‰, в 1906 — 8,8 ‰, в 1914 — 8 ‰. По Усть-Сысольскому уезду в 1856 г. на тысячу человек населения пришлось 10,8 браков,

в 1859 — 9,7 браков, в 1869 — 8,9, в 1883 — 8,4, в 1894 — 8,3, в 1904 — 6,5. По Яренскому уезду общий коэффициент брачности составил в 1856 г. — 9,7 ‰, в 1859 — 8,8 ‰, в 1869 — 10,8 ‰, в 1883 — 9,3 ‰, в 1894 — 7,7 ‰, в 1904 — 6,8 ‰.

По нашим подсчетам, в 1861 г. общий коэффициент брачности по Архангельской губернии составил 9,2 ‰, по Вологодской губернии в 1869 г. — 10,9 ‰. В 1883 г. по Архангельской губернии уровень брачности составил 8,8 ‰, по Вологодской — 9,1 ‰; в 1886 — 8,1 ‰ по Архангельской и Вологодской губерниям; в 1897 г. — 9,4 ‰ по Архангельской губернии и 8,6 ‰ по Вологодской. В 1903 г. по Архангельской губернии на тысячу человек населения пришлось браков 9,1, по Вологодской губернии — 8,3; в 1905 г. по Архангельской губернии — 6,1, по Вологодской губернии — 6,5; в 1909 г. — 9,4 и 8,5 соответственно. В первой половине XIX в. общий коэффициент брачности среди православного населения России равнялся 10-11 бракам на тысячу человек населения²⁰. В 1899 г. по Европейской России на тысячу человек населения пришлось 8 браков. В 1903 г. общий коэффициент брачности по Европейской России составил 8,9 ‰; в 1905 — 7,6 ‰; в 1909 — 7,8 ‰. В XIX в. общий коэффициент брачности по Коми краю был меньше, чем в среднем по Европейской России. Более зрелый брачный возраст, значительное преувеличение женского населения в возрастных группах 20-40 лет понижали уровень брачности. Однако в начале XX в. общий коэффициент брачности по Европейской России заметно понизился в связи с началом изменений в матримониальном поведении, связанных с развитием капиталистических отношений. В условиях изменения характера семейных отношений, обстановке семейных разделов, введения всеобщей воинской повинности, необходимости устраивать индивидуальное хозяйство брачный возраст постепенно повышался, а вместе с тем сокращались темпы вступления в брак каждого поколения. Дефицит мужского населения, усиливавшийся уходом этой части населения на заработки, также влиял на откладывание браков и сокращение в ряде случаев их общего числа.

Убежденность в том, что брачные узы неразрывны, предполагала прочность крестьянских семей. Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что число разведенных по Коми краю было совсем незначительным. Так, в Усть-Сысольском уезде значились разведенными один мужчина и шесть женщин, в Яренском уезде — одна женщина, в Печорском уезде — пять мужчин и тринадцать женщин²¹. Учитывая значительный уровень смертности населения, вероятность прекращения брака по причине смерти одного из супругов была более велика. По «Переписи» в 1897 г. процент вдовых по Печорскому уезду от общей численности его населения составлял 5,9 и 11,8 от численности взрослого населения (старше 18 лет). По Усть-Сысольскому уезду доля вдовых равнялась 5,6 % от общей численности населения и 9,3 % от взрослого, по Яренскому уезду —

Таблица 4

Доля лиц, вступивших в повторный брак по Мезенскому и Печорскому уездам в XIX—начале XX вв. (в процентах к общему числу вступивших в брак)²³

Годы	Процент	Годы	Процент
1853	11,0	1897	8,0
1873	9,0	1899	10,0
1882	9,8	1902	8,4
1887	11,0	1905	10,0
1894	11,9	1907	8,7
		1910	6,6

Таблица 5

Доля лиц, вступивших в повторный брак по Усть-Сысольскому уезду в XIX—начале XX вв. (в процентах к общему числу вступивших в брак)²⁴

Годы	Процент	Годы	Процент
1834	12,0	1897	7,7
1840	11,0	1899	6,5
1871	10,2	1902	6,3
1882	10,4	1905	6,8
1887	10,6	1907	9,0
1894	10,0	1910	7,0

Таблица 6

Доля лиц, вступивших в повторный брак по Яренскому уезду в XIX—начале XX вв. (в процентах к общему числу вступивших в брак)²⁵

Годы	Процент	Годы	Процент
1810	13,3	1897	7,6
1857	12,6	1899	7,5
1871	9,5	1902	8,8
1882	10,7	1905	9,3
1887	11,6	1907	5,8
1893	8,7	1910	5,5

6,2 % и 12,6 % соответственно²². В значительной степени демографическое влияние овдовения нейтрализовалось повторными браками.

Доля лиц, вступавших в повторные браки (к ним были отнесены вторые и третьи браки в совокупности), колебалась на протяжении изучаемого периода и была не одинаковой в различных уездах Коми края (Табл. 4, 5, 6). Тем не менее, несмотря на некоторое повышение в отдельные годы, к концу изучаемого периода доля повторных браков сократилась. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась по Яренскому уезду, где удельный вес вступивших во второй брак уменьшился практически в 2,5 раза. По Архангельской губернии изменения в доли лиц, заключивших повторный брак, выглядели следующим образом. В 1868 г. процент брачующихся повторно составил 16,2, в 1873 — 9,7, в 1883 — 9,1, в 1894 — 9,1, в 1902 — 6,7, в 1910 — 6,6. По Вологодской губернии доля лиц, сочетавшихся повторным браком, среди всех брачующихся составила в 1868 г. — 12,2 %, в 1873 — 11,5 %, в 1883 — 10,4 %, в 1894 — 8,9 %, в 1902 — 8,5 %, в 1910 — 6,7 %. По Европейской России в целом в 1868 г. — 15,6 %, в 1873 — 15,5 %, в 1882 — 13,9 %, в 1892 — 10,9 %, в 1903 — 10,6 %, в 1910 — 11,5 %. Таким образом, сокращение повторных браков было характерно для всей Европейской России. Тем не менее, доля лиц, всту-

павших в повторный брак по Архангельской и Вологодской губерниям, и в том числе по Коми краю, была заметно ниже, чем в среднем по пятидесяти губерниям России. Снижение доли повторных браков было связано как с повышением продолжительности жизни и снижением уровня смертности среди взрослого населения, так и с постепенным отходом от традиционной модели брачного поведения, в соответствии с которой пребывание в браке для взрослого человека считалось обязательным.

Следует отметить, что большую часть среди вдовых составляли женщины. Так, по материалам переписи, в Печорском уезде среди вдовых мужчины составляли 20 %, женщины — 80 %, в Усть-Сысольском уезде — 24,8 % и 75,2 % соответственно, в Яренском — 21,7 % и 78,3 %. В уездных городах Усть-Сысольске и Яренске на мужчин приходилось 15,6 % и 11,8 % соответственно от общей численности вдовых, на женщин 84,4 % и 88,2 %²⁶. С одной стороны, это объясняется более поздним по возрасту вступлением в первый брак мужчин, в результате чего мужья были старше своих жен и, следовательно, последние имели больше шансов пережить своих супругов, тем более, что и средняя продолжительность жизни женщин региона была выше, чем у мужчин. С другой стороны, такое положение было связано не столько с большей смертностью мужчин, сколько с тем обстоятельством, что повторные

Распределение повторных браков Мезенского и Печорского уездов по полу в XIX—начале XX вв.
(в процентах к общему количеству людей, вступивших в повторный брак)²⁷

Годы	Пол		Годы	Пол	
	муж.	жен.		муж.	жен.
1853	72,0	28,0	1897	76,2	23,8
1873	84,2	15,8	1899	70,5	29,5
1883	71,4	28,6	1900	66,7	33,3
1886	77,6	22,4	1902	63,0	37,0
1889	58,0	42,0	1904	87,5	12,5
1892	75,9	24,1	1907	70,9	29,1
1894	67,8	32,2	1910	74,1	25,9

Таблица 8

Распределение повторных браков Усть-Сысольского уезда по полу в XIX—начале XX вв.
(в процентах к общему количеству людей, вступивших в повторный брак)²⁸

Годы	Пол		Годы	Пол	
	муж.	жен.		муж.	жен.
1834	63,6	36,4	1892	73,6	26,4
1840	61,5	38,5	1894	67,2	32,8
1863	67,5	32,5	1897	74,2	25,8
1871	60,0	40,0	1899	63,1	36,9
1881	63,6	36,4	1902	68,6	31,4
1883	79,4	20,6	1904	68,7	31,3
1886	65,8	34,2	1907	67,3	32,7
1889	63,8	36,2	1910	60,0	40,0

Таблица 9

Распределение повторных браков Яренского уезда по полу в XIX—начале XX вв.
(в процентах к общему количеству людей, вступивших в повторный брак)²⁹

Годы	Пол		Годы	Пол	
	муж.	жен.		муж.	жен.
1810	68,3	31,7	1892	62,2	37,8
1857	61,5	38,5	1894	78,8	21,2
1861	82,0	18,0	1897	78,9	21,1
1871	58,0	42,0	1899	68,6	31,4
1881	70,0	30,0	1902	58,7	41,3
1883	72,8	27,2	1904	78,6	21,4
1886	66,7	33,3	1907	57,6	42,4
1889	72,0	28,0	1910	68,3	31,7

браки во всех районах Коми края заключались преимущественно мужчинами. Вторично женившись, мужчины, как правило, выбирали себе в жены женщин значительно моложе их, тогда как повторные замужества вдов были малочисленными (Табл. 7, 8, 9).

В целом же, как показывают данные таблиц 7, 8, 9, приблизительно только одна треть повторных браков по Коми краю приходилась на женщин и две трети на мужчин. Подобное соотношение наблюдалось в течение всего изучаемого времени. Заключение повторных браков преимущественно мужчинами было характерным не только для Коми края, но и для тех губерний, в которых находились уезды края, а также для всей Европейской России (Табл. 10).

Распределение повторных браков по полу в Архангельской губернии было примерно таким же, что и по уездам Коми края в среднем. По Вологодской губернии доля повторных браков, заключаемых женщинами, была немного больше. По Европейской России в сравнении с Коми краем доля повторных браков у женщин была уже значительно выше. Возможно, именно данное обстоятельство повлияло на более низкое представительство лиц, вступающих в повторный брак, по Коми краю. Если по Коми краю на долю женщин в повторных браках приходилось примерно 30 %, то по Европейской России — около 39 %, что, безусловно, влияло на меньшую частоту вторых браков по уездам края и, соответственно,

Таблица 10

Распределение вступивших в повторный брак по полу по Архангельской, Вологодской губерниям и Европейской России в XIX—начале XX вв.

(в процентах к общему количеству людей, вступивших в повторный брак)³⁰

Годы	Архангельская губ.		Вологодская губ.		Европейская Россия	
	пол		пол		пол	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1868	65,4	34,6	66,8	33,2	58,3	41,7
1873	68,2	31,8	62,5	37,5	57,9	42,1
1883	68,0	32,0	67,5	32,5	60,2	39,8
1892	71,9	28,1	69,8	30,2	63,3	36,7
1899	71,8	28,2	71,0	29,0	63,1	36,9
1902	69,0	31,0	70,0	30,0	63,2	36,8
1907	70,1	29,9	65,7	34,3	61,2	38,8
1910	69,1	30,8	65,8	34,2	61,2	38,8

их долю в общем числе бракосочетаний.

Снижение частоты повторных браков, повышение брачного возраста, замедление темпов вступления в брак каждого поколения, выраженный дефицит мужского населения в основных брачных возрастах приводили к постепенному изменению матримониального поведения, снижению уровня брачности. Тем не менее,

брачное поведение продолжало определяться сложившейся системой культурных норм и ценностей, характеризовалось соблюдением норм общеобязательности вступления в брак, довольно зрелым брачным возрастом обоих полов и частыми, хоть и в меньшей степени, повторными браками овдовевших супругов.

¹ Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н., Сметанин А. Ф. Коми край в XV-XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. — Сыктывкар, 2001. — С. 23-27.

² ГУРК «НАРК». — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 40.

³ ГААО. — Ф. 29. — Оп. 26. — Д. 68. — Л. 1022.

⁴ ГУРК «НАРК». — Ф. 230. — Оп. 1. — Д. 470. — Л. 759.

⁵ Там же. — Ф. 231. — Оп. 1. — Д. 232. — Л. 342.; Д. 234. — Л. 640; Д. 235. — Л. 1175.

⁶ ГААО. — Ф. 29. — Оп. 26. — Д. 78. — Л. 1441; Д. 88. — Л. 1040; Оп. 39. — Д. 31. — Л. 660; Д. 32. — Л. 325; ГУРК «НАРК». — Ф. 254. — Оп. 1. — Д. 211. — Л. 288; Д. 212. — Л. 242; Д. 213. — Л. 304; Д. 214. — Л. 160.

⁷ ГУРК «НАРК». — Ф. 230. — Оп. 1. — Д. 476. — Л. 1176; Д. 493. — Л. 815; Д. 494. — Л. 1348; Д. 523. — Л. 713; Д. 524. — Л. 671; Д. 525. — Л. 821; Ф. 254. — Оп. 1. — Д. 215. — Л. 102; Д. 218. — Л. 243; Д. 219. — Л. 239; Д. 220. — Л. 311; Д. 221. — Л. 179; Д. 222. — Л. 213; Д. 223. — Л. 202; Д. 224. — Л. 233; Д. 225. — Л. 215; Д. 226. — Л. 205; Д. 228. — Л. 172; Д. 229. — Л. 194.

⁸ Там же. — Ф. 231. — Д. 242. — Л. 1160; Д. 243. — Л. 1071; Д. 254. — Л. 744; Д. 267. — Л. 1059; Ф. 254. — Оп. 1. — Д. 216. — Л. 261; Д. 217. — Л. 284.

⁹ Там же. — Ф. 254. — Оп. 1. — Д. 396. — Л. 331; Д. 397. — Л. 317; Д. 398. — Л. 314; Д. 399. — Л. 222; Д. 400. — Л. 150; Д. 401. — Л. 305; Д. 402. — Л. 355; Д. 403. — Л. 285; Д. 404. — Л. 309; Д. 405. — Л. 272; Д. 406. — Л. 301; Д. 407. — Л. 436; Д. 408. — Л. 356; Д. 409. — Л. 364; Д. 410. — Л. 257; Д. 411. — Л. 191; Д. 412. — Л. 252; Д. 413. — Л. 217.

¹⁰ Рашин А. Г. Население России за сто лет (1811-1913 гг.) — М., 1956. — С. 173-174.

¹¹ ГААО. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 7. — Л. 11об.-12.

¹² Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г. — Вологда, 1860. — С. 30-31.

¹³ ГААО. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 204. — Л. 14.

¹⁴ Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 г. — Вологда, 1870. — Ч. II. — С. 5.

¹⁵ Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1873 г. — СПб., 1882. — Вып. 20.

¹⁶ Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1882 г. — СПб., 1887. — Сер. III. — Вып. 21.

¹⁷ Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1884 г. — СПб., 1889.

¹⁸ Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1886 — 1910] год. — СПб., 1890-1916. — Сер. III. — Вып. 24. — Т. 12, 24, 45, 50, 58, 66, 84, 87, 93.

¹⁹ История Коми с древнейших времен до конца XX в. — Сыктывкар, 2004. — Т. 2. — С. 83.

²⁰ Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. — Л., 1990. — Приложение. Табл. 2.

²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. — СПб., 1904. — Тетр. 3. — С. 14-15; Вологодская губерния. — СПб., 1904. — Тетр. 2. — С. 110-111.

²² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. — С. 14-15; Вологодская губерния. — С. 110-111.

²³ ГААО. — Ф. 29. — Оп. 26. — Д. 68. — Л. 1022; Д. 88. — Л. 870; Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1882 г. — Сер. III. — Вып. 21; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1887 — 1910] год. — Т. 18, 45, 50, 58, 66, 84, 93.

²⁴ ГУРК «НАРК». — Ф. 230. — Оп. 1. — Д. 469. — Л. 1148; Д. 470. — Л. 759; Д. 493. — Л. 815; Д. 494. — Л. 1348; Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1882 г. Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1887 — 1910] год. — Т. 18, 45, 50, 58, 66, 84, 93.

²⁵ ГУРК «НАРК». — Ф. 231. — Оп. 1. — Д. 232. — Л. 342; Д. 234. — Л. 640; Д. 235. — Л. 1175; Д. 254. — Л. 744; Обзор Вологодской губернии за 1893 г. — Вологда, 1894; Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1882 г.; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1887-1910] год. — Т. 18, 50, 58, 66, 84, 93.

²⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. — С. 14-15; Вологодская губерния. —

С. 110-111.

²⁷ ГААО. — Ф. 29. — Оп. 26. — Д. 68. — Л. 1022; Д. 88. — Л. 870; ГУРК «НАРК». — Ф. 254. — Оп. 1. — Д. 211. — Л. 288; Д. 212. — Л. 242; Д. 213. — Л. 304; Д. 214. — Л. 160; Статистический временник Российской империи: Сборник сведений по Европейской России за 1883 г. — СПб., 1886. — Сер. III. — Вып. 8; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1886-1910] год. — Т. 12, 24, 38, 45, 50, 58, 66, 74, 87, 93.

²⁸ ГУРК «НАРК». — Ф. 230. — Оп. 1. — Д. 469. — Л. 1148; Д. 470. — Л. 759; Д. 476. — Л. 1176; Д. 493. — Л. 815; Д. 494. — Л. 1348; Статистический временник Российской империи. — Сер. III. — Вып. 20: Движение населения в Европейской России за 1881 г. — СПб., 1887; Статистический временник Российской империи: Сборник сведений по Европейской России за 1883 г.; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1886-1910] год. — Т. 12, 24, 38, 45,

50, 58, 66, 74, 87, 93.

²⁹ ГУРК «НАРК». — Ф. 231. — Оп. 1. — Д. 232. — Л. 342; Д. 234. — Л. 640; Д. 235. — Л. 1175; Д. 242. — Л. 1160; Д. 254. — Л. 744; Статистический временник Российской империи: Сер. III. Вып. 20: Движение населения в Европейской России за 1881 г.; Статистический временник Российской империи: Сборник сведений по Европейской России за 1883 г.; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1886 — 1910] год. — Т. 12, 24, 38, 45, 50, 58, 66, 74, 87, 93.

³⁰ Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1868 г. — СПб., 1877. — Сер. II. — Вып. 12; Статистический временник Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1873 г. — СПб., 1882. — Сер. II. — Вып. 20; Статистический временник Российской империи: Сборник сведений по Европейской России за 1883 г.; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1896-1910] год. — Т. 38, 58, 66, 87, 93.

А. В. Апанасенок (Курск)

СЕМЬЯ И ОБЩИНА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ СТАРООБРЯДЧЕСКОМ СОЦИУМЕ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Старообрядчество — явление, значимость которого в российской истории трудно переоценить. На протяжении столетий старообрядческий мир был полюсом традиционализма, противовесом «вестернизации», главным хранителем основ русской допетровской культуры. Огромный вклад принадлежит ему и в хозяйственном развитии страны — именно из старообрядческой среды вышло большинство крупнейших российских предпринимателей XIX-начала XX вв. Однако факторы, определившие длительную сохранность и устойчивость старообрядческой культуры, до сих пор изучены довольно слабо. Цель данной работы — охарактеризовать один из них, а именно специфику старообрядческого воспитания в рамках семьи и общины в XIX-начале XX вв. В качестве фактологической базы будут использоваться материалы центрально-черноземных губерний России (Курской, Воронежской и Тамбовской), являвшихся в рассматриваемый период типично-провинциальными регионами России.

В имперский период своей истории Россия неуклонно стремилась к принятым на западе моделям жизненного уклада, которые оставляли мало места религии и обычаям предков. Модернизация российского государства и общества имела серьезные издержки, выразившиеся в размывании нравственных ориентиров. Вот что писал знаменитый русский педагог К. Д. Ушинский по поводу влияния новых явлений на духовную жизнь народа: «Патриархальная нравственность сохраняется гораздо более в глуши наших деревень, удаленных от центров промышленной деятельности и цивилизации. Чем более заброшена деревня в глушь, чем менее она пользуется всеми выгодами образования, тем патриархальнее ее жители и тем они нравственнее. Чем ближе к железным дорогам и шоссе, к большим сухо-

путным и водяным сообщениям, к столицам и фабричным местностям, тем меньше патриархальности и вместе с тем меньше нравственности. Словом, наша патриархальная нравственность не выдерживает столкновения с цивилизацией, поедается ею, как вековые леса поедаются пламенем пожара»¹.

На протяжении XIX в. и в начале следующего столетия все чаще говорили о «порче» молодежи. Современники обращали внимание на учащение случаев пренебрежительного отношения к религии, неуважение к церковным установлениям, «разнузданность» и рост хулиганства². Обращаясь к отчетам о состоянии Курской епархии, найдем такие строки: «Падение нравственности весьма заметно среди молодежи, часто не достигшей половой зрелости, результатом чего является вырождение, физическое бессилие, нравственное растление и значительное повышение процента внебрачных детей»³. Еще одним проявлением этой «порчи» стал значительный рост преступности несовершеннолетних. Например, в 1897 г. в России было осуждено 6718 подростков в возрасте до семнадцати лет⁴, и на протяжении последующих двадцати лет эта цифра неуклонно увеличивалась. Статистика свидетельствует, что с 1901 по 1917 гг. число совершенных подростками преступлений в общем объеме преступных деяний увеличилось в шесть раз⁵. Известный юрист Е. Н. Тарновский утверждал по этому поводу, что движение числа осужденных несовершеннолетних в России начала XX в. «является исключительным по своей высоте и не находит себе примера в странах Западной Европы»⁶.

Тем не менее, на духовно-нравственное состояние старообрядческого мира модернизационные процессы повлияли слабее. В некоторых миссионерских отчетах можно встретить слова о некотором охлаждении моло-

дого поколения староверов (преимущественно городских) к «вере предков»⁷, однако такие утверждения довольно редки. Большинство современников, начиная от светских исследователей и заканчивая курскими архипастырями, вольно или невольно отмечали «крепость обычаев» и преемственность поколений у «ревнителей древнего благочестия»⁸. «На воспитание детей и на их образование в среде староверов обращается несравненно большее внимание, чем в среде православной», — писал известный исследователь «раскола» А. С. Пругавин⁹. А в 1906 г. курские епархиальные власти официально вынуждены были признать, что «старообрядческая церковная община, несомненно, оказывается более стойкою, близкою к жизни и более способной привлекать к себе прозелитов, чем современный православный приход»¹⁰.

Следовательно, старообрядческие общины располагали более действенными средствами воспитания молодежи, позволявшими в основном удерживать ее в рамках традиционной культуры. Попытаемся их охарактеризовать.

Целью воспитания в старообрядческой среде являлось формирование религиозной, нравственно устойчивой личности, почитающей и оберегающей традиции предков. В качестве идеалов могли выступать исторические персонажи, по мнению староверов воплощавшие в себе перечисленные качества, например, протопоп Аввакум, боярыня Морозова и т. д. Изучение источников Центрального Черноземья свидетельствует, что подобные идеалы жили и в начале XX в., а реализовать их пытались совместно семья и община.

Первоначальное формирование будущих «ревнителей старой веры» проходило, естественно, в рамках семьи. Здесь сохранялся патриархальный уклад, описываемый в «Домострое», при котором огромное влияние имели старшие по возрасту члены семьи (сам «Домострой», по свидетельству курского епархиального миссионера И. Рябухина, отнюдь не считался у грамотных староверов начала XX в. анахронизмом¹¹). Авторитет родителей в старообрядческих семьях был непререкаем — они были для детей не просто кормильцами, но людьми, которым свыше поручено «беречь и блюсти чистоту телесную и духовную от всякого греха чад своих как зеницу ока и как свою душу»¹². Родители, в соответствии со своими религиозными воззрениями, несли ответственность за воспитание детей как перед людьми, так и перед Богом: «Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им (т. е. родителям) ответ дати самим в день Страшного Суда»¹³. Следовательно, власть родителей — от Бога. Их воля для детей — закон. Преступить ее — большой грех, за который неизбежно последует расплата — «отча клятва иссушит, а материнская искоренит». Непослушный сын или дочь «сами себя погубят и не доживут до конца дней своих... пусть же склоют их вороны и сожрут орлы!»¹⁴.

Характерное для староверов почитание старших постоянно можно было наблюдать в семейном быту, где оно нашло свое выражение в традиции «частного благословения»¹⁵. Намереваясь выйти из дома или начать

какое-либо дело, младший член семьи должен был просить благословения у старшего. Воспитание мальчиков было, естественно, отцовской заботой, девочек — в большей степени материнской¹⁶. В целом же доминирующее положение в семье занимал отец, он не просто был главой семьи, а считался «домовладыкой», вольным наставлять, судить, наказывать. Его слово оставалось решающим при любом важном деле, в том числе выборе жениха или невесты для своих детей¹⁷.

Первое, что воздействовало на детей в старообрядческих общинах, — пример взрослых. Поскольку авторитет старших был очень высок, то их пример сильно влиял на детей. Следуя ему, они приобретали определенные навыки поведения: частое крестное знамение, почти столь же часто шептываемая молитва, привычки постоянно мыть руки после прикосновения к «нечистым» вещам, прикрывать пустую посуду, не разговаривать во время еды и т. д.

Эти же цели преследовала и постоянная тренировка детей в определенных действиях и поступках. Очень важную роль здесь играло приучение детей к выполнению всевозможных обрядов в широком смысле этого слова. Имеются в виду не только обряды, исполняемые во время богослужения в храме, но и все действия (в том числе в быту), так или иначе связанные с верой. Это и молитвы (утренняя, предобеденная, вечерняя и т. д.), и крестное знамение, и поклоны, а также употребление или неупотребление определенных слов и выражений, соблюдение поста, благословение и т. д. Даже ношение одежды старинного покроя в каком-то смысле может рассматриваться как своеобразный обряд — верность «старой вере» у старообрядцев неразрывно была связана с верностью традиции. К своевременному и безукоризненному соблюдению всех, даже самых незначительных обрядов в старообрядчестве всегда относились очень строго, не допуская ни малейшего послабления. Эта особенность порой вызывала насмешки, а представители господствующей церкви (которая смотрела на это не так строго) порой даже обвиняли «ревнителей старины» в «обрядовери»¹⁸. Тем не менее доказано, что именно выполнение ритуальных действий очень важно для воспитания веры, а сами обряды часто становятся основой для более высоких ее проявлений. Так, великий русский историк В. О. Ключевский весьма убедительно настаивает на большой важности обрядов: «Помощью обрядов, текстов и правил религиозная мысль, — пишет он, — углубляется в тайны вероучения, постепенно уясняя их себе и направляя религиозную жизнь. Эти обряды, тексты и правила, повторю, не составляют сущности вероучения; но по свойству религиозного понимания и воспитания они в каждом церковном обществе тесно срастаются с вероучением, становятся для каждого общества формами религиозного мирозерцания и настроения, трудно отделяемыми от содержания»¹⁹.

Следует учитывать, что для малограмотного большинства населения России, неискущенного в тонкостях православной философии и догматики, обряды были едва ли не единственной «школой» религии. Поэтому

неукоснительное их соблюдение серьезно сказывалось на становлении личности и одновременно было чертой, отличавшей старообрядцев от остального населения²⁰.

Еще одним воспитательным средством был пост. В строгости соблюдения поста старообрядцы явно превосходили остальных. В их семьях, в отличие от остальных, пост должны были соблюдать и маленькие дети²¹. Наставляя на этой мере, старообрядческий епископ Михаил писал в начале XX в.: «Сущность всей нравственной борьбы в человеке в том, чтобы освободить дух от порабощения физической стихией — плотью. В человеке нарушено грехом равновесие между двумя половинами его природы. Нужно восстановить это равновесие; одно из средств для этого — пост, он не дает перевеса животной жизни над духом. Отсюда последовательно вытекает заповедь поста — кто хочет уйти из рабства плоти, должен принять закон воздержания»²².

Грамотные родители-старообрядцы считали необходимым с малолетства наставлять своих детей, зачитывая им выдержки из книг религиозного содержания. Вот, например, отрывок из особенно популярного у староверов наставления, принадлежащий Василию Кесарийскому: «Следует оберегать душевную чистоту и телесное бесстрашие, имея походку кроткую, голос тихий, слово благочинно, пищу и питье не острые; при старших — молчанье, перед мудрейшим — послушанье, знатным — повиновение, к равным себе и младшим — искреннюю любовь; нечестивых, плотских, лобострастных людей избегать, поменьше говорить да побольше смекать, не дерзить словами, не засиживаться в беседах, не бесчинствовать смехом, стыдливостью украшаться»²³.

Важную роль в воспитании детей играла сама окружающая среда, быт. Так, в старообрядческих жилищах всегда было много икон. Их покрывали окладами, расписывали орнаментом. «Божницы» украшали резьбой по дереву, кружевными занавесками, вышитыми полотенцами, усиливая религиозный эффект эстетическим. Столь же неотъемлемыми предметами быта были восьмиконечные кресты и старинные книги, очень ценимые староверами. Ребенок с раннего детства видел почтительное отношение старших к этим предметам, привыкал к ним как неотъемлемому условию существования. Также определенные моральные нормы закреплялись (порой неосознанно) через лексику взрослых, обогащенную библейскими понятиями, сюжетами и образами. Можно не задумываться о том, что говорящий цитирует Библию, однако оценочная окраска библейских образов усваивается и без указания источника: «в плоть и кровь», «волк в овечьей шкуре», «как зеницу ока», «святая святых», «хлеб насущный», «раб Божий» и многое другое.

Конечно, семейное воспитание старообрядцев не могло ограничиваться только привитием им «страха Божия». Неизбежно должны были присутствовать элементы подготовки к жизни «земной» (в которой староверы порой преуспевали больше прихожан официально-православной церкви). Тут надо сказать, что старообрядцы не считали зазорным заботиться о материальном благосостоянии, считали даже желательным,

если такое приносило пользу общине (а, следовательно, способствовало процветанию «древней веры») ²⁴. Поэтому они с ранних лет приучали детей к труду. «В домовитом хозяйстве всякому человеку, и сыну и дочери, и старому и малому дело найдется», «кто не работает, тот да и не ешь» — эти поговорки прививались каждому старообрядцу с детства. Девочки всегда помогали матерям по уходу за домом, младшими детьми, вместе с ними осваивали секреты рукоделия; мальчики под руководством отца осваивали ремесла, ездили в лес за дровами, участвовали в строительстве и т. д. Такой метод трудового воспитания характерен, конечно, не только для старообрядцев — он издревле жил в любых крестьянских сообществах, однако именно у староверов нашел наиболее последовательное воплощение. Их дети работали, даже если родители были обеспеченными людьми, имели наемных работников и в детском труде не было никакой нужды — просто таким образом воспитывалось трудолюбие. Характерным примером тут может послужить жизнь в семьях братьев-купцов Шараповых из слободы Михайловки Дмитриевского уезда, построивших для своей общины молеблю. Сохранившиеся факты свидетельствуют о том, что в этих семьях было много детей, и жили они «по традиции» — слово родителей для них являлось законом, родительской воле подчинялись беспрекословно. В доме Шараповых не знали запаха табака, много времени уделялось молитве. С раннего возраста дети учились «сколачивать копейку» — знакомились с торговлей непосредственно, стоя вместе с родителями или приказчиками за прилавком²⁵.

Роль семьи при формировании духовного облика молодого старообрядца трудно переоценить. Вместе с тем огромное значение в этом деле имела и старообрядческая община, спаянная гораздо более прочными узами, чем обычные православные приходы. Благоговейное отношение к общине было важной чертой старообрядческого мировоззрения, остававшегося в основном коллективистским. Как отмечал А. И. Клибанов, «староверие в своих общемировоззренческих чертах представляло собой апологию соборности, мира как большой семьи, обнимающей узами родства людей, живую и неживую природу, и Бог был „большаком“ этой семьи»²⁶. Конечно, в какой-то мере эта особенность была присуща русскому крестьянству в целом (о чем говорят факты первоначального неприятия стольпинских реформ, направленных на разрушение общины²⁷), однако у «ревнителей старины» она находила эсхатологическое обоснование — в мире, покинутом благодатью, антихристу (или «латинству», неверию и т. д.) можно противостоять только сообща. Цементировала общину не экономическая целесообразность, а духовная общность. Только среди «своих» старообрядец мог чувствовать себя комфортно, не подвергаясь дискриминации, насмешкам, будучи уверенным, что в случае необходимости ему всегда будет оказана помощь. Показательны в этом отношении строки из рапорта о «состоянии раскола» в г. Моршанске местного городничего (1862): «Любовь братства развита между ними более, чем пред-

положить можно — зажиточные семейства поддерживают бедных во всех их нуждах и отнюдь не допускают до крайности, могущей иметь, по их мнению, вредное влияние на твердость верования»²⁸. Таких замечаний в источниках содержится немало. Например, о староверах Шацкого уезда Тамбовской губернии современник писал: «Многие из бедных раскольников, прибегая к имеющим достаточные средства, получают от них вспомоществование»²⁹. Составители «Отчета Тамбовского Богородично-Казанского миссионерского братства за 1896 г.» отмечали, что староверы-бесполовцы Тамбовского уезда «представляют из себя как бы одну тесно сплоченную братскую семью, до фанатизма преданную расколу, глубоко убежденную в истинности своего упования»³⁰. Ярким примером общинного духа у староверов, кроме того, может послужить обычай тайной милостыни, распространенный в старообрядческих селах центрально-черноземных губерний. Не желая оставлять в нужде кого-либо из своей общины, староверы вечерами клали продукты питания или другие полезные вещи на специальную полочку или подоконник со стороны улицы, делясь таким образом с более бедными. Нуждающиеся могли брать оставленное, не унижая себя просьбами³¹. Интересно, что об этом обычае вспоминал в одной из своих работ В. О. Ключевский, однако как о доброй, но забытой традиции Древней Руси³².

Вполне естественно, что на фоне внешней «неправды» община представлялась старообрядцам единственно справедливым сообществом. «Крепче мирского лаптя мужику не найти», «Где у мира рука, там моя голова», — поговорки, весьма распространенные в их среде в то время. Естественно и то, что община следила за «правильностью» поведения взрослых и соответствием традициям воспитания молодежи, а, кроме того, часто помогала восполнить пробелы в образовании своих молодых членов.

В деле сохранения старинных устоев и благочестия старообрядческими общинами особую роль играли «старики» — пожилые, опытные и авторитетные люди. На этих людей, хранящих благочестие и старинные обычаи, знающих все жизненные правила, смотрели как на обладателей всех тех качеств, которые необходимо приобрести следующему поколению. Уважительное отношение к «старикам» было нормой, из их среды выбирался наставник или духовник. В его обязанности входило совершение таинств, наблюдение за исполнением постов. Наделенный большой властью наставник имел право назначать епитимьи (требования прочитать определенное количество молитв или «отбить» определенное число земных поклонов за различные прегрешения)³³.

Особую категорию «хранителей благочестия» в старообрядческой среде составляли так называемые «скитницы» (еще именовавшиеся «спасенницами», «келейницами» и «начетчицами»). Это были незамужние девушки, «христовы невесты», давшие обет «вечного девства» и посвятившие жизнь молитве и посту. Судя по документам, они жили во многих старообрядческих селах (с. Дерлово Фатежского уезда, с. Камышное

Суджанского уезда, с. Благодатное Рьльского уезда Курской губернии, ряд поселений Тамбовского уезда Тамбовской губернии и т. д.)³⁴. Как правило, «скитницы» селились в небольших «келиях» рядом с моленной или церковью; впрочем, уже сами их жилища напоминали храм: «Стены сплошь уставлены иконами в сияющих ризах и увешаны листками с душеспасительными изречениями, сильно накурено ладаном»³⁵. «Келейницы» никогда не принимали участия ни в каких общественных увеселениях и забавах, большую часть времени проводя в богомолениях. В церковно-приходской летописи с. Камышного, например, есть упоминание о том, что они непрерывно, «денно и ночью», читали псалтырь, сменяя друг друга и поминая при этом души усопших³⁶. За это родственники поминаемых приносили им «милостыню», равно как и за обучение своих детей церковно-славянской грамоте. Очень колоритное (хотя и не беспристрастное) описание «христовых невест» дается в «Отчете Тамбовского Богородично-Казанского миссионерского братства за 1903 год». Характеризуя особенности старообрядческой жизни в Тамбовском уезде, епархиальный миссионер замечает: «Наряду с уставщиками в беглопоповщине стоят девицы-монахини, живущие часто при молитвенных домах, а частью в особых келиях; общее число таких лиц простирается до шестидесяти человек. Значение этих монахинь очень велико: им принадлежит первенствующее руководственное влияние в религиозной жизни местного раскола; они же весьма искусно, особенно через женщин, поддерживают веру в истинность и спасительность раскола, возбуждают темную раскольническую массу против православия. Зорко следят монахини-раскольницы за сомневающимися в истине мнимостарой веры и всячески стараются опутать таковых своими сетями. Они же наблюдают за внешне-религиозной жизнью своей общины: заботятся о благолепии молитвенных домов, следят за точным исполнением устава при службах, в совершении которых принимают личное участие или в качестве певчих, или же предстоятелей „по нужде“. Кроме того, некоторые из девиц-монахинь ведут чисто религиозно-просветительскую деятельность среди беглопоповцев, обучая грамоте у себя в келиях раскольнических детей и воспитывая последних в духе раскола»³⁷.

К «хранительницам устоев» можно было обратиться за советом, разъяснением «знамения», с недумом. Вообще среди одноверцев их авторитет был очень высок, т. к. они воплощали в себе наиболее ценимые в старообрядчестве качества — традиционализм и набожность. Например, корреспондент Русского географического общества И. Николаев, занимавшийся этнографическим исследованием Суджанского уезда, отмечал, что «спасенницы пользуются между своими особым почтением, если не благоговением»³⁸.

Важным механизмом удержания в рамках традиции являлось общественное мнение, выражавшееся обычно наставниками и старшими членами общины (такой же патриархальной, как и семья). Впрочем, и остальные члены могли активно влиять на жизнь

общины. Важнейшие вопросы решались на «сходках», всем «миром». Поскольку община свою власть и надзор простирала не только на общественное поведение своих членов, но и на их домашнюю жизнь, то она могла вмешаться в нее в случае явных отклонений от нормы, в том числе при неправильном воспитании детей, и взять это дело в собственные руки³⁹. Идти наперекор мнению общины нельзя было не только по нравственным, но и чисто практическим соображениям — это значило бы стать изгоем, опозоренным, лишиться помощи и поддержки.

Община часто существенно влияла на образование подрастающего поколения, особенно тех детей, которые из-за малограмотности родителей не могли до конца постичь «книжные премудрости». В рамках общины осуществлялось обучение молодежи, предполагавшее знакомство с духовной литературой и музыкальной грамотой, чтение церковно-славянских текстов. Организация этого обучения очень напоминала древнерусскую. Как известно, в старину в русских приходах на общий счет прихожан содержался учитель, носивший название «мастера»⁴⁰. Такие же «мастера» имелись и в старообрядческих поселениях Центрального Черноземья. Ими становились, как правило, грамотные пожилые люди, уважаемые в общине. По соглашению с родителями «мастера» собирали детей для обучения грамоте, т. е. чтению, письму и пению, и получали за это учение условную плату и поминки (подарки при переходе ученика от чтения одной книги к другой). Часто функции учителей выполняли благочестивые «скитницы» («келейницы»), чередовавшие обучение подрастающего поколения с молитвами. Занятия проходили, соответственно, либо в моленных, либо в «кеleyках» «скитниц»⁴¹.

Хорошим примером организации «учения» у староверов может послужить «школьное дело» в старообрядческих селах Благодаренской волости Рыльского уезда (самой «образованной» в Курской губернии). Высокий уровень грамотности здесь связывался специалистами губернского статистического комитета с успешной педагогической деятельностью «местных грамотеев»⁴².

Обучение носило в основном церковный характер — изучали часослов, псалтырь, порядок богослужения, крюковые ноты и т. п. При этом использовались «старинные» методы: сначала изучались буквы и «склады» (слоги), затем приступали к чтению часовника и псалтыря. Текст названных книг заучивался практически наизусть, так как каждый урок строился по такому принципу, когда прочитанный накануне отрывок обязательно полностью повторялся на следующем занятии, и только после этого производился переход к новому материалу. В результате дети знали множество религиозных текстов и научались довольно бегло читать по церковно-славянски⁴³.

Сам по себе весьма ценился и церковно-славянский язык. У староверов считалось, что язык, на котором человек общается с Богом, говорит о возвышенном, дол-

жен отличаться от того языка, который он использует при общении с другими людьми, подобно тому, как отличается внешний вид храма от обычного жилого дома. Поэтому в старообрядческой среде было (и остается) очень почетным научить своих детей церковно-славянскому языку. Староверы не без оснований считают, что его знание помогает приблизиться к пониманию жизни «далеких благочестивых предков-соотечественников», национальной культуры, традиций, обычаев Древней Руси. Оно же зачастую давало и привилегированное положение в общине⁴⁴.

Нужно сказать, что «классическое» старообрядческое образование в конце XIX — начале XX вв. все чаще стало оказываться недостаточным из-за невнимания к «светским» наукам, становившимся все более востребованными. Поэтому некоторые старообрядцы, вопреки устоявшимся традициям, начали отдавать своих детей в государственные школы, которые предлагали более широкий круг изучаемых предметов. Таких «ревнителей старины», впрочем, было немного — в 1904 г., например, нестарообрядческие школы Курской губернии посещало только 237 староверов⁴⁵. По следующим годам точные данные отсутствуют, однако в отчете курского архиерея за 1914 г. говорится, что «в школах по-прежнему учится незначительное количество старообрядцев»⁴⁶. К тому же наставники и консервативно настроенные верующие стремились бороться с подобными явлениями, и в некоторых случаях им это удавалось. Так, например, в 1912 г. курский преосвященный жаловался в Синод, что старообрядцы деревни Приходьковой Дмитриевского уезда при новопостроенной моленной организовали «приличную» школу, пригласив туда нескольких учителей-староверов, после чего молодые старообрядцы, до того учившиеся в местной церковной школе, немедленно ее покинули и перешли к «своим»⁴⁷.

Таким образом, формирование личности в старообрядческой среде в XIX — начале XX вв. в целом проходило в патриархальной семейной обстановке и сопровождалось постоянным социальным контролем со стороны общины. Молодежь этот контроль воспринимался как естественный и не вызывал ропота, поскольку община обладала большой ценностью в ее глазах. Целью воспитания у старообрядцев, как и в предшествующие столетия, был человек, верный религиозным заповедям и традициям предков, хороший сын и член общины. Образование в большинстве случаев ценилось постольку, поскольку могло способствовать «спасению души», а потому имело религиозный характер. В рамках семьи и общины молодой человек обычно мог приобрести навыки церковного чтения, письма, пения; отношение к другим предметам, преподаваемым в нестарообрядческих школах, у основной массы «ревнителей старины» оставалось настороженным или даже скептическим.

¹ Ушинский К. Д. О нравственном элементе в воспитании // Ушинский К. Д. Собр. соч.: В 2 т. — М., 1948. — Т. 1. — С. 435.

² См., напр.: Амфиатров Н. Разнородность деревенской молодежи // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная.

— 1908. — № 9. — С. 198-201; Фаресов А. И. Голоса земли: Очерки с натуры. — СПб., 1909. — С. 111-115.

³ РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 2158. — Л. 29.

⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. — М., 1961. — Т. 3.

— С. 393.

⁵ Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. — М., 1980. — С. 87, 90.

⁶ Там же. — С. 86.

⁷ См., напр: Расколо-старообрядческая жизнь // Миссионерское обозрение. — СПб., 1915. — № 8. — С. 567.

⁸ В отчете курского архиерея за 1903 год, например, пишется о том, что «крепость раскола» в епархии объясняется удивительной преданностью старообрядческой молодежи «старым главам семейств» (РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 1974. — Л. 15); о беспрекословном подчинении старшим, а также строгом образе жизни молодых староверов пишет и А. Танков (Танков А. А. Из истории раскола в Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. — 1898. — № 17. — С. 174).

⁹ Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. — М., 1904. — С. 92.

¹⁰ О положении православной церкви в отношении к старообрядцам // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. — 1906. — № 42. — С. 101.

¹¹ Осокин П. Из быта нынешних старообрядцев // Миссионерский листок. — 1914. — № 2. — С. 12.

¹² Домострой. — М., 1990. — С. 49.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. — С. 51.

¹⁵ Осокин П. Указ. соч. — С. 13.

¹⁶ Домострой. — С. 49.

¹⁷ В «Миссионерских листках» описываются случаи, когда «крепкие в вере» отцы запрещали сыновьям жениться на девушках из «мирских» семей. См.: № 1 за 1910 год, № 3 за 1911 год и т. д.

¹⁸ См., напр.: Мельников Ф. Е. Старообрядчество и обрядовые // Церковь. — 1909. — № 13. — С. 402-407.

¹⁹ Там же.

²⁰ См. суждение на этот счет курского архиерея (1916): РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 2754. — Л. 33.

²¹ См. суждение на этот счет курского архиерея (1916): РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 2754. — Л. 33.

²² Михаил, еп. Богоугодный пост // Михаил, еп. Избранные произведения. — СПб., 1998. — С. 104.

²³ Домострой. — С. 51.

²⁴ Керов В. В. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII-XIX веках // Отечественная история. — 2001. — № 4. — С. 36-37.

²⁵ ГАКО. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 78.

²⁶ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. — М., 1977. — С. 91.

²⁷ См.: Прилуцкий А. М. Курская деревня в годы столыпинского землеустройства (1906-1916 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2002. — С. 20.

²⁸ ГАТО. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 1579. — Л. 19 об.

²⁹ Там же. — Л. 20.

³⁰ Отчет Тамбовского Богородично-Казанского миссионерского братства за 1903 г. — Тамбов, 1904. — С. 19.

³¹ Этот обычай до сих пор живет в некоторых селах Курской области — 2-й Воробьевке Курского района, Дерлове Золотухинского района, Самодуровке Большесолдатского района и т. д.

³² Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси // Семья и школа. — 1988. — № 7. — С. 23.

³³ См., напр.: Духовники // Миссионерский листок. — 1913. — № 1. — С. 20.

³⁴ АРГО. — Разряд 19. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 44; Танков А. А. Из истории раскола в Курском крае // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. — 1900. — № 16. — С. 291.

³⁵ АРГО. — Разряд 19. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 44.

³⁶ Церковно-приходская летопись села Камышного. — С. 107.

³⁷ Отчет Тамбовского Богородично-Казанского миссионерского братства за 1903 год. — С. 13-14.

³⁸ АРГО. — Разряд 19. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 44.

³⁹ О надзоре общины за нравственностью своих членов // Церковь. — 1908. — № 4. — С. 125.

⁴⁰ Папков А. Приходская жизнь в Древней Руси // Церковь. — 1908. — № 7. — С. 219.

⁴¹ Описание одного из таких занятий можно найти у А. А. Танкова. См.: Танков А. А. Из истории раскола в Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. — 1889. — № 2. — С. 37.

⁴² Сборник статистических сведений по Курской губернии. Рыльский уезд. — Курск, 1884. — Вып. 6. — С. 322.

⁴³ Об этом пишет, например, известный этнограф И. С. Абрамов. См.: Абрамов И. С. Старообрядцы на Ветке. — СПб., 1907. — С. 16.

⁴⁴ В этом случае человек считался «грамотеем», что предполагало почетную роль как при богослужениях, так и в «мирских» делах.

⁴⁵ РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 2033. — Л. 30.

⁴⁶ Там же. — Д. 2646. — Л. 30.

⁴⁷ Там же. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 2525. — Л. 24.

А. К. Тихонов (Владимир)

ИУДЕЙСКАЯ СЕМЬЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЯМИ

Одной из главных проблем во взаимоотношениях российских властей и иудейского населения черты постоянной оседлости вызывала проблема браков у иудеев. Интерес к этой теме подогревался многими специфическими особенностями института брака и семьи у иудеев, который оказывал большое влияние на организацию ими экономической деятельности. Главная проблема стояла в разрешении ранних браков у иудеев: мальчиков — с тринадцати лет, девочек — с двенадцати, а к восемнадцати годам правоверный последователь иудаизма обязан был жениться. Безбрачие не признавалось, т. к. считалось, что оно ведет к разврату. К вступлению в брак могло быть только три препятствия: абсолютные — неизлечимые физические увечья мужчин, делающие его неспособным к деторождению, умопомешательство,

недостижение тринадцати лет у мальчиков и двенадцати — у девочек, рождения от кровосмешения (мамзер); относительные — принадлежность к язычеству, уродство; временные — траур в тридцать дней после смерти близких родственников, девяносто два дня после развода или смерти, беременность или кормление грудью. Все эти указания к браку были подтверждены раввинской комиссией в 1893-1894 гг.¹

Такое раннее разрешение на брак подрывало экономические устои семьи, т. к. в столь юные годы семья еще не могла найти себе средств к существованию и должна была находить способы быстрого обогащения, что подталкивало таких молодых людей к ростовщичеству под проценты, торговым махинациям, питейной торговле. Кроме того, дети от столь ранних

браков рождались физически ослабленными. Исследователи иудейской демографии в России В. И. Биншток и С. А. Новосельский отмечают высокий процент вторичных браков у иудеев². Во многом это происходило в более зрелом возрасте, когда выбор супруга или супруги был более осознанным. Ими же указывается и на отсутствие браков у иудеев в весенние и летние месяцы в силу религиозных предписаний³. Демографами отмечается высокий процент многоплодных рождений и максимальное число рождений в декабре, январе, феврале и июне. Подчеркивается также низкая смертность в грудном возрасте, что исследователи связывают с широким распространением грудного вскармливания⁴.

Российские власти в центре и на местах были обеспокоены проблемой ранних браков у иудеев именно по причине участвовавших экономических злоупотреб-

лений со стороны столь молодых семейных пар. Так, хозяйственным департаментом МВД в письме в департамент духовных дел иностранного исповедания от имени вице-директора департамента А. Шумахера было предложено разрешение на вступление в брак иудеям давать только с дозволения местного начальства, а также необходимо было иметь рабочий скот, земледельческие орудия как гарантию того, что сможет содержать семейство⁵. Российские власти согласились, что браки евреев-иудеев должны совершать духовные раввины, т. к. иудейский обряд бракосочетания требовал наличия большого объема специфических знаний⁶. Это решение было отклонено в департаменте духовных дел иностранного исповедания, поскольку ни в одном исповедании не прописаны подобные нормы. Таким образом, данная проблема продолжала существовать и в начале XX в.

¹ ЕЭ. Аdept. 2003. Электронная версия.

² Биншток В. И., Новосельский С. А. Материалы к естественному движению еврейского населения в европейской России за 40 лет (1867-1906 гг.). — Б. м., 1915. — С. 83.

³ В иудаизме запрещено заключать браки в периоды между Пасхой (Пейсахом) (приблизительно 15-22 марта) и Шавуотом (приблизительно 6-7 мая), три недели от 17 Талмуда до 9 Ава

(примерно с 17 июня и до 9 июля), а также по субботам, в праздничные и предпраздничные дни и во время существующих в летние месяцы отхожих промыслов (в основном — сплав леса по Днепру и садовые работы. — А. Т.).

⁴ Биншток В. И., Новосельский С. А. Указ. соч. — С. 31, 38.

⁵ РГИА. — Ф. 821. — Оп. 8. — Д. 501. — Л. 5 об.

⁶ Там же. — Оп. 150. — Д. 370. — Л. 90.

Л. Я. Канева (Сыктывкар)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КОМИ-ИЖЕМЦЕВ (XIX—НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

Происхождение «ижемцев» — одной из наиболее своеобразных групп народа коми — издавна привлекало внимание русских историков и этнографов¹. Наиболее раннюю версию на этот счет сообщает академик Иван Иванович Лепехин. «Ижма, — писал он, — населена троякого племени народом: первые поселяне были зыряне, они обитали около реки Ижмы и в других местах Яренского уезда. Затем к ним присовокупились многие российские семьи, и некоторые из самоедов, принявших святое крещение. Все сие жители говорят по зырянски»².

В. Н. Латкин приводит в своих записях сходную версию, но при этом добавляет: «Есть также предание, которое записано в памятной книжке одного ижемца, что первый поселился здесь крестьянин из деревни Глотовой Яренского уезда, наречием зырянин»³.

По средней Печоре и Ижме живут ижемцы, пишет в своих исторических сведениях В. Н. Белицер. Само название ижемцев — «изьва тас» (люди Ижмы). В прошлом ижемцы представляли собой этнографическую группу, смешанную по происхождению и несколько отличную по культуре от остальных коми-зырян. Ижемцы занимались в основном оленеводством, отчасти торговлей и отличались большой подвижностью. Значительная группа ижемцев-переселенцев (до 10 тыс. человек) живет в настоящее время

в Ямало-Ненецком национальном округе. Ижемцев можно встретить на Новой Земле, в Малоземельской и Большеземельской тундрах. Отдельные ижемские селения встречаются на Кольском полуострове. В настоящее время ижемцы находятся в тесном общении с коми-зырянами и по существу составляют один народ. Говорят ижемцы в быту на одном из диалектов языка коми, их литературный язык — коми-зырянский. Начало формирования группы приходится на конец XVI в., центром стала Ижемская слободка, расположенная в верхнем течении р. Ижмы. Группа ижемцев складывается в результате межэтнического смешения коми-зырянского (представленного в основном удорцами и вымичами), русского (новгородцы, архангелогородцы) и, частично, ненецкого населения, с доминантой коми-зырянского компонента. В результате этнического взаимодействия произошла ассимиляция русского и ненецкого компонентов, появился ижемский диалект коми языка, особый хозяйственно-культурный уклад, своеобразные черты в антропологическом типе⁴.

Первоначально ведущими хозяйственными занятиями ижемцев были охота и рыболовство, в качестве вспомогательных отраслей выступали скотоводство и земледелие. В течение XVIII-XIX вв. при сохранении прежних занятий ведущей отраслью экономики ижемцев становится оленеводство. Оленеводство яви-

лось основным фактором интенсивного расширения этнической территории ижемцев. Если к началу XIX в. ижемцы освоили только нижнее течение р. Ижмы и прилегающие к ней районы р. Печоры, то в течение века они усваивают всю среднюю Печору с притоками (р. Колва, Уса), оседают в болышеземельской тундре, проникают на Кольский полуостров (кольские коми) и в бассейн р. Оби (зауральские коми), где основывают свои поселения. По переписи 1897 г. коми население Печорского края (преимущественно ижемцы) насчитывало 22 тыс. человек. Около 10 тыс. проживало за пределами края. По переписи 1989 г. в Ижемском и Усинском районах Коми АССР проживало 27,8 тыс. коми, еще около 18 тыс. их потомков. Ижемцы живут в Западной Сибири и на Европейском Севере⁵.

Основная специфика ижемцев и в настоящее время определена оленеводством и заключается в комплексном хозяйстве, кочевом характере труда при оседлом образе жизни, наличии в материальной культуре специфических элементов, связанных с оленеводством (одежда и обувь из оленьего меха, нарты, чум и т. д.), системе расселения и элементах субэтничности в национальном самосознании.

Для рассмотрения и изучения родильной обрядности коми-ижемцев необходимо проанализировать общий характер демографических процессов на территории проживания данной этнографической группы и на сопредельных территориях.

Основу процесса естественного воспроизводства составляет рождаемость. Социальная (или в более широком смысле — социально-культурная) среда и связанные с ней отношения, личное и общественное сознание оказывают очень сильное влияние на весь процесс естественного воспроизводства, на рождаемость и плодovitость⁶. Условия, влияющие на рождаемость, чрезвычайно разнообразны. В целях их систематизации Б. Ц. Урланис предложил при изучении рождаемости выделить «факторы» и «причины», строго разграничивая их действия⁷. К числу «факторов» он отнес ряд естественных и социальных условий и обстоятельств: климат, наследственность, общественное положение женщин, уровень благосостояния, культурный уровень, законодательство, войны, урбанизацию и некоторое другое; к числу «причин» — возраст вступления в брак, пребывание женщин вне брака, потенциальную плодovitость, бесплодие, мертворождаемость, внутрисемейное регулирование. В. И. Козлов выделил следующие факторы: физиологические (возраст наступления половой зрелости, конец производительного периода), брачность (брачный возраст, степень безбрачия, разводы), традиции многодетности и брачно-половые ограничения, религиозный фактор (влияние на регламентацию брачно-половых отношений), социально-экономические факторы (виды занятий, благосостояние и др.)⁸. А. Г. Вишнеvский выделил такие факторы рождаемости, как плодovitость и поведение. Под плодovitостью подразумевается брачное поведение, половое поведение и репродуктивное поведение⁹.

А. Г. Вишнеvский охарактеризовал ранние этапы становления нового типа рождаемости. «В области воспроизводства населения демографическое поведение регулировалось общетриниятыми представлениями в браке, деторождении, болезни и смерти. Одним из факторов рождаемости являлась брачность. Подавляющее большинство населения Европейской России не знало ни существенного откладывания браков, ни значительного безбрачия. В то время как во второй половине XIX в. во многих европейских странах ни разу не были замужем 60-70 % всех женщин в возрасте 20-29 лет и свыше 15 % женщин в возрасте 45-49 лет; в Европейской России в 1897 г. соответствующие показатели составляли 23 % и примерно 5 %»¹⁰.

Далее А. Г. Вишнеvский подтверждает высокую рождаемость брачным поведением. «В целом, брачное поведение коми крестьян во второй половине XIX в. характеризовалось соблюдением норм общеобязательности вступления в брак, довольно зрелым брачным возрастом обоих полов и частыми повторными браками овдовевших супругов. Общеобязательность соблюдения норм брачного поведения поддерживала высокую рождаемость. Доля лиц, никогда не вступавших в брак была крайне незначительна»¹¹.

Характерной особенностью исторического развития Печорского края в конце XIX-начале XX вв. было то, что в процессе роста товарного хозяйства и товарного обращения его различные районы оказались связанными друг с другом экономически вне зависимости от их этнического состава. В новых экономических условиях при наличии тесного территориального соседства и исторически сложившихся связей в среде населения Печорского края все явственнее проявлялась другая сторона этнического развития — постоянно действующие этнокультурные взаимоотношения между коми, русскими и ненцами, имеющие результатом смешение представителей различных народностей, особенно в полосе этнических границ¹².

Следует заметить, что еще в третьей четверти XVIII в. существовало всего несколько ижемских селений, расположенных друг от друга на расстоянии 25 км. В самом конце XVIII и начале XIX в. ижемцы заселили берега Ижмы вниз от Красного бора до устья, вверх — от Мошьюги до впадения р. Ухты в Устье-Ухты. Но, если в первом, Красноборском районе, изобилующим хорошими рыболовными угодьями и имеющим прямой выход на Печору, население численно быстро возросло, то во втором районе жителей было немного. В 1843 г. В. Н. Латкин отметил здесь всего восемь небольших деревень: Целья, Картаель (16 дв.), Кедвавом, Винла (4 дв.), Ужпель (Порожская), Якимова, Вуквавом (10 дв.), Пожня (2 дв.)¹³.

На протяжении всего XIX в. особых изменений в составе населения не произошло, и крупных миграций на Печору не наблюдалось. Л. П. Лашуком были использованы дневные записки путешествия И. Лепехина, на основании которых он утверждает, что общий рост народонаселения происходил преимуще-

ственно за счет прироста рождаемости, а на Ижме в XVIII в. он был более значительным, нежели в предшествующем столетии.

При всем несовершенстве переписей XVIII-первой половины XIX в., учитывавших, главным образом, мужские ревизские души, сравнительные демографические данные позволяют сделать определенные выводы относительно движения если не всего печорского населения, то хотя бы мужской его части за сто лет (1785-1885). Пустозерская волость — 991 чел., Ижемская волость — 7229 чел., Печорская волость — 1364 чел. За столетие население Пустозерской волости возросло всего в полтора раза. Более значительным (2,7 раза) был рост населения на верхней Печоре, что отчасти объясняется продолжавшимся притоком новоселов извне. Однако наиболее интенсивно росло ижемское население: за столетие оно увеличилось в семь раз, а за двадцать лет (1865-85) дало чистый прирост в 15 %. При этом следует учитывать и значительные миграции ижемцев в Приуралье и Западную Сибирь. Столь быстрый рост коми-ижемского населения был, несомненно, обусловлен сравнительно благоприятными условиями экономического развития. Полные сведения по демографии Печорского края с 1885 г. по 1905 г. раскрывают следующее состояние народонаселения обо-его пола по этническим группам: русских, в том числе пустозерцев, 2161 - 858 чел., коми-ижемских 15 021 - 25 178 чел., верхнепечорских 3041 — свыше 3500 чел. Численность ижемцев возросла на 60 %, но многие ижемские семьи, кроме того, переселились в Зауралье, Сибирь, на Кольский полуостров и, естественно, не попали в список жителей ижемской волости¹⁴.

В районе Печоры от устья Ижмы до впадения Усы первые поселения ижемцев — Щельяюр, Няшабож, Кычкар, Усть-Уса — появились в конце XVIII в. В 1840-х гг. Щельяюр и Кычкар (Брыкаланск) насчитывали уже по пятьдесят-шестьдесят дворов, в Усть-Усе было одиннадцать дворов¹⁵. Примерно с 60-х гг., когда население этих пунктов выросло настолько, что вновь стало не хватать земель и угодий, начался отлив многих семей, которые поднимались вверх по Печоре и основывали новые заимки и выселки. Так возникли селения Кишиэво (1850), Мупный Материк (1871), Чаркабож (1873), Чика (1880), Щельябож (1891), Полушка (1893), Чаркаювом (1897)¹⁶.

Л. П. Лашук отмечает, что наиболее быстро росло население Усть-Кожвинской волости, охватывающий район р. Усы, — с 824 чел. в 1885 г. до 2372 чел. в 1905 г. В указанный период происходило интенсивное заселение бассейна Усы выходцами из Мохчинской, Красноборской и других ижемских волостей¹⁷.

В состав населения Печорского уезда входили ненцы Большеземельской тундры, приписанные к ведомостям: Пустозерскому, Ижемскому. Их численный состав имел выражение: Пустозерский 1801 г. — 573 мужчин, Ижемский — 291 мужчина, а в 1905 г. Пустозерский — 1898 мужчин и женщин, а Ижемский — 1692 мужчин и женщин¹⁸.

Значительное увеличение числа ненцев, приписанных к Ижемскому ведомству, объясняется тем, что экономически они были связаны в большей степени с ижемцами, нежели с нижнепечорскими русскими.

В целом население Печорского уезда (без верховьев Печоры) насчитывало в 1905 г. — 40 211 чел., а в 1913 г. — 48 648 чел.¹⁹

Приведенные демографические данные, как считает Л. П. Лашук, сами по себе интересны, т. к. общий рост народонаселения является важнейшим и необходимым условием этнического развития любого народа, хотя и не определяет его полностью. Своеобразной чертой этнического развития печорского населения в XIX в. было: 1) значительное расширение этнической территории коми и русских; 2) территориальное и хозяйственное сближение всех этнографических групп; 3) в связи с этим более интенсивное этнокультурное взаимовлияние и метисация вплоть до образования смешанных и переходных групп, особенно в полосе этнических границ.

Если во второй половине XVIII в. на обширной территории Печорского края существовало несколько сравнительно узких земляческих группировок населения, то начиная с последних десятилетий XVIII в., главным образом в следующем столетии, коми и русскими были заселены берега не только самой Печоры на протяжении свыше 1500 км, но и большинства ее ранее пустынных притоков — верхней Ижмы, Усы, Щугора, Подчерема, Ильча. Коми-ижемцы проникают вглубь Большеземельской тундры и полярного Урала, где входят в тесное соприкосновение с местным кочевым населением — ненцами, хантами, а в Зауралье — с теми же хантами, манси и приобскими русскими²⁰.

Весьма перспективным и выгодным занятием на Крайнем Севере является оленеводство, но, как отмечает в своей работе С. В. Мартынов, оно оправдывало себя лишь при наличии большого оленьего поголовья и обширных ягельных пастбищ. Хотя пустозерцы и ижемцы издавна начали заниматься оленеводством, настоящими состоятельными оленеводами среди них стали лишь немногие, преимущественно зажиточные, крестьяне.

В этнографической литературе много писалось о том, что ижемцы в массе своей природные оленеводы. В действительности даже в такой наиболее оленеводческой волости, как Мохчинская, по данным 1900 г. из 1057 хозяйств оленями владели только 252 хозяйства²¹, причем большинство из них было малооленьим. Необходимо учесть и то, что к 1900 г. ижемское оленеводство достигло высокого уровня, а полувеком ранее оно было куда более скромным.

Судя по описаниям И. Н. Глушкова 1920-х гг., кольские ижемцы долгое время сохраняли культурно-бытовые традиции, занесенные с Печоры, и в очень малой степени смешивались с лопарями, но постепенно между пришельцами и аборигенами стали завязываться не только хозяйственно-культурные, но и семейно-брачные отношения. В 1924-1928 гг. исследователями от-

мечались смешанные браки между коми, ненцами и лопарями. Обычными были взаимные браки между коми-ижемцами и русскими поморами и оленеводами²².

В предгорья Северного Урала переселились ижемские семьи из Кожвы, Новикбожа, Усть-Усы и самой Ижмы, что было вызвано потерей оленей в результате массовых эпизоотий. Живя на протяжении десятилетий в тесном соседстве в пределах смежных деревень, верхнепечорские коми и ижемцы, естественно, сильно смешались между собой посредством перекрестных браков и оказали друг на друга взаимное языковое и культурно-бытовое влияние²³.

Вопросы брачно-семейной структуры населения коми основательно изучены В. В. Соловьевым. По материалам ревизских сказок им была определена структура и численность крестьянской семьи летско-лузских коми в первой половине XIX в. Также на основе ревизских сказок был дан анализ основных показателей семейного строя коми-ижемцев в XVIII–середине XIX вв., выделены тенденции развития семейной структуры и численного состава семей. Определены два основных типа семей: малые и неразделенные, среди которых исследователем выделены подтипы. В. В. Соловьевым впервые были приведены показатели брачности, относящиеся к концу XIX–началу XX вв., рассмотрены локальные особенности, исследованы некоторые факторы, влиявшие на характер брачно-семейных отношений у коми. Ученым была затронута тема психологических установок и стереотипов демографического поведения, связанных, прежде всего, с процессом вступления в брак²⁴.

Брачная рождаемость, в свою очередь, также зависела от нескольких факторов: реальной плодovitости женщин, полового и репродуктивного поведения супругов. Б. Н. Миронов пришел к выводу, что крестьянская женщина на протяжении всей своей жизни могла родить в среднем десять-одиннадцать детей²⁵. В изучаемый период на репродуктивное и половое поведение супругов в какой-то мере оказывали влияние церковные посты, а также условия крестьянского труда; при изнурительном труде интенсивность подобных отношений между супругами ослабевала. Во второй половине XIX в. добавились и новые факторы. Возросшая подвижность населения неизбежно вела к частым и порой продолжительным разлукам супругов. Отхожие промыслы были типичным явлением для пореформенной России, которое вносило изменения в традиционное поведение супругов, имело достаточно большие масштабы и потому могло оказать влияние на общий уровень рождаемости²⁶.

Б. Н. Миронов рассматривает среди факторов смертности образ жизни, местожительство и высокую

рождаемость, обуславливающую, по мнению автора, плохой уход за детьми и, как следствие, - высокую детскую смертность²⁷. И. Л. Жеребцов заключает, что исследователи, как правило, выделяют такие факторы смертности населения, как хроническое голодание, тяжелые материальные условия, отсутствие правильных санитарно-гигиенических представлений²⁸. В отечественной историографии долгое время отрицалось существенное влияние географической среды на экономику, общество и культуру. Прямое влияние природной среды проявляется, прежде всего, в том, что она создает благоприятные или неблагоприятные условия для жизнедеятельности человека; косвенное - в обеспечении для развития условий, поддерживающих существование человека, видов хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие и др.)²⁹.

В последнее время в связи с повышенным вниманием к региональным и демографическим проблемам интерес к этнодемографической тематике заметно возрос, что подтверждает И. Л. Жеребцов. Он, в частности, отмечает, что при возрастании роли и места какого-либо современного явления соответственно возрастают роль и место истории этого явления. Поэтому и растущий интерес к историко-демографической проблематике, этническим и демографическим процессам, в особенности XIX–XX вв., вполне обоснован. В полной мере это относится к Коми республике, по мере заселения и хозяйственного освоения территории которой здесь формировались своеобразные группы местного коми и русского населения, имеющие значительные отличительные черты в духовной и материальной культуре. Локальность исследований дает возможность более глубокого изучения проблемы демографического и культурного развития.

Кроме того, сужение рамок исследования до границ отдельно взятого региона позволяет охватить достаточно большой хронологический период, проследить на конкретном материале влияние основных демографических тенденций изучаемого периода и определить роль демографического развития региона в контексте общероссийской истории³⁰. Сегодня этническое самосознание ижемцев, как утверждает Ю. П. Шабаев, представляет собой сложную иерархию идентичностей, в которой все еще важное значение имеет общекоми идентичность. Но культурные ориентации подвижны и, вполне вероятно, что вскоре локальное самосознание может оказаться более значимым, чем общеэтническое. Вместе с тем, данный аспект до сих пор является крайне мало исследованным. В любом случае, очевидна культурная эволюция группы ижемских коми, равно как и проблема этнической фрагментации финно-угорских народов в целом³¹.

¹ Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. — Сыктывкар, 1958. — С. 95.

² Путешествие академика И. Лепехина. — СПб., 1805. — Ч. IV. — С. 282–283.

³ Латкин В. Н. Дневник путешествия на Печору в 1840 и 1843 году // Записки РГО. — СПб., 1853. — Ч. II. — С. 97.

⁴ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народа коми (XIX — нач. XX) вв. — М., 1958. — С. 5.

⁵ Лашук Л. П. Указ. соч. — С. 95.

⁶ Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. — М., 1969. — С. 107.

⁷ Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни

в СССР. — М., 1963. — С. 48-52.

⁸ Козлов В. И. Указ. соч. — С. 110.

⁹ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость в России и в СССР. — М., 1979. — С. 112.

¹⁰ Там же. — С. 110.

¹¹ Там же. — С. 34.

¹² Истомин Ф. М. Поездка в Печорский край летом 1889 года // Известия РГО. — 1890. — Т. XXVI. — Вып. 2. — С. 168.

¹³ Латкин В. Н. Указ. соч. — С. 105.

¹⁴ Лашук Л. П. Указ. соч. — С. 121.

¹⁵ Латкин В. Н. Указ. соч. — Ч. 1. — С. 86.

¹⁶ Мартынов С. В. Печорский край. — СПб., 1904. — Ч. 1. — С. 127.

¹⁷ Лашук Л. П. Указ. соч. — С. 122.

¹⁸ Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 г. — Архангельск, 1907. — Отд. II. — С. 4, 7.

¹⁹ Памятная книжка Архангельской губернии на 1913. — Архангельск, 1913. — С. 108.

²⁰ Лашук Л. П. Указ. соч. — С. 122.

²¹ Мартынов С. В. Печорский край. — СПб., 1905. — Ч. II. — С. 93.

²² Глушков И. Н. Чердынские вогулы // Этнографическое

обозрение. — 1905. — Кн. 45; Янович Д. Т. По поводу наблюдений Варсанофьевой В. А. над вогулами // Северная Азия. — 1930. — № 5-6.

²³ Золотарев Д. А. Кольские лопари. — Л., 1928. — С. 137.

²⁴ Соловьев В. В. Структура и численность крестьянской семьи летско-лузских коми в первой половине XIX века (по материалам ревизских сказок) // Вопросы социально-экономической истории Коми края. — Сыктывкар, 1980. — Вып. 23; он же. Семейный строй коми-ижемцев в XVIII - середине XIX века (по материалам ревизских сказок). — Сыктывкар, 1985. — Вып. 118; он же. Брачно-семейные отношения коми крестьян в конце XIX в. - начале XX в. // Вопросы этнографии народа коми. — Сыктывкар, 1985. — Вып. 32. — С. 13.

²⁵ Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVII-начало XX в.). — СПб., 2003. — Т. 1. — С. 121.

²⁶ Вишневский А. Г. Указ. соч. — С. 123.

²⁷ Мионов Б. Н. Указ. соч. — С. 194.

²⁸ Жеребцов И. Л. Демографические процессы в Коми крае в конце XV — начале XX в. — Екатеринбург, 1998. — С. 39.

²⁹ Козлов В. И. Указ. соч. — С. 185.

³⁰ Жеребцов И. Л. Указ. соч. — С. 3-4.

³¹ Шабав Ю. П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. — Сыктывкар, 2005. — С. 26.

И. Л. Чернай (Бронницы)

СИСТЕМЫ ОБЕРЕГОВ ПОВОЛЖСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФИННОВ И ИХ ОКРУЖЕНИЯ

К оберегам (апотропеям) относятся определенного вида знаки, обращенные к сверхъестественным силам за помощью. Эти сравнительно трудно определяемые изображения на археологических объектах всегда вызывают интерес у специалистов разных направлений гуманитарного знания в качестве возможного источника сведений о материальной и духовной деятельности прошлых поколений. Особое место принадлежит геометрическим изображениям, находящимся у предела образных начал, однако легко запоминаемых для сохранения их смысла в памяти чреды поколений. С появлением оберегов был связан трудный путь развития у людей абстрактного мышления, обязанный, в свою очередь, способности к генерализации характерных, существенных признаков при сохранении ассоциативных связей обобщенного образа с натурой.

Обращение за помощью к небожителям не всегда могло быть услышанным без многократного повторения, что обуславливало рядное расположение оберегов на археологических объектах в особой ритмизированной форме, наиболее приемлемой для адресата. В оберегах как сакральных предметах, недоступных для непосвященных, широко используется способ сокрытия содержания путем вписывания множества мелких фигур в более крупные. Мало того, для создания более надежной системы защиты приходилось считаться со сферой компетенции небожителя, каждому из которых был адресован знак особого типа. По направленности действия обитатели иного мира разделялись на силы света и тьмы, добра и зла. От первых можно было

ожидать помощь и покровительство, от вторых — беду. В первом случае система оберегов носила покровительственный характер, во втором — защитительный. Сакральная сторона знаковой системы оберегов определялась восприятием устройства мира в целом, согласно которому сущее имеет душу, продолжающую существование в ином мире идей и образов после физической смерти. Из этого ирреального мира возврата нет, а связь с его обитателями может осуществляться лишь во снах, через видения особого рода людей (шаманов) или с помощью знаков-оберегов (Рис. 1. 13-14)¹, к простейшему из которых можно отнести горизонтальную линию, ассоциирующуюся с линией горизонта, уровня водной глади, с точкой следов животных и границей между разными средами. В связи с тем, что для обитателей иного мира физические границы не существуют, а значат лишь их образы, то любые пределы могут быть представлены лишь линией или различного рода метками (Рис. 1.1-12).

Среди апотропеев можно выделить пять категорий. С первой из них связано производство продуктов питания и средств их сохранения. Вторая категория оберегов включает обеспечение безопасности среды обитания, начиная от возведения жилища и кончая изготовлением одежды. К третьей категории нужно отнести изготовление и сохранение предметов быта, орудий труда, в том числе и керамики. Четвертая категория оберегов связана с личными потребностями людей и с их социальным статусом, с изготовлением украшений, оружия и средств гигиены. Пятая категория включает апотропеи культа мертвых.

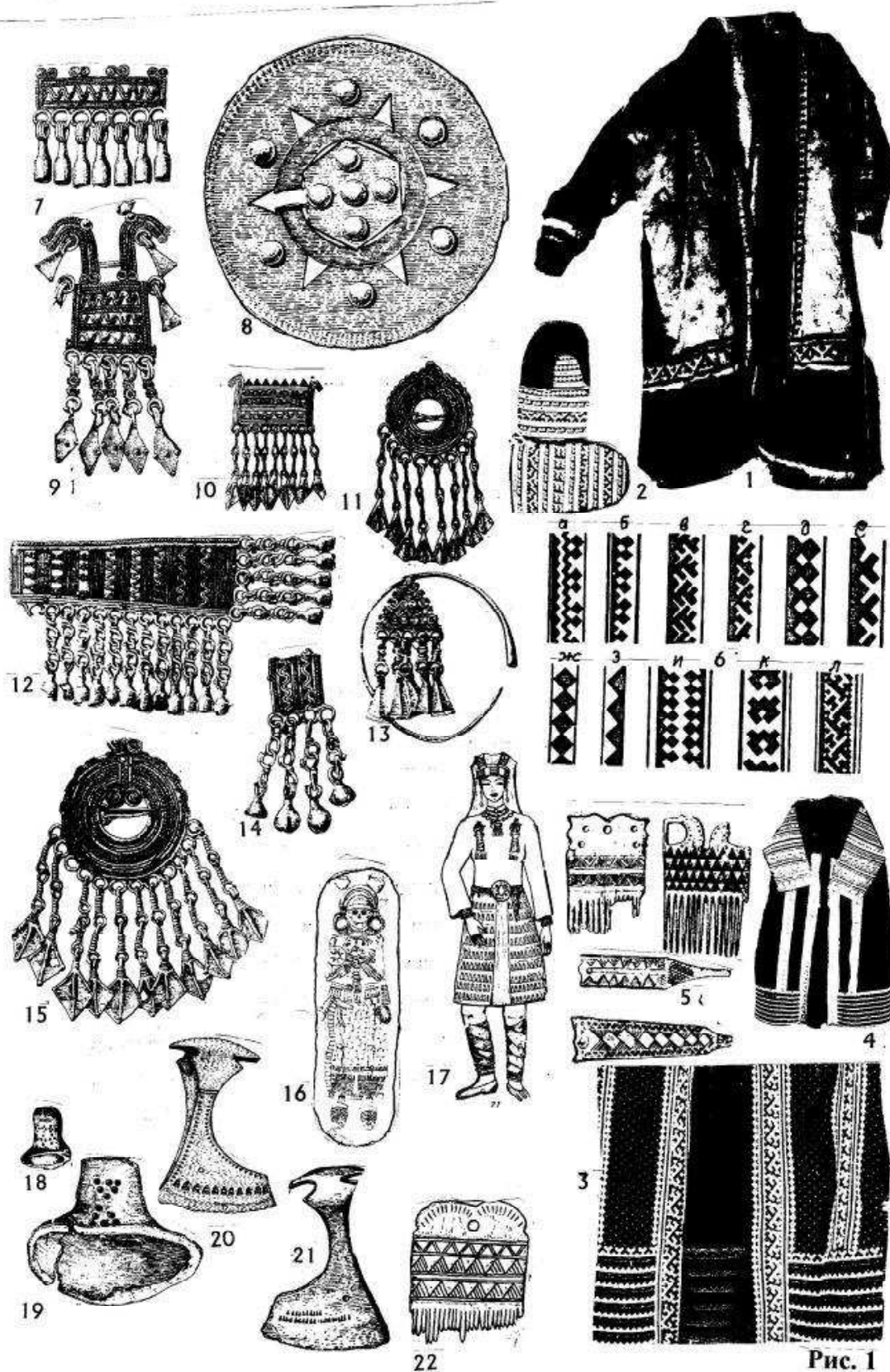

Рис. 1

Рис. 1. меховая парка с оберегом на опушке и бортах. 2. Варежки с оберегами манси. 3, 4. Женский халат с вышивкой и аппликацией хантов, манси. 5. Костяные гребни и копоушки финских племен средневековья. 6. Знаковые системы современных ненцев. 7-15. Характерные образцы шумящих подвесок поволжских финнов. 16. Женское погребение с набором шумящих подвесок племени муромы. 17. Реконструкция набора шумящих подвесок мордвы. 18-19. Льячки для литья из бронзы с оберегами на рукоятках из мерянских селищ и Сарского городища. 20, 21. Железные топоры племен ятвягов и эстов с оберегами на лезвиях.

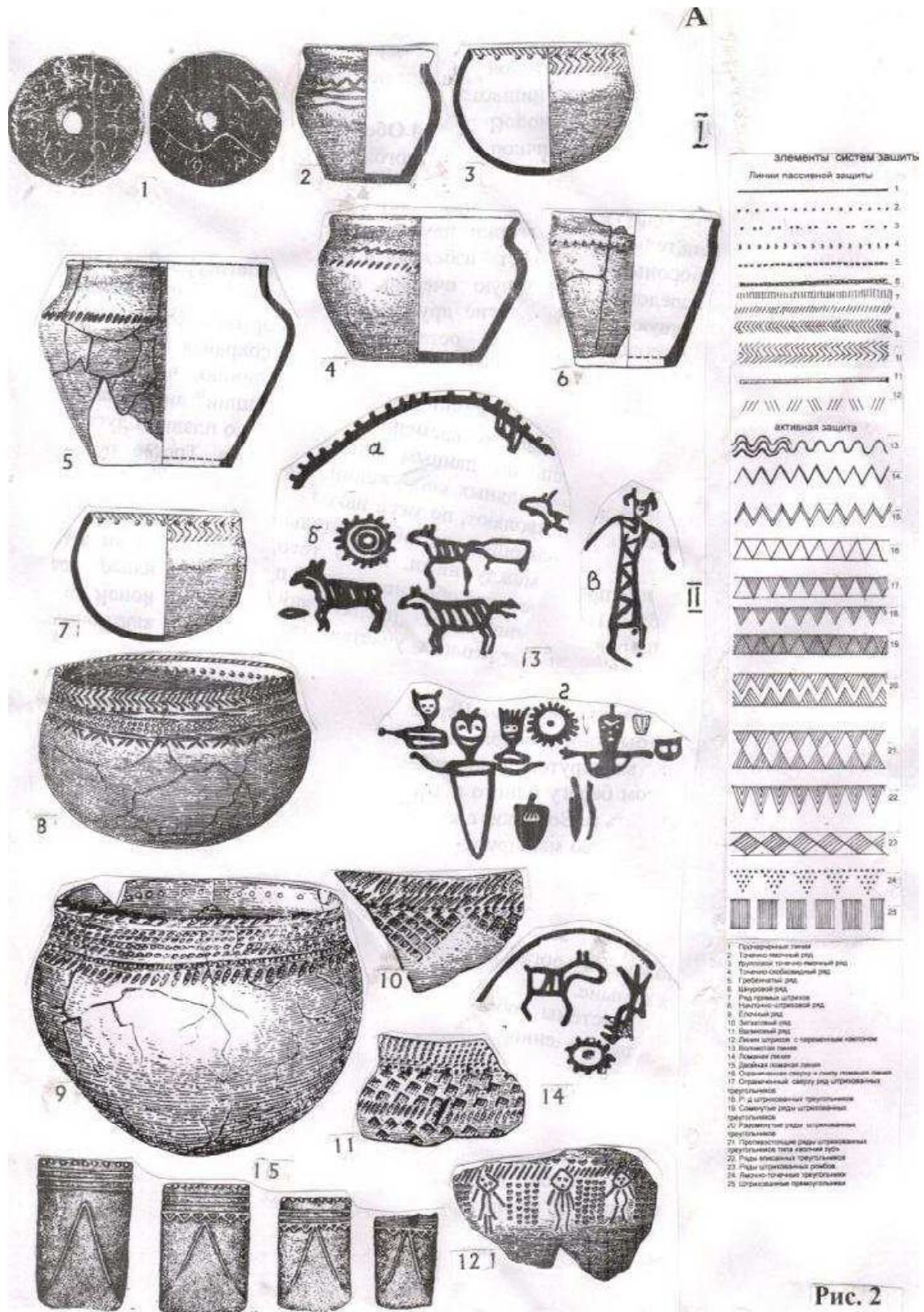

Рис. 2

Рис. 2. Древнерусское пряслице с начертанием линейно-волнистого оберега и с обращением к Щуру за помощью. 2-7. Керамика времени перехода от лепного способа изготовления сосудов к гончарству. 8-13. Характерные образцы сосудов с линейно-рядным расположением в зоне устья полос с рядами оберегающих знаков. 10. Оберегающий пояс из ряда треугольников, составленных из сокращающихся в рядах элементов. 12. Изображение на сосуде душ представителей парной семьи с ребенком в качестве патронального оберега. 13 а. Небесный свод в виде арочной линии с рядом характерных треугольников - символов неба и знаком солнца в виде трех вписанных кругов с треугольными зубцами на большем. 13 в. Небожитель с символом неба в виде ломаной линии на тулове. 13 г. Души небожителей среди солярного изображения. 14. Изображение на скалах небесного свода с солярным знаком в виде одинарного круга с зубцами с внешней стороны и духов оленей на небе. А I.1-12. Линейные и рядно-прерывистые обереги пассивного типа. А II.13-25. Обереги активной защиты.

Специфика объекта исследования определяет два подхода в решении проблемы. Согласно первому объект исследования требует рассмотрения материала в широких хронологических и территориальных рамках в ретроспективной последовательности с привлечением этнографических данных. Второй подход оказывается эффективным при учете особенности синкретизма мышления древних людей, традиционности форм их деятельности, усиливающейся по мере углубления в эпохи и не всегда позволяющей четко отделить явления эстетической природы от функциональной.

Реликтовые апотропеи на одежде населения Северного Приуралья

Необходимость обеспечения теплой меховой одеждой для жителей регионов с преобладанием низких температур являлась постоянной заботой, что проявилось не только в особом покрое одежды, но и в наличии особого рода оберегов, выполнявших важную роль в проживании в столь суровых условиях. В этом плане особый интерес представляют предметы быта и одежда ненцев, кочующих со стадами оленей от Таймыра до Урала. Для защиты от злых духов область спины меховых парок и шуб была занята оберегами в виде висячих рядов цветных лент или ремешков². На подолах шуб и парок располагаются одна-две цветные ленты, продолжение которых обрамляет борта запаха и спускается от плеч до меховых обшлагов. По этой ленте, называемой «опуваном», в технике меховой мозаики шит ряд оберегов, защищающих от проникновения под шубу в местах соединения частей одежды холода - под видом духов³. Оберег в простейшем виде представляют собой плотный ряд треугольников, направленных вершинами в сторону ожидаемого появления духов. В более сложном варианте каждый треугольник (по закономерности усиления действия оберегов) увенчан ромбом, являющимся, по существу, теми же соединенными основаниями треугольниками (Рис. 1.1)⁴. В еще более сложном виде от вершин каждого пятого треугольника в стороны под острым углом отходят два ответвления с одним отростком на каждом, направленных навстречу друг другу. По сторонам двух фигур, схожих с ветвистыми рогами оленя, располагаются по одному треугольнику, увенчанных ромбами (Рис. 6)⁵. Система подобных апотропеев охраняет содержимое женской сумки, клапан которой, как и в других двух образцах, был доверен оберегу в виде ряда чередующихся светлых и темных квадратов⁶. Значительный интерес представляют и четыре образца резных рукоятей ножей. На первом нашел место оберег в виде ромбической сетки, на втором и третьем — вписанные в квадратные ячейки косые штрихи. На четвертой рукоятке по решетке с прямоугольными ячейками по диагонали проходит ряд волнистых линий. Как показали результаты изучения образцов кожаной мозаики на одежде коряков, чукчей, эвенов, юкагиров, нгансан и других народов, население Севера и Приморья в историческое время имело общие знаки оберегов. Среди них как основные

можно выделить: простую, прерывистую, ломаную и волнистую линии; треугольные и ромбические фигуры; светлые и темные квадраты, прямоугольники, расположенные в шахматном порядке. Система апотропеев южных соседей ненцев, хантов и манси, отличалась лишь усложнением знаков, связанных с оленеводством (Рис. 3, 4)⁷.

Система оберегов Восточной Европы времени начала гончарства

По материалу и технологическим признакам обереги можно разделить на четыре категории: на керамику, изделия из цветного металла, железа и кости с рогом. Керамика, являясь одной из самой многочисленных категорий находок, во второй половине I тысячелетия н. э. переживала постепенный переход от лепной техники изготовления сосудов к гончарству. Процесс шел в последовательности с юга и запада на север и восток с постепенным проникновением в среду финно-язычных народов. На позднем этапе существования лепной керамики из многих видов апотропеев сохраняются в основном обереги в виде защипов и нарезок, нанесенных по краю венчиков. Близкое расположение этого апотропея к устью сосуда лишней раз указывает на стремление сохранить содержимое сосуда без крышек, появившихся позднее как дополнительная преграда на пути духов. Как дополнение к основной защите вокруг устья иногда продолжали наносить круговой ряд точек или других оберегающих знаков. Приход гончарства оказался связанным с перестройкой всей хозяйственной системы, проявившейся как в формах и составе глиняной посуды, так и в способе нанесения на нее консервативных по природе оберегов. Из всех имеющихся типов апотропеев круговому вращению сосуда на гончарном круте в наибольшей степени соответствовала прямая и волнистая линии. Эти виды начертаний при использовании гребенчатого орудия легко превращались в многорядные линии, существенно усиливая действие оберегов. В целях уменьшения вреда от духов, сосуды снабдили крышками с оберегами солярного типа в виде концентрических окружностей. Исследованию развития линейного и волнистого «орнамента» посвящена специальная публикация⁸. В пользу принадлежности к оберегам знака в виде многорядной волнистой линии свидетельствует находка пряслица на подмосковном селище XII-XVII вв. Находка изготовлена из стенки сосуда. На нижней половине одной из ее сторон наблюдается знак в виде фрагмента многорядной волнистой линии, на верхней ее половине помещено имя владельца «Истома». На противоположной стороне написано обращение к духу пращура: «+ЧОУРЬ МЕНЕ» (Рис. 2.1)⁹.

Бронзовые изделия и керамика за северными и восточными пределами территории Древней Руси

Северо-западная граница распространения древнерусской керамики приходится на восточные пределы расселения балтских племен, среди изделий которых заметное место занимали бронзовые изделия с оберега-

ми. Четыре бронзовых браслета, на двух из них имеются изображения ломаных линий, были обнаружены на памятниках латгалов. На двух остальных изделиях были нанесены ряды вписанных друг в друга треугольников¹⁰. Среди этих находок имеется также браслет с линейно-волнистыми начертаниями, характерными для гончарной керамики, и другой экземпляр с ломаной линией, являющейся прототипом волнистого начертания (Рис. 2.13-14)¹¹. Нередкими для этого региона являются и шумящие подвески с рядами мелких солярных знаков в виде двойных кружков. Эти знаки, расположенные на шеях коньков, с прикрепленными к ним звенящими пластинами, являются довольно редким для прибалтов явлением¹². К числу изделий с оберегами относится и браслет с двумя рядами равнобоких треугольников, направленных вершинами в стороны от средней линии¹³. На латгальской керамике наблюдаются и обереги в виде наклонных штрихов в сочетании с волнистой линией. Кроме того, встречаются и сосуды с линейно-волнистыми начертаниями или с рядами наклонных штрихов. Подобные признаки являются характерными для этапа перехода от лепного способа производства керамики к гончарству (Рис. 2.2-7)¹⁴.

Состав оберегов балского племени земгалов включает в себя и астральные знаки в виде кружков с точкой в центре или состоящих из рядов треугольников, направленных вершинами навстречу друг другу и образованных точками или ямками различной формы¹⁵. Обереги племени аукшайтов представлены рядом равнобедренных треугольников, расположенных по кольцу язычка пряжки и браслета, а также ломаной линией, проходящей по основанию фибулы. Особый интерес вызывает и солярный знак, состоящий из рядов проволоки и из более мелких кружков, свернутых по спирали.¹⁶ Интерес представляет железный топор племени ятвягов, боковые стороны лезвия которого оконтуривают ряды мелких треугольников, а режущую часть — более крупные треугольники, как бы усиливающие ответственность орудия (Рис. 1,20)¹⁷.

Керамика литовских племен, судя по характерному составу оберегов, имеет признаки, свойственные лепной и гончарной посуде¹⁸. Ярким примером охранной функции линейно-волнистых оберегов является факт их нанесения на корпус пружинного замка¹⁹. Обереги в виде рядов треугольных фигур можно нередко встретить на изделиях племени куршей²⁰.

Обереги прибалтийских финнов

Вещевой материал из памятников финно-язычных племен заметно возрастает с увеличением числа шумящих подвесок, с преобладанием количества оберегов линейно-волнистого типа. Это же наблюдается на браслетах эстов²¹. На краях второго браслета наблюдаются по одному ряду равнобедренных треугольников, увенчанных ромбами, т. е. фигурами, широко распространенными на одежде оленеводов-ненцев. Характерной является и вторая находка железного топора с двумя

рядами треугольников, обращенных острыми вершинами к лезвию²². Керамика эстов представлена остро-реберной посудой, имеющей по венчику ряд круглых ямок. На ребре сосудов, или несколько ниже их, располагаются пирамидки из тех же ямок, расположенных в последовательности 3:2:1 и 4:3:2:1, образующих фигуры треугольников, обращенных вершинами вниз²³. Особый интерес вызывают гребни с оберегами в виде солярных знаков, состоящих из трех вписанных друг в друга кружочков с точкой в центре²⁴. Обереги, состоящие из ряда треугольных ямок, наблюдаются на браслете племени ливов²⁵. Итак, рассмотрение вещевого материала из памятников финно-язычных племен в последовательности с запада на восток позволяет обнаружить заметное возрастание количества бронзовых шумящих подвесок, состоящих из неподвижной державки-щитка, к которой на кольчатых звеньях подвешиваются звенящие элементы: пластины и бубенцы различной формы. Среди женских украшений карел шумящие украшения встречаются и оказываются довольно простыми по устройству²⁶. Обереги представлены прямыми и волнистыми линиями, наблюдаемыми, в основном, на керамике. К оберегам иного вида следует отнести начертания солярной символики, обрамленные по кругу рядом треугольников²⁷. Шумящие подвески значительно чаще обнаруживаются на памятниках воды. По основной функции — производить шум, распугивающий зверей и злых духов, — эти изделия следует отнести к категории апотропеев, несущих на себе знаки и других видов, усиливающих действие основного оберега. Этот вид изделий можно разделить на группы по форме щитка-державки. К первой группе относятся образцы с державками в виде верхней части тулова фангастических существ с чертами тотемных животных. По нижней линии основания фигур обычно проходит рельефная волнообразная линия дополнительного оберега²⁸.

Вторую группу оберегов составляют изделия с плоскими щитками и округлым верхом, по нижней линии которых располагаются три круглых солярных знака в виде малых дисков, свернутых из нескольких витков проволоки. От одного до трех подобных знаков венчают щиток, в середине которого на одном образце наблюдается волнистая линия в окружении трех малых солярных знаков описанного выше типа, что указывает на действие средства усиления оберега путем умножения числа основных знаков²⁹. Среди украшений, происходящих из памятников воды, обращает на себя внимание пластинчатый браслет с изображением оберега в виде ломаной линии с вписанными между зубцами равнобедренными треугольниками. Эти два вида оберегов подчеркнуты рядами мелких круглых ямок астральной символики³⁰. Знаки-обереги в виде волнистой линии имеются и на щитках украшений с рядом мелких солярных знаков³¹. На фигурках тотемных животных можно встретить знаки астральных светил в виде малого кружка с точкой в центре³². На керамике веши доминируют обереги времени лепной керамики в виде ряда наклонных штрихов, реже ряда мелких треугольников.

Система оберегов Северного Приуралья

Являясь местом проживания современных финно-язычных народов — коми, зырян, удмуртов и пермяков, — эта территория в археологическом плане подразделяется на ряд родственных культур, имеющих много общего в составе апотропеев. С этой точки зрения интерес представляет находка роговой пластины с астральными знаками в виде кружков с точкой в центре. Знаки расположены по краям пластины в порядке креста, состоящего из пяти кружков в его середине, т. е. по системе одной из ипостасей первого из светил³³. Вторая пластина ножевидной формы имеет по краям начертание ломаной линии, околнуренной единожды с внешнего края и трижды со стороны середины³⁴. Третий образец представлен костяным двухсторонним гребнем с двухрядным начертанием линий штрихованных треугольников, направленных вершинами в промежутки противоположного ряда³⁵. На обломке второго гребня — знак в виде прямого креста с развилками на двух его концах³⁶. Восемь подобных знаков, едва ли являющихся оберегами, имеются на восьмикостяных изделиях³⁷. По краям еще одной роговой пластины³⁸ обозначены ряды равнобедренных треугольников, обращенных вершинами в сторону ромбов, расположенных на середине пластины. В число упомянутых входят и две копоушки, покрытые мелкими кружочками астральных знаков, с треугольным отверстием на конце ручки, являющимися начертанием символа неба.

На округлодонных лепных сосудах родановской культуры по венчику нанесен ряд круглых ямок, являющихся основным оберегом содержимого, нередко охраняемого оберегами в виде отпечатков шнура, ниже которых следует ломаная линия³⁹.

Вежевой материал родственной ломоватовской культуры⁴⁰ включает шумящие подвески, лепные сосуды с горизонтальными отпечатками шнура, линиями ямок и насечек по краю венчика⁴¹. Среди последних большой интерес представляют два костяных гребня, на большем из которых наблюдаются две полоски сомкнутых рядов штрихованных треугольников. На меньшем образце располагается ряд групп штрихов с переменным наклоном (Рис. 1,5)⁴². На тех же памятниках обнаружена и рукоять копоушки, по краям которой располагаются ряды штрихованных треугольников, обращенных вершинами навстречу друг другу⁴³. Второй подобный предмет, той же культурной принадлежности, удивляет частотой встречаемости таких оберегов⁴⁴. Северная часть Приуралья выделяется относительной малочисленностью шумящих украшений, среди которых преобладают изделия с солярной семантикой в виде одного-трех и более круглых мелких кружков на одном щитке⁴⁵. Реже встречаются изделия со щитком в виде двуглавого коня⁴⁶.

Среди находок и памятников чепецкой и помолоской культур прежде всего обращают на себя внимание два предмета: копоушка с рядом ломаных линий на краях и костяная пластина с двумя рядами групп штрихов переменного наклона⁴⁷. Из числа этих объектов бросается в глаза гребень с начертанием трех полос,

две из которых представлены одинарными рядами штрихованных треугольников, третья — околнуренной ломаной линией⁴⁸. Лепные сосуды имеют уплощенное дно, на краях их венчиков располагаются ряды наклонных насечек. Древности зауральской вымской культуры представлены горшком с линейными и волнистыми начертаниями. Подобный вид оберега располагается у основания щитка шумящей подвески с фигуркой тотема⁴⁹. В целом северная часть региона характеризуется большим числом роговых изделий гигиенического назначения.

Система средневековых оберегов Среднего Поволжья и Приуралья

Регион выделяется из окружения широким распространением шумящих подвесок. На основании изучения состава апотропеев финно-язычных средневековых племен региона мери, мещеры, муромы, мордвы и марийцев выяснилось, что важной деталью женского убора этого региона является круглая нагрудная бляха с двумя-тремя рядами круглых выпуклин по краю и наличием малой створки в середине, предназначенной для своевременного выпуска души. Вокруг створки на равном расстоянии от центра диска располагаются шесть треугольных отверстий, направленных вершинами углов по радиусу во внешнюю сторону (Рис. 1,8). Между треугольниками располагаются шесть выпуклых бляшек, означающих малые солярные знаки. В отдельных экземплярах блях наблюдаются различия. Нередко бляху заменяет крупная сольгама⁵⁰. Разнообразие и обилие шумящих подвесок, порой полностью покрывающих женские фигуры, по занимаемому положению на теле можно разделить на три категории. К первой категории относятся одинарные и двойные подвески, соединенные со щитком с двумя-тремя круглыми солярными знаками меньших размеров. Ко второй категории оберегов относятся тройные подвески, также связанные кольчатыми звеньями со щитком, состоящим из двух-трех солярных знаков, созданных путем скручивания проволоки по спирали⁵¹. Среди мерянских образцов следует выделить изделия с плоским щитком прямоугольной формы и округлым верхом, солярный знак на котором представлен косым крестом. Характерными для племени мери также являются плоские щитки треугольной формы с вертикальной стойкой в середине, означающей ствол дерева жизни. Нередко от стойки в стороны под углом, направленным вниз, отходят по одной ветви. В некоторых случаях дерево жизни вписано в фигуру треугольника — сакрального знака неба. К подвескам той же категории с малым количеством шумящих элементов следует отнести изделия с объемной фигуркой тотемного животного и с рельефом волнистой линии в его основании⁵². К третьей категории относятся изделия с четырьмя и более подвесками, щитки которых представляют собой пирамидки в виде треугольников, составленных из уменьшающихся сверху рядов солярных знаков⁵³. Другой разновидностью щитков третьей группы являются вытянутые фигуры животных с головой лошади и восемью подвесками⁵⁴. Иногда ряд

бубенцов прикреплялся к браслету с оберегами в виде прямых и волнистых линий⁵⁵. Знаки в виде треугольных фигур, направленных вершинами навстречу друг другу, составленных из убывающих по числу рядов круглых ямок, наблюдаются на льячке для разлива металла⁵⁶. Два ряда из трех знаков, составленных из четырех ямок с очертаниями ромбов, располагаются на рукояти другой льячки⁵⁷. Посуда меры несет на себе следы лепной техники с нанесением рядов наклонных штрихов.

Шумящие украшения муромы, мордвы и маришцев выделяются крупными прямоугольными или круглыми щитками, на которых наблюдаются все указанные выше знаки оберегов⁵⁸. Среди указанных особое место занимают изделия мещеры с трехчленными щитками с более высокой средней частью, с треугольной или округлой формой верха, в котором располагается вертикаль древа жизни с круглым солярным знаком наверху. Боковые стороны щитка, напоминающего горки, содержат древа жизни меньших размеров⁵⁹.

Апотропей средневекового Зауралья

В материальной культуре региона Зауралья с оленеводческим населением предков хантов и манси наиболее полно представлена лепная округлодонная керамика. Находки бронзовых шумящих украшений в этой части региона редки, а керамика представлена сосудами молчановского типа с характерной системой оберегов, расположенных, начиная от устья, косыми насечками по краю венчика. Затем следуют несколько рядов круговых отпечатков шнура, ниже которых располагается ряд равносторонних треугольников, обращенных вершинами вниз и составленных из отпечатков одинарного квадратного штампа, расположенных в последовательности 6:5:4:3:2:1. Другие находки представлены костяной пластикой фигурок тотемов в виде двухголовых лошадок⁶⁰. Занимающие пространство рек Тобола и Исети памятники юдинской культуры представлены лепными круглодонными сосудами, на венчиках которых наблюдаются косые отпечатки гребенки. Ниже проходят ряды наклонных штрихов, затем ряд ломаной линии и ряды наклонных параллелепипедов, нанесенных мелкой гребенкой⁶¹. Среди последних большой интерес вызывает глиняная плакетка с двумя отверстиями и рядами волнистых линий, чередующихся с прямыми⁶². Интересны металлическая бусина с оберегами в виде двойных кружков и точкой в центре, а также малый диск с восемью подобными знаками, расположенными по краю, и одним из них в центре. По краю диска располагаются полукружья, обращенные вогнутой стороной к краям диска⁶³. Кроме названных предметов, была обнаружена подвеска с восемью бубенцами и четырьмя группами солярных знаков по три группы круглых оберегов в группе⁶⁴. Таким образом, среди северной группы памятников Зауралья обнаружены обереги, широко распространенные и на памятниках западной стороны Уральских гор. К кругу памятников среднего Зауралья следует отнести памятники

макушенского типа, представленные лепными округлодонными сосудами с поясом из отпечатков шнура или с рядами наклонных отпечатков, расположенных ниже уровня венчика, под которым располагается ряд двойных полукружий в виде заходящего солнца. Нередко пояс из отпечатков шнура заменяют четыре ряда солярных знаков в виде двойных кружков⁶⁵. Значительный интерес представляют две бусины с одинарной и двойной ломанымй линиями, находящимися в противофазах волны⁶⁶. Характерной особенностью керамики макушинского типа является превалирование солярных знаков над другими видами оберегов.

К культурам Среднего Зауралья относятся памятники горного Урала петрогромского типа, бакальской культуры и лесостепного района среднего течения р. Исети. Обереги на петрогромской керамике характеризуются широким распространением отпечатков шнура, с помощью которого нередко наносится ломаная линия и ряды ромбовидных фигур, являющихся следствием взаимных наложений в противофазе отпечатков двух ломаных линий. Широкое распространение имеет косая решетка и отпечатки гребенки, нанесенные в виде двойной прерывистой ломаной линии. Редким оберегом являются ряды полулунчатых отпечатков⁶⁷. Состав археологического материала из памятников бакальской культуры бассейна среднего течения р. Тобола довольно резко выделяется несоответствием архаичного облика керамических сосудов характеру системы оберегов и развитыми формами изделий из цветного и черного металла. Лепные сосуды нередко имеют косые насечки по краю венчиков, ниже которых проходит ряд круглых ямок, или же вместо них располагается ряд «жемчужин», действие которых в ряде случаев усилено близкорасположенным ниже рельефным валиком. Иногда выше ряда круглых ямок располагаются два ряда отпечатков гребенки с противоположным наклоном, образующих рисунок типа «елочки». Последний заменяет полоса ромбической решетки⁶⁸.

В обширном пространстве бассейна Нижнего Иртыша памятники потчевашской культуры сравнительно богаты археологическими находками, среди которых значительный интерес вызывает костяная пластина овально-заостренной формы с отверстиями на краях и полностью покрытая астральными знаками в виде кружков с точкой в центре⁶⁹. К числу мелких предметов относятся и восемь пряслиц с солярными знаками, первый из которых представлен кругом с отверстием в центре и ломаной линией с внешней стороны, образующей корону из одиннадцати треугольных зубцов⁷⁰. На втором образце солярный символ представлен шестью радиально направленными рядами штрихов, на третьем — радиально направленные штрихи, группируясь парами, образуют фигуру креста с расходящимися концами. По краю диска проходит ряд мелких ямок⁷¹. На четвертом штрихи нанесены в виде знака прямого равноконечного креста в обрамлении косых насечек, в пятом и шестом образцах⁷² внимание привлекают на-

чертания с пятью радиальными рядами поперечных штрихов⁷³. Памятники потчевашской культуры исключительно богаты изображениями тотемов, содержание которых в рамках данной работы не рассматривается.

Керамика потчевашской культуры выделяется относительным богатством «орнаментации». По краю венчика одного из сосудов с высокой шейкой с помощью различного рода штампов была нанесена косая насечка, ниже которой проходит ряд круглых ямок или «жемчужин»⁷⁴. В ряде случаев по ямкам или перед созданием «жемчужин» наносится ряд наклонных оттисков гребенки. Этим же орудием наносились горизонтальные линии, их ряды с поочередным отступом в одном направлении, одинарные и двойные ломаные линии с разрывами в углах⁷⁵. Нередки случаи применения квадратных штампов для рядного или углового расположения отпечатков. Для последних случаев использовался и трехгранный штамп⁷⁶, позволявший создать изображения треугольников, состоящих из убывающих по одному ряду оттисков штампа. За северными пределами Южного Зауралья в эпоху бронзового века возникла яркая историко-культурная общность со схожей системой оберегов, находящаяся уже за пределами рассматриваемых региональных рамок.

Заключение

Трудности в изучении столь специфических объектов, как обереги, не существующих вне их материальных носителей, значительно усугубляются общепринятым мнением, не имеющим, однако, должного основания так полагать только из-за внешнего сходства знаковой системы оберегов с орнаментом. Это заблуждение возникло из-за внешнего сходства рядного, ритмизированного расположения однотипных изобразительных элементов оберегов с орнаментом, выполняющим только эстетические функции. Решение проблемы этих различий видится в комплексном изучении различных категорий носителей орнаментовидных изображений с выделением характерных признаков оберегов в широких территориальных рамках, в ретроспективной последовательности, с учетом синкретизма мышления людей, возрастающего по мере углубления в древность.

К первой категории находок с апотропеями следует отнести керамику, исходный материал которой обеспечивал легкость нанесения изображений разными способами. Кроме того, форма сосудов в виде тела вращения обуславливала круговое ярусное ритмическое расположение оберегов с образованием в приустевой части сосудов особых зон, указывающих на охранительные функции начертаний. Уже при рассмотрении сверху вниз структуры орнаментовидных начертаний на сосудах бросается в глаза устойчивый набор поясов из однотипных знаков, встречаемых на керамике разной культурной принадлежности. Мало того, в зонах наблюдаются однотипные комбинации поясов со знаками определенного типа. Так, на краях венчиков сосудов можно

нередко видеть косые или прямые насечки или защипы. Несколько рядов наклонных штрихов образуют второй пояс, по которому следует ряд круглых ямок или «жемчужин», являющихся теми же ямками, нанесенными изнутри. Еще ниже проходит пояс из круговых отпечатков шнура, прочерченных или нанесенных гребенкой линий. Далее обычно следует одинарная или многорядная ломаная линия, производными которой являются ряды треугольников или ромбов. Если же рассматривать верхнюю зону в целом, то верхней своей частью она закрывает духам подступы к устью сосуда. Нижняя зона, представленная рядами штрихованных треугольников или ломаных линий, не позволяла подступиться к днищу духам земли.

Особую группу составляют обереги линейно-волнистого типа, являющиеся адаптированными к условиям круговой керамики вариантом оберегов в виде прямой и ломаной линии.

Вторая категория оберегов на изделиях из цветного металла уже сама по себе из-за своей функции производить шум является характерным апотропеем преимущественно поволжских финнов. Мало того, для усиления действенности на щитках для подвешивания звенящих элементов были размещены обереги линейно-волнистых начертаний или круглые солярные знаки. Реже в составе щитков можно встретить треугольные фигуры с символическим изображением древа жизни. Сакральные треугольники наблюдаются на крупных бляхах — солярных знаках, где от створки для выхода души из тела радиально располагаются шесть отверстий в виде равносторонних треугольников. Третью группу составляют обереги на орудиях труда и вооружения, к которым относятся два описанных выше железных топора с оберегами в виде ряда равносторонних треугольников на лезвиях топоров. К последним можно отнести более ранние по времени кельты с оберегами в виде ломаной линии или штрихованных треугольников⁷⁷. Линейно-волнистый оберег охраняет пружинный замок, а костяные копоушки и гребни находят защиту в знаках в виде рядов штрихованных треугольников.

Итак, на обширном пространстве Восточной Европы и Зауралья на ряде категорий находок различных эпох обнаружена система знаков — оберегов, время появления которых уходит в глубь эпох и которые встречаются на территориях, удаленных друг от друга на тысячи километров. Системы оберегов представляют собой пояса, состоящие из рядов ритмически повторяемых геометрических однотипных сакральных изображений, обращенных к сверхъестественным силам за помощью и защитой. В развитом виде, на керамике, пояса оберегов с различной символикой группируются в зонах устья и дна сосуда. Рядно-поясная структура ритмически повторяемых геометрических изображений придает системе оберегов вид полосы орнамента, однако отличающейся от узоров составом, видом, назначением и содержанием от знаковой системы оберегов.

- ¹ Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987. — С. 402.
- ² Митлянская Т. Б. Сельскому учителю о народных промыслах Сибири и Дальнего Востока. — М., 1983. — Рис. 119, 120.
- ³ Там же. — Рис. 121.
- ⁴ Там же. — Рис. 125.
- ⁵ Там же. — Рис. 122, 123.
- ⁶ Там же. — Рис. 27, 28.
- ⁷ Там же. — Рис. 131-135.
- ⁸ Бронзовый век степной полосы урало-иртышского междуречья. — М., 1983. — С. 134-166.
- ⁹ Чернов С. З. Округа Москвы в XIII-XVI вв. // Природа, — № 4. — С. 70.
- ¹⁰ Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — С. 424. — Табл. CV, поз. 3, 9.
- ¹¹ Там же. — С. 426. — Табл. CVII, поз. 20, 34.
- ¹² Там же. — С. 427. — Табл. CVIII, поз. 11.
- ¹³ Там же. — Поз. 19.
- ¹⁴ Там же. — С. 431. — Табл. CXII, поз. 3, 12, 14.
- ¹⁵ Там же. — С. 435. — Табл. CXVI, поз. 15, 18, 20, 23, 21.
- ¹⁶ Там же. — Табл. CXXI, поз. 12, 16, 19.
- ¹⁷ Там же. — С. 443. — Табл. CXXIV, поз. 20.
- ¹⁸ Там же. — Табл. CXXVI, поз. 16, 18.
- ¹⁹ Там же. — С. 50. — Табл. CXXXI, поз. 12.
- ²⁰ Там же. — С. 453. — Табл. CXXXIV, поз. 4, 30.
- ²¹ Там же. — С. 251. — Табл. III, поз. 20.
- ²² Там же. — С. 253. — Табл. V, поз. 20.
- ²³ Там же. — С. 255. — Табл. VII, поз. 24, 27.
- ²⁴ Там же. — Поз. 11.
- ²⁵ Там же. — С. 257. — Табл. IX, поз. 32.
- ²⁶ Там же. — С. 263. — Табл. XV, поз. 7.
- ²⁷ Там же. — Поз. 4.
- ²⁸ Там же. — С. 258. — Табл. X, поз. 11, 13, 14, 17, 18.
- ²⁹ Там же. — Поз. 7, 9, 12.
- ³⁰ Там же. — Поз. 28.
- ³¹ Там же. — Поз. 8.
- ³² Там же. — Поз. 25.
- ³³ Там же. — С. 314. — Табл. LXVI, поз. 10.
- ³⁴ Там же. — Поз. 17.
- ³⁵ Там же. — Поз. 20.
- ³⁶ Там же. — Поз. 31.
- ³⁷ Там же. — Поз. 32-40.
- ³⁸ Там же. — С. 313. — Табл. LXV, поз. 19.
- ³⁹ Там же. — Поз. 23.
- ⁴⁰ Там же. — С. 312. — Табл. LXIV.
- ⁴¹ Там же. — Поз. 6, 7, 10, 11, 43, 44.
- ⁴² Там же. — Поз. 21.
- ⁴³ Там же. — Поз. 36.
- ⁴⁴ Там же. — С. 310. — Табл. LXXV, поз. 19.
- ⁴⁵ Там же. — Поз. 6, 7, 11.
- ⁴⁶ Там же. — Поз. 11.
- ⁴⁷ Там же. — С. 310. — Табл. LXII, поз. 9, 11.
- ⁴⁸ Там же. — С. 308. — Табл. LX, поз. 34.
- ⁴⁹ Там же. — С. 306. — Табл. LVIII, поз. 2, 8.
- ⁵⁰ Там же. — С. 282. — Табл. XXXIV, поз. 1, 12.
- ⁵¹ Там же. — С. 277. — Табл. XXXIX, поз. 11, 22.
- ⁵² Там же. — Поз. 5, 6, 10, 20, 25.
- ⁵³ Там же. — Поз. 1, 18.
- ⁵⁴ Там же. — Поз. 8.
- ⁵⁵ Там же. — Поз. 13.
- ⁵⁶ Там же. — С. 279. — Табл. XXXI, поз. 20.
- ⁵⁷ Там же. — С. 278. — Табл. XXX, поз. 13.
- ⁵⁸ Там же. — С. 282-284, 295, 299. — Табл. XXXIV-XXXVI, XLVI, XLVII.
- ⁵⁹ Там же. — С. 286. — Табл. XXXVIII, поз. 1, 2, 3, 7, 8.
- ⁶⁰ Там же. — С. 316. — Табл. LXXVIII, поз. 19-25.
- ⁶¹ Там же. — С. 318. — Табл. LXX, поз. 27, 29-35.
- ⁶² Там же. — Поз. 28.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. — С. 319. — Табл. LXXI, поз. 27.
- ⁶⁵ Там же. — С. 320. — Табл. LXII, поз. 12, 17, 19 и 21.
- ⁶⁶ Там же. — Поз. 13, 18.
- ⁶⁷ Там же. — С. 321. — Табл. LXXIII, поз. 21, 23, 24, 25.
- ⁶⁸ Там же. — С. 323. — Табл. LXXV, 1-4, 9, 10.
- ⁶⁹ Там же. — С. 325. — Табл. LXXVII, поз. 52.
- ⁷⁰ Там же. — Поз. 61.
- ⁷¹ Там же. — Поз. 52, 57.
- ⁷² Там же. — Поз. 56, 62.
- ⁷³ Там же. — Поз. 64.
- ⁷⁴ Там же. — 1. С. 327. — Табл. LXXIX, поз. 1-15.
- ⁷⁵ Там же. — Поз. 12, 13.
- ⁷⁶ Там же. — Поз. 4, 15, 9.
- ⁷⁷ Древнеудмурдский могильник Мыдлань-шай. — Ижевск, 1962. — Т. I. — Вып. 3. — С. 25. — Рис. 2.

В. Г. Ивакин (Киев)

ХРИСТИАНСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО КИЕВА

Погребальные памятники Киева X—XIII вв. являются одним из важнейших источников по изучению этнокультурных, социальных, демографических процессов в древнерусском государстве. Эта специфическая категория древностей до сих пор не становилась объектом общего специального исследования, а рассматривалась поверхностно в более широком археологическом и историческом контекстах. Исходя из этого, актуальность изучения этих памятников обусловлена необходимостью максимального определения их топографии.

Топографические границы объектов исследования определяются общепринятой на сегодня схемой городской системы Киева IX—XIII вв. Это территории

Верхнего города, Подола, Копиревого конца, Щекавицы, Детинки и разных центров древнекиевской околицы, в первую очередь, монастырей — Печерского, Кловского, Выдубицкого и других¹.

Всего на сегодня на территории древнерусского Киева археологически зафиксировано около тысячи христианских погребальных памятников. Мы попытались поделить их на три категории: погребальные памятники прихрамовых могильников, отдельные погребения в границах города и захоронения жертв монгольского нашествия.

1. Подавляющее большинство погребений можно объединить в тридцать два некрополя. Из них двад-

цать (62 %) относятся к киевским храмовым комплексам (Десятинная церковь, св. София, Михайловский собор, Янчин монастырь, Федоровский монастырь, Георгиевская и Ирининская церкви, Спасская церковь, храм св. Михаила, Кирилловский монастырь, храм на ул. Юрковской 3, церковь Успения Богородицы Пирогощи, деревянный храм на ул. Межигорской 3/7, церковь на Вознесенском спуске 22, церковь на углу Вознесенского спуска и Кияновского переулка, храм на Кияновском переулке 4-8, Успенский собор, Кловский монастырь, Выдубецкий монастырь, храм Спаса на Берестове). Необходимо отметить, что археологически лучше сохранились могильники тех церквей, которые прекратили свое существование после 1240 г. Древнерусские погребения при храмах, действовавших в XV–XVIII вв., как правило, уничтожались более поздними захоронениями.

Таким образом, мы можем утверждать, что имеет место наследование византийской традиции формирования некрополей возле городских церквей. Можно провести историческую параллель между городами Византии VII–VIII вв. и Киевом X–XII вв. начиная с начала VII в. В византийских городах, вследствие демографического взрыва и массового наплыва населения, наблюдается значительное расширение городской территории. Древние некрополи оказываются в границах нового города. Если раньше захоронения горожан были сосредоточены в одном месте — внегородском некрополе, то теперь в городах появляются могильники, в том числе и возле церквей, и масса индивидуальных могил². Похожая ситуация складывается и в Киеве времен Владимира Великого и его сына Ярослава. На сегодня мы располагаем следующей статистической информацией о погребальных памятниках разных районов средневекового Киева: Верхний город — десять могильников [321 погребальный комплекс (45 %)]; Подол — одиннадцать могильников [164 погребальных комплекса (23 %)]; Копырев конец — три могильника [60 погребальных комплексов (8 %)]; Щекавица — один могильник [(111 погребальных комплексов (16 %))]. Еще семь могильников [(48 погребальных комплексов (8%))] находятся на окраинах города. Анализируя имеющиеся у нас данные, можно сделать определенные выводы по поводу демографической ситуации в разных районах Киева, плотности их заселения. При этом необходимо помнить о том, что статистика базируется на информации, которой мы располагаем на сегодняшний день. Возможно, что дальнейшие археологические исследования ее изменят.

2. Погребения, совершенные вне городских могильников. Таких памятников насчитывается менее, чем 1 %. Из них половина — детские погребения. Они не являются типичными для древнерусского Киева, и находятся на территории городских усадеб, под полом жилищ, под печью и т. д. Необходимо отметить, что в этих памятниках четко прослеживается наличие определенного погребального обряда, т. е. их криминальное происхождение исключается. Скорее всего, большинство из них принадлежит людям, которые по тем или иным

причинам не могли быть похоронены на христианском кладбище (язычники, самоубийцы и т. д.). Примером может являться погребение кочевника, открытое на ул. Владимирской 8.

Некоторые из этих погребений, в частности детские, можно интерпретировать как «закладные». Традиция оставления «закладных» покойников на Руси имела древние корни. Связана она была с остатками хтонических культов поклонения предкам и умершим. После принятия христианства на Руси эта традиция видоизменяется. Как правило, «закладными» становились некрещенные люди, которых было невозможно похоронить согласно православному обряду. Таких покойников иногда хоронили по древнему языческому обряду под порогом, под печкою или во дворе, на территории усадьбы³. Ребенок, умерший до обряда крещения, и, таким образом, не вошедший в лоно православной веры, оставался для родственников представителем языческого мира. Именно такие люди, согласно славянским мифологическим представлениям, после смерти становились домовыми, соседками, клетниками, овиинниками и другой «домашней» нечистой силой⁴.

3. Третью группу составляют погребения, которые датируются 1240 г. и являются свидетельством трагических событий захвата Киева Батыем. В декабре 1240 г. после длительной осады монгольские войска прорвали укрепления «города Ярослава» в районе Лядских ворот и ворвались в город. Защитники отошли в город Владимира и сделали попытку закрепиться на оборонных валах детинца. Когда враг прорвал и эту линию обороны, остатки киевлян закрылись в Десятинной церкви. Под тяжестью большого количества людей, а может и под ударами осаждавших, храм развалился, похоронив последних защитников города.

Устрашающие свидетельства трагедии 1240 г. открываются на протяжении всей истории археологического изучения древнерусского Киева. Впервые «братские» могилы были найдены И. Хойновским на Трехсвятительской улице. В них находились тысячи людских скелетов⁵. Возможно, продолжение этой могилы было открыто Д. Милеевым на углу улиц Владимирской и Трехсвятительской⁶. В. Хвойко в 1907 г. за апсидами Десятинной церкви раскопал ров, в котором лежали погребенные разного возраста со следами насильственной смерти⁷. На территории Михайловского Золотоверхого монастыря М. Каргер нашел скелет ребенка, который погиб в результате пожара. На ул. Большой Житомирской 4 в жилище первой половины XIII в. были найдены скелеты двух подростков, которые спрятались в печке и задохнулись. В соседнем жилище тоже открыты останки последних защитников города. М. Каргер подробно описал тайник-колодезь под развалинами Десятинной церкви. Тут спрятались последние уцелевшие защитники Киева и старались пробить подземный ход по направлению склонов Старокиевской горы. Но когда стены Десятинной церкви завалились, то засыпали и укрытие вместе с людьми⁸. Во время археологических исследований на ул. Десятинной 2,

С. Килиевич в сгоревшем жилище нашла десять бессистемно разбросанных скелетов⁹. При исследовании «усадьбы ювелира» на ул. Владимирской 8, в сгоревших жилищах найдено несколько человеческих скелетов. И. Мовчан и В. Гончар считают, что усадьба погибла во время штурма 1240 г.¹⁰ Мы не можем отнести вышеупомянутые находки к числу погребальных памятников, они являются следствием боевых действий и не имеют отношения к древнерусской обрядной погребальной практике, но фиксация «могил» жертв 1240 г. необходима.

Количество открытых древнерусских погребальных памятников не является окончательным. Исследованиям сильно мешает высокая плотность современной городской застройки — много объектов остается под

фундаментами домов. Этим можно пояснить отсутствие обнаруженных храмов возле некоторых кладбищ. Большое количество погребений утрачено из-за некомпетентности или открытого противодействия строительных компаний, которые в последние годы занимают застройкой Киева.

Характерной особенностью спасательной археологии является то, что нередко археолог успевает только зафиксировать масштабы потерь, нанесенных во время строительных работ. Несмотря на определенные проблемы, систематическое археологическое изучение средневекового Киева последних десятилетий в комплексе с изучением письменных источников дает возможность по-новому взглянуть на историческую топографию киевских погребальных памятников.

¹ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. — Київ, 1970. — С. 82–129.

² Культура Византии второй половины VII-II в. — М., 1989. — С. 575–576.

³ Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. — Киев, 1982. — С. 98.

⁴ Сергеева М. С., Ивакин В. Г., Шевченко Д. А. К вопросу о погребениях, исследованных на усадьбах Киевского Подола // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Одесса-Омск, 2007. — С. 247–250.

⁵ Хойновский И. А. Раскопки великокняжеского двора Киева. — Киев, 1893. — С. 16–17.

⁶ Каргер М. К. Киев и монгольское завоевание // Советская

археология. — М.-Л., 1949. — XI. — С. 65–6.

⁷ Хвойко В. В. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура. — Киев, 1913. — С. 79.

⁸ Каргер М. К. Указ. соч. — С. 90.

⁹ Килиевич С. Р. Отчет о раскопках Старокиевского отр. (ул. Десятинная № 2) в 1973 г. // Науковий архів ІА НАНУ — Ф. е. 1973/226. — С. 6–8.

¹⁰ Мовчан І. І., Боровський Я. Є., Гончар В. М., Писаренко Ю. Г., Архипова Є. І. Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції Інституту археології НАН України на вул. Володимирівській 8 м. Києві у 1999 р. // Науковий архів ІА НАНУ — Ф. е. 1999/23 — С. 4–22.

В. Г. Пуцко (Калуга)

ИКОНЫ РУССКИХ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ СЕМЕЙ XV-XVI ВЕКОВ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ

На сегодняшний день, пожалуй, единственным местом, где сохранились семейные реликвии русской знати XV-XVI вв., является Троице-Сергиева лавра, и, прежде всего, ее богатая ризница, без которой нельзя получить представление о сакральном искусстве средневековой Руси. Из того, что некогда находилось в прославленной обители, уцелело многое, но, к сожалению, не все. Потери были неизбежными. Болезненным оказалось изъятие лучших икон в 1930 г., вследствие чего они теперь оторваны от основного собрания¹. Однако об их исторической связи именно с Троице-Сергиевым монастырем не следует забывать. Известно, что «древнерусские монастыри представлялись современникам своеобразными хранилищами национальных художественных ценностей, переходивших от дедов и прадедов, и поэтому сюда вкладывали те или иные произведения иногда ради их древности или связанных с ними исторических преданий, желая сохранить их для далеких потомков, оговаривая, что, например, икона дана в монастырь „для древнего письма“, что ту или иную вещь „не отдати никому“»². Речь идет и о тех иконах, которые подносились монастырю в дар как семейные реликвии или

привозились на крышке гроба погребаемых в монастыре. Древнейшие из этих произведений, оказавшихся в Троице-Сергиевом монастыре, принято относить к XVI в.³

Об иконах, вложенных в данный монастырь представителями известных русских родов, писали только отдельные исследователи, обращавшиеся к изучению монастырского фонда иконописных произведений в целом. Одним из них был Ю. А. Олсуфьев, составленная которым опись икон, чрезвычайно обстоятельная и сопровождающаяся именным указателем с подробными биографическими справками, сохраняет свою научную ценность до настоящего времени⁴. К сожалению, издание без иллюстраций. Реставрационное раскрытие икон тогда только начиналось. В лучшем положении оказалась Т. В. Николаева, которой пришлось большую часть икон видеть уже освобожденной от потемневшей олифы и поздних записей; кроме того, она могла учесть результаты новых генеалогических разысканий, а также дополнительного просмотра монастырской документации⁵. Позже были учтены в специальной литературе и новейшие раскрытия⁶. Предметом особого внимания были надписи на иконах лаврского собрания⁷. Действи-

тельно, их историческое значение трудно переоценить.

При обращении к изучению икон, поступивших в Троице-Сергиев монастырь из русских аристократических семей, возникает вопрос: что именно надо считать определяющим, время ли выполнения конкретного произведения или время его появления в обители? То и другое одинаково существенны, и хронологический период между обеими датами документирует продолжительность нахождения каждой иконы в собственности представителей рода, семьи. Но время написания икон определяется иконографическими и стилистическими признаками живописи, а также украшающего произведения ювелирного оклада, который иногда оказывается изготовленным позже, причем, намного. И поскольку шкала датировок с течением времени претерпевала изменения, определения Ю. А. Олсуфьева и Т. В. Николаевой не могут считаться неизблемыми. Особенно это относится к иконам, выполненным в архаизирующей манере, обычно присущей спискам с более ранних оригиналов, не всегда адекватно воспринятых мастерами позднейшего времени. В этом сказывается объективная закономерность, прослеживаемая, надо заметить, и в греческой иконописи.

Почти каждая из икон заслуживает монографического изучения, но лишь немногим из них посвящены специальные статьи — обычно наиболее примечательным либо вызывающим неоднозначные определения. В данном случае, полагаясь в значительной мере на результаты проведенных исследований, предстоит выяснить общий характер и наиболее существенные художественные особенности икон, принадлежавших русской аристократии XV-XVI вв. Благодаря этому можно получить не только представление об эстетических вкусах элиты тогдашнего общества, но и объективные данные о путях формирования художественного стиля, тесно связанного с политическим и культурным центром государства.

Широко известна в литературе икона Богоматери Одигитрии, украшенная византийским серебряным окладом конца XIII — начала XIV вв., с чеканными фигурами Константина Акрополита и его жены Марии Комниной Торникини Акрополитисы, прежде находившаяся в Троицком соборе (по Описи 1642 г. — на стене за правым клиросом)⁸. Вкладчик по письменным источникам неизвестен. Судя по характеру и ценности оклада, он мог принадлежать только к великокняжеской семье. Живопись иконы русская, причем, тесно сближаемая с произведениями Дионисия, который и мог ее выполнить после пожара 1482 г., когда реставрировал и обгоревшую византийскую икону Богоматери Одигитрии из собора Вознесенского монастыря в Москве⁹. Не явилась ли икона в серебряном окладе вкладом в Троице-Сергиев монастырь великой княгини Софьи Палеолог, в 1499 г. вложившей туда же шитую пелену от имени также Ивана III и их сына — великого князя Василия III? На нижней кайме этой пелены, как известно, вышита серебром историческая надпись¹⁰. На иконе такой надписи нет, и поэтому высказанное здесь предполо-

жение может претендовать лишь на роль гипотезы, несмотря на отсутствие альтернативного суждения.

Особое внимание исследователей привлекла другая икона Богоматери Одигитрии, от которой, по выражению Ю. А. Олсуфьева, «веет византийской придворностью»¹¹. В. И. Антонова, трактовавшая эту икону как поздний уменьшенный список древнего образа Богоматери Смоленской и родовую смоленского рода Мамоновых, выполненную до середины XIV в., обратила внимание на надпись оборота доски: «Ивана Мамонова». Это был посол великого князя московского Ивана III в Литве, а позже — в Крыму, где и умер 19 июня 1516 г.¹² В. Н. Лазарев высказался в пользу московского происхождения произведения, что было принято и составителями каталога Третьяковской галереи, датирующими икону концом XIV либо первой половиной XV вв., не отрицая присутствие в стиле греко-балканских черт¹³. Однако при этом не было обращено внимание на ближайшее стилистическое сходство с иконой Покрова из Зверина монастыря, датируемой около 1399 г.¹⁴ Миграция икон и мастеров, особенно в XV в. в условиях Московского государства, позволяет понять более необычные явления, чем появление упомянутой иконы в стенах Троице-Сергиева монастыря после 1516 г.

На рубеже XIV-XV вв., когда были выполнены наиболее ранние из рассматриваемых здесь произведений, особо популярными являлись списки Владимирской и Донской икон Богоматери¹⁵. Это вполне подтверждают и произведения, сохранившиеся в Троице-Сергиевом монастыре. В частности, образ Богоматери Донской представлен на двух иконах указанного времени, выполненных на высоком профессиональном уровне и украшенных серебряными окладами «на чеканное дело» с камнями¹⁶. Одна из этих икон вложена, по данным отписных ризных книг 1575 г., Василием Обедовым из рода полулегендарного косоожского князя Редечи, убитого князем Мстиславом Владимировичем Тмутараканским в 1022 г. Богоматерь Владимирская встречается в ряде списков XV-XVI вв.¹⁷ Среди них наиболее примечательна икона, вложенная Михаилом Васильевичем Образцовым, сыном боярина Ивана III, одного из видных полководцев, датируемая рубежом XIV-XV вв.¹⁸ Живопись византизирующая, виртуозно выполненная. С ней прекрасно сочетается серебряный оклад «басмы на чеканное дело», по рамке которого полуфигурные Деисус и ряд изображений святых внизу, а на вертикальных полосах — кроме погрудных образов апостолов Петра и Павла — фигуры архангелов и святителей в рост; сохранилась и золотая цата с тремя подвесками в форме квадрифолия с камнями и жемчужинами. Оклад иконы вклада боярина Михаила Образцова несомненно московского происхождения¹⁹. Иконы XV в., отражая эволюцию художественного стиля живописи, долго сохраняют традиционный характер декоративного убранства, хотя видоизменение орнаментики все же заметно. Иначе выглядит икона Богоматери Владимирской начала XVI в., вклада Григория Романовича Застолбского, в иночестве Гурия

(до 1514), происходившего от боярина Акинфа, убитого под Переславлем в 1304 г.; по Григорию Романовичу Троицкому монастырю дает вклад Василий III²⁰. Письмо иконы отличается той подчеркнутой рафинированностью, которая характеризует творчество Дионисия и мастеров его круга. Басменный серебряный золоченый оклад с жемчужной обнизью, со сканными венцами, обнаруживает иные узоры, появившиеся под итальянскими и восточными воздействиями. Изображения Богоматери Одиитрии в русской иконописи известны с весьма отдаленного времени, когда, по преданию, был принесен список этого образа из Константинополя²¹. Однако в эпоху Палеологов иконография данного иконографического образа заметно видоизменяется, и как ее производное в московской элитарной иконописи становится известным вариант («перевод»), отличающийся изысканным рисунком и удлинёнными пропорциями. Икону Богоматери Одиитрии в басменном окладе с Троицей, архангелами и избранными святыми на полях, можно считать выполненной для Троице-Сергиева монастыря. Ее первоначально относили к XV в., затем датировка уточнена на середину XV в.²², но позже приведены неоспоримые доказательства принадлежности к концу XV в.²³ С учетом этой и близких к ней по исполнению икон невозможно подобную им, хотя и с признаками иной индивидуальной манеры, вклада княгини Анны Микулинской, считать написанной в конце XIV - начале XV вв.²⁴ На подкладке сохранилась надпись полууставом XV в. «Княгини Анны Микулинской», отождествленной исследователями с дочерью московского боярина Феодора Андреевича Кошки, женой удельного князя Феодора Михайловича Микулинского (сына тверского князя Михаила Александровича), погребенной в Архангельском соборе Микулина городища. При отсутствии иных уточняющих данных и с учетом последнего обстоятельства это отождествление оказывается явно сомнительным, и речь скорее может идти о лице из более позднего поколения. Этому изводу чаще всего следуют московские элитарные иконы последней четверти XV и первой половины XVI вв., принадлежавшие представителям аристократических семей²⁵. Но и в обиходе знатных семей могли находиться иконы посредственного художественного уровня, о чем позволяет говорить произведение конца XV в. вклада княгини Неонилы, привезенное на гробе князя Андрея Александровича Ростовского при его погребении в Троице-Сергиевом монастыре²⁶. Нельзя считать шедевром также икону, вложенную в 1532 г. троицким старцем Феодосием Кучецким, происходившим из семьи вотчинников и до пострижения, вероятно, бывшим стряпчим Василия III²⁷.

Небольшую группу икон, вложенных в Троице-Сергиев монастырь, составляют иконы с изображением Богоматери Петровской, как принято определять этот иконографический образ, связывая его происхождение с именем обосновавшегося в Москве митрополита Петра (1308-1326)²⁸. Между тем, как выясняется, погрудное изображение Богоматери с Младенцем является реп-

ликой византийского иконографического образа, известного по мозаике Кахрие Джами в Константинополе около 1316-1321 гг., и диптиху деспота Фомы Прелюбовича 1382-1384 гг., а также по его полуфигурному варианту — иконе Богоматери Пимеоновской (1380-е)²⁹. Погрудные изображения относятся преимущественно к концу XV — началу XVI вв. Икона, украшенная басменным окладом с серебряными золочеными сканными венчиками со стеклами, в первой четверти XVI в. принадлежала троицкому старцу Сильвестру Ступишину из переяславских вотчинников³⁰.

По всем формальным признакам именно к этому времени надо отнести выполнение иконы и ее оклада, но никак не к началу XV в. Не более ранней оказывается икона Богоматери Петровской, вложенная в 1563 г. по Елизарью Чеботову его матерью вместе с денежным вкладом³¹. Изысканная живопись не позволяет заблуждаться относительно социального положения владельцев этого произведения. Сказанное можно отнести и к иной иконе Богоматери Петровской, украшенной сканью и серебряными золочеными венцами с камнями, привезенной на гробу второй жены князя Даниила Борисовича Приимкова-Ростовского Парасковей (урожденной Сукиной), в иночестве Ираиды, скончавшейся в 1582 г.³²

Встречаются иконы Богоматери и с более редкими иконографическими образами. Одна из них конца XV в. — Богоматерь Умилиение Поддубенская, вложенная в Троице-Сергиев монастырь в 1579 г. Марьей Хлоповой по своему муже Нехорошем Александровиче Хлопове³³. Рафинированностью исполнения и замечательным ювелирным окладом с камнями и жемчужной обнизью обращает на себя внимание икона Богоматери Ярославской, вложенная в 1546 г. княгиней Аграфеной Судской, в иночестве Александрой, вместе с селами Кинобал и Кубаево в Ярославском уезде и двумя деревнями в Радонежском уезде, а также драгоценными предметами и большой суммой денег³⁴. Икона, по-видимому, выполнена около 1500 г., а ее драгоценный оклад относится ко второй четверти XVI в. Роду Беззубцевых — потомкам знаменитого московского боярина Феодора Андреевича Кошки — принадлежала выполненная и украшенная серебряным басменным окладом около 1500 г. икона Богоматери Гребенской³⁵. Стоит сказать и о двух списках иконы Богоматери Тихвинской. Один из них, выполненный не очень искусным иконописцем на рубеже XV-XVI (но никак не на рубеже XIV-XV) вв., в басменном окладе того же времени, вложен по умершем в 1602 г. и погребенном в Троице-Сергиевом монастыре князе Иване Михайловиче Глинском³⁶. Второй — напротив, очень утонченного письма, скорее всего второй четверти XVI в., вложен по погребенной 4 августа 1597 г. в монастыре младенце Ирине Годуновой — дочери царя Бориса Годунова³⁷. Списки получившей известность иконы Богоматери Казанской уже со второй половины XVI в. начинают проникать в домашний обиход русских аристократических семей. Об этом свидетельствует вклад Андрея Львовича

Плещеева (стольника, а затем Терского воеводы) по своей тетке. В соответствии с новыми эстетическими вкусами поля и фон иконы и одежды Богоматери и Христа полностью закрыты окладом³⁸.

Определенные изменения заметны и в выборе сюжета моленной иконы. Икону, вложенную в 1556 г. по Федоре Васильевне Коробове, украшает лик Спаса Еммануила в серебряном золоченом басменном окладе, с признаками изготовления в первой четверти XVI в., когда была написана и сама икона, обычно датируемая XV в.³⁹ В 1572 г. как вклад по княгине Марии Кулузовой, жене царя Симеона Бекбулатовича, до 1575 г. дочери ее привезли обложенный серебром образ Спаса Нерукотворного XVI в.⁴⁰; икону Спаса Нерукотворного конца XVI в. вложила в 1626 г. княгиня Анна Васильевна Трубецкая по своему муже князе Дмитрии Тимофеевиче Трубецком, некогда перешедшим на сторону Тушинского вора, а затем присоединившимся к первому ополчению и участвовавшему в осаде Москвы⁴¹. В 1551 г. княгиня Киликия Ушатая, жена погребенного в Троице-Сергиевом монастыре в 1546 г. князя Ивана Васильевича Третьяка-Ушатого, в иночестве Ионы, дала вкладом обложенный серебром образ преподобной Ксении с житием⁴². В 1544 г. Семен Федорович Киселев, воевода в Новосиля, вложил обложенный серебром с жемчужной обнизью оплечный образ Николы начала XVI в.⁴³ Этот перечень примеров можно продолжить. К сожалению, не на всех иконах сохранились соответствующие надписи с именами владельцев или вкладчиков.

Показательно, что к концу XVI в. снова предпочтением отдается иконам Богоматери Одигитрии. Одна из них была вложена в Троице-Сергиев монастырь на поминовение Федора Даниловича Салтыкова⁴⁴. Другая дана вкладом близким родственником Годуновых Никитой Дмитриевичем Вельяминовым по умершей в 1622 г. дочери Бориса Годунова Ксении, в иночестве

Ольги, — типичное произведение «годуновских писем» в серебряном окладе с жемчужной обнизью, с ренессансным чеканным узором⁴⁵.

Все упомянутые иконы, при всем их кажущемся разнообразии, объединяют общая византийская традиция, эпоха, национальная среда, высокое общественное положение заказчиков, владельцев, вкладчиков. В каждом случае это моленный образ, выполненный на высоком профессиональном уровне и украшенный со всей мыслимой для заказчика роскошью. Понятие же о ней, как можно убедиться, порой оказывалось относительным, а представители аристократических семей не все были одинаково богатыми. Принято считать, что в Троице-Сергиев монастырь вкладывали в основном иконы угасших родов. Для нас эти произведения высокого иконописного искусства, прежде всего, ценны тем, что дают объективное представление о московской иконописи эпохи ее расцвета. Монастырь оказался надежным хранилищем: потери в течение нескольких столетий были минимальными, выразившимися, главным образом, в утрате или перделке отдельных ювелирных окладов. Хотя, скажем, сохранить жемчужную обнизь было не всегда легким делом. Совесть и богобоязненность хранителей только и могли обеспечить эту в целом удивительную сохранность.

Представленные иконы — в сущности живая летопись русских аристократических родов, находившихся на службе у Московской Руси, а потом и у московских царей до самого Смутного времени, того самого, которое провело слишком глубокую борозду по русской истории. Правда, были все же сохранены вековые духовные традиции, но сакральное искусство неудержимо стало подвергаться европеизации. И остановить этот процесс оказались не в силах никакие ревнители старины, вскоре погибшие под колесами прогресса. Византийское наследие стало более призрачным, чем оно было для русской элиты XV-XVI вв., для которой каждая из упомянутых здесь икон была именно моленным образом.

¹ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи (ГТГ). — М., 1963. — Т. I. — № 169, 219, 220, 221, 255; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Древнерусское искусство X — начала XV века. — М., 1995. — Т. I. — № 65, 67, 166.

² Воронин Н. Н. Введение // Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники. — М., 1968. — С. 11.

³ Белоброва О. А. Живопись XVI века // Там же. — С. 74-76.

⁴ Олсуфьев Ю. А. Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. — Сергиев, 1920.

⁵ Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — М., 1977.

⁶ Новосельская Е. Г. Иконы Загорского музея: новые раскрытия и поступления // Древнерусское и народное искусство. Сообщения Загорского музея-заповедника. — М., 1990. — С. 50-74.

⁷ Курбатова А. М. Надписи на произведениях иконописи XIV-XVII вв. // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. — Загорск, 1958. — Вып. 2.

⁸ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 97-98. — № 43/114; Nicol D. M. Constantino Acropolis. A Prosopographical Note // *Dumbarton Oaks Papers*. — Washington, 1965. — Vol. XIX — P. 249-256; Grabar A. les revetements en or et en argent des

icones byzantines du Moyen Age, — Venise, 1975. — P. 45-46, Pl. XXVII, XXVIII. — № 18; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. — Т. I. — С. 218-220. — № 166.

⁹ Подробнее см.: Пудко В. Икона Богоматери Одигитрии из церкви села Гуменец // *Revue roumaine d'histoire de l'art. Serie beaux-arts*. — Bucarest, 1975. — Т. XII. — С. 41-49.

¹⁰ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // САИ. — М., 1971. — Вып. Е 1-49. — С. 65-66. Табл. 38, 74. № 51.

¹¹ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 75. — № 3/228.

¹² Антонова В. И. «Одигитрия Смоленская» раннего XIV в. и ее владелец Иван Мамонов // *Средневековая Русь*. — М., 1976. — С. 258-270.

¹³ Лазарев В. Н. О принципах научного каталога // *Искусство*. — 1965. — № 9. — С. 70; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. — Т. I. — С. 153-154. № 67.

¹⁴ Пудко В. Икона Богоматери Одигитрии из Троице-Сергиевой лавры // *София (Новгород)*. — 2005. — № 2. — С. 20-22.

¹⁵ Маркина Н. Д. Две иконы «Богоматерь Владимирская» начала XV в. (К вопросу об изменении иконографии древнего оригинала) // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. — М., 1983. — С. 168-177; Гусева Э. К. Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV — начала

- XV в. // Древнерусское искусство. XIV-XV вв. — М., 1984. — С. 46-58.
- ¹⁶ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 80, 87-88; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. — Т. I. — С. 151-152. — № 65; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 75-76. — № 101.
- ¹⁷ Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — № 103, 120, 121, 143, 165; Новосельская Е. Г. Иконы Загорского музея: новые раскопки и поступления. — № 3, 7, 8, 17.
- ¹⁸ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 83-84. — № 12/217; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 77-78. — № 103; Она же. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. — С. 50-51. — Табл. 20. — № 28.
- ¹⁹ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. — М., 1976. — С. 188. — Рис. 65.
- ²⁰ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 100-101. — № 53/148; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 101. — № 143.
- ²¹ Пудко В. Византийская икона Богоматери Одигитрии в Смоленске: опыт реконструкции // Zeitschrift für Balkanologie. — 1993. — Bd. 29. — С. 99-110.
- ²² Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 85. — № 13/113; Антонова В. И., Мневя Н. Е. Указ. соч. — Т. I. — С. 314-315. — Ил. 199. — № 255.
- ²³ Пудко В. Икона Богоматери Одигитрии из церкви села Гуменец. — С. 45-46. — Рис. 2.
- ²⁴ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 80-82. — № 11/393; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 74-75. — № 100.
- ²⁵ Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — № 115, 116, 137 (Тихвинская), 133; Новосельская Е. Г. Иконы Загорского музея... — № 1, 9, 10 (вклад княгини Елены Хворостининой).
- ²⁶ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 107. — № 72/22; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 84. — № 111; Пудко В. Г. Икона Богоматери Одигитрии из ростовского княжеского дома // История и культура Ростовской земли. 2000. — Ростов, — 2001. — С. 93-98.
- ²⁷ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 94-95. — № 33/8; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 36-97. — № 133; Новосельская Е. Г. Иконы Загорского музея... — С. 60. — № 1.
- ²⁸ Щенникова Л. А. Икона «Богоматерь Петровская» // Христианские реликвии в Московском Кремле. — М., 2000. — С. 244-246. — № 77.
- ²⁹ Пудко В. Две палеологовские иконы в Москве // Сборник радова Византологического института. — Београд, 1975. — Кн. XVI. — С. 204-210; он же. Икона Богоматери Петровской (Неизвестное произведение Авксентия Резанцева 1690 г.) // Филевские чтения. — М., 2003. — Вып. X. — С. 340-349.
- ³⁰ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 102. — № 56/274; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 78-79. — № 104.
- ³¹ Олсуфьев Ю. А. — Указ. соч. — С. 101. — № 54/70; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 83. — № 109.
- ³² Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 101-102. — № 55/175; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 90. — № 122.
- ³³ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 107. — № 71/12; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 82. — № 108. Об иконографии подробнее см.: Мельник А. Г. Генезис иконографического типа «Богоматерь Умиления Подкубенская» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2001. — № 3(5). — С. 34-42.
- ³⁴ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 113-114. — № 88/5; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 79-81. — № 196. Об одном из вкладов см.: Пудко В. Г. Каменная иконка ярославской княгини Аграфены Судской // Сообщения Ростовского музея. — Ростов, 2006. — Вып. XVI. — С. 22-35.
- ³⁵ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 102. — № 57/313; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 91. — № 124.
- ³⁶ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 76. № 4/142; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 76-77. — № 102. Характерно замечание Ю. А. Олсуфьева: «Архаичная натуралистичность трактовки заставляет предполагать раннее письмо, до XV века, тогда как вохрение говорит за XVI век».
- ³⁷ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 87. — № 16/248; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 102. — № 145; Новосельская Е. Г. Иконы Загорского музея... — С. 64. — № 11.
- ³⁸ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 124. — № 118/135; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 104. — № 150.
- ³⁹ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 110. — № 81/307; он же. Дополнение II к описи икон бывш. Троице-Сергиевой лавры. — Сергиев, 1925. — С. 3-4; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 88. — № 119.
- ⁴⁰ Олсуфьев Ю. А. — С. 122. — № 114/7; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 132-133. — № 224.
- ⁴¹ Олсуфьев Ю. А. — С. 196. — № 404/1; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 135. — № 232.
- ⁴² Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 154. — № 228; он же. Дополнение II к описи... — С. 4. — № 6; Николаева Т. В. Древнерусская живопись в Загорском музее. — С. 121-122. — № 197.
- ⁴³ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 135. — № 154/206; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 105. — № 152.
- ⁴⁴ Олсуфьев Ю. А. — С. 115. — № 90/214; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 132. — № 223.
- ⁴⁵ Олсуфьев Ю. А. Указ. соч. — С. 150. — № 215/173; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. — С. 146-147. — № 251. О дочери Бориса Годунова подробнее см.: Майсова Н. А. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья // Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. ТОДРЛ. — М.-Л., 1966. — Т. XXII. — С. 294-310.

И. Л. Бусева-Давыдова (Москва)

СЕМЕЙНЫЕ ИКОНЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Под семейными иконами мы будем понимать те домашние иконы, которые писались на заказ согласно индивидуальным особенностям и потребностям самого заказчика и его семьи. В числе семейных образов мы не рассматриваем наиболее распространенные в домах иконы Спасителя, Богоматери, св. Николая Чудотворца,

Воскресения Христова с двенадцатыми праздниками и пр.¹, т. к. они столь же характерны и для церковного обихода и не связаны с конкретными обстоятельствами жизни того или иного семейства. Однако на полях домашних богородичных икон в Новое время, как правило, изображали святых, тезоименитых членам семьи

или имевших какие-то важные для заказчика функции. Эту разновидность икон мы также относим к семейным.

Семейные образа существовали на Руси с древнейших времен, что доказывает заготовка для иконы, обнаруженная при раскопках на Ильине улице в Новгороде в слоях рубежа XI-XII в.² Эта заготовка двусторонняя, каждая сторона разделена на четыре части. На лицевой стороне процарапано: «Исуса ту напси», «Богородицу», «Онофрию ту напси», «Феодора Тирона». На обороте значатся имена еще четырех святых, которых следовало написать по желанию заказчика: Михаила, Ивана («Евана»), Климента и Макария. Небольшой размер заготовки — примерно 10 x 9 см — подтверждает предположение о патронально-семейном характере заказанного образа. Тем не менее, вряд ли такие семейные святыни имели широкое распространение, особенно за пределами Новгорода с его специфическими условиями купечески-боярской республики. Многочисленное крестьянство в Древней Руси не имело возможности заказывать семейные (и, очевидно, вообще домашние) иконы — как по экономическим причинам, так и из-за отсутствия иконописцев, которые обслуживали бы потребности «простой чади». Для того, чтобы икона могла войти в каждый дом, иконописное ремесло должно было стать массовой профессией.

Начало этому процессу было положено в XVI в., что зафиксировано Стоглавом: в соборном ответе о живописцах и о честных иконах упоминаются мастера, которые «писали иконы не учая... и те иконы променяли дешево простым людям поселяном невеждам»³. Несмотря на запрет собора, промысел ширился: в XVII в. иконы, которые, по словам царского иконописца Иосифа Владимировича, «и не походили на человеческие образы, но на диких людей подобием наморано»⁴, развозили по глухим деревням и меняли на продукты крестьянского хозяйства. В данном случае для нас важно не художественное качество таких образов, но явно выраженная потребность «единому христианину много... образов стяжати»⁵. Она объяснялась развитием личного благочестия на исходе средневековья⁶.

О составе домашних икон в средневековой Руси приходится судить только по описям царских дворцов и хором высшей знати XVII в.⁷ Тем не менее, можно с полным основанием утверждать, что к концу XVI столетия складывается тип собственно семейной иконы. Если ранее лишь изредка встречаются иконы с отдельными тезоименитыми святыми, то в указанный период появились образа со святыми, соименными целому семейству. Таков ряд икон, заказанных Годуновыми — при том, что от семейства Ивана Грозного не осталось ни одного образа с покровителями всех членов семьи. Что же касается Годунова, то строгость отбора семейных святых даже заставила разлучить «святую двоицу» — братьев Бориса и Глеба, что вызвало осуждение дьяка Ивана Тимофеева. На иконе из Софийского собора в Новгороде, исполненной, очевидно, по заказу Бориса Годунова (до 1589, ПМЭ), представлены св. Борис, священномученик Феодот Кириинский

(по второму имени Бориса — Богдан, т. е. Божий дар, Феодот), св. Мария Магдалина и преп. Ксения Римлянина (покровительницы супруги и дочери Годунова)⁸. В дальнейшем царское семейство (уже Романовых) заказывало иконы «государевых ангелов» регулярно, что, по мнению М. А. Быковой, могло быть связано с изменениями в составе царской семьи. Так, на иконе из собора суздальского Ризположенского монастыря (иконописец Кузьма Яковлев Бабухин, 1681, ВСМЭ) изображены тринадцать святых — покровители царя Федора Алексеевича и его супруги Агафьи Симеоновны Грушецкой, мачехи царя — второй жены Алексея Михайловича, Натальи Кирилловны Нарышкиной, а также всех братьев и сестер Федора⁹. На подобных образах, что очень показательно, не изображали святых, тезоименитых скончавшимся родственникам, т. е. семья воспринималась как кровнородственное объединение живых ее членов, нуждающихся в заступничестве в повседневной жизни. Весьма важно, что уже в памятниках годуновского времени сформулирована идеология семейной иконы, отлитая в соответствующую иконографическую формулу: вся святые возносят молитву за своих подопечных к Спасителю, Св. Троице, Богоматери с Младенцем, изображенным у верхнего поля. Это не всеобщее предстояние за человечество в день Страшного Суда, а неразрывная индивидуальная связь каждого православного со своим тезоименитым заступником — связь, которая начинается в момент имянаречения при крещении, т. е. при принятии в православное сообщество. Несомненно, в таком понимании и таком варианте семейной иконы отразилось становление личности на переломе от средневековья к Новому времени.

Кроме образов патрональных святых, к семейным иконам относятся образа со святыми заступниками. Такие образа были распространены и в Древней Руси (свв. Николай Чудотворец, Илья Пророк, Георгий, Власий, Флор и Лавр, Косьма и Дамиан, Параскева, Анастасия и некоторые другие), но они, подобно иконам Спасителя и Богоматери, носили имперсональный характер. Изображенные на них святые помогали в наиболее общих людских нуждах, что отразилось в широком церковном бытовании и общественном характере почитания их образов.

В XVIII-XIX вв. круг «святых помощников» чрезвычайно расширился и в то же время сузились функции каждого из них. Не позднее 1820-1830-х гг. появилась гравюра с изображением нескольких десятков святых, под названием «Сказание, кийм святым какковыи благодати исцеления от Бога даны и когда память их бывает». В подписях под изображениями сообщается, в каких случаях надо прибегать к помощи того или иного святого. Многочисленные повторения этого гравированного листа в старообрядческой иконописи¹⁰, а также цензурный запрет 1866 г. не оставляют сомнений в его старообрядческом происхождении. Именно для старообрядцев — громадной части исконно русского населения, которая оказалась почти бесправной и всячески ущемляемой как светскими, так и церковными

властями, — религия была фактически единственной опорой не только в духовной, но и в повседневной-практической жизни: они могли надеяться только на Бога и его святых, к которым и взывали постоянно и истово. Тем не менее, Е. А. Попов, пермский протоиерей и основатель просветительного общества св. Стефана Великопермского, в 1879 г. издал книгу на ту же тему, дозволенную цензурой: «Святые, имеющие особенную благодать помогать в разных болезнях и других нуждах (по извлечению главным образом из Четий-Миней)». Этот факт показывает, что стремление к индивидуальному контакту с персональным заступником было не только специфической чертой старообрядчества, но и особенностью менталитета Нового времени.

Выбор святых заступников настолько точно отражает проблемы и чаяния заказчиков (преимущественно из числа старообрядцев), что в большинстве случаев позволяет понять, по какому поводу в семье заказали именно эту икону, а иногда и позволяет реконструировать историю той или иной семьи. Так, например, на полях невьянской житийной иконы св. Иоанна Предтечи (первая треть XIX в., собрание Эксперт-клуба, Москва)¹¹ в круглых клеймах представлены полуфигуры преп. Василия Нового, свв. Уара, Конона и Иоанна Дамаскина. Над головой Василия уделел фраг-

мент надписи «...от огневицы», а над Кононом — «...от оспы [мла]дenceв». Эти надписи неоспоримо свидетельствуют, что икона принадлежит к жанру «семейных лечебников». Св. Василий Новый исцелял от лихорадки («огневицы»), преп. Иоанн Дамаскин — от боли в руках (а также помогал в обучении церковному пению), св. Уару следовало молиться о здравии младенцев и о младенцах, умерших некрещеными, св. Конону — о сохранении младенцев от оспы. Св. Иоанн Предтеча помогал от головной боли. Впрочем, учитывая масштабы и центральное положение св. Иоанна, а также наличие сцен его жития, можно предположить, что образ был написан по поводу рождения ребенка, нареченного Иваном (Иоанном); родители беспокоились о его здоровье, что вполне понятно при огромном уровне детской смертности в тогдашней России.

Не меньшая забота о чадах проявилась в иконе второй четверти XIX в. «Богоматерь Феодоровская, со свв. Евдокией, Сергием Радонежским, Евфимией и Евдокией (на полях)» (Рис. 1; частное собрание, Москва). Богоматерь Феодоровская считалась помощницей в родах. Св. Евдокии Илиопольской молились о даровании чада, св. Евдокии Московской — об исцелении от болезней (от слепоты и «расслабления» — паралича), св. Евфимии Всехвальной — об укреплении в вере,

Рис. 1. Богоматерь Феодоровская, со свв. Евдокией, Сергием Радонежским, Евфимией и Евдокией на полях. Вторая четверть XIX в. (частное собрание, Москва)

Рис. 2. Св. архангел Гавриил, сщмч. Садоф (?), свт. Иоанн Цареградский (?), преп. Паисий, св. Петр митрополит и преп. Евдокия, в предстоянии Спасу Эммануилу. Середина XIX в. (соборание В. С. Зиновьева, Москва)

преп. Сергию — о здравии младенцев. Таким образом, икона содержит молитвенное обращение о даровании ребенка (св. Евдокия Илиопольская), о помощи в родах (Богоматерь Феодоровская), о здравии роженицы (св. Евдокия Московская) и ее чада (преп. Сергей Радонежский, который, согласно житию, воскресил умершего отрока), а также об утверждении в вере, т. е. о духовном здравии (св. Евфимия). Образ, написанный на кипарисовой доске, имел оклад и, несомненно, являлся чтимой семейной святыней.

Видное место среди семейных икон заняли «лечебники» с избранными святыми, помогающими от конкретных болезней. На обороте иконы середины XIX в. «Св. архангел Гавриил, сщмч. Садоф (?), свт. Иоанн Цареградский (?), преп. Паисий, св. Петр митрополит и преп. Евдокия, в предстоянии Спасу Эммануилу» (Рис. 2; собрание В. С. Зиновьева, Москва) имеется надпись, хотя и не полностью сохранившаяся: «ЛИЧНО ПРИНАДЛЕЖ... ИВАНУ ФИЛИМОНОВИЧУ... ПИСАНА ПО ЕГО БОЛЕЗНИ». Другая надпись тем же почерком и такими же чернилами гласит: «Св. Евдокия Московская 7 Июн [я мощи покоятся под спудом] / домъ въ Вознесенскомъ монас[тыре в Кремле] / супруга Дмитрия Донск[аго иже победи] Мамаю на Куликовом поле». Таким образом, икона была написана в благодарность

за исцеление от болезни («писана по болезни» — т. е. после болезни) некоего Ивана Филимоновича (фамилия не сохранилась) и принадлежала ему лично. Употребление слова «лично» и отчество с «вичем» говорят о принадлежности заказчика к относительно образованному и состоятельному социальному слою — скорее всего, к старообрядческому купечеству. Присутствие среди святых Петра, митрополита Московского, и Евдокии Московской позволяют предположить, что заказчик проживал в Москве. Кроме того, подробная надпись о св. Евдокии на обороте, с указанием пребывания ее мощей, указывает на особое значение этой святой для заказчика. Учитывая, что св. Евдокия Московская исцеляла от паралича, скорее всего, именно этим недугом и страдал Иван Филимонович. Преп. Паисий появился на иконе также как целитель от болезней. Святой рядом с ним, очевидно, тезоименит заказчику, его иконография соответствует облику св. Иоанна патриарха Цареградского. Второй святитель, чье имя начинается с буквы «С», может быть священномучеником Садофом Персидским, которому молились о сохранении от внезапной смерти. Таким образом, икона представляет собой «лечебник».

К жанру «лечебников» примыкает исключительно интересная подписная и датированная икона Федора Григорьева 1834 г. (собрание К. Петровского, Москва), где иконе Богоматери предостоят шестнадцать святых

с архангелом Рафаилом и отроком Товием¹². Ее структура жестко продумана: в нижнем ряду представлены святители, во втором — по одному святителю и по одному благоверному князю, в третьем — двое преподобных и две преподобные, и, наконец, венчают композицию мученица Филицата и Елизавета Чудотворица. Центральное положение архангела Рафаила, к тому же с отроком Товией, казалось бы, свидетельствует о том, что икона относится к жанру «лечебников». В апокрифической Первой книге Еноха (10:7) говорится, что архангел Рафаил должен исцелить землю, оскверненную падшими ангелами. Он сопровождал юношу Товию во время его путешествия и помог исцелить отца Тавии от слепоты с помощью желчи пойманной рыбы. Рафаилу молились об исцелении от всяких болезней и в особенности от слепоты. От слепоты же исцелял и св. Алексий митрополит, вернувший зрение ханше Тайдуле; в таком случае три других московских митрополита — Петр, Иона и Филипп — появились как спутники Алексия, имеющие с ним один день празднования.

Желая дополнить этот ряд святыми того же чина, заказчик включил св. Иоанна Милостивого, епископа Александрийского, и св. Стефана Сурожского. Иоанну Милостивому молились о сострадании к нищим и беззащитным, о помощи в бедности и нужде. Так как Стефан, епископ Сурожский (Сурож — город Судак в Крыму), спас Сурож от вражеского нашествия, к нему взывали при военной угрозе и просили защиты от всяких бед. Изображение св. Стефана с митрополитами Московскими встречается еще в XVII в., возможно, потому, что он воспринимался как предтеча русских епископов.

Тема исцеления от слепоты поддерживается изображением исключительно редкой святой — Елизаветы Чудотворицы. В древнем предании она отождествлялась с царевной, спасенной св. Георгием Чудотворцем от змия. Ее почитание известно с VIII в. Каноническое житие святой было обнаружено во флорентийской рукописи XIV в. Согласно ему, чудотворица родилась от «неплодных» родителей и еще во чреве матери была наречена Елизаветой во имя матери св. Иоанна Крестителя. В молодости она приняла монашество и стала игуменьей одного из константинопольских монастырей. Святая имела дар прозорливости и чудотворения, исцеляла неизлечимые болезни (в том числе женские кровотечения и слепоту), изгоняла бесов, избавила город от змия¹³. Исторических сведений о Елизавете Чудотворице, помимо жития, не сохранилось, но ей молились об исцелении и о чадородии. К целителям, как уже говорилось выше, относится и преп. Марон (Марой). Изображение преп. Моисея Угрина затрагивает другую тему: согласно житию, написанному монахом Печерского монастыря Поликарпом, он был слугой благоверного князя Бориса и после убийства хозяина попал в польский плен. Его выкупила знатная вдова-шляхтянка, пожелавшая вступить с ним в брак, но юноша отверг ее и постригся в монахи. За это он претерпел от хозяйки множество мучений и был оскoплен по ее приказу.

Последние годы жизни святой провел в Киево-Печерском монастыре, скончался в 1043 г. Святому молятся от плотской страсти.

Особо важная роль в пантеоне святых заступников принадлежала свв. Харалампию и Афиногену. Св. Харалампий, замученный, согласно его житию, во второй половине II в. за веру в Христа, перед смертью испросил у Бога милость ко всем, кто будет вспоминать его в молитвах. Также и св. Афиноген, епископ города Севастии, перед казнью молился Господу о прощении грехов тех людей, которые будут помянуть его и его учеников. В данном случае на это недвусмысленно указывает свиток в руке Афиногена, с надписью: «Господи Боже мой, даждь держащему память мою отпущение грехов».

Как Александр Невский, так и Михаил Тверской выступали защитниками в случае военных действий: в их житиях говорится о явлении князей перед битвами с иноверцами (татарами, литовцами). В год написания иконы продолжались так называемые кавказские войны — покорение мусульманского Кавказа русскими войсками. Сопоставляя это с присутствием среди святых Стефана Сурожского, «крымского» святого, можно с осторожностью предположить, что заказчика (или, скорее, заказчицу) тревожила беспокойная ситуация, которая могла коснуться кого-то из младшего поколения мужчин семейства. Возможно, парой к Елизавете Чудотворице не случайно выступает св. Филицата — мать семерых сыновей.

Икона Богоматери, которой предстоят святые, названа «в наведении печали Пресвятыя Богородицы». Подобное название богородичных икон в литературе неизвестно. Оно представляет собой заглавие богородичного канона, «певаемого в наведении печали», т. е. в состоянии скорби. Канон встречается в рукописных канонниках XVII в. Иконография напоминает «Богоматерь утоли моя печали», но Богоматерь не подносит руку к щеке, а обеими руками поддерживает Сына; Младенец показан благословляющим и не с развернутым, а со свернутым свитком.

Не исключено, что некоторые из представленных на иконе святых являются патрональными, но в данном случае главным является обращение к «специализированным» помощникам, способным решить проблемы семьи. Заказчица явно страдала от полной или частичной утраты зрения, что в это время было достаточно обычным из-за широкого распространения глазных болезней, и боялась за сына в связи с рекрутской повинностью (старообрядцы, не записанные в купечество, подлежали рекрутской повинности на общих основаниях). Во время службы в армии он мог подвергнуться плотским искушениям, от которых должен защищать Моисей Угрин, а также заболеть или испытать нападение бесов (в этом случае помогал св. Марон). Особенно же страшной представлялась смерть без исповеди и отпущения грехов; от подобной участи молодого человека должны были беречь свв. Харалампий и Афиноген. Обстоятельства жизни заказчицы представлялись

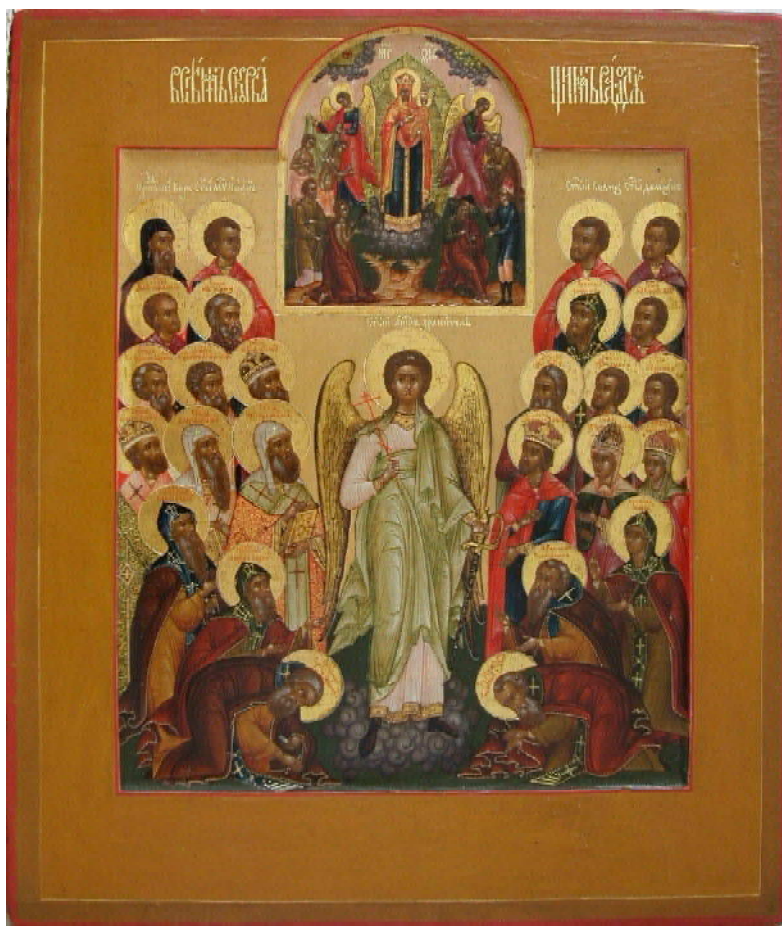

Рис 3. Ангел-хранитель с 26 избранными святыми, в предстоянии иконе Богоматери Всем скорбящим Радость. Вторая четверть XIX в. (частное собрание, Москва)

ей столь прискорбными, что она избрала в качестве главного образа редчайшую икону Богоматери, помогающую в печали.

Еще один интересный образец семейной иконы второй четверти XIX в. — образ с ангелом хранителем и двадцатью шестью избранными святыми (Рис. 3; частное собрание, Москва). Это произведение имеет жестяной инвентарный номер московской Тверской старообрядческой общины и фамилию заказчицы на обороте (читается без большой уверенности как И. Пирожкова). Святые в верхней части являются покровителями Москвы и российской государственности; все остальные помогают в различных нуждах и немощах, особенно при болезнях. Две пары целителей — свв. Кир и Иоанн и бессребреники Косьма и Дамиан — помогали от всех болезней, первая пара в особенности от «чревных» болезней, от оспы, нарывов и струпуев, вторая — от глазных болезней, оспы, болей в ногах. Свв. Антипа и Нифонт исцеляли от зубной боли, св. Мина — от болезней глаз. К целителям относится и св. Иоанн Постник, Патриарх Константинопольский, известный как составитель Покаянного номоканона (епитимийника). Его житие во многом легендарно и сообщает о строгом посте святого, о прекращении им мора, исцелении больных, даровании чадородия, изгнании злых духов. Св. Внифантий (Вонифатий) также

принадлежит к целителям, но от специфического недуга — пьянства. Житие св. мученика Вонифатия известно с древности и восходит, как предполагают, к свидетельствам очевидцев. В X в. у Симеона Метафраста оно получило законченный вид. Святой был рабом и любовником богатой римлянки и отличался невоздержанностью в употреблении вина. Посланный хозяйкой на Восток за мощами святых мучеников, он сам принял мученическую кончину за отказ принести жертву идолам. После смерти св. Вонифатий получил дар исцеления от запоя.

Преп. Иоанну Воину следовало молиться от воров и обидчиков и об отыскании украденного, свв. Гурию, Самону и Авиву — о счастье в семье. Известия о мучениках Гурии, Самоне и Авиве восходят к IV в. Свв. Гурий и Самон жили близ македонского города Едессы, были подвергнуты мучениям и смертной казни за исповедание христианства и отказ поклониться Юпитеру. Св. Авив, диакон одной из едесских церквей, пострадал через несколько десятилетий после смерти свв. Гурия и Самона, в тот же день (15/28 ноября) и был положен в одной гробнице с этими святыми. В житии мучеников рассказывается, что они спасли от смерти вторую жену римского воина-двоеженца, которую тот сделал рабыней своей первой жены. Благодаря этому чуду, включенному уже в ранние списки

жития, свв. Гурия, Самона и Авива стали почитать как покровителей брака; им следовало молиться о счастье в семейной жизни, особенно «когда возненавидит муж свою жену напрасно». Св. Паисию Великому молились об умерших без покаяния, св. Стефану Сурожскому — в случае военной угрозы, а препп. Ксенофонт и Мария помогали отыскать пропавших детей. Икона позволяет представить заказчицу — состоятельную московскую старообрядку, немолодую и не имеющую маленьких детей (нет святых, помогающих в родах и при детских болезнях). Она страдает от многочисленных болезней и от притеснений пьющего мужа (моление к Гурию, Самону и Авиву и к Воиифатию), боится воров и нечистой силы и к тому же подозревает, что ее пропавший — очевидно, на войне — сын умер без покаяния. В то же время заказчица чаёт его возвращения, молясь свв. Ксенофонту и Марии. Эти супруги, жившие в Константинополе в V в., отправили сыновей учиться в Бейрут. Корабль, на котором плыли юноши, потерпел крушение, но братья спаслись и приняли постриг. Родители, ничего не звавшие о судьбе чад, обрели их, отправившись в паломничество по святым местам, и также ушли в монастырь. Не случайно все святые обращаются в молении к иконе Богоматери Всех скорбящих Радость — «целительнице все недугов телесных и душевных, помощнице и утешительнице в скорби», а главное место в композиции занимает ангел-хранитель.

В особую разновидность надо выделить «путные» иконы, которые брали с собой из дома в дорогу. Такова небольшая икона конца XVIII—начала XIX вв. «Богоматерь Смоленская, с препп. Марком Фряческим и Мароем (Мароном)» (частное собрание, Москва). Она имела оклад и, вероятно, находилась в складке-киотце. Богоматерь Смоленская считалась покровительницей путешествующих из-за греческого эпитета «Одигитрия», т. е. путеводительница. Покровителем путников был и Марк Фряческий — отшельник, подвизавшийся в Ливии на Фряческой (Фраческой, Фракийской) горе. Согласно житию, св. Марк провел в пещере девятиности пять лет. Перед смертью его посетил пустыжник Серапион, которому святой предсказал возвращение обратно по другой дороге. Когда Серапион похоронил отшельника, то был перенесен в свой монастырь некоей чудесной силой. Св. Марой (Марон) также был отшельником, жил в Сирии в IV в. и имел особую благодать исцелять от горячки, лихорадки и других болезней, а также изгонять бесов. Таким образом, подбор святых на иконе должен был обеспечить быстрое и безопасное путешествие.

Подобные иконы были распространены среди старообрядцев. О старообрядческом происхождении в данном случае говорят стилистика письма, ориентированного на древнерусскую традицию, двоеперстное благословение Младенца Христа и особенности написания имен святых («Марко» вместо «Марк», «Марой» вместо «Марон»). К «путным» относится и вторая икона, написанная в 1884 г.: подбор святых на ней объясняется ожидаемой от них помощью в путешествии и повсе-

дневной жизни. Св. Николай Чудотворец помогает плавающим и путешествующим, св. Пантелеймон — целитель, преп. Паисию Великому молились, чтобы избежать внезапной смерти, св. Прокопию Устюжскому — о помощи плавающим на воде, от бури и потопления, преп. Павлу — об изгнании бесов, св. Трифону — об избавлении от печали и о помощи в житейских делах. По молитве перед иконой свв. Кирика и Иулиты, по старообрядческим представлениям, отпустились грехи, что было особенно важно в дороге при больших трудностях с отысканием иерея-старообрядца (если, конечно, речь шла о поповском согласии; у беспоповцев проблема исповеди стояла еще более остро). Преп. Сергей Радонежский пользовался исключительным почитанием на Руси, к его заступничеству прибегали в разных случаях. Не исключено, впрочем, что он являлся тезоименитым святым заказчика иконы.

Описанный тип семейных икон с обилием «святых заступников» характерен для старообрядцев. У приверженцев официальной церкви преобладали патрональные иконы, чаще всего с одним или двумя (семейная пара) святыми. Так, у Л. Н. Толстого имела икона св. Льва, папы Римского, которой его благословила бабушка, а у самой бабушки Пелагеи Николаевны — икона св. апостола Иасона и св. мученицы Пелагеи¹⁴. На иконе из имени Михалковых Петровское Рыбинского уезда изображены святитель Александр Константинопольский и св. Анна — тезоименитые святые Александра Петровича и Анны Ивановны Михалковых, а князь Владимир, представленный на левом поле, покровительствует их малолетнему сыну¹⁵. Эта традиция на протяжении XIX в. только укреплялась; апофеозом ее можно считать икону с изображением двадцати одного святого, которой граф С. Д. Шереметев, известный историк, собиратель древностей, председатель Общества любителей древней письменности и Археографической комиссии, в 1891 г. благословил пятнадцатилетнего сына¹⁶. Всем святым празднуется 29 января — в день рождения Петра Шереметева, т. е. они являются «родильными» покровителями молодого графа. Возобновился и обычай заказывать «родильные» именные иконы для новорожденных, впервые отмеченный в XVI в. в семействе Ивана Грозного. Доски для таких икон делали размером в рост младенца и изображали святого, имя которого нарекали ребенку при крещении¹⁷. В XVIII в. заказы императорской фамилии на «родильные» образы неизвестны, но для детей Александра II и Александра III такие иконы писал придворный иконописец В. М. Пешехонов¹⁸. Примеру императора следовали представители высшей знати: известны родильные иконы Шереметевых, хотя, как правило, их писали спустя довольно значительное время после рождения ребенка.

Издrevле существовал также обычай благословлять иконами при вступлении в брак. Насколько можно судить по историческим и этнографическим данным, а также по надписям на оборотах икон, обычно это были изображения Спасителя или Богоматери, но не исклю-

Рис 4. Господь Вседержитель; Богоматерь с Младенцем (енчальная пара).
Живопись — 1840 г.; оклады — 1840 г., мастер П. Никитин, Москва (частное собрание, Москва)

чались и другие сюжеты: главным, очевидно, представлялось само наличие иконы как сакрального предмета. Начиная с царствования Николая I прослеживаются «венчальные пары» — парные иконы Спасителя и Богоматери, заключенные в единый киот (Рис. 4; частное собрание, Москва). В более позднее время «венчальные» иконы стали обретать личностный характер. Такова икона «Свв. Мария Магдалина, апостолы Петр и Павел, Александр Невский и Сергей Радонежский» (ныне в собрании фонда «Аврора», Москва). Этим образом в 1908 г. благословили перед вступлением в брак великую княжну Марию Павловну, двоюродную сестру Николая II. Св. Мария Магдалина, расположенная в центре, тезоименита новобрачной, апостол Павел — отцу великой княжны, Александр Невский — деду, Сергей Радонежский — дяде Сергию Александровичу, погибшему за три года до свадьбы племянницы от руки террориста. Великий князь Сергей, не имевший своих детей, горячо любил племянников и, как писала впоследствии Мария Павловна, фактически стал для них вторым отцом. Таким образом, на иконе представлены святые, соименные ближайшим родственникам великой княжны¹⁹. Так как супругом Марии стал наследник шведской короны принц Вильгельм, герцог Седерманландский, который принадлежал к лютеранской церкви, на иконе нет святого, тезоименитого жениху.

Хотя, как было сказано в начале статьи, иконы с общераспространенными сюжетами не рассматриваются нами в качестве семейных, иногда выбор иконографического варианта-извода имеет связь с историей конкретного семейства. Такова «Богоматерь Умягчение злых сердец» (по иконографии — Ченстоховская) середины XVIII в. с владельческими записями на обороте: «Сей образ принад(лежит) Варваре Челищевой» и «Сим образом благословлена от Александра Алексеича и мною дочь наша Марья Катерина Челищ(ева)»²⁰. Варвара Ивановна Челищева (1747-1817), владелица иконы, была супругой Алексея Богдановича Челищева (1744-1806)²¹. Они имели двоих сыновей, один из которых (Петр) умер, не оставив потомства, а Александр Алексеевич женился на Екатерине Григорьевне (фамилия неизвестна) и стал отцом двух дочерей — Екатерины (в 1799—1812 г. была фрейлиной) и Марии (скончалась незамужней до 1840 г.). Поскольку во второй записи упоминается Александр Алексеевич и его дочь «Марья Катерина», нет сомнений, что упомянутая в записи Варвара Челищева — именно супруга А. Б. Челищева, мать А. А. Челищева и бабушка Марии и Екатерины.

В девичестве Варвара Ивановна была графиней Гендриковой. Этот род не отличался древностью: его основатель, Симон Гейнрих, в начале XVIII в. женился

на сестре императрицы Екатерины I (Скавронской), супруги Петра I. По этому поводу Екатерина пожаловала родственникам земли в Харьковской губернии, а императрица Елизавета Петровна в 1742 г. возвела детей Христины и Симона Гейнрихов-Гендриковых в графское достоинство. Граф Иван Симонович Гендриков, которому принадлежала слобода Рубежная Волчанского уезда Харьковской губернии, и стал отцом Варвары. За А. Б. Челищева Варвара Гендрикова вышла в 1763 г., будучи девятнадцатилетней от роду. Можно думать, что в детстве она проводила много времени в харьковском имении, относительно недалеко от которого, в Успенской церкви слободы Верхняя Сыроватка, находился чудотворный список иконы Богоматери Ченстоховской. Еще ближе располагался Вознесенский Хорошевский монастырь, также обладавший

чудотворным списком Ченстоховской, хотя время появления этого списка в обители неизвестно. Не исключено, что икона Богоматери с очень редкой для России иконографией была взята В. И. Гендриковой-Челищевой из родного дома или заказана в связи с замужеством. Возможно, на выбор именно этого извода повлияло и его название, принятое в России «Умягчение злых сердец», актуальное для новобрачной, переселяющейся в семейство супруга.

Итак, состав и иконография семейных икон развивались на всем протяжении существования таких икон в сторону все большей индивидуализации и дифференциации. Этот процесс происходил в соответствии с изменениями в общественном сознании и отражал основополагающие представления, чаяния, жизненные ценности русского народа.

¹ О составе домовых икон см., напр.: Ворожбитова М. В. К характеристике религиозного сознания московских обывателей XVIII в. (на основе состава домовых икон) // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI—XVIII вв.): Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады 3-й научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). — М., 2003. — С. 249–258.

² См.: Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. — М., 1981. — С. 72–73.

³ Стоглав: Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). — СПб., 1997. — С. 126.

⁴ Послание некоего изюграфа Иосифа к цареву изюграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу // Древнерусское искусство: XVII век. — М., 1964. — С. 33.

⁵ Там же. — С. 42.

⁶ Подробнее см.: Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен: Россия XVII столетия. — М., 2008.

⁷ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. — М., 2003. — Т. III. — С. 477–516.

⁸ Васильева О. А. Иконы Пскова. — М., 2006. — С. 388.

⁹ Иконы Владимира и Суздаля. — М., 2006. — С. 394.

¹⁰ Об удельном весе и значении старообрядческой иконописи в Новое время см.: Бусева-Давыдова И. Л. О границах понятия «старообрядческая иконопись» // Искусствознание. — М., 2005. — 2/05 (XXVI). — С. 198–216.

¹¹ Воспр. см.: Святые образы: Русские иконы XV–XX веков

из частных собраний / Сост. И. В. Тарноградский. Автор текста И. Л. Бусева-Давыдова. — М., 2006. — Кат. 83. — С. 134.

¹² Воспр. см.: Шесть веков русской иконы. Новые открытия: Выставка из частных собраний к 60-летию Музея имени Андрея Рублева. — М., 2007. — Кат. 111. — С. 128.

¹³ См.: Сергей, архиеп. (Спаский). Полный месяцеслов Востока. — М., 1997. — Т. III: Святой Восток. Ч. 2 и 3. — С. 154. Там же см. и о житиях других святых.

¹⁴ См.: Комарова Т. В. Семейные реликвии рода графов Толстых. — Тула, 2000. — С. 14, 18. То же прослеживается и по данным М. В. Ворожбитовой (см. прим. 1).

¹⁵ Иконы Рыбинского музея. — М., 2005. — С. 78.

¹⁶ ГМИР. — Инв. № А-3955-IV. Приношу благодарность О. А. Коробко за возможность ознакомиться с этой иконой.

¹⁷ Таким образом, фактически речь идет не о родильных, а о крестильных иконах.

¹⁸ См.: Белик Ж. Иконописец Двора Его Императорского Величества // Русское искусство. — 2006. — № 3.

¹⁹ Мать Марии Павловны, греческая принцесса Александра Георгиевна, умерла, когда дочери было всего два года. Возможно, этим объясняется отсутствие на иконе соименной ей святой.

²⁰ Воспр. см.: Бусева-Давыдова И. Л. «Ченстоховская» или «Умягчение злых сердец»? // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. — 2007. — № 5 (47).

²¹ Челищев Н. А. Сборник материалов для истории рода Челищевых. — М., 1893. — С. 239–240.

О. А. Сухова (Муром)

«СВЯТЫЕ СЕМЕЙСТВА». ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ МУРОМСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ

В Муроме сложился «свой» цикл древнерусских произведений: Житие Петра и Февронии (Повесть о Петре и Февронии. Сер. XVI в.); Житие Константина, Михаила и Феодора (Повесть о водворении христианства в Муроме. 1550-1560-е гг.); Повесть о святом епископе Василии (О граде Муроме и о епископии его, како преиде на Рязань. Сер. XVI в.); Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьбиной. Перв. пол. XVII в.); Сказание об Унженском кресте (Повесть о Марфе и Марии. 1638-1651 гг.);

Повесть о чудесах Виленского креста. (Посл. треть XVII в.)¹. Они, как и другие нарративные, документальные, иконографические источники, фиксируют необычность культа муромских святых.

Тексты повестей, выходящие за рамки агиографического канона; характер служб чудотворцам; устные предания церковного и фольклорного характера отражают неординарное понимание святости в местной традиции как праведности «в миру» и семье. Любопытно, что в городе нет прославленных основателей

монастырей, как в большинстве мест Руси. Единственный из святых-монахов в здешнем пантеоне — епископ Василий, по сказанию, был изгнан жителями. (Не удивительно, что он вошел в собор рязанских святых). Наименование «святогны» стало нарицательным для муромцев, хотя такое бывало и в иных местах. Изгнали они, по житию, и святых Петра и Февронию; а потом почитали их как благоверных супругов, а не как преподобных, перед кончиной принявших постриг. Легендарный креститель Муром — святой Константин прославлен вместе с сыновьями Михаилом и Феодором как равноапостольный и благоверный князь. (Нет известий о принятии им схимы). Муромцы местно чтят и супругу Константина — княгиню Ирину. Здесь не были склонны и к почитанию «Христа Ради юродивых», что было распространено на Руси. Ростов, например, называют «городом юродивых»². Зато прославление нележкой праведной жизни «в миру», в семье, среди детей и домочадцев получило свое наивысшее развитие в культе святой Иулиании Лазаревской. Муромцы почитают и ее супруга — праведного Георгия, и их дочь — «иноку» Феодосию³. Житие же собственной матери написал ее сын — Каллистрат Осорин, губной староста в Муроме (1610-1640).⁴

Неординарность почитания муромских чудотворцев не поощрялась церковью: «Повесть о Петре и Февронии» не вошла в Великие Минеи-Чети; праведную Иулианию исключали из числа святых⁵. Добропорядочные муромцы, более склонные к семейному очагу, избегали в своем благочестии таких крайностей, как уход в монастырь или подвиг юродства. Они искали опоры у святых защитников и продолжали прославлять своих чудотворцев как идеальные примеры того, что можно угодить Богу не только в монастыре, но и в обычной жизни, следуя правилам благочестия, чистоты в браке, помощи нищим и убогим. Они молили Петра и Февронию о благополучии в доме и рождении потомства, а к Иулиании как к многодетной матери обращались, когда дети болели. Муромские жития были популярны не только у местных жителей, но и по всей Руси. Наиболее востребована была история о Петре и Февронии, святых супругах, которым старались подражать в семейной жизни. Безусловно, что и в самих муромских житиях, и в особенности почитания местных чудотворцев, проявились общие тенденции к обмирщению, внимание к обычной человеческой жизни и взаимоотношениям в семье, заботе о детях, месте и роли женщины в древнерусском обществе. В произведениях Муромского цикла они получили наиболее яркое отражение. Не случайно, говоря об идеальных характерах Древней Руси, Ф. Буслаев и В. Ключевский опирались на Муромские повести.⁶ И теперь не только исследования ученых, но и наставления православных священников о браке строятся обычно на примере жития муромских святых.

Особенное отношение к муромским чудотворцам отражено в почитании их мощей, покоящихся нераздельно — «семьями» и их надгробных комплексах. Свидетельствует об этом и редкость иконографии «двой-

ных» и «тройных» покровов на их раки. Нераздельно обычно предстает каждая из святых семей на иконах и других памятниках искусства XVI-XIX вв., традиции которого следуют и современные мастера. В клеймах житийных икон местных святых с необычно протяженными повествовательными циклами тоже проявились особенности их культов (XVII-нач. XVIII вв.). Тему супружества, например, отражает одно из клейм житийной иконы Петра и Февронии (1618) с редкой для древнерусского искусства сценой венчания. Подобный сюжет был и на другом несохранившемся их житийном памятнике (рубеж XVII-XVIII вв.), а также на утраченном образе с клеймами жития Иулиании (не ранее втор. пол. XVII в.)⁷.

Культе муромских чудотворцев мы рассматриваем в широком контексте почитания русских святых, обращаясь к «Книге глаголемой о росийских святых»; один из ее списков (XVII в.) издан М. В. Толстым⁸. Мы используем и список Н. М. Карамзина (кон. XVIII—нач. XIX вв.): «Книга глаголемая Росийских святыхъ, благоверныхъ князей и благочестивыхъ княгинь, преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, преподобныхъ стыхъ итцъ, в коемъ градъ или области, или мнстырь или в пустыни пожиша и чюдеса сотвориша всякаго чина святыхъ и гдъ кто положень» (РНБ. — Q I 603. — Л. 9об.-10). В его предисловии есть строки: «Такова и столь предивная и благословенна есть Россия... Юже куды възоръ нашъ неубратимъ в росій в который градъ или страну, то всюду видимъ ходатаевъ нашево спасенія предлежащия честныя и многоцельныя мощи». Любопытно и замечание: «И всех стых благородныя добродетельныя и дивныя жития нетокмо мужей, но и жен есть известна». Интересна и просьба к читателям — сообщать с мест о неизвестных святых (Л. 3, 3об.; 8-8об.)⁹.

В описании¹⁰ в 58 городах и местах за 477 номерами — 552 святых с именами и краткими сведениями (72 без имени). По чинам: святителей и преподобных — 401; благоверных царей и князей — 85 (многие из них в постриге); праведных мирян — 24 (в т. ч. из белого духовенства); юродивых — 24; мучеников — 18 с именами и 72 безымянных. Три четверти всех святых относятся к монашескому чину. На всех остальных приходится одна четверть. Царей и князей лишь одна седьмая от общего числа, столько же поименованных мучеников, а праведных мирян вместе с юродивыми — лишь одна тринадцатая. Известно, что русская церковь унаследовала традицию греческой, подавляющее большинство святых которой, после мучеников, принадлежит к чину преподобных и святителей. Миряне встречаются в ее календаре в виде исключения. Например, свои «ромейские цари», которые имели в глазах греческой церкви особый статус, вовсе не сравнимый с русскими «варварскими» князьями¹¹. В России несколько иная картина: меньше мучеников, больше мирян, достаточно много князей, но все же монашеская святость также приоритетна.

На этом фоне указанные в источнике шесть святых муромских князей и княгинь — «святые и великие» князь Петр и княгиня Феврония; «святая и великий» князь Константин Светославич и святая благоверная княгиня его Ирина и святые благоверные чада их князи Михаил и Феодор» и одна праведная мирянка — «болярыня» Иулиания (к тому же почти половина из них женщины), — кажется нам несколько отличным от большинства других русских городов¹². Они, за исключением местной княгини Ирины, составляют «канонический» собор муромских чудотворцев и на иконах XVII-XVIII вв.

Из всего списка российских святых только в Чернигове¹³ не отмечены преподобные. Почти во всех других местах монашество преобладает, а во многих чтятся исключительно монахи. По составу святых Мурому ближе Ярославль, Рязань и Владимир. В последнем¹⁴ из 28 святых — 16 князей и княгинь (в т. ч. мученики и «в схиме»). Некоторые захоронены семьями, хотя и не в одной гробнице. В Успенском соборе «святая благоверная Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбовский Владимирский чудотворец убиен бысть от шурей Кучковых... и положен в граде, по левую страну дети Андрея Боголюбовского Изяслав и Мстислав». (Аналогия с муромским Константином с чадами). Епископов и преподобных — девять; один иерей и два мученика (мирянин и священник).

В Рязани¹⁵, имеющей с Муромом общую княжескую династию и входившей в одну епархию, чтится всего шесть святых. Из них два епископа, один из них — Василий, изгнанный из Мурома. Остальные — благоверные князья и княгиня, погибшие «от татар». Трагичная история гибели рязанского князя Федора «от Батые» и самоубийство его супруги княгини Евпраксии, «яже сама ринувся с высоты своея храмины за чистоту свою от Батыевых татар и с сыном своим Святым княжичем Иоанном», несколько близка по мотиву соумирания Петру и Февронии.

По культу чудотворцев Мурому всего ближе Ярославль¹⁶, где чтятся исключительно князья (восемь — не считая юродивого в уезде). Прославление муромских князей Константина, Михаила и Феодора близко почитанию ярославских князей Феодора (1298), Давида и Константина. Чтят здесь и двоицу князей — братьев Василия и Константина «иже убиении от Батые». Любопытно и почитание захоронений в Петропавловском монастыре не канонизированных ярославских князей «первой династии». Они упоминаются в житии Феодора Ростиславича: князь Михаил, его сын от первого брака, княгиня Ксения — бабка Михаила и вторая жена Феодора. Почитание последней близко супруге муромского князя Константина — Ирине.

В ряде других городов тоже указан культ святых-родственников. В Киеве¹⁷ отмечен святой князь Владимир и его сыновья мученики Борис и Глеб. (Иконография Константина Муромского с чадами и Феодора Ярославского с сыновьями восходит к ним). Зафиксировано почитание Феодора Варяга с сыном;

преподобных Иоанна и Феофила — «родных братьев, соединенных сердечною любовию от юности», захороненных вместе в Антониевой пещере; Виленских мучеников — родственников. В Новгороде¹⁸ в Софийском соборе отмечено почитание мощей благоверного князя Владимира Ярославича (1052), храмоздателя, и его матери — святой благоверной великой княгини Анны (Ирины — Индигерды). Там же зафиксирована гробница благоверного князя Мстислава Храброго (1180); а его сын, также местночтимый, Мстислав Удалой, погибший на Калке (1223), был захоронен в Киеве. Указано почитание мирян — новгородских посадников — святых и праведных братьев «по плоти» Никиты, Кирилла, Никифора, Климента и Исаакия Алфановых. В Пскове¹⁹ отмечено почитание гроба святого князя Довмонта (Тимофея) (1300). Мощи его супруги, внучки Александра Невского — Марии Дмитриевны (Марфы), находились под спудом в Предтечевском женском монастыре. В ногах ее была похоронена княгиня Наталия, по преданию, супруга их сына Давида. Издатель указал, что в Спасо-Мирожском монастыре на образе Знамения Божией Матери представлены «молящиеся святой благоверной князь Довмонт-Тимофей и супруга его княгиня Мария». Упоминается преподобная инокиня Васса, захороненная в пещере Псково-Печерского монастыря подле ее супруга — блаженного Иоанна (Ионы).

В рубрике «Царствующего града Москвы святые»²⁰ упомянут не канонизированный «святая и благоверная царь и великий князь Феодор Иоаннович», чье житие было написано патриархом Иовом. Он и его супруга Ирина (Годунова) были идеальной супружеской парой уже в глазах современников, их сравнивали с Петром и Февронией, чьими сугубыми почитателями были царь с царицей, свидетельством чему служит покров с двойным образом муромских святых, вышитый в царьской мастерской и приложенный к их мощам (1593). В муромских источниках упоминается образ небесных покровителей царственной четы — Федора Стратилата и мученицы Ирины²¹. Иконография его явно перекликалась с двойным изображением Петра и Февронии. Упоминаются и не канонизированные благоверные супруги Дмитрий Иванович Донской (1389 — погребен в Архангельском соборе) и его жена Евдокия (Евфросиния — мощи в Вознесенской обители). Издатель дал этикетную характеристику княгини со ссылкой на Степенную книгу: «Она была супругою нежною, кроткою, набожною и вместе с мужем заботилась о спасении души, не предаваясь стремлениям чувственности... Благоверная княгиня поддерживала супруга своего в борьбе со скорбями и в ратных подвигах, неуспешно молитвою и щедрою милостынею бедным»²².

Другой «образец высокого супружеского целомудрия», с трагической развязкой, отмечен в «Новоторжске»²³. В 1406 г. на пиру в Торжке при дворе князя наместник Юрга убил своего друга князя Симона Вяземского, желая овладеть его красавицей-женой Иулианой. Но княгиня, «любя непорочность более всего в мире», ножом ранила насильника. Он же зарубил

ее и выбросил в реку. Мощи мученицы почивали под спудом в соборной церкви, там же и тело убиенного супруга. В соборном синодике записаны для поминовения имена двух невинных жертв и убийцы, который «бежал в Орду, а на обратном пути умер в области Рязанской». В Устюге²⁴ обозначены «Святой праведный Иоанн и святая праведная Мария сестра его» (из пояснений издателя — супруги). Он (Багу) был татарским чиновником (баскаком) и взял силою в наложницы дочь добропорядочного гражданина — Марию, что вызвало бунт горожан. Тогда он, приняв христианство, обвенчался с ней и стал праведником. Народ не только примирился с ним, но и стал чтить его после смерти вместе с супругой. «Положены же быша мощи их у церкви Вознесения Господня на посаде». В Твери²⁵ почитались «Святой благоверный князь Михаил Ярославич», замученный в Орде (1319), и его мать — княгиня Ксения (1312). Издатель указал, что «в ризнице собора хранится древний образ св. кн. Михаила и блаж. Матери его Ксении, которые представлены держащими в руках город (Тверь)». Супруга князя-мученика — Анна (София) (1338) чтилась в Кашине. Официальная ее канонизация была приостановлена в 1677 г.²⁶ (Это перекликается с запрещением почитания Иулиании Лазаревской как святой в конце XVIII в.). В Суздале²⁷ указано почитание преподобной княжны Евфросинии (Феодулы) (1227) — супруги князя Михаила Черниговского, впоследствии — мученика, погибшего в Орде (1250).

Интересна рубрика «Града Юрьева Польского Святыя»²⁸. Там чтится благоверный князь Святослав (Гавриил) Всеволодович «Юрьевский чудотворец». Он погребен в им же созданном Георгиевском соборе (1253). Там же (в теплом храме) мощи его сына — Дмитрия Святославича (1269). Из летописей известно, что Святослав «отпустил княгиню свою» в монастырь, которая постриглась в Муроме (1227/1228)²⁹. В. Татищев назвал ее «Евдокией Давидовной», т. е. дочерью Давида муромского, умершего в схиме в том же году³⁰. Последнего церковь отождествляет со святым князем Петром.

Приведенные примеры показывают, что в ряде русских городов были образцы почитания святых-родственников. Но нигде это не вылилось в идеал семейной святости, как в Муроме, где весь комплекс культа от житий и служб до памятников искусства приобрел аллегорический и символический, нарицательный смысл, стал воплощением идеала супружества и праведной мирской жизни. В почитании каждой из семей муромских чудотворцев есть различия. Константин Муромский с чадами прославляется церковью как креститель города. Для нашей «семейной» темы интереснее другой аспект его культа: основателя династии. У историков нет ответа на вопрос, был ли такой князь, когда он мог жить, и кто был его прототипом. Однако закрепилось мнение, отраженное в списках жития, что он жил до Петра и Февронии; в рукописном отрывке «О родословии Муромских князей» (XVI в.); в муромских синодиках

(XVII—нач. XVIII вв.)³¹. Утвердилась и церковная традиция отождествлять Константина с родоначальником муромских и рязанских князей Ярославом Святославичем (1129). Благо и отчество в житии то же. Но даты в списках разные: 1192, 1223; «не вдале рода того», т. е. князя Владимира. Они смущали уже муромских хроникеров в позапрошлом веке, ведь получалось, что Константин мог жить одновременно со святым князем Петром-Давидом (1227/1228)³². Оба муромских княжеских семейства были объявлены Иваном IV «своими сродниками», что для нашей темы тоже важно. Канонизировали тех и других на церковном соборе 1547 г. Почитание Константина, Михаила и Феодора родилось на «открытии» династического княжеского захоронения — отца «с чадами»; их «тройные» мощи покоятся в одной раке в Благовещенском монастыре в Муроме. По преданию, в ней же находилась и «глава» княгини Ирины, а также мощи княжеского внука Феодора Феодоровича³³.

В житии святого князя Константина видна тенденция — обозначить его как прямого наследника главной ветви великих русских князей, потомка Владимира Святого. А чад его Михаила и Феодора представить не только как родственников Бориса и Глеба, но и как их почти зеркальное отражение. Еще ярче это звучит в текстах Службы: «Яко новая ветвь корене богосажденна князь Константин новый Владимир явися: якоже бо он израсти две отрасли, Романа и Давида, сей же Михаила и Феодора»; «Преславно прославися Божия благодать, самобратнею любовию Михаила и Феодора, яко и по смерти неразлучно беху: но души и телеса вкупе имуща лежат»³⁴. Прямым отражением страсто-терпца Глеба — первого муромского князя — является в житии образ князя Михаила, убитого муромскими язычниками. В библейском контексте раскрывается тема принесения в жертву сына отцом; в этикетной форме звучит мотив семейных отношений: «И посылает пред собою, сына своего первороднаго: агнца кроткаго, и послушливаго: отцу своему; и любима пред лицом матери своя, христолюбца благовернаго князя Михаила»³⁵. Но, например, мать здесь — не просто безымянная формула, а действующий персонаж произведения — княгиня Ирина. Эпизод муромского жития о гибели княжеского сына проникновенно трактовал в своей духовной беседе «О подвиги любви» митрополит Сурожский Антоний³⁶.

Основой нераздельного почитания отца с чадами, очевидно, было обретение тройного княжеского захоронения. Это ярко отразилось в Службе святым, где мотив нераздельной триады подается как нечто необычное: «О великое и несказанное таинство, еже нам открыся на похваление, во всех странах: аще бо где явися един светильник, мы же свъше обретохом, триех вкупе сияющих яко солнце и чудеса точаше день и ночь»³⁷. Как в служебных текстах, так и в памятниках искусства с изображением триады князей проявилось воздействие символического числа «три» — числа Божественной Троицы: «Придите целомудрия рачители, чесную

троицу почитим, Михаила и Феодора, с Константином вкупе: Святую Троицу возлюбившие, чистым сердцем и душою совершенною»; «Ясные звезды на тверди небесной водрузившиеся, Троицы равночисленный князь Константин с чады, землю чудесы нелестно просвещают»³⁸. В Муроме это выражено буквально и наиболее зримо: троика князей предстает изображению Троицы. Ныне самым ранним и наиболее эталонным в этом отношении памятником является «тройной» покров на мощи этих святых 1661 г.³⁹ Его иконография, очевидно, восходит к тройному покрову с мощей ярославских князей (1501). Для культуры позднесредневековой Руси было характерно сближение образов ярославских и муромских князей. Обе княжеские семьи — триады — нередко изображались параллельно на иконах и в росписях храмов. Предстоят они и на столпах ярославской церкви Рождества Христова, расписанной в 1683 г. Мужественные основатели династий — Феодор и Константин с их красивыми юными сыновьями соответствуют идеальному представлению о святых русских князьях⁴⁰.

В рамках нашей темы важна единственная житийная икона муромских князей Константина, Михаила и Феодора с грандиозным циклом из 87 клейм муромского изографа Александра Казанцева «с сыном Петром» из Благовещенского монастыря в Муроме (1714. Муромский музей)⁴¹. В центре — три князя в предстоянии Троице, что в большей степени отражает текст службы святым. Уникальный же по протяженности цикл клейм подробно и «дословно» отражает текст жития. Огромное живописное пространство заполнено сценами не только с сюжетами крещения Муромца, но и придворной и «домашней» жизнью княжеской семьи. Несмотря на этикетность изображений, их нарочитую репрезентативность, они отражают ее подробно и разнообразно. Показаны взаимоотношения князя как со своим отцом, киевским князем Святославом, так и с собственными чадами, супругой и слугами; подробности его отъезда в Муром с домочадцами; молитва княжеской семьи перед угрозой гибели от язычников; участие всех домашних в похоронах Михаила; присутствие их при крещении жителей; участие в пирах и трапезах. На одном из многих клейм, где присутствует супруга Константина — княгиня Ирина, она показана с нимбом (в сцене крещения муромцев), что, возможно, связано с ее местным почитанием.

В Муроме, помимо списков житий местных чудотворцев, бытуют устные предания о них, во многом базирующиеся как на самих текстах, так и на восприятии памятников искусства с их изображениями. Так, предание, записанное краеведом А. Епанчиным⁴² о том, что каждую ночь святые князья Константин, Михаил и Феодор на конях объезжают с дозором город, храня его, может восходить к многочисленным сценам описанной иконы, где они изображены на конях. И наоборот — современным воплощением местного предания (с семейными мотивами) стала роспись алтарной преграды начала XXI в. (И. Филиппов) в теплом храме муром-

ского Благовещенского монастыря, где в одной из композиций показан князь Константин с сыновьями и благоверная княгиня Ирина с внуком на руках.

Петр и Феврония фактически с момента канонизации (1547) почитались как хранители семьи и брака, а также как покровители московского царствующего дома. Есть мнения, что их развитый местный культ уже с XV в. становится и московским; что к началу XVI в. была составлена им служба. Но кроме двух ее рукописей (со спорными датировками), других убедительных доказательств тому нет⁴³. Ссылки ряда авторов на факт поклонения мощам Петра и Февронии Иваном III не подкреплены летописными упоминаниями⁴⁴.

Точное время и обстоятельства обретения мощей Петра и Февронии не известны. В Писцовой книге Муромца 1626 г. указано, что мощи чудотворцев не были под спудом, а лежали в «раке каменной» в приделе апостолов Петра и Павла (РНБ. — Титова. — 3645. — Л. 7)⁴⁵. Наличие «древней» каменной гробницы в муромском Богородицком соборе и устное предание о прежнем месте княжеского захоронения — под приделом апостолов — и его почитание, возможно, несут в себе отголоски исторических реалий (гробница утрачена в конце 1930-х гг. при разрушении собора). В ранних храмах Киевской Руси княжеские погребения совершались в каменных саркофагах, открытых для обозрения и размещенных в особых приделах, где совершались заупокойные службы. Позже князей хоронили в «каменных гробах» под полом храма⁴⁶. Каменная гробница Петра и Февронии после переложения их мощей в новую раку в 1799 г. была помещена в подклете, где был устроен придел в их честь. Дореволюционные авторы упоминают, что внутри нее была перегородка⁴⁷. Не исключая толкований образов Петра и Февронии в символическом, умозрительном, богословском и назидательном смыслах, не стоит игнорировать то, что их культ мог создаваться вокруг «открытых» в городском соборе останков княжеской четы, лежащих в одной гробнице. Так что их единение могло быть подкреплено для муромцев вполне «вещественно».

Муромских святых упоминает официальный «Летописец начала царств» (1550-е), где сказано, что царь Иван IV перед походом на Казань, будучи в Муроме 13 июля 1552 г., поклонился могиле «сродников своих», великих чудотворцев князя Петра и княгини Февронии⁴⁸. Важно для нашей темы послание митрополита Макария — идеолога похода и наставника государя, молодому царю в Муром. Содержание «назидания» связано с основными мотивами «Повести о Петре и Февронии». К змееборчеству призывает царя митрополит: «Якоже солнце сияше православие в области и державе вашего царского отечества и дедства и прадедства великого твоего царского благородия и государьства. На ню всегда свирепеет гордый он змии, вселукавый враг диавол, воздвизает на нь лютую брань поганьми цари твоими недрути». Макарий напоминает и о благочестивых царях Феодосии и Константине, и о предках Ивана IV, которые «по закону сохраняли

чистоту брака»⁴⁹. По мнению Т. Самойловой, «в макарьевском послании мы впервые сталкиваемся с назидательным использованием образов Петра и Февронии как идеальной супружеской пары, в дальнейшем закреплённым литературной традицией»⁵⁰. Такой парой, очевидно, должен был быть сам государь с царицей Анастасией, но в реальной жизни к этому идеалу стремился его сын Феодор Иоаннович с царицей Ириной.

Не останавливаясь на вопросах, связанных с историей «Повести о Петре и Февронии» и ее своеобразии, отметим только, что Ермолай-Еразм — церковный писатель из круга митрополита Макария, создал произведение, не похожее на памятники агиографии, в том числе жития, написанные для Великих Миней-Четий. Сложение редкой иконографии Петра и Февронии (двойное изображение супругов-монахов), на наш взгляд, обусловлено необычным сюжетом Повести и характером службы святым, в которой прославляется единение мужа и жены. По мнению М. Плюхановой «на Руси, почти не знавшей женской святости и любившей рассуждать о женской злобе, вдруг в эпоху Макария в „Степенной книге” и в житии Февронии женская святость является в апофеозе божественной силы и величия и заслоняет собой всякую другую... обращением к библейским истокам мотивировано в „Житии Петра и Февронии” прославление земного брака, элемент уникальный в русской агиографической традиции и редкий в христианской агиографии вообще»⁵¹.

В стихирах Михаила в службе Петру и Февронии угадывается использование тропаря из службы святой Ольги: «Крилами богоразумия вперивши твой ум, возлетела еси превыше видимые твари, взыскавши Бога и Творца». Образ Софии Премудрости Божией получил особое значение в эпоху Макария: «Имать же девъство лице девиче огнено... Криле же огнены — высокопаривое пророчество и разум скор являет». По замечанию той же исследовательницы, объединение Ольги и Февронии «в образе крылатой Премудрости, еще отчетливее показывает ту умозрительную высоту, на которой образы женской святости в середине XVI в. обретают свой символический смысл»⁵². Автор стихир муромским святым, по нашему мнению, все же пересмыслил текст источника и в своем восхвалении эти качества отнес не только к Февронии, но и к Петру — к обоим супругам, подчеркнув их полное единение: «Киими песенными добротами, возсхвалимъ Петра блаженнаго, съ прехвалною Феврониею, яко благоразумная крила, прелетевшая от земли на небо, и приближившиися престолу святыхъ Троицы: и со ангелы весело ликовствующая, и Христу молящаяся, о оустроении мира, и о сохранении земли российския»⁵³.

Мы подчеркиваем необычность «нераздельного» изображения муромских святых супругов и не согласны с мнением, что двойные изображения Петра и Февронии вовсе «независимы от сюжетного повествования» и связаны исключительно «с традиционным художественным воплощением двух избранных святых»⁵⁴. Хотя изображения муромской «двоицы»

и «сходны с устойчивыми парными иконографическими типами», такими, как апостолы Петр и Павел, Сергей и Никон Радонежский, Зосима и Савватий Соловецкие, но все же очевидна и редкость парного изображения Петра и Февронии: это не пара избранных святых, не изображение двух апостолов или основателей монастырей или даже двух князей. Это уникальный образ четы супругов-монахов.

Тип их двойного изображения устойчив. Раздельные образы Петра и Февронии редки, но и они обычно входят в одну композицию. Например, в росписи Архангельского собора Московского Кремля или на парных иконах (XVI) из Спасского монастыря в Муроме (вероятно, из деисусного чина храма Кирилла Белозерского); или на двух иконах из деисусного ряда XVII в. церкви села Тучкова (неподалеку от Муром) (ЦМИАР; ГТГ; Саратовский музей им. А. Н. Радищева)⁵⁵. В храме Николы Набережного в Муроме также были их парные иконы XVII в.⁵⁶

В древнерусском искусстве нам известен лишь один случай изображения Февронии без мужа — в иконостасе Софийского придела Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря 1685 г. (музей «Новодевичий монастырь»)⁵⁷. Мастера под руководством Федора Зубова работали по заказу царевны Софьи Алексеевны. Учитывая ее политические притязания, придворные иконописцы создали один из самых необычных иконостасов. Главной его темой стало изображение святых жен. В деисусном чине образы апостолов заменены фигурами русских благоверных княжен и княгинь — Евфросинии Полоцкой, Февронии Муромской и других.

Наиболее ярким памятником с «двойным» образом святых Петра и Февронии (в «минейном варианте») является покров 1593 г. (Муромский музей)⁵⁸. Автор Муромской редакции Повести (кон. XVII — нач. XVIII вв.) мог видеть его на мощах чудотворцев и отразил местное предание о том, что именно его вышивала святая Феврония: «И потом начаша шити себе воздух, сиречь покров, но чем будут покровлены тела их... яко шьет воздух некоторому князю и княгине, яко они готовятся в некоторое княжение вечное... оная княгиня, встав, воткнув иглу в покров той и привертев нитию тою, ею же шия же покров... И с миром успе, ко господу отиде, и покрыся покровом тем. И потом обретеса и князь Петр подле ея же... И вышито на них персони их и не дошито на ее перзони единого приправа, и приверну тою иглою оставлено и доньне»⁵⁹. Это предание сохранялось в церковной среде Муром. В 1989 г. мы услышали его от прихожанки муромского Благовещенского собора, вряд ли знакомой с публикацией уникальной редакции.

Нераздельное изображение Петра и Февронии на муромском покрове, считающемся одним из самых тонких и лирических произведений мастерских царицы Ирины, наиболее ярким образом показывает, что муж и жена — одно существо, но в двух лицах. Его иконография отражает восхваление неразлучной «двоицы»,

пронизывающее службу святым: «Венчаем блаженного Петра, вкупе съ премудрою Февронию, разделенныхъ теломъ, и совокупленныхъ благодатию»; «О Предобрая двойце. О пресветлых светил. О благосюприянная. Един свет во двою телесе сущ»; «О пречестная двойце! О велищьи светилници! Освятите и прославите, любовио вас в песнях славящих, чудотворцы»; «Яко советницы добрии своему житию, едину мысль во двою телу имуще мир чудесе просвещаете»⁶⁰. Устойчивое двойное изображение муромских супругов-монахов повлияло на почитание и других святых, например, родителей преподобного Сергия Радонежского — ростовских бояр, схимонаха Кирилла и схимонахини Марии⁶¹.

Житийным иконам Петра и Февронии посвящено наше монографическое исследование⁶²; остановимся лишь на их особенностях, важных для данной статьи. В надгробной иконе (кон. XVI в. - не позд. 1626. Муромский музей) житийный цикл из сорока клейм «дословно» соответствует авторской редакции Повести, которая, по словам местного хроникера А. А. Титова, «начинается происшествием семейным»⁶³. Многие сцены представляют семейную, домашнюю и придворную жизнь муромских князей. В центре иконы показан «град Муром» с драгоценной гробницей чудотворных мощей. Произведение генетически связано с редким типом «икон основания» — более ранних русских памятников XVI в. Свообразие же его в том, что в качестве священного топоса и геореликвии здесь представлен не монастырь, а символический город. Вполне понятно стремление к сакрализации града, прославленного благоверными князьями, а не монастырскими подвижниками.

Икона с тридцатью двумя клеймами жития Петра и Февронии (1618. Муромский музей) из иконостаса муромского собора Рождества Богородицы, приложена А. Ф. Палицыным, муромским воеводой (1617-1618)⁶⁴. Ее сюжетная версия уникальна и является особой «живописной редакцией» жития. Литературные обработки Повести приближали ее к агиографическому жанру в ущерб неординарному сюжету. Наша иконографическая версия успешнее. Она включает эпизоды из вторичных редакций: сцену венчания святых и их встречи муромцами «со крестами и иконами»; исключает сомнительные эпизоды, чуждые христианскому менталитету, но сохраняет суть необычного жития о супругах, не разлученных и за гробом. Житийные сцены не следуют строго за текстом, они отражают символический смысл, стоящий за внешними событиями. Особо важна здесь редкая в иконописи сцена венчания, выражающая идею брака, освященного церковью. Святые, которые почитаются как покровители брака, зримо показаны в сцене венчания как идеализированный пример того, что браки совершаются на небесах⁶⁵. Неординарная для русской иконописи сцена находит прототипы на страницах лицевых исторических рукописей, как, например, на миниатюре со сценой венчания и брачного пира Василия III в Лицевом летописном своде (РНБ. Шумиловский том. — Л. 863). Используя мотив, иконописец не заимствует приемов подобных

дробных изображений, он выстраивает композицию столь значимого в иконе эпизода совсем иначе. Она выглядит просто, торжественно и монументально. Именно к ней, очевидно, восходили сцены венчания и на других памятниках иконописи муромского круга, о чем упомянуто в начале статьи. Клейма же с посмертными чудесами объединения Петра и Февронии в одной раке зрительно сливаются в череду непрерывных молебнов у гробов чудотворцев.

Все же популярнее в народе была не эта — «церковная», а занимательная иконографическая версия первой иконы. Именно она использована в образе «Муромские чудотворцы, с житием Петра и Февронии» из Георгиевской церкви в Муроме, приложенном Сидором Матвеевым Лопатиным, посадским человеком (1669. Муромский музей). Икона висела в притворе, где прихожане могли подробно ее рассмотреть. В середине — две семьи князей — Константина и Петра и праведная мирянка Иулиания. Иерархическое главенство старших князей (по сравнению с младшими и женщинами) подчеркнуто их ростом⁶⁶. Это самая ранняя из сохранившихся икон с изображением «Собора Муромских святых». Время ее создания совпадает с формированием и распространением «Муромских житийников», в которых помещались все жития представленных на ней чудотворцев⁶⁷. Образ святой праведной Иулиании на ней — самый ранний из сохранившихся.

Еще при жизни автора жития святой Иулиании в Муроме создается культ его праведной матери, вначале как «чаемой» местнотимой святой со служением панихид, а с 1640-х гг. — и молебнов. «Проповедник жития твоео крестного, явися твой сын Каллистрат, иже поведавшее миру тайный и дивный твой подвиг»⁶⁸. К тому времени уже, видимо, была написана персональная икона святой⁶⁹. Для нас интереснее факт существования образа, своего рода — портрета «святого семейства» Осорьных. Он мог быть создан во второй половине XVII в. и известен только по описанию XVIII в.: «Святые праведные Иулиания Муромския на реке Илевне; подобием аки Елизавет, на главе плат зеленой, верхняя риза баканная исподняя голубья, десница прижата, в шуйце лестовка. А муж ее Георгий надсед, брада аки Григория Богослова, шуба княжеска, киноварная, исподняя зеленая, в шапке, а дщерь ея инока схимница Феодосия; на иконе на старой писаны. А сын ея Димитрий, у него ныне сын Авраамий в Стародубском уезде»⁷⁰. Святая Иулиания уподоблена матери Иоанна Предтечи, возвеличившей Христа, находящегося «во чреве» Богоматери, что возвышало местную праведницу — многодетную мать. Образы мужа и дочери подчеркивали ее путь спасения в семье⁷¹. Иконографии «семейного» образа следуют и современные художники. К четырехсотлетию со дня преставления святой Иулиании в 2004 г. возрожден храм Архангела Михаила в Лазареве, на западном фасаде которого установлен барельеф с изображением ее «святого семейства» (И. Черноглазов). Для этой церкви написаны две иконы святой с супругом и дочерью (И. Сухов).

Одна из них положена на «гробнице», устроенной над тем местом в храме, где под спудом находится могила святого праведного Георгия. Ранее там же была упокоена и святая праведная Иулиания⁷².

Кульб реально жившей в Муромских пределах благочестивой помещицы со всем ее семейством складывался под воздействием культов уже прославленных до нее муромских святых. «Мысль семейная» наиболее развернуто воплотилась в почитании Иулиании. Необычен ее подвиг «в миру», даже в старости не смогла она уйти в монастырь, как, например, родители ее мужа. Удивление и восхищение чистой жизнью праведницы в мирской суете ярко звучит в богослужебных текстах, посвященных ей: «Разум человеческий недоумеает, како блаженная мати, в суете житейстей пребывающее, душою в чертозех небесных немязежно обитала еси... Радуйся, белые ризы душевныя в темном мире хранившая... Радуйся, заре тихокрылая, Муромский край осиявшая; «Господи, аще Иулиания и с мужем поживе, и дети породи, но милостивно к нищим безмерну сотвори, и любовь нелицемерну к ближним показа, того ради по смерти от Тебе прославися»⁷³.

Отражением этих текстов определено являлись ее житийные образы, известные только по упоминанию (1801) одного (у гробницы чудотворицы) и описанию (1909) другого (погост Муська), по которому и была, вероятно, воссоздана иконография иконы Д. Стеллецкого в Париже (1925)⁷⁴. В документе 1801 г. описан надгробный комплекс святой Иулиании в храме села Лазарева: «Рака помещалась на левом клиросе храма и у „подножия гробного“ „стояла“ икона праведной Иулиании с житием ея, написанная красками, а на самом гробе лежали две пелены с ея изображением»⁷⁵. Другой образ с клеймами жития святой находился в церкви погоста Муська (пос. Новлянка) до начала 1930-х гг. и почитался как чудотворный. По местному народному преданию «св. икона эта в глубокой давности явилась на озере „Святе“, отстоящем от погоста на 4-5 верстах, откуда и принесена была в храм». Служение молебнов ей не прекращалось здесь даже в период запрета, наложенного Синодом. Память Иулиании отмечалась не 2 (15) января, а в десятое воскресенье после Пасхи: «До совершения крестного хода в этот же день перед литургией ходят на озеро „Свято“ — место явления чудотворной иконы, где умываются водою сами и умывают детей своих... особенно богомольцы предпочитают молобствовать пред иконой св. Иулиании с грудными своими младенцами»⁷⁶.

Святая праведная Иулиания была изображена на ней в рост в молении Спасителю. В шести клеймах изображалось «Бракосочетание: на главах брачующихся возложены венцы и посреди их совершающийся таинство священник»; «Домашняя молитва праведн. Иулиании пред образом Спасителя»; «Благочестивое служение ея своему мужу; изображен сидящим в кресле вельможка, пред ним стоит жена и посреди их стол, на котором стоит сосуд в виде потира»; «Праведная Иулиания подает милостину 2-3 нищим»; «Погребение

ея: видны священнослужители, обстоящие гроб, а в 6-м — обретение св. мощей ея с предстоящим духовенством и несколькими лицами»⁷⁷. Описанная иконографическая схема связана с памятниками муромского круга XVII в. (мы обращаемся и к упомянутой ее «реконструкции» Д. Стеллецким 1925 г.). Сцена венчания Иулиании и Георгия в храме праведного Лазаря могла восходить к клейму с изображением того же таинства на житийной иконе Петра и Февронии 1618 г.⁷⁸ Сюжет, представляющий супружество как церковное таинство, в обоих случаях знаковый. Изображение клейма с раздачей Иулианией милостыни близко аналогичной сцене на той же иконе Петра и Февронии⁷⁹. Их объединяет мотив личного участия в судьбе «сирых и убогих» и раздача милостыни из собственных рук, а не через слуг. Совсем «мирская» сцена, где Иулиания показана как жена — в «благочестивом служении своему мужу», подобна сценкам на дубках и предметах прикладного искусства XVII-XVIII вв., отражающих «правильное» поведения жены в семейном кругу, соответствующее предписаниям «Домостроя» — литературного памятника, повлиявшего на характер произведения Дружинины Осорьина⁸⁰. «Как своеобразную житийную икону» можно рассматривать раку святой Иулиании (1888. Храм Николая Набережного в Муроме) с четырьмя сюжетными клеймами, в которых, в отличие житийного образа с нетрадиционной темой «спасение в миру», сделан акцент на «спасении в церкви»⁸¹.

Приостановление церковного почитания Иулиании (1800-1868) повлияло на иконографию «Собора муромских чудотворцев». На иконе «Собор муромских чудотворцев с избранными святыми» (кон. XVIII-нач. XIX вв. Муромский музей), большинство которых — покровители семейного очага (в т. ч. — Гурий, Самон и Авив), возможно нарочито, вместо праведной Иулиании изображена святая мученица Параскева (Пятница)⁸².

Почитание святой праведной Иулиании было возобновлено в 1867-1868 гг. Епископ Евгений заметил, что неясно, что послужило толчком к таким действиям церковных властей: «Заметно только, что около этого времени в образованном нашем обществе возбуждается некоторый интерес к памяти праведной Иулиании»⁸³. Закономерно пробуждение интереса к этой подвижнице, служившей сирым и убогим, делившей хлеб со своими рабами, в русском общества 60-х гг. XIX в., когда страна, наконец, решила отменить крепостное право. Интересно, что А. Н. Островский находился под обаянием «идеального характера» муромской святой. Известно, что Иулиания Лазаревская послужила прототипом благочестивой вдовы Марфы Борисовны, героини его драматической хроники «Козьма Захарыч Минин, Суворук». «Открытие характера» в житии Юлиании Лазаревской привело к созданию замечательного женского образа, соединившего средневековую и новую литературу»⁸⁴.

«Домашним» почитанием окружили образ святой Иулиании (Ульянии Устиновны Осорьиной)

ее потомки. Род Осоргиных (Осоргиных) при царе Алексее Михайловиче переселяется с Муромской земли. В 1840 г. поселяются под Калугой. В селе Сергиевском Калужского уезда в 1893 г. по их инициативе при церкви было основано братство во имя святой Иулиании. Такое же — в Томской губернии (среди их учредителей был святой Иоанн Кронштадтский). М. М. Осоргин, бывший гродненским губернатором, сообщал: «В семье всегда чтится память праведн. Иулиании, как родоначальницы, хотя почитание ея (до 1893 г.) и ограничивалось семейным кругом... и даже не было иконы ея у нас... Родившаяся в 1892 году дочь названа мною в честь праведной Иулиании... За неизмением в семье иконы правед. Иулиании я обратился в Троицкую Сергиеву Лавру с просьбою приобрести икону, и таковых выслали две: одну для братства, другую нам — в семью. Праведная изображена на золотом фоне во весь рост с молитвенным взором, обращенным к небу»⁸⁵. Список с этой «домашней» иконы в 1999 г. был привезен в Муром из Парижа (Никола-Набережная церковь)⁸⁶. Тип изображения Иулиании в богатых одеяниях «продиктован» здесь и сословной принадлежностью святой к русскому дворянству. После революционных событий в России, в конце 1920-х гг., потомки праведницы вынуждены были покинуть Родину. Оказавшись за рубежом, они продолжали почитание святой своего рода и бережно хранили ее «семейный» образ. В 1930 г., когда в семье М. М. Осоргина в Париже родилась дочь, ее по традиции назвали Ульяной, а княжна Елена Львова написала образок ее небесной покровительницы, который поместили над колыбелью (У. М. Осоргина никогда не расстается с ним)⁸⁷.

Существует и местная традиция изображать праведную Иулианию в образе крестьянки, ведь она так опростилась, что даже обликом уже не отличалась «от рабов своих». Такой ее образ находился у гробницы в Лазареве (известен по снимкам 1930-х гг.); той же иконографии ее современная надгробная икона

(о. Н. Абрамов. Храм Николы Набережного в Муроме). Словно с полотна М. В. Нестерова или И. С. Куликова сошла и фигура святой Иулиании — девушки в сарафане и с букетиком полевых цветов в упомянутой росписи начала XXI в. (Благовещенский монастырь в Муроме).⁸⁸

Вместе с житиями чудотворцев «Муромский цикл» включает и два сказания о местных святых — Унженском и Виленском крестах, содержание и характеры персонажей которых перекликаются с нашей темой. Первое прославляет двух идеальных женщин, сестер Марфу и Марию, обретших чудотворный крест. Их мужья — Иоанн и Логин — муромец и рязанец, поссорившись, запретили своим женам видаться. Только овдовев, любящие сестры смогли встретиться. Мужчины в Повести — символ раздора, а женщины — единения и любви. Во втором два главных героя — арзамасец Василий Микунин и муромец Богдан Цветной. Первый обретает крест и приносит в Муром второму, который выставляет святыню для поклонения в Троицком монастыре⁸⁹. Здесь интересна тенденция к прославлению реального мирского человека, благочестивого муромского жителя XVII столетия, купца московской гостиной сотни Тарасия Борисовича Цветнова⁹⁰. В обоих сказаниях христианские реликвии по умыслу Божьему даются мирянам как награда за их праведность.

Рассмотренный комплекс материалов и памятников искусства, отражающих почитание муромских чудотворцев, свидетельствует о специфике культа муромских святых, прославленных «семьями», и который имеет тенденцию к оправданию и идеализации праведной жизни вне монастыря. Выявление особенностей почитания местных святых в других древнерусских городах (что уже делается некоторыми исследователями) представляется нам чрезвычайно важным. Культ местнотимых святых тесно связан с региональными особенностями и дает большие возможности для изучения локальной истории и культуры.

¹ Руди Т. Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII-XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. — СПб., 1994. — С. 207-214.

² Мельник А. Г. «Город юродивых» // Юродивые в русской культуре. Научная конференция, посвященная 450-летию со дня преставления св. Василия Блаженного. Государственный Исторический музей. — 2007 (в печати).

³ Епанчин А. А. «Господь поставил меня собирателем». Из краеведческого архива А. А. Епанчина. — Муром, 2002. — С. 40.

⁴ Кротов М. Г. Новое об авторе Жития Улиании Лазаревской // ПКНО. 1985. — М., 1987. — С. 16-18; Руди Т. Р., Соколова Л. В. Осоргин Каллистрат (Дружина) Георгиевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. — СПб., 1993. — Ч. 2. — С. 429-433; Руди Т. Р. «Житие Юлиании Лазаревской». Исследование. Тексты. — СПб., 1996. — С. 3-16; Козляков В. Н. Русский город Московского государства XVII века. — Ярославль, 2000. — С. 163-164.

⁵ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. — Л., 1979. — С. 117; Евгений, еп. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской. — Муром, 1910. — С. 19-24.

⁶ Буслав Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Исторические очерки русской народной словесности и искусства.

— СПб., 1861. — Т. 2. — С. 238-268; Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси. — М., 1896.

⁷ Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — М., 2004. — Кат. 19. — Ил. с. 162; она же. Житийные иконы Петра и Февронии (в печати); Евгений, еп. Указ. соч. — С. 25-26. — Прим. 1. С. 25; Сухова О. А. Образ Юлиании Лазаревской в искусстве Древней Руси и церковных произведениях XIX-нач. XXI вв. // Милостивая. Праведная Иулиания Муромская (Лазаревская). 400-летию со дня преставления. — Муром, 2004; она же. Иконография Святой праведной Иулиании Лазаревской (Муромской) // Православная энциклопедия. — Т. «И» (в печати).

⁸ Толстой М. В. Книга глаголемая описание о российских святых. — М., 1887.

⁹ В указ. издании М. В. Толстого подобного предисловия нет. О принадлежности списка историку Н. М. Карамзину см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1867 год. — СПб., 1868. — С. 55. Описание — С. 61-62.

¹⁰ Анализ проведен по указ. изданию М. В. Толстого.

¹¹ Федотов Г. П. Канонизация святого Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988-1938. — Белград, 1938. — С. 194-195.

¹² Толстой М. В. Книга глаголемая... — С. 242-247; Книга

- глаголемая Російских святыхъ... (РНБ. — QI 603. — Л. 60об.)
- ¹³ Толстой М. В. Указ.соч. — С. 29.
- ¹⁴ Там же. — С. 215-228.
- ¹⁵ Переславля Рязанского // Там же. — С. 108-111, 239-241.
- ¹⁶ Там же. — С. 108-111.
- ¹⁷ Там же. — С. 6-7, 8-9; 25, 29.
- ¹⁸ Там же. — С. 31-32, 45-46.
- ¹⁹ Там же. — С. 50, 56.
- ²⁰ Там же. — С. 57-76.
- ²¹ В храме Николы Набережного в приделе Федора Стратилата «образ местный Федора Стратилата да великие Христовы мученицы Ирины на одной доске на празелени». Писцовая книга города Мурома 1637 года (верно — 1636. — О. С.) // Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — С. 153. Небесные покровители этих царственных супругов и их дочери представлены на иконе «Святитель Николай, с избранными святыми», выполненной по их заказу (Москва, ок. 1592 г. Сергиево-Посадский музей-заповедник. Инв. 5603). На полях ее изображены Федор Стратилат (в третьем регистре слева) и святая мученица Ирина (в том же регистре справа). В пятом ряду — преподобная Феодосия, святая царевна Феодосия, умершей в младенчестве. Имя ее, вместе с родителями, обозначено на вкладной надписи муромского покровца Петра и Февронии 1593 г.
- ²² Толстой М. В. Книга глаголемая... — С. 75-76.
- ²³ Там же. — С. 183-184.
- ²⁴ Там же. — С. 148.
- ²⁵ Там же. — С. 185.
- ²⁶ «Вследствие того рака благоверной княгини запечатана, иконы ея, служба и житие отобраны и спрятаны архиепископом тверским, пение молебнов запрещено, храм, созданный во имя ее в Кашине, освящен вновь во имя всех святых». — Там же. — С. 191.
- ²⁷ Там же. — С. 209-210.
- ²⁸ Там же. — С. 213.
- ²⁹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Л., 1926-1928 (репринт — М., 1997). — Т. 1. — Стб. 450.
- ³⁰ Татищев В. Н. История Российская. — М., 2003. — Т. 2. — С. 532. Есть мнение, что это была сестра Давида. См.: Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. — М., 1903 (репринт. — М., 1998). — С. 55-56, сн. 2.
- ³¹ См.: «Житие святого благоверного князя Константина и чад его, благоверных князей Михаила и Феодора, Муромских чудотворцев» по рукописи перв. пол. XIX в. — МИХМ. инв. № М-2325 // Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006. — Приложение. С. 253; Рукописные книги собрания М. Г. Погодина. Каталог. — СПб., 1992. — Вып. 2. — РНБ. — № 571. — С. 182. Об этом летописном отрывке см.: Травчетов Н. П. Кого из Муромских князей следует разуметь под именем «благоверного князя Петра, в иночестве Давида, Муромского чудотворца»? (По поводу доклада г. Квашнина-Самарина «о князьях Муромских» на Тверском областном съезде). — Владимир, 1908; нами выявлен ранее неизвестный список XVII в. «О родословии муромских князей» (РНБ. — Титова. — № 2152. — Л. 217об.-218); МИХМ. — Инв. № М-2232; 2230/16; 2233/19. — Л. 48об., 20об.-22; 8(9)об.-9 (10).
- ³² Титов А. А. Историческое обозрение города Муром (1933) // Труды ВГУАК. — Владимир, 1902 (репринт. Муром, 1991). — Кн. IV. — С. 21-22; Сн. 31. С. 92.
- ³³ Еланчин А. А. Забытые святые и святыни Муром // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 68-69.
- ³⁴ «Служба святого благоверного князя Константина и чад его, благоверных князей Михаила и Феодора, Муромских чудотворцев» по рукописи перв. пол. XIX в. — МИХМ. Инв. № М-2325 // Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора... — Приложение. С. 243.
- ³⁵ «Житие святого благоверного князя Константина и чад его...». — С. 248.
- ³⁶ Сурожский Антоний, митр. Беседы о вере и Церкви. — М., 1991. — С. 208-209.
- ³⁷ «Служба святого благоверного князя Константина и чад его...». — С. 239.
- ³⁸ Там же. — С. 241, 243.
- ³⁹ Сухова О. А. Шитый покров Муромских князей // ПКНО. 1990. — М., 1992. — С. 389-402. Несохранившиеся два «древних» тройные образа князей, один из которых по житию был принесен из Пскова, известны по дореволюционным источникам: НАМИХМ. Писцовая книга города Муром 1636. Рукопись XIX в. — Л. 32об.; Мисаил, архим. Святой благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почивают мощи князя и чад его Михаила и Феодора // Труды ВГУАК. — Владимир, 1906. — Кн. VIII. — С. 121; Косаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. — Ч. I. Монастыри. — С. 54.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора... — С. 32-39.
- ⁴¹ Ей посвящена монография: Сухова О. А. Житийная икона... — С. 32-39.
- ⁴² Варианты этого предания известны от краеведа А. А. Еланчина. Один из вариантов приводится в книге: Еланчин А. А. Господь поставил меня собирателем... — С. 17.
- ⁴³ Тагунова В. И. К вопросу о появлении культа Петра и Февронии Муромских // ТОДРА. — М.-Л., 1961. — Т. XVII. — С. 340; Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии... — С. 98-100; Ф. Г. Спасский полагал, что текст службы Петру и Февронии был создан не ранее середины XVI в. — См.: Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество (по современным минеям). — Париж, 1951. — С. 156-160; М. Б. Плюханова придерживается мнения, что рукописный устав Синодального собрания, так называемый Коломенский, относится к 1548 г., как определял его архимандрит Сергей. См.: Сергей, архим. Полный месяцеслов Востока. — Владимир, 1901. — Т. 2. — С. 193. Она также считает, что рукопись из собрания Шибанова имеет не вполне ясную датировку (конец XV-начало XVI вв. и 1515), и что нет достаточно веских доказательств раннего происхождения краткой службы Петру и Февронии. См.: Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. — СПб., 1995. — С. 269. — Прим. 197.
- ⁴⁴ Тихонравов К. Город Муром, история его и древности // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — С. 82; Белоцветов Л., священник. Муромский Богородицкий собор. — Муром, 1907. — С. 41; Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. — Муром, 1913. — С. 21; Добрынкин В. Н. Муромский Богородицкий собор. — Владимир, 1915. — С. 5; Самойлова Т. Е. К истории почитания Петра и Февронии Муромских // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003. — С. 111.
- ⁴⁵ Писцовая книга города Муром 1626 г. писцов Григория Федоровича Киреевского и Петра Горемыкина. Рукопись первой трети XVII в. Происходит из собрания рукописей ростовского краеведа А. А. Титова. В Российскую Национальную (Публичную) библиотеку поступила из Ростовского музея (Ярославской обл.)
- ⁴⁶ См.: Травчетов Н. П. Город Муром, его достопримечательности. Очерк истории и современного состояния города. — Владимир, 1903. — С. 76-77. — Прим. 1. С. 77; Белоцветов Л. Указ. соч. — С. 18, 31; Добрынкин В. Н. Муромский Богородицкий собор. — Владимир, 1915-С. 17; Седов Вл. В. // Восточно-христианские реликвии. — М., 2003. — С. 448; Мельник А. Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVI-начала XVII века // Там же. — С. 534-538; Еланчин А. А. Господь поставил меня собирателем. — С. 78, 80.
- ⁴⁷ Белоцветов Л. Указ. соч. — С. 31; Еланчин А. А. Господь поставил меня... — С. 78, 80.
- ⁴⁸ Летописец начала царств // ПСРЛ. — 1965. — Т. 29. — С. 86; Никоновская летопись // ПСРЛ. — 1965. — Т. 13. — С. 192.
- ⁴⁹ Летописец начала царств. — С. 87-88.
- ⁵⁰ Самойлова Т. Е. К истории почитания... — С. 112.
- ⁵¹ Плюханова М. Б. Указ. соч. — С. 225-226, 229-230.
- ⁵² Никольский А. И. София Премудрости Божья: Новгородская редакция иконы и службы св. Софии // Вестник археологии

и истории, изд. Имп. археол. ин-ом. — СПб., 1906. — Вып. XVII. — С. 5; Филимонов Г. Д. Очерки русской христианской иконографии: София Премудрость Божия // Вестн. Об-ва древнерус. искусства при Моск. публ. музее. — 1874. — № 1/3. — Прилож. — С. 7; Минея. 11: Июль. — М., 1988. — Ч. 2. — С. 12; Плоханова М. Б. Указ. соч. — С. 225.

⁵³ Служба Петру и Февронии. Рукописный сборник первой половины XIX в. // МИХМ. — Инв. 2325. — Л. 116об.

⁵⁴ Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Петр и Феврония муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРА. — М., 1985. — Т. XXVIII. — С. 143.

⁵⁵ Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI века // ТОДРА. — М.-Л., 1966. — Т. XXII. — С. 264-276; Самойлова Т. Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. — М., 2004. — С. 189, 190. — Илл. с. 194, 196. Масленицын С. И. Муром. — М., 1971 — С. 13. — Илл. 40-42; Uit het hart van Rusland Ikonen en miniaturen. — Utrecht, 1999. — Cat. 46-47. — S. 138. III. — S. 139; Гаврилова Н. В., Федорова К. В. Праотеческо-пророческий и деисусный чины иконостаса XVII в. из собрания Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева // VIII Филевские чтения — М., 2003. — С. 24-25; Федорова К. Праотеческо-пророческий и деисусный чины иконостаса XVII и XIX вв. из собрания Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева // Материалы IX Боголюбовский чтений — Саратов, 2004.

⁵⁶ «Монастырское письма по золоченому фону». Опись древних церквей города Мурома и древних предметов в них находящихся. Рукопись конца XIX-начала XX вв. // НА МИХМ. — № 29/III. — Л. 43.

⁵⁷ Шведова М. М., Борисенко И. Г. «Обитель пресветлая и дивно украшенная...» Путеводитель по экспозиции. К 480-летию основания Новодевичьего монастыря. — М., 2004. — С. 13-14. — Илл. С. 15-17.

⁵⁸ Маясова Н. А. Кремлевские светлицы при Ирине Годуновой // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. — М., 1976. — Вып. II. — С. 51-54; Сухова О. А. Града Муром святые // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 47-49; она же. Коллекция лицевого шитья в Муроме / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Древнерусское художественное шитье. — М., 1995. — Вып. X. — С. 82-85.

⁵⁹ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии... — С. 315-316.

⁶⁰ Служба Петру и Февронии ... — Л. 116, 129об., 130, 130об.

⁶¹ Мощи в Покровском соборе Хотькова монастыря. Уже в XVI в. в лицевом житии преподобного Сергия они изображаются с нимбами, а с конца XVIII в. становятся местнотимыми святыми. На распространенных иконках-евлогиях XIX в. преподобный Сергий изображается у гроба, где его родители покоятся рядом, как и муромская чета святых. В 1992 г. на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви совершилось общецерковное прославление святых преподобных Кирилла и Марии. См. о них: Федосеева М. В. К истории прославления родителей преподобного Сергия Радонежского чудотворца // II Международная конференция. Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. — Сергиев Посад, 2000. — С. 30-31; Любопытно изображение (без нимбов) на «парсуне» XIX в. монашеской супружеской четы «Великого князя Олега Рязанского и великой княгини его Ефросинии, супруги его». При публикации обозначено, что это копия («снимок») с образа XIV в. См.: «...Чтобы не преслапа память родителей наших и наша свеча не погасла». Изборник. Были и предания Рязанского края. — Рязань, 1995. — Илл. с. 117. В клеймах рассмотренной в данной статье муромской иконы, посвященной Константину, Михаилу и Феодору 1714 г., этот рязанский князь изображен с нимбом.

⁶² Сухова О. А. Житийные иконы Петра и Февронии (в печати). Исследование по данной теме осуществлялось в 2005 г. при поддержке гранта РФНФ.

⁶³ МИХМ. — Инв. № М-6608. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 17.- С. 128-140. — Илл. с. 130-131, 134-135, 137-138, 141-147; А. А. Титов. Историческое обозрение города Муром. ... — С. 22.

⁶⁴ МИХМ. — Инв. № М-6607. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 19. — С. 150-159. — Илл. с. 151, 154-155, 157-158, 160-167; Бахрушин С. Андрей Палицын — русский интеллигент XVII столетия // Века. Исторический сборник. — Пг., 1924. — С. 75-110.

⁶⁵ Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 19. — Илл. с. 162.

⁶⁶ МИХМ. — Инв. № М-6607. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 39. — С. 21-220. — Илл. с. 219, 221-227. В других муромских памятниках иконографии такой разницы в росте святых нет, но она имеет место в ярославских.

⁶⁷ Руди Т. Р. «Житие Юлиании Лазаревской». — С. 82.

⁶⁸ Акафист св. прав. Иулиании Милостивей, иже в селе Лазареве близ Муром (1604 г.). Машинопись из алтаря собора муромского Благовещенского монастыря. Кондак 6.

⁶⁹ Он упомянут в двух рукописях жития XVII в. в связи с одним из исцелений у гроба праведной. Икона эта, очевидно, находилась в храме Собора Архангела Михаила, возведенного вскоре (в 1614 или 1616 гг.) над местом упокоения св. прав. Иулиании рядом с церковью праведного Лазаря в с. Лазареве под г. Муромом. См.: Евгений, еп. Указ. соч. — С. 8-9.

⁷⁰ Сводный иконописный подлинник XVIII в. // Вестник общества Древнерусского искусства под ред. Г. Д. Филимонова. — М., 1874. — № 4-5. — С. 27.

⁷¹ О местном почитании в Муроме в XVII—нач. XVIII вв. мужа и дочери Иулиании — Георгия праведного и Феодосии — «иноки» см.: Епанчин А. А. «Господь поставил меня собирателем...» — С. 40.

⁷² Лазаревский приход // Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. — Владимир, 1897. — Вып. IV. — С. 214-218.

⁷³ Акафист св. прав. Иулиании... — Икосы 2, 5, 7; Служба св. прав. Иулиании // Житие св. прав. Иулиании и служба ей, изд. епископом Муромским Евгением. — СПб., 1910. — С. 39.

⁷⁴ Св. прав. Иулиания почиталась в первые десятилетия XVIII в. в селе Лазареве как святая. Об этом свидетельствует специально устроенная в 1710 г. рака и сень над ней, созданная в 1713 г., а также приложенный еще до этого в храм с. Лазарева к мощам праведницы серебряный крест-мощевик 1704 г. (МИХМ). См.: Сухова О. А. Кресты-мощевики в собрании Муромского музея // Ставрографический сборник. — М., 2005. — Кн. 3. — Кат. 3. — С. 534-536. — Илл. с. 534. Во второй половине XVIII в. возникли препятствия к церковному прославлению праведницы со стороны церковных властей. В 1801 г. было составлено секретное следственное дело о гробе Иулиании, что привело к «отобранию всех икон Праведн. Иулиании, бывших в храме села Лазарева, для помещения их в ризницу Архиерейского дома». См.: Евгений, еп. Указ. соч. — С. 18, 19, II. Ее иконы из Лазаревского храма, в т. ч. житийная, не сохранились. Житийный образ Иулиании Д. С. Стелецкого 1925 г., находящийся в храме Сергия Радонежского в Париже, опубликован: Толстая А. Ф. Праведная Иулиания Лазаревская. — Париж, 1927 (?); Кологривов И., иером. Очерки по истории русской святости. — Брюссель, 1961. — Илл. между с. 256 и 257; Сухова О. А. Образ Юлиании Лазаревской в искусстве Древней Руси и церковных произведениях XIX-нач. XXI вв. // Милостивая. Праведная Иулиания Муромская (Лазаревская). 400-летию со дня преставления. — Муром, 2004. — С. 125. Илл. на вклейках между С. 114-115.

⁷⁵ Епархиальные церковные власти предприняли попытку полностью разрушить надгробный комплекс, а гроб зарыть в землю. По решению Синода гробницу все же оставили. См.: Евгений, еп. Указ. соч. — С. 19, 24.

⁷⁶ Там же. — С. 25-26, 34.

⁷⁷ Там же. — С. 25-26. — Прим. 1 с. 25. По преданию, перед закрытием храма в погосте в 1932-33 гг. икона чудесным образом «ушла» в Лазареве. См.: Епанчин А. А. «Господь поставил меня собирателем». — С. 40-41.

⁷⁸ Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 19. — С. 150-167. — Ил. с. 162. Считается, что в сцене венчания св. прав. Иулиании и Георгия был изображен священник Потапий (Гимен), после пострига поставленный в архимандриты муромского Спасского монастыря.

⁷⁹ Там же. — Ил. с. 151.

⁸⁰ Бусева-Давыдова И. Л. Житие Юлиании Лазаревской: опыт интерпретации // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003. — С. 106-110.

⁸¹ Через двадцать лет после официального возобновления почитания святой Иулиании (1867-1868) была создана новая гробница. См.: Сухова О. А. Образ Юлиании Лазаревской в искусстве Древней Руси и церковных произведениях... — С. 118-120. Ил. на вклейке между с. 4-5, 114-115, 230-231. Отдельные сцены из жития св. прав. Иулиании даны на четырех клеймах, расположенных по сторонам раки. Состав их следующий: 1. «Глас от иконы Богоматери, слышанный иереем о прав. Иулиании»; 2. «Прав. Иулиания раздает милостыню»; 3. «Явление Николая Чудотворца Прав. Иулиании»; 4. Последнее клеймо — «Преставление св. прав. Иулиании». Раку св. прав. Иулиании см.: Сазонов С. В., Сазонова Е. И. Иконография Ульянии Лазаревской // Русские исторические деятели в иконе. Тезисы докладов научной конференции. — М., 1995. — С. 52.

⁸² Образ поступил от муромского художника М. К. Левина (1918-1985) (МИХМ. — Инв. № М-6787. Дерево, темпера, металл, чеканка. 32,5 x 29,5 см). См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 73. — С. 350. — Ил. с. 151. Любопытно также изображение св. прав. Иулиании с измененной именуемой надписью в среднике маленького трехстворчатого складня нач. XIX в. (МИХМ. — Инв. № М-6803. 7,8 x 22,5 см). См.: Сухова О. А. Шитый покров Муромских князей... — Ил. с. 400. В центральной части дано изображение иконы «Богоматери Муромской». С двух сторон от нее показаны «троицы» муромских чудотворцев (полуфигуры). Справа вместе со св. Петром и Февронией изображена св. прав. Иулиания. Над ней надпись: «С УЛБЯНІЯ МЧНИЦА».

⁸³ Евгений, еп. Указ. соч. — С. 26. В 1858 г. повествование о ней помещается в «Русском Вестнике». В 1861 г. Ф. И. Буслаев издает свои «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», где помещает очерк «Идеальные женские характеры Древней Руси». Значительная часть его работы посвящена св. прав. Иулиании. Ф. И. Буслаев писал о ее деятельном благочестии, о том, что «ей должно было спастись в той неблагоприятной для спасения среде, в которой суждено было ей провести свою жизнь». См.: Буслаев Ф. И. Идеальные женские

характеры Древней Руси. — С. 268. Всего пять женщин на Руси были причислены к «лику святых». В их числе Феврония Муромская. А прав. Иулиания такой чести не была удостоена. В 1861 и 1865 гг. архиепископ Черниговский Филарет помещает житие св. прав. Иулиании в своем труде «Русские святые, чтимые общецерковно и местно». Но официальное почитание праведницы начинается только через несколько лет после этих публикаций.

⁸⁴ Руди Т. Р. «Житие Юлиании Лазаревской». — С. 101.

⁸⁵ Евгений, еп. Указ. соч. — С. III. — Прим. 1 с. 20. — С. 30-31. — Прим. 2. С. 30.

⁸⁶ Сухова О. А. Образ Юлиании Лазаревской... — С. 124. Ил. на цв. вклейке между с. 230-231.

⁸⁷ В настоящее время она живет в США (в Санга-Фе). При посещении Муром 14 августа 2006 г. она позволила нам познакомиться с этой иконкой. См. также: Самарина У. С. О домашнем почитании св. прав. Иулиании Лазаревской // Милостивая. Праведная Иулиания... — С. 54-64.

⁸⁸ Сухова О. А. Образ Юлиании Лазаревской... — С. 128-130. Ил. на цв. вклейке между с. 114-115.

⁸⁹ См.: Брун Т. А. К вопросу о возникновении сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси. — Л., 1980. — С. 216-226; она же. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. — Л., 1979 — Т. 34. — С. 323-331; она же. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2: XVI-начало XVIII веков. — М., 1989. — С. 210-211; Руди Т. Р. Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. — СПб., 1999. — Т. 51. — С. 232-242; она же. Муромский цикл повестей... — С. 210; Пудко В. Г., Сухова О. А. Виленский крест в «Повести» и мощевик Троицкого монастыря // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003. — С. 135-141.

⁹⁰ О нем см.: Сухова О. А. Группа серебряных вкладных вещей из собрания Муромского историко-художественного музея // Сборник Калужского художественного музея. — Калуга, 1993. — Вып. 1. — Ч. 1; она же. Древности Муромского Троицкого монастыря // Уваровские чтения-II. — М., 1994; она же. Чудотворные Сретенский и Виленский кресты в Муроме // Ставрографический сборник. Кн. 2. Крест в Православии. — М., 2003; она же. Иконопись Муром XVII-начала XIX века // Сухова О. А. и др. Иконы Муром; Перхавко В. Б. Купечество и культура русского города XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время (11-18 вв.). Проблемы культуры и культурного наследия. — М., 2003. — С. 181-191.

Т. В. Краюшкина (Владивосток)

СВЯЗЬ МОТИВОВ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТЕЛЕСНЫХ СОСТОЯНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)¹

Значительное количество сюжетов волшебной сказки повествует о создании или о восстановлении брака. Группа мотивов брачных отношений в сказке отражает не только исторически существовавшие формы брака, но и обнаруживает зависимость от древних мифологических представлений славян. В свою очередь, группа мотивов брачных отношений связана с группой мотивов телесных состояний, также широко представленных в сказке.

Группа мотивов телесных состояний состоит

из пяти основных групп, куда включены признаки тела, изменения внешнего облика, экстерорецептивные и органические ощущения, а также физиологические потребности организма. Четкая связь с мотивами брачных отношений (а именно с мотивами установления брачных отношений) прослеживается у группы мотивов изменения телесных состояний. В эту группу входят мотивы оборотничества, переодевания, ношения одежды, наготы и прятков.

Наибольший интерес в связи с анализируемым

мотивом представляют сказки на сюжет **530 Сивко-бурко**². В них герой изначально имеет низкий облик. С помощью коня, подаренного отцом, он может принимать обличье богатыря, но до времени эта способность сохраняется им в тайне.

Герой выполняет задание — допрывивает до царевны, сидящей высоко в тереме, и та метит героя следующими способами: «Царская дочь заклеимила его лоб своим клеймом и поцеловала его»³. Царевна клеймит героя, это изменяет его облик. Данное обстоятельство вынуждает героя прибегнуть к маскараду и таким образом скрыть мету.

Данный тип маскарада (скрывание меты) можно назвать неполным. Герой с этого момента еще больше пытается подчеркнуть свою принадлежность иному миру, что видно из его поведения: «Сам соплями замазался, тряпницами завесился, корчагу на голову — сел на печку и сидит»⁴. Кроме того, герой мажется сажей. Налицо аналогия с традиционным ряженьем: рядились, как правило, в то, что в обычном понимании не являлось одеждой (в ход шли веники, лукошки, кошелки) или же пользовались вывернутыми шубами, непарной обувью и т. д., а лица ряженные мазали сажей и золой.

Следующий эпизод, важный для анализа мотива, связан с выявлением героя, выполнившего задание. Царь или царевна собирают гостей и ищут среди них жениха. «А тот Ванюшка сел самый последний, крайний, дальше его нет. Какой был грязный, такой же и здесь сидит»⁵. Герой даже может исключать себя из локуса людей, еще раз обозначая свое не соответствующее норме поведение, кроме того, он не бодрствует: «На свадьбе залез в свинарник и спит с чушками»⁶.

Герой приходит на пир переодетым и продолжает играть образ того, чей облик принял. Так, не сознается, что именно он и есть жених. Налицо маскарадная смена ролей: жених приходит на свадьбу как гость. Царевна обнаруживает его среди других персонажей и замечает завязанный лоб или палец. Иван называет вымышленную причину, почему его палец или лоб перевязаны. Подчеркивается связь между якобы имеющими место ранами и животным, которым оно якобы нанесено:

- Чо у тебя лоб-то завязан?
- Да кобыла лягнула.
- А палец пошто замотал?
- Да кобылу зауздывал — она укусила (а он персень замотал)⁷.

После того, как выясняется, кто выполнил задание царевны, героя моют и одевают в хорошую одежду, что является не только одним из признаков повышения его социального статуса, но и возвращением в наш мир (очищение от ритуальной грязи — снятие испачканной одежды, очищение тела от сажки): «Послала царевна свою служанку умыть и одеть почище ея жениха»⁸.

В некоторых вариантах сказок на этот сюжет Иван и после свадьбы продолжает демонстрировать принадлежность иному миру. Так, герой молчит. Царевна «с ём по саду прогуливалас, несколько держала с ём речей, а дурак ничего не говорит»⁹. Молчание является

одним из признаков ряженных, принадлежащих иному миру. Поведение Ивана — ритуальное, оно воспринимается сказочными персонажами как поведение умственно неполноценного человека: «Отвели лысенькому помещение во дворце, но он убежал в сад, разрыл кучу назьма и зарылся в нем... а кругом ходили богато убранные гости и дивились невиданному веществу (существу)»¹⁰. В некоторых вариантах герой продолжает вести себя как ребенок: «Незнаюшка знай ходит по лесу да пташек гонят — вот вся его работа»¹¹.

В сказках на сюжет **532 Незнайка** герой, переодеваясь, принимает низкий облик, это помогает ему попасть на территорию невесты. В этом случае низкий облик не является для героя исконным. Изменение облика происходит на территории невесты — в чужом для героя пространстве.

Если у героя есть помощник, то изменение облика будущего жениха происходит по его совету. Часто герой принимает звериный облик, переодеваясь в наряд из звериных шкур, что роднит переодевание с оборотничеством. Совет изменить облик иногда исходит от тотемного животного — жеребенка: «Ну, теперь вот что сделай: убей вола, овцу и козу; сними с них шкуры и надень на себя, потом пойдти мимо царского дворца»¹². Если помощник в сказке отсутствует, то инициатором переодевания становится сам герой. В сказке подчеркиваются огромные размеры шубы: она может шиться даже из ста овчин. Иван Яблочкин заказывает себе шубу из сорока овчин. Снова появляется мотив грязи: «И вот теперь ходит по городу, разматает шубой пыль по улице и разматает грязь по улице. Представил себя неумытым, не стал умываться, бриться и стричься»¹³.

Герой может принимать облик и неведомой зверюшки. Купеческий сын по совету старичка пошел на базар и «купил шнурок, купил котелок, купил клей и купил клопчатую гумагу и принес старичку, и зял старичок, стал клеить и склеил шкурку... оборотил как собачонку и шнурком затянул»¹⁴. Обращает на себя внимание необычность материала, который идет для создания одежды. В этом варианте сказки просматривается связь с тем, что Л. Ивлева назвала антиодеждой ряженных.

Старичок выстраивает дальнейшее поведение героя: на все вопросы нужно отвечать одну и ту же фразу, например, «„Жили-жили“, — больше ничего»¹⁵, т. е. использовать в речи т. н. глоссолалии (заумь). В другой сказке герой по совету помощника все время в качестве ответа называет свое новое имя — Зеленый. Это имя соответствует новому облику будущего жениха (по его просьбе старик сделал юношу зеленым). Часто в качестве ответа герой использует фразу «Не знаю», за что его и прозывают Незнайкой (т. е. будущий жених и в этом случае на чужой территории получает новое имя). Жеребенок налагает запрет говорить что-то еще, кроме имени: «Тебя увидят и позовут к королю, что бы он тебя ни спрашивал, говори: „Лысеный-Плешивый“ — и больше ничего не говори»¹⁶. Изменение имени прослеживается и в ритуалах традиционной куль-

туры, в том числе является одной из составляющей свадебной обрядности (жених и невеста именуется по полной форме имени с добавлением отчества).

Необычное поведение и внешний облик героя обращают на него внимание царя, который берет его к себе в слуги. Герой сознательно скрывает свое богатство, и его принимают за дурака. Шубы и вывернутые тулупы напоминают костюмы ряженых, изображавших покойников, а неумьтость, нестриженные волосы и ногти также являются признаками представителей иного мира.

В сказке может отсутствовать составляющая сюжета, где герой попадает на территорию невесты сначала в качестве неведомого зверя или слуги. Царевич едет с дядями торговать в иные земли и попадает в государство, где царевны сами выбирают себе женихов. «Послал Ополон-царевич дядю купить большепольный и большехукий малахай и лапти, чтоб три пальца шириной и три аршина длиной. И вот он нарядился в это, умазался сажей и пришел... между ширинки (шеренгу) встал — ни в ту ширинку и ни в другу»¹⁷. Как видим, герой, чтобы привлечь к себе внимание невесты, прибегает к привычному для сказки приему маскарада и нестандартного поведения. Это помогает ему жениться на царевне.

Его истинная богатырская сущность проявляется в тот момент, когда герой совершает подвиг. Отправляясь на спасение царевны, отданной в жертву Змею, герой вновь прибегает к переодеванию, но уже в одежду, соответствующую его истинной богатырской сущности, делая это тайно от окружающих: «За город завернулся, шкурку шкинул, на лешинку повесил и пришел своему дедушке на показанные места»¹⁸.

Об истинном облике героя царь и царевна узнают как будто случайно. Герой в образе богатыря побеждает змеев. Жена находит у себя дома спящего незнакомого богатыря, бежит за отцом. «Вот он заходит, видит, такой богатырь спит: по локоть руки в золоте, по колен ноги в серебре, во лбу красное солнце, в затылке светел месяц, по косицам частые звезды. Зрел бы, смотрел, очей не сводил, и на плечах надпись написана: „Ополон-царевич“. Царь стал его будить. Когда разбудил, тогда перед ним на колени:

— Прости меня, Ополон-царевич»¹⁹. Только после того, как царь видит надпись, свидетельствующую об истинном статусе героя, Ополон-царевич отказывается от низкого облика.

Мотив парного переодевания встречается в сказках на сюжет **502 Медный лоб**: с его помощью герой свой социальный статус понижает, а антагонист — повышает. Составляющими переодевания могут быть обмен документами или именами (т. е. и в сказках на сюжет **502 Медный лоб** происходит изменение имени будущего жениха). Обмен одеждой совершается в неосвоенном пространстве, вдали от других людей. Герой меняется одеждой со слугой не по своей воле. В одном из эпизодов сказки царевич спускается в колодезь за водой, а слуга отказывается его выгаскивать:

— Нет, я тебя выгаскивать не буду, оставайся

здесь в колодезе, а я пойду один...

— Вот если... ты свои документы отдашь мне, а мои возьмешь себе, чтоб я был царевичем, а ты слугой, тогда я тебя выгашшу из колодеца.

Вот Иван-царевич согласился, отдал свои документы, а сам взял его, что он его слуга²⁰.

Анализируемый мотив утрачивает связь с мотивом заключения брака, получая иное логическое объяснение. Переодевание в данном случае воспринимается как способ спасти собственную жизнь: лучше отказаться от своего статуса, чем умереть.

Истинный статус каждого из персонажей, подвергшихся парному переодеванию, выясняется после ряда испытаний в локусе царевны. Царских дочерей отправляют Змею на съедение, а настоящий Иван-царевич едет спасать их. Змею он называет свое настоящее имя, отказываясь перед антагонистом, принадлежащим иному миру, от маскарада. Это происходит в неосвоенном пространстве, вдали от людей. Змей спрашивает:

— Разве я чувствую перед собой Ивана-царевича?..

— Я есть самый Иван-царевич»²¹ (**300₁ Победитель змея** и **361 Неумойка**).

В сказке на сюжет **671 Три языка** обмен одеждой героя со слугой спасает герою жизнь, как и в рассмотренном выше сюжете (**502 Медный лоб**). Но если там слуга хитростью лишает царевича его статуса, то здесь слуга защищает своего господина от грозившей ему опасности. Если в вышерассмотренном варианте переодевание персонажей производится на продолжительное время и оно вводит в заблуждение всех граждан государства, в которое попадают персонажи, то в этом варианте маскарад ограничен по времени (на одну ночь) и производится для одного персонажа — царевны. Цель его — защитить жениха в первую брачную ночь от вредоносной силы невесты. Слуга Ивашко покупает три кнута — медный, оловянный и серебряный — и говорит царевичу: «Ты когда лягешь со женой спать, чибя обоймет, а чибя очень будет тяжело... Ти выйди до ветру, а я буду тут стоять чибя дожидать, у ней очень ештэ худое...

А как раз стоит Ивашко-Попельшко.

— Ну, — говорит, — давай раздевайся, я твою надену одежду.

Переобулись. Джэ вошел. Стал драть менным кнутом. Кровь посла. Стали выскакивать мишки, черви...²²

Слуга, переодевшись царевичем, избавляет невесту от вредоносности и этим спасает царевичу жизнь, царевна подмены никогда не замечает. Когда исчезает опасность для жениха, то тогда отпадает и необходимость маскарада.

В сказке на сюжет **510В Свиной чехол** брат (или отец) хочет жениться на сестре (или дочери). Она заказывает ему платья — «как звезды на небе горят», «как радуга-дуга», «как заря» и халат из свиной шкуры. В. И. Еремина о переодевании в традиционной культуре пишет: «Эта одежда символизировала готовность лиминального существа к будущему возрождению»²³. В сказке необыкновенные платья помогают

героине обратить на себя внимание будущего мужа. Среди платьев обязательно присутствует и одежда из шкур животного. Е. М. Мелетинский объясняет этот мотив следующим образом: «Весь сюжет „свиного ко- жушка” („ослиной шкуры”) имеет характер ритуально- го маскарада, который... прямо сводится к символике брачных церемоний»²⁴. Очевидна генетическая связь между свиным ко- жушком героини (**510В Свиной чехол**) и шубой из ста овчин героя (**532 Незнайка**).

В русских народных волшебных сказках суще- ствует зависимость внешнего облика персонажей от ло- куса, в котором они находятся. Героиня прибегает к переодеванию — надевает свиной чехол: в своем про- странстве принимает облик низкого социального статуса и убегает из родного дома: «Она ушла... в другое государство... она там шла, шла в етим свинячей ко- жу- ре, а все... платья... в узелке»²⁵.

В чужом облике она приходит в чужое про- странство (другой город, другое государство) и нанима- ется в услужение в богатый дом. В чужом для нее пространстве героиня известна как служанка, т. е. имеет низкий облик. Но на бал она приходит в красивых платьях (т. е. принимает высокий облик), поэтому ее не узнают. Происходит еще одна смена чужого облика (свиного чехла) для героини на чужой облик (надевает чудесные платья) для того локуса, в котором она сейчас живет. «Вот они ушли, она скоренько все сделала, побе- жала под куст и надела на себя платье, как звезды на небе сверкают, и туфли лакированные»²⁶. Это аналогично изменению у героя облика Незнайки на облик богатыря (**532 Незнайка**). Если царевна выбирает себе жениха, когда тот находится в облике дурака (**532 Незнайка**), то в сказках на сюжет **510В Свиной чехол** жених выбирает себе невесту, когда та находится в облике красавицы.

В анализируемой сказке появляется мотив пред- варительного уведомления об истинном облике героини, как в сказках на сюжет **530 Сивко-бурко**. Героиня в этот момент находится в облике служанки. Но если там герой спрашивает своих братьев, то здесь героиня спрашивает будущих жениха и свекровь:

— А может, это я была?

— Куда тебе в свинячем ко- жу- ре соваться, - она говорят²⁷.

Доказательством того, что служанка и является той самой красавицей, служат элементы маскарада — туфли и красивая одежда: «И она пошла, принесла все платья, они поглядели, и эти молодые женились»²⁸. После того как все выясняется, героиня возвращает себе облик, исконно присущий ей в родном для нее локусе. Если для героя обязательно выполнение заданий и выявление его причастности к этому (пришлый жених ценен прежде всего как владеющий определенными умениями, например, способен защитить), то пришлая невеста в сказ- ках на сюжет **510 Свиной чехол** ценна сама по себе.

В сказках на сюжет **313А Чудесное бегство** мотиву прятков героя сопутствует мотив наготы героини, оба этих мотива тоже связаны с заключением брака.

Старичок или старушка советуют герою спрятаться и украсть рубашку героини, чтобы заручиться помощью будущей невесты. Значимо место прятков: в сказках на этот сюжет герой прячется около воды (на берегу моря, озера, реки).

Река — дорога в иной мир, место обитания де- монических существ, граница между нашим и иным миром, это видно из многих поверий славян. Герой в преобладающем большинстве сказок с анализируе- мым сюжетом прячется в кустах, реже — в дупле дерева (т. е., если вспомнить сакральное значение, нахо- дится под покровительством хозяина леса). В этом плане показательны былички, в которых используется следующий мотив: человек может лишиться жизни от одного демонического существа, но герою всегда по- могает другое демоническое существо. Если действие происходит в доме, то человека защищает домовый от лешего, если в бане — то банник от лесовика, если в лесу, то леший — от водяного. То есть помогает человеку из двух демонических существ то, которое бли- же в данной паре к освоенному пространству. В сказке же герой прибегает к помощи духа леса, прячась от дочери водяного, Морского царя, которая сама опасна для него. Иногда герой обретает убежище в дупле дуба (который считался деревом Перуна, противника «Змея... прячущегося от него... в воде»²⁹). Но чаще герой прячется у ракивового куста. Примечательно то, что у славян в древности, видимо, существовал обычай за- ключения и расторжения брака у ракивового куста, т. е. налицо и брачная символика места прятков героя.

Старичок или старушка всегда советуют герою затаиться, и юноша слушается беспрекословно: «Подхо- дит к этим кустам и запал в них, как было приказано, не бродить и не казаться»³⁰. Герой должен не только спрятаться сам, но и видеть все происходящее, чтобы не упустить нужный момент: «Приитайся крадучись, чтобы тебя ни одна живая душа не видала. Смотри в оба»³¹.

Герой крадет рубашку в тот момент, когда героиня находится в воде (т. е. находится на другом уровне пространства) и лишена возможности видеть то, что происходит на земле (на берегу). Старичок советует Ивану спрятаться у синего озера: «Ты сиди. Она будет купаться, унырнет, ты в это время у нее платье украдь и под кустиком сиди... А как скажет: „Будь милый мой...” — тогда спрашивай: „Не врете?” Она скажет: „Царско слово не секется, не рубится”»³².

Обнаженная девица в обмен на одежду соглаша- ется выйти за героя замуж (стать ему помощницей). С одной стороны, одежда героини находится в руках героя (т. е. героиня открыта для вредоносного воздей- ствия злых сил), с другой стороны, она не защищена от мужского взора. Это две причины, по которым де- вушка хочет вернуть одежду. Акцент в текстах делается именно на второй причине.

Для сказок на указанный сюжет свойственно вынужденное обнажение, носящее целомудренный ха- рактер. Героиня старается скрыть свою наготу, а герой не стремится специально ее наготу увидеть.

— Выбрось мне одежду, потом сами выйдите.

Он выбросил ей одежду, потом сам вышел³³.

Герой в некоторых вариантах сказок сам, без просьбы героини, продолжает прятаться в кустах, пока она не оденется: «Выкинул когда из кусту рубашку, она оделась как следующим порядком. Тогда он вышел из кусту»³⁴ (**313В Чудесное бегство**). В другой сказке на этот сюжет Иван-царевич отказывается отдать героине украденное платье, происходит замена одежды:

Слезно взмолилась красная девица и говорит:

— Брось мне свой стуртук, подойду к тебе.

Бросил Иван-царевич ей свой стуртук, она подошла к нему³⁵.

Как правило, герой и героиня в то время, когда девушка лишена одежды, друг друга не видят. Но встречаются варианты, где мотив наготы героини, открытой взгляду героя, соединяется с мотивом стыда: «Когда она увидела красивого молодого охотника, от стыда она скраснела и отвернулась. Охотник положил ей цветное платье и отвернулся в свою сторону»³⁶ (**313А Чудесное бегство**).

Мотив наготы иногда дополняется мотивом вынужденного обручения: в обмен на одежду герой просит девушку отдать ее перстень. «Она еще поплакала несколько время и закричала: „На, лови перстень, я нагая!“»³⁷. Не желая оставаться без одежды и показать свою наготу, героиня соглашается стать герою женой и помощницей.

Мотив наготы, связанной с эротикой, встречается в сказках, где целью путешествия героя является женьтиба на девице-богатырице, правящей царством. (В рассмотренных выше вариантах сказок на сюжет **313А, В, С Чудесное бегство** на мотиве женской наготы сделан другой акцент: герой прежде добывает себе помощницу, способную выполнить задания Морского царя). Герой приходит в царство будущей жены и оказывается в тюрьме с прочими неудавшимися претендентами на руку царицы. Находясь в заключении, он демонстрирует чудесные предметы (это могут быть музыкальные инструменты, скатерть, чайник, платок и т. д.), которыми хочет завладеть героиня. Герой соглашается отдать ей их в обмен на то, что она покажет ему свое обнаженное тело. Как правило, речь идет о трех чудесных предметах и, соответственно, о трех демонстрациях обнаженного тела. Каждое последующее обнажение открывает взору героя больше, чем предыдущее. В первый раз жених просит:

— Вот... покажите свое тело до колен.

Когда она подняла рубашку повыше колен и показала ему, он обошел кругом ее и сказал:

— Закрывайте, нагяделся³⁸ (**552А Животные-зятя, 850 Приметы царевны и 400₁ Муж ищет исчезающую жену**). Во второй раз условием обмена становится показать «своего тела до груди»³⁹. В третий раз обнажаются и героиня, и герой. Третье условие обмена способствует тому, что герои вступают в тайную связь, причем инициатором установления этих отношений называется героиня. Солдат требует: «Разденьтесь,

— говорит, — вы донага, чтобы нагишом и чтобы раздеться мне. Вы ложитесь на койку, а меня чтобы повесили на ремнях над вами.

Када его повесили перед ней на ремнях, то у красавицы кров разыгралась и сказала:

— Няньки, служанки, развяжите ремни!

И он свалился к ей на койку, и, конечно, оне открыли тайную любовь»⁴⁰.

Обнажение как плата за получение чудесных предметов является одним из способов установления брачных отношений, которым героиня изначально противилась. Следует отметить особенность обнажения: обнажается всегда героиня по требованию героя, для традиционной сказки не характерно обнажение героя за чудесные предметы.

В другой сказке героиня не только обнажается, но и выполняет некоторые действия: «Они были одне, без слуг. Василиса Премудрая разделась и стала танцевать перед ним»⁴¹ (**552А Животные-зятя, 850 Приметы царевны и 400₁ Муж ищет исчезающую жену**). Во второй раз герой требует от обнаженной героини земного поклона, в третий — поцелуя: «Махнула рукой на все Василиса Премудрая — все равно никто не видит! Разболоклась быстренько и поцеловала Ивана-царевича»⁴².

В сказке на сюжет **400₂ Царь-девица** герой хочет, чтобы героиня обнажилась не только перед ним одним, но перед всеми неудавшимися претендентами на ее руку: «Вот разденься и пройди круг нас»⁴³. Затем просит: «Поставить кровать, легла чтобы, на кровать легла»⁴⁴. «Ляжьте на кровать нагой и чтобы на десять сантиметров не допустили меня нагого до тебя»⁴⁵.

В сказках на сюжет **550 Царевич и серый волк** герой, прибегая к пряткам, обретает искомый предмет. Мотив прятков объединен с мотивами похищения (и в случае похищения невесты — подмены) искомого предмета или получения информации. Царь в обмен за золотого коня просит добыть для него Елену Прекрасную. Герой по совету помощника прячется в локусе царевны: «Вот в етим саду Елена Прекрасная с няньками гуляет. Ты проберись в сад, спрячься у самого красивого цветка и сиди. Когда Елена Прекрасная подойдет, ты ее хватай, а я уж тут как раз буду»⁴⁶.

Место прятков иногда создается самим героем (например, будущий жених растягивает шатер). Указано может быть не только место, но и время прятков, которое определяется через действие искомого персонажа. Конь советует герою: «Как увидишь, будет озеро волноваться, волны берег бить, так тогда и спрячься в шатре под стол. Придет Елена-краса!.. Лови ее»⁴⁷ (**532 Незнайка и 531 Конек-горбунок**).

Похищать героиню может герой, а его помощник — серый волк; прячется не сам герой, а прячут Елену от царя, который отправил героя на ее поиски. Волк говорит царевичу: «Елену Прекрасную спрячем здесь где-набидь, а я сейчас перекурнусь кумельгой и сделаюсь Еленой Прекрасной, а ты меня веди и получи коня»⁴⁸.

В сказке на сюжет **516 Верный слуга** богатырь

помогает хозяину добыть невесту. В этой сказке тоже прячется помощник жениха. Как только искомая героиня попадает в поле действия прячущегося, исчезает причина прятков: «Прискакал могучей богатырь к етому царсву, ко дворцу. Спрятался в тайное место. Дожидался, ковды выйдет на прокатку его дочь Пелагея-бела... Не оробел могучей богатырь, выскакивает, выдергивает Пелагею-белу, ухватывает себе в седло»⁴⁹.

В сказках на сюжет **329 Елена Премудрая** игра в прятки — способ испытания жениха. В сказке на этот сюжет говорится о том, что королева ищет себе мужа. Инициатором игры выступает невеста, которая ставит Федору задачу — спрятаться так, чтобы она его не нашла (т. е. герой должен превзойти героиню в мудрости). Сюжет может быть разработан и несколько иначе: муж находит сбежавшую от него жену и ставит ей условие: «Вы от меня три года прятались, а теперь я — три раза»⁵⁰. На кон поставлена жизнь прячущегося: если героиня сумеет найти его, то герою отрубят голову.

Герою помогают прятаться чудесные помощники (например, два молодца из драчун-дубинки) или тотемные помощники (орел, щука и т. д.). Как правило, прячут в трех уровнях пространства, связанных с небом, землей или подводным миром. То есть прячут с помощью удаления в пространстве, но удаление иногда дополняется прятками под (или около) предметом, находящемся в этом локусе. Так, молодцы помогают герою, спрятав его на дне моря под камнем. В следующий раз они подвешивают героя к солнцу. В другой сказке сокол уносит героя под облака, орел — на болота: «И вот орел его цапнул, унес на болота и накрыл крыльями»⁵¹. Затем героя проглатывает щука и ложится на дно водоема, зарываясь в ил.

Поскольку ищет героиня, обладающая мудростью, владеющая колдовскими знаниями, то поиск осуществляется с помощью особой магической атрибутики — волшебных зеркал, которые показывают, где именно находится герой, или волшебных книг, описывающих местонахождение прячущегося. Указание может быть точным или же королева лишь догадывается, что в данном локусе может быть спрятан герой: «Вот она давай наводит там на облака, и на моря, и на реки и на болота — увидела, что кого-то птица накрыла»⁵²

и велит орлу отпустить героя. Королева находится в ином локусе, когда объявляет помощнику или самому прячущемуся о том, что нашла его.

Если герой прячется трижды, то в третий раз инициатива в поиске места прятков исходит от самого героя. Так, он спрашивает у молодцев, могут ли они сделать его булавкой. «Сделали его булавкой, заткнули его за волшебное зеркало под сукно»⁵³. Королева не может обнаружить героя, находящегося рядом с нею, в ее локусе, и выходит за Федора замуж. В сказках на этот сюжет героиня не находит героя в том случае, когда он прибегает к оборотничеству: удаление в пространстве не помогает спрятаться так, чтобы не быть найденным.

В некоторых вариантах сказки появляется еще один помощник. Это служанка королевы. Девка-чернавка учит его проситься прятаться в четвертый раз, сама помогает ему советом. Мотиву прятков сопутствует мотив обмана: герой делает вид, что покидает локус королевы: «И вот когда они уговорились в четвертый раз, он пошел, дверями хлопнул и за зеркало за большое стал»⁵⁴. Кроме того, герой прячется на самом предмете, с помощью которого героиня узнает о его местонахождении (это может быть волшебная книга или зеркало) или же на элементе одежды самой невесты. Получается, что зеркало не воспринимает как пространство для поиска само себя или королеву, ведущую поиск. И победителем в игре становится герой.

Из проделанного анализа видно, что мотивы брачных отношений находятся в прямой зависимости от мотивов телесных состояний. Важными составляющими телесных состояний являются следующие признаки. Во-первых, локус, где происходит изменение состояния. Он, как правило, чужой для персонажа, чье телесное состояние описывается. Во-вторых, время. Герой находится в измененном телесном состоянии столько, сколько нужно для достижения его цели (привлечения внимания невесты, выполнения ее задания и других, приводящих к браку). В-третьих, инициатором изменения телесных состояний может быть сам герой, его помощник или оппонент (персонаж, присутствующий при изменении состояния). Таким оппонентом часто оказываются жених или невеста.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке «Фонда содействия отечественной науке» (грант в номинации «Кандидаты наук РАН», 2008 г.).

² В статье использована классификация сюжетов «Сравнительного указателя сюжетов. Восточнославянская сказка» / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л., 1979.

³ Русские народные сказки Сибири о чудесном коне. — Новосибирск, 1984. — С. 21.

⁴ Там же. — С. 144.

⁵ Там же. — С. 120.

⁶ Там же. — С. 136.

⁷ Там же. — С. 36.

⁸ Там же. — С. 251.

⁹ Там же. — С. 37.

¹⁰ Там же. — С. 247.

¹¹ Там же. — С. 77.

¹² Там же. — С. 246.

¹³ Русские народные сказки Сибири о богатырях. — Новосибирск, 1979. — С. 162.

¹⁴ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. — Новосибирск, 1993. — С. 82.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Русские народные сказки Сибири о чудесном коне. — С. 246.

¹⁷ Русские народные сказки Сибири о богатырях. — С. 168.

¹⁸ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. — С. 85.

¹⁹ Русские народные сказки Сибири о богатырях. — С. 173.

²⁰ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. — С. 198.

²¹ Русские народные сказки Сибири о богатырях. — С. 189.

²² Русские сказки Восточной Сибири. — Иркутск, 1985. — С. 406.

²³ Еремينا В. И. Ритуал и фольклор. — М., 1991. — С. 143.

- ²⁴ Мелетинский Е. М. Женьиба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. — М., 1998. — С. 315.
- ²⁵ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. — С. 215.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. — С. 216.
- ²⁹ Шапарова Н. С. Перун // Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. — М., 2003. — С. 409.
- ³⁰ Русские волшебные сказки Сибири. — Новосибирск, 1981. — С. 209.
- ³¹ Там же. — С. 135.
- ³² Русские сказки Забайкалья. — Иркутск, 1983. — С. 153.
- ³³ Русские волшебные сказки Сибири. — С. 199.
- ³⁴ Там же. — С. 105.
- ³⁵ Там же. — С. 137.
- ³⁶ Там же. — С. 103.
- ³⁷ Там же. — С. 210.
- ³⁸ Русские сказки Восточной Сибири. — С. 265.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. — С. 266.
- ⁴¹ Русские сказки Забайкалья. — С. 108.
- ⁴² Там же. — С. 109.
- ⁴³ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. — С. 120.
- ⁴⁴ Там же. — С. 121.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Русские сказки Забайкалья. — С. 90.
- ⁴⁷ Русские народные сказки Сибири о чудесном коне. — С. 262.
- ⁴⁸ Русские сказки Восточной Сибири. — С. 233.
- ⁴⁹ Русские волшебные сказки Тункинской долины. — Улан-Удэ, 2001. — С. 80.
- ⁵⁰ Русские сказки Восточной Сибири. — С. 158.
- ⁵¹ «Не на небе — на земле»: Русские сказки Восточной Сибири. — Иркутск, 1992. — Т. 2. — С. 158.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. — С. 154.
- ⁵⁴ «Не на небе — на земле»: Русские сказки Восточной Сибири. — Т. 2. — С. 159.

В. С. Бузин (Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВЩИНЫ

Темой данного сообщения является один из аспектов традиционной семейной обрядности — погребальный ритуал русского населения Тамбовщины. В территориальном отношении это Тамбовская область в ее современных границах.

В силу различных причин традиционная погребальная обрядность мало привлекала внимание как дореволюционных, так и советских исследователей, особенно в южнорусском регионе. Поэтому во время полевых работ, проводившихся в 1990-х годах в Тамбовской области экспедицией кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета под руководством автора статьи, одним из важнейших аспектов была эта тематика. Материалы собирались в Тамбовском и Моршанском районах области, где было обследовано около двух десятков населенных пунктов, опрошено около сотни информаторов, людей, в основном, старших возрастов. Интересные данные были также получены во время наблюдения за ходом похорон в деревнях Давыдово и Пеньки Моршанского района. Кроме того, при подготовке этого сообщения были учтены опубликованные сведения по погребальной обрядности жителей села Вирыгина Сосновского района 1950-х гг.¹ по Кирсановскому уезду конца XIX в.² и содержащиеся в коллективной монографии «Русские», собранные в конце прошлого столетия³.

Изучение традиционной погребальной обрядности важно потому, что в силу своей консервативности она содержит архаические пласты традиционных представлений народа о мире и месте человека в нем. В последние десятилетия, в связи с распространением материали-

стического мировоззрения, похоронный ритуал подвергся значительным изменениям, утрачивая многие элементы. Поэтому во время работы с информаторами уточнялось, какие явления уже исчезли, а какие сохраняются до сих пор. Однако установить с полной уверенностью время исчезновения того или иного обрядового действия практически невозможно. Ведь нет гарантии, что считающееся исчезнувшим то или иное предписание не исполняется ревностным приверженцем старины в какой-нибудь стоящей на отшибе деревне, где не побывали исследователи. Поэтому описание погребально-поминальной обрядности в данной статье дается как в прошедшем, так и настоящем времени, при возможности указывается, какие элементы отходят в прошлое, а какие бытуют и до сих пор.

Причины смерти в ответах информаторов фигурировали, в основном, естественного характера: старость, болезнь, несчастный случай. Вместе с тем утверждалось, что вид смерти человеку «на роду написан» — «кому утонуть, кому веревку на шею затянуть», и в то же время, что умирает человек смертью, которую он заслужил. Она может быть «легкой»/«хорошей» и «тяжелой»/«плохой»/«нехорошей»; легкая, когда человек «не болел, не горел, водкой не заливался», умер во время работы или во сне. Причины смерти иррационального характера указывались редко. Это порча, которую насылают колдун — он идет за человеком и рисует на его следах кресты, при этом произносит какие-то заклинания; а также богохульство — кому-то приснился погибший от удара молнии и так объяснил причину своей смерти: «Крепко Бога ругал». Зафиксировано невнятное представление о двенадцати «напраслиных» смер-

тях — застрелиться, повеситься, «уходиться» (утопиться), попасть в колодезь и другие (указаны не были).

Среди причин смерти особо выделяется самоубийство, которое объясняется тем, что человека «враг осетал» («попутал»). В одной из историй (а они рассказывались информаторами очень охотно) женщина собралась удавиться и приготовила петлю, но никак не решалась сунуть в нее голову, а тут голос ей и сказал: «Лезь, лезь!» Если человек не решается удавиться, то «враги» подносят ему с двух сторон чашу с ядом, а чаши похожи на те, в которых в церкви дают причастие, они заставляют человека пить из них, после чего он кончает жизнь самоубийством.

Информаторы четко выделяли две **категории покойников**: с одной стороны, умерших естественной смертью, а с другой — самоубийц, колдунов, некрещеных младенцев — так называемых «плохих» покойников. Над ними не читают молитв, их не поминуют и не носят в церковь «на погребение», но хоронят на общем кладбище, как и обычных людей. Утверждается, что у самоубийц особая посмертная судьба — души их будут находиться во тьме отдельно от других душ, что же касается «удушившихся» (повесившихся), то после смерти идут к Антихристу, он на них ездит и нагоняет ветер. Особая посмертная судьба у убиенных, которые сразу попадают в рай.

Те или иные обстоятельства могут быть **предвещением смерти** в ближайшем будущем. Одно из них — характер сна. К смерти — видеть покойника («гостя») во сне, (по другим объяснениям не всякого, а только мать или отца, или если приснившийся покойник «позовет» видящего сон), видеть во сне белого коня или лодку без гребца. Если покойник долго остается «талым» (т. е. не застывает), то в семье быть еще одной смерти.

В пос. Тихий Угол нам рассказывалось, что у них предвещать смерть может птица, которую называют «горенка» (от слова «горе»), или «распусти хохолок». Если человек должен умереть, эта птица прилетает к нему на двор и кричит («ойкает» или «гукает»). Представление о птице как предвестнике смерти широко распространено у разных народов⁴. Удивительно, как с нашими материалами перекликается фрагмент «Хожения за три моря» Афанасия Никитина: «Есть... птица гукук, летает ночью, кричит: „кук-кук“; а на чьем доме сядет, там человек умрет»⁵.

Подготовка к смерти заключалась в собирании вещей, которые необходимы для похорон. Название собранного — «последний путь», или «приданое», используется также понятие «готовить узел». Среди приготовленных вещей указывались одежда, предметы, которые должны быть разданы во время похорон, свечи, иногда заранее делали гроб. Существовал обычай собирать свои срезанные волосы и ногти, помещать их в мешочек, для того чтобы после смерти положить их в гроб под голову покойного.

Для **облегчения тяжелой смерти** предпринимались различные действия. Например, специально при-

глашали священника или «монашек», читалась молитва «Верую». Утверждалось, что в пламени зажженной свечи, находящейся в руках умирающего, сторают его грехи, а это тоже облегчает смерть. По представлениям информаторов тяжело умирает грешник, в частности, колдун. Во время его смерти для выхода души разбирали крышу, снимали «князед» — конек дома, или поднимали «князьки» на повети — сарае.

Обмывание старались произвести сразу после смерти, пока покойник «не застыл», но если человек умирал ночью, то обмывали на заре. Относительно статуса обмывающих информация получена очень противоречивая: иногда утверждалось, что это может быть любой человек — «кто придется», «кто не боится». Но чаще указывались те или иные ограничения: обязательно чужие люди, родственники обмывают только в том случае, если это сделать больше некому, при этом дети никогда не должны обмывать родителей и т. п.

В Вирятине полвека назад умершего вне зависимости от пола обмывали старые женщины⁶. Чтобы потом не бояться покойника, которого он обмывал, обмывальщик должен был заглянуть в устье печи: «В печку посмотришь — и бояться не будешь», — это предписание широко распространено и у многих групп русских, а также у белорусов и украинцев⁷.

Обмывание производили в доме (только однажды была указана баня, хотя бани в этих местах довольно распространены). Тело помещали в корыто с теплой водой или на пол в сидячем положении, или укладывали на лавку, однажды было сказано, что умерший должен лежать головой на восток. Обмывальщик (один информатор утверждал, что он должен сидеть на ступе) мыл умершего голыми руками теплой водой с мылом, используя в качестве мочалки тряпочку. Существовали особые предписания в обращении с этими предметами после использования. Их надо было зарыть где-нибудь в укромном месте или выбросить подальше, где не ходят люди, или сжечь на огороде, или бросить при захоронении в могилу, иначе они принесут несчастье. Иногда данное предписание усиливалось требованием отнести эти вещи в хлев на три дня, «чтобы след не потянулся», т. е. чтобы в доме еще кто-нибудь не умер, а потом уже выбросить. Воду, которой обмывали умершего, выливали в таком месте, чтобы «не топтали», т. е. там, где никто не ходит, например, в подполье.

Однако данные предметы могли использовать в магических целях, для этого их оставляли себе, отдавали родственникам, в других случаях их забирал с собой обмывальщик. Так, мыло, иногда вместе с мочалкой и «опутками», которыми связывали покойника после обмывания, клали в специальный мешочек и носили под мышкой с левой стороны или в кармане — как оберег. Их брали на суд для того, чтобы не было лишних расспросов, для защиты от «неправедного» суда, для благоприятного исхода дела. Считалось, что мыло помогает отбывать срок заключения («если посодют тебя»), его брали с собой призванные на службу

в армию, им предписывалось обмывать больные глаза, руки, ноги, лицо для снятия головных болей. Магической силой наделялась также вода с покойника: если скотина плохо шла домой с пастбища или болела, ею обмывали ноги животного.

Погребальная одежда сейчас бывает, как правило, обычная, покупная, но она должна быть новой, ни разу не использованной. Поверх нее одевается саван белого цвета; на женщину обязательно, на мужчину — не всегда. Для старух готовилась погребальная одежда темных цветов, она называлась «кручинная», для молодых просто новая одежда, в том числе и светлых тонов — «веселая», такое различие сохраняется и в наше время. Обязательно в светлую (белую) одежду «снаряжали» молодую девушку, а особенно девочку.

«Кручинную» одежду делали из полотна или сатина, без вышивки. Информаторы помнят, каким предписаниям архаического характера надо было следовать при ее изготовлении — шить обязательно из домотканого полотна, узлов на нитке при шитье не завязывать, нитки не резать, а рвать, шить редкими стежками, не использовать пуговиц, застежка должна быть на левом плече.

Женским головным убором был соответственно возрасту черный или белый платок, а мужчину, по утверждению информаторов, надо хоронить без головного убора. Однако во время похорон в д. Давыдове на кладбище перед закрыванием гроба мужчине-покойнику на голову был повязан белый платок. Погребальной обувью сейчас обычно служат тапочки черного цвета, но информаторы хорошо помнят, что раньше умерших обували в лапти, которые назывались «семерики», или «смирники» (плелись в семь полос).

Саван, который одевался поверх одежды, имел еще одно название — куколь, хотя, как известно, оно обычно применяется к иному виду погребальной одежды, представлявшем собой головной убор⁸. Саван делался из материи белого цвета, украшенной, но чаще без украшений. Ею оборачивали тело умершего, прикрывали голову, стягивая материю ниткой на шее.

Особая одежда была у незамужних девушек. Их обряжали «как под венец» — в соответствующие сарафаны, юбки различных цветов или подвенечное платье, на ноги одевали не лапти, а кожаную или матерчатую обувь, на голову — фату, на палец левой руки кольцо, тело девушки закрывали «увалом» (тполем).

Во многом аналогичными чертами обладала погребальная одежда села Вирятин. Здесь также использовали в качестве таковой обычные, по возможности ненарядные, белые или темных цветов вещи, исключение составляли только саван (и то не всегда) и мягкие матерчатые туфли. Одежду готовили до смерти, с конца XIX в. для молодых она шилась из покупной материи. Однако старух в начале XX в. хоронили в одежде из «свойского» материала и старинного кроя, хотя и не отличавшегося от бытового, — в длинных рубашках, поневах и обязательно кичках. Если умирала девушка или парень, им на голову и грудь клали бумажные цветы⁹.

После обряжения руки и ноги покойного связывали «опутками». Это могла быть веревка, шерстяная нитка, кусок материи, а то и медицинский бинт. Перед захоронением их развязывали, чтобы покойник на «том свете» не был спутанным, по другой версии — чтобы не снился. «Опутку» потом использовали в магических целях: корове, которая первый раз телится, спугивали ноги, чтобы она была спокойнее, то же делали в том случае, если она брыкалась. Считалось, что «опутка» помогает человеку от «костяных» болезней, при радикулите ею повязывали поясницу. Ею лечили «зобную» болезнь, для чего снятой с рук умершего «опуткой» трижды обвивали шею больного, а затем клали ее в гроб. Считалось, что тогда болезнь уйдет в могилу вместе с покойником. Как уже указывалось, «опутку» вместе с другими предметами, которые использовались при обмывании, могли использовать как охранительное средство в экстремальных ситуациях, при этом могли пришить ее к рубашке с внутренней стороны. Наконец, этот предмет никому нельзя было показывать, лечить им должны только родственники.

В руки умершему вкладывали «рукописание» или икону. Но могли вложить в правую руку платок, завязав его особым способом на третий и четвертый пальцы. Интересна и неслучайна информация, что в руку покойника могли вложить «бальчик» (посох) — по народным представлениям путь на «тот свет» мыслится как длительное путешествие.

Чтобы покойник не «скис», т. е. не портился быстро, предпринимались определенные действия как псевдорационального, так и ритуального характера. Солью натирали грудь и подмышки, подмышки клали мешочек с солью или два куриных яйца, на живот помещали магнит, сыпали на тело пшено; под лавку, на которой лежал умерший, ставили тазик с известью.

До положения в гроб обряженного покойника со связанными руками укладывали в переднем углу головой к иконам на стол, покрытый скатертью, или на лавку, ее застилали соломой, а поверх клали холст или половик. Однажды было уточнено, что это та лавка, которая идет вдоль боковой стены и называется «кошник». В Вирятине тоже клали покойника в передний угол на скамьях, головой к иконам, скамьи застилали дерюжкой и сверху нее холстиной¹⁰.

Гроб делали либо сразу после смерти человека либо на следующий день, но в некоторых случаях заранее, до смерти. Материалом для него служил сосновый тес. Наши информаторы утверждали, что делают гроб как «свой» — домашние, так и чужие, например, его могут просто заказать плотникам. В Вирятине гроб делали родственники¹¹.

Делается гроб обычной сводчатой формы, иногда на ножках. При его изготовлении тело умершего обмеряли ниткой или шпагатом, их потом выбрасывали подальше или клали в гроб. Если это была палка, ее потом закапывали в могиле у креста или тоже клали в гроб. На дно стелили стружки и опилки, оставшиеся после

его изготовления, иногда вместе с травой и листьями от веток, принесенных на Троицу. Подстилку покрывали холстом или другой материей. Стружками и опилками набивали подушку, которую клали под голову покойнику, почти исчез обычай помещать в нее волосы и ногти, которые человек должен собирать при жизни.

Внутри гроба и сейчас могут положить разные предметы — свечу, носовой платок и др., в том числе и «передаваемые» с ним на «тот свет» людям, похороненным до того — записку, гостинец, вещь, которую забыли положить во время их похорон. Кроме того, чтобы покойник не распухал, в гроб клали яйца и крапиву, перед похоронами их вынимали. Одно-два крашеных яйца клали у головы умершего, если похороны приходились на время между Пасхой и Троицей. Также в гроб клали медные монеты.

Помещали умершего в гроб на другой день после смерти, однако иногда утверждалось, что надо делать это непосредственно перед выносом. Видимо, это действительно давняя традиция, поскольку в Вирягине покойника клали в гроб часа за два до начала похорон.¹²

Устанавливали гроб в переднем углу, так, чтобы умерший находился головой к иконам, а ногами к двери, на продольной лавке или на столе. Внизу ставилась чашка с водой, она стояла до сорокового дня. Считалось, что с гробом можно отправить на «тот свет» свою болезнь, для этого нужно «поглотать», т. е. потерять об него больным местом и при этом сказать: «(имя умершего), возьми мою болезнь с собой».

Изменения в интерьере дома начинали производить сразу после смерти человека. Зажигали свечи; пока покойник находился в доме, они должны были гореть постоянно, как и лампада перед иконами. Занавешивали зеркала, окна (сейчас телевизор, большие застекленные часы), иногда занавешивали устье печи — этот обычай явно связан с предписанием обмывальщику посмотреть в печное устье, чтобы не бояться покойника.

Изменялось и **поведение людей, находящихся в доме**. Пока в нем находился покойник, нельзя было громко разговаривать, есть и спать в помещении, где он лежал, подметать и мыть полы. Умершего не оставляли одного, «сидение» с ним должно было быть постоянно.

Вскоре после смерти человека начиналось его отпевание. Раньше отпевать «приходили попы», теперь эту функцию выполняют так называемые «монашки», они читают молитвы в доме, при выносе покойника и на кладбище. В Вирягине также всю ночь над покойником старые люди или монашки (в источнике без кавычек) читали псалтырь¹³.

С умершим приходят **прощаться** односельчане. Делать это рекомендуется в первой половине дня — «до часу». Входящие не здороваются с хозяевами, они сначала молятся на передний угол и затем проходят к покойному, говорят ему «Прощай!», просят прощения, если чем-либо обидели его при жизни, разговаривают с ним.

День похорон указывался обычно третий, иногда второй, но не раньше следующего дня после смерти, по-

скольку хотя бы одну ночь покойник должен пролежать дома. Иначе, как утверждали информаторы, после похорон он все равно придет на ночь, ляжет на лавку в переднем углу и «переночует». Нельзя хоронить на Пасху.

Время похорон послеобеденное — «час» или «два часа» дня, во время наших наблюдений за ходом похорон в деревнях Пеньки и Давыдово выносили гробы примерно в 13 часов. Перед выносом гроба с умершим прощались, могли в это время на «угольник» положить кусок хлеба с воткнутыми в него тремя свечами, они должны гореть до следующего утра, когда этот хлеб крошили на кладбище птицам. Также бросали в гроб деньги и носовые платки, «чтобы покойник поминал». Женщины во время выноса должны «кричать» (причитать) по покойнику. Из избы покойника несли на полотенцах («утирках») в открытом гробу ногами вперед через сени во двор, где тоже могли поставить для прощания, а из двора через ворота на улицу.

При выносе гроба раздавалось женщинам двадцать платков, а мужчинам двадцать полотенец. Положено давать их только родственникам, но, если родственников меньше, то оставшиеся платки и полотенца раздают остальным присутствующим. Во время выноса гроб могли «крутить» — трижды вращать по часовой стрелке в горизонтальной плоскости. После выноса покойника из двора в забор у ворот втыкали сосновую веточку.

Для перемещения гроба используются приспособления и **транспортные средства**. По деревне гроб несли на полотенцах (сейчас для этой могут использовать вожжи или веревки), на плечах или на носилках, они представляли собой две палки, соединенные несколькими веревками. Полотенца потом использовали для опускания гроба в могилу. За деревней гроб ставили на транспортное средство — телегу или на сани, запряженные в лошадь (теперь часто везут на машине). Если покойника везли на лошади, то к гужу с левой стороны привязывали полотенце, его потом брал для своих нужд хозяин лошади. Во время похорон в д. Давыдове полотенце было повязано на левой двери машины, на которой везли гроб.

Порядок процессии в описаниях информаторов в целом совпадал с виденным нами во время похорон. Впереди обычно едет телега, запряженная лошадью, в ней сидят дети, мальчик и девочка лет по двенадцать, они бросают за собой на дорогу сосновые ветки через каждые 20-30 м, причем стараются это делать таким образом, чтобы ветка иголками ложилась к кладбищу. В д. Пеньки присутствующие на похоронах говорили, что упряжь на лошади надо было одеть новую, на оглобле телеги должно быть привязано полотенце, а всего этого сделано не было. За телегой несут крышку гроба, потом идет священник с иконой, если его нет, икону несут «монашка» или «певчая». Следом за ними везут гроб, за которым идут родственники, а за ними — «чужие».

Участники похоронной процессии должны быть в **траурной одежде**, так называемой «кручинной»: темной, закрывающей полностью плечи, руки и ноги,

на голове у женщин должен быть темный платок. Действительно, во время наблюдаемых нами похорон мужчины были в обычной одежде, но с преобладанием темных тонов в ней, с непокрытыми головами, на большинстве женщин были черные платья, у старух на головах черные платки, завязанные под подбородком, а у женщин средних лет и молодых — черные головные повязки с узлом на затылке.

По материалам с. Вирятина в первых десятилетиях XX в. траурной служила старинная одежда, которую в быту уже не носили. У женщин это были белые рубахи без украшений и поневы¹⁴.

Во время движения участники процессии могли останавливаться около домов, где недавно умерли люди, из домов выходили женщины и «наказывали» умершему расспросить, как «там» живут их похороненные родственники. Видимо, существует запрет оглядываться участникам похоронной процессии, так, во время похорон в д. Давыдове такое указание было сделано «монашкой», распорядившейся их ходом.

Первому встречному давали полотенце или платок, в них иногда заворачивали блин или ломоть хлеба с солью (сейчас обычно печенье), чтобы он помянул умершего. Называется это «встреча», «первая встреча», или «помин». Плохой приметой считается, если похороны встречаются со свадьбой, это означает, что молодые скоро разойдутся.

Кладбище в ответах информаторов иногда называлось «погостом». Оно огораживается, на кладбищенских воротах вешают полотенце. Родственников стараются хоронить рядом, места их захоронения огораживаются, что осуждается старыми людьми. Существует предписание на христианские праздники, в частности, в период с Пасхи до Троицы, открывать калитки оград, чтобы «выпускать умерших». Раньше не хоронили на кладбище самоубийц, мертворожденных детей, колдунов и некрещенных. Сейчас их хоронят вместе с остальными, но «с ограничениями»: без отпевания, в стороне от остальных мест захоронения, на их могилах могут не ставить крестов (хотя в д. Давыдове на могиле повесившегося крест поставили).

Утверждается, что **могилу** раньше копали обязательно чужие люди, им за это давали угощение — «могорыч», а также по полотенцу и приглашали на поминки. Сейчас расплачиваются только «вином», т. е. спиртным. Интересна информация, что после выкапывания могилы в каждый из ее углов могли положить по монете. Эта черта имеет аналогии с нашими материалами по свадебной обрядности Тамбовщины: жених, выкупая невесту у «скалого» (брат невесты, его атрибутом является скалка) кладет на каждый угол стола по монете (еще одна кладется посередине стола).

Крест делали обычно одновременно с гробом, предпочтительно из дуба, массивным, он мог быть «с покрывашечкой» — двумя досками, соединявшими вершину с концами первой перекладины. Желательно было делать крест без гвоздей. Его ставили при захоро-

нении в ноги умершего и вешали на него полотенце.

Захоронение производилось следующим образом. Гроб снимали с транспортного средства, несли к могиле и ставили справа от нее. Процающиеся трижды «по солнцу» обходили покойного со словами «Прости, если чем обидел», целовали икону, что была в руках умершего, а затем его самого в губы или в лоб. В д. Давыдове перед прощанием покойнику (мужчине) повязали на голову белый платок, сделав узел под подбородком. Снимали «опутки», на похоронах в д. Давыдове дочь умершего настояла на том, чтобы их поместили в гроб, хотя одна из старух сетовала, что их не оставили: «Корову бодливую перевязать».

После закапывания могилы тут же устраивают первые **поминки** (о них говорили все информаторы, но на похоронах в д. Пеньки поминок на кладбище не было, а в д. Давыдове были). Во время них едят блины, при этом их разрезают на четыре части. Во время похорон в д. Давыдове куски блинов были сдвинуты так, что в середине получилось квадратное отверстие. Напрашивается сопоставление с одной из традиций русской свадьбы: после выхода молодых с «места» при «нечестности» невесты жених производил знаковую порчу пицци продельванием отверстия в середине блюда — блина, яичницы и т. п.¹⁵

Среди других кладбищенских поминальных блюд в ответах информаторов фигурировали кутья из несоленого риса с изюмом, кисель, хлеб, детям обычно раздают конфеты и печенье, взрослые пьют «вино». Остатки пицци оставляют на могиле, блин могут раскрошить на ней. Во время похорон на кладбище приходили нищие, и их угощали тоже.

В доме после выноса покойника мыли пол, причем обязательно от двери, использованную тряпку потом выбрасывали подальше. Постель, на которой умер человек, выносили в «подкурник», т. е. в хлев под насесты, где она должна была лежать до девятого дня, а по другой информации до сорокового дня после смерти. Потом ее стирали, и она «шла в работу», т. е. использовалась дальше, или сжигали. Еще одно зафиксированное предписание — унести постель в лес и закопать. Сжигали одежду, в которой умер человек.

Одна из главных обязанностей оставшихся в доме — приготовить поминальную еду. Они также грели воду для возвращающихся с кладбища, те мыли ею руки либо за пределами дома у ворот (даже зимой), либо у порога, либо у русской печи (это подчеркнуто информатором, поскольку в доме обычно есть еще и голландка).

Поминки при возвращении с похорон устраиваются в доме, где находился покойник. В качестве поминальной еды в ответах информаторов фигурировали разные блюда. Среди них обязательными были блины, лапша, кисель, который подавался последним, это был сигнал к тому, что надо расходиться. Кроме того, на стол ставили те блюда, которые были в доме. Мужчинам наливали «вино», что некоторыми информатора-

ми осуждалось. Длились поминки полтора-два часа. В некоторых местах существовал обычай раздавать после поминальной трапезы женщинам деревянные ложки, а мужчинам — полотенца.

В с. Вирятине во время поминок «сначала угощали священника, а после его ухода за стол усаживали всех собравшихся. За первый стол усаживали тех, кто был ближе по родству. Поминки начинались с вина, а затем шли обычные щи, сухое мясо, блинчики, оладьи, молочная лапша (крутая), в заключение подавалась молочная пшенная каша (в пост — каша с конопляным маслом)¹⁶.

Поминальные дни на Тамбовщине, кроме дня похорон, приходятся на девятый, сороковой дни и годовщину смерти, иногда еще указывались двадцатый день и полгода. В одни поминальные дни ходят только в церковь — на девятый и двадцатый (по некоторым данным и в годовщину), а в другие надо посещать и кладбище. На могиле умершего оставляют пищу. Считалось, что до сорокового дня покойник ходит по дому и по двору. Присутствие его можно обнаружить, для этого надо налить в блюдце воду и смотреть на нее — вода будет рябить, потому что душа умершего садится на нее. На «угольнике» до сорокового дня стояла еда для умершего — блины с медом, хлеб, стакан с вином», который могли накрыть блином с дыркой посередине, поместить рядом ложку. Затем эту еду несли на кладбище.

На поминках в сороковой день раздают присутствующим сорок ложек, а в полночь устраивается особый обряд «отпускания покойника от дома (двора)».

На «годовщину» поминуют в церкви и на кладбище, где на могиле оставляют пищу. Дома устраивают стол, сажают за него всех, кто придет. На «угольник» ставится стакан водки и кладется блин.

В Вирятине поминальными были день похорон, а также девятый, двадцатый, сороковой дни, отмечали также полгода и годовщину смерти. В поминальный день сначала читали псалтырь, после чего устраивали ужин¹⁷.

По материалам В. Бондаренко в конце XIX в. в Кирсановском уезде Тамбовской губернии крестьяне верили, что в течение шести недель после смерти душа покойного пребывает на земле, в том числе и в собственном доме. Поэтому до истечения этого срока каждую ночь на столе расстилалась белая скатерть и ставилась

пицца для умершего¹⁸, в течение этого времени его вдове не только запрещалось вступать в новый брак, но даже выходить из дома свекра¹⁹.

Общепоминальные дни, приуроченные к датам календарного цикла, указывались информаторами разные, но всегда назывались Троица и Пасха. На Пасху красили яйца в красный цвет, а на Троицу в желтый (иногда в красный и зеленый цвета), их приносили на могилы, как и пшено, цветы; могли поставить на ней стакан с самогонном. В эти праздники убирали могилы, украшали их венками. Среди других поминальных дней назывались «Хролов день» (Флора и Лавра), Чистый Четверг, Фомина неделя (или только ее суббота), Красная Горка, «Мироносица» (Жен-Мироносица), Масленица, так называемые «поминальные субботы» — за неделю до «Масляной», перед Троицей, перед «Октябрьской», она же «Митров день», или «Октябрьская» (Дмитровская суббота). В эти дни готовили блины, посещали кладбище. Всех умерших «не своей» смертью, поминуют только в Троицкую субботу.

Информация по общепоминальным дням дополняется материалами И. А. Кремлевой, тоже собранными на Тамбовщине в 90-х годах. Согласно им, под Троицу поминуют «всех удушенных, умерших не своей смертью, порвачих зверьями». В с. Кривополяне (Бондарский р-н) сохраняется обычай топить баню в троицкую субботу²⁰.

В Вирятине полвека назад накануне общепоминального дня, т. е. в пятницу вечером, каждая семья посылала одного своего члена (старушку или девочку) с поминальной запиской и специально выпеченным пирогом в церковь на общую панихиду. На другое утро справлялись «поминки»: пекли блины, и одна из женщин или девочка несла их в церковь. Отстояв панихиду, присутствовавшие в церкви отправлялись на кладбище, и там каждый на могиле своего родственника расстилал полотенце и клал блины²¹.

Изложенный выше материал пополняет наши представления о традиционной погребально-поминальной обрядности русского народа, о направлении ее эволюции. Проблемы региональной специфики, происхождения тех или иных элементов и другие вопросы ее изучения — дело дальнейших исследований.

¹ Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни // Тр. Института этнографии АН СССР. — М., 1958. — Нов. сер. Т. XLIII.

² Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. — СПб., 1890. — Вып. 1; он же. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губ. // Этнографическое обозрение. — 1890. — № 3-4.

³ Русские // Народы и культуры. — М., 1997.

⁴ Мифы народов мира. — М., 1988. — Т. 2. — С. 347.

⁵ Хожение за три моря Афанасия Никитина. — Л., 1986. — С. 47, прим. на с. 155.

⁶ Село Вирятино... — С. 92.

⁷ Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб., 1993. — С. 116.

⁸ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX-начала XX в. —

М., 1984. — С. 90.

⁹ Село Вирятино... — С. 92.

¹⁰ Там же. — С. 93.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. — С. 73.

¹⁵ Лаврентьева Л. С. Хлеб в русском свадебном обряде // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX-XX в. — М., 1990. — Вып. 2. — С. 45.

¹⁶ Село Вирятино... — С. 93.

¹⁷ Там же. — С. 93, 233.

¹⁸ Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. — С. 121.

¹⁹ Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда... — С. 10-11.

²⁰ Русские. — С. 529.

²¹ Село Вирятино... — С. 93, 233.

¹Валькова Н. П. Антропология пространства и времени // Фотография как явление визуальной культуры. — Рига, 1992. — С. 3.

²Разумова И. А. Потаянные знания современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. — М., 2001. — С. 181.

³Коулман А. Фотография в повседневной жизни. Предпосылки, функции, контекст // Фотография на грани искусства и науки. Наука и общество. — М., 1993. — № 4. — С. 45.

⁴Борев В. Фотография в структуре массовой коммуникации. — Вильнюс, 1986. — С. 67.

⁵Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. — М., 1993. — С. 7.

⁶Эти композиции отмечает и И. А. Разумова. См.: Разумова И. А. Указ. соч. — С. 179.

⁷Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. — Екатеринбург, 1999. — С. 35.

⁸Там же. — С. 20.

⁹См.: Фотография. Энциклопедический справочник. — Минск, 1992. — С. 72.

В. В. Фаузер (Сыктывкар)

БРАЧНОЕ СОСТОЯНИЕ КАК ФАКТОР ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВА

Практически каждая социологическая анкета содержит блок вопросов, называемых «паспортичкой». В ней обычно присутствует вопрос о брачном состоянии респондентов. При обработке данных этот вопрос используется, в лучшем случае, для обоснования репрезентативности выборочной совокупности. Таким образом, упомянув один раз о брачном состоянии респондентов, далее исследователь больше специально к этому вопросу не возвращается. И получается, что один из важнейших параметров демографического состояния человека в анализе исследуемой проблемы не участвует. Мы решили восполнить имеющий место пробел и показать, как может быть или был использован вопрос паспортички о брачном состоянии респондентов в проведенных нами исследованиях.

Статья построена по следующей схеме. Описывается выборка исследования и приводятся те места предыдущих работ (публикаций), где был использован во-

прос о брачном состоянии. Наряду с текстовым материалом приведены таблицы, характеризующие взаимосвязь демографических характеристик респондентов с другими вопросами анкеты конкретного исследования. По мере возможности сохранена редакция оригинала. Приводимые материалы расположены в хронологическом порядке. Надеемся, что представленный ниже материал и его интерпретация может стать методическим инструментом при описании результатов социологических опросов с использованием демографических характеристик респондентов.

1. Исследование, проведенное в ОАО «АЭК „Комиэнерго“». В декабре 2002, январе-феврале 2003 гг. нами было проведено социологическое обследование в четырех городах: Воркуте, Ухте, Сосногорске и Сыктывкаре; в девяти сельских районах Республики Коми: Княжпогостском, Койгородском, Корткеросском, Прилузском, Сыктывдинском, Сясьоль-

Таблица 1

Демографические характеристики
выборочной совокупности работников ОАО «АЭК «Комиэнерго»

Демографические характеристики	Пол		Статус			
	мужчины	женщины	руководители	специалисты	служащие	рабочие
Возраст, лет:						
до 24	7,9 %	3,6 %	3,2 %	4,4 %	7,8 %	8,1 %
25–29	17,9 %	15,0 %	11,8 %	19,1 %	17,6 %	15,2 %
30–34	17,1 %	10,7 %	16,1 %	11,6 %	9,8 %	17,3 %
35–39	15,8 %	15,3 %	17,2 %	15,1 %	9,8 %	15,9 %
40–44	17,4 %	26,1 %	8,6 %	19,1 %	23,5 %	27,2 %
45–49	9,5 %	16,9 %	19,4 %	12,0 %	23,5 %	10,2 %
50 - 54	9,7 %	10,4 %	17,2 %	14,3 %	5,9 %	4,2 %
55 - 59	3,9 %	1,3 %	5,4 %	3,2 %	2,0 %	1,8 %
Брачное состояние						
Никогда не состоявшие в браке	13,2 %	10,1 %	7,5 %	10,8 %	13,7 %	14,2 %
Состоящие в зарегистрированном браке	76,1 %	64,1 %	78,4 %	73,3 %	58,8 %	67,4 %
Состоящие в браке незарегистрированном	6,0 %	5,6 %	6,5 %	6,7 %	4,0 %	5,6 %
Разошедшиеся	4,2 %	14,4 %	5,4 %	6,0 %	13,7 %	11,0 %
Вдовы	0,5 %	5,8 %	2,2 %	3,2 %	9,8 %	1,8 %

ском, Удорском, Усть-Куломском и Усть-Вымском. Всего было опрошено 692 человека. Выборочная совокупность отражает распределение человеческих ресурсов энергетического комплекса по природно-экономиче-

лекс мер по стабилизации трудового коллектива и сокращению текучести человеческих ресурсов. Причины увольнения в разрезе демографических групп представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «По каким причинам Вы намерены сменить место работы?» в зависимости от брачного состояния

Брачное состояние	Причины смены места работы							
	работа не соответствует склонностям и интересам	материально не обеспечивает семью	не устраивает организация труда (сменность, условия и т. д.)	не совсем хорошие отношения в рабочем коллективе	нет перспектив улучшить жилищные условия	по состоянию здоровья	по семейным обстоятельствам	прочие
Никогда не состоявшие в браке	17,1%	28,6%	17,2%	8,6%	17,1%	0,0%	5,7%	5,7%
Состоящие в зарегистрированном браке	7,5%	24,2%	5,4%	2,7%	18,8%	5,4%	10,8%	25,2%
Состоящие в браке незарегистрированном	20,0%	33,3%	0,0%	6,7%	20,0%	0,0%	6,7%	13,3%
Разошедшиеся	12,5%	37,5%	4,2%	4,2%	8,3%	8,3%	12,5%	12,5%
Вдовы	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	25,0%	0,0%	25,0%	50,0%

ским зонам: Дальнему (36,3%), Среднему (28,9%) и Ближнему Северу (34,8%); распределение на городское (73,7%) и сельское население (26,3%); по трем технологическим стадиям: генерации (37,1%), транспорту (38,3%) и сбыту (24,6%)¹.

Чем было обусловлено проведение данного исследования? В монографии отмечается, что при возросшей ценности человеческих ресурсов производства, менеджменту организаций необходимо больше внимания уделять сущности процесса формирования персонала и научиться управлять им. А это можно выполнить только при условии постоянного изучения каналов приема кадров на предприятие и основных причин увольнения. В этом плане действенным инструментом выступают регулярно проводимые социологические исследования. В ОАО «АЭК „Комиэнерго”» стало хорошей практикой проводить постоянный мониторинг за развитием персонала компании, проводить ежегодные научно-практические конференции, где рассматривается весь комплекс проблем жизнедеятельности компании. Ниже мы приводим основные характеристики выборочной совокупности, на основе которой и построено дальнейшее изложение материала (Табл. 1).

Из представленных в таблице 1 данных видно, что среди опрошенных мужчин и женщин, в зависимости от социального статуса, разное представительство респондентов по брачному состоянию.

Важным вопросом изучения процесса формирования кадров является анализ причин увольнения, что позволяет, при необходимости, разработать целый комп-

На момент опроса среди возможных причин увольнения работники поставили на первое место «материально не обеспечивают семью» — 26,0%; на втором месте стоит причина «нет перспектив улучшить жилищные условия» — 17,7%; на третьем месте причина «по семейным обстоятельствам» — 10,2%; значимой оказалась причина трудового характера, «работа не соответствует склонностям, интересам» — 9,8%. Однако, если к этой причине добавить еще две близкие по содержанию — «не устраивает организация труда, сменность и т. д.» (4,6%) и «не совсем хорошие отношения в рабочем коллективе» (3,8%), то трудовая причина станет второй по значимости — 18,2%.

Анализ причин увольнения в зависимости от семейного статуса показывает, что здесь главной причиной выступает низкая материальная обеспеченность. По другим причинам есть отличия. Для не состоящих в браке значимыми являются сразу три причины увольнения: 1 — работа не соответствует их склонностям, интересам; 2 — не нравится организация труда; 3 — нет перспективы улучшить жилищные условия. Для семейных второй по значимости является жилищная проблема. Состоящие в незарегистрированном браке выделяют две причины: работа не соответствует их склонностям, интересам; нет перспективы улучшить жилищные условия.

Важнейшей задачей любого исследования, а тем более посвященного изучению всех сторон жизнедеятельности персонала крупнейшей компании, является изучение намерений относительно их будущего. Такой подход позволит своевременно разработать кадровую

стратегию, быть готовым к любым переменам. Анализ полученных данных о планах работников компании на ближайшие пять лет позволяет сделать ряд выводов, определить наиболее важные направления деятельности работников компании с целью улучшения своего материального положения, а также о возможных изменениях в личной жизни (Табл. 3).

Данные таблицы 4 раскрывают сущность предыдущих ответов о желании респондентов создать или увеличить семью. Действительно, на Ближнем Севере почти в два раза выше доля лиц, не состоявших в браке, и существенно ниже состоящих в официально зарегистрированном браке, чем это имеет место на Дальнем и Среднем Севере. Детность опрошенных работников

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы в ближайшие пять лет изменить свою жизнь в следующем?» в зависимости от места жительства

Планируют в ближайшие пять лет	Природно-экономические зоны			Расселение	
	Дальний Север	Средний Север	Ближний Север	город	село
Вступить в брак, увеличить семью	20,9 %	18,4 %	22,5 %	21,4 %	19,8 %
Построить свой дом, коттедж	17,5 %	8,5 %	25,5 %	14,4 %	28,7 %
Приобрести дачный, земельный участок	9,8 %	10,9 %	10,2 %	9,8 %	11,3 %
Найти дополнительный заработок	31,3 %	37,8 %	47,3 %	34,3 %	50,6 %
Добиться увеличения зарплаты по основной работе	57,4 %	71,7 %	75,1 %	62,6 %	79,8 %
Сменить место жительства	29,1 %	8,2 %	14,9 %	22,2 %	10,4 %

Необходимо отметить, что ответы опрошенных работников о личных планах вступления в брак и увеличения семьи незначительно различаются в зависимости от природно-экономических зон и места жительства. Так, несколько выше доля желающих создать семью или увеличить ее численность имеет место на Ближнем Севере и в городской местности. Безусловно, такое почти «ровное» распределение ответов определяется особенностями демографической ситуации, складывающейся в республике. Если посмотреть на брачное состояние и детность опрошенных по каждому массиву, то можно отметить следующее (Табл. 4).

также показывает, что жители Ближнего Севера в меньшей степени реализовали свои репродуктивные установки. Среди них выше доля не имеющих детей и ниже имеющих одного ребенка. Все резервы увеличения семьи за счет рождения ребенка старшей очередности. Даже если исходить из нормы двухдетной семьи, то и здесь доля работников, имеющих двоих детей, значительно ниже, чем у тех, кто живет на Дальнем и Среднем Севере. Что касается опрошенных по семейному состоянию и детности в зависимости от расселения, то здесь нет существенных различий.

При анализе уровня денежных доходов и мате-

Таблица 4

Распределение работников энергетического комплекса по брачному состоянию и количеству детей в зависимости от места жительства

Демографические характеристики	Природно-экономические зоны			Расселение	
	Дальний Север	Средний Север	Ближний Север	Город	Село
Брачное состояние					
Никогда не состоявшие в браке	7,3 %	9,5 %	18,3 %	11,3 %	13,2 %
Состоящие в зарегистрированном браке	77,4 %	67,5 %	66,2 %	70,9 %	69,8 %
Состоящие в браке незарегистрированном	3,6 %	7,5 %	7,1 %	5,7 %	6,6 %
Разошедшиеся	9,3 %	11,0 %	6,3 %	9,1 %	7,7 %
Вдовы	2,4 %	4,5 %	2,1 %	3,0 %	2,7 %
Количество детей					
Детей нет	14,9 %	16,1 %	22,2 %	17,8 %	17,7 %
Один ребенок	32,7 %	31,2 %	28,5 %	32,9 %	24,8 %
Двое детей	43,1 %	45,2 %	38,9 %	41,4 %	44,7 %
Трое детей	6,9 %	6,5 %	10,0 %	6,3 %	12,2 %
Четверо детей	1,6 %	0,5 %	0,4 %	1,0 %	0,6 %
Пять и более детей	0,8 %	0,5 %	0,0 %	0,6 %	0,0 %

риального благосостояния работников компании большое значение имеют социально-демографические характеристики респондентов, в частности, половая, возрастная и семейная структуры, социальный статус. Данные фак-

паний мужчин, которые имеют «денег вполне достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и ни в чем себе не отказывать», в 2,4 раза больше, чем среди женщин. В то же время в другой группе, среди работников,

Таблица 5

Оценка денежных доходов работниками ОАО «АЭК „Комиэнерго”»
в зависимости от пола и брачного состояния

Демографические характеристики	Характеристика денежных доходов		
	Денег вполне достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и вообще ни в чем себе не отказывать	Денег хватает лишь на покупку продуктов питания и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания
Пол			
Мужчины	4,4 %	91,2 %	4,4 %
Женщины	1,8 %	91,0 %	7,2 %
Брачное состояние			
Никогда не состоявшие в браке	1,3 %	93,6 %	5,1 %
Состоящие в зарегистрированном браке	4,0 %	91,8 %	4,2 %
Состоящие в браке незарегистрированном	0,0 %	89,2 %	10,8 %
Разошедшиеся	3,7 %	81,5 %	14,8 %
Вдовы	0,0 %	94,4 %	5,6 %

торы в значительной степени определяют материальные и духовные потребности индивида, влияют на выбор стратегии его экономического поведения. Распределение ответов в зависимости от социально-демографических характеристик дает объективную информацию об особенностях экономической адаптации различных социальных групп населения Республики Коми в новых экономических условиях.

Данные о денежных доходах работников с учетом демографических характеристик позволяют сделать некоторые выводы о различиях в положении разных групп населения. Так, из представленных данных очевидно, что мужчины и женщины по-разному оценивают свое материальное положение. Среди работников ком-

которым «денег хватает лишь на покупку продуктов питания и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать», почти равное представительство мужчин и женщин. В категории нуждающихся работников доля женщин и мужчин различается с преобладанием женщин в два раза, которым, очевидно, более сложно самостоятельно обеспечить достойный уровень жизни. Семейное положение респондентов также отражается на оценках материального уровня. Лица, состоящие в браке и разведенные, составляют определенную долю в группах обеспеченных респондентов. Также необходимо отметить, что среди семейных работников самая низкая доля малообеспеченных, зато разведенные доминируют в этой группе (Табл. 5).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «В настоящее время трудно прожить на одну зарплату.

Имеете ли Вы возможность зарабатывать в нескольких местах?»

в зависимости от пола и брачного состояния, %

Демографические характеристики	Имели возможность иметь заработок в нескольких местах	
	Да	Нет
Пол		
Мужчины	16,0 %	84,0 %
Женщины	6,5 %	93,5 %
Брачное состояние		
Никогда не состоявшие в браке	15,4 %	84,6 %
Состоящие в зарегистрированном браке	11,1 %	88,9 %
Состоящие в браке незарегистрированном	13,5 %	86,5 %
Разошедшиеся	14,5 %	85,5 %
Вдовы	11,1 %	88,9 %

Анализ данных обследования о возможности получения заработной платы в нескольких местах позволяет сделать вывод, что среди лиц, состоящих в браке и вдовых, доля тех, кто имеет возможность получать заработную плату в нескольких местах, ниже, чем среди остального населения, а наиболее активны в поисках второй работы разведенные и состоящие в гражданском браке (Табл. 6).

Важный показатель материального благосостояния респондентов — наличие предметов длительного пользования. Анализ ответов опрошенных в зависимости от половой структуры позволяет зафиксировать отсутствие принципиальных различий в ответах на данный вопрос. Единственное различие, и оно естественно, что среди мужчин несколько выше доля тех, кто имеет легковую машину, и почти в два раза выше доля тех, кто имеет мотоцикл. Среди мужчин выше и доля лиц, являющихся собственниками дачного или земельного участка.

Анализируя ответы респондентов в зависимости от брачного состояния, можно выделить группу состоящих в официально зарегистрированном браке. У семейных респондентов самая высокая доля имеющих автомобиль, аудио, видеотехнику, стиральную машину, дачу или земельный участок. Менее обеспеченной является группа респондентов, где произошел распад семьи. Это, как правило, семьи, где супругу одному приходится решать все проблемы по воспитанию и обучению детей (Табл. 7).

хорошо известно, что особенности проживания (город-село, степень комфортности жилья), уровень образования, психологические характеристики, возраст, состав семьи, уровень доходов, квалификация и профессия потребителей определяют особенности поведения населения в процессе принятия решения о покупке. На практике из всех возможных вариантов каждая категория потребителей выбирает лишь то, что в настоящее время доступно по месту (находится в близлежащем торговом предприятии), времени и финансовым ресурсам.

Для изучения социально-демографического портрета потребителей северного города и выявления их потребительских предпочтений в апреле—мае 2005 г. среди населения города Сыктывкара Республики Коми был проведен социологический опрос. Всего было опрошено 435 человек.

Выборочная совокупность имеет следующие социально-демографические характеристики. По полу — в опросе приняло участие 33,6 % мужчин и 66,4 % женщин. На молодежь до 29 лет приходится половина опрошенных — 51,2 %; на возрастную группу 30-39 лет — 16,8 %; на тех, кому 40-49 лет — 17,3 %; на 50-59 лет — 10,3 %; тем, кому 60 лет и больше — 4,4 %.

По национальности респонденты распределились так (%): русские — 72,1; коми — 18,9; украинцы — 3,7; татары — 1,6; белорусы — 0,2 и другие — 3,5. Почти половина опрошенных — 41,0 % — состоит в зарегистри-

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Имеет ли Ваша семья следующие предметы длительного пользования?» в зависимости от пола и брачного состояния

Демографические характеристики	Наличие предметов длительного пользования							
	легковая машина	мотоцикл, велосипед	холодильник	телевизор	аудио, видеотехника	стиральная машина	дача, земельный участок	другое
Пол								
Мужчины	45,4 %	25,4 %	91,0 %	95,6 %	78,7 %	78,1 %	41,5 %	6,3 %
Женщины	38,2 %	13,9 %	94,3 %	94,6 %	78,2 %	77,5 %	32,1 %	6,4 %
Брачное состояние								
Никогда не состоявшие в браке	21,8 %	23,1 %	80,8 %	89,7 %	76,9 %	57,7 %	39,7 %	6,4 %
Состоящие в зарегистрированном браке	50,4 %	20,4 %	94,3 %	96,5 %	82,2 %	83,6 %	39,0 %	5,9 %
Состоящие в браке незарегистрированном	28,9 %	31,6 %	89,5 %	94,7 %	68,4 %	65,8 %	34,2 %	10,5 %
Разошедшиеся	14,3 %	8,9 %	91,1 %	89,3 %	60,7 %	67,9 %	21,4 %	7,1 %
Вдовы	38,9 %	22,2 %	100,0 %	100,0 %	61,1 %	77,8 %	44,4 %	5,6 %

2. Потребительские предпочтения населения Республики Коми. Следующее исследование посвящено изучению социально-демографических характеристик потребителей — населения северного региона². Такие исследования необходимы потому, что

стрированным браке; 37,7 % никогда не состояли в браке; 9,5 % состоят в незарегистрированном браке; 7,9 % — разошедшиеся; 3,9 % — вдовы. Участвовавшие в опросе жители Сыктывкара не отличаются высокой детностью (%): не имеют детей — 46,1; имеют

одного ребенка — 26,3; двоих детей — 25,8; троих и более детей — 1,8. Среднее количество детей по выборочной совокупности составило 0,84 ребенка.

Имеется определенная дифференциация по количеству детей в зависимости от брачного состояния. У никогда не состоявших в браке практически нет детей — средняя детность составляет 0,06 ребенка. Самая высокая детность у вдовых — 1,76 ребенка, затем по уровню детности следуют разведенные — 1,52 ребенка. Те, кто состоит в зарегистрированном браке, имеют по 1,44 ребенка. Среди респондентов, состоящих в незарегистрированном браке, детность составляет 0,5 ребенка (Табл. 8).

положению и их оценке своего материального положения. Так, 60,3 % никогда не состоявших в браке считают, что им «денег достаточно, чтобы приобретать все необходимое». У состоящих в зарегистрированном браке эта доля уже ниже и составляет 47,4 %; у состоящих в незарегистрированном браке эта доля составляет 48,8 %; у разведенных — 32,4 % и среди вдовых — 12,5 %. Примерно в такой же последовательности, но уже растет доля живущих за чертой бедности. У вдовых она максимальная и составляет 18,8 %. Объясняется это тем, что у вдовых самая высокая детность — 1,76 ребенка.

При относительно низкой заработной плате

Таблица 8

Распределение респондентов по количеству детей в зависимости от брачного состояния

Брачное состояние	Количество детей				
	Нет	Один	Два	Три и более	В среднем
Никогда не состоявшие в браке	95,1 %	4,3 %	0,0 %	0,6 %	0,06 %
Состоящие в зарегистрированном браке	10,2 %	40,7 %	45,2 %	3,9 %	1,44 %
Состоящие в браке незарегистрированном	61,0 %	26,8 %	12,2 %	0,0 %	0,5 %
Разошедшиеся	2,9 %	55,9 %	41,2 %	0,0 %	1,52 %
Вдовы	0,0 %	23,5 %	76,5 %	0,0 %	1,76 %

Материалы опроса показали существенную дифференциацию среднего количества детей от места занятости респондентов. На момент опроса наиболее высокая детность была у представителей бизнеса (1,26 ребенка). Аналогичные выводы мы встречали в последних исследованиях демографов. Меньше всего детей у работников, занятых на частных предприятиях (0,66 ребенка). Объяснить это можно тем, что в этой сфере бизнеса до сих пор не действуют многие нормы Трудового кодекса Российской Федерации. У работников госу-

и практически полном отсутствии помощи со стороны государства рождение ребенка является серьезным испытанием для семьи, и особенно для молодой семьи. Интересна и показательна зависимость между материальным положением опрошенных и количеством имеющих у них детей. Здесь можно отметить следующее. От отсутствия детей до их увеличения идет уменьшение доли лиц, указавших, что им «денег достаточно, чтобы приобретать все необходимое» — с 63,6 % до 37,5 %. И наоборот, увеличивается доля считающих, что им «денег

Таблица 9

Распределение респондентов по количеству детей в зависимости от сферы занятости

Количество детей	Заняты				
	На государственном предприятии	На муниципальном предприятии	На частном предприятии	Имеют свой бизнес	Другое
Нет	24,4 %	25,0 %	54,1 %	22,2 %	69,8 %
Один	35,3 %	21,4 %	27,4 %	29,6 %	13,0 %
Двое	38,6 %	50,0 %	16,4 %	48,2 %	15,5 %
Трое и более	1,7 %	3,6 %	2,1 %	0,0 %	1,7 %
Средняя детность	1,18 %	1,21 %	0,66 %	1,26 %	0,49 %

дарственных (1,18 ребенка) и муниципальных (1,21 ребенка) предприятий уровень детности примерно одинаковый (Табл. 9).

По-разному оценили уровень доходов семьи респонденты в зависимости от демографических характеристик (Табл. 10).

Создание семьи, как правило, связано с появлением детей, а, значит, и с дополнительными материальными издержками и уменьшением возможностей членов семьи в удовлетворении своих потребностей. Это хорошо видно по распределению респондентов по семейному

хватает лишь на покупку продуктов питания и вещей первой необходимости» — с 35,9 % до 62,5 %.

Потребительские предпочтения при покупке отечественных продовольственных товаров в разрезе демографических структур. В работе утверждается, что потребительские предпочтения имеют свою особенность у различных демографических групп (Табл. 11).

Как видно из таблицы 11, брачное состояние респондентов оказывает влияние на то, что они потребляют: отечественный или импортный товар. По всем продук-

Таблица 10

**Распределение респондентов по уровню доходов семьи
в зависимости от демографических характеристик респондентов**

Демографические характеристики	Уровень доходов семьи		
	Денег достаточно, чтобы приобретать все необходимое	Денег хватает лишь на покупку продуктов питания и вещей первой необходимости	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания
Пол			
Мужчины	62,8%	36,5%	0,7%
Женщины	43,4%	52,3%	4,3%
Брачное состояние			
Никогда не состоявшие в браке	60,3%	36,6%	3,1%
Состоящие в зарегистрированном браке	47,4%	51,4%	1,2%
Состоящие в браке незарегистрированном	48,8%	51,2%	0,0%
Разошедшиеся	32,4%	58,8%	8,8%
Вдовы	12,5%	68,7%	18,8%
Детность			
Нет	63,6%	35,9%	0,5%
Один	39,6%	53,2%	7,2%
Двое	36,6%	59,8%	3,6%
Трое и более	37,5%	62,5%	0,0%

товым группам заметно увеличение доли покупающих отечественный продукт от респондентов «никогда не состоявших в браке» до «вдовых». По мясу с 87,2 до 93,8 %; по молочным продуктам с 93,8 до 100,0 %; по кондитерским изделиям с 61,1 до 76,5 %; по спиртным напиткам с 38,2 до 56,3 %.

Потребительские предпочтения при покупке промышленных товаров отечественного производства в разрезе демографических структур. Предпочтение отечественным промышленным товарам дифференцировано в зависимости от брачного состояния респондентов — оно возрастает по

всем товарам от «никогда не состоявших в браке» к «вдовым». По товарам для дома превышение составляет 37,9 %, по лекарствам 37,1 %, по товарам для детей 24,3 %. То, что «вдовые» отдают большее предпочтение дешевым отечественным товарам, вызвано их среднемесячным доходом на одного члена семьи. У респондентов, «никогда не состоявших в браке», доля имеющих доход до 2000 руб. составляет 2,5 %, а среди «вдовых» — 23,5 %. Соответственно, имеющих доход свыше 8000 руб. в месяц составляет 22,8 и 11,8 % или почти в два раза меньше (Табл. 12).

Таблица 11

Доля респондентов, предпочитающих отечественные продовольственные товары в зависимости от демографических характеристик

Демографические характеристики	Отечественные продовольственные товары			
	Мясные	Молочные	Кондитерские	Спиртные напитки
Пол				
Мужчины	90,3 %	95,8 %	63,0 %	46,5 %
Женщины	89,2 %	96,5 %	67,1 %	33,2 %
Брачное состояние				
Никогда не состоявшие в браке	87,2 %	93,8 %	61,1 %	38,2 %
Состоящие в зарегистрированном браке	91,5 %	97,7 %	69,5 %	35,0 %
Состоящие в браке незарегистрированном	85,7 %	97,6 %	62,5 %	35,7 %
Разошедшиеся	94,1 %	97,1 %	68,6 %	44,1 %
Вдовы	93,8 %	100,0 %	76,5 %	56,3 %

**Доля респондентов, предпочитающие отечественные промышленные товары,
в зависимости от демографических характеристик**

Демографические характеристики	Отечественные промышленные товары		
	Товары для дома (мебель, посуда, шторы и т. д.)	Лекарства	Товары для детей
Пол			
Мужчины	27,6 %	33,3 %	28,3 %
Женщины	32,4 %	45,3 %	35,0 %
Брачное состояние			
Никогда не состоявшие в браке	26,8 %	33,5 %	28,6 %
Состоящие в зарегистрированном браке	30,0 %	44,8 %	35,0 %
Состоящие в браке незарегистрированном	37,5 %	33,3 %	26,8 %
Разошедшиеся	28,6 %	54,3 %	40,0 %
Вдовы	64,7 %	70,6 %	52,9 %

Брачное состояние респондентов также определяет их возможности: покупать отечественные или импортные товары. Практически по всем товарным группам более склонны к импортным товарам «никогда не состоявшие в браке». Это в полной мере коррелирует с ответами лиц в возрасте до 29 лет, где больше всего «холостых и незамужних». Немного ниже доля, ориентированная на импорт, у «состоящих в незарегистрированном браке». Далее по убывающей следуют «состоящие в зарегистрированном браке», «разошедшиеся» и «вдовы». Диапазон крайних ответов варьирует от 87,8 до 35,3 %.

Потребительские предпочтения при покупке товаров импортного производства отдельных стран в разрезе демографических структур. Брачное состояние дифференцирует респондентов по странам-производителям. Отметим те предпочтения, где они выше, чем в среднем по выборке. «Никогда не состоявшие в браке» предпочитают товары Западной Европы (70,5 %), Японии (35,0 %) и США (12,9 %).

«Состоящие в зарегистрированном браке» товары из Японии (37,9 %) и других стран (13,0 %). «Состоящие в незарегистрированном браке» товары из Китая (4,9 %) и других стран (12,2 %). «Разошедшиеся» выделяются повышенным предпочтением к китайским товарам — 5,9 %, что в 2,6 раза выше средней величины. И, наконец, «вдовы» предпочитают товары стран Балтии и СНГ — 23,5 %, что превышает среднее значение по выборке в 2,8 раза (Табл. 13).

Связь брачного состояния с причинами покупки импортных товаров прослеживается также отчетливо. «Устраивает цена» — выше, чем в среднем по выборке, указали состоящие в незарегистрированном браке (17,1 %). «Устраивает качество» — выше среднего отметили никогда не состоявшие в браке (77,3 %) и состоящие в зарегистрированном браке (81,4 %). «Внешний вид и дизайн» особо отметили никогда не состоявшие в браке (42,3 %) и состоящие в незарегистрированном браке (39,0 %). Наибольший удельный вес набрали две причины: «отсутствие отечественного заменителя»

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «Импортные товары какой страны Вы предпочитаете приобретать?» в зависимости от демографических характеристик

Демографические характеристики	Товары стран:					
	СНГ и Балтии	США	Западной Европы	Японии	Китая	Других
Пол						
Мужчины	6,9 %	9,0 %	68,3 %	44,1 %	2,7 %	6,2 %
Женщины	8,4 %	11,9 %	65,4 %	29,0 %	1,4 %	11,9 %
Брачное состояние						
Никогда не состоявшие в браке	8,0 %	12,9 %	70,5 %	35,0 %	1,8 %	7,4 %
Состоящие в зарегистрированном браке	7,3 %	10,2 %	65,5 %	37,9 %	1,1 %	13,0 %
Состоящие в браке незарегистрированном	9,8 %	12,2 %	63,4 %	26,8 %	4,9 %	12,2 %
Разошедшиеся	5,9 %	5,9 %	55,9 %	29,4 %	5,9 %	8,8 %
Вдовы	23,5 %	5,9 %	52,9 %	17,7 %	0,0 %	5,9 %

(15,3 %) и «торговая марка» (21,5 %) у респондентов, никогда не состоявших в браке.

Завершая статью, можно еще раз подчеркнуть, что брачное состояние населения оказывает довольно часто определяющее воздействие на социальные поступки и экономическое поведение респондентов. В других работах нами было показано, как брачное

состояние отражается на профессиональном развитии человеческих ресурсов³, на особенностях формирования профессиональных кадров нефтегазового сектора Республики Коми⁴. В тоже время проблема влияния семейного состояния населения на его социальное и экономическое поведение ждет своего нового и комплексного исследования.

¹ Фаузер В. В., Климашевская Е. В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. — Сыктывкар, 2004.

² Фаузер В. В., Клепиков Н. В. Что покупают на Севере? // Социальная и демографическая политика. — 2006. — № 7. — С. 40-48; № 8. — С. 72-76.

³ Фаузер В. В., Черных А. И. Социально-демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов Республики Коми. — Сыктывкар, 2007.

⁴ Фаузер В. В., Климочкина Н. И. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция. — Ухта, 2007.

С. В. Чернышов (Брянск)

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы молодой семьи являются одной из сфер применения направлений деятельности социальных служб и подразделений, реализующих семейную и молодежную политику. В этой связи возникает вопрос по определению понятийного аппарата. Долгое время было несколько положений о молодой семье. Рассмотрим несколько:

— обоим супругам не должно быть более тридцати лет;

- одному из супругов не должно быть тридцати лет;
- семья первые три года после заключения брака;
- семья с первым ребенком до трех лет.

Рассмотрим основные положения, характеризующие понятие молодой семьи в настоящее время. Молодая семья — это семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей — без ограничения продолжительности брака) при условии, что ни один из супругов не достиг тридцатилетнего возраста (постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации»). Таким образом, брак должен быть первым; продолжительность совместной жизни до трех лет; граница возраста супругов от восемнадцати до тридцати лет.

Социально-экономический кризис в стране, слабость государственной политики, которая не способствует укреплению брачно-семейных отношений, приводит к тому, что наибольший процент разводов приходится на семью, прожившую менее трех-пяти лет.

Демографический кризис можно наглядно проследить на примере молодой семьи: уменьшение количества заключенных браков, увеличение числа разводов, рост количества одиноких и несовершеннолетних матерей, внебрачной рождаемости.

В структуре молодых семей отмечены следующие: полные; благополучные; социального риска; несовершеннолетних матерей; студенческие; военно-

служащих срочной службы.

Молодая семья — одна из самых незащищенных групп населения. Высокий процент молодых браков — следствие наступившей беременности или даже рождение ребенка. Среди молодежи «бьют» искаженное представление о браке, семье, сексе. Каждый четвертый молодой человек готов на свободные отношения без брака, но осуждает свободную сексуальную жизнь. В ряду приобретенных жизненных ценностей на первое место молодежь относит отношения в семье, удовлетворенность в любви, сексе, интимной жизни; ценность брака молодые также определяют наличием детей.

Общественное мнение утверждает, что брак без детей нельзя считать полноценным (79 % населения). У молодежи сложилось устойчивое представление, что лишь однодетная — максимум двухдетная — семья отвечает современной действительности.

С восьмидесятых годов весь мир захлестнула новая эпидемия — беременность женщин, не достигших двадцати лет, 40 % которых в России рожают вне брака; основная масса женщин имеет неполное среднее или специальное среднее образование. С 2000 по 2004 гг. доля рождений у матерей до двадцати лет возросла с 13,9 до 18,2 %, в том числе у матерей в возрасте пятнадцати-семнадцати лет — с 2,7 % до 4 %. В Российской Федерации несовершеннолетние ежегодно делают 35-40 тыс. абортов.

Среди пятнадцати-семнадцатилетних женщин отмечена беспорядочная сверххранная половая жизнь. 22,5 % девочек (43,7 % мальчиков) в возрасте четырнадцати-семнадцати лет уже имеют опыт сексуальных отношений, при этом увеличивается разрыв между началом половой жизни и вступлением в брак.

В настоящее время отмечается средний процент студенческих семей в связи с изменением социально-экономической ситуации в стране, снижением уровня жизни, появлением платного образования, отсутствием

финансирования для осуществления государственной политики в области семьи. Изменились духовно-нравственные ориентиры молодежи на получение образования, престижную работу, отодвинулся возраст вступления в брак. Повлияло также повышение культуры отношений между полами: личное счастье, удовлетворение семейными и интимными отношениями становятся жизненными приоритетами молодежи. Возрастает ориентация на эмоциональную сферу личности, его чувства, настроения, стремления. Двадцать-двадцать пять лет назад студенческая семья считалась обычным явлением, что было обусловлено целым рядом причин: социальной защитой детей, самих молодых родителей, льготным предоставлением жилья, бесплатным образованием, повышенной стипендией, умеренной платой за общежитие, т. е. государство стимулировало создание студенческих семей. Нестабильность студенческих семей менее заметна, чем, например, асоциальное поведение, но не менее опасна и разрушительна, т. к. приводит к разбитым надеждам, судьбам, заброшенным детям.

Таким образом, проблемы молодой семьи являются не только личными проблемами, они представляют собой особое направление реализации и семейной государственной политики, и деятельности социальных организаций и учреждений.

Молодая семья сегодня — это точка пересечения всех социальных явлений, происходящих в нашем обществе, это его своеобразный автопортрет, отражение процессов, происходящих в нем, симбиоз воздействия всех средств массовой информации. Семья, по сути дела, — это центр борьбы за нового человека, охрана его, защита. Поэтому вполне обосновано будет считать, что хорошая семья — это опора и надежда государства.

На протяжении длительного времени считалось, что к семейной жизни людей готовить не надо, т. к. это забота не государства, а собственной семьи и окружающего коллектива. Однако вне регулирующей функции государства семейные отношения претерпевают значительные изменения. Так, в настоящее время можно смело провести аналогию между устойчивостью семейных отношений в отдельной средней статистической семье и стабильностью государства.

Опыт реформ в нашем обществе убедительно свидетельствует, что изменения во внутренней политике государства, в особенности социально-экономического характера, неизбежно приводят к нарушению стабильности молодой семьи. С одной стороны, происходит снижение ее благосостояния и социального статуса, с другой — возникают предпосылки к дестабилизации семейных отношений. Следствием этих негативных процессов являются:

- увеличение количества разводов и неполных семей;
- рост случаев пьянства и наркомании;
- увеличение суицидальных проявлений и количества преступлений на почве социальной неустроенности.

Это все вполне объяснимо.

Специфика молодой семьи определяется тем, что

она находится в процессе своего становления, нестабильности внутрисемейных отношений, обусловленных освоением супругами своих ролевых функций, поиском своего места в системе общественных отношений. Кроме того, молодая семья имеет еще ряд особенностей. Они связаны с объективно недостаточным уровнем материальной и финансовой обеспеченности, поскольку супруги в большинстве своем еще не добились высокой профессиональной квалификации и получают сравнительно низкую зарплату, а также не имеют соответствующего опыта в планировании бюджета семейной жизни.

Сегодня приходится констатировать, что среднедушевые доходы молодых семей в полтора раза ниже, чем в среднем по стране, а 69 % из них живут за чертой бедности, причем каждая третья молодая семья с трудом сводит концы с концами. Все эти негативные тенденции характерны и для Московской области. Характер и динамика социальных процессов, происходящих в молодежной среде Подмоскovie, свидетельствует о том, что некоторые из этих тенденций стали приобретать все более устойчивый характер. К их числу мы относим:

- углубление социального расслоения в молодежной среде, где наблюдается заметная девальвация понятий патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей;

- заметное снижение возможностей участия молодежи в экономическом развитии области. Доля молодых людей в составе безработных по области остается высокой и составляет 30 %, продолжается перераспределение молодежи из сферы материального производства в сферу обслуживания и обращения. Падает социальная ценность труда;

- ухудшение материально-бытового положения молодых семей, 40 % из них имеют доходы ниже прожиточного минимума;

- остается нерешенной проблема профилактики правонарушений со стороны молодежи, практически каждое одиннадцатое преступление приходится на долю молодых людей. Следует отметить, что 73,3 % совершенных преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких, более половины из них (62,3 %) приходится на имущественные преступления, что свидетельствует о неудовлетворенности части молодежи своим материальным положением. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что происходит феминизация подростковой преступности. На сегодняшний день уже более 10 % преступлений среди подростков совершается малолетними девушками, и этот процесс имеет тенденцию роста.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что носителями этих тенденций являются молодые люди, которые в ближайшей перспективе будут стоять перед проблемой создания семьи и воспитании детей. К сожалению, эти негативные явления не обходят стороной уже созданные молодые семьи.

Все это негативно сказывается на выполнении молодыми семьями своих социальных функций

и заметно осложняет решение проблемы рождаемости у нас в области. К тому же в большинстве своем молодая семья имеет малолетних детей, которым необходимы особая пища и одежда, дополнительная забота об укреплении здоровья и воспитании. Имеется повышенная возрастная потребность в дополнительных досуговых затратах.

Более того, молодая семья имеет объективно повышенные финансовые потребности, обусловленные процессом становления семейной жизни: это и приобретение жилья, и организация быта. Необходимо учитывать, что и сами молодые супруги должны проходить определенные ступени роста, связанные с отсутствием опыта семейных отношений, возрастным максимализмом, получением образования и профессиональным статусом. Это требует дополнительной затраты различного рода ресурсов.

Особенность молодой семьи заключается в том, что помимо социально-экономических проблем супруги испытывают сложности в психологической сфере отношений. Этап психологической адаптации к семейной жизни является одним из ключевых в процессе становления семьи. От того, насколько успешно супруги его пройдут, во многом зависит сохранение и стабильность семьи, поскольку до 70 % всех разводов происходит в течение первых пяти лет совместной жизни.

По данным социологических исследований в настоящее время почти каждая пятая молодая семья нуждается в психологическом консультировании, а в каждой четвертой складываются «натянутые» взаимоотношения. Во многих молодых семьях во внутрисемейных отношениях имеют место невнимание и безразличие друг к другу, грубое отношение, доходящее до оскорблений и агрессивного поведения между членами семьи.

Весь комплекс вопросов, связанных с решением социально-экономических и психолого-педагогических проблем молодой семьи, является одним из приоритетных направлений деятельности административных органов города и области, органов по делам молодежи муниципальных образований. Рассмотрим для примера реализацию направления молодежной политики, осуществляемую в Комитете по делам молодежи администрации Московской области.

Сегодня на территории области уже действуют около двадцати центров и клубов молодой семьи, более двадцати пяти социальных учреждений, включая телефоны доверия, которые, так или иначе, оказывают помощь и поддержку молодой семье. Для сравнения: на территории Брянской области действуют не более десятка подобных учреждений.

Одной из причин низкой эффективности деятельности социальных служб, центров, клубов молодой семьи, реализации соответствующих программ, нацеленных на взаимодействие с молодой семьей, является отсутствие единой концепции, выражающей основные цели, принципы и положения по становлению и стабилизации молодого семейного союза. На сегодняшний день пока

не сформулированы концептуальные основы молодежной политики по комплексной поддержке молодой семьи, однако уже предприняты первые шаги в этом направлении. Решение этой сложной задачи не должно сводиться только лишь к поиску форм и методов работы с молодой семьей в рамках клубной работы. Необходимо рассматривать проблему гораздо шире. Речь идет, прежде всего, о концептуальной проработке основ молодежной политики в отношении молодой семьи и формировании системы практических мер, обеспечивающих комплексное решение задач всех видов социальной помощи молодым супругам.

Решение проблемы взаимоотношения государства и института молодой семьи следует начинать с разработки пакета документов, которые бы определяли всю систему взаимоотношений молодой семьи и государства. Для подготовки данных проектов законов необходимо предварительно выработать целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного и кадрового характера, направленных на улучшение условий жизни молодой семьи. При разработке концептуальных основ молодежной политики необходимо исходить из ряда принципов взаимодействия молодой семьи и государства, на основе которых должны строиться проекты законодательных актов.

Каковы же эти принципы?

В первую очередь взаимодействие государства и молодой семьи следует осуществлять, исходя из принципа партнерских взаимоотношений, что обеспечит сбалансированность не только соблюдения государством всего комплекса прав семьи, но и ответственность семьи как социального института перед обществом и государством за выполнение своих социальных функций.

Что это означает?

Государство через свои структуры, в том числе через органы по делам молодежи, призвано создавать условия для реализации прав и интересов семьи в соответствии с такими документами ООН, как «Декларация о правах человека», «Декларация о не дискриминации женщин», «Конвенция о правах ребенка», «Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей» и «План действий по ее осуществлению в 90-е годы», где определены исходные положения, провозглашающие суверенитет молодой семьи.

Соблюдая права и суверенитет семьи, государство не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь семьи, в отношения супругов, родителей и детей, а если необходимо, то вмешательство должно осуществляться в пределах, не нарушающих права, интересы членов семьи, и не должно противоречить положениям Конституции, другим правовым нормам и нравственным требованиям. Государственные структуры призваны проводить семейную политику в отношении молодых семей, где им законодательно предоставляется самостоятельный социальный статус и обеспечивается соблюдение прав семьи в социальной жизни общества. Поэтому при разработке законов и реализации региональных соци-

ально-экономических программ необходимо учитывать интересы молодой семьи в процессе экономического и социокультурного развития общества.

Молодая семья, со своей стороны, обязана полноценно осуществлять свои основные социальные функции: репродуктивную, экономическую, жизнеохранительную (сохранение здоровья членов семьи), воспитательную и ряд других, неотъемлемо присущих семье: эмоциональную, социокультурную (передачу социального опыта и культурных ценностей), коммуникативную (общения и передачи информации между членами семьи).

Одним из основных принципов взаимоотношения молодой семьи и государства должен выступать принцип дифференцированного подхода к различным типам семей. Исходя из этого, можно выделить следующие типы семей:

а) *по степени полноты*: полные и неполные, где полной является такая, где есть муж, жена и их дети, а неполной — такая, которая состоит из одного родителя и его детей;

б) *по степени благополучия*: маргинальные (крайне низкие доходы, высокий уровень потребления алкоголя или наркотиков, весьма плохие жилищные условия или их отсутствие), кризисные (находящиеся ниже черты бедности, имеющие серьезные проблемы супружеских отношений и физического выживания), благополучные (уровень жизни несколько выше среднего, все свои проблемы могут решать самостоятельно).

в) *по экономическому благосостоянию*: бедные (уровень нищеты, душевой доход ниже или на уровне минимальной зарплаты), малообеспеченные (душевой доход от уровня минимальной зарплаты до уровня прожиточного минимума), обеспеченные (душевой доход на уровне среднего по региону) и состоятельные (душевой доход значительно выше среднего по региону).

Принцип дифференцированного подхода к молодым семьям предполагает осуществление адресной поддержки и социальной защиты следующих категорий семей: неполных семей, состоящих из матерей-одиночек (в том числе вдов) с несовершеннолетними детьми; разведенных матерей (отцов) с несовершеннолетними детьми; семей военнослужащих с малолетними детьми; многодетных семей; студенческих семей с детьми; семей с детьми-инвалидами, которые требуют ухода со стороны взрослых членов семьи.

Реализация государственной семейной политики по становлению и стабилизации молодой семьи должна основываться на принципе единого социально-экономического, образовательно-воспитательного и правового пространства, что предполагает единые социальные гарантии, юридическую защиту прав и свобод молодых семей в равной степени на всей территории России.

Следующую группу принципов составляют мировоззренческие принципы, которые определяют основные позиции и направления работы по становлению и стабилизации молодой семьи, выступают ориентиром создания молодой семьи XXI в.

К сожалению, мы почему-то в последнее время

забыли, что российская семья — это залог здорового поколения, ячейка, сохраняющая и передающая своим детям российский менталитет и российское самосознание. Все это должно определять государственную семейную политику и ее реализацию по отношению к молодой семье в будущем веке.

Одним из важнейших принципов в становлении, стабилизации молодой семьи и в ее взаимоотношениях с государством является принцип гуманизма. Его реализация в семейной политике предполагает ориентацию по отношению к молодой семье не как к средству воспроизводства рабочей силы, а как к институту воспроизводства и воспитания жизнеспособной личности, формирования гармонично развитого человека. Исходя из принципа гуманизма, необходимо реализовать положение «не семья для государства, а государство для семьи», согласно которому семейная политика и семейное право должны быть ориентированы на решение проблем сохранения и укрепления семьи.

В качестве одного из основополагающих мировоззренческих принципов выступает принцип развития, поскольку он лежит в основе процесса становления молодой семьи, предполагая ее динамичное развитие от момента создания — и даже несколько ранее — до стабильного функционирования, что также подразумевает дальнейшее развитие семьи, но уже в новом качестве.

Важным мировоззренческим принципом по отношению к становлению молодой семьи является принцип социальной преемственности, благодаря которому обеспечивается взаимосвязь поколений, возрастное единство общества, сохранение традиционного российского менталитета, передача и преемственность российских социокультурных ценностей. Реализации этого принципа необходимо уделить особое внимание при разработке программ и в деятельности социальных структур, взаимодействующих с молодой семьей.

Принцип социальной субъектности молодой семьи выступает одним из основополагающих в настоящее время. Идея в том, что государственная семейная политика призвана создавать необходимые условия, в которых молодая семья может проявлять самостоятельность и активность. Этот принцип предполагает саморазвитие и самообеспечение, активное проявление жизненного потенциала семьи. Он должен выступать в качестве исходного и основополагающего в идеологии семейной политики. Данный мировоззренческий принцип особенно важен для становления молодой семьи в современном российском обществе.

Принцип деятельности (самодетельности) также выступает в качестве мировоззренческой основы в процессе становления и стабилизации молодой семьи и непосредственно связан с принципом субъектности, поскольку обретение самостоятельности для любой семьи возможно только в процессе ее активной деятельности во всех сферах социальной жизни общества и при выполнении своих функций.

Мировоззренческие основы более конкретно

рассматриваются как система основополагающих идей, определяющих сущность и роль семьи в современном российском обществе, ее взаимоотношения с государством, соотношение социальной, семейной и молодежной политики государства по отношению к молодой семье.

Семья в условиях современной российской действительности должна рассматриваться как самостоятельный структурный элемент, выступающий в качестве основы формирующегося демократического гражданского общества, призванный выполнять социально значимые функции, прежде всего, по рождению и воспитанию детей, заботе о старшем поколении.

Таким образом, основной стратегической целью государственной семейной политики по отношению к молодой семье является создание условий, способствующих сохранению, развитию благополучной молодой семьи в качестве субъекта социальной структуры российского общества, укреплению семейного образа жизни и выполнению в полной мере ее функций как социального института.

Для достижения поставленных целей государственные структуры в процессе реализации семейной политики по отношению к молодой семье должны:

- возрождать и укреплять институт российской семьи;
- создать необходимые условия, позволяющие молодой семье обеспечить уровень доходов, достаточный для ее стабильного функционирования и полноценного выполнения социальных функций;
- совершенствовать всю систему государственных социальных гарантий для поддержки уровня благосостояния семей с детьми и особо нуждающихся семей;
- оказывать содействие молодой семье в реализации ее воспитательной функции;
- обеспечивать сохранение семейной среды как естественной среды личностного саморазвития и самореализации супругов;
- обеспечивать создание стартовых возможностей для становления молодой семьи и достижения ее стабильного функционирования;
- создавать возможности для развития молодой семьи как субъекта собственности и предпринимательства.

Такова система принципов, определяющих концептуальные основы молодежной политики, на которых должны базироваться законодательные акты, разработка которых является первостепенной задачей.

Рассмотрим приоритетные направления деятельности в отношении молодых семей и механизм реализации основ молодежной политики в этом направлении.

В этом плане необходимо решить следующие задачи:

- установить гарантии занятости на рынке труда, создания рабочих мест, осуществления профессиональной подготовки и переподготовки для молодежи;
- оказывать государственную поддержку развитию индивидуальной трудовой деятельности, семейно-

му предпринимательству, фермерству и другим видам предпринимательства;

- создавать условия для фактического равенства прав и возможностей мужчин и женщин на рынке;
- совершенствовать налоговую политику в отношении членов молодых семей;
- совершенствовать систему выплаты пособий для молодых семей, имеющих несовершеннолетних детей, увеличить долю расходов на семейные пособия;
- проводить кредитование и частичное субсидирование молодых семей, осуществляющих строительство и приобретение жилья;
- обеспечить эффективный государственный контроль за соблюдением законодательства РФ в части защиты прав и интересов молодой семьи;
- расширять сеть учреждений социального обслуживания молодых семей в целях оказания им услуг по уходу за детьми, консультативной поддержки в кризисных ситуациях и других видов социальной помощи;
- совершенствовать систему охраны репродуктивного здоровья, укрепления службы планирования семьи, санитарного просвещения по вопросам безопасного материнства и профилактики заболеваний;
- оказывать помощь молодой семье в воспитании детей путем издания и распространения литературы по воспитанию детей и по проблемам семейных отношений, государственной поддержки нравственно-этического и экологического просвещения.

Кроме того, необходимо активное внедрение в практику работы молодежных структур муниципальных образований наиболее эффективных форм и методов работы с молодыми семьями. В этих целях в целевых программах «Молодежь» должен быть предусмотрен ряд мер практического плана, направленных на:

- материально-техническое обеспечение учреждений сети социальных служб для молодежи;
- материально-техническое обеспечение сети молодежных центров-клубов;
- материально-техническую и организационную поддержку реализации программ обеспечения жильем молодых семей;
- материально-техническое обеспечение реализации программ молодежных общественных объединений;
- проведение областного конкурса проектов программ в сфере региональной молодежной политики;
- развитие системы информационного обеспечения молодежи.

Если удастся комплексно подойти к решению этих проблем, мы сможем достигнуть существенных сдвигов в реализации государственной семейной политики, что в свою очередь будет способствовать:

- повышению уровня благополучия молодой семьи;
- снижению младенческой смертности и улучшению здоровья детей;
- снижению числа разводов и уменьшению количества неполных семей;

— более эффективному решению проблем безпризорности и подростковой преступности.

С учетом ситуации, сложившейся в современном российском обществе, следует отметить, что за последние несколько лет резко возросла как личностная, так и общественная значимость профессионального выбора. Вместе с этим, к сожалению, возросла и сложность осуществления выбора профессии. Сегодня молодежь России испытывает огромные трудности при осуществлении профессионального выбора. Так, проведенное Центром профессиональной ориентации в марте и мае 2004 г. исследование профессиональных предпочтений среди 11-х и 9-х классов из девятнадцати общеобразовательных школ города Брянска показало, что почти 22 % одиннадцатиклассников и 40 % девятиклассников вовсе не определились в выборе своей будущей профессии. Опыт работы сотрудников Центра также показал, что подростки пятнадцати-восемнадцати лет испытывают серьезные трудности при осуществлении профессионального выбора.

Центром совместно с управлением образования была разработана профориентационная программа «Выбери профессию», рассчитанная на массовый охват молодежи. Необходимость создания и внедрения данной программы была обусловлена множеством факторов, основными из которых являются:

- ограниченность знаний молодых людей о существующем разнообразии профессий и динамике рынка труда;
- неумение подростков адекватно оценивать свои способности и связывать их с непосредственной профессиональной деятельностью;
- изменение требований работодателей к личностным и профессиональным качествам своих сотрудников;
- отсутствие проведения полномасштабной профориентационной работы с молодежью.

Предварительная профессиональная ориентация молодых людей позволит не только помочь их самоопределению, но, прежде всего, позволит повысить степень их реализации в профессиональной деятельности и, как следствие, конкурентоспособность на рынке труда, реальную занятость после окончания учебы, достойный уровень жизни для них и членов их семей.

Структура программы «Выбери профессию» основывается на четырех основных блоках: кампания «Выбери профессию», индивидуальные профориентационные консультации, проведение семинаров и лекций, проведение тренингов. Кампания «Выбери профессию» является самым содержательным блоком программы и включает в себя три подблока: профинформирование, профдиагностика и профконсультация. На данный момент в полном объеме реализуется подблок «Профинформирование». Реализация этого подблока происходит в виде первичного группового профориентационного занятия, в процессе которого обсуждаются типичные ошибки, совершаемые при выборе профессии, стратегия правильного выбора профессии, проводится диагностика профессиональных интересов и склонностей,

демонстрируются ролики о профессиях (видеопрофессиограммы) и проводится анализ рынка труда в районе. Вся видеопродукция, используемая для проведения занятий, также создается сотрудниками Центра.

Сегодня такая профориентационная работа ведется только с девятиклассниками из школ, но в ближайшем будущем планируется охватить десятые и одиннадцатые классы, а также начать работать с молодыми семьями, вступившими в брак до совершеннолетия.

Рассмотрим пример работы клубов «Молодой семьи».

Клуб «Молодая семья» начал работать в Бежицком районе г. Брянска, затем почти одновременно возникли подобные клубы в Володарском и Фокинском районах.

Целью работы подобных клубов является укрепление и поддержка молодой семьи, и вся работа направлена именно на достижение этой цели. Задачи мы поставили следующие:

- повышение статуса семьи;
- формирование и развитие культуры семейных отношений;
- организация разнообразных и семейных форм семейного досуга.

Для достижения поставленной цели и решения вышеуказанных задач ведется работа по следующим направлениям:

- подготовка к семейной жизни — при клубе «Молодая семья» работает клуб знакомств: анкетный подбор, вечера встреч, «Любовь с первого взгляда» и т. д.; здесь же добрачное консультирование, диагностика пар на совместимость;
- работа с молодыми парами — тренинги консультации;
- помощь молодым родителям в семейном воспитании и обучении ребенка, консультации специалистов (психологов, педагогов), развивающие и обучающие занятия с детьми при активном участии родителей;
- работа с конфликтными семьями.

Работа клуба «Молодая семья» ведется по программе, в которую входит:

- консультация и групповая работа психолога;
- творческие вечера (поэзии, бального танца, песни и т. д.);
- встречи с интересными людьми;
- творческая мастерская;
- семейный театр (актерами являются дети от двух лет и их родители);
- группа спортивного бального танца для молодых пар;
- праздничные вечера: Новый год, женский день, масленица;
- экскурсии (последними были несколько экскурсий по храмам Шелковского района);
- отдых на природе, туристические походы.

В Бежицком районе работа клуба проходила по схеме вечеров отдыха. В Володарском на заседания клуба приглашались специалисты — психологи, юристы.

В Фокинском районе клуб возник на базе Центра детского и юношеского туризма. В работе клуба большее внимание уделялось организации досуговой деятельности для молодых семей — спортсменов. Туристы, спортсмены-любители и профессионалы, после заключения брака часто выпадают из привычной среды тренировок и выступлений. Организация совместных походов выходного дня позво-

ляет решить данные проблемы.

Таким образом, проблемы молодой семьи — это не только проблема самих семей, но и серьезные социальные проблемы общества в целом. Соответственно, необходим комплексный подход для их решения. В настоящий момент накоплен значительный опыт работы государственных органов, в частности, комитетов по делам молодежи, общественных организаций.

Б. В. Тришкин (Брянск)

ФАКТОР СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЯ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

В современной экологии человека одной из актуальнейших проблем является охрана здоровья детей и подростков. Этому уделяется значительное внимание в современной научной литературе. Основы здоровья человека закладываются именно в детском и подростковом возрасте.

В ходе проводимого нами исследования по влиянию на здоровье учащихся старших классов было рассмотрено влияние негативных техногенных факторов среды обитания и изучения их сочетанного эффекта. Приоритетными факторами, анализируемыми нами, были радиационное загрязнение (последствие аварии на Чернобыльской АЭС) разной интенсивности и пестицидное загрязнение (последствие интесивного сельскохозяйственного производства). В качестве дополнительных факторов, влияющих на здоровье молодых людей, мы исследовали социально-бытовые условия жизни, а именно: средний доход на семью, состав семьи и качество питания.

Размер населенных пунктов, в которых проживают обследуемые нами группы школьников, значительно различается. По данным Брянского областного комитета государственной статистики, численность населения на 1 января 2000 г. в г. Брянске, г. Новозыбкове, г. Клинцы и п. г. т. Красная Гора равнялась соответственно 457,4, 43,6, 68, 7,3 тыс. чел.

Исследования социально-бытовых факторов проводились на основе анкет старшеклассников.

По среднему месячному доходу семьи все учащие-

ся были разделены на четыре группы (Табл. 1): семьи, имеющие доход ниже месячного прожиточного минимума; семьи, имеющие доход в пределах от прожиточного минимума до средней месячной заработной платы; семьи с месячным доходом от одной до двух среднемесячных зарплат; группа с доходами выше двух среднемесячных доходов по данным комитета статистики Брянской области.

Из таблицы 1 видно, что примерно треть всех семей входит во вторую группу социальной обеспеченности (от одной до двух месячных зарплат) — от 31,8 % до 37,6 %, значительно выделяется только экологическая группа IIIa (47,4 %), что, вероятно, связано со временем обследования — основная масса школьников обследована в 2001 году, а группа IIIa — в 2003, когда показатели прожиточного минимума и средней заработной платы в Брянской области выросли на 40 % и 20 % соответственно. Наибольшее число семей с очень низким доходом школьников составляют IV экологическую группу (51,8 %), что достоверно больше, чем в остальных группах. Количество семей, имеющих доход от одной до двух средних зарплат, колеблется от 10,6 % до 42,1 %. Наибольший процент таких семей представлен в группе IIIa, что связано со значительным изменением экономической ситуации в области, прежде всего, с увеличением заработной платы работников бюджетной сферы. Следующие группы по числу семей с доходом выше среднего I и II (23,7 % и 28,0 % соответственно); здесь различия

Таблица 1

Месячный доход семей обследованных школьников

Группа	Доход на семью				Скрыли
	До 1000 руб.	1000-2000 руб.	2000-5000 руб.	Более 5000 руб.	
I	10,2 %	33,9 %	23,7 %	17 %	15,3 %
II	25,3 %	36,0 %	28,0 %	2,7 %	8 %
III	32,5 %	37,6 %	19,7 %	4,3 %	6 %
III a	5,3 %	47,4 %	42,1 %	5,3 %;	0,0 %
IV	51,8 %	31,8 %	10,6 %	1,2 %	4,7 %

Количество детей в семьях обследованных школьников

Группа	Количество детей в семье			
	1 ребенок	2 детей	3 детей	4 и более
I	22,3 %	62,7 %	15,3 %	0,0 %
II	25,3 %	62,7 %	12,0 %	0,0 %
III	17,9 %	62,4 %	17,1 %	2,6 %
III а	15,9 %	63,2 %	15,9 %	5,3 %
IV	11,8 %	62,4 %	20,0 %	5,9 %

не достоверны. В III группе процент семей с подобным уровнем дохода составляет 19,7%. Меньше всего обследованных старшеклассников проживает в семьях с высоким уровнем дохода (более 5000 руб.) — от 1,2% (IV) до 17% (I); в группах III и IIIа различия не достоверны (4,3% и 5,3%) соответственно, в группе II этот показатель равен 2,7%.

Отмечается также, что наибольшее количество анкетированных, не пожелавших ответить на этот вопрос, представлено в I группе (15,3%), наиболее откровенны были старшеклассники в группе IIIа. Также отмечается, что только в группе I количество семей с высокими доходами превышает количество семей с очень низкими (17% против 10,2%), в то время как в остальных группах наблюдается значительное превышение количества семей с самыми низкими доходами над самыми высокими. Исключение составляет группа IIIа, где эти показатели равны (5,3%).

При анализе социально-экономической ситуации в группах обследованных учитывался и такой важный психолого-социальный фактор, как количество детей в семье. Все обследованные школьники были разделены на четыре группы: семьи с одним ребенком, двумя, тремя и четырьмя и более.

Анализ показал, что большинство семей обследованных старшеклассников имеют брата или сестру (Табл. 3.1.2), т. е. проживают в семьях с двумя детьми. Этот показатель колеблется от 62,4% (группа III, IV) до 63,2% (группа IIIа), группы I и II — 62,7%. Наибольшее количество семей с одним ребенком пред-

ставлены в группах I и II (22,3% и 25,3% соответственно). Наименьшее количество однодетных семей составляют группу IV (11,8%). Причем, отмечается корреляционная зависимость количества однодетных семей от людности обследованных населенных пунктов ($r = -0,86$, $p < 0,05$). В семьях с тремя детьми проживает от 12,0 (группа II) до 20,0 (группа IV) процентов. При этом также отмечается корреляционная зависимость между количеством детей и людностью населенных пунктов ($r = 0,72$, $p < 0,05$). Семьи с четырьмя и более детьми в I и II группах не представлены, в III группе — 2,6%, в группах IIIа и IV — 5,3 и 5,9% соответственно.

Также был проведен анализ состава семьи (Табл. 3). В ходе анализа выявлено, что большинство семей обследованных школьников являются полными.

Процент полных семей колеблется от 67,8 (группа I) до 81,3% (группа II). Также большой процент полных семей в группах IV и IIIа (80,0 и 78,9% соответственно), в группе III — 70,9%. Неполные семьи в общей своей массе составляют менее трети всех семей, от 13,3% (группа II) до 29,1% (группа III). При этом в большинстве неполных семей дети находятся на попечении матери от 12,0 (II) до 27,4 (III) процентов, отцы-одиночки составляют значительно более меньшую группу от 1,3 (II) до 4,7 (IV)%, в группе IIIа неполные семьи с отцом-опекуном не представлены.

В ходе анкетирования обследованных школьников были проведены также исследования качества питания школьников. Ввиду затруднений школьников

Таблица 3

Состав семей обследованных школьников

Группа	Состав семьи				
	Полные семьи	Неполные семьи			Нет данных
		Все	Мать	Отец	
I	67,8 %	27,1 %	23,7 %	3,4 %	5,1 %
II	81,3 %	13,3 %	12,0 %	1,3 %	5,3 %
III	70,9 %	29,1 %	27,4 %	1,7 %	0,0 %
III а	78,9 %	21,1 %	21,1 %	0,0 %	0,0 %
IV	80,0 %	17,7 %	12,9 %	4,7 %	2,4 %

в объективной оценке своего рациона питания, были разработаны методики косвенной оценки качества питания. Так, например, завтрак, состоящий из чая с бутербродами, считался легким и оценивался в 1 балл, из чая и гарнира — средним и оценивался в 2 балла, из чая и гарнира с мясом — плотным и оценивался в 3 балла, по аналогичной схеме оценивался и обед с ужином, но с учетом гигиенических нормативов по соотношению суточной нормы потребления калорий.

На основе косвенной оценки рациона питания была разработана система балльной оценки качества питания (Табл. 3).

Из таблицы 3 видно, что все обследованные школьники получают минимальный рацион питания. Самая кризисная группа — «скудное питание» — имеет долю в общем числе обследованных от 5,5 % (II) до 9,7 % (III). Большинство же школьников имеют «достаточное питание» от 52,6 % (III) до 60,3 % (II). «Обильный» рацион питания имеют примерно 1/3 обследованных школьников, от 30,1 % (II) до 37,5 % (I). Минимальное же количество школьников имеют избыточное питание, от 1,2 % (IV), до 4,4 % (III).

На основе анализа социально-экономической обстановки в районах с различной радиационно-техногенной нагрузкой можно сделать следующие обобщения: около трети семей получают доход ниже прожиточного минимума на человека. Существует группа малообеспеченных семей, где доход на семью не превышает среднего прожиточного минимума по области, количество таких семей колеблется от 5,3 % (IIIa) до 51,8 % (IV); при этом наблюдается прямая корреляционная зависимость уровня дохода в этой категории от людности городов ($r=0,65$ с учетом группы IIIa и $r=0,97$ без учета группы IIIa, в обоих случаях $p<0,05$), в остальных категориях такой зависимости не выявлено.

Около 2/3 всех обследованных старшеклассников проживает в семьях с еще одним братом и сестрой. Многодетные семьи (трое и более детей) составляют от 12,0 % (II) до 25,9 % (IV), доля семей с единственным ребенком колеблется в тех же пределах, но с обратным вектором, о чем свидетельствует выявленная корреляционная зависимость.

По составу семьи от 2/3 до 4/5 семей являются полными, в абсолютном большинстве неполных семей опекуном является мать.

Современные экономические и социальные условия оказывают значительное влияние на качество и состав рациона питания. Выявлена корреляционная зависимость между месячным доходом семьи и рационом питания ($r=0,48$, $p<0,05$). Также отмечается, что неполные семьи в большинстве своем — семьи с доходом низким и ниже среднего, доля неполных семей со средним доходом или выше не превышает 5 %. Таким образом, группа социально неблагополучных

(неполные семьи) подростков колеблется от 13,3 % до 29,1 % (2), экономически неблагополучных (семьи с очень низким доходом семьи) — от 5,3 % до 51,8 % (Табл. 1), гигиенически неблагополучных подростков («скудный» рацион питания) — от 5,5 % до 9,7 %. При этом, как правило, подростки входят в несколько социально-экономических неблагополучных групп, что создает базу для сдвигов в здоровье старшеклассников.

Анализируя совокупность экологических, социально-бытовых и дидактогенных факторов, создающих среду обитания для обследованных школьников, нами сделаны следующие выводы: для исследования выбрано четыре района Брянской области, обладающие уникальным сочетанием исследуемых экологических факторов — радиационным загрязнением и уровнем пестицидных нагрузок. В контексте этих экологических факторов рассматривались другие факторы, влияющие на развитие обследуемых учащихся старших классов.

Проанализировав учебный режим обследуемых школьников, можно сделать вывод, что учебные нагрузки на учащихся в целом схожи, за исключением Новозыбковской школы № 9, работающей по программе школы здоровья. Анализируя месячный доход семей, отмечено, что более трети семей во всех экологических группах имеют доход в пределах от 1000 до 2000 руб., и еще менее 30 % — доход от 2000 до 5000 руб. Проанализировав состав семей, отмечено, что от 70 до 80 % семей являются полными, а в неполных семьях в подавляющем большинстве случаев опекуном является мать (12–24 %). Также отмечено, что две трети семей имеют двоих детей, а вот наличие одного или трех и более детей в различных экологических группах неоднородно. Отмечается обратная корреляционная зависимость между людностью населенных пунктов и числом детей в семье ($r=-0,86$). Взаимосвязи между месячным доходом семей и числом детей в семье, а также отсутствием второго родителя не выявлено.

При анализе режима питания и качества по оригинальной методике отмечено, что более половины всех обследованных школьников (50–60 %) питаются в пределах нормы, более трети выше нормы, от 5 до 10 % ниже нормы.

На основе эколого-гигиенического и дидактогенного анализа были выявлены группы риска подростков: социально неблагополучные, экономически неблагополучные, гигиенически неблагополучные. При этом наибольшая доля подростков, входящих в группы риска, составила в III группе (социально и гигиенически неблагополучные семьи) и IV группе (экономически неблагополучные семьи). Вхождение подростка в какую-либо группу риска, а в отдельных случаях — в несколько таких групп, создает негативную почву для сдвигов в здоровье.

РОДОВАЯ САКРАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Элита любого общества обладает собственной коллективной идентичностью, которая может конструироваться на совершенно различных основаниях. Однако для формирования устойчивой наследственной аристократии необходимо глубокое онтологическое обоснование ее особого статуса, без которого легитимация аристократии в общественном сознании оказывается невозможной, а возникновение аристократического самосознания значительно затрудняется. Для того, чтобы элита была аристократией, ее идентичность обязательно должна опираться на мифологическое сознание, быть укорененной в мифе. Например, как отмечает П. Ю. Уваров, «даже невооруженным взглядом видно, что миф о дворянстве и самосознание дворянства играли важнейшую роль в его социальном функционировании. Дворянская культура не может не быть объектом самого пристального внимания социальной истории, поскольку ни у кого, даже у самых закоренелых приверженцев социально-экономического редукционизма не вызывало сомнений ни существование особого дворянского культурного кода, игравшего важнейшую роль в воспроизведении доминирующих социальных позиций дворянства, ни необычайно активное воздействие этой культуры на все общество»¹.

Конструирование аристократической идентичности по своей природе не может быть построено на рациональных основаниях. Власть, богатство и личные достоинства являются важными атрибутами аристократии, но не могут определить ее как таковую. Идентичность аристократии опирается на присущую мифологическому сознанию естественную иерархичность, вытекающую из представлений об анизотропной структуре пространства, и определяется, в первую очередь, концепцией сакральности благородного происхождения, древности рода, поддерживаемой постоянным вниманием к сохранению исторической памяти о предках.

В рамках концепции благородства происхождение приобретает особое, метафизическое значение. Девизом аристократизма в данном отношении могут служить слова основателя концепции особого происхождения аристократии и ее независимости от власти графа де Буленвилле: «Вся милость монарха может наделять лишь титулами и привилегиями, но она не может заставить течь в жилах другую кровь»². Однако не следует забывать о том, что идеи Буленвилле — позднее явление, принадлежащее уже XVIII в. История аристократической идеи в Европе была очень сложной и, хотя есть определенные основания предполагать единство западноевропейской аристократической традиции, в то же время нет никаких оснований считать эту традицию непрерывной.

С переходом от архаических, традиционных форм общества к более современным значение родового начала в социальной жизни уменьшается. Определяющими, эссенциальными признаками родовитости и память о предках остаются лишь для аристократии, отличая ее тем самым от всех других видов социальной элиты. Согласно О. Г. Эксле, в основе аристократизма лежит воспоминание. Аристократические качества наследуются и прибавляются с каждым последующим поколением, и чем дальше в глубь веков уходит родословная индивида (а значит — длиннее традиция воспоминания), тем он благороднее. Поэтому аристократию формирует именно *memoria* — память об умерших предках, их славных деяниях — как представление и как практика³.

Развитие идеи монархической сакральности тщательно прослеживает Михаил Ямпольский⁴. Не вдаваясь в подробности, здесь следует лишь отметить, что эта сакральность со временем становится все более дистанцированной и трансцендентной, превращаясь из символа в репрезентацию, и места для мифологизации родового начала в ней уже не остается. В свете этого теряют смысл споры о том, была ли европейская знать раннего Средневековья «старой» или «новой»⁵. Как показывает Констанс Бушар⁶, знать в то время постоянно пополнялась новыми людьми, которые сразу же по достижении прочного положения в рядах элиты вступали в браки со «старой» знатью, включая даже королевские династии. Этому процессу активно способствовала церковь, которая в то время не только отрицала идею родовой сакральности, но и строго запрещала родственные браки до весьма отдаленных степеней родства, что заставляло элиту постоянно расширять круг брачных партнеров.

Тем не менее, по своей природе христианская церковь всегда является проводником и хранителем коллективной памяти. Собственно говоря, в Средние века именно церковная, литургическая *memoria* и есть *memoria par excellence*. Поминование умерших и культы святых стали основными факторами формирования групповой идентичности⁷. Связь нобилитета с церковью также всегда была очень тесной и далеко не исчерпывалась прагматическими аспектами идеологической и экономической власти. В частности, результаты проведенного Родни Старком статистического исследования 483 средневековых святых⁸ показывают, что аскетизм характерен именно для выходцев из социальной элиты.

Таким образом, большинство дворян к XI в. имели знатных предков, нередко являясь потомками Каролингов (а некоторые — даже и легендарных Меровингов). Но отдаленное родство со старыми ди-

настиями значило в те времена так мало, что многие факты такого родства не были известны тогда (самим потомкам королей!) и были открыты учеными уже в наши дни⁹. Приведенные факты свидетельствуют о том, что аристократической идеи в раннее Средневековье, как показал еще Марк Блок¹⁰, не было. Новые доказательства наличия знатных предков у представителей элиты того времени ничего не изменят, если не удастся показать, что они знали свою родословную и придавали ей значение.

С переходом к зрелому Средневековью аристократическая идея начинает постепенно возрождаться, включая в себя и подчиняя наследственному принципу идеал рыцарства, ставший важным элементом аристократического мифа. Однако подлинный расцвет мифологии аристократизма начинается только в XVII в., когда в условиях нарастающего разрыва между благородством происхождения и богатством и властью перед аристократией возникла угроза утраты идентичности. Для устранения этой угрозы, в частности, была разработана концепция внутренней связи между благородством крови и добродетелью (*virtus*); причем, если *virtus* мужчины (*vir*) обычно связывалась с честью и доблестью, то для женщины она однозначно понималась как благочестие. В то же время усилилась закрытость аристократии, и замужество девушки из знатной семьи за человеком богатым, но не древнего происхождения, рассматривалось как бесспорно недостойное. Как показывает Элен Хиллс¹¹, в результате сложилась теория внутренней связи женского благородства и благочестия: например, знатность монахинь стала представляться важнейшим фактором духовной значимости монастыря¹². Ярким примером слияния ценностей духовности и благородства могут служить слова брата Доменико Гравини (1630): «Благородство крови есть инструмент добродетелей и украшает святость, как серебряная оправа украшает драгоценный камень»¹³.

В то же время для сохранения экономического могущества аристократии возросло значение единонаследия, обеспеченного юридическими институтами майората и фиденкомисса. Однако, способствуя концентрации собственности в старшей линии и сохраняя тем самым связанное с титулом достоинство, единонаследие либо повышало риск пресечения рода, либо способство-

вало деклассированию потомков младших сыновей¹⁴. При этом второй вариант представляется даже более угрожающим, поскольку он связывает аристократическое достоинство не с происхождением самим по себе, а с обладанием титулом. Поэтому неудивительно, что строгое следование принципу единонаследия порождает представления о том, что присвоение титула автоматически делает благородной кровь его держателя¹⁵, в результате подрывая мифологическую концепцию аристократизма.

Институт фундаторства — основания храмов и монастырей, известный на протяжении всего Средневековья, становится не просто средством повышения статуса и увековечения памяти конкретного лица, но фактором, поднимающим значимость целого аристократического рода, и даже, как показывает О. Г. Экслер¹⁶, путем к возвышению фамилии над своим скромным происхождением и причислению ее к аристократии благодаря созданной *memoria*.

Начиная с XIX в., когда образ жизни и социальные роли дворянства и буржуазии стали неуклонно сближаться до полного совпадения, сохранению аристократической идентичности способствуют в основном мифологические факторы, поддерживаемые исторической памятью. Благодаря активной деятельности людей благородного происхождения развиваются геральдика и генеалогия. В соответствии с результатами исследования Габриэле Клеменс¹⁷, аристократия сыграла очень важную роль в имевшем место в Германии и Италии XIX в. пробуждении интереса к средневековой истории, «открытии Средневековья», активно участвуя в деятельности исторических обществ и во многом определяя тематику их исследований. Таким образом, в новых условиях аристократия получила новое средство обеспечения своего престижа, в то же время укрепляя свою идентичность и поддерживая историческую память¹⁸.

Разумеется, мифологические факторы конструирования аристократической идентичности далеко не исчерпываются теми их проявлениями, которые нашли свое отражение в данной статье. Тем не менее, рассмотренные материалы дают возможность сделать обоснованный вывод о том, что в формировании аристократической идентичности родовая сакральность и память играют определяющую, ключевую роль.

¹ Уваров П. Ю. Социальная история французского дворянства на перекрестке герменевтики и эмпиризма // Французский ежегодник 2001. — <http://annuaire-fr.narod.ru>. — С. 8.

² Цит. по: Десимон Р. Дворянство, «порода» или социальная категория? Поиски новых путей объяснения феномена дворянства во Франции нового времени // Французский ежегодник 2001. — <http://annuaire-fr.narod.ru>. — С. 40.

³ Экслер О. Г. Аристократия, *memoria* и культурная память (на примере мемориальной капеллы Футтеров в Аутсбурге) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. — М., 2003. — С. 38.

⁴ Ямпольский М. Физология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. — М., 2004.

⁵ См.: Барг М. А. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества (генезис и социальная динамика

средневековой знати) // Вопросы истории. — 1966, № 12. — С. 82-99.

⁶ Bouchard C. B. The Origins of the French Nobility: A Reassessment // *American Historical Review*. — Vol. 86. — Issue 3. — Jun '81. — P. 501-532.

⁷ См.: Арнаутова Ю. Е. *Memoria*: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. — М., 2003. — С. 19-37.

⁸ Stark R. Upper Class Asceticism: Social Origins of Ascetic Movements and Medieval Saints // *Review of Religious Research* — Vol. 45 — № 1. — September 2003. — P. 5-19.

⁹ Bouchard C. B. Указ. соч.

¹⁰ Блок М. Феодальное общество. — М., 2003. — С. 277-280].

¹¹ Hills H. «Enamelled with the Blood of a Noble Lineage»: Tracing Noble Blood and Female Holiness in Early Modern Neapolitan

Convents and Their Architecture // Church History. — Vol. 73. — Issue 1. — Mar'04. — P. 1-40.

¹² См. также: Будюкин Д. А. Идеология аристократической религиозности // Социально-гуманитарные науки в XXI веке: мировоззренческие основы общероссийской идеологии. — Липецк, 2006. — С. 18-20.

¹³ Цит. по: Hills Н. Указ. соч. — P. 27.

¹⁴ Десимон Р. Указ. соч. — С. 53–54.

¹⁵ Федоров С. Е. О некоторых особенностях представлений

об аристократии в Англии раннего нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — СПб. 2000. — Вып. 2. — С. 172.

¹⁶ Эксле О. Г. Указ. соч.

¹⁷ Clemens G. B. Ancestors, Castles, Tradition: the German and Italian Nobility and the Discovery of the Middle Ages in the Nineteenth Century // Journal of Modern Italian Studies. — Vol. 8. — Issue 1. — Spring'03. — P. 1-15.

¹⁸ Там же. — P. 11.

К. А. Аверьянов (Москва)

МУРОМСКИЕ КНЯЗЬЯ XIV ВЕКА

В истории средневекового Мурома содержится много «белых пятен». Во многом это связано со скудостью летописных известий об этом городе за XIII-XIV вв. Из сообщений летописцев известно, что муромские князья (о них говорится во множественном числе) вместе с рязанскими выступили в 1237 г. на реку Воронеж навстречу полчищам Батые¹. Следующее известие о Муроме относится к 1239 г., когда летописец записал: «На ту же зиму взяша татарове Мордовскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязме воеваша, и град святыа Богородица Гороховецъ пожгоша, и идоша во своя страны. Бе же пополохъ тогда золь по всей земли, сами бо людие не ведаху кто где бежить от страха»².

Несмотря на монголо-татарское нашествие, муромские князья сумели удержать в своих руках принадлежавший им удел. Об этом становится известным из небольшой заметки летописца под 1248 г.: «Женися князь Борисъ Василковичъ (Ростовский. — К. А.) у Ярослава у муромского князя»³.

Но затем на протяжении почти целого столетия мы не встречаем в летописях ни одного имени муромского князя. За этот период летописцы поместили лишь четыре известия, в которых упоминается Муром. Под 1257 г. имеется известие о проведении татарскими численниками описания Северо-Восточной Руси: «Тое же зимы приехаша численицы изъ татаръ, и изочтоша всю землю Суздальскую, и Рязанскую и Муромскую»⁴. Известно также, что в 1281 г. князь Андрей Александрович, оспаривавший великокняжеский стол у своего брата Дмитрия, поднял против последнего татар, стоял вместе с ними у Муроме, созывая к себе на помощь русских князей. Между тем татары опустошали Муром и его окрестности⁵. Еще об одном татарском набеге становится известным из сообщения летописца под 1288 г.: «Того же лета князь Елортай Ординский, Темиревъ сынъ, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муромъ, Мордву, и много зла сътвориша, идоша во свояси»⁶. Упоминается Муром и в числе четырнадцати русских городов, пострадавших от татарской «Дюденовой рати» 1293 г.⁷.

Только под 1345 г. встречается указание, что в Муроме по-прежнему правили русские князья: «Того же лета преставися князь Василей Муромский, и поло-

жень бысть во его отчине въ Муроме, въ церкви святыхъ мученикъ Бориса и Глеба въ монастыре на Ушне»⁸.

К 1351 г. встречаем еще одно известие о Муроме: «Того же лета князь Юрьи Ярославичъ Муромский обнови градъ свой отчину свою Муромъ, запустевший отдавна отъ первыхъ князей, и постави дворъ свой во граде, такоже и бояре его, и велможы, и купци и чръныя люди изставиша дворы своя, и святыа церкви обновиша и украсиша иконами и книгами». А. В. Экземплярский делает вполне обоснованное предположение, что Юрий был никем иным, как братом упоминаемого шестью годами ранее князя Василия⁹.

Однако князю Юрию Ярославичу недолго пришлось быть на муромском столе. Под 1354 г. летописец записал: «Того же лета князь Феодоръ Глебовичъ, собравъ воинства много, и поиде ратью къ Мурому на князя Юрья Ярославича, и изгна его изъ града Муроме, и вниде во градъ, и сяде самъ на княжении въ Муроме, и муромци ради быша ему, и яшася за него и поидоша съ нимъ во Орду. А князь Юрьи Ярославичъ прииде въ Муромъ неделю спустя по отшествии его, и собравъ остаточныя люди муромския и поиде за нимъ во Орду ко царю судитися съ нимъ. И бысть великъ судъ межи ихъ предъ князи ординскими, и досталося княжение Муромское князю Феодору Глебовичю. Сице же и князя Юрья Ярославича выдаша князю Феодору Глебовичю; онъ же въ велицей крепости дръжа его у себя и бысть ему тяжестно зело, и в тягости и въ нужи и преставися»¹⁰.

Последующие известия о Муроме за вторую половину XIV в. также крайне скудны. Под 1377 г. летописец помещает сообщение о битве на реке Пьяне, из которого явствует, что в состав рати великого князя московского Дмитрия Ивановича (будущего Донского) входили и муромцы¹¹.

Известный исследователь княжеских родословий А. В. Экземплярский в своем обзоре муромских князей замечает, что потомства Юрия Ярославича, как и Феодора Глебовича, мы не знаем. В дальнейшем, указывая он, в летописях встречается лишь безымянное название «муромский князь», без обозначения самих имен¹². Но все же это не так — одно имя находим под 1380 г. в описании смотра русских войск на Девичьем поле в Коломне (перед Куликовской битвой).

Из него явствует, что в распоряжении двоюродного брата Дмитрия Донского — Владимира Андреевича Серпуховского среди прочих воевод находился и князь Андрей Муромский¹³.

Еще одно, не совсем ясное для нас, известие встречается при описании событий московско-рязанского конфликта 1385 г. В этом году князь Олег Рязанский взял «изгоном» Коломну. В ответ Дмитрий Донской послал московскую рать во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским на Рязань. «А иную рать, — добавляет летописец, — послал князь Дмитрей Иванович на Муромь на князя безъчестия»¹⁴.

Под 1396 г. сообщается, что «тое же зимы князь велики Олегъ Ивановичъ Рязанский съ зятемъ своимъ, съ великимъ княземъ Юрьемъ Святославичемъ Смоленскимъ, и з братьею своею, с Пронскими князи, и съ Козельскимъ, и съ Муромскимъ, поиде ратью на Литву и много зла сътвориша имъ»¹⁵. Аналогичного характера известия помещены под 1400 г.: «Того же лета въ пределехъ Черленаго Яру и въ караулехъ возле Хопорь до Дону князь велики Олегъ Ивановичъ, съ Пронскими князи и съ Муромскимъ и Козельскимъ, избиха множество татарь, и царевича Мамать-Салтана Яша, и иныхъ князей ординскихъ поимаша»¹⁶; и под 1401 г.: «Того же лета князь велики Олегъ Ивановичъ Рязанский съ зятемъ своимъ Юрьемъ Святославичемъ Смоленскимъ и з братьею своею, съ князи Пронскими, и Муромскимъ, и Козельскимъ, ратью поидоша къ Смоленску»¹⁷.

Приведенный выше перечень летописных известий показывает, что за более чем полтора столетия (с середины XIII по начало XV вв.) известны всего лишь пять имен муромских князей: Ярослав (1248), Василий [Ярославич?] (1345), Юрий Ярославич (1351, 1354), Федор Глебович (1354), Андрей (1380). Кем они приходились друг другу?

Родословцы знают лишь первых четырех из них. Синодальный список родословцев сообщает: «И в лето 6736 [1228] преставися князь Давыд Муромской в чернцах, а по нем сядет на Муроме сын его князь Ярослав, а у него были два сына: князь Юрьи, да князь Василей. В лето 6859 [1351] князь Юрьи Ярославич Муромской обнови отчину свою Муром, запустевшую от первых князей. И в лето 6862 [1354] князь Федор Глебович поиде ратью к Мурому на князя Юрья Ярославича и согна князя Юрья с Мурома, а сам седе на Муром, и поидоста оба в Орду и царь даст Муром князю Федору Глебовичу, а князя Юрья ему же выдал»¹⁸.

Таким образом, видим, что данный источник признает Юрия и Василия сыновьями Ярослава. Однако вскоре составители родословцев заметили здесь явную хронологическую ошибку. По известному генеалогическому правилу, на каждое столетие приходится время активной деятельности трех поколений. Но из приведенного отрывка легко заметить, что в данном случае это правило нарушено: у Давыда Муромского, скончавшегося в 1228 г., явно не могло быть внуков, активно дей-

ствовавших в середине XIV в. Налицо пропуск, по крайней мере, одного поколения. Вот почему составители более поздней Румянцевской редакции сделали Ярослава не сыном, а внуком Давыда: «И в лето 6736 [1228] преставися князь Давыд Муромской в чернцах. А по нем сиде на Муроме сын его Юрьи, а по Юрье седе на Муроме сын его Ярослав, а у него были 2 сына: Юрьи да Василей. 6853 [1345] преставися князь Василей Ярославич Муромской. 6859-го [1351] князь Юрьи Ярославич муромской обнови отчину свою Муром, запустевшую от первых князей. 6862-го [1354] князь Федор Глебович поиде ратью к Мурому на князя Юрья Ярославича, и согна князя Юрья, а сам седе на Муроме. И поидоста оба в Орду, и царь даст Муром князю Федору Глебовичу, а князя Юрья ему же выдал»¹⁹.

Таким образом, хронологическая ошибка была вроде бы исправлена. Однако составителям родословцев оказалось неизвестным приведенное нами летописное известие 1248 г. о женитбе ростовского князя на дочери Ярослава Муромского. Указание летописца на замужество его дочери в этом году означает, что к тому времени он уже был зрелым человеком. Вряд ли его сын Василий, даже если родился позже своей сестры, мог дожить до 1345 г. Вот почему А. В. Экземплярский не решился назвать Василия сыном муромского князя Ярослава, упоминаемого под 1248 г.²⁰ Относительно же родословия князей XIV в. Феодора Глебовича и Андрея А. В. Экземплярским не было высказано даже предположений.

В свое время нами было показано, что Муром на протяжении столетия — с середины XIII по середину XIV в. являлся владением татарских баскаков²¹, и поэтому возводить муромских князей середины XIV в. к тем князьям, которые княжили в этом городе в более раннее время, вряд ли правомерно. Они явно принадлежали к другим ветвям потомства Рюрика.

Наша задача облегчается двумя обстоятельствами. Во-первых, известно имя отца Василия и Юрия (они, несомненно, были братьями), княживших в середине XIV в. в Муроме, — Ярослав. Во-вторых, поскольку Муром издавна входил в состав Рязанского княжества, искомого Ярослава следует искать среди рязанских князей.

К сожалению, родословие рязанских и тесно связанных с ними пронских князей содержит целый ряд загадок, до сих пор нерешенных историками. Посмотрим, как родословцы излагают генеалогию рязанских князей конца XIII-XIV вв.: «В лето 6778 [1270] убиен бысть Роман Ольговичъ от тотар, резаша его по составом. А по Романе сиде на Рязани сын его Костянтин. И в лето 6810 [1302] прииде на князя Костянтина Романовича Рязанского князь Данило Олександрович Московской, и бысть им бой, и поби князь Данило; и на том бою князя Костянтина изыма, и был у него 4 годы изыман. И по преставлении князя Данила Олександровича сын его князь великий Юрьи Данилович велел убити князя Костянтина Рязанского.

А по Костянтине сиде на Рязани сын его Ярослав. А Ярославль сын Иван; в лето 6835 [1327] Иван Ярославич убиен бысть в Орде. А князь Иванов сын Ярославича, князь Иван Коротопол, после отца сиде на Рязани. В лето 6848 [1340] князь Иван Коротопол шел из Орды, встретил князя Олександра Михайловича Пронского да его поймал да и ограбил, да приведе его с собою и повеле его убити на Рязани.

В лето 6851 [1343] князь Ярослав, сын княж Олександров Михайловича Пронского, приде из Орды, а с собою приведе тотар, да Рязань взяли, князя Ивана Коротопола згониша, да того лета и убиен бысть. А княж Иванов сын Коротополов Олег, иже бысть советник безбожному Мамаю»²².

Из вышеприведенного текста у нас складывается следующая родословная линия рязанских князей: Роман Ольгович (ум. 1270), его сын Константин (ум. 1306), внук Ярослав, правнук Иван (ум. 1327), праправнук Иван Коротопол (ум. 1343), прапраправнук Олег, живший в эпоху Куликовской битвы. Однако доверять этим показаниям родословцев вряд ли возможно. На сто с небольшим лет здесь приходится шесть поколений, тогда как должно быть лишь три. Таким образом, составители родословцев в генеалогию рязанских князей явно приписали, по крайней мере, два лишних поколения. Об этом же свидетельствует дошедшая до нас жалованная грамота, данная около 1371 г. рязанским князем Олегом Рязанским Ольгову монастырю, где он называет своего отца Иваном Александровичем, а не Ивановичем (как полагали составители родословцев).

Данные факты были известны исследователям уже в XIX в. и, начиная с Д. И. Иловайского, автора

капитальной «Истории Рязанского княжества», они пытались решить эту проблему. Последним по времени к ней обратился А. И. Цепков²³. Не останавливаясь на анализе мнений историков по поводу генеалогии рязанских князей, представим ее в виде таблицы.

Приведенная таблица, кроме того, что показывает тесную связь собственно рязанских и пронских князей, сидевших попеременно на рязанском столе, интересна тем, что позволяет нам отыскать искомого Ярослава, отца муромских князей Василия и Юрия Ярославичей. Приходим к выводу, что им мог быть только Ярослав Александрович (№ 11), княживший сначала в Пронске, а затем в Рязани, и скончавшийся в 1344 г.

Анализ генеалогии рязанских князей важен для нас и тем, что позволяет определить, где у ее исследователей имеются ошибки. Пытаясь соединить явно ошибочное свидетельство родословцев, что Олег Рязанский был сыном Ивана Коротопола, с тем, что сам Олег называл в качестве своего отца кн. Ивана Александровича, они прибегли к методу, если так можно выразиться, своеобразной «склейки». В частности, А. В. Экземлярский полагал, что у отца Олега Рязанского было два имени: Иван и Василий (настоящее его имя было Иван, а летописи почему-то называют его Василием)²⁴.

Подобные примеры наличия двух имен у того или иного князя известны в отечественной истории. Это связано с тем, что вскоре после принятия христианства на Руси столкнулись с одной довольно щекотливой проблемой. У наших далеких предков издавна существовал определенный набор имен, дававшихся детям в память отца, деда и т. п. Но церковь требовала называть младенцев именами, имевшимися только в святцах. Достаточно долгое время эту коллизию обходили тем,

№	Имя	№ отца
I колено		
1	Роман Ольгович, в. кн. рязанский, ум. 1270	
II колено		
2	Федор Романович, кн. рязанский	1
3	Ярослав Романович, кн. пронский, затем в. кн. рязанский, ум. 1299	1
4	Константин Романович, в. кн. рязанский, захвачен в плен Даниилом Московским в 1301, убит Юрием Московским в 1305	1
III колено		
5	Иван Ярославич, кн. пронский, затем кн. рязанский, уп. в 1320 (война с Юрием Московским), убит в Орде в 1327	3
6	Михаил Ярославич, уп. в правой грамоте XV в.	3
7	Василий Константинович, кн. рязанский, убит в Орде в 1308	4
IV колено		
8	Иван Иванович Коротопол, кн. рязанский, уп. 1339 (убийство им кн. Александра Михайловича Пронского), убит в 1343 сыном последнего Ярославом Александровичем	5
9	Александр Михайлович, кн. пронский, убит в 1339 Иваном Коротополом	6
V колено		
10	Иван Александрович, уп. в жалованной грамоте, сост. ок. 1371	9
11	Ярослав Александрович, кн. пронский, затем рязанский, уп. 1343 (убийство им кн. Ивана Коротопола), ум. 1344	9
12	Василий Александрович, в. кн. рязанский, ум. 1350	9
VI колено		
13	Олег Иванович, в. кн. рязанский, уп. с 1353, ум. 1402	10

что у человека одновременно имелись два имени: одно еще языческое, другое — христианское. Но, как справедливо отмечает А. И. Цепков, «у князей, как правило, было два имени: одно княжеское, другое христианское, но не было двух княжеских (Ярослав-Изяслав, Всеволод-Ростислав и т. д.) или, наоборот, двух христианских (Иван-Василий, Федор-Дмитрий, Петр-Михаил и т. д.)»²⁵. Поэтому мы должны отвергнуть предположение А. В. Экземплярского о наличии двух христианских имен у отца Олега Рязанского.

Подобную же «склею» видим и на примере кн. Ярослава Александровича. А. В. Экземплярский именует его Ярославом-Дмитрием²⁶. Дело заключается в том, что когда в XVI в. составлялись дошедшие до нас родословцы, жившие в то время князья Пронские смогли проследить свое родословие только до кн. Владимира Дмитриевича Пронского²⁷. Он упоминается летописцем в 1365 и 1372 гг. (в этом году он умер). Из указания летописцем его отчества, становится ясным, что его отца звали Дмитрием. Но происхождение последнего было неясно. Исследователи, пытаясь привязать генеалогию пронских князей к основной линии Рязанского княжеского дома, сделали предположение, что его отцом являлся ближайший к нему по времени из упоминаемых летописью пронских князей — Ярослав Александрович. Тем самым в литературе появилось не соответствующее истине утверждение, что у него было два имени: Ярослав и Дмитрий. На наш взгляд, Дмитрий был братом, видимо младшим, Ярослава. Но поскольку до сегодняшнего дня не найдено ни одного источника, где упоминался бы Дмитрий, этот вопрос не может считаться окончательно решенным.

Для нас же эта проблема важна тем, что позволяет уточнить переход княжеского стола в Пронске. Очевидно, после князя Ярослава (когда он перешел на княжение в Рязань) пронский княжеский стол, по тогдашнему обычаю, перешел к его младшему брату Дмитрию. Что же касается сыновей Ярослава, то они закрепились в Муроме. Наше предположение подтверждает уже приводившееся летописное известие об «обновлении» Мурома князем Юрием Ярославичем. Однако его династии не суждено было закрепиться в этом городе вследствие захвата Мурома князем Феодором Глебовичем.

Кем являлся данный князь? А. А. Горским уже была высказана осторожная мысль о том, что речь в данном случае идет о князе Феодоре Глебовиче, сыне князя Глеба Святославича Брянского, союзника Москвы, убитого в 1340 г.²⁸

Здесь необходимо дать небольшое пояснение. К началу XIV в. в Северо-Восточной Руси сложилась ситуация, когда количество князей, потомков Рюрика, перестало соответствовать количеству княжеских столов. В этих условиях измельчавшие и лишившиеся своих владений князья переходят на службу к своим более удачливым сородичам в качестве служилых князей (правда, сам этот термин появляется позднее, а в источниках XIV в. они именуются «слугами вольными»). Эти переходы были выгодны как одной,

так и другой стороне — служилые князья получали в награду за свою службу кормления и вотчины, а их новые сюзерены — достаточно сильные дружины, состоявшие из нескольких сот хорошо вооруженных воинов.

В середине XIV в. Брянск являлся центром столкновения интересов Москвы и Литвы, борющихся за свое влияние в этом стратегически важном княжестве. Под 1340 г. московский летописец записал: «Тое же зимы месяца декемврия въ 6 убиша брянци князя Глеба Святославича, вышедши из церкви святого Николы; бе же въ то время во Дебрянсьце и митрополит Феогност и не възможе уняти их»²⁹.

К сожалению, летописец лаконичен и мы не знаем всех причин происшедшего. Несомненно только одно — в этих условиях сын убитого Феодор вынужден был покинуть Брянск и перейти на службу в Москву к великому князю Семену Гордому. Об этом становится известным из летописного сообщения, помещенного под 1349 г.: «Того же лета князь велики литовскы Олгердь посла въ Орду къ царю Чжанибеку брата своего Кориюда просити себе помощи на великого князя Семена. Слышевъ же то великий князь Семень и посла въ Орду своих киличевъ, Феодора Глебовича да Аминя да Федора Шибачеева, къ царю жаловатися на Олгерда». Московские послы справились со своей задачей. Обвинив Ольгерда с братьями, что тот «улус его (т. е. хана. — К. А.) вотчину князя великого испостощилъ», послы добились того, что хан выдал им всех находившихся в литовском посольстве, и они были приведены в Москву послом Тотуем. В следующем году Ольгерду пришлось направлять посольство уже в Москву, и только тогда Семен Гордый отпустил литовцев³⁰. То, что глава московского посольства Феодор Глебович упоминается летописцем без княжеского титула, не должно нас смущать. Это было обычной практикой XIV в., когда князья, переходя на службу к другим князьям, утрачивали на время ее свой титул.

Взаимоотношения «вольных слуг» со своими сюзеренами в эпоху средневековья носили исключительно личный характер. Вступая на службу, служилые князья приносили присягу на верность своему новому сюзерену. Когда же последний умирал, обязанности его вассалов прекращались, и им нужно было приносить присягу новому сюзерену. Этот обычай сохранялся вплоть до конца XIX в. — при перемене царствования все подданные русских царей и императоров обязаны были приносить присягу новому монарху.

Великий московский князь Семен Иванович Гордый скончался 26 апреля 1353 г., и на московский стол вступил его младший брат Иван Красный, княживший до сих пор в подмосковном Звенигороде. 25 марта 1354 г. он торжественно взошел на владимирский великокняжеский стол. Эти перемены не могли не отразиться на московском дворе. Вместе с новым великим князем в Москве появились и его бывшие удельные бояре. В этих условиях князь Феодор Глебович оказался не у дел при московском дворе, и вынужден искать новое место. Им, как мы знаем, стал Муром, который ему удалось довольно легко захватить.

- ¹ ПСРЛ. — М., 2001. — Т. VII. — С. 139; М., 2000. — Т. X. — С. 105-106.
² ПСРЛ. — М., 1962. — Т. I. — Стб. 470; Т. VII. — С. 144; Т. X. — С. 115; М., 2004. — Т. XXV. — С. 130-131.
³ ПСРЛ. — Т. VII. — С. 159; Т. X. — С. 136.
⁴ ПСРЛ. — Т. X. — С. 141.
⁵ ПСРЛ. — Т. X. — С. 159; Т. XXV. — С. 153.
⁶ ПСРЛ. — Т. X. — С. 167.
⁷ ПСРЛ. — Т. XXV. — С. 157.
⁸ ПСРЛ. — Т. X. — С. 217; см. также: Т. XXV. — С. 175.
⁹ ПСРЛ. — Т. X. — С. 222; Т. XXV. — С. 178; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. — СПб., 1891. — Т. II. — С. 618.
¹⁰ ПСРЛ. — Т. X. — С. 227-228; Т. XXV. — С. 179-180.
¹¹ ПСРЛ. — Т. XI. — С. 27.
¹² Экземплярский А. В. Указ. соч. — Т. II. — С. 619.
¹³ ПСРЛ. — Т. XI. — С. 54.
¹⁴ ПСРЛ. — Т. XI. — С. 86.
¹⁵ ПСРЛ. — Т. XI. — С. 163.
¹⁶ ПСРЛ. — Т. XI. — С. 184.
¹⁷ ПСРЛ. — Т. XI. — С. 185.

- ¹⁸ Временник Московского общества истории и древностей российских. — М., 1851. — Кн. X. — С. 32.
¹⁹ Редкие источники по истории России. — М., 1977. — Вып. 2. — С. 83.
²⁰ Экземплярский А. В. Указ. соч. — Т. II. — С. 617, 618.
²¹ Аверьянов К. А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Мурома // Уваровские чтения — V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 14-16 мая 2002 г. — Муром, 2003. — С. 66-70.
²² Редкие источники... — С. 80-81.
²³ Цепков А. И. Родословная великого князя рязанского Олега Ивановича и некоторые дополнительные данные к его биографии // Славянские хроники. — СПб., 1996. — С. 172-178. Здесь же дан обзор предшествующей историографии.
²⁴ Экземплярский А. В. Указ. соч. — Т. II. — С. 581-582.
²⁵ Цепков А. И. Указ. соч. — С. 173.
²⁶ Экземплярский А. В. Указ. соч. — Т. II. С. — 627-628.
²⁷ Редкие источники... — С. 43.
²⁸ Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2000. — С. 77-78.
²⁹ ПСРЛ. — Т. XXV. — С. 172.
³⁰ Там же. — С. 177.

Н. Б. Шиман (Суздаль)

ЯРОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ И ЕГО СЕМЬЯ. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ

Материал для этой работы был получен в результате тщательного исследования древнерусских летописных сводов. Это позволило выявить историю семейных отношений нескольких княжеских пар, а также установить продолжительность жизни, брачный возраст и ряд других сведений, касающихся личной жизни князей и княгинь, живших в XI-XIII вв. За этот временной период, благодаря имеющимся в летописях датам рождения и смерти, удастся установить продолжительность жизни двадцати четырех князей и двух старцев, видимо, княжеских дружинников. Ипатьевская летопись под 1106 г. сообщает о смерти Яна в возрасте 90 лет, а под 1147 г. — Петра Ильича, умершего также в возрасте 90 лет.

Из тех князей, чьи даты рождения и смерти указываются в летописях, Владимир Мономах прожил 72 года (1053-1125), его отец Всеволод Ярославич прожил 63 года (1030-1093), а дед — Ярослав Мудрый, точная дата рождения которого неизвестна, — около 70 лет. Продолжительность жизни двадцати четырех князей, даты рождения и смерти которых известны, выглядит так: от 55 до 72 лет — 11 чел., от 40 до 54 — 7 чел., от 27 до 39 лет — 6 чел. Причем, смерть в очень молодом возрасте, как правило, наступала вследствие тяжелых ранений, полученных во время боевых действий. И здесь не рассматриваются случаи, когда князья, чьи даты рождения и смерти известны, были убиты или отравлены. Приведенные цифры говорят о том, что продолжительность жизни была большой. Данные, позволяющие достаточно точно установить продолжительность жизни ряда известных князей, также подтверждают это. Например, Ярослав Мудрый, как

уже говорилось выше, прожил не менее 70 лет. Святослав Всеволодович, умерший в 1194 г. и женившийся в 1143 г., прожил около 70 лет. Вячеслав Владимирович, умерший в 1154 г., а родившийся не позднее 1083 г., также жил около 70 лет. Можно сделать вывод, что в княжеской среде мужчины имели хорошее здоровье и умирали естественной смертью чаще всего в преклонном возрасте или жизнь их обрывалась вследствие тяжелых ранений, полученных в боях. То, что некоторые представители княжеской дружины жили до 90 лет, также дает возможность предполагать, что среди других слоев населения продолжительность жизни была большой.

Установить продолжительность жизни у женщин гораздо сложнее, т. к. нет полных сведений ни об одной из них, кроме двух, живших в XI-XII вв. В Ипатьевской летописи под 1113 годом сообщается о смерти в возрасте 92 лет (60 лет в чернечестве) игуменьи женского Лазорева монастыря в Киеве. И под 1158 годом сообщается о смерти вдовы Глеба Всеславича в возрасте 84 лет. Еще 18 известий о вступлении в брак или рождении первого ребенка, а также точная дата смерти женщин-княгинь, позволяет достаточно точно установить продолжительность их жизни. Цифры эти выглядят так: от 55 до 92 лет — 10 чел., от 45 до 54 лет — 3 чел., от 30 до 44 — 7 чел. Рассуждения строились таким образом. Мать Святополка Изяславича умерла 4.01.1107 г., а поскольку Святополк, ее второй сын, родился 8.11.1050 г., то прожила она не менее 75 лет. Ксения Юрьевна вышла замуж за Ярослава Ярославича в 1264 г., умерла в 1313 г., предположительно прожила она около

60 лет. Рогнеда Мстиславовна в 1141 и 1142 гг. выдала замуж дочек, а в 1143 г. женила сына, умерла в 1179 г., следовательно, жила она не менее 65 лет. Мария Михайловна вышла замуж в феврале 1228 г., первый ребенок родился в 1231 г., умерла 9.12.1271 г., жила не менее 57 лет. Ольга Юрьевна вышла замуж в 1150 г., сын женился в 1166 г., умерла в 1183 г., прожила около 50 лет. У Евфросинии Юрьевны, умершей в 1202 г., отец Борис Юрьевич умер в 1159 г., следовательно прожила она не менее 50 лет.

И для мужчин, и для женщин, живших в то далекое время, пятидесятилетний возраст был возрастом зрелости, но не старости, т. к. отмечены случаи рождения детей у женщин в возрасте около 40 лет, а мужчины становились отцами, перешагнув пятидесятилетний рубеж. Когда Святополку Изяславичу было 54 года, у него родился предпоследний сын, следовательно, последний родился, когда князю было 55-57 лет. В 49 лет у Владимира Мономаха родился последний сын. Последний сын Ярослава Всеволодовича родился, когда князю был 51 год. Но нужно отметить, что эти дети были от повторных браков.

Минимальный разрыв между потерей супруги и вступлением в новый брак составляет 1 год (Мстислав Владимирович, Глеб Юрьевич). У 31 князя известны год рождения и год вступления в брак. Возраст здесь колеблется в основном от 11 до 25 лет. Сведения по возрастным группам распределяются так: вступивших в брак в возрасте 11 лет — 3 чел., от 14 до 16 лет — 8 чел., от 17 до 23 лет — 18 чел., 25 лет — 1 чел., 34 года — 1 чел. Как показывают эти цифры, в основном молодые люди женились в возрасте 17-23 лет. Были случаи и поздней женитьбы. Юный возраст княжичей, вступавших в брак, объясняется тем, что на тот период времени у его родителей возникала необходимость заручиться поддержкой новых родственников, как правило, военной.

Оставшийся без отца племянник Изяслава Давыдовича, вжицкий князь Святослав в 1159 г., в возрасте 12-13 лет женился на дочери Андрея Боголюбского: «Тогда жени сыновца своего Святослава Володимировича у Андреа у Юриевича. Тоя же зыми идоша Олговичи на сего Святослава Володимировича, и отступиша и (въ) Вежици; а онъ биашеся съ ними крепко, а Андрей, тесть его, посла къ нему въ (по)мочь сына Изяслава; такоже иде къ нему стрый его Изяславъ въ помощь, и то слышавше Олговичи, идоша прочь»¹. Из политических соображений многие князья женили своих сыновей на половчанках. У Владимира Мономаха трое сыновей были женаты на половецких княжнах. В связи с этим очень выразительно сообщение Ипатьевской летописи под 1163 г.: «Том же лете приведе Ростиславъ Белуковну, князя Половецьского дщерь, ис Половецъ, за сына своего за Рюрика; того же лета и миръ взя с Половци»².

Но если русские князья достаточно часто женили своих сыновей на половчанках, то дочерей своих выдавали замуж только в западные страны, как правило, в Польшу,

Византию, Венгрию. За период с XI по XII века таких браков отмечено 14.

Девочек часто выдавали замуж в очень юном возрасте. Это можно объяснить только тем, что, вступая в брак, они становились продолжательницей рода в своей новой семье. Поэтому девочку приучали к нравам и обычаям, а часто и новому языку этой семьи как можно раньше. О супружеской жизни юной четы и речи быть не могло. Большой ошибкой являются те выводы, когда по известной дате вступления в брак кого-то из князей годом позже датируют рождение его ребенка.

За рассматриваемый период выявляется 15 точных указаний, через сколько лет после вступления в брак родился ребенок: 1 — 1 год, 3 — 2 года, 1 — 3 года, 3 — 4 года, 3 — 5 лет, 1 — 7 лет, 1 — 8 лет, 2 — 12 лет.

Только один раз точно указан возраст Верхуславы Всеволодовны, которую выдали замуж в 8 лет. Ее супругу Ростиславу Рюриковичу было 15 лет, их дочь Евфросиния родилась через 12 лет. Поскольку это сообщение входит в ту часть Ипатьевской летописи, где видна работа летописца Рюрика Ростиславича, и то, как подробно описано рождение девочки, говорит в пользу того, что это был первый ребенок Верхуславы и Ростислава. Рождение первенца в двадцатилетнем возрасте можно предположить и у супруги Константина Всеволодовича. Поскольку точно известно, что Константина женили в 11 лет, а первенец Василько появился через 12 лет, нетрудно установить и возраст его супруги. Если сгруппировать имеющиеся сведения о достаточно точном возрасте вступления в брак девушек, то это выглядит так: от 8 до 10 лет — 9 чел., от 11 до 13 лет — 5 чел., от 14 до 16 лет — 9 чел.

Рассуждения строились таким образом. Если точно известно, что Ростиславу Ярославичу было 14 лет, когда он женился на Всеславе Всеволодовне, то, соответственно, ей было не более 10-11 лет. Если известно, что Мария Михайловна вышла замуж за Василько Константиновича в начале февраля 1228 г., а первый сын Борис родился 24 июля 1231 г., т. е. более, чем через три года, то достаточно точно можно предположить, что Мария вышла замуж в возрасте 14-15 лет. Глеб Святославич женился в 1182 г., дочь Евфимия выдана замуж в 1194 г., следовательно ей было не более 10 лет.

Поскольку чаще всего браки детей заключали их родители, руководствуясь собственными интересами, то возраст девочек, выданных замуж, не имеет принципиального значения, т. к. это не было связано с немедленным выполнением супружеских обязанностей, а связано с вхождением в семью, которая становилась для нее главной, а в идеале — родной. Можно отметить, что в уставе Владимира Всеволодовича в пункте «О девици же», не рекомендуется склонять девушку к сожительству до 13 лет.

Как было отмечено выше, молодые люди вступали в брак в основном в возрасте 17-23 лет. Это, конечно же, связано с тем, что, в отличие от девушек, они должны были взять на себя всю ответственность

за зарождающуюся семью. Подтверждается это и данными о 15 князьях, когда известен их возраст при рождении первенца. Цифры эти выглядят так: от 20 до 24 лет — 8 чел., от 25 до 28 — 4 чел., в 15 лет — 1 чел., в 34 г. — 1 чел., в 38 лет — 1 чел. Выявляется то обстоятельство, что в XI-XIII вв. у мужчин существовали определенные границы идеального возраста при вступлении в брак — это от 17 до 23 лет и рождения первенца — это от 20 до 24 лет. Как обычно, из этих правил были и исключения.

Большинство овдовевших князей вступали в новый брак; женщины, потерявшие супруга, принимали постриг или вели уединенный образ жизни в оставленных им мужьями небольших городках. Только раз летописец сообщает о том, что овдовевшая женщина вступила в новый брак. Это была дочь Всеволода Олговича и Рогнеды Мстиславовны. В 1144 г. она вышла замуж за Владимира Давыдовича, а в 1151 г. ее супруг умер. Выше уже говорилось о ее сыне, Святославе Владимировиче, который получал военную помощь не только от тестя Андрея Боголюбского, но и от своего отчима, половецкого князя Башкорда, «бе бо мати его бежала в Половци и шла за нь»³. Случай этот исключительный не только потому, что княгиня вновь вышла замуж, но и потому, что избранником ее стал половецкий князь.

Иногда у князей возникали сложные ситуации в личной жизни, когда совместное проживание с супругой было для них невыносимо. Так, в 1118 г. Ярослав Святополчич выгнал жену, дочку Мстислава Владимировича. Галицкий князь Ярослав Осмомысл, женившийся в 1150 г. на дочери Долгорукого Ольге, завел себе любовницу, простую женщину по имени Анастасия, которая родила ему сына. История эта очень драматична, т. к. галицкие бояре сожгли Анастасию на костре, а Ольга после многолетних скитаний вынуждена была вернуться во Владимир к брату Всеволоду. Она умерла в 1183 г. и похоронена в Успенском соборе. Дочка Ольги Юрьевны и Ярослава Владимировича — Ярославна, известная героиня «Слова о полку Игореве». Еще один знаменитый галицкий князь Роман Мстиславович не только прогнал от себя жену, но и насильно постриг ее в 1204 г. вместе с отцом Рюриком Ростиславичем и матерью Анной Юрьевной.

Но эти случаи являются редким исключением. Как правило, супруги относились друг к другу с большим уважением и любовью. Князья также с большим уважением относились к близким родственникам своей жены. Часто, породнившись, родители юных супругов становились верными союзниками в военных делах. В мирной жизни также проявлялись уважение и любовь к своим новым родственникам. Так, в 1195 г. великий киевский князь Рюрик Ростиславич из любви к своему шурина, туровскому князю Глебу Юрьевичу, принял решение похоронить его в Киеве, «во церкви святого Михаила Златоверхого... и сrete и митрополить Киевский, игумени вси, и князь великий Рюрик Киевский»⁴. Это было проявлением именно личного

уважения Рюрика Ростиславича к брату своей супруги, т. к. такие торжественные и пышные похороны не соответствовали статусу Глеба Юрьевича.

Вольинский князь Василько Романович, женившийся в 1226 г. на дочери великого владимирского князя Георгия Всеволодовича — Елене, в 1229 г. предпринимает длительнейшее путешествие во Владимир с тем только, чтобы присутствовать на свадьбе своего шурина Всеволода: «Еха Василко Суждалю на свадьбу шурина своего, ко великому князю Юрью, поемь Мирослава со собою и ины»⁵.

Нужно отметить, что свадебные мероприятия, описание которых не часто встречается в летописях, устраивались по-разному, сообразно обстоятельствам. Так, в 1136 г., по непонятным причинам, Новгородский епископ Нифонт отказался венчать Святослава Олговича, бравшего в жены новгородку. «В то же лето оженися Святославъ Олговиць в Новегороде, и венчася съ своими попы у святого Николы; а владыка Нифонтъ его не венца, ни попомъ, ни чернцмъ не да на свадьбу ити, глаголя: „не достоитъ ти ея поняти“»⁶. В 1187 г. внук этой пары Владимир Игоревич, попавший вместе с отцом в половецкий плен, пришел в Новгород Северский с Кончаковною и ребенком, «и створи свадьбу Игорьъ сынови своему и венча его с дetyемъ»⁷. Под 1187 годом в Ипатьевской летописи дается очень интересное и подробное описание всего свадебного мероприятия — от приезда сватов во Владимир за Верхуславой Всеволодовной, которую выдали за Ростислава Рюриковича, до описания подарков, свадьбы и возвращения домой сопровождавших Верхуславу. Очень интересно прошла свадьба у Александра Невского в 1239 г.: «Оженися князь Олександр, сын Ярославль в Новегороде, поя в Полотьске у Брячслава дчерь и венчася в Торопчи; ту кашо чини, а в Новегороде другую»⁸.

Эта интереснейшая информация, дошедшая до нас из глубины веков, дает представление о некоторых сторонах демографической ситуации средневековой Руси. Большая продолжительность жизни, ответственное отношение к семье и браку, высокая рождаемость и выживаемость детей за столетия позволили в разы увеличить численность населения.

Что касается конкретной семьи, то удалось выявить интереснейшие сведения о сыне Всеволода Большое Гнездо — Ярославе Всеволодовиче. Чаще всего имя этого князя упоминается в связи с многочисленными конфликтными ситуациями или военными походами, поскольку обладал Ярослав характером воинственным, непримиримым, дерзким и неуступчивым. Но как муж и отец Ярослав предстает совсем другим человеком, а история его семьи интересна и важна, поскольку именно Ярослав стал родоначальником трех основных княжеских династий, вершивших историю России.

В феврале 1190 г. Всеволод Большое Гнездо объезжал свои земли, был «в полюдии». Вместе с ним находилась супруга Мария, которая ждала ребенка. Сам Всеволод родился на реке Яхроме, когда его роди-

тели так же были «в полюдьи». Судя по этим и некоторым другим летописным сообщениям, князь вместе с семьей достаточно часто объезжали свои земли. Их сопровождали супруга, дети, бояре, слуги и многочисленные обозы, которые везли все необходимое для жизни путешествующих.

8 февраля 1190 г. в Переяславле Залесском у Всеволода и Марии родился сын, который получил в крещении имя Феодор, поскольку родился в день памяти воина-великомученика Федора Стратилата, мирское имя было дано ему Ярослав. У княжеских сыновей был торжественный обряд пострига, когда маленькому княжичу впервые подстригали волосы и сажали на коня. Возраст княжичей при этом был от 2-х до 4-х лет. Так, в Лаврентьевской летописи сообщается, что постриг у Ярослава был во Владимире 27 апреля 1194 г., а Троицкая летопись сообщает об этом событии под 1193 г.

Ярослав был третьим сыном в княжеской семье и поэтому не рассматривался как преемник отца. Всеволод Юрьевич отправляет сына в отдаленное Переяславское княжество «на столъ прадеда своего и деда»⁹. Земли эти, доставшиеся Владимирским Мономашичам в наследство, находились очень далеко от Владимира, на границе с половецкими землями. За юным князем из Переяславля Русского в Переяславль Залесский приехали бояре, а Всеволод приехал туда с Ярославом и другими сыновьями. Торжественные проводы состоялись 3 августа 1201 г. От святого Спаса, попрощавшись с отцом и братьями, Ярослав отправился в дальний путь, к своему новому месту жительства. Было ему в то время 11 лет. В Переяславле Русском, вдали от близких, участвуя в военных походах, Ярослав формировался как личность. В 1204 г. он ходил в поход на половцев с такими знаменитыми князьями-воинами, как Роман Галицкий, Рюрик Ростиславович. Возможно то обстоятельство, что Ярослав очень рано стал вести самостоятельный образ жизни, общаться в военных походах с князьями, известными своими воинскими доблестями, сказалось на его характере.

В 1205 году в возрасте 15 лет Ярослава женили. «Князь великий Всеволод жени сына своего Ярослава и привел за него в Переяславль Юрьевну Кончаковича»¹⁰. Выбор невесты был сделан отцом из политических соображений, Всеволод старался упрочить положение сына в Переяславле Русском. Тесть Ярослава половецкий князь Юрий Кончакович «бе болии всех половец», и такое родство оберегало земли от вторжения опасных соседей. Но неосторожные политические амбиции юного Ярослава настроили против него Всеволода Чермного, который вынудил его покинуть Переяславские земли. 22 сентября 1206 г. вместе с женой Ярослав возвращается к отцу во Владимир. В последующие годы происходит ряд важных событий в жизни Ярослава, но поскольку они не отображены в летописях, точные даты их не определяются. В период с 1207 по 1213 гг. у Ярослава умирает жена, а местом его жительства становится Переяславль Залесский. Яро-

слав мог уехать в Переяславль после того, как Всеволод вновь женился в 1209 (1211) году на Витебской княжне. «Того же лета приведоша князьнино великому князю Всеволоду из Руси именем Софию»¹¹. Возможно, он уехал после смерти отца, от которого получил Переяславль и Дмитров. От первого брака у Ярослава не было детей, и супруга его умерла до 1213 г., т. к. в 1214 г. Ярослав в возрасте 24 лет женился на дочери Мстислава Удалого. В это время Ярослав уже жил в Переяславле Залесском и туда «ведена бысть Ростислава из Новагорода, дщи Мъстиславля — Мъстиславича...»¹².

Здесь мы имеем уникальный случай, когда удается установить и мирское имя супруги Ярослава, и данное ей в крещении — Ростислава-Феодосия. Ростислава в это время было лет 13-14, т. к. ее первенец родился через 5 лет. Тесть Ярослава — Мстислав Мстиславович уходит из Новгорода в Русь, ища себе Галича, оставив в Новгороде жену и сына. Оставшись без князя, новгородцы посылают в Переяславль за зятем Мстислава. Ярослав принял приглашение новгородцев, и с этого времени начинаются очень сложные отношения князя с жителями Новгорода, которые не раз выгоняли Ярослава и вновь звали к себе на стол.

Но первый конфликт, повлекший за собой голод в Новгороде, противостояние Ярослава с тестем, закончился в 1216 г. печально известной Липицкой битвой. Ярослав потерпел поражение и бежал в Переяславль. К городу подошли победители Константин Всеволодович и Мстислав Мстиславич. Мстислав пытался избежать военного столкновения, уговаривал Ярослава «взять с ним любовь», но получил в ответ «мира не хотящу». Возмущенный поведением зятя, на правах победителя и отца, он посылает в город за своей дочерью. «И выиде в станы за город княгини Ярославля къ отцу. Ярославъ же многажды высылался с мольбою къ князю Мъстиславу, прося свое княгини. Князь же Мъстиславъ не дасть ему»¹³. Это интереснейшее сообщение показывает, что родители имели очень большое влияние на детей, даже когда те становились самостоятельными. Но Мстислав Мстиславич стремился «в Русь». В 1217 г. он ходил к Киеву, оставив семью в Новгороде, а в 1218 г. ушел «поискати Галича». Вероятно, в это время он примиряется с Ярославом, возвращает ему дочь и оставляет под его покровительство еще кого-то из своей семьи. В 1219 г. у Ростиславы-Феодосии и Ярослава-Феодора родился сын. Назвали первенца Федором, думается не случайно. Вероятнее всего в 1220-1221 гг. родился второй сын Александр. К сожалению, в летописях не указаны даты рождения сыновей Ярослава Всеволодовича, кроме старшего Федора и младшего Василия. Кроме этих двух были еще Александр, Андрей, Константин, Ярослав (Афанасий), Даниил, Михаил и сын, имя которого не известно. Этот сын Ярослава в 1238 г. был убит в Твери татарами.

Ушедший «в Русь» Мстислав оставил под покровительство зятя свою дочь, сестру Феодосии. Яро-

слав выбирает ей в мужа муромского князя, поскольку муромские князья были надежными союзниками как Всеволода, так и его сыновей. В 1226 г. Ярослав Всеволодович выдает свою свесть замуж. «Начать отдавати свесть свою за Ярослава, Муромского князя. Еще ему не оправившу сватбы. Ни мужей новгородскихъ опустившу отъ себе, котории бяху пришли по него, зовучи его к себе на столь»¹⁴, пришла весть о нападении Литвы на Торжок, Новгород, Торопец. Ярослав, невзирая на сложные отношения с новгородцами, никогда не отказывал им в военной помощи. Сразу же из-за свадебного стола, со своим полком «скоро прогна по нихъ». Литовцы были разбиты, полон отнят, взято много пленных, но в этом сражении погиб дядя Феодосии торопецкий князь Давыд Мстиславич. В очередной раз сев в Новгороде, Ярослав недолго пробыл в нем. Он ушел с женой в Переяславль, оставив в Новгороде Федора и Александра. То обстоятельство, что Ярослав оставил двух сыновей, может иметь два объяснения: или Федор был с детства болен, что и повлекло его раннюю смерть, или Ярослав был очень любящим и понимающим отцом. Сам в 11 лет лишенный семьи, отправленный отцом в далекий Переяславль Русский, он в полной мере испытал чувство одиночества и отсутствие хоть кого-то из родных людей рядом. В любом случае Ярослав, отчаянный вояка, упрямый, вспыльчивый и жестокий, как отец и муж проявляет совсем другие качества. После того, как его дети вместе с посадником и тиуном бегут из Новгорода, вторично посадив там Федора и Александра, Ярослав, чтоб обеспечить безопасность сыновей, уводит с собой в Переяславль заложников, «поя съ собою мужи новгородския моложьшяя»¹⁵.

В 1232 г. Ярослав с большим трудом усмирив псковичей, устроив им соляную блокаду. Но сына Федора, которого псковичи просили себе на княжение, он не отпустил. В Псков Ярослав посадил брата жены. «Се даю вамъ шурина своего Юриа, то вашъ князь»¹⁶. Но уберечь старшего сына Ярослав не смог. Федор умер 10 июня 1233 г., накануне свадьбы. Почти все летописные своды содержат сообщение об этом печальном событии: «И кто не пожалует о семь, свадьба приготовлена, и невеста приведена, князи съзвани, и бысть в веселии место плачь и сетование»¹⁷. Вероятно, что по заказу Ярослава и Феодосии в память о сыне «того же лета заложена бысть церковь на воротех от Неревьского конца святого Феоодора»¹⁸.

После этого печального события Ярослав уходит из Новгорода навсегда, хотя и оказывает новгородцам серьезную военную поддержку, совершая с ними удачный поход на немцев. В 1236 г. Ярослав сажает в Новгороде Александра. Сам же он, оставшись в живых после страшных событий 1238 г., становится великим князем владимирским. Не имея никакой возможности сопротивляться несметной силе ордынских ханов, Ярослав уже в 1239 г. идет «на Литву ратию, Смолнянь бороня»¹⁹. Позже его тактике последует сын Александр, твердо отстаивая западные границы. Алек-

сандр Ярославич женился в 1239 г. на дочери полоцкого князя Брячислава и отпраздновал свадьбу два раза. Сначала в Торопце, городе своего деда Мстислава Удалого, а затем у себя в Новгороде.

После знаменитой битвы на Неве Александр, рассорившись с новгородцами, уходит к отцу в Переяславль Залесский. Сообщение об этом уходе интересно тем, что из него видно, как родители заботились и об Александре. В Новгороде вместе с сыном находилась мать, видимо, помогая юной невестке освоиться в новой семье, проводя с ней время, пока Александр ходил в военные походы. Вынужденные на время растаться, Ярослав и Феодосия снова вместе. То, что супруги очень любили друг друга, подтверждает рождение в 1241 г. сына Василия. Их младший сын родился, когда Ярославу был 51 год и чуть больше 40 лет Феодосии. Но недолго после этого счастливого события суждено было супругам быть вместе. Возможно, на здоровье Феодосии Мстиславовны повлиял отъезд в 1242 г. Ярослава и сына Константина в Орду. Ярослав вернулся домой, а Константин был задержан в Орде до 1245 г. и не застал мать в живых. Феодосия Мстиславовна почувствовав, что долго не проживет, принимает решение уехать в Новгород. Она понимала, что Ярослав как великий владимирский князь и их сыновья, ему наследующие и имеющие свои семьи, будут похоронены или во Владимире, или рядом со своими близкими. Как любящая мать она не могла допустить, чтобы рано ушедший из жизни сын Федор остался лежать в Новгороде один. Простившись с любимым супругом навсегда, Ростислава-Феодосия с именем Евфросиния постригается в Юрьевом монастыре, где лежит их первенец. 4 мая 1244 г. Феодосия Мстиславовна умерла «и положена бысть подле сына своего князя Феодора Ярославича»²⁰. Ненадолго пережила свою супругу великий владимирский князь Ярослав Всеволодович, он был отравлен в Орде и умер 30 сентября 1246 г.

Достоин сожаления то обстоятельство, что мало внимания уделяется этой удивительной супружеской паре. И Ярослав-Федор и Ростислава-Феодосия — каждый сам по себе являются личностью яркой, сильной. Через все годы супружества пронесли они любовь друг к другу и к своим детям.

Дети Ярослава и Ростиславы дали начало трем основным княжеским династиям Северо-Восточной Руси, сыгравшим решающую роль в деле формирования централизованного государства.

Андрей Ярославич, женившийся в 1250 году на дочери Даниила Анастасии, стал родоначальником князей суздальских. Ярослав Ярославич, потерявший в 1252 г. первую супругу, вновь женился в 1264 г. на новгородской боярышне Ксении Юрьевне. От них пошел род тверских князей, а их первенцем стал святой благоверный князь Михаил Тверской. Старший и самый знаменитый сын Ярослава и Ростиславы — Александр Невский стал родоначальником князей московских.

¹ ПСРЛ. — Пг., 1922. — Т. 15. — С. 230.² РЛ. — Рязань, 2000. — Т. 11. — С. 357.³ Там же. — С. 343.⁴ Там же. — С. 466.⁵ Там же. — С. 505.⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.— Л., 1950. — С. 209.⁷ РЛ. — С. 443.⁸ Новгородская первая летопись... — С. 77.⁹ ПСРЛ. — С. 290.¹⁰ РЛ. — Т. 8. — С. 144.¹¹ ПСРЛ. — М., 1995. — Т. 41. — Л. 538.¹² Там же. — Л. 539, 539об.¹³ РЛ. — Т. 8. — С. 158.¹⁴ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 345.¹⁵ Новгородская первая летопись... — С. 70.¹⁶ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 360.¹⁷ Там же. — С. 361.¹⁸ Там же.¹⁹ Там же. — С. 373.²⁰ Там же. — С. 385.

М. В. Алексеева (Санкт-Петербург)

ВИТТЕЛЬСБАХИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И САМОСОЗНАНИЕ

История Священной Римской Империи раннего нового времени — это история страны внутренних разломов, поделенной не только территориально и конфессионально, но и разбитой на зоны династических интересов. Именно семейно-родовые ценности, родовые связи, традиции династии и категории дома являлись, зачастую, важнейшими определяющими политику факторами.

Вообще для Империи рассматриваемого периода термин дом, род или семья нес на себе довольно значительную смысловую нагрузку. Это было связано с особенностями социальной психологии того времени. Под ним подразумевалась не малая нуклеарная семья, но все поколения — ушедшие, нынешние и будущие. Поэтому было столь важно в своей династической политике опираться на заветы предшественников, руководствуясь заложенными традициями в различных сферах деятельности, и делать все возможное для того, чтобы потомки не отступались от той линии, которую традиционно проводил тот или иной дом.

Одним из наиболее ярких примеров подобной концепции влияния традиций на сферы политической деятельности является династическая практика баварского дома Виттельсбахов, проводимая ими в начале раннего нового времени.

Еще в XIV веке, согласно Павийскому договору, династия будет поделена на два мощных анклава — Пфальцский (старшая ветвь) и Баварский (младшая ветвь). Начиная с этого времени, а точнее — после издания Золотой буллы, закрепившей курфюршеский титул только за Пфальцем, определяющими факторами политики (как внешней, так и внутренней) баварских Виттельсбахов будет возвышение своего дома и попытка взять династический реванш. На протяжении более чем трех веков баварские герцоги придерживались в своей политике именно этого направления, дорабатывая и совершенствуя его основные позиции. В теории концепция династического самосознания выглядела следующим образом — главная цель всех отраслей политики, проводимой Баварией, заключалась в возвращении себе прав на титул курфюрста, который

был у нее незаконно отнят, и подтверждении легитимации данного требования.

В основе любой политики должен лежать фундамент в виде крепкой теоретической базы. В основе династической политики баварских Виттельсбахов раннего нового времени подобная база, несомненно, была. И Альбрехт V (1550-1579), и Вильгельм V (1579-1597), и Максимилиан I (1597-1651) основательно подходили к теоретическому обоснованию легитимности своих претензий на курфюршескую шапку. При дворе этих герцогов плодотворно трудились выдающиеся ученые мужи своего времени, выводя генеалогические древа, создавая тома анналов и хроник. Причем, главной целью, ставившейся перед хронистами, было написание истории, выгодной заказчику (т. е. с умалчиванием некоторых фактов или событий, или же с «обелением» или оправданием того или иного персонажа — в случае дома Виттельсбахов — Людвига Баварского, «впавшего в немилость» из-за ссоры с папой Иоанном XXII). Что же касается генеалогии — то, как известно, влиятельный человек в средние века — это человек, за плечами которого стоят многие поколения, в котором как бы соединилось родовое время и время истории², т. е. из-за заботы об оправдании тех или иных притязаний рода генеалогия его возводилась, как правило, к «легендарным предкам».

К середине XVII века мы можем наблюдать более чем двухсотлетнюю традицию подобного историописания.

Основателем баварской историографии станет Андреас Регенбургский³, который в XV в. напишет первую «заказную» хронику баварских герцогов на латинском и немецком языках⁴, проследив историю герцогства с самого начала до современных ему событий. При этом необходимо отметить, что хронист справился со всеми задачами, на него возлагавшимися. Так, Людвиг Баварский был возвеличен Андреасом настолько, насколько это было возможно, и даже ссора с папой римским его не очерняла, ибо регенбургцу удалось «найти» некую хронику, объяснявшую невиновность императора в данном конфликте. Все поступки Людвига в Хронике проникнуты глубочайшей симпа-

тией Андреаса. Таким образом, после решения одной из главных задач — «обелением» вставшего в немилость баварца — регенсбургскому историографу Виттельсбаху оставалось только составить нужную генеалогию, возведя род своих патронов к «правильным» легендарным предкам, чтобы у современников не оставалось и тени сомнения, что именно баварские герцоги, а не их династические противники, имеют полное право на обладание титулом курфюрста и землями, за которыми этот титул закреплялся. По средневековой традиции, род баварцев возводится Андреасом к давно умершим героям и мифологическим персонажам. Так, он пишет о том, что весь род Баваров берет свое начало от богов, а вернее, от сына Геракла — Норикса⁵. «Въяснив», откуда происходит род Баваров, Андреас доказывает родство правящей этим родом династии с излюбленным персонажем всех средневековых хронистов — Карлом Великим, выстраивая для этого довольно сложное генеалогическое древо Виттельсбахов. В общем, можно смело говорить о том, что этот первый мощный труд по истории Баварии и баварских герцогов стал превосходным фундаментом для продолжения подобного рода работ и четко соответствовал династическому самосознанию баварского дома.

Эпоха гуманизма привнесет в историописание баварских Виттельсбахов ряд выдающихся работ, наиболее весомой из которых станет «Баварская хроника» (в латинском варианте — «Анналы герцогов Баварии»), написанные Иоганном Авентином⁶ (1477-1534). В его труде, так же, как и в работе его предшественника, довольно наглядно прослеживается теоретическая сторона династической политики младшей линии Виттельсбахов. Так же, как и у Андреаса, основные негативные моменты истории дома, связанные в основном с именем все того же Людвига Баварского, сглаживаются настолько, насколько это возможно. Авентин пишет о поразительной образованности Людвига, о его истинно христианских добродетелях, о его всевозможных доблестях и доходит даже до того, что в возникшем между императором и папой конфликте обвиняет не Людвига, а самого первосвященника. Что же касается генеалогической части его работы, то в ней, равно, как и в работе Андреаса Регенсбургского, мифотворчество хрониста зачастую просто не знает пределов. Немецкие народные сказания, мифы и легенды Авентин применяет для возведения корней баварского народа к библейским персонажам, а также проводит идею связи своего народа с греческой культурой. Он, как и большинство хронистов того времени, провел совершенно ошибочные и, даже более того, несуществующие параллели, выводя происхождение князей вплоть до древнего времени греко-римской или библейской традиции (до Ноя), к тому же среди древнейших он пытался найти первых баварских князей, хотя для этого нет никаких доказательств. Он пытается «доказать» то, что древнейшим народом на земле были немцы, причем не просто немцы, а именно бавары. Доказывая родство Виттельсбахов с Карлом Великим, Авентин, опираясь на свою, изложенную выше,

концепцию, получает, что сам Карл был никем иным, как немцем, не допуская никаких других вариантов. Обосновав подобным образом древнее происхождение германцев, а в частности — баваров, Авентин доказывает, во-первых, то, что немцы имеют полное право считаться законными преемниками Римской Империи⁷, а, во-вторых, то, что раз первые немцы — это именно бавары, то никаких споров вокруг каких-либо титулов или земель, которые по праву должны принадлежать баварскому дому, не должно возникать в принципе. Вот она — вершина теории династического самосознания мюнхенских Виттельсбахов в наиболее наглядном виде. Никаких сомнений в легитимности претензий Баварии после подобного рода генеалогии у современников не должно было даже и возникать.

Тем временем внутрдинастический кризис дома Виттельсбахов все более и более усугублялся и к моменту прихода к власти Максимилиана I грозил вылиться в мощный вооруженный конфликт. Как умелый и рациональный политик, Максимилиан это, безусловно, понимал. Как, впрочем, осознавал и то, что его силы значительно превосходят силы его династических оппонентов — старшей Пфальцской линии дома Виттельсбахов. И поэтому в результате подобного столкновения Бавария получала изумительную возможность воплотить в жизнь более чем четырехсотлетнюю мысль о династическом реванше — отобрать у Пфальца то, что принадлежало ей по праву (т. е. курфюршескую шапку и земли, к ней прилегающие). Конечно же, Максимилиан не мог упустить подобную возможность, тем более, что в условиях начавшейся в 1618 г. Тридцатилетней войны, династические противники оказались по разные стороны баррикад⁸. По заключенному с императором договору⁹, Максимилиан должен был получить Верхний Пфальц с прилепленным к нему титулом за военную помощь, оказанную при подавлении восставшей Богемии. После удачных военных действий, завершившихся битвой при Белой горе и полным разгромом восставших, в 1623 г. Максимилиан баварский получает титул курфюрста по Верхнепфальцским землям, воплощая, таким образом на практике династическую программу, заложенную его предшественниками. Однако, практика — практикой, но потребность в теории от этого не исчезла. Династический кризис, а также осложнения в отношениях с другими немецкими князьями, очень остро осознавались современниками. Полемика, развернувшаяся вокруг права обладания Баварией курфюршеского титула, не знала пределов. Издается целая волна памфлетов и разного рода сочинений, принадлежавших перу как сторонников, так и противников подобного завершения многовекового спора внутри дома Виттельсбахов¹⁰.

В подобных условиях возникает необходимость прибегнуть к уже известному баварским герцогам способу — необходимо было создать такое историческое сочинение, которое бы раз и навсегда убедило людей в том, что титул был получен Баварией абсолютно законно и по праву. Максимилиану удалось собрать у себя при дворе целую «историографическую школу», занимав-

шуются историописанием баварского дома Виттельсбахов и представлявшую своему патрону все новые и новые варианты генеалогии. На основе разнообразных источников и уже существовавших к тому времени хроник и анналов (в частности — трудов Андреаса и Авентина) в конце тридцатых годов XVII в. начинает создаваться мощный по своему значению и объему труд историка-иезуита Ферво¹¹ «История баварского рода»¹², увековечивший законность притязаний мюнхенских Виттельсбахов на курфюршескую шапку. Писавшаяся по заказу Максимилиана и под его непосредственным контролем, работа Ферво предлагала, наконец, долгожданное изображение баварской истории от момента заселения баварами территории юга Германии до правления Максимилиана I именно так, как это на тот момент было необходимо. Так же, как его предшественники, Ферво очень удачно обошел в своей работе все «краеугольные камни» истории Баварии. Правда, задача его осложнялась еще и тем, что, помимо оправдания предшественников, Максимилиан требовал также и оправдания, и панегирического восхваления своим собственным политическим предприятиям, что зачастую было довольно проблематично. Но даже такие события, как расправа с городом Донауверт, или «богемский поход», описываются в «Истории» таким образом, что сомневаться в исключительно благих намерениях новоявленного курфюрста просто не приходит в голову. Род баварских Виттельсбахов представлен в работе иезуитского историка во всей своей красе — перед глазами читателя проходят один за другим великие представители младшей линии Виттельсбахов, логичным продолжателем политики которых, в конце концов, предстает сам Максимилиан, являющийся собой весь спектр добродетелей князя того времени. В рамках этого необходимо отметить тот факт, что «История» несколько выделяется из предшествующих ей работ именно тем, что историческая перспектива баварской земли в целом очень удачно сводится и суживается автором к истории правящей семьи. История земли рассматривается сквозь призму политики семьи и дома.

От Ферво, так же, как и от его предшественников, требовалось еще и генеалогическое обоснование легитимности претензий баварской ветви дома на курфюршеский титул. Максимилиан и тут не стал отходить от более чем двухсотлетней традиции и требовал выведения баварского рода от Карла Великого. Как уже известно, то, что Виттельсбахи состояли в родстве с Каролингами, было «доказано» еще Авентином. Оспаривать этот «факт» никто не собирался. Важно было доказать это бесспорно — вот чего требовал Максимилиан. На это было потрачено множество времени и сил, источники, подтверждавшие этот факт, выискивались по всем областям и монастырям Баварии¹³, но, к сожалению, и на этот раз то, что удалось наработать в результате долгих поисков, не выглядело достаточно убедительно. Понятно, что в течение длительного времени и сами герцоги, и их придворные историографы, и их подданные были уверены в этом, с их точки зрения,

неоспоримом факте, и отчасти династическое самосознание баварских Виттельсбахов строилось именно на этом, но, тем не менее, как показала практика, доказать это было крайне проблематично. Однако, несмотря на подобного рода недостатки работы, мы можем с уверенностью утверждать, что «История баварского рода» Ферво явилась с одной стороны — логичным завершением и, отчасти, продолжением, работ, ей предшествовавших, а с другой — как бы своеобразным красивым финальным аккордом, который должен был окончательно развеять всякого рода сомнения относительно законности прав Баварии. Историописание Виттельсбахов и работа Ферво, в частности, являют собой яркое доказательство того, что все историографические сочинения были ничем иным, как частью династической политики. Историографы должны были «поставлять» дополнительные аргументы в политической дискуссии. История в данном аспекте рассматривалась исключительно как помощница политики, и никак иначе ее не воспринимал ни Максимилиан, ни его предшественники.

Выяснив, что представляла собой династическая политика дома Виттельсбахов в теории, неплохо было бы обратиться к практике, осуществлявшейся в сферах как внутренней, так и внешней политики.

Рассматривая внутреннюю политику Баварии через призму интересующего нас династического самосознания, необходимо отметить, что, на наш взгляд, наиболее ярко восхваление своего дома и отдельных великих его представителей показано в науке, искусстве и литературе того времени, ибо очевидно то, что все эти материальные и письменные источники являлись ничем иным, как иллюстрацией династических установок и служили политике герцогского дома. Историописание, как уже было рассмотрено выше, относится к науке. Что же касается искусства и литературы, то наиболее целесообразным представляется проследить подобного рода аспекты в творениях времени Максимилиана I¹⁴. Начать, видимо, необходимо с мюнхенской резиденции баварских герцогов. В правление Максимилиана она будет практически полностью перестроена. Массивное здание с величественным фасадом, украшенное аллегорическими фигурами, олицетворяющими основные добродетели истинно христианского князя, должно было служить наглядным доказательством всей полноты власти и могущества младшей ветви Виттельсбахов. Внутри — искусная парадная барочная лестница, приводящая к портретам императорских предков династии — Карлу Великому и Людвигу Баварскому, которые, несомненно, символизировали доказательства прав Баварии на старшинство и курфюршеский титул. Остальные картины в залах резиденции также, бесспорно, служили прославлению доблестных предков Максимилиана. Залы были увешаны гобеленами с изображением баварских герцогов и их славных деяний на протяжении всей истории существования дома. Что же касается собрания картин, особенно портретов, послуживших фундаментом для нынешней Старой Пинакотекы, то они собирались еще с правления Альбрехта V, а портреты представляли весь

род Виттельсбахов, включая и представителей пфальцской ветви, что, вероятно, должно было символизировать осознание двух, пусть и разделенных, ветвей дома в качестве единой семьи и единого рода. Еще одним наглядным доказательством воплощения в жизнь той теории, о которой уже говорилось выше, служит надгробный памятник Людвигу Баварскому, возведенный Максимилианом в мюнхенском соборе Богоматери. Поскольку, по церковному праву, Людвиг как отлученный от церкви не мог быть захоронен в освященной земле, то перенести захоронение не удалось, зато взамен этого в соборе строится великолепное надгробие в честь имперского предка. Подобными действиями Максимилиан не только, подобно своим историографам, пытался «обелить» Людвигу, но и, опять-таки, подчеркивал значимость, величие и могущество и себя, и своего дома, в рамках династической концепции которого он проводил свою политику.

Что же касается воплощения династической программы Виттельсбахов в сфере внешней политики, то и здесь Бавария уже к началу XVI в. достигла определенных успехов, а в последующее время только расширяла свою династическую экспансию. В 1506 г. по итогам войны за Лансгутское наследство усилиями Альбрехта IV Мудрого лансгутские земли и мюнхенская Бавария объединяются в одно герцогство¹⁵; правящие в нем Виттельсбахи станут самой влиятельной силой юга, завершив процесс консолидации своих земель, а пфальцская ветвь потерпит полное поражение, т. к. лишится плацдарма в бассейне Дуная, от которого зависела лояльность династов к югу от Гейдельберга. В рамках последовавшего затем религиозного раскола мюнхенские герцоги сумели превратить в сателлитов династии епископства Фрайзинг и Регенсбург, в которых со второй половины XVI в. митрополитами будут выступать родственные члены дома. При Альбрехте V будет намечен тот вектор развития внешней политики Виттельсбахов, которому впоследствии будут следовать и его преемники¹⁶. Интересы Мюнхена были связаны со Швабией, где баварский дом с одной стороны пытался не дать проникнуть экспансии Габсбургов, а с другой — не дать усилиться вюртембергским герцогам, которые тоже боролись за лидерство в Швабии. Также Альбрехт продолжал вполне успешную борьбу с Гейдельбергом и даже предъявил претензии на сопредельные пфальцские владения — Верхний Пфальц и Пфальц-Нойбург. Необходимо подчеркнуть, что именно вопрос, связанный с Верхним Пфальцем, и станет тем самым камнем преткновения, который приведет в итоге к неминуемому военному конфликту между Мюнхеном и Гейдельбергом, разразившемуся в начале XVII в. Пока же в прицеле баварских интересов оказались духовные княжества на Рейне, что было вполне логично, т. к., не имея возможности повлиять на тирольские земли, заблокированные Габсбургами, Бавария пыталась проявить себя на берегах Рейна, чему весьма успешно содействовала Контрреформация. Все надежды, связанные с этими землями, воплотил в жизнь младший сын

Альбрехта V — Эрнст Виттельсбах¹⁷, при котором архиепископство Кельн стало сателлитом Баварии. Он провел широкое контрреформационное движение и вскоре в этом преуспел, не гнушаясь использовать военную помощь со стороны Испании и мощную поддержку мюнхенской родни. Помимо Кельна, Эрнст сумел присоединить к подвластным баварским Виттельсбахам территориям еще несколько епископств. В итоге к началу XVII в. образовался целый блок территориальных сателлитов мюнхенских герцогов. То есть Эрнст Баварский, «собирая» территории по берегам Рейна, фактически сформировал мощный анклав подконтрольных баварским Виттельсбахам земель и окружил ими то, что принадлежало его династическим оппонентам. Таким образом, складывается ситуация, довольно парадоксальная даже для политически раздробленной империи: один дом и одна семья буквально блокируют друг друга в территориальном, религиозном и политическом смысле со всех сторон, причем первенство в этой борьбе принадлежало младшей линии дома Виттельсбахов. Если присмотреться, аналогичные процессы «династической экспансии» наблюдаются и в других регионах, правда, на микроскопическом уровне. Пример же баварских Виттельсбахов поражает размерами этой экспансии. В дальнейшем Максимилиан I, следуя уже намеченным контурам внешней политики, проводимой его династией, в результате событий первого периода Тридцатилетней войны сумеет все-таки воплотить в жизнь давнюю мечту своего дома и добиться реализации династической программы, выработывавшейся не одним поколением баварских герцогов — в 1623 г. император Фердинанд передаст Максимилиану титул курфюрста, отобрав его у его династического оппонента — Фридриха V Пфальцкого.

Таким образом, рассмотрев и теоретическую, и практическую сторону династической политики баварских Виттельсбахов в раннее новое время и сопоставив их, мы можем говорить о том, что семья, род, дом, династия и их вековые ценности для человека раннего нового времени, как и для человека средневекового, по-прежнему играли центральное место в мировоззрении. Они формировали главные позиции и перспективы построения политики и дипломатии. Также на примере преемственности политического курса можно говорить и о том, что общественная и семейная жизнь немецкого общества рассматриваемой нами эпохи была тесно связана с предшествующей эпохой и уже заложенными когда-то ей ценностями. В целом в империи, и на примере Виттельсбахов в частности, мы можем наблюдать то, что общество сохранило верность тем основам, которые были заложены много веков назад, зачастую, еще в классическое средневековье. Так, семья и родовые ценности и их производные, игравшие зачастую значительную роль в жизни средневекового человека, продолжают занимать центральное место как в мировоззрении, так и в формировании жизненных и политических позиций и линий поведения немецкой знати и в раннее новое

время. На примере баварских Виттельсбахов и их, прошедшей через века и сохраненной в политике дома династической концепции самосознания, мы отчетливо видим, что категории династии и политики на тот

момент не могли существовать друг без друга, не опираясь одна на другую, так как политика в этот период могла рассматриваться исключительно сквозь призму интересов династии и дома.

¹ К числу лучших работ последних лет о Максимилиане Баварском и проводимой им политике следует отнести следующие исследования: Kraus A. Maximilian I. Bayerns Grosser Kurfurst. — Munchen, 1991; Albrecht D. Die Auswärtige Politik Maximilians von Bayern (1618-1635). — Göttingen, 1962; Albrecht D. Maximilian I von Bayern (1618-1635). — Munchen, 1998.

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. — М.-СПб., 1999 — Т. 2 — С. 97.

³ Riezler S. R. von. Anreas von Regensburger // Allge meine Deutsche Biographie. — Bd. 1. — S. 448-449.

⁴ Andreas von Regensburg, Samtliche Werke, hg. Von G. Leidinger. / Quellen und Erörterungen zur bayerischen und deutschen Geschichte. — Bde. 1-5, 1856.

⁵ Что «интересно», так это то, что Геракл своих детей от Мегары (Мегеры), дочери царя Креонта (которых было то ли два, то ли три, то ли четыре, то ли шесть или восемь — они известны как Алкиды), убил в припадке бешенства, насланного Герой. Во искупление этого поступка Геракл и служил Эврисфею двенадцать лет и совершил свои знаменитые двенадцать подвигов.

⁶ Tumair Job. (Aventinus). Sammtliche Werke. — Munchen, 1881-1908.

⁷ Ibid. — Bd. 4. — Teil 1. — S. 11.

⁸ Максимилиан и Фридрих были уже не только династическими оппонентами, но и предводителями двух альтернативных структур империи — Католической Лиги и Евангелической Унии. Но, даже несмотря на подобную конфронтацию, есть сведения о том, что накануне войны, в феврале 1618 г., Фридрих и Максимилиан дважды встречались, и курфюрст Пфальца даже сам путешествовал в Мюнхен, дабы попытаться вывести дальнейшую линию поведения своего баварского родственника. Есть также основания полагать, что Фридрих пытался подстроить Максимилиана против Габсбургского дома, предлагая ему заключить союз между Пфальцем, Баварией и Францией. См. об этом: Tapie V. La politique de la guerre de Trente ans. — Paris, 1934 — P. 68; Wedgwood C. V. The Thirty Year's War. — London-New York, 1991. — P. 84; The Thirty Year's War. — London-New York, 1997. — P. 33.

⁹ Мюнхенский договор от 8 октября 1619 г., по которому баварский герцог обязывается предоставить в помощь для погашения военного конфликта войска Лиги. Но считается, что в Мюнхенском договоре существовало несколько незанесенных в текст статей, в которых

оговаривалось разрешение Баварии на оккупацию Верхнего Пфальца и переход Пфальцкого курфюршества вместе с титулом к Максимилиану. Необходимо отметить, что, видимо, эти статьи были все-таки известны, поскольку еще до того момента, как курфюршеский сан будет передан Максимилиану, в переписке современников мы можем встретить титул «курфюрст», применяемый к баварскому герцогу. См.: Documenta Bohemica bellum tricennale illustrantia / Hrsg. von den Tschechoslowakischen Akademien der Wissenschaften. Bd. 2. — Prag, 1972. — S. 258 (D. № 718), S. 264 (D. № 742).

¹⁰ Schmid A. Geschichtsschreibung am Hofe Kurfurst Maximilians I. von Bayern // Wittelsbach und Bayern. Um Glauben und Reich Kurfurst Maximilian I. Beitrage zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573-1651. — Munchen-Zurich, 1980. — S. 330-341.

¹¹ Иоганн Ферво (1586-1661) — член Общества Иисуса, историк и исповедник Максимилиана Баварского. См. о нем: Manfred Eder. Vervaux J. // Biographisch-Bibliographische Kirchenlexikon. — Bd XII. (1997) — S. 1291-1294.

¹² Из-за разногласий с Орденом Иезуитов работа будет дописана историком Андреем Бруннером, а издана под именем баварского канцлера Адльрайтера в 1662 г. См.: Joannis Adlzreitter a Tetterweis et A. Brunneri. Annales Boicae Gentis. Partes III. Cum Praefatione G. Leibnitii. — Frankfurt am Main, 1710.

¹³ Schmid A. Geschichtsschreibung am Hofe Kurfurst Maximilians I. — S. 332-333.

¹⁴ Wittelsbach und Bayern. Um Glauben und Reich Kurfurst Maximilian I. Beitrage zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573-1651. — Munchen-Zurich, 1980. — S. 269-377.

¹⁵ Oefele, Edmund Freiherr von. Albrecht IV // Allge meine Deutsche Biographie. — Bd. I. — S. 233-234; Deutsche Biographische Enzyklopadie I. — S. 75.

¹⁶ Friedrich Wilhelm Bautz. Albrecht V // Biographisch-Bibliographische Kirchenlexikon. Band I (1990). — S. 90-91; Deutsche Biographische Enzyklopadie Bd. V. — S. 15; Handbuch der Bayerischen Geschichte. — Bd. II. — Munchen, 1988. — S. 373; Riezler, Sigmund Ritter von Albrecht V // Alle meine Deutsche Biographie. — Bd. 1. — S. 234-237.

¹⁷ Ennen Leonhard. Emst, Erzbischof von Koln; Herzog von Bayern // Alle meine Deutsche Biographie. — Bd. 6. — S. 250-257; Catz Erwin (Hg.): Die Bischöfe des Heiligen Römischen Reiches. 1448 bis 1648. Ein biographisches Lexikon. — Berlin, 1996. — S. 163-171.

М. В. Таскаев (Сыктывкар)

ДИНАСТИЯ ТАСКАЕВЫХ ИЗ КОМИ СЕЛА ЫБ: с XVI до начала XXI веков

Старинное коми-зырянское село с уникальным названием Ыб (холм. — коми яз.) расположено на берегу реки Сысола в Сыктывдинском районе Республики Коми недалеко от республиканской столицы г. Сыктывкара. Село считается одним из самых древних поселений человека в этом регионе, в средневековые Ыб играл роль сысольской столицы (здесь обитал сотник Сысольской земли), имелась здесь и крепость Сосновое городище, оснащенная пушками для защиты от набегов вогулов (манси) из-за Урала.

Впервые фамилия Таскаев упоминается в «Переписной книге по отхожим (Сысольским, Вишерским

© Таскаев М. В., 2011

и Верхневычегодским) волостям Яренского уезда от 1720 г. в переписи стольника и коменданга Василия Дмитриевича Кишкина по сказам земских дел бурмистров Терентия Игушева, Никифора Болотова, Ивана Мальцева, Степана Рочева и Екима Кондратьева». В этой книге записано, что в деревне Мыргаиб погоста Ыб на Сыsole живет «во дворе крестьянин Устин Борисов сын Таскаев 70 лет, у него сын Максим 31 лет, у него жена Анна 25 лет, у них сын Ефрем 5 лет, дочь Пелагия 17 лет. Оной крестьянин опрочь земледелия ничего не имеет»¹. Кроме Таскаевых, жителями Мыргаиба были Антипа Мальцов, Ияков Коржавин, Степан

Мальцев, Ефрем Завьялов, Петр Поротов, Патрикий Посников, Василий Букарин, Иван Климов, Иван Тропин, Василий Морозов, Иван Муравьев, Василий Раев, Мелетий Муравьев, Самойло Шуматрин, Автоном Муравьев — всего шестнадцать дворовладельцев. «Устина Таскаева (и др. — М. Т.)... по их велению Ибской Ильинской церкви священник Перфирей Лаврентиев руку приложил»².

Жили крестьяне бедно, все «опрочь земледелия» ничего не имели, а некоторые (как Иван Муравьев, Василий Морозов и др.) «от скудости ради нужды нищей... прибегали... на время» к соседям «питаютца черною работою» (нанимались в батраки. — М. Т.)³.

Устину Таскаеву в 1720 г. было 70 лет, следовательно, родился он около 1650 г. Его отец Борис упоминается в «Переписной книге Яренского уезда» за 1678 г. как житель погоста Иб Меньшой (будущий Мыргаиб): «Во дворе крестьянин Бориска Обросимов, у него дети Тараска, да Устинка, да Филька, все в возрасте, Мелешке 17 лет»⁴.

В 1678 г. Иб включал в себя три погоста: Иб Большой, Чулиб и Иб Меньшой. О последнем написано: «Тое же волости погостец Иб Меньшой, а в нем часовня с образы, к нему же пригужены: деревня Пемерга да деревня Федотовская да деревня Шульгина»⁵. «Переписная книга Яренского уезда» за 1646 г. упоминает Бориско Обросимова как жителя деревни Петерга на суходоле погоста Иб Меньшой: «Во дворе бобьль Бориско Обросов сын»⁶. Эта деревня не значится в «Писцовой книге Яренского уезда, письма и дозору Василия Ларионова и подьячего Андрея Горохова» за 1608 г. и никакого Обросима на погосте Иб Меньшой нет. Зато в списке дворовладельцев деревни Каменной «на берегу на реке на Сысоло» погоста Иб Большой есть «Нифонт Сергиев лутчей да дети ево Оброско да Пронка»⁷. Где-то между 1608 и 1646 гг. часть жителей деревни Каменной переселилась в деревню Петерга (или Пемерга) на суходоле. Был среди переселенцев Оброско или сын его Бориско — сказать трудно. Во всяком случае, тот факт, что жители Каменной переселялись на погост Иб Меньшой, подтверждается и другим случаем. В 1646 г. в Каменной жили «Исачко да Васька, да Омелька, да Филька Трифоновы дети, прозвище Муравьевы»⁸. А уже в 1678 г. «Филька Трифонов сын Муравьев» упоминается как дворовладелец погоста Иб Меньшой и не исключено, что он был соседом Бориско Обросимова, ибо их имена приведены в переписи рядом. Филька Муравьев был в Ибе известным человеком. Он владел земельными угодьями не только на погосте Иб Меньшой, но и в Чулибе. Именно он построил деревянную церковь в Чулибе «во имя Пятницы Поросковей»⁹. Согласно местной легенде, Муравьев нашел икону Пятницы Параскевы на дереве и дал обет построить церковь рядом с этим местом, что и сделал.

Итак, за счет предположения, что Обросим был выходцем из деревни Каменной, я нашел еще двух своих предков, ибо отцом Обросима был Нифонт Сергиев. Последний документ из глубины веков, дошедший до на-

ших дней и содержащий списки жителей Ибского погоста — это «Сотная с писцовых книг 1586 г. И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на Сысольскую волость». Документ начинается так: «Лета 7108-го февраля в 12 день били челом государю царю и великому князю Борису Феодоровичу всеа Русии Вымского уезда Сысольские волости целовальники Сидорко Афонасьев и во всех Сысольских крестьян место. А сказали, в прошлом де во 107 году... от молнии згорела у них церковь Афоносия александрейского чудотворца. А в той де церкви поставлен был их земской ларец с сотными грамотами, и тот де ларец в той церкви згорел же»¹⁰. Пожар уничтожил все ранние документы по истории Сысольской земли, вот почему официальная дата появления села Иб определена как 1586 г. (в 1986 г. село отметило свое четырехсотлетие), хотя по данным археологов люди стали селиться здесь задолго до Рождества Христова. В 1984-1986 гг. археологи раскапывали в Ибе городище Кармыльк, известное среди местных как «чудьское», и поселение Шойнаяг (Лес покойников). Наибольший интерес вызывают раскопки Кармылька, на основе которых археолог М. В. Кленов реконструировал план городища, обнесенного валом и частоколом и укрепленного также каменными кладками. Кленов полагает, что городище с военно-оборонными задачами существовало в Ибе до середины XIII в.¹¹. По всей видимости, это было Сосновое городище, упоминаемое в «Сотной с писцовых книг 1586». Там пишется, что на погосте Иб Большой «в анбаре с Соснового городища няряду: 2 пищали затинные да пищаль затинная переломлена, да 14 ручниц невеликих заржавели, а иные без станков, да зелья по смете пуда с полтора, а весити было нечем, да свинцу пуд без чети, да 707 ядер железных затинных пищалей. А приказан тот наряд того же погоста соцкому Федору Иванову сыну Большево да целовальнику Ларионку Иванову да Жданку Попову и всем крестьянам Ибского погоста»¹².

Всего погост Иб Большой в 1586 г. состоял из девяти деревень (Каменная, Подальная, Прислон на горе, Подгорная, Филинская, Березник, Еремовская, Чулиб, Павловская) и двух починков (Березники и «Подле городища»). В них насчитывалось тридцать восемь крестьянских дворов. В погосте Иб Меньшой и деревнях Большое поле, Шульгина и Федотовская имелось шестнадцать дворов. На погосте Иб Большой стояли деревянные церкви во имя Николая Чудотворца и пророка Ильи: «И во всех церквах образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и колокола, и все церковное строение мирское, а церкви ставят приходом». Жил возле церквей «никольской поп Кузьма Федоров» и «пономарь Петруша Остафьев»¹³.

В деревне Каменной «Сотная 1586 г.» упоминает отца Нифонта: «Во дворе Сергей Муравей Федоров сын да сын его Нифонко». Помимо них было в Каменной еще четыре двора — Фетьки Дмитриева Шошина, Проньки Яковлева, Офоньки Иевлева да Патрейко Иевлева. Были у них у всех «пашни паханые средние земли 5 чети в поле, а дву по тому ж;

сена 30 копен», — вот и все крестьянское богатство¹⁴.

Благодаря «Сотной 1586 г.» появляется родоначальник, основатель генеалогического древа Таскаевых — Федор, отец Сергея, дед Нифонта, прадед Обросима, прапрадед Бориско, прапрапрадед Устина Таскаева.

Сысольская земля в конце XVI-начале XVII вв. входила в состав Яренского уезда, который после образования губерний по России в начале XVIII в. был включен поначалу в Сибирскую губернию. Уездом правил воевода. Первый воевода приехал в Яренский городок в 1606 г. В числе первых был воевода Сиверга, которого коми крестьяне «не послушались» в 1614 г., отказавшись платить стрелецкие деньги. Вычегодские, вымские, удофрские и сысольские волости «задались сильны и воеводу Сивергу не послушались, рвали приказным бороду, приставов и сборщиков побили, облаяли»¹⁵.

Сысольские крестьяне относились, как и все коми крестьянство, к черносошным, т. е. государственным, крестьянам. Повинности они выполняли в пользу государства. Особенно важной повинностью была «ямская гоньба». После присоединения Сибири к России Яренский уезд с 1590 г. должен был «отпущать по большой Сибирской дороге подводды под государеву казну, под бояры и под всякие служилые люди. А отпущать подводды и ямские деньги по загоным книгам межволостно»¹⁶. Многие сысолы сами переселялись в Сибирь; особенно этот процесс усилился в XVIII в. Род Таскаевых тоже участвовал в переселении, об этом говорит название одного из населенных пунктов Западной Сибири — Таскаево¹⁷. Жили на Сыsole исконным крестьянским трудом — выращивали рожь, ячмень, овес; разводили лошадей, крупный рогатый скот; занимались охотой и рыболовством. Жили мирно. Случались, правда, иногда набеги вятских разбойников; например, в 1622 г. отряд вятчей из семнадцати человек проник в верховья Сысолы, совершил убийство и разграбил имущество ужгинского торговца О. Майбурова.

Из «Вологодской летописи» XVII столетия можно многое узнать о тяжелой крестьянской доле. Вот что пишет, например, «Летопись» за 1680 год: «Того ж году зима была, снеги великие болшие шли по вся дни, а вешняя вода зело велика была и долго стояла, и хлебы озимовые в полях от того снегу выпрели и изгибли». Лето 1686 г. оказалось холодным: «И того лета месяца июня во дни были три инии великие с лютыми мразы; и в Поморской стране и в Каргополе... и в Тотемском, и в Устюжьском, и в Вычегоцком... — во всех тех уездах всякие ржаные и яровые хлебы теми ини и лютыми мразы позябли; а скот, лошади и коровы, с великого гладу помидали много множество в тех уездах и по волостям, потому что гнилые сена и соломы все поедено без остатку. А вода вешняя была зело велика... по берегам, которые дворы стояли, и те дворы тою большею водою все потопило и жити в них стало нельзе, выходили вон со скотом и з борошием. И такие воды, которые старые многолетние люди не помнят за множество лет»¹⁸.

В 1692 г. разразилась эпидемия оспы: «Бысть в лето 7000-ое в двоесотом году... в месяце в июне,

и в июле, и в августе волею божию, а наших ради согрешений бысть же в мире скорбь сыпучая, сиречь воспица, на младенцы, и тою болезнию младенцы помидали зело много и премного. Такожде и скоцкой лошадиной падеж зело велик был». В 1695 г. «волею божию... в Вычегоцком усолье... хлебы не сыстели и великими мразы побило... и жителие... людие мужеска полу и женьска и с мальми детми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитаться, доколе бог изволит»¹⁹.

Семейные предания Таскаевых молчат об этих отдаленных временах. Мой дед Павел Титович Таскаев вспоминал только своих предков Тита и Ласея. С этой скудной информацией я и приступил в свое время к изучению генеалогического древа таскаевского рода. В фондах Национального архива Республики Коми я обнаружил «Посемейный список Ибского сельского общества Ибской волости» за 1903 г., где упоминалось семейство Тита Васильевича Таскаева из деревни Мыргаибской. Тит родился 1 апреля 1855 г. Его женой являлась Матрена Алексеевна тридцати девяти лет. Были у них сыновья Павел (родился 1 января 1894 г. по ст. ст.) и Симеон (15 апреля 1900 г.); дочери Марфа четырнадцати лет, Акилина шести лет, Анна одиннадцати лет и Евдокия (родилась в 1905 г. «после составления списка») ²⁰. Таким образом, сведения о моем деде Тите были найдены, а прапрадеда звали Василием (или Власием, Ласием, как говорил о нем мой дед Павел Титович).

В «Ревизской сказке Ибского сельского общества Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии» за 1858 г. отмечалось, что в деревне Мыргаиб имеется семейство Василия Никонова Таскаева. Самому Василию на момент ревизии был тридцать один год, его жене Варваре Кондратьевой — двадцать восемь. У них были дети: сыновья Никита девяти лет и Тит, «новорожденный по последней ревизии 2 1/2 лет»; дочери Надежда — десяти лет, Катерина четырех лет, Хиопья — одна неделя. С ними проживала также сестра Василия Акулина девятнадцати лет²¹. Получалось, что моего прапрадеда звали Никон.

В «Ревизской сказке» за 1850 г. записано, что Никон Тимофеев Таскаев умер в 1846 г., оставив двух сыновей: Митрофана девятнадцати лет (отдан в рекруты в 1836 г.) и Василия двадцати трех лет. Сын Филипп умер в 1849 г. Кроме того, была еще дочь Акулина одиннадцати лет. Вдове Никона Домне Герасимовой было пятьдесят два года. Василий Никонович был уже женат, у него были сын Никита и дочь Надежда²².

«Ревизская сказка» за 1811 г. дала мне целый «куст» Таскаевых. Оказывается, Тимофей, — мой прапрапрадед, — был сыном Тимофея. У него был старший брат Петр (в 1811 г. ему было шестьдесят шесть лет) и младшие братья Козьма пятидесяти пяти лет, Алексей сорока восьми лет. Сам Тимофей в возрасте сорока восьми лет умер в 1810 г., оставив детей Василия двадцати восьми лет, Якима двадцати четырех лет, Никона двадцати двух лет, Еремея девятнадцати лет и Сидора четырнадцати лет²³.

Долгое время мне не удавалось выяснить, кто был следующим в этой цепочке предков, ибо материалов ревизий XVIII в. в Сыктывкаре не имеется. Наконец, воспользовавшись архивным фондом ибской Вознесенской церкви, мне все же удалось установить, что отцом Тимофея был Аверьян. В «Исповедальной ведомости Ибской Ильинской церкви» за 1780, 1783 и 1789 г. упоминается крестьянин д. Мыргаиб Тимофей Аверьянов сын Таскаев и его жена Федосия Перфильева. Тимофею Аверьяновичу было в 1780 г. пятьдесят девять лет, его супруге — пятьдесят шесть. У них были дети: сыновья Петр тридцати шести лет, Тимофей тридцати четырех лет, Козьма двадцати девяти лет и Алексей двадцати трех лет; дочери Евдокия девятнадцати и Акилина пятнадцати лет. В «Исповедальной ведомости» за 1789 г. записано, что брат Петра Тимофей сорока трех лет был женат на Евдокии Еремеевой тридцати девяти лет, и у них были дети: сыновья Василий семи лет, Яким трех лет и Никон одного года, дочь Гликерья семнадцати (или тринадцати?) лет²⁴.

Тимофей Аверьянов сын Таскаев скончался 11 мая 1794 г. Об этом есть запись в «Метрической книге Ибской Ильинской церкви»: «Помре естественной смерти 72 лет... погребен священником Симионом Никитиным возле Ильинской церкви»²⁵.

Итак, что я выяснил? Цепочка предков уходит в XVIII в. Павел—Тит—Василий—Никон—Тимофей—Тимофей—Аверьян. Как связать их с Устином Борисовым сыном Таскаевым, упоминаемым в ревизии 1720 г.? Тимофей Аверьянович родился уже после этой ревизии, в 1721 или 1722 г. Прожил семьдесят два года и умер в 1794 г. Следовательно, его отец Аверьян должен упоминаться в ревизии 1720 г., но в семействе Устина Борисовича его нет. У Устина Борисовича Таскаева был сын Максим, у которого, в свою очередь, были дети Ефрем и Пелагея. Аверьяна нет.

И тут я обнаружил, что Аверьян упоминается в другом мыргаибском семействе — во дворе Самойло Филиппова сына Шуматрина. В «Переписной книге» 1720 г. так записано об этом семействе: «Бобыль Самойло Филиппов сын Шуматрин (или Шумарин. — М. Т.) 41 лет, у него жена Фекла 38 лет, у них сын Аверьян 23 лет, у него жена Агрипина 20 лет. Оной бобыль питаетца около онихы (т. е. мыргаибских. — М. Т.) крестьян черною работою»²⁶. Других Аверьянов в Мыргаибе в 1720 г. не было. Получалось, что Устин Борисов сын Таскаев к моему роду никакого отношения не имеет?! А как же родовая фамилия?

Дети у Аверьяна в 1720 г. еще не родились. Тимофей появится на свет только в 1721 или 1722 г. Упоминается, что отец Аверьяна Самойло был Филиппов, т. е. Филиппович. Я решил поискать Филиппа или, вернее, Фильку в «Переписной книге Яренского уезда» за 1678 г. по погосту Иб Меньшой. И тут обнаружилось нечто, связывающее Самойло Филиппова сына Шуматрина и Устина Борисова сына Таскаева. Филипп и Устин были братьями. У них был еще один брат Тараска, но в переписи 1720 г. он не значится, возможно, умер или переселился в Сибирь.

В 1678 г. Тараска, Устинка и Филька были «все в возрасте», никто из них еще не был женат. Их отцом был Бориска Обросимов. В 1679 г. у Филиппа родится Самойло, а в 1697 г. у Самойло появится Аверьян.

Фамилии Устина Борисова сына Таскаева и Самойло Филиппова сына Шуматрина стоят в списке дворовладельцев в «Переписной книге» за 1720 г. рядом, как и положено родственникам. Но почему один был записан как Таскаев, а его племянник — как Шуматрин (фамилия совершенно не коми, не ыбская и в дальнейшем нигде не упоминаемая) — непонятно. Наверное, это описка переписчика.

Происхождение фамилии Таскаев неясно, учитывая, что в интернете Таскаевы упоминаются во всех областях России. Возможно, в коми варианте имеет место возникновение ее на основе слова «тас», что значит по-коми «кайма» и глагола «таскыны» — «пришить кайму» (например, на подол). Есть еще одно значение «тас» — это «поперечина в носовой или кормовой части лодки». Говорят также про «тас» как замок на дверях в виде поперечины²⁷. Можно также взять за основу русский глагол «таскать», «таскаться» или слово «тоска». Трудно сказать, на основе чего возникла эта ыбская фамилия.

Так или иначе, но я вычислил своих предков вплоть до середины XVI в.: Павел—Тит—Василий—Никон—Тимофей—Тимофей—Аверьян—Самойло—Филипп—Борис—Обросим—Нифонт—Сергей—Федор. Правда, в этой цепочке имеются три допущения. Первый — что Тимофей был сыном именно Аверьяна из семейства Самойло Филиппова сына Шуматрина. Второй — что Самойло был сыном именно Филиппа Борисовича; и третий — что Борис Обросимов был потомком именно Нифонта и переселился на погост Иб Меньшой с погоста Иб Большой.

В 1780 г. Ибская волость вошла в состав образованного в этом же году Усть-Сысольского уезда Великоустюжской области Вологодского наместничества. Волостное правление находилось то в Визинге, то в Пажге, то в Вильгорте. Собственное появилось в Ёбе только в 1890 г. В 1891 г. в составе Ибского волостного правления (первым волостным старшиной был Максим Кузьмин Кочев) был и волостной судья Тит Васильевич Таскаев, мой прадед.

В 1811 г. в Ибском селении проживало 614 крестьян мужского пола и 759 женского. «Клировая ведомость Ибской Ильинской церкви» за 1828 г. сообщает: «Усть-Сысольского уезда церковь пророка божия Ильи, что в селе Ибском теплая, другия святителя и чудотворца Николая, третья — великомученицы Параскеви холодные одноэтажные деревянные. Священник Иоанн Лапов, посвящен в 1807 году... диакон Петр Попов... дьячек Стефан Лапов, сын Иоанна 15 лет... пономарь Андроник Попов... Приходских мужского пола 694 душ, женска 787 душ. Составит 173 двора... Имеются в приходе следующие деревни... Чулиб, Березник, Подгорье, Каргорт, Ждача, Мыргаиб, Вадкерос»²⁸. В 1834 г. в Ёбе проживало 744 мужчин и 868 женщин. Клировая ведомость «О церкви Воло-

годской епархии Усть-Сысольского уезда Вознесения Господня, что на Ибу» за 1862 г. пишет: «Холодная церковь с 2 теплыми приделами во имя Св. Пророка Ильи и святителя Николая Чудотворца... каменная... с колокольнею в одной связи... построена в 1825 г. тщанием прихожан... Второе церковь кладбищенская каменная же холодная... с колокольней в одной связи... престол один во имя святые великомученицы Параскевы... освящен в 1846... устроена тщанием же прихожан. Часовни деревянные имеются в деревнях: Мыргаиб — Благовещения пресвятые Богородицы, Березник — во имя святителя Николая Чудотворца; молитвенные дома: в Каргорте — во имя Крестителя Господа Иоанна, в Жидаче — во имя Преображения Господне, в Вадкеросе — во имя Воскресения Господне». В 1886 г. по селу насчитывалось уже 1803 мужчин и 2018 женщин. Крестьяне держали 731 лошадей и 1817 коров²⁹. В 1844 г. в селе открылась начальная школа, а в 1873 г. было учреждено земское начальное училище. Преподавали арифметику, славянский и русский языки, закон Божий.

Эпохальные события XIX в. не затронули таскаевский род. На войну с Наполеоном, например, никто из них не был призван. А вот из рода моей матери Поповых был «отдан в стрелки» в 1812 г. Илья, сын Марка Тимофеева Попова. Домой Илья не вернулся.

Хозяйство Тита Васильевича Таскаева в середине XIX столетия было небольшое: 14 десятин земли, 1 лошадь, 2 коровы. От продажи выловленной рыбы Тит зарабатывал в год 10 рублей, от выделки кож еще 7 с половиной рублей. Согласно «Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.» Тит высевал 5 пудов озимой ржи, 12 пудов озимого и ярового ячменя, 8 пудов картофеля, 0,8 пуда льна, полпуда конопли. Платил государству в 1917 г. налог 32 копейки в год³⁰. Мне неизвестно, когда из д. Мыргаибской Тит переехал в д. Ёль. Во всяком случае, в списке домохозяев Ельской деревни от 10 февраля 1918 г. уже стоит фамилия Тита Васильевича Таскаева.

В 1916 г. в Ыбе насчитывалось 4501 человек, из них духовного звания 17 человек, военного — 139, разночинцев — 29, крестьян — 4316. В церкви служил тридцатидевятилетний священник Иоанн Головкин. Церковь обслуживала 410 дворов³¹.

Сын Тита Таскаева Павел был призван в царскую армию в 1914 г. В 1917 г. рядовой П. Т. Таскаев был железнодорожным строителем в Кандалакше, в сентябре приезжал на побывку домой на два месяца по болезни. Окончательно был демобилизован из армии в 1918 г. В годы первой мировой войны погибло 46 солдат — уроженцев с. Ыба, попало в плен 49, вернулось калеками 55³².

Тут началась революция, старый порядок рухнул, пошел передел всего и вся. На месте волостного правления появился волостной Совет. Образованный в Ыбе осенью 1918 г. комбед вскоре прибрал к своим рукам весь крестьянский хлеб. А заодно отбирали у крестьян мясо, скот и птицу, распределяя все между комбедовцами и большевиками; часть увозили в Усть-Сысольск.

Хозяйство Таскаевых в д. Ёль было отнесено ко второй категории — «средняков, существующих в течение года в достатке от своего хозяйства».

В начале 1919 г., когда колчаковцы из-за Урала вплотную подступили к Вычегде, дед мобилизовали в Красную Армию. Он попал в Кай-Чердынский полк под командованием бывшего прапорщика В. П. Юркина, размещавшийся на верхней Вычегде. Павла Титовича записали санитаром 4 коммунистической роты, хотя он был беспартийным. Полк весной и летом 1919 г. предпринял несколько попыток наступления на Троицко-Печорск — опорную базу белых на верхней Печоре. Здесь размещались батальон 10 Северного Печорского полка и Отдельный Сибирский Печорский полк белых. Линия фронта проходила у д. Сойвы. У обеих сторон имелась артиллерия (некоторые участники событий под Сойвой тех лет писали в своих воспоминаниях, что противник применял и химические снаряды). В последнем наступлении в начале августа 1919 г. красные потерпели поражение, было много убитых, раненых и пленных. Дед был тяжело ранен в голову. Осенью 1919 г. Кай-Чердынский полк был переброшен на Северо-Двинский фронт. Дед как раненый был отпущен на побывку домой подлечиться и набрать сил.

В ноябре 1919 г. архангельский экспедиционный отряд белых под командованием капитана Н. П. Орлова захватил Усть-Сысольск и ряд сысольских волостей, в том числе Ыб. Здесь красными было складировано большое количество продовольствия, которое потом крестьяне растащили по домам. Никакого боя у Ыба не было, если не считать кратковременной перестрелки между конными разъездами белых и караульной командой красных у д. Мыргаиб. В. А. Савин пишет в своих мемуарах, что когда советские войска стали убегать из Ыба, то местные крестьяне спрятали всех лошадей, чтоб не утнали. С трудом уездный военрук красных А. А. Журавлев нашел спрятанных в стогах сена и даже по баням двадцать лошадей и реквизирил их³³. После ухода красных в Ыбе восстановилась волостная земская управа. Красноармеец П. Т. Таскаев попал под белых. Но его не тронули. Белых интересовали только коммунисты, которых они сажали в тюрьмы, а красноармейцам белые предлагали вступать в свои ряды. Опять-таки неизвестно, было сделано такое предложение П. Т. Таскаеву или нет. Так или иначе, но когда белые отступали, они утнали с таскаевского двора единственную лошадь и выгребли из амбара весь хлеб. Наказали, так сказать, за службу в Красной Армии. В конце 1919 г. П. Т. Таскаев отправился в Усть-Сысольск, откуда уездвоенкомат направил его в Вологду. В дальнейшем дед воевал на Железнодорожном участке Северного фронта на станции Плесецкая. В 1920-1921 гг. он служил вновь в Кандалакше, где уже бывал, будучи рядовым царской армии. Из-за ухудшения зрения дед был демобилизован в 1921 г. и вернулся домой.

Он женился на Александре Федоровне Мальцевой из Ыбской деревни Чалин, 1901 г. р. В 1922 г. у них было самостоятельное хозяйство, и жили они

в д. Ёльской. Лошади у них не было (во всяком случае, на момент подворного обследования 1922 г.), была 1 корова, 1 овца и 1 кура. Сеяли хлеб на своей пашне (высеивали 4 пуда озимой ржи и 2 пуда ячменя), также сеяли 5 пудов картофеля, 0,13 пуда льна и 0,13 пуда конопли. Было в хозяйстве 2 косы, 1 серп и 1 сноповязалка, а из «транспортных средств» — 1 одноконная телега. Своего хлеба хватало до двадцатых чисел июля³⁴.

В 1920-е гг. жизнь в селе стала резко меняться. Появилось радио, в 1925 г. прилетел первый агитационный аэроплан, появились комсомольцы, пионеры. В 1924 г. начался передел земли. В 1928 г. возникло машинное товарищество, прибыли двадцатипяти тысячники для организации колхозов.

Где-то в середине 1920-х годов друзья и родственники Павел Титович Таскаев и Егор Романович Таскаев с семьями и всем имуществом переселились на хутор в лесу. Может, бежали от начинающейся коллективизации? Отвоевали у леса пашню, подняли дома. До сих пор место хутора (вернее, выселка) Таскаевых, ныне густо поросшее лесом, зовут «Роман Егор».

В 1922 г. у Павла Титовича родился сын Иван (16 октября), потом Николай (12 декабря 1925 г.). 27 мая 1929 г. родился сын Александр. В 1932 г. появилась дочь Нина (16 января), в 1935 г. родился мой отец Владимир (15 января). В 1938 г. родился еще один сын Анатолий (30 сентября), а в 1943 г. появилась дочь Елизавета (8 октября). Хозяйство тоже постепенно расширялось. В 1930-е годы на хуторе у П. Т. Таскаева было уже 7 лошадей, 3 коровы, несчитанное число птицы, имелось стадо овец. В 1935 г. Павел Титович попал в список ыбских единоличников и кулаков. Согласно этому списку, Таскаевы засеивали в этом году 1,39 гектара зерновых (из них ржи 0,54 га), сеяли также 0,07 га бобовых и 0,78 га прочих зерновых³⁵.

Крестьянская жизнь в тридцатых годах XX в. была тяжелой. Партия и правительство все увеличивали сельхозналоги и нормы лесодобычи. В 1934 г., например, ыбские колхозы «Сталинец», «Им. Молотова», «Им. Ленина», «Им. Кагановича», «Им. XVII партсъезда» должны были сдать в госфонд 51 тонну хлеба. На полях трудились даже дети. Моя мать, Анна Михайловна Таскаева из ыбской деревни Погост, вспоминала, что нельзя было заниматься домашним огородом, пока не закончится колхозная страда. Председатель колхоза и бригадиры частенько ходили по домам колхозников и следили, не убирает ли кто-нибудь свой личный урожай во время колхозной страды. А зимой все выезжали на лесоповал. Коми республиканская газета «Вцрлэдзъсь» («Лесозаготовитель») писала об ыбском лесоучастке в 1934 г. как об отстающем. В лес выехало только 115 колхозников, из 130 единоличников рубят лес только 52, остальные до сих пор не заключили договор. В селе 12 кулаков, но ни один из них не работает в лесу. Кулаки А. П. Томов и Я. В. Томов из деревни Волокул агитируют против лесных работ. А «кулацкий агент, бездельник и симулянт, выгнанный из колхоза» С. И. Колегов

вообще ударил ножом ударника-лесоруба П. Ф. Сямтомова, когда тот попытался вытащить Колегова на лесоповал. Газета удивляется, что С. И. Колегов до сих пор на свободе³⁶.

Власть активно боролась с церковью, натравливала на нее молодежь. Много хулиганских выходок ыбские подростки совершили во время крестных ходов в Ёбе. Комсомольцы боролись с «опиумом народа» трудом. Газеты писали: «По случаю кулацко-поповской „масленицы“ ыбская комсомольская молодежная бригада взяла на себя дополнительные обязательства. Бригада перешла на хозрасчет»³⁷. В 1935 г. некто Уродов в газете «Вцрлэдзъсь» делился своими впечатлениями от антирелигиозной работы в Коми области: «Некоторые учителя полагают, что с закрытием церквей, с прекращением поповского пения, хождения в церковь антирелигиозная работа более не нужна. Это неверно. В наше время враждебные элементы проводят свою работу на новом фронте: проведение важных церковных праздников, усиление религиозных предрассудков. Во многих школах учащиеся во время религиозных праздников не ходят в школу, идут с родителями на праздник, где и сур и вино... В области много примеров, где учителя сами участвуют в религиозных праздниках... Систематическое пьянство учителей во время религиозных праздников (в Ёбе, Усть-Цильме, Летке) очень плохо влияет на учащихся». Уродов предлагал усилить антирелигиозную борьбу, делать больше докладов, организовать больше ячеек воинствующих безбожников, устраивать вечера безбожников, ставить спектакли, чтобы «все учащиеся ходили в школу во время церковных праздников... чтобы учащиеся не ходили в церковь, на посиделки»³⁸. В конце концов, во второй половине 1930-х гг. все ыбские церкви и часовни были закрыты.

Когда началась Великая Отечественная война, Таскаевы были вынуждены покинуть лесной хутор, вернуться в Ёль и вступить в колхоз им. В. М. Молотова. Лесной дом был продан в Сыктывкар. Дед устроился кустарем в колхозе, работал по найму, делал лыжи, корзины, валял валенки. Из хозяйства остались только одна корова и три овцы, остальное было продано или сдано в колхоз.

В годы войны Иван Павлович и Николай Павлович Таскаевы, мои дядя, погибли на фронте, защищая Отечество. Иван — в бою у д. Ларионов остров Киришского района Ленинградской области 27 декабря 1941 г., Николай пропал без вести в октябре 1943 г. под Киевом.

Мой отец Владимир Павлович Таскаев в 1950-е гг. служил в Германии, под Дрезденом, сначала писарем при штабе гвардейского танкового полка (как он сам вспоминал, взяли его в штаб исключительно ради красивого почерка), а потом шофером в том же полку.

В 1956 г. электричество пришло в ыбские дома, появилась своя колхозная электростанция. Отец устроился монтером на почте, познакомился и женился в 1959 г. на моей матери Анне Михайловне Поповой. Мать работала библиотекарем в Ёбе. В 1958 г. ыбская сельская библиотека была признана лучшей среди

сельских библиотек РСФСР.

Когда в середине 1950-х годов стали вновь открывать Ыбскую Вознесенскую церковь, Павел Титович Таскаев вошел в число т. н. «двадцатки» (религиозной общины), хотя особенно верующим человеком мой дед не был. В 1956 г. его выбрали членом ревизионной коллегии церковного совета. Ыбский сельсовет тут же пожаловался на деятельность «двадцатки» уполномоченному по делам религии при Совете министров Коми АССР: «Доводим до вашего сведения, что несмотря на ряд предупреждений церковная двадцатка Ибской церкви... продолжают по воскресным дням и другим религиозным праздникам совершать в церкви службу — собирают людей, молятся, поют, собирают деньги с прихожан... Ходят по деревням с агитацией среди отсталой части населения... с ходатайством об открытии церкви...»³⁹ Несмотря на противодействие сельсовета, в конце 1956 г. церковь в селе все же открылась. Это была одна из трех действующих православных церквей в Коми АССР в конце 1950-х - начале 1980-х гг.

В 1960 г. все колхозы в Коми АССР в одночасье стали совхозами, а колхозники превратились в рабочих. Сначала весь Ыб входил в совхоз «Сыктывкарский», но в 1964 г. образовали два отделения — «Ибское» и «Захаровское». В 1966 г. Ыб вошел в совхоз «Пажгинский». Тогда здесь производили самый дешевый картофель по Коми республике — 145 центнеров с одного гектара. В 1960-х гг. в ибских домах появилось телевидение. В 1970-1980-е гг. отец работал механизатором в совхозе. В 1978 г. Ыб вышел из совхоза «Пажгинский», возник совхоз «Ибский». Стали строить крупные фермы, в селе появилась асфальтированная дорога. Открылись сельская картинная галерея, краеведческий музей.

Дед умер в 1988 г. Отпевал его отец Трифон из Ыбской Вознесенской церкви (ныне настоятель Антониево-Сийского монастыря на Северной Двине).

Род Таскаевых продолжается, у нас с супругой Анной Степановной (урожденной Батиевой) родились сыновья Александр (1990) и Олег (1993).

¹ НА КНЦ. — Ф. 1. — Оп. 12. — Д. 33. — Л. 170.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Документы по истории народа коми (Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в.). — Сыктывкар, 1985. — С. 349.

⁵ Там же.

⁶ Там же. — С. 181—182.

⁷ НА КНЦ. — Ф. 1. — Оп. 12. — Д. 32. — Л. 339.

⁸ Документы по истории народа коми. — С. 179.

⁹ Там же. — С. 348—349.

¹⁰ Материалы по истории Европейского Севера СССР (Северный археографический сборник). — Вологда, 1970. — Вып. 1. — С. 468.

¹¹ Кленов М. В. Первые итоги раскопок городища Кармыльк // Памятники материальной культуры Европейского Северо-Востока (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока). — Сыктывкар, 1986. — Вып. 10. — С. 122.

¹² Материалы по истории Европейского Севера СССР. — С. 477.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. — Сыктывкар, 1981. — С. 59.

¹⁶ Мацук М. А. Крестьяне Коми края в конце XVII-XVIII вв. — М., 1990. — С. 64.

¹⁷ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X-начало XX в.). — М., 1982. — С. 104.

¹⁸ Полное собрание русских летописей (Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв.). — Л., 1982. — Т. 32. — С. 184.

¹⁹ Там же. — С. 188, 190.

²⁰ НАРК. — Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 125. — Л. 135об.-136.

²¹ Там же. — Ф. 343. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 517об.-518.

²² Там же. — Д. 15. — Л. 502об.

²³ Там же. — Д. 2. — Л. 153.

²⁴ Там же. — Ф. 234. — Оп. 1. — Д. 123. — Л. 9об.; Д. 125. — Л. 15об.

²⁵ Там же. — Д. 171. — Л. 5об.

²⁶ НА КНЦ. — Ф. 1. — Оп. 12. — Д. 33. — Л. 170.

²⁷ Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. — М., 1980. — С. 176.

²⁸ ГАВО. — Ф. 496. — Оп. 1. — Д. 8717. — Л. 24об.-26.

²⁹ Там же. — Д. 13409. — Л. 25-32.

³⁰ НАРК. — Ф. 535. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1об.

³¹ Там же. — Д. 19875. — Л. 92, 162.

³² НАРК. — Ф. 38. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 13об.

³³ Савин В. Избранное. — Сыктывкар, 1962. — С. 475.

³⁴ НАРК. — Ф. 719. — Оп. 1. — Д. 56. — Л. 129.

³⁵ Там же. — Ф. 103. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 1.

³⁶ Вцрлэдзысь. — 1934. — 20 октября.

³⁷ Там же. — 1932. — 5 марта.

³⁸ Там же. — 1935. — 5 января.

³⁹ НАРК. — Ф. 103. — Оп. 1. — Д. 287. — Л. 38.

Р. Г. Гарина (Вязники)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЯЗНИКОВСКИХ КУПЕЧЕСКИХ И МЕЩАНСКИХ СЕМЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Темы семьи, семейных взаимоотношений, традиций, быта всегда были постоянными темами исследовательской работы сотрудников Вязниковского историко-художественного музея. Составляя родословные отдельных вязниковских семей, мы стараемся описать историю семьи в длительный исторический период — с момента первого упоминания в документах и кончая

ее современностью. В течение нескольких лет я стараюсь проследить представителей старых вязниковских фамилий, которые остались в нашем крае, или, наоборот, в силу разных причин уехали, покинули наши места навсегда. И, наконец, меня интересуют те вязниковские семьи, которые не так давно (в начале XX века, в переломную эпоху или в середине прошлого века,

во время Великой Отечественной войны) появились и обосновались в нашем городе и районе, довольно прочно заняв место старых вязниковцев. Постоянно ведется картотека тех и других.

Сегодня я буду вести речь о нескольких вязниковских семьях. Работа над родословной одной из них — мецан г. Вязники Пономаревых — ведется сейчас. Другие — старые купеческие семьи в нескольких поколениях. Как и большинство вязниковских купцов, это так называемые бывшие «капиталисты», бывшие помещичьи крестьяне Богоявленской слободы (Мстера), крепостные владельцев Мстеры графов Паниных — Демидовы и Сеньковы. В 1990 г. наш город посетила гражданка Италии, дочь эмигранта первой волны С. И. Сенькова, Лидия Сергеевна Сенькова-Чеккини. Она приехала в Ленинград по приглашению своей младшей сестры Варвары Сергеевны Рушневской впервые с 1924 г. Лидии Сергеевне было уже восемьдесят семь лет. Двадцатилетней девушкой вместе с отцом она покинула Россию и уехала сначала в Германию, а затем в Италию. В 1990 г., побывав в Ленинграде, а затем в Москве, она буквально на один день вырвалась в Вязники. Ее встретил коллектив Вязниковского краеведческого музея во главе с директором Т. А. Субботиной. Мы сопровождали ее по городу, по тем местам, где она жила в детские и юные годы. Маленького роста, худощавая, внешне похожая на своего отца, она бродила по родным местам, вспоминала, рассказала нам много интересного, показала расположение комнат в своем родном доме (позже в нем был фабричный клуб). С этой незабываемой встречи все и началось. Лидия Сергеевна мечтала вновь приехать в Вязники, но это не осуществилось. Она умерла в Италии, в Рапалло, в городе, который стал ей родным, в 1997 г. в возрасте девяноста четырех лет. На нашей выставке «Из истории семьи Сеньковых» есть письмо Л. С. Чеккини, написанное и присланное нам в 1993 г., в год ее девяностолетия, которое она написала на русском языке и благодарила сотрудников музея за поздравление ее с юбилеем. Мы подарили Лидии Сергеевне фотографию ее матери Марии Васильевны Балясовой, найденную нами в Вязниках, но которой у Сеньковых в Италии не было.

В 1990-2000-е гг. музей посещали дети Лидии Сергеевны — Людмила и Роберто Чеккини и ее племянник Гераклит Максимилианович Сеньков (ныне живет в Минске, по образованию химик, кандидат наук. Последние несколько лет не работает). Младшие Сеньковы обратились к работникам музея с просьбой о составлении родословной Сеньковых. В имеющихся в архиве нашего музея «Выписках из синодика Сеньковых», сделанных еще в 1930-м г. известным вязниковским краеведом С. И. Змиевым, указано, что Сеньковы не были коренными жителями нашего края: «Быв будто предки наши города Вышнего Волочка Новгородской губернии поселены в Богоявленской слободе, Мстере тож, Вязниковского уезда. В какое время перешли из Вышнего Волочка, может тогда, когда было военное время, были за графом Петром Ивановичем Паниным, потом

1797 г. в приданстве за Паниной к Тутолмину»¹. В приложении (Писцовые книги слободы Мстеры) И. А. Гольшева «Богоявленская слобода Мстера. История ее, древности, статистика и этнография»² высказано мнение, что впервые Сеньковы упоминаются как жители Мстеры в 1628 г. Видимо, они появились в нашем крае во время польско-шведской интервенции, как это было неоднократно в те годы. Постепенно, в ходе работы с метрическими книгами вязниковского Казанского собора и документами архива Вязниковского загса, копиями и выписками из документов Владимирского областного архива, переданными в музей краеведом А. Д. Тельчаровым, сделанными им при написании книги «Вязники» в 1990-е гг., встреч с Сеньковыми, передавшими нам дневник С. И. Сенькова и фотографии, было составлено родословное древо. Работа, видимо, будет продолжена. В начале апреля в музей вновь позвонили из Москвы. На сей раз звонил очень дальний родственник Сеньковых, представившийся как правнук племянницы жены С. И. Сенькова Ольги Андреевны.

Производство, предпринимательство и торговля — это, конечно, основа жизни и деятельности купцов Сеньковых. Но нас интересуют многие скрытые стороны характера их деятельности. Уже сейчас ясно, что Сергей Иванович не был ординарной личностью, он был талантлив во всем. Оставшись восемнадцатилетним юношей без отца, который погиб в 1866 г. в возрасте сорока пяти лет во время строительства нового корпуса фабрики и похоронен на Покровском кладбище г. Вязники, Сергей Иванович смог твердо встать на ноги, заменить отца в предпринимательской деятельности, успешно продолжить его дело. Он известен как разносторонне развитой человек, имевший большую прекрасную библиотеку, в т. ч. книги на французском, немецком, финском языках (часть их хранится в библиотеке нашего музея). Он, единственный из вязниковских предпринимателей, имел картинную галерею, «вязниковскую Третьяковку». С. И. Сеньков во многом был первым, единственным в своем роде, уникальным. Одним из первых в нашем крае в 1873 г. он открыл фабричное начальное училище для рабочих³, первый во Владимирской губернии в 1888 г. открыл фабричную библиотеку⁴, сделав ее доступной не только для рабочих фабрики и членов их семей, но, что особенно важно, для вязниковцев за одиннадцать лет до открытия городской бесплатной читальни и за двенадцать лет — городской общественной библиотеки. В 1918 г. С. И. Сеньков обратился в Главмузей в отдел по охране памятников искусства и художественных собраний старины при Комиссариате народного просвещения с заявлением: «Прошу выдать охранную грамоту на мое собрание картин (35 картин), — и далее, — просьба моя вызвана необходимостью охранять в порядке от порчи и гибели мое собрание, чтобы оно было 1-ым камнем Вязниковского музея»⁵. Таким образом, его картины стали первыми и, без преувеличения можно сказать, главными экспонатами нашего музея. Впо-

следствии они были дополнены другими картинами его коллекции после отъезда Сергея Ивановича за границу. В 1924 г. Сеньков, не уезжавший из Советской России в надежде на падение советской власти, все-таки покинул родину навсегда.

В 1918 г. в одном из домов Сенькова разместились уездный исполком; мебель, фарфор и другие предметы обихода было предложено взять в фонды будущего музея. Они и сейчас являются украшением нашей коллекции.

Семья Сеньковых распалась. Остались на родине сыновья Сергей Иванович Иван и Максимилиан, дочь Варвара. Максимилиан стал офицером РККА, но в 1936 г. был репрессирован и впоследствии расстрелян. В новую историческую реальность дети Сенькова вписаться не смогли. В 1926 г. в Италию уехала старшая дочь Сенькова Людмила с сыном Львом. Семье Сеньковых было присуще чувство патриотизма. Как вспоминают Сеньковы, в годы второй мировой войны, когда была объявлена мобилизация, внук Сергея Ивановича Лев отказался вступать в армию Муссолини. Своим Лев сказал, что он русский и воевать против России не будет, ушел в Сопротивление, стал членом итальянской компартии. После войны вместе с матерью мечтал вернуться на родину, но по совету друзей в 1949 г. уехал в ГДР и лишь в середине 1950-х гг. вернулся на родину. Поселиться в Вязниках Людмиле Сергеевне и Льву Николаевичу не разрешили, они вынуждены были уехать в Самарканд, прожили там до 1963 г. Людмила Сергеевна мечтала вернуться в родные места. В 1960-е гг. им разрешили приехать сюда, но дали возможность проживать не в Вязниках, а в двенадцати километрах от города, в деревне Бурино. Там мать и сын с семьей прожили оставшиеся годы жизни и оба похоронены. Жена Льва Николаевича Наталья Арсентьевна, пока она была жива, посещала их могилы, ухаживала за ними.

Составив родословное древо Сеньковых, мы получили благодарность семьи Сеньковых, внуков С. И. Сенькова. Все они неоднократно приезжали в Вязники. В один из таких приездов Людмила Чеккини, обозревая с Венца, возвышенного места Вязников, панораму города, говорила, что ее всегда тянуло к реке, хотя Рапалло стоит на море. Это потому, что мама (Лидия Сергеевна) в Италии всегда рассказывала ей о Клязьме. В шестьдесят с лишним лет она стала студенткой Генуэзского университета, в 1998 г. его окончила, защитив диплом на тему «История одной семьи: Сеньковы»⁶, в котором использовала материалы нашего музея. Вязниковцы были приглашены в Италию и присутствовали на защите диплома.

На протяжении нескольких поколений мы видим проявление присущего членам этой семьи патриотизма. Нынешнее поколение Сеньковых вновь и вновь приезжает в Вязники, в те места, где многие годы жили их предки. В память о том, что картины С. И. Сенькова легли в основу Вязниковского краеведческого музея,

уже много лет существует выставка «Из истории семьи Сеньковых». В 2004 г. она пополнилась картиной итальянской художницы Лучаны Конти, написанной ей в Рапалло, городе, ставшем последним прибежищем С. И. Сенькова. На ней набережная, на которой Сергей Иванович любил бывать, отдыхал в последние годы жизни († 1934). Здесь он и похоронен, фотографию надгробного памятника нам передала Л. Чеккини. Там же, рядом с Сергеем Ивановичем, похоронена ее мать, Лидия Сергеевна Сенькова-Чеккини.

Когда говорят и пишут о купцах, владельцах наших крупнейших фабрик второй половины XIX-начала XX вв. — Сеньковых—Демидовых—Елизаровых, прежде и больше всего отмечают их большую роль в превращении Вязников и Вязниковского уезда в один из центров льнокачества в России. Признанием роли вязниковской льнопромышленности и вязниковских промышленников, в частности, стало в условиях военной разрухи и для спасения этой отрасли учреждение Товарищества на паях «Лен» в марте 1917 г. В примечании к его Уставу было указано: «Учредители Товарищества: мануфактур советник Александр Васильевич Демидов и потомственный почетный гражданин Андрей Васильевич Демидов»⁷. Это были последние представители рода Демидовых, которые в течение почти столетия были самыми значительными из вязниковских фабрикантов, владельцами трех крупнейших фабрик в нашем крае в XIX-XX столетиях. Выходящие из мстерских крепостных крестьян графов Паниных, они во многом повторили, а впоследствии и разделили судьбу Сеньковых, с которыми состояли в родстве. В отличие от Сеньковых, Демидовы, по-видимому, были коренными жителями Богоявленской слободы и с XVII в. были сторонниками старой веры, отвергшими церковные преобразования Никона. Метрическая церковная книга мстерской Троицкой единоверческой церкви за 1855 г. сообщает о переходе Василия Федоровича Демидова и членов его семьи из поморской секты в православие, в число прихожан мстерской Троицкой единоверческой церкви. Потомки этого рода, проживающие в Москве, обратились в Вязниковский музей с просьбой помочь им в составлении родословной, что мы и сделали. В Вязники неоднократно приезжали племянники Александра, Николая и Андрея Васильевичей Демидовых — Марина Сергеевна Мартынова-Савченко и Всеволод Саблин. Результатом нашей совместной работы мы можем считать книгу московского тележурналиста М. С. Мартыновой-Савченко «Осколки времени. Из истории одной семьи». Учитывая ту роль, которую когда-то Демидовы играли в нашей истории, мы сделали выставку о Демидовых.

В 1999 г. в нашем музее была открыта еще одна подобная выставка, также явившаяся итогом длительной исследовательской работы музея и вязниковца — потомка многочисленного в нашем крае рода священнослужителей-учителей-врачей Сипетровых—Авроровых—Вигилянских—Нарбековых. Потомок этого рода, проживающий в нашем городе, Лев Валерь-

янович Вигилянский, с которым мы работали совместно, был экскурсоводом при открытии выставки. 14 апреля в музей позвонили из Владимира Антоновы — потомки Михаила Ивановича Скипетрова, которые независимо от нас два года занимались изучением истории этого рода. Летом состоится наша встреча с потомками священника М. И. Скипетрова, что пополнит известную нам информацию. В настоящее время сотрудники Вязниковского историко-художественного музея ведут большую работу по составлению родословной старой вязниковской мещанской семьи Пономаревых. В 2007 г. в Вязники из Пятигорска приехал потомок старой вязниковской семьи Пономаревых, офицер ФСБ, Павел Евгеньевич Манджеголадзе. Он сделал это по просьбе своей матери Марии Михайловны Пономаревой-Манджеголадзе, ныне проживающей в Ставропольском крае, покинувшей Вязники в конце 1920-х гг. со своей матерью, братьями и сестрами после смерти отца Михаила Ивановича Пономарева. Все эти годы Мария Михайловна помнила о своей малой родине, о Вязниках, об улице Городецкие Дворики, которая ныне называется Профессиональный переулок. Мы, побывав на этой улице, не смогли найти их дома и сфотографировать его, чтобы фото послать в Пятигорск. Причина в том, что нет не только этого дома, но и целой стороны бывшей улицы Городецкие Дворики. В конце 1920-х-1930-е гг. строившаяся фабрика «Свободный Пролетарий» поглотила эту территорию.

Причину отъезда семьи Пономаревых нам еще предстоит выяснить. Фамилию Пономаревых в XX столетии носили многие вязниковцы, и все они состояли в близком или дальнем родстве. Почти год мы работаем над составлением родословного древа Пономаревых, появляются все новые его ветви и веточки. Мы исследовали материалы метрических книг вязниковских Троицкой и Введенской церквей с 1880-х гг., хранившихся в архиве нашего загса, документы вязниковского загса 1920-1960-х гг., обывательские книги из фондов музея и библиотеки музея. В настоящий момент начинаем работу с метрическими книгами вязниковских церквей во Владимирском областном архиве. Мы прошли с фотоаппаратом по улицам нашего города, по тем адресам проживания Пономаревых, которые упоминаются в документах 1920-1960-х гг. Мы установили, что Пономаревых почти не осталось в нашем городе. Многие из них или умерли, или уехали из города. Просмотрев «Книгу Памяти», мы нашли, что там упоминаются трое Пономаревых, призванных в армию в 1941 г.: Александр Михайлович (1923-1942) погиб при защите Ленинграда и там же похоронен; Сергей Алексеевич (1899-1942) погиб при защите Сталинграда и похоронен в балке Солдатской Сталинградской области; Алексей Сергеевич, рядовой, погиб в июле 1942 г. и похоронен в деревне Касимовка Смоленской области. В ходе исследования составляются картотека и родословная.

¹ Змиев С. И. Выписки из синодика Сеньковых // Архив Вязниковского историко-художественного музея. — Р. 2. — Д. 2. — Л. 1.

² Гольщев И. А. Богдавленская слобода Мстера. История ее, древности, статистика и этнография. — Владимир, 1865. — С. 108.

³ Журналы чрезвычайного и очередного Вязниковского уездного земских собраний 1910 г. — Владимир, 1910. — С. 189.

⁴ Распоряжение Влад. губернатора вязник. уездному исправнику 01.12.1888 г. об открытии при фабричной школе С. И. Сенькова библиотеки // ГАВО. — Ф. 990. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 4.

⁵ ОР РГБ. — Ф. 670. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 1-2.

⁶ Архив Вязниковского историко-художественного музея. — Р. 2. — Д. 129.

⁷ Устав Товарищества на паях «Лен». — Вязники, 1917. — С. 3.

А. М. Лебедева (Александров)

ТРАДИЦИИ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОДУ ПЕРВУШИНЫХ—СЕМЕНОВЫХ—ГОЛОВКИНЫХ (НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПИСЕМ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ)

В конце декабря 1998 г. директору музея, Евгению Николаевичу Усанову, позвонила московская художница Лия Владимировна Хинштейн и сообщила, что, у ее знакомой, Елизаветы Владимировны Можуховской, есть альбом с фотографиями членов семьи Первушина и усадьбы, в которой сейчас располагается Александровский художественный музей. Вероятно, семья Можуховских состояла в родстве с семьей Первушина.

Встреча с Елизаветой Владимировной была назначена на 8 января 1999 г. Состоялась она в ее московской квартире, где хранились картины, книги, старинная мебель и бесценные для музея фотоальбомы,

россыпи фотографий, письма и другие документы. На фотографиях дореволюционного периода сразу можно было узнать самого Алексея Михайловича Первушина и усадьбу. Было несколько дубликатов тех фотографий, которые ранее подарила музею Марина Николаевна Первушина — внучка Алексея Михайловича, дочь его сына Николая. В родственных отношениях с Первушиными Елизавета Владимировна (урожденная Головкина) состояла через бабушку по маминной линии, Елизавету Сергеевну Семенову (1887-1905, урожденная Мешкова), которая была замужем за Василием Александровичем Семеновым, братом Клавдии Александр-

ровны Семеновой — жены Алексея Михайловича.

Показав огромное количество фотографий, Елизавета Владимировна обещала подготовить родословную своей линии Головкины—Семеновы—Мешковы.

Следующая встреча состоялась 18 января 1999 г. в присутствии ученого секретаря музея Светланы Викторовны Волковой. Елизавета Владимировна прокомментировала те фотографии, которые она знала, и передала на временное хранение часть альбомов и фотографий. Сказала, что у нее есть еще «кое-что» и предоставила родословную по линии своей мамы. Е. Н. Усанов и С. В. Волкова занялись изучением полученных фотоматериалов, в результате чего ими была написана научно-исследовательская работа «Атрибуция фотоматериалов из семьи Е. В. Можуховской».

Главные направления исследования:

1. Составление перечня новых фотографий, имеющих отношение к усадьбе А. М. Первушина.
2. Расширение списка круга родных и знакомых.
3. Первичная атрибуция фотографий.
4. Систематизация.
5. Датировка.

Объектом изучения были двести восемьдесят восемь фотографий, с которых были сделаны ксерокопии. С предоставленных снимков фотокопии выполнил А. П. Казаков; они хранятся в отдельном альбоме в Александровском художественном музее.

Подлинные фотоматериалы были возвращены. Часть из них отражала жизнь семьи А. М. Первушина в г. Александрове, другая часть — отдых в Крыму семей Первушиных, Семеновых, Мешковых, Головкиных. Часть фотографий отражала пребывание в г. Москве. Семейный архив Елизавета Владимировна постепенно систематизировала.

В 2000 г. архивные материалы заинтересовали ее дочь Анну Михайловну, и она начала работать над циклом изданий «Заметки на полях серебряного века». Были изданы две книги: «Дневник гимназистки 1911–1917» и «На пороге ночи». При этом она использовала дневниковые записи дореволюционного периода Анны Васильевны Семеновы (ее бабушки) и Владимира Алексеевича Головкина (дедушки). Ею были сделаны и некоторые открытия, среди которых два рисунка, выполненных Андреем Дмитриевичем Гончаровым (1903–1979). На одном рисунке изображена Анна Васильевна Головкина, на другом — Владимир Алексеевич Головкин. В процессе работы все материалы неоднократно перемещались. По состоянию здоровья Елизавета Владимировна уже не могла заниматься архивом, его систематизацию завершила Анна Михайловна. Елизавета Владимировна Можуховская ушла из жизни в 2005 г. Часть наследия была взята на память родственниками, часть Анной Михайловной была передана «Музею личных коллекций».

18 февраля 2006 г. по достигнутой договоренности с Анной Михайловной часть материалов, согласно

акту передачи на временное хранение, было разрешено увезти для последующего оформления в дар Александровскому художественному музею.

В акте обозначены шестнадцать пунктов по принципу принадлежности документов членам семьи Семеновых. С Анной Михайловной было согласовано возможное перемещение документов из одного раздела в другой, т. к. некоторые подборки требовали тщательного изучения в связи с тем, что их систематизация была весьма условна. Первоочередная задача заключалась в предварительном знакомстве с предлагаемой частью архива, связанной с Первушинами, Семеновыми, Головкиными (фото, письма, документы, рукописи, дневники), затем следовало произвести систематизацию всех материалов.

Первичной обработкой архива занималась научный сотрудник архивно-библиотечного отдела Н. Н. Романова, затем работу продолжила автор данного исследования. Материалам, переданным в дар музею Анной Михайловной Можуховской, было дано наименование «Фонд Можуховских» под номером двадцать семь. Фонд включает в себя четыре основных раздела, в которые входят тридцать пять дел. Каждое дело состоит из входящих в него описанных документов. Всего в «Архиве Можуховских» описана и зафиксирована одна тысяча триста сорок пять единиц хранения; листов различных документов — три тысячи семьсот восемьдесят три; листов описи — четыреста двадцать семь.

Раздел первый (опись 1) — содержит фотографии и фотоальбомы Первушиных, Семеновых и их родственников, письма и открытки Василия Александровича Семенова за период 1878–1947 гг.

Раздел второй (опись 2) — содержит брошюры, сборники нот (песен, романсов, вальсов) дореволюционных и советских авторов.

Раздел третий (опись 3) — содержит рабочие материалы к книгам «Дневник гимназистки», «Дневник Анны Семеновы», «На пороге ночи»; дневник, документы, стихи, письма, записные книжки; дневниковые записи (1880–1881) Анны Васильевны Семеновы; письма, статьи (1926–1934), фотографии, справки Александра Васильевича Семенова; альбом с рисунками воспитанников детского сада им. Я. М. Свердлова г. Москвы (1942), документы, фотографии, дневник, награды Веры Васильевны Семеновы; документы, письма, открытки, фотографии, награды Варвары Васильевны Семеновы.

Раздел четвертый (опись 4) — содержит рукописные материалы Владимира Александровича Головкина. Журналы «Заря», «К спорту» 1912–1913 гг., роман «Женщина в черном», заметки «На пороге серебряного века» и т. д.; письма дочери Лизе, жене Анне и другие; справки, удостоверения, документы по бракосочетанию; письма: Зинаиды, Сергея, Николая, Алексея Михайловича Первушиных; фотографии черно-белые любительские подлинные Семеновых, Первушиных, Головкиных; виды усадьбы, парка, города и другие.

Поскольку «Архив Можуховских» включает в себя родословную Анны Михайловны Можуховской, ее близких и дальних родственников, в разделы включены различные материалы, относящиеся к определенной ветви рода: Можуховские, Головкины, Семеновы, Мешковы, Первушины.

Презентация архива состоялась в парадном зале особняка Первушиных 11 апреля 2006 г.

В «Архиве Можуховских» имеются уникальные фотографии, относящиеся к дореволюционному периоду и имеющие большое значение для изучения истории города, усадьбы и родословной Алексея Михайловича Первушина. Они дают представление о парке. На фотографиях видны аллеи, дорожки, цветники, зоны отдыха, скамейки, гамаки, беседки. На фото 1914 г. видны новые посадки и спуск на нижнюю территорию — пойму реки Серой. Из всего этого следует, что парк Первушина спланирован по образу и подобию крупнейших усадебно-парковых ансамблей.

Имеется ряд фотографий, на которых изображена семья А. М. Первушина в парке, а также вид усадьбы до 1913 г. и позже. Много фотографий на тему «В гостях у Первушиных».

Алексей Михайлович Первушин, купец второй гильдии (1833—1902) — оставил интересные свидетельства. Из его дневника: «Иван Федорович Баранов (1807—1848) купец первой гильдии, меценат, Александровский Городской голова, принял меня мальчика бедного, круглого сироту, нищего. Ты Господи Видеши, благодарю Тебя Господи! Как я рад был тогда, что поступил с купоросных щей на хороший хлеб, щи да кашу грешневую». В семье Ивана Федоровича Баранова Алексей Михайлович получил хорошее воспитание и, предположительно, частное образование.

Трудом, верой и служением отечеству Алексей Михайлович, накопив соответствующий капитал, в 1874 г. входит в «Товарищество на паях мануфактур Барановых» — крупных предпринимателей, имевших фабрики в городе и уезде. К этому времени ему уже за сорок лет. Он основательно готовится к будущей семейной жизни. 24 мая 1873 г., перед Троицыным днем, он закладывает строительство двухэтажного дома. Молодец служил протоиерей Василий Петров. 2 февраля 1878 г., в день Сретения Божьей матери, происходит помолвка с Клавдией Александровной Семеновой. Бракосочетание состоялось 12 февраля 1878 г., в день святого Алексея митрополита Московского и день празднования Иверской Божьей матери в Москве на Пятницкой в церкви Черниговских чудотворцев. Супруга, Клавдия Александровна, была на двадцать шесть лет моложе Алексея Михайловича. Отец ее, Александр Иосифович Семенов, купец первой гильдии — бывший городской голова, почетный мировой судья города Александрова. Воспитание получил домашнее, образование частное. Мать — Александра Михайловна (урожденная Глинская). Как складывались отношения между Клавдией Александровной и Алексеем Михай-

ловичем, можно судить по двум письмам, имеющимся в «Архиве Можуховских», от Алексея Михайловича Александре Михайловне (маме жены). По роду службы Алексей Михайлович часто отсутствовал дома.

В конце августа 1878 г. Клавдия Александровна приезжает к мужу на Нижегородскую ярмарку. Алексей Михайлович пишет Александре Михайловне: «Любезная мамаша, Александра Михайловна! Я и Клавдия желаем Вам здоровья и благополучия. Жонка моя здесь под шумок спит до десяти и до одиннадцати часов утра... Приехала жонка, давай катать в одну оглоблю на вороньих лошадях, делать нечего, расходы пошли... С почтением и преданностью. Имею честь быть к Вам. Искренне любящий Вас. Ваш сын, Ваш Алексей Первушин».

У Алексея Михайловича и Клавдии Александровны при общей радости с сочувствием родных и знакомых в 1880 г. родился первенец — сын Николай. 1 ноября 1880 г. в соборе в приделе святого Николая его крестили. В 1881 г. в январе, в честь рождения сына Николая, в Карабаново при церкви, освященной крестным ходом, открыта богадельня для престарелых служащих на двадцать четыре кровати — двенадцать мужчин и двенадцать женщин.

9 апреля 1888 г. в день похвалы Богородицы родился второй сын Сергей, которого крестили в соборе. В честь рождения сына Сергея Алексей Михайлович передает 300 рублей на стипендию Ивану Петровичу Побединскому, за что получена квитанция из городской управы.

В июне 1888 г. город Александров посетил Сербский митрополит Михаил, из Успенского монастыря удостоился посещением Алексея Михайловича. Благословил всю его семью и дом. Пробыл всего полчаса, выпил бокал шампанского. В шесть часов вечера выехал из Александрова в Троицко-Сергиеву лавру.

Подрастал старший сын, за ним второй, нужно было думать об их образовании. Алексей Михайлович принимает решение — переезжать в Москву. Там велись все торговые дела, да и только в Москве можно было дать, кроме образования, и соответствующее воспитание. Так поступали многие купеческие семьи того времени. Дом в Александрове решено оставить на попечение родных. Он будет использован как загородная дача. В 1891 г. в сентябре семья Первушиных переезжает в Москву, сняв квартиру на Малой Молчановке, в доме Трубкина. В 1894 г. переезжают на новую квартиру (Патриаршие пруды, дом Вишнякова).

5 октября 1893 г. в Москве родилась дочь Зинаида. Крестил ее священник Михаил Матвеевич Добров в церкви Ржевской Божьей матери. В честь рождения дочери и «благодарность Господу Богу» за пятидесятилетнюю службу у Барановых в декабре 1893 г. в Александрове Алексеем Михайловичем «дарована Риза Серебряная и возвенчена в Соборе на Божию Матерь Благодатное небо в приделе Михаила Архангела, с левой стороны Царских Ворот,

стоимостью 800 рублей». В 1902 г., 17 апреля, Алексей Михайлович за свой честный долготелый труд, и за то, что он из тех русских купцов, чье слово (вспомним А. Н. Островского) было как документ — дорожке векселя, — награжден и возведен в потомственного Почетного гражданина.

Традицией для семьи Алексея Михайловича было встречать гостей из семьи Барановых, Мамонтовых. По вечерам дети музицировали в главной комнате на втором этаже. Традиционным было посещение дома купцов-предпринимателей.

Об участии Алексея Михайловича в воспитании детей можно судить по воспоминаниям его дочери Зинаиды Алексеевны. После Великой Отечественной войны, помогая воспитывать девочку Ирину (Эльвиру) Алексеевну Грекову, она писала ей 1 января 1949 г.: «Вспомнила я моего папу, он прожил честно свою жизнь и дал мне несколько наставлений. Вот я и хочу их передать тебе. „Пусть правда всегда у тебя торжествует над всем, правда всегда возьмет верх. И пусть в жизни самым главным для тебя судьей будет твоя собственная совесть. Вечером разбирай свои поступки за день...» Вот такое жизненное кредо Алексея Михайловича и было примером своим детям. Примером веры в Господа Бога, высокой требовательности к себе, уважительному отношению к людям, служению Отечеству. Он не оставляет детям дом в Москве, но оставляет им свой дом на своей родине. Дом и сад. На память о своих предках и чтобы хранил их Бог, оставляет им семейную реликвию — большой крест, который должен храниться только у рода Первушиных.

Ирина Алексеевна Грекова, в воспитании и образовании которой принимала участие семья профессора-орденоносца В. Н. Степанова (мужа Зинаиды Первушиной), написала воспоминания о ней, передала в дар музею фотографии, письма Зинаиды Алексеевны и некоторые предметы. Со слов Е. В. Можуховской, Зинаида Алексеевна окончила искусствоведческий факультет МГУ. До войны работала в Историческом музее, ездила в археологические экспедиции. Вышла замуж за Владимира Алексеевича Степанова. Жили в коммуналке. Своих детей не имели. Рядом с ними проживали брат и сестра — Борис и Тамара Петровы. Борис был им как родной сын. Он поступил в энергетический институт, где преподавал Владимир Николаевич. Он стал знаменитым человеком, работал в области космонавтики, был первым председателем Интеркосмоса, о нем написана книга. Зинаида Алексеевна, выйдя замуж, не работала. Всю свою жизнь посвятила мужу, который вел большую научную работу и занимался преподавательской деятельностью. У них в доме была прекрасная библиотека по искусству, археологии, литературе, музыке. Ее любимым композитором был С. С. Рахманинов. Библиотеку она хотела передать своей племяннице Елизавете Владимировне Можуховской.

Николай Алексеевич Первушин получил аттестат зрелости, окончив 1-ю Московскую гимназию

на «4» и «5». Изучал три языка: латинский, греческий, немецкий. В 1900 г. зачислен студентом Императорского Московского университета, подвергся испытанию по богословию. В 1906 г. Николай окончил естественное отделение физико-математического факультета. Его жена Софья Андреевна — библиотекарь. От брака Николая и Софьи родились Марина (1920; ее муж — Есанов Петр Алексеевич, 1911-1987) и Анастасия.

Сергей Алексеевич Первушин в 1906 г. окончил 5-ю Московскую гимназию с золотой медалью. В августе 1906 г. зачислен на юридический факультет Императорского Московского университета. С успехом заканчивает его в 1910 г. и получает диплом Первой степени со знанием английского, французского, немецкого языков. В 1912 г. преподает в Мариинском училище. В 1940 г. получает диплом кандидата геолого-минералогических наук. В 1945 г. — аттестат профессора по кафедре советского права. Преподавал в Институте стали и сплавов. Написал более девяноста научных трудов и статей, кроме того, С. А. Первушин является автором более тридцати годовых и квартальных обзоров конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923-1930 г., которые опубликованы в журнале «Экономическое обозрение». Общий научно-педагогический стаж сорок пять лет. Имеет правительственные награды — медали «За трудовое отличие» (1944), «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «В память 800-летия Москвы» (1949). Женат, детей не было.

Семья Алексея Михайловича Первушина по линии жены Клавдии Александровны Семеновой тесно связана родственными узами с семьями Василия Александровича Семенова, Сергея Семеновича Мешкова, Владимира Алексеевича Головкина.

Василий Александрович Семенов, 1861 года рождения — сын купца первой гильдии Александра Иосифовича Семенова (бывшего городского головы г. Александрова). Мать — Александра Михайловна (урожденная Глинская). Сестры: Мария, Клавдия, Вера, Татьяна. Брат Александр по отцу.

В. А. Семенов получил хорошее воспитание, окончил 1-ю Московскую гимназию, Московский университет (юридический факультет), работал бухгалтером у Барановых. Обвенчан в 1893 г. с Елизаветой Сергеевной Мешковой. У них в 1894 г. родилась дочь Анна, в 1896 г. — сын Александр, в 1897 г. — дочь Варя, 1898 г. — дочь Вера.

Сергей Семенович Мешков (род. 1817) — купец. Прожил пятнадцать лет во Владимире. Остальные годы с семьей жил в Москве на ул. Донской. «Имел роскошный двухэтажный очень уютный дом. На втором этаже в белом зале — большой рояль, гостиная — в стиле рокко. Столовая в готическом стиле, комната для детей... Я очень любила своего дедушку, он был талантливый человек» (из воспоминаний Анны Васильевны Семеновой).

Жена — Анна Васильевна Мешкова (урожд-

денная Глинская). Дети: Вера, Елена, Елизавета. Дети получили хорошее воспитание и образование. Дочь Елизавета — красивая, как с картины Рафаэля, добрая, мать четверых детей. Музыцировала, пела и детей учила (из воспоминаний дочери Вареньки).

Владимир Алексеевич Головкин (род. 1895) — сын Алексея Алексеевича Головкина — заводчик. Имел москательную фабрику. Жил с семьей в Москве в красивом каменном особняке (Ипатьевский переулок, д. 10). Мать — Мария Александровна Головкина (урожденная Константинова), сестра — Мария Алексеевна, брат — Николай Алексеевич.

Владимир Алексеевич Головкин (из автобиографии) родился в Москве, окончил 1-ю Московскую гимназию и поступил в университет на юридический факультет, который не окончил. В 1916 г. был взят на военную службу. В 1917 г. в мае месяце он венчается с Анной Васильевной Семеновой. Сразу же уезжают отдыхать в Крым. Это был союз двух влюбленных сердец. Первенец — сын Александр, родился в 1918 г., сын Владимир — в 1919 г., дочь Елизавета — в 1921 г.

В начале XX в. образуется новое поколение семей, родственных между собой, у которых, в силу коренных изменений в государственном управлении, возникнут свои традиции. Это поколение росло и развивалось в дореволюционное время, получив хорошее воспитание и образование. Свой досуг проводили интересно. Традиционно в усадьбе Первушиных в городе Александрове и в доме Мешковых в Москве по вечерам собирались, ставили спектакли по сценариям В. А. Головкина (Штраус), слушали музыку С. Рахманинова, Э. Грига, Э. С. Колмановского, читали стихи. Музыцировали Зинаида Первушина, Анна Головкина.

Отношения поколений поддерживались письмами. Письма очень лаконичные. Уважительное обращение. Проявление любви, интереса ко всем сторонам жизни, забота о здоровье. Письма писали часто, можно сказать, что жили письмами. Из них узнаем об их духовных ценностях. В письмах революционного периода, времени репрессий и Великой Отечественной войны нет никакой растерянности. Они приняли все трудности жизни страны, в которой родились. В письмах появились новые традиции: поздравления с праздником Великого Октября, с Днем Победы, Международным днем 8 Марта, Днем международной солидарности трудящихся — 1 Мая; Днем Победы — особенно.

Александр Васильевич Семенов (р. 1896) — брат Анны Васильевны, окончил юридический факультет МГУ в 1918 г. Работал в издательстве «Энциклопедический словарь братьев Гранат». 1 сентября 1930 г. был арестован по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности, заключен в концлагерь сроком на десять лет. Участвовал в строительстве Беломорканала. Писал очерки. В годы Великой Отечественной

войны попросился добровольцем на фронт. В 1943 г. пропал без вести. 19 апреля 1989 г. реабилитирован (3 ноября 2000 г. был дан ответ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации на заявление А. М. Можуховской от 27 июля 2000 г.).

Елизавета Владимировна Головкина (род. 1921) в годы Великой Отечественной войны зенитчицей прошла от Сталинграда до Риги, где встретила День Победы. Ее письма с фронта своей любимой маме Анне Васильевне полны любви, заботы, уважения; в них нет никаких жалоб на те страхи, через которые она прошла во время бомбардировки фашистами. Вот одно из писем, которое она написала: «Перед моими глазами стоит твое милое дорогое лицо с выражением глубокой печали и растерянности. Меня лишь манила новая неизвестная мне жизнь, самостоятельная, в моей фантазии, полная героизма и самопожертвования. И вот я вырвалась из-под материнского крылышка первый раз в жизни. Но никакие внешние течения, встреченные мною на новом пути не могут поколебать во мне традиций и порядков, вошедших в мою плоть и кровь в период моего воспитания в семье, в той демократической и строго дисциплинированной семье». Из этого письма можно сделать вывод, что все поколения Первушиных прошли через традиции и порядки, которые воспитали в них такой характер («обширно выработанную силу воли»), благодаря чему они спокойно вошли в новую, совершенно отличную от прежней, жизнь. Каждый из них занял достойное место в тяжелые годы жизни страны.

В 1945 г. Елизавета Владимировна поступила в Московский Государственный университет, в 1950 окончила филфак. В 1975 г. Е. В. Можуховской присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». С 1976 г. она член Союза художников СССР, с 1984 г. — член Союза журналистов. Награждена медалями за участие в Великой Отечественной войне. Одиннадцать авторских работ: книги, статьи по искусству, телепередачи.

Анна Можуховская, ее дочь, написала киноповесть «Возраст забывдок», в основу которой взяла рассказы и письма с фронта Елизаветы Владимировны — человека высокой духовности.

Такой огромный объем материалов в «Архиве Можуховских» позволяет осознать историю развития нашего общества, когда купеческое братство закладывало основу экономического и культурного развития всей страны и в городе Александрове в частности.

Впервые усадьбу Первушина Елизавета Владимировна и Анна Михайловна посетили в 2001 г. Они выразили большое удовлетворение тем, что усадьба стала памятником и проводником культурных ценностей — музеем. Это подвигло их внести свою лепту в сохранение историко-культурного наследия музея, передать в дар ряд очень важных и ценных материалов, которые они бережно хранили.

О. Н. Суслина (Владимир)

КУПЕЧЕСКАЯ СЕМЬЯ СТОЛЕТОВЫХ В ДНЕВНИКАХ ДЕТЕЙ АЛЕКСАНДРА И АННЫ

Носителем традиционного образа жизни в России XIX в. являлось купечество. В купеческом сословии уникальным явлением была семья, т. к. она представляла собой не только «ячейку общества», но и выполняла производственную роль — семейной фирмы, предприятия. Семейные отношения в купеческой среде непосредственно отражались и на предпринимательской, и на общественной жизни.

Мир купеческой семьи, ее роль и значение в жизни российского города в последнее время привлекают внимание исследователей. Важнейшими источниками по истории предпринимательства, отдельных купеческих семей являются дневники и воспоминания. Немногие купцы писали мемуары, сохранилось их мало, эти памятники слабо изучены, их публикации — редкое явление¹.

Владими́ро-Суздальский музей-заповедник является хранителем уникальных источников — дневников и воспоминаний детей купцов Столетовых — Александра (1839-1896), будущего известного русского ученого-физика, профессора Московского университета, и его младшей сестры Анны (1847-1905). Эти документы в начале пятидесятых годов XX в. были подарены Н. П. Губским — племянником А. Г. Столетова архиву МГУ, откуда переданы в 1974 г. в музей-заповедник для экспонирования в Мемориальном доме-музее Столетовых. Музей-заповедник располагает как подлинниками — автографами мемуаров, так и их рукописными и машинописными копиями.

«Памятная книжка. Дневник на 1849 и дневник на 1848 год Александра Столетова» представляет собой рукопись на 26 листах, форматом 8° (16x10 см), без переплета, тип письма — скоропись. Написана преимущественно черными чернилами, а три страницы — карандашом. Интересно, что записи за 1848 г. расположены после дневника за 1849 г. Возможно, части книжного блока были соединены автором. На последнем листе за 1848 г. есть поздняя приписка: «Заметка. 1850 года земляника поспела до Троицына дня, Пасха была 23-го апреля». Дневники включают записи о событиях с 13 августа 1848 г. до 12 июня 1849 г. Заметки за ноябрь 1848 г. носят мемуарный характер, т. к. выполнены не синхронно происходившим событиям.

«Дневник за 1850-й год Александра Столетова» — это рукопись на 28 листах, форматом 8° (16x10 см), в картонном переплете, оклеенном мраморной бумагой, корешок кожаный, тип письма — скоропись. Записи сделаны черными чернилами. На последнем листе — заметка карандашом: «Таким образом заключил брат мой свой дневник». Судя по почерку, эту запись сделала младшая сестра А. Столетова Анна. В дневнике отражены события с 9 июня по 12 декабря 1850 г.

Дневник Саша Столетов начал вести в девятилетнем возрасте. Он не объясняет причину, побудившую его начать записи событий своей жизни, однако можно предположить, что это было проявлением его стремления к литературному творчеству. В эти годы Александр начинает сочинять стихи, пародии, несколько позднее вместе со своими товарищами Ильинским и Грязновым «издает» рукописный журнал «Сборник на 1853 год». Кроме того, возможно, мальчик подражал отцу, который записывал на календаре, какая стояла погода, свои сны, даты рождения детей. Именно на странице календаря за июль 1839 г. появилась первая запись к биографии будущего выдающегося ученого: «29 числа сего месяца, в 11 часов ночи родился сын Александр». Календарь Григория Михайловича Столетова в советское время хранил его внук Н. П. Губский², где он находится в настоящее время — неизвестно.

Дневники раскрывают мир владимирского подростка, в котором на первом плане семейные, домашние отношения, общение с друзьями и близкими, эмоциональное восприятие, переживание происходивших событий.

Мемуары — эти замечательные памятники прошедшей жизни, — отражают процесс взросления Александра. Если в дневниках за 1848, 1849 гг. записи довольно кратки, за исключением описания наиболее ярких событий: приезда зверинца Берга на гастроли во Владимир, больших званых вечеров т. д., то в дневнике за 1850 г. мы встретим интереснейшие описания природы, города Владимира, событий городской жизни. Заметки памятных книжек рисуют образ любознательного, доброго, отзывчивого, иногда шаловливого, но по большей части серьезного мальчика.

Яркие, незаурядные способности Александра проявились в раннем детстве. Ему еще не было пяти лет, когда он самостоятельно, незаметно для окружающих, научился читать и писать³. Из дневников мы узнаем, что значительную часть времени Саша проводит за чтением книг. Круг его чтения достаточно широк: его привлекают книги о животных, сказки, притчи, повести, произведения из «Библиотеки для чтения». С упоением Саша читал прекрасно иллюстрированный журнал «Живописное обозрение». Сколько радости и восторга в дневнике по поводу вновь увиденных книг: «Мы с Варей были у Л. М. — новое чудо! Я видел семь книг „Живописных обозрений“! Именно томы: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8 — чудо! Я так доволен...!!!»⁴

У друзей столетовской семьи Соколовых Александр встретился с гимназистом Николаем Шаблыкиным, с которым у них завязались приятельские отношения. «Мы были у Л. М., — пишет в своем дневнике Саша 19 января 1849 г., — у них на время живет Шаблыкин, мы с ним подружались, он мне показывал

„Le monde des infants” с картинками и „Библиотеку для маленьких читателей” десять томов. Рисует он хорошо очень. Обещал мне дать почитать какую-нибудь книгу. Еще у него есть Закон Божий французский с картинками». Дружба этих мальчиков была полезной обоим: они обменивались книгами, мастерили поделки — «делали свинцовые часы», пытались повторить опыты: «вешали разные вещи на маленьких весах». Описывая именины отца и старшего брата Василия 30 января 1849 г., Саша вспоминает: «До ужина я все показывал Шаблыкину и говорил с ним на двух языках»⁵.

Довольно рано, еще до учебы в гимназии, Александр начал изучать французский язык. Руководил его занятиями старший брат Николай, который старался разговаривать с ним по-французски, поручал выписывать из словаря необходимые для перевода слова. Саша рассказывает: «Николенька от Турке принес тетрадь, толстую, в листе: Cours de langue française. Слова надо из нее списывать»⁶. Поэтому не случайно мы встречаем в памятных книжках выражения, названия и имена, написанные по-французски: «Tome quelle aventure!» или «Basil, Nicolas», а также строчки французских стихов, которые декламирует мальчик домочадцам:

Dans ces pres fleuris (В этих цветущих лугах,
Qui arrose la Seine. (Которые орошает Сена).

За простыми, бесхитростными, а порой и наивными строчками иногда аккуратно выведенными, а когда и набросанными наспех детской рукой, встает спокойный, патриархальный мир семьи Столетовых. Как справедливо заметил в своих воспоминаниях Н. П. Губский, «быт столетовской семьи был в значительной степени старозаветный, но в нем и следа не было „темного царства” — ни самодурства, ни ханжества, ни грубых слов, ни грубых наказаний для детей. Старое не шло там против нового, для этого достаточно было здравого смысла и моральной чуткости»⁷. Все дневниковые записи Александра свидетельствуют о спокойной, доброжелательной, приятной обстановке, которая окружала его в детские и юношеские годы.

Большую роль в жизни Саши играла его маменька — Александра Васильевна. Она происходила из семьи купцов Полежаевых города Елатмьы Тамбовской губернии. Это была сердечная, мудрая и в то же время властная и энергичная женщина. Она прекрасно понимала значение образования, и именно под ее влиянием сын рано потянулся к знаниям. Александра Васильевна безгранично любила своих детей, она умело руководила их занятиями, прививала любовь к труду, поощряла всякое хорошее начинание. В дневнике за 1848 г. Саша рассказывает, что маменька стремится к тому, чтобы научить Варюшу играть на фортепьяно, настаивает на том, чтобы Варя училась у Николая французскому языку, следит за тем, чтобы Саша занимался чистописанием. Маменька — постоянная участница их прогулок и походов. Она была замечательной воспитательницей своих детей и не случайно заслужила с их стороны преданную любовь и глубочайшее уважение.

Отца на страницах своих дневников Саша упоминает гораздо реже. Григорий Михайлович был купцом третьей гильдии. Ему принадлежало небольшое заведение по выработке кож, бакалейная лавка, вишневый сад и огороды. Определенный доход ему приносила также сдача в наем квартир. По воспоминаниям детей и внуков, Григорий Михайлович был человеком сдержанным, немногословным, не любил распространяться о своих тревогах. Он много трудился, был постоянно занят, поэтому воспитание детей и заботы о доме были по большей части на плечах Александры Васильевны. Однако авторитет отца у Столетовых был безусловным. Показательным примером тому является рассказ Александра из памятной книжки за 1 ноября 1848 г.: «Был за обедом разговор, маменька говорила, что Николенька читает очень скоро стихи французские и говорила: „Не учиться ли тебе, Варя, у Николеньки-то хоть по-французски. Варюша говорит, что ей теперь-то. А тятенька и говорит: „Как, что. Учись, матушка, еще тебе не 20 лет. Она и стала учиться”»⁸.

В хлебосольном доме Столетовых часто принимали гостей, причем, не только людей своего круга, т. е. купеческие семьи Сомовых, Никитиных, Боровецких, чьи фамилии встречаются на страницах дневников. Здесь бывали граф М. А. Апраксин, Л. П. Языкова, священник Л. Ф. Никологорский и его семья, владимирские интеллигенты — Соханские (директор гимназии Николай Иванович и его семья), инженер-путеец и краевед М. М. Ранг, известный в городе врач А. И. Яновский (отец жены писателя Н. Н. Златовратского), краевед В. И. Доброхотов, учителя гимназии К. П. Лыткин, А. Н. Шемякин, учитель духовного училища И. Г. Соколов, о которых тоже есть упоминание в источниках. Эти люди живо интересовались новинками в области науки, литературы, искусства, с уважением относились к памятникам старины, горячо любили родную природу. Такая культурная атмосфера оказывала благотворное влияние на формирование интересов и увлечений детей Столетовых.

В каменном доме Столетовых на углу Большой улицы и Рождественского переулочка в небольшой квартире жили супруги Соколовы — Иван Григорьевич и Любовь Михайловна. Они пережили тяжелое горе: в девятнадцатилетнем возрасте их сын утонул в Клязьме. Соколовы много времени проводили у Столетовых, бывая у них почти каждый день, и очень сильно привязались к этой семье, к их детям.

И. Г. Соколов «пользовался в городе известностью и общим уважением. Он считался лучшим учителем для первоначального обучения, учил детей владимирских аристократов», — писал В. И. Танеев⁹. По мнению К. А. Тимирязева, Иван Григорьевич был человеком «несомненно замечательных способностей»¹⁰. И. Г. Соколов часто беседовал с Сашей, давал советы, подбирал книги для чтения, был непременным участником прогулок по городу и его окрестностям. Как человек, интересовавшийся историей родного края и помещавший статьи о памятниках старины в местной газете,

он любил рассказывать о прошлом. 4 декабря 1848 г. Саша замечает: «За ужином разговор шел с одушевлением, говорили отчего каждый город получил свое название. „Вот Суздаль славится картинками“, — сказал И. Г.»

Однако более привязан был Саша Столетов к супруге И. Г. Соколова Любови Михайловне, чье имя гораздо чаще встречается в детских дневниках. Л. М. Соколова была доброй женщиной, с большой симпатией относилась к детям, находила с ними общий язык. Она баловала ребят разными угощениями: «Мы были у Л. Михайловны, она нас подчивала конфетами, орехами, вареньями, ветчиной, сыром, студнем и пр.», — отмечает Саша 26 декабря 1848 г. Детям было интересно с Любовью Михайловной: она была начитанна, играла на гуслях, на рояле. Вот запись в дневнике Александра за 22 ноября 1848 г.: «Нынче вечером мы были у Л. Михайловны, я танцевал, она играла, у ней много старых книг, она умеет читать по-немецки и по-латыни, под конец пришел Васинька, говорили о театре с Иваном Григорьевичем»¹¹. В обществе Л. М. Соколовой Саша чувствовал себя свободно, раскованно, он часто замечает, что «было весело» или «я все плясал там». Мальчика радовали диковинные игрушки, которыми она разрешала пользоваться: «Нынче мы были у Л. М. Я видел „Детскую космораму в футляре“. Она раздвинется и надо глядеть в дырочку (без стекла) и там разные гулянья. Чудо!.. Люди, кареты, деревья, домики, все это вырезано. Еще видел звериную книжку и „Живописное обозрение“, том VIII. Нас подчивали яблоками»¹². С большим удовольствием, подробно и красочно описывает Саша свои путешествия в воксал (дубовую роццу на окраине Владимира), дальние прогулки в Боголюбово, по Залыбедью. «Памятная книжка на 1850 год» начинается с описания путешествия в воксал 9 июня: «Погода была прекрасная. В 6 часов с препорядочным запасом пряников вышли мы из дому. Сперва шли мы большой дорогой, но потом вышли на площадь и, перешедши улицу, ведущую к женскому монастырю, пошли далее. Там перешли мы через прорытый вал и пошли по дороге, где я никогда не бывал (по Мещанской). Кажется, во всем городе нет улицы лучше этой: то и дело прекрасные маленькие домики с обширными садами, будто дачи; даже самый воздух здесь совсем не такой, какой в самом центре города... Наконец мы в воксале, на месте наших желаний; мы видим эту прекрасную дубовую роццу, перерезанную дорогой. Пришедши сюда, мы походили, порвали цветов и дубовых листьев и, наконец, грелись, только опять все не имели удовольствия видеть Л. М., потому что она все искала буковицу, которую, наконец, нашла. Мы говорили, хохотали, бегали, сидели и пр., и пр., так что не возможно все пересказать. Наконец, к моему сожалению, мы должны расстаться с воксалом». Сашино повествование отличается ироничностью и юмором, особенно он подтрунивает над Любовью Михайловной: «В заключение скажу, что во время гулянья мы смеялись над Л. М., искавшей своего Замалютина, которая, по ее словам, в Питере

была, а Питера не видала»¹³.

Саша ладит со всеми домашними, живет в мире и согласии со своими братьями и сестрами. Лишь дважды за три года он доверяет дневнику свои обиды на старшего брата Василия, с которым у него были небольшие размолвки. Наиболее дружен и близок он с сестрой Варей, которая всего на три года старше его. Они живут в одной комнате: «У нас с Варей в комнате так чудесно», — замечает мальчик. Саша и «Варюшенька», как он часто ее называет, вместе ходят на прогулки, вышивают по канве («Я зашил в пяльцы коврик по канве с каймой и розоном в середине», «Варюша зашила подушку по канве»), помогают по хозяйству — печатают пакеты. Но особенно Саша переживал за успехи Вари в занятиях музыкой. Его памятные книжки испещрены такими замечаниями: «Была М. А. Т. Варенька прекрасно знала урок»¹⁴; «Была М. А. Т. Варенька очень плохо знала урок. Я в перемену гимназическую приходил к ним»; «Была М. А. Т. и очень сердилась на Вареньку, хотя она и порядочно знала урок». Постепенно, исподволь, наблюдая за Варей, проявляя большой интерес к ее урокам музыки, с удовольствием слушая музыкальные произведения, Саша начал самостоятельно заниматься музыкой. 31 августа 1850 г. он записывает: «Мы нынче не учились. М. А. Т. был у Вариньки. Она хорошо знала урок. Перед его входом я играл и не заметил, как он взошел»¹⁵. Благодаря музыкальным способностям, мальчик научился играть по слуху, а впоследствии даже сам настраивал рояль с помощью камертона. Любовь к музыке А. Г. Столетов пронес через всю свою жизнь и не случайно одним из его друзей был С. И. Танеев, известный русский композитор, — неперенный участник музыкальных вечеров на квартире А. Г. Столетова в Москве.

Свои дневниковые записи Саша Столетов довольно регулярно вел на протяжении трех лет, причем более подробно отражены события 1850 г. Интересно, что записи за 22, 23, и 24 октября 1850 г. сделаны другой рукой, возможно, это маменька написала: «Саша не здоров, у него голова болит и жар» (22 октября), «Саша разхворался. Был Кападинский, вечером ему ставили пивавки» (23 октября), «Саше лутче» (24 октября).

Большое удовольствие детям Столетовых доставлял бродячий органчик с обезьянкой, который иногда заходил в их дом. Органчик — это бродячий музыкант, который, вращая рукоятку своего переносного механического инструмента — шарманки, извлекал чувствительные мелодии. У органчика или шарманщика, как их еще называли, стоял ящичек, из которого обезьянка доставала билетик со «счастьем» — приятным предсказанием. Иногда обезьянка, наряженная в красную рубашку, под звуки мелодии начинала плясать или выполнять акробатические номера. «Она все кланялась и снимала лапкой свою шапочку с пером», — записал Саша в дневнике. Зрители, умиляясь, обязательно кидали в шляпу несколько монет.

Девятилетний Саша в своем дневнике 16 октября 1848 г. с восторгом делится впечатлениями о посещении зверинца К. Берга, куда их вместе с Митей водила няня. Перечисляя и описывая зверей, Саша делает свои замечания: «Белый медведь (в сущности и не белый), бурый медведь (он непрерывно шалил ногою), хохуля (маленькая, черненькая)... и прочие чудесные звери!»

Иногда дети устраивали небольшие домашние спектакли. 22 октября 1848 г. Саша написал: «Нынче мы с Митей представляли комедию „Маленький разносчик” и с занавесом. 1-е место стоило 3 канфеты, 2-е 2 кан. Но во время представления занавес упал(!) Зрители захохотали. Митя не хорошо сказал свою роль». 30 января 1853 г. на именины тятеньки Николай предложил устроить вертеп — театр марионеток. Из ящиков сделали вертеп с бумажными декорациями и шелковыми занавесями, из картона вырезали и раскрасили с обеих сторон актеров и начали репетировать. И вот зрители заняли места, и началось представление: «Коля водит актеров, а я читаю или импровизирую их речи», — рассказал Саша.

События далекого внешнего мира редко врываются в спокойное изложение незамысловатых событий, происходивших в купеческом семействе. Рассказывая об именинах Ивана Григорьевича 26 сентября 1848 г., Саша сообщает: «Полицмейстер рассказывал, что университетантов было в заговоре 200 человек, 90 человек — в солдаты». Довольно подробно он говорит о приезде во Владимир великих князей 15 августа 1850 г. на храмовый праздник Успения Богородицы. Внимание подростка сосредоточено на описании приготовлений в городе и участии семьи Столетовых в общегородских торжествах.

Обладая живой, активной натурой, Александр отличался разносторонними интересами и блестяще учился в гимназии. Однако о гимназической жизни почти ничего не рассказывал, даже о своих успехах писал предельно кратко: «6-й и последний экзамен географии, я получил 5 баллов и тем окончил экзамены» (17 августа 1850 г.)¹⁶.

В четвертом классе гимназии вместе со своими друзьями Александр составляет рукописный «Сборник. Журнал на 1853 год, издаваемый гг. Ильинским, Грязновым и Столетовым. Владимир. Февраль. 1853»¹⁷. В этом сборнике как раз и содержалась повесть «Жизнь похождения Агафона Ферапонтовича Чушкина», довольно едко высмеивавшая нравы и обычаи учебного заведения.

В 1854 г. из-под пера юноши Столетова выходит новое произведение под красноречивым названием «Мои воспоминания», — рукопись на 81 листе, форматом 18x11 см, без переплета, написана черными чернилами красивым, ровным, четким почерком¹⁸.

В отличие от дневниковых заметок, «Воспоминания» — это три самостоятельные главы-рассказа («Поездка в Касимов», «Свицовы и Мего», «Полоцкая тетушка»), описывающих отдельные страницы семей-

ной жизни Столетовых. Знакомясь с этими произведениями, удивляешься, что написаны они пятнадцатилетним юношей. Как справедливо заметил профессор физики Московского университета А. П. Соколов, в рассказах заметны отличительные черты пера А. Г. Столетова: «Сжатость и ясность слога, меткость определений и тонкий юмор; поражает также и необычайная для его возраста начитанность в русских писателях»¹⁹. Каждый рассказ предваряет удачно подобранный эпиграф из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского и других писателей. В главе первой «Поездка в Касимов» Александр описывает свое первое большое путешествие вместе с маменькой, братом Николаем и сестрой Варварой к своему дяде Михаилу Васильевичу Полежаеву — купцу третьей гильдии города Касимова. Эти путевые зарисовки запечатлели все, что впервые увидел молодой человек, и что нашло отклик в его душе. Иногда он необычайно лиричен: «День склонялся к вечеру. Дорога, выходящая необозримой лентой, синеедущий лес и песня ямщика, всегда унылая и прерываемая его безпрестанными обращениями к лошадям, причем он дарил им более или менее приличные эпитеты, — все это мне нравилось; всю эту поэзию дороги я испытывал еще в первый раз». Однако основной тон изложения — ироничный. Так, описывая комнату в Судогодской гостинице, Саша отмечает, что «только кажется и были в ней: — у одной стены диван, обитый допотопной кожей, а у другой, противоположной, — печальная, обнаженная и вовсе не призывающая ко сну кровать. Нападение клопов и всякого рода насекомых на этот раз было еще не сильно»²⁰.

Очень эмоционально, с большой грустью и сожалением повествует Саша в главе «Свицовы и Мего» историю сватовства старшего брата Василия к Ольге Платоновне Свицовой и их несостоявшейся свадьбы. Представив невесту своей семье, Василий Григорьевич срочно уехал в Киев по подрядным делам. В течение четырех месяцев во Владимире шла подготовка к свадьбе, как вдруг Василий написал, что более всего хотел бы быть полезным своему семейству, а «женатая жизнь будет мешать тому». «Какие неожиданности! Как это поразило меня! Всеми наставленными знаками восклицания не выразить моего изумления», — заключает Александр²¹.

В главе «Полоцкая тетушка» Александр рассказал о приезде родственников Столетовых из Полоцка — сестры Григория Михайловича Натальи Михайловны Капацкой и ее детей Александры и Николая. Свою тетушку Саша изображает в сатирическом тоне, подчеркивая ее болтливость и мелочность: «Наталья Михайловна с жаром высказывала свое собственное искусство болтать без умолку, часто пребаснословные вещи... Вернувшись из рядов, она целую неделю повествовала, как она растратилась на целый двугривенный»²².

«Мои воспоминания» демонстрируют становление личности Александра, формирование основных черт

его характера: любознательности, стремления к знаниям, доброжелательности к окружающим, умения отстоять свое мнение, резко высмеять то, что ему не нравится.

Необыкновенно интересен дневник младшей сестры Александра Анны. Это — рукопись на 41 листе, форматом 16,4x10,4 см, в картонном переплете, оклеенном мраморной бумагой, корешок кожаный, написан черными чернилами и карандашом²³. Источник охватывает события с 20 декабря 1861 г. по 9 марта 1863 г., отдельная запись сделана 3 февраля 1864 г.

Дневник дает представление о жизни молодой девушки, купеческой дочери в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет. Ее дневниковые записи как в зеркале отражают мысли, чувства и желания юной горожанки.

Губернский Владимир в XIX в. был небогат развлечениями. Обыденные, рутинные, повторяющиеся каждый день занятия: чаепития, вышивание по канве, шитье белья, прогулки в ряды, катания на лошадях, посещения сестры Варвары, живущей со своей семьей поблизости, не приносят ей радости и часто в дневнике появляются строки: «Время мы проводим скучно» или «Хоть бы время-то проводить повеселее, а то иногда бывает мне очень скучно, даже грустно». Аннушка тоскует по старшим братьям: Василию, который подолгу, по нескольку месяцев, бывает в отъездах; Дмитрию — студенту физико-математического факультета Московского университета и, особенно, по Александру, который находится на стажировке в Германии. Она изливает в дневнике свои чувства: «И так у меня нынча на сердце тяжело, я все думаю о Саше. Вчера как-то я не столько тосковала, а нынча даже не могу ни читать, не работать, а слез нет, и этого никто не замечает. Была в монастыре. Не с кем мне будет гулять без Сашки»²⁴. Некоторое разнообразие в жизнь Анны вносят визиты к родным и знакомым, прием гостей, редкие выходы в театр вместе с сестрой и ее мужем, гуляния на бульваре и в окрестностях города, которые заполняют ее свободное время. Всеобщим увлечением владимирских обывателей была игра в карты. У Столетовых довольно часто играли в преферанс. Правда, подросшие дети уже играли в шахматы. Так, четырнадцатилетняя Аня рассказывает о том, что играла в шахматы с Митей.

Анна учится, она берет уроки у Соханских, однако грамотность ее, судя по дневниковым записям, оставляла желать лучшего. Дома девушка с удовольствием читает произведения А. С. Пушкина, «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского (эту книгу ей привез брат Василий из Петербурга), «Очерки из истории народных сказаний», журнал «Современник». Но особенно любит Анна повести И. С. Тургенева, которые ей дает почитать учитель истории и географии мужской гимназии А. Н. Шемякин: «После обеда посылала к Шемякину за книгами, он мне прислал сочинения Тургенева. Вечером я прочитала „Яков Пасынков“, и мне это до того понравилось, что я сказать не могу»²⁵.

Иногда она сообщает в дневнике городские новости: о свадьбах Артлебена, Микулина, М. А. Никитиной,

о большом пожаре за Лыбедью 23 сентября 1862 г., о ночном пожаре во флигеле аптеки 7 февраля 1863 г. и т. п.

Судя по дневникам, Столетовы, как и большинство людей того времени, были искренне набожны. Основой их мировоззрения, нравственных устоев была религиозность. Большую роль в семейном быту играло участие в религиозных обрядах, Анна упоминает о посещениях церкви («Первый день пасхи были у заутренней», «Я была у обедни в своем приходе, вечером я исповедовалась»), приемах священника и дьякона. Саша отмечает 16 июня 1850 г.: «Нынче мы ходили в ход и провожали образ Божией матери (Боголюбивой) до кладбища». Внук родителей Столетовых Н. П. Губский писал, что Александра Васильевна, как и ее муж, была очень религиозна и так же, как и он, без малейшего оттенка ханжества». В столетовском доме знали, к какому угоднику по какому случаю надо обращаться, например, если болят зубы, то надо отслужить молебен Св. Ангипию. Наряду с религиозностью не считались грехом суеверия. Н. П. Губский вспоминал, что бабушка Александра Васильевна наблюдала за завтраком, чтобы дети непременно давили скорлупу, т. к. нельзя оставлять пустоты, иначе может завестись нечисть.

В соответствии с православной традицией устанавливалась и манера питания. Хотя строго постов, видимо, не всегда придерживались, на что указывает такая фраза в дневнике Анны: «Мы думаем говеть, если бог приведет». В каждодневном рационе присутствовали рыба, мясные и молочные продукты, постоянно употреблялись овощи, особенно в постные дни. Обязательно делались заготовки продуктов на зиму: огурцы, капуста, грибы, варенье многих сортов; например, Саша пишет 3 июля 1850 г.: «Мы варили варенье из черной смородины».

Неожиданно пришедших гостей потчевали конфетами, грецкими или кедровыми орехами, вареньем, иногда — закусками. На званых обедах, именинах, праздниках стол был обильным и разнообразным. Для приготовления блюд часто приглашали повара со стороны. Так, Саша Столетов в своей «Памятной книжке» рассказывает, что на Варинины именины 4 декабря 1848 г. «готовил повар, были хорошие кушанья». Описывая стол на именинах И. Г. Соколова, большого друга семьи, мальчик называет такие «закуски: колбаса, селедка, икра, пирог, ветчина, жареный гусь, сладкий пирог и безе». На десерт предлагали «арбуз, двух родов яблоки, 6-ти родов варенья и тому подобное». Мужчинам после чая подавали вина и пунш. Иногда на вечер танцевали, играли. Говорили о торговле, о новостях, «о снах и предрассудках», о театре.

Итак, опираясь на уникальные мемуары юных Столетовых, мы открываем интереснейший мир столетовской семьи. Как и многие другие владимирские купеческие семьи, она во многом сохраняла традиционные, патриархальные устои. Но в то же время это была замечательная дружная, просвещенная семья. Младшее ее поколение тянулось к западной, дворянской культуре, много трудилось, приобретая разносторонние знания.

Впоследствии достойно прожили свою жизнь и воспитали интеллигентных, образованных детей сестры: Варвара, которая вышла замуж за архитектора А. П. Филяретова, и Анна — жена полковника П. И. Губского.

Природная одаренность, соединясь с блестящим университетским образованием, позволила Столетовым

встать в ряды лучшей российской интеллигенции: Николай Григорьевич Столетов стал генералом от инфантерии, видным военным деятелем; Дмитрий Григорьевич Столетов — генерал-майором артиллерии; Александр Григорьевич Столетов — выдающимся ученым-физиком, профессором Московского университета.

¹ Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: очерки по социальной и экономической истории XVI-XIX веков. — М. 1928. — С. 105-128; Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века. — М. 2007.

² Болховитинов В. Столетов. — М., 1965. — С. 5.

³ Соминский М. С. Александр Григорьевич Столетов. — Л. 1970. — С. 7.

⁴ Дневник на 1848 год // ВСМЗ. Музейная коллекция «Документы». — В-24168/1. — С. 16.

⁵ Памятная книжка. Дневник на 1849 год // Там же. — В-24168/1. — С. 38.

⁶ Там же. — С. 43-44.

⁷ Губский Н. П. Из воспоминаний и семейных преданий // Архив ВСМЗ. — Д. 2225. — Л. 3.

⁸ Дневник на 1848 год. — С. 16-17.

⁹ Танеев В. И. Детство, юность, мысли о будущем. — М. 1959. — С. 95.

¹⁰ Тимирязев К. А. Александр Григорьевич Столетов // Общедоступные лекции и речи А. Г. Столетова. — М. — 1902. — С. VII.

¹¹ Дневник на 1848 год. — С. 20.

¹² Там же. — С. 14.

¹³ Памятная книжка А. Столетова. Дневник за 1850 год // ВСМЗ. Музейная коллекция. — В-24168/2. — С. 55-63.

¹⁴ М. А. Т. — Матвей Александрович Тшендзовский, учитель музыки Вари Столетовой.

¹⁵ Памятная книжка А. Столетова. Дневник за 1850 год. — С. 89.

¹⁶ Там же. — С. 78, 82.

¹⁷ Сборник. Журнал на 1853 год, издаваемый г. Ильинским, Грязновым и Столетовым. Владимир. Февраль. 1853 // ВСМЗ. Музейная коллекция «Документы». — В-24168/4.

¹⁸ Мои воспоминания. 1854 // ВСМЗ. Музейная коллекция «Документы». — В-24168/3.

¹⁹ Соколов А. П. Александр Григорьевич Столетов // Журнал Русского физико-химического общества. — 1897. — Т. XXIX. — Вып. 2. — С. 27.

²⁰ Мои воспоминания. 1854. — С. 9-10.

²¹ Там же. — С. 46.

²² Там же. — С. 56, 59.

²³ Дневник А. Столетова // ВСМЗ. Музейная коллекция «Документы». — В-24168/7.

²⁴ Там же. — С. 10.

²⁵ Там же. — С. 6-7.

И. Л. Жеребцов (Сыктывкар)

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ЕПОВЫХ

В 1899 г. в Санкт-Петербурге вышла книга В. К. Эпова «Род Эповых». Она начинается с рассказа о далеких предках автора, появившихся в Сибири. О том, откуда они явились, в этом труде говорится довольно неопределенно: «О происхождении этого рода существуют предания, и, как во всяких преданиях, встречаются некоторые разноречия. Общее в них одно: предок Василий Васильевич Эпов был выходцем из Европейской России, вероятно, еще в царствование Петра Великого, между 1720 и 1730 годами, из Вологодской губернии. По одним рассказам — из города Великого Устюга или Яранска, по другим — из деревни Мышкино Яранского уезда. По одним — это был мещанин, по другим — государственный крестьянин».

Как водится в таких случаях, истина оказалась где-то посредине. Эповы (тогда они еще именовались Еповы) были родом не из Великого Устюга и не из вятского города Яранска либо Яранского уезда, а из уезда с похожим названием — Яренского, а точнее, из окрестностей нынешнего села, а в старину — города и уездного центра Яренска. К сожалению, о происхождении Эповых-Еповых мне удалось узнать не так много, как хотелось бы. Однако некоторые сведения в документах все же сохранились. В писцовых и переписных книгах Яренского уезда фамилия Епов появляется только в 1678 г. (до этого многие местные жители вообще

фамилий не имели). Согласно переписной книге Яренского уезда 1678 г. (опубликована Н. П. Воскобойниковой и М. А. Мацуком в книге «Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в.». — Сыктывкар, 1985) Еповы фигурировали в пяти деревнях, расположенных в окрестностях города Яренска на р. Вычегде и ее притоке Яренге:

д. Лантши: Михейко (Михаил) Юрьев сын (т. е. Юрьевич) Епов, его брат родной Афонька (Афанасий) 13-ти лет. У Михаила возраст не назван, следовательно, он был старше 15-ти лет;

д. Иб на реке Яренге: Демка (Дементий) Юрьев сын Епов, сыновья Афонька (Афанасий) в возрасте (т. е. более 15 лет), Васька (Василий) — 1 год;

д. Базлук: Якушко (Яков) Юрьев сын Епов — ко времени проведения переписи 1678 г. уже скончался «помер в давних letech бездетен»;

д. Гортпон на реке Яренге: Титко (Тит) Никифоров сын (Никифорович) Епов «бездетен»;

дер. Бузтай: Ивашко (Иван) Титов сын (Титович) Епов — ко времени проведения переписи 1678 г. уже скончался («помер в давних letech бездетен»). Никакой деревни Мышкино в Яренском уезде не было, но по соседству с названными селениями располагалась довольно крупная деревня Микшина

Гора (имевшая также название Решетниковская), однако в ней Еповых не было.

Михаил Епов из Лантыша, Дементий Епов из Иба, Яков Епов из Базука были, очевидно, родными братьями, расселившимися по разным деревням. Иван Титов Епов из Бузтая, судя по отчеству, мог быть сыном Тита Никифорова Епова из Гортона, отселившимся от отца в другую деревню. Смущает, правда, указание, что Т. Н. Епов «бездетен», но это, полагаю, могло обозначать, что его дети умерли либо с ним не проживали (т. е. в своем дворе, в своей деревне он жил без детей).

В каких родственных отношениях находились между собой они и два брата Еповы, неизвестно. Предполагаю, что Т. Н. Епов мог быть двоюродным или троюродным братом М. Ю., Д. Ю. и Я. Ю. Еповых, т. е. их отцы Юрий и Никифор были родными или двоюродными братьями.

Предшествовавшая переписная книга Яренского уезда составлялась в 1646 г. (см.: «Документы по истории народа коми». В ней фамилия Епов не упоминается, но в д. Лантыш значатся Юрка (Юрий) Офонасьев сын (Афанасьевич) Есипов и жившие с ним его племянники Назарко (Назар) и Петрунька (Петр) Яковлевы дети (Яковлевичи). Петру было 9 лет, у Назара возраст не указан, следовательно, он был старше 15 лет. Очевидно, что Ю. А. Есипов — отец упомянутых в переписной книге 1678 г. М. Ю., Д. Ю. и Я. Ю. Еповых, только у его сыновей фамилия «сократилась» на две буквы — с «Есипов» до «Епов» (такие вещи в то время, когда процесс формирования фамилий у местного населения еще далеко не завершился, были довольно обычным явлением). О предполагаемом брате Ю. А. Есипова Никифоре в переписной книге 1646 г., к сожалению, ничего не говорится; среди перечисленных в переписной книге жителей д. Лантыш и других селений в окрестностях г. Яренска ни одного подходящего на эту роль человека по имени Никифор мне найти не удалось. Но надо учитывать, что переписные книги не фиксировали абсолютно всех жителей, и к тому же переписная книга 1646 г. в этом отношении весьма уступала по полноте данных переписной книге 1678 г. Поэтому вполне вероятно, что Никифор был или пропущен переписчиками, что случалось сплошь и рядом, либо мог в период переписи отсутствовать.

Упомянутые в переписной книге 1646 г. племянники Ю. А. Есипова (Епова) Назар и Петр Яковлевичи были сыновьями его родного либо двоюродного брата. Судя по тому, что обычно в подобных документах о детях родного брата писали «родные племянники», а в данном случае этого сказано не было, то можно предположить, что Назар и Петр — дети двоюродного брата Ю. А. Есипова (Епова). Фамилия их в переписной книге 1646 г. не указана. В переписной книге 1678 г. среди жителей д. Лантыш указан Нестерко (Нестер) Яковлев сын (Яковлевич) «бездетен» и живший с ним родной племянник Стенька (Степан) Назаров сын (Назарович) — сын Назара Яковлевича, названного в переписной книге 1646 г. Сам Назар к этому времени, очевидно, умер.

О судьбе Петра Яковлевича, его брата, ничего не сказано; неясно, откуда взялся Нестер Яковлевич, их третий брат, в предыдущей переписной книге также не упомянутый. Либо он был пропущен в 1646 г., либо Петр 1646 г. и Нестер 1678 г. — одно лицо, по какой-то причине записанное разными переписчиками под разными именами. Подобные случаи происходили, но редко; обычно такое было связано с переменной имени с мирских (типа «Нечайко», «Первушка», «Пятко», «Петулька») на канонические Иван, Яков и т. д. Смена же одного канонического имени на другое не практиковалась, разве что случались ошибки в записи сходно звучащих имен не слишком ретивыми переписчиками. Если предположить, что в 1646 г. переписчики ошиблись и записали Петрунька (т. е. Петр, каноническое имя) вместо мирского Петулька/Пятулька (от слова «пятый»), то в этом случае со временем мирское Петулька могло быть изменено на Нестер.

Часть писцово́й книги 1628 г. (которая предшествовала переписи 1646 г.) с данными о д. Лантыш и большинстве соседних селений не сохранилась. Соответственно, ничего не известно и о том, жил ли там Юрка (Юрий) Офонасьев сын (Афанасьевич) Есипов и его брат. Но в сохранившихся фрагментах (см.: «Документы по истории народа коми») есть лишь упоминание о близлежащей дер. Еремеевской, в которой жил Онашка (Ананий) Офонасьев сын (фамилия не указана), который, вполне вероятно, был родным братом (более старшим) Юрия Афанасьевича Есипова. (В 1646 г. в той же деревне Еремеевской жили двое его сыновей и несколько внуков).

В дозорной книге 1608 г. (опубликована А. М. Гневушевым в книге «Акты времени правления царя Василия Шуйского». — М., 1914) указан живший в деревне Еремеевской Сенька (Семен) Офонасьев сын с сыном Петрушкой (Петр). Можно предположить, что это был самый старший брат Юрия и Анания Афанасьевичей (разница в возрасте между сыновьями могла достигать полутора десятков лет и более). Ни Юрий, ни Ананий в книге 1608 г. не указаны, но этот документ, как и книга 1586 г., содержат значительно меньше данных о жителях (в ней фиксировались, главным образом, только хозяева дворов и их взрослые дети, а остальные обитатели, как правило, пропускались).

Родоначальником же этого семейства мог быть Офонька (Афанасий) Иванов (Иванович), отмеченный в писцово́й книге 1586 г. (сотные, т. е. выписки из этой книги опубликованы А. А. Зиминим и А. И. Копаневым в работе «Материалы по истории Вымской и Вычегодской земель конца XVI в.», включенной в сборник «Материалы по истории Европейского севера СССР. Северный археографический сборник». — Вологда, 1970. — Вып. 1) как житель починка Сонноры, располагавшегося невдалеке от д. Лантыш. Фамилия его не указана, и, очевидно, он еще не имел ее («бесфамильными» были тогда почти все местные жители). Других «претендентов на отцовство» мне обнаружить не удалось, потому что никаких более подходящих жителей по имени Афанасий в книгах не значится (был,

правда, в начале XVIII в. яренчанин Афанасий, но он имел фамилию Чувашев и к тому же в 1607 г. ушел из Яренского уезда неизвестно куда).

Каково было происхождение Афанасия Ивановича, не известно. Поскольку починок назвалось тогда относительно новое поселение, возникшее, как правило, в период между двумя переписями или писцовыми описаниями, и поскольку Афанасий был в 1586 г. единственным его жителем, можно предположить, что именно он основал этот починок в период между 1564 (когда проводилось предшествующее описание) и 1586 г., переселившись сюда, не исключено, из сравнительно большой (конечно, для того времени и для той местности) д. Лантыш, где жителям стало тесновато (там, кстати, четверо дворовладельцев в 1586 г. тоже были «Ивановичами» — не исключено, кто-то из них мог быть братом Афанасия). В починке Афанасий занимался земледелием (в писцовой книге отмечены «пашни паханье»), но, видимо, без большого успеха, поскольку в этом документе он зафиксирован как «казак» (так иногда называли, наряду с «бобылями», наименее состоятельную часть крестьянства). О детях Афанасия в книге 1586 г. никаких сведений не приведено. К 1608 г. починок запустел и в дозорной книге 1608 г. значится как «пустошь, что был починок Сонноры». Вероятно, Афанасий к этому времени умер, а его сыновья Семен, Ананий, Юрий и, возможно, Федор (об этом — ниже) переселились в поисках более удобных для хозяйствования мест в д. Еремеевскую, а оттуда один из них — Юрий — переехал в Лантыш.

Та ветвь этого рода, которая осела в Еремеевской, к 1646 г. приобрела фамилию Офонасов (Афанасов). В переписной книге 1646 г. названы Якушко (Яков) Онанин сын Офонасов с детьми (Сидор и Филимон) и Родион Онанин сын Офонасов с детьми (Матвей, Гаврила) — сыновья Анания Афанасьевича, а также Ивашко Федоров сын Офонасов с двумя братьями, имевшими то же имя, и Филька (Филимон) Яковлев сын Офонасов с тремя детьми (Фома, Григорий, Аксен). Отцом Ивана Федоровича Офонасова был, вероятно, один из сыновей Афанасия Ивановича, не упомянутый в переписях (Федор). Филька (Филимон) Яковлев сын Офонасов был, можно предположить, старшим сыном Якова Онанина сына, отделившимся от него в собственное хозяйство. Фамилия Офонасов (Афанасов) представляла собой «дедичество» — наследственное именование, образованное от имени деда, Афанасия.

Переселившийся в д. Лантыш Юрий Афанасьевич, как уже говорилось, в 1646 г. значился как Есипов. Происхождение этой фамилии можно объяснить двояко. Одно объяснение связано с деревнями, располагавшимися существенно ниже от Лантыша и ее окрестностей по Вычегде. В Плесовской волости возле погоста Пустынского в XVII в. (по более раннему времени данных нет) имелись две деревни с названием Есиповская. Обе имели и по второму названию (одна — Бориса Курцева, вторая — Антоновская). Нельзя

исключать, что корни Есиповых/Еповых и Афанасовых — оттуда, и своей фамилией Есиповы/Еповы обязаны происхождению из д. Есиповкой (одной из двух упомянутых). Однако никаких данных в поддержку этого предположения привести я не могу. К тому же такие фамилии (топонимические) давались переселенцам на новом месте сразу же, т. е. ее должен был получить еще Афанасий Иванович (если бы он переселился в Сонноры из Есиповской), а не его сын. Правда, писцы в 1586 г. могли просто пропустить фамилию Афанасия (по Яренскому уезду известны случаи, когда, например, у отца в переписных книгах фамилия указывалась, у сына — нет, а у внука опять указывалась).

Более вероятным мне представляется другое объяснение: Есипов, возможно, искаженное Осипов, т. е. фамилия происходит от имени Осип. Так могли звать, например, его прадеда (деда Афанасия Ивановича), но, разумеется, это не более, чем гипотеза.

Если попытаться поискать корни Есиповых/Еповых другим путем, отказываясь от их родства с Офонасовыми, то можно обратить внимание на нескольких людей по имени Осип, живших в 1608 г. в г. Яренске и окрестностях. Таковых, в принципе, двое: яренчанин Осип Данилов сын и Осип Власов сын из д. Беремской, отмеченные в дозорной книге 1608 г. Теоретически рассуждая, оба они могли иметь не указанного в книгах сына по имени Афанасий, сыном которого мог быть Юрий Афанасьевич Есипов. Но этот вариант мне не кажется особо убедительным.

Вполне возможно, что упомянутый в книге «Род Эповых» сибирский родоначальник семейства Василий Васильевич Эпов был сыном Василия Дементьевича Епова из д. Иб. Документы Читинского архива, которые стали известны М. И. Эпову в ходе его генеалогических разысканий, сообщают, что на рубеже XVII-XVIII вв. в Читинском остроге появились переселенцы Михаил, Назар, Дементий и Василий Еповы. Характерно сходство имен: как показывает опыт исследования антропонимии населения Яренского уезда, в семьях очень часто из поколения в поколения повторялись личные имена.

Немаловажно указать и на такую деталь: родственники Еповых, Офонасовы, начали осваивать сибирские просторы еще в период голода середины XVII в.: в переписной книге 1646 г. отмечено, что в Сибирь ушли Филимон Яковлев сын Офонасов и Иван Федоров сын Офонасов, которые взяли на себя, так сказать, роль разведчиков; по следам своих родственников Еповым было, наверное, несколько проще переселяться за Урал.

Говоря о причинах, которые могли вызвать уход Еповых из родных мест в Сибирь в конце XVII в., следует указать на серию неурожая 1690-х гг., вызвавших сильный голод на Севере и, в частности, в Яренском уезде. Например, в 1695 г., по сообщению Вологодской летописи, «нача лето быти лютыми и бурными великими ветры и тучи з дождем великие безыпрестани; и на ржаной цвет по полям была великая поруха, болши-

ми ветры цвет оби, и достальной хлеб, рожь и овес и всякую гобину мразами великими познобило, и всякой хлеб в полях за дождьдаами и мразы застоялося в суслонех, и во многих местах яровые поля стоят полосы нежаты и снегом запали, по декабря месяца ни жать, ни возить нельзя; и конской корм... везде погнило... А Поморские страны... во всех уездах... хлебы не сыспели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женьска и с мальми детьми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит».

Составить более точное представление о семействе Еловых и возможных переселенцах в Сибирь и на Дальний Восток, можно при специальной проработке материалов переписных книг Яренского уезда 1707 и 1710 гг., дабы установить, кто из Еловых остался на родине, а кто ушел. Но, на мой взгляд, и изложенные выше данные позволяют составить определенное представление о происхождении Еловых.

Ушедшие с Вычегды за Урал Еповы стали истинными сибиряками, а потомки их прославили свою новую родину. Одним из таких славных семейств стал род Еловых или Эповых, как позднее стала писаться эта фамилия. Из него вышли ученые, священнослужители, купцы и многие другие достойные люди, среди которых, например, видный российский ученый, член-корреспондент Российской Академии наук, руководитель крупного научного института, расположенного в «научной столице» Сибири Новосибирске, Михаил Иванович Эпов, ученый-химик, лауреат Государственной премии СССР Ангуанетта Афанасьевна Эпова и другие (подробнее о представителях этого замечательного рода можно познакомиться на весьма интересном сайте erov.ru).

Оставшиеся на родной Вычегде Еповы продолжали крестьянствовать. Среди вычегодской ветви этого рода, пожалуй, нет столь заметных фигур, как среди сибиряков, однако в историю родного края некоторые из них вписали свои имена. Один из них — уроженец д. Лангыш Иван Васильевич Епов (1891—1931). Приведем краткую биографическую справку о нем. И. В. Епов окончил учительскую семинарию в Архангельске, работал учителем в земском училище, в 1915 г. призван в армию, воевал на фронтах Первой мировой войны, дослужился до подпоручика, после Октября 1917 г. выбран командиром роты.

В январе 1918 г. И. В. Епов вернулся в Яренский уезд, в марте назначен уездным комиссаром труда, в июне избран в состав уездного исполкома (стоявшего на небольшевистских позициях), стал вторым комиссаром по военным делам. В сентябре 1918 г. большевики захватили власть в Яренске. И. В. Епова назначили уездным военным комиссаром в новом уездисполкоме. В том же месяце он вступил в большевистскую партию (см.: Борцы за Советскую власть. — Сыктывкар, 1988).

В конце октября — начале декабря 1918 г. И. В. Епов командовал отрядом, направленным в один из отдаленных районов уезда, на р. Вашку, для проведения учета продовольствия у конфискации «излишков» у населения. Сопrotивление местных жителей помешало осуществлению этой миссии. В декабре на р. Вашке и соседней р. Мезени начались бои между белыми и красными. И. В. Епов командовал ротой красноармейцев, воевал на Вашке до весны 1919 г. Затем его рота была выведена на Вычегду, а в июне 1919 г. переведена на Сев. Двину. И. В. Епов участвовал в боях до августа 1919 г., затем попал в плен, находился в заключении в Архангельске, на Кегострове. Суд приговорил его к расстрелу, однако потом И. В. Епова и некоторых других военнопленных вывезли в Англию, где он находился до весны 1920 г. В апреле 1920 г. состоялся обмен военнопленными, и И. В. Епов вернулся домой. Получил двухмесячный отпуск, затем вернулся на службу в Красную Армию, в 1920—1921 гг. являлся начальником всеобуча в Яренском уезде, в 1921—1922 гг. — помощником Яренского уездного военкома, в 1923—1931 гг. — помощником областного военкома по всеобучу в Коми автономной области (см.: Борцы за Советскую власть; Королева Е. Г., Попов А. А. Гражданская война в Коми крае. — Сыктывкар, 1957; Прошев В. И. За власть Советов. — Сыктывкар, 1980). Написал книгу воспоминаний «Белогвардейщина на Удоре» (Удора — район Коми края, включающий верхнюю и среднюю Вашку и верхнюю Мезень).

Представляет интерес и жизнь ряда других представителей рода Еловых. Изучение генеалогического древа вычегодских Еловых следует продолжить. Заслуживают пристального внимания исследователя и многие другие старинные нижневичегодские семейства — Серебрянниковы, Лукошниковы, Лемзаковы...

И. Л. Жеребцов, И. И. Лейман (Сыктывкар)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЫКТЫВКАРСКОГО РОДА ЖЕРЕБЦОВЫХ

Жеребцовы живут в Сыктывкаре издавна. Основатели этого рода обитали в селениях, располагавшихся на территории нынешнего города еще тогда, когда самой фамилии не было. В Коми крае фамилии начали формироваться в XVI в., но и в течение XVIII в. ими обзавелись далеко не все жители. К тому же нередко фамилии менялись — вместо той, что сложилась

на основе прозвища, следующее поколение брало новую — например, от «дядичества» (дедовского имени). А следующее поколение, случалось, опять возвращалось к прежней фамилии. Происходило это и в XVII, и даже в XVIII вв. Именно так случилось, в частности, и с Жеребцовыми.

Впервые эта фамилия упоминается в переписной

книге 1707 г. в деревне Емовской — одной из составных частей погоста Усть-Сысолы. Поначалу ее стали носить обитатели двух соседних дворов, давние жители Емовской: как сказано в документе, они были «родом той деревни». Хозяина одного двора звали Игнатий (Игнат) Фомин Жеребцов. Было ему 40 лет, а старшему сыну его Марку — 15. В переписи не отмечен второй сын Игната, Исак, семью годами младше Марка. Более того, не записан в переписной книге и брат Игната Гаврила (он был лет на 20 старше). Причина этого заключается, видимо, либо в том, что население старалось укрыть от переписчиков часть обитателей, дабы платить поменьше налогов, либо в том, что Гаврила в это время находился в отлучке, жил где-нибудь в Сибири (куда уходили — надолго, а то и навсегда — многие жители Коми края) и появился на родине лишь перед следующей переписью 1720 г., когда его и зафиксировали переписчики.

В другом дворе жил Кондратий (Кондрат) Андреев Жеребцов 30-ти лет и его сын Стефан, ровесник Марка. Кем они приходились друг другу, в переписной книге 1707 г. не сказано, но, заглянув в материалы предыдущей переписной книги 1678 г., можно выяснить, что Кондрат — племянник Игнатия, сын его старшего брата Андрея.

В 1678 г. Андрей Фомин (т. е. сын Фомы, Фомич) жил вместе с братом Игнатом в той же деревне Емовской. Игнату (Ганьке, как записано в переписной книге) было тогда 10 лет. Андрей был, по крайней мере, на шесть лет старше, поскольку в переписной книге его возраст не указан — следовательно, по тогдашним правилам, он являлся уже взрослым, не моложе 16 лет (у всех, кто еще не достиг этого рубежа, возраст указывали обязательно). Андрей и Игнат записаны в переписной книге не как Жеребцовы, а как Дулины.

В более ранней переписной книге 1646 г. не упомянуты ни Жеребцовы, ни Дулины. Отец Андрея и Игната Фоминых — Фома Поликарпов (т. е. Поликарпович) жил тогда в деревне Артемовской (по соседству с Емовской). Эта деревня была вначале частью Емовской и лишь к 1646 г. стала считаться отдельным селением. «Независимость» от Емовской провозгласил, вероятно, крестьянин Артем Данилов, живший на этом месте еще в 1586 г. (по его имени и названа деревня). Но к 1678 г. деревня Артемовская запустела — большинство ее обитателей, включая и Никиту Артемова (сына «основателя»), разбрелись кто куда: на Вятку, в другие районы Коми края или в близлежащие селения. Так сыновья Фомы Поликарпова — Андрей и Игнат — оказались в 1678 г. приписаны уже не к Артемовской деревне, а к Емовской.

Фома Поликарпов происходил из находившейся неподалеку от Емовской деревни Ивановской, где жил его отец Поликарп Петров. Можно предположить, что Фома переехал в другое селение потому, что у Поликарпа было большое семейство: в Ивановской один

двор занимал он сам, другой — его сын Евдоким, а остальным сыновьям пришлось подыскать для жительства участки в соседних селениях. Флор Поликарпов поселился в д. Ереминской, а Фома Поликарпов — в Артемовской. Так что происхождение свое Дулины-Жеребцовы ведут из деревни Ивановской. А там они были коренными обитателями: отец Поликарпа Петрова, Петр (или Перша) Иванов, отмеченный в дозорной книге 1608 г. и писцовой книге 1586 г., был, вполне вероятно, сыном основателя этого селения, Ивана, по имени которого оно и получило свое название. Что было до 1586 г., неизвестно — документы не сохранились. Однако и четыре с лишним века, которые насчитывает сыктывкарский род Жеребцовых — весьма солидный возраст.

Как уже говорилось, родоначальники были вначале бесфамильными, потом стали Дулиными, потом Жеребцовыми. Отметим, что Дулины жили не только в Емовской. В деревне Ереминской в 1678 г. жили Макар и Матвей Сидоровы Дулины. Приходились ли они какими-нибудь родственниками Андрею и Игнату Фоминым Дулиным-Жеребцовым, точно не известно. Но стоит отметить, что в той же д. Ереминской в 1646 г. обитал дядя Андрея и Игната Флор (может быть, родичи решили поселиться поближе?). Отцом Макара и Матвея был, вероятно, Сидор Яковлев, живший в 1646 г. в близлежащей д. Каменистой, а он, в свою очередь, являлся сыном Якова Филиппова, в 1608 г. обитавшего в д. Емовской (а его отец, Филип Никитин, был одним из старожилов Емовской — он значится среди ее жителей еще в 1586 г.). Любопытно, что ереминские Дулины, как и емовские, тоже за фамилию свою не слишком держались, и в 1707 году Матвей Сидоров, бывший Дулин, записан в переписной книге уже как Шкилев (Жгилев), а его племянник Аксен — как Коданев.

Еще одни Дулины — Григорий и Давыд Ивановы Дулины — жили в 1678 г. в д. Каменистой. Отец их Иван Федоров по прозвищу Безсонко жил в той же деревне в 1646 г. Вероятно, что он — сын Федора Филиппова из д. Емовской (брата уже упомянувшегося Якова Филиппова), так что ереминские и «каменистые» Дулины — точно родственники. Еще раз отмечу, что все эти деревни: Емовская, Ереминская, Ивановская, Каменистая, Артемовская — находились по соседству, на территории будущего Кодзвилья (исторической части Сыктывкара в районе современных улиц Интернациональной, Красных партизан и начале Первомайской), так что перемещаться из деревни в деревню их обитателям было несложно. Дулины из д. Каменистой в 1707 г. тоже сменили фамилию и стали Бессоновыми — по прозвищу своего деда. Так что не исключено, что Бессоновы, Жгилевы, отчасти Коданевы происходят от одного корня с Жеребцовыми. Можно предположить, например, что отец Петра Иванова Иван и отец Филиппа Никитина Никита были братьями. В этом случае Андрей и Игнат Фомины Дулины приходились четвероюродными братьями Макару

и Матвеем Сидоровым Дулиным и Григорию и Давыду Ивановым Дулиным (Сидоровы и Ивановы приходились друг другу троюродными братьями).

К середине XVIII в. семейство Жеребцовых разделилось. Напомним, что в 1707-1720 гг. в погосте Усть-Сысоле (с 1720 г. деревни, из которых состоял погост, в официальных документах перестали фиксироваться как отдельные селения) обитали две семьи Жеребцовых — Игнат Фомин с братом Гаврилой и их племянник Кондрат Андреев. Игнат Фомин Жеребцов к 1747 г. скончался. Его сын Марк в 1747 г. еще здравствовал, окруженный тремя сыновьями (двумя Федорами и Семеном) и столькими же внуками — Иваном Федоровым, сыном другого Федора Михаилом и Кузьмой Семеновым. Второй сын Игната Фомина, Исак, скончался; в ревизских сказках 1747 г. отмечен его сын Федот. Но и Марк Игнатьев, и его племянник Федот Исаков в ревизских сказках 1747 г. были записаны уже не как Жеребцовы, а как Фомины; на смену прежней фамилии пришло «дедичество», фамилия, происходившая от имени деда Фомы.

Фамилию Жеребцовых продолжали носить потомки Гаврилы Фомина и Кондрата Андреева. Гаврило Фомин Жеребцов, как и его брат Игнат, до 1747 г. не дожил. После него остались сын Федор Гаврилов, внук Савелий и правнуки Климонг, Родион и Евсей. Кондрата Андреева в 1747 г. тоже не было в живых, зато его сын Стефан (Степан) обзавелся четырьмя сыновьями и тремя внуками: сыновья Емельян (его дети Петр и Иван), Максим (его сын Георгий), Михайло и Григорий. Второй сын Кондрата и младший брат Стефана Афанасий в 1747 г. имел двух сыновей, Петра и Андрея, и одного внука, тоже Петра (сын Андрея).

Во второй половине XVIII — середине XIX вв. число Жеребцовых умножилось. В 1795 г. в городе Усть-Сысольске (погост Усть-Сысола был преобразован в город в 1780 г.) насчитывалось семь семейств Жеребцовых, одно из которых восходило к Гавриле Фомину Жеребцову (глава семьи — его правнук Евсей Савин Жеребцов), а шесть к Кондрату Андрееву Жеребцову: семьи его внука Андрея Афанасьева, правнуков Тимофея Андреева, Сергея и Григория Григорьевых, Федора Емельянова, праправнука Гаврилы Петрова.

В 1858 г. в Усть-Сысольске было 10 семей Жеребцовых, причем все — потомки К. А. Жеребцова (Е. С. Жеребцов скончался в 1797 г., мужского потомства не оставив). Половина восходит к сыну К. А. Жеребцова Афанасию. Назовем глав этих семей: родные братья Афанасий и Иов Тимофеевы Жеребцовы — правнуки Афанасия Кондратьева Жеребцова и внуки Андрея Афанасьева Жеребцова; двоюродные братья Степан Алексеев, Василий Иванов и Павел Васильев Жеребцовы — праправнуки Афанасия Кондратьева Жеребцова, правнуки Андрея Афанасьева Жеребцова и внуки Петра Андреева Жеребцова, двоюродные племянники А. Т. и И. Т. Жеребцовых.

Остальные пять семей ведут происхождение от другого сына К. А. Жеребцова — Степана. Пере-

числим их глав. Василий Федоров Жеребцов — правнук С. К. Жеребцова, внук Емельяна Степанова Жеребцова; Иван Сергеев Жеребцов, братья Иван и Никита Григорьевы Жеребцовы — правнуки С. К. Жеребцова (И. С. Жеребцов — двоюродный брат И. Г. и Н. Г. Жеребцовых), внуки Григория Степанова Жеребцова, троюродные братья В. Ф. Жеребцова; Степан Михайлов Жеребцов — прапраправнук С. К. Жеребцова, праправнук Емельяна Степанова Жеребцова, правнук Петра Емельянова Жеребцова и внук Гаврилы Петрова Жеребцова, двоюродный внучатый племянник В. Ф. Жеребцова и четвероюродный внучатый племянник И. С. Жеребцова, И. Г. Жеребцова и Н. Г. Жеребцова.

С годами одни носители этой фамилии разбогатели и стали известными в Коми крае людьми, другие скромно занимались сельским хозяйством, торговлей, служили на небольших должностях. Былые родственные связи между разными семействами Жеребцовых позабылись, и к началу XX в. они стали числить себя лишь однофамильцами.

К одной из ветвей рода Жеребцовых, происходящей от Степана Кондратьевича Жеребцова и его сына Емельяна, принадлежат и авторы настоящей работы. Упомянутый выше Василий Федорович Жеребцов и его супруга Надежда произвели на свет сына Ивана (произошло это около 1827 г.). У И. В. Жеребцова и его жены Авдотьи Михайловны, помимо двух или трех дочерей, родился сын Михаил (около 1865 г.), побывавший за свою жизнь и полицейским урядником, и продавцом казенной винной лавки, поживший в разных местах Коми края — Усть-Сысольске, Визинге, Корткеросе и Пожеге (где и упокоился в 1908 г.). У Михаила Ивановича и его жены Анны Осиповны было два сына (Николай и Иван) и пять дочерей (Агния, Мария, Анна, Евдокия и Александра). После 1914 г. семья вернулась в Усть-Сысольск.

Николай, родившийся в 1894 г. (вероятно, в Корткеросе), сыграл выдающуюся роль в становлении спорта в Коми крае. Вернувшись из армии на родину в 1918 г. в чине прапорщика, он деятельно занялся организацией спорта в Коми крае — работал в усть-сысольском уездном военкомате, являлся инструктором всеобщего (всеобщее военное обучение), стал одним из организаторов образцового военно-спортивного клуба «Заря», созданного 1 марта 1920 г. при уездном отделе всеобщего и вскоре преобразованного в любительский спортклуб — первый в Коми крае, входил в совет старейшин, который на общественных началах занимался всей оргработой в клубе. Н. М. Жеребцов судил различные спортивные состязания, перед выступлениями спортсменов клуба читал лекции для собравшихся зрителей. В 1920 г. в Усть-Сысольске появилась первая в крае футбольная команда, одним из инициаторов создания которой также явился Н. М. Жеребцов, сам игравший в футбол. В 1921 г. состоялась первая летняя олимпиада коми спортсменов, организация и проведение которой также не обошлись

без участия Н. М. Жеребцова. Летом 1924 г. он стал ответственным секретарем областного Совета физической культуры. Под руководством Н. М. Жеребцова в 1925-1926 гг. началось строительство первого в Усть-Сысольске стадиона «Наш ответ Чемберлену» с футбольным полем и беговой дорожкой. Н. М. Жеребцов часто печатал в газетах статьи и заметки о состоянии физкультурно-спортивной работы в Коми области, подписываясь псевдонимом Робур. В течение восьми лет он руководил областным Советом физической культуры. По словам бывшего инструктора всеобщей физкультуры П. Малиновского, хорошо знавшего Жеребцова, Николай Михайлович «умело воспитывал спортивную смену. Известные в республике спортсмены братья Жилины, Мария Другова, Мария Кузнецова, Герой Советского Союза Николай Оплеснин

обязаны ему своими успехами». Н. М. Жеребцов женился на Серафиме Аполлоновне Шумковой из семьи церковнослужителей, живших в селе Зеленец, недалеко от Усть-Сысольска. В 1925 г. у них родился сын Любомир, в будущем — крупный коми ученый, один из организаторов коми этнографической науки, много лет руководивший этнографическими исследованиями в Коми республике, отец и дед авторов этой статьи.

Исследования истории сыктывкарского рода Жеребцовых продолжают. Плодотворно исследуются историками и краеведами и генеалогия ряда других старинных местных семейств, например, Сухановых. В перспективе намечено изучение истории всех наиболее древних сыктывкарских (усть-сысольских) фамилий и издание книги на эту тему.

Н. В. Насонова (Москва)

КУПЦЫ ГУНДОБИНЫ ИЗ МУРОМА И ИХ ПОТОМКИ

Несколько лет назад моя мама составила родословное древо семьи Гундобиных, и только в прошлом году этой информации было суждено воплотиться в небольшой исторический экскурс городской семьи купцов Гундобиных. Погружение в семейную историю оказалось довольно увлекательным занятием. Благодаря и вопреки или, наоборот, вопреки, но благодаря любовно сохраненным нашей семьей, ближайшими родственниками, а также нашими более далекими родными семейным архивам, удалось немного проникнуть вглубь веков. Увидеть старые фотографии, письма и документы и прочитать о событиях, которые происходили с семьей. Что же осталось в архивных папках семьи? Метрики, свидетельства о рождении и браке, свидетельства о смерти, документы о профессиональной деятельности, включая трудовые книжки, заявления о приеме на работу, дипломы и другие бумаги, отражающие основные вехи в жизни членов семьи; автобиографии, переписка личная и деловая, а также благодарности, почетные грамоты, статьи в газетах к юбилеям и прочее. И, конечно, правительственные награды: ордена и медали. Все эти документы имеют большую историческую ценность не только для нашего семейного круга; они ценны и как свидетельства жизни простых людей в ушедшую эпоху.

Не меньше информации содержится и в огромном фотоархиве, который нам удалось собрать. Весь материал, который касается жизни наших предков в XIX и в начале XX вв., основан на анализе старых фотографий из архивов нескольких, живущих в настоящее время, ветвей семьи Гундобиных и сохраненных устных воспоминаниях.

Глава семьи Иван Петрович Гундобин — купец, почетный гражданин г. Муром, был дважды женат, его

вторая жена Елизавета Васильевна Сорокина была дочерью муромского купца. К 1891 г. в его семье было шестеро детей — один сын Петр и пять дочерей — Надежда, Анна, Мария, Елизавета, Софья.

Поскольку я только в самом начале исследования архивов своей семьи, то в этой статье я намету лишь пути продвижения к цели — созданию небольшого печатного издания истории семьи на память детям, их потомкам и, конечно, родственникам, не только тем, которых я знаю, но и тем, которые мне еще не знакомы. Итак, приступаем к рассказу.

История моей семьи и проста, и сложна. Именно из-за того времени, в котором жили наши предки. Ну, им и досталась доля!

Жизнь в доме Гундобиных была заполнена с раннего утра и до позднего вечера заботами о делах торговли. В пять утра все дети (от шести лет) приходили в лавку и выполняли различные задания отца, а мать занималась завтраком. Все дети Гундобиных были приучены к труду с раннего детства. Основной задачей родители считали получение образования, и поэтому все девочки, как ранее было принято, получили начальное домашнее образование, а затем учились в гимназии.

В семье осталась память о гувернантке, которая учила Лизу и Соню. Она брала длинный карандаш, методично ударяла им по голове девочек и велела произносить: «Глупое, несчастное существо, лишенное всяких способностей. Тебе надо плакать, плакать и плакать». Эта присказка веселит нас до сих пор. Всех девочек, по-видимому, учили музыке и пению, они вязали, рисовали и вышивали бисером. Наименее известны нам судьбы старших дочерей Анны и Надежды. Знаем только, что они вышли замуж за двоюродных братьев Владимира и Сергея Шемякиных, оба они

из Владимирской губернии. Один из них помещик, а второй — вино- и конезаводчик. Сведения о братьях обрываются сразу после революции. Сын Владимира — Алексей Шемякин — был проректором в школе-студии МХАТ. Он ушел из жизни в середине 60-х годов прошлого века, оставив о себе добрую память среди студентов — будущих известных актеров. Дочь Сергея Шемякина — Наталья Сергеевна Воронова — многие годы преподавала английский язык в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Сын Натальи Сергеевны, Михаил, ушел из жизни в 2000, а ее внуки Наталья — строитель и Николай — бизнесмен живут в Москве.

Старшая из дочерей Елизаветы Васильевны — Мария — продолжила образование во Франции на медицинском факультете Сорбонны, в 1908 г. вышла замуж за муромского судовладельца Александра Ефимовича Маслова, и их семья переехала в Москву. Судьба этой семьи также не простая, поскольку уход из жизни А. Е. Маслова в 1921 г. принес большие проблемы. Мария Ивановна вынуждена была переехать из Москвы в подмосковный поселок Чулково, и ее дети — Дима и Таня — смогли вернуться в Москву лишь в 70-е годы прошлого века.

С детьми Марии Ивановны Татьяной и Димой дружили всей нашей семьей. Сын Татьяны — Александр Владиславович Дмоховский — строитель, кандидат технических наук, внук, Владислав, тоже строитель; правнучки Валерия и Евгения.

Еще более трагически сложилась жизнь средней сестры — Софьи Ивановны Гундобиной. Ее мужа, муромского почетного гражданина, известного коллекционера Алексея Федоровича Жадина, в 1918 г. расстреляли по ложному обвинению. Оставшись с тремя детьми — Натальей, Игорем и Олегом, — Софья Ивановна переехала с помощью брата в подмосковную Малаховку, откуда ее в 1947 г. сослали в Сибирь как члена семьи пропавшего без вести на войне сына Игоря. Второй сын Софьи Ивановны — Олег — уехал на Камчатку, где и погиб. Семья дочери Натальи из-за бизнеса ее мужа была сослана за стокилометровую зону от Москвы в город Кинешму Ивановской области.

Наталья Алексеевна Жадина вышла замуж и у нее — двое детей: Марина и Владимир. Владимир — педагог, Марина — химик, кандидат химических наук. Сын Марины, Григорий, — тоже кандидат химических наук, работает над докторской диссертацией. У Григория две дочери — Анна и Маша — творческие личности. Младшая дочь — Елизавета Ивановна Гундобина — окончила Муромскую гимназию в 1907 г., а в 1918 переехала в Москву и поступила на историко-филологический факультет Московского университета, но вскоре, бросив учебу, поступила в театральную студию В. И. Немировича-Данченко. Лиза была любимой артисткой Немировича-Данченко, который дал ей прозвище «Красивая». Она с успехом пела заглавные партии в «Лизистрате» и «Дочери Анго». Ее муж, Сергей Александрович Трушников, был первым адми-

нистратором Московского Художественного театра, и в их доме часто гостили, а иногда ночевали многие великие мхатовские Старики. На протяжении долгих лет общения с тетей Лизой мы наслаждались ее рассказами о Художественном театре и его великолепных актерах. Нам, конечно, сильно повезло, и мы посмотрели все спектакли как в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, так и в Художественном, сидя на галерке и впитывая атмосферу русской культуры.

Единственный сын Ивана Петровича и Елизаветы Васильевны — Петр Иванович Гундобин — мой дед, родился 24 мая 1885 г. Дальше мой доклад будет посвящен жизни этого человека, его семье и ныне живущим его потомкам. Жизнь семьи Петра Ивановича Гундобина можно разделить на несколько периодов: жизнь в Муроме с родителями и сестрами, учеба в Технологическом институте в Санкт-Петербурге, женитьба и работа, переезд в Москву.

Купцы знали, как и во что лучше всего вложить деньги — в образование детей. В семье Гундобиных культивировалась дружба и любовь. В последующие непростые годы и даже десятилетия дети поддерживали друг друга и совместно воспитывали своих детей. Члены семьи не замкнулись в своих несчастьях, а просто вместе продолжали идти по жизни, и центром семьи после ухода из жизни родителей Ивана Петровича и Елизаветы Васильевны стал их единственный сын Петр и его любимая жена, Мария Давидовна Бандурина.

Как познакомилась и встретилась бабушка и бабушка, я не знаю, но историю их любви я прочитала в письме бабушки к его родителям. Это письмо — семейная реликвия. Дедушка нам рассказывал об этом письме и приводил из него самые сильные доводы.

Вот эта история. Жена бабушки Пети, моя бабушка, урожденная Мария Давидовна Бандурина, родилась 3 апреля 1886 г. в деревне Липовке Царицынской губернии в семье служащих. Отец Марии служил в сельсовете сначала техническим работником, а после революции секретарем. В четырнадцать лет Мария Бандурина уехала в Астрахань и поступила на полный пансион в гимназию, которую окончила с отличием в 1906 г. и уехала в Санкт-Петербург учиться на Высших инженерных женских курсах. Во время учебы она зарабатывала на жизнь, давая уроки русского и французского языков, и проходила практику на строительстве Императорского моста, работая чертежницей.

В 1907 г. Петр Иванович Гундобин уехал учиться на химический факультет Технологического института в Санкт-Петербурге. Дедушка Петя рассказывал, что он полюбил Машу (бабушку) с первого взгляда, но ухаживать пришлось долго. «Хороша Маша, но не наша», — это его слова. Маруся дала согласие на помолвку в 1910 г., и Петр 29 ноября написал своим родителям письмо на восьми страничках с убедительной просьбой разрешить ему жениться на Маше и прислать денег. Это, по-видимому, была его вторая просьба, т. к. Петр ссылается на ответное письмо родителей

с отказом в разрешении и финансировании женитьбы. Петр пишет, что он любит Марусю, и что «любовь не картошка, не выкинешь в окошко». Маруся увольняется с работы и ждет Петю, чтобы выйти замуж.

Петя одалживает деньги у своей сестры Марии, но родители все же высылают 30 рублей телеграфом, и он едет жениться. 12 февраля 1911 г. Петя и Маруся венчаются в Христорождественской церкви (церковь не сохранилась) города Мурома. Они прожили вместе шестьдесят один год, вырастили четверых детей: трех мальчиков и одну девочку — мою маму.

Их совместная жизнь началась в тяжелые времена перемен и потрясений: мировая война, революция, гражданская война. Жить было трудно, и дедушка, поступив учиться в одно из старейших учебных заведений России (Технологический институт Николая I основан в 1828 г.), вынужден был прерывать обучение, чтобы зарабатывать средства на содержание семьи. Временами он возвращался в Муром, где работал в лавке отца. В 1913 г. Петр Иванович перевелся в Москву в Московское Высшее техническое училище (МВТУ), и с 1915 по 1919 гг. работал в мастерской медикаментов при МВТУ в качестве химика.

Начало XX в. было временем становления и развития химической науки и промышленности России, и основные химические кадры были сосредоточены в Санкт-Петербургской техноложке и МВТУ. Петр Иванович Гундобин вместе со своими учителями Н. Е. Чичибабыным и В. М. Родионовым участвовал в разработке технологических процессов важнейших обезболивающих препаратов — алкалоидов опия — таких, как морфий, кодеин, папаверин. В 1919 г. он провел обширные исследования по препарату пантопону и предложил новый оригинальный метод приготовления этого ценного лекарства, который был запатентован и внедрен в производство. Наконец появилась возможность у Петра Ивановича закончить МВТУ и получить высшее образование по ускоренной программе. Это событие произошло в 1920 г., и П. И. Гундобину был вручен диплом МВТУ по кафедре химии и технологии фармацевтических веществ.

Петр Иванович в 1923 г. приглашен его учителем, впоследствии другом, академиком Владимиром Михайловичем Родионовым в качестве ближайшего сотрудника на завод «Тригор» для работы в области промежуточных продуктов красочной промышленности. П. И. Гундобин проработал на заводе до 1928 г., успешно проводя ценные исследования технологического характера и предложив практически важные способы производства необходимых промышленности продуктов. Дедушка переписывался с Владимиром Михайловичем, когда тот находился в Германии и Франции. В. М. Родионов и П. И. Гундобин еще до войны получили Сталинскую премию. Владимир Михайлович рекомендовал дедушку в ЦЕКУБУ, и дедушка написал статью о Родионове, но она не была опубликована. Дедушка так никогда и не опубликовал свои работы, как рекомендовал ему В. М. Родионов, поэтому и ученой

степени у него не было.

С 1928 г. и до ухода на пенсию Петр Иванович Гундобин работал на Московском Дорогомиловском химическом заводе. П. И. Гундобин является основателем и руководителем опытно-нарабочного цеха, в создание которого он вложил много сил и душевного тепла. Этот цех, в буквальном смысле, является его детищем. Работая на заводе, Петр Иванович не прекращал свою научную творческую деятельность. Им разработаны новые технологии производства важных полупродуктов для получения поверхностно-активных веществ и красителей. В то время было важно наладить отечественное производство этих препаратов и освободиться от ввоза их из-за границы, и Петр Иванович успешно решал возникавшие проблемы. С 1935 по 1941 г. Петр Иванович работал в центральной заводской лаборатории. За эти годы им сделано очень много для совершенствования производств завода. Особенно ценной была инициатива Петра Ивановича во время Великой Отечественной войны, когда он собрал старых производственников, не могущих по состоянию здоровья работать в производственных цехах, организовал малолитражную установку, где успешно получал многие продукты, весьма нужные стране: стрептоцид, сульгин и другие, в том числе и сахарин. В дальнейшем малолитражная установка выросла, как ранее я говорила, в опытно-нарабочный цех № 26.

Правительство оценило заслуги Петра Ивановича Гундобина во время Великой Отечественной войны, наградив его орденом «Знак Почета», медалью «За оборону Москвы» и другими, а в 1954 г. — орденом Ленина.

В 1960 году, когда Петр Иванович уходил на пенсию, его чествовали как национального героя, дарили подарки и посвящали стихи. Одно из них — автор, к сожалению, неизвестен, привожу ниже.

С честью Вы пронесли сквозь годы
Званье нашего человека.
Заслужили себе Вы отдых,
Проработав почти полвека.

Вы с рабочими были вместе,
Вы работали год от года,
И трудились, не зная усталы,
Почти с основанья завода.

Мы желаем, и так это будет,
Вам прожить долгие годы,
Никогда не зная болезней,
И всегда быть здоровым и бодрым!

Старший сын Петра и Марии, Михаил, родился 24 января 1914 г. Он начал учиться в муромской гимназии, а после переезда семьи в Москву закончил школу на Усачевке. В 1934 г. поступил в Московский институт химического машиностроения, который закон-

чил в 1940 г. по специальности «машины и аппараты химической промышленности».

Михаил Петрович был увлекающимся человеком. Занимался альпинизмом. Покорял такие вершины, как Эльбрус, Фьнгнартин, Шаритау, Суллукол-Баши и др. Был инструктором, участвовал в спасательных операциях и получил значок «Альпинист СССР» 1 степени. После окончания института поступил на военный завод в г. Краснозаводске Московской области. В случае взятия города фашистами, Михаил Петрович должен был перейти на подпольную работу. Вся семья оставалась в Москве.

После возвращения из эвакуации в 1946-47 гг. Михаил Петрович работал во Всесоюзном НИИ машиностроения, затем принят на дорхимзавод им. М. В. Фрунзе заместителем начальника механической мастерской. Михаил награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В 1953 г. Михаил переведен начальником отдела оборудования Министерства химической промышленности, где проработал вплоть до смерти.

Со своей будущей женой Зиной Миша познакомился в институте. Они поженились в 1937 г. В их семье родились две дочери: Татьяна (15.10.1939) и Ольга (23.11.1946). Счастливая и радостная жизнь семьи была омрачена неожиданной тяжелой болезнью Михаила Петровича. Он ушел из жизни в расцвете сил в возрасте сорока четырех лет. Сегодня живут и здравствуют внуки Михаила и Зинаиды, бережно храня воспоминания о них. Татьянины дети: Екатерина — кандидат педагогических наук, работает в детском саду. Кирилл — экономист. У Ольги — дочери Оксана и Ирина.

Интересно отметить, что в семье Гундобиных не прерывалась и не прерывается линия детей, связанных с искусством. Я уже говорила, что сестра Петра Ивановича, Елизавета была актрисой. И уже в следующем поколении сын Петра Ивановича — Борис — стал известным художником. Он родился 14 апреля 1921 г. После окончания школы поступил в Строгановское училище и со студенческой скамьи в 1941 г. ушел на фронт. Был дважды ранен и награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Вернувшись с фронта, он закончил Строгановское училище и всю свою дальнейшую жизнь посвятил искусству. Борис Петрович был очень одаренным человеком. Он прекрасно играл на рояле, танцевал, любил и умел фотографировать, занимался профессионально керамикой. Одна из его фундаментальных работ — мозаичное панно на доме Правительства в Махачкале. Осталось ли оно до сего времени, не знаю. Участвовал в разработке дизайна гостиницы «Балчуг» в Москве. Борис Петрович Гундобин был членом Московского Союза художников, неоднократно участвовал в выставках. Женился Борис поздно, его сыну Андрею сейчас 37 лет.

С разницей в один год, в 1925 и 1926 гг., в семье

Петра Ивановича и Марии Давидовны родились младшие дети: Галя и Глеб. К этому времени семья уже получила квартиру. В квартире № 6 на Усачевке проживало огромное количество народа. В отдельные времена там бывало до девяти человек. Здесь жили не только близкие родные, которые приезжали с ночевкой, но и друзья старших детей. Конечно, я не знаю подробностей той жизни (до моего рождения), но когда я подросла, многие из этих людей продолжали приходить и навещать бабушку и дедушку. Присутственный день был воскресенье. Сообща готовили обед, салаты, чистили селедку и прочие яства и звали всех детей с семьями прибыть к определенному (обеденному) времени. Мама и ее братья были очень дружны, и мы, их дети, близкие по возрасту, дружим и сейчас. Сегодня мы уже взрослые, у некоторых наших детей есть свои дети, но мы продолжаем традиции нашей семьи: дружим и помогаем друг другу.

Рассказывать о своей маме оказалось трудно по многим причинам. Первая — потому что о маме, а второе — так мы просто жили, любили, трудились, преодолевали трудности вместе. И совсем не задумывались о том, что когда-то я решу писать о ней, моей маме. Моя мама — самая лучшая, самая добрая в мире мама.

Галина Петровна Гундобина родилась 30 января 1925 г., окончила школу с хорошими и отличными оценками и поступила учиться в МВТУ им. Н. Баумана. Далее привожу выдержку из ее рабочей характеристики. «Творческую трудовую деятельность начала с 1948 года. Работала на предприятиях оборонной и радиопромышленности. С августа 1956 года работала в аппарате Министерства радиопромышленности в должности главного специалиста, а затем в должности начальника отдела. За время работы Галина Петровна Гундобина внесла большой вклад в разработку и внедрение прогрессивных технологических процессов изготовления радиоэлектронной аппаратуры, автоматизированного специального технологического оборудования и контрольно-измерительной аппаратуры». За успехи в работе награждена двумя орденами «Знак Почета», медалями «Ветеран труда», «50 лет Победы», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

До конца своих дней Галина Петровна была любимой мамой и бабушкой одновременно. У Галины Петровны двое детей: я, Наталия Владимировна, и мой брат Борис, трое любящих внуков — Мария — экономист, Илья — проектирует интерьеры, Алексей — студент. Мы все помним ее и чтим.

Младший сын Глеб родился 19 апреля 1926 г. Он был всеобщим любимцем, но озорным и не слишком послушным мальчиком. Высшее образование Глеб получил не сразу, а сначала тяжело поработав в «черном цехе» на заводе «Каучук». Только после этого, как говорил дедушка, Глеб осознал необходимость высшего образования. Его трудовой путь служит примером многим, а его целеустремленность, как и у бабушки, позволила ему стать генеральным директором завода «Каучук».

В течение своей трудовой деятельности получил пять патентов на изобретения. Его работа отмечена правительственными наградами: орденами «Трудового Красного Знамени», «Октябрьской Революции», «Знак Почета» и медалями.

Сегодня на заводе работают люди, которые знали Глеба Петровича. Все они говорят о нем, как о человеке с большой буквы, знающим не только производство, но и вникающим в судьбу каждого своего сотрудника. У Марии (дочери Глеба) уже взрослая дочь Юля — она строитель, кандидат технических наук, дочка Юли, Полина, учится в школе. У дочери Анны сын Глеб — строитель, дочка Ира.

Какой же хочется сделать вывод из разнохарактерного материала о семье Гундобиных? Большая се-

мья моего деда сделала невозможное: сохранила все родственные связи с помощью любви, понимания и терпения. И еще, чудо — это сохраненные архивы и возможность их опубликовать.

В подготовке материала для опубликования принимали участие члены нашей семьи: моя сестра Марина Казанкова, брат Александр Дмоховский, племянницы Екатерина Боякова, Юлия Геллер, Наталья Воронова, мой сын Илья, моя дочь Маша. Хочу подчеркнуть, что без поддержки руководства Муромского музея и его сотрудника Евгении Сазоновой, вообще бы ничего у меня не получилось. Статью о своей семье заканчиваю словами благодарности всем друзьям и родным и коллективу Муромского музея, который и организовал праздник семьи «Родительский дом».

А. П. Керзум (Санкт-Петербург)

РОД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПЕЧАТКИНЫХ И ИХ ПОТОМКОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: К ПРОБЛЕМЕ МУРОМСКИХ СВЯЗЕЙ

Среди чудесных явлений в истории города Муром следует числить и существование в 1920-1950-х годах «келейного» женского монастыря. Его подробной истории пока не существует. Неизвестен и точный персональный состав его членов. Упоминания о группе монахинь Серафимо-Дивеевского монастыря, обосновавшихся в Муроме, есть в книге А. П. Арцыбушева.¹ Краткие воспоминания о последних годах этой группы оставил протоиерей Вячеслав Спиридонов: «Лишенный права служить в Бузулуке, отец переехал во Владимирскую епархию и позвал нас с братом к себе... Архиепископ Владимирский и Суздальский Онисим не возражал, назначив меня служить в Муром, праздновавший тогда свое 1100-летие. В этом уникальном городе, не изменившем за годы советской власти своего уклада жизни, не отрекшемся от Православия, мне посчастливилось встретить бывших насельниц разогнанной Серафимо-Дивеевской обители. В Муроме умерла их игумения Александра (Траковская). Они не оставили ее и после смерти. Из трех священников муромского Благовещенского собора сестры выбрали духовником именно меня... Я застал монахинь в более-менее благополучный период жизни. Большая их часть жила в купленном доме, где было восемь маленьких комнат-клетушечек... У меня исповедовалось человек 15. Помню мать Марию (Барину), бывшую послушницу игумении Александры, мать Иоанну, работавшую к тому времени в свои 70 лет главным терапевтом города, мать Феофанию из княжеского рода Арцыбушевых. Она знала пять языков. Когда на Муромский завод холодильников прибывало импортное оборудование, то всю техническую документацию, несмотря на преклонный 90-летний возраст, переводила она. Мать Зиновия работала медсестрой. Многие монахини тру-

дились медсестрами или нянечками, разводили для продажи цветы. Такие добрые, умные, ученые. Общение с ними было чем-то особенным... В старом чемоданчике они вывезли из Дивеевской обители вещи преподобного Серафима Саровского, которые чтит как священные реликвии. Перед иконой Божией Матери „Умиление“, у которой скончался преподобный Серафим, мы тайно служили акафисты и молебны. И не только мы. К нам приезжал Патриарх Пимен, который до моего приезда был клириком муромского Благовещенского собора. Втайне от посторонних глаз монахини шили здесь патриаршие облачения...»²

Известно, что осенью 1928 г. Серафимо-Дивеевский монастырь был закрыт, а часть монахинь, в числе около сорока, во главе с настоятельницей, матерью Александрой переселились в Муром. Был организован «потаенный монастырь», т. е. монахини пошли на советскую службу и работу, и религиозная связь между ними была духовной, при сохранении, как мы видим, некоторой обрядовой стороны.

У нас есть возможность проследить вехи жизненного пути и семейный контекст одной из монахинь, упоминаемых о. Вячеславом Спиридоновым — матери Иоанны. Ее мирское имя — Вера Васильевна Щербова, в девичестве Эконопниц-Грабовская. Она принадлежала к четвертому петербургскому поколению довольно известного в свое время обширного рода предпринимателей Печаткиных³. На сегодняшний день выявлено около сотни лиц этого клана, связанных родством или свойством. Диапазон сфер деятельности большой семьи захватывал промышленность, торговлю, издательское дело, участие в революционном движении, военную область, науку, организацию советской государственной власти и церковную область⁴. Географический же фон

истории этой династии распространился на Прибалтику, Петербург и его губернию, Германию, Сибирь, Китай, США⁵ и, наконец, Муром.

Матерью Веры Васильевны была Клавдия Константиновна Эконопниц-Грабовская, в девичестве Печаткина (1851-1934), выпускница т. н. Александровской половины Смольного института, совладелица Красносельской, Царскославянской писчебумажных фабрик и Лукашевского целлюлозного завода под Петербургом (умерла в Ленинграде, в коммунальной квартире). Отцом был отставной поручик лейб-гвардии Егерского полка Василий Григорьевич Эконопниц-Грабовский (1830-1900). Старший брат Веры Васильевны — выпускник Ревельской немецкой рыцарской гимназии и Петербургского Технологического института Александр Васильевич Эконопниц-Грабовский (1871-1960) — в 1901-1917 гг., директор Царскославянской бумажной фабрики, в советское время член правления Ленинградбумтреста, в 1926-1930 гг. технический директор Сясьстроя, позже зам. директора по научной части, а затем консультант Центрального исследовательского института бумаги в Ленинграде. В 1930-1931 гг. проходил по «делу Промпартии». Всего у Веры Васильевны было шестеро родных братьев и сестер.

Огромная семья носила вполне патриархальный характер еще в конце XIX-начале XX в. Двоюродный брат В. В. Щербовой Георгий Васильевич Малков-Панин, в своих воспоминаниях подробно изобразивший историю и атмосферу клана, характеризовал семейный быт следующим образом: «После смерти деда (Константина Петровича Печаткина, выпускника Технологического института, скончался в 1895 г. — А. К.) его вдова, моя бабушка Варвара Александровна (также бабушка В. В. Щербовой. — А. К.), стала главой нашего рода... Ему и моей бабке все младшие говорили „Вы”, а они всем — „ты”. Здороваясь, прощаясь и благодаря за еду, сыновья и дочери целовали отцу и матери руку. Все считали своим долгом поздравить бабу в семейные, строго соблюдаемые праздники... 4 декабря, в день Варвары, праздновали именины Варвары Александровны. Ее с утра поздравляли с днем Ангела, а к обеду собиралось столько родных, что столы накрывали в трех комнатах. За главным столом сидели только главные представители наших семей: братья деда с белыми бородами, их жены и вдовы, наши матери и отцы, некоторые тоже уже седые. За вторым столом сидели мои взрослые двоюродные братья и сестры, с женами и мужьями, и, наконец, за третьим — мы, ребята. За первым столом по старообрядческому обычаю мужчины сидели по одну сторону, женщины — по другую (старообрядцами Печаткины не были. — А. К.). Во главе сидела именинница. Второй и третий стол этой традиции уже не соблюдали. Сидели по симпатиям. Произносился тост, и все вставали и шли поздравлять бабушку. Прямого потомства у нее было более 100 человек»⁶.

Родным племянником Вере Васильевне приходился секретарь Совнаркома и личный секретарь

В. И. Ленина Николай Петрович Горбунов. Другая родная племянница, Людмила Александровна Эконопниц-Грабовская со своим мужем-кузеном (кросскузенные браки в этой семье не были редкостью) Александром Александровичем Боярским приняли участие в Гражданской войне на стороне белых, эмигрировали и умерли в Париже. Два ее племянника были расстреляны красными в связи с Кронштадским восстанием. Еще один племянник, Андрей Петрович Горбунов как красный командир был расстрелян «зелеными» на Кавказе. Таким образом, поколение В. В. Щербовой оказалось перед экзистенциальным выбором в 1917 году, и выбор этот был разный.

Вера Васильевна родилась в наследственном доме в Красном Селе под Петербургом в 1880-х гг. (точная дата пока неизвестна). Отец ее был убежденный монархист, мать также придерживалась строгих консервативных убеждений. Несколько более вольнодумным был старший брат, но не левее кадетов, впрочем, по идеологическим убеждениям — толстовец. Другой брат служил в военном министерстве и не отличался либеральными взглядами. Вряд ли мог оказать воздействие на формирование личности Веры Васильевны отдельно живший двоюродный дед — в юности революционер-народник и почитатель Н. Г. Чернышевского — Евгений Петрович Печаткин (1839-1918). Однако начало ее жизненного пути отмечено вполне прогрессистским влиянием. После получения среднего образования Вера Васильевна закончила в 1914 г. Женский медицинский институт в Петербурге. Осенние медицинские испытания прошла в 1913 году. 25 ноября того же года по рассмотрению полученных при испытании отметок удостоена звания лекаря с отличием, уплатив 4 руб. 50 коп. за диплом от 3.07.1914 и 20 руб. за экзамен⁷.

По воспоминаниям знавших ее современников, она в предреволюционный период была левых убеждений. Вера Васильевна служила военврачом в годы Первой мировой войны, а затем и в Красной Армии, участвовала в штурме Кронштадта на стороне красных. Это событие перевернуло ее мировоззрение: она испытала тягу к религии.

Следует отметить, что в большой семье Печаткиных—Горбуновых—Эконопниц-Грабовских соблюдались церковные обряды, но сильных религиозных увлечений не было. Вряд ли могло здесь повлиять и то обстоятельство, что предки отца Веры Васильевны — Василий Григорьевича были священниками на Украине. В ее поколении сведения об этих предках были лишь частью семейного предания. История визита ее бабки Варвары Александровны к о. Иоанну Кронштадтскому за советом — делать ли глазную операцию — передавалась в семейных рассказах с юмористическим оттенком. Таким образом, выбор Веры Васильевны представляется вполне индивидуальным, обусловленным обстоятельствами эпохи.

Около 1923 г. она вышла замуж за Ивана Павловича Щербова (1873-1925), крупного религиозного деятеля в послереволюционном Петрограде.

И для него, и для нее это был второй брак. К этому времени Щербов был вдовцом, а она — вдовой. 30 сентября 1918 года Иван Павлович был избран заведующим Богословско-Пастырского училища и утвержден в этой должности священномучеником Вениамином (Казанским) митрополитом Санкт-Петербургским. Когда в Петрограде была закрыта Духовная Академия, Иван Павлович выступил с инициативой организации высшей богословской школы. В 1919 г. был создан Петроградский Богословский институт⁸. 2 января 1920 года Щербов был назначен митрополитом Вениамином преподавателем, а 23 января был избран проректором института. На нем лежала основная организационная работа. В 1922 г. он подвергался аресту, но был отпущен. Брак с Верой Васильевной продолжался недолго. 31 марта 1925 г., на Страстной седмице, Иван Павлович неожиданно заболел и умер. После этого горестного события Вера Васильевна Щербова стала монахиней Серафимо-Дивеевского женского монастыря под именем мать Иоанна. Обстоятельства ее жизни и занятий в эти годы пока неизвестны. Пребывание непосредственно в монастыре продолжалось не более трех лет: как было сказано, в 1928 г. обитель была закрыта, после чего начался муромский период жизни В. В. Щербовой.

Будучи монахиней не по должности, а по убеждению, Вера Васильевна работала в городе врачом. Вернемся к воспоминаниям В. Спиридонова. Он отметил определенную свободу религиозной жизни монахинь. По его словам, «эту свободу сестры обрели благодаря заступничеству Ворошилова после одной импересной истории. Когда-то он устраивал под Костромой конные маневры, которые закончились большим падежом лошадей. Говорили, что это дело рук „врагов народа“. Собравшись проводить маневры вторично, Ворошилов дал наказ хорошо стеречь местные водоемы. В организации их охраны большую роль сыграла мать Иоанна, урожденная Щербова-Грбовская (Грбовская. — А. К.), работавшая врачом. Ворошилов пригласил ее к себе. Спросил: „Чем вас наградить?“. Она прямо ответила: „Климент Ефремович, я монахиня. Нас здесь очень обижают: обыски делают, вещи отнимают, на работу не принимают. Помогите“. Ворошилов сильно удивился такой просьбе, но собрал городских чиновников и повелел им прекратить репрессии. Помню мать Иоанну, работавшую к тому времени в свои 70 лет главным терапевтом города...» Относительно терапевта В. Спиридонова, вероятно, ошибается. По нашим сведениям, требующим проверки, Вера Васильевна была главным санитарным врачом города Муром. Подлинная ли история заступничества К. Е. Ворошилова за монахинь, или это муромская быличка — сказать трудно. Этот эпизод выглядит как цитата из несуществующей агиографии. Мать Иоанна, она же Вера Васильевна Щербова, урожденная Эконопиц-Грбовская, скончалась в Муроме после 1960 г. Следует отметить, что быт монахинь был довольно строг в религиозном отношении. Внучатая племянница В. В. Щербовой Т. К. Иванова вспоми-

нала, что осенью 1941 г., будучи в возрасте девяти лет, она с двумя кузенами, также внучатыми племянниками матери Иоанны, прибыла в Муром из осажденного Ленинграда по дороге к месту эвакуации. Вера Васильевна не могла разместить их в доме, т. к. не получила на это благословление игуменьи, и дети ночевали на сеновале.

Характерную параллель и вместе с тем контраст представляет судьба двоюродной сестры Веры Васильевны — Екатерины Васильевны Малков-Паниной, Пюхтицкой местночтимой праведницы. Она родилась 15 мая 1889 г. в Свеаборгской крепости. Там служил ее отец — Василий Васильевич Малков-Панин, муж Екатерина Константиновны Печаткиной, тетки В. В. Щербовой, женщины с твердым характером, что было свойственно и всем ее сестрам. Вообще в этом поколении женщины играли, похоже, ведущую роль.

Отец Е. В. Малков-Паниной был военный инженер, создатель фортификационных сооружений в Севастополе и Владивостоке. Катя была любимая дочь отца и единственная из детей сопровождала его в служебных командировках. Из-за болезни матери дети часто проводили время у многочисленных родственников. Однако нет сведений о близких контактах Екатерины Малков-Паниной со своей кузиной Верой Васильевной Эконопиц-Грбовской. Перед Первой мировой войной Екатерина Васильевна закончила естественный факультет Бестужевских курсов, специализировалась по жукам и в 1913 г. стала членом Энтомологического общества. В 1914 г. она закончила курсы сестер милосердия, работала в городском госпитале, как пишут ее агиографы, давала свой адрес ворами и сомнительным личностям, говоря: «Если есть проблемы — лучше приходите к нам». Сначала она работала в Кауфмановской общине, но эта работа ее не удовлетворяла, и она перешла в Георгиевскую общину сестер милосердия, куда поступали тяжелораненные. 28 июня 1917 г. был убит ее брат подпоручик Константин Васильевич Малков-Панин, пошедший на фронт добровольцем, в 1918 умерла ее сестра Наташа, с которой у нее была духовная близость. В 1919 г. Малков-Панины, проживавшие в Гатчине, ушли с армией Юденича из Гатчины в Эстонию. Там Екатерина Васильевна, ухаживая за больными, заразилась тифом. Личная жизнь ее не сложилась. 5 июля 1922 г. она, тридцати трех лет от роду, стала послушницей в Пюхтицком монастыре. Жила в Гефсиманском скиту в 30 км от монастыря. Дальше ее биография становится подлинной агиографией: она любила трудиться, исполняла послушания, но у нее все получалось необычно. Она часто ходила босая, даже зимой. Кожаного ничего не носила, говорила: «Надо подставлять свою кожу, а не чужую». Одну молодую послушницу она учила: «Живи просто. Старайся меньше осуждать. Причина осуждения — от невнимательной жизни». Говорила, что гордость — поглотитель всех добродетелей. «Один раз весь пост она лишь святую воду да частицы просфор вкушала, а в Страстную пятницу при всем народе яичко выпила. Кто же после этого поверит, что она постилась! Так она и делала, чтобы

не замечали ее подвигов и считали просто глупой. Мать Екатерина вообще мало вкушала. Придет к нам на подворье, возьмет тарелочку от кошки и все съест. Так себя уничижала и мучила. Не было такого, чтобы она пришла и с сестрами пообедала — в мусорном ведре пособирает или от кошечки съест». Много было написано о ее пророческом даре и спасении молитвой Пюхтицкого монастыря в 1962-1963 гг. Ей приписывают следующее высказывание: «Я отказалась от своего разума, разумеется, для славы Божией, покорив Ему всю свою волю. Принесла жизнь свою в дар Богу. А Бог дарует человеку благодатный дар высшего рассуждения и прозрения. Откровение же Божие получается через молитву».

¹ Арцыбушев А. П. Милосердия двери. — М., 2001. — С. 32, 38.

² <http://www.rusk.ru/st.php?idar=17411>

³ Керзум А. П. Печаткины // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. — СПб., 2006. — Т. 2. — Кн. 5. — С. 323-327.

⁴ Керзум А. П. Печаткины: Взаимосвязь писчебумажного производства и издательско-книготорговой деятельности // Книжное дело в России в XIX-начале XX века. — СПб., 2003. — Вып. 11. — С. 8-20; он же. Красносельская писчебумажная фабрика как культурно-историческое явление // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. — СПб., 2007. — С. 151-164; Баренбаум И. Е. Е. П. Печаткин — земледелец-пропагандист 60-х годов XIX века // Проблемы истории общественного движения и историографической науки. — М., 1981. — С. 98-106; Керзум А. П., Иванова Т. К. Петр Михайлович Горбунов — создатель Фабричного поселка в Красном Селе // История Петербурга. — СПб., 2004. — № 2. — С. 51-58.; Бондарев Л. Г. и др. Горбунов Алдар Петрович. —

Постриг она приняла только в 1966 г., причем пострижение совершил будущий патриарх Алексий II. Скончалась она в 1968 г.⁹

Таким образом, перед нами схожие судьбы представительниц одного клана, принадлежащих к одному поколению в одну и ту же историческую эпоху. Они демонстрируют своего рода «третий путь», третий вариант ответа на вызов эпохи — ни к красным, ни к белым, но от мира сего. При этом, если Е. В. Малков-Панина в благополучном Пюхтицком монастыре в благополучной Эстонии вообще отказывается от земного разума, то В. В. Щербова, нашедшая земное и духовное пристанище в Муроме, обращает свой земной разум на служение людям и духовному монастырю.

Якутск, 2000; Горбунов Н. П. Государственная власть в СССР: Высшие органы власти и их руководители: Историко-биографический справочник. — М., 1999. — С. 269-270; Краснопольский А. В. Отечественные географы. — СПб., 1993. — Т. 1. — С. 227-228; Смирнов А. В. Григорий Петрович Горбунов // Исследования фауны морей. — 1994. — Вып. 49 (57). — С. 4-13 и др.

⁵ Исаенко (Печаткина) // Чуваков В. Н. Незабываемые могилы. — М., 2001. — Т. 3. — С. 103.

⁶ Малков-Панин Г. В. На рубеже двух эпох // Невский архив. — СПб., 2001. — Вып. 5. — С. 9-100.

⁷ ЦГИА СПб. — Ф. 436. — Оп. 4. — Д. 1165.

⁸ Бовкало А. А., Галкин А. К. Св. митрополит Вениамин и Петроградский Богословский институт // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Института: Материалы 1999 г. — М., 1999. — С. 350-356.

⁹ Михайлова М. Три ступени до царствия небесного // Православный С.-Петербург. — 2002. — № 11 (28).

Е. А. Сорокоумова (Москва)

СЕМЬЯ КНЯЗЕЙ ЗВЕНИГОРОДСКИХ

Знание биографии предков составляет одну из главных сторон самосознания. И кто не дорожит памятью их, тот сам забудется своими потомками.

«Русский архив», 1871

Род князей Звенигородских начинается от святого благоверного князя Михаила Черниговского¹. В роду Звенигородских князь Иван Александрович — воевода, избранный в 1436 г. в наместники Пскова «самими псковичами»; боярин и воевода князь Иван Иванович — один из главных начальников войск против царя казанского Ибрагима, в 1467 г.; князь Данило Васильевич служил военачальником в разных походах, потом принял иноческий сан в Волоколамском монастыре; князь Григорий Васильевич, который был наместником при царе Федоре I «сперва в Рославле, затем в Брянске и потом в Чернигове», и много других славных предков, служивших царю и отечеству².

Федор Иванович Звенигородский, отставной полковник лейб-гвардии гусарского полка, владел полутора тысячами душ крестьян в Ардатовском уезде

Нижегородской губернии. Указом Павла I в 1797 г. «в вознаграждение усердной службы в вечное и потомственное владение» Ф. И. Звенигородскому было пожаловано имение Котовка. Здесь у Федора Ивановича и его жены Александры Алексеевны, урожденной Хомутовой, появляются на свет четыре сына и две дочери.

Один из сыновей Дмитрий, 1811 года рождения, поступает в привилегированный Московский кадетский корпус в августе 1822 г., из которого он был выпущен корнетом кирасирского принца Альберта Прусского полка. Ему вместе с полком довелось принять участие в подавлении польского восстания 1831 г. Незадолго до наступления 1837 г. штабс-ротмистр князь Д. Ф. Звенигородский за болезнью был уволен в отставку. Обосновавшись в родовом поместье, князь в 1840 г. выгодно женился на княжне Александре

Ивановне Енгальчевой. Женитьба действительно была выгодной, поскольку князя Енгальчевы, владельцы князя Мордовские, принадлежали к древнейшему тамбовскому дворянству и находились в родстве с князьями Гагариновыми, Волконскими, Оболенскими³. Кроме того, Дмитрий Федорович получил хорошее приданое в виде имений в Тамбовской и Нижегородской губерниях. Спустя пять лет Дмитрий Федорович был внесен во вторую часть дворянской губернской родословной книги (военное дворянство), бумаги же с доказательствами на княжество пропали при странных обстоятельствах⁴.

Князь Д. Ф. Звенигородский в 1854 г. был избран ардаатовским уездным предводителем дворянства; в конце 1858 его избрали ардаатовским земским исправником, а через месяц — директором уездного попечительского комитета о тюрьмах, коим он оставался (с небольшими перерывами) вплоть до кончины в своем родовом поместье, селе Котовке, 17 января 1890 г. У Дмитрия Федоровича Звенигородского и его жены Александры Ивановны были четыре дочери и два сына — Владимир и Иван, вернувшие княжеское достоинство роду. В книге «Титулованные роды Российской империи» записано: «Род князей Звенигородских происходит — от князя Адриана Мстиславовича Звенигородского, потомка Великого князя Рюрика в тринадцатом поколении. Величайшее утверждение, 6 декабря 1899 года, мнением Государственного Совета признаны в княжеском Достоинстве князей Звенигородские, Владимир и Иван Дмитриевичи с нисходящим от них потомством»⁵.

Старший сын, князь Владимир Дмитриевич, также взял в жены девицу из княжеского рода Енгальчевых, княжну Анну Андреевну, свою троюродную сестру. Будучи председателем Ардаатовской земской управы, князь Владимир Дмитриевич «превысил свои полномочия и уменьшил сборы в уезде на 24 копейки со ста рублей», и «в ноябре месяце 1879 года, по распоряжению Московского Генерал-губернатора был выслан административным порядком в Вятскую губернию, в город Слободское»⁶. Долгие шесть месяцев князь жил вдали от своей жены и детей. К этому времени в семье уже было трое детей: Александра Владимировна (Лисонька, как ласково называли ее родители, 1876 г. р.), Андрей Владимирович, наследник и продолжатель княжеского рода, родившийся 26 июня 1878 г., и Владимир Дмитриевич, который родился 6 января 1880 г. Это было тяжелое время для всей семьи. В Слободском Владимир Дмитриевич жил в доме своих родителей, которые «хлопотали» по его делу. В судьбе Дмитрия Владимировича принимал участие и его брат Иван Федорович, женатый на родной сестре генерал-майора Михаила Ивановича Кислинского, происходившего из старого дворянского рода, принадлежавшего к Тверской губернии⁷. Жена Дмитрия Федоровича, Анна Андреевна, едва оправившись от болезни, уложившей ее в постель (причиной которой стал внезапный арест мужа и его высылка), в феврале 1880 г. отправилась

к московскому генерал-губернатору князю Владимиру Андреевичу Долгорукому с прошением разобраться в деле ее мужа. Потребовалось вмешательство государя Александра II, чтобы дело было прекращено. Дмитрий Федорович был оправдан и смог вернуться в Ардаатов, семья воссоединилась и зажила обычной жизнью. Жизнь потекла своим чередом. В 1882 г. в семье появился третий сын — Николай, а в 1885 — Дмитрий. Последним ребенком в семье Звенигородских стала Татьяна Владимировна, родившаяся в 1893 г. Все дети внесены в родословную дворянскую книгу Нижегородской губернии, во вторую часть в 1888 г.

Анна Андреевна занимается хозяйством и воспитанием детей, а Дмитрий Федорович вновь избран земским Дворянским собранием на пост председателя Ардаатовской земской управы.

Андрей Владимирович, последний князь из этого славного рода, получил достойное домашнее воспитание.

В начале прошлого столетия передовое и наиболее образованное сословие — дворянство — удовлетворяло потребность в образовании детей главным образом тремя путями: оно или помещало детей своих в специальные и сословные учебные заведения, или воспитывало их дома, или отдавало в частные пансионаты, содержавшиеся в столицах и некоторых губернских городах преимущественно иностранцами.

Гимназиями того времени дворяне почти не пользовались, быть может, избегая соединения своих детей с детьми разночинцев, поскольку гимназии были все-сословны. Но с тридцатых годов девятнадцатого века правительство, желая урегулировать дело просвещения юношества и привлечь дворянских детей к правительственной школе, предоставило дворянству право открывать при гимназиях благородные пансионаты или даже учреждать особые дворянские учебные заведения под контролем правительства. И в 1837 г. при нижегородской гимназии был открыт благородный пансион. Однако вскоре дворянство признало учреждение благородного пансиона для своей цели недостаточным: «Учение в гимназии оканчивается только приготовлением юношества для поступления в университет или в учителя низших учебных заведений. Нижегородское же сословие дворянства желает посредством достаточных от себя пожертвований иметь высшее училище»⁸.

Таким образом возникает Нижегородский дворянский институт. Желание дать возможность воспитанникам института продолжить образование в университете заставило учредителей института принять для него программы тогдашних гимназий. Но вместе с тем они ввели в институт и преподавание таких предметов, которых не было в гимназиях, но которые считались учредителями института необходимыми для образования дворянина-помещика (законоведение, естественные науки и сельское хозяйство).

В возрасте десяти лет на основании прошения его отца Андрей Владимирович был допущен к вступительным экзаменам в Нижегородский дворянский институт императора Александра II. Вступительные

экзамены — закон Божий, арифметика и русский язык — были сданы успешно, и юный князь становится учеником дворянского института, подготовительного класса.

Но учиться пришлось всего два года. В январе 1891 г. Андрей Владимирович выбыл из института по болезни: в возрасте двенадцати лет перенес несколько «ужасающих операций». Во время последней молился и пел молитвы. При передвижении несколько волочит ногу. Она неподвижный жестокий зигзаг, мешающий другой ноге. Хирурги в Москве удивлялись, кто мог так варварски сростить ногу почти в самом бедре⁹. Повторно он был зачислен в институт в возрасте четырнадцати лет вместе со своим двенадцатилетним братом Владимиром во второй класс.

Большое внимание в учебных программах уделялось литературе, истории, рисованию, музыке. Талантливые институтские учителя прививали студентам вкус к классике (произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Я. Полонского, А. Фета), а также учили их литературному творчеству. Позднее, уже живя в Москве, на просьбу Е. Я. Архипова назвать шесть поэтов, о которых он можете сказать, что любит, Андрей Владимирович отвечает: «Пушкин, Лермонтов, Тютчев, А. К. Толстой, Случевский, Жуковский». А на вопрос о том, какие тома книг стихов и тома книг прозы вы оставили бы навсегда с собой, Е. Я. Архипов получает ответ: «Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Полонского, А. К. Толстого, Случевского, Жуковского; Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Тургенева, К. Леонтьева. Кроме того, Андрей Владимирович делает уточнение: «„Тарас Бульба” и „Вий” — мировые шедевры. Выше этих произведений ничего не знаю во всем мире. Весь склоняюсь перед Гоголем»¹⁰.

Один или два раза в год проходили в институте литературно-музыкально-вокальные вечера, подготовленные студентами при помощи заведующего местным отделением Императорского музыкального общества, свободного художника Василия Юльевича Виллуна, на которые приглашались попечители института, представители нижегородского дворянства и родственники воспитанников.

С четвертого по шестой класс А. В. Звенигородский получал стипендию имени капитан-лейтенанта И. Н. Суцова, которую тот учредил на проценты со своего капитала. Уже в институте обозначилась склонность будущего поэта к языкам, словесности, истории, и в «Нижегородских земских ведомостях» в 1896 г. были опубликованы его первые стихи¹¹.

Однако постепенно, с введением реформы образования графа Д. А. Толстого, институт по учебному курсу перестал отличаться от классических гимназий. В связи с этим или по каким-либо другим причинам, пребывание юного князя Андрея в дворянском институте закончилось в 1897 г. Его отец пишет прошение на имя директора института: «Предполагая поместить сына, ученика седьмого класса Андрея Звенигородского, в другое учебное заведение, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряже-

ние об увольнении его из числа учеников института и выдать мне документы вместе со свидетельством об успехах и поведении его. Август, 2 дня, 1897 года»¹².

С сентября 1897 г. А. В. Звенигородский становится учеником Елатомской мужской гимназии Тамбовской губернии. Мужская гимназия в уездном городе Елатье имела хорошую славу. Она была открыта 26 сентября 1873 г. в виде четырехклассной прогимназии и по высочайшему повелению преобразована в 1881 г. в гимназию. Первый выпуск семиклассная гимназия имела в 1883 г. Ученики изучали такие предметы, как закон Божий, русскую историю и русскую словесность, географию, математику, физику, латинский, немецкий и греческий языки. А с 1886 г. гимназия становится восьмиклассной. Добавляются новые предметы, среди которых французский язык. Показательны темы сочинений, которые писали учащиеся на переводных экзаменах: «Значение Петербурга в жизни России», «Терпение и труд все перетрут», «Делая добро, не думай о награде», «Береги честь смолоду» и другие, т. е. те, которые давали ученикам возможность задуматься о своем предназначении в жизни¹³. Кроме того, здесь, в Тамбовской губернии, были имения князя Андрея Николаевича Енгальчева, деда Андрея Владимировича со стороны матери.

Уже будучи воспитанником елатомской гимназии, Андрей Владимирович, будущий поэт и крикик, издает свой первый сборник юношеских стихов «На память». Этот сборник выходит в Нижнем Новгороде в 1879 г. В него вошло всего восемь стихотворений, написанных юным поэтом в 1896, 1897, 1898 г. Директор гимназии в гимназическом зале перед всеми учениками поздравил смущающегося юношу с выходом первого сборника¹⁴.

Накануне окончания гимназии в семье Звенигородских произошла трагедия. В сентябре 1900 г. в возрасте сорока девяти лет умирает Анна Андреевна, мать Андрея. Это было тяжелое потрясение для юноши двадцати двух лет лет.

Однако в 1901 г. выпускник елатомской мужской гимназии поступает в Московский университет на юридический факультет. Здесь он встречает своих бывших соучеников по Дворянскому институту — Б. А. Садовского и М. А. Цявловского, знакомится с Е. Я. Архиповым. Все они — студенты историко-филологического факультета, деканом которого был профессор А. А. Грушка. Дружба с этими людьми будет пронесена через всю жизнь и во многом определит судьбу поэта Звенигородского. Еще два страшных события оставили глубокий след в душе Андрея Звенигородского — смерть отца, Владимира Дмитриевича, который скончался в Ардатове в 1904 г., и революция 1905 г. Горечь утраты любимых людей не покинет князя Андрея всю жизнь. Единственным замечательным событием тех дней становится удивительная находка. «В 1905 в селе Куженьяево Ардатовского уезда у священника Вилкова, мною найдены 26 писем П. Я. Чаадаева к его брату Михаилу. По ним впервые установлен заграничный маршрут П. Я. Чаадаева»¹⁵.

С этого времени Андрей Владимирович начинает заниматься биографией Чаадаева¹⁶, декабристов¹⁷, публикует несколько статей о пребывании А. С. Пушкина в Нижегородской губернии¹⁸.

В год окончания университета (1906) в типографии В. И. Воронова на Моховой улице выходит сборник стихов А. В. Звенигородского «*Delirium Tremens*», вызвавший критику со стороны А. Блока и В. Брюсова¹⁹.

Московское студенчество в те годы увлекалось декадентской литературой. Читали альманахи «Скорпион», «Весы», «Гриф», журналы «Мир искусства», «Новый путь». На поэтическое творчество молодого поэта А. Звенигородского, как и многих других русских поэтов конца девятнадцатого века, несомненно, оказали влияние стихи К. Бальмонта, да и стихи самого В. Брюсова не оставляли юного поэта равнодушным. Позднее, в 1932 г., отвечая на вопросы Е. Я. Архипова по литературе, Андрей Владимирович напишет, что он отошел от Брюсова и от всей школы символистов²⁰.

После смерти отца на двадцатипятилетнем Андрее ложится вся забота о семье и имени. Поэтому, по окончании университета в 1906 г., получив диплом второй степени²¹, Андрей Владимирович возвращается в Ардатов, где становится начальником сначала первого, а затем четвертого участка по Ардатовскому уезду. В то время предводителем уездного дворянства и председателем земской управы был действительный статский советник князь Иван Дмитриевич Звенигородский, дядя Андрея Владимировича, который много помогал своим племянникам, заменив им отца. Деятельность И. Д. Звенигородского во многом способствовала развитию Ардатовского уезда. Он всемерно поощрял развитие мелкого производства, торговли, ремесел, много сделал для здравоохранения и образования²². При нем открылся картофельный завод в Осипове (крахмальный завод в Ардатове).

Чиновничья должность не мешает князю Андрею заниматься стихосложением. Он публикует стихи в нижегородских изданиях («Нижегородская земская газета», «Нижегородские губернские ведомости») и изданиях Владикавказа: «Казбек» и «Терек». Во Владикавказе живет его университетский друг Е. Я. Архипов, с которым у А. В. Звенигородского установились прочные связи. В 1909 г. в Москве, выходит новый сборник «*Sub Jove Frigido*» (цитата из Горация: «Под холодным небом»), который автор посвящает его своему другу — Евгению Яковлевичу Архипову (25).

«А. В. Звенигородский как поэт представляет собой, бесспорно, крупную и яркую величину.

Уже два первых сборника его произведений „*Delirium Tremens*” (1906 г.), „*Sub Jove Frigido*” (1909 г.) обратили на себя сочувственное внимание литературных критиков, отметивших в авторе большое лирическое дарование. Ближе всего, подходя по направлению своей поэзии к Фету и Полонскому, А. В. Звенигородский обнаруживает однако все данные самостоя-

тельного, оригинального художника слова, и чем дальше, тем заметнее выступают специфические особенности его творческой личности и манеры — яркий и разнообразный язык, меткие образы, сравнения. Эпитеты. Величайшая искренность настроения. Зоркая наблюдательность по отношению как к внешнему миру (в особенности — русской природе и крестьянскому быту), так и к личным, интимным переживаниям, умение концентрировать свою мысль в немногих словах, полное отсутствие натянутых выражений, искусственных рифм и каких бы то ни было „пустых мест”. Такой отзыв о первых двух сборниках стихов поэта дает А. А. Грушка²³.

С 1910 г. А. В. Звенигородский избирается членом Нижегородской губернской управы от Ардатовского уезда. Когда в 1912 г. в Поволжье случилась засуха, он принимает участие в совещании о мерах помощи пострадавшему от неурожая населению.

В 1914 г. в Нижнем Новгороде в типографии Г. Искольского князь Андрей на отдельных листках с завитками издает стихотворения А. И. Тютчева («Эти бедные селенья», «Два единства», «Славянам», «К Ганке»), А. С. Хомякова («Подвиг есть и в сраженье», «Киев»), стихотворение Н. А. Некрасова («Русь»). На открытках написано: «На помощь семьям защитников России и Славянства»²⁴.

В 1915 г., когда уже второй год шла Первая мировая война, А. В. Звенигородский — член губернского местного комитета по организации помощи семьям призванных запасных нижних чинов и ратников ополчения и лечения раненых в пределах губернии²⁵. Продолжается и литературная деятельность Андрея Владимировича. С 1912 г. он редактор литературного отдела «Нижегородской земской газеты», ведет рубрику «Отзывы о книгах». Так начинается формирование А. В. Звенигородского как литературного критика.

1917 г. становится переломным в судьбах всех русских людей. Немолодой, уже сложившийся человек, занимающий высокий административный пост, А. В. Звенигородский с радостью принял революцию, «написал и напечатал стихотворение на тему „Свобода лучезарна!”, где сравнивал самодержавие с мертвой бабочкою. «Это как бы „родимчик” у кн. Андрея. Это по-детски, но это, конечно, преступно», — так рассказывал А. С. Глинка-Волжский в августе 1923 г. Дмитрию Усову, поэту, критику, другу А. В. Звенигородского²⁶. Действительно, ликование оказалось преждевременным.

Царская служба окончилась. Андрей Владимирович возвращается в Ардатов. Сюда же весной 1918 г. приезжают из голодного Петербурга его братья — Владимир, Николай. Дмитрий привозит из Смольного института младшую сестру Татьяну. Вскоре, в 1919 г., из сожженного революционными крестьянами имения в селе Успенском приезжает старшая сестра Александра Владимировна, вышедшая замуж за Александра Дмитриевича Ильинского, с тринадцатью детьми, младшему из которых было всего два года.

Андрей Владимирович и его брат Дмитрий Вла-

димирович (окончил Нижегородский дворянский институт, Московский университет, Иенский университет, защитил в Германии докторскую диссертацию и получил степень доктора философских наук, занимал в течение десяти лет должность инспектора народных училищ Царскосельского уезда), подают заявление в коллегия Ардатовского уезмотдела о предоставлении им права пользоваться землей ранее принадлежавшей им усадьбы при с. Котовке, площадью 1,75 десятины. Коллегия принимает решение: «Усадьба остается в их, Звенигородских, пользовании на одинаковых основаниях с прочими гражданами»²⁷. Однако братьям предложили работу в Ардатове — Андрею Владимировичу преподавать русскую историю, а Дмитрию Владимировичу — русскую словесность и новые языки в местной школе. В 1919 г. они переезжают в Ардатов, а в Котовке окончательно обосновывается их любимая старшая сестра. Два раза в неделю Александра Владимировна приходила в Ардатов заботиться о белье братьев и помогать им по хозяйству. Младшая сестра, Татьяна Владимировна, уезжает в Нижний Новгород, где устраивается на работу в Нижегородский губисполком машинисткой. Кроме того, ей приходится подрабатывать, давая уроки французского языка.

Получив казенную службу, братья Звенигородские, которых очень хорошо знали и уважали в Ардатовском уезде, и при советской власти старались участвовать в новой жизни и даже ходили на пролетарские праздники. И Дмитрий Владимирович с иронией записывает у себя в дневнике: «9 января 1919 года участвовали вместе с представителями Отдела Народного образования в шествии по Ардатову. С красными знаменами и плакатами. На трибуне, около Собора, украшенного жидкими еловыми веточками, ораторы сказали три безграмотные речи. Не дождавшись конца шествия, пошли ко мне пить чай»²⁸.

Однако вскоре многое изменилось, и перемены не оправдали надежды. Свое душевное состояние, свои переживания и надежды Андрей Владимирович выражает в стихотворениях. В 1923 г. Андрея Владимировича увольняют со службы в гимназии «за то, что он читал третьеклассникам курс русской истории, построенный на Соловьеве, Ключевском и Карамзине»²⁹.

Несколько раз Андрей Владимирович выезжал в Москву, которая «показалась пустой и чужой»³⁰, и пытался вести переговоры с румянцевской библиотекой о продаже дневников П. Я. Чаадаева. Обращался в Комиссию по улучшению быта ученых, чтобы получить паек. Ему помогали знакомые литераторы — Д. Усов, М. Гершензон, В. Чечихин-Ветренский, которые знали и ценили его творчество. Но попытки князя Андрея оказались неудачны. Помощь пришла от АРА — американской администрации помощи, которая откликнулась на призыв М. Горького помочь преодолеть голод в Поволжье. В это время Андрей Владимирович живет очень уединенно и подумывает поселиться в Кутузовском монастыре. Из тех стихов,

которые он продолжает писать, складывается удивительный сборник «Чуть на крылах», который А. В. Звенигородский, начиная с 1924 г., несколько раз пытается издать. Однако в те годы, несмотря на потребность интеллигенции в литературе, издать книгу стихов было очень трудно, и сборник разошелся в нескольких десятках рукописных изданиях.

«Недавно появившийся сборник его стихотворений „Чуть на крылах“ (1926 г.), заключающий в себе 20 номеров, обличает в авторе крупный, вполне созревший талант и дает ему право занять видное место среди представителей русской лирической поэзии»³¹.

Жить становится все труднее — нет денег, работы. Приходится продавать вещи и книги. Трагические события не оставляют семью Звенигородских. В 1924 г. в Петрограде, не выдержав «грубости и издевательств» бросается под поезд брат Николай, вынужденный работать в артели по продаже акцизных марок в питейных заведениях³².

В ноябре 1926 г. сестру Андрея Владимировича, Александру Владимировну с младшими детьми и новорожденным внуком Александром, выселили из Котовки. При переезде в Ардатов пропали ценные вещи семьи, оставшиеся от родителей, — старинные гравюры, книги и бронзовые канделябры, а еще переписка Андрея Владимировича с Е. Я. Архиповым за много лет, где они вели разговоры о литературе, писателях и поэтах³³.

Младший брат Дмитрий уезжает в Кадницы, на Волгу (в тех местах находились имения их матери), а потом в селе Чернопенье, недалеко от Костромы, он находит место учителя немецкого языка и литературы в школе-семилетке. Андрей Владимирович в январе 1928 г. едет в Чернопенье к своему брату, где тот «снимает две большие комнаты у старухи»³⁴, надеясь проведать брата, а, может быть, и найти в Костроме работу. Однако и этим намерениям не удалось сбыться. 18 июня 1928 г. от гнойного плеврита умирает брат Дмитрий Владимирович, оставив после себя несколько дневников и тетрадей со стихами, которыми так восторгался Андрей Владимирович³⁵.

Дядя Андрея Владимировича, Иван Дмитриевич, заменивший ему и его сестрам и братьям отца, уже в преклонном возрасте был репрессирован. В феврале 1931 г. его имущество было описано и конфисковано, и в апреле 1931 г. в возрасте семидесяти лет он был выслан в Симбирск, где и скончался в мае³⁶.

Невозможность определиться в новой жизни и понимание того, что нет поворота назад, заставляют задуматься даже о том, чтобы уехать из России. «Он постоянно находится в состоянии крайней депрессии»³⁷. Однако чувство патриотизма и ответственность за своих сестер и племянников побеждает — он остается и с помощью верных московских друзей в начале тридцатых годов перебирается в Москву. Он участвует в работе пушкинской комиссии. Его работу направляет М. А. Цявловский, с которым Андрей Владимирович вместе учился в Дворянском институте в Нижнем

Новгороде, а затем в Московском университете. М. А. Цвяловский привлек А. В. Звенигородского к изданию собрания сочинений Л. Н. Толстого. В московских сборниках «Недра», «Вокруг света» появляются его стихотворения из сборника «Чуть на крылах», который так стремился издать поэт.

Здесь, в Москве, его окружают друзья, которые понимают и принимают его как личность и как поэта: Е. Я. Архипов, П. П. Перцов, Д. С. Усов, А. А. Грушка, Л. Я. Гуревич, В. Б. Шкловский. Благодаря своим друзьям, Андрей Владимирович сводит знакомство, которое перерастает в дружбу, с семьей Г. И. Челпанова, основателя и первого директора Московского психологического института. Вместе с Е. Я. Архиповым он бывает на даче у Б. Л. Пастернака в Переделкино. Анна Андреевна Ахматова пишет свои стихи в его альбом.

У поэта А. Саргаджана 21 июня 1932 г. знакомится с О. Мандельштамом. «Очень талантлив и с большой эрудицией поэт. Полюбил его как человека», — так отзывался Андрей Владимирович о выдающемся поэте³⁸. Это знакомство оказалось поворотным моментом в судьбе князя Андрея. «Мандельштам почуял, старику живется очень туго, и бурно признал его. Затем он побежал ко всем, кто мог и не мог помочь бедняге, и заварил хлопоты о пенсии, а пока суд да дело, раздобыл ему пропуск в писательскую столовую»³⁹.

В 1933 г. в Москву приезжают его сестры — Александра и Татьяна Владимировны; вместе с ними и десятилетний внучатый племянник Андрея Владимировича, Александр, оставшийся сиротой. Они поселились у Андрея Владимировича в маленькой полуподвальной квартире в 5-м Монетчиковском переулке.

Андрей Владимирович пишет стихи, дорабатывает уже написанные, и вновь пытается опубликовать сборник стихов «Чуть на крылах», дополненный новыми стихами. В. Б. Шкловский, пытаясь оказать содействие своему другу в издании этого сборника, пишет в издательство «Федерация» 13 декабря 1936 г.: «Книга „Чуть на крылах“ — конец большого потока старо-русского стиха. Жива земля и солнце, а стихов таких не будет. Они настоящие живые, а потом тихие. Долг советской литературы издать книгу, книгу литературы предшествующей. Книга живая, здоровая, но ветер этой книги на излете»⁴⁰.

Однако и на этот раз книга не была издана. Советская власть не верит в искренность бывшего князя, хотя и не подвергает прямым репрессиям, все-таки и не дает ему возможности достойно не только жить, но и выживать. Но ни в одном стихотворении А. В. Звенигородского, написанного даже в его «Заветной тетради», нет ни одной строчки против новой власти, как, впрочем, нет и стихов о новом строе.

Он много работал в издательстве «Московский Рабочий» и «Гослитиздате», где к нему «хорошо относятся»⁴¹. Он занимается литературоведческой работой, читает и перечитывает произведения любимых поэтов и писателей: «Читаю пристально (между строк) Белин-

ского (4 тома издат. С. С. Мошклина, Москва, 1898 г.). Прочту все, что он успел написать за свои 37 лет (1811-1848). Во многом он ошибался, но его эстетическое чутье было почти безгранично, и он умел ценить должным образом все великое, высокое и вечное в нашей литературе (Пушкин, Лермонтов, Гоголь)»⁴².

В мае 1944 г. А. В. Звенигородский был принят в члены Союза Писателей СССР по рекомендации П. П. Перцова: «Его поэзия не подражает никому, а именно свое собственное выражение, свой „лик“, который нельзя смешать с другими. В ней сказалось *подлинное чувство* русской природы, подлинные ее переживания, которые давались бывшим ее обилием и яростью, и которые теперь уже не восстановимы. Поэтому его творчество тем более ценно для нас. Нужно отметить так же и форму его поэзии, в своем замечательном лаконизме, завершающую классическое течение русской поэзии. Поэтому не может быть вопроса о праве Звенигородского войти в ряды Советских писателей. Он более, чем имеет на это право, и включение его в эти ряды, разумеется, само собою»⁴³.

Андрею Владимировичу поручают рецензировать готовящиеся к изданию книги: «За эти дни рецензировал примечания к пятитомному изданию „Воспоминаний“ Авдотьи Панаевой, составленные Корнеем Чуковским. Нашел в них несколько крупных и мелких ошибок. Примечания Чуковский, очевидно, составлял на скорую руку. Я старался их оживить новыми данными. 2 мая 1948 год»⁴⁴; «Все эти дни писал рецензию на новое издание сочинений Тютчева. В это издание войдет 385 стихотворений (1 том) и 270 писем (2 том). К этим двум томам написаны обширные примечания, которые сделаны К. В. Пигаревым. Я дал благоприятный отзыв. 25 октября 1948 г. Москва»⁴⁵.

После окончания Великой Отечественной войны (1941-1945) Андрей Владимирович пишет стихи только в свою «Заветную тетрадь», начатую еще в 1932 г., а также постоянно дорабатывает старые стихи. На обложке этой тетради рукою Андрея Владимировича написано: «Потомство изучит мою поэзию, как особый мир, в котором ни один поэт не участвовал»⁴⁶.

Андрей Владимирович Звенигородский дожил до глубокой старости. Он пережил многих своих друзей и врагов, похоронил родных и близких ему людей, безвинно репрессированных и реабилитированных после смерти. В 1947 г., в возрасте шестидесяти девяти лет он женился на Лидии Самойловне Крыжановской женщине из «хорошей семьи»⁴⁷ и прожил с ней четырнадцать лет в Москве в доме 23 по улице Мыгной⁴⁸.

Андрей Владимирович скончался в 1961 г. в возрасте восьмидесяти трех лет в Москве. Он похоронен на Ваганьковском кладбище за одной оградой со старшей сестрой Александрой Владимировной Ильинской (Звенигородской), скончавшейся в 1957 г. в возрасте восьмидесяти одного года; младшей сестрой Татьяной Владимировной Звенигородской, скончавшейся в 1962 г. в возрасте семидесяти девяти лет. Там же захоронены и другие его родственники: племянники

Дмитрий Александрович Ильинский, Елизавета Александровна Ометова (Ильинская), Мария Александровна Шестакова (Ильинская), а также внучатый племянник Александр Андреевич Ильинский⁴⁹.

1 января 1961 г. звонили колокола, когда гроб с телом А. В. Звенигородского выносили из церкви, и какая-то женщина перекрестилась и сказала: «Умер последний князь Звенигородский!».

- ¹ Мартынов Л. Н. Черты сходства. — М., 1982. — С. 103-107.
² Нарцов А. Н. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. — Тамбов, 1904. — Т. 1. — С. 261-269; Титулованные роды Российской империи. — СПб., 1910. — С. 13.
³ Нарцов А. Н. Указ. соч. — С. 245-260.
⁴ Титулованные роды Российской империи.
⁵ Там же.
⁶ Автограф // Домашний архив Е. А. Сорокоумовой (Ильинской).
⁷ Нарцов А. Н. Указ. соч.
⁸ Михайлов А. А. Предисловие // Михайлов А. А. История Нижегородского Дворянского Института императора Александра II (1844—1904). — Нижний Новгород, 1904.
⁹ Архипов Е. Я. Автограф // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 46.
¹⁰ Там же. — Ед. хр. 41.
¹¹ Токарева Н. А. Кто хочет понять поэта... — Н. Новгород, 2007.
¹² ГУ ЦАИ. — Ф. 522. — Оп. 459. — Д. 647. — Л. 112.
¹³ Покровский М., сост. Отчеты Елатомской мужской гимназии за 1888-1890 гг. — Тамбов, 1890.
¹⁴ Архипов Е. Я. // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 41.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Сборник Нижегородской Губернской Архивной комиссии. — Нижний Новгород, 1909. — Т. 8.
¹⁷ РС. — 1910. — Кн. 9.
¹⁸ Звенигородский А. В. О пребывании Пушкина в Нижегородской губернии // Московский пушкинист. — 1930. — № 2. — С. 62-67.
¹⁹ Звенигородский А. Delirium Tremens. — М., 1906.
²⁰ Архипов Е. Я. Автограф // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 46.
²¹ Подлинник диплома хранится в домашнем архиве Е. А. Сорокоумовой (Ильинской).
²² Знаменитые люди Ардаатовского края XVI-XXI веков (биографический словарь-справочник). — Ардаатов-Арзамас, 2002. — С. 70-71; Материалы домашнего архива А. Казинной (Звенигородской).
²³ Автограф // РГАЛИ. — Ф. 2849. — Оп. 1. — Ед. хр. 222.

- ²⁴ Архипов Е. Я. Автограф // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 41.
²⁵ Токарева Н. А. Указ. соч.
²⁶ Письмо Д. Усова Е. Я. Архипову // Личный архив М. Ю. Гоголина.
²⁷ Автограф. Домашний архив Е. А. Сорокоумовой (Ильинской).
²⁸ Автограф. Домашний архив Е. А. Сорокоумовой (Ильинской).
²⁹ Письмо Д. Усова Е. Я. Архипову // Личный архив М. Ю. Гоголина.
³⁰ Архипов Е. Я. // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 41.
³¹ Автограф // РГАЛИ. — Ф. 2849. — Оп. 1. — Ед. хр. 222.
³² Там же.
³³ Письмо Д. Усова Е. Я. Архипову // Личный архив М. Ю. Гоголина.
³⁴ Архипов Е. Я. // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 41.
³⁵ Автограф. Домашний архив Е. А. Сорокоумовой (Ильинской).
³⁶ Базаев А. В. Реабилитированы посмертно. — Ардаатов-Арзамас, 2006. — С. 60-63.
³⁷ Письмо Д. Усова Е. Я. Архипову // Личный архив М. Ю. Гоголина.
³⁸ Архипов Е. Я. Автограф // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 46.
³⁹ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. — М., 2006. — С. 326 — 332.
⁴⁰ Автограф // РГАЛИ. — Ф. 2849. — Оп. 1. — Ед. хр. 222.
⁴¹ Архипов Е. Я. Автограф // РГАЛИ. — Ф. 1458. — Оп. 1. — Ед. хр. 46.
⁴² Там же. — Ед. хр. 41, 46.
⁴³ Там же. — Ф. 2550. — Оп. 2. — Ед. хр. 629.
⁴⁴ Письмо Д. Усова Е. Я. Архипову // Личный архив М. Ю. Гоголина.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Материалы домашнего архива А. И. Крутловой (Ногаткиной).
⁴⁷ Мандельштам Н. Я. Указ. соч. — С. 326 — 332.
⁴⁸ Автограф. Домашний архив Е. А. Сорокоумовой (Ильинской).
⁴⁹ Там же; материалы домашнего архива А. И. Крутловой (Ногаткиной).

А. М. Подурец (Саров)

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ЛОБИСОВ, ПОМЕЩИКОВ АРДАТОВСКОГО УЕЗДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Дом в деревне Кавлей — наверное, единственный помещичий дом, сохранившийся в сельской местности Ардаатовского района Нижегородской области, и только поэтому заслуживает внимания. Но, как всегда в таких случаях, начав разбираться в частном кусочке местной истории, исследователь обнаруживает любопытные сюжеты и интересных персонажей, которыми так богато наше прошлое.

Впервые этот дом я увидел в 1999 году благодаря двум краеведам: саровскому — Владимиру Михайловичу Ганькину и ардаатовскому — Александру Владимировичу Базаеву. Постройка сразу произвела впечатление, — уж очень она нехарактерна для нашего современного

колхозного пейзажа. Дом стоит даже не на краю деревни, а как бы поодаль, на возвышении, являющемся опушкой могучего бора, в котором прячется сокровенное древнее мордовское святилище — Грановой камень, заслуживающее отдельного рассказа. На юг открываются дали лесов, лежащие за речкой Канергой, на многие километры необитаемые. Рядом угадываются контуры прудов, некогда каскадом спускавшихся к реке. В общем, расположение усадьбы соответствует классическим принципам, характерным для подобных построек XVIII-XIX веков.

Теперь несколько слов о самой деревне. Кавлей стоит по обоим берегам одноименной речки, которую

иногда называют Кавлейкой, рядом с местом ее впадения в Канергу. Название имеет мордовское (эрзянское) происхождение и составлено из двух основ: *кев* — 'камень' и *лей* — 'ручей', 'речка'. Л. Л. Трубе перевел название как «каменистый ручей» и высказал мнение, что название указывает лишь на характер местности¹. Н. В. Морохин по-другому объясняет происхождение этого названия. По его мнению, река получила свое название от древнего мордовского святилища, расположенного около нее², с чем, как мне кажется, надо согласиться. Святилище же, о котором мы еще раз вскользь упоминаем, представляет собой поляну, в центре которой расположен большой валун. В прошлом, по-видимому, данное место играло значительную роль в духовной жизни мордовского населения, и это положение зафиксировано в топонимии.

Дом в Кавлее наверное так бы и остался для нас красивой загадкой, если бы не выяснилось, что его историей в свое время интересовался Николай Васильевич Артемов (1919-1995), краевед, много сделавший для изучения истории Ардатова, Арзамаса и их окрестностей³. В его неопубликованных материалах, ныне хранящихся в фондах исторического объединения «Саровская пустынь», сохранились заметки, относящиеся к истории как самого дома, так и людей, обитавших в нем. Кроме того, среди коллекции межевых карт, собранной Артемовым, оказалось два десятка листов, относящихся к Кавлею XIX века. Такое обилие картографического материала мы объясним чуть позже.

Рис. 1. Фрагмент карты 1817 года с деревней Кавлей

Самая старая из этих карт была вычерчена в 1817 году и является копией с карты 1815 года. Согласно ей имение тогда принадлежало малолетним сыновьям «поручика, что потом был генерал-майором» Федора Ивановича Ремера — Александру и Николаю. Согласно этому плану за ними была закреплена 2621 десятина земли. Деревня в это время состояла из двух улиц (правобережной и левобережной относительно речки Кавлей). Помещичьего дома на плане нет.

О генерале Ф. И. Ремере нам известно лишь то, что он скончался 29 августа 1805 года, — именно эта дата значится на чугунной могильной плите, обнаружен-

Рис. 2. Фрагмент карты XIX века. Дом с надворными постройками на юго-восточном краю деревни

ной на разоренном кладбище в Ардатове и лежащей сейчас у входа в местный краеведческий музей.

В 1831 году, согласно данным Н. В. Артемова, владельцем кавлейского поместья уже значится титулярный советник Аким (Иоаким) Данилович Лобис. Ему принадлежат 203 крепостных и 6 дворовых крестьян.

Жителей Ардатовского уезда всегда интересовало происхождение необычной фамилии их соседей. Писатель Борис Садовской в своих «Записках» упоминал о многих дворянских семьях уезда конца XIX века, в том числе и о кавлейских Лобисах⁴. С его легкой руки пошла гулять версия о том, что глава этого рода когда-то имел русскую фамилию Лобисов, но по моде того времени онемечил ее. Нам кажется, что Лобис — фамилия все-таки натуральная. Почему? Одну из дочерей Акима Даниловича звали Аделаида. Зачем было русскому человеку называть ребенка именем, отсутствующим в православных святцах? Впоследствии Аделаиду перекрестили, и стала она вполне православной Клавдией.

В 1858 году, когда А. Д. Лобиса уже не было в живых, его вдова Елизавета Андреевна прославилась тем, что на нее в губернское дворянское собрание поступила жалоба от крестьян деревни на несправедливые притеснения. Предводитель дворянства Ардатовского уезда подтвердил обоснованность жалобы. По его словам, крестьяне деревни Кавлей были «доведены до жалкого состояния». Помещица забрала лучшую и ближайшую к деревне землю под господский посев, предоставив крестьянам худшую и более отдаленную. Из 77 дворов лошадей крестьяне имели только в 49. Своего хлеба жителям Кавлея не хватало, и они были вынуждены покупать его, начиная с ноября. За жестокое и несправедливое отношение к крестьянам Е. А. Лобис заслужила даже прозвище «Ардатовской Салтычихи»⁵.

То, что кавлейским крестьянам, по-видимому, не очень везло на помещиков, зафиксировано в бытующих практически до нашего времени воспоминаниях жителей деревни, передающихся из поколения в поколение. Рассказы о жестоком барине (или бары-

Рис. 3. Родословная Лобисов, составленная по данным межевых карт

не) и о крестьянских протестах были записаны как Н. В. Артемовым в 1960-х годах, так и уже в более позднее время⁶.

В 1860 году, видимо, после смерти хозяйки, кавлейское поместье по «полюбовному согласию» было разделено поровну между всеми наследниками. Наследников же у Лобисов было шестеро — три сына (Виктор, Аркадий и Аполлон) и три дочери. К моменту раздела двое дочерей уже были замужем: Варвара за поручиком М. Логиновым, Клавдия — за губернским секретарем князем П. Звенигородским. Третья дочь Елизавета вышла замуж позже — за штабс-капитана М. Палилова.

Раздел поместья представлял собой сложную землемерно-геометрическую задачу. Каждому из наследников должно было достаться в равной мере леса, пашни и лугов, кроме того, к этим угодьям должны были примыкать и соответствующие крестьянские дворы, занимающиеся их обработкой. С крестьянами было относительно просто: каждый получил по 31 мужской и от 31 до 35 женских душ, количество дворов в доле было от 8 до 11 — в зависимости от наличия в них мужских душ. А вот с землей было сложнее, и, чтобы никого не обидеть, вся дача деревни была поделена на 16 частей довольно сложной формы, и эти части уже были распределены между наследниками целиком. Соответственно и карта кавлейской дачи состояла после 1860 года уже не из одной (как при Ф. И. Ремере), а из шестнадцати отдельных карт. Отсюда и многочисленность картографического материала в коллекции Н. В. Артемова. На еще более мелкие участки кавлейская земля стала делиться в пореформенное время: часть земли владельцы оставляли за собой, часть передавали временно-обязанным крестьянам. Межевые карты этого времени также есть в архиве Артемова, судя по ним, процесс размежевания с крестьянами шел со второй половины 1860-х годов до начала 1880-х.

Помимо собственно картографической инфор-

мации межевые карты XIX века содержат и сведения о владельцах, иногда и о предыдущих владельцах, а также о соседних землевладельцах. Для нашего исследования эти карты оказались ценным письменным источником, приведенная здесь родословная Лобисов практически вся составлена на основании информации, содержащейся на картах.

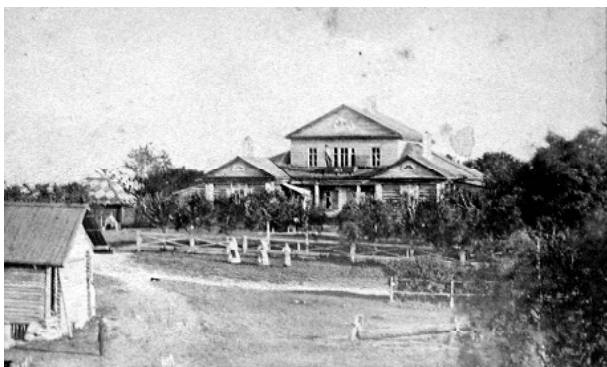
К сожалению, выяснилось, что полного комплекта шестнадцати карт у нас нет. Но наличие общей карты земли до раздела (1817 года) и опыта складывания картонной мозаики (пазлов) позволило в результате получить общую схему раздела земли 1860 года. Карты земельного участка, на котором стоит дом, у нас тоже не оказалось, но описанный выше анализ раздела имени выявил, что этот участок земли отошел к Виктору Иоакимовичу Лобису.

Точной даты постройки барского дома в Кавлее в документах, которыми мы располагаем, нет. В некоторых недавних документах, составленных современными жителями деревни и работниками администрации, зданию приписывается время постройки от 1750-х

Рис. 4. Михаил Викторович Лобис. Фото из собрания Д. А. Лобиса

Рис. 5. Дом Лобисов. Фото А. И. Сапожникова. Рубеж XIX-XX вв. Из собрания Д. А. Лобиса

до 1810-х годов. По-видимому, помещичий дом молодежи. В документах раздела поместья в 1860 году нет упоминания о доме. Кроме того, Кавлей в этих документах назван деревней, то есть по определению населенным пунктом, в котором нет ни церкви, ни помещичьего дома. В документе 1866 года Кавлей впервые назван «сельдом», это определение означает населенный пункт с барским домом. Название «сельцо Кавлей» затем повторяется на межевых планах, относящихся к 1868, 1881 и 1882 годам. Следовательно, строительство дома можно предположительно отнести к 1860-1866 годам.

Аргументом против такой датировки может служить то, что строительство большого усадебного дома — дорогостоящее мероприятие, которое было легче осуществить до раздела имения, чем после него. Таким образом, следует признать, что датировка постройки дома требует дальнейшего уточнения.

В 1908 году в Кавлее открылась трехклассная школа, инициатором ее создания была дочь В. А. Лобиса Надежда Викторовна Лобис. Она передала родовую усадьбу под школу, сама же купила небольшой дом в деревне и переселилась туда, будучи в то же время учительницей в этой самой школе. Жители деревни долго хранили память об этой женщине. Рассказывали, что она проработала школьной учительницей до 1920-х годов. Брат Надежды Викторовны — Михаил Викторович Лобис был в конце XIX века земским врачом. Кроме Кавлея Лобисы владели также поместьем в деревне Четвертове того же Ардатовского уезда, в 1890-х годах там обитал сын Аполлона Иоакимовича Иван (в Четвертове сохранились остатки сада XIX века⁷). Но все разросшееся семейство называло Кавлей «нашей Месопотамией», подразумевая этим, по-видимому, то, что именно в Кавлее корни их рода⁸.

Рис. 6. Дом Лобисов. Современное состояние

Сейчас в Нижнем Новгороде живет потомок владельцев этого замечательного дома. Дмитрий Александрович Лобис, инженер-строитель, является правнуком Виктора Иоакимовича Лобиса и, что самое для нас ценное, ему удалось сохранить частицу истории своей семьи — несколько старинных фотографий, на которых запечатлены его предки, а также кавлейский барский дом, — каким он был на рубеже XIX-XX веков. За сто лет дом, конечно, изменился. Исчезли балконы, колонны и другие элементы декора, фасады стали проще, утратив былое изящество. Утраченными оказались также флигели или надворные хозяйственные постройки, которые, если судить по карте из атласа Менде⁹, образовывали правильный симметричный прямоугольник.

Несомненно, дом Лобисов сохранился до наших дней только благодаря тому, что в нем размещалась школа. В середине 1990-х годов школа в Кавлее закрылась, дом стал ветшать. Сейчас состояние его внушает серьезные опасения, дом используется как жилой, надлежащего присмотра за ним как за памятником нет. А очень хочется, чтобы это здание сохранялось как можно дольше и служило наглядным свидетельством истории нашего края.

Автор благодарит Марину Алексеevну Липянину, помогавшую ему разбираться в тонкостях раздела поместья и Татьяну Павловну Виноградову, познакомившую его с Дмитрием Александровичем и Инной Леонидовной Лобисами.

¹ Трубе Л. Как возникли географические названия Горьковской области. — Горький, 1962.

² Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. — Н. Новгород, 1997; он же. Наши реки, города и села. — Н. Новгород, 2007.

³ Подурец А. М. Судьба краеведа // Провинциальный анекдот. — Шуя, 2004. — Вып. 4. — С. 123; Знаменитые люди Ардатовского края XVI-XXI веков. — Ардатов-Арзамас, 2002. — С. 13.

⁴ Садовской Б. Записки // Российский архив. — М., 1991. —

Вып. 1. — С. 124.

⁵ Знаменитые люди Ардатовского края XVI-XXI веков. — С. 126.

⁶ Ардатовский край: прошлое и настоящее. — Н. Новгород, 2000. — С. 321-322.

⁷ Баулина В. Сады и парки Горьковской области. — Горький, 1981. — С. 70-72.

⁸ Садовской Б. Указ. соч.

⁹ Комиссия под руководством А. И. Менде работала над составлением топографических карт России в 1840-1860-х годах. Точнее датировка этой карты нам не известна.

А. Г. Киселев (Нижний Новгород)

О НОВЫХ МАТЕРИАЛАХ К ИСТОРИИ ВЫКСУНСКИХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ДИНАСТИЙ: ГОРНОСТАЕВЫ

Выксунские горные (металлургические) заводы с центром в селе Выкса (ныне — город Нижегородской области) основаны в 1766 г. заводчиками Иваном и Андреем Баташевыми.

Традиция их описания и сбора биографических данных о заводчиках и мастеровых заложена академическими экспедициями П. С. Палласа¹ и И. И. Лепехина², а также статистическим описанием М. Д. Чулкова³. Первым же из русских историков, составивших подробное описание и исторический очерк заводов, был издатель историко-краеведческого журнала «Отечественные записки» (далее — «ОЗ») Павел Петрович Свинын (1787-1839), посетивший Выксу летом 1823 г. Его сочинение «Заводы, бывшие И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву» (далее — «Заводы») вышло в свет в 1826 г. в № 72 и 73 «ОЗ» и одновременно отдельным изданием в типографии книгопродавца и издателя А. Ф. Смирдина⁴.

Свинын показал становление выксунского металлургического производства не формально-статистически, не описательно, а в динамике, как поступательный процесс изобретений и усовершенствований. Примечателен и акцент на конкретную деятельность «изобретателей, усовершенствователей и основателей разного рода механических заведений, принадлежащих сим заводам», данные о которых, кстати, резюмированы на страницах 118-121 книги в специальном списке-приложении (далее — Список)⁵.

Книга П. П. Свинына оказала непосредственное влияние на выксунскую краеведческую традицию и является признанным источником при исследовании общих вопросов региональной истории металлургической промышленности. Однако именно присущая «Заводам» «документальность» изложения⁶, а также авторитет автора как очевидца и бытописателя, по нашему мнению, и стали причиной некритичного использования его данных в современных популярных работах⁷ и, как следствие, отсутствия научных исследований, посвященных узким вопросам, в частности — истории выксунских горнозаводских династий XIX в.

Нам представляется перспективным и важным в рамках дальнейших конкретно-исторических исследований по данной весьма актуальной сегодня теме рассматривать данные «Заводов» (и, в частности, Списка) в первую очередь именно в качестве отправных фактов для выявления и изучения дополнительных архивных материалов. При этом надо отметить, что, в силу объективных причин, документальная база проблемы не велика, а немногие имеющиеся материалы распределены по фондам нескольких областных

и федеральных архивохранилищ. Тем не менее, материалы для такой работы есть.

Например, на наш взгляд, наиболее перспективными, но, к сожалению, малоизученными являются фонд Вотчинной конторы Шепелевых Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) и фонд (заводчиков) Баташевых Центрального государственного архива Владимирской области (ЦАВО), содержащие большие коллекции эпистолярных документов.

Изучение материалов Переписки показало, что в ней отражены характерные факты из жизни многих (8 из 13) фигурантов Списка. Их интерпретация дает возможность охарактеризовать как самих этих людей, так и ту культурную среду, в которой они формировались и жили. Показателен в этом плане пример истории семьи главного управляющего заводами Ивана Максимовича Горностаева⁸, которого П. П. Свинын в примечании фактически называет своим соавтором⁹.

Основателем династии Горностаевых является отец Ивана Максимовича Максим Перфильевич, в 1823 г. уже покойный. Свинын пишет о нем, что, будучи крепостным, Горностаев-старший учился в Петербурге и «мог читать и свободно объясняться на трех языках. Много переводил с немецкого и французского и некоторые переводы напечатал»¹⁰.

Столичная учеба М. П. Горностаева подтверждается архивными находками: он был в Петербурге с 1771 по 1779 гт. Так, 1 августа 1771 г. петербургский поверенный заводчиков Баташевых Филипп Перетрухин докладывает в Выксу, что «Максим Горностаев, который прежде был отдан учить к немцу, на хлебе прожив с 8 месяцев, наконец, усмотрели, что он бесполезно его учит»¹¹, а спустя 8 лет 19 сентября 1779 г. — что «парень Максим Горностаев» «поехал в Тулу с учителем» Миллером после курса наук¹².

В фонде Вотчинной конторы Шепелевых ЦАНО собрана интересная коллекция документов, относящихся к 1810-1830 гт. — времени, когда техническое и культурное «лицо» предприятий определяли как раз современники и ровесники Свинына — представители второго поколения заводских династий. Их характеристики мы находим в Списке наряду с рассказами о делах их отцов, стоявших у основания производства.

В рамках краткой статьи нам представляется возможным выделить из дел этого фонда несколько, на наш взгляд, особо показательных. Это дела № 111, 113 и 122, содержащие материалы личной и деловой переписки главного управляющего заводов И. М. Горностаева (далее — Переписка). Попутно заметим, что именно здесь нами найдено единственное на сегодняшний день документальное подтверждение факта знаком-

ства Горностаева со Свинымым и его журналом за-долго до приезда последнего в Выксу¹³. Эти данные придали проблеме изучения обстоятельств создания «Заводов» и сотрудничества приезжего историка и мастеровых большую рельефность¹⁴ и стали первым подтверждением документальности повествования П. П. Свинына о разнообразных выксунских «талантах», а также позволили предположить в кружке здешних «самородков» черты некоего прообраза провинциально-го «культурного гнезда» технической интеллигенции¹⁵.

В дальнейшем Максим Перфильевич сделает блестящую карьеру: в течении девяти лет будет главным управляющим, проведет важные усовершенствования и передаст свою ответственную должность старшему сыну, что часто практиковалось у мастеровых людей.

Старший Горностаев «оставил изрядную библиотеку своим детям». Библиотека эта и дальше постоянно пополнялась книгами и журналами. Были здесь и «ОЗ», подписчиком которых Иван Максимович стал в 1820 г. после личного знакомства с издателем во время его пребывания на Нижегородской ярмарке¹⁶.

Со временем благодаря влиянию И. М. Горностаева активными подписчиками газет и журналов стали и другие управляющие, приказчики и служители заводов. В частности, управляющий Сноведским заводом Ф. М. Стребулаев вместе с письмом от 19 января 1815 г.,

где он делится планами на перестройку «доменного двора», посылает «манускрипт о покушении французов», а в другом — благодарит за «обещание выписать» журнал¹⁷.

В 1823 г. младшему из Горностаевых, Алексею — будущему академику архитектуры — исполнилось всего пятнадцать лет, но он уже тогда подавал надежды как замечательный рисовальщик и каллиграф.

Самого управляющего Горностаева Свинын характеризует как человека известного уже литературными трудами своими и сведениями по горной и заводской части. Но были ли в реальности эти «труды» в 1826 г., когда бывший управляющий только «отпущен на волю, вместе с братьями своими вступил в казенную службу»?¹⁸ По-видимому, нет: готовя рукопись в печать, П. П. Свинын говорит о действительном сотрудничестве с Горностаевым в работе над «Заводами» и авансом — о запланированных статьях, которые уже лежат в его «редакционном портфеле», но будут напечатаны только в 1827-1828 гг.¹⁹

Работа по изучению эпистолярных документов по истории выксунских горнозаводских династий продолжается. Тем не менее, уже сегодня можно говорить о них как о перспективном источнике, который в полной мере «открывается» для исследователя именно при его комплексном изучении вместе с признанным источником, каким является книга П. П. Свинына «Заводы».

¹ Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1809. — Ч. 1. — С. 61-62.

² Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1795. — Ч. 1. — С. 47-50.

³ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. — М., 1786. — Т. 4. — Кн. 2. — С. 631-632.

⁴ Свинын П. П. Заводы, бывшие И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генералу Шепелеву и его детям. — СПб., 1826. — С. 5-130.

⁵ Там же. — С. 118.

⁶ См.: Киселев А. Г. Столичный «провинциал» // Записки краеведов. — Н. Новгород, 2006. — С. 198.

⁷ «Славная история», очерки истории ордена Ленина выксунского металлургического завода ВВКИзд. — Горький, 1957. — С. 17-19; Головастикова А. М. Приокский (Выксунско-Кулебакский) индустриальный район. — Горький, 1960; и др.

⁸ См.: Князева Н. А. Семья даровитых // Записки краеведов. — Горький, 1988. — С. 125-126.

⁹ ОЗ. — 1826. — Ч. 26. — № 72. — С. 5-6.

¹⁰ Свинын П. П. — Указ соч. — С. 118.

¹¹ ЦГАВО. — Ф. 600. — Оп. 1. — Д. 41. — Л. 1.

¹² Там же. — Д. 39. — Л. 20.

¹³ ЦАНО. — Ф. 932. — Оп. 711. — Д. 122. — Л. 34.

¹⁴ Киселев А. Г. Путешествие «реvisора» на Выксу. — М., 2007. — С. 5.

¹⁵ Киселев А. Г. «Биограф Баташевых П. Свинын» // Первые научные чтения памяти академика Н. Ф. Филатова. — Нижний Новгород, 2006. — С. 54-58.

¹⁶ ЦАНО. — Ф. 932. — Оп. 711. — Д. 122.

¹⁷ Там же. — Д. 111. — Л. 1, 2.

¹⁸ Свинын П. П. — Указ соч. — С. 118.

¹⁹ Подробную библиографию его публикаций см.: Киселев А. Г. Путешествие «реvisора» на Выксу. — С. 55.

С. Н. Рябова (Петушки)

СЕМЬЯ АРХИПОВЫХ И НОРКИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПОКРОВСКИЙ УЕЗД ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

История отдельной деревни тесно связана с историей всей России. Дачная деревенька с названием Норкино знала бурный рост в конце XIX в. и разорение Нечерноземья, провожала воинов и получала похоронки, собирала богатые урожаи и переживала потери. Историю деревни и ее жителей можно проследить по архивным документам. На карте, которая хранится в ГАВО, удалось найти упоминание о деревне в 1770 г.

Исследования в ГАВО помогли собрать сведения

об учителях Норкинской школы грамоты Архиповых — Григории Николаевиче и его сыне Иване Григорьевиче.

В 1788 г. в деревне Норкиной Покровского уезда Владимирской губернии родился Петр Архип Никитич, от которого можно документально проследить род Архиповых¹. В метрической книге за 1811 г. имеется запись: «27 октября. Той же губернии, Епархии и округи гр. Николая Ивановича Салтыкова д. Норкиной крестьянин Архип Никитин по крестном отце

Захаров с девкой той же вотчины и деревни крестьянина Моисея Кузьмина с дочерью Федосьей по добровольному их и родителей и господ их согласию и по учинении об них в церкви указанного обыска, который вписан в данной для того из Консистории книге оба первым браком. По венчании сего брака поручители были той же вотчины деревни Евдокимцева крестьянин Сергей Федоров, д. Елисейкова Григорий Степанов. Таинство венчания брака совершил означенного прихода священник Петр Ефимов с диаконом Василием Васильевичем (неразб. — С. Р.) и пономарем Николаем Ивановым»². (Это брак моих прапрапрадеда и прапрапрабабушки. В некоторых документах Архип почему-то называется Петром. — С. Р.).

До 1830 г., согласно метрическим книгам, деревни Норкино, Кобяки, Ивачи принадлежали Сабурову, затем их владелец сменился. Мало кто из крестьян имел фамилию, поэтому проследить все родословные сложно. Но уже встречаются фамилии Пучковы, Шувалкины, Архиповы. Так, запись 1832 г.: «Март. Третьего числа вотчины Коллежского асессора Павла Крупенина, деревни Норкина крестьянка вдова Степанида Кузьмина Архипова померла. Лет 65. Исповедовал священник Иерусалимского прихода Петр Ефимов»³.

Запись о бракосочетании в метрических книгах храма Иерусалимской иконы Божией Матери в с. Воспушки 1830-х гг. была подробной. Например, в феврале 1837 г. в книге отмечено: «Пятнадцатого числа той же вотчины деревни Норкина крестьянский сын Симеон Петров Архипов той же вотчины и деревни крестьянской девкой Екатериной Козьминой. Поручителем был той же вотчины крестьяне с Жениховой стороны деревни Норкина братья Прокопий Иванов, Иван Иванов, с Невестиной стороны ее родной брат Иван Козмин. В церкви Иерусалимской Богородицы присутствовали священник Иоанн Давидовский, диакон Иоанн (далее неразб. — С. Р.)»⁴.

5 декабря 1838 г. у четы родился старший сын Николай. Его воспитателями были «Шлиссенбургского полка Унтер-офицер Давид Сергеев, деревни Норкина крестьянская дочь Акилина Архипова, сестра Симеона»⁵. Его внук Григорий Николаевич был основателем и учителем школы грамоты в деревне.

По данным десятой ревизии, проведенной в 1858 г., в деревне проживал 181 человек (87 мужчин и 94 женщины)⁶. «2-го июня 1858 года. Ревизская сказка. 1858 года Майя 28 числа Покровского уезда вотчины Генерал-майорши Елизаветы Владимировны Гастфер Сельца Назарова и деревень Куряевой... Полян, Очет, Мышлиной, Костенев, Норкиной, Марков, Богдарни и Борку о состоящих мужского и женского пола дворовых людях и крестьянах (№ 54)». Она заполнена на стандартном бланке. Некоторые графы были изменены. Для мужчин заполнялись графы: «№ 9 ревизии»; «№ 10 ревизии. Семьи»; «По последней ревизии состояло и после оной прибыло. Лета»; «После того числа выбыло. Когда именно»; «Ныне на лицо. Лета». Женский пол учитывали по следующим графам:

«№ 9 ревизии»; «№ 10 ревизии. Семьи»; «Во временной отлучке. С которого времени»; «Ныне на лицо. Лета». В это время в деревне жили только крестьяне. В деревне было двадцать три двора. Семьи часто были большие, во многих домах жили представители трех поколений, редко молодая семья жила одна. Род Архиповых продолжал жить в деревне.

Грамоте дети деревни учились по-разному. Долгое время ближайшей земской школой была ермолинская, основанная в 1889 г. В 1915 г. курс обучения в ней был четыре года, преподавало две учительницы, обучалось сорок пять мальчиков и двадцать семь девочек⁷.

Но и в самой деревне была школа грамоты. Школы грамоты — одногодичные училища в деревнях рубежа XIX-XX вв. Их цель — обучение крестьянских детей чтению, письму и счету.

В уездной управе было получено циркулярное предложение Владимирского губернатора от 23 сентября 1892 г. № 4860: «Обер-прокурор святейшего синода, письмом Относительно распространения школ грамоты на основании Высочайше утвержденных 4 мая 1891 г. правил о сих школах.

Вместе с сим действительный тайный советник Победоносцев сообщает, что до настоящего времени, благодаря совместной работе земства и православного духовенства, сделаны значительные успехи в деле начального народного образования, но и затем больше половины детей школьного возраста остаются вне благотворного влияния школы, и чем более увеличивается народонаселение, тем ощутимее с каждым годом недостаток школ. Особливо следует сожалеть о ничтожном проценте учащихся девочек. Между тем потребность в образовании всюду проявляется. Со всех сторон поступают просьбы об открытии школ, об улучшении уже открытых; слышны жалобы на недостаток учителей и учеников в существующих уже школах. В виду полной невозможности удовлетворить общенародную потребность в грамотности существующими земскими и церковно-приходскими школами, стоящими сравнительно недешево, от святейшего синода изданы „Правила о школах грамоты“, удостоившиеся 4-го мая 1891 г. Высочайшего Его Императорского Величества утверждения. Означенными правилами православному духовенству оказано высокое Монаршее доверие по руководству и наблюдению за школами грамоты. Но к учреждению их, кроме членов причтов и монастырей, Высочайшею волею призваны благотворительные учреждения, православные прихожане, сельские и городские общества и земство.

Святейшим синодом, как усматривается из прилагаемого при сем определения его от 6-20 июля 1888 г., отрьто обширное поприще надзора представителям тех земств, кои оказывают пособие церковным школам. Строгая отчетность в расходовании всех казенных и общественных денег и проверка этого расхода теми учреждениями, от коих получено пособие школам, положены в основу хозяйственной деятельности училищного при святейшем синоде совета. При таких условиях

полное единение земства и православного духовенства по устройству школ грамоты является не только желательным, но и легко осуществимым.

Чтобы достичь возможно более успешного все-народного распространения грамоты путем означенных школ необходимы следующие меры:

1. Учреждение в каждом уезде двух и более двухклассных церковно-приходских школ с учительскими курсами и курсами сельского хозяйства для приготовления учителей в школы грамоты. Для этой же цели полезно учредить краткосрочные летние учительские курсы при лучших церковно-приходских школах уезда. Дабы избежать излишних расходов желательно преобразовать в двухклассные церковно-приходские школы те из одноклассных церковно-приходских и земских школ, кои имеют поместительные школьные здания и участки земли для сада-огорода или полеводства.

В случае отказа уездных земств, по недостаточности средств открыть двухклассные церковно-приходские школы с учительскими сельскохозяйственными курсами, можно надеяться на участие губернского земства в приготовлении учителей для школ грамоты и в распространении среди народа сельскохозяйственных знаний.

2. Постройка в отдаленных от церквей деревнях школьных изб для школ грамоты по планам и сметам, составленным по соглашению местным епархиальным советом с земскими управами.

3. Ассигнование ежегодного земского пособия школам грамоты от 25 до 100 р., смотря по местным средствам и потребностям.

4. снабжение означенных школ руководствами от училищного при святейшем синоде совета, который озаботился специально для школ грамоты издать доступные по содержанию и цене учебники и учебные пособия.

Об изложенном сообщаю земским управам и городским головам для доклада предстоящим очередным земским собраниям и городским думам, предлагаю о последующем меня уведомить».

После того, при циркуляре от 5 октября за № 5074, г. губернатором препровождена в уездную управу брошюра „Меры к повсеместному распространению грамотности в народе“.

О вышеизложенном с представлением определения святейшего синода от 6-20 июля 1888 г. и брошюры „Меры к повсеместному распространению грамотности в народе“, уездная управа имеет честь доложить на благоусмотрение уездного земского собрания, с таким заключением, что в виду допущения к участию в уездных советах училищ братства Св. Александра Невского представителей местного земства, какими являются почти все земские начальники, ныне принимающие участие в этих советах, предоставить в распоряжение братства Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского двести рублей»⁸.

«По поводу открытия школы грамоты в деревнях уезда.

Совет православного братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского отношением от 18 апреля сего года за № 758, с препровождением высочайше утвержденных 4-го мая 1891 г. Правил о школах грамоты, просит Правила эти доложить земскому собранию на тот предмет, не пожелает ли оно принять участие в распространении народного образования посредством открытия в деревнях школ грамоты.

О чем уездная управа, с представлением Правил о школах грамоты, имеет честь доложить земскому собранию, на его благоусмотрение, т. к. участие земства в школах грамоты может только выразиться в ассигновании суммы на этот предмет в распоряжение братства Св. А. Невского»⁹.

С 1897 года в своем доме учит детей Григорий Николаевич Архипов. Вскоре ему «Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Сергием, Архиепископом Владимирским и Суздальским в 5-й день месяца Ноября 1899 г. преподано Благословение Божие и от Владимирского Епархиального

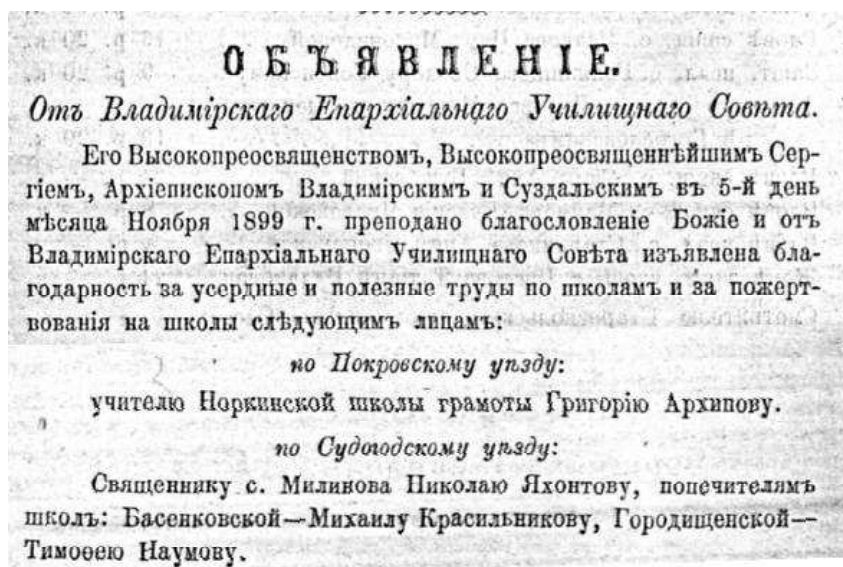

Рис. 1. Объявление благодарности Григорию Николаевичу Архипову

Училищного Совета изъявлена благодарность за усердные и полезные труды по школам и за пожертвования на школы»¹⁰.

Несколько лет спустя он обратился с ходатайством в Покровское Уездное земское собрание. «104. По ходатайству учителя Норкинской школы грамоты Григория Архипова о пособии. Учитель г. Архипов в прошении своем пишет, что он 8 лет занимается обучением грамоте детей бесплатно, покупая на свой счет учебные пособия для школы, которая также бесплатно помещается в его доме. Учащихся, по словам г. Архипова, бывает до 25 чел., а в настоящее время их ожидается более, так как земская школа в д. Ермолино закрыта. А потому г. Архипов просит оказать ему какое-либо единовременное пособие на приобретение учебных пособий и в вознаграждение за его бесплатный труд и бесплатное предоставление под школу помещения с отоплением и освещением. Справка. Очередным собранием 1900 г. (см. журн. С. XI) ассигновано единовременно на поддержание Норкинской школы грамоты 60 руб. Докладывая о вышеизложенном, управа полагала бы поощрить бесплатный труд г. Архипова по народному образованию единовременным пособием по усмотрению собрания»¹¹.

Учителя школ грамоты учились как в церковных учебных заведениях, так и в земских школах. Иван Григорьевич Архипов из д. Норкино, сын Г. Н. Архипова, «в 1909 году выдержал испытание на звание учителя церковно-приходской школы и получил права на вышеозначенное звание»¹².

Спустя несколько лет, с 1908 г., преподавал в школе сын Г. Н. Архипова — Иван Григорьевич. «44. По ходатайству учителя Норкинской школы-грамоты, Жаровской волости, Ивана Григорьева Архипова о пособии. 23-го августа сего года уездной управой получено от учителя Норкинской школы грамоты И. Г. Архипова прошение следующего содержания: „Норкинская школа грамоты, в которой я в настоящее время состою учителем, существует с 1897 года, т. е. 15 лет. 11 лет в ней учил детей мой отец Григорий Николаев Архипов и 4 года я продолжаю обучение. Но обучение детей в нашей школе сопряжено с большим трудом, а именно: приходится ежегодно нанимать помещение для школы, отапливать и освещать ее на свои средства, без посторонней помощи. Оставить столь полезное дело для детей нашей местности я считаю не благовидным, так как школы от нас ближе 3-х верст нет и учить детей негде. Еще считаю не лишним сообщить и то, что я в 1909 году выдержал испытание на звание учителя церковно-приходской школы и получил права на вышеозначенное звание, но за неимением свободных учительских мест в нашей епархии, мне приходится учить в школе грамоты без всякого вознаграждения... В виду такого неудобного и неприятного положения для меня, я и счел необходимым обратиться в Покровское уездное земское очередное собрание с покорнейшей просьбой не найдет ли оно с своей стороны возможным оказать какое-либо денежное посо-

бие для нашей школы грамоты. В чем покорнейше и прошу вышеозначенное собрание принять мое прошение на зависящее благоусмотрение. При сем присовокуплю не найдет ли возможным вышеозначенное собрание сообщить мне о результате”.

Справка. Очередным уездным земским собранием 1905 года ходатайство учителя Норкинской школы грамоты Григория Архипова о пособии было отклонено в виду того, что тип школы по своей малопродуктивности вовсе не желателен.

Докладывая о вышеизложенном земскому собранию, уездная управа, с своей стороны, полагала бы, на основании приведенной справки, в ходатайстве Ивана Архипова отказать»¹³.

29 января 1909 г. Норкинская школа грамоты посещена о. Сергием Альбицким, наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты Покровского уезда. «Занятия начались 1 октября, учителем состоит крестьянский сын Иван Григорьевич Архипов, учащихся 14 человек: 10 мальчиков, 4 девочки. По Закону пройдены молитвы, история Ветхого Завета до пророка Илии, книга Нового Завета до чудес, Символ веры и заповеди. По русскому языку читают книгу Попова I часть, по грамматике Некрасова I часть, пишут несложные диктанты. По арифметике на все 4 действия задачи решают в пределах 100. По славянски читают книгу Ильинского и Псалтырь. Младшая группа — 8 мальчиков. По Закону Божию молитвы и преподавание истории Ветхого Завета до царя Соломона. По русскому языку читают букварь Синодального издания, пишут слова и буквы, по-славянски изучают только буквы, по арифметике решают умственно задачи до 10 и считают десятками до 100.

Успехи. Ученики читают, считают и пишут с книг, знают прочесть правильно молитвы, рассказывают истории... Учитель получает с каждого мальчика 2 р. 50к. в год за обучение и квартиру»¹⁴.

Школы грамоты были включены в перепись школ, подведомственных церкви, в 1908-1909 учебном году. «3. Норкинская (от храма с. Воспушки). Обучались 14 мальчиков и 8 девочек. Расположена в доме учителя. Учебники и учебные принадлежности из отделения. Заведующий священник Александр Руфицкий. Учитель крестьянин Иван Григорьев Архипов. Вознаграждение его — «15 рублей частных». В начале года в школах грамоты Покровского уезда обучалось 1431 мальчик и 704 девочки. С наступлением весны часть детей привлекалась к полевым работам, в конце года учились 1203 мальчика и 600 девочек»¹⁵.

В 1909 г. была составлена ведомость о церковных школах уезда и список с характеристиками учителей церковно-приходских школ Покровского уезда. Документ заполнили двое. Один, пока неизвестный, перечислял учащихся лиц, другой — протоиерей Сергей Альбицкий — давал всем характеристики.

Всего в уезде было 34 церковно-приходские школы и 5 школ грамоты.

«Школы грамоты.

1. Кузьевская. Заведующий священник Иоанн Казанский. Учитель из крестьян запасной старший писарь унтер-офицер Никита Ябелов окончил курс в земской школе. (Занимается, ведет себя трезво).

2. Логинцевская. Заведующий священник села Архангела Стефан Преображенский. Учитель запасной старший писарь Андрей Евфимиев Голубев домашнего образования. (Очень усердно занимается и с успехом).

3. Норкинская. Заведующий священник Александр Руфицкий. Учитель крестьянин Иван Григорьев Архипов. (Учит читать и писать)¹⁶.

Каждый истинно русский человек не имеет права забывать, «оттуда есть пошла» линия рода или нить родства, идущая из глубины веков. Именно в деревянных домах, с любовью поставленных всей родней, воспитывались и заботливые, рачительные хозяева, и «величавые славянки», статные русские женщины, к числу которых можно отнести мою прабабушку Ирину Егоровну Архипову (в замужестве Шувалкина). Она родилась весной 1887 г. в д. Норкино Жаровской волости Покровского уезда. По всей вероятности, приняла крещение в Иерусалимском храме с. Воспушки, к которому относилась деревня. Ее крестным был родственник Григорий Николаевич Архипов¹⁷. Сначала она училась в школе грамоты на дому (здание школы еще не было

построено) у родственника Г. Н. Архипова, затем посещала земское начальное училище в д. Ермолино. Личность Григория Николаевича заслуживает внимания еще и потому, что он — двоюродный племянник (по отцу) моей прабабушки, Ирины Егоровны Шувалкиной (урожд. Архиповой). Его отличали ум, практическая сметка, деловитость, трудолюбие. В хозяйстве было четыре лошади¹⁸.

20 сентября 1912 г. состоялось заседание комиссии по народному образованию Покровского уездного земства. Председательствовал А. А. Микулин. Присутствовали члены комиссии: Д. А. Угрюмов, А. В. Захаров, управа в полном составе, инспектор народных училищ Покровского уезда К. А. Бошняк, протоиерей о. П. М. Соколов. Было предложено построить школьные здания «для вновь открываемых училищ по школьной сети», в том числе и для д. Норкино. В нем должно было быть три классных комплекта, всего для этого предполагалось ассигновать 9000 рублей, из них 4000 — единовременное пособие за счет казны, 2500 — трехпроцентная ссуда на двадцать лет, 2500 руб. за счет земских средств. Здания для Норкинского земского начального училища предполагалось построить в 1913 г.¹⁹ Оно было построено после 1 января 1915 г.

¹ ГАВО. — Ф. 301. — Оп. 5. — Д. 395.

² Там же. — Л. 88об.

³ ГАВО. — Ф. 590. — Д. 867. — С. 102.

⁴ Там же. — С. 134об.

⁵ Там же. — Л. 146.

⁶ Ревизские сказки 10 ревизии помещичьих крестьян Покровского уезда Владимирской губернии с литера А по Д // ГАВО. — Ф. 301. — Оп. 5. — Д. 799.

⁷ Справочник по начальным школам Владимирской губернии на 1-е января 1915 года. — Владимир на Клязьме, 1912. — С. 110-111.

⁸ Журналы очередного Покровского Уездного Земского собрания 1893 года. — Владимир на Клязьме, 1894. — С. 15-17.

⁹ Журналы очередного Покровского Уездного Земского Собрания 1892 г. — Владимир на Клязьме, 1893. — С. 127.

¹⁰ ВЕВ. — 1899. — № 23. — 1 декабря. — С. 439.

¹¹ Журналы очередной сессии Покровского Уездного Земского собрания 1904 года. — Владимир на Клязьме, 1904. — С. 146.

¹² Журналы очередного Покровского Уездного Земского Собрания 1912 года. — Владимир на Клязьме, 1913. — С. 78.

¹³ Там же. — С. 78-79.

¹⁴ Ведомость о церковно-приходских школах и школах грамотности Покровского уезда за 1908-1909 учебный год // ГАВО. — Ф. 450. — Оп. 2. — Д. 51.

¹⁵ Там же. — Л. 10об.-11.

¹⁶ Там же. — Д. 106.

¹⁷ Записано со слов моей бабушки А. К. Башишкиной (урожд. Шувалкиной), которая родилась в д. Норкино 25 ноября 1923 г.

¹⁸ Записано со слов моей бабушки А. К. Башишкиной.

¹⁹ Журналы очередного Покровского Уездного Земского Собрания 1912 года. — С. 121-128.

Р. О. Костоправов (Владимир)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛИТИКИ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА В РАЗВИТИИ МУРОМСКОЙ ЗЕМЛИ В КОНЦЕ X—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XI ВЕКОВ

Известия письменных источников о ранней истории Муромской земли крайне скудны, поэтому древнейший этап ее социального, политического и экономического развития в составе древнерусского государства почти не поддается исследованию¹. В то же время расположение на важном участке международной водной магистрали привело к быстрому втягиванию ее в орбиту древнерусского государства², что сильно отразилось на ее внутренней жизни.

Время распространения влияния киевских князей

на Муром относится ко второй половине X—началу XI в.³ Скорее всего, это произошло после похода Владимира Святославича на волжских булгар в конце X в.⁴

Начало политической жизни Муромской земли зафиксировано в летописях под 988 или 989 г., когда в Муроме сел княжить сын Владимира Святославича Глеб⁵. Но у ряда исследователей такая датировка вызвала сомнения. Д. И. Иловайский верно отметил, что в 988/89 г. Глеб был либо совсем младенцем, либо еще не родился⁶. О. М. Рапов считал, что «Житие Констан-

тина Муромского» позволяет говорить о периоде правления Глеба с 1013/14 по 1015 г.⁷ К этим замечаниям можно добавить, что перечисление в летописи сыновей Владимира Святославича и их владений представляет собой комментарий к фразе «Володимеръ просвещенъ самъ и сынове его и земля его бе бо у него сыновъ»⁸. По этой причине нельзя быть уверенным, что заметка летописца действительно отражает реалии 988/89 г., а не более раннего или более позднего времени. Очень вероятно, что летописец как единовременный акт описал последовательный процесс наделения Владимировичей уделами по мере их взросления. Кроме того, летописец перечисляет сыновей Владимира Святославича и их уделы дважды. Первый раз — до смерти Вышеслава, второй — после. Точное время смерти Вышеслава неизвестно, но по некоторым сведениям она относится к началу XI в.⁹ Посаждение Глеба в Муроме отмечено уже во втором списке. Таким образом, вся совокупность наблюдений позволяет согласиться с мнением, что Глеб сел в Муроме незадолго до 1015 г.¹⁰ Источники сообщают, что княжичу не удалось сесть в самом городе, и он поселился рядом, на месте, где сейчас расположен Спасский монастырь¹¹.

Выяснив примерное время, когда было образовано Муромское княжество, можно поставить более важный вопрос о цели его создания. Дело в том, что после смерти Владимира Святославича оно надолго перестало существовать¹². Поэтому удивляет, что он в конце X в. сажал своего сына на недавно присоединенной окраине государства. М. Б. Свердлов писал, что через такие распределения князья-наместники включались в сложившийся институт посадников¹³. И. Я. Фроянов отмечал, что эта политика связана с процессом поглощения власти племенных князей, которые заменялись князьями-наместниками из рода Рюриковичей¹⁴. Это мнение совершенно верно. Заметим, что до смерти Вышеслава Владимировича города получили четыре сына Владимира Святославича. Муром при этом не упоминается. После смерти Вышеслава появляется сразу несколько новых княжеств — Владимир Вольнский переходит Всеволоду, Тмуторокань — Мстиславу, древляне — Святополку, Ростов — Ярославу, Муром — Глебу. Распределение столов явно указывает на стремление князя прочно прикрепить к Киеву окраины¹⁵. Итак, с начала XI в. начинается целенаправленное политическое освоение Муромской земли с целью более прочного прикрепления ее к Киевскому государству. Очевидно также, что Владимир Святославич нижнее течение Оки, как и другие окраинные земли, воспринимал не только как данническую территорию, но и как часть Киевского государства.

Определенную роль в создании княжества сыграло сопротивление вятичей власти Киева и их тяготение к Волжской Булгарии¹⁶. Утверждая княжеский стол в Муроме, Владимир Святославич усиливал надзор за нижним течением Оки, прерывал контакты между волжскими булгарами и вятичами, лишая последних внешней опоры для племенного сепаратизма.

Еще одной причиной создания княжества было

заключение между Владимиром Святославичем и Волжской Булгарией торгового договора в 1006 г., о котором сообщает В. Н. Татищев. Хотя в нем ничего конкретно о Муромской земле не сказано, но очевидно, что его условия имели первостепенное значение для развития именно этого региона.

Вопрос о достоверности сообщения о договоре 1006 г. пока остается открытым.

Всего известно четыре варианта сообщения о посольстве волжских булгар 1006 г. Первый вариант написан на полях рукописи: «6514 [1006] прислали болгары волские послов, дабы Владимир позволили им во градах торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и по всем градам послал грамоты». Второй вариант: «6514 [1006] прислали болгары волские послов с дары многими и просили, дабы Владимир позволили им во градах торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и по всем градам послал печати повелев болгаром все их продавать по градом купцом, тиуном [судиям], вирником и огневшине и смерди [сие шляхетству и крестьяном и подлостии]...» Этот вариант не был закончен. М. Н. Мартынов объяснял это нехваткой места на полях¹⁷. С. Л. Пешпич усмотрел в этом намерение еще раз отредактировать текст сообщения¹⁸. Третий вариант был существенно дополнен: «Прислали болгары [волские] послов с дары многими, дабы Владимир позволил в городех по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил, и дал им во грады печати, дабы они везде и всем вольно торговали и русские купцы с печатями от наместников в болгары с торгом ездили без опасения, а болгаром все их товары продавать во градах купцом, и от них купить что потребно, а по селам не ездить; тиуном, вирником, огневшине и смерди не продавать и от них не купить». Последнее изложение В. Н. Татищевым посольства 1006 г. содержится в «представлении о купечестве и ремеслах»: «Владимир I в 1006 году с болгарами волскими, яко сильнейшими тогда в сих странах купеческим народом, договор купеческой заключил, позволяя им во все государство для купечества безопасно приезжать; в том договоре знатное и купечеству весьма полезное обстоятельство включил, чтобы болгары ни шляхетству, ни крестьянству своих товаров не продавали и от них не купили, но единственно с купцами русскими во градах торговали».

С. Л. Пешпич считает, что приведенный ряд указывает на сознательную переработку В. Н. Татищевым известия о событиях 1006 г.¹⁹ Первоначальный текст, по мнению исследователя, также целиком относится к редакторской работе В. Н. Татищева. В подтверждение С. Л. Пешпич отмечал, что в трудах В. Н. Татищева содержится целый ряд «уникальных сообщений» об отношениях с волжскими булгарами, которых нет в летописях. Затем исследователь разобрал ряд случаев, когда В. Н. Татищев к кратким летописным статьям добавлял собственные комментарии в форме летописных сообщений. В связи с этим С. Л. Пешпич

делал вывод, что В. Н. Татищев как историк, «основывающийся на вероятностях», предполагал наличие оживленных торговых связей Руси с волжскими булгарами. Это предположение он и изложил в форме летописного текста. Мы считаем, что выводы С. Л. Пешпича требуют пересмотра.

Для начала отметим, что С. Л. Пешпич не делает конкретного заключения о том, выдуманно ли самим В. Н. Татищевым сообщение 1006 г. или он все же имел некий источник, содержащий его. Правильно отмеченная исследователем редакторская работа не дает права предполагать, что В. Н. Татищев специально выдумывал события²⁰. Характер его редакторской работы с летописными сообщениями лишь отчасти связан с вопросом об их достоверности. Мы считаем, что нет оснований не доверять сведениям о посольстве волжских булгар в 1006 г. Необходимо установить достоверность их содержания. Такой точки зрения придерживается большинство исследователей²¹.

Рассмотрим подробнее отношения между четырьмя вариантами сообщения о договоре 1006 г. Первое сообщение стало основой для второго. Дополнение второго сообщения вряд ли может быть отнесено к редакторской работе В. Н. Татищева. Разрешение на торговлю с купцами, тиунами, вирниками, огнищанами и смердами в городах никак не вытекает из первого сообщения. Поэтому мы можем предположить, что В. Н. Татищев ввел его, опираясь на другой вариант летописной статьи. На основе второго сообщения было написано «представление о купечестве и ремеслах». На это указывают два обстоятельства. Первое — комментарий второго сообщения «сие шляхетству, и крестьяном, и подлости» использован как основной текст в «представлении о купечестве и ремеслах». Второе — в отличие от третьего сообщения упомянуто, что булгарам разрешено торговать по всем городам. Третий текст, с одной стороны, добавляет, что булгары просили разрешения торговать лишь по Волге и Оке, с другой, не содержит комментариев.

Наличие комментариев во втором тексте, введение их в «представление о купечестве и ремеслах» в качестве основного текста, отсутствие их в третьем тексте указывает на то, что В. Н. Татищев делал их в процессе исследования²². Если бы он вводил новые сведения в текст по собственному усмотрению, то знал бы, что означают используемые им термины²³. Хотя В. Н. Татищев и был историком XVIII в. и во многом «основывался на вероятностях», но предполагать, что он расширял текст вставками, содержания которых не понимал, не стоит. Мы считаем, что можно отвергнуть мысль о введении упоминания о «купцах, тиунах, вирниках, огневщине и смердах» как результате редакторской работы.

Еще один принципиальный момент известия 1006 г. заключается в запрете торговать по селам. Упоминание о нем трудно отнести к творчеству В. Н. Татищева, поскольку историк явно смутно представлял себе его смысл. Рассмотрим этот эпизод по-

дробнее. Второй вариант текста сообщает, что булгарам разрешено торговать в городах со всеми сословиями — «повелев болгаром все их продавать по градом купцом, тиуном, вирником и огневщине и смерди». Из «представления о купечестве и ремеслах» следует, что запрет касался «шляхетства и крестьянства» и разрешалось торговать лишь с купцами. Третий же вариант текста говорит, что булгары могут ездить по городам и торговать с купцами, а в селлах — со смердами, тиунами, огнищанами и вирниками «не торговать».

Таким образом, мы наблюдаем два противопоставления: город — село и купечество — другие сословия. В. Н. Татищев выделил второе противопоставление в качестве основного. Оно стало основой для «представления о купечестве и ремеслах» и третьего варианта текста. Но второй вариант не соответствует мысли автора. Следовательно, представление о сословности в торговле выделилось в процессе осмысления текста и наслылось на противопоставление города и деревни. Трудно представить, что В. Н. Татищев мог сначала придумать договор, затем его исследовать и колебаться в сути его содержания. По этой причине противопоставление город — село мы склонны считать достоверным.

Как видим, редактирование текста заключалось не столько в расширении его соображениями В. Н. Татищева, сколько в осмыслении его содержания. Поэтому три ключевых момента в известии 1006 г. мы не можем отнести к творчеству В. Н. Татищева: сообщение о посольстве, разрешение торговать в городах, но запрет торговать в селлах, и упоминание в тексте различных общественных и административных состояний.

Для нас сейчас важен запрет торговать по селам. Смысл его очевиден — князь не мог контролировать все торговые операции, которые совершались по различным населенным пунктам, а, значит, не мог и собирать торговый сбор. Нужно полагать, что после 1006 г. было установлено место совершения торговых операций. Таким местом, очевидно, и стал Муром, что подтверждается всем его дальнейшим развитием. Наличие князя в Муроме, чтобы следить за соблюдением условий договора, было необходимо²⁴.

Наконец подчеркнем, что присоединение Муромской земли произошло в дохристианский период. После 988 г. Владимир Святославич мог ожидать осложнений в связи с начавшейся христианизацией. Утверждение княжеского стола должно было способствовать распространению христианства и обеспечивать безопасность первых адептов новой религии²⁵. В связи с этим показательно, что «Житие муромского князя Константина» сообщает «и град сей Муром славен бяше, и кровопролития безчисленна с верными содевающе и обиду творяще велию»²⁶. Таким образом, источник указывает на существование христианской общины в городе и ее конфликты с язычниками²⁷. События, описанные в «Житие Константина Муромского», относятся к первой четверти XI в., т. е. к эпохе Владимира Святославича или некоторого времени после его смер-

ти²⁸. Можно лишь предположить, что в период междоусобицы 1015—1024 гг. в городе произошел конфликт между языческим и христианским населением. Мы не можем с уверенностью сказать о его сущности — он мог быть связан и с религиозными причинами, и со стремлением города к независимости. Интересно замечание, что Константин Святославич склонял людей к христианству с помощью даров, льгот и освобождения от даней. Такие условия были очень выгодны для знати²⁹. Поэтому социальная подоплека конфликта, видимо, тоже имела место и связана с феодализацией Муромской земли при активной поддержке Киева³⁰. М. В. Кривошеев также отмечает, что основной мотив в «Житии» это выплата дани населением. Следовательно, мятеж мог быть протестом против государственной эксплуатации Муромской земли, которая тоже тесно связана с феодализацией. Выступление населения проходило под эгидой язычества, христиане же стояли на стороне киевского государства. Факт столь острых конфликтов и другие данные указывают на слабость княжеской власти в Муроме в первой четверти XI в.³¹

Итак, создание Владимиром Святославичем в начале XI в. самостоятельного княжения в Муроме преследовало вполне определенные цели:

1. политическое освоение Муромской земли, включение ее в систему административного управления, усиление государственной власти;
2. контроль над той частью Окского водного пути, которая находилась на стыке между землями вятичей, болгар и мордвы;
3. контроль за соблюдением условий договора 1006 г. с волжскими булгарами;
4. распространение христианства, поддержка христианской общины в Муроме.

Такая целенаправленная политика Киева не могла не привести к серьезным изменениям в уровне социально-экономического и социально-политического развития Муромской земли.

В начале XI в. в Муромском крае основная масса населения принадлежала к финно-угорскому племени мурома, у которого в значительной степени еще процветали родоплеменные отношения. Развивалось родовое ремесло, направленное на обслуживание местной племенной знати³². Но укрепление торговых и даннических отношений с волжскими булгарами обусловило развитие ремесла, направленного на обслуживание промысловой деятельности населения и болгарских купцов³³. Это стало стимулом для социального неравенства и вело к распаду родоплеменных и становлению территориально-общинных отношений³⁴. Этот процесс стал развиваться намного быстрее после присоединения Муромской земли к Киевскому государству. В это время, в первой четверти XI в., появился город Муром с развитой городской общиной³⁵. Очень важно выяснить, как происходило ее развитие. Исследователи связывают появление города со славянами³⁶. Е. И. Грю-

нова считала, что Муром был основан князем Глебом Владимировичем как его личная крепость, которая стала постепенно концентрировать вокруг себя ремесленное население³⁷. Однако открытым остается вопрос о причине этой концентрации ремесла³⁸.

Мы полагаем, что политика Владимира Святославича сыграла в этом процессе не последнюю роль. М. В. Кривошеев отмечал значение договора 1006 г.³⁹ Думаем, что мысль автора верна. Договор положил конец объездам болгарских купцов и установил единую для всего региона торговую точку, что позволило князю централизованно собирать торговую пошлину и дань. Такой точкой и стал Муром. Местное население было вынуждено теперь самостоятельно везти товары на рынок. Появление крупного торгового центра неизбежно вело и к концентрации ремесленников, которые обслуживали и перемещавшуюся сюда родовую знать, и торговые караваны, и княжескую дружину.

Напомним также, что муромцы оказали упорное сопротивление Глебу Владимировичу. В этой ситуации договор 1006 г. оказался как нельзя кстати. Он лишил жителей Муромской земли возможности вступать в непосредственный контакт с волжскими булгарами. Теперь отношения осуществлялись через князя, пусть и непризнанного, и его администрацию.

Таким образом, договор 1006 г. имел большое значение для регулирования не только внешних, но и внутренних отношений Муромской земли.

В условиях углубления социальной дифференциации христианизация, сопровождавшаяся дарами и льготами, ускоряла процесс отрыва знати и социально активных членов общества от общинно-родовых связей. Таким образом, распространение христианства стимулировало процесс имущественной дифференциации и феодализации Муромской земли (см. также прим. 30). Образовавшаяся феодальная знать была тесно связана с Киевом, поскольку киевский князь и православная церковь были опорой для ее власти и материального благосостояния.

Важное место в политике Владимира Святославича в отношении окраин занимала также насильственная интеграция местной знати — он «нарубал» «лучших мужей» из разных племен и переселял их в новопостроенные Киевские города⁴⁰. Тем самым Владимир Святославич уничтожал социальную опору местного сепаратизма. Одновременно происходило насаждение на окраинах княжеских дружин, возглавляемых сыновьями князя⁴¹.

Итак, можно сделать вывод о важной роли политики Владимира Святославича в развитии Муромской земли в конце X-начале XI вв. Именно с ней связано возникновение и ускорение многих социально-политических и социально-экономических процессов. Деятельность киевского князя в начале XI в. привела к активному распаду родоплеменных и становлению территориально-общинных отношений, активизации процесса феодализации и огосударствления Муромской земли⁴².

¹ По сообщениям наших летописей в Муроме «первыи насельници мурома» (Ипатьевская летопись // ПСРЛ, т. II, М., 2001, стб. 14), что подтверждается и археологическими материалами. (Чальх Н. Е. Раскопки в Муроме // АО 1985 года. — М., 1987. — С. 107; она же. Раскопки в Муроме // АО 1986 года. — М., 1988. — С. 116; Бейкличи В. В. Исследования на Кремлевской горе Мурома // АО 1998. — М., 2000. — С. 77; и др.)

² История Рязанского княжества сочинения Д. И. Иловайского. — М., 1884. — С. 3; Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. — СПб., 1997. — С. 207.

³ Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — С. 80; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. — СПб., 2002. — С. 179; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. — СПб., 1988. — С. 253. Повесть временных лет, правда, сообщает, что еще в 862 г. Муромом владел Рюрик (Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — Т. II. — М., 2001. — С. 14-15).

⁴ Всего летописи упоминают три войны с булгарами, причем, точно не известно с какими — дунайскими или волжскими. С. М. Соловьев писал, что Владимир, вероятно, воевал и с теми и с другими. (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 2005. — Т. 1-2. — С. 183-184). Никоновская летопись относит поход на волжских болгар к 985 г. (Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. IX. — С. 66).

Главной причиной войны была борьба за дань, которая обострилась после разгрома Святославом Игоревичем Хазарского Каганата и междоусобной войны на Руси в 70-е гг. X в., когда волжским булгарам удалось распространить свое влияние на верхнеокских вятичей. Именно этим влиянием и объясняется их упорное сопротивление Киеву. [Гагин И. А. Волжская Булгария: Очерки истории Средневековой дипломатии (X- первая треть XIII вв.). — Рязань, 2004. — С. 167-173. Там же см. обзор литературы по данному вопросу]. В литературе также отмечается, что многие финно-угорские племена Волго-Окского междуречья искали у волжских болгар защиты от русских князей. (Казаков Е. П. Проблемы взаимодействия волжских болгар с волго-окскими финнами в IX-XII вв. // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 42)

⁵ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ — М., 2001 — Т. I. Стб. 121. Большинство исследователей не ставили под сомнение этого сообщения. (Тихонравов К. Владимирский сборник... — С. 80; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — М., 1956. — С. 431; Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961. — С. 247).

⁶ Автор отмечает, что под 1015 г. Борис Владимирович упомянут как юноша, у которого только пробивались усы и борода, а Глеб был моложе своего брата. (История Рязанской земли сочинения И. Д. Иловайского... — С. 7, прим. 6). К этому наблюдению можно добавить, что если Глеб действительно в 988 г. был «младенцем», то как тогда воспринимать еще трех сыновей Владимира — Станислава, Позвизда и Судислава.

⁷ Рапов О. М. Русская церковь в IX-первой трети XII в. Принятие христианства. — М., 1988. — С. 331.

⁸ Лаврентьевская летопись. — Стб. 121; Ипатьевская летопись. — Стб. 105-106.

⁹ Татищев В. Н. История Российская. — М., 1963. — Т. II. — С. 70.

¹⁰ А. А. Титов тоже отмечал, что в своей загородной резиденции Глеб Владимирович просидел два года. (Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома // Труды ВУАК. — Владимир, 1902. — Кн. IV. — С. 10).

¹¹ А. А. Титов писал, что Глеб Владимирович сам не шел в Муроме, жители которого отказались принять христианство. (Титов А. А. Указ.соч. — С. 9).

По мнению В. Н. Татищева, Муромская земля в это

время была частью владений Бориса Владимировича, князя Ростовского. (Татищев В. Н. История Российская. — Т. II. — С. 63, 70). А. Л. Монгайт считал, что Муром был тесно связан с владениями Ярослава Владимировича, а представление об отдельном княжестве связано с преданием о Борисе и Глебе. (Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961. — С. 333, прим. 198). А. Н. Насонов привел убедительные аргументы в пользу того мнения, что Муром первоначально был самостоятельным княжеством. Лишь в середине XI в. он вошел в состав Черниговского княжества. (Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории... — С. 178-179)

¹² Ни при разделе Руси Ярославом Мудрым, ни при других разделах Муром не обретает собственного князя. Это происходит лишь в конце XI в.

¹³ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI-XIII вв. — СПб., 2003. — С. 258-259.

¹⁴ Фроянов И. Я. Начала русской истории. — М., 2001. — С. 504-506.

¹⁵ По сути, образование ряда новых княжеств при Владимире Святославиче шло следом за Киевскими завоеваниями и славянской колонизацией.

¹⁶ Гагин И. А. Волжская Булгария... — С. 167-173.

¹⁷ Мартынов М. Н. «Договор» Владимира с волжскими болгарами 1006 г. // Историк-марксист. — 1941. — № 2. — С. 116-117.

¹⁸ Пешгич С. Л. О договоре Владимира с Волжскими Болгарами 1006 года // Исторические записки. — М., 1946. — Т. 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ Нужно помнить, что т. н. «уникальные известия» еще в XV в. появляются в летописных сводах, и многим из них мы вполне доверяем. В Типографской летописи появляется сообщение о нашествии болгар на Суздаль, которого нет в других источниках. В Тверском сборнике появляется целая повесть об Александре Поповиче, участнике Липицкой битвы 1216 г. Огромное количество уникальных сообщений содержится в Никоновском своде. Например, об Аскольде и Дире. (Патриаршая или Никоновская летопись. — С. 9; Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XV. — Стб. 336-338; Типографская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XXIV. — С. 72-73).

²¹ Обзор историографии см.: Гагин И. А. Волжская Булгария... — С. 182-184. А. А. Титов тоже отмечал, что волжские болгары получили от Владимира Святославича особые права на торговлю по Оке (Титов А. А. Указ. соч. — С. 10).

А. В. Назаренко затрагивал этот вопрос в своих исследованиях. Он отмечал, что все летописные сведения о внешнеполитических связях Владимира Святославича с немцами, волжскими булгарами и др. был обработаны летописцем и вписаны в сюжетную канву «Сказания об испытании вер» Повести временных лет. (Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. — М., 2001. — С. 434). Это позволяет предполагать, что В. Н. Татищев имел дело с источником, в котором сведения о сношениях Владимира Святославича с другими народами не были обработаны автором «Сказания».

²² Именно с этим может быть связана незавершенность второго варианта.

²³ Заметим, что из четырех терминов автор расшифровывал только два — «тиун» — «судия» и «смерди» — «крестьяне и подлость». Кем были вирники и огневищине, В. Н. Татищев не указывал, и в трактовке «тиунов», видимо, сомневался, а потому зачеркнул слово «судии».

²⁴ Очевидно, что Владимир Святославич своей деятельностью продолжил политику княгини Ольги. Напомним, что она установила единые пункты сбора дани — «повосты». (Ипатьевская летопись. — Стб. 48-49). Это значительно упорядочило внутреннюю жизнь государства. Установление Мурома как единого торгового пункта на Оке фактически было продолжением этой политики. Тем более, что сбор дани и торговля были тесно связаны. Таким образом, Владимир Святославич продолжал политику Ольги не только углубляя ее, но и распространяя на новые земли.

²⁵ Крещение населения сопровождалось конфликтами, например,

в Новгороде и Ростове. О христианизации как главной причине создания княжества писал Д. И. Иловайский (Указ. соч. — С. 8). К. Тихонравов также писал, что первые христиане в Муроме появились при Глебе (Указ. соч. — С. 80). Подобная трактовка на наш взгляд не удовлетворительна.

²⁶ Кривошеев М. В. Муромо-рязанская земля (очерки социально-политической истории XI-начала XIII в. по материалам повестей). — Гатчина, 2003. — С. 176.

²⁷ Нужно заметить, что «Житие князя Константина Всеволодовича» не говорит об истреблении христиан, но лишь о «многих обидях», которые творили им язычники. Поэтому военное вмешательство со стороны князя нужно понимать как радикальный способ окончательного окняжения и христианизации города.

²⁸ Рапов О. М. Указ. соч. — С. 331. Попытки доказать иное не могут быть признаны состоятельными. С конца первой четверти XI в. мы видим Муром полностью подчиненным княжеской власти. С середины XI в. Муром входит в состав Черниговских земель. В конце XI в. в городе упоминается Спасский монастырь. Эти данные не позволяют говорить о возможности настолько сильной языческой реакции после 20-х гг. XI в., тем более в конце XII в.

²⁹ Особую милость именно к «вельможам» отмечал М. В. Кривошеев (Указ. соч. — С. 53).

³⁰ Сведения о распространении христианства через дары, льготы и облегчение даней уникальны. Они имеют значение не только для исследования истории христианизации Мурома, но и Руси в целом. Принятие христианства в обмен на льготы и дары, с одной стороны, не могло в условиях общинных отношений (родовых или территориальных) касаться отдельных людей. Общинный уклад, естественно, предполагал христианизацию целиком той или иной общины. С другой стороны, христианство давало социально активным членам общества (ремесленникам, купцам, знати) идейную опору для отрыва от общинных связей и обычаев. Естественно, в этих условия христианство оказывалось тесно связано с социальной дифференциацией и феодализацией, распадом родового строя. Дружина киевского князя обеспечивала при этом безопасность. Поэтому нельзя исключать социальный или даже антифеодальный характер восстания под эгидой язычества.

³¹ Сравнивая ситуацию в Ростове и Муроме, Е. Е. Голубинский приходил к выводу, что в конце X-начале XI в. первый представлял уже удобства для организации самостоятельной кафедры, а второй еще нет. Среди этих удобств автор совершенно верно выделил следующие — наличие христианизированного «чиновничества» (княжеского судебно-административного аппарата), что в свою очередь обеспечивало сбор десятины в пользу епископа. (Голубинский Е. Е. История русской церкви. — М., 2002. — Т. 1. — С. 200). Отсутствие кафедры в Муроме, конечно, может быть связано вовсе не со слабостью княжеского аппарата, но сама возможность языческой реакции подтверждает, что за период правления Владимира Святославича, княжения в Муроме Глеба, а ранее, возможно, и Бориса, княжеский аппарат, хотя и формировался, но не был еще способен держать ситуацию под своим контролем. Слабость княжеской власти подтверждается и материалами источников. Так, «Житие муромского князя Константина» сообщает, что «и егда прииде святыи Глеб ко граду Мурому, и еще тогда неверии быша людие и жестоцы и не прияша его к себе на княжение, и не крестися, но и сопротивляхуся ему». (Кривошеев М. В. Указ. соч. — С. 175).

³² Кривошеев М. В. Указ. соч. — С. 34 — 35.

³³ Это торговое движение по Оке подчеркивается как важнейшее условие развития региона (Горюнова Е. И. Указ. соч. — С. 181). А. В. Назаренко отмечал, что межрегиональные связи очень тесно связаны с проблемой вызревания государственности.

(Назаренко А. В. Указ. соч. — С. 75).

³⁴ А. Л. Монгайт на материале погребений относил начало социального расслоения к VIII-IX вв. и связывал его с торговлей, которая стимулировала развитие ремесла (Монгайт А. Л. Указ. соч. — С. 329).

³⁵ Данные археологических раскопок показывают, что на территории современного города еще в VIII-начале XI вв. существовали только селища открытого типа (Горюнова Е. И. Муромский могильник (К истории города) // КСИА. — М., 1953. — Вып. 52. — С. 42). Но уже в конце XI в. исследователи фиксируют в Муроме развитую городскую общину (Кривошеев М. В. Указ. соч. — С. 40-41). Одновременно с городом складывается и его сельская округа (Грибов Н. Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения -V. — Муром, 2003. — С. 18)

³⁶ Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 16. М. П. Погодин вообще писал, что Муром основан новгородцами еще до Рюрика (Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. — М., 1999. — Т. 1. — С. 479).

³⁷ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья... — С. 203.

³⁸ Предполагать, что торговля с волжскими булгарами сыграла в этом большую роль, не стоит. Хотя в литературе и отмечается, что взаимодействие волжских булгар с волго-окскими угро-финнами насчитывала около пяти веков (Казаков Е. П. Указ. соч. — С. 42), но нужно помнить, что Волжская Булгария в своих отношениях с соседними народами ограничивалась данью и торговлей. Волжские булгары не прикрепляли к себе даников политически. В то же время деятельность русских князей, начиная, как ни странно, с княгини Ольги, которая установила «уроки» и «повоствы», рано или поздно приводила к политической ассимиляции даников, которые становились поданными. Отрочную роль в этом процессе, конечно, играла и интенсивная славянская колонизация.

³⁹ Кривошеев М. В. Указ. соч. — С. 34.

⁴⁰ Лаврентьевская летопись. — Стб. 121; М. В. Кривошеев отмечал, что «изымение» бояр во всех случаях разрушает управленческую структуру, это было одно из тех действий, которые применялись князьями при завоевании других княжеств (Кривошеев М. В. Указ. соч. — С. 114 — 115).

⁴¹ Лаврентьевская летопись. — Стб. 121. Это проникновение и оседание княжеских дружин и зафиксировано в договоре 1006 г., который упоминает вирников, тиунов, онищан.

⁴² Наши наблюдения, конечно, весьма неполны. Многие проблемы ранней истории Муромской земли требуют дальнейшего, более глубокого исследования.

Среди малоисследованных вопросов можно выделить следующие: 1) возможное княжение в Муроме Бориса Владимировича. В литературе сведения об этом обычно или опускают, или приводят в качестве любопытного и вероятного факта. Но конкретно вопрос об их достоверности до сих пор не поставлен; 2) проблема осуществления Глебом Владимировичем власти над Муромской землей. В литературе обычно просто отмечается, что Глебу не дали войти в город, и он недалеко от него построил себе двор. Но в чем тогда был смысл пребывания Глеба в Муромской земле? Почему Владимир Святославич не оказал военной помощи сыну? 3) проблема христианизации Муромской земли, роли христианской общины в интеграции Муромской земли в структуру Киевского государства, в развитии феодализма; 4) проблема языческой реакции в первой четверти XI в.; в литературе отмечается так же недостаточное археологическое изучение Мурома. (Лодыгина Е. В. Обзор археологических исследований Мурома и Муромского края // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003. — С. 81).

ВЕРОЯТНОСТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ВЕРОЯТНОСТИ (ОБ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПАХ В ИЗУЧЕНИИ МУРОМА)

Историческая наука XX в. благополучно обошла Муром стороной. Изучение Мурома — как и многих других малых и не очень малых российских городов — оказалось за пределами интересов гуманитариев и осталось даже не в арсенале современных методик исследования, а где-то глубоко в тылу исторических школ XIX столетия. С этим вплотную столкнулись сотрудники муромского музея, когда по заказу Управления образования города работали над школьным учебником «История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца XX века»¹. Практически ни одна тема, предложенная учителями в качестве разделов или параграфов учебника, не была разработана в специальной литературе. Более того: не только в статьях краеведов, но и в тех работах, которые делали заявку на некоторую серьезность исследования, сохранялись интерпретации и оценки, сделанные несколько десятилетий назад; их, к сожалению, пришлось использовать и в учебнике.

Историческое исследование — это всегда более или менее вероятностная реконструкция событий, их последовательности, внутренней структуры, причинно-следственных связей и мотиваций. Предлагаемая автором модель даже при подчеркнутом стремлении к объективности всегда субъективна, ибо несет отпечаток личного опыта, знаний и умений автора, его исследовательских подходов и методик, профессионализма, наконец, личных, пусть тщательно избегаемых или скрываемых, пристрастий. Существенным недостатком таких моделей является то, что чаще всего сам автор рассматривает ее не как вероятность, а как истину в последней инстанции. Более-менее вероятностная картина складывается, как правило, в том случае, когда в научное взаимодействие вступают несколько авторских моделей. В этом случае обычно происходит снятие однополярной точки зрения и выявляется многообразие связей изучаемого явления. Наиболее привычны в этом смысле научные дискуссии, спонтанно возникшие, «назревшие», или инициированные какими-либо обстоятельствами. Забегая вперед, отмечу, что в отношении Мурома подобная дискуссия — не считая споров начала XX в. о том, «кого из князей следует понимать под именем Петра Муромского» — к концу пятидесятых вяло прошла в журнале «Советская археология», не вызвав особого резонанса в научных кругах. Касалась она времени возникновения Мурома². Однако не менее, а зачастую и более продуктивно сопоставление таких моделей одним исследователем.

Очень заметно на результаты исследований влияют идеологические установки и господствующие в со-

циуме или научном сообществе теории; нередко они ведут к подгонке данных и заведомому искажению выводов. Справедливости ради следует отметить, что такие работы также представляют определенную ценность: прежде всего, с их помощью наглядно вскрываются противоречия и недостатки метода. Если же учесть, что со временем эти установки и теории неизбежно изменятся, то уже только критика их конкретного применения вкупе с использованием накопленных данных дает весьма обширное поле деятельности для получения новой информации, т. е. построения новой вероятностной модели рассматриваемого явления. Таким образом, реконструкция исторического явления или события сродни асимптоте: она может неограниченно приближаться к искомой величине, не достигая ее.

Такое приближение возможно при наличии достоверных и подробных источников, хотя и в них могут присутствовать тенденциозность изложения, случайные ошибки и даже прямая фальсификация, которые далеко не всегда поддаются распознаванию. Поэтому построение максимально вероятной модели более удачно в том случае, когда имеется несколько групп независимых источников, дающих возможность перекрестной проверки сведений друг друга. В случае с реконструкцией истории средневекового Мурома оптимальным представляется сочетание письменных и археологических данных. Однако на сегодня их соотношения таково, что вероятность реконструкции по традиционным методикам весьма мала.

В настоящее время науке неизвестны особые, «муромские», летописи.³ Имеются упоминания, что какими-то рукописями, связанными с историей Мурома владел В. Н. Татищев. Эти тексты были утеряны уже в начале XVIII в., так и не попав в полный объем в научный оборот. Их описаний не осталось, и об их содержании можно говорить только предположительно. Неизвестны ни хронологические рамки, ни время их написания.

При этом с достаточной периодичностью Муром называют другие древнерусские летописи. Однако чаще всего это просто упоминания о городе, связанные, например, с маршрутом какого-либо похода, княжеской поездкой или с участием города в событиях, достойных быть занесенными в летопись. Скандинавские хроники также знают Муром, но и в них, как правило, обращение к городу носит констатирующий характер в общем списке перечисляемых городов⁴. Таким образом, опираясь на сведения этих источников в лучшем случае — с известными допускками — можно лишь говорить о существовании города в то или иное время. О его

состоянии, характере, структуре, архитектуре, идеологии, социально-политической организации и проч. с полной достоверностью судить весьма трудно, поскольку извлекаемая из этих упоминаний информация входит в систему косвенных доказательств. Ее принимают далеко не все исследователи. Дефицит информации столь серьезен, что до сих пор, например, отсутствует полная персонафикация муромских князей и точная хронология их правления; многие данные в принятой схеме являются легендарными⁵. Следует иметь в виду, что часть источников включает сведения, не синхронные со временем составления текстов, а более ранние, отстоящие на сто-двести лет.

В полной мере это замечание можно отнести и к третьей группе письменных источников, с той только разницей, что здесь временной разрыв между событиями и их описанием еще больше — триста-пятьсот лет. Речь идет о созданных в середине XVI в. «Повести о Петре и Февронии Муромских» и «Сказании о граде Муроме». Основная особенность этих текстов заключается в том, что оба они — авторские и художественные, в отличие от летописных сводов. То, что первая повесть вышла из под пера Ермолая-Еразма, выдающегося писателя и публициста круга митрополита Макария, сомнений уже ни у кого не вызывает. Авторство второго произведения — неизвестно, но в последние годы было высказано предположение, что оно принадлежит тому же «прегрешному Ермолаю»⁶.

Не вызывает сомнения и то, что в работе над повестями автор (авторы) пользовался более ранними источниками. Во всяком случае, обращение к устной традиции четко прослеживается в повествовании. С письменными источниками дело обстоит сложнее: они неизвестны, и неизвестно, были ли они. Исключением, правда, является хранящийся вкупе с другими текстами в библиотеке Папского восточного института «Пролог стихной, март-август», относящийся к первой четверти XVI в. (по описаниям — 1500-1510-е гг.)⁷. Он, судя по всему, был написан раньше «Повести». По мнению А. А. Турилова, готовящего весь комплекс к изданию, «в историческом (в качестве источника) и литературном отношении значение этих памятников по существу нулевое. Новой информации они либо не содержат, либо содержат в безусловно искаженном виде»⁸.

Прототексты и «Повести», и «Сказания», несомненно, имеют муромскую основу. Это видно хотя бы из того, что топография произведений, их топонимика и названные локусы соответствуют реальной муромской топографии, сохранившейся по сей день, что в ткань «Повести» включены местные предания.

Сложнее обстоит дело с хронологическими рамками. Описанные в разных редакциях текстов события можно разнести по шкале от XI до XIII вв. Дело в том, что реперной точкой отсчета являются годы жизни главных действующих лиц — князя Константина и его детей Михаила и Федора, князя Петра и его жены княгини Февронии. Однако никаких иных исторических документов и сведений о жизни и деятельности

этих персонажей нет. Князя с такими именами не фигурируют в муромской истории более нигде, кроме этих повестей. Зато существуют достаточно давно обретенные мощи всех пяти персонажей, причисленных русским православием к лику святых. Оба текста послужили основой для составления жития этих святых. Этим, в общем-то, объясняется, почему именно историки церкви были более всего заинтересованы в отождествлении героев повестей с реально известными местными князьями и почему их интерпретация, хотя и вызывает ряд вопросов, в настоящее время наиболее употребительна.

Оба текста содержат некоторые прямые сведения о состоянии Муроме и занятиях городских жителей, не противоречащие данным, которые известны о других русских городах того времени. Контекстуальное чтение повестей позволяет реконструировать ряд ситуаций, напрямую не обозначенных в тексте, но присутствующих во внутренней логике фабулы и сюжета. Попытка такого анализа была предпринята Ю. В. Кривошеевым в работе «Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв. по материалам повестей»⁹. Построенная им модель значительно расширяет представления о средневековом Муроме, но, повторю еще раз, если у культурологов или филологов правомочность и достоверность этой методики не вызывает возражений, то многими историками и археологами она ставится под сомнение.

При очевидной равноценности «Повести» и «Сказания» как исторических источников, обладающих практически одними и теми же достоинствами и недостатками, в научном обороте отношение к ним сложилось неравнозначное¹⁰. «Повесть о Петре и Февронии Муромских», давно признанная «жемчужиной древнерусской литературы», подвергалась прежде всего сугубо филологическому анализу или же служила иллюстративным материалом в работах о положении женщины в средневековой Руси, о бытовых отношениях. «Сказание о граде Муроме» является единственным письменным источником по истории установления христианства в Муроме. Картина христианизации Муромской земли, еще в XIX в. тенденциозно написанная церковными историками в результате поверхностного прочтения «Сказания»¹¹, впоследствии стала общим местом многих исторических работ. Сегодня этот процесс представляется иным¹². В целом, как это ни парадоксально, до последнего времени данные тексты были недооценены как источники для изучения локальной истории, а потому привлекались к ней в гораздо меньшей степени, чем для решения общих проблем. Хотя современный комплексный подход к интерпретации текста позволяет реконструировать по «Повести» и «Сказанию» и реалии средневекового города, и мифо-религиозные воззрения муромских жителей, и, что самое трудное, интересное и редко осуществляемое — их менталитет¹³.

Повести муромского цикла, которые остаются для историков основным документом, дают, казалось бы, достаточно подробную картину. Однако эти произведения поздние, что вполне закономерно вызывает вопрос

если не об их достоверности, то, хотя бы, о достоверности источников, использованных при их написании. Эта проблема пока не решена. К тому же некоторые факты, сообщенные повестями, не нашли археологического подтверждения, как, например, топография расположения первоначального города. Что же касается собственно археологических данных, то и они чрезвычайно скудны по одной причине — археологически Муром почти не изучен.

В силу этого складывается своего рода порочный круг, заставляющий историков и краеведов, не претендующих на обстоятельные исследования, постоянно обращаться к сложившимся и растрепанным стереотипам муромской истории. Особо отчетливо это прослеживается в заигрывании с околоцерковной историей. Чего стоит возникший в этой игре лозунг социальной рекламы: «Муром — колыбель православия!»

Наиболее радикальный способ разрыва сложившегося порочного круга в настоящее время невозможен, поскольку для этого требуются как минимум два условия: 1) обнаружение и введение в научный оборот новых письменных источников и 2) долговременное проведение планомерных и регулярных археологических работ. Выполнение первого условия объективно непредсказуемо; оно вообще может быть никогда не выполненным. Соблюдение второго зависит от многих объективных и субъективных факторов. Даже в том случае, если его выполнение начнется прямо сейчас, немедленно, потребуется несколько десятилетий, чтобы получить репрезентативные результаты, хотя бы потому, что между обнаружением археологической находки и ее трансформацией в артефакт нередко проходит гораздо больше времени, чем требуется для ее датировки, описания, определения, размещения в типологической шкале и пр.

Выход из тупика может быть найден в применении иных методик исследования, которые существуют в современных гуманитарных дисциплинах. В настоящее время описан механизм действия достаточно многих процессов, что позволяет рассматривать изолированные ранее факты и явления в русле этих процессов. Однако следует оговориться, что в этом случае речь идет именно о вероятностном моделировании, которое может определить направление дальнейших исследований, а те, в свою очередь, подтвердить его справедливость или ошибочность. Процессуальное моделирование в последние годы находит все большее применение¹⁴. Как уже упоминалось, для Мурома XI-XIII вв. подобную модель социально-политических отношений, разработанную на основе муромских повестей, предложил Ю. В. Кривошеев¹⁵.

Тем не менее, представляется, что некоторые муромские стереотипы, кочующие из работы в работу, требуют рассмотрения с позиций сегодняшнего дня.

Стереотип I. Город Муром назван по имени племени мурома.

Существенным дополнением к археологическим и письменным источникам могут служить языковые данные. Однако в нашем случае лингвистика прак-

тически бессильна, поскольку язык племени мурома не сохранился. Долгое время считалось, что от этого языка, относимого к финно-угорским, до нас дошло единственное слово — название племени, которое и дало имя городу. Это весьма примечательный факт, поскольку из городов, существовавших на Руси в IX-X вв., только два — Ладога и Муром — имели неславянское название¹⁶. Что означает слово «Муром» (или «мурома») — ясности нет. Автор средневекового «Сказания о граде Муроме» выводил название из созвучия слов «мрамор» и «Муром»: «Имея стены каменные и мраморные, и того ради град нарицается Муром»¹⁷. Пытались связать название города и с латинским словом *murus* — каменная стена¹⁸. Однако ни просто каменных, ни, тем более, мраморных стен вокруг Мурома никогда не было.

Словарь Брокгауза и Ефрона предлагает понимать мурому как «людей на суше»¹⁹. С. К. Кузнецов, сто лет назад изучавший вопрос, с этим не согласился. Исходя из предположения, что язык мурома близок мерянскому, он пришел к заключению, что «слово мурома проще всего производить от мерянско-черемисского глагола мур — „пою“». «Муромо будет значить по-русски, — продолжает ученый, — „воспеваемое“, „поемое“, „то, что поется“, т. е. песня; более распространительное толкование... дает возможность перевести это слово как „место пения“ или „место веселия“»²⁰. Цепочка рассуждений заканчивается неожиданным выводом: «Мурома была жизнерадостнее мери и любила предаваться пению и пляске: хорографические названия очень часто указывают нам, где были у мурома излюбленные места для всякого рода общественных увеселений»²¹. Трудно не поддаваться соблазну и не привести наблюдение по этому поводу, сделанное в конце XVIII в.: «Склонность к веселостям народа здешней губернии весьма видна из того, что они не только в торжественные дни или праздники при чрезвычайном питье пива и вина, пляске и пении со своими родственниками и друзьями по целой неделе и более гуляют, но и воскресные летние дни мужины и женщины в приятных сельских хороводах с согласнейшим восклицанием непорочность жизни своей проводят»²².

Последующие исследователи отвергли этимологию С. К. Кузнецова. Последние мнения по этому поводу высказаны А. Альквист и В. С. Кулешовым. Проанализировав десятки топонимов с корнем «мур» и варианты их истолкования, А. Альквист пришла к выводу, что этот корень означает место, расположенное на возвышенности, или берег, высокую насыпь, видимые с водного пути²³. Соответственно, откуда мурома — люди, живущие на возвышенности у воды. При этом исследовательница делает существенное замечание: не город получил название по названию племени, а племя стало называться именем места, которое оно заселило. Топоним же сохранился с домуромских времен, видимо, с тех, когда здесь жили балтские племена. В. С. Кулешов считает, что слово *мурома* финно-угорское только по бытованию, а заимствовано оно из древних балтских языков²⁴. Сравнительный анализ большого ряда разно-

язычных этнонимов с основой, близкой корню «мур», позволяет исследователю говорить и о схожести их смысла: «смертный, человек, мужчина». Таким образом, единственное сохранившееся из языка муромы слово пришло из другого языка и по происхождению древнее этого племени, а территория и до прихода муромы, и до возникновения города носила название Муром.

Стереотип II. Основание Мурома относится к 862 году.

Письменные известия о происхождении города ограничиваются упоминанием Мурома в Начальной летописи под 862 г. Однако есть резонные основания усомниться в справедливости этой точки отсчета.

С учетом только что изложенной версии о происхождении названия города, уже не так однозначно читаются слова летописи о том, что «первыи насельницы... в Муроме Мурома». Собственно, сомнений в присутствии муромы на берегу Оки не возникает. Вопрос в другом: был ли Муром ко времени первого упоминания о нем в летописи городом в полном смысле этого слова, или существовала только местность с таким названием? Вопрос не праздный, поскольку данные археологии на сегодняшний день не позволяют говорить о Муроме IX в. как о городе. В местах, указанных городским преданием и письменными источниками как места расположения города, слоев IX в. не обнаружено²⁵, как и в двух других городах, указанных в том же месте летописи — Новгороде и Белоозере²⁶. Лаврентьевская летопись называет более десяти русских городов IX-X вв.²⁷ Среди них упоминается и Муром.

В отечественной исторической и археологической литературе достаточно подробно рассмотрен вопрос о причине происхождения древнерусских городов, выделен комплекс характеристик, отличающих города от других типов поселений²⁸. Согласно наиболее убедительной теории многообразия вариантов становления древнерусских городов, «город вырастал в тех местах, где ремесленная продукция находила сбыт: на торгово-транзитных путях, вблизи укрепленных пунктов, обеспечивающих безопасность торгово-ремесленного населения. Роль ядра нарождающегося города могли выполнять и замок феодала, и укрепленный племенной центр»²⁹. Сходной точки зрения придерживался и Н. Н. Воронин, в сороковые годы прошлого века проводивший раскопки в Муроме. Он считал, что города возникают каждый по-своему: либо из торгово-ремесленного поселка, либо в результате объединения нескольких поселений вокруг замка или крепости³⁰.

Выделен и комплекс археологических признаков, по которому определяется город. В него входят структура и планировка поселения; находки, свидетельствующие о развитии ремесле и торговле, административном управлении, военном деле, идеологии, культурной сфере, а также быте феодалов³¹. Определены археологические параметры, индицирующие этот комплекс. Таким образом, представляется возможность сравнить имеющиеся на сегодняшний день данные о Муроме середины IX в. с эталонной шкалой.

Полный комплекс таких археологических признаков обнаружен только в поселениях, укрепленная площадь которых более 2,5 га³². При попытке найти нечто подобное для Мурома возникают серьезные проблемы. Во-первых, сохранившаяся часть территории, на которой некогда располагался муромский кремль, занимает около 1 га. Когда-то этот участок был больше, но изменявшая русло течения Ока подмывала берег, вызывая оползни. Во-вторых, археологические разведки и раскопки в кремле, начатые в 1939 г., велись время от времени, разными археологами, и к настоящему времени вскрыто и исследовано всего около 3 % сохранившейся площади, что крайне мало для окончательных выводов.

Проведенные раскопки не обнаружили городских слоев IX в., хотя отдельные находки некоторые исследователи датируют VIII-IX вв.³³ Н. Н. Воронин отмечает, что «древнейший слой... несомненно связан с первоначальным населением города. По-видимому его можно связать с теми „первыми насельцами“, о которых говорит „Повесть временных лет“, т. е. с племенем муромой». Н. Н. Воронин же обнаружил на южном склоне Кремлевской горы выемку в грунте. Предположив, что она является заросшим оборонительным рвом, археолог сделал вывод: поселение на восточной оконечности Кремлевской горы «было небольшим укрепленным городищем», защищавшим Кремлевский мыс и берег к северу от него³⁴. Из-за оползания откоса Н. Н. Воронин датирует похожее на ров углубление не по стратиграфии, а по аналогии со слоями близлежащего селища. Археология свидетельствует, что под прикрытием Кремлевской горы в то время вдоль реки стояли муромские и славянские селища, из которых в последующее время развился городской посад. К сожалению, их изученность также фрагментарна, а многое уничтожено хозяйственной деятельностью. Раскопки на них не дают законченного представления о том, какой была мурома в это время.

В известной степени картину можно дополнить по материалам могильников и селищ, изученных в округе Мурома. Памятников, датируемых IX в. и ранее, среди них не так уж много. По совокупности этнографических признаков, которые могут быть установлены археологами, мурома уже выступает как самостоятельная этническая общность. Главными хозяйственными занятиями были животноводство и земледелие. Из ремесел — добыча и обработка железа. Металлообработка, вероятно, уже выделилась в самостоятельное производство, о чем свидетельствуют находки рудо-обжигательных печей и кузнечно-литейных мастерских. На Тумовском селище следы обработки металла обнаружены почти в каждом доме. Работы по железу, меди и серебру были объединены в руках одного мастера, а такими мастерами у муромы были женщины. Железо варилось из местного сырья. Для работы по бронзе и серебру требовалось сырье привозное. Медь, вероятно, шла с Урала, а в качестве серебряного лома использовались арабские монеты — дирхемы, довольно часто встреча-

ющиеся при раскопках археологических памятников муромы. Муром, таким образом, принимала участие в восточной торговле, что подтверждается и находками импортных изделий³⁵. В целом производство еще не было товарным, литейщики обслуживали нужды своей общины. Также мурома занималась ткачеством, косторезным делом и гончарным производством. «Развитие ремесла у муромы, — как пишет Л. А. Голубева, — не достигло своей высшей стадии — ремесла городского. Оставаясь деревенской, материальная культура муромы долго сохраняла этническое своеобразие»³⁶.

В мужских погребениях муромы часто встречаются копья, стрелы, топоры, ножи, редко — мечи. В погребениях VII-XI вв. обнаружено 84 копья, 4 сулицы, 10 боевых топоров, 74 наконечника стрелы (из них только 3 бронебойных), 1 простой деревянный лук, 2 колчана, 19 боевых ножей, 1 палица, 2 сабли, 1 скрамасакс, 4 меча (2 из них утрачены)³⁷. По определению А. Н. Кирпичникова, один из оставшихся мечей «старшей фазы типа Н-1», «по скандинавским аналогиям датируется 800-950 г.», возможно «местной кузнечной работы по общеевропейскому образцу», второй — «относится в типу Н в его развитой фазе», «мастерские по их изготовлению могли находиться на территории как Западной, так и Восточной Европы»³⁸. Один из утраченных мечей датируется XI в.³⁹ Похоже, что с мечами мурома познакомилась только с приходом варяжской дружины. Нечастые находки мечей в погребальном инвентаре свидетельствуют, скорее всего, о том, что у муромы при достаточной высокой вооруженности населения не было специализированного военного сословия, и, как следствие — профессиональной военной организации.

Таким образом, в IX в. на территории, которую впоследствии занял город, стояло несколько поселков славян и муромы, вытянутых вдоль берега реки,⁴⁰ и ориентированных на торговлю по Оке⁴¹. На Кремлевской горе располагалось укрепленное убежище. Все памятники несут следы более поздней активной хозяйственной деятельности. Это все, что на сегодняшний день можно сказать о планировочной структуре поселения, которая не соответствует требованиям городской: неизвестны элементы центра (жилища правителя, собор или капище, места веча и торгова, усадебная застройка). При этом следует отметить, что плотность населения здесь была для того времени значительной. Сюда стягивалось не только аборигенное население⁴². Эта территория была своего рода метрополией, из которой исходила славянская колонизация края⁴³. О состоянии ремесла и экономики свидетельствуют лишь находки на Кремлевской горе литейных тиглей IX в., костяных прясел, стрел, кочедыка и крючка; довольно много массовых привозных вещей — сердоликовые и янтарные бусы, южнорусские амфоры, болгарская керамика. Отсутствуют свидетельства административного управления — вислые свинцовые печати, товарные пломбы и т. п. Нет оружия, памятников эпиграфики, орудий письма.

Из предметов роскоши найдено только золотое несомкнутое кольцо. Эти данные не позволяют пока говорить о Муроме IX в как о городе⁴⁴.

В таком состоянии Муромская земля и попала под руку Рюрика после его призвания на княжение Русью в 862 г. Муром, как и ряд других земель, Рюрик отдает во владение своим дружинникам. Лаврентьевская летопись в числе «ининых языщев», дающих дань Руси, называет и мурому. С легкой руки Н. М. Карамзина этот факт стал едва ли не общим местом в работах русских историков XIX в.⁴⁵ Исследователи XX в. уже осторожнее относились к этим известиям — и не только в силу идеологических причин, но и потому, что в начале столетия А. А. Шахматов показал, что пассаж о происхождении «земли Русской» является вставкой летописца XI в. в более древний текст⁴⁶. Не столь давно Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин произвели анализ структуры текста и лексики вставки и убедительно продемонстрировали, какова ее историческая основа — это этиологическое сказание о происхождении государства и сохранявшийся в устном предании договор с варягами. Даты, разумеется, условны, но реалии и имена позволяют отнести события ко второй половине IX в.⁴⁷ Что касается включения летописцем Мурома в список городов, то оно вполне объяснимо, т. к. в XI в., времени включения списка в летопись, Муром уже существовал как город, о чем свидетельствуют и некоторые древнескандинавские географические обзоры.

Даннические отношения Мурома с варягами — и тоже не синхронно, а с временным отрывом — зафиксированы и в исландской «Саге об Озде Стреле», сообщающей, что конунга, который правил в Морамар (Муроме — Ю. С.), звали Марро⁴⁸. Судя по тому, что конунга, правившего в Ростове (по саге «земля Радстова») источник называет Радставом, конунга Хольмграда — Хольмгейром, Палтескьюборга — Палтесом, Кенугардов — Кёнмаром, эти имена, как и Марро, являются именами не собственными, а титульными, т. к. включают в свой состав название подчиненной местности. По-русски это бы звучало как князь Муромский, князь Ростовский.

Кроме того, что мурома платила дань Рюрику, письменные источники — исландские и русские — больше ничего не говорят о взаимоотношениях племени с внешними правителями. Археологические данные также скудны. Единичные находки скандинавских вещей⁴⁹, свидетельствуя о существовании неких связей с норманнами, тем не менее, не дают возможности однозначно говорить ни о постоянном присутствии варягов в Муроме, ни о характере этих связей.

Вопрос о дани напрямую связан с вопросом о военной организации общества, поскольку на Руси того времени военная сила являлась основным способом добывания дани. С большой долей вероятности можно предположить, что в IX в. военная организация муромы, состоявшая, по сути, из ополчения, не могла противостоять хорошо отлаженной профессиональной боевой машине варягов и по качеству вооружения,

и по ратному опыту, и по числу «кадровых» воинов. Да и по общей численности войска небольшое племя вряд ли могло противостоять варягам. Варяги брали дань с каждого человека, а присутствие варяжской дружины на даннической территории не было постоянным. Поэтому представляется достаточно вероятным создание ими специальной административной системы, занимавшейся сбором дани, которая существовала параллельно с племенной властью, и, соответственно, придание одному из существовавших или вновь созданных селений статуса пункта, куда собранная дань свозилась. Таковую функцию могло выполнять Чаадаевское городище, расположенное в 9 км севернее современного Мурома и которое местное предание называет одной из точек, где первоначально располагался город. Среди случайных находок на городище известны бронзовый наконечник ножен меча скандинавской работы (X-нач. XI вв.)⁵⁰ и аббасидские дирхемы. Неоднократные обследования городища датируют его IX-X вв.⁵¹ Разведочные шурфы и разрез вала были произведены только Н. Н. Ворониным, который, датируя памятник тем же временем, пришел к выводу, что «по всем данным городище не обиталось и было убежищем»⁵².

Показательно, что в первой половине X в., при князе Игоре, Муром исчезает из списка данников Руси⁵³. С одной стороны, это наводит на мысль, что включение Мурома наряду с другими, не существовавшими в IX в., городами в список данников в XI в. призвано обосновать традицию приязания «власти Руси» на эти территории. С другой — что некая территория, носившая название Муром, ранее платила дань, но, став городом, усилившись, отказалась это делать. Похожая ситуация сложилась в X в. с вятичами. В 966 г. Святослав, во время похода на Оку и Волгу, обложил их данью, но после смерти Святослава, вятичи, воспользовавшись ослаблением центральной власти, временно возвратили себе независимость⁵⁴. Трудно судить, как далее развивались даннические отношения, но, во всяком случае, когда в начале XI в. первый из киевских князей — Глеб — приходит на княжение в Муром, город не принимает его.

Таким образом, даже беглый анализ письменных источников, подтверждаемый данными археологии, показывает, что приведенная в летописи дата существования города — 862 год — является конъюнктурной, а, следовательно, ложной. Наиболее вероятное время возникновения города — начало-середина X в.

Что касается включения летописцем Муром в список городов, то оно вполне объяснимо, т. к. в XI веке, когда была сделана вставка, он уже существовал как город, о чем свидетельствуют и древнескандинавские географические обзоры. В некоторых из них по неизвестным нам причинам Муром назван первым среди главных городов: «В том государстве, которая зовется Руссия и которое мы называем Гардарики, главные города: Муром, Ростов, Суздаль, Хольмгард (Новгород Великий), Сирнес (?), Полоцк и Кенутард (Киев)».

Стереотип III. Религиозные войны во время

крещения Муром.

Достаточно странным кажется уже то, что Муром, упомянутый в начальной летописи под 862 г. среди пяти первых русских городов, становится христианским много позже и их, и других, успевших вырасти за это время.

Основным и практически единственным письменным источником по истории христианизации Муромского края является «Сказание о граде Муроме», введенное в научный оборот еще в позапрошлом веке⁵⁵. Центральное событие «Сказания» — водворение христианства в Муроме князем Константином — относят к концу XII-XIII вв. (хотя есть основания перенести эту дату лет на сто ранее)⁵⁶, однако упоминается в ней и о более ранних событиях, связанных с княжением в Муроме князя Глеба, бывшем в начале XI в. Столь обширный временной диапазон в двести лет, описанный автором еще через три века, вызывает у исследователей справедливое подозрение в достоверности изложенных фактов, тем более, что для написания использовались тексты житий князя Владимира, княгини Ольги, летописного сказания о крещении Руси, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона⁵⁷. Примиряет с этой ситуацией то, что, во-первых, большинство современных историков считает, что автор использовал более ранние предания, вероятнее всего, сохранявшиеся в местной устной традиции, о чем, собственно, он сам и говорит. Во-вторых, другие свидетельства пока науке неизвестны. Археологические, равно как и какие-либо другие источники по истории Мурома этого периода, чрезвычайно скудны, хотя кое-что к «Повести» они могут добавить.

По ним можно предположить, что население Муром сложилось в процессе довольно длительного слияния автохтонного финно-угорского племени муром и проникавших сюда в VII-IX вв. славян — кривичей и новгородских словен. Характерной чертой славянской колонизации на муромской территории было не вытеснение автохтонных племен, как это произошло, например, в Рязанской земле⁵⁸, а некий синтез пришлых и местных народностей. Нет никаких свидетельств о крупных столкновениях между этими племенами. К XI в. рядом с поселениями муромы появились и многочисленные славянские поселки⁵⁹. А вот ко времени первого упоминания в летописи под 862 г. Муром едва ли мог считаться городом в полном смысле слова⁶⁰. Собственно, описывая даже город XIII в., автор делает упор на сельскую сторону жизни: называя Муром «великим», «преславным» и известным «бляше в Российской земли», богатства города и занятия горожан он, тем не менее, характеризует как преимущественно сельскохозяйственные и промысловые: «И богатством всяким кипящим, сиречь лесы пчелными, реками и озерами рыбными, и полями сеножатными, и в лесах зверми, от ихже кож господские кожухи учреждахуся, всего болше, и всем главизна — поля хлебородныя». Из развитых ремесел, которые считаются одним из основных признаков городского общества, здесь упоминается только выделка кож для богатых одеяний.

А «живяху» во граде Муроме тогда — указывает автор — «человеци мнози и различни», следовательно, население города полиэтнично. Исследователи также указывают, что в XII в. Муром существует уже как город со смешанным, славяно-муромским населением, где, по-видимому, основными жителями оставались аборигены⁶¹. Это, собственно, ставит под сомнение **стереотип IV — то, что Муром возникает как русский город**; судя по всему, население его было, как минимум, бизэтно.

Жители города, «человеци» эти, по «Повести» были язычниками. Христианский писатель не скупится на их ругательные эпитеты: «поганые люди» с «идольским помрачением», «погани», «зли суще», «неверныя люди», «невернии граждани», «безбожныя люди». Судя по известному заклинанию, оберегавшему от «ведьмы Киевской и от сестры ее Муромской»⁶², Муром был крупным языческим центром. Хотя и эта формула может быть прочитана неоднозначно. Учитывая уже упоминавшуюся этимологию топонимов с корнем «мур» А. Альквист — возвышенность у воды, — можно вполне резонно предположить, что первоначально «ведьма муромская» была именем нарицательным. Разного рода возвышенности у воды служили местом проведения языческих — «ведьминских» в терминологии христианства — обрядов⁶³. Так что «ведьмы», собиравшиеся во многих местах на возвышенностях с «муромским» названием, вполне могли и сами получить наименование муромских.

Упоминает автор «Сказания» и людей, поклонявшихся пророку «Моамефу», т. е. Мухаммеду. Это, видимо, были отдельные представители мусульманства, которое пришло сюда из Волжской Булгарии.

Подробного описания языческих верований автор, естественно, не приводит, поскольку перед ним стоят иные задачи. Есть беглые описания деталей языческих обрядов, среди которых в контексте исследования особый интерес представляет упоминание, может быть, несколько сгущающее краски, о том, что местные жители приносили в жертву собственных детей. Исходя из самых общих соображений, можно предположить некую типологическую общность финно-угорского (муромского) и славянского язычества. Данные археологии свидетельствуют о совместном проживании муромы и славян на одних селищах, использовании общих мест захоронения⁶⁴. При единой типологии представлений, ориентированных, как это обычно бывает в язычестве, на природные силы, при одном укладе жизни и занятий, различия проявлялись, скорее всего, не в принципиальных мировоззренческих позициях, а в именах богов, духов и деталях обряда.

Иное дело — христианство, которое предлагало совершенно новую концепцию мироустройства. Это лишь одна из многих причин, по которым привносимое князьями православие первоначально встречало противодействие со стороны автохтонного населения. Попытки христианизации Муромы, в котором в то время еще прочно коренились родо-племенные отношения, были предприняты уже при первом его князе — Глебе,

однако они вызвали столь упорное сопротивление местных жителей, что свой двор — а рядом с ним и первый христианский монастырь на этой земле — князь вынужден был построить за пределами города. Правда, абсолютизировать этот факт не стоит: ситуация, когда князь селится за городом, была достаточно распространена; она известна и по другим землям⁶⁵. (Разведочные раскопки на территории монастыря показали, что в домонгольский период она была заселена)⁶⁶. Усилия по введению христианства возобновились в муромское княжение Игоря Ярославича — в 40-е — начале 50-х годов XI в. и формально завершились в первой трети XII в. при Ярославе Святославиче⁶⁷, которого в церковной традиции принято отождествлять с Константином Муромским (начало княжения — 1096). По сути, это был второй, экспансивный этап славянизации края.

Реальные причины, обратившие внимание князей на необходимость христианизации Муромы, были различными — экономическими, политическими, социальными и проч. Однако для Константина автор «Повести» приводит свою мотивацию: «Слыша бо благоверный князь Константин о граде Муроме, яко велик и славен, и множество людей живущих в нем, и богатством всяким кипящим... И нача благоверный князь Константин просити у отца своего Святослава град Муром во удел себе, не точию хотя в нем господствовать, но отвратити его от заблуждения, в веру крещеную желая привести»⁶⁸. Судя по следующему далее тексту, у Константина есть на то особые причины — то ли честолюбие, то ли груз прежних грехов заставляют его думать не столько о спасении заблудших, сколько о собственном: «И апостолом глаголахо бысть, аще кто отвратит грешника от заблуждения пути его, той спасет душу от смерти и покрывет множество грехов. Сие слово благоверный князь Константин прием во уме своем обнося, глаголаше: аще толика мзда лежит спасшему единому грешнику, аще аз обращу толико душ множество, бесчисленно от неверия в веру претворю, колико мзду прииму от Бога моего, и такову честь и славу получу от Господа на небеси и на земли в животе и по смерти»⁶⁹.

Поход Константина был хорошо обеспечен технически. От отца, у которого пришлось долго вымаливать разрешение на княжение в Муроме, Константин, кроме политических и экономических полномочий, получил все необходимое для обращения муромцев в христианство «крестом и мечом»: «Благословение образ Пресвятыя Богородицы с превечным Ея младенцем Господом нашим Иисус Христом, и прочия иконы, и святыя сосуды, и книги, и всю церковную утварь и от бояр и воевод и воин доволно, и стенобитное оружие на взятие града Муромы»⁷⁰. А что использовать в первую очередь — крест или меч — должна была показать обстановка на месте.

В описании самой экспедиции есть элементы, не находящие объяснения или обоснования ни в тексте, ни в подтексте повести. Неясно, например, зачем Константин, находясь уже недалеко от Муромы, посылает

юного княжича Михаила, своего сына, неопытного воина и политика — «клас незрелый» — для переговоров с горожанами, обрекая его тем самым на верную гибель. Михаил должен был предложить муромцам «дани и оброки легкия, честь и достояние, и прочая глаголати словеса мирная, хотя их привлеци к себе миром без кровопролития». Муромские жители, как того и можно было ожидать, заманили Михаила в город, убили, а тело по распространенному не только в язычестве обычаю выкинули на глумление за пределы города. «Но Господь Бог сохрани вернаго своего слугу, новаго страдальца Муромского... ничтоже прикоснулся телеси его, но тело его святяшеса, аки солнце, и велие благоухание испущаше из себе. И слышаху невернии над телом его ангелское пение, и прииде на них страх Божии и ужас неисповедим, никим гоними, но сами бежаше во град и затворишася», — и, что показательное, несмотря на охвативший их ужас, тут же стали «готовляху бранные оружия».

Странный, мягко говоря, поступок Константина находит, пожалуй, единственное объяснение: по сути своей он является завуалированной формой кровавого языческого жертвоприношения; подобный обычай, как уже было сказано, имелся и у муромцев. Это объяснение тем более вероятно, что в сокращенной редакции Константин обходится без посольства, а Михаил погибает во время битвы у Муром⁷¹. В. В. Кусков и в этом варианте усматривает жертвенность, но уже, естественно, не языческую: «Гибель в сражении с неверными сына Константина Михаила — одна из легенд, данная с целью подчеркнуть, что христианство в Муроме также утверждено кровью мученика»⁷².

По пространной редакции Константин, подошедший вскоре с войском, то малое время, которое было у него на приготовление к штурму, ибо города в то время брали приступом, а не осадой — потратил было на молитву, но вышедшие из Мурома воины вынудили его вступить в бой. «Константин влечет меч свой, и прежде всех тщится к неверным, рать укрепляя воя своя. Невернии же, видевше храбрость и мужество его, и Господу Богу устранившу их, нападе на них трепет и ужас величеством мышцы Божия, и абие въбегше в град и затворишася». Сокращенная редакция указывает кратко, что «была у них битва великая». Другие источники о вооруженном сопротивлении язычников ничего не сообщают. Тем не менее, основываясь на «Повести», некоторые историки считают стычки X-XI вв. вокруг Мурома конфессиональными по своему характеру⁷³, из чего напрашивается заключение, что меч был основным средством приведения Муром к крещению. Однако из контекста «Повести», на наш взгляд, такой вывод делать нельзя.

Проиграв, или, вероятнее, прекратив битву и укрывшись в городе, муромцы «вскоре послаша к благоверному князю Константину с повинованием, и по обычаю существу между собою клятвами утвердишася, и приняша его во град с великою честью, оброки и дани обещахуся даяти ему». По сути, муромцы пускают Константина в город добровольно; повторю еще раз, что

по тактике того времени города брали приступом, осаду вести еще не умели, поэтому несколько дней в городе, который, собственно, для таких целей в первую очередь и строился, можно было отсидеться без особых проблем. И вопрос о дани — едва ли не важнейший вопрос подчинения князьям⁷⁴ — для Муромы был не нов: по преданию кормления в Муроме получали уже дружинники Рюрика⁷⁵. Хотя этот вопрос, видимо, и был одной из основных причин, вызывавших сопротивление города⁷⁶, который, по мнению историка, уже в X в. являл собой политическую организацию, способную самостоятельно решать экономические задачи⁷⁷. Пользуясь прежними послами Константина (вот здесь, пожалуй, единственный раз возникает намек на сюжетное обоснование необходимости посольства Михаила), жители при сдаче Муромы выторговывают себе «легкие дани», о возможности которых тот им сообщил. Однако, добровольно пустив Константина в город и формально приняв его руку, местные жители фактически демонстрируют свою независимость. Скорее всего, Константину просто не хватает рычагов управления, поскольку силы князя и горожан равны, а в городе Константину опереться не на кого. Муромцы же, судя по тому, как дальше развивались события, поняли, что в торге за льготы с Константином продешевили. В городе установилось двоевластие, при котором обе власти особо друг другу не мешали: «Благоверный князь Константин... седе на престоле господствовать, и утвердися о Господе Боже и верою Христовою разбогате», а местные «невернии же людие ни мало не внимаху и учению верных людей не прекланяхуся», «не хотяху прияти святое крещение, мерско бо есть видится грешным благочестие и странно беззаконным благозаконие». Киевский митрополит Никифор пишет муромскому князю Ярославу (Константину) о язычниках: «Давленину дядя, и звероядину, и мртвечину, и кровь, медведину, и веверечину, бобровину, и вся гнуснейша сего». Все это, конечно, не радует Константина и ставит под угрозу выполнение его планов.

Не допущенный муромцами к административным делам, или, во всяком случае, игнорируемый ими, Константин занимается созданием церковной инфраструктуры. Во-первых, по обычаям того времени, в честь взятия города он «воздвигне церковь превелику красну и чудну во имя Пречестнаго Благовещения Пресвятыя Богородицы», затем храм страстотерпцев Бориса и Глеба и «иные церкви», о которых ничего более не известно. Во-вторых, учреждает епископство.

Строительство храмов, во всяком случае, первого собора, едва ли заняло очень много времени. Хотя вопрос о конкретном облике деревянных храмов домонгольской Руси остается пока открытым, считается, что «одним из древнейших типов деревянных храмов был клетский, первоначально отличавшийся от простой избы только наличием главки с крестом (самый ранний сохранившийся образец — церковь Лазаря Муромского монастыря, XIV в.). Существовали и более сложные постройки, комбинации нескольких срубов, каждый из которых имел собственное завершение»⁷⁸. Иногда

такие церкви строились по обету в один день, как, например, во время похода Ивана Грозного на Казань⁷⁹. Косвенное подтверждение того, что церковь Благовещения в Муроме была клетской, имеется в «Повести»: автор указывает, что «...Константин... вшед в церковь Господню, ста на восток (а не к алтарю. — Ю. С.) лицом», и это, видимо, потому, что церковь была безапсидной.

В контексте данной статьи это весьма существенно, поскольку в первом из построенных храмов — Благовещенском — Константин похоронил своего убиенного сына, следовательно, от времени гибели Михаила до его погребения прошло какое-то время. Собственно, длительность строительства может и не столь уж важна — как показал С. В. Сазонов в статье «Время похорон»⁸⁰, в древней Руси не существовало установленного времени, в течение которого умерший должен был быть погребен; тело весьма долго могло сохраняться непогребенным. Важно то, что «Повесть» ничего более не сообщает о потерях в битве ни с одной, ни с другой стороны, а похороны Михаила в храме вызвали большое стечение жителей и большое их удивление «еже не по их обычаю творяху погребение»⁸¹. Это означает, что до похорон Михаила больше никого не хоронили по христианскому обряду — или потому, что некого было, или же тела убитых христиан отправили на погребение в метрополию. Последнее маловероятно, поскольку требовало снаряжения специального отряда, а это в условиях неустойчивого равновесия сил ослабило бы дружину Константина. (Правда некоторое недоумение в неведении муромских жителей об обычаях христиан остается — все-таки в полудне неспешной ходьбы от города стоял основанный Глебом Спасский монастырь. Подобная неосведомленность жителей могла происходить или только из-за его глубокой изоляции и чрезвычайно низком влиянии на жизнь Мурома, или же к этому времени монастырь уже прекратил свое существование, что вполне возможно, т. к. достоверные сведения о монастыре появляются только с правления Ивана Грозного⁸²). В целом картина похорон Михаила проливает свет на интенсивность битвы при штурме Мурома: она так же мифологизирована и происходила с теми же потерями, что и штурм Зимнего дворца в октябрьском перевороте в оценке советских историков. Вопрос о насильственной христианизации Мурома «мечом», таким образом, отпадает сам собой.

Похороны сына Константин использовал как мощную пропагандистскую акцию: «Православнии христиане поведяху... яко сей устав изложен святых апостол повелением Святаго Духа; а еже свещами провожение, яко от сего темнаго жития ко истинному свету отходят, а на восток лицом — прообразующее будущее Воскресение, и прочия тайны Христовы открываху». Однако ни к каким положительным результатам она не привела. В ситуациях подобного противостояния язычников и христиан жития нередко прибегают к рассказу о разного рода спорах, в ходе которых происходит демонстрация силы и правоты христианского

Бога, побеждающего языческих божков. В «Повести» же ничего подобного нет, поскольку для муромцев это вопрос не главный; главный — вопрос цены, которую можно взять за обращение в новую веру. Константин в отчаянии предается истовым молитвам и строжайшему посту, доводя себя до изнеможения. При этом он не забывает время от времени приглашать «нарочитых людей градоначальников» и вести с ними долгие переговоры о крещении «овогда ласкою и любовию, и дары многими, и дани и оброки легкия обещающе им, и льготы на многие лета даяше... а иногда муками и ранами претя им»; однако мечем не грозит — у него на это просто нет достаточного войска. В сложном переговорном процессе порою возникают осложнения, настолько серьезные, что муромцы составляют заговоры с целью убийства или изгнания Константина, или, говоря политическим языком, прибегают к шантажу и угрозам (собственно, в этом контексте и убийство Михаила выглядит как средство давления на князя). В ходе одного из таких конфликтов, когда «градоначальники» вывели толпу на улицы, Константин вышел к «бесчисленному неверному народу», что «приступиша ко двору его со оружием и дрекольем» с иконой Пресвятой Богородицы. Те «весма убояшася и падше ниц аки мертви». Муромский хроникер XIX в. А. А. Титов объясняет этот эпизод так: «Родное чувство русского — благоговейно чтить своих владельцев — уступило минутному забвению долга мирных жителей, — они, как бы пораженные взорами праведного князя, видев притом в руках его св. икону, по словам писателя, *сияющую паче солнца* (курсив А. А. Титова. — Ю. С.), пали на землю, со слезами раскаявались в своем поступке и все единогласно изъявили желание принять христианскую веру»⁸³. Сейчас такое толкование выглядит несколько наивным. Полагаю, что чудо объясняется просто: князю больше ничего не оставалось делать, как принять условия смутьянов. После этого уже он стал диктовать свои условия: выступил перед распластанными горожанами с речью, назначил для всех пост, после которого последовало коллективное крещение насельников Мурома в водах Оки.

Самые же показательные действия начались после крещения: понятно, что такое событие было отмечено пиром «велии зело, яко всем людем от мала и до велика». А вот «первые и сановные» люди получили «села и отчины, иным свиты и обувение, прочим же златницы и сребреницы и грамоты льготныя, комуждо противу родства и отчества, по чину и достоинству». Кроме того, Константин учредил в своем доме «три трапезы на всяк день: первую епископу и черноризцам и священником, вторую нищим и убогим и неимущим покоя, третью себе и болярам и велможам своим». Таким образом, если отбросить традиционные житийные клише о чудесах, становится очевидно, что введение христианства в торговом Муроме, во всяком случае, акт крещения, был совершен в результате сговора Константина с правящей городской верхушкой и ее подкупа, или, точнее сказать, в результате заключения торговой сделки. Подобные

соглашения не были чем-то особенным в других религиях и широко практиковались, например, мусульманами при завоевании Средней Азии, в частности, Самарканда. Так что основным инструментом крещения Мурома было золото.

Риску предположить, что, в отличие от попыток Глеба, крестильная акция Константина по времени совпала с тем периодом, когда муромцы уже сами подумывали о необходимости принятия какой-либо развитой религии. Родовые отношения, а вместе с ними и родо-племенная идеология, изживали себя. Муром стал превращаться в торговый город, один из крупнейших на Руси того времени. Языческая идеология, не приспособленная к городскому укладу, мешала этому развитию. Идеологические установки христианства как раз наоборот возвышали значение города как такового, так что объективные условия благоприятствовали введению новой религии.

Свидетельства роста города также имеются в «Повести». Автор указывает, что первоначально он стоял на «другом месте». «Доконстантиновский» Муром обычно позиционируют с местом построенного им Благовещенского монастыря, который, перестраиваясь и поновляясь, до сих пор стоит на этом же месте (археология, правда, не подтверждает существование там домонгольского города; А. А. Титов, в свою очередь, указывает, что еще в его время там сохранялись остатки земляных валов)⁸⁴. В довольно скором времени город был перенесен на другое место, на Кремлевскую гору, фрагментарные раскопки на которой подтверждают существование там поселения муромы начиная с X в.⁸⁵ Такая ситуация также типична для древнерусских городов: «Рост значения города иногда приводил к переносу его крепости на новое место. Маленький городок выгодно было поставить на небольшом притоке так, чтобы он находился вблизи большой реки, но в то же время несколько в стороне от нее, не бро-

саясь в глаза. Большой же город стремился занять ключевые позиции и взять под свой контроль водную дорогу, что и вызвало в ряде случаев перемещение крепости. Одновременно с этой причиной перенос крепости мог быть и средством борьбы князя-строителя с местной племенной знатью»⁸⁶.

В начальный период своего княжения в Муроме Константин создал необходимые условия для укоренения христианства: возвел церкви, ввел епископат, укомплектовал штат священников, организовал обучение грамоте. В итоге, когда ему удалось договориться с представителями местной знати о приведении Мурома к крещению, система христианизации — культовые места, обучение основам веры и наблюдения за выполнением обрядов и т. п. — была создана и вопрос реального перехода жителей Мурома от язычества к православию стал просто вопросом времени. Это, в конце концов, и произошло, князь Константин так или иначе достиг своих объявленных и скрытых целей, а Муром приобрел целый ряд качеств, которые позволили ему стать полноценным древнерусским городом.

Принятие христианства, судя по всему, пошло на пользу городу: по «Сказанию» он получил административное значение (стал резиденцией князя), епископскую кафедру, школу, т. е. обрел конституирующие характеристики. Вскоре Муром, согласно той же повести находившийся неподалеку от Кремлевской горы, был перенесен на Кремлевскую гору, откуда хорошо контролировался проход по реке. Археологически X-XI вв. здесь прослеживаются хорошо: есть жилые постройки, гораздо шире комплекс найденных предметов⁸⁷, но, пожалуй, самым существенным является то, что обнаружен мощный слой древесной щепы и коры, который свидетельствует о большом строительстве, шедшем в городе в это время, скорее всего, о возведении крепости⁸⁸.

¹ История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца XX века / Под. ред. Ю. М. Смирнова. — Муром, 2001.

² Богатов И. П. О времени возникновения Мурома // СА. — 1959. — № 3. — С. 223-226.

³ См., например: Введенский С. Н. Следы существования особой Муромской летописи // Труды 3-го областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20-26 июня 1906 года. — Владимир, 1909. — С. 1-15.

⁴ См., например: Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. — М., 1985. — С. 226-227; она же. Список древнерусских городов в «Книге Хаука» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. — М., 1989; Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1976. — С. 141-156; она же. Древнескандинавские географические сочинения. — М., 1986. Рьдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. — М., 1978. — С. 146, 166-167, 217; и др.

⁵ Характерно в этом отношении название статьи Н. П. Травчетова: «Кого из муромских князей следует понимать под именем св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца?» // Труды III областного историко-археологического съезда. — С. 1-17; см. также: Квашнин-Самарин Н. Д. О князьях

муромских, причтенных к лику святых // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10-20 августа. — Тверь, 1906.

⁶ Сказание о граде Муроме. Приложение к: Зиборов В. К. Домашнее прочтение Муромского сборника // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. — СПб., 2000. — Вып. 3. — С. 67.

⁷ Турилов А. А. Ред.: Джурова А., Станчев К. Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. — Roma, 1997 // Славяноведение. — 2002. — № 4. — С. 118.

⁸ Там же.

⁹ Кривошеев Ю. В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв. по материалам повестей. — Гатчина, 2003.

¹⁰ Благодарю ведущего научного сотрудника Муромского историко-художественного музея О. А. Сухову, акцентировавшую мое внимание на этом вопросе.

¹¹ См., например: Голубинский Е. История русской церкви. — М., 1880. — Т. 1. — С. 179, 336-337, 695-696; он же. История русской церкви. — М., 1901. — Т. 1. — С. 173, 177, 199-200, 206-207, 336-337, 664-665, 667, 695-696; он же. Из истории канонизации святых в русской церкви // Богословский вестник. — 1894. — Кн. 8. — С. 189-190; Тихонравов К. Начало христианства в Муромской стране // ВГВ. — 1859. — № 30;

- он же. Начало христианства в Муромской стране // Русский дневник. — 1859. — № 137; Новиков М. П. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. — М., 1991. — С. 73, 74-75.
- ¹² См.: Смирнов Ю. М. Еще раз к вопросу о христианизации Мурома // Материалы областной краеведческой конференции (14 апреля 2006 г.). — Владимир, 2007. — Т. 1. — С. 132-137.
- ¹³ См.: Алексеева Л. М. Характер менталитета создателей муромской повести о Петре и Февронии // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 113-116; она же. Легенда о Петре и Февронии как возможный ключ к расшифровке древнейшей мифологии Европы // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 116-120; Смирнов Ю. М. Христианство и язычество в «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Рождественские чтения — VII. — Ковров, 2000. — С. 42-45; он же. Повесть о благоверной девице Февронии, христианском и языческом менталитете и о реабилитации муромских «святогон» // Уваровские чтения — IV. — Муром, 2003. — С. 75-81.
- ¹⁴ См., например: Коробейников А. В. Процессуальное моделирование как метод реконструкции Сарапульской крепости XVIII в. // Позднесредневековый город: археология и история. — Тула, 2007. — Ч. 2. — С. 130-138, а также др. работы этого автора.
- ¹⁵ Кривошеев Ю. В. Указ. соч. — 2003. — С. 30.
- ¹⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — М., 1946. — С. 12.
- ¹⁷ Сказание о граде Муроме. — С. 67.
- ¹⁸ Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. — Владимир, 1903. — С. 2.
- ¹⁹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. — СПб., 1897. — Т. XX. — С. 214.
- ²⁰ Кузнецов С. К. Русская историческая география. — М., 1910. — Вып. 1. — С. 108.
- ²¹ Там же. — С. 13.
- ²² Рязский Г. А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. — Владимир, 1906. — С. 8-9.
- ²³ Альквист А. От Мурома до Муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001. — С. 236-237.
- ²⁴ Кулешов В. С. О происхождении этнонима мурома и топонимах Муромской округы // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 64.
- ²⁵ Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков как средневековый город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. — М.-Сыктывкар, 2006. — С. 68-80.
- ²⁶ Янин В. Боярская республика на Волхове // www.trinitas.ru/pus/dos/0211/008a/02110049.htm
- ²⁷ Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 9.
- ²⁸ Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. — 1934. — № 11-12; Браичевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов: города Среднего Приднестровья, Поднестровья и Побужья в VIII-IX вв. н. э. по полевым данным последних лет // КСИИМК. — М., 1951. — Вып. 41; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. — М., 1951; Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // ИГАИМК. — 1934. — Вып. 103; Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. — М., 1950. — Вып. 25; она же. К вопросу о происхождении городов в Псковской земле // КСИИМК. — М., 1951. — Вып. 41; Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 32-35; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. — М.-Л., 1939. — С. 20-24; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. — 1971. — № 2.
- ²⁹ Гуляницкий Н. Ф., Куза А. В. Введение // Древнерусское градостроительство X-XV веков. — М., 1993. — С. 24; Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. — М., 1968.
- ³⁰ Воронин Н. Н. Древнерусский город (итоги изучения за 27 лет) // Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. — М., 1945.
- ³¹ Гуляницкий Н. Ф., Куза А. В. Указ. соч. — С. 28-29.
- ³² Там же. — С. 29.
- ³³ Богатов И. П. Археологические памятники Муромского района и коллекции Муромского музея. Переписка об археологических исследованиях // НА МИХМ. — № 280; Медведев Ю. П. «Воеводина гора» (Кремль г. Мурома) // НА МИХМ.
- ³⁴ Воронин Н. И., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ. — № 343.
- ³⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. — М., 1961. — Вып. 94. — С. 91.
- ³⁶ Голубева Л. А. Поволжские финны (Мурома) // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1987. — С. 81-92.
- ³⁷ Подсчет произведен по: Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы: Погребальный обряд и поселения. — Муром, 2005; см. также: Дубынин А. Ф. Раскопки Мальшевского могильника // КСИИМК. — М., 1942. — Вып. 2. — С. 93; Кирилочкин А. Н. Древнерусское оружие. — Л., 1966. — Вып. 1. — С. 43, 50.
- ³⁸ Бейлекчи В. В. Указ. соч. — С. 33-34.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Богатов И. П. Материалы к археологической карте Муромского района. Переписка об археологических исследованиях // НА МИХМ. — № 280. — С. 17; он же. Археологические памятники Муромского района и коллекции Муромского музея. — С. 27; Воронин Н. И., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. — С. 4.
- ⁴¹ Городцов В. А. Древнее население Рязанской области // ИОРЯС. — СПб., 1909. — Т. XIII. — Кн. 4. — С. 139.
- ⁴² Кривошеев Ю. В. Указ. соч. — С. 36.
- ⁴³ Грибов Н. Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 18-22.
- ⁴⁴ Подробнее см.: Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков...
- ⁴⁵ Голубинский Е. История русской церкви. — М., 1901. — Т. 1. — С. 177; Карамзин Н. М. История Государства Российского. — Изд. Эйнерлинге. — Т. 1. — С. 67; Самоковас Д. Я. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождении Московского государства. — Варшава, 1886. — С. 13; Тебеньков М. М. Происхождение Руси. — Тифлис, 1984. — С. 137 и пр.
- ⁴⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908.
- ⁴⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. — 1995. — № 2.
- ⁴⁸ Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. — Владимир, 2004. — С. 87.
- ⁴⁹ Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. — М., — 1984. — С. 194; Спицын А. А. Древности бассейнов Оки и Камы // МАР. — М., 1901. — № 25. — Табл. XXVIII, 2.
- ⁵⁰ Спицын А. А. Указ соч.; Пушкина Т. А. Скандинавские находки из окрестностей Мурома // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). — М., 1988. — С. 164.
- ⁵¹ Паспорт памятника археологии // НА МИХМ; Королев В. Б. Отчет об археологической разведке // НА МИХМ. — Л. 14; Предварительный отчет работы разведочного отряда Окской экспедиции института краеведческой и музейной работы НКП РСФСР — 1939 год. Переписка об археологических исследованиях // НА МИХМ. — № 280.
- ⁵² Воронин Н. И., Горюнова Е. И. Указ. соч. — С. 4.
- ⁵³ Насонов А. Н. Указ. соч. — С. 197.
- ⁵⁴ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) Летописи. — Варшава, 1885. — С. 167.

- ⁵⁵ См.: Зиборов В. К. Указ. соч. — С. 67.
- ⁵⁶ История Муромца и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — С. 66-69.
- ⁵⁷ Кусков В. В. Комментарии // Древнерусские княжеские жития. — М., 2001. — С. 378.
- ⁵⁸ Седов В. В. Восточные славяне... — С. 143-145..
- ⁵⁹ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. — 1955. — Вып. 59. — С. 14, 171; она же. Муромская экспедиция // КСИИМК. — 1949. — Вып. 27. — С. 101; она же. Итоги работ муромской экспедиции // КСИИМК. — 1950. — Вып. 33.
- ⁶⁰ Подробнее см.: Смирнов Ю. М. «Русский» Муром: очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы севера Евразии. — М.-Сыктывкар, 2005. — Вып. 3. — Ч. 2. — С. 82-95; он же. Муром: этнодемографические контакты // Уваровские чтения-VI. — Муром, 2006. — С. 289-300.
- ⁶¹ Кривошеев Ю. В. Указ. соч. — С. 30.
- ⁶² Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1880. — С. 241.
- ⁶³ См., например: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981.
- ⁶⁴ Голубева Л. А. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1987. — С. 81, 83, 84-85; Спицын А. А. Указ. соч. — С. 44-50, 105, 113.
- ⁶⁵ См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет. — М., 1971. — С. 126; Щенков А. Функциональная структура городов // Древнерусское градостроительство в X-XV вв. — С. 44.
- ⁶⁶ Михайлова Л. А., Чернышев В. Я. Некоторые итоги раскопок в Спасо-Преображенском монастыре г. Муром // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001. — С. 242-244.
- ⁶⁷ Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. — М., 1988. — С. 399-400; Тихомиров М. Н. Начало христианства на Руси // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. — С. 261; Чернышев В. Я. Исторические
- предпосылки крещения Муромской земли // Рождественские чтения — VII. — Ковров, 2000. — С. 46-48.
- ⁶⁸ Зиборов В. К. Указ. соч. — С. 68.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Житие князя благоверного Константина Муромского // Древнерусские княжеские жития. — М., 2001. — С. 177.
- ⁷² Там же. — С. 378.
- ⁷³ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — С. 75-77; он же. Древняя Русь. — М., 1975. — С. 94-95; 270.
- ⁷⁴ См.: Кривошеев Ю. В. Указ. соч. — С. 36-39.
- ⁷⁵ Насонов А. Н. Указ. соч. — С. 10. Прим. 3; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. — С. 22;
- ⁷⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — С. 75.
- ⁷⁷ Новиков М. П. Указ. соч. — М., 1991. — С. 74-75.
- ⁷⁸ Борисевич Г. В., Янин В. Л. Элементы застройки городов // Древнерусское градостроительство X-XV вв. — С. 60.
- ⁷⁹ См.: Большакова Н. В. Церковное строительство Ивана Грозного по пути следования его войска в Казань в 1547-1552 гг. // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 142-147.
- ⁸⁰ Сазонов С. В. Время похорон // История и культура Ростовской земли. 1994. — Ростов, 1995. — С. 50-59.
- ⁸¹ Зиборов В. К. Указ. соч. — С. 70.
- ⁸² Мисаил, архимандрит. Муромский Спасский монастырь. — Муром, 1996. — С. 4.
- ⁸³ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — Муром, 1991. — С. 19-20. Репринт с издания 1902 г.
- ⁸⁴ Там же. — С. 19.
- ⁸⁵ Бейлекчи В. В., Родин В. В. Новые археологические исследования в муромском кремле // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 9-17.
- ⁸⁶ Щенков А. Указ. соч. — М., 1993. — С. 46.
- ⁸⁷ Бейлекчи В. В., Родин В. В. Указ. соч. — С. 9-17.
- ⁸⁸ История Муромца и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — С. 42.

Ю. Н. Смирнов (Самара)

БЕГЛЫЕ ИЗ МУРОМСКОГО И ДРУГИХ УЕЗДОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ЗЕМЛИ И ОСТАЛЬНОЙ РОССИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КОНЦЕ 1730-х ГОДОВ

Земли Поволжья во второй половине XVI в. стали одним из центров складывания вольного русского казачества, но благоприятная для этого ситуация длилась недолго. Возможности для казаков укрепиться на берегах великой реки в качестве самостоятельной силы были совсем утрачены по окончании Смутного времени. Уходившие с Волги на восток вольные казаки попадали зачастую в состав тех территориальных казачьих обществ (Яицкого, Исетского), которые во второй трети XVIII в. приняли участие и в формировании Оренбургского войска. Однако ядро последнего складывалось ближе к волжским берегам, где казачество не исчезло, а приобрело иные формы быта и организации. С 1620-1630-х гг. казаки, находясь на государственной службе, являлись частью населения приволжских городов, в т. ч. Самары и ее пригорода Алексеевска.

Значительный рост служилого казачества в За-

волжье произошел после того, как в 1736 г. по инициативе руководителя Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова, видного государственного деятеля и ученого, началось сооружение Самарской укрепленной линии. Кирилов, проложив от р. Яика к г. Самаре, где пребывал штаб экспедиции, новую дорогу, которая была названа Московскою, назначил на ней места под крепости и «станции нерегулярных людей». Первая станция «охотников-казаков» была основана на Бузулуке, притоке р. Самары, и сначала заселялась выходцами с Яика и из служилых иноверцев Уфимского уезда¹.

Самарская линия стала частью укреплений, протянувшихся от Волги до Тобола на юго-восточных землях России, которые вошли в 1744 г. в состав Оренбургской губернии. Наряду с ней были сооружены другие линии (дистанции): Нижнеяицкая, Верхнеяицкая, Сакмарская, Красногорская, Орская, Верхнеуй-

ская, Нижнеуйская. Именно в крепостях и слободах этих линий, а также в городах Самаре, Уфе, Оренбурге проходило формирование военных команд и общин нового казачьего войска России².

По ведомости от 27 октября 1736 г. значатся заложенными или намеченными к закладке по реке Самаре пять крепостей. По мнению Кирилова, в каждой крепости было необходимо иметь от ста до пятисот постоянных жителей-казаков. С заселением крепостей были связаны большие трудности. К 27 октября поселенцев еще не было в Борской и Сорочинской крепостях. В Тоцкой числился один казак. В Красносамарскую в казаки было записано тридцать человек из числа ссыльных. Больше всех (156 чел.) было определено в Бузулуцкую (78 из яицких и сакмарских казаков, 12 из калмык, 41 из «разночинцев», 19 из татар и 6 из ссыльных)³.

Ссыльных широко использовали на военной службе и в качестве земледельцев или работников. В указе 11 февраля 1736 г. было установлено «вместо Сибири ссылочных в Оренбург посылать, коих распределять в казаки, на пашню и в шахты»⁴. Впрочем, легальные источники пополнения людьми пограничных поселков оказались малодейственными, в связи с чем встала проблема самовольных переселенцев, которых называли «сходцами».

Правительство разрешило поселять в новые городки тех беглых, кто добровольно возвращался с Яика. Одновременно оно дало указание прекратить приток беглецов из других районов страны учреждением застав в городах Самаре и Сызрани. Однако власти не выполнили это поручение, что не было случайностью или плодом бюрократической неразберихи. Фактически на местах поощрялся прием беглых из губерний коренной России. Такая практика была не нова, но Кирилов сделал ее настолько общепринятой, как никто до него.

Кирилов вообще не стал делать на Яике оповещения о наборе на службу скрывавшихся там беглецов. Зато соответствующее объявление было сделано во внутренних областях государства, население которых не подлежало легальному верстанию на новую казачью службу. Именно после публикации этих «милостивых указов» (так их в один голос именовали сами беглые), сделанной вопреки закону, в Самару потянулся самый разный люд для записи в казаки⁵.

Сомнительные рассказы о происхождении в Оренбургской экспедиции не подвергались проверке, и многих бывших крестьян и горожан, дворовых и служилых людей писали при приеме на службу «разночинцами», хотя никакого позволения набирать «разночинцев» ни в одном указе Кирилову не содержалось. Одни, в лице руководства экспедиции, делали вид, что такое разрешение существует, а другие, в лице беглых, считали, что оно прямо относится к ним. Под именем «разночинцев», таким образом, подразумевались, прежде всего, русские гулящие и беглые люди. И.И. Неплюев, один из будущих преемников Кирилова в руководстве Оренбургской экспедиции (комиссии), а затем первый

оренбургский губернатор, высказался откровенно и предельно ясно, заявив, что казаками Кирилов называл и по крепостям расселял именно беглых крестьян⁶.

По новым укрепленным линиям, как вода в руслах каналов, растекался поток вольной колонизации. «Каналы» эти были прорыты с санкции правительства, но шлюзы для потока беглых открыл по своей инициативе Кирилов.

После смерти Кирилова на его место был назначен В.Н. Татицев, выдающийся администратор, инженер, историк. Застройка новых крепостей, их заселение продолжались при нем на прежних основаниях. К 1 июня 1737 г. в крепости по р. Самаре был определен необходимый комплект поселенцев-казаков: по двести человек были записаны в Красносамарскую, Борскую, Тоцкую, Сорочинскую крепости и триста в Бузулуцкую. Кроме того, за р. Самарой в степи была основана Мочинская казачья слобода, куда зачислили на жительство восемьдесят шесть человек⁷.

Вольные переселенцы из низших сословий, в основном из крестьян, составляли почти три четверти новоприборных казаков (858 чел.) С учетом принудительно переведенных ссыльных (157 чел.) доля представителей этих общественных слоев в крепостях и слободах Самарской линии превысила 85%. Однако в официальных рапортах Оренбургской экспедиции по-прежнему ничего не говорилось о приеме на службу лиц крестьянского происхождения.

Потомственные казаки и другие русские служилые люди находились среди переселявшихся на Московскую дорогу в меньшинстве (136 чел.) Их доля составляла лишь 11,5% среди поселенцев на Самарской линии, хотя, как правило, именно из природных яицких казаков определялись в новые крепости атаманы и старшины.

При отправлении Кирилова в Оренбургскую экспедицию ему обещали передать в команду половину уфимских и мензелинских казаков. Однако в обязательном порядке в распоряжение экспедиции из казаков никого не перевели. Все природные казаки, оказавшиеся на новой пограничной линии, были добровольными переселенцами. На Самарской линии потомственные казаки были почти все из Яицкого войска (119 чел. из 121), а в ближних к Оренбургу крепостях преобладали уфимские служилые казаки. На Самарской дистанции в казаках также оседали служилые городские люди (бывшие пушкеры и стрельцы), а также выходцы из нерусского населения. Доля иноверцев (мусульман и буддистов) составляла здесь среди казаков всего 3% (35 чел.), но интересен сам факт участия в комплектовании здесь казачества с самого начала многонационального и многоконфессионального населения.

В точках зрения Татицева и правительства на тех переселенцев, что оседали на пограничной линии, проявлялось все больше разногласий. Первый был склонен к поддержке всех людей, которые объявляли себя при записи в службу вольными. Он просил Кабинет министров распорядиться о безоговорочной отдаче

им с прежних мест жительства жен, детей, скота, прочего имущества, поскольку воеводы, помещики и управляющие чинили препятствия в этом⁸.

Реакция Кабинета оказалась противоположной тому, на что надеялся Татищев. Указом от 15 февраля 1738 г. было предписано прекратить прием на поселение в крепости всяких жителей великорусских губерний, кроме не платящих подушную подать и не верстанных в службу «малороссиян» — украинцев, яицких казаков, сибирских казачьих и дворянских детей, уфимских мещераков. Правительство исходило из того, что нельзя без освидетельствования верить никому, кто выдает себя за человека не крепостного и не платящего подушную подать. Оно же потребовало проверить всех, уже взятых на службу⁹.

Со ссылками на жалобы от землевладельцев, их управляющих, местной администрации Татищеву сообщалось, что среди уже принятых в новые поселения есть много заведомо беглых, которые затем и других своих родственников и соседей подговаривают к уходу в казаки¹⁰. Конечно, и Кирилов, и Татищев, и их сотрудники сами знали об этом. Однако когда интересы укрепления новых российских рубежей вступали в противоречие с крепостными порядками, эти деятели готовы были закрыть глаза на нарушение норм крепостного права, вовсе не будучи их принципиальными критиками или противниками.

Позиция Кабинета была последовательной в отстаивании жесткого крепостнического режима, но недостаточно гибкой для далекого пограничья. Кроме запрета принимать всех подозрительных добровольцев, Кабинет настаивал на высылке с линий на прежние места жительства и возвращении владельцам тех людей, кто уже сюда незаконно переселился¹¹.

Однако реализовать правительственные распоряжения было невозможно, не обезлюдив при этом новые крепости и поселки, не ослабив охрану дорог и селений. Тем самым подсказывался единственно возможный способ действия Татищева и его сотрудников в данной ситуации — игнорировать полученные из столицы указания. За время своего управления краем Татищев к высылке беглых, записавшихся на казачью службу, не приступил, хотя и не потворствовал уже так их притоку, как прежде. Вопрос о беглых среди казаков оставался нерешенным до отставки Татищева.

Место Татищева во главе Оренбургской комиссии по указу от 17 июня 1739 г. занял советник Адмиралтейской коллегии князь Василий Алексеевич Урусов, произведенный тогда же в чин генерала-поручика. В оценке его человеческих качеств и административных методов мнения расходятся. Близко знавший его Рычков ни о ком из своих многочисленных начальников не отзывался с такой теплотой, как об Урусове, высказываясь от имени — «всех бывших в его команде людей, к которым он чрез все время правления своего многие благодеяния показал и чрез то имя милостивого и благоприятного командира не напрасно получил». По мнению Рычкова, Урусов «в произведении поруч-

енных ему дел такое имел счастье, что каждое его начинание с благополучным успехом в действо происходило и ни в чем дальних затруднений не было». Правда, удача не всегда сопутствовала Урусову, которому так и не удалось вслед за Кириловым и Татищевым по-настоящему утвердить Оренбург. Однако в глазах современников это компенсировалось успешным решением других вопросов, доставшихся ему в наследство от прежних начальников комиссий¹².

Доставшееся от предшественников наследство во многом определяло последующую деятельность начальника Оренбургской комиссии. Свообразным административным «завещанием» стал указ Урусову от 20 августа с резолюциями на доклад, поданный еще Татищевым¹³.

Поднятые последним вопросы, таким образом, легли в основу действий уже нового руководителя. Среди главных поручений, которые предстояло выполнить ему, были постройка нового Оренбурга с переименованием старого на устье реки Ори в Орскую крепость, устройство новых крепостей, упразднение Закамской линии и заселение Самарской и Оренбургской дистанций. Указ наглядно отражал преемственность в деятельности Оренбургской комиссии, хотя «в прочем все оренбургской комиссии правление положено было на его, князя Урусова, верность и в том не только по изображенному в указе, но по его разсуждению, ежели что к лучшей пользе усмотрит, чинить подтверждено»¹⁴.

Штаб Оренбургской комиссии при нем по-прежнему располагался в Самаре, куда новый начальник прибыл 17 августа 1739 г. С завидным рвением уже «с первых чисел сентября отправился он из Самары с легкой командой в намерении, чтоб ему дойти до Оренбурга и, осмотря всю новозастроенную линию, тем в наилучшее сведение и разсуждение вступить». Ранние морозы и слухи об опасной эпидемии вынудили его повернуть назад от Татищевой крепости, но все крепости по Самарской линии были осмотрены, из них Тевкелев Брод было решено перенести на новое место. В 1741 г. на новое место перенесли и Ольшанскую крепость. Причиной стали высокие весенние разливы р. Самары, которые затопляли первоначальное место поселения здешних казаков¹⁵.

Для экономии времени, сил и средств Урусов добился разрешения «на первый случай» — строить по р. Самаре крепости нерегулярные, т. е. «с одними редантами и от внешних сторон чтоб был ров с круто-стями, а за ним вал с брусверками и внутреннюю крепостию». Хотя Урусов утверждал, что здесь против кочевников регулярные укрепления, возведенные по всем правилам фортификации, не нужны вовсе, ему предписывалось со временем их «помалу строить по надлежайшей регуле»¹⁶.

29 сентября 1739 г., после того, как казаки дважды за лето разбили и ограбили торговые караваны на Московской дороге, Урусов издал определение об охране купцов, которым отныне предписывалось как из Самары в Оренбург, так и из Оренбурга в Самару

«ездить непорознь, но компаниею и небезоружейно». Компании должны были даже обзавестись легкими пушечками и содержать по два пушкаря. Командиры же крепостей должны «таким купеческим компаниям, буде опасности известны будут, объявлять и, когда они будут требовать провожатых, то давать ис казаков оружейных крепость до крепости от двадцети до тридцети человек конных и бесконных, которым за такое провожание платить от компаней по деньге на версту, а безлошадным вполов». Первоначально были назначены три срока сбора таких компаний в июне, начале августа и сентябре, а затем к ним добавили два зимних срока в декабре и марте¹⁷.

Кроме военной службы, казаков широко привлекали к другим делам по нуждам комиссии. 23 января 1740 г. именным указом утверждалось предложение Урусова «о козаках, чтоб им в службе и в гонбе подвод и иных» быть «по учиненному росписанию». В том же указе содержалось предписание «о заплате казакам за работных денег за казенные работы по плакату»¹⁸, т. е. по расценкам, которые были предусмотрены законом для оплаты труда приписных и иных крестьян на работах, выполняемых в порядке государственной повинности.

Службы и работы казакам «новопоселенных» крепостей Самарской линии прибавлялось, а вопрос о беглых среди них по-прежнему оставался нерешенным. В указе от 20 августа 1739 г. от Урусова, как ранее от Татищева, потребовали «для поселения в крепостях великороссийских людей и крестьян впредь не принимать, а которые донныне приняты и в крепостях поселены помещиковы, тех возвратит помещикам, а вместо того набрать и поселить в тех крепостях из городских Казанской и других губерней старых служб служилых людей... а также к тому для поселения принимать вам из черкас, то есть украинцев»¹⁹.

Первоначально, только что прибыв в г. Самару, Урусов донес, что «о населении новых, поставленных по Самаре и Яику рекам и в других местах крепостей усматривает он способы, непротивные указам», т. е. нормам крепостного права. Он предполагал заселять укрепленную линию «из яицких казаков и уфимских мецдеряков и другими охотниками», и только просил «чтоб в Малую Россию и в Казанскую и Сибирскую губернии о неударжении таковых охотников подтвердить из Кабинета особливими указами и об определении желающих на пашню и о снабдении оных и прочем»²⁰.

Однако спустя совсем немного времени, Урусов, при всей своей исполнительности, встал в данном вопросе на сторону опального Татищева. После получения конкретного указания о высылке беглых из крепостей он определил: «Ныне паки объявить, что в том обстоят разные затруднения, в чем сослалца на оное прежнее всеподданнейшее доношение (Татищева. — Ю. С.), предства, что все зачатое, доколе... на места их сысканы будут городовые служилые люди, запустеет, ибо казаки в них почти все такие (беглые. — Ю. С.). И, как

в нынешней ево, генерал-лейтенанта, проезд усмотрено, жилищами несколько уже утвердились, пашнею заводятся, а иные уже совершенно завелись и обселись, и крепости караулами и работами содержат». Урусов предложил крестьян помещикам не возвращать, а зачесть их как взятых в рекрутский набор. Иначе, предупредил он, не только сейчас, но и впредь нет надежды, что удастся заменить этих беглых служилыми людьми²¹.

На сей раз такие аргументы на правительство подействовали, может быть, потому что шли не от Татищева, подозреваемого в неояльности, а от нового начальника Оренбургской комиссии, которому столичные власти доверяли. В указе Урусову от 23 января 1740 г. требование о немедленной высылке беглых было снято, «а розвозить на прежняя жилища казаков за представленными от генерала-лейтенанта князя Урусова резонами... не повелено», но с таким условием, чтобы всех их переписать с обязательным указанием подлинного происхождения под угрозой возвращения бывшим владельцам за дачу ложных показаний²².

В ходе переписи, которая была проведена весной 1740 г., выяснилось, что «в регулярные и другие службы» зачислено «сходцев» 5154 человек мужского пола. Большинство из них было поверстано в казаки.

Переписью были охвачены восемнадцать крепостей, подведомственных Оренбургской комиссии. Данные переписи позволяют определить районы выхода и происхождения переселенцев. Список прежних мест жительства беглых был очень широк. В Бузулудской крепости, например, переписаны выходцы из тридцати шести уездов России. Схожая картина наблюдалась и в других крепостях. Большинство «сходцев» пришло из уездов Среднего Поволжья и Центральной России. Лишь в крепостях Исетской провинции преобладали выходцы с Урала и из Сибири. Словный состав «сходцев» также был неоднородным²³.

Данные по крепостям Самарской и Яицкой линий без учета Зауралья были подсчитаны и в свое время частично опубликованы. Эти материалы частично воспроизведены ниже с уточнениями, полученными нами при сверке их с подлинным архивным делом²⁴.

Сведения собирались от глав семейств, «настоящих казаков», как называет их перепись, хотя в сказках сообщаются известия и об их женах, детях, и живущих с ними других родственниках. Всего в четырнадцати крепостях по Самаре и Яику перепись насчитывает 2097 «настоящих казаков», 1567 человек их родни мужского и 2343 человек женского пола. Социальное происхождение жены и место ее родины определяются по мужу, и, следовательно, не всегда соответствуют действительности. То же можно сказать о детях и боковых родственниках. В целях достоверности в подсчетах приходилось пользоваться только данными о «настоящих казаках», которые оказались выходцами из 136 уездов, городов, украинских полков и других территориальных единиц.

Распределяя беглых по местностям, откуда они

родом, на первый план следует поставить Среднее и Нижнее Поволжье, где встречаются и самые крупные поуездные цифры (далее приводятся уезды и города, а затем число настоящих казаков, из них происходящих): Симбирский — 257 чел., Нижегородский — 152, Казанский — 105, Самарский — 63, пригород Алексеевск — 4, Сызранский — 17, пригород Кашир — 6, Свияжский — 14, Саратовский — 12, пригород Петровск — 11, Чебоксарский — 10, Починковская волость — 9, Курмышский — 5, г. Астрахань — 4, г. Биларск — 3, Тетюшский — 2, г. Царицын, Санчурск, Малмыж, Ядрин — по 1, а всего 678 человек.

За этой группой следует поставить уезды и города по бывшим пограничным чертам, соединявшим центр России с волжским Правобережьем. Здесь также встречаются довольно крупные цифры: Алатырский — 102 чел., Пензенский — 98, Арзамасский — 79, Саранский — 58, Керенский — 24, Ломовский — 14, Инсарский — 11, Кадомский — 6, Норовчатский — 5, Карсунский — 2, г. Мокшан — 1, а всего 410 чел.

Преобладание выходцев из Поволжья и местностей, расположенных между средней Волгой и старинными русскими областями, вполне понятно. Это был ближайший к Оренбургской пограничной линии край, где в XVIII в. уже было значительное оседлое население. Однако величина цифр объясняется здесь еще другим обстоятельством. Через указанные районы проходили в XVIII в. беглецы из внутренних областей государства. Нередко оказывалось, что родители беглых сами были «сходцами», жили далее к западу, и мы имеем дело с переселением из внутренних областей государства, хотя и более медленным. Так, Никита Колганов, родом из крепостных Владимирского уезда, был «снесен» в четырехлетнем возрасте братьями в Сызрань, и только гораздо позже он явился на казачью службу в Самару.

Таким образом, часть выходцев из Поволжья могла быть отнесена на долю центральных уездов и городов России, которые, впрочем, и сами по себе дают довольно значительные цифры: Муромский — 39, Суздальский — 69, Владимирский — 57, Переславский-Залесский — 18, Гороховецкий — 12, Вязниковский — 6, Юрьев-Польский — 6, Московский — 22, Ростовский — 14, Костромской — 38 чел., Балахнинский — 21, Пошехонский — 19, Ярославский — 8, Галицкий — 6, Кашинский — 6, Юрьевецкий — 5, Романовский — 5, Устюженский — 5, Углицкий — 5, Унженский — 2, Кинешмский — 1, Елатемский — 1, Луховский — 6, Дмитровский — 1, Тверской — 1, г. Судиславль — 1, Переяславский-Рязанский — 16, Касимовский — 16, Скопинский — 9, Коломенский — 9, Пронский — 6, Темниковский — 4, Михайловский — 4, Каширский — 3, Калужский — 2, Сапожковский — 2, Тульский — 1, Звенигородский — 1, а всего из центральных областей 458 выходцев.

Север, вместе с Новгородским краем и Прибалтикой, представлен 46 выходцами. Они распределяются

по уездам следующим образом: Вологодский — 17 чел., Белозерский — 7, Новгородский — 5, Олонецкий — 5, Великоустюжский — 3, Важский — 3, Тотемский — 2, Петербургский — 1, Псковский — 1, Каргопольский — 1, Ревельский — 1. Также весьма немного настоящих казаков назвали своей родиной уезды Тамбовского и Воронежского края (50 чел.), а также Прикамья (11 чел.), имевшие свои ближайшие выходы на вольные земли Юга и Сибири: Шацкий — 17 чел., Тамбовский — 13, Рязский — 3, Козловский — 2, Борисоглебский — 1, Воронежский — 5, Елецкий — 5, Ливенский — 3, Рыльский — 1, Кунгурский — 4, Хлыновский — 3, Пермский — 1, Яранский — 1, Елабужский — 1, Кайгородский — 1. Сама Сибирь дала в число переселенцев 9 чел.

Далее идут выходцы из Слободской Украины — 139 чел., к которым следует добавить и украинцев из бывшей Гетманщины в количестве 55 человек, а также жителей Смоленской земли (2 чел.) и Речи Посполитой (10 чел.). Выходцы с западной окраины империи, как мы видим, так же не очень многочисленны, как и с южной, поскольку тогдашние польские владения сами привлекали к себе беглецов из Российского государства.

Далее в перечне мест выхода следуют русские казачьи центры: Дон (47 чел.) и Яик (105 чел.) с Сакмарским городком (2 чел.). Соседний с Оренбургской линией Уфимский уезд дал 71 чел., преимущественно нерусского происхождения, а Калмыцкая орда — 8 чел.

Таким образом, подавляющее число беглецов представляют города и уезды по Волге (32%), старые пограничные линии волжского Правобережья (20%), центральные районы страны (21%), причем, первые два региона иногда служили только дорогой, по которой проходили беглецы из центра государства. Все другие территории дают в общей сложности только 27%, что объясняется или их удаленностью, или же особыми местными причинами.

Ниже представлены сводные данные о выходцах из уездов будущей Владимирской губернии среди казаков пограничных линий Оренбургского края в сопоставлении со сведениями обо всех переписанных казаках (Табл. 1).

Из данной таблицы явствует, что указанные здесь уроженцы Муромского и других уездов Владимирской земли (207 чел. или 10% новоприборных казаков Оренбургских линий), происходили из сословий, не подлежавших легальному верстанию на казачью службу, а именно из различных категорий русских крестьян и посадских людей. Следовательно, все они были беглыми, самовольными «сходцами» с прежних мест жительства.

Перейдя к социальному составу лиц, поверстанных в казаки, отметим, что почти 47% общего числа их (983 чел.) — бывшие дворцовые крестьяне. Население дворцовых земель среди других категорий сельско-

**Данные переписи 1740 года о происхождении беглых и других лиц,
поверстанных в казаки в крепостях Оренбургского края**

Уезды выхода	Крестьяне (русские) дворцовые	Крестьяне (русские) монастырские	Крестьяне (русские) помещичьи	Пахотные солдаты и ямщики	Посадские люди	Прочие	Итого
Муромский	10	20	6	0	3	0	39
Владимирский	28	23	6	0	0	0	57
Суздальский	27	33	8	1	0	0	69
Переславский- Залесский	5	10	3	0	0	0	18
Гороховецкий	8	3	0	0	1	0	12
Вязниковский	5	0	0	0	1	0	6
Юрьев-Польский	5	1	0	0	0	0	6
Итого из Владимир- ской земли	88	90	23	1	5	0	207
ВСЕГО	983	327	159	135	28	465	2097

го населения состояло под менее зорким контролем и потому более других сохранило фактическую свободу передвижения. Значительное бегство с дворцовых земель вызывалось тяжестью государственных налогов и притеснениями раскольников, многочисленных среди этой категории крестьян.

Казаки из дворцовых крестьян Владимирского, Суздальского, Муромского уездов уступают по численности своим собратьям, покинувшим дворцовые имения ряда уездов Поволжья: Казанского, Симбирского, Алатырского, Арзамасского, Нижегородского, Пензенского, Самарского, Саранского (от 35 до 133 чел. из каждого). Однако их заметно больше, чем дворцовых крестьян из других центральных, северных, западных или южных уездов страны. Казаки из дворцовых крестьян Владимирской земли (88 чел.) составляют 9 % общей численности всех оренбургских казаков этого сословного происхождения.

Второе место среди всех поверстанных в казаки на юго-восточной границе занимают крестьяне, зависимые от церковных учреждений. Их 327 чел. или 15,6 % переписанных казаков. Видимо, надзор монастырских приказчиков и посельских старцев был недостаточно сильным, чтобы прекратить побег. Наоборот, именно крепким надзором, возможно, следует объяснить сравнительно малое число беглецов из помещичьих крестьян (159 чел. или 7,6 % всех казаков), хотя их в стране было гораздо больше, чем дворцовых или монастырских.

Уезды Владимирского края относились к числу местностей, где землевладение церковных учреждений было сильно развито. Больше, чем из Суздальского, монастырских крестьян пришло только из Нижегородского уезда (52 чел.). А рядом с Владимирским, Муромским, Переславским-Залесским по числу переселенцев, относящихся к этой категории крестьян, можно поставить лишь четыре таких уезда, как Алатырский, Арзамасский, Костромской, Шацкий (от 8 до 25 чел.) Монастырские крестьяне Владимирского края (90 чел.) — это более четверти (27,5 %) оренбургских казаков

из данного сословия.

Помещичьих крестьян среди казаков, оставивших Владимирскую землю, немного (23 чел.) Однако это каждый седьмой казак из беглых частновладельческих крепостных.

135 чел. или 6,4 % казаков были крестьянами из потомков служилых людей (пахотными солдатами) и ямщиками. Впрочем, выходцев из уездов Владимирской земли среди них практически не находим. Представителей пахотных солдат и близких к ним категорий населения в заметном числе в оренбургское казачество дали только поволжские уезды, т. е. бывшие пограничные и сравнительно недавно заселенные местности, где такие группы населения были представлены довольно широко.

Не велико среди казаков число бывших посадских людей — 28 чел. (1,4 %). Однако примечательно, что трое из них, т. е. каждый девятый — посадский человек из Мурома. Вместе с беглецами из Вязников и Гороховца их уже пятеро, что составляет 18 % от всех посадских, записавшихся в казаки Оренбуржья.

Выходцы из нерусского крестьянского и служилого населения Поволжья и Приуралья среди казаков оренбургского пограничья насчитывают 89 чел. (4,2 %). В количестве 366 чел. представлены казаки (17,4 %), между которыми есть как русские с Дона и Яика, так и украинские. Еще 10 чел. пришли с территории Речи Посполитой.

Странствования беглых оканчивались в большинстве случаев в Самаре, где производилась запись во вновь строящиеся крепости. Однако редко когда переход на казачью службу в Заволжье был прямым. Дворцовый крестьянин с. Лопатниц Суздальского уезда Андрей Рукавишников, проживший дома до старости, был укрыт односельчанами от переписи «понеже был дряхл», но эта дряхлость не помешала его побегу почти на восьмом десятке лет от роду в Самару. Из 168 сказок о казаках Красносамарской крепости, не более, чем в десяти, указывается прямой побег, подобный тому, что

совершил крестьянин Арзамасской вотчины графа Скавронского Лукьян Куклев, который ушел без ведома приказчика и старосты в Самару, где и определился в казаки.

В большинстве передвижение было сложнее. Павел Мухин, уроженец дворцовой Юхмоцкой волости Суздальского уезда, сошел в с. Селитьбу Нижегородского уезда в вотчину князя А. М. Черкасского, затем бежал в Симбирский уезд и только потом с женой и сыном ушел в Самару в 1737 г. Казака Семена Юдина из дворцовой Ярополческой волости Владимирского уезда отец в малолетстве вывел в Алатырский уезд, где они жили в бобылях у попа, укрываясь от переписи, откуда он с женою бежал в Самару в том же 1737 г. Семен Кабулицкий, бобыль Троицкой вотчины Переславского-Залесского уезда, бежал с отцом сначала в Симбирский уезд, а оттуда в Самару. Сложный и постепенный побег — явление самое обычное.

Причины побегов разнообразны. Часто ими были произвол и притеснения помещика. Среди казаков Борской крепости встречаются объяснения побега голодом. Еще одна веская причина — разорение от податей. Самой же распространенной из причин называлось уклонение от подушной переписи.

Исходной точкой побега нередко было плавание на волжских судах и вообще отхожие промыслы. Казак Красносамарской крепости Игнатий Козлов из села помещика С. В. Лопухина в Московском уезде был отпущен приказчиком на заработки, но домой не вернулся, а явился в Самару.

Положение беглеца, скрывавшего свой самовольный уход, было тяжким. Положение укрытого другими было не лучше. Стоило только сказать слово, донести, и беглый крестьянин попадал в критическое положение.

Духовенство, посадские люди, сотники, старосты и рядовые крестьяне, принимая и укрывая беглых, получали в свои руки практически даровой труд батраков, которых держали в повиновении угрозой выдачи. Такая эксплуатация беглых была особенно распространена в Поволжье. Упомянутый выше Семен Кабулицкий жил десять лет «в работе» у пахотного солдата села Сосновки Симбирского уезда, который укрыл этого беглого.

Не гнушались укрывательством в погоне за выгодой высокие чины местной администрации. Так, одного из беглых монастырских крестьян Ростовского уезда принял и скрывал сызранский воевода, прежде, чем беглец не направился в Самару.

Набор в казаки для наиболее смелых из беглецов открывал выход из невыносимого положения. Самые выносливые и энергичные достигали, наконец, относительного улучшения своей судьбы и избавления от неволи. Служба на пограничной линии была тяжела, но она давала легальное положение людям, давно его потерявшим, что было для многих желанным концом долгих страданий и скитальческой жизни. Для беглого поверстаться в казаки означало приобрести устойчивый социальный статус, а с ним душевное спокойствие и защиту от произвола, которых он был лишен.

Именно лица, записанные в казачье сословие, независимо от реального отношения к военной службе, пола и возраста, составили первоначальное оседлое земледельческое население протяженной полосы земель в Заволжье и Приуралье вдоль течения Самары и Яика. Немаловажную роль в формировании будущего Оренбургского казачьего войска сыграли выходцы из Муромского, Владимирского, Суздальского, Переславского-Залесского, Гороховецкого, Вязниковского, Юрьев-Польского, как, впрочем, и других уездов России.

¹ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. — Оренбург, 1896. — С. 26; Он же. Топография Оренбургской губернии. — Оренбург, 1887. — С. 323.

² Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. — Челябинск, 1999. — С. 38.

³ Рычков П. И. История... — С. 27.

⁴ ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 16.

⁵ Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. — Самара, 1997. — С. 44.

⁶ Неплюев И. И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693-1773). — СПб., 1893. — С. 135.

⁷ Здесь и ниже подсчитано по: ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 75об.-76.

⁸ Там же. — Д. 3. — Л. 12.

⁹ Там же. — Д. 9. — Л. 47-47об.

¹⁰ Там же. — Д. 3. — Л. 12об.

¹¹ Там же. — Д. 9. — Л. 51об.

¹² Сб. РИО. — Юрьев, 1907. — Т. 126. — С. 565; Рычков П. И. История. — С. 57.

¹³ ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 62 и об.

¹⁴ Рычков П. И. История... — С. 43-44.

¹⁵ ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 74об.; Рычков П. И. История. — С. 42-43; Рычков П. И. Топография... — С. 322-323.

¹⁶ ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 35об.-36.

¹⁷ Там же. — Д. 6. — Л. 28.

¹⁸ Там же. — Д. 9. — Л. 74об.

¹⁹ Там же. — Д. 6. — Л. 4об.

²⁰ Сб. РИО. — Юрьев, 1909. — Т. 130. — С. 218.

²¹ ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 8об.-9.

²² Там же. — Д. 6. — Л. 35об.; Д. 9. — Л. 47.

²³ Зобов Ю. С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. — Чебоксары, 1992. — С. 48-49.

²⁴ Ниже сведения подсчитаны и приведены по: РГАДА. — Ф. 248. — Оп. 3. — Д. 144; Готье Ю. В. Из истории передвижений населения в XVIII веке // ЧОИДР. — 1908. — Кн. 1. — Отд. 4. — С. 1-26.

СТРУКТУРА И СОСТОЯНИЕ ПОМЕСТНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Формирование служивого сословия на Руси сопровождалось поместным кормлением представителей данной общественной группы. Еще в 1464 г. И. Г. Киселеву митрополитом была пожалована пустошь Пертовская в Муромском уезде с ограниченными правами по ее владению. Иван обязался «тое пустоши себе впрок не осваивати, ни отдати никому, ни продати, ни променять, ни закабалити, ни по душам не дать, а после моево живота, ино те земли, Пертовские пустоши... опять по старине... митрополиту»¹. По сути дела, это была дача поместья служилому человеку. После его смерти пустошь была пожалована митрополитом его сыну Григорию с теми же обязательствами по отношению к земле. По мнению В. О. Ключевского, поместное кормление служилых людей и детей боярских на Руси в полном смысле этого слова началось с 1538 г.² Позднее, в 1556 г., Собором было принято Уложение о службе и смотре войск. По нему при верстании служилого человека назначали поместный оклад, т. е. максимальный размер земли, на которую тот мог претендовать. После чего те люди обязаны были исполнять норму поземельной службы «со сто четей доброй уложей земли человек на коне и в полном доспехе»³.

На примере Муромского уезда рассмотрим порядок дачи поместных земель, структуру и состояние поместий в первой трети XVII в. Основными источниками при исследовании поместных землевладений в этот период являются Писцовая книга Муромского уезда 1628-1631 гг., отказные, отдельные, прочие частные грамоты Поместного приказа по Муромскому уезду.

Первоначально фонд поместных земель формировался в основном из дворцовых земель, вотчин, конфискованных у столичных и местных феодалов, и вотчинных владений будущих помещиков. Фонд поместных земель в уезде сложился к концу XVI-началу XVII вв. Процедура дачи земель в поместья в этот период отличалась в зависимости от статуса даваемой земли и общественного положения будущего помещика. Дача в поместье из дворцовых земель происходила непосредственно по приказу Казанского дворца. Примером являлось выделение крупного поместья из Стародубской дворцовой волости боярину Михаилу Ивановичу Шеину в двадцатых годах XVII в. Правда, владел он им не долго, т. к. в 1634 г. был обвинен в поражении в русско-литовской войне и казнен с конфискацией всего имущества⁴. Особенностью данной дачи было также высокое положение землевладельца. В остальных случаях существовал иной порядок выделения поместий. В основе его лежал принцип, по которому служилый человек сам должен был искать себе ничейное (выморочное или конфискованное) поместье и, только найдя, бить челом о его получении⁵. В конце XVI-начале XVII вв. после челобитной человека

из Поместного приказа на основании царского указа посылалась грамота в уезд местным властям. Руководствуясь документом, в конце XVI в. городовые приказчики, «взяв с собою понятых тутошних и окольных попов и старост и крестьян»⁶ на месте выясняли принадлежность, состояние и размер земель и составляли отказную или отдельную грамоту. По этим грамотам, скрепленным подписями приказчика, попов, старост и крестьян, присутствующих при обследовании, земли передавались в поместье челобитчику⁷. Начиная с 1610 г. по начало сороковых годов XVII в. отказом земель служилым людям города Мурома занимались губные старосты. Городовыми приказчиками в Муроме в конце XVI в. были Василий Борисов⁸, Иван Обращин и Федор Нагирин, в начале XVII в. — Иван Опраксин и Булат Репьев. Губными старостами в Муромском уезде с начала XVII в. выбирались Иван Мертвый, Дружина Осорьин, Лаврентий Аристов и Борис Ворыпаев. Только со второй половины сороковых годов XVII в. дача земель в уезде стала производиться по наказным памятям воевод⁹. В отличие от Муромского уезда, в центральных районах, начиная с начала XVII в., воеводы были главными фигурами в уезде при отказах земель служилым людям. Иной порядок выделения поместий существовал для князей, московских дворян и иногородних помещиков. В этом случае по царской ввозной грамоте на отказ ездили назначенные подьячие и «добрые люди»¹⁰.

В период, последующий после «смутных времен», в начале XVII в., на территории уезда произошло существенное перераспределение поместных земель. За это время всего лишь около трети всех поместных угодий уезда остались за старыми помещиками. Из вновь данных поместий 30 % перешло к новому помещику от его ближайших родственников: отцов, братьев, детей; менее 10 % были ранее прожиточными поместьями матерей, жен и сестер. Для сравнения: в Шелонской пятине Новгородского уезда в период с 1602 по 1627 гг. 32 % поместий перешли по прямой нисходящей линии, а несколько владений оказались у боковых родственников¹¹. Таким образом, можно говорить о высокой степени «наследования» поместных земель в Муромском уезде. Этому способствовала существовавшая тогда практика отказа освободившихся земель в первую очередь близким родственникам. Более 35 % новых поместий были даны из поместий, числящихся ранее за людьми, не состоявшими с новыми помещиками ни в каком родстве. В основном к этому времени эти земли были уже без хозяев, т. е. в порожних землях. Во многих случаях причинами тому была смерть прежних хозяев. В первой трети XVII в. в Муромском уезде было значительное количество таких порожних земель. Даже после раздач их в 1628-

30 гт. в уезде оставалось в таких землях треть сельца, пол-деревни, 148 пустошей, в десяти пустошах по половине, 2/3 пустоши и в трех пустошах по трети¹². Отсутствовали они только в Стародубском стане, являвшемся ранее дворцовой волостью. Наибольшее количество таких земель было в Унженском стане. Как видим, в уезде на то время имелся еще немалый фонд свободных земель для дачи их в поместья. Нередко помещики пользовались правом обмена поместных земель. Так, 10 % новых поместных угодий их владельцы получили в результате мены земель. Продолжался перевод бывших вотчинных владений служилых людей им же в поместья. Около 10 % новых поместных наделов были получены в результате этих вотчинных дач и в качестве примерных земель. Под примерными подразумеваются самовольно прихваченные помещиками земли, прилегающие к его угодьям. В основном это были пустоши, жеребья пустошей и поселений. Они составляли менее 0,02 % всех поместных угодий уезда¹³ и отдавались новому помещику, если на момент прихвата были в порожних землях.

В 1630 г. в Муромском уезде было около трехсот поместных землевладений. Поместья десяти помещиков располагались в трех станах, пятидесяти девяти — в двух, остальные в одном стану. Такое территориальное расположение поместных наделов является наглядным примером «разнополосной» дачи земель землевладельцам в избежание образования у них крупных единых землевладений. В уезде располагались поместья одного боярина, одиннадцати стольников, семи приказных и административных служащих (стряпчих и дяков), около сорока прожиточных поместий вдов и дев, семь поместий недорослей и неслужилых увечных помещиков, около тридцати поместий иногородних служилых людей. При этом около двух третей всего количества поместий уезда были за представителями служилого города Мурома. Распределялись они следующим образом: сорок поместий имели дворяне, двадцать жильцы, сто сорок дети боярские. В результате исследования выявляем, что в основном весь служилый город Муром наделялся поместными землями в своем уезде, лишь некоторые имели дополнительно земли в других уездах. Например, князь Василий Михайлович Болховской имел поместья в Муромском и Нижегородском уездах¹⁴; муромцы Илья и Роман Юматовы — в Муромском и Мещерском уездах¹⁵; муромец Савва Мертвой — в Муромском, Мещерском и Нижегородском уездах¹⁶. Такое поместное кормление осуществлялось во исполнение царского указа о даче поместий служилым людям по месту их верстания¹⁷. Иногородние помещики, т. е. верстаные по другим городам, имевшие землевладения в Муромском уезде, в основном являлись представителями муромских служилых родов, получившие в поместья земли, ранее принадлежавшие их родственникам. Среди них значились Ананьины, Борисовы, Лихоревы, Опраксины и Осорьины¹⁸.

По родовой принадлежности помещиков самое большее количество землевладений имели Дурасовы

и Опраксины. За представителями этих родов числилось по девять поместий. Борисовы и Крокозовы имели по восемь поместий, Кравковым и Лукиным было дано по семь, Ананьиным, Лупандиным и Языковым по шесть поместий. Плещеевы и Юматовы имели по пять поместных землевладений. Чирковы, Чертковы, Репьевы и Кольцовы имели по четыре поместья. В руках этих фамильных кланов было сосредоточено около 30 % всего поместного фонда уезда. Четвертая часть всех угодий этих родов была в прожиточных поместьях за вдовами и девами. Остальные поместья уезда распределились среди других фамилий следующим образом: двадцать землевладений были в руках представителей девяти родов, тридцать восемь в руках представителей девяти родов. Остальными владели разные помещики из расчета по одному поместью на фамилию. Из сказанного делаем вывод, что в Муромском уезде на протяжении XVI-первой трети XVII вв. образовалось пятнадцать фамильных кланов, владевших значительной частью поместного фонда уезда. К старинным муромским родам из них принадлежали только Борисовы, Дурасовы, Опраксины, Кравковы и Чертковы. Княжеский род Болховских, Елизаровы, Копнины, Осорьины, Савины и Чаадаевы, служившие при дворе еще в середине XVI в., владели в уезде одним-двумя поместьями. Они служили с родовых вотчин. Во второй половине XVI в. в служилом городе Муроме появились новые люди, от которых пошли целые служилые семьи. Это Ананьины, Аристовы, Кольцовы, Крокозовы, Лихоревы, Репьевы и Чирковы.

Фонд поместных землевладений в 1628-1630 гт. в уезде равнялся 43 985 четвертям в трех полях пашни паханной, перелога и пашни, поросшей лесом, доброй, средней и худой земель. При переводе на современную систему землепользования получаем 66 000 га¹⁹. Пашенные земли, перелог и пашни, поросшие лесом, в поместьях уезда составляли приблизительно 42 % от всех пашенных угодий уезда. Только около 30 % от всего фонда поместных земель занимали паханные пашни²⁰. По качественному состоянию 6 % этих земель были худые, около 9 % — добрые, остальные писались средними землями. Разделение земель на добрые, средние и худые производилось при описях для определения сошного обложения вплоть до сороковых годов XVII в.²¹ Наибольшее количество поместной земли в уезде имел боярин М. Б. Шеин. В его поместье было 2364 четверти в трех полях пашни, перелога и пашни, поросшей лесом средней земли²². За несколькими помещиками числились угодья размером около 500 четвертей. Остальные землевладения были значительно меньшими по размерам пашни и перелога в них. Если поделить размер всего поместного фонда на количество поместных землевладений в уезде, то получим, что средний размер пашни, перелога и пашни, поросшей лесом, в поместье в уезде в 1630 г. был равен приблизительно 140 четвертям в трех полях. Особый интерес вызывает, естественно, обеспечение землей муромских служилых людей и детей боярских. При исследовании

отказных и отдельных грамот первой половины XVII в. выясняется, что землевладения двадцати четырех муромцев и жильцов в двадцатых годах XVII в. в среднем равнялись 150 четвертям на человека. В тридцатых годах того же века средний размер землевладений сорока муромцев и жильцов равнялся уже 170 четвертям²³. Как видим, средний размер всех поместий уезда меньше, чем средний размер поместий муромских служилых людей и детей боярских. Это объясняется тем, что в сумме всех поместий значились прожиточные поместья вдов и дев, а также поместья иногородних людей, которые в основном были небольшими по размерам пашни, менее, чем 100 четвертей на поместье. Для сравнения: средний размер поместных владений московского дворянства составлял в 1630-х годах 494 четверти²⁴. При этом некоторые помещики в Муромском уезде имели очень малые земельные наделы. Например, в поместье муромца Василия Плещова было только 12 четвертей пашни²⁵. В поместьях других людей земель было значительно больше среднего по уезду. Так, за муромцем Афанасием Лукиным числилось 242 четверти²⁶. Размеры поместных земель во многом зависели от размеров поместных окладов, назначенных служилым людям при верстании. В 1630-х годах средний размер поместного оклада тех же самых сорока муромцев и жильцов равнялся 370 четвертям. Более высокие оклады — от 600 до 800 четвертей — были у дворян. Средний размер поместных наделов исследованных десяти дворян в 1630-х годах равнялся 320 четвертям²⁷. Из сказанного выше делаем вывод, что средняя наполняемость окладов по уезду составляла менее 50 %. Недодача земель в оклады сказывалась на служилых людях, которые, как уже упоминалось, обязаны были исполнять норму поземельной службы. При этом в расчет брался оклад, а не реальный размер земель человека. Были случаи, когда из-за бедности дети боярские не могли выйти на службу²⁸. При такой недодаче земель оставался значительный резерв для прироста пашенных земель в поместьях. Так, в порожних землях в уезде было пашни, перелога и поросло лесом 5682 четвертей в трех полях — естественно, в основном худые земли, что составляло приблизительно 11 % от всего поместного фонда уезда²⁹. Причина невостребованности земель была в недостатке крестьян и бобылей для их возделывания. А держать земли не обработанными и платить с них сошное обложение было невыгодно помещикам.

Всего в поместьях в уезде в 1628-1630 гг. было пятнадцать сел, пол-села, тридцать девять селец, в двух сельцах по две трети, сто двадцать девять деревень, в трех деревнях по половине, две трети деревни, треть деревни, что составляло 36 % всех поселений уезда³⁰. По количеству поселений самым крупным было поместье боярина М. И. Шеина. В нем находились двадцать две деревни и четыре починка³¹. Средними, численностью от пяти до семи поселений с пустошами, были поместья князя Василия Михайловича Болхов-

ского, дьяков Михаила Алфимова, Ивана Грязева, дворян Ивана Киселева, Владимира Чиркова и Афанасия Дурасова. Остальные поместья по количеству в них поселений можно распределить следующим образом: двести поместий состояли из части поселения с пустошами, сорок — из одного поселения с пустошами, в двадцати поместьях находилось от двух до пяти поселений с пустошами, тридцать два поместья состояли из одних пустошей. Как видим, в уезде преобладали мелкие поместья, состоявшие из части, в лучшем случае — одного — поселения с пустошами. Всего в поместьях была 631 пустошь³², которые составляли 52 % всех пустошей уезда. Две трети из них образовались в начале XVII в. Обращает на себя внимание значительное число пустых дворов в поселениях — 324³³. Они составляли в 1630 г. 26 % от количества всех податных дворов уезда (крестьянских и бобыльских). Для сравнения: во всех родовых и купленных вотчинах уезда было 233 пустых двора, что составляло 17 % от всех податных дворов, находившихся в этих вотчинах³⁴. Этот сход податных людей со своих дворов продолжался вплоть до двадцатых годов XVII в. Основной причиной опустения поселений был уход со дворов жителей, которым после опустошения голодом и мором начала XVII в., наборов «даточных» людей в царское войско и «разорения от литовских людей» было непосильно исполнять сошное обложение³⁵. Как видим, наличие угодий не определяло показателя благосостояния помещика, т. к. большее количество земель было пустым или малонаселенным.

В поместных поселениях Муромского уезда в 1630 г. стояли 151 двор помещиков, 71 двор приказчиков, 85 дворов людских, 746 крестьянских и 500 бобыльских³⁶, что составляло 27 % всех людских дворов, 24 % всех крестьянских дворов и 32 % всех бобыльских дворов уезда, находящихся в вотчинах и поместьях. В среднем на каждое поселение в поместьях выходит по четыре крестьянских и три бобыльских двора³⁷. В целом же по уезду крестьянских дворов было больше, чем бобыльских. Для сравнения: по переписной книге 1626-28 гг. по Шелонской пятине в среднем на поместье приходилось 2,5 крестьянских и 1,8 бобыльских дворов³⁸, т. е. в Муромском уезде поместные поселения были более заселены, чем такие же поселения на Новгородской земле.

Самым большим по количеству дворов было поместье боярина М. И. Шеина. В нем насчитывалось двести дворов³⁹. На поместной земле князя Ивана Алексеевича Воротынского стояло шестьдесят три двора⁴⁰. Остальные поместья по количеству дворов в них можно распределить следующим образом. В ста восьмидесяти поместьях значилось от одного до пяти дворов, в сорока — от шести до десяти, в двадцати восьми — от одиннадцати до двадцати, в семи — от двадцати одного до тридцати, в четырех — от тридцати одного до сорока. Около тридцати поместий совсем не имели дворов. Налицо факт, что в уезде на то время преобладали поместья с количе-

ством дворов в них от одного до десяти, которые составляли более двух третей всех поместных владений.

В 1630 г. в уезде за помещиками числилось 2137 крестьян и 1012 бобылей⁴¹. В Ливенском же уезде в 1615 г. «за помещиками» числилось всего 299 крестьян и бобылей, в Белгородском и Воронежском уездах и того меньше — 34 крестьянина и 201 бобыль⁴². Напрашивается вывод, что по сравнению с южными и юго-западными районами в Муромском уезде была более развита система поместного кормления и, соответственно, служилое сословие. Заселенность дворов в уезде в вотчинах и поместьях была одинаковой. В среднем в поместье на каждом крестьянском дворе проживало 2,7 человека, на каждом бобыльском — два⁴³. В вотчине в среднем на крестьянском дворе проживало 2,6 человека, на бобыльском дворе — 1,9⁴⁴. Произведя несложные подсчеты, получаем, что в Муромском уезде в поместье в среднем числилось 10,8 крестьянина и 6 бобылей. По переписной книге 1626-28 гг. по Шелонской пятине четырнадцать помещиков с окладом не выше трехсот четей имели в среднем по семь крестьян и бобылей на поместье, двадцать два владельца с окладом от 350 до 600 четей имели по пять человек зависимого люда. В группе крупных землевладельцев с окладом свыше 600 четей — по девять человек на поместье⁴⁵. Как видим, по сравнению с Новгородским уездом поместья в Муромском крае были более заселены. Средний размер паханной пашни на одного податного человека (крестьянина или бобыля) в уезде в 1628-30 гг. составлял 2,5 четверти в трех полях, т. е. примерно 3,8 га. Это довольно большой объем пашни для обработки его крестьянином или бобылем, даже учитывая то, что ему помогали братья, соседи и недоросли.

В заключении отметим, что к началу XVII в.

в уезде уже был сформирован фонд поместного земле- владения. Он составлял почти половину всех земель уезда, находящихся в пашне и перелог. Значительный урон ему был нанесен ему в конце XVI-начале XVII вв., когда более половины поселений в поместьях опустели, шестая часть дворов в оставшихся поселениях оказались пустыми. Поместные землевладения находились в крайне слабом экономическом состоянии. В первой трети XVII в. произошло значительное перераспределение ничейных поместных земель при непосредственном участии местного органа самоуправления — губной избы. Благодаря соблюдению принцип отказа таких земель в первую очередь родственникам бывшего помещика, значительная часть поместий оказалась в руках муромского служивого города, основу которому составляли выходцы из нескольких родов, как старых, так и осевших на Муромской земле позднее, в XVI в. В основном в уезде были мелкие поместья, состоявшие из части, в лучшем случае — одного — поселения с пустошами. Размер пашенных угодий составлял в среднем полторы сотни четвертей в трех полях на одно поместье. При этом в уезде оставался значительный резерв для прироста пашенных земель в поместьях, составлявший приблизительно десятую часть от всего поместного фонда уезда. Наличие угодий не определяло показателя благосостояния помещика, т. к. большее количество земель было пустым или малонаселенным. Из-за того, что в среднем в поместье проживало не более семнадцати человек податочного населения, более трети всей пашни оказалась поросшей лесом, такое же количество пашни было переведено в перелог. По- м е с т - н о е кормление в Муромском уезде было более развитым, чем в южных, юго-западных и северо-западных регионах Руси, но уступало Московскому уезду.

¹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков. — М., 1951. — Ч. 1. — С. 201.

² Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. — Л., 1991. — С. 192.

³ Ключевский В. О. Сочинения. — М., 1959. — Т. 6. — С. 400.

⁴ Антонов А. И. Воевода Шени. — М., 2005. — С. 5.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. — М., 1957. — Т. 3. — Ч. 3. — С. 217.

⁶ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 2. — Д. 11845. — Л. 42.

⁷ Там же. — Л. 49.

⁸ Там же. — Ф. 210. — Оп. 2. — Стп. 3. — Л. 1-29, 31-41, 43-59.

⁹ Там же. — Ф. 1209. — Оп. 2. — Д. 11845. — Л. 1910.

¹⁰ Там же. — Л. 1196.

¹¹ Там же. — Оп. 1. — Д. 16964. — Л. 325.

¹² Там же. — Д. 1632. — Л. 1-901.

¹³ Там же. — Л. 900-901.

¹⁴ Там же. — Оп. 2. — Д. 11845. — Л. 48.

¹⁵ Там же. — Л. 174.

¹⁶ Там же. — Л. 284.

¹⁷ Седашев В. Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. — М., 1912. — С. 108.

¹⁸ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 419, 627, 1231.

¹⁹ Там же. — Л. 894-901.

²⁰ Там же. — Л. 899-901.

²¹ Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. — М., 1911. — С. 29.

²² РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 112.

²³ Там же. — Оп. 2. — Д. 11845. — Л. 1900.

²⁴ Сташевский Е. Д. Указ. соч. — С. 20.

²⁵ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 579.

²⁶ Там же. — Л. 314-317.

²⁷ Там же. — Оп. 2. — Д. 11845. — Л. 1-1800.

²⁸ Десятия по г. Мурому 1604 г. // Там же. — Ф. 210. — Оп. 9. — Л. 42-44об.

²⁹ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 899-901.

³⁰ Там же. — Л. 893-895.

³¹ Там же. — Л. 111.

³² Там же. — Л. 896.

³³ Там же. — Л. 898.

³⁴ Там же. — Л. 907-908.

³⁵ Там же. — Д. 498. — Л. 327.

³⁶ Там же. — Д. 1632. — Л. 895.

³⁷ Там же. — Л. 895.

³⁸ Воробьев В. М., Дегтярева А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна Петровских реформ. — Л., 1986. — С. 46.

³⁹ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 113.

⁴⁰ Там же. — Л. 234.

⁴¹ Там же. — Л. 895.

⁴² Там же. — Д. 232. — Л. 75, 342.

⁴³ Там же. — Д. 1632. — Л. 896.

⁴⁴ Там же. — Л. 902.

⁴⁵ Воробьев В. М., Дегтярева А. Я. Указ. соч. — С. 43.

О ВЫДЕЛКЕ КОЖ В МУРОМЕ

Кожевенные промыслы довольно часто упоминаются и в краеведческой, и в научной литературе о Муроме, и в разного рода статистических сборниках¹. Приведенные в этих изданиях сведения, как правило, фрагментарны, разрозненны и не только не дают общей картины развития кожевенной промышленности в Муроме, но даже не устанавливают хронологических рамок ее существования. Единственная попытка представить более-менее стройную позицию кожевенной промышленности предпринята в монографии И. А. Новоселовой². Однако временной период, рассматриваемый в этой работе, строго ограничен одним XIX веком, а скудность базы источников (и это не вина автора) оставляет значительные лакуны в исследовании. Исследователя интересуют в первую очередь статистические и экономические аспекты темы, поэтому собственно история кожевенного промысла остается вне его поля зрения. Автор приходит к выводу, что практически до конца столетия доля кожевенных заводов в промышленности Мурома была весьма высока — в совокупности с долей полотняных фабрик она постоянно превышала 50 %³; и это при том, что некоторые авторы указывают на спад кожевенного производства, начавшийся еще в конце XVIII в.⁴ и, судя по всему, действительно имевший место.

Время возникновения кожевенных промыслов в Муроме в товарных масштабах неясно. Но в «Повести о водворении христианства в Муроме» — произведения из круга немногих письменных источников по истории муромского средневековья — единственным из развитых ремесел, которые считаются одним из основных признаков города, упоминается только выделка кож для богатых одеяний⁵, т. е. оговаривается высокое качество производимой продукции. Однако непонятно, к какому времени относится это отрадное известие: «Повесть» была написана в середине XVI в., а описываемые в ней события происходили, по крайней мере, на триста (а, возможно, и на пятьсот) лет раньше⁶. Равным образом автор «Повести» мог описывать и современное ему состояние ремесла, и использовать дошедшие до него в устных преданиях исторические сведения. Без археологических данных, которые, к сожалению, на сегодняшний день отсутствуют, сказать что-либо более определенное сложно. Единственной находкой являются «три обрезка толстой кожи со следами швейных проколов» размерами 105x57, 72x42 и 67x28 мм и фрагмент кожаного изделия размерами 86x46 мм, обнаруженные во время спасательных раскопок в Окском парке в 1998 году в горизонте XI-XIII вв.⁷ Известно, что кожи (и меха) русской выделки в это время весьма популярны в Западной Европе. Во всяком случае, во французском эпосе они пользуются «большим вниманием»⁸.

А. А. Титов, местный краевед, купец, владелец кожевенных заводов, за свои изделия награжденный на выставках в Москве золотыми медалями на Аннинской и Владимирской лентах⁹, возводил выделку кож в городе едва ли не ко времени племени мурома: «Юфть красная, быв покупаема от русских заводчиков, передавалась ими (булгарами. — Ю. С.) в места Азии: Бухарцам, Хивинцам и обитателям Орды Киргиз-Кайсацкой; изделие это — юфть и поньше называют Болгара, по причине получения этого товара из рук Болгарских»¹⁰. В свою очередь знаток муромской старины Н. П. Травчетов отмечал, что в X и середине XI вв. «жители Мурома... в большом количестве снабжали их (булгар — Ю. С.) своими произведениями, преимущественно шкурами пушных зверей, в изобилии населявших здешние леса, — куниц, белок, красных и чернубурых лисиц»¹¹. Какими источниками пользовались авторы и насколько эти источники достоверны — остается вопросом.

Так или иначе, «Географическо-статистический словарь Российской империи» начинает отсчет кожевенного производства в Муроме с XVI в., называя Муром одним из развитых центров кожевенной промышленности¹². Именно к этому времени относятся первые упоминания о промысле в письменных источниках. Однако, судя по тому, что уже тогда на посаде в городе существует слобода Кожевники, и происходит некая мифологизация кожевенного производства, оно существует в городе уже достаточно долго. Дон Хуан Персидский, проезжавший через город в самом конце XVI в., приводит следующую легенду, услышанную в Муроме: «Наконец прибыли в город, называемый Морло (Муром)... нам рассказали об одной вещи, которую как очень замечательную, хотя и основанную на суеверии, не хочу пройти молчанием. В этом городе главный промысел — дубление бычьих кож; он так распространен, что им занимаются в тысяче одном доме. В каждом доме есть колодезь, куда мастер кладет тысячу одну кожу, и когда их вынимают по окончании дубления, то тысяча одна кожа, принадлежащие кому-либо одному, оказываются созревшими. Тогда остальные мастера собирают между собой тысячу одну кожу, и, наложив на них свои знаки и метки, отдают тому, у кого оказались созревшими тысяча одна кожа. Но эта дьявольская выдумка и неслыханное баснословие (иное дело, если бы мы видели это), ибо ясно, что, так как вода одна и та же и материалы, употребляемые для дубления кож, одни и те же, то не может созреть у одного больше, чем у другого, а если бы стали утверждать, что тут имеет значение лучшая вода и лучшее устройство колодезя у одних, чем у других, и у первых кожи подвергаются дублению, а у последних преют, то не может случаться так точно, чтобы созревали всегда тысяча одна кожа;

в таком случае, пожалуй, может показаться, что это вещь не естественная, а дело сатаны»¹³. Конечно же, тысяча кожевников выделяющих миллион кож в то время в Муроме — это гипербола. По письменным данным в 1566 году в Муроме при мужском населении в 795 человек кожевным производством занималось 57 мастеров или 23,7 %, от общего числа ремесленников¹⁴ — собственно кожевники, сыромятники, яловники, скорняки, овчинники, подошвенники, гладильщики, при том, что на посаде насчитывается 587 дворов¹⁵. Хотя Дон Хуан и указывает, что муромские кожевники выделяют только бычьи кожи, перечисленные в писцовых книгах специализации значительно расширяют ассортимент. Сыромятники занимались выделкой толстых и крупных кож без дубления. Выделка таких кож занимает не более трех недель; технология обработки проще, чем для других сортов — их вымачивают и мнут в мялках. Такие кожи прочнее и эластичнее дубленых, они используются в хозяйстве: для изготовления обуви, ремней, шорных изделий, а могут подвергаться дальнейшей обработке, например, для выделки юфти. Яловники работали с кожами лучшего качества, обработка яловых кож была более сложной, но и в результате получались кожи тонкой выделки. Подошвенники обрабатывали кожи прочные, плотные, твердые и непромокаемые. Замечание Дона Хуана о клеймении мастерами кож «своими знаками и метками» свидетельствует о товарном производстве и существовании какой-то цеховой организации.

У Дона Хуана, к своему и нашему сожалению из-за спешки не успевшему «ознакомиться с достопримечательностями этого места», но назвавшего Муром «большим и многолюдным», ни «тысяча один дом кожевников», ни «тысяча одна кожа» в закладке не вызвали внутреннего протеста и недоумения. Видимо, закладка в тысячу кож была вполне возможна.

Для сравнения отмечу, что в XIX в. в Муроме на заводе Мяздриковых, где сохранялось ручное производство, выделялось 15-20 тысяч кож¹⁶, т. е. для выработки миллиона кож потребовалось бы не менее пятидесяти подобных заводов; самое большое количество кож — 80 000 штук, зафиксированное в документах, было выработано в 1840 году на шести заводах, где работало около пятисот человек, и была одна паровая машина. А миллион штук «юфти кроеной» был свезен в 1775 г. со всей Российской империи в порт Санкт-Петербурга¹⁷. Однако преувеличение Хуана Персидского, надо думать, все же не лишено основания. Видимо, кожевенное дело было основным в ремеслах города, и производимая в значительных количествах продукция играла важную роль в экономике Мурома.

Неожиданные свидетельства о кожевном промысле оставил Павел Юстен, возглавлявший в 1569-1572 году шведское посольство в Московии. Великий князь сослал это посольство в Муром. «24 сентября (1570 г. — Ю. С.) мы прибыли в Муром, — пишет Юстен, — где нас отвели в пустой дом. Поскольку в нем была лишь одна комната, пристроили еще три, и скоро

территорию вокруг дома окружили высоким забором, в котором было 745 бревен. Великий князь прислал письмо, чтобы нам давали необходимую пищу. Но из напитков за все время нашего заключения мы не получали ничего, кроме русского кваса. Хлеба было так много, что почти все мы покупали на его излишки кожу, чтобы шить себе сапоги и гамаша, а также русское полотно. Если бы не такое обилие хлеба, многим из нас пришлось бы ходить разутыми и раздетыми. Но и здесь русские не пренебрегали выгодой для себя, присваивая часть хлеба»¹⁸.

После моровой язвы и пожара 1570 г. город приходит в запустение. На посаде осталось всего 111 дворов, в которых живут 149 человек, из них восемь кожевников, четыре скорняка, один подошвенник¹⁹. Сведений о том, занимались ли они в это время производством, не имеется.

Выделку кож и мехов в Муроме, а также торговлю ими, отмечают и другие иностранные путешественники. Дж. Флетчер пишет, что лучшие куны меха шли из Мурома²⁰. С. Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг., говорит об обширных лесах, расположенных к востоку от Владимира, где некогда «было княжество, народ которого назывался муроманами (Murmani) и которое изобиловало звериными мехами»²¹. Русские историки указывали, что около Мурома медведь водился больше, чем в других местах, и на них охотились²². Упомянутый Дж. Флетчер особо говорит о выделке лосиных и коровьих кож как о «важной отрасли промышленности», утверждая при этом, что под Муромом водятся лоси «самой крупной породы»²³. Информацию о выделке соленых лошадиных и буйволовоых кож приводит Н. И. Костомаров²⁴. На родине царевича Алексея Михайловича (12 марта 1629 года) муромцы 20 мая кроме двух кубков весом «4 гривенки» за 20 руб. поднесли ему и сорок соболей за 15 руб.²⁵

Сырье для производства, таким образом, давали охота, импорт и местное животноводство. О технологии выделки говорить пока сложно — Дон Хуан Персидский больше внимания уделил мистической стороне дела. Однако из его описаний следует, что существовали некие «колодцы» для дубления, что они могли быть разной величины, и что определенную роль в процессе выделки играло качество воды; т. е. он, по сути, приводит самые общие сведения о процессе выделки, характерные для разных времен и регионов. В целом его замечания скорее рефлексия по поводу собственных знаний о кожевном производстве, нежели фиксация производственных приемов муромских ремесленников.

В 1623 году обработкой кожи в Муроме занимаются 16 ремесленников²⁶, в 1636 году при населении 1700 человек обоого пола — 43²⁷. Можно утверждать, что в это время расширяется рынок сырья. Одними из самых богатых торговых людей России первой половины XVII в. были Наум и Демид Пахомовы Глотовы и их племянники Богдан и Иван Никифоровы Глотовы, «муромского сельца Карачарова крестьяне», из вотчины боярина князя Ю. Я. Сулешова, крещеного

татарина. Они ходили до Мангазеи, имели в Сибири приказчиков, которые скупали для них пушнину²⁸.

Академик императорской Академии наук И. Лепехин, начавший путешествия по России в 1768 г. и в числе прочих городов посетивший Муром, в своих записках мимоходом отметил, что зажиточных купцов в городе мало, что торгуют они хлебом, рыбой и всякими мелочными товарами. Зато академик не преминул указать, что «многие содержат кожевенные и мыльные заводы»²⁹, сделав при этом подробное описание технологии выделки кож. «Сырые кожи сначала вымачивают или в нарочно сделанных колодцах, или в реках (Вымачивание кож в реках неотменно запретить надобно; ибо из сего немаловажные выходят следствия, о чем я пространнее ниже говорить намерен. — И. Л.) чрез целую неделю. Сухие кожи ежедневно из воды вынимают и мнут на мяле, которое не что иное есть, как скамейка имеющая острой верх. Вымочив кожи в реке или колодце, приготавливают другой род мочения, который состоит в следующем. В корыте, врытом в землю, разводят на кипятке печную золу, смешанную с третьей частию негашеной извести, что все перемешав выкладывают в дщан, и наливают потребное количество воды, смотря по множеству кожи. Кожу кладут не на дно дщана, но на сделанную решетку, которую поднимать и опускать можно за прикрепленные к ней веревки, дабы исподняя кожа, которой иначе должно бы лежать на золе, не портилася. В дщану кожи держатся целую неделю, по прошествии которой вынимают одну кожу, и смотрят довольно ли выщелочилась, и удобно ли выпускает шерсть. Если волосы свободно можно выщипать рукою, то значит, что уже поспела к дальнейшему выработыванию. В противном случае прибавляют золы в ту же воду, и щелочат еще неделю. Надлежащим образом выщелоченную кожу вынимают из дщана, и обивают шерсть на колодцах, к чему употребляется орудие, называемое тупик. Одернув шерсть, связывают кожи попарно, и вешают на шестах приделанных к колодцам так, чтобы кожа вся была в воде, что они промывкою называют: ибо чрез сию промывку кожи от прильнувшей золы вымачиваются. Но чтобы зола тем удобнее выходила, чрез трой сутки переполаскивают кожи, и дают им мечениться (обтекать — И. Л.). Вымывши кожи, начинают бухтарму мяздрить (то есть мяздру сдирать. — И. Л.). Мелкие кожи мяздрят тупиком, а большие подходкою (прямая узкая скобель, которая разной величины и остроты бывает, смотря по разности кож и места, чего довольно описать не можно, но должно иметь к тому привычку. — И. Л.). Вымяздривши перетаптывают кожи, и мелкие, как то выростки, кладут в кашу (кашешю называется раствор горячей воды с собачьим пометом, и на 100 мелких кож требуется около 4 ведра помета. — И. Л.), где строго наблюдают раствор кашши, чтобы кож не извертело. В каше кожи лежат двой сутки, по прошествии которых выняв, оскоблив и ополоскав, кладут в кисель, сделанный из овсяной муки и квасной гущи (на три осьмины овсяной муки потребно 3 или 4 ведра квасной гущи. — И. Л.).

В киселе мелкие кожи держатся двой сутки, а яловинный товар трой. Из киселя мочат в соку (сок называется дубовый отвар. — И. Л.) двой или трой сутки; а потом начинают дубить. Дубят следующим образом: налив в дщан одну половину простой воды, а другую сока, опускают решетку. На решетку кладут кожи, и каждую кожу пересыпают дубовою или ивовою толченою корою, где мелкая кожа лежит неделю, а крупная доле. Из первого дубенья выняв кожи, переполаскивают и выминают ногами (в летний день два работника до трех сот кож выполоскать и вымять могут. — И. Л.), и вымяздривают: потом кладут в другое дубенье, пересыпая новым дубом, и сие повторяют до четырех раз. Вся разность дубенья состоит во времени. В четвертое дубенье кожи дубятся до трех недель и более. Выдубленные кожи расстилают попарно, и как провянут, то отдают другим мастерам, которые раздельщиками называются. Они красят кожи и наводят лоск.

На красную кожу по большей части употребляют козлов и телят разного возраста до двух лет.

Красные кожи красят красным, а черные черным сандалом. На каждую малую кожу требуется по полу, а на большую по фунту сандала. На крашение ста кож с черным сандалом разводится три фунта сапожного купороса, а на 100 красных четыре фунта квасцов. Когда хотят красить кожи, то сшивают их со всех сторон тонкими ремнями, наподобие мешка, оставив малое отверстие, в которое наливают горячий красильный состав, и завязав катают кожи, чтобы краска везде равномерно впилася. Напоив краскою, просушивают и красят вторично, а иногда и три раза крашение повторяют, с тем только различием, что повторяемое крашение в одной состоит намазке и сворачивании кож в трубку. Выкрашенные кожи без мездры намазывают детем или ворванным салом; и как провянут, то выминают досками, сделанными наподобие конских скребков, где вместо зубрин вырезаны весьма тонкие дорожки. Сими досками гладят кожи вдоль и поперек, от чего делаются нежные морщинки. Выгладив выпушивают (бухтарму срезаывают острым ножом. — И. Л.), и выпушив отдувают (спрыскивают конопляным маслом. — И. Л.). Отдувши выглаживают на кобыле, сделанной наподобие коромысла; и так кожа выходит из дела.

Из сего описания выделки кож, чему мы в разных кожевнях очевидными были свидетелями, всяк удобно заключать может, что тут нет никакой тайны и особенного мази приготовления, как например дегтя студеного с маслом, травы, называемой клоповником³⁰.

Таким образом, если допустить, что на второе и третье дубление уходило по неделе, только «мокрый» процесс выделки теоретически занимал не менее 65 дней, а в реальности, видимо, несколько дольше, особенно, если учесть, что в зимнее время некоторые операции требуют большего времени³¹. И. Лепехин явно описывает летний процесс выделки сушеных/соленых, т. е. привозных кож, т. к. свежие кожи требуют гораздо меньшего времени для замачивания, хотя отмечает при этом, что свежие («сырые» — в его терминологии —

тоже выделяются). Оборудование мастерской и инструменты были довольно простыми: колодец для вымачивания, упоминаемый уже Доном Хуаном Персидским, вместо колодца иногда пользовались рекой; дщан с решетками (обычно сторона такого чана составляет около двух метров, глубина — около полутора; в мастерской их бывает от двух до шести штук, поскольку кожи поочередно опускают в растворы разной концентрации), мяло, колодки, тупик, подходка, доски для вымачивания, нож для выпушки и кобыла для выглаживания. Колодка (колода) делается из куска дерева, округленного с лицевой стороны и наклонно поставленного на двух ножках. Мездрой кверху на нее кладут шкуру и удаляют остатки жира, кусочки мяса тупиком — специальным изогнутым тупым ножом (скобелем), кривизна которого должна соответствовать кривизне колоды³².

Академик Лепехин ничего не говорит о внешнем виде кожевенных заводов и последней стадии технологического процесса — сушке выделанных кож. Летом кожи лучше сушить в дощатых со щелями — чтобы был ветерок — помещениях на втором этаже. Зимой их обязательно следует сушить только в теплом помещении. Лучшая температура для сушки — 25-35° С³³. Кроме того, ряд технологических процессов требует, чтобы температура растворов не опускалась ниже определенной отметки, т. е. в холодное время года выделку следует производить в отапливаемых помещениях.

В выделке кож И. Лепехин явно более сведущ, чем Хуан Персидский. Академика интересуют тонкости и секреты производства. Но зафиксировать каких-либо технологических нюансов ему не удалось, точнее, он отметил, что «секретов» нет. Это и немудрено — «know how» и в древности держали в тайне, так что особые приемы могли существовать.

В качестве «реактивов» для обработки — по Лепехину — использовались печная зола, негашеная известь, овсяная мука, собачий помет, квасная гуща, дубовая и ивовая кора, конопляное масло, деготь, квасцы, сапожный купорос, ворвань, красный и черный сандал. Часть из них была явно местного происхождения — зола, известь, мука, квасная гуща, кора (в XIX в., например, корьем — до 3 000 возов в год — торговали прямо у кожевенных заводов³⁴; там же, в реке, по весне скапливался старый дуб, оставшийся после дубильных операций³⁵). Конопляное масло и деготь могли быть и местными, и привозными (опять же, в XIX в. купцы Усовы скупали деготь в Новгородской и Вологодской губерниях и снабжали им все кожевенные заводы Муромского уезда³⁶). Сандалы и ворвань импортировались — первые — с юга, вторая — с севера.

Неясным остается происхождение в промышленных количествах самого пикантного ингредиента — собачьего помета. Он использовался на третьей стадии бучения кож (шакшировании), после которого повышается их упругость, появляется бархатистость, и они становятся восприимчивы к дубильному раствору. Это достаточно сложный технологический процесс со многими операциями, производимый обычно в специальном

чане овальной формы с двумя, как в школьных задачках, трубами. В одну, соответственно, вливается вода, из другой выливается отработанный раствор (Лепехин же пишет, что бучение производилось в тех же «дщанах»). На один пуд кожи, т. е. на 16 кг, расходуются два фунта помета, т. е. 800 г. На 100 мелких кож, по И. Лепехину, уходит около 4 ведер. На одну коровью шкуру, которая в замоченном виде весит около 50 кг, требуется, таким образом, около 2,5 кг «ингредиента» (причем, расчет последнего производится в сухом виде), а на 1000 кож — 2,5 тонны. При условии, что крупная собака на хорошем кормлении производит в сутки около 400 г сырого ингредиента, количество псов в Муроме должно было приближаться к числу жителей, т. е. к трем тысячам. Кроме того, «ингредиент» следовало аккумулировать, или, говоря попросту, собрать. Этим кто-то должен был заниматься. Сведениями об этом я не располагаю, равно как и данными о разведении собак в Муроме. (Единственное упоминание о собаководстве в губернии встретилось во «Владимирском историко-статистическом сборнике» за 1869 год, где говорилось, что в Покровском уезде, где к тому времени сохранилось больше лесов, «у некоторых помещиков содержатся особенного рода собаки для травли зверей и маленькие шавки для выманки оных из берлоги»³⁷). Кстати сказать, в среднеазиатском фольклоре мне встречалось выражение, имевшее в обиходе презрительный оттенок: «Продавец собачьего дерьма», — или совсем уж уничижительное: «Он даже собачье дерьмо продать не может».

Справедливости ради следует отметить, что шакша могла изготавливаться и из птичьего помета. Как правило, она использовалась для выработки особых сортов кожи. В обычном технологическом процессе ее применение, пусть и не возбранялась, но было нежелательным, поскольку кожи получались худшего качества.

Ничего не говорит академик о выделке лосиных кож, хотя, ссылаясь на слова местных жителей, указывает, что лоси по дороге от Владимира к Мурому встречаются³⁸. Скорее всего, выделка лосиных кож в это время уже не имела промышленного значения, поскольку в справочниках среди зверей, водившихся в этой местности, лоси не значатся³⁹. Вероятно, из-за катастрофически быстрой вырубки лесов произошло резкое сокращение поголовья лосиного стада. Деловую древесину — а в Муромской земле рос и строительный, и корабельный, и мачтовый лес — из края начали вывозить еще в середине XVII в. Из него, например, был построен дворец Алексея Михайловича в Коломенском⁴⁰. Но главным образом лес уходил на дрова. Достаточно сказать, что с 1782 по 1869 гг., т. е. менее чем за сто лет, леса во Владимирской губернии уменьшились вдвое с лишком⁴¹.

Показательно, что, говоря о выделке кож разной величины, рецептуру растворов Лепехин приводит все же в расчете на мелкие кожи. Мелкие кожи — телят в возрасте до двух лет, козлов, баранов — используют для получения так называемого мягкого товара —

выростка, опоек, сафьяна, т. е. кож высшего качества.

О значении кожевенного производства для Мурома говорит тот факт, что, если в 1769 г. в городе было шестнадцать кожевенных заводов⁴², то в 1784 из пятидесяти девяти заводов всей Владимирской губернии двадцать один находился в Муроме⁴³. Кроме того, в уезде работали еще два завода, принадлежавшие крестьянам. На них выдвигались сыромятные кожи, которые хозяева продавали в Муроме и Павлове на сумму «от 200 до 1000 рублей»⁴⁴. (Для сравнения: к 1812 г. в Петербурге количество кожевенных заводов **возросло** до шестнадцати)⁴⁵. Больше всего заводов — одиннадцать — было на Заручной улице, два стояло на Дмитровской, по одному на Бесецкой, Выползовой, Калашной, Сосульникова и Спасской⁴⁶. Следует отметить, что в русских городах «производства, связанные с загрязнением воды (кожевенное)... выносились на окраины города вместе со своими слободами»⁴⁷. В этом смысле Муром не был исключением. Район проживания кожевников находился на окраине, рядом с Окой, ниже по течению от города.

Интересно, что, когда в 1798 году город посетил император Павел I со своими детьми, он, «призвав под окно градского голову (почти по анекдотическому совпадению в 1797-1800 годах им был человек с «кожевенной» фамилией — Иван Семенович Мяздриков. — Ю. С.) — и купцов, милостиво спрашивал: „Чем торгуете?“ — на это последовал ответ: „Юфтью”»⁴⁸.

Муромские кожевники сбывали свою продукцию на еженедельных и ежегодных торгах и ярмарках. Еженедельные торги проходили в уездных селах: в понедельник — в Арефине, в Клину — во вторник, в Новоселках — в среду, в Болотникове — в четверг, в Яковцеве — в субботу. Годовые ярмарки проводились в Глеbove и Новоселках. На торги съезжалось от 300 до 3000 человек. Здесь же закупалось сырье⁴⁹.

Торговали муромской юфтью в Оренбурге и по Оке и Волге — вплоть до Астрахани. «В торговле с Астраханью и тою стороною, — писал А. А. Титов, — издревле участвовали некоторые из жителей Муром; они, готовя туда... кожи, юфть, подошвы, выдвигаемые из разных частей кож коневых, по Персидски называемых саври, которые, по большей части, шли на делание хоза или хаза, род туфлей... и плавали в Астрахань каждое лето»⁵⁰. Иностранцам на вывоз муромской юфти следовало получить разрешение государя, поскольку она считалась «заповедным» товаром. Известны четыре челобитные, поданные в 1589 г. в Посольский приказ «изыорским» и бухарским послами: «Царю государю великому князю Федору Ивановичю всеа Руси бьет [че]лом изыорского царевича посол Кадьш. Милостивый царь государь, пожалуй поволли своим царским жалованьем вели купити полону 10 душ в Касимове про государя своего царевича обиход, да в Муроме 200 юфтей... Изыорского царевича посол Кадьш государю бьет челом, чтоб государь пожаловал про государя его обиход освободил купити... в Муроме 200 юфтей телятин... Бухарского Абдулима царевича посол

Досум бьет челом государю, чтоб государь пожаловал освободил ему по городом купити... 200 юфтей кож мостовых... Да бухарсково ж Абдулы царя посол Магмед-Алей государю бьет челом... Да государе же бы освободил ему Магмед-Алею купити дорогою едучи 500 юфтей кож мостовых». Особо примечательны пометы на челобитных, сделанные в Посольском приказе: если на вывоз «полона», воска, вина разрешения в том или ином объеме были получены, то резолюция «освободить и память к Дружине послать» была наложена только на последнем прошении⁵¹.

На европейский внешний рынок с XVIII в. выходили через Петербург. В год наторговывали до 2000 руб.⁵² Много это или мало — видно из таблицы, где приводятся санктпетербургские цены первой трети XVIII и первой трети XIX вв. (в рублях за пуд товара)⁵³. Соответственно, указаны те виды кож, о которых шла речь выше.

Таблица 1

	XVIII в.	XIX в.
Юфть красная	от 5 до 6 р.	до 50 р.
Коневая, подошва	0,5	8
Бычья, подошва	1,30	35
Черная, яловочная, мягкая	0,6	10
Козловая кожа	1,2	8
Белая, яловая	0,6	10
Сапог одна пара	0,55	6

XVIII в. был благоприятен для развития кожевенного производства в России. Законодательными актами от 6 июля 1721 г., 22 февраля 1737 г. был наложен запрет на вывоз за границу сырых невыделанных кож⁵⁴, что, естественно, активизировало кожевенное производство.

В 1792 и 1805 гг. в Муроме произошло два сильных пожара. Во время первого сгорело 180 домов и 220 лавок. Во втором, среди прочего, огнем было уничтожено одиннадцать кожевенных заводов. Пожары помельче бывали на кожевенных заводах и ранее. Например, в 1804 г. от забывгой в сарае свечи сгорела дуботолка купца И. И. Стулова⁵⁵. После пожара кожевенные заводы были построены в Кожевниках и Успенском овраге⁵⁶.

С начала XIX в. Муром твердо можно назвать городом кожевенных и полотняных мануфактур⁵⁷, хотя некоторые исследователи считают, что о крупном по тому времени мануфактурном производстве в городе можно говорить уже с XVIII в.⁵⁸ В 1837 году на Владимирской губернской выставке в разделе «по царству прозябаемых» было выставлено: «№ 41. Завода Муромского 1 гильдии купца и Почетного Гражданина Петра Ивановича Мяздрикова, в Муроме:

Красная юфть.

Белая кожа.

№ 42. Завода Муромского купца А. А. Титова в Муроме:

Кожа.
Юфть красная.
Опойки белые.
Подошвы.
№ 43. Завода Муромского купца и Почетного
Гражданина А. И. Мяздрикова в Муроме:
Юфть красная.
Юфть белая.
№ 47. Муромского уезда вотчины Графа Гу-
довича крестьянина Петра Степанова:
Кожи для рукавиц»⁵⁹.

Однако на протяжении века число заводов со-
кращалось: в 1817 г. их было десять, в 1827 — шесть,
в другие годы доходило до двух, в 1874 — три⁶⁰,
а с 1875 оставалось неизменным — три. (Интересно,
что в 1869 г. среди ремесленников Муроме кожевники
уже не значатся)⁶¹. На заводах было от 10 до 72 чанов.
При двенадцатичасовом рабочем дне рабочие получали
от 5 до 10 руб. в месяц. Два завода были каменной
постройки. Количество рабочих тоже не было постоян-
ным: максимума оно достигло в 1840 г., когда на шести
заводах работало до пятисот человек, а минимума —
в 1888 (сорок семь человек на трех заводах). Меньше
всего кож выделали на трех заводах в 1894 г. —
9500. Из технического оснащения на заводах долгое
время оставались конные приводы, в 1840 г. появилась
паровая машина, а в 1897 двигатель в три лошади-
ных силы⁶². Население города в то время составляло
примерно 10 000 жителей.

Сырье по-прежнему закупали на местных яр-
марках⁶³, скупали по округе «близ селения»⁶⁴ и приво-
зили из других мест — Астраханской, Орловской, Там-
бовской губерний⁶⁵, из Самары⁶⁶, с Нижегородской
ярмарки везли тюленьи шкуры⁶⁷. Компоненты для об-
работки кож — соду, известь, шадрик, ивовое корье,
деготь, ворвань, квасцы, ржаную муку — приобретали
в Муроме⁶⁸ (корье иногда брали в Кадоме)⁶⁹, квасцы,
красный и черный сандал — в Москве, Санкт-Петер-
бурге и на Нижегородской ярмарке⁷⁰ (собачий помет
в фабричных ведомостях уже не фигурирует). В каких
объемах запасались эти компоненты, можно представить
по их расходам, например, на заводе П. И. Лычагина
в 1888 году, где было 13 чанов, работало 8 человек
и было выделано 400 яловочных (на 1880 руб.)
и 1000 бараньих (на 1200 руб.) кож. На их обработ-
ку пошло 20 саж.³ дров, 400 пудов извести, 50 — по-
таша, 700 — корья, 10 — тюленьего жира (ворвани),
30 — дегтя, 50 — ржаной муки⁷¹.

А вот рынок сбыта менялся. В течение века
в Европу стали завозить аргентинские кожи, развиваю-
щаяся в Германии химическая промышленность пред-
ложила новые технологии обработки кож, в результате
чего муромская юфть оказалась неконкурентоспособной
из-за дороговизны и была вытеснена с европейского
рынка. «Дубление органическими веществами остава-
лось ведущим способом обработки кож... по России
в целом. К обработке хромовыми солями до 1917 г.
не перешел ни один кожевенный завод страны. Причи-

на состояла в относительной дешевизне традиционных
для России дубильных веществ (корья) и рабочей силы
по сравнению с Западной Европой и более высоких
ценах на сложные химические препараты и загранич-
ные дубильные составы. Кроме того, выделка органи-
ческими веществами давала более высокое качество
продукта: отмечалось, например, что кожи, обработанные
по методу Кнаппа, имеют „ломкость лица“. Сообщалось
также, что „английский подошвенный товар дурного
качества, т. к. золят в крепких зольниках и дубят
в крепких отварах, затем апретируют (подвергают чисто-
вой обработке. — Ю. С.) плохими сортами камеди,
декстрина и др. для придания видимой прочности“.
Несмотря на это, импорт выделанной кожи из загранич-
цы увеличивался с каждым годом, что вероятно, связано со
спросом на дешевую продукцию невысокого качества»⁷².

К тому же был разрешен вывоз необработанной
кожи, о чем с горечью пишет А. А. Титов: «Иностран-
цы, обратясь к нам за покупкою выделанных кож, так
необходимых в жизни, столь сильно подвинули к улуч-
шению эту мануфактуру, что какого ж бы требования
можно было ожидать ныне, по причине умножившегося
населения и потребления кожевенных вещей
по разным предметам, если бы не опускать сырья-кожи?»⁷³
О заграничном экспорте кож речь даже не идет;
в перечне вывозимых товаров они не обозначены⁷⁴.
Внутренний же рынок был ограничен. В России
не сложилась традиция широкого распространения ко-
жаной одежды, — за исключением ношения зимних
тулупов — поэтому кожа использовалась, прежде всего,
при изготовлении обуви, ремней, шорных изделий и куз-
ничного оборудования. Кожей иногда обивали мебель
и конные экипажи, изредка заказывали кожаные обои
для стен. Значительная часть кожи шла на нужды
армии. Кожевенный товар по-прежнему отправляли
по Оке (например, в период навигации 1859-62 гг. его
было отправлено на 46 578 руб.)⁷⁵, сбывали на местных
торгах. В городе им торговали несколько специализи-
рованных лавок, принадлежавших местным купцам.
Продавали кожи в Санкт-Петербург и Москву,
на Нижегородской, Ростовской и Урюпинской ярмарках,
в Муромском уезде⁷⁶.

Несмотря на мануфактуризацию производства,
кожи выделывали по-старинке, поскольку технология
производства отличалась крайней консервативностью.
Научная система выделки кож, в силу сложного хими-
ческого состава исходного материала, не была разрабо-
тана вплоть до XX в.⁷⁷

Документы начала прошлого века дают пред-
ставление об агонии кожевенного производства. Уже
в 1905 г., когда в городе проживало 15 719 жителей,
в Муроме значился один скорняжный завод
А. И. Воцинина и один кожевенный Торгового Дома
Адриана Мяздрикова сыновей (судя по фамилии —
потомственных кожевников). На кожевенном рабо-
тало 35 человек⁷⁸. После революции, в 1918 г., завод был
национализирован и работал уже как государственный⁷⁹,
фигурируя в некоторых статистических сводках как

завод «Красный Октябрь»⁸⁰. На 1 октября 1921 г. на заводе заняты восемнадцать рабочих⁸¹, на 1 января 1922 года — двадцать два, получая при этом половинную норму пайка⁸². О характере и объеме производства в это время можно судить по следующим цифрам: на 1 октября 1922 г. на заводе оставалось 647 крупных яловых кож и 1837 штук опоек⁸³. С 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. завод работал 294 дня; т. е. практически без простоев за вычетом выходных и праздничных дней. (Постановлениями ВЦИК были определены дни, в которые «воспрещается производство работ»: Новый год, День 9-го января 1905 года, Низвержение самодержавия в 1917 году, День Парижской Коммуны, День Интернационала и День Пролетарской Революции; кроме этого, Владимирский совет профсоюзов установил еще десять праздничных дней — два дня Рождества, два — Пасхи, Духов день, Благовещение, Преображение, Вознесение, Успение и Крещение)⁸⁴. «Работа, — как говорится в отчете XV уездному съезду советов, — велась в 1 смену со средним количеством производственных рабочих 8,5. Выработано полувагу 124 шт., хромовых кож 200 шт., мостовья ялового 1232 шт., конины 184 шт., выростка 182 шт. Всего выработано 1922 шт. кож, что составляет 69 % задания по предложенной программе»⁸⁵. В отчете фигурируют остатки топлива — дрова, нефть, керосин; судя по этому, на заводе имелось некоторое механическое оборудование⁸⁶. Фигурирует завод и в сводках 1923 г., выпуская тринадцать наименований изделий, в том числе сапоги⁸⁷. что оказалось немаловажным в продлении работы завода. В годы гражданской войны многие промышленные предприятия в городе остановили работу или работали от случая к случаю. Кожевенный же завод усилиями созданного в марте 1918 г. профсоюза кожевников получил заказы на выпуск «громоздких партия обуви и полуфабриката для нужд Красной армии»⁸⁸. Для этого были организованы трудовые сапожные артели в Муроме, Чаадаева, Балове, Новоселках. Профсоюз, в который кроме Муромского кожзавода вошли и предприятия округа — Досчатинский и Меленковский кожзаводы, сапожные мастерские — в январе 1921 г.

насчитывал девятьсот пятьдесят членов, однако к 1 февраля 1923 г. в нем осталось всего сорок три человека⁸⁹. Завод, видимо, полностью работал уже на привозном сырье, поскольку в весьма обстоятельном практическом руководстве для крестьян уезда — «Сельско-хозяйственном календаре-справочнике на 1923 год» под редакцией муромского уездного агронома М. К. Птицына — среди адресов заводов по переработке сельхозпродуктов местоположение кожевенного не указано⁹⁰.

В 1926-27 гг. на заводе числится двадцать человек, шестнадцать из которых — рабочие. Через год производство вроде бы расширяется, в штате сорок три человека, причем все значатся как рабочие — начальства нет, однако выработка валовой продукции на одного работающего сокращается более чем в два раза — с 17 до 7,79 червонца в день.

Завод обслуживает нужды уезда, сбывая продукцию на ярмарках в городе и окружающих селах⁹¹. Однако недостаток кожевенно-шорных товаров ощущался уже в двадцатых годах, поэтому в этой сфере частный капитал играл большую роль и задерживался дольше⁹². Дефицит покрывался за счет ввоза в Муром кожевенного товара; его ввозилось до 8 тыс. пудов.

Показательно, что в 1927-28 годах в кустарной промышленности в Муромском округе было занято (не считая лесорубов) — 36 000 рабочих, в государственной — 24 333, кустарей кожевенно-мехового производства по округу было всего 42, из них 18 — в Муроме⁹³.

Еще в 1923 г., в проекте организации Муромского промышленного округа, где всесторонне анализировалось состояние региона, прозвучал сакраментальный вывод: «Обработка кожи и шерсти... большим развитием не пользуются»⁹⁴.

Выделка кож, известная в Муроме со времен средневековья, прекратила свое существование в первой трети XX в. В напоминание о себе промысел оставил на берегу Оки улицу с названием Кожевники, овраг Бучиха и филиал московской обувной фабрики «Скорород», благополучно закончивший свои дни в период перестройки.

¹ См., например: Владимирский историко-статистический сборник. — Владимир, 1869; Добрынкин В. Муром прежде и теперь. — М., 1903; Добрынкин Н. Предисловие // Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — Муром, 1991; Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. — Владимир, 1878, 1880, 1883, 1885. — Т. I-V; История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — Муром, 2001; Муромский округ перед 5-леткой. — Муром, 1930; Муромский Промышленный Округ (Проект организации округа). — Муром, 1923; Рязский Г. А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. — Владимир, 1906; Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. — Владимир, 1903; Пудков Д. Муром: Ист.-эконом. очерк. — Ярославль, 1987; Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — Муром, 1991; Он же. Статистическое обозрение города Муром // Памятная книжка Владимирской губернии. — Владимир, 1900; Корнилов А. Ю. Кожевенные заводы во Владимирской губернии в XVIII-XIX вв. // Материалы Межрегиональной краеведче-

ской конференции (28 апреля 2008 г.). — Владимир, 2009. — С. 69-73 и пр.

² Новоселова И. А. Развитие городского хозяйства и роль местного самоуправления уездного Муром в XIX веке. — Муром, 2006.

³ Там же. — С. 98-99.

⁴ Пудков Д. Указ. соч. — С. 13.

⁵ Зиборов В. К. Домашнее прочтение Муромского сборника. Приложение // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. — СПб., 2000. — Вып. 3. — С. 67.

⁶ История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — С. 66-69.

⁷ Бейлекчи В. В. Отчет о спасательных раскопках Археологической службы Муромского историко-художественного музея в Окском парке г. Муром в 1998 году. — Муром, 2000 // НА МИХМ. — Ф. 5. — Оп. 1. — Ед. хр. 90. — С. 23, 27. — Рис. 54 (№ 181, 189).

⁸ Дробинский А. И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. — М., 1948. — Вып. 26. — С. 108.

⁹ Добрынкин Н. Предисловие. — С. 5.

- ¹⁰ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — С. 8.
- ¹¹ Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. — Владимир. — 1903. — С. 4.
- ¹² Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. — СПб., 1867. — Т. 3. — С. 363.
- ¹³ Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). — М., 1991. — С. 176-177.
- ¹⁴ Чернышев В. Я. Социальноэкономическое развитие города Муром в первой четверти XVII в. // Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — Владимир, 2010. — С. 18.
- ¹⁵ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник за 1967 год. — М., 1969. — С. 297-304.
- ¹⁶ Новоселова И. А. Указ. соч. — 2006.
- ¹⁷ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — С. 73.
- ¹⁸ Юстен Павел. Посольство в Московию в 1569-1572 гг. — СПб., 2000 // <http://krotov.info/acts/16/3/1569iust.html>
- ¹⁹ Титов А. А. Указ. соч. — С. 304-315.
- ²⁰ Флетчер Дж. О государстве русском. // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). — М., 1991. — С. 31; см. также: Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV — первой половины XVI в. // Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1954. — Т. II. — С. 25; Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866. — С. 159.
- ²¹ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 134.
- ²² Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV — первой половины XVI в. — С. 25.
- ²³ Флетчер Дж. Указ. соч. — С. 32.
- ²⁴ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1862. — С. 280.
- ²⁵ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. — М., 2000. — Т. I. — Ч. II. — С. 24.
- ²⁶ Чернышев В. Я. Социальноэкономическое развитие города Муром в первой четверти XVII в. — С. 16.
- ²⁷ Чернышев В. Я. Социальноэкономическое развитие города Муром во второй четверти XVII века // Писцовая книга г. Муром 1636/37 г. — Владимир, 2010. — С. 16, 18, 19.
- ²⁸ Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV — первой половины XVI в. — С. 124; Обручев С. В. Таинственные истории. — М., 1973.
- ²⁹ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению ее президента. Записки Путешествия Академика Лепехина. — СПб., 1821. — Т. 1 (на титуле — третий). — С. 39.
- ³⁰ Там же. — С. 40-45.
- ³¹ См.: Попов В. В. Сделай сам. — 1993. — № 2.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Титов А. А. Статистическое обозрение города Муром. — С. 49.
- ³⁵ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — С. 98.
- ³⁶ Новоселова И. А. Указ. соч. — С. 145.
- ³⁷ Владимирский историко-статистический сборник. — С. 23.
- ³⁸ Полное собрание ученых путешествий... — С. 30.
- ³⁹ Рязский Г. А. Указ. соч. — С. 6.
- ⁴⁰ Трехсотлетие дома Романовых. 1613-1913. — М., 1913. — С. 42.
- ⁴¹ Владимирский историко-статистический сборник. — С. 37.
- ⁴² Новоселова И. А. Указ. соч. — С. 254.
- ⁴³ Генеральная ведомость по всем Владимирского Наместничества городам и округам // Рязский Г. А. Указ. соч.
- ⁴⁴ Рязский Г. А. Указ. соч. — С. 59.
- ⁴⁵ Керзум А. П., Шундалов И. Ю. Кожевенное производство. // Три века Санкт-Петербурга. — СПб., 2004. — Т. 2. — Кн. 3. — С. 299-307.
- ⁴⁶ Краткая ведомость о городе Муроме, с показанием в оном строений как каменных, так и деревянных и партикулярного и всякого звания обоего пола живущих людей // Рязский Г. А. Указ. соч.
- ⁴⁷ Кудрявцева Т. Н. Жилой посад и слободы // Древнерусское градостроительство X-XV вв. — М., 1993. — С. 272.
- ⁴⁸ Травчетов Н. П. Указ. соч. — С. 54.
- ⁴⁹ Там же. — С. 56.
- ⁵⁰ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — С. 75-76.
- ⁵¹ Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI-XVII вв. // <http://kungrad.com/history/doc/torg/5/>
- ⁵² Рязский Г. А. Указ. соч. — С. 56.
- ⁵³ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — С. 74.
- ⁵⁴ Новоселова И. А. Указ. соч. — С. 56.
- ⁵⁵ Емельянов В. М., Стулов И. П., Гладков Н. Ф. Описание бывших пожаров в городе Муроме и более сильных в прочих городах Российской империи и разных достопамятных событий как в городе Муроме, так и в прочих городах с 1777 г. — Муром, 1912. — С. 2, 4.
- ⁵⁶ Там же. — С. 5; Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — С. 83-84.
- ⁵⁷ Пудков Д. Указ. соч. — С. 91.
- ⁵⁸ К. Тихомиров относил начало кожевенно-заводской промышленности в Муроме к 1730 г. (Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. — 1854. — № 5); И. А. Новоселова указывает на существование в Муроме в 1739 г. крупного кожевенного завода Мяздриковых (Новоселова И. А. Указ. соч. — С. 55).
- ⁵⁹ Описание выставки произведений Владимирской губернии 1837 года. — М., 1837. — С. 13, 14.
- ⁶⁰ Ведомости о фабриках и заводах // НА МИХМ. — № 30-05-01/1.
- ⁶¹ Владимирский историко-статистический сборник. — Табл. X.
- ⁶² Подробнее см.: Новоселова И. А. Указ. соч. — С. 254.
- ⁶³ Титов А. А. Статистическое описание города Муром. — С. 50-51.
- ⁶⁴ Ведомость о кожевенном заводе, принадлежащем крестьянину села Новоселок Павлу Ивановичу Лычагину за 1873 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/32.
- ⁶⁵ Новоселова И. А. Указ. соч. — С. 56.
- ⁶⁶ Ведомость о кожевенном заводе, принадлежащем Потомственному Почетному гражданину г. Муром купцу Василию Федоровичу Казакову с племянниками за 1873 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/58.
- ⁶⁷ Там же; Ведомость о тлоенем заводе Муромского купца Николая Павловича Кольчугина за 1888 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/45; Ведомость о кожевенном заводе Муромского 2 гильдии купца Павла Львовича Кольчугина за 1893 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/56.
- ⁶⁸ Ведомость о кожевенном заводе И. П. Мяздрикова // НА МИХМ. — № 30-05-01/32; Ведомость о кожевенном заводе купчихи Прасковьи Степановны Мяздриковой за 1863 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/37; Ведомость о кожевенном заводе Николая Андрианова Мяздрикова за 1870 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/38; Ведомость о кожевенном заводе Ивана Петровича Мяздрикова // НА МИХМ. — № 30-05-01/39; Ведомость о кожевенном заводе Николая Андреевича Мяздрикова за 1875 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/40; Ведомость о кожевенном заводе Петра Ивановича Мяздрикова за 1850 год // № 30-05-01/41; Ведомость о кожевенном заводе Ивана Александровича Лычагина за 1873 год // НА МИХМ. — № 30-05-01/57.
- ⁶⁹ НА МИХМ. — № 30-05-01/58.
- ⁷⁰ Ведомость о кожевенном заводе И. П. Мяздрикова // НА МИХМ. — № 30-05-01/36; НА МИХМ. — № 30-05-01/37; № 30-05-01/38; № 30-05-01/40; № 30-05-01/41.
- ⁷¹ Ведомость о кожевенном заводе Павла Ивановича Лычагина за 1888 год / НА МИХМ. — Б/н.
- ⁷² А. П. Керзум, И. Ю. Шундалов. Указ. соч.
- ⁷³ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — С. 74.
- ⁷⁴ Отчет Муромского Уездн. Экономсовета на 1 Января 1922 года. — Муром, б/г. — С. 41.
- ⁷⁵ Семенов П. Указ. соч. — С. 364.

⁷⁶ НА МИХМ. — № 30-05-01/37; № 30-05-01/38; № 30-05-01/39; № 30-05-01/40; № 30-05-01/45; № 30-05-01/46; № 30-05-01/47; № 30-05-01/49; № 30-05-01/56; № 30-05-01/57; № 30-05-01/58; Ведомость о кожевенном заводе Павла Ивановича Лычагина за 1888 год // НА МИХМ. — Б/н.

⁷⁷ См.: А. П. Керзум, И. Ю. Шундалов. Указ. соч.

⁷⁸ Воронинский С., Черешнев Ф. Коммерческий указатель фабрик, заводов и других промышленных заведений Владимирской губернии. — Владимир, 1905. — С. 90; Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. — М., 1913. — С. 64.

⁷⁹ Материалы к докладу Уездного Исполнительного Комитета 19-му Муромскому Уездному Съезду Советов Рабочих, Крестьян и Красноарм. Депутатов 15-18 марта 1929 года. — Муром, 1929. — С. 58, 64.

⁸⁰ Отчет XV уездному съезду Советов о работе Муромского Уисполкома и его отделов за 1922-23 операционный год. — Муром, 1923. — С. 65.

⁸¹ Отчет Муромского Уездного Экономического Совецания на 1-е Октября 1921 года. — Муром, 1921. — С. 33.

⁸² Отчет в совет труда и обороны Владимирского Губернского Экономического Совецания. На 1 января 1922 года. — Владимир, 6/г. — С. 20.

⁸³ Отчет XV уездному съезду Советов... — С. 65.

⁸⁴ Сельскохозяйственный календарь-справочник на 1923 год. — Муром, 1922.

⁸⁵ Отчет XV уездному съезду Советов... — С. 65.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Муромский Промышленный Округ (Проект организации округа). — Муром, 1923. — С. 71.

⁸⁸ Лихонин. Профессиональный союз кожевников // 20 лет РСДРП (6) (рабочей организации г. Муром). — М.-Пг., 1923. — С. 242.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Сельско-хозяйственный календарь-справочник на 1923 год. — С. 126-127.

⁹¹ Муромский округ перед 5-леткой. — Муром, 1930. — С. 135.

⁹² Там же. — С. 134.

⁹³ Там же. — С. 58.

⁹⁴ Муромский Промышленный Округ. — С. 36.

Е. А. Васильченко (Муром)

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА В СОБРАНИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Муромское духовное училище (в дальнейшем — МДУ. — *Е. В.*) — одно из старейших учебных заведений города. Оно открылось в 1791 г. и располагалось первоначально при Благовещенском монастыре. В 1800 г. училище было закрыто и вновь начало работать только в 1816 г. Духовное училище давало начальное образование. Среднее образование можно было получить в семинарии, высшее — в духовной академии.

Обучение в училище было рассчитано на четыре года. Кроме того, с 1873 г. вводился приготовительный класс. В МДУ преподавались уроки закона Божьего, русского, церковно-славянского, греческого и латинского языков, арифметики, географии, церковного пения. В 1830-40-х гг. система оценок, применявшаяся в училище, давала «возможность более гибкого отбора учеников при рассмотрении результатов учебы: „отлично“, „весьма хорошо“, „довольно хорошо“, „очень не худо“, „порядочно“, „годительно“, „отчасти“, „мало“, „слабо“, „плохо“, „безнадежно“»¹. Ученики, регулярно получавшие три последние оценки, из училища отчислялись. Те, кто окончил учебный год с отличными отметками, поощрялись книгами, специально закупаемыми училищной библиотекой для этих целей.

Сначала МДУ располагалось в ветхом тесном деревянном помещении. В 1880-90-х годах по проекту В. Ф. Афанасьева, одного из первых штатных архитекторов г. Муром, специально для училища было построено новое каменное трехэтажное здание, оборудованное всем необходимым. После революции по декрету «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» церковь была отделена от государства. Духовное училище было упразднено. Последний выпуск состо-

ялся в 1918 г. Всего за время своего существования МДУ выпустило до 2300 воспитанников.

При МДУ была своя библиотека. Она делилась на фундаментальную и ученическую. Фундаментальной библиотекой пользовались учителя. Для нее приобреталась, в основном, учебная литература, а также произведения русских и зарубежных писателей. Ученическая библиотека предназначалась для воспитанников училища и комплектовалась детскими книгами, житийной, богословской литературой и духовно-нравственными изданиями. И фундаментальная, и ученическая библиотеки выписывали периодику. Для фундаментальной библиотеки выписывались церковные и светские журналы, для ученической — издания для детей. Для библиотеки училища закупались и учебники. Часть учебников продавалась воспитанникам. Нуждающимся ученикам учебные пособия и богослужебная литература выдавались бесплатно на период обучения.

Удалось выяснить, что с 1893 г. фундаментальной библиотекой заведовал смотритель училища Ксенофонт Александрович Вознесенский. Училищной библиотекой с 1892 г. заведовал помощник смотрителя Николай Петрович Травчетов. Причем, оба за свою работу не получали вознаграждения. Это сведения за 1905 г.² Кроме того, известно, что в 1904 г. Н. П. Травчетов также безвозмездно заведовал и библиотекой учебников для нуждающихся учеников³.

После закрытия МДУ часть книг из его библиотеки поступила в местный музей, открывшийся 1 января 1919 г. Чуть более двадцати книг попали в Муромскую центральную общественную библиотеку.

Задача настоящего сообщения — обзор и краткая характеристика книг из библиотеки духовного учи-

лица, хранящихся в музее. Тема эта изучена мало. В дипломной работе В. Ф. Чумаковой о развитии библиотечного дела в Муроме отдельная глава посвящена книжным комплексам учебных заведений города, в том числе и собранию духовного училища⁴.

В Муромском историко-художественном музее на сегодняшний день выявлено около ста двадцати томов со штампом МДУ.

Это, во-первых, две книги с проектом устава училищ. «Проект устава духовных приходских училищ» (СПб., 1814) и «Проект устава духовных уездных училищ» (СПб., 1814). В 1814 г. духовные училища были преобразованы, «названы уездными и приходскими, — в каждом из них было по два класса»⁵, и в своей работе в дальнейшем руководствовались вышеназванными уставами. Тогда же были введены и некоторые новые учебные пособия, в том числе сочинения Корнелия Непота. В музее сохранилась одна из таких книг. На «издании учебном, очищенном» Корнелия Непота «О жизни славнейших полководцев» на латинском языке (СПб., 1816) на форзаце есть изящная рукописная надпись чернилами: «Из Библиотеки М(уромского) Духовного Училища».

Сочинение доктора Ф. Шварца «Руководство к воспитанию и обучению», переделанное директором учительской семинарии в Фридрихсберге доктором В. Куртманом, было издано в двух томах в Петербурге в типографии Морского министерства в 1859 и 1867 гг. Эта книга была одобрена Ученым Комитетом Министерства народного просвещения и Святейшим Правительствующим Синодом. В заключении программы по педагогике для семинарий дан следующий отзыв об этой работе: «Какими бы руководствами ни владел преподаватель педагогики, известное руководство Куртмана должно быть главным и основным. Оно составлено на основании непрерывных педагогических опытов, которые собираемы были почти столетия. Оно способно предохранить чтения от односторонне-теоретического характера и направить их на самое дело и на самые способы его практического производства»⁶.

Есть в музее несколько различных грамматик. «Латинская грамматика, в пользу российского юношества тщательно и ясно с российским переводом расположенная» (М., 1813); «Грамматика латинская для употребления российского юношества, с приобщением краткой хрестоматии для нижних классов» (М., 1782); «Краткая еврейская грамматика для обучающихся священному языку в Духовных Училищах» (М., 1822), а также «Латинский лексикон с российским переводом» (М., 1825).

Три книги по географии. Это XXV том «Известий императорского русского географического общества» (СПб., 1889), работа Н. Н. Овсянникова «Дунай в географическом, историческом и других отношениях» (СПб., 1886), изданная «для ученической библиотеки старших классов». Третья книга — конвюлют. В полукожаный переплет сшиты две книги протоирея И. Вениаминова — «Записки об ахтинских алеу-

тах и колошах» (СПб., 1840) и «Состояние православной церкви в Российской Америке» (СПб., 1840).

В числе естественнонаучной литературы — две работы Карла Риттера, переведенные с немецкого Яковом Вейнбергом и изданные в Москве в 1864 г. — «Европа» и «Общее земледевие». Обе книги выпущены одной из старейших книгоиздательской и книготорговой фирмой Глазуновых. «Капитальность и монографичность — отличительные признаки изданий Глазуновых по гуманитарным наукам»⁵. Штамп библиотеки МДУ стоит на издании «Современное естествознательное учение о происхождении вселенной» (СПб., 1872). Во введении читаем: «Наряду с Богооткровенным повествованием о происхождении вселенной в настоящее время наука представляет свое собственное повествование об этом предмете, основанное на ее опытных данных... Ближайшим следствием принятия этого нового учения является потеря веры в существование Бога, как Творца, и в существование и бессмертие души человеческой... Руководясь этим побуждением, мы решились на основании тех же научных данных доказать научную несостоятельность нового учения о происхождении видимого мира... постараемся доказать необходимость признания вмешательства Премирного Деятеля в дело происхождения мира»⁶. Из училищной библиотеки поступил и труд епископа Меньяна «Мир и первобытный человек по учению Библии» (СПб., 1872).

Две медицинские книги. Первая — переведенная с немецкого доктором медицины Б. Г. Медемом, старшим врачом Петровского Полтавского кадетского корпуса, «Гигиена глаз в школах» (Полтава, 1887). Вторая — «О заикании» профессора университета Св. Владимира в Киеве И. А. Сикорского. Издана она была в 1889 г. в Петербурге в типографии К. Риккера. Типография выходила из Германии Карла Леопольдовича Риккера стала одним из первых специализированных издательств, которые начали появляться в Петербурге в 60-е гг. XIX в. Медицинская тематика становится преобладающей в его деятельности. «Труды по медицине и естественным наукам Риккер издавал на высоком научном уровне и в тщательном полиграфическом выполнении»⁷.

Есть книга по краеведению, написанная священником В. В. Косаткиным. Это небольшая тонкая книжка «Святой благоверный великий князь Георгий Всеволодович, чудотворец Владимирский». Издана она была во Владимире Братством святого благоверного великого князя Александра Невского в типографии губернской земской управы в 1882 г. Уроженец Покровского уезда, выпускник Владимирской духовной семинарии Василий Васильевич Косаткин с 1869 по 1894 гг. был учителем во Владимирском духовном училище. В 1877 г. он «был посвящен к Владимирскому Успенскому собору»⁸. В. В. Косаткин принимал активное участие в работе Братства св. благоверного великого князя Александра Невского, учрежденного во Владимире в 1879 г., «был избран в разное время членом Импе-

раторского Московского Археологического Общества и действительным членом Ученых Архивных Комиссий: Костромской, Нижегородской и Владимирской»⁹, занимался литературной деятельностью, главным образом, в области истории и археологии.

Философский труд Р. Декарта в переводе заслуженного профессора Московского университета Н. А. Любимова «Рассуждение о методе дабы хорошо направлять свой разум и отыскивать научные истины» (СПб., 1885) отмечен печатью библиотеки МДУ, также, как и первый том «Мифов классической древности» Г. В. Штоля (М., 1877).

В собрании музея есть словари из училища. Это «Полный русско-латинский словарь», составленный заслуженным профессором Московского университета статским советником И. Ивашковским (СПб., 1849), «Русско-латинский фразеологический словарь», составленный священником А. Беликовым (М., 1846), объемное издание «Греческо-русского словаря», выпущенное департаментом народного просвещения (М., 1848). Сохранились три тома «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля, выпущенные в 1882 г., и четыре тома «Энциклопедического лексикона», изданные А. А. Плюшаром. Всего Адольф Александрович Плюшар предполагал выпустить сорок томов за шесть лет. Но издание «из-за неопытности издателя и неумелого редактирования растянулось на долгие годы»¹⁰, а в 1841 г. было прекращено на семнадцатом томе. Его «не спасло даже личное покровительство Николая I»¹¹. Из училищной библиотеки в музее сегодня хранятся тома 5-й, 7-й, 9-й, 15-й.

В музейном собрании сохранились и периодические издания из библиотеки МДУ, например, издававшийся в Петербурге литературно-научный и политический журнал «Северный вестник» за 1888-1890 гг. Почти полный комплект за 1890 и половина комплекта за 1892 гг. литературно-политического и научного журнала «Русское обозрение», издававшегося в Москве в университетской типографии. С 1-го января 1870 г. Михаил Иванович Семевский стал выпускать «ежемесячное историческое издание» «Русская старина». Сохранилось несколько журналов за 1889 и 1893 гг. Хранится в музее несколько разрозненных номеров «Исторического вестника», «Русского архива», «Русского вестника» за 1887-1890 гг., несколько частей ежемесячного литературно-политического журнала «Русская мысль» за 1888-1890 гг. Есть «Вестник Европы», выходивший в Петербурге — «журнал истории — политики — литературы», как указано в подзаголовке. Сохранился почти полный комплект за 1890 и по несколько номеров за 1887-1889 гг. Кроме того, сохранились комплекты Владимирских епархиальных ведомостей за 1872, 1875, 1876, 1884 и 1891 гг., а также четвертый том сборника «Труд. Вестник литературы и науки», который является приложением к журналу «Всемирная иллюстрация» за 1889 г.

Почти все тома из училищной библиотеки, хранящиеся в музее — в полукожаных переплетах, несколько книг — в цельнокожаных. В их числе — два издания

на латинском языке в пергаментных переплетах с обрезами, окрашенными в красный цвет. Одно из них — самое раннее произведение из собрания училища в музее. Это руководство к изучению основ латинского языка (FRANC. SANCTII BROCCENSIS «MINERVA, SEU DE CAUSIS LINGUAE LATINAE COMMENTARIUS...»), изданное в Лионе в 1702 г.

Исключение составляют только издания Вольного экономического общества, у которых остались издательские обложки. Это сельскохозяйственная литература, зарождение которой в России относится к последней трети XVIII в. и «было обусловлено потребностями сельского хозяйства страны того времени и связано с деятельностью»¹² Вольного экономического общества. Общество было организовано в 1765 г. и «явилось первым по времени возникновения научным центром по вопросам сельского хозяйства в России. Уже с года основания общества стал издаваться его центральный журнал — „Труды Вольного экономического общества“, который выходил значительным для того времени тиражом»¹³. В музее сегодня хранятся «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», изданные в Петербурге в 1821 и 1825 гг., и «Отчеты о действиях Императорского Вольного экономического общества» за 1834-1839 гг., а также двенадцать книг по сельскохозяйственной тематике, изданные «тщанием и изданием» Вольного экономического общества. Очень интересным представляется труд «Деревенское зеркало или общенародная книга» (СПб., 1798). В подзаголовке указано, что книга «сочинена / Не только чтоб ее читать, / Но чтоб по ней и исполнять». В ней даны различные советы по ведению хозяйства: как выращивать урожай, содержать скот, заниматься домашней работой. Видимо, большим спросом пользовалась в то время и работа «О саранче и способах истребления ее» (СПб., 1825).

Кроме того, Вольным экономическим обществом в Петербурге в типографии морского шляхетного кадетского корпуса в 1779 г. было напечатано сочинение Михаила Матинского «Описание различных мер и весов разных государств».

Естественно, в училище была богослужбная и религиозная литература. В музее сегодня хранятся три библии на латинском языке, а также пять томов «Истории русской церкви» архиепископа Литовского и Виленского Макария (СПб., 1877-1886) и работа К. Кутепова «Секты хлыстов и скопцов», изданная в Казани в 1882 г.

Определить принадлежность изданий к книжному комплексу МДУ можно по овальной библиотечной печати, которую ставили, как правило, на форзаце тома.

Большой интерес представляют книги с различными записями, пометами. Таких сохранилось одиннадцать экземпляров. Например, на книге «Плутарх для юношества или жития славных мужей всех народов от древнейших времен доньше» (Ч. 3, М., 1814) помимо училищной печати есть карандашная надпись на титуль-

ном листе: «Стефана Сперанского (?)».

Изучая надписи на книгах, можно получить дополнительную информацию о пути конкретного издания в библиотеку училища, о прежних владельцах, о книжных ценах. Например, на форзаде нижней крышки третьей части «Древней и новой всеобщей истории, сочиненной И. М. Шреком, для обучения юношества» (СПб., 1824) надпись чернилами гласит: «Сия история принадлежит ученику словесности 2-й половины Ивану Иерусалимову, что точно его собственная куплена у ученика философии 1-й половины Ивана Поспелова, заплачены две части от 6-ть рублей. Иван Иерусалимов 1829-го года месяца ноября 11-го дня».

На книге Я. Коменского «Избранные педагогические сочинения. Часть первая. Великая дидактика» (М., 1893), переведенной с латинского А. Адольфом и С. Любомудровым, на титульном листе вверху написано: «В библиотеку Муромского Духовного училища от переводчика С. Любомудрова». Известно, что С. И. Любомудров, преподаватель и наставник лицея Цесаревича Николая, был в 1890-х годах почетным членом Общества вспомоществования нуждающимся ученикам МДУ.

Но наибольший интерес, пожалуй, представляет прижизненное издание А. С. Пушкина «История Пугачевского бунта». Оно вышло в Петербурге в типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии в 1834 г. На форзаде размашистая надпись: «Омофоровского».

Книги, хранящиеся сегодня в музее, — лишь малая часть библиотеки МДУ. В музейном собрании сохранились книги из фундаментальной библиотеки училища. Хронологические рамки — вторая половина XVIII-XIX вв., за исключением двух книг начала XVIII в. По тематике — богослужебная, сельскохозяйственная, языковедческая, естественнонаучная, медицинская, философская, краеведческая литература, словари. Периодические издания сохранились только

светские. Из ученической библиотеки журналов не сохранилось. Из книг — вероятно, издание В. В. Косаткина о великом князе Георгии Всеволодовиче. Известно, что такую книгу приобрели для ученической библиотеки в 1887 г. за 7 копеек¹⁴. Кроме того, грамматики могли принадлежать как фундаментальной библиотеке, так и специальному отделу учебной литературы, которой пользовались нуждающиеся воспитанники.

Учет выдаваемой из библиотеки литературы велся в специальных книгах, отдельных для учителей и учеников. О том, что книги из библиотеки были востребованы, косвенно может свидетельствовать тот факт, что училище постоянно выделяло средства на починку книжных переплетов. Когда книги нетронутыми стоят на полке, переплеты у них бывают в отличном состоянии. Так, в 1876 г. «за исправление поврежденного переплета» шести книг для фундаментальной и ученической библиотек было уплачено 5 рублей 83 копейки, а «на исправление ветхого переплета» десяти книг из библиотеки учебников для нуждающихся учеников было потрачено 15 рублей.¹⁵ В 1889 году «за переплет в кожаный корешок с исправлением прежних деревянных досок Минеи за месяцы: январь — июнь, сентябрь и декабрь» для библиотеки учебников было израсходовано 5 рублей.¹⁶

Переплет новых книг и журналов стоил от десяти копеек до полутора рублей за один том. Всего библиотека в год тратила до ста рублей на переплеты. На некоторых изданиях приклеены ярлыки: «Переплетное заведение А. Живновского г. Муром».

Кроме музея, книги из собрания МДУ сегодня хранит городская библиотека. Это два десятка томов художественной литературы — произведения Г. Гейне, И. В. Гете.

К сожалению, судьба большей части ученической библиотеки неизвестна. Судить о ее составе можно лишь по отчетам училища. Но и те издания, которые сегодня хранятся в музее, представляют несомненный интерес.

¹ Грамматин А. С. Муромское духовное училище — «альма матер» духовной династии Грамматиных // Уваровские чтения — V. — Муром. — 2003. — С. 175.

² Личный состав служащих в духовно-учебных заведениях Владимирской епархии (к 1-му сентября 1905 года) // ВЕВ. Часть неофициальная. — Владимир. — 1905. — № 17. — Приложение. — С. 11-12.

³ Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища за 1904-й год // ВЕВ. Часть официальная. — Владимир. — 1905. — № 8. — С. 261.

⁴ Чумакова В. Ф. Развитие библиотечного дела в городе Муроме Владимирской губернии с XII века до октября 1917 года: Дипломная работа. — Рязань. — 1997 // НА МИХМ.

⁵ Свирилин А. Переславское Духовное училище // ВЕВ. Часть официальная. — Владимир. — 1866. — № 24. — С. 1364.

⁶ ВЕВ. Часть неофициальная. — Владимир. — 1869. — № 3. — С. 158.

⁷ Книга в России. 1861-1881. — М. — 1990. — Т. 2. — С. 40.

⁸ Современное естествознательное учение о происхождении вселенной. — СПб. — 1872. — С. 1.

⁹ Баренбаум И. Е. История книги. — М. — 1984. — С. 84.

⁸ Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. — Владимир. — 1917. — Вып. 5. — С. 19.

⁹ Там же. — С. 25-6.

¹⁰ Баренбаум И. Е. Указ. соч. — С. 72.

¹¹ Бирюлин С. Российская энциклопедия на рубеже веков // Антиквариат. — 2004. — № 12. — С. 76.

¹² Белоножка Ю. А. К вопросу об издании Вольным экономическим обществом сельскохозяйственной литературы и ее распространения в Сибири в последней трети XVIII — начале XIX в. // Книга в России: Век Просвещения. — Л. — 1990. — С. 36.

¹³ Там же.

¹⁴ Отчет о приходе, расходе и остатке сумм по содержанию Муромского духовного училища за 1887 год // ВЕВ. Часть официальная. — Владимир. — 1889. — № 4. — С. 88.

¹⁵ Отчет о приходе, расходе и остатке сумм по содержанию Муромского духовного училища за 1876 год // ВЕВ. Часть официальная. — Владимир. — 1877. — № 22. — С. 1182-1183.

¹⁶ Отчет о приходе, расходе и остатке сумм по содержанию Муромского духовного училища за 1889 год // ВЕВ. Часть официальная. — Владимир. — 1891. — № 10. — С. 265.

СОСТОЯНИЕ ПРИХОДОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В конце 1920-х гг. началось открытое и самое жесткое наступление на церковь, которое завершилось объявлением «безбожной пятилетки» начала 1930-х гг. Страна перешла на пятидневную рабочую неделю (так называемая «пятидневка»), которая вводилась с одной целью — сделать выходной день «плавающим», чтобы почитаемое православными христианами воскресенье не попадало на выходной день.

В конце 1920-х гг. во Владимирском крае шло массовое закрытие приходов. В 1928-1929 гг. в местной прессе публиковались резолюции собраний трудовых коллективов о закрытии храмов, сносе церквей или приспособлении их под жилье, столовые или клубы. Зачастую власти сначала обвиняли церковные общины в небрежном отношении к храмовым зданиям и имуществу, а после расторжения договора с общиной принимали решение о сносе храма. За лето 1928 г. в бывшей Владимирской губернии было закрыто двадцать церквей.

В конце 1938 г. период открытого, активного наступления на РПЦ подходил к своему завершению. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов. Епархий как административных единиц в 1939 г. уже почти не существовало, и отдельные приходы поддерживали нерегулярную связь с Патриархией¹.

В 1930-е гг. Владимирская епархия географически занимала следующие районы: Владимирский, Собинский, Небыловский, Ковровский, Вязниковский, Селивановский, Меленковский². Закрытие храмов продолжалось вплоть до самой Великой Отечественной войны. К 1941 г. во Владимирской епархии было закрыто 330 храмов³.

Причинами закрытия церквей в период с конца 1920-1930-х гг. чаще всего выступали следующие (подсчитано автором): 1) отсутствие священника ввиду его ареста (26 раз)⁴ или добровольного ухода (6 раз)⁵; 2) по решению органов советской власти (29 раз)⁶; 3) по просьбе прихожан (8 раз)⁷; 4) за непригодностью церкви к богослужению по своему техническому состоянию вследствие разрушения или пожара (5 раз)⁸; 5) снятие церкви с учета действующих (1 раз)⁹; 6) распад двадцатки (минимального количества для открытия прихода) верующих (1 раз)¹⁰. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что основными причинами закрытия церквей в период с конца 1920-1930-х гг. выступали отсутствие священника либо по причине ареста, либо по добровольному уходу, и по решению органов советской власти.

В основном церкви, закрытые в период с конца 1920-х-в начале 1940-х гг., располагались в следующих районах и закрывались по таким причинам¹¹:

Таблица 1

№	Год закрытия церкви	Район, где закрывались церкви	Причины закрытия церквей
1	1928	Г. Александров, храм Преподобного Серафима Саровского	Закрыт органами советской власти
2	1930-е	Александровский район, с. Старая Слобода	Закрыта органами советской власти
3	1938	Александровский район, с. Покров	Отсутствие священника
4	1930-е	Александровский район, с. Ново-Воскресенское	Закрыта органами советской власти
5	Конец 1930-х	Владимирский район, с. Доброе	Нет данных
6	1937	Владимирский район, с. Мосино	Закрыта органами советской власти
7	1937	Владимирский район, с. Ущер-Коверино	По просьбе прихожан
8	1934	Г. Владимир, Вознесенская церковь	Закрыта органами советской власти
9	1929	Г. Владимир, Воскресенская церковь	Закрыта органами советской власти
10	1930-е	Г. Владимир, Константино-Еленинская церковь	Закрыта органами советской власти
11	1930-е	Г. Владимир, Михаило-Архангельская церковь	Закрыта органами советской власти
12	1929	Г. Владимир, Михаило-Архангельская церковь	Закрыта органами советской власти
13	1938	Г. Владимир, Никитская церковь	Закрыта органами советской власти
14	Начало 1930-х	Г. Владимир, Николо-Галейская церковь	Закрыта органами советской власти
15	Конец 1920-х	Г. Владимир, Николо-Кремлевская церковь	Закрыта органами советской власти
16	1937	Г. Владимир, Спасо-Преображенская церковь	Закрыта органами советской власти
17	1930-е	Г. Владимир, Сретенская церковь	Закрыта органами советской власти
18	1928	Г. Владимир, Троицкая церковь	Закрыта органами советской власти
19	Начало 1930-х	Г. Владимир, Троицкая церковь	Закрыта органами советской власти
20	1926	Г. Владимир, Успенский собор	Закрыт органами советской власти

Таблица 1. Продолжение

№	Год закрытия церкви	Район, где закрывались церкви	Причины закрытия церквей
21	1937	Вязниковский район, с. Пировы-Городищи	Отсутствие священника
22	1941	Вязниковский район, п. Никологоры	Отсутствие священника
23	1930	Г. Вязники, Благовещенский собор и Покровская церковь	Закрываются органами советской власти
24	1941	Г. Гороховец, Казанская церковь	Ввиду распада двадцатки верующих
25	1940	Гороховецкий район, погост Михаило-Архангельский	Отсутствие священника
26	1936	Г. Гусь-Хрустальный, церковь Иоакима и Анны	Нет данных
27	1942	Гусь-Хрустальный район, с. Тихоново	Закрываются органами советской власти.
28	1940	Гусь-Хрустальный район, с. Вешки	Закрываются органами советской власти
29	1932	Камешковский район, с. Горки	Отсутствие священника
30	1939	Камешковский район, с. Давыдово	Отсутствие священника
31	1939	Камешковский район, с. Тынцы	Нет данных
32	1939	Камешковский район, с. Воскресенское	Отсутствие священника
33	1936	Камешковский район, с. Потакино	Отсутствие священника
34	1941	Камешковский район, с. Великово	Отсутствие священника
35	1937	Г. Ковров, Христорождественский собор	По просьбе прихожан
36	1937	Ковровский район, с. Большие Всегодичи	Отсутствие священника
37	1937	Ковровский район, с. Осипово	Отсутствие священника
38	1940	Кольчугинский район, погост Дмитриевский	По решению органов советской власти
39	1939	Кольчугинский район, с. Козлятьево	По просьбе прихожан
40	1939	Г. Кольчугино, Покровская церковь	Нет данных
41	1935	Курловский район, с. Георгиевское	Не пригодна к богослужению по своему техническому состоянию
42	1937	Ляховский район, с. Окшево	Отсутствие священника
43	1939	Ляховский район, с. Воютино	Отсутствие священника
44	1928	Меленковский район, с. Двойново	Отсутствие священника
45	1941	Меленковский район, погост Куземский	Отсутствие священника
46	1938	Меленковский район, с. Коровино	Отсутствие священника
47	1941	Меленковский район, с. Двойново	Отсутствие священника
48	1939	Меленковский район, с. Бутылицы	Закрываются органами советской власти
49	1938	Меленковский район, с. Денятино	Закрываются органами советской власти
50	1940	Муромский район, с. Старые Котлицы	По просьбе прихожан
51	1938	Муромский район, с. Молотицы	Закрываются органами советской власти
52	1938	Никологорский район, погост Городищи	По просьбе прихожан
53	1938	Покровский район, с. Марково	По причине пожара
54	1938	Покровский район, с. Аргуново	Закрываются органами советской власти
55	1938	Покровский район, с. Ново-Спас	По причине пожара
56	1940	Селивановский район, с. Старо-Замотрино	Закрываются органами советской власти
57	1939	Селивановский район, с. Талызино	Закрываются органами советской власти
58	1937-1938	Собинский район, с. Ворша	Закрываются органами советской власти
59	1935	Собинский район, с. Буланово	Закрываются органами советской власти
60	1930-е	Собинский район, с. Устье	Закрываются органами советской власти
61	1937	Собинский район, с. Дуброво	Отсутствие священника
62	1933	Собинский район, с. Ундол	Закрываются органами советской власти
63	1939	Ставровский район, с. Черкутино	Отсутствие священника
64	1936	Ставровский район, с. Ставрово	Нет данных
65	1934	Струнинский район, с. Волохово	По просьбе прихожан
66	1940	Судогодский район, с. Ликино	По просьбе прихожан
67	1941	Судогодский район, с. Заястребье	Отсутствие священника
68	1941	Судогодский район, с. Спас-Купалище	Отсутствие священника

№	Год закрытия церкви	Район, где закрывались церкви	Причины закрытия церквей
69	1935	Судогодский район, с. Картмазово	По просьбе прихожан
70	1940-1941	Судогодский район, с. Борисово-Глебское	Отсутствие священника
71	1937	Судогодский район, погост Гладышево	Нет данных
72	1937	Судогодский район, с. Мошок	Отсутствие священника
73	1939	Судогодский район, с. Спас-Беседы	Отсутствие священника
74	1937	Судогодский район, с. Чамерево	Отсутствие священника
75	1935-1939	Судогодский район, с. Александрово	Отсутствие священника
76	Начало 1930-х	Судогодский район, с. Дубенки	Отсутствие священника
77	1932	Судогодский район, с. Замаричье	Отсутствие священника
78	1940	Судогодский район, с. Гладышево	Нет данных
79	1933	Судогодский район, с. Брыкино	Не пригодна к богослужению по своему техническому состоянию
80	1930-1931	Суздальский район, с. Абакумлево	Закрыта органами советской власти
81	1937	Суздальский район, с. Мордыш	Нет данных
82	1938	Фоминский район, с. Гришино	Нет данных
83	1938	Юрьев-Польской район, с. Беляницыно	Отсутствие священника
84	1930	Юрьев-Польской район, с. Радованье	Нет данных
85	1934	Юрьев-Польской район, с. Покров	Нет данных

Таким образом, глядя на вышепредставленный материал, можно сделать определенные выводы. Во-первых, основное закрытие церквей все же происходило в конце 1930-х гг. Во-вторых, больше всего церквей было закрыто в г. Владимире, Владимирском и Судогодском районах. Вероятнее всего, такая ситуация была связана с нежеланием местных государственных и партийных властей соседствовать с культовыми

учреждениями, с которыми эти же руководители предыдущие двадцать лет активно боролись и имели поэтому соответствующее воспитание и закалку. Атеистическая направляющая была господствующим стержнем в деятельности советских органов на местах, которые стремились «расчистить идеологическое поле» страны для нового коммунистического мировоззрения, где не будет места религии и церкви.

¹ Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. — М., 1999. — С. 95, 99.

² Федотов А. А. Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Церковно-исторические сочинения. — Иваново, 2002. — С. 141.

³ Минин С. Н., свящ. Очерки по истории Владимирской епархии (X-XX вв.). — Владимир, 2004. — С. 75.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 643. — Л. 67; Д. 287. — Л. 11; Д. 277. — Л. 4; Д. 156. — Л. 1-29; Д. 822. — Л. 1-59; Д. 164. — Л. 1-9; Д. 288. — Л. 15; Д. 648. — Л. 3, 16; Д. 644. — Л. 3; Д. 154. — Л. 1-12; Д. 290. — Л. 1; Д. 271. — Л. 1; Д. 272. — Л. 3; Д. 273. — Л. 4; Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 32. — Л. 1; Д. 47. — Л. 13; Д. 84. — Л. 1-2; Д. 14. — Л. 1; Судогодское благочиние. История приходов и храмов. — М.-Судогда, 2004. — С. 27, 133, 50, 62, 70, 76, 80, 82.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 459. — Л. 12; Д. 297. — Л. 1; Д. 1132. — Л. 81; Д. 160. — Л. 1-16; Д. 641. — Л. 31; Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 33. — Л. 6.

⁶ Там же. — Д. 276. — Л. 38; Д. 292. — Л. 2; Д. 293. — Л. 9; Д. 642. — Л. 3; Д. 652. — Л. 9; Д. 820. — Л. 9; Д. 274. — Л. 2; Д. 296. — Л. 2; Д. 283. — Л. 3; Д. 153. — Л. 2; Д. 152. — Л. 1; Д. 162. — Л. 1-15; Д. 270. — Л. 1-8; Д. 824. — Л. 5. Пэнэжко О., прот. Храмы г. Александрова и окрестностей. — Владимир, 2005. — С. 62, 65, 142, 186; он же. Город Покров, храмы Петушинского и Собинского районов. — Владимир, 2005. — С. 127, 174; Бубнов С. Л. След в бесконечности. Памятники Владимира. — Владимир, 2003. — С. 35, 36, 41-44, 46-48.

⁷ ГАВО. — Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 1; Д. 44. — Л. 1; Д. 61. — Л. 3; Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 294. — Л. 27; Д. 819. — Л. 47; Д. 821. — Л. 6; Д. 1132. — Л. 258; Д. 159. — Л. 1-18.

⁸ Там же. — Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 449. — Л. 3; Д. 454. — Л. 20; Д. 645. — Л. 4; Д. 163. — Л. 1-8; Судогодское благочиние. История приходов и храмов. — С. 94.

⁹ ГАВО. — Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 1132. — Л. 12.

¹⁰ Там же. — Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 15. — Л. 14.

¹¹ Там же. — Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 276. — Л. 38; Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 86. — Л. 1; Д. 44. — Л. 1; Д. 47. — Л. 13; Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 288. — Л. 15; Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 61. — Л. 3; Д. 84. — Л. 1, 2; Ф. Р-3789. — Д. 648. — Л. 3; Д. 294. — Л. 27; Д. 643. — Л. 67; Д. 292. — Л. 2; Д. 293. — Л. 9; Д. 449. — Л. 3; Д. 450. — Л. 25; Д. 451. — Л. 2; Д. 454. — Л. 20; Д. 455. — Л. 44; Д. 459. — Л. 12; Д. 641. — Л. 31; Д. 642. — Л. 3; Д. 647. — Л. 1; Д. 644. — Л. 3; Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 32. — Л. 1; Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 652. — Л. 9; Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 33. — Л. 6; Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 826. — Л. 5; Д. 819. — Л. 47; Д. 820. — Л. 9; Д. 821. — Л. 6; Ф. Р-632. — Оп. 2. — Д. 14. — Л. 1; Ф. Р-3789. — Оп. 1. — Д. 297. — Л. 1; Д. 275. — Л. 1-29; Д. 648. — Л. 16; Д. 457. — Л. 2; Д. 1132. — Л. 243; Д. 1132. — Л. 258; Д. 274. — Л. 2; Д. 287. — Л. 11; Д. 824. — Л. 5; Д. 296. — Л. 2; Д. 283. — Л. 3; Д. 291. — Л. 5; Д. 277. — Л. 4; Д. 153. — Л. 2; Д. 154. — Л. 1-12; Д. 152. — Л. 1-67; Д. 156. — Л. 1-29; Д. 159. — Л. 1-18; Д. 822. — Л. 1-59; Д. 290. — Л. 1-66; Д. 160. — Л. 1-16; Д. 162. — Л. 1-15; Д. 163. — Л. 1-8; Д. 164. — Л. 1-9; Д. 165. — Л. 1-82; Д. 270. — Л. 1-8; Д. 273. — Л. 2; Ф. Р-632. — Д. 15. — Л. 4; Судогодское благочиние. История приходов и храмов. — С. 27, 33, 50, 62, 70, 76, 80, 82, 85, 94; Пэнэжко О., прот. Храмы г. Александрова и окрестностей. — С. 62, 65, 142, 186; он же. Город Покров, храмы Петушинского и Собинского районов. — С. 127, 174; Бубнов С. Л. Указ. соч. — С. 35, 36, 41-44, 46-48.

РАННИЕ ГОДЫ: 1889–1906

24-25 июля 1989 года в Муроме после многих лет молчания и забвения широко отмечали 100-летие со дня рождения Владимира Козьмича Зворыкина (30 июля 1889-29 июля 1982), уроженца нашего города, снискавшего по достоинству имя «отца телевидения». Муромский музей, расположенный с 1918 года в доме Зворыкиных, был среди организаторов и участников этих торжеств. Юбилей собрал родственников нашего земляка. В Муроме прошла научно-практическая конференция с участием отечественных ученых в области радиоэлектроники.

Вскоре от дочери Владимира Козьмича Зворыкина Элайны в Россию попало несколько копий его «Воспоминаний...» на английском языке. Были они переданы и в Муромский музей.

Мне посчастливилось переводить несколько глав «Воспоминаний...»: «Побег» и «Ранние годы. 1889–1906».

В «Муромском сборнике»¹ была напечатана часть «Побег», рассказывавшая о том, как Зворыкин покидал Россию. Это был его путь к мировой славе через многочисленные испытания.

О том, как формировалась личность всемирно известного ученого, как на это повлияли детство и юность, семья он сам пишет в главе «Ранние годы. 1889–1906», перевод которой предлагается вашему вниманию.

Город Муром, где я родился, является одним из древнейших в России, упоминания о нем в летописях уходят в десятый век. Удобно расположенное в излучине большой реки Оки, притока Волги, это место в древнейшие времена привлекло людей из соседних лесов, создавших поселения в регионе, которое стало впоследствии центральной частью России. В ту пору реки были единственно удобным транспортным путем, и Муром очень рано стал процветающим центром торговли. Это благополучие являлось причиной набегов соседних племен. Город был укреплен и стал аванпостом русских княжеств. Он играл важную роль в русской истории в период монголо-татарского нашествия, несколько раз был разорен и сожжен татарами. С ростом Московского княжества стратегическое значение Мурома постепенно падало. К восемнадцатому веку он стал типичным зажиточным провинциальным городком. В мое время население Мурома насчитывало двадцать тысяч жителей, в городе было двадцать три церкви и три монастыря. В начале двадцатого века город воспринимался достаточно передовым, в нем было несколько общих начальных школ (до одиннадцати лет), реальное училище, восьмилетняя женская гимназия, духовное училище; имелось несколько текстильных фабрик, железнодорожные мастерские, машиностроительный завод и несколько производств.

Мы также гордились сказочно богатой библиотекой, которая управлялась избранным попечительским комитетом. Так как библиотека располагалась близ нашего дома, я часто бывал там и остался навсегда благодарным библиотекарю, который руководил моим чтением. Любовь к книгам сохранилась у меня на всю жизнь.

Дом, в котором я родился, принадлежал нашей семье в течение нескольких поколений. Это было большое каменное трехэтажное здание, слишком большое даже для нашей многочисленной семьи. Практически

мы занимали только второй этаж, остальная часть дома была пуста и у нас, детей, было много свободного места для игр и прятков. Мезонин на четвертом этаже изнутри никогда не был доделан, и когда я стал подрастать, он оказался для меня постоянным источником разнообразных открытий среди старой выброшенной мебели и коробок...

Дом располагался на большой общественной площади лицом к двум церквям. На площади каждую субботу устраивался базар, куда крестьяне привозили свой товар. Субботний вид из наших окон на площадь и базары был источником развлечений и никогда не забываемым восторгом ранних лет моей жизни. У меня еще есть картина художника Куликова с площадью в субботний базарный день, написанная из окон нашего дома. Другой стороной дом выходил на реку. Так как он был построен высоко над Окой, у нас открывался великолепный вид и на реку, и на роцци, и деревни на противоположном берегу. Чрезвычайно красив был этот вид весной во время разлива Оки, когда она становилась похожей на большое озеро шириною более чем десять миль.

Я был младшим из семи выживших детей — брата и пяти сестер. Мою самую старшую сестру Надежду я знал очень мало. Она была на четырнадцать лет старше меня и вышла замуж, когда я был еще очень маленьким. Мой брат Николай, который был следующим ребенком в семье, в то время заканчивал реальное училище. Позже он стал студентом технологического института. После его окончания он уехал на Кавказ, где стал довольно известным строителем дамб, электростанций и ирригационных систем. Он и его жена навещали нас во время отпусков, поэтому я стал узнавать брата лучше только в более поздний период. Следующая сестра Анна учила меня читать, когда училась в последних классах гимназии и, в конце концов, тоже уехала,

сначала в университет, а позже в учебное заведение за границей, и мы редко видели ее до той поры, пока она не вышла замуж и не поселилась в Санкт-Петербурге. Следующая сестра Антонина была самоотверженной энтузиасткой, готовой жертвовать собой на благо общества. В гимназии она всегда входила в различные учебные группы, мечтала о служении человечеству, поступила в медицинский институт и стала земским врачом. Следующая, Вера, не училась в институте и рано вышла замуж за местного купца и умерла во время революции. Моим лучшим другом и товарищем по играм была сестра Мария, которая была всего на год старше меня. Она училась в женской гимназии тогда же, когда я учился в реальном училище, а потом мы также несколько лет общались, учась в институте.

Отец был выходцем из большой зажиточной купеческой семьи. Он получил коммерческое образование и для своего времени был человеком весьма прогрессивных взглядов. Он принимал активное участие в общественной жизни города, входил в библиотечный попечительский комитет, был членом городского совета, в течение одного созыва был городским головою Мурома. Он унаследовал от предков торговое дело — оптовую торговлю зерном, но позже приобрел пароходную линию на реке Оке, стал директором местного банка и известным в городе человеком. По причине занятости различными делами у отца не было достаточно времени для нас, детей, мы видели его практически во время еды или в церкви, которую он требовал регулярно посещать всей семьей. Хотя отец был абсолютным авторитетом в семейных делах, домом управляла мама, которая обращалась к нему обычно только во время кризисных моментов.

Мама очень рано вышла замуж. Она была дальней родственницей отца и носила ту же фамилию. Всего у них было двенадцать детей (кто старше, кто младше меня), из которых выжило только семь человек. Хотя у нас было достаточно прислуги, из-за большой семьи и большого домашнего хозяйства у мамы также было мало времени для нас. Младшие росли под присмотром старших сестер и многочисленных нянек. Меня опекала старая няня Любовь Ивановна. Она жила в нашей семье более сорока лет и была моей защитницей от всех, в том числе и от мамы, от которой старалась скрыть мои проступки и защитить от заслуженного наказания. Она продолжала заботиться обо мне и много лет спустя после окончания школы.

Особенно мы запоминаем самые лучшие и яркие моменты жизни, но когда мы вспоминаем их, то на память приходят и другие события, связанные с предыдущими по времени или по сходству. Я часто сравниваю память с клубком, состоящим из огромного количества нитей. Когда ваше внимание задерживается на конце одной из нитей, и вы начинаете распутывать клубок, вы раскрываете следующую нить, которая до этого была скрыта от вас. В автобиографиях часто пыгаются воспроизвести время, в котором звучат самые ранние впечатления.

Для меня очень сложно их датировать, кроме исключительных случаев. Самым ярким впечатлением детства является фейерверк в честь коронации царя Николая Второго в 1896 году. Еще одним событием 1896 года, которое я помню очень хорошо, была свадьба старшей сестры Надежды, и не только потому, что в доме было много новых людей, не только из-за свадебной церемонии, но большей частью из-за жениха, моего будущего зятя, который вместо традиционных коробок и пакетов принес нам сумки, полные конфет. Еще одно воспоминание того же времени связано с моим первым исчезновением из дома. Наш дом был окружен несколькими постройками: конюшнями, коровниками, каретниками, дровяным сараем, ледниками, образующими большой двор со всегда закрытыми воротами, за которые один я никогда не выходил. Во время свадебных торжеств, которые длились почти неделю, ворота оставались открытыми для приема потока гостей. Я выглянул за ворота и ощутил себя птичкой, вырвавшейся из клетки. Я даже могу указать на картине, о которой упоминал прежде, конкретную лавку, около которой меня перехватили торговцы. Они затянули меня в лавку, начали угощать орехами и задавать разные вопросы. Я был очень горд своей независимостью и таким чудесным обхождением. Но все было разрушено моей няней, которая ворвалась в лавку с таким жутким выражением на лице, как если бы спасала меня из огня или воды.

Запечатлелся в моей памяти сильный ночной пожар недалеко от нашего дома. Я четко помню, как все вокруг было ярко освещено, силуэты людей с ведрами воды, забирающиеся на железную крышу конюшни, и настойчивый звон колокола в расположенном рядом храме, отбивающий пожарную тревогу.

Между домом и рекой у нас находился большой сад-огород. Часть его располагалась на возвышении, окруженном с трех сторон глубоким оврагом, заросшим разными деревьями и кустарниками. Это было наше самое любимое место для игр и прятков. Летом сад был полон овощей, фруктов и ягод, которые мы поглощали в огромных количествах, чем беспокоили наших родителей из-за возникавшей порой потери аппетита. Зимой сад был для нас недоступен из-за глубокого снега. В течение нескольких лет я был полностью поглощен ловлей в нашем саду певчих птиц, которых держал в своей комнате в клетках и без клеток, до тех пор, пока мама не заставила меня выпустить их из-за беспорядка, который они создавали.

Из-за отсутствия у моего брата интереса к ведению семейного бизнеса, отец старался заинтересовать своими делами меня уже тогда, когда я был еще сущим ребенком, беря меня с собой на пароходы и в другие недолгие рабочие поездки, что мне нравилось. Когда стояла плохая погода, отец приглашал меня в свой кабинет, чтобы я мог понаблюдать, как он принимает деловых посетителей. Конечно, я не понимал их разговоров, но мне нравилось наблюдать за происходящим. Почти сразу же после приветствий отец предлагал посетителю

сигару. Сигары лежали в двух коробках: одна побольше — на рабочем столе, из которой почти каждому предлагалась сигара, другая поменьше — в запирающемся выдвижном ящике стола, из которой предлагались сигары более важным гостям. Я развлекался, наблюдая за поведением посетителей после того, как они брали предлагаемую сигару. Обычно они рассматривали этикетку, вдыхали аромат, а как прикуривали и делали затяжку, хвалили ее качество. Важные посетители, хотя и испытывали, я полагаю, те же чувства, были более сдержанными. Мое любопытство к разнице двух сортов сигар настолько выросло, что однажды, обнаружив, что ящик с маленькой коробкой не закрыт, я перемещал содержимое обеих коробок, ожидая с величайшим страхом что-то подобное взрыву, когда подмена будет обнаружена. Однако ничего не случилось, никто не заметил разницы. Затем я решил сам попробовать оба сорта сигар. Это привело к плачевному результату. Я жестоко заболел, был приглашен доктор, который догадался о причине, и все преступление было раскрыто. Конечно, я был наказан, но возможно из-за результата эксперимента я так и не начал курить, хотя мой отец был заядлым курильщиком.

Из моих родственников я лучше всех помню тетю Марию, старшую сестру отца. Она была замужем за очень богатым человеком по фамилии Солин, который владел большой флотилией пароходов на Волге, использовавшейся для перевозки и доставки нефти из Баку в центральные районы страны. Они жили в Астрахани, где Волга впадает в Каспийское море, в самом роскошном доме. Когда муж умер, она стала главой большого промышленного предприятия, и по причине своего богатства старалась подавлять любого, с кем ей приходилось иметь контакты. Она была хорошо известна по всей Волге. Один из ее пароходов назывался «Мария Солина», и ходила шутка, что остальные корабли ее флотилии, проплывая мимо, должны были салютовать этому пароходу гудками. Она часто навещала нас в Муроме, и мы, дети, боялись ее, так как будучи бездетной, она каждый раз пыталась убедить своих братьев разрешить ей усыновить одного из нас, чего мы опасались. Наконец она удочерила сироту и полностью подчинила ее себе.

Один из моих дядей — Алексей, отец Ивана, моего друга и компаньона по охоте, был большим знатоком рысистых лошадей. Он сам их тренировал, и до семидесяти лет, пока позволяло здоровье, сам выезжал на московский ипподром. Его страсть к лошадям была притчей во языцех для родственников, которые утверждали, что строительство конюшни для лошадей было дороже, чем строительство его дома. Он имел обыкновение угощать своих копытных животных лучшим бренди, привезенным из Франции.

Другой, самый младший из дядей, Иван, которого я никогда не видел, так как он умер за год до моего рождения, был профессором физики Московского университета². На мезонине нашего дома я нашел большую коробку, полную репринтов его научных трудов,

включая один, датированный 1887 годом... Я никогда не знал, почему он умер так рано...

Памятным событием того времени было проведение телефона в Муроме на частные пожертвования. Монтаж воздушных телефонных линий продолжался, пожалуй, все лето. Как только магистральную линию начали протягивать вдоль рыночной площади перед нашим домом, у меня появилась возможность любоваться работой связистов из окон и видеть, как появляется все больше и больше проводов и как прекрасно они блестят на солнце, словно золотые волосы какого-нибудь таинственного чудовища. Поскольку число жертвователей было небольшим, возможно около ста, телефонистки помнили всех абонентов по имени и прозвищу, и вскоре телефон стал источником всех городских новостей и сплетен. Дамы часами обменивались самой интимной информацией, которая через телефонисток немедленно распространялась по всему городу. Люди постарше относились к телефону с некоторым недоверием, и я помню, как часто видел старого слугу моего деда, пересекающего базарную площадь по дороге к нам, чтобы сказать моей матери, что ее отец собирается позвонить ей, чтоб были готовы ответить. Но наиболее острый интерес к телефону был во время пожаров, тогда телефонистка сама освещала все детали: насколько силен был пожар, какая техника и как быстро прибыла, кто был среди зевак и т. д. Это был лучший источник информации, замена средств печати, которых в Муроме тогда еще не было.

Я уже упоминал о большом количестве церквей в Муроме. Наша приходская церковь была дверь в дверь с домом³, и семья в полном составе обычно посещала субботнюю всенощную службу и воскресную обедню. Моя старая няня, которая была очень набожной, ходила в храм почти каждый день к утренней службе. В церкви у нас было специальное место рядом со старостой и свечным ящиком (прилавком для продажи свечей). Как только я немного подрос, староста стал посылать меня с купленными прихожанами свечками, чтобы поставить их к той или иной иконе. А чуть позже у меня появилась чудесная обязанность — зажигать канделябры. Исполняя ее, я должен был забираться по приставной лестнице, поддерживаемой церковным служителем, на верхнюю ступеньку и становился выше всех в церкви.

Самой запоминающейся была пасхальная служба. Пасха в России почитается как «Праздник Праздников». Она отмечалась в первое воскресенье после полнолуния, после весеннего равноденствия, и ей предшествовало семь недель поста. Праздничные дни начинались субботней всенощной службой в затемненном храме: священник был одет в темное облачение, хор исполнял скорбное песнопение, прихожане держали горящие свечи. Около полуночи начинался крестный ход, возглавляемый священником, одетым уже в сияющие одежды, несущим крест и трикирий с зажженными свечами. Его сопровождали люди, несущие иконы, кресты, хоругви и евангелие. Крестный ход трижды обходил вокруг храма. На третьем круге (который соответствует полу-

ночи) священник пел гимн воскресению Христа: «Христос воскрес из мертвых», — а хор продолжал: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробе живот даровав». Затем шествие возвращалось в храм, который к этому времени был ярко залит светом зажженных светильников и лампад. Священник поднимал крест, благословляя всех людей, приветствуя их словами: «Христос воскрес!», — и все отвечали: «Во истину воскрес!» Хор исполнял радостное песнопение. Пасхальные братские троекратные поцелуи в качестве радостного обрядового ритуала были повсеместно приняты в дореволюционной России. В этот период я обычно следил за тем, чтобы фейерверки вне церкви были громкими и яркими, насколько возможно. Вся наша семья и прислуга возвращались домой уставшие, но радостные и сияющие, неся горящие свечи, чтобы зажечь лампады перед домашними иконами. Дома ждал праздничный полуночный ужин, который мы предвкушали и которым наслаждались после семи недель великого поста. Стол был красиво украшен весенними цветами — розовыми, голубыми и белыми гиацинтами. Домашний высокий аппетитный кулич господствовал на столе. Там же было и традиционное лакомство — «пасха» в форме пирамиды, украшенной сверху маленьким цветком. Были на столе и разноцветные сваренные вкрутую яйца, жареное мясо молодого барашка, окорок и многие другие деликатесы. Праздничные дни продолжались всю неделю, церкви открыты для службы, все дни слышен колокольный перезвон. В течение первых трех дней наносились взаимные визиты родственниками и друзьями с поздравлением друг друга рюмкой водки или вина.

В феврале, буквально перед великим постом, в течение недели в России праздновали масленицу. Это были яркие и веселые дни. Мы ели блины со сметаной и с солеными блюдами, такими, как икра, сельдь и т. д. Для нас, детей, это было своего рода соревнование — хвастать, кто сколько съел блинов в этот день... Потом мы катались на городском катке под вальсы, исполняемые местным оркестром. Днем по центральным улицам города проходило специальное шествие запряженных в сани лошадей. Каждый демонстрировал своих лучших лошадей, экипажников саней и меха. Обычно этот парад завершался гонками повозок, которые часто опрокидывали седоков в мягкий снег.

Рождественские праздники (святки) я помню по наряженным елкам, раздаче подарков, столу, уставленному яствами и окруженному постоянно сменяющимися группами духовенства, родственников и друзей. Для нас, младших, это, конечно, было время катания на коньках, санках, лыжах и часто от замороженных ушей и пальцев.

После того, как моя сестра Анна, обучавшая меня чтению, уехала в Санкт-Петербург поступать в университет, меня определили в частную школу для подготовки к поступлению в реальное училище. Эта школа оставила в моей памяти сильное и тяжелое воспоминание. Во-первых, я любил школу и всегда очень расстраивался, если приходилось пропускать занятия из-за болезни или плохой погоды. Более того, я любил свою учительницу

Елизавету Ивановну. Она была очень доброй женщиной, которая присматривала за нами, как за своими детьми. В день, когда я получил первую оценку в реальном училище, моим самым сильным ощущением было чувство огромной потери своей учительницы. Я уверен, что своим интересом к обучению обязан ей.

Первый год в реальном училище был отмечен большими изменениями в моей жизни. Я стал более независимым, испытывал меньше надзора моей няни и попал под влияние школьного окружения, моих новых друзей-одноклассников. Я скоро отказался от поездки в школу в нашем экипаже, а в особенности от того, чтобы заезжали за мной после занятий, и настоял на том, чтобы ходить пешком вместе с остальными мальчиками.

Нашими играми были в основном с игры мячом, подобные упрощенному бейсболу, а также «городки», которые состояли из строительства ряда фигур из деревянных блоков внутри круга и выбивания их из круга клеком — круглой палкой. Зимой мы катались на коньках на реках и прудах, а летом лучшим развлечением было купание. Река Ока очень широкая и быстрая. Плавание в ней всегда было опасным, особенно когда мы, будучи подростками, старались переплыть реку или проплыть перед идущими пароходами или баржами. Это строго наказывалось руководством школы, но мы продолжали искушать судьбу, и каждое лето происходили несчастные случаи, иногда с фатальным исходом. Под особым запретом была игра на проплывающих льдинах весной во время весенней оттепели на Оке. И когда нас заставляли за этим занятием, то наказывали тем, что заставляли проводить воскресенье в училище.

Однажды мой приятель Василий и я, недооценив размеры льдины, упали в воду и были вытасканы другими мальчиками. Было очень холодно и, чтобы согреться, мы побежали в городскую насосную станцию, на водокачку. Мы побоялись идти домой не столько из-за родителей, сколько из-за школьного инспектора. Поэтому один из наших спасителей побежал домой и сказал о происшествии моей няне, которая вскоре появилась на водокачке с двумя комплектами сухой одежды. По пути домой мы встретили инспектора, который поинтересовался, откуда мы идем, и что находится в узле, который несет няня. Она ответила, что ходила на реку полоскать белье, а мы помогали ей. Позже она отругала нас не из-за инцидента, а из-за того, что ей пришлось взять на себя грех, обманывая инспектора.

Физически я развился очень рано, благодаря прогулкам и играм в рощах, где я лазил по деревьям с одноклассником Василием и кузеном Иваном. В каникулы и в выходные дни мы часто гуляли в небольших лесочках, которых было много вокруг Муромы. Любовь к подобным странствиям постепенно привела меня к любви к охоте, которую я до сих пор сохраняю. Фактически охота была оправданием для проведения времени вне дома, но, чтобы оправдаться, необходимо было принести трофеи. Поэтому мы часами находились в воде, на водоемах, выслеживая уток, пробирались сквозь кустарники, чтобы подстрелить гуся,

кролика или еще какую-нибудь дичь. Удивительно то, что дома я часто был мишенью для простуды, но никогда не болел на охоте.

Однажды я провалился под лед, стараясь найти утку, которую подстрелил на только что замерзшем озере. Василий, который был со мной, не смог меня вытянуть, тоже провалился, но умудрился выбраться на берег и побежал в соседнюю деревню за помощью. В конце концов меня вытащили. Никогда раньше мне не приходилось провести почти час в ледяной воде. Спасатели принесли меня в деревню, мне пришлось купить очень много водки (из-за чего спасатели болели на следующее утро, а я даже не простудился). Дома я часто простужался и схватывал респираторные заболевания, которые доктора диагностировали как астму. Родители водили меня к различным специалистам, няня брала меня в монастырь и непрестанно молилась за меня. Но все было тщетно до тех пор, пока я не уехал в Санкт-Петербург, и никогда больше у меня не было такого диагноза. Позже это определяли как аллергию на кошек и собак, но у меня до сих пор есть собаки и нет астмы.

Зимой мы охотились на зайцев, лис и даже на волков. Обычно мы выезжали в полночь на саних, запряженных парой лошадей. В саних у нас был молочный поросенок и привязанный на длинной веревке, волочащийся сзади, мешок с сеном. Щекоткой мы заставляли поросенка визжать, а волки, привлеченные этим и, думая, что визг исходит из мешка, бежали за саними, а мы стреляли в них. Иногда волков было очень много, и тогда мы, боясь их, убивались подобра-поздорову.

Захватывающей была охота ранней весной во время разлива Оки. Нам приходилось переплывать реку в гребной шлюпке среди затопленных полей и роцц, чтобы выбрать сухое место и устроить засаду, где ожидали возвращения уток, гусей и других перелетных птиц. Один раз я оказался окруженным большим семейством лосей во главе с вожакком. Я провел все утро, ни разу не выстрелив в тысячи пролетающих уток и гусей, так как боялся, что лось-вожак нападет на меня.

Однако помимо школы и прогулок по лесу у меня было и другое занятие. У моего отца была пассажирская пароходная линия между Муромом и Нижним Новгородом. Когда я еще учился в младших классах, мне приходилось и встречать пароходы, и видеть, как они отплывают от муромской пристани. Летом я часто по три-четыре дня плавал на пароходе. Когда я немного подрос, отец стал давать мне задания, связанные с бизнесом. Особенно я помню два из них, которые были вызваны необходимостью отправить проходы из города. Одно путешествие на пароходе было во время рождественских каникул. Почти в тридцати милях от порта приписки пароход обледенел и оказался закованным в лед из-за неожиданно наступившей зимы.

Так как зима была временем ремонта и профилактики парохода для следующей навигации, необходимо было построить временные мастерские вокруг судна

и разместить рабочих в соседней деревне. В мои обязанности входило наблюдение за ходом работ и оповещение о них отца. Я выехал под присмотром нашего старого возчика на двух лошадях с большим количеством теплой одежды и провизии. Выехали рано, надеясь добраться до пункта назначения до наступления сумерек. Дорога была хорошей, особенно вдоль замерзшего русла реки. Езда верхом была приятной, исключая некоторые места, занесенные только что выпавшим снегом. Это мешало нашему продвижению, и ночь застала нас, когда до цели было еще далеко. Езда верхом в безлунную зимнюю ночь тяжелая, и иногда в поиске пути нам приходилось полностью полагаться на лошадей. Наконец мы потеряли дорогу. К тому же проводник, чтобы скоротать время, начал рассказывать мне про убийства, произошедшие в округе. Он напугал не только меня, но и себя, особенно, когда ему послышалось приближение саней-розвальней, следовавших за нами. Проводник начал подгонять лошадей, а потом остановил их, и преследователи сделали также, возможно по той же причине. Мы запаниковали и погнались лошадей во всю прыть и вскоре оказались в деревне, которую искали.

Мы переночевали в просторном крестьянском доме, хозяева которого были очень гостеприимны. На следующий день я пошел к пароходу и выяснил, что ремонт его идет в хорошем темпе, а также узнал о совершенно уникальном методе ремонта днища судна без сухого дока. Для этого механик сделал тоннель во льду под судном... В нашем случае было необходимо снять и поменять стальной лист площадью более двадцати футов⁴. Когда я увидел работу, она уже шла к концу, и по возвращении я мог сообщить отцу, что эта очень рискованная операция будет благополучно завершена.

Другое путешествие я совершил в Ярославль, расположенный на Волге, где у отца было небольшое земельное владение. Поводом для поездки явилось отсутствие новостей от управляющего, проживавшего там. Я поехал туда по железной дороге, и, хотя была послана телеграмма, чтобы управляющий встретил меня, на станции его не оказалось. Мне пришлось провести ночь в маленькой гостинице, где меня измучили клопы. На следующее утро я нанял извозчика с парой лошадей, чтобы быстро добраться до места, которое находилось в двадцати минутах езды от города. Из-за плохой дороги и снега я добрался туда ночью и увидел дом и двор, полностью занесенными снегом. Так как никто не отвечал на мои и извозчика крики, нам пришлось расчистить тропинку к двери, извозчик сломал замок, и мы вошли в холодный дом. Когда нам удалось зажечь керосиновую лампу, мы, к нашему ужасу, увидели управляющего, лежащего мертвым на кровати. Мы быстро ретировались и с некоторым трудом нашли деревню, где разбудили местного полицейского, который разыскал доктора. Снова мы пошли к дому только для того, чтобы узнать от врача, что бедняга умер несколько дней назад. Я отправил отцу телеграмму и получил указание, задержаться на несколько дней, пока один

из его людей не приедет и не сменит меня. Эту поездку я долго вспоминал с содроганием.

Самые приятные воспоминания связаны с моими визитами на дачу во время летних каникул к московской тетке, которая проводила лето под Муромом.

Тетка была вдовой. У нее был сын Леонид и две дочери, одна из которых, Катя, была моей сверстницей, и я очень дружил с ней и с Леонидом. Нам разрешалось приглашать в гости своих друзей, и дом был всегда полон молодежи. Дни проходили как один сплошной праздник. Мы купались, катались на лодках, играли в крокет, ездили верхом, а иногда позволяли себе и розыгрыши сомнительного характера. Однажды мы услышали, что двое осужденных сбежали из муромской тюрьмы и прятались где-то рядом. Мой кузен и его друг решили выдать себя за них. Они надели старую одежду и сказали, чтобы я бежал через парк и звал на помощь, а они будут преследовать меня. Эта шутка закончилась почти несчастьем, так как один из соседей, офицер, побежал за ними с ружьем и стрелял, но, к счастью, мимо. Тетка упала в обморок, и пришлось послать за доктором. Меня за участие в этом деле отправили домой в Муром. В другой раз мы решили отметить день рождения тетки. Разработали доморощенный фейерверк, но одна ракета дала осечку, и загорелся сарай. Последовало очередное изгнание.

Школа никогда не была для меня проблемой. Учился я легко, и мне очень нравилось быть с одноклассниками. Из предметов я предпочитал гимнастику, естественные науки, а в старших классах — физику. В училище у нас был небольшой набор приборов, который использовался для проведения демонстрации законов физики на уроках. Очень скоро мне поручили следить за всеми приборами и часто вызывали ассистировать учителю во время проведения опытов в других классах.

Мои последние два года в школе совпали с неудавшейся русской революцией 1905 года, произошедшей в результате гибельной войны с Японией и общего недовольства народа царским правительством. Это, конечно, имело большое влияние на студентов. Многие студенты высших учебных заведений примыкали к левому крылу политической борьбы, и мы, ученики старших классов училища, конечно старались походить на них. Мы организовывали забастовки, требовали свободу от надзирателей, протестовали против некоторых педагогов и т. д. Участие в политике было опасно, так как некоторые из нас принадлежали к террористическим организациям и перевозили оружие, распространяли листовки и т. д. Наши родители не знали об этой деятельности, но даже если бы они и знали, то я сомневаюсь, что им удалось бы достигнуть многого, чтобы предотвратить это. В качестве примера я помню, как мы прятали на мезонине революционера, раненного полицией. Моя старшая сестра была вовлечена в это, мы приносили ему еду и новости... И все это — в доме городского головы. Между прочим, этот парень стал

членом Совета после революции 1917 года.

Лето 1905 года помнится постоянными забастовками и демонстрациями по всей России. Муром был типичным в этом отношении, и я особенно запомнил одну демонстрацию. Она началась как обычно: несколько групп рабочих с соседних предприятий собрались на большой площади, и тут же к ним присоединилась учащаяся молодежь. Я был среди них и видел, как мирная процессия превратилась в бунт. Был чудесный летний вечер, и среди рабочих было сильное волнение в связи с одним либеральным манифестом царя. Мы шли и пели революционные песни, популярные в то время, и пришли в парк над рекой, который был любимым местом горожан для летних прогулок. Парк располагался между двух оврагов и был окружен деревянным забором. Начали уже ступаться сумерки, толпа была в праздничном настроении. Вдруг в конце парка демонстрация, без предупреждения, была атакована отрядом полиции, который стал стрелять поверх голов демонстрантов; началась паника. Несколько человек было ранено, многие арестованы, а одной девушке из выпускного класса женской гимназии рассекли лицо саблей. Так как оба конца парка были перекрыты полицией, то единственным путем побега оставался путь через забор, за которым — крутой склон оврага. Было много случаев перелома конечностей и получения опасных ушибов. Но наиболее трагический случай — это обезображенная самая красивая девушка города. Конечно, она стала нашей героиней. Мой личный опыт в этом деле был очень смешным. Я сидел на заборе, наблюдая, что происходит, готовый спрыгнуть в случае опасности. Было уже темно, и я слышал, что кто-то около меня пытается забраться на забор. Я стал помогать, это была девушка, моя сверстница из женской гимназии. Мы возвращались домой вместе, и некоторое время это была прекрасная романтическая любовная история, так как она считала, что я спас ее жизнь и уберег от страшной судьбы раненой девушки. Несмотря на все это, учеба моя продолжалась, и весной я с отличием окончил реальное училище.

В России в ту пору было два типа средних учебных заведений: гимназия и реальное училище. Различие между ними состояло в том, что в гимназии большее внимание уделялось языкам, греческому и латыни, литературе, в то время как в реальном училище больше времени отводилось естественным наукам и математике. Конечно, у меня не было выбора учебного заведения — выбор решал мой отец. Выбор его был обусловлен частично и тем, что в Муроме было только реальное училище, что позволяло мне жить с родителями, а также и то, что это было подходящее учебное заведение для поступления в дальнейшем в машиностроительный институт. Я не думаю, что сам лично отдавал предпочтение тому, чтобы стать инженером. Это было решено задолго до окончания реального училища, в основном потому, что несколько инженеров уже было в нашей семье. Два дяди по линии отца были

профессорами в области машиностроения и физики, а мой старший брат и несколько кузенов были в это время студентами технических учебных заведений. Однако другая ветвь моей семьи, включая дядю и трех сестер, выбрала профессию врача. Я думаю, что соответствовал общей тенденции молодых людей, питая интерес к сложным машинам, стараясь возиться с чем-либо механическим, что попадало в мои руки. В Муроме в это время была большая мода на установку электрических звонков, а так как я принимал участие в установке этого таинства в домах наших родственников и друзей, то получил репутацию «специалиста». Самым большим моим достижением, которое могу вспомнить, был ремонт системы звонков на пассажирском пароходе. Настоящего специалиста на исполнение этой работы не было, а пароход должен был быть готов к навигации. Эта репутация сохранялась за мной достаточно долго и объясняет эпизод, который со мной случился в Москве после моего окончания реального училища, когда я направлялся в Санкт-Петербург для сдачи вступительных экзаменов в технологический институт.

По дороге туда я остановился на несколько дней у тетушки в Москве, чтобы повидать кузенов. Так как семья была достаточно богата, мой кузен Леонид в качестве подарка по случаю окончания им университета только что получил от матери автомобиль. В то время в Москве было менее сотни машин, а я вообще никогда не видел ни одной. Я помню, автомобиль был французского производства «Де Дион Бутон» с открытым шасси. Конечно, я влюбился в него с первого взгляда. Хотя у них был шофер, кузену было разрешено водить машину самому, и мы проводили все дни или копаясь в моторе, или разъезжая по окрестностям Москвы. На следующий день после моего приезда домочадцы решили устроить праздник по случаю окончания мною школы. В то время празднование имело очень конкретный план: сначала обед, затем театр, а потом ночной клуб и не один, а несколько. Таким образом, поздно ночью мы оказались в пригородах Москвы. Леонид, который вел машину, оказался под большим воздействием праздничных возлияний. Было решено не доверять ему руль. Из-за идеальной репутации выбор пал на меня. Начало путешествия было достаточно благополучным, я успешно завел машину и повел ее в Москву, которая была в часе езды. Все шло прекрасно до того, пока мы не въехали в парк, в котором были центральная и две боковые аллеи. Центральная аллея была запружена ломовыми извозчиками, я был раздражен тем, что придется объезжать

их. Кроме того, я не чувствовал себя уверенным за рулем, поэтому решил выехать с главной аллеи на боковую. Это привело к инциденту — разворачиваясь, я потерял управление и угодил задними колесами в сточную канаву. Все мои усилия выгнать машину были тщетны. Семейство было в совершенном негодовании, решили отправиться домой на извозчике, который, к счастью, ехал в том же направлении. Они все уехали, оставив меня с машиной, с которой, конечно, я не расстался бы. Между тем извозчики прибывали, и я слушал насмешливые замечания о машине. После бурных обсуждений и многочисленных шуток, некоторые из них согласились выпрясть лошадей и выгнали меня. Еще раз мне посчастливилось завести машину и опять поехать по улицам Москвы. Было уже утро, движение автотранспорта и запряженных колясками лошадей делало мое передвижение все более трудным. Однако все шло нормально, пока мой автомобиль не попал в центр Москвы, где транспорт двигался по всем направлениям. Лошади, не привыкшие к автомобилям, были напряжены и непослушны. Неудачный поворот моей машины задел кабриолет. Это событие полностью нарушило дорожное движение. Первое, что меня беспокоило — машина, но, не увидев ничего серьезного, если не считать легкой вмятины на крыле, я переключил свое внимание на возницу, с которым столкнулся. К счастью, ни он, ни лошадь не пострадали, ущербом была только разбитая оглобля. Возница был совершенно напуган и стал извиняться, что не смог избежать столкновения. Чтобы разрешить с ним этот конфликт на месте, я предложил ему двадцать пять рублей, что в то время было очень большой суммой денег и достаточно покрывало все убытки. Страж порядка очень быстро оценил ситуацию и решил занять в этом инциденте мою сторону. Вместо того чтобы предъявить мне обвинение, он начал бранить бедного возницу, за то, что тот был невнимательным и столкнулся с автомобилем, который был «слепым». Он обращался ко мне по высшему титулу, называя «ваше превосходительство», мягко извлек из рук извозчика деньги, уверяя меня, что проследит за всем происходящим. Остановив движение, он впрыгнул на капот машины, указывая мне путь дальнейшего продвижения по улице. Я уверен, что бедный возница получил не так много с этого дела. Когда я вернулся домой, то был провозглашен героем. Несколько лет спустя, во время Первой мировой войны, частично благодаря этому первому опыту, я был определен в качестве «офицера по попечительству военных шоферов».

Перевод и публикация Е. А. Субботиной (Муром)

¹ Муромский сборник. — Муром. — 1993. — С. 205-213.

² Наверное, Владимир Козьмич сделал описку, имея в виду Николая Зворыкина, магистра физики, преподававшего в МГУ вместе с одним из братьев Столетовых и умершего в тридцатилетнем

возрасте в 1884 году.

³ Николо-Зарядская церковь

⁴ 1 фут = 30,5 см

«ЧЕРНОЕ ПЯТНО» НА ГОЛУБОМ ЭКРАНЕ: ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ. СУДЬБА ИЗОБРЕТЕНИЯ В. К. ЗВОРЫКИНА В СССР

История практических попыток передачи изображений по электрическому каналу восходит к середине XIX века. В 20-х годах прошлого века удалось осуществить передачу движущегося изображения с помощью систем механического телевидения. А в 30-е годы телевидение стало электронным. В области телевидения было сделано много оригинальных изобретений — в разное время, разными людьми, в разных странах. Однако патент на систему электронного телевидения (которая существует и по сей день) был выдан русскому эмигранту, сыну муромского купца первой гильдии, Владимиру Козьмичу Зворыкину¹.

В Советском Союзе неоднократно пытались оспорить приоритет Зворыкина и доказать, что впервые электронное телевидение появилось в СССР исключительно силами советских ученых. Цель нашей работы — попытаться восстановить истинную хронологию событий.

В России история телевидения начинается в 1897 году с опытов Б. Л. Розинга по электрической телескопии. Помощником Розинга в период с 1907 по 1911 год был студент Технологического института Владимир Зворыкин. Как вспоминал Зворыкин, «к концу моего сотрудничества с профессором Розингом у него была действующая система, состоящая из вращающихся зеркал и фотоэлемента на передающей стороне и приемной катодной трубки с недостаточным вакуумом, которая воспроизводила расплывчатые картинки»². То есть это была гибридная, электронно-механическая установка. Забегая вперед, интересно отметить, что этот принцип нашел практическое применение несколько позже — в 1930-х годах.

Зворыкин в 1920 году эмигрирует в Америку. В 1923 году сотрудник американской фирмы «Westinghouse» Владимир Зворыкин подает заявку на патент полностью электронной системы телевидения. В 1925 году он демонстрирует действующую модель электронной телевизионной установки руководству компании. Однако на генерального директора это впечатление не произвело — не устроило качество изображения.

Оставшийся в СССР Розинг пытается продолжать опыты по «электрической телескопии», но в сложившихся условиях возможны лишь теоретические изыскания без экспериментальной проверки.

К середине 1920 годов относится появление и распространение систем механического телевидения. В 1926 году начинает свои опыты один из пионеров этого направления — англичанин Джон Лоджи Бэрд. В СССР в области механического телевидения работал Лев Термен, получивший всемирную известность как создатель электромузыкального инструмента «терменвокс»³.

В конце 1930-го года на радиозаводе им. Коминтерна была организована лаборатория телевидения. Под руководством А. Л. Минца коллектив советских ученых занялся разработкой механического телевизора, пригодного для массового производства. На Второй Всесоюзной телевизионной конференции в декабре 1931 г. был продемонстрирован опытный образец такого аппарата. Параметры его таковы: количество строк — 30, частота кадров 12,5 кадр/с (меньше, чем в немом кино), размер изображения 27 на 27 миллиметров. (Американские станции в 1931 году использовали развертку в 45-60 строк при частоте кадров 15-20). В 1931 г. в Москве под руководством П. В. Шамова был разработан и пущен в эксплуатацию первый в СССР тридцатистрочный телецентр. В 1932 г. радиозавод им. Коминтерна выпустил первую партию — двадцать (!) телевизоров. О выпуске второй партии источник ничего не сообщает⁴.

Для сравнения: по данным американского журнала «Radio News» в начале 1931-го года только в Америке было 19 лицензированных передающих телевизионных станций⁵. Страницы журналов пестрели рекламой механических телевизоров различных производителей. Любой читатель тех же «Radio News» мог выбрать аппарат в соответствии со своим вкусом и кошельком.

Однако бесперспективность дальнейших поисков в области механического телевидения становилась все более очевидной. Крупнейшие специалисты Европы (Арденне) и Америки (Зворыкин, Фарнсворт) работали над созданием систем электронного телевидения. Тем не менее, в СССР ставку сделали на механические системы. Юбилейный номер журнала «Электричество» в 1930 году публикует статью Б. Л. Розинга «Участие русских ученых в развитии идей электрической телескопии». В этой статье автор позволяет себе усомниться в целесообразности дальнейшего развития механического телевидения: «И является еще вопрос, способна ли вообще материя с теми громадными силами инерции и трения, которые развиваются при больших скоростях, дать такие идеальные приемы? По крайней мере продолжительный период развития этой так называемой „механической телескопии” и отсутствие до сих пор решительных результатов в этом направлении позволяют серьезно в этом сомневаться»⁶. Вскоре после этого Розинг был сослан в Архангельскую область.

К этому времени (в 1929 г.) Зворыкин уже создал кинескоп и первый телевизор. В 1930 году Зворыкин становится директором исследовательской лаборатории фирмы Radio Corporation of America (RCA). В годовом отчете RCA говорилось, что в 1930 году был проведен большой комплекс исследо-

ваний и разработок по телевидению, была создана аппаратура, но коммерческое использование ее в 1931 году не планируется, лаборатория будет продолжать работу⁷.

Оставалось решить главную проблему — создать передающую электронную трубку. Первые образцы такой трубки, названной Зворыкинским «иконоскоп» были изготовлены в середине 1931 г. В том же году была сделана передающая установка с иконоскопом. 30 октября 1931 г. RCA устанавливает на крыше «Эмгайрстейт билдинг» экспериментальную телевизионную антенну. В 1932 году в Нью-Йорке начинает работать первый экспериментальный электронный телепередатчик. Завод RCA осваивает выпуск телевизоров с кинескопом Зворыкина. Установив такой телевизор в Нью-Йорке или его окрестностях в радиусе 100 км. можно принимать опытные телепередачи. Правда, стоимость телевизора сопоставима с ценой на новый автомобиль⁸.

26 июня 1933 года Зворыкин выступил на годичной конференции Американского общества радиоинженеров с докладом «Иконоскоп — современный вариант электрического глаза». Присутствующим специалистам стало понятно, что в истории телевидения наступила новая эра.

Зворыкин получает многочисленные приглашения выступить перед коллегами как в США, так и в других странах: Англии, Франции, Германии, СССР. Он принимает предложение посетить Россию вместе с руководством RCA. В августе 1933 г. Зворыкин прибывает поездом из Берлина в Ленинград. 13 августа 1933 г. он выступает с докладом на заседании ленинградского научно-технического общества электриков. Весьма любопытно последовавшее за этим обсуждение доклада: «Профессор НИИ телемеханики и телевидения Г. В. Брауде отметил, что в СССР работами в том же направлении, что и Зворыкин, занимались Б. Л. Розинг, А. А. Чернышев и А. П. Константинов. Профессор Чернышев запатентовал в 1925 г. конструкцию трубки с мозаичной сигнальной пластиной, а А. П. Константинов, независимо от Зворыкина, разработал передающую трубку с накоплением зарядов мишени. «К сожалению, — констатировал Брауде, — А. П. Константинов не только не осуществил этой вещи, но даже не опубликовал и не добился патентного завершения. Это показывает, как у нас не умеют развивать хорошую мысль и не умеют ее поддерживать. Например, Б. Л. Розинг предложил приемную трубку, но она у нас до сих пор не осуществлена»⁹. (К этому времени Б. Л. Розинг уже умер в ссылке).

«Заведующий лабораторией Ленинградского электрофизического института (ЛЭФИ) А. П. Константинов посетовал на волокиту с рассмотрением его заявки отечественными бюрократами и дал высокую оценку тому, что сделано Зворыкинским: „В отношении новизны и колоссального переломного значения того основного начала, которое положено в самый принцип накопления заряда, то, как справедливо указал здесь т. Брауде, это было предложено у нас три года тому

назад... Соответствующие заявки были в Центральной радиолaborатории (ЦРЛ) и в том институте, где работал автор, и во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ), т. е. во всех пунктах, которые занимаются телевидением... В моем устройстве в основном применен тот же самый принцип, но неизмеримо изящнее и практичнее сделано это у д-ра Зворыкина... Несмотря на то, что в 1930 г. с этим предложением были ознакомлены буквально все учреждения, почти никаких мер, если не считать некоторых первоначальных шагов ВЭИ, по этому поводу не предпринято. В ВЭИ начали делать, получили отзыв на эту работу, в 1931 г. запросили информацию о кое-каких деталях, и с того времени почти ничего не сделано»¹⁰.

Из вышесказанного понятно, что на тот момент в СССР не было не только действующей модели электронной телевизионной установки, а не было даже лабораторных образцов иконоскопа и кинескопа. Все, что тогда имелось — теоретические изыскания и чертежи на бумаге, не подкрепленные экспериментальной базой.

Также интересна фраза начальника лаборатории телевидения ЦРЛ В. А. Гурова: «Мне лично показывать д-ру Зворыкину было нечего по той простой причине, что уровень техники в моей лаборатории, как говорится, подгонялся под то, что принято было в Европе... Я полагаю, что своим приездом д-р Зворыкин помог нам в значительной степени перейти от европейской техники к той стадии американской техники, на которую нам надлежит обратить сугубое внимание»¹¹. Можно сказать, что эти слова ознаменовали переход СССР на американскую радиотехнику. Если до этого были какие-то сомнения, на какую технику ориентироваться — европейскую или американскую, то после визита делегации RCA они отпали. Помимо политических и экономических причин, вероятно не последнюю роль сыграли успехи американцев в области электронного телевидения и желание СССР иметь собственный телецентр. Резко меняется «генеральная линия»: специальным правительственным постановлением были определены мероприятия, направленные на преодоление отставания в области электронного телевидения. А в ноябре 1934 г. Константинову было выдано авторское свидетельство по заявке от 28 декабря 1930 г. В 1935 г. НИИ телемеханики в Ленинграде преобразуется во Всесоюзный научно-исследовательский институт телевидения (ВНИИТ).

К этому периоду относятся первые попытки создания отечественного иконоскопа. При этом задача стояла очень сложная. В книге В. А. Гурова «Основы дальновидения» 1936 года сказано: «Катодный передатчик Зворыкина... безусловно решает проблему дальновидения, которая, таким образом, перестала быть проблемой; но он имеется пока только у самого д-ра Зворыкина и не реализован еще нигде. Препятствием к этому является ряд технологических трудностей построения иконоскопа, способов получения мозаики и ее очувствления, которые описаны в патентах Р. С. А., неопубликованных до сего времени. Надо

полагать, что при дружной коллективной работе ученых СССР мы скоро увидим советский иконоскоп, еще с более значительными показателями, чем у прибора, описанного д-ром Эворькиным». В сноске к тексту говорится: «В настоящее время (1936 г.) иконоскоп построен в Научн.-иссл. инст. телевидения инж. Круссером и Рыфтиним. В 1934 г. в ЦРЛ был построен иконоскоп однострочного типа инж. М. Феодоровым по указаниям автора книги»¹². Подробно об изготовлении первых советских иконоскопов рассказано в статье Н. М. Романовой и Б. В. Круссера «Катодная передающая трубка»: «Разработка иконоскопов во Всесоюзном Научно-исследовательском институте телевидения началась с 1934 г., после доклада доктора Эворькина, прочитанного им в Ленинграде в Научно-техническом обществе электриков осенью 1933 г. В этом докладе и в немногих появившихся тогда статьях доктора Эворькина был изложен принцип действия иконоскопа, но ни методики изготовления его, ни подробного описания его деталей нигде не приводилось. Поэтому для изготовления иконоскопа необходимо было разработать:

- 1) методику получения мозаичного фотокатода;
- 2) конструкцию электронного прожектора, обладающего необходимыми параметрами с точки зрения величины пятна и плотности тока;

- 3) методику самого изготовления трубки»¹³.

Разработка однострочного иконоскопа проводилась в 1934 г. сотрудниками ЛТЭ ЦРЛ под руководством Гурова. Этот прибор собирались использовать для передачи кинофильмов по телевидению. «В связи с тем, что в то время в ЦРЛ еще не была освоена методика изготовления мозаичных поверхностей иконоскопов... проводились исследования и конструирование новой, более простой в изготовлении электронно-оптической системы однострочного иконоскопа... экспериментальные исследования начались в августе... но недостаток времени и средств не позволил завершить исследования в полном объеме»¹⁴.

В 1935 году СССР покупает у фирмы RCA лицензию на производство октальных радиоламп, разработанных этой фирмой. Сделано это было для того, чтобы преодолеть «некоторое техническое отставание в области электровакуумной промышленности»¹⁵. К 1938 году отставание, видимо, было ликвидировано, и началось производство первых советских массовых супергетеродинных приемников 6Н-1 и СВД-9. В служебных документах того времени они именуются соответственно: 6-ти ламповый приемник разработки фирмы RCA и 9-ти ламповый приемник разработки фирмы RCA. В октябре 1938 г. открылся первый советский телецентр на Шаболовке. Он был полностью укомплектован аппаратурой компании RCA. В том же, 1938 году началась эксплуатация Ленинградского телецентра.

История создания Опытного Ленинградского телецентра (ОЛТЦ) драматична и не совсем понятна. В октябре 1936 г. приказом ВНИИ телевидения руководство работами по организации, разработке

и строительству ОЛТЦ было возложено на А. П. Константинова. Для изучения опыта коллег из RCA его собирались командировать в США. Через восемь дней после приказа — 1-го ноября 1936 года он был арестован и расстрелян в мае 37-го. Назначенный вместо Константинова В. Л. Крейцер довел работу до сдачи объекта заказчику — Всесоюзному радиокомитету¹⁶.

Точную дату ввода телецентра в эксплуатацию назвать затруднительно. Как правило, утверждается, что Ленинградский телецентр вступил в строй 1-го сентября 1938 года, т. е. месяцем раньше Московского. Также подчеркивается, что Опытный Ленинградский телецентр было решено комплектовать преимущественно отечественными узлами и деталями. Вместо иконоскопа использовалась оригинальная передающая система, разработанная советским инженером Г. В. Брауде. Однако более ранние источники описывают события несколько иначе: «Первая телевизионная передача средствами электронного телевидения с разверткой изображения на 343 строки состоялась 9 марта 1938 года из временной студии сооруженной в 1937 г. Московского телевизионного центра. До этого, в феврале 1938 г. отсюда проводились пробные передачи кинофильмов.

С октября 1938 г. Московский телевизионный центр начал регулярные телевизионные передачи. В том же 1938 г. был пущен телевизионный центр в Ленинграде.

В следующем 1939 г. Г. В. Брауде осуществил оригинальный метод телевизионной передачи кинофильмов»¹⁷. Значит в 1938 году на Ленинградском телецентре использовалась какая-то иная аппаратура для передачи кинофильмов. Телепередатчик, разработанный для ОЛТЦ подробно описан в статье «Катодный телепередатчик на 240 строк»¹⁸. Как следует из этой статьи, передатчик этот работал «с передающей электронной трубкой типа иконоскопа д-ра Эворькина, разработанной также во ВНИИ». Приводится фотография камеры иконоскопа и результаты испытаний¹⁹.

Однако в статье Н. М. Романовой и Б. В. Круссера «Катодная передающая трубка», опубликованной в том же номере того же журнала, отмечается, что срок службы первых советских иконоскопов составлял всего несколько часов. К моменту написания статьи эту проблему удалось решить, но появились другие: «Имеются трубки, изготовленные в начале 1935 г., которые до настоящего времени, будучи почти все время в употреблении, дают хорошее изображение. Правда, иконоскопы, обладающие большой «электрической памятью», при продолжительной работе обнаруживают утомление»²⁰; т. е. изготовленные приборы едва ли годились для практического применения. Это были еще «сырые» лабораторные образцы. Единственное описание оригинальной передающей системы Г. В. Брауде, которое нам удалось обнаружить, опубликовано в «Журнале технической физики» за 1937 год. В статье говорится: «Описанная выше система передачи изображений была осуществлена нами в лаборатории в виде телепередатчика для передачи кинофильмов... В настоящее время

этот телепередатчик переоборудывается для установки в Ленинградском Телевещательном центре. Подробное описание этого телепередатчика и полученных при его испытании результатов будет дано в отдельной статье»²¹. Однако дальнейших публикаций на эту тему не последовало.

Первая передача в эфир состоялась непосредственно из здания ВНИИТ, о чем сообщила вечерняя «Красная газета» 17 сентября 1937 года под заголовком «Кино по эфиру»: «В темном зале небольшая группа зрителей тесно обступила высокий квадратный шкафчик. На небольшом экране Чарли Чаплин ростом в пять-шесть сантиметров сосредоточенно жуёт ленту серпантина. Демонстрируется отрывок из хорошо известного фильма. Но зрители смотрят с напряженным и неослабеваемым вниманием... Семиминутный сеанс окончен. Зрители оживленно делятся впечатлениями. Они, оказывается, вовсе не ожидали таких крупных, четких и точных изображений»²². Регулярное телевидение ОЛТЦ начал в сентябре 1938.

Техническая документация на Московский телецентр была обнаружена нами в библиотеке Государственного музея связи им. А. С. Попова, куда она попала из ленинградского НИИ-8²³. Имеется пять томов, на титульных листах некоторых из них стоят штампы «Научно-техническая библиотека НИИ-8». НИИ-8 — бывший ВНИИ телевидения. Новое название институт получил в январе 1937 года, а в 1939 был объединен с НИИ-9 и еще раз переименован. Следовательно, документация была передана в Ленинград в 1937-1939 годах. Штамп НИИ-8 стоит, в частности, на томе «Miscellaneous video units», в котором содержится описание аппаратуры для трансляции кинофильмов. Из описания передающей камеры с иконоскопом изъяты многие чертежи и схемы. Оставшиеся датированы февралем 1937 года. Видно, что американскую документацию тщательно изучали и анализировали в Ленинграде.

Как выглядело и функционировало оборудование первого электронного телецентра, построенного нашей электропромышленностью целиком из отечественной аппаратуры, не вполне понятно. Нам не удалось найти никакой документации на оборудование ОЛТЦ. Сохранилось очень небольшое количество фотографий, на которых изображены аппаратура Ленинградского телецентра и интерьеры студии. Зато в сборнике «50 лет радио» в качестве иллюстрации к статье «Телевизионное вещание в СССР» помещена фотография под названием «Передача из студии телевизионного центра»²⁴. На фотографии... общий вид студии в Радио-Сити, Нью-Йорк.

При изучении отечественных источников по истории телевидения обнаружилась следующая закономерность: во всех изданиях 30-х годов признается приоритет и достижения Зворыкина. Усилия советских инженеров направлены на то, чтобы сделать телеаппаратуру «по образу и подобию» аппаратуры фирмы RCA. Однако содержание публикаций резко меняется с нача-

лом «холодной войны». В массовом советском журнале «Радио» с завидным постоянством печатаются статьи, утверждающие, что наша страна является родиной радио, телевидения, радиолокации, супергетеродина и т. д. От общих утверждений авторы переходят к обвинениям в адрес «американских радиодельцов», занимающихся «открытым воровством чужих изобретений и открытий»²⁵. Характерны две статьи А. В. Таранцова, опубликованные в журнале «Радио» в 1952 году: «Заслуги русских ученых в создании и развитии телевидения» и «Телевизионная передающая трубка „суперорбитон“ — советское изобретение»²⁶. Смысл этих публикаций примерно следующий: некий американский «представитель фирмы Ар-си-эй» посетил в 30-е годы СССР и похитил гениальные изобретения советских ученых. Автор обличает «гангстеров из Ар-си-эй» и блестяще доказывает, что «советские ученые давно начали работать над созданием современной телевизионной передающей трубки и они завершили эти работы как практическими результатами, так и разработкой теории, и что американские радиофирмы попросту присвоили изобретения советских ученых... Таковы нравы капиталистических „джунглей“»²⁷. Факты в этих публикациях сознательно подтасовываются. Автор не делает никакой разницы между теоретической идеей, заявкой на патент, патентом, лабораторным образцом, серийной разработкой. Неожиданно в этих статьях всплывает имя А. П. Константинова. Врага народа (Константинова реабилитировали в 1956-м), готовившего бомбу для Сталина, объявляют... изобретателем телевидения. Вслед за Константиновым в список причастных попали Розинг, Чернышев, Катаев, Брауде, Шмаков, Тимофеев, Кубецкий...

В дальнейших исследованиях громкие обвинения уступают место изоциренной казуистике: авторы скрупулезно анализируют факты, заявки, патенты, публикации — и приходят к единственно возможному выводу: важнейшие изобретения в области телевидения были сделаны советскими учеными²⁸. Для пушечей убедительности предпринимаются экскурсии в давно ушедшие эпохи. Так, в одной из своих статей пионер советского телевидения П. В. Шмаков утверждает: «Физические основы телевидения заложили русские ученые: Ломоносов М. В. (трехкомпонентная теория цветового зрения), Столетов А. Г. (законы внешнего фотоэффекта), Попов А. С. (радиопередача сигналов) и Вавилов С. И. (законы люминесценции)»²⁹. Возразить нечего.

Складывается впечатление, что за многословными и не имеющими практического значения рассуждениями советские исследователи пытались скрыть страшную тайну, известную каждому советскому инженеру. Заключалась она в том, что любая отечественная разработка в области радиотехники, начиная от элементной базы и заканчивая сложными комплексами (телецентр, например) — была, как правило, бледной, плохо работающей копией устаревших зарубежных образцов, а основной движущей силой советской радиоэлектронной промышленности являлся канонизированный плагиат.

- ¹ Zworykin, V. K. U.S. Pat. 2141059 USA. Filed 29.12.1923; Issued 20.12.1938.
- ² Борисов В. П. Владимир Козьмич Зворыкин. — М., 2002. — С. 25.
- ³ Термен Л. С. Из истории телевидения // Из истории энергетики, электроники и связи. — М., 1966. — Вып. 1. — С. 38-44.
- ⁴ Центральная радиолaborатория в Ленинграде. — М., 1973. — С. 197-198.
- ⁵ Visual Broadcasting Still an Experiment // Radio News. — 1931. — № 2. — p. 761.
- ⁶ Розинг Б. Л. Участие русских ученых в развитии идей электрической телескопии // Электричество. — 1930. — № 1. — С. 48.
- ⁷ Kaufman S. Capital of the Radio World // Radio News. — 1931. — № 6. — p. 1114.
- ⁸ Электроника: прошлое, настоящее, будущее. — М., 1980. — С. 37-38.
- ⁹ Цит. по: Борисов В. П. Указ. соч. — С. 65.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Гуров В. А. Основы дальновидения. — М., 1936. — С. 340-342.
- ¹³ Романова Н. М., Круссер Б. В. Катодная передающая трубка // Известия электропромышленности слабого тока. — 1936. — № 11. — С. 57.
- ¹⁴ Центральная радиолaborатория в Ленинграде. — С. 208-209.
- ¹⁵ Там же. — С. 259.
- ¹⁶ Борисов В. П. Указ. соч. — С. 66-67; Гоголь А. А., Урвалов В. А. Павел Васильевич Шмаков. — М., 2007. — С. 77.
- ¹⁷ Новаковский С. В., Ренард В. Б. Показывает Москва. — М., 1954. — С. 7.
- ¹⁸ Известия электропромышленности слабого тока. — 1936. — № 11.
- ¹⁹ Вейсбрут А. Д., Железов А. А., Крейцер В. Л., Чашников Ю. Г. Катодный телепередатчик на 240 строк // Известия электропромышленности слабого тока. — 1936. — № 11. — С. 68-76.
- ²⁰ Романова Н. М., Круссер Б. В. Указ. соч. — С. 67.
- ²¹ Брауде Г. В. Новая система телевидения // Журнал технической физики. — 1937. — № 15. — Т. VII. — С. 1510-1540.
- ²² Цит. по: Дубинина Н. М. Вклад Ленинградского ВНИИТ в создание передающих телевизионных трубок и становление электронного телевидения // Электросвязь. — 1999. — № 5. — С. 39.
- ²³ RCA High Definition Television Transmitter. — Camden, N. J., USA. — 1935-1937(?).
- ²⁴ 50 лет радио. — М., 1945. — С. 301. Эта фотография публиковалась и ранее в сборнике «Техника современного телевидения». — М., 1938. — С. 29.
- ²⁵ Шмаков П. В. Проблема передачи телевидения на большие расстояния // Радио. — 1952. — № 11. — С. 44.
- ²⁶ Таранцов А. В. Заслуги русских ученых в создании и развитии телевидения // Радио. — 1952. — № 5. — С. 45-49; он же. Телевизионная передающая трубка «суперортикон» — советское изобретение // Радио. — 1952. — № 11. — С. 39-43.
- ²⁷ Таранцов А. В. Телевизионная передающая трубка «суперортикон». — С. 39-43.
- ²⁸ Шмаков П. В. Советское телевидение: от механической развертки к многокурсным системам // Электросвязь. — 1977. — № 11. — С. 9; Новаковский С. В. К 100-летию В. К. Зворыкина // Техника кино и телевидения. — 1989. — № 7. — С. 64 — 68; он же. К 20-летию изобретения иконоскопа // Вестник связи. — 1952. — № 2. — С. 20-23; также см.: Примечание редактора в кн.: Зворыкин В. К., Мортон Д. А. Телевидение. — М., 1956. — С. 770-771.
- ²⁹ Шмаков П. В. Телевидение нашей страны // Радио. — 1967. — № 7. — С. 4.

Т. Б. Купряшина (Муром)

МУРОМСКИЙ МУЗЕЙ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ НА ТЕМУ СЕМЬИ

В конце двадцатого века, в тяжелые, безденежные годы, спасательным кругом для музеев были конкурсы Фонда Сороса «Открытый музей в открытом обществе». Финансировались в основном проекты небольших провинциальных музеев. Среди 26 поддержанных проектов 1998 года оказался и наш — «Семья в музейном интерьере» (автор и руководитель проекта — директор музея Е. И. Сазонова, грант — \$ 8140, реализация в 1999 г.). В те годы Муромский музей начал искать свою основную тему, которую можно было бы принять как своего рода миссию. Решение оказалось буквально на поверхности и было продиктовано как историческим местом города Мурома, так и обстоятельствами создания музея.

В Муроме родилось прекрасное сказание о Петре и Февронии, прославляющее «союз любви — мудрый брак». Образы этих святых князей-супругов сравнивают обычно с образами Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты. Музей в Муроме был открыт в 1919 году в одном из лучших купеческих особняков — доме Зворыкиных. Из этой семьи вышли известные ученые, общественные деятели, в т. ч. изобретатель телевидения

Владимир Козьмич Зворыкин. Основные коллекции музея сложились на основе собрания, поступившего из Карачарова — имения семьи графов Уваровых. Супруги-археологи Алексей Сергеевич и Прасковья Сергеевна Уваровы, их дети — удивительный пример семейного служения науке и русской культуре.

Таким образом, в идею проекта была положена «мысль семейная». Интуитивно музей поддерживал эту тему уже несколько лет в разных проектах, а с проекта «Семья в музейном интерьере» вот уже более десяти лет она провозглашается как основная тема. Музею удалось «угадать» и поддержать главную мифологическую тему города — тему почитания Петра и Февронии как покровителей брака, семьи.

На средства Фонда Сороса в доме Зворыкиных была создана первая серия временных выставок и театрализованных мероприятий, связанных семейно-бытовой тематикой, раскрывающей некоторые стороны жизни городской семьи рубежа XIX-XX вв. Композиционной основой каждой выставки стал интерьер различных по назначению комнат купеческого дома (зал, гостиная, кабинет, столовая, детская), в которых протекала

жизнь семьи, и происходили самые разные события.

Музей закупил свою первую оргтехнику — в т. ч. цифровой фотоаппарат (тогда один из первых) за \$ 1500. Это казалось фантастикой. Появилась возможность изготовить для выставок на цветном струйном принтере факсимильные копии музейных экспонатов, оперативно выпустить рекламные и раздаточные материалы для мероприятий. Были пошиты первые исторические костюмы, куплен рояль для музыкального сопровождения.

Проект стал одним из самых любимых и до сих пор развивается. На втором этаже дома Зворыкиных в анфиладе комнат размещены экспозиции: «Бабушкина комната», «Столовая», «Дедушкина библиотека», «Музыкальная гостиная», «Мамышкина комната», «Кабинет хозяина дома», «Расписная гостиная». В этих интерьерах проводятся циклы театрализованных мероприятий: «Елка в доме Зворыкиных», «Рождество», «Масленица», «В ожидании Праздника Праздников», «Визит к хозяйке дома», «День делового человека». Особенно популярны первые четыре. По воспоминаниям Н. П. Воцининой-Киселевой у них «на столе всегда стоял громадный самовар, пироги по воскресеньям, по остальным дням — чай с печеньем или бутербродами». Именно так и встречает музейная столовая туристические группы — накрыт стол, выходит в костюме хозяйка дома, звучит музыка. На Рождество и Пасху соответственно появляется елка, игрушки или куличи, цветы.

С этого проекта началось создание музейного продукта в виде цикла выставок и мероприятий, туристических маршрутов и экскурсий, связанных единой темой — семья в прошлом и настоящем.

Тема семьи — одна из самых актуальных во все времена. Негативные факторы переживаемого нашей страной переходного периода ведут к постоянно стрессовому состоянию психики человека. Агрессии и неустойчивости противопоставляется фактор семьи как фактор надежной опоры в жизни.

Цель ставилась, разумеется, воспитательная — представляя разные события и судьбы, подвести посетителя к мысли о том, что надежные отношения, любовь, крепкий брак приносят счастье; что семья — важнейшая опора человека в трудную минуту. Содействие созданию положительного образа СЕМЬИ, уважительного отношения к ценностям СЕМЬИ.

Тема семьи оказалась столь актуальна, что нашла продолжение в следующих проектах. Проект «Музейное фотоателье» (руководитель — директор музея Е. И. Сазонова) был отправлен в Фонд Сороса вне конкурса, просто наудачу, но получил поддержку в рамках четвертого конкурса «Открытый музей в открытом обществе». Это свидетельствует, как можно предположить, что: во-первых, еще не настали времена жесткой конкуренции; что наш проект предполагал использование новых информационных технологий, а это еще мало было развито в провинциальных музеях. Финансиро-

вание составило \$ 5992. По гранту «Музейное фотоателье» в холле выставочного центра была создана фотовыставка «Семейный альбом XX века». Выставку создавали всей «музейной семьей». У каждого нашлись фотографии, пополнявшие представление о жизни в двадцатом веке. Новые компьютерные технологии позволили быстро изготавливать фотокопии, практически не отличающиеся от подлинников, а сами подлинники сразу возвращать владельцам. Главной задачей проекта было создание интерьера старинного фотоателье, куда многие поколения горожан всей семьей ходили фотографироваться. В таком фотосалоне можно фотографироваться в старинных интерьерах в исторических костюмах. Проект до сих пор работает, семейные альбомы пополняются подобными снимками. В 2008 году экспозиция «Музейный фотосалон» была обновлена. На смену нарисованным художником фонов для фотографирования пришли панно полиграфического исполнения — имитация вида на монастыри из окна дома Зворыкиных. В зале разместилась выставка «Фото на память», на которой представлены увеличенные традиционные студийные снимки от конца XIX до конца XX века. В 2009 г., осенью, к 90-летию музея, в фотоателье разместилась фотовыставка «Свадьба в Муроме». Выставка была адресована, прежде всего молодым, молодоженам. В оригинальном дизайне (Е. В. Кулагина) соединились клейма житийной иконы о Петре и Февронии и свадебные фотографии XIX-XX вв. Как и в первых выставках, был предусмотрен интерактив. Фоном для фотографирования посетителей стал баннер с видом на Перемиловы горы — уникальный нетронутый временем исторический ландшафт, связанный с пребыванием там в изгнании Петра и Февронии. Желающие могли разместить на свободном стенде свои фотографии.

В 2001 г. на развитие туристической деятельности был направлен сетевой проект «Сентиментальное путешествие по Окландии» («Музеи Нижней Оки», при финансовой поддержке Фонда Сороса — \$ 2000, руководитель Е. И. Сазонова). Создана была сеть туристических маршрутов между городами Муром, Гороховец, Вязники, Павлово, Касимов. Маршруты были соединены общей темой — легендами и преданиями о любви. В проекте приняли участие четыре музея: Муромский, Вязниковский, Гороховецкий, Павловский. Практическое использование подготовленных маршрутов оказалось почти невозможным. Музею как бюджетному учреждению, а тем более небольшому музею, сложно вписаться в туристический сервис и работать на междугородних маршрутах. Но подготовленные материалы используются в экскурсионных программах музеев. Маршруты были ориентированы в основном на семейные путешествия. В тот период таких туристов почти не было. Только в последние годы, видимо, с повышением доходов части населения, появился спрос на романтические путешествия по средней полосе России. Наш музей заглянул в перспективу и еще тогда

подготовил материалы, которые теперь необходимы.

В 2006 г. проект «Семья в музейном интерьере» был представлен на Интермузее (конкурс Союза музеев России «Музей в городе N...»). В стране был объявлен год семьи, наш проект оказался весьма кстати. Муромский музей получил диплом и небольшую премию, которой хватило на большой и крайне необходимый ксерокс.

Проект «Семья в музейном интерьере» оказался жизнеспособным и востребованным. Его аудитория самая широкая. Неизменный интерес и восхищение он вызывает как у искушенных столичных посетителей, так и у местных жителей. В 2003-2005 гг. все выставки проекта были обновлены и превращены в стационарные экспозиции, а мероприятия отработаны и введены в ежегодные музейные циклы. Анфилады комнат купеческого особняка как нельзя лучше подошли для размещения интерьеров и приема гостей. Получились не просто картинка быта, — залы наполнились информацией о многих личностях, о событиях из жизни города. Посетителей притягивает камерность, некоторая интимность экспозиций и то, что они рассказывают о понятных «житейских делах». Каждая экспозиция наполнена массой мелких «подробностей», что создает впечатление присутствия хозяев. Здесь нет обычной музейной выхожденности, стерильности. Отчасти причина кроется в том, что средств было недостаточно на реставрацию и оборудование, поэтому экспозиция несет непосредственный отпечаток жизни. При создании экспозиций были использованы как воспоминания местных жителей, так и классические произведения, в частности, «Лето Господне» И. Шмелева. Интерьеры оказались настолько узнаваемы, что когда сотрудники Главархива Москвы при подготовке сборника документов «И. С. Шмелев и Москва» просматривали путеводители по музеям, то именно в Муромском музее они увидели живое воплощение купеческих комнат эпохи Шмелева. В сборнике предполагалось использовать около тридцати иллюстраций, снятых в Муроме.

В феврале 2011 года нам придется проститься с экспозициями в доме Эворыкиных, поскольку здание необходимо готовить к капитальному ремонту.

В этот же семейный цикл органично вошла театрализованная экскурсия по художественной галерее «В гостях у графов Уваровых». Во время экскурсии рассказывается о многогранной деятельности и взаимоотношениях членов семьи Уваровых, представленных на портретах, об их замечательных коллекциях, а также о традициях и судьбах родственных им семьях князей Щербатовых, графов Шереметевых и Разумовских.

Постоянно поддерживать проект весьма хлопотно. В нем участвовали все члены коллектива — обновляли выставки, рядились в костюмы, организовывали концерты, закупили чай, калачи, готовили и разносили все новые рекламные листовки и т. д. Посетители в этом проекте — это не просто статисты, это активные участ-

ники каждого музейного события. С 2005 года проект «Семья в музейном интерьере» дополнился новым мотивом. Молодожены стали включать музей в маршрут своего свадебного дня. В свой главный торжественный день они встречаются в музее с прекрасным примером любви и преданности святых муромских князей Петра и Февронии. В ходе театрализованной экскурсии они также узнают о старинных традициях, о правилах, по которым жила семья.

Проекты по теме семьи поддерживались на разных уровнях. Так, в 2007 г. областной департамент по туризму проводил конкурс новых музейных экспозиций и программ для туристов — поддержан (30 тыс. руб.) проект «Петр и Феврония Муромские — святые покровители семьи» (автор О. А. Сухова). По проекту создана интерактивная составляющая в экспозиции, посвященной древнерусскому искусству — программа «Процветшие деревья».

Получение грантов подтвердило актуальность выбранного направления. Далеко не всякая идея находит финансирование. Не менее пяти попыток было найти поддержку Российского Гуманитарного научного фонда (РГНФ). В 2005 г. научный проект О. А. Суховой получил финансовую поддержку в РГНФ. Итогом выполнения проекта стала рукопись монографии «Житийные иконы святых Петра и Февронии Муромских» объемом 10 авторских листов со 192 иллюстрациями. Работа посвящена трем уникальным житийным иконам XVII века, отражающим «Повесть о Петре и Февронии Муромских» — литературный памятник Древней Руси середины XVI века. Святые Петр и Феврония почитаются как покровители брака. Монография пока не издана за отсутствием средств, но подготовленные материалы разошлись по популярным изданиям о Петре и Февронии.

В 2006 году проекту «История Муром в фотографии» (руководитель — Т. Б. Купряшина, финансирование 180 тыс. рублей) присужден грант Президента РФ на конкурсе проектов общенационального значения в области культуры и искусства. Проект охватывает период второй половины XIX — начала XXI века и предполагает системный сбор и презентации (в Интернете и в других формах) фотоматериалов, представляющих историю, культуру и быт Муром за последние 150 лет. Создается обширный электронный фотоархив в основном на базе семейных архивов, а также материалов учреждений и организаций. Фотографии из домашних альбомов, которые, казалось бы, могут быть дороги лишь узкому кругу родственников, приобретают историческую значимость. Они хранят мельчайшие подробности жизни, какие не передает ни один другой источник. Фотография — материал весьма демократичный — позволяет приобщать к музейному делу самые широкие слои горожан, причем, разного возраста. Причастность к этой деятельности способствует пробуждению у людей чувства гордости и ответственности за сохранение культурного наследия, осознанию роли родного города

в истории страны. С одной стороны, создаваемый электронный фотоархив предоставляет возможность показать Муром как типичный провинциальный город (ок. 130 тыс. населения), с другой — выявить и подчеркнуть его несомненное своеобразие. В течение 2006–2008 гг. велось систематическое выявление, сканирование и аннотирование большого объема (более 8 тысяч) фотографий, отражающих самые разные аспекты существования города: изменения его облика и создание предприятий, общественную и частную жизнь. Фотоистория города комплектовалась и раньше, но фрагментарно: выдающиеся земляки, архитектура, городские праздники. В результате многие периоды и темы отражены весьма необъективно и даже тенденциозно. В музейном архиве хранятся постановочные снимки тридцатых годов. Они, несомненно, несут очень ценную, но «разрешенную» информацию. Собранные по проекту фотоматериалы расширяют и корректируют представления об эпохе.

Идея системного сбора и презентации фотоархива Мурома в Интернете с большим интересом встречена горожанами. Глава города назвал этот проект народным и предоставил свои домашние материалы для фотолетописи.

Проект в 2008 году получил второй грант Президента и продолжает успешно развиваться. Собрано около десяти тысяч фотографий, из которых выстраиваются интереснейшие изобразительные ряды. Материалы в большом объеме размещаются на сайте музея. В выставочном зале прошла череда фотовыставок. Создаются фотофильмы (автор Е. И. Сазонова), которые участвуют во всероссийских фестивалях — «На реке, на Оке», «Городок провинциальный».

Перечень созданного на основе электронного фотоархива велик, а названия говорят сами за себя. Выставки в Интернете: «1 МАЯ», «Матроска», «Прогулки по городу», «Портрет крупным планом», «С Новым годом», «Ребята с нашего двора» и др.

Выставки в выставочном центре музея — увеличенные фотографии: «Фотолетопись Мурома», «Снимок на память», «Мой город — моя семья», «Детский Мир», «Мода против моды», «Свадьба в Муроме». Презентации проекта в виде минифотовыставок экспонировались в Москве на фестивале «Интермузей» и в Муроме в торговом центре «Витязь» — «Круг жизни», «Фотокухня». Введена новая форма презентации проекта — фотовыставки (в разворот) в газете «Новая провинция»: «Прогулки по городу», «С Новым Годом!», «Мороз-потешник из дома гонит», «Армейский альбом», «Муромские модницы», «Весне — дорогу», «Все на субботник», «Мир! Труд! Май!», «Школьные годы чудесные!», «Лето — это маленькая жизнь!», «Мой город — моя семья!», «Нет речки лучше, отдыха — доступней!», «Однажды знойным летом...», «Старость — в радость!», «Детский Мир», «Ну... за все хорошее!», «В русском стиле...», «Утраченный город».

Практически в каждом проекте музея явно про-

слеживается семейная тема. На областном конкурсе грантов губернатора Владимирской области, направленных на развитие и поддержку сельской культуры, поддержан (500 тыс. руб.) проект «Под защитой детства-2007», который затем получил название «Родная старина» (руководитель к. и. н. Е. И. Сазонова). Проект предполагает организацию постоянно действующей экспедиции по инвентаризации историко-культурного наследия сел и деревень Владимирской области с привлечением сельских школьников. Работа по этому проекту велась на базе трех школ Муромского района: Борисо-Глебской, Молотицкой, Татаровской. Опять же проект направлял внимание детей на свою семью, на свое «родовое гнездо». В двух буклетах, подготовленных музеем, в доступной форме были представлены две методики работы с материалом — «Мой дом в истории» и «Мой род в истории». Музей несколько лет ведет работу по фотофиксации села. Объемы этой работы столь велики, а изменения идут столь стремительно, что силами лишь музейных сотрудников не справиться. Школьники разбирали и описывали семейные архивы, вели вполне профессионально фотофиксацию сельских строений.

Проект «Эпистолярное наследие провинции» по гранту Президента 2008 г. осуществляли три музея (Муром, Касимов, Ковров). Опубликованы дневники, письма, мемуары, рассказывающие не просто о семейной жизни, но порой о самом сокровенном и даже интимном.

При поддержке администрации города музею удалось осуществить издание книг серии «Для семейного чтения»: О. А. Сухова, Ю. М. Смирнов *Илья Муромец*. — М., Художник и книга, 2007; О. А. Сухова, Ю. М. Смирнов *Петр и Феврония Муромские*. — М., Художник и книга, 2008. В эти прекрасно иллюстрированные альбомы как в антологии включено множество материалов о прошлом и настоящем почитании любимых муромских святых, об отражении их культа в искусстве и культуре Древней Руси и России нового времени.

В 2008 году в Муроме впервые был проведен праздник «День семьи, любви и верности», в последующие годы под покровительством супруги президента страны этот праздник стал отмечаться как всенародный. Муром в представлении наших современников все больше ассоциируется с темой семейной.

Около десяти лет работал на эту тему и музей и, хотелось бы думать, что не напрасно.

Наш любимый проект о СЕМЬЕ вырос из скромной рождественской выставки для музейных детей. Год за годом он проявляется все новыми гранями, не переставая радовать нас и восхищать посетителей. Главное новшество проекта состоит в том, что Муромский музей предпринял попытку создать весь комплекс музейных услуг, связанных единой темой — темой СЕМЬИ. Проект создает возможность ненавязчиво, а значит эффективно, внедрять в сознание посетителей идеи истинной ценности семьи, любви и уважения.

ИКОНОСТАС РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ¹

Иконостас соборной церкви Рождества Богородицы женского Рождественского монастыря, расположенного в Ростове Великом, был уничтожен, вероятно, в конце 1920-х или в 1930-е гг. В литературе XIX в. отмечено, что данный иконостас возник в 1825 г.², но до сей поры он не привлекал внимания исследователей, а изображения его ни разу не публиковались. Между тем, редкий по сохранности комплекс документов, выявленный в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области, а также обнаруженный в музее «Ростовский кремль» подлинный проектный чертеж данного иконостаса (Рис. 1) позволяют представить облик последнего и с большой полнотой охарактеризовать историю его создания.

Главный иконостас кирпичной Рождественской церкви, построенной в конце XVII в., по сообщению игуменьи обители Павлы Шатиловой, к 1824 г. сильно обветшал. В сентябре того же года она обратилась к ярославскому и ростовскому архиепископу Аврааму (1824-1836) с просьбой о разрешении на сооружение нового иконостаса, который, по ее словам, должен быть «гораздо нынешняго величественнее, искусственнее, с резьбою и протчим украшением (и позолотить червонным золотом на полимент с цыровкой и покрытием гладких мест лучшею краскою под вид мрамора с лаком) равно и самые иконы возобновить, о чем вашему высокопреосвященству всепокорнейше докладываем и, представляя, просим на благоусмотрение сочиненный предполагаемому новому иконостасу план с фасадом»³. 16 сентября 1824 г. такое разрешение было получено⁴. Затем последовало заключение нижеследующего контракта: «1824-го года сентября 29-го дня, в Ростовском Рождественском девичьем монастыре, с ея высокопреподобием игуменьи Павлою и с сестрами, Угличской округи, вотчины его сиятельства генерал от кавалерии и разных орденов кавалера князь Григория Семеновича Волконскаго, села Заозерья крестьянин, иконостаснаго ремесла мастер Семен Иванов сын Стрелков заключил сей контракт в том, что подрядился я, Стрелков, построить во оной монастырь, в церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, новый столярный с резьбою иконостас, во всем сходственный учиненному и его высокопреосвященством Авраамом, архиепископом Ярославским и Ростовским, утвержденному фасаду с двумя клиросами, местом настоятельницы и за оными для образов киотами из всего моего материала самым прочным чистым и превосходным мастерством, ценою за две тысячи сто рублей, ассигнациями или металлическою монетою с лажем по здешнему народному курсу, в том числе и за сочиненные мною двойным числом фасады, равно и с заключением на свой кошт сего контракта, с нижеследующими условиями: 1-е, Работу сию начать с сего числа и производить оную в Ростове в наемной на мой,

Стрелкова, кошт квартире. 2-е, Лес для столярства употреблять волгской сосновой самой лучшей и сухой, а на дски для всех икон, исключая нижнего яруса, равно и для дверей южных и северных ольховой, для резьбы ж липовой. 3-е, Столярную работу и царские врата резные привести во окончание и поставить на место в марте месяце 1825-го года, по разобрании мне ж старого иконостаса. 4-е, Резьбу каждому отделению наперед показывать пробы, и когда госпожа игуменья одобрит, тогда по оной пробе производить и, ежели разсудится ей что для лучшаго украшения прибавить или зделать в чем-либо перемену, то мне, Стрелкову, все по ея желанию выполнять безпрекословно, но только чтоб без большаго отягощения. 5-е, Резную работу привести во окончание и набрать на иконостасе к первому числу сентября месяца того же 1825-го года. 6-е, Выше означенную условленную сумму от монастыря выдавать мне в нижеследующие сроки: в задаток двести рублей. При вступлении к работе на материал двести рублей. Еще в продолжение резной работы нижняго пояса четыреста рублей. Да в продолжение прочей резной работы четыреста рублей, смотря по успеху дела, а последние пять сот рублей по окончании всей и по поставлении на место, есть ли все окажется исправным, без задержания. Впрочем представляя при сем от вотчиннаго своего правления свидетельство в роде поручительства, подписуюсь вместе с сыном моим Федором Семеновым»⁵.

Из приведенного текста явствует, что рассматриваемый иконостас должен был выполнить мастер из села Заозерье Угличского уезда Семен Иванов сын Стрелков. Он же являлся автором проекта, который в цитированном документе назван фасадом. Данный проект до начала его воплощения был утвержден Авраамом, архиепископом Ярославским и Ростовским. Работу по сооружению иконостаса С. И. Стрелков обязался начать сразу после заключения упомянутого контракта и закончить к 1 сентября 1825 г. Главному мастеру, очевидно, должен был помогать его сын Федор. Представлявшая монастырь в качестве основной заказчицы игуменья Павла оставляла за собой право корректировки первоначального замысла резного убранства произведения.

Как видим, у игуменьи Павлы имелось свое, очевидно, вполне конкретное представление о будущем иконостасе. Вероятно, она существенно повлияла на формирование его облика. Сходную активную творческую позицию эта настоятельница занимала и при создании более позднего иконостаса другой монастырской церкви⁶. Это и не удивительно, ведь Павла Шатилова (в миру — Парасковья) являлась художественно одаренным человеком. В молодости она была высокопрофессиональной мастерицей лицевого шитья⁷. Впрочем, и другие ростовские заказчики церковных иконостасов

ХІХ в. также, судя по документам, стремились влиять на их художественное оформление⁸.

Согласно учетным документам музея «Ростовский кремль», до нас дошел подлинный проект главного иконостаса Рождественской церкви Рождественского монастыря⁹ (Ил. 1), утвержденный упомянутым архиепископом Авраамом, о чем свидетельствует следующая надпись на лицевой стороне листа: «Чертеж иконостаса утверждаю Авраам А. Ярославский». Конечно, это тот самый фасад, который фигурирует в приведенном контракте. Поэтому, хотя чертеж и не подписан, можно утверждать, что автором его являлся С. И. Стрелков.

Документы Рождественского монастыря свидетельствуют, что С. И. Стрелков не только спроектировал, а и создал интересующий нас иконостас, получив причитавшиеся ему за это деньги. Правда, работу свою он окончил не к 1 сентября 1825 г., как обязался, а в декабре того же года¹⁰.

Еще в процессе изготовления данного иконостаса монастырь заключил контракт на выполнение для него икон: «1825-го года месяца июня 1-го дня Ярославской губернии(и), Углетцакого уезда [городу Ростова

монастыря третьекласснаго Рождественскаго Ея высокопреподобнаго игуменнаго Павла! с сестрами по опчему всех согласио]»¹¹ вотчины ея высокопревосходительства госпожи Варвары Ивановны Ланской, села Заозерья живописца Илью Сокурова порядили в настоящей церкви на тц(к)ах из масла живописным художеством в первом ярусе на царских вратах на — 6-ти клеймах Благовещение Божия Матери и четыре евангелиста, на северной двери Новую благодать, на южной двери с. архи. Стефана, в шести клеймах: 1-й Рождество Божия Матери, 2-й Введение Божия Матери, 3-й Рождество Христово, 4-й Богоявление Господня, 5-й Стреление Господне, 6-й Вход во Иерусалим Иисуса Христа, на царскими вратами Положение во гроб. В среди втораго яруса Восстание от гроба, около него на 6-ти цках по два апостола, на цке, в среди третияго яруса Спасителя, на престоле сидящаго, около него справа стороны Божию Матерь, с. про. Иоанна, на 4-х цках, с. про. Давыда, с. про. Соломона, с. про. Моисея, с. про. Даниила, в веруу всего распятаго Господа и Божию Матерь претстоящую, с. бого. Иоанна.

За всю же сия работу заплатит суммою семь сот

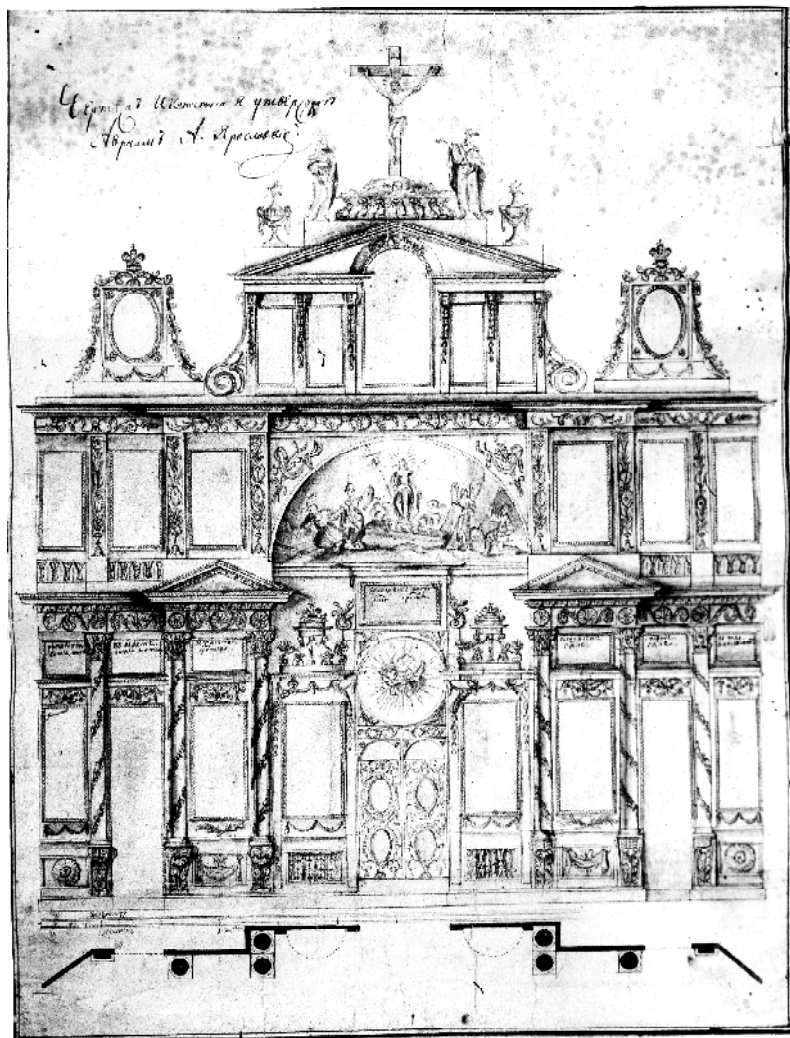

Рис. 1. Проект иконостаса Рождественской церкви Ростовского Рождественского монастыря. Чертеж С. И. Стрелкова 1824 г. Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

пятьдесят рублей при задатке сто рублей, а прочтя в течении и по кончании получить всей работы Сокурову безпрепятственно и со обеих сторон сохранить совесную справедливость, в чем и подписуемся.

Еще над ме(с)ными образами написать, что принадлежит, и херувимов отживить. На 20-е число июля выставить северную и южную и шесть клейм праздничных и Положение во гроб, в чем и обяжусь, Илья Сокуров, своеручно»¹².

В соответствии с данным контрактом художник Илья Егоров сын Сокуров в 1825 г. написал «тридцать новых икон из масла живописным художеством» для рассматриваемого иконостаса¹³. Характерно, что они предназначались лишь для верхних его рядов. В указанное число входили небольшие иконы, которые, согласно цитируемой ниже описи 1833 г., поместили, отступив от первоначального проекта, в невысоких промежутках между местными и праздничными образами. Писание же икон для местного ряда иконостаса не входило в задачу мастера¹⁴. Они, надо полагать, должны были перекочевать в этот ряд из соответствующего ряда предшествовавшего ему иконостаса. Действительно, в местном ряду более раннего иконостаса Рождественской церкви по описи 1810 г. значатся на тех же местах такие же по содержанию иконы¹⁵.

Позолоту рассматриваемого иконостаса в 1827-1828 гг. выполнил московский «золотарь» Павел Савельев сын Волков¹⁶.

Чтобы с максимально возможной полнотой представить этот иконостас, приведем его описание, извлеченное из ближайшей по времени описи Рождественского монастыря 1833 г.: «Иконостас, построенный в 1825-м году столярный, о четырех ярусах с колоннами и фронтонами, убранный новейшаго вкуса резными капителями, крашпинами, арабесками и поресками, равно царския врата с сиянием над оными, и над первыми двумя местными образами сени резные ж, которая резьба вся и карнизы с колоннами вызолочены червонным золотом по полименту, а гладь или тело выкрашены бирюзового цвета колером под лак. Высота и ширина иконостаса равная по двенадцати аршин с половиною.

Во оном иконостасе образа

На царских вратах Благовещения Пресвятыя Богородицы и четырех евангелистов.

В нижнем ярусе

По правую сторону царских врат:

1-й, Спасителев Нерукотвореннаго изображения, мерою в аршин и две четверти, на оном венце серебряной, чеканной позолоченой, без пробы и веса. А убрис с полями и на двух ангелах венцы, устроенныя в 1830-м году, серебряные же, чеканные, 84-й пробы, позолоченые, в коих весу шесть фунгов и восемьдесят семь золотников.

2-й, Рождества Пресвятыя Богородицы, мерою в аршин и две четверти без полувершка; на оном во всю дску риза чеканная и десеть накладных малых венчиков серебряные безпробные позолоченые, и на полях оклад бисерной серебряной, позолоченой же. На образе Божия Матери Младенствующей убрисец малый, ни-

занный сплошь настоящим жемчугом сорта среднего, цата малая ж, низанная настоящим же жемчугом мелким с камешками и плашками простыми.

3-й, на южной двери образ ангела с потиром новья благодати.

4-й, подле южной двери образ святого пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, на оном венце серебряной бисерной золоченой.

По левую сторону царских врат:

1-й, чудотворный образ Пресвятыя Богородицы Тихвинския, мерою с явленый в пять четвертей аршина, на оном два венца серебряные, кованые, 84-й пробы, гладкие позолоченые, в 1813-м году устроенные, и вынизанные настоящим правским жемчугом, разобраным на пяти сортов, и камнями, именно: 1-е, на венце Божия Матери корона, вынизанная сплошь жемчугом крупным второго сорта, а внутренняя ее небольшая часть жемчугом мелким пятого сорта, шириною в одиннадцать ниток; по краям короны вокруг и в середине осыпано стразами зелеными, оправленными в серебро, а внизу изумрудами зелеными без оправы; на ней между жемчугом вставлены насыпные запанки, камни и звездки, оправленные серебром, имянно: насыпная штука бриллиантовая, в которой щетом бриллиантов двадцать пять, из них средний побольший, а прочие малые; изумруд зеленый, осыпанный шестнадцатю бриллианками мелкими. Два амагиста лилового цвета, осыпанныя тридцатю двумя бриллианками. Яхонт алаго цвета, осыпанный четырнадцатю бриллианками с амалью. Два яхонта алые ж, без осыпи. Две звездки бирюзовые, осыпанные, одна алмазиками мелкими, другая жургонами. И еще две ж звездки, в середине коих по одному алмазу, осыпанные мелкими бирюзами. Поверх короны крест насыпной, составленный из двух в середине алмазов, двенадцати мелких бриллиантов, и тридцати двух мелких алмазов. 2-е, Два ангела, держащая корону, и под оными облака вынизаны все сплошь, кроме лиц, ручек и ножек, жемчугом мелким. 3-е, По верхнему краю венца обнизано одною ниткою крупнаго жемчуга первого сорта, коего щетом двести шесть и между оными вставлены пять камней амагистов лиловых и пять запанков насыпных стразовых. 4-е, Вдоль средины венца проведено одною ниткою крупнаго жемчуга второго сорта, и другой ряд стразами зелеными, оправленными в серебро. 5-е, В верхней половине венца девять трав, низаны мелким жемчугом четвертаго сорта, на которых по два на каждом цветке изумруда зеленых малых. 6-е, В нижней половине венца о средине насыпная штука, составленная из пяти бирюз немалой величины и четырех амагистов лиловых, из коих средняя бирюза осыпана тридцатю тремя бриллианками, и все девять камней обнизаны в один ряд крупным второго сорта жемчугом, между камнями земля низана мелким жемчугом. 7-е, От оной штуки на обе стороны проведены гилянды, низанные мелким, четвертаго сорта, жемчугом, на оных вставлены девять камней, из коих три яхонта синие, три ж яхонта алые, один изумруд зеленый побольший, и два изумруда малые зеленые ж, все обнизаны

жемчугом третьяго сорта средним. 8-е, На венце предвечнаго Младенца по верхнему краю обнизано крупным жемчугом первого сорта, коего щетом сто двадцать две жемчужины, и между оным втавлены шесть амастистов да сем запанков стразовых насыпных. 9-е, Вдоль середины венца проведено один ряд жемчугом средним, другой ряд стразами зелеными, оправленными в серебро. 10-е, В верхней половине венца тринадцать трав, низанных мелким жемчугом, на которых по два на каждой траве камешка изумрудных зеленых. 11-е, В нижней половине венца семь трав, низанных жемчугом средним третьяго сорта, и между оными чины разделения из крупнаго жемчугу первого сорта, коего числом сорок три. В показанных травах три литеры из зеленых мелких страз, и в других четырех травах четыре камня, из коих два изумрудца зеленых и два яхонта малые алье. 12-е, На Богоматери убрус и риза низаны сплошь жемчугом средним, мелким и самым мелким, а каймы убруса и ризы по краям обнизаны в два ряда жемчугом крупным втораго сорта, и между оным в один ряд сибирскими камнями самородных цветов зеленого и лиловаго и под ручками изумрудами зелеными. Между сибирскими на убрусе камнями девять амастистов светло-лиловых и три зеленые изумруда, из коих побольший амастист осыпан двенадцатью бриллиантами.

В возгавии звезда четвероугольная насыпная, из тридцати пяти бриллиантов. На правом раме звезда, в середине оная яхонт синий четвероугольный, немалой величины, осыпан двадцатью бриллиантами, а в сиянии девять алмазов крупных, между коими сияние и оправа яхонта золотые. На левом раме звезда, в середине оная яхонт синий же белесоватый, трехугольный, немалой же величины, а сияние из стразов, обнизанных мелким жемчугом. На правом раме при верхней ризе подвес из пятнадцати ниток средняго жемчуга с зелеными изумрудами, и на концах четыре зерна бурмицкие и три плашки. Поруч низан средним жемчугом третьяго сорта; на оном вставлены в середине яхонт синий, осыпанный мелкими розами; по сторонам его две жемчужные ставочки, осыпанные бирюзами. Подле поруча две звездки; правая насыпная из самых мелких бирюз и жемчуга; вторая, в середине коей один акамарин малой, осыпанный мелкими бирюзами. 13-е, На предвечном Младенце риза, низанная сплошь средним третьяго сорта жемчугом, обнизанная под выею в два ряда среднекрупным втораго сорта жемчугом и сибирскими зелеными камешками. Запанок, в середине коего изумруд зеленый, осыпанный осьмью алмазами. Поручи обнизаны в один ряд изумрудными зелеными камешками и лаликами альми. Внизу ризы кайма из зеленых сибирских камней. 14-е, Просвет и поля серебряные чеканные, 84-й пробы, позолоченные, в коих весу с венцами серебра шесть фунтов и один золотник, а жемчугу всего весом один фунт и восемьдесят четыре золотника.

2-й, образ святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, мерою в аршин и семь вершков; на оном образе венец серебряной безпробной, чеканной, с сиянием и херувимами, золоченой, цата серебряная ж, чеканная

белая, без пробы ж, с тремя финифтяными образами.

3-й, На северной двери образ святаго апостола Архидиакона Стефана.

4-й, Подле оной двери образ святителя Николая Чудотворца, мерою в аршин и семь вершков, на оном венец серебряной гладкой безпробной, с тремя звездками, позолоченой.

Над местными иконами, южными и северными дверми, на малых полукруглых дсках восемь образов разных воименований.

Во втором ярусе в середине образ Положения во гроб Христа Спасителя и по сторонам шесть образов двенадцатых праздников.

В третьем ярусе в середине арки на обрезных дсках образ Воскресения Христова и позади онаго вид Града Иерусалима, а по сторонам шесть образов двенадцати апостолов.

В четвертом ярусе в середине образ Господа Вседержителя, на престоле сидящаго, с предстоящими Богородицею и Предтечею, и по сторонам четыре образа пророческих, да два образа, особо в резных клеймах состоящая, Преображения и Вознесения Господня.

Поверх иконостаса образ Распятия Господня с предстоящими Богородицею и апостолом Иоанном Богословом на обрезных дсках, и две резные вазы с цветами позолоченные»¹⁷.

Рассматриваемый иконостас имел строго симметричное относительно центральной вертикальной оси построение. Его основная часть двумя горизонтальными карнизами делилась на три яруса. Ширина этой части иконостаса почти равнялась ее высоте, что хорошо знали, как мы видели выше, современники его создания. Верхний дополнительный ярус представлял собой Распятие с предстоящими.

В целом общая композиция данного произведения напоминала фасады двухэтажных особняков с мезонином эпохи классицизма. Но существенно отличалась от большинства из них более развитой пространственной структурой. Средняя часть иконостаса располагалась наподобие лоджии несколько восточнее его основной плоскости. Боковые части иконостаса под тупыми углами выступали вперед к западу относительно последней. Композицию обогащали два двухколонных, завершенных треугольными фронтонами портика, фланкировавших нижнюю часть упомянутой лоджии. Над портиками возвышались слабо выступающие ризалиты. Выразительность произведения усиливали два увенчанных коронами балдахина, которые осеняли две важнейшие иконы местного ряда по бокам от царских врат — Спаса Нерукотворного и Богоматери Тихвинской, считавшейся чудотворной. Недаром она сплошь была усыпана драгоценными камнями.

Центрально-осевая часть иконостаса выделялась не только упомянутой лоджией, а местоположением и своеобразной формой составлявших ее элементов. Так, икона «Положение во гроб», находившаяся над царскими вратами, располагалась выше остальных икон праздничного ряда и была больше их по размерам. Над

ней находился полукруглый образ «Воскресение Христо-во», который превосходил по своим размерам не только располагавшиеся по бокам от него апостольские иконы, а и все остальные иконы иконостаса. Этот огромный полукруглый образ, помещенный в самый центр композиции иконостаса, во многом определял общее впечатление от последнего. Еще выше, по центральной оси иконостаса стояла икона Господа Вседержителя с полукруглым верхом, выделявшаяся своими размерами сравнительно с соседними пророческими иконами. Наконец, всю композицию венчало Распятие с предстоящими. Рамы для большинства икон иконостаса имели простую прямоугольную форму, исключая упомянутые выше иконы и два овальных образа в завершении. Почти всю поверхность иконостаса покрывал резной рельефный орнамент, в основном, выдержанный в стиле классицизма. Но в этот декор были включены такие барочные элементы, как волюты. От эпохи барокко и рококо иконостас унаследовал двухкризальную структуру своей композиции¹⁸.

Иконографическая программа иконостаса носила явно двойственный характер. В самом деле, его составляли, казалось бы, обычные, начиная со второй половины XVII в., ряды икон, снизу вверх: местный, праздничный, апостольский (деисусный) и пророческий. Однако в центре апостольского ряда вместо иконы Иисуса Христа мы видим образ «Воскресение Христо-во», а упомянутая икона Христа Вседержителя оказалась в центре пророческого ряда — там, где раньше полагалось быть иконе Богородицы. Следовательно, идейная программа центрально-осевой части иконо-

стаса была радикально видоизменена по сравнению с соответствующими монументальными произведениями Древней Руси.

Известно, что Воскресение Христа или Пасха признается важнейшим праздником православия. Надо думать, именно эта исключительная его значимость была выражена необыкновенно большими размерами и особым местоположением соответствующей полукруглой иконы рассматриваемого иконостаса. В иконостасах Древней Руси идея Пасхи никак не была акцентирована. Остается предполагать, что осмысление указанной идеи в Новое время породило отмеченную выше трансформацию традиционной структуры иконостаса.

Смысловая связь и хронологическая последовательность образов осевой части иконостаса более чем очевидна. Они читаются снизу вверх. Внизу, над царскими вратами, которые традиционно символизируют Иисуса Христа, помещена икона «Положение Христа во гроб», выше — «Воскресение Христо-во», на котором он представлен вылетающим из упомянутого гроба, еще выше Иисус Христос изображен в облике небесного царя и судии, наконец, вся композиция венчалась Распятием. Как видим, вся осевая часть иконостаса была подчинена теме Христа. Но как эта ясная и четкая программа согласовывалась с традиционными по содержанию боковыми частями иконостаса, остается непонятным.

Надо полагать, описанная выше структура иконостаса отражала черты религиозности, присущие русским людям Нового времени. В будущем еще предстоит выяснить, когда и где впервые была воплощена в жизнь подобная иконографическая программа.

¹ Настоящая работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (проект № 06-06-00283а).

² Израилев А. Описание Ростовского Ярославской губернии Рождественского девичьего монастыря. — СПб., 1858. — С. 14; он же. Ростовский Ярославской губернии Рождественский третьеклассный женский монастырь. — СПб., 1899. — С. 14.

³ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). — Ф. 196. — Оп. 1. — Д. 5897. — Л. 1.

⁴ Там же. — Л. 6.

⁵ РФ ГАЯО. — Ф. 109. — Оп. 1. — Д. 70. — Л. 7-7об.

⁶ Мельник А. Г. Тихвинская церковь Ростовского Рождественского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 2002. — М., 2003. — С. 627.

⁷ Зарицкая О. И. Творческая деятельность Парасковьи Яковлевны Шатиловой, игуменьи Ростовского Рождественского монастыря // История и культура Ростовской земли. 1996. — Ростов,

1997. — С. 162-169.

⁸ Мельник А. Г. Иконостасы конца XVII—XIX веков в храмах Ростова Великого // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — М., 2009. — № 3 (56). — С. 132.

⁹ Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Ар-242.

¹⁰ РФ ГАЯО. — Ф. 190. — Оп. 1. — Д. 70. — Л. 7об., 8 об.; Д. 139. — Л. 113об., 114об., 190.

¹¹ Квадратные скобки я ввел для восстановления нарушенной логики данного фрагмента текста.

¹² РФ ГАЯО. — Ф. 190. — Оп. 1. — Д. 70. — Л. 6.

¹³ Там же. — Д. 139. — Л. 114.

¹⁴ Там же. — Ф. 196. — Оп. 1. — Д. 5897. — Л. 1.

¹⁵ Там же. — Ф. 190. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 1об.-2об.

¹⁶ Там же. — Д. 156. — Л. 8, 9, 10, 16-16об.

¹⁷ Там же. — Д. 169. — Л. 4-7об.

¹⁸ См.: Мельник А. Г. Иконостасы конца XVII—XIX вв. в храмах Ростова Великого — С. 135.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АРГО — Архив Русского географического общества
АЭС — атомная электростанция
ВЕВ — Владимирские епархиальные ведомости
ВОИДР — Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских
ВСМЭ — Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВСНХ — Всесоюзный совет народного хозяйства
ВУЗ — высшее учебное заведение
ВХУТЕИИ — Высший художественно-технический институт
ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЯЭ — Вестник ярославского земства
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАБО — Государственный архив Белгородской области
ГАВО — Государственный архив Владимирской области
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ГАКО — Государственный архив Костромской области
ГАКО — Государственный архив Курской области
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАОО — Государственный архив Орловской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области
ГАТО — Государственный архив Тверской области
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области
ГАОУ — Государственный архив Читинской области
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
ГДР — Германская демократическая республика
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИР — Государственный музей истории религии
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГУРК «НАРК» — Государственное учреждение республики Коми «Национальный архив республики Коми»
ГУС — Государственный ученый совет
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния
КПСС — Коммунистическая партия Советского союза
КСИА — Краткие сообщения института археологии
ЛДПР — Либерально-демократическая партия России
МВД — Министерство внутренних дел
МВТУ — Московское высшее техническое училище
МГУ — Московский государственный университет
МХАТ — Московский художественный академический театр
НАРГО — Научный архив Русского географического общества
НАРТ — Национальный архив Республики Татарстан
НГБ — Новгородские грамоты на бересте
НИИ — научно-исследовательский институт
НПК — Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией
НЭП — новая экономическая политика
ОРРГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПМЭ — Псковский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПСЗ — Полный свод законов Российской Империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РбФ ГАЯО — Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГБ — Федеральное государственное учреждение «Российская государственная библиотека»
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГВИА ДВ — Российский государственный военно-исторический архив Дальнего Востока
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ — Российский государственный архив Дальнего Востока
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РГО — Русское географическое общество
РЖ — Русская жизнь
РИАХМЭ — Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РНБ — Федеральное государственное учреждение «Российская национальная библиотека»
РПЦ — Русская Православная церковь
РСФСР — Российская Советская федеративная социалистическая республика
РФ ГАЯО — Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области
САИ — Свод археологических источников
САСШ — Северо-Американские соединенные штаты
Сб. РИО — Сборник Русского Императорского Исторического общества
СНК (Совнарком) — Совет народных комиссаров
СССР — Союз Советских социалистических республик
США — Соединенные штаты Америки
СЭ — Советская этнография
ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы
ФЗУ — фабрично-заводское училище
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦГА УР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦК — Центральный комитет
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
ЦМИАР — Центральный музей древнерусского искусства и культуры имени Андрея Рублева
ЦСУ СССР — Центральное статистическое управление СССР
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЯГВ — Ярославские губернские ведомости
ЯГПУ — Ярославский государственный педагогический университет

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдула** 334
 Абдулим 334
 Абрамов Василий 122
 Абрамов И. С. 61
 Абрамов Н. 96
 Абрамович Г. В. 329
 Абрамович Д. 165
 Абрамович И. Л. 189
 Абрамовский А. П. 325
 Аввакум 57
 Августин 28
 Авдеева Е. А. 127, 132
 Авдеева Е. А. 135, 138
 Авентин Иоганн 252, 253
 Аверьян 258
 Аверьянов К. А. 6, 242, 246
 Авив 85, 86, 95
 Авраам 360, 361
 Авраамий 94
 Аврелий Марк 23, 24, 29
 Авроровы 263
 Агния 279
 Агриппина 258
 Адам 25, 175, 176
 Аделаида 294
 Адлцрайтер 255
 Адольф А. 341
 Акилина 257
 Акинф 78
 Аколова Т. В. 125
 Акрополит Константин 77
 Аксаков И. С. 120
 Аксен 276
 Аксеновы 222
 Алабин П. В. 173
 Александр 249, 250, 260, 261, 267, 268, 292
 Александр I 169, 173
 Александр II 86, 134, 288
 Александр III 86
 Александр Алексеевич 87
 Александр Ярославич 250
 Александра 78, 279, 292
 Александра Васильевна 270, 73
 Александра Владимировна 288, 290, 291
 Александра Георгиевна 88
 Александра Михайловна (урожд. Глинская) 266, 267
 Александра (Траковская) 284
 Александрийский Климент 29
 Александров В. А. 125
 Алексеев Ю. Г. 37, 41
 Алексеева Л. М. 318
 Алексеева М. В. 6, 251
 Алексей 257, 258, 266, 283, 347
 Алексей Михайлович 10, 41, 42, 81, 96, 143, 331, 333
 Алексей 84
 Алексей II 287
 Алешковский М. X 318, 319
 Алкиды 255
 Алтухов Ф. П. 133
 Алфанов Исаакий 90
 Алфанов Кирилл 90
 Алфанов Климент 90
 Алфанов Никита 90
 Алфанов Никифор 90
 Алферов А. 129
 Алфимов Михаил 328
 Альбицкий Сергей 301
 Альбрехт V 251, 253, 254
 Альквист А. 310, 314, 318
 Аль-Масуди 33, 34
 Амбарцумян К. Р. 5, 174
 Амиль 245
 Амфитеатров Н. 60
 Ананий 275, 276
 Ананьиана А. И. 132
 Ананьины 327
 Анастасия 81, 93, 248, 250, 267
 Анатолий 260
 Андрей 249
 Андрей Александрович 242
 Андрей Афанасьев Жеребцов 279
 Андрей Владимирович 288, 289
 Андрей Фомин 278
 Андрей Ярославич 250
 Андромаха 167
 Андропов Ю. В. 13
 Андроник II 31
 Анисимов А. 150
 Анна 33, 39, 41, 86, 90, 160, 255, 265, 267, 273, 274, 279, 280, 281, 284
 Анна Андреевна 288, 289
 Анна Михайловна 265
 Анна (София) 91
 Анна Юрьевна 248
 Антимонов Василий Васильевич 133
 Антимонов Иван Васильевич 13
 Антимоновы 133
 Антип 128
 Антипа 85
 Антипий 273
 Антон 128
 Антонов А. И. 204, 329
 Антонова В. И. 77, 79
 Антонова Маремьяна 122
 Антоновы 264
 Апанасенок А. В. 3, 56
 Апраксин М. А. 270
 Араловец Н. А. 5, 208
 Арбатова М. 9
 Аргудяева Ю. В. 4, 111
 Арденне 352
 Арина Родионовна 166
 Аристов И. В. 155
 Аристов Лаврентий 326
 Аристотель 20, 22, 24
 Арнаутова Ю. Е. 241
 Артамонова Л. М. 5, 169
 Артем Данилов 278
 Артемов Николай Васильевич 294, 295
 Артлебен 273
 Архипов Григорий Николаевич 298, 299, 300, 301, 302
 Архипов Е. Я. 289, 291, 292, 293
 Архипов Иван Григорьевич 298, 301, 302
 Архипова Акилина 299
 Архипова Е. И. 76
 Архипова Е. Я. 290
 Архипова (Шувалкина) Ирина Егорьевна 302
 Архиповы 298, 299
 Арцибушев А. П. 284, 287
 Арциховский А. В. 164, 318
 Аръес Филипп 220, 221, 223
 Аскольд 306
 Астапов А. 137
 Астапов Федор 41
 Афанасий 164

- Афанасий Кондратьев Жеребцов 279
Афанасий Тимофеев Жеребцов 279
Афанасьев А. Н. 46
Афанасьев В. Ф. 338
Афинагор 29, 30
Афиноген 84
Афонька 274
Афраат 28
Афродита 20
Ахматова Анна Андреевна 292
Бабухин Кузьма Яковлев 81
Баварский Людвиг 251, 252, 253, 254
Баварский Максимилиан 255
Бавары 252
Багрянородный Константин 31
Багу 91
Баженов В. 130
Базаев Александр Владимирович 293
Байбурин А. К. 110
Бакланова Е. Н. 128, 132
Бакланова Н. А. 150
Бакунин А. Л. 165
Бакунин Михаил Александрович 174
Балдин К. Е. 156
Балин А. Я. 155, 156
Балины 155, 156
Бальмонт К. 290
Балисова Мария Васильевна 262
Бандурина Мария Давидовна 281
Бараг Л. Г. 104
Бараксанов Г. Г. 261
Баранов А. И. 155
Баранов Асаф 152, 154
Баранов Иван Федорович 266
Барановы 152, 154, 155, 267
Баратынский 167
Барашев М. А. 5, 132, 165
Барг М. А. 241
Баренбаум И. Е. 287, 341
Барковский В. И. 164
Барон Н. 177
Барсенков 139
Барсов Н. П. 318
Барсов Т. 10, 13
Баташов Андрей 297
Баташов И. Р. 297, 298
Баташов Иван 297
Баташовы 297
Батиева Анна Степановна 261
Батый 75, 90, 242
Баулина В. 296
Баховен Иоганн Якоб 14
Бахрушин С. В. 33, 36, 98, 337
Башишкина А. К. 302
Башкорт 248
Безгин В. Б. 125
Беззубцевы 78
Бейлекчи В. В. 306, 318, 319, 336
Беккер 218, 219
Белик Ж. 88
Беликов А. 340
Белинский 292
Белицер В. Н. 62, 65
Белоброва О. А. 79, 98
Белоглазов Д. 131
Белоглазов Прохор 131
Белоглазов Филипп 131
Белоглазова А. С. 132
Белоглазова Н. А. 132
Белозерский Кирилл 93
Белоцветов Л. 97
Белуковна 247
Беляев А. 9
Бенуа 168
Берг К. 272
Бердз Д. Ж. 120
Бердяев Н. А. 209
Березовский И. П. 104
Бернштам Т. А. 120
Берогриц-Котляревский Л. С. 125
Бессоновы 278
Бехтеев Иван 39
Бехтеевы 41
Бецкой И. И. 165
Биншток В. И. 62
Бирюлин Ю. А. 341
Блаженный Василий 96
Блок А. 290
Блок Марк 241
Бломквист Е. Э. 118, 121
Бобров М. В. 153
Бовкало А. А. 287
Богатов И. П. 317, 318
Богдан 40, 81
Богдан Никифоров Готов 331
Боголюбовский (Боголюбский) Андрей Юрьевич 90, 247, 248
Богомолова А. А. 13
Богослов Григорий 35, 94
Богослов Иоанн 363
Бойко В. А. 213
Бойко В. П. 132, 133
Болотов А. Т. 165, 166, 168
Болотов Никифор 255
Болховитинов В. 274
Болховские 327
Болховской Василий Михайлович 327, 328
Большакова Н. В. 319
Большакова С. В. 213
Бондарев Л. Г. 287
Бондаренко В. 110
Бондарская Г. А. 204
Бонифаций 35
Борев В. 223
Борис 81, 84, 90, 91, 247, 283, 307, 315
Борис Владимирович 306, 307
Борис Феодорович 256
Борис Юрьевич 247
Борисевич 319
Борисенко И. Г. 98
Бориско 257
Борисов В. Н. 204
Борисов В. П. 356
Борисов Василий 326
Борисовы 327
Боровский Я. Е. 76
Бородин Д. Ю. 175, 176
Бородин А. В. 175, 176
Бочевникова А. А. 132
Бочкова О. А. 196
Бошняк К. А. 302
Боякова Екатерина 284
Боярский А. Я. 204
Боярский Александр Александрович 285
Бояршинова З. Я. 128, 132
Брайчевский М. Ю. 318
Братята 160
Брауде Г. В. 353, 354, 355, 356
Браун Питер 28
Брезинский Э. 144
Брокер 147

- Брокгауз Ф. А. 46, 48, 310, 318
 Брумберг А. 177
 Брун Т. А. 99
 Бруннер Андреас 255
 Брылин Михаил 139
 Брюсов В. 290
 Брянский Глеб Святославич 245
 Брянцев М. В. 132
 Брячислав 250
 Бубков Гриша 41
 Бубнов С. Л. 344
 Будина О. Р. 121
 Будюкин Д. А. 6, 240, 242
 Бузин В. С. 4, 105
 Букарин Василий 255
 Буковский В. 19
 Буленвилье де 240
 Бульба Тарас 289
 Бунгин 144
 Буровский А. М. 3, 14
 Бусева-Давыдова И. Л. 4, 80, 88, 98
 Буслаев Ф. И. 89, 96, 99
 Бухарин 180
 Бушар Констанс 240
 Быкова М. А. 81
 Бэрд Джон Лоджии 352
Вавилов С. И. 355
 Вагин Дмитрий 157
 Вагин Иван 157
 Вагин Петр 157
 Валентина Осиповна 196
 Валерия 281
 Валетов Т. Я 155
 Валькова Н. П. 223
 Ванюшка 100
 Варвара 216, 272, 273, 274
 Варвара Ивановна 219
 Варвара Кондратьевна 257
 Варлаам 163
 Варсанюфьева В. А. 66
 Варя 267, 269, 271
 Варяг Феодор 90
 Василий 90, 128, 161, 249, 250, 257, 258, 269, 272, 273, 348
 Василий III 77, 78, 94
 Василий Александрович 244
 Василий Васильевич 299
 Василий Иванов Жеребцов 279
 Василий Константинович 244
 Василий Никонович 257
 Василий Федоров Жеребцов 279
 Василь 160
 Васильев Василий 39
 Васильев Филимон 44
 Васильева Марина 122
 Васильева О. А. 88
 Василько Константинович 247
 Василько Романович 248
 Васильченко Е. А. 7, 338
 Васина Т. А. 3, 42
 Васинька 271
 Васса 90
 Васька 274
 Васька Трифонов сын Муравьев 255
 Вахромеева О. Б. 126
 Введенский С. Н. 317
 Ведерникова Н. М. 120
 Вейнберг Яков 339
 Вейсбрут А. Д. 356
 Великий Карл 252, 253
 Великопермский Стефан 82
 Вельяминов Никита Дмитриевич 79
 Венгерская Маргарита 31
 Вениамин (Казанский) 286, 287
 Вениаминов И. 339
 Вера 267, 268
 Вербицкая О. М. 5, 199, 205
 Верещагин 48
 Верещагин В. А. 138
 Верхуслава Всеволодовна 247, 248
 Веселовская С. Е. 132
 Вигель Ф. Ф. 166, 167, 168
 Вигилянские 263
 Вигилянский Лев Валерьянович 263-264
 Вигстрем Генрих 147
 Вий 289
 Вилков 289
 Виллун Василий Юльевич 289
 Вильгельм V 251
 Винничук Ю. 150
 Виноградова Татьяна Павловна 296
 Виппер Р. Ю. 26, 27
 Виттельсбах Эрнст (Баварский) 254
 Виттельсбахи 251, 253, 254, 255
 Вишняковский А. Г. 63, 66, 205, 213
 Вишнякова Д. В. 3, 49
 Владимир 35, 36, 86, 90, 91, 96, 260, 268, 281, 306, 313
 Владимир Всеволодович 161, 247
 Владимир Давыдович 248
 Владимир Игоревич 248
 Владимир Святославич 33, 34, 35, 36, 302, 303, 304, 305, 306, 307
 Владимир Ярославич 90
 Владимиров Иосиф 81
 Владимирский-Буданов 36, 37
 Владислав 281
 Власий 81, 257
 Власова И. В. 125, 132, 174, 176
 Вознесенский Ксенофонт Александрович 338
 Воин Иоанн 85
 В-ой Н. 121
 Волков Андрей 139
 Волкова Светлана Викторовна 265
 Волконские 288
 Волконский Григорий Семенович 360
 Володимирь 33
 Воложков А. С. 25, 26, 27
 Вольнский И. 40
 Вольтер 167
 Вонифатий 85, 86
 Воробьев В. М. 329
 Ворожбитова М. В. 88
 Воронин Н. Н. 79, 311, 313, 318
 Воронина Т. А. 121
 Воронинский С. 338
 Воронины 132
 Воронов А. 173
 Воронов Е. И. 290
 Воронова А. Н. 132
 Воронова Наталья 284
 Воронова Наталья Сергеевна 281
 Воротынский Иван Алексеевич 328
 Ворошилов Василий 157
 Ворошилов К. Е. 285
 Воряпаев Борис 326
 Воскобойникова Н. П. 274
 Воскресенская С. Г. 132
 Вострикова А. 204
 Воштинин А. И. 335
 Воштина-Киселева Н. П. 357
 Вральман 167
 Всеволод 162, 248, 249, 250, 303

- Всеволод Большое Гнездо 248
 Всеволод Олгович 248
 Всеволод Юрьевич 249
 Всеволод Ярославич 246
 Всеволод-Ростислав 245
 Всеслава Всеволодовна 247
 Всехвальная Евфимия 82
 Выскочков Л. В. 118, 120
 Вышеслав 303
 Вяземский Симеон 90
 Вячеслав Владимирович 246
Габсбурги 254
 Гавриил 83
 Гаврила 128, 276, 278, 279
 Гаврило Фомин Жеребцов 279
 Гаврилов Б. 47, 49
 Гагариновы 288
 Гагин И. А. 306
 Галецкий А. А. 152
 Галицкий Роман 249
 Галич А. 9
 Галкин А. П. 287
 Галкин П. А. 129, 130
 Галкина А. С. 132
 Гамлет 167
 Ганины 221
 Ганькин Владимир Михайлович 393
 Гарина Р. Г. 6, 261
 Гаркави А. Я. 37
 Гастфер Елизавета Владимировна 299
 Гейм И. А. 167
 Гейне Г. 341
 Гейнрих Симон 87
 Гейнрих-Гендриков Симон 88
 Гейнрих-Гендрикова Христина 88
 Геллер Юлия 284
 Гендриков Иван Симонович 88
 Гендрикова 87
 Гендрикова Варвара 88
 Гендрикова-Челищева В. И. 88
 Генчке Освальд Фридрихович 146
 Георгий 81, 84, 89, 95, 98, 99
 Георгий Всеволодович 248, 339, 341
 Гера 255
 Геракл 14, 252, 255
 Геращенко И. 19
 Герберштейн С. 331, 337
 Герд К. 47, 49
 Гернет М. Н. 60
 Геродот 21
 Герцык-Рыбаковы 219
 Гершензон М. 291
 Гете И. 167, 341
 Гинзбург М. 180
 Гладков Василий Андреевич 134
 Гладков И. В. 134
 Гладков Н. Ф. 337
 Гладков Николай Николаевич 134
 Гладкова Анна Федоровна 134
 Гладковы 134
 Глазунов С. Р. 4, 150, 156
 Глазуновы 339
 Глазьев 42
 Глеб 81, 90, 91, 283, 302, 303, 306, 307, 313, 314, 315, 316, 317
 Глеб Владимирович 305, 306, 307
 Глеб Всеславич 246
 Глеб Петрович 284
 Глеб Святославич 247
 Глеб Юрьевич 247, 248
 Глебовна 162
 Глен 113
 Гликерья 258
 Глинка М. И. 166
 Глинка-Волжский А. С. 290
 Глинский Иван Михайлович 78
 Глушков И. Н. 64, 66
 Глушковы 218
 Глуценко Л. И. 5, 13, 195
 Гневушев А. М. 275
 Гоголин М. Ю. 293
 Гоголь А. А. 356
 Гоголь Н. В. 272, 289, 292
 Годунов 81
 Годунов Борис 78, 79, 80
 Годунова Ирина 78, 90, 98
 Годуновы 79, 81
 Гойер 146
 Голиков А. Г. 158
 Голицын Н. Н. 133
 Голицыны 168
 Головастиков А. М. 298
 Головин М. Е. 167, 168
 Головина В. Н. 167, 168
 Головкин Алексей Алексеевич 268
 Головкин Владимир Алексеевич 265, 267, 268
 Головкина (урожд. Константинова) Мария Александровна 268
 Головкина Анна Васильевна 265, 268
 Головкины 264, 265, 266
 Голод С. 213
 Голубев Андрей Евфимиев 302
 Голубева Л. А. 312, 318, 319
 Голубинский Е. Е. 97, 307, 317, 318
 Гольшев И. А. 262, 264
 Гомер 24
 Гончар В. 76
 Гончаров Андрей Дмитриевич 265
 Гончаров Ю. М. 128, 132, 133, 174, 175, 176
 Гораций 167
 Горбунов Алар Петрович 287
 Горбунов Андрей Петрович 285
 Горбунов Григорий Петрович 287
 Горбунов Николай Петрович 285, 287
 Горбунов Петр Михайлович 287
 Гордон Патрик 145
 Гордый Семен Иванович 245
 Горемыкин Петр 97
 Горностаев 298
 Горностаев Алексей 298
 Горностаев Иван Максимович 297, 298
 Горностаев Максим Перфильевич 297, 298
 Горностаевы 297
 Городцов В. А. 318
 Горохов Андрей 256
 Горский А. А. 245, 246
 Горький М. 291
 Горюнова Е. И. 305, 307, 318, 319
 Гостица 160
 Готье Ю. В. 325
 Гравина Доменико 241
 Грамматин А. С. 341
 Грамматинны 341
 Грекова Ирина (Эльвира) Алексеевна 267
 Гренди Э. 126
 Грешневые 141
 Грибов Н. Н. 307, 318
 Григ Э. 268
 Григорий 276, 281, 326
 Григорий Иванов Дулин 278, 279
 Григорий Романович 78
 Григорий Степанов 299

- Григорьев Павел 171
 Григорьев Федор 83
 Гришкина М. В. 45
 Грозный Иван 81, 86, 316, 319
 Громыко М. Н. 121, 125
 Грушецкая Агафья Симеоновна 81
 Грушка А. А. 289, 290, 292
 Грязев Иван 328
 Грязнов 269, 272, 274
 Губский Н. П. 269, 270, 273, 274
 Губский П. И. 274
 Гудович 335
 Гундобин Борис Петрович 283
 Гундобин Иван Петрович 280
 Гундобин Петр Иванович 281, 282, 283
 Гундобина Галина Петровна 283
 Гундобина Мария Давидовна 283
 Гундобина Софья Ивановна 281
 Гундобины 280
 Гургий 160
 Гуревич А. Я. 255
 Гуревич Л. Я. 292
 Гурий 77, 85, 86, 95
 Гурко Т. А. 213
 Гуров В. А. 353, 354, 356
 Гурьянова В. В. 174, 176
 Гусева Э. К. 79
 Гюргий 160
 Давидовский Иоанн 299
 Давыд 361
 Давыд Иванов Дулин 278, 279
 Давыд Мстиславич 250
 Давыд Святославич 162
 Даль В. И. 119, 121, 340
 Дамаскин 82
 Дамиан 81, 85, 216
 Даниил 249, 250, 361
 Данилевский И. Н. 37
 Даунс У. 221
 Дашкова Е. Р. 165
 Дворниченко А. Ю. 306
 Дева Мария 221
 Дегтярева А. Я. 329
 Дедюхина В. С. 318
 Дейнека А. А. 135
 Декарт Р. 340
 Демягин М. 9
 Дементьев Е. М. 150, 152, 155
 Демид Пахомов Глотов 331
 Демидов Александр Васильевич 263
 Демидов Андрей Васильевич 263
 Демидов Василий Федорович 263
 Демидов Николай Васильевич 263
 Демидов П. А. 165
 Демидовы 262, 263
 Демка Юрьев сын Епов 274
 Демокрит 21, 22, 24
 Денисова Е. Е. 132
 Дербенев Н. 155
 Державин Г. Р. 167
 Десимон Р. 241, 242
 Дефо Д. 167
 Джаксон Т. Н. 317
 Джульетта 356
 Джурова А. 317
 Дзарасова И. А. 205
 Диздери А. 218
 Дима 281
 Димитрий 94
 Димитрий Святославич 91
 Дионисий 77, 78
 Дир 306
 Дмитриев М. А. 165, 166, 167, 168
 Дмитриев Никита 124
 Дмитриев Семен 124
 Дмитриев Сидор 124
 Дмитриева Авдотья 124
 Дмитриева Анисья 124
 Дмитриева Р. П. 96, 97, 98
 Дмирий 242, 245, 273, 287, 288
 Дмитрий Иванович (Донской) 242, 243
 Дмоховский Александр Владиславович 281, 284
 Добренький С. И. 125
 Добров Михаил Матвеевич 266
 Добровольский 146
 Доброцаров 98
 Доброхотов В. И. 270
 Добрышкин В. Н. 97, 336
 Добрышкин Н. 336
 Довмонт (Тимофей) 90
 Долгов А. В. 149
 Долгорукий 248
 Долгорукий Владимир Андреевич 288
 Домажир 160
 Домна Герасимова 257
 Дон Кихот 167
 Донской Димитрий 83, 90
 Доронин 130
 Доронина Т. В. 175, 176
 Дорохина А. Н. 116
 Достоевский Ф. М. 273, 289
 Досум 334
 Дробинский А. И. 336
 Другова Мария 279
 Дружина 334
 Дружинин 134
 Дружинин И. 140
 Дружинин Н. П. 125
 Дубакин Д. 37
 Дубинина Н. М. 356
 Дубровский А. М. 132
 Дубынин А. Ф. 318
 Дулины 278
 Думенко О. Е. 5, 156, 158
 Дурасов Афанасий 328
 Духовской М. В. 125
Ева 25, 26, 175, 176
 Евгений 95, 96, 98, 99
 Евгения 281
 Евдоким 278
 Евдокия 82, 257, 258, 279
 Евдокия Давидовна 91
 Евдокия (Евфросиния) 90
 Евпраксия 90
 Евсеев А. 147
 Евсей Савин Жеребцов 279
 Евфимия 83, 247
 Евфросиния 247, 250
 Евфросиния (Феодула) 91
 Евфросиния Юрьевна 247
 Егидес А. П. 18, 19
 Егоровы-Мочаловы 218
 Екатерина 87, 216, 283
 Екатерина I 88
 Екатерина II 10, 129, 132, 145, 168, 169, 173
 Екатерина Григорьевна 87
 Елена 248, 268
 Елена-краса 103
 Елизавет 94
 Елизавета 260, 268, 280, 283

- Елизавета Ивановна 348
 Елизавета Петровна 88
 Елизаровы 263, 327
 Елистратовы 221
 Елортай Ординский Тимирев сын 242
 Емельян 279
 Емельян Степанов Жеребцов 279
 Емельянов В. М. 337
 Емельянов К. Л. 213
 Енгальчев Андрей Николаевич 289
 Енгальчева Александра Ивановна 287-288
 Енгальчевы 288
 Енох 84
 Епанчин А. А. 92, 96, 97, 98
 Епов Василий 276
 Епов Василий Дементьевич 276
 Епов Дементий 275, 276
 Епов Иван Васильевич 277
 Епов Михаил 275, 276
 Епов Назар 276
 Епов Яков 275
 Еремеева Евдокия 258
 Еремей 257
 Еремий Алик 196
 Еремий С. Н. 196
 Еремина В. И. 104
 Ермак Г. Г. 116
 Ермолай-Еразм 93, 309
 Ершов В. Е. 7, 326
 Есанов Петр Алексеевич 267
 Есипов Юрий Афанасьевич 276
 Есиповы (Еловы, Эповы) 274, 276, 277
 Ефимица 41
 Ефимова Ф. 137
 Ефрем 28, 255, 258
 Ефрон И. А. 46, 48, 310, 318
Жадин Алексей Федорович 281
 Жадина Наталья Алексеевна 281
 Жадко 160
 Жигилевы 278
 Железов А. А. 356
 Жеребцов И. В. 279
 Жеребцов И. Л. 6, 55, 65, 66, 274, 277
 Жеребцов Л. Н. 161
 Жеребцов М. И. 279
 Жеребцов Н. М. 279, 280
 Жеребцова А. М. 279
 Жеребцова Анна Осиповна 279
 Жеребцовы 277, 278, 279, 280
 Живалев Меркул 40
 Живалев Мирон 40
 Живновский А. 341
 Жилины 279
 Жиромская В. Б. 213
 Жуковский 289
 Журавлев А. А. 259
Забелин И. Е. 40, 41, 88, 337
 Забылин М. 319
 Завид 160
 Завьялов Ефрем 256
 Зализняк 164
 Залкинд А. Б. 194, 209
 Зарицкая О. И. 364
 Засосов Е. А. 120
 Застолбский Григорий Романович 77
 Заточник Даниил 162, 163
 Захаров 299
 Захаров А. В. 302
 Захаров В. В. 134
 Захаров П. 129
 Звенигородская Александра Ивановна 288
 Звенигородская Татьяна 290, 291
 Звенигородская Татьяна Владимировна 292
 Звенигородская (Хомутова) Александра Алексеевна 287
 Звенигородские 287, 291
 Звенигородский А. В. 289, 290, 291, 293
 Звенигородский Адриан Мстиславович 288
 Звенигородский Андрей Владимирович 291
 Звенигородский Владимир Дмитриевич 288, 289, 290
 Звенигородский Григорий Васильевич 287
 Звенигородский Д. Ф. 288
 Звенигородский Данила Васильевич 287
 Звенигородский Дмитрий 290-291
 Звенигородский Иван Александрович 287
 Звенигородский Иван Дмитриевич 288, 290, 291
 Звенигородский Иван Иванович 287
 Звенигородский Николай 290, 291
 Звенигородский П. 295
 Звенигородский Федор Иванович 287
 Зворыкин Владимир Козьмич 8, 345, 351, 352, 353, 354, 356
 Зворыкин Николай 345, 351
 Зворыкина Анна 345, 348
 Зворыкина Антонина 346
 Зворыкина Вера 346
 Зворыкина Мария 346
 Зворыкина Надежда 345
 Зворыкины 345, 356, 357, 358
 Зиборов В. К. 317, 319, 336
 Зимин А. А. 164, 275
 Зин Н. В. 8, 342
 Зинаида 266, 283
 Зинаида Алексеевна 267
 Зингер 149
 Зиновьев В. С. 83
 Зконопниц-Грабовская Людмила Александровна 285
 Зконопниц-Грабовская (Печаткина) Клавдия Константиновна 285
 Зконопниц-Грабовский Александр Васильевич 285
 Зконопниц-Грабовский Василий Григорьевич 285
 Златовратский Н. Н. 270
 Златоуст Иоанн 29, 30, 32
 Змиев С. И. 262, 264
 Зобов Ю. С. 325
 Золотарев Д. А. 66
 Зубкова Н. Ф. 132
 Зубов Федор 93
 Зубова Н. А. 167
 Зуськова О. Э. 213
Иасон 86
 Ибн-Руст 34, 35
 Ибн-Фадлан 33, 34
 Ибрагим 287
 Ивакин В. Г. 3, 74, 76
 Иван 100, 102, 244, 275, 296, 347, 348
 Иван 260
 Иван III 41, 77, 81, 92
 Иван IV 91, 92
 Иван Александрович 244
 Иван Васильевич 88
 Иван Григорьев Жеребцов 279
 Иван Никифоров Глотов 331
 Иван Сергеев Жеребцов 279
 Иван Титов Епов 275
 Иван Федоров 279
 Иван Федоров Безсонко 278
 Иван Федоров сын Офонасов 276
 Иван Федорович 288
 Иван Филимонович 83
 Иван Ярославич 244
 Иван-Василий 245
 Иванисов Д. 130

- Иванов Андриан 124
 Иванов Иван 299
 Иванов Константин 125
 Иванов Ларрионка 256
 Иванов Прокопий 299
 Иванова Анна 124
 Иванова Л. М. 213
 Иванова Прасковья 124
 Иванова Т. К. 286, 287
 Иван-царевич 101, 103
 Ивашка Степанов сын 41
 Ивашко Титов сын Елоп 274
 Ивашко Федоров сын Офонасов 276
 Ивашковский И. 340
 Ивашко-Попельшко 100
 Ивлева Л. 100
 Игнатий Фомин Жеребцов 278, 279
 Игорь 248, 281, 313
 Игорь 33, 34, 35
 Игорь Святославич 162
 Игорь Ярославич 314
 Игушев Терентий 255
 Иевлев Офонька 256
 Иевлев Патрейко 256
 Изольда 356
 Израилев А. 364
 Изяслав 34
 Изяслав Давыдович 247
 Иисус 28, 31, 81, 221
 Иисус Христос 314
 Илиопольская Евдокия 82, 83
 Илларион 313
 Иловайский Д. И. 244, 302, 306, 307
 Ильинская (Звенигородская) Александра Владимировна 292
 Ильинский 269, 272, 274, 301
 Ильинский Александр Андреевич 293
 Ильинский Александр Дмитриевич 290
 Ильинский Дмитрий Александрович 293
 Илья 259, 283, 284
 Илянова А. И. 132
 Индигерда 90
 Иннокентий III 31
 Иньков 144
 Иоанн (Иона) 90
 Иоанн 85, 90, 91, 96, 361, 362, 363
 Иоанн XXII 251
 Иов 90
 Иона 79, 84
 Иосиф 88
 Ира 221, 283
 Ираида 78
 Ирина 89, 90, 91, 92, 93, 97, 283
 Исаак II Ангел 31
 Исавр Лев 32
 Исаев А. 126
 Исаевский Савва 139
 Исаенко (Печаткина) 287
 Исак 278
 Исачко Трифонов сын Муравьев 255
 Искольский Г. 290
 Истомин Ф. М. 66
 Иулиана 90
 Иулиания 90, 94, 95, 96, 99
 Иулита 86
Кабашников К. П. 104
 Кабузан В. М. 116, 132
 Кабулицкий Семен 325
 Каверин Осип 39
 Кадьш 334
 Казакевич 112
 Казаков А. П. 265
 Казаков Василий Федорович 337
 Казаков Е. П. 306, 307
 Казанкова Марина 284
 Казанский Иоанн 302
 Казанцев Александр 92, 97
 Казанцев Петр 92
 Казвини 33, 36
 Казина-Звенигородская А. 293
 Казлитин А. 39
 Казлитин Михаил 39
 Калининская Н. М. 132
 Каллистрат 94
 Калмыкова М. И. 132
 Каменщикова М. Н. 196
 Каминский А. 173
 Канева Л. Я. 3, 62
 Кападинская Александра 272
 Кападинская Наталья Михайловна 272
 Кападинский 271
 Кападинский Николай 272
 Капнист В. В. 168
 Капустин Яков 157
 Карамзин Н. М. 35, 37, 89, 96, 291, 312, 318
 Карамзины 167
 Карвонопсина Зоя 30
 Каргер М. 75, 76
 Каретникова А. 152, 154
 Карманов Диомид 158
 Карманов Петр 158
 Каролинги 240, 253
 Карповы 221
 Карташов А. В. 33, 36
 Катаев 355
 Катерина 257
 Катя 350
 Кафенгауз Б. Б. 274
 Кацаврик 166
 Квашнин-Самарин Н. Д. 97, 317
 Кёнмар 312
 Керзум А. П. 7, 284, 287, 337, 338
 Керн А. П. 168
 Керов В. В. 61
 Кесарийский (Великий) Василий 30, 58
 Килевич С. Р. 76
 Киприянова Н. В. 4, 126, 132
 Кир 85
 Киреевский Григорий Федорович 97
 Кирик 86
 Кирилл 94, 98, 283
 Кирилов И. К. 319, 320, 321
 Кириныйский Феодот 81
 Кирпичников А. Н. 318
 Кирсанова Р. М. 136, 138
 Кирьянов Ю. И. 151, 155
 Киселев 139
 Киселев А. Г. 7, 297, 298
 Киселев И. Г. 326
 Киселев И. Н. 213
 Киселев Иван 328
 Киселев Н. Д. 140
 Киселев П. Д. 172
 Киселев Семен Федорович 79
 Кислинский Михаил Иванович 288
 Кисель Ф. Х. 140, 141, 142
 Кишкин Василий Дмитриевич 255
 Клавдия 267, 294
 Клеменс Габриэле 241
 Кленов М. В. 256, 261
 Клепиков Н. В. 231

- Кледин А. А. 213
Клибанов А. И. 58, 61
Климашевская Е. В. 231
Климент 30, 81, 164
Климов Иван 255
Климонт 279
Климочкина Н. И. 231
Климьята 160
Клокман Ю. Р. 132
Клочевский В. О. 57, 59, 61, 89, 96, 291, 326, 329, 337
Князев А. 120, 121
Князева Н. А. 298
Кобзов В. С. 325
Ковалевский М. 33, 36
Ковалевский Н. 183, 189
Ковалинский 150
Коваль В. 150
Коданев Аксен 278
Коданевы 278
Кодин Е. В. 179
Коейт Юлий 142, 143
Козиерова У. А. 132
Козлов В. И. 63, 65, 66
Козлов Игнатий 325
Козляков В. Н. 96
Козмин Иван 299
Козьма 257, 258
Козьмина Екатерина 299
Кокорев И. Т. 120
Колганов Никита 323
Колегов Н. А. 261
Колегов С. И. 260
Колесников В. 126
Колесниченко Д. 27
Колмонгай А. М. 209, 213
Колмановский С. С. 268
Колчин Б. А. 88
Кольцовы 327
Кольчугин Николай Павлович 337
Кольчугин Павел Иванович 337
Комарова Т. В. 88
Коматио Дмитрий 33
Коменский Я. 340
Комнин Алексей 32
Комнина Мария Акрополитиса 77
Комнины 31
Кон И. С. 213
Кондрат Андреев 279
Кондратий Андреев Жеребцов 278
Кондратьев Еким 255
Кондратьев Тимофей 124
Коновалов А. 129
Коновалов Н. А. 129
Конон 82
Константин 82, 89, 91, 92, 94, 97, 98, 249, 250, 309, 313, 315, 316, 317
Константин VI 30
Константин Всеволодович 247, 249, 307
Константин Романович 244
Константин Святославич 90, 303
Константинов А. П. 353, 354, 355
Константинов Алексей 125
Константинопольский Александр 86
Конти Лучана 263
Кончаковна 248
Коншин Н. Н. 155
Копанев А. И. 275
Копнины 327
Коржавин Ияков 255
Коряд 245
Корнилов А. Ю. 336
Коробейников А. В. 3, 46, 318
Коробко О. А. 88
Коробов Федор Васильевич 79
Королев В. Б. 318
Королева Е. Г. 277
Коротопол Иван 244
Косаткин В. В. 97, 339, 341
Косвен М. О. 19
Коснятин 160
Костомаров Н. И. 331, 337
Костоправов Р. О. 7, 302
Кострикина О. А. 4, 138
Косьма 81, 85, 216
Коткин С. 177
Котлова Т. Б. 175, 176
Коулман 223
Кочев Максим Кузьмин 258
Кошелева О. И. 141
Кошка Федор Андреевич 78
Коэн С. 177
Кравковы 327
Красильников Михаил 300
Краснопольский А. В. 287
Красовицкая Т. Ю. 192, 194
Краошклина Т. В. 4, 99
Крейцер В. Л. 354, 356
Кремлева И. А. 110
Креонг 255
Креститель Иоанн 84
Крестьянинова Е. И. 141
Кржижановский Г. М. 189
Кривошеев М. В. 303, 307
Кривошеев Ю. В. 309, 317, 318, 319
Кристи А. 177
Крокозовы 327
Кронштадтский Иоанн 96, 285
Кропоткина Надежда Тимофеевна 174, 176
Кротов М. Г. 96
Кротовы 219, 220
Круглова (Ногаткина) А. И. 293
Круглова Т. А. 158
Крузо Робинзон 167
Крупинин Павел 299
Крупская Н. К. 192, 193, 194
Крупянская В. Ю. 213
Круссер Б. В. 354, 356
Крутов А. П. 202
Крыжановская Лидия Самойловна 292
Ксения 79, 90, 91
Ксения Юрьевна 246, 250
Ксенофонт 86
Кубецкий 355
Кудрявцева Т. Н. 337
Кузнецов С. А. 310
Кузнецов С. К. 46, 48, 318
Кузнецова Алла 48, 49
Кузьмин А. И. 213
Кузьмин Иван 124
Кузьпелева Мария 279
Куйбшчев 180
Кукины 220
Куклев Лукьян 325
Кулагина Е. 357
Кулаев Илья 158
Кулаева Афросинья 158
Кулешов В. С. 310, 318
Куликов И. С. 96, 345
Куприянов А. И. 131, 132, 133
Куприяшин Б. 222
Купряшина Т. Б. 8, 356, 358

- Купряшины 222
 Курбатова А. М. 79
 Курлоков Орест 147
 Курман М. 204
 Куртман В. 339
 Кусков В. В. 315, 319
 Кусова И. Г. 132, 133
 Кутепов К. 340
 Кутузов М. И. 134
 Кутузова Мария 79
 Кучетский Феодосий 78
 Кучкин В. А. 337
 Кучмаев М. Г. 213
Лабзина А. Е. 166, 168
 Лавр 81, 110
 Лаврентиев Перфирей 255
 Лагарп Ж.-Ф. 167
 Лазарев В. 130
 Лазарев В. Н. 77, 79
 Лазаревская Юлиания (Иулиания) 88, 91, 98
 Лазаревы 41, 129
 Лазовский Н. 37
 Лазуркина Д. А. 191
 Ланская Варвара Ивановна 361
 Лапов Иоанн 258
 Лапов Стефан 258
 Лапотникова М. С. 132
 Ларин 180
 Ларионов Василий 256
 Ласей 257
 Ласкин К. 139
 Ласкина 141
 Ласкина Фиона 139
 Ласкины 139
 Ласс Д. И. 213
 Лапкин В. Н. 62, 63, 65, 66
 Лашук Л. П. 63, 64, 65, 66
 Лебедев Арсений 123
 Лебедева А. М. 6, 264
 Лебедева Екатерина Ивановна 123
 Лебина Н. Б. 213
 Лев 86, 263
 Лев VI 30, 32
 Лев Николаевич 263
 Леви Дж. 126
 Левин М. К. 99
 Левицкий Д. Г. 165
 Легран Александр 148
 Ледин М. 19
 Лейман И. И. 6, 277
 Лелеко В. Д. 126
 Лем И. 167
 Лемзаковы 276
 Ленин В. И. 197, 213, 285
 Леонид 350, 351
 Леонид Константинович 219
 Леонтьев К. 289
 Лепехин Иван Иванович 62, 63, 65, 297, 298, 332, 333, 337
 Лермонтов М. Ю. 272, 289, 292
 Лернер Л. А. 4, 133, 134
 Лесков 289
 Лесфорт Франк 145
 Ливанский А. 167
 Ливий Тит 167
 Лиза 265
 Лигянина Марина Алексеевна 296
 Лисицын Севостьян 39
 Листвинова Т. Д. 132
 Литвинов-Фалинский В. П. 150, 155
 Литвиновы 132
 Лихачев Д. С. 164
 Лихонин 338
 Лихоревы 327
 Лобис Аким (Иоаким) Данилович 294
 Лобис Аполлон 295
 Лобис В. А. 296
 Лобис Варвара 295
 Лобис Виктор Иоакимович 295, 296
 Лобис Д. А. 295, 296
 Лобис Дмитрий Александрович 296
 Лобис Е. А. 294
 Лобис Елизавета 295
 Лобис Инна Леонидовна 296
 Лобис Клавдия 295
 Лобис Михаил Викторович 295, 296
 Лобис Надежда Викторовна 296
 Лобисы 293, 294, 295, 296
 Логин 96
 Логинов М. 295
 Лодыгина Е. В. 307
 Ломоносов М. В. 167, 355
 Ломоносов Ф. Я. 129
 Лопатин Сидор Матвеев 94
 Лопухин С. В. 325
 Лопырева Т. А. 4, 133
 Лотман Ю. М. 132
 Лука 28, 160
 Лука Никифоров сын Нечаев 128
 Лукин Афанасий 328
 Лукины 327
 Луковник Ганка 143
 Лукошниковы 277
 Лупандины 327
 Луппов П. Н. 46, 48
 Лурье Л. 120, 121
 Лурье С. Я. 24
 Лыткин К. П. 270
 Лычагин Павел Иванович 335, 337, 338
 Лычагин Иван Александрович 337
 Львова Елена 96
 Любимов Н. А. 340
 Любовь Ивановна 346
 Любомир 279
 Любомудров С. И. 341
 Лют 36
 Ляпин Д. А. 3, 37, 41, 42
Маврикий 32
 Мавродин В. 34, 37
 Магдолина Мария 81, 87
 Магмед Алей 334
 Майбуров О. 257
 Майоров Г. Г. 27
 Макар Сидоров Дулин 278
 Макарий 81, 92, 93, 340
 Макаров А. 150
 Макаров Григорий 122
 Макарец Ю. М. 27
 Макбет 167
 Маккензи 135, 138
 Максим 255, 258
 Максимилиан I 251, 252, 253, 254
 Макушев А. А. 155, 156
 Макушев В. 33, 37
 Малиновский М. 279
 Малкины 219
 Малков-Панин Василий Васильевич 286
 Малков-Панин Георгий Васильевич 285, 287
 Малков-Панин Константин Васильевич 286
 Малков-Панина Екатерина Васильевна 286, 287
 Малуша Ольга 35

- Мальцев Иван 255
Мальцев Степан 255-256
Мальцева Александра Федоровна 259
Мальцов Ангипа 255
Мальцов И. С. 153
Мальцовы 153, 156
Мамай 83
Мамат-Салтан Яш 243
Мамонов Иван 77, 79
Мамоновы 77
Мамонтовы 149, 267
Мандельштам Н. Я. 293
Мандельштам О. 292
Манджеголадзе Павел Евгеньевич 264
Манзей Прасковья Ильинична 174, 176
Маняхин Семен 39
Марина 267, 281
Маринин А. 13
Марья 86, 87, 90, 91, 94, 96, 98, 99, 164, 248, 249, 267, 279, 280, 281, 282, 283
Мария Алексеевна 268
Мария (Барина) 284
Мария Дмитриевна (Марфа) 90
Мария Михайловна 247
Мария Павловна 87, 88
Марк 278
Марк Игнатьев 279
Маркевич А. М. 155
Маркина М. Д. 79
Марков 112, 113, 114
Марков А. Р. 205, 208
Марков Е. 136, 138
Марон (Марой) 84, 86
Марро 310
Мартынов Л. Н. 293
Мартынов М. Н. 303, 306
Мартынов С. В. 64, 66
Мартынова А. Б. 132
Мартынова-Савченко Марина Сергеевна 263
Марфа 96, 99, 257
Марфа Борисовна 95
Мардыңчики 144
Маршак С. Я. 193
Марья Александровна 165
Масленицын С. И. 98
Маслов Александр Ефимович 281
Маслова Г. С. 110
Массон Шарль 168
Матвеев П. А. 46, 48
Матвей 276
Матвей Сидоров Дулин 278, 278
Матвей Сидоров Шкилев (Жгилев) 278
Матинский Михаил 340
Матрена 125
Матрена Алексеевна 257
Матфей 28
Мацук М. А. 161, 274
Маша 281, 284
Маясова Н. А. 80
Мегара (Мегера) 255
Медведев Ю. П. 318
Медем Б. Г. 339
Медик Ж. 126
Мейендорф И. 26, 27
Мейер 206
Мейнерс А. Г. 167
Мелетинский Е. М. 102, 105
Мелешка 256
Мельник А. Г. 8, 80, 96, 97, 360, 364
Мельников Ф. Е. 61
Мельникова Е. А. 312, 317, 318
Менде А. И. 296
Меньковский В. И. 5, 176
Меньян 339
Меровинги 240
Мертвой Савва 327
Мертвый Иван 326
Мерцалова М. Н. 133
Мессершмидт Д. Г. 46, 48
Мегафраст Симеон 85
Мешко 33
Мешков Сергей Семенович 267
Мешкова Анна Васильевна 267
Мешкова Елизавета Сергеевна 267
Мешковы 265, 266, 268
Миклуха (фон Маклай) М. Н. 46, 48
Микулин А. А. 150, 151, 155, 302
Микулин Василий 96
Микулина 273
Микулинская Анна 78
Микулинский Феодор Михайлович 78
Милеев Д. 75
Милогорова И. Н. 124, 126
Милостивый Иоанн 84
Милутин 31
Милотин Николай 189
Мина 85
Миненко Н. А. 128, 132
Минин Козьма Захарьич 95
Минц А. Л. 352
Минц С. 120
Миронов Б. Н. 55, 65, 66, 138, 174, 176
Мирослав 248
Мисаил 319
Мистик Николай 30
Митлянская Т. Б. 74
Митрофан 257
Митрофанов А. 9
Митя 272
Михаил 281, 282-283, 316
Михаил 58, 61, 81, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 97, 98, 165, 249, 266, 309, 315
Михаил Семенов 279
Михаил Ярославич 91, 244
Михайлов А. А. 293
Михайлова Анастасия 123
Михайлова Л. А. 319
Михалков Александр Петрович 86
Михалкова Анна Михайловна 86
Михалковы 86
Михеев Филипп 122
Михейко Юрьев сын Еглов 274
Миштон Морис 222
Мишуков Яков 147
Мишулин А. В. 37
Мнева Н. Е. 79
Моамеф 314
Мовчан И. И. 76
Можуховская (урожд. Головкина) Елизавета Владимировна 264, 265, 267, 268
Можуховская Анна Михайловна 266, 268
Можуховские 266
Мозалевский В. Л. 150
Моисеев Дмитрий 124
Моисей 361
Моисей Кузьмин 299
Мокеров И. П. 213
Мольер Ж. 167
Момотов В. В. 37
Монгайт А. Л. 306, 307
Мономах Владимир 161, 162, 246, 247

- Мономах Константин 161
 Мономахичи 249
 Монтан 26
 Монтеггори М. 191, 194
 Монферратский Бонифаций 31
 Морган Льюис Генри 10, 14, 15, 19
 Мордовские 288
 Морозов Василий 255
 Морозов Визул 153, 154
 Морозов М. А. 3, 28
 Морозов Савва 152, 155
 Морозов Т. С. 154
 Морозова 57
 Морозовы 152
 Морохин Н. В. 294, 296
 Мортон Д. А. 356
 Московская Евдокия 82, 83
 Московский Даниил 244
 Московский Данило Александрович 243
 Московский Юрий 244
 Мочалов Г. И. 218, 219
 Мочалова Р. Г. 196
 Мошкин С. С. 292
 Мошкова А. П. 197
 Мстислав 303
 Мстислав Владимирович 247, 248
 Мстислав Мстиславович 249
 Мудрый Альбрехт IV 254
 Мудрый Ярослав 306
 Муравьев Автоном 255
 Муравьев Иван 255
 Муравьев М. Н. 113
 Муравьев Мелетий 255
 Муров Г. Т. 116
 Муромец Илья 359
 Муромская Феврония 309, 359
 Муромский Андрей 243
 Муромский Василий (Ярославич?) 242, 243
 Муромский Давыд 243
 Муромский Константин 302-303, 304, 307, 314, 319
 Муромский Петр 308, 309, 359
 Муромский Федор Глебович 243, 245
 Муромский Юрий Ярославич 242, 243, 245
 Муромский Ярослав 243
 Муссолини 263
 Мухаммед 314
 Мухин Павел 325
 Мюллер И. Б. 47, 49
 Мягков Г. И. 167
 Мяздриков А. И. 335
 Мяздриков Адриан 335
 Мяздриков И. П. 337
 Мяздриков Иван Семенович 334
 Мяздриков Николай Адрианов 337
 Мяздриков Николай Андреевич 337
 Мяздриков Петр Иванович 334, 337
 Мяздрикова Прасковья Степановна 337
 Мяздриковы 331, 337
Нагирин Федор 326
 Надежда 257, 279, 280
 Нажир 160
 Назаренко А. В. 306, 307
 Назарко Яковлев 275
 Назаров А. А. 153
 Назианзин Григорий 29, 32
 Наполеон 259
 Напольских В. В. 48
 Нарцов А. Н. 293
 Нарышкина Наталья Кирилловна 81
 Насонов А. Н. 306, 318, 319
 Насонова Н. В. 7, 280
 Наталия 90
 Наталия Владимировна 283
 Наташа 286
 Наум Пахомов Г. Лотов 331
 Наумов Тимофей 300
 Невельский Г. И. 111
 Неволин К. А. 34, 35, 37
 Невский Александр 84, 87, 90, 248, 250, 300, 339
 Нежил 160
 Нежка 160
 Незнайка 100, 102, 103
 Некрасов Н. А. 290, 301
 Неметти Э. 146
 Немцев А. П. 137
 Неплюев И. И. 320, 325
 Непот Корнелий 339
 Нестер 275
 Нестерко Яковлев сын 275
 Нестеров Андрей 171
 Нестеров М. В. 96
 Нестор 35, 164
 Нехорошков М. Ф. 213
 Нечаев-Мальцов Ю. С. 152, 153, 154, 155
 Нечаевы 128, 132
 Нечайко 275
 Нидерле 36, 37
 Нижник Н. С. 36
 Никита 257
 Никита Артемов 278
 Никита Григорьев Жеребцов 279
 Никитий Афанасий 110
 Никитин Александр 166
 Никитин П. 87
 Никитин Симион 258
 Никитина М. А. 273
 Никифор 30, 315
 Никифоров 207
 Никифоров Арсений 123
 Никишинков А. А. 125
 Николаев Антон 139
 Николаев И. 59
 Николаева Анна 122
 Николаева Т. В. 76, 77, 79, 80
 Николай 260, 266, 269, 272, 281, 288, 299
 Николай I 87, 136, 169, 170, 171, 172, 173, 340
 Николай II 87, 346
 Николай Алексеевич 268
 Николай Иванов 299
 Никологорский 270
 Никольский А. И. 97
 Никон 258, 263
 Никонов С. П. 125
 Нина 260
 Нифонко 256
 Нифонт 85, 248, 257
 Новаковский С. В. 356
 Новиков Иван 158
 Новиков М. П. 318, 319
 Новиков Н. В. 104
 Новиков Н. И. 167
 Новиков Петр 158
 Новикова А. Л. 132
 Новицкий Г. И. 49
 Новоселова И. А. 330, 336, 337
 Новосельская Е. Г. 79, 80
 Новосельский С. А. 62
 Новосельцев А. П. 37
 Новый Василий 82
 Норбековы 263

- Норикс 252
 Нужда Иван Дмитриев 139
 Нуждина А. А. 4, 121
 Нянькина Лидия 48, 49
Обедов Василий 77
 Оболенские 288
 Оболенский 165
 Образцов Михаил Васильевич 77
 Обращин Иван 326
 Обросим 257
 Обросимов 258
 Обросимов Бориска 256
 Обросимов Яков Кузьмич 129
 Обручев В. А. 14, 19
 Овсянников Н. Н. 339
 Овсянников Ю. М. 132
 Огарев И. Г. 256
 Одиссей 24
 Одоевский А. И. 165
 Озеров Ю. Н. 134
 Окянный Святополк 36
 Оксана 222, 283
 Олгерд (Ольгерд) 245
 Олег 35, 244, 261, 281
 Олег Иванович 243, 244
 Олег Святославич 36, 161
 Олешка 221
 Олсуфьев Ю. А. 76, 77, 79, 80
 Ольга 31, 33, 34, 79, 93, 283, 306, 307, 313
 Ольга (Долгорукая) 248
 Ольга Андреевна 262
 Ольга Юрьевна 247, 248
 Ольговичи 247
 Омелько Трифонов сын Муравьев 255
 Омелянчук С. В. 3, 33
 Ометова (Ильинская) Елизавета Александровна 293
 Онофрий 81
 Онтропова М. С. 132
 Опахов Петр 139
 Ополон-царевич 101
 Опраксин Иван 326
 Опраксины 327
 Оратов Петр 256
 Ориген 30
 Орлов Н. П. 259
 Орлова-Чесменская А. А. 171, 172
 Орлянкин Прокофий Федорович 41
 Осип 276
 Осип Власов сын 276
 Осип Данилов сын 275
 Осипов 276
 Осипова О. С. 5, 158
 Осмомысл Ярослав 248
 Осокин П. В. 61
 Осоргин М. М. 96
 Осорьин Дружина 95, 326
 Осорьин Каллистрат 89
 Осорьина Ульяния 88
 Осорьины 94, 96, 327
 Островский А. Н. 95, 135, 138, 267, 272
 Остроумов С. С. 61
 Офонасов 276
 Офонька Иванов 275
 Охитович Михаил 180
 Ошеров А. И. 134
П. А. Р. 120
 Павел 28, 30, 77, 86, 87, 92, 93, 128, 164, 257, 258
 Павел I 157, 168, 169
 Павел Васильев Жеребцов 279
 Павел Савельев сын Волков 362
 Павла 361
 Павлов 208
 Павлов А. П. 32
 Павлова 208
 Паевский В. В. 213
 Пажитнов К. А. 151, 155
 Паисий 83, 86
 Палеолог Софья 77
 Палилов М. 295
 Палицын А. Ф. 94, 98
 Паллас П. С. 297, 298
 Палтес 312
 Панаева Авдотья 292
 Панин Петр Иванович 262
 Панина 262
 Панины 262, 263
 Панкратова А. М. 155
 Панкратова М. 205
 Пангелеймон 86
 Папков А. 61
 Парамонов Иван 218
 Парамонова Лена 218
 Парамонова Лидия 218
 Парамоновы 218
 Параскева 81
 Парасковья 360
 Парменов К. 120
 Пастернак Б. Л. 292
 Пастырь Ермы 30
 Пафлагонская Мария 30
 Пашка Андреев сын 41
 Пашков Я. М. 156
 Пашуто В. Т. 319
 Пелагея 86, 258
 Пелагея Николаевна 86
 Пелагея-бела 104
 Пелагия 255
 Пенелопа 24
 Первозванный Андрей 216
 Первушин Алексей 265
 Первушин Алексей Михайлович 264, 266, 267
 Первушин Николай 264, 265
 Первушин Николай Алексеевич 267
 Первушин Сергей 265
 Первушин Сергей Алексеевич 267
 Первушина Зинаида 265, 268
 Первушина Марина Николаевна 264
 Первушины 264, 265, 266, 267, 268
 Первущка 275
 Перетрухин Филипп 297
 Персидский дон Хуан 330, 331, 333, 337
 Персидский Садоф 83
 Перун 102, 105
 Перхавко В. Б. 99
 Перхин Михаил 147
 Перцов П. П. 292
 Песков П. А. 150, 151, 153, 155, 156
 Петаченко Г. А. 5, 205
 Петр 77, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 128, 257, 258, 280, 317, 318, 356, 357, 358
 Петр, мирп. 78, 83, 84
 Петр I (Великий) 10, 37, 41, 42, 88, 145, 274
 Петр Архип Никитич 298
 Петр Ефимов 299
 Петр Ильич 246
 Петр-Давид 91
 Петр-Михаил 245
 Петр (Перша) Иванов 278
 Петров Борис 267
 Петров Василий 266

- Петрова Марья Ивановна 124
 Петрова Тамара 267
 Петровские 130
 Петровский 131
 Петровский Андрей 129
 Петровский К. 83
 Петровский Ф. 131
 Петровский Федор 129
 Петровы 219
 Петрунька Елов 275
 Петрухин В. Я. 312, 318
 Петуныка 275
 Пехов В. И. 97, 338
 Пехтерев Дмитрий 139
 Пехтерев Егор 139
 Пехтерев Николай 139
 Пехтерева Авдотья Александровна 139
 Пехтеревы 139
 Печаткин Евгений Петрович 285, 287
 Печаткин Константин Петрович 285
 Печаткина Варвара Александровна 285
 Печаткина Екатерина Константиновна 286
 Печаткины 284, 285, 287
 Печерский Феодосий 164
 Пешехонов В. М. 86
 Пештич С. Л. 303, 304, 306
 Пигарев В. 292
 Пимен 284
 Пино Е. 146
 Пирожкова И. 85
 Писаренко Ю. Г. 76
 Пифия 21
 Платон 20, 21, 24
 Плещеев Андрей Львович 78-79
 Плещеевы 327
 Плотцов Василий 328
 Плутарх 21, 167
 Плутарх 340
 Плюханова М. Б. 93, 97, 98
 Плюшар Адольф Александрович 340
 Побединский Иван Петрович 266
 Погодин М. Г. 97
 Погодин М. П. 307
 Подурец А. М. 7, 293, 296
 Позвизд 306
 Покровская А. 13
 Покровский М. 293
 Покровский Ф. 125
 Полев 38
 Полежаев Михаил Васильевич 272
 Полежаевы 270
 Поликарп 84
 Поликарп Петров 278
 Полина 283
 Полонский Я. 289, 290
 Полоцкая Евфросиния 93
 Поляков Ю. А. 213
 Полякова М. П. 196
 Померанцева Э. В. 120
 Пономарев Александр Михайлович 264
 Пономарев Алексей Сергеевич 264
 Пономарев Михаил Иванович 264
 Пономарев Сергей Алексеевич 264
 Пономарева-Манджеголадзе Мария Михайловна 264
 Пономаревы 262, 264
 Попов 301
 Попов А. 35, 37
 Попов А. А. 277
 Попов А. С. 355
 Попов Андроник 258
 Попов В. В. 337
 Попов Е. А. 82
 Попов Жданок 256
 Попов Марк Тимофеев 259
 Попов Петр 258
 Попова Анна Михайловна 260
 Попова М. А. 149
 Попович Александр 306
 Поповы 258
 Посников Патрикий 256
 Постник Иоанн 85
 Потапий (Гимен) 99
 Потапов Кондратий 123-124
 Потехина П. Ф. 196
 Поткина И. В. 155, 156
 Предславин 34
 Предтеча Иоанн 82, 94
 Прекрасная Елена 103
 Прелюбович Фома 78
 Премудрая Василиса 103
 Преображенский П. Ф. 26, 27
 Преображенский Стефан 302
 Пржевальский Н. М. 116
 Привалов 139
 Привалов Иван 139, 141
 Примикова-Ростовская (урожд. Сукина) Парасковья 78
 Примиков-Ростовский Даниил Борисович 78
 Прилуцкий А. М. 61
 Пронский Александр Михайлович 244
 Пронский Владимир Дмитриевич 245
 Пронский Е. 245
 Пронский Олександр Михайлович 244
 Пророк Илия 81
 Протагор 24
 Прохоровы 155
 Прошев В. И. 276
 Пругавин А. С. 57, 61
 Пряникова Акулина 38
 Птицын М. К. 336
 Пуаро 177
 Пудков Д. 336, 337
 Пузин 112
 Пусачев 135
 Пудко В. Г. 4, 76, 79, 80, 99
 Лучини Петр Антонов (Гьетро Антонио ?) 167
 Пучковы 299
 Пушина-Благинина Серафима 48
 Пушкарева Н. Л. 126, 132, 174, 175, 176
 Пушкин А. С. 167, 272, 273, 289, 290, 292, 293, 341
 Пушкин С. Л. 166
 Пушкина Т. А. 318
 Пфальцский Фридрих V 254
 Пчелин С. А. 125, 126
 Пызин В. И. 120
 Пылкова А. А. 13
 Пэнэжко О. 344
 Пятко 275
 Пятница Параскева 95, 216, 256
Рабинович А. 176, 179
 Рабинович М. Г. 121, 127, 128, 132
 Равдоникас В. И. 318
 Радонежский Никон 93
 Радонежский Сергей 82, 83, 86, 87, 93, 94
 Радстав 312
 Раев Василий 256
 Разоритель Демьян 39
 Разумова И. А. 217, 223
 Разумовский 358
 Ранг М. М. 270
 Ранович А. Б. 27

- Рапов О. М. 36, 37, 302, 306, 307, 319
Расин Ж. 167
Ратушинская И. 19
Рафаил 84
Рахманинов С. С. 267, 268
Регенбургский Андреас 251, 252, 253
Редега 77
Редлих 146
Резанцев Авксентий 80
Ремер Александр 294
Ремер Николай 294
Ремер Федор Иванович 294, 295
Ренард В. Б. 356
Ретина Л. П. 27, 158, 176
Репьев Булат 326
Репьевы 327
Ресто П. 167
Риккер Карл Леопольдович 339
Римляныня Ксения 81
Риттер Карл 339
Рогачевская Л. С. 189
Рогволод 35
Рогнеда 33, 34, 35
Рогнеда Мстиславовна 247, 248
Родин В. В. 319
Родина М. Е. 318
Родион 279
Родион Ананьин сын Офонасов 276
Родионов Владимир Михайлович 282
Рожанкивский В. Ф. 150
Рождественский С. В. 173
Рожкин Е. Н. 55
Рожков А. Ю. 205, 208
Розанов В. В. 209
Розинг Б. Л. 352, 353, 355, 356
Ролле 147
Роман Мстиславович 248
Роман Ольгович (Рязанский) 243, 244
Романова Н. М. 354, 356
Романова Н. Н. 265
Романовы 10, 81
Ромео 356
Росинский В. 147
Рослякова М. В. 175, 176
Ростислав 247
Ростислав Рюрикович 247, 248
Ростислав Ярославич 247
Ростислава-Феодосия 249, 250
Ростовский Андрей Александрович 78
Ростовский Борис Василькович 242
Рочев Степан 255
Руди Т. Р. 96, 98, 99
Рукавишников Андрей 324
Румянцев 165
Руфицкий Александр 301, 302
Рушневская Варвара Сергеевна 262
Рыбаков Б. А. 42, 319
Рыбаковы 220
Рыдзевская Е. А. 317
Рыков А. И. 180, 181
Рындзюнский П. Г. 132
Рыфтин 354
Рычков П. И. 321, 325
Рюрик 35, 245, 247, 248, 288, 306, 307, 312, 315
Рюрик Ростиславич 247, 248, 249
Рюриковичи 303
Рябинин Е. А. 306
Рябова С. Н. 7, 298
Рябухин И. 57
Рязанский Г. А. 318, 336, 337
Рязанский Константин Романович 243, 244
Рязанский Олег 98, 243, 244, 245
Саблин Всеволод 263
Сабович Леонид 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190
Сабуров 299
Савелий 279
Савельев А. 33, 36
Савин В. 261
Савин В. А. 259
Савин И. Н. 220
Савины 327
Садовской Б. А. 289, 296
Садоф 83
Сазонов С. В. 99, 316, 319
Сазонова Е. И. 6, 99, 132, 217, 284, 356, 357, 359
Салова Ю. Г. 5, 190, 194
Салтыков Николай Иванович 298
Салтыков Федор Данилович 79
Салтыков-Щедрин М. Е. 120
Салтычиха 294
Сальникова А. 13
Самарин Ю. Ф. 11
Самарина У. С. 99
Самойло Филиппов сын Шуматрин (Шумарин) 258
Самойлова Т. Е. 93, 97, 98
Самоквасов Д. Я. 36, 318
Самон 85, 86, 95
Сапожников А. И. 296
Саргаджан А. 292
Саровский Серафим 284
Сахаров А. 13
Свенельд 36
Свентицкая М. Х. 191, 194
Свердлов М. Б. 303, 306
Света 221
Свиньин Павел Петрович 297, 298
Свирелин А. 341
Свицова Ольга Платоновна 272
Свищовы 272
Святополк 35, 303
Святополк Изяславич 246, 247
Святослав 33, 34, 35, 36, 92, 313
Святослав Владимирович 35, 247, 248
Святослав Всеволодович 246
Святослав (Гавриил) Всеволодович 91
Святослав Игоревич 306
Святослав Ольгович 248
Седашев В. Н. 329
Седерманландский Вильгельм 87
Седов В. В. 319
Седов Вл. В. 97
Селезнев Данила 157
Селята 160
Семевский Михаил Иванович 340
Семен 276
Семен Иванов сын Стрелков 360
Семенов Александр Васильевич 265, 268
Семенов Александр Иосифович 266, 267
Семенов Василий Александрович 264, 267
Семенов П. 37
Семенов Федор 360
Семенов Федор Алексеевич 133
Семенова (урожд. Мешкова) Елизавета Сергеевна 264
Семенова Анна Васильевна 265
Семенова Анна Васильевна 268
Семенова Вера Васильевна 265
Семенова Елизавета 124
Семенова Клавдия Александровна 264-265, 266, 267
Семеновы 264, 265, 266
Семиковы 222

- Сенека Луций Аней 23, 24
 Сенька Офонасьев сын 275
 Сеньков Гераклит Максимилианович 262
 Сеньков Иван 263
 Сеньков Максимилиан 263
 Сеньков С. И. 262, 263, 264
 Сенькова Варвара 263
 Сенькова Людмила 263
 Сенькова-Чеккини Лидия Сергеевна 262, 263
 Сеньковы 262, 263
 Серапион 86
 Сервантес М. 167
 Сергеев Давид 299
 Сергеева М. С. 76
 Сергеевич В. И. 35, 36, 37
 Сергей 257
 Сергей Иванович 167
 Сергей Муравей Федоров сын 256
 Сергей Федоров 299
 Сергиев Нифонт 256
 Сергий 83, 97
 Сергий Александрович 27
 Сергий (Спасский) 88
 Серебрянниковы 277
 Сережа 221, 222
 Серпуховской Владимир Андреевич 243
 Сибилев 134
 Сиверга 257
 Сид 167
 Сидор 257, 276
 Сидор Иванович 166
 Сидор Яковлев 278
 Сизов Е. С. 98
 Сикорский И. А. 339
 Симаков В. И. 120
 Симеон 257
 Симеон Бекбулатович 79
 Симеон Петров Архипов 299
 Симон Федорович 88
 Симонов К. 12
 Симонида 31
 Синицына Е. В. 4, 117
 Сифман Р. И. 205
 Скавронский 325
 Скалон С. В. 166, 168
 Скворцова А. 150
 Скипетров Михаил Иванович 264
 Скипетровы 263
 Склонский А. 187, 188
 Славник 33
 Случевский 289
 Сметанин А. Ф. 55
 Смирнов А. В. 287, 341
 Смирнов И. 120, 121
 Смирнов М. Ю. 8, 352
 Смирнов Ю. М. 3, 7, 13, 308, 317, 318, 319, 330, 359
 Смирнов Ю. Н. 7, 319, 325
 Смирнова К. Т. 196
 Смирновы 149
 Смоленский Юрий Святославич 243
 Смолин В. 130
 Соьер Том 17
 Соколов А. К. 155
 Соколов А. П. 272, 274
 Соколов Д. 120
 Соколов Иван Григорьевич 270, 271, 273
 Соколов П. 121
 Соколов П. М. 302
 Соколова Л. В. 96
 Соколова Любовь Михайловна 270, 271
 Соколовский М. 167
 Соколовы 269
 Сократ 20, 21
 Сокуров Илья 361, 362
 Солин 347
 Солина Мария 347
 Соловецкий Зосима 93
 Соловецкий Савватий 93
 Соловьев 291
 Соловьев В. В. 65, 66
 Соловьев Е. Т. 125
 Соловьев С. М. 306
 Солодянкина О. Ю. 175, 176
 Соломон 301
 Соломон 361
 Соминский М. С. 274
 Сомова А. И. 132
 Сорокин П. 209
 Сорокина Елизавета Васильевна 280, 281
 Сороковы 220
 Сорокоумова Е. А. 7, 287, 293
 Сорос 356
 София 93, 97, 98, 249
 Софья 41, 280
 Софья Алексеевна 93
 Софья Андреевна 267
 Соханские 270, 273
 Соханский Николай Иванович 270
 Спасский Ф. Г. 97
 Сперанский Стефан 341
 Спиридонов Вячеслав 284, 286
 Спиридонов Глеб 124
 Спицын А. А. 318
 Стабровский Иоанн 166
 Сталин И. В. 180, 205, 213, 344
 Станислав 306
 Станчев К. 317
 Старк Родни 240
 Сташевский Е. Д. 329
 Стеллецкий Д. С. 95, 98
 Стенька Назаров сын 275
 Степан Алексеев Жеребцов 279
 Степан Кондратьевич Жеребцов 279
 Степан Михайлов Жеребцов 279
 Степанида Кузьмина Архипова 299
 Степанов В. А. 267
 Степанов В. Н. 267
 Степанов Петр 335
 Степанов Тихон 44
 Стерлигов Ермол 38
 Стефан 278, 363
 Стобей 21
 Столетов Александр Григорьевич 269, 271, 272, 273, 274, 355
 Столетов Григорий Михайлович 269, 270
 Столетов Дмитрий Григорьевич 274
 Столетов Иван Григорьевич 272
 Столетов Николай Григорьевич 274
 Столетова Варя 274
 Столетовы 269, 270, 272, 273, 351
 Столяров А. А. 27
 Стратег Маврикий 33, 34
 Стратилат Федор 90, 97, 249
 Стребулаев Ф. М. 298
 Стрелков С. И. 361
 Стрижова Н. 13
 Студит Феодор 30, 32
 Стулов И. И. 334
 Стулов И. П. 337
 Ступишин Сильвестр 78
 Субботин А. П. 120, 121

- Субботина Е. А. 8, 351
 Субботина Т. А. 262
 Субботины 220
 Суворов В. 17, 19
 Суворов В. П. 174, 176
 Суворов Виктор 13
 Судакова О. Н. 132, 133, 137, 138
 Судислав 306
 Судяца 160
 Сулешов Ю. Я. 331
 Сумароков А. П. 167
 Сурожский Антоний 97
 Сурожский Стефан 84, 86
 Сулина О. Н. 6, 269
 Сухановы 280
 Сухарев Сережа 221
 Сухитин Денис 39
 Сухов И. 94
 Сухова О. А. 4, 88, 96, 97, 98, 99, 317, 358, 359
 Суховы 221
 Сухорук 95
 Судкая Аграфена 78, 80
 Сушин Михаил 139
 Суцов И. Н. 289
 Сфангдрь 34
 Сътник П. Е. 222
 Сямгомов П. Ф. 260
Тагунова В. И. 97
 Тагуновы 222
 Тайдула 84
 Таланов В. 219, 220
 Таланова А. Ю. 155
 Талановы 221
 Танеев В. И. 270, 274
 Танеев С. И. 271
 Танков А. А. 61
 Тания 222
 Тараканова С. В. 318
 Тараненко С. П. 4, 142
 Таранцов А. В. 355, 356
 Тараска 256
 Тарасов О. Ю. 133
 Тарновский Е. Н. 56
 Тарноградский И. В. 88
 Тартюф 167
 Таскаев Василий Никонов 257
 Таскаев Владимир Павлович 260
 Таскаев Егор Романович 260
 Таскаев Иван Павлович 260
 Таскаев М. В. 6, 255
 Таскаев Николай Павлович 260
 Таскаев Никон Тимофеев 257
 Таскаев П. Т. 259
 Таскаев Павел Титович 257, 259, 261
 Таскаев Тит Васильевич 257, 258, 259
 Таскаев Устин 255, 257
 Таскаева Анна Михайловна 260
 Таскаевы 257, 259, 260, 261
 Татищев В. Н. 34, 36, 37, 91, 97, 303, 304, 306, 308, 320, 321, 322
 Татьяна 267, 281, 283
 Татьяна Владимировна 292
 Тацит 167
 Ташлыкорова Н. Ю. 3, 20
 Тверской Михаил 84, 250
 Тебеньков М. М. 318
 Тедди 222
 Тельчаров А. Д. 262
 Терентьев П. Н. 155
 Терещенко А. В. 127, 132
 Термен Лев 352, 356
 Тертуллиан Квинт Септимий 25, 26, 27, 30
 Тимирязев К. А. 270, 274
 Тимофеев 355
 Тимофеева Марина 123
 Тимофей 257, 258
 Тимофей Аверьянов сын Таскаев 258
 Тирон Феодор 81
 Тит 257, 258
 Тит Никифоров Елов 275
 Титко Юрьев сын Елов
 Титов А. А. 94, 97, 98, 125, 126, 303, 316, 317, 319, 330, 334, 335, 336, 337
 Титов Яков 44
 Титовы 132
 Тихеева Е. И. 191, 194
 Тихомиров И. А. 117, 118, 120, 121
 Тихомиров М. Н. 164, 306, 307, 318, 319
 Тихонов А. К. 3, 61
 Тихонравов К. 97, 306, 307, 317
 Тмутараканский Мстислав Владимирович 77
 Товий 54
 Тозикова Н. Е. 132
 Токарева Н. А. 293
 Толбин В. 120
 Толочко П. П. 76
 Толстая А. Ф. 98
 Толстой А. В. 172
 Толстой А. К. 289
 Толстой Д. А. 289
 Толстой Л. Н. 86, 292
 Толстой М. В. 89, 96, 97
 Толстые 88
 Томов А. П. 260
 Томов Я. В. 260
 Томский 180
 Травчетов Н. П. 97, 317, 318, 330, 336, 337, 338
 Третьяк Н. 199
 Третьяк-Ушатый Иван Васильевич 79
 Тристан 356
 Трифон 86, 261
 Трифонов Иван 122
 Тришкин Б. В. 6, 237
 Тропин Иван 255
 Трофимова Авдотья 157
 Троцкий 177
 Грубе Л. Л. 294, 296
 Грубецкая Анна Васильевна 79
 Грубецкой Дмитрий Тимофеевич 79
 Тургенев И. С. 273, 289
 Турилов А. А. 309, 317
 Турке 270
 Тутолмин 262
 Тшендовский Матвей Александрович 274
 Тьдман Л. В. 132
 Тюнин Филипп Иванович 40
 Тюрюмов И. 36
 Тюгчев А. И. 290, 292
Уар 82
 Уваров А. С. 169, 356
 Уваров П. Ю. 240, 241
 Уваров Сергей Семенович 169, 170, 172, 173
 Уварова Прасковья Сергеевна 11, 13, 356
 Уваровы 356, 357
 Угрин Моисей 84, 164
 Угрюмов Д. А. 302
 Удалой Мстислав 90, 249, 250
 Улам А. 177
 Улеп 34
 Ульяна 96
 Ульянова Г. Н. 155
 Урвалов В. А. 356

- Урланис Б. Ц. 63, 65
 Уродов 260
 Урусов Василий Алексеевич 321, 322
 Урусов С. 40
 Усанов Евгений Николаевич 264, 265
 Усов Дмитрий 290, 291, 292, 293
 Устин Борисов сын Таскаев 255, 258
 Устинка 256
 Устюжский Прокофий 86
 Ухмылкина Авдотья 131
 Ухмылкина Ф. 131
 Ушатая Киликия 79
 Ушинский К. Д. 56, 60
Ф. С. Б. 120, 121
 Фаберже Карл 147
 Фадей 128
 Файнбург Э. 213
 Фальборг Г. 173
 Фаресов А. И. 60
 Фарнсворд 352
 Фаррелл У. 18
 Фаузер В. В. 6, 223, 231
 Феврония 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 318, 356, 357, 358
 Феност 245
 Федор 81, 98, 104, 160, 249, 250, 275, 276, 309
 Федор I 287
 Федор Алексеевич 81
 Федор Гаврилов 279
 Федор Иванов сын Большой 255
 Федор Иванович 334
 Федор Иоаннович 90
 Федор Романович (Рязанский) 244
 Федор-Дмитрий 245
 Федоров Н. Ф. 209
 Федоров С. Е. 242
 Федорова Г. А. 132
 Федорова К. В. 98
 Федоровские 13
 Федосеева М. В. 98
 Федосья 299
 Федот Исаков 279
 Федотов А. А. 344
 Федотов Г. П. 96
 Федонев С. П. 3, 25
 Федяшевы 218
 Фенотин А. А. 140, 141, 142
 Феодор 88, 89, 90, 91, 92, 97, 249
 Феодор Глебович 242
 Феодор Иоаннович 93
 Феодор Ростиславич 90
 Феодор Феодорович 91
 Феодор Ярославич 250
 Феодоров М. 354
 Феодосий 92, 163, 164
 Феодосия 89, 94, 97, 98, 250
 Феодосия Мстиславовна 250
 Феодосия Перфильева 257
 Феодота 30
 Феофан 32
 Феофания (Арцебушева) 284
 Феофил 90
 Ферво Иоганн 253, 255
 Фердинанд 254
 Ферейн 147
 Фет А. 289, 290
 Фетька Дмитриев Шошин 256
 Филарет 99
 Филаретов А. П. 274
 Филимон 276
 Филимон Яковлев сын Офонасов 276
 Филимонов Г. Д. 98
 Филипп 84, 257
 Филипп Никитин 278
 Филиппов Егор 122
 Филиппов И. 92
 Филиппов 135
 Филицата 84
 Философов 130
 Философовы 167
 Филька 256
 Филька Трифонов сын Муравьев 255
 Филька Яковлев сын Офонасов 276
 Фильштинский Ю. 13
 Финн Гекльберри 17
 Фидатрик Шейла 176, 177, 178, 179
 Флетчер Дж. 331, 337
 Флор 81, 110, 278
 Флоренский Павел 218, 223
 Фома 164, 276
 Фома Поликарпов 278
 Фоминский Александр 139
 Фоминский Кузьма Матвеев 139
 Фонвизин 167
 Фотеева Е. В. 213
 Фребель Ф. 191, 194
 Фрейд Э. 15, 19
 Фридрих 255
 Фрометти 143
 Фроянов И. Я. 303, 306
 Фрячский Марк 86
 Фукс Э. 13
Хабарова А. А. 132
 Хайновский 76
 Хан-Магомедов С. О. 185, 190
 Харалампий 84
 Харузин М. Н. 125
 Харузина Вера Николаевна 175
 Харчев А. Г. 213
 Харчев В. М. 120, 121
 Хвойко В. 75, 76
 Хворостинина Елена 80
 Херасков М. Н. 167
 Хиллс Элен 241
 Хинштейн Лия Владимировна 264
 Хиопья 257
 Хитров А. 120, 121
 Хлебников Н. 36
 Хлопов Нехороший Александрович 78
 Хлопова Марья 78
 Хмельницкий Богдан 149
 Хмельницкий Д. С. 5, 180
 Хойновский И. 75
 Холодова Т. В. 197
 Холщевников Я. 129
 Хольмгейер 312
 Хомяков А. С. 290
 Хомяков М. М. 126
 Хорошев А. С. 88
 Храбрый Мстислав 90
 Христос 26, 28, 29, 84, 86, 89, 93, 94, 348, 361, 363, 364
 Хрущев 205, 344
 Хрущев Денис 39
 Хрущев Иван Луквич 39
 Хрущева Анна 39, 40
 Хрущевы 39, 41
Цавловский М. А. 291, 292
 Цареградский Иоанн 83
 Цветнов Тарасий Борисович 96
 Цветной Богдан 96
 Цепков А. И. 244, 245, 246

- Цеткин Клара 193
 Цявловский М. А. 289
Чаадаевы 327
 Чаадаев Михаил 289
 Чаадаев П. Я. 289, 290, 291
 Чайников И. 120
 Чалых Н. Е. 306
 Чаплин Чарли 355
 Чернолуский В. 173
 Чашников Ю. Г. 356
 Чеботов Елизарий 78
 Чеккини Людмила 262, 263
 Чеккини Роберто 262
 Челищев Алексей Богданович 87, 88
 Челищев Н. А. 88
 Челищева Варвара Ивановна 87
 Челищева Мария Катерина 87
 Челищевы 88
 Челпанов Г. И. 292
 Черешнев Ф. 338
 Черкасовы 137
 Черкасский А. М. 325
 Чермный Всеволод 249
 Черная И. Л. 3, 66
 Черниговский Михаил 91, 287
 Черниловский Э. М. 36, 37
 Черноглазов И. 94
 Черных А. И. 231
 Чернышев А. А. 353, 355
 Чернышев В. Я. 319, 337
 Чернышевский Н. Г. 285
 Чернышов С. В. 5, 6, 214, 231
 Чертковы 327
 Честерфилд Ф. 168
 Четырина Н. А. 132
 Чечихин-Ветринский В. 291
 Чжанибек 245
 Чижикова Л. Н. 121
 Чирков Владимир 328
 Чирковы 327
 Чистиков А. Н. 213
 Чистякова Т. Ю. 213
 Чичибабин Н. Е. 282
 Чуваков В. Н. 287
 Чувашев Афанасий 275
 Чудотворец Николай 81, 86, 363
 Чудотворица Елизавета 84
 Чуковский К. И. 193, 292
 Чулков М. Д. 297, 298
 Чумакова В. Ф. 339, 341
 Чушкин Агафон Ферапонтович 272
Шабаев Ю. П. 65, 66
 Шабькин Николай 269-270
 Шабунин Герасим 39
 Шабунин Иван 39
 Шапарова Н. С. 105
 Шапиро Б. Ю. 18
 Шапошникова Л. В. 15, 19
 Шараповы 58
 Шатилова Павла 360
 Шатилова Парасковья Яковлевна 364
 Шахматов А. А. 312, 318
 Шацкий С. Т. 191
 Шварц Ф. 339
 Шведова М. М. 98
 Шевченко Д. А. 76
 Шейн 326, 329
 Шейн М. Б. 327
 Шейн М. И. 328
 Шекспир У. 167
 Шельмагин И. И. 151, 155
 Шемякин А. Н. 270, 273
 Шемякин Алексей 281
 Шемякин Владимир 280, 281
 Шемякин Сергей 280, 281
 Шемякина О. Д. 175, 176
 Шепелев 298
 Шепелев Д. Д. 297
 Шепелевы 297
 Шереметев Петр 86
 Шереметев С. Д. 86
 Шереметевы 86, 358
 Шестакова (Ильинская) Мария Александровна 293
 Шибачев Федор 245
 Шиллер И. 167
 Шиман Н. Б. 6, 246
 Шкаров П. 120
 Шкаровский М. В. 344
 Шкловский В. Б. 292
 Шлезингер Л. 19
 Шлецер Х. А. 167
 Шмаков П. В. 352, 355, 356
 Шмелев И. С. 358
 Шмелева М. Н. 121, 126
 Шмидт В. И. 135
 Шрекк И. М. 341
 Штоль Г. В. 340
 Штраус 268
 Шувалкины 299
 Шувалов И. И. 168
 Шуйские 329
 Шульгин В. О. 33, 36
 Шульц К. Г. 145
 Шуматрин Самойло 255
 Шумахер А. 62
 Шумкин 207
 Шумкова Серафима Аполлоновна 279
 Шундалов И. Ю. 337, 338
 Шур П. А. 8, 351
 Шустов 149
 Шустова Мария Николаевна 175
 Шустрова И. Ю. 4, 117, 121, 126
 Шушерин П. П. 204
Шеглова Т. В. 220
 Шеголев Михаил 139
 Шенков А. 319
 Шенникова Л. А. 80
 Шепетов В. Ф. 135
 Шербатовы 358
 Шербов Иван Павлович 285, 286
 Шербова (Эконопиц-Грабовская) Вера Васильевна 284, 285, 286, 287
Эверс И. 35, 36, 37
 Эврисфей 255
 Эйнерлинге 318
 Эйсман 144
 Экземлярский А. В. 242, 243, 244, 245, 246
 Эксле О. Г. 240, 241, 242
 Элайна 345
 Энгельгардт Л. Н. 165, 166, 168
 Энгельс Ф. 13, 14, 19
 Эпиктет 23, 24
 Эпов В. К. 274
 Эпов Василий Васильевич 276
 Эпов М. И. 276
 Эпов Михаил Иванович 276
 Эпова Антуанетта Афанасьевна 276
 Эрдман И. Ф. 46, 48
 Эрот 20, 21
 Этельред 35

- Юдин Семен 325**
 Юля 221, 284
 Юматов Илья 327
 Юматов Роман 327
 Юматовы 327
 Юнг 145
 Юпитер 85
 Юрга 90
 Юрий 248, 250
 Юрий Данилович 243
 Юрий Кончакович 249
 Юрка Офонасьев сын Есипов 275
 Юркин В. П. 259
 Юрьев Ф. 256
 Юрьева Ю. Б. 132
 Юрьевна 249
 Юстен Павел 331, 337
 Юстиниан 31
 Юшков С. В. 37, 318
Ябелов Никита 302
 Яблочкин Иван 100
 Языкова Л. П. 270
 Языковы 327
 Яким 257, 258
 Яков 128, 160, 275
 Яков Ананьин сын 276
 Яков Филиппов 278
 Яковкина Н. И. 173
 Яковлев Пронька 256
 Яковлева Василиса 122
 Яковлева Екатерина 123
 Якушкин Е. И. 121, 125, 126
 Якушко Ананьин сын Офонасов 276
 Якушко Юрьев сын Епов 274
 Ямпольский Михаил 240, 241
 Ян 164, 246
 Янжул И. И. 150, 151, 153, 155, 156
 Янин В. Л. 88, 164, 318, 319
 Янка 160
 Янкова Э. А. 213
 Янович Д. Т. 66
 Яновский А. И. 270
 Ярина 160
 Ярополк 33, 35, 36
 Ярополк Святославич 36
 Ярослав 242, 244, 245, 249, 303
 Ярослав Александрович 244, 245
 Ярослав (Афанасий) 249
 Ярослав Владимирович 162, 248, 306
 Ярослав Всеволодович 246, 247, 248, 249, 250
 Ярослав (Константин) 315
 Ярослав Романович 244
 Ярослав Святополчич 248
 Ярослав Святославич 91, 314
 Ярослав Ярославич 246, 250
 Ярослав-Дмитрий 245
 Ярослав-Изяслав 245
 Ярославна 162, 248
 Ярославский Феодор 90
 Ярослав-Феодор 249, 250
 Ястребов Арист 39
 Яхонтов Николай 300
 Яхот И. 213

- Albrecht D. 255**
 Asselin 166
Baron N. 179
 Bautz Friedrich Wilhelm 255
 Bouchard C. B. 241
 Brown P. 32
 Brumberg A. 179
 Brunneri A. 255
Clemens G. B. 242
 Clerq C. 32
Dain A. 33
 Dauvillier J. 32
Ecloga I. 33
 Erickson J. H. 32
Fitzpatrick S. 179
Grabar A. 79
 Grumel V. 32
Hills H. 241, 241
 Hunger H. 32
Idem 179
Kaufman S. 356
 Kotkin S. 179
 Kraus A. 255
Lascaris M. 32
 Leonard Ennen 255
 Letters I. 255
Manfred Eder 255
 Maximilian I. 255
 Muller I. B. 49
 Murray R. 32
Nicholas I. 32
 Nicol D. M. 32, 79
 Noallies P. 33
Pitra J. B. 33
 Potlis M. 32
Redensburg von, Andreas 255
 Rhallis G. A. 32
 Riezler S. R. 255
 Ritzer K. 32
Schmid A. 255
 Scucs S. 49
 Stark R. 241
 Stebbins C. E. 32
Tapie V. 255
 Turmair J. 255
Ulam A. 179
Wedgwood 255
 Wittelsbach 255

Научное издание

Уваровские чтения — VII
Материалы всероссийской научной конференции
«Семья в традиционной культуре и современном мире»

Муром, 29 апреля-1 мая 2008 г.

Под редакцией Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка А. А. Баранов
Обложка К. А. Ляпин

Бумага офсетная. Формат 29,7x21.

Усл. печ. листов 48,13.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ЗАО «ПАРУС».

Россия, Владимирская обл., г. Муром, ул. Коммунистическая, 43.